

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

XLV

С.-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»
С.-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1992

Р е д к о л л е г и я:

*Д. М. Буланин, Л. А. Дмитриев (ответственный редактор),
М. А. Салмина*

Серия основана в 1934 г.

Т $\frac{4603020101-501}{042(02)-92}$ 609-91 (II)

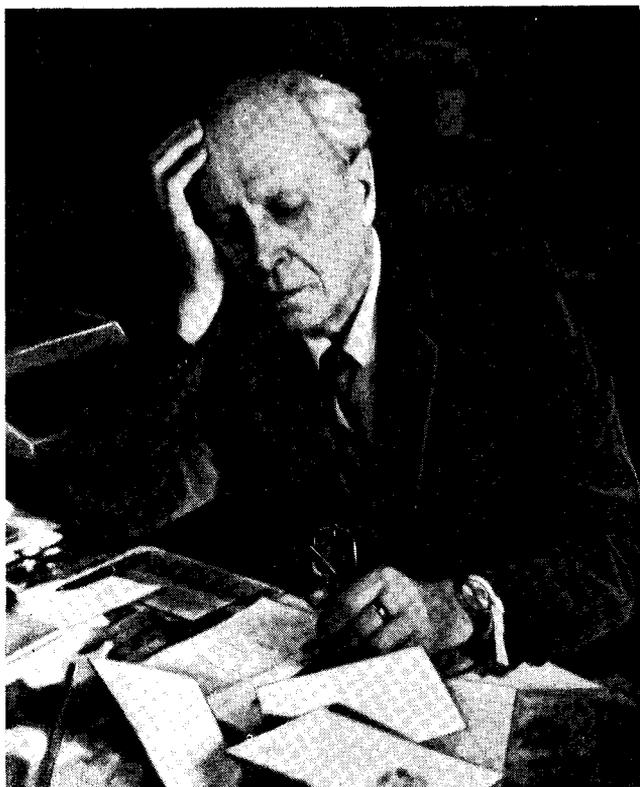
© Коллектив авторов, 1992

85-летию академика
Дмитрия Сергеевича ЛИХАЧЕВА
посвящается

Дорогой Дмитрий Сергеевич!

Этот том выходит в свет в год Вашего 85-летия. Вот уже около 50 лет Вы бессленно возглавляете редколлегия «Трудов Отдела древнерусской литературы», на страницах которых опубликованы многие Ваши исследования, подготовленные Вами древнерусские тексты и биографические очерки о выдающихся филологах и археографах. За истекшие годы Вы сумели привлечь и сплотить вокруг «Трудов» большой коллектив авторов, в том числе и иностранных ученых.

Этот том «Трудов», посвящаемый Вам, открывается материалами о Варваре Павловне Адриановой-Перетц: докладами, прочитанными на конференции к 100-летию со дня ее рождения, проходившей в Пушкинском Доме 12 мая 1988 года. Это случайное совпадение, но оно не случайно по своей сути и смыслу, а очень знаменательно и символично. При Варваре Павловне Вы пришли работать в Отдел древнерусской литературы в 1938 году, из ее рук в 1954 году Вы приняли руководство Отделом и с тех пор возглавляете его. Варвара Павловна Адрианова-Перетц стояла у истоков основания Отдела и приняла бразды правления от академика А. С. Орлова в 1947 году. Вы блестяще продолжили и развили начатое ими дело по возрождению изучения в советское время истории русской литературы первых семи веков ее существования. Под Вашим началом Отдел стал общепризнанным центром изучения Древней Руси, а «Труды Отдела» стали изданием, пользующимся международной известностью. И мы, сотрудники Отдела, участники тома — авторы, члены редколлегии, работники издательства и типографии — горячо поздравляем Вас с юбилеем и от всей души желаем Вам доброго здоровья и успеха в Вашей многотрудной и благородной деятельности!

Академик
Дмитрий Сергеевич Лихачев
Фотография Б. С. Скобельцына.

**МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ
К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ЧЛ.-КОР. АН СССР
ВАРВАРЫ ПАВЛОВНЫ АДРИАНОВОЙ-ПЕРЕТЦ**

Д. С. ЛИХАЧЕВ

Вступительное слово

О Варваре Павловне Адриановой-Перетц можно сказать, что, с одной стороны, она сохраняла традиции академической науки и традиции академического быта в широком смысле этого слова; с другой стороны, она постоянно отступала от этих традиций, отказываясь от научной замкнутости ради работ обобщающих, доступных, популярных, учебных, публицистических и просто интересных. В своей квартире на улице Маяковского, из которой ей нечасто удавалось выходить из-за болезни, она жила очень активной общественной жизнью, интересуясь всеми событиями культуры, читая все журналы, обсуждая с многочисленными друзьями новинки литературы. Некоторые из этих друзей жили тут же в доме: Д. М. Молдавский, В. С. Бахтин и другие. Но ее квартира была доступна далеко не для всех. Академическая и просто моральная избранность была для нее типичной.

Я помню, как, поступая в университет в <19>23 г., я захотел заниматься в семинарии по русской филологии у академика Владимира Николаевича Перетца. Список семинаров был вывешен. Но я не сразу узнал, что занятия этого семинария (а говорили тогда именно «семинарий», а не «семинар») ведутся дома у Владимира Николаевича Перетца и чтобы попасть туда, необходимо иметь рекомендацию, которую я, конечно, получить не мог, так как в университете у меня вообще не было знакомых. В те времена семинарии были основной формой университетских занятий. Общие курсы не только никого не интересовали, но и не читались, если только эти общие курсы не велись учеными, обладавшими крупной индивидуальностью в науке, которые могли развить как-то свою концепцию. Я помню, как, не попав к Владимиру Николаевичу Перетцу, не найдя его просто нигде (никаких справок о том, где этот семинарий ведется, в какой аудитории, на дому ли, я не нашел), я зашел к Горчинскому, потому что Горчинский преподавал нам древнерусскую литературу. Я сразу понял, что он мог бы вообще преподавать любой другой предмет, не отступая от учебника, как говорят, если бы учебники вообще были в те времена. Учебников не было.

Семинарии и просеминарии, которые меня удовлетворяли, были: А. Н. Введенского — по логике и введению в философию; С. К. Боянуса — по английской фонетике; В. М. Жирмунского — по английской лирике первой трети XIX в.; его же семинарий по Диккенсу, который он вел в Герценовском институте; Л. В. Щербы — по медленному чтению Пушкина; В. Л. Комаровича — по Достоевскому (этот семинарий велся чуть не два раза в неделю); В. Е. Евгеньева-Максимова — по Некрасову и по русской журналистике XIX в. У В. Е. Евгеньева-Максимова это были первые занятия, которые он вел в университете, и надо сказать, что сразу очень удачно, потому что он всех своих студентов заставлял работать в рукописных отделениях и в отделениях газет и журналов. Он приучал заниматься в архивах с самого начала — то, что сейчас очень редко

делается. У Дмитрия Ивановича Абрамовича я занимался историографией древнерусской литературы и древнерусской повестью.

Я ходил также на занятия к Александру Александровичу Смирнову, который вовсе не был таким ретроградом и академически замкнутым ученым, как его изображает О. М. Фрейденберг в своей переписке с Б. Л. Пастернаком (сейчас эта переписка широко читается и цитируется). А. А. Смирнов был человеком, живущим современной для него литературной жизнью, очень живым, постоянно участвовавшим в различных диспутах, принимавшим участие в работе «Всемирной литературы» у А. М. Горького. К Н. Н. Томасову я ходил на занятия по греческому языку, к Владимиру Карловичу Мюллеру — на занятия по Шекспиру и на дом к мисс Стайн — на занятия по английскому языку.

Хочу еще упомянуть, какое большое значение имели для меня кружки, общества и ассоциации как в самом университете, так и вне стен его. Это Вольфила, Хельфернак, собиравшиеся на одной из квартир; кружок А. А. Мейера и т. д. В том же университете у доктора Поля собирався кружок по философии, где еще до 1923 г. я видел Н. О. Лосского. Всюду были яркие индивидуальности руководителей, ну и яркие индивидуальности постоянных посетителей этих кружков и семинаров, причем очень типично, что на заседания семинариев в университете приходили маститые ученые. Так, например, на занятия у Л. В. Щербы иногда заглядывал и сидел Виктор Владимирович Виноградов, правда, он тогда не был маститым. Это был молодой, очень модно одетый человек, который подсаживался к Л. В. Щербе (Л. В. Щерба был старше его возрастом), и они вместе начинали перед нами спорить по поводу толкования того или иного места в «Медном всаднике». Это была импровизация, это не была заранее обдуманная педагогическая акция. Такие же споры шли с Гизетти, Л. В. Пумпянским, С. А. Аскольдовым. Огромный интерес вызывали диспуты между формалистами и традиционалистами. Здесь были блестящие спорщики: прежде всего это Борис Викторович Томашевский и Б. М. Эйхенбаум, В. М. Жирмунский, а также Л. В. Пумпянский. Иметь свои собственные взгляды по тому или иному кругу вопросов — философских, методологических в области литературоведения — считалось почти обязательным для каждого студента. Если только этот студент обладал хоть малейшей долей самоуважения и гордости, он должен был примыкать к каким-то взглядам или высказывать свои взгляды, или сочинять какую-то свою философию. Помню, что в университетском коридоре, где на расставленных у окон во всю его мощную длину скамьях сидели студенты и спорили, я спросил, едва познакомившись, у своего соседа: «Какое ваше мировоззрение?». Это вопрос был типичный для того времени. Прямо: «Какое ваше мировоззрение?». И этот студент, покосившись на меня одним глазом, чтобы увидеть произведенное впечатление, ответил: «Proctum fantas mistic». Я это запомнил очень хорошо. Подошел ко мне в университетском коридоре однажды Виктор Борисович Шкловский и спросил: «Сколько вам лет?» (у меня был вид очень молодой). Я ответил: «Шестнадцать». Он сказал: «Пора начать хулиганить». Потому что Виктор Борисович шло в тот период был очень хулиганистый литературовед. Ведь сама школа формалистов вышла из озорства: это не была серьезная академическая школа, это было озорство. Виктор Эрлих изображает ее как какую-то своеобразную академическую школу, а она скорее всего была эпатировавшей, главным образом присутствующих на диспутах. А ведь это было уже время, когда отъехал с Васильевского острова «профессорский пароход» на Штеттин, уже не было башни Вячеслава Иванова над Таврическим садом и уже был закрыт «Привал комедиантов».

Как на этом фоне воспринимался семинарий русской филологии Владимира Николаевича Перетца? Очень многим он казался провинциальным, киевским. Весь раздутый от идей Петроград (он действительно тогда был раздут идеями) сам был сугубо дилетантским, с точки зрения семинара

Владимира Николаевича. Своей чужеродностью отчасти и объяснялась некоторая замкнутость и недоступность семинария Владимира Николаевича Перетца. Во всяком случае замкнутость в пределах университета перетцевского семинария не была изначальной, киевской. В Киеве, где семинарий зародился, это было веселое и уютное сообщество молодежи и маститого ученого, о чем свидетельствуют замечательные воспоминания А. А. Назаревского в «Трудах Отдела древнерусской литературы» (т. 29). Жизнь семинария характеризовалась совместными посещениями театров, концертов, катаниями на лодках по Днепру, совместными поездками для описаний рукописей, которые были не только деловыми, выливающимися в очень важные и интересные научные книги, но являлись вместе с тем и большим развлечением. Однако личная жизнь каждого молодого участника семинария строго регламентировалась руководителем, это продолжалось и в Петрограде. Иными словами, если бы я поступил в семинарий В. Н. Перетца и прижился там, это означало бы, что все мои посещения других семинариев были бы под контролем Владимира Николаевича Перетца, который бы мне говорил, кого следует посещать, кого не следует, на что тратить время, на что его не тратить, поскольку культ бережливости времени был поставлен в семинарии В. Н. Перетца очень серьезно. И браки участникам семинария В. Н. Перетца до определенного срока прохождения обучения строго запрещались. С. Д. Балухатый женился тайком, «сбежав» в Тверь; Александру Исааковичу Никифорову подыскал невесту в Клину В. Л. Комарович. И в семинарии Владимира Николаевича на улице Маяковского, действительно, было что-то от средневековых монастырей. А Варвара Павловна строго блюла заветы В. Н. Перетца в его отношении к науке и к ученикам.

С арестом Владимира Николаевича, его высылкой в Саратов главой перетцевской науки стала Варвара Павловна. Но вот что важно. При всем ее благовоительном отношении к Владимиру Николаевичу как ученому она ввела и свои петроградско-ленинградские особенности в жизнь возглавляемого ею сообщества молодых ученых. Вынужденная из-за болезни вести затворнический образ жизни, она понимала, что наука нужна теперь всем, и настойчиво доказывала необходимость изданий по древнерусской литературе для широкого читателя, отнюдь не снижая к ним научных требований. Вела она и семинарий в Зубовском институте (уже непосредственно в самом институте проводя занятия со своими учениками), организовывала, хотя и не могла ездить сама, комплексные экспедиции, которые тогда были в моде. Все это уже было отступлением от заветов Владимира Николаевича. Характер «Литературных памятников» — серии, организованной Варварой Павловной и открывшейся «Хождением за три моря Афанасия Никитина», в значительной степени объясняется новым ее подходом в вопросе пропаганды науки. Появление неофициальной серии монографических изданий-исследований памятников древнерусской литературы также было отступлением от школы Владимира Николаевича Перетца, но отступлением своеобразным. Сохранился строгий академический характер изданий при их широкой доступности. Вот последнего Владимир Николаевич не любил. Исходя из положений В. Н. Перетца, Варвара Павловна далеко от него отошла. Достаточно остановиться на одном примере. Во второй половине XIX в. существовало (в частности, в школе Александра Николаевича Веселовского) убеждение, что для истории литературы важны не вершины, не исключительные, не единичные явления, а явления массовые, средние по своим литературным достоинствам; что не дело науки оценивать произведения. Принцип этот Владимир Николаевич ввел в разряд основополагающих для своей науки. В своих семинарских занятиях с новичками он начинал именно с разъяснения этого положения, в котором видел научность своего метода и его драматизм. Это своеобразное «шестидесятничество» (недостаточно сейчас вскрытое) было и у А. Н. Веселовского, и у В. Н. Перетца. Для науки,

с этой точки зрения, важнее бесталанные, обычные произведения, а не талантливые, гениальные, как бы нарушающие общую линию развития литературы. Василий Леонидович Комарович вспоминал, что когда он пришел в семинарий к В. Н. Перетцу, то Владимир Николаевич сказал: «Ну что же, вы пришли Пушкиным заниматься? Нет, голубчик, посидите на произведениях более обычных, более распространенных». Варвара Павловна не отошла от этого принципа в полной мере, но она его преобразовала, так что произведения массовые оказывались произведениями народными, а бесталанные — значительными и талантливыми. Достаточно напомнить об открытии ею демократической сатиры XVII в. во всех ее разновидностях. Она исходя из принципов и интересов В. Н. Перетца все же открыла чрезвычайно интересную литературу. Что касается метода, то и здесь Варвара Павловна значительно расширила методологические и методические подходы Владимира Николаевича. Она стала подходить к литературе как к одному из явлений истории культуры. Это было бы немислимо для Владимира Николаевича. Во второй половине 1930-х гг. Варвара Павловна стала группировать вокруг Сектора историков, искусствоведов, археологов, даже богословов. Сохранив в школе Перетца строгость научного подхода, ее академизм, Варвара Павловна произвела в ней своего рода революционный переворот, смело взявшись за большие темы, отвергавшиеся Владимиром Николаевичем как ненаучные, верхоглядские, дилетантские, в частности, приступив к написанию самой обширной из существовавших ранее десятитомной «Истории русской литературы», издававшейся нашим институтом. В этой связи пришлось задуматься над такими вопросами, самое существование которых было немислимо для перетцевского подхода. Так появились вопросы отбора наиболее значительных произведений (Владимир Николаевич считал, что оценивать — не дело науки); затем — вопросы периодизации, которые Владимиру Николаевичу были совершенно чужды. Варвара Павловна с успехом преодолела это отчуждение, создав периодизацию, которой до сих пор в общем пользуемся и мы. Периодизацию эту ей пришлось сделать просто заново, вне школы Перетца, и сделала она ее очень удачно. Сейчас нет необходимости говорить о значительности для науки отдельных работ-монографий, изданий памятников, предпринятых В. П. Адриановой-Перетц. Об этом хорошо и много писалось. Важно подчеркнуть, что Варвара Павловна реформировала школу Перетца. Без своей ученицы Перетц остался бы в истории нашей науки главным образом как педагог и автор многих работ по немногим и, казалось бы, незначительным темам. Конечно, с ним была бы связана история театра конца XVII—XVIII вв., но все-таки.

Ученица превзошла своего учителя. И если Варвара Павловна писала о Владимире Николаевиче как об Учителе с большой буквы, то сама она была Ученицей тоже с большой буквы. Варвара Павловна была последовательницей и вместе с тем реформатором школы В. Н. Перетца, и в свою очередь она тоже стала большим Учителем.

Возвращаясь к вопросу о том, была ли школа Перетца провинциальной, — вопросу, который волновал ученых университета в начале двадцатых годов, мы можем теперь смело утверждать, что В. Н. Перетц и сейчас стоит «на челе» нашей науки, и хотелось бы только пожелать, чтобы перетцевская дисциплина, дисциплина научного творчества, всегда поддерживалась в нашем Отделе и чтобы всегда сохранялись в нем те научные и общественные традиции, которые связаны с именем Варвары Павловны Адриановой-Перетц.

О. Н. АДРИАНОВА, Л. Н. АДРИАНОВА

Воспоминания о Варваре Павловне Адриановой-Перетц

Уважаемые друзья и коллеги Варвары Павловны! Разрешите выразить вам нашу глубокую признательность за организацию этого научного заседания в память о Варваре Павловне и предложение выступить на нем с воспоминаниями.

Для нас с сестрой Варвара Павловна была не только любимой и любящей родственницей. В тяжелый период нашей жизни, когда мы остались одни, она помогла нам встать на ноги, морально поддерживала нас и приняла на себя все заботы о детях своего брата.

В послевоенные годы приезды Варвары Павловны в Москву всякий раз были для нас большими праздниками. В квартире на Чистых Прудах, где мы жили, собирались ее друзья — В. Д. Кузьмина, Н. К. Гудзий и многие другие, фамилии которых мы, к сожалению, не запомнили. Приходил и юный С. О. Шмидт — он советовался с Варварой Павловной по поводу выбора специальности. Эти люди наряду с обсуждением серьезных вопросов по своей работе много шутили, рассказывали интересные истории, вспоминали молодость. Надо сказать, что Варвара Павловна обладала добрым, но метким юмором и в своей основе была насмешливым человеком. Из этих встреч мы с сестрой вынесли много полезного и поучительного.

До конца жизни Варвара Павловна была для нас и наших близких старшим другом, к которому мы несли наши радости и печали. Благодарные воспоминания об этом всегда останутся с нами.

Однако на этом юбилейном заседании нам хочется вспомнить о другом: о Варваре Павловне рядом с Владимиром Николаевичем Перетцем, ее мужем, учителем и единомышленником. Оба они посвятили себя науке и ради науки многим жертвовали в жизни.

С самого начала работы Варвары Павловны в семинарии Владимир Николаевич увидел в ней будущего незаурядного ученого. У нас сохранились труды Владимира Николаевича, которые он дарил юной ученице со следующими надписями: «Моей лучшей надежде», «Дорогому другу и ученице в надежде увидеть со временем успехи, во много раз превышающие учителя», «Лучшему другу — с просьбой со временем, в будущем, усовершенствовать, продумав это слабое творение, и из разрозненных отрывков создать стройное целое».

Однако это была не снисходительность учителя к своей ученице. Наоборот, как рассказывала нам Варвара Павловна, из всех участников семинария именно к ней предъявлялись самые жесткие требования. Вообще Варвара Павловна не раз говорила, что жизнь всегда ставила перед ней трудные задачи.

В детстве ее отец, который был директором гимназии, требовал, чтобы его дети учились лучше всех. Варвара Павловна и ее два старших брата закончили гимназию с высшими оценками. Наш отец утверждал, что у Варвары Павловны были большие способности к точным наукам. В этом

он убедился, когда готовил ее к сдаче экзаменов по физике и математике за курс мужской гимназии, что было необходимо для сдачи экстерном экзаменов за курс университета. Это обстоятельство нашло свое отражение в ее работе. Говорят, что Варвара Павловна отличалась четкостью мышления и ясностью изложения.

После окончания гимназии Варвара Павловна уехала в Киев и вопреки воле отца поступила на Высшие женские курсы. На жизнь она зарабатывала, преподавая в гимназии. И в личной жизни она решала все самостоятельно, не считаясь с условностями.

Мы с сестрой впервые встретились с Варварой Павловной в 1924 г., когда она вместе с Владимиром Николаевичем приехала на летние каникулы к нам в подмосковный поселок «Электропередача», где отец работал директором электростанции. Владимир Николаевич только что перенес тяжелую болезнь, и мы были свидетелями того, как тетя самоотверженно выхаживала его, никого к нему не подпуская и никому его не поручая.

Режим, назначенный врачами, она выдерживала с необыкновенной пунктуальностью. Нам вспоминается, как тетя заставляла его совершать пешие прогулки. Он в какой-то мере сопротивлялся и старался увильнуть, но она была тверда и сама ходила с ним, отмечая шишками количество сделанных по саду кругов. К концу лета ей удалось восстановить его здоровье.

Летом 1925 г. они вновь были у нас. Тогда Владимир Николаевич был относительно здоров и все время до обеда они работали, а вечером гуляли. Но это тоже была работа, так как во время прогулки обсуждалось сделанное утром.

В конце 20-х и начале 30-х гг. мы с родителями несколько раз бывали у Перетцев в Ленинграде на Надеждинской улице (ныне ул. Маяковского). Квартира была огромная и почти пустая. Только множество книг. Сбирать их начал еще в молодости Владимир Николаевич, а затем они продолжили пополнение библиотеки вместе с Варварой Павловной.

* Судьба этой библиотеки такова: наиболее ценную для специалистов часть книг Варвара Павловна еще при жизни передала в Сектор (ныне Отдел) древнерусской литературы Пушкинского Дома (имеется благодарность Сектора за полученный дар). После смерти Варвары Павловны часть книг из ее библиотеки также была передана в Сектор древнерусской литературы Пушкинского Дома, а часть была приобретена Отделом рукописей и старопечатных книг Новосибирской Государственной публичной научно-технической библиотеки СО АН СССР. У Варвары Павловны сохранилась небольшая коллекция медного литья, которую собирал в молодости Владимир Николаевич. Эти вещи приобрели у нас художественный музей г. Архангельска и музей в Соловках.

Владимир Николаевич был человеком слабого здоровья, и вся тяжесть ухода за больным мужем лежала на Варваре Павловне, которая в это же время продолжала работать. Как говорила она сама, такое напряжение подорвало ее здоровье, и она слегла на два года. Однако все это время Варвара Павловна оставалась главой дома и вела посильную для нее работу.

В апреле 1934 г. на них обрушилась страшная беда. Владимир Николаевич был арестован и в июне того же года выслан в Саратов. Эта драма полностью прошла через наш дом, потому что следствие велось в Москве. Варвара Павловна непрерывно приезжала в Москву с передачами для Владимира Николаевича, со всякого рода ходатайствами и документами. Из нашего дома Владимир Николаевич уехал в Саратов, и через наш дом всегда проезжала Варвара Павловна, направляясь в Саратов.

У нас хранится копия рапорта Владимира Николаевича от июля 1934 г. на имя неперемennого секретаря АН СССР академика В. И. Волгина. В этом рапорте он излагал предъявленное ему обвинение, ход следствия и доказывал абсурдность и чудовищность этого обвинения, с кото-

рым он категорически не согласился. Как он писал, за «согласие» ему обещалась свобода и возможность вернуться в Ленинград. Но он этого «согласия» не дал.

По ходатайству АН СССР Владимиру Николаевичу был обещан пересмотр дела, но после событий 1 декабря 1934 г. все было приостановлено. В декабре 1934 г. Владимир Николаевич был исключен из действительных членов АН СССР и АН УССР. У нас сохранились копии обращений Владимира Николаевича к Сталину, Калинин и Вышинскому, которые остались без ответа. Эти письма написаны с чувством большого достоинства и заботы истинного ученого не о своей личной судьбе, а о судьбе науки.

С момента переезда Владимира Николаевича в Саратов Варвара Павловна фактически жила на колесах. Любое свободное от работы время она проводила с ним. Тяжело больной и беспомощный Владимир Николаевич категорически отвергал даже мысль о переезде Варвары Павловны на постоянное жительство в Саратов. Он знал, что от этого пострадает дело.

Понятно, как тяжела морально и физически такая жизнь, но Варвара Павловна приезжала к мужу собранная и энергичная, для того чтобы поддержать его и вселить надежду. Вспоминается случай, когда она попала в железнодорожную катастрофу, — произошло крушение поезда между Ленинградом и Москвой на пути в Саратов. Мы считали, что она погибла, так как ни на одном поезде с ранеными ее не было. Приехала она с последним поездом вся в ушибах и царапинах, совершенно измученная. Однако в тот же вечер вновь уехала в Саратов. Там ее ждали, и там она была нужна!

Скончался Владимир Николаевич 24 сентября 1935 г. в полном одиночестве от «грудной жабы». Тетя приехать не успела. Хоронили его она и ее ученица и добрый друг Н. П. Колпакова (кстати, она же была около тети в последние часы ее жизни). Похоронен Владимир Николаевич на старом городском кладбище в Саратове. На его могиле скромный, но достойный памятник, за которым до сих пор имеется уход. Судьбе угодно было распорядиться так, что на этом же кладбище оказался позднее прах академика Н. И. Вавилова (место захоронения пока не установлено, при входе на кладбище АН СССР ему сейчас поставлен памятник).

Уход Владимира Николаевича был тяжелым ударом для Варвары Павловны, но, как она писала нам, приводя слова Владимира Николаевича, «чувство долга перед наукой выше личных эмоций», и поэтому надо вытереть слезы и сесть за работу.

После реабилитации Владимира Николаевича в 1957 г. и восстановления его в действительных членах обеих Академий целью жизни Варвары Павловны стала забота об издании его трудов. Когда была завершена эта работа, Варвара Павловна писала Н. К. Гудзию и нам, что теперь она спокойна, — она выполнила свой долг перед своим Учителем и перед наукой.

В заключение нам хочется рассказать о следующем: незадолго до смерти Варвара Павловна уничтожила свои архивные материалы личного характера, оставив нам только письмо Владимира Николаевича, написанное из Саратова в день 25-летия их совместной жизни. В этом по сути прощальном письме он вспоминает весь пройденный вместе путь, на котором Варвара Павловна была, как он пишет, его ангелом-хранителем. Она сохранила также документы и письма, так или иначе связанные с делом Владимира Николаевича в 1934 г.

Мы с сестрой считаем, что Варвара Павловна оставила эти документы не случайно. Она, по-видимому, надеялась, что наступит час, когда их можно будет передать в какой-либо официальный архив как свидетельство своего времени, рассказывающее о поведении ученого в критической для него ситуации. С просьбой об осуществлении этого намерения мы обращаемся в Отдел древнерусской литературы Пушкинского Дома.

сий. Стали согласовываться научные планы, появились первые совместные публикации, на объединенных заседаниях обсуждались общие проблемы.

Не обошлось и без темных провалов в этом поступательном движении: грозная «чистка» академических кадров в 1929 г. вырвала из работы академика В. Н. Перетца, нанесла урон Рукописному отделу БАН (были арестованы Ф. И. Покровский и еще несколько сотрудников отдела, а часть рукописей передана в другие учреждения).

Наконец в 1932 г. был окончательно организован Отдел древнерусской литературы в Институте литературы АН СССР. Приехал в Ленинград академик Александр Сергеевич Орлов. Ему, коренному москвичу, был

В. П. Адрианова-Перетц и Д. С. Лихачев. 1967 г.

незнаком круг ленинградских ученых. Для того чтобы стать руководителем Отдела, ему понадобилась активная помощь Варвары Павловны. Она обычно брала на себя всякого рода организационные дела: составление планов и отчетность по ним, издательские дела, учебные программы для аспирантов, подготовку конференций, сессий, докладов.

Разделила Варвара Павловна с А. С. Орловым и научное руководство младшими, начинающими или еще не нашедшими свою тему сотрудниками Отдела, его аспирантами и соискателями научных степеней. Таким образом, профессор В. П. Адрианова-Перетц обрела для себя второй круг своей педагогической деятельности.

Варваре Павловне было чуждо императивное менторство, и ее консультации имели скорее характер ненавязчивого, дружеского сотрудничества. Знакомясь с начатою работой, она не подавляла автора своей эрудицией, но привыкшая сама логически мыслить подсказывала нам дальнейший ход исследования, мобилизовывала на выявление закономерностей литературного процесса и на поиск обусловленности изменения литературных вкусов в той или иной общественной среде. Советуя критически использовать результаты всех предыдущих исследований, Варвара Павловна часто сама находила недостающую справку, пропущенную статью — особенно в тех случаях, когда для этого надо было разыскивать редкое издание, а оно имелось на ее книжной полке.

В. Ф. ПОКРОВСКАЯ

К столетию В. П. Адриановой-Перетц

Мои первые встречи с Варварой Павловной относятся к далекому 1921/1922 учебному году. Но память сохранила до сих пор живое впечатление от появления в аудитории невысокой женщины с аккуратной девичьей прической: ее косы были уложены в кружочки, закрывавшие уши.

Мы, первокурсники Педагогического института, сразу же подпали под обаяние только ей присущей манеры чтения лекций. Варвара Павловна Адрианова обращалась к нам с неизменной улыбкой, ее ровный негромкий голос не утомлял слуха, а содержание очередной лекции с неожиданной для нас легкостью (значительно проще, чем записи у других лекторов) отражалось на страницах наших конспектов.

Не осознана была нами тогда эта четкая логика мысли нашего молодого профессора, неизвестна и скрыта была от нас тщательная подготовка ее к этому курсу, проверка своих рассуждений и обобщений на фактическом материале древнерусской литературы. Все это — тонкость наблюдений, глубина анализа, достоверность и подтвержденность каждого вывода — присутствует в научных трудах В. П. Адриановой-Перетц, которые составляют ее немалый вклад в литературоведческую науку.

А педагогический талант Варвары Павловны радовал и ее учеников, и ее саму. Но недолгим оказалось ее общение со студенческой аудиторией, и тем тяжелее переживала Варвара Павловна необходимость отказаться из-за болезни от преподавания в ВУЗе. Немногочисленным был отряд первых ее учеников-студентов нескольких выпусков Пединститута — и, увы! год от года нас остается все меньше и меньше.

В течение 1925—1928 гг. я видела Варвару Павловну почти ежедневно в Рукописном отделе БАН СССР. Она была занята на разборе и описании материалов отдела, а также трудилась над продолжением «толковой» библиографии древнерусской литературы.¹ Меня же в это время отец мой Ф. И. Покровский и академик Н. К. Никольский обучали «азам» работы над древнерусскими рукописями.

Так уж сложилось, что источниковедческая работа и библиография древнерусской литературы велись в Академии наук по двум параллельным руслам, в двух специальных комиссиях. Толковой библиографией руководил академик В. Н. Перетц, а выявлением и учетом рукописей ведал академик Н. К. Никольский. Это продолжалось вплоть до 1929 г., когда стало ясно, что необходимо объединение отдельных усилий этих двух комиссий. Но на первых порах для них был сохранен их прежний статус, и в этот период «двоевластия» позиция Варвары Павловны была непростой и нелегкой. Всеми силами она сглаживала возникавшие подчас несогласия между двумя академиками, из которых каждый ревниво оберегал от влияния другого и своих сотрудников, и свои картотеки.

Чрезвычайно тактично держалась все это время Варвара Павловна, заботясь о сохранении кадров и своим примером показывая образец самодисциплины, терпимости и трудолюбия. Не вдруг, а постепенно, шаг за шагом складывалось содружество между сотрудниками прежних комис-

¹ Толковая картотека В. Н. Перетца ныне хранится в ОДРЛ ИРЛИ.

Не было со стороны Варвары Павловны и поторапливания, нажима на сроки завершения работы, а давалась возможность неспешного обдумывания и неторопливого пересмотра неубедительных предположений.

Обязательная доброжелательность стала неписанным законом и при обсуждении на научных «средах» Отдела древнерусской литературы диссертационных тезисов, предназначенных к печати статей, докладов широкой и узкой тематики. Это не снижало ни в коей мере принципиальности и остроты научных дискуссий. Достаточно вспомнить хотя бы пламенные выступления Павла Наумовича Беркова и Григория Александровича Гуковского, развернутые доказательства Игоря Петровича Еремина или эмоциональные критические замечания самого Александра Сергеевича Орлова.

Важно, что общий «научный климат» Отдела всегда был пронизан духом товарищеской сплоченности.

Несомненно, что это явилось хорошей предпосылкой для организации и выполнения Отделом древнерусской литературы таких крупных коллективных начинаний, как тома академической «Истории русской литературы», охватывающие века с XI по XVII; регулярный выход в свет «Трудов Отдела древнерусской литературы»; подготовка издания текстов в серии «Литературные памятники».

Будучи редактором коллективных трудов Отдела, а также редактируя монографии и статьи того или иного автора (иной раз и без отражения на титульном листе книги), Варвара Павловна заодно выполняла часто и кропотливую правку всех небрежностей стиля, недоработанных ссылок, выверяла точность текстологических сравнений и возвращала работу с массой вставок, напечатанных и вклеенных своею рукою.

Когда и как она находила время — такая хрущкая и болезненная — для выполнения такого объема работы? Сколько раз я ни бывала у Варвары Павловны дома, на улице Маяковского, 15 (а однажды и на даче в Тарусе, летом 1940 г.), всегда я видела на столе у нее очередную стопку машинописных страниц, гранки корректуры, начатое ответное письмо.

Значит, работала она всегда, везде, ежедневно, безотказно и непрерывно. В предвоенные годы, менее чем за одно десятилетие, Отдел древнерусской литературы Пушкинского Дома АН СССР стал признанным центром изучения книжной культуры русского средневековья, и большая заслуга в этом приходится на долю Варвары Павловны Адриановой-Перетц.

Жестокие испытания военного времени пришлось пережить сотрудникам Отдела, и не все они вернулись на свои места в 1945 г. Перешла и я на работу в Рукописный отдел БАН СССР. У «древников» в Пушкинском Доме стала бывать только как «гостья». Встречи с Варварой Павловной стали все реже и короче.

Шли послевоенные десятилетия, «повзрослели» и постарели сотрудники-ветераны Отдела; один за другим уходили они безвозвратно. В 1972 г. не стало и Варвары Павловны. . .

Но по закону обновления жизни подросла и пришла нам на смену молодежь. Отдел древнерусской литературы по-прежнему работает в полную меру своих сил.

Образ человека подобен драгоценной фреске, нарисованной на стене. Безжалостное время может разрушить стену, и тогда фреска обрушится, мелкими осколками ляжет к ее подножию. Среди осколков найдутся и крупные куски с сохранившимися на них яркими красками и с выразительными деталями изображения, будет там и множество мелких, невзрачных осколков.

Попытайтесь все же подобрать все эти обломки, не пренебрегая и малейшими, — пусть они помогут вам восстановить образ Варвары Павловны Адриановой-Перетц в нашей общей памяти.

К. В. ЧИСТОВ

Встречи и переписка с В. П. Адриановой-Перетц

Я не принадлежу к числу тех, кто имеет наибольшее право на воспоминания о Варваре Павловне Адриановой-Перетц. Формально я не был ее учеником, никогда не служил с ней вместе. Но должен сказать, что Варвара Павловна сыграла в моей жизни чрезвычайно большую роль и при этом в очень тяжелые для меня годы.

Я пытался вспомнить, когда состоялось мое первое знакомство с Варварой Павловной. Вспомнить я не мог, потому что это произошло как-то постепенно. Я просто знал, что это Варвара Павловна Адрианова-Перетц, старался читать ее работы, кланялся ей при встрече. Она могла меня и не знать. Потом кто-то (может быть, это была Анастасия Петровна Евгеньева или Наталья Павловна Колпакова, или Марк Константинович Азадовский), вероятно, все-таки в первые послевоенные годы представил меня ей, и с тех пор мы стали здороваться и при встречах разговаривать.

Почти сразу после войны я уехал работать в Петрозаводск и пробыл там довольно долго, поэтому встречи с Варварой Павловной были относительно редкими, но все-таки регулярными; и довольно регулярной была переписка. В первые послевоенные годы я писал кандидатскую работу об Ирине Андреевне Федосовой. Во второй половине 1949 г. я эту работу закончил, привез ее в Ленинград и просил Анну Михайловну Астахову прочитать. С Анной Михайловной мы были знакомы с довоенных лет. Она очень опекала «фольклорную» молодежь (и ту, что начинала подрастать вокруг М. К. Азадовского, и другую — всякого, кто только интересовался фольклором). Когда же я в следующий раз приехал в Ленинград, Анна Михайловна сказала мне, что не только прочитала мою работу и она ей понравилась, но и что прочитала ее также Варвара Павловна Адрианова-Перетц. Я был чрезвычайно удивлен этим и очень польщен, разумеется. Я не знал еще тогда, что Варвара Павловна готовила книгу «Поэтика древнерусской литературы» и специально занималась причитаниями в древнерусской письменности. В те же годы она написала свою статью «Фольклор и древнерусская литература», а впоследствии эта статья оказалась нужна для академического трехтомника «Русское народное поэтическое творчество». Теперь я понимаю, что именно этим объяснялся ее тогдашний интерес к моей работе о Федосовой.

Путь к защите сопряжен был с трудностями: учился я в Ленинградском университете и связан был с довоенных лет с Пушкинским Домом, поэтому естественно, казалось бы, что это были два учреждения, где мог состояться мой кандидатский диспут. Однако декан филологического факультета ЛГУ Г. П. Бердников отказал мне, сказав, что уже два или три года на филфаке ЛГУ нет никаких защит (ВАК провалил какое-то количество работ, и они диссертаций к защите не принимают), — это был конец 1949 г. Когда же я пришел к директору Пушкинского Дома Николаю Федоровичу Бельчикову, тот сказал мне, что Сектор народно-поэтического творчества так занят подготовкой трехтомника, что сотрудникам некогда читать мою работу. Мне оставалось только упомянуть о том,

что Варвара Павловна Адрианова-Перетц и Анна Михайловна Астахова уже знакомы с моей работой. Тогда Н. Ф. Бельчиков сказал, чтобы я пришел через неделю в то же время, и записал это на своем календаре. Как я потом узнал, за 20 минут до назначенного мне времени Николай Федорович ушел из института через черный ход. Я уже почти решил, что придется, наверное, ждать лучших времен. Однако Варвара Павловна и Анна Михайловна взялись устроить мою защиту в Педагогическом институте им. М. Н. Покровского, деканом факультета русского языка и литературы в котором был тогда Теодор Абрамович Шуб. В те годы там работали и Дмитрий Евгеньевич Максимов, и другие ленинградские литературоведы, знавшие меня. Наконец подошел день защиты (это был январь 1951 г.). Оппонировали мне Варвара Павловна и Анна Михайловна. Я был им чрезвычайно признателен, но все-таки не могу не вспомнить, что Варвара Павловна заставила меня пережить во время этой защиты минуты, близкие к отчаянью. Она написала очень одобрительный и вместе с тем, я бы сказал, острый и полный дискусионности отзыв. Он был мне чрезвычайно интересен, и я приготовился, как мог, отвечать. Но Варвара Павловна, прочитав часть отзыва, оторвалась от текста и увлеклась спором. Надо было знать состав тогдашнего ученого совета Пединститута им. М. Н. Покровского, где одновременно заседали представители кафедр и математики, и физики, и физкультуры, и военного дела, и общественных организаций, и т. д. Мне стало казаться, что в аудитории многие не понимают, обличает ли Варвара Павловна меня в невежестве, в каких-то очень крупных промахах, или идет ученый спор. Однако и сама Варвара Павловна тоже, — как она потом рассказывала, — спохватилась и в конце речи разразилась дополнительными комплиментами, которые вполне «уравновесили» впечатление тех, кто не понимал суть спора. А надо сказать, что защищаться тогда было «неуютно». Частенько кто-то выступал и заявлял, что в диссертации, мол, нет таких-то и таких-то цитат из Маркса, Энгельса, Ленина или Сталина или нет еще чего-то, или просто находилась необычная и поэтому неверная будто бы (влияние буржуазной науки) формулировка, и все могло тут же провалиться, или ВАК могла не утвердить защиту. Незадолго перед этим я и получил письмо — одно из первых писем от Варвары Павловны. Она предлагала мне написать главы о причитаниях для второго тома «Русского народного поэтического творчества». Это письмо кончалось так: «Мы очень хотим, чтобы Вы написали об этом вкусно». Я несколько оторопел, потому что в моем лексиконе, оценивающим какие-то исследовательские работы, не было такого слова. Потом я узнал, кстати говоря, что Варвара Павловна могла сказать: «Ну что это за глава? Это подогретая котлета». Может быть, сейчас хозяйкам и не очень понятна суть этого выражения, потому что все подогревают котлеты, извлекая их из холодильников, но когда-то считалось, что вкусны только котлеты со сковородки, с первой сковородки. «Подогретая котлета» означала вялую и безвкусную компиляцию. Я размышлял долго: как мне написать? Действительно, благодарный материал в моих руках, но как написать об этом «вкусно»? Я старался сделать именно так, а затем по поводу этой главы были очень интересные встречи с Варварой Павловной.

В это время появился в Пушкинском Доме (я сейчас не буду называть фамилию) некий человек, присланный на заведование Сектором русского народного поэтического творчества после окончания Академии общественных наук. Об этом сюжете надо рассказать потому, что он весьма характерен для писем, которые я тогда получал от Варвары Павловны. В них всегда были какие-то далеко не простые, поучительные и интересные для меня сентенции, советы, какой-то интересный спор (хотя я чувствовал себя еще очень молодым и недостойным этого спора), и вместе с тем все они были пронизаны неизменной иронией. Сегодня, когда я смотрю на портрет Варвары Павловны, приготовленный к юбилейному заседанию, мне ка-

жется, что он был сделан в какой-то печальный для нее день. Обычно у Варвары Павловны были не только удивительно умные глаза, но и с особой озорной искоркой. Что говорить, печальных дней в ее жизни было немало; вероятно, об этом вспомнят те, кто имеет большее на это право. При мне Варвара Павловна никогда не вспоминала об этом. По своей натуре она была веселым человеком. Таковы и письма Варвары Павловны. Я лишь потом понял это ее «вкусно»: надо «вкусно» заниматься наукой, надо «вкусно» написать — надо уметь мастерски это сделать.

А сюжет был такой: Варвара Павловна в одном из первых писем ко мне пишет (цитирую по памяти): «К нам прислали нового заведующего фольклорным сектором. Хорошо, что это мужчина. Впрочем, — пишет она, — на такой курятник одного петуха мало». Дальше в письмах появляется образ некоего Иванушки и почти всегда так: «Наш-то Иванушка сказал то-то» или «Наш-то Иванушка сделал то-то». Этот «Иванушка» напоминал сказочный персонаж — но не горьковского иронического удачника, а скорее иронического неудачника, который очень часто попадал впросак. Вообще в те достаточно трагические времена всегда бывало и что-то смешное. Например, очень смешны были то невежество и те глупости, которые произносились во время знаменитого Большого совета в ЛГУ (в 1948 г.), где громили так называемых «космополитов». Нелепым и смешным казалось, что директором ИРЛИ был кандидат наук, а его заместителями — член-корреспондент АН СССР Адрианова-Перетц и академик М. П. Алексеев. Это было смешно. . . но, конечно, не только смешно.

И вот этот «Иванушка». . . В одном из писем Варвара Павловна написала: «Вы знаете, мы пришли к выводу, что такие люди полезны. Когда написана книга и ее сдаешь в издательство, никогда не знаешь, что скажет человек, который не имеет отношения к науке, но обязан высказывать свое мнение. А вот наш Иванушка прочитает, и нам легче, потому что мы знаем, что может произойти с этим текстом, когда он попадет в руки глупца». Позже этот «Иванушка» был воспитателем в ПТУ.

Находясь в Петрозаводске, я тоже переживал трудные времена. . . В газете «Культура и жизнь» в одной из статей об А. Н. Веселовском была брошена фраза «попугаи Веселовского»; в местной же печати в подражание столичной появились угрозы: «добить попугаев Веселовского» и «добить их последователей во всех городах, включая Петрозаводск». Тогда была такая традиция: при очередной кампании, как говорил М. Е. Салтыков-Щедрин, искать в каждой луже самое страшное чудовище. Пытались искать «космополитов» и в Петрозаводске, и дела развивались совсем не шутя. Был арестован мой ближайший друг Е. М. Мелетинский, который заведовал кафедрой в Петрозаводском университете. Были еще аресты, и я ожидал каждую минуту, что то же самое может произойти и со мной. Очень горько, что в это время я уничтожил переписку со многими интересными людьми, опасаясь, что могу принести большие неприятности письмами, которые у меня найдут. Такова была логика тех времен.

Я уже готовился уйти из Карельского филиала Академии наук в краеведческий отдел местной Публичной библиотеки библиографом. Даже договорился об этом. Ученый секретарь Карельского филиала покойный В. И. Машезерский, который мне сочувствовал, буквально вынудил начальство устроить специальное собрание. Оно должно было вынести решение, космополит я или нет. На собрание был приглашен, по его же совету, Владимир Яковлевич Пропп. Он, конечно, постарался доказать, что я вовсе не космополит. Я рассказываю все это, чтобы стало понятно, на каком фоне развивалась тогда наука. И вдруг мне приходит письмо от Варвары Павловны, где она предлагает так выполнить работу, чтобы она была написана «вкусно». Завязалась переписка. Она тоже удивительна для тех времен, потому что времена были совсем не эпистолярными. Многие в те годы разучились писать письма. Мои друзья повторяли од-

нажды возникшую формулу: «В пору, когда еще существовало книгопечатание, было то-то». А теперь, мол, не вполне так. Это тоже было как бы смешно, но одновременно и трагично. Однако надо было сохранить нравственное здоровье и непосредственность несмотря ни на что.

В те годы Варвару Павловну весьма интересовали причитания, а я продолжал заниматься ими. Что, казалось бы, мог я сказать ей нового? Однако иногда это удавалось. Например, Варвара Павловна как-то упомянула то место Жития Стефана Пермского, где пермская церковь плачет, как вдова, и плачет, как невеста, а я заметил, что это, пожалуй, первое упоминание русских свадебных причитаний. Варвара Павловна взяла свою книгу, стала листать ее при мне, и мы вместе старались вспомнить, не было ли где-то еще подобного упоминания невесты.

Вне зависимости от темы очередной беседы Варвара Павловна никогда не принимала меня официально, сидя за своим письменным столом, и не сажала меня на стул рядом. У нее в комнате был небольшой диванчик, на который мы и садились. Очень часто беседа начиналась вопросом: «А что же нового в этой Вашей фольклористике?» — говорила Варвара Павловна, хотя она, конечно, следила за тем, что происходило в фольклористике, и нового я ей почти ничего не мог рассказать. Но она спрашивала и слушала меня. Иногда слушала, чтобы потом (когда оказывалось, что мы неодинаково относимся к чему-либо) поспорить о том, что было только что напечатано или только что обсуждалось.

Иногда это было просто: «А печатаются ли сейчас какие-нибудь интересные стихи?» Иногда даже о ком-то из знакомых, женился он или развелся. Это тоже было интересно. Варваре Павловне ничто человеческое было не чуждо. Так, в одно из первых моих посещений ее дома она стала расспрашивать о том, в какой семье я рос, что у меня за семья сейчас, есть ли у меня дети, как я провел войну и т. д. Ей хотелось меня понять.

Я необыкновенно ценил эти встречи особенно потому, что в это время почти потерял своего руководителя и неизменного покровителя М. К. Азодовского, который был мне так близок. Он очень болел, а после неслыханных обвинений на ученом совете 1949 г. был настроен трагически, считал, что его вычеркнули из науки. Время показало, что это совершенно не так, — ни один чиновник, в конце концов, не может никого вычеркнуть из науки. Кстати, один из этих чиновников — один из «героев» 1949 г. — уверял недавно в Москве не вполне знающую ленинградские обстоятельства аудиторию, что он состоял в нежной дружбе с «космополитами» (которых громил), в том числе с Г. А. Гукоским и с В. М. Жирмунским. Это было явной ложью: Нина Александровна Жирмунская рассказывала мне, как Виктор Максимович реагировал на попытку этого чиновника «от науки» поздравить академика в один из его юбилеев: Жирмунский послал ему открытку, на которой было изображено здание Ленинградского университета, чтобы тот вспомнил, что там происходило, и одновременно вернул его поздравительную телеграмму.

Времена были достаточно тяжкие, и какими-то удивительно светлыми эпизодами, солнечными полянками в дремучем лесу тех времен были мои встречи с Варварой Павловной. Я тогда очень нуждался в поддержке. Варвара Павловна, узнав об арестах, которые происходили в Петрозаводске, дала мне бесценный совет: «Дорогой мой, зажгите свечу в пещере. И работайте». И я пытался так и делать. Это меня тогда спасло — не уберегло от всех неприятностей, но просто психологически усилило, даже ожесточило, поэтому я считал Варвару Павловну моей духовной крестной матерью. Кстати, она не только оппонировала мне, но и первой произвела в оппоненты. По ее рекомендации я оппонировал на защите кандидатской диссертации Льва Александровича Дмитриева. Это тоже было своего рода поддержкой: я все еще жил в Петрозаводске, но старался как мог не быть провинциалом. Одним словом, я бесконечно благодарен Варваре Павловне и судьбе за то, что она свела меня с нею.

В. Е. ГУСЕВ

О Варваре Павловне

В истории науки есть имена, о которых вспоминают по прошествии 100 лет со дня рождения (или смерти), вспоминают с большим уважением, но с оттенком некоторого отчуждения, или, лучше сказать, с ощущением временной дистанции. Варвара Павловна принадлежит к тем людям науки, о которых не вспоминают, а помнят независимо от дат. И не только помнят, но и сохраняют чувство сопричастности с их деятельностью, чувство любви как к безупречно благородному человеку. Вспоминают с признательностью за то внимание и поддержку, которые она уделяла своим коллегам и ученикам; за то внимание, которое так помогало многим из здесь присутствующих.

В Польше есть очень хорошее благопожелание: «Sto lat!». Так обращаются к людям пожилым, проща им долгую жизнь. Сегодня, я думаю, мы можем сказать, что Варвара Павловна продолжает жить сто лет; живет прежде всего в нашей памяти, в нашем сознании, в наших раздумьях, в нашем понимании научной этики, в нашем представлении об учительстве в высоком и подлинном смысле этого слова и, разумеется, в наших научных занятиях.

Варвара Павловна проницательно предугадала и обозначила некоторые направления научных исследований в области медиевистики и фольклористики. В частности, одна из таких проблем — это фольклоризм древнерусской литературы. Отрадно, что и на нашей сегодняшней конференции эта тема прозвучала, и доклады свидетельствуют о том, что заветы Варвары Павловны и ее научные открытия продолжают оплодотворять научную мысль новых поколений.

Проблема фольклоризма закономерно вытекала из интересов Варвары Павловны, которые определились уже в молодости. Я хочу и обязан сказать о ее заслугах перед фольклористикой. Видимо, не все присутствующие здесь знают, что Варвара Павловна первое десятилетие после Октябрьской революции стояла во главе первого научного центра фольклористики в нашем городе. Это была секция социологии народного искусства в Зубовском институте, т. е. нынешний научно-исследовательский отдел Института театра, музыки и кинематографии. Здесь Варвара Павловна вместе с Владимиром Николаевичем Перетцем формировала и воспитывала новое поколение исследователей в области медиевистики и фольклористики. У меня есть фотография начала 1920-х г., которая воссоздает облик Варвары Павловны и Владимира Николаевича, какими они тогда были. Варвара Павловна и Владимир Николаевич представляли собою удивительную пару, пару не только супругов, не только друзей, помогающих в жизни друг другу, но единомышленников и сотрудников в науке. Это был один из удивительных примеров научного сотрудничества и взаимопомощи. Варвара Павловна читала в Зубовском институте (т. е. в Институте истории искусств) лекции по фольклору, читала из года в год несколько лет подряд. В рамках Литературного отдела института она вела спецсеминар по фольклору, готовила комплексные экспедиции по

собирацию и исследованию памятников народного искусства. Так продолжалось до 1929 г., вплоть до расформирования этого отдела. У Варвары Павловны там уже появились ученики, последователи, и среди них я хотел бы назвать имя одной из самых близких ее учениц и одного из самых близких ей по духу людей — Наталью Павловну Колпакову, которая потом стала ее настоящим другом. Их многое объединяло, и я думаю, что главными чертами, которые их сближали, были удивительное жизнелюбие и очень острый, наблюдательный взгляд на людей, на жизнь, то острое слово, которым они перекидывались и которое всегда очень метко определяло характер, тип, поведение, поступок любого человека. Я должен сказать, что Варвара Павловна всегда опекала Наталью Павловну в науке; помню, что она (если говорить высоким слогом) завещала мне, хотя я был моложе и мне это было даже смешно: «Виктор Евгеньевич, следите за Натальей Павловной, не дайте ей уйти из науки в литературу». Дело в том, что у Натальи Павловны была прекрасная слабость — она писала стихи, книги для детей, очень талантливые, которые переиздаются сейчас на многих языках мира. Варвара Павловна была человеком более строгим, более целеустремленным; ей казалось, что это отвлекает Наталью Павловну от науки, и она относилась к этому неодобрительно. Но я не исполнил миссию, каюсь. Мне не удалось исполнить завет Варвары Павловны, и Наталья Павловна свободно развивалась и развивается до сих пор в разных направлениях — и как исследователь, и как поэт, а сейчас и как мемуарист, кстати очень интересный.

Мне тоже посчастливилось испытать на себе доброжелательное отношение Варвары Павловны, но это настолько личная сторона моей жизни, что я об этом говорить не буду. Я хочу сказать о том, что представляет всеобщий интерес и имеет общее значение. Мало кто знает, что Варвара Павловна сыграла очень важную роль в возрождении комплексного изучения фольклора в нашем институте, т. е. в Институте театра, музыки и кинематографии (бывшем Зубовском). Я вспоминаю 1969 г., год критический в жизни Пушкинского Дома, когда разрушился Сектор фольклора, имевший славные и добрые традиции, которому Варвара Павловна всегда тоже уделяла самое доброжелательное внимание. Тогда случилось так, что многие из нас вынуждены были уходить из ИРЛИ и каждый выбирал свой путь. Я вспоминаю сейчас, что Варвара Павловна, Н. П. Колпакова и А. М. Астахова обратились ко мне с предложением (или с наказом, как хотите). Поскольку тогда определились мои интересы в области комплексного изучения фольклора и славяноведения, они сказали: «Вам надо идти в Институт театра, музыки и кинематографии и возродить изучение фольклора в этом Институте».

Портрет Варвары Павловны висит в Институте театра, музыки и кинематографии на самом почетном месте в помещении нашего сектора, и мы чтим Варвару Павловну как нашего патрона, как человека, которому обязаны своим существованием и продолжением очень важного, на мой взгляд, направления в нашей науке.

Каким человеком была Варвара Павловна? Она отнюдь не была человеком аскетическим, как это могло бы показаться. Действительно, ей ничто человеческое не было чуждо. Она была человеком нелегким в том смысле, что называла вещи своими именами, — и не только за глаза, но и в глаза: могла сказать и очень неприятные вещи. Однако умела она это всегда сделать изящно, остроумно, но так, что это разило наповал. Варвара Павловна не случайно написала книгу о сатире в древнерусской литературе: она была живым воплощением сатирического отношения к жизни и к людям. И вот такая Варвара Павловна всегда в моей памяти.

М. В. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ, Е. П. НИКОЛАЕВА

Об архивном наследии В. П. Адриановой-Перетц

При изучении архива чл.-кор. АН СССР Варвары Павловны Адриановой-Перетц, поступившего в Рукописный отдел (РО) Пушкинского Дома в 1972 г., почти сразу после ее смерти, обращает на себя внимание одна его особенность: в нем нет случайных материалов. Варвара Павловна не отбирала специально для сохранения свои рукописи, но тем не менее она оставила нам свое научное наследие удивительно цельным. Масштаб ее личности определил и уровень, и разнообразие хранящихся в ее фонде материалов. Хронологически они охватывают период с конца 1910-х по 1972 гг., т. е. с самого начала и до конца ее научно-педагогической деятельности. Однако ранних материалов в этом фонде немного.

Цельность архива Варвары Павловны заключается прежде всего в том, что по нему можно с предельной отчетливостью проследить весь научный (а для Варвары Павловны это значит и жизненный) путь ученого. Выбрав его однажды, она не мыслила себя вне его, и ее верность единственному выбору определяет характер оставшегося после нее рукописного наследия.

Это — черновики многих ее статей и книг, выписки и заметки библиографического характера, большое количество справочных материалов, таких, например, как к разделу о библейских афоризмах и русских половицах, написанному для 1-го тома академической «Истории русской литературы» (1941), подготовительные материалы для библиографии древнерусской повести (1940), для книги «Очерки поэтического стиля Древней Руси» (1947), заметки о «Слове о полку Игореве», о «Задонщине», большое количество материалов о русской демократической литературе XVII в., староукраинской литературе и т. д. Это планы, развернутые аннотированные проспекты изданий, осуществленных Отделом (Сектором) древнерусской литературы Пушкинского Дома, где Варвара Павловна в течение сорока лет вела основную научную и почти всю организационную работу; рецензии и отзывы на работы коллег и учеников; выступления на заседаниях Отдела и ученых советах Института русской литературы. Это многочисленные списки древнерусских литературных памятников, сделанные Варварой Павловной начиная со времен ее занятий как члена семинария В. Н. Перетца в древлехранилищах Житомира, Самары, Киева, Твери, Петрограда, Москвы. Например, «Хождение игумена Даниила» (по рукописи XV в. из собр. Веневитинова), «История литовских мучеников» (по рукописи Служебной Минеи нач. XVI в. из собр. Калужняцкого), «Азбука о голом и небогатом человеке» (по рукописи из собр. Щукина), «Сказание Афродитиана» (по рукописям из Синодального собр., № 324 и Мелецкого монастыря, XVI в.), украинская обработка «Жития Феодосия Печерского», Стих об Адаме в нескольких списках XV—XVIII вв. и много других текстов.

Особый раздел архива В. П. Адриановой-Перетц занимает переписка, которую следует рассматривать как органичную часть ее научной работы, — здесь нет «пустых» писем. Эпистолярная культура Варвары Павловны необычайно высока, и это знает каждый, кому доводилось быть ее адресатом.

Корреспондентами Варвары Павловны были М. П. Алексеев, А. М. Астахова, С. Д. Балухатый, Г. А. Бялый, П. Н. Берков, Н. Н. Воронин, Н. К. и А. К. Гудзий, О. А. Державина, Н. П. Колпакова, Д. С. Лихачев, В. И. Малышев и многие другие советские ученые, а из зарубежных коллег — Гюнтер Курт, Велчо Велчев, Иосиф Бадалич, Светлана Матхаузерова, Константин Мечев, Вера Николаевна Бунина и др. Важно отметить, что эта переписка, как правило, двусторонняя, правда, не всегда она сохранилась в равной мере. Так, писем Н. К. Гудзия в архиве Варвары Павловны 33, а ее писем к нему 100. Эта переписка, пожалуй, одна из самых значительных и при почти полном отсутствии в архиве Варвары Павловны материалов личного, биографического характера во многом их восполняет. Но главное — это отражение в ней научной жизни Ленинграда и Москвы с 1934 по 1965 г., год смерти Николая Каллиникова. Он был для Варвары Павловны связующим звеном не только с московскими коллегами — «древниками», но и с временем ее молодости, с семинарием их общего Учителя В. Н. Перетца; память Н. К. Гудзия об этом Варвара Павловна очень ценила. В одной из поздравительных открыток она желает ему по-прежнему держать «высоко марку <...> старой киевской гвардии», в чем до сих пор он, по ее словам, сохранял «неизменно первое место».¹ А позже Варвара Павловна благодарила его за статью о В. Н. Перетце, написанную для журнала «Русская литература»,² в которой, по ее словам, «в полный голос прозвучало напоминание о нашем Учителе. Пусть-ка новоявленные руководители литературной науки поучатся, как надо создавать школы не приказом, а показом».³ К своим товарищам по перетцевскому семинарию Варвара Павловна относилась с особой теплотой и, щедрая в научном отношении со многими, особенно внимательна была к тем, с кем связывала ее молодость. Когда Н. К. Гудзию понадобилась краткая библиография вышедших из печати работ по «Слову о полку Игореве» за последние годы, Варвара Павловна тотчас же откликнулась на его просьбу и быстро, как бы «между делом», загруженная при этом своей собственной работой, прислала ему необходимый список литературы. «А за библиографические справки, — писала она, — можете не благодарить: недаром же мы с Вами из одного гнезда, а потому помочь товарищу не только обязательно, но и приятно».⁴

Переписка В. П. Адриановой-Перетц с Н. К. Гудзием во многом сопоставима с ее письмами А. С. Орлову, хранящимися в фонде А. С. Орлова в ЛО Архива АН СССР, и с письмами Н. П. Колпаковой, хранящимися в РО ИРЛИ (особенно военного периода, когда Варвара Павловна была в эвакуации в Ташкенте, а затем в Казани). Многие положения ее научных работ по древнерусской, староукраинской литературе, фольклору, а также воспоминания о совместной работе с Варварой Павловной ее коллег и учеников находят документальное подтверждение в материалах архива. Д. С. Лихачев писал: «Быть организатором не означало для Варвары Павловны только „возглавлять“. Как организатор Варвара Павловна прежде всего принимала на себя всю черновую работу. Она сама вела переписку с будущими участниками коллективных трудов, обсуждая в своих письмах во всех деталях направление, характер будущей работы, ее основные идеи и т. д.»⁵

Архивные материалы красноречиво свидетельствуют о таких качествах научной деятельности Варвары Павловны, как умение направить работу коллектива в нужное русло, увидеть ее смысл, правильно выбрать аспект исследования. Например, говоря на заседании ученого совета

¹ РО ИРЛИ, ф. 728, письмо 1962 г.

² РЛ. 1965. № 4.

³ РО ИРЛИ, ф. 728, письмо от 21 июля 1963 г.

⁴ Там же, письмо от 18 декабря 1934 г.

⁵ Лихачев Д. С. Варвара Павловна Адрианова-Перетц — организатор исследовательской работы // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 3.

ИРЛИ о перспективах работы Отдела древнерусской литературы в 1953 г. (сохранились тексты этих выступлений), Варвара Павловна отмечала важность сплочения всех научных сил вокруг больших теоретических тем, и это должна была быть, по ее мнению, такая работа, которая давала бы возможность именно методологического объединения исследователей. Особое значение придавала В. П. правильному планированию такой работы: «Мне кажется, — говорила она, — что при планировании собственной работы мы не всегда ставим себе необходимый вопрос: а зачем нужна выбранная тема, чему поможет ее разработка? В какую из основных проблем она вливается? Постановка перед собой этих вопросов поможет каждому из нас критически оценить правильность выбора темы».⁶

К этому времени, т. е. к 1953 г., Варвара Павловна имела за плечами неоценимый опыт работы по написанию отдельных глав и редактированию академической «Истории русской литературы», задуманной Институтом еще в 1936 г. Фактически и вся трудоемкая работа по планированию и разработке проспекта издания пала на плечи Варвары Павловны. «Президиум АН хочет, — писала она Гудзию еще 24 января 1936 г., — чтобы к концу года мы всем Институтом приготовили развернутый подробный план „Истории литературы“ от Владимира Святого до Владимира Маяковского и даже дальше. Теперь войдите в наше печальное положение. 750 лет, по крайней мере, придется на долю удивительной парочки — Орлова и меня. Есть о чем призадуматься». И далее: «Мы хотим все начинать сызнова. Но для этого прежде всего надо иметь основательную историческую схему». В письмах к Н. К. Гудзию проходит вся история работы Варвары Павловны над этим грандиозным изданием. О ее мыслях по поводу периодизации литературного процесса XVII в. (а она писала весь раздел по литературе XVII в.), отразившихся в этой переписке, рассказала Н. Ф. Дробленкова в статье «В. П. Адрианова-Перетц — преподаватель и редактор».⁷

Размышления Варвары Павловны об общественно-литературном значении XVII в. в России корректируются письмом к А. С. Орлову⁸, написанным в 1941 г., когда разделы о XVII в. не были еще полностью написаны, но глубоко продумывались исследовательницей: «Вот пока какие возникли у меня соображения по поводу этой второй половины XVII в. Нельзя, как было предположено в нашем печатном плане, ограничиться делением тома на две части: до 1640-х гг. и отсюда до конца. Самое сложное — это как раз вторая половина века. Я еще раз переглядела весь литературный материал и вижу, что с 70-х гг. ясно ощущается какой-то перелом: ведь все переведенное из повестей падает именно на 70 и 80-е гг. Затем — и романтические повести, и плут Скобеев — все это тоже на грани XVII и XVIII вв. Объединить под рубрикой „Бытовая повесть“ Савву Грудцына и Фрола Скобеева — значит по существу ничего не объяснить. Если же мы разнесем эти вещи по разным периодам (и многое другое, конечно), то они зазвучат иначе».

Мне думается, что Запад литературный вплотную начинает приближаться к нам именно с 70-х гг. Не поставить ли этот период в связь с делами Западной Европы? Ведь интерес к ним как раз в это время был очень велик, недаром Федору Алексеевичу два раза в день подавали «Куранты». Это же время, насколько я припоминаю, больших дел Людовика XIV, подготовки борьбы за испанское наследство, а в Англии — реакция и назревание второй революции. Вместе с тем и за граница очень интересуется нами как раз в эти годы. Помню, где-то я читала, что даже Симеона Полоцкого чуть ли не на английский язык переводили. Все-таки ведь инициатива переводов западных л и т е р а т у р н ы х памятников

⁶ РО ИРЛИ, ф. 728, протоколы ученого совета.

⁷ ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 26—32.

⁸ ЛО ААН, ф. 763, письмо от 19 мая 1941 г.

исходила сверху, т. е. от тех кругов, которые знали, что творится в Европе. Да и такие герои, как Фрол, это уже предвестие, если не начало нового времени. Он мне что-то начинает напоминать Меншикова („из грязи в князи“ и вообще „мне всё-де можно“). Итак — для излюбленной Мих<аилом> Осиповичем „демонологии“, очевидно, надо отвести особое место и отделить по-настоящему новое».

Барвару Павловну заботило, что авторский коллектив задумываемого издания был слишком малочислен. Она писала Н. К. Гудзию о замысле этой работы в 1936 г.: «Вообще ощущается, как все это надо сделать, а вот как это сможет одолеть в короткий срок такую уйму, не знаю. Людей нет». Вот почему, как только был разработан план, Варвара Павловна сразу же предложила участвовать в этой работе некоторым и внеинститутским тогда ученым, в первую очередь Д. С. Лихачеву и Н. К. Гудзию: «Эх, кабы Вы могли достаточно обеспечить себя древней литературой! Нашего бы полку прибыло. А то ведь хоть караул кричи. А у меня просто сил не хватает все брать на себя».

Осенью 1936 г. она вновь пишет Н. К. Гудзию: «Мне придется в будущем году работать еще по группе XVIII в., которая подбрасывает мне петровскую литературу. Здесь я имею полномочие подбирать сотрудников. Не хотите ли для истории литературы взять какой-нибудь отдел петровской эпохи?». Гудзий тогда уже много времени отдавал занятиям русской классической литературой XIX в. и не мог полностью включиться в предлагаемую ему работу. В этой связи Варвара Павловна сетовала: «Все же вгрызаться в материал сырой необходимо непрерывно, чтобы стержень оставался прочный, а Вы уходите больше в XIX век».⁹ Приступая к написанию глав о житийной литературе домонгольской эпохи, она снова обращается к Н. К. Гудзию: «Вы уж, соколик, временно переключитесь от Анны Карениной к нашей святости и помогите ее подсвежить».¹⁰

В письмах к Н. К. Гудзию Варвара Павловна обсуждает вопросы зарождения и развития местных литературных традиций, особенностей памятников XIII в. (Моление Даниила Заточника), Степенной книги, переводов Максима Грека. Она заботится о высоком научном уровне издания: «У меня мелькает даже идея, не протащить ли через научно-популярную серию АН небольшой справочник для всех трех томов с основной библиографией по всем разделам? Но это будет трудно».¹¹

И в последующие годы, когда написание «древнерусских» томов «Истории русской литературы» было завершено, Варвара Павловна продолжала делиться с единомышленниками и прежде всего с Н. К. Гудзием всеми важнейшими замыслами работ Института и Отдела древнерусской литературы. Задумывая в Казани во время войны большую работу на будущее по исторической поэтике, Варвара Павловна, кратко изложив ее основные направления, тут же обращалась к Н. К. Гудзию: «Итак, вдвигайтесь и приглашайте своих древников!».¹²

Ей всегда хотелось видеть в своих коллегах-«древниках» прежде всего именно единомышленников, людей, осознающих, что они делают общее дело. Этому научила Варвару Павловну школа семинария В. Н. Перетца. В ее представлении наука всегда была едина, и она болезненно ощущала искусственность расчленения научных сил на ленинградскую и московскую группы. Это ведь потом именно Варвара Павловна сделала направление работы ленинградских филологов-«древников» ведущим в науке. А в 1938 г. она писала Н. К. Гудзию: «Эх, трудно это деление сил. Пусть даже в разных городах, но надо бы уже координировать нашу работу, а не конкурировать друг с другом».¹³

⁹ РО ИРЛИ, ф. 728, письмо от 9 января 1937 г.

¹⁰ Там же, письмо от 12 декабря 1937 г.

¹¹ Там же, письмо от 30 ноября 1940 г.

¹² Там же, письмо от 12 сентября 1943 г.

¹³ Там же, письмо от 18 марта 1943 г.

Архивные материалы показывают отношение Варвары Павловны к работе, ее удивительную трудоспособность и умение отдать делу все время и силы, которых было не так уж много; поэтому кроме познавательного архив Варвары Павловны имеет большое воспитательное значение, особенно для тех, кто не имел счастья знать ее лично. Ни в одном письме, написанном даже по частному поводу, нет ни единой жалобы на здоровье или просто усталость, на круговорот дел. Понятие суеты было чуждо Варваре Павловне, а успевала сделать она очень много, гораздо больше, чем вечно жалующиеся на нехватку времени люди. И это очень хорошо видно на материале ее архива. А если в письмах друзьям и проскальзывал намек на плохое самочувствие, то всегда с легкой самоиронией, причем сразу же добавлялось, что всегда в такие минуты выручает работа: «Спасибо за поздравление и теплые слова о моей работе. Она была скромной, и если ее можно ценить, то разве за то, что последние 25 лет я отдала ей все силы, какие у меня еще оставались».¹⁴ «Без дела жить трудно», — пишет она в другом месте. Или: «Пока могу работать — не ропщу»; «Плоть моя трещит по всем швам, а работать еще хочется». Вот выдержка из письма тому же Н. К. Гудзию: «Действительно — последние десять лет не дают мне передышки. Что касается „стойкости“, то в ней и мое спасение и моя беда. Благодаря ей в такие тяжкие периоды я нахожу силы спастись в работе, но она же худо отзывается на моих несчастных нервах. Недаром главный из лечивших меня 12 лет врачей советовал мне: „Бейте побольше тарелок, лучше будет здоровье“. Но бить тарелки надо уметь — а характер не позволяет мне научиться этому искусству. В итоге я сейчас очень много работаю. . .».¹⁵ Самому Николаю Каллиниковичу Варвара Павловна желала «здоровья такого, чтобы еще можно было поработать. Это, по крайней мере меня, — писала она, — еще держит на поверхности».¹⁶

Начиная работу, Варвара Павловна умела видеть ее целиком и всегда стремилась довести до логического конца — до выхода статьи или книги в печать. Ее огорчало, что эта завершающая, итоговая стадия проделанного труда часто откладывалась по далеким от научных соображений причинам. «Ослабела что-то наша Академия, — писала она в 1959 г. Н. К. Гудзию, — а для чего же тогда институты, если работы сотрудников вылеживаются в шкафах, пока не дойдут до печати. Это же не вино. . . Да и трудно требовать своевременного представления работы, если автор знает, что она обречена на хранение в шкафу. Это вот вчера негр из глухого угла Африки по телевидению рассказывал, что у них пока печатать не на что и они берегут в рукописях свои труды».

Самой Варваре Павловне в высшей степени были присущи предельная научная добросовестность и научная честность. Только интересы дела руководили ее отношением как к собственным, так и к чужим работам. Она не могла изменить что-либо или написать в угоду конъюнктуре. Обещая прислать Н. К. Гудзию из Казани свою заключительную ко всем томам «Истории русской литературы» статью, Варвара Павловна сообщила: «Пришлю Вам экземпляр для замечаний. Это очень трудно, особенно сейчас, когда Пав<ел> Ив<анович> <Лебедев-Полянский> диктует рецепт: „национальность, самобытность, патриотизм, ненависть к врагу“. Но я писала до получения этого рецепта, по совести».¹⁷

Архив отражает и внимание Варвары Павловны к неопубликованным или незавершенным работам своих предшественников. Так, в 1957 г. она просила посредничества Н. К. Гудзия в издании одного из трудов А. А. Шахматова: «Не захочет ли Комиссия по истории филологической науки напечатать замечательное исследование Шахматова о житиях Владимира — листов 15—16? До 17 г. ОЛДП напечатало из нее 10 лл. и

¹⁴ Там же, письмо от 28 марта 1959 г.

¹⁵ Там же, письмо от 3 сентября 1946 г.

¹⁶ Там же, письмо осени 1964 г.

¹⁷ Там же, письмо от 16 декабря 1943 г.

выдохлось. Ненапечатанная часть еще в 28 г. была у них < . . . > Напечатанные 10 лл. есть в оттиске у меня». Действительно, среди бумаг В. Н. Перетца в Рукописном отделе ИРЛИ был обнаружен этот труд Шахматова — текст «Жития», подготовленный по 130 спискам, так и оставшийся пока в гранках.

С той же заботой Варвара Павловна относилась к научным интересам и трудам младших своих товарищей: Д. С. Лихачева, А. П. Евгеньевой, И. П. Еремина и др. Она всегда старалась поддержать их и оградить от несправедливых оценок их работы. Так, Варвара Павловна защищала своих коллег на одном из заседаний бюро Отделения литературы и языка Академии наук, о чем писала Н. К. Гудзию 7 января 1947 г.: «Я понимаю самокритику, но оплевание людей, честно работающих и пытающихся освежить представление о русском средневековье, — вредное дело. А я была единственная на заседании из нашего Отдела, о котором прямо шла речь, и не могла не вступить за товарищей». С радостью сообщает она Николаю Каллиниковичу о находке В. И. Малышевым в 1946 г. списка «Слова о погибели русской земли»: «На днях вернулся из своих странствий по старообрядческим углам (вплоть до Белой Криницы) Малышев, привез прекрасный список середины XVI в. „Слова о погибели русской земли“. Оно помещено как предисловие к Житию Александра Невского: киноарное заглавие жития, затем киноарное „О“, дальше текст, и без всякой паузы он переходит в Житие. Интересно. Значит, в это время оно во всяком случае ощущалось как предисловие. А заглавия „Слово о погибели“ в этой рукописи нет».¹⁸ Дальше Варвара Павловна добавляет: «. . . к сожалению, Институт не получил ни одной новой штатной единицы, и мы не можем включить Малышева в свой Отдел, а он как раз сейчас демобилизуется: три раны, четыре награды. А по-прежнему интересуется в жизни только древней литературой».¹⁹

Археографические занятия В. И. Малышева Варвара Павловна всемерно поддерживала — в этом сказалась ее верность источниковедческой школе В. Н. Перетца. Планируя, например, работу на пятилетку 1951—1955 гг., она внесла в план Отдела древнерусской литературы и такой пункт: «. . . держать связь с архивохранилищами, публикуя сведения о вновь найденных материалах, вести планомерное обследование неописанных собраний государственных и частных архивов, выявлять на местах очаги хранения рукописных материалов».

Особый раздел в архиве Варвары Павловны составляют материалы В. Н. Перетца — ее Учителя, Друга, Мужа. Эти материалы гораздо полнее в биографическом отношении, чем ее собственный архив, в который они органично входят. Для Варвары Павловны они были самой дорогой частью ее архива, поэтому ее материалы и материалы Владимира Николаевича следует рассматривать в единстве; разделять их можно только формально. Вся научная деятельность Варвары Павловны — это верность заветам своего учителя, это стремление сохранить максимально полно все, что не должно пропасть для науки. Поэтому здесь рукописи ранних работ Владимира Николаевича, его отзывы, рецензии, библиографические материалы, даже ранние драматургические сочинения, дневники, воспоминания, стихи. Но обзор фонда В. Н. Перетца — тема отдельной работы.

Трагические события коснулись судьбы замечательного ученого и, естественно, судьбы и Варвары Павловны. В. Н. Перетц 11 апреля 1934 г. был арестован по ложному обвинению в участии в националистической контрреволюционной организации. В июне он был выслан на три года в Саратов (но без поражения в правах), а в конце 1934 г. лишен звания академика двух академий — СССР и УССР. Несмотря на то что Академия наук ходатайствовала перед Верховной прокуратурой и Владимиру Нико-

¹⁸ Там же, письмо от 27 января 1946 г.

¹⁹ Там же.

лаевичу был обещан пересмотр дела, после событий 1 декабря 1934 г. (убийства С. М. Кирова) пересмотр был приостановлен. В. Н. Перетц послал письмо Сталину, на которое не получил ответа, прошение на имя председателя ВЦИК СССР М. И. Калинина и письмо верховному прокурору СССР Вышинскому. Одновременно он отправил рапорт на имя неременного секретаря АН СССР академика В. П. Волгина. Во всех этих документах, находящихся в архиве Варвары Павловны (часть машинописных копий любезно передана в Рукописный отдел ИРЛИ родственницами Варвары Павловны Л. Н. и О. Н. Адриановыми летом 1988 г.), уже смертельно больной В. Н. Перетц, доказывая всю нелепость выдвинутых против него обвинений, просил о возможности вернуться в Ленинград. Приведем некоторые из этих документов (оба публикуются впервые).

Секретарю Центрального Комитета ВКП(б)
Иосифу Виссарионовичу Сталину

Перетца Владимира Николаевича
б<ывшего> академика Академии наук СССР
и Всеукр<аинской> Ак<адемии> наук

ПРОШЕНИЕ

11 апр<еля> 1934 г. я был арестован, увезен в Москву и здесь в изоляторе особого назначения пробыл два с половиной месяца. Мне было предъявлено обвинение в вовлечении некоторых очень мало или совсем незнакомых мне лиц в контрреволюционную, националистическую организацию. Двое из них повторили это обвинение в одинаковых выражениях на очной ставке. На мой вопрос, каковы же были цели и задачи этой организации, следователь ответил, что я сам должен знать это лучше. Он настаивал неоднократно, чтобы я чистосердечным признанием своей вины изменил свою участь, обещая возвращение домой. Но я не считал себя вправе даже такой ценой вводить в заблуждение следственную власть и лгать на себя. 22 июня мне был объявлен приговор — высылка на три года в Саратов, причем следователь еще раз предложил мне подписать признание и тем изменить совершенно свою участь. Я отказался и уехал в Саратов. Перед отъездом я подал в коллегия ОGPU заявление, в котором доказывал всю несообразность возводимого на меня обвинения, ссылаясь на свое безусловное общественное прошлое и на почетное положение академика двух Академий, для которого было бы верхом нелепости пускаться в приписываемую мне авантюру — привлекать каких-то совершенно чужих мне людей в организацию с темными целями. Это заявление осталось без ответа.

16 ноября 1934 г. я был вызван из Саратова в Москву в Верховную прокуратуру, и здесь после данных мною прокурору (П. Н. Вишнякову) объяснений мне была 19 ноября объявлена резолюция верховного прокурора Вышинского — «считать приговор условным и разрешать мне вернуться в Ленинград». Мне было предложено до оформления резолюции — недели на две-три — вернуться в Саратов, причем было добавлено, что намечен пересмотр всего дела, по которому привлечен и я.

Вполне понимая, что ряд событий, следовавших за 1 декабря, отодвинул на второстепенный план мое дело, я ждал до сих пор оформления резолюции верховного прокурора. Но в настоящее время состояние моего здоровья таково, что жить мне, по-видимому, осталось очень мало. На почве всех незаслуженных ударов, перенесенных мною за последний год, — арест, обвинение, ужасное по своей невероятности и неожиданности, ссылка, жизнь в непривычных бытовых условиях, без элементарных удобств, отрыв от работы, исключение из обеих Академий, — и следовавших через некоторые промежутки один за другим, — сломалось мое и без того слабое здоровье. За последние два месяца у меня развилась тяжелая грудная жаба, припадки которой — мучительные и длительные — сделали меня совершенным инвалидом. Все это вынудило меня вторично обратиться в Верховную прокуратуру и просить ее ускорить приведение в исполнение хотя бы резолюции 19 ноября и дать мне тем возможность дожить последние месяцы жизни в семье, на попечении жены, в привычной обстановке.

Я вряд ли смогу дожидаться полного пересмотра дела, который снял бы темное пятно с моего честного имени, поэтому я и просил пока верховного прокурора хотя бы вернуть меня домой. Но к Вам я обращаюсь с другой просьбой. Обратите Ваше внимание на это вопиющее по своей несправедливости дело, в результате которого я — как научный работник, бывший еще год тому назад не только способным продолжать свою личную научную работу, но и готовить кадры, которыми сейчас так обеднела наша специальность, — сделался полным инвалидом. Если моя невинность будет обнаружена хотя бы тогда, когда меня уже не будет в живых, то все же это даст по крайней мере

право опубликовать мои законченные научные работы, право, в котором мне сейчас отказывает то учреждение, в котором я проработал двадцать лет.

Более подробно В. Н. Перетц изложил события в рапорте академику В. П. Волгину.

11 апреля 1934 г. я был арестован и увезен в Москву, где пробыл в изоляторе ОГПУ до 26 июня. Через несколько дней по присаде я был вызван к следователю (помощнику начальника политическо-секретного отдела С. М. Сидорову), который, предварительно официального допроса с протоколом, предложил мне «побеседовать» о деле, по которому я был арестован, и подумать о том, какие могут быть за мной преступления. Не зная за собой никакой вины, я тщетно искал хотя бы призрака таковой, но ничего не мог припомнить, а следователь настаивал, — впрочем, весьма любезно, — чтобы я откровенным признанием упростил дело и облегчил этим свою участь, так как он «не имеет ни малейшего желания меня утробить» < . . . >. На это я ответил, что предпочитаю действовать неумно, но честно и не лгать на себя. Я был спрошен о ряде лиц, с которыми либо никогда не встречался, либо встречался за 15 лет — раз пять и то при свидетелях. Я рассказал обстоятельно обо всей моей жизни и работе и охарактеризовал научное значение тех лиц, о которых меня спрашивал следователь, но, к великому его сожалению, ничего не мог сказать об их политической физиономии. Спрошен был о обстоятельствах учреждения Института славяноведения Академии наук СССР и об отношении его к Пражскому аналогичному Институту; о последнем, к сожалению, ничего не знал. После этих предварительных разговоров мне было предъявлено обвинение, которое меня повергло в изумление своею невероятностью: «в активном участии в националистической контрреволюционной организации, находящейся в связи с закордонными интервентами», — по ст. 58, пп. 11 и 4. Когда я категорически заявил, что о подобной организации я впервые узнал по аресте, в Москве, — следователь заявил, что теперь, к сожалению, меня придется «уличить». С этой целью были произведены две «очные ставки». Первая была с сотрудником Академии наук (по Институту славяноведения) В. Н. Кораблевым, вторая — с научным сотрудником Гос. Русского музея В. Г. Кржижановским; оба были последовательно моими преемниками по председательствованию в Ленинградском «Обществе исследователей украинской истории, литературы и языка». Кстати, следователь уверял меня, что в этом обществе наряду с легальной, официальной работой происходила работа какой-то контрреволюционной организации, вдохновителем которой был я! (С обоими названными лицами я никогда с глазу на глаз не беседовал, встречал их только официально, в заседаниях, при свидетелях). Кржижановский же утверждал, будто бы я в 1928 г. «вовлекал его в украинскую националистическую контрреволюционную организацию, пригласив его весной названного года к себе, — тогда как он был единственный раз у меня, когда члены уходящего президиума «Общества исследователей украинской истории, литературы и языка» в начале 1929 г. убеждали его взяться за председательство в этом обществе, так как состояние здоровья вынуждало меня оставить работу в обществе. В. Н. Кораблев показывал на очной ставке, что я будто бы «вовлекал» его в названную организацию вскоре по основании Института славяноведения, что я «панславист», что «националист и русский и украинский!» О сущности и задачах «организации», о методах ее работы Кораблев ничего не сказал, и я так и остался в неведении о них. На мои вопросы об этом следователь только повторял: «Вы это все знаете сами и должны нам рассказать». Конечно, я не мог исполнить этого. В следующей за очной ставкой беседе-допросе я выдвигал возражения по существу. На указание следователя, что показания обоих указанных лиц очень близки друг к другу, вследствие чего их следует признать фактически достоверными, — иначе совпадение необъяснимо, — я возразил, что эти показания своего рода «дымовая завеса» для их авторов, которые надеялись прикрыться моим именем, а сходство содержания показаний объясняется тождественностью наводящих вопросов с упоминанием моего имени. По существу эти показания — фантастические, так как не совпадают с моими общественно-идеологическими установками ни в прошлом, ни в настоящем. Кроме того, надо быть сумасшедшим, чтобы, имея положение академика двух советских Академий наук и сорок два года научной работы, на склоне лет пускаться в авантюры и притом привлекать к этим преступным авантюрам малознакомых людей, какими являются для меня авторы данных против меня показаний. Следователь заявил, что есть и другие данные, но не предъявил их мне и не дал возможности защищаться < . . . >.

Даже в самые трудные времена Варвара Павловна не оставляла надежды издать для советского читателя труды Владимира Николаевича и делала для этого все возможное. «Сейчас у меня большая работа, — писала она Н. К. Гудзию, — Комиссия по истории филологической науки принципиально согласилась издать оставшиеся статьи на темы русско-украинских и украинско-польских связей, продолжающие три выпуска его <В. Н. Перетца> „Исследований и материалов“, изданных ОЛЯ. Мне надо

привести в порядок черновики этих статей, что я и начала делать. Там будет еще листов на 10. Сами понимаете, сколько всякого поднялось опять в душе, когда я прикоснулась к этим работам.²⁰

Одновременно Варвара Павловна стремилась вернуть филологической науке доброе имя В. Н. Перетца. Сразу после XX съезда КПСС она начала хлопоты по его полной реабилитации. Сохранилось ее заявление в Верховную прокуратуру СССР от 20 мая 1956 г. «Издать оставшиеся после мужа научные работы, назвав его снова тем научным именем, которое он с таким достоинством носил в течение последних двадцати лет своей жизни, — писала в нем Варвара Павловна, — единственная цель моей просьбы». Об этих хлопотах она сообщила своему постоянному корреспонденту Н. К. Гудзю тогда же, в 1956 г.: «В свете событий этого года все опять заново переживается. Подала дело в Верховную прокуратуру, известили, что переслали в Л<енингра>д, откуда-де и получу ответ. Но пока — молчание. Найдут ли самое дело, ведь в войну многое исчезло. Одновременно подано и заявление о Сперанском. Но там — только заявление, а я послала и копии с рапорта им в Академию, где подробно изложены все события с 11 апреля до середины июня 1934 г., а затем копию письма Сталину, где добавлен и рассказ о ноябрьском вызове в Верховную прокуратуру. Не знаю, что удастся им найти об этом „деле“, ведь втянули много людей».

А 11 августа 1957 г. Варвара Павловна сообщала Гудзю: «Хочу поделиться своей радостью — все-таки я добилась юридической реабилитации Влад<имира> Ник<олаевича>. Извещение об этом получила накануне Владимирова дня. А ведь тянулось „дело“ 15 месяцев. После того как вопрос о Сперанском отказались пересматривать, очень волновалась. Но вот у меня документ, где значится, что Президиум Ленгорсуда отменил приговор Особого совещания 16 июля 34 г. „за отсутствием в действиях В. Н. Перетца состава преступления“ и признал его „по этому делу реабилитированным“. Нотариальные копии этого постановления послала в обе Академии, чтобы его восстановили в звании действительного члена АН».

Свое страстное желание восстановления правды по отношению к В. Н. Перетцу Варвара Павловна объясняла так: «Конечно, я знаю, что есть еще друзья, в глазах которых события 34 года — чудовищная несправедливость, что какая-то часть „общественности“ искренне разделяет это мнение, но поскольку существует официальный документ, лишивший В. Н. заслуженного звания, я хотела добиться такого же официального признания, что этот документ отменен».

Архив В. П. Адриановой-Перетц содержит многочисленные примеры ее мужественного отношения к жизни, ее понимания истинного назначения ученого, верности однажды избранному пути. О таких людях, как В. П. Адрианова-Перетц, писал Д. С. Лихачев: «Каждый ученый должен обладать благодарностью к предшественникам, уважением к современникам и ответственностью перед будущими учеными. Тогда дело его будет многолетним на земле».²¹ Материалы, оставшиеся в архиве Варвары Павловны, со всей справедливостью подтверждают это.

²⁰ Там же, письмо от 16 октября 1956 г. См.: Перетц В. Н. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII веков. М.; Л., 1962.

²¹ Лихачев Д. С. Прошлое — будущему: Статьи и очерки. Л., 1985. С. 573.

В. С. СОБОЛЕВ

Отчет академика В. Н. Перетца о своей деятельности в первые годы революции (1918—1923)

В Ленинградском отделении Архива АН СССР хранится отчет академика В. Н. Перетца о своей научной деятельности за пять первых после-революционных лет (1918—1923 гг.). Он отложился в архивном фонде канцелярии конференции Академии наук (ф. 2). Отчет входит в комплекс документальных материалов, которые легли в основу сводного отчета Академии наук о ее деятельности за первые годы революции для рассмотрения этого вопроса на заседании коллегии Наркомпроса РСФСР. В связи с отмеченной в 1988 г. Отделом древнерусской литературы Пушкинского Дома датой — 100-летием со дня рождения чл.-кор. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц — введение в научный оборот документа, связанного с работой ее учителя и ближайшего друга имеет определенный общественный интерес. Интерес этот тем более закономерен, что полностью архив В. Н. Перетца, хранящийся в Рукописном отделе ИРЛИ, еще ждет своего подробного изучения и публикации.

Предлагаемый нами документ невелик по объему (4 машинописных листа), рукопись (автограф) датирована 10 февраля 1924 г. В отчете содержатся интересные сведения о многогранной научной, преподавательской и общественной деятельности В. Н. Перетца в условиях, казалось бы, не слишком способствовавших ведению такой работы, — это были годы гражданской войны, разрухи, голода. Отчет показывает разные стороны научных интересов ученого, не ослабевавших и в этот период.

В биографическом очерке о В. Н. Перетце В. П. Адрианова-Перетц особое внимание уделила рано проявившемуся интересу Владимира Николаевича к собиранию, описанию и изучению древнерусских рукописей, который ученый сохранял на протяжении всей многотрудной жизни.¹ И в первое послереволюционное пятилетие он занимался выявлением и описанием рукописных и старопечатных книг в Самаре, куда был командирован Отделением русского языка и словесности Академии наук в сентябре 1917 г. Здесь же, в Самаре, Владимир Николаевич участвовал в организации первого высшего учебного заведения — Педагогического института, который в 1918 г. был преобразован в Университет; в создании Историко-филологического общества, в работе Губернского музея и Губернского архива. Эта деятельность В. Н. Перетца также отразилась в его отчете. Помимо интереса ученого к рукописям документ отражает и некоторые другие не менее важные для него темы научной работы. Это, во-первых, история старинного русского и украинского театра, его организация и репертуар; во-вторых, «Слово о полку Игореве», и в-третьих, курсы по истории и методологии изучения древнерусской литературы, интересо-

¹ Адрианова-Перетц В. П. Владимир Николаевич Перетц (1870—1935) // Перетц В. Н. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII веков. М.; Л., 1962. С. 206—233.

вавшие Владимира Николаевича прежде всего как преподавателя. Таким образом, за лаконичными строками официального документа стоит определенный этап многолетней и разнообразной научно-общественной деятельности известного ученого.

«I. Академик В. Н. Перетц, занимаясь в течение 1918—23 гг.,

1) нашел новый обильный материал для истории украинской литературы XVI—XVII вв., доселе неизвестный никому из историков этой литературы, и осветил эти новые явления данными древнепольской литературы, что дало возможность трактовать в новом свете указанный период;

2) реставрировал заново текст «Слова о полку Игореве» и объяснил его с новой точки зрения, как памятник феодальной Руси, что представляет новое приобретение науки;

3) работами по описанию провинциальных русских собраний углубил сведения о письменной литературной традиции XVI—XVII вв. в России.

II. Напечатал а) в России, в изд. РАН и ВУАН:

1. «Акт о Сарпиде дуксе Ассирийском». К истории русского театра эпохи Петра I (Изв. ОРЯС. 1921. Т. XXVI).²

2. Критический разбор труда проф. Адриановой «Житие Алексея человека Божия в древнерусской литературе и народной словесности» по поручению Отд. РЯС (Изв. ОРЯС. ib.).³

3. «Псевдо-новгородское» Евангелие 1575 г. и его миниатюры (Сборник в честь Вс. И. Срезневского).⁴

4. Нові дані для історії школярських брацтв (Зап. іст.-філол. відділу Всеукр. Академії наук, II, III, 1923).⁵

5. Грамота царя Олексія Михайловича київським міщанам (там же).⁶

б) в государственных и частных издательствах вне РАН.

6. Основні моменти в розвитку української літератури («Громада», Укр. Календар, 1917, Самара).⁷

7. К вопросу о научных основаниях литературной критики (Ученые записки Самарского государственного университета, в. 2, 1919).⁸

8. Несколько мыслей о старинном русском театре (Ежегодник Государственных театров, 1920).⁹

9. Заметки к тексту «Слова о полку Игореве» (Сборник «Sertum bibliologicum», 1922).¹⁰

10. «Краткий очерк методологии истории русской литературы» (изд. «Academia», 1922).¹¹

11. «К постановке изучения старинного русского театра» (Сборник «Старинный театр в России» под моей редакцией, «Academia», 1923).¹²

² Вышел в свет в 1924 г. См.: Список печатных трудов акад. В. Н. Перетца / Сост. В. П. Адрианова-Перетц // Перетц В. Н. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII веков. С. 247.

³ С. 251—270.

⁴ «Псевдоновгородское» Евангелие 1575 г. Новгородского церковного древлехранителя // Историко-литературный сборник в честь В. И. Срезневского. Пг., 1923. С. 264—268.

⁵ Нові дані для історії школярських брацтв на Україні // ЗІФВ. 1923. Кн. 2—3. С. 77—78.

⁶ С. 194—196.

⁷ Український календар на рік 1918. Самара, 1918. С. 33—37.

⁸ С. 43—68.

⁹ Ежегодник Петроградских театров, сезон 1918—1919. 1922. С. 217—225.

¹⁰ «Sertum bibliologicum» в честь проф. А. И. Малеина. Пг., 1922. С. 137—145.

¹¹ Пг., 1922. С. 164.

¹² К постановке изучения старинного театра в России / Старинный театр. Пг., 1923. С. 7—33.

12. Театр в России 250 лет тому назад (В Сборнике «Старинный театр в России», 1923).¹³
13. Итальянская интермедия в стихотворном переводе 1730-х годов (там же).¹⁴

III. Приготовлены к печати:

14. Описание рукописей Новгородских древлехранилищ, 1918 г. (около 10 печ. лл.).
15. Описание рукописей и старопечатных книг Самарского губернского музея, 1919 г. (около 5 п «печ». л «л.»).¹⁵
16. Описание рукописей и старопечатных книг библиотеки Самарского Государственного университета, 1920 (около 10 печ. лл.).¹⁶
17. «Слово о полку Игореве» — поэма феодальной Руси XII в., 1923 г. (18—20 печ. лл.).¹⁷
18. Исследования и материалы по истории украинской древней литературы. — I. Украинский перевод «Просветителя» XVI в. — II. Иван Вишенский и польская литература XVI в. — III. Следы украинского перевода Печерского Патерика XVII в. — IV. Украинские синаксарные чтения XVI—XVII вв. — V. Сборник украинских повестей 1660 г. в его отношении к польской литературе. — VI. Вирши архимандрита Онуфрия 1699 г. на научные темы. — VII. Украинский сонник конца XVII в. (около 12. печ. лист).¹⁸
19. Еврейско-русские параллели в древнерусской письменности, 1922 (сдано для печати в Сборник в честь президента РАН).
20. Новейшая литература (1914—1924) о «Слове о полку Игореве» (сдано в Изв. ОРЯС).¹⁹
21. «Слово о полку Игореве» и библейская письменность XII в. (сдано в ИОРЯС).²⁰
22. «Слово о полку Игореве» и История иудейской войны Иосифа Флавия (сдано туда же).²¹
23. Столетие первой истории древнерусской литературы (1822—1922) — там же.²²
24. Стасов и русский богатырский эпос (сдано для печати в Сборник памяти В. В. Стасова).

IV. Печатаются за границей:

25. Заметка о древнейшем списке Апокалипсиса XII в. — в отношении языка и перевода (Прага, журн. «Slavia»).²³

¹³ Там же.

¹⁴ Итальянская интермедия 1730-х годов в стихотворном русском переводе // Там же. С. 143—179.

¹⁵ Українські стародруки в книгозбірнях м. Самари. Українські і білоруські стародруки в бібліотеці Ленінградського університету // Бібліологічні вісті. 350 років українського друку. 1574—1924. Київ. 1924. Ч. 1—3. С. 167—170. См. также: Андрианова-Перетц В. П. Археографические и источниковедческие труды В. Н. Перетца // Археографический Ежегодник за 1968 г. М., 1970. С. 275—280.

¹⁶ Там же.

¹⁷ «Слово о полку Игоревім». Пам'ятка феодальної України—Русі XII віку. Вступ. текст. Коментар. // ЗІФВ. 1926. № 33, IX. 353 с. См. также: К изучению «Слова о полку Игореве»: I. Новейшая литература о «Слове» (1911—1923) // ИОРЯС. 1924. Т. 28. С. 145—129; II. «Слово» и Библия; III. «Слово» и «Повесть о разорении Иерусалима» Иосифа Флавия // ИОРЯС. 1925. Т. 29. С. 23—55; IV. Эпитеты в «Слове о полку Игореве» в устной традиции // ИОРЯС. 1926. Т. 30. С. 143—204.

¹⁸ Иван Вишенский и польская литература XVI в. // Науковий збірник за р. 1924 // ЗУНТ. 1925. Т. 19. С. 37—54; Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII вв. I—VIII // СОРЯС. 1926. Т. 101. № 2.

¹⁹, ²⁰, ²¹ См. сноску 17.

²² К столетию «истории» русской литературы (по поводу «Опыта краткой истории русской литературы» Н. И. Греча, 1822 г.) // ИОРЯС. 1924. Т. 28. С. 200—213.

²³ Древнейший список славянского Апокалипсиса // Slavia. 1924. R. II. S. 2; С. 641—644.

26. Монастырские описи северных библиотек XVII в. как материал для решения историко-литературных проблем (сдано туда же).²⁴
 27. «К думам об Олексии Поповиче» (печатается в «Записках наук. тов. ар. ім. Шевченко у Львові»).²⁵

V. Сведения о работе вне Российской Академии наук а) в учреждениях и б) по популяризации знаний.

а) В учреждениях: 1) Работал по организации Самарского Государственного университета (1918—20 гг.), заведую учебною частью. 2) Работал в Самарском Губархиве в качестве эксперта (1918—21). 3) Работал в Самарском губернском музее по реорганизации его, заведовал отделом памятников письменности. 4) Участвовал в реорганизации Учительского Самарского института в Педагогический институт. 5) В Петроградском университете — с 1921 г. — читал лекции по методологии историко-литературного исследования и по народной словесности, руководил практическими занятиями. 6) Как действительный член Исследовательского института (с 1921 г.) руководил занятиями научных сотрудников и работал по исследованию взаимоотношений украинской и польской литератур. 7) В качестве действительного члена Всеукраинской Академии работал по организации разработки материалов по украиноведению, находящихся в Петрограде — ныне в Ленинграде.

б) по популяризации знаний: 1) Работал в Самаре по организации «Просветительской организации Ун-та» — предтечи «рабфаков» — и преподавал там (1918—20 гг.). 2) Читал лекции на курсах для учителей (1918 г.) и 3) Организовал и преподавал на курсах для учителей украинских школ (1921 г.). 4) В Петрограде с 1921 г. читал лекции для кандидатов в научные сотрудники Российского института истории искусств. 5) В Самаре в 1919—21 гг. читал лекции на Археологических курсах для подготовки музейных и архивных работников.

10.II.1924.

Академик Вл. Перетц».

(ААН СССР, ф. 2, оп. 1—1924, д. 25, л. 15—16)

²⁴ Описи монастырских библиотек XVII в. и спорные вопросы истории древнерусской литературы // *Slavia*. 1924. Р. III. S. 2—3; С. 336—351.

²⁵ Ще раз дума про Олексія Поповича // ЗНТШ. Т. 141—143. С. 1—6.

Н. Ф. ДРОБЛЕНКОВА

В. П. Адрианова-Перетц о средневековых «энциклопедических» сборниках и поэтике

В. П. Адриановой-Перетц принадлежит более 200 работ, посвященных основным проблемам истории и теории древнерусской литературы, изучению поэтического стиля Древней Руси, взаимосвязей литературы с русским фольклором и деловой письменностью, открытию целого литературного пласта — русской демократической сатиры XVII в., текстологическому анализу и определению жанровых и стилистических особенностей целого ряда оригинальных и переводных литературных памятников XI—XVII вв.

Значительное место среди ее исследований уделено дидактической, «учительной» литературе, «словам», «поучениям», афоризмам, входящим в состав различного типа сборников, книг так называемого «устойчивого» состава (впрочем, состав их устойчив весьма относительно). Из бесчисленного множества этих жанрово разнообразных и сложных по составу книг-сборников Варварой Павловной исследовались: «Толковая Палея» (1909—1910 гг.), «Аристотелевы врата» (1911 г.), «Евангелие учительное и сборник слов и поучений от недели о мытаре и фарисее до цветоносной недели» (1911 г.), «Евангелие Фомы» (1909 г.), «Изборники» (1073 и 1076 гг.), «Измарагд», «Златая цепь», «Пчела», сборники афоризмов и жарт, Патерики, Прологи и целый ряд других. Некоторые из этих сборников Варвара Павловна и определяет как своего рода тематические «энциклопедии», непременно оговаривая при этом условность этого определения.

Варвара Павловна неоднократно писала о важности изучения «всей религиозно-учительной книжности Древней Руси», этого «своеобразного круга памятников, которые непосредственно в „историю древнерусской литературы“ не входят и «связаны с церковным обрядом», «но составляют неотъемлемую часть культуры, во многом определявшую своеобразие всех форм искусства, в том числе и словесного»; изучение же истоков дидактической литературы позволяло при этом проследить, «как определялись задачи литературы и вырабатывались словесно-изобразительные средства у древнерусского писателя. . .»¹

Методическая новизна как в изучении оригинальных памятников древнерусской литературы, так и при анализе именно творческого процесса «усвоения» на Руси переводных «литературных памятников мирового значения, переданных нам Византией непосредственно или через южных славян», состояла в опоре на «своеобразную почву»: «наличие на Руси уже к X веку хорошо развитого устного языка» и образной системы фольклора.² Об этом же как основном выводе своего исследования Варвара Павловна

¹ Адрианова - Перетц В. П. К вопросу о круге чтения древнерусского писателя // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 4.

² Адрианова - Перетц В. П. Заключение // История русской литературы: В 10 т. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 428.

писала в 1947 г. в «Очерках поэтического стиля Древней Руси»: «Система метафорически-символических формул слагалась в древнерусской литературе из довольно ограниченного количества образов, которые опирались на два источника: народную устную поэзию и образность живого языка, с одной стороны, и на библейско-византийскую литературную традицию, — с другой».³ Наглядным подтверждением такой методики сравнительного изучения древнерусской литературы и фольклора является посмертно изданный сборник статей В. П. Адриановой-Перетц «Древнерусская литература и фольклор».⁴ Та же методика анализа была применена Варварой Павловной и при изучении сборников религиозно-учительной литературы в ее работах «Афоризмы Изборника Святослава 1076 г. и русские пословицы»,⁵ «Библейские афоризмы и русские пословицы»⁶ и др.

В 1931 г. академик А. С. Орлов сделал доклад на тему «Книга русского средневековья и ее энциклопедические виды».⁷ К числу книг «энциклопедического вида» А. С. Орлов относил крупнейший летописный свод «Никоновскую летопись», эту «московскую историческую энциклопедию», Великие Минеи Четых митрополита Макария, «Домострой» и «Азбуковники». Характеризуя их, он писал: «Во всех этих книгах есть отношение к энциклопедизму: каждая из них объединяет сведения в тот или другой „круг знания“ и представляет его в возможной полноте и систематичности (разной степени). . . Конечно, форма этих книг имеет мало общего с той, которая свойственна западноевропейским книгам, признанным наукой за энциклопедию. Только „Азбуковник“ близок к этой форме как расположением материала, так и своими толкованиями, реалиями и цитацией».⁸ Такой подход к изучению сборников «устойчивого» состава ближе всего, пожалуй, книговедческому.

Д. С. Лихачев в книге «Поэтика древнерусской литературы» ставит вопрос по-другому, выдвигая проблему возможности и необходимости изучения сборников «устойчивого» состава в целом как жанра; при этом он разрабатывает методику изучения и намечает целый ряд конкретных задач для исследования такого типа.⁹ Подобного рода работы уже выполнены самим Дмитрием Сергеевичем (имею в виду его статью «Появление на Руси жанра летописи»,¹⁰ в этом же плане ведет работу О. В. Творогов;¹¹ серия статей о Торжественниках написана Т. В. Черторицкой,¹² имеется работа о жанре Минеи Четых¹³ и ряд других.

Совершенно с других позиций подходит к изучению сборников «устойчивого» состава В. П. Адрианова-Перетц.

Исходя из того, что сборники — «наиболее распространенная форма древнерусской рукописной книги» (т. е. наиболее читаемая), она изучает их как круг чтения древнерусского писателя и читателя и исследует «прежде всего „человековедческий“ материал переводной религиозно-

³ Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л., 1947. С. 118.

⁴ Л., 1974. 172 с.

⁵ ТОДРЛ. Л., 1970. Т. 25. С. 3—19.

⁶ Там же. Л., 1971. Т. 26. С. 8—12.

⁷ Доклады АН СССР. / Сер. «В». 1931. № 3.

⁸ Там же. С. 48.

⁹ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп. М., 1979. С. 59.

¹⁰ Лихачев Д. С. Появление на Руси жанра летописи // Армянская и русская средневековые литературы. Ереван, 1986. С. 7—18.

¹¹ Творогов О. В. Летопись—Хроника—Палея: (Взаимоотношение памятников и методика их исследования) // Там же. С. 19—30.

¹² Черторицкая Т. В. 1) Агиография русских минейных Торжественников конца XIV—XV вв. // Вопросы сюжета и композиции: Межвузовский сб. Горьковского ун-та. Горький, 1980. 2) К вопросу о литературной истории древнерусского минейного Торжественника // Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск, 1982; и др.

¹³ См.: Дробленкова Н. Ф. Из истории жанра Четых Минеи в русской литературе // Армянская и русская средневековые литературы. С. 139—181.

дидактической литературы («слов», «поучений», сборников афоризмов)». ¹⁴ Изучая материал сборников, она ставит вопрос: «какова была роль переводной и русской религиозно-дидактической литературы в литературном процессе Древней Руси?». ¹⁵ Ответ на этот вопрос подтверждает немаловажное значение «учительной» литературы и в накоплении навыков и приемов изображения «внутреннего» мира человека, психологии его поступков (т. е. «человековедения»), и в оттачивании литературных формул. и в создании метафор-символов древнерусской литературы, а в конечном итоге — в формировании поэтического стиля Древней Руси.

Этим проблемам посвящен целый цикл работ Варвары Павловны: «К вопросу об изображении „внутреннего“ человека в русской литературе XI—XIV вв.», ¹⁶ «Человек в учительной литературе Древней Руси», ¹⁷ «К вопросу о круге чтения древнерусского писателя». ¹⁸ Материал «учительной» литературы был использован Варварой Павловной и в работе над книгой «Очерки поэтического стиля Древней Руси» (1947 г.).

Варвара Павловна ставит вопрос о том, что представлял собой «круг чтения» древнерусского книжника, «что входило в состав переводной религиозно-дидактической (учившей «человековедению») литературы, принесенной на Русь вместе с христианством», ¹⁹ — и приводит обзор этих книг. Это были прежде всего ветхозаветные книги, состоявшие из отдельных правоучительных изречений, создававших идеал «мудрого» человека (Соломона); отдельные стихи-изречения из поэтической книги Псалтырь, передававшие человеческие настроения; из новозаветной части Библии (евангелий и апостольских посланий) — «притчи» и «поучения», разъяснявшие христианскую этику; сочинения византийских отцов церкви с проповедью христианской морали; сборники типа «Пчелы» (с выписками из библейских и святоотеческих книг на морально-философские темы); сборники изречений Менаандра («Мудрость Менаандра») или изречений Исихия и Варнавы, а также «Изборники» 1073 и 1076 гг. (последний — для домашнего назидательного чтения).

Особенно популярными среди этих книг были сборники «поучений» на моральные темы — «Измарагд» и «Домострой» — и сборники изречений (афоризмов) о правилах человеческой морали, в частности «Изборник» Святослава 1076 г. (книжным афоризмам которых чрезвычайно близки русские народные пословицы).

Из этих книг названия «энциклопедический сборник», «энциклопедия» ²⁰ Варвара Павловна применяет лишь к «Изборнику» 1073 г. и «Измарагду».

В статье «Афоризмы Изборника Святослава 1076 г. и русские пословицы» Варвара Павловна отмечает, что «Изборник» 1073 г. вплоть до XVII в. служил «своего рода энциклопедией сведений по разным отраслям знаний», так как включал «материал самого разнообразного содержания — богословского, учительного естественно-исторического, по теории риторической речи. . .» ²¹.

Однако внимание исследователя привлекает не «Изборник» 1073 г., а именно «Изборник» Святослава 1076 г., составленный русским писцом, «грешным Иоанном», как «своего рода хрестоматия», ²² где были собраны с исчерпывающей полнотой «поучения» и афоризмы на тему, «како жити

¹⁴ Адрианова - Перетц В. П. Человек в учительной литературе Древней Руси // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 6.

¹⁵ Там же. С. 4.

¹⁶ См.: Вопросы изучения русской литературы XI—XX вв. М.; Л., 1958. С. 15—24.

¹⁷ ТОДРЛ. Т. 27. С. 3—68.

¹⁸ Там же. 1974. Т. 28. С. 3—29.

¹⁹ Адрианова - Перетц В. П. Человек в учительной литературе. . . С. 4.

²⁰ Адрианова - Перетц В. П. К вопросу о круге чтения. . . С. 4.

²¹ ТОДРЛ. Л., 1970. Т. 25. С. 5.

²² Адрианова - Перетц В. П. К вопросу о круге чтения. . . С. 6.

христианину»,²³ отвечавшие на все основные вопросы средневекового читателя: «о богатых и бедных, о властях и подчиненных, о „попех“ и их пастве, о семейных отношениях — о родителях и детях, о „женах злых и добрых“ и на целый ряд собственно религиозных тем».²⁴ Этот материал позволял исследователю наблюдать, как древнерусские книжники «заглядывали во внутренний мир человека» и создавали «примеры мастерского изображения отдельных свойств характера и поведения человека», хотя это еще не был его «цельный образ».²⁵ С этой же точки зрения Варвару Павловну интересуют и другие сборники, прежде всего «Измарагд». Она называет «Измарагд» «своеобразной энциклопедией . . . общественной и личной морали средневековья».²⁶

«Поучения» и «слова» «Измарагда» («о лжи и клевете», «о ярости и о гневе», «об отношении к богатству и сребролюбию» и проч.) представляют исследователю богатый материал намеченных портретных и психологических зарисовок (к примеру, облик разъяренного человека, у которого от ярости «очи искры испускаета», а «нозе смешно переходита и скачета . . . аки дикие кони копают. . . Воистину, бо муж яр — не благообразен»)²⁷

Исследование «Измарагда» приводит Варвару Павловну к воссозданию психологического облика средневекового человека. Задавая вопрос, в чем заключается вклад «учительной» литературы в подготовку почвы для создания литературных характеров,²⁸ она отвечает изложением «сути воззрений учительной литературы на душевный мир человека»: человек «самовластен» — своей волей совершает поступки, ведущие к добру и злу, к правде и неправде; самым ценным признается ум («разум», «смысл»); «ум следует развивать „наказанием“ (т. е. учением), а словом надо пользоваться с осторожностью, помня его силу, которая может быть и полезна и вредна человеку; труд — основа жизни («праздный — да не яст»), отсюда резкое осуждение лени, праздности, пьянства — всего, что отвлекает от труда; человек обязан уметь владеть собою, быть искренним, нелицеприятным в отношениях с окружающими, помогать каждому нуждающемуся в помощи» и проч.²⁹

Варвара Павловна приводит убедительные примеры того, как дидактические произведения на тему, «како жити всякому человеку», уже с XI в. воздействовали на оригинальные памятники древнерусской литературы — помещенное в Лаврентьевской летописи под 1096 г. «Поучение» Владимира Мономаха и «Слово» Даниила Заточника, «Поучения» Серапиона Владимирского и целый ряд других³⁰ уже более позднего времени.

Чтобы показать, насколько глубоко умела старинная «учительная» литература «заглядывать во внутренний мир человека», Варвара Павловна проводит сравнение «поучений» «о скупости и несытости сребролюбца» с образом Скупого рыцаря А. С. Пушкина. Дидактическая литература изображает сребролюбие как «лютый. . . недуг», который поражает равно и «убогого» и «богатого»: «Несть скупый стяжанию своему господин, но страж есть, и приставник, и раб»; душа сребролюбца «глеет, зрящи блистания златнаго», но скупой сребролюбец так и умрет, не получив радости от богатства, которым воспользуются «иные».³¹

У Пушкина сын характеризует скупого отца подобно учительным «словам»: не как «стяжанию своему господина, но стража. . . и приставника, и раба»:

²³ Адрианова - Перетц В. П. Афоризмы Изборника Святослава 1076 г. и русские пословицы // ТОДРЛ. М.; Л., 1970. Т. 25. С. 5.

²⁴ Там же. С. 6.

²⁵ Там же. С. 19.

²⁶ Адрианова - Перетц В. П. К вопросу о круге чтения. . . С. 11.

²⁷ Адрианова - Перетц В. П. Человек в учительной литературе. . . С. 48.

²⁸ Там же. С. 45.

²⁹ Там же

³⁰ Там же. С. 51—60.

³¹ Там же. С. 18.

О! мой отец не слуг и не друзей
 В них видит, а господ, и сам им служит.
 И как же служит? Как алжирский раб,
 Как пес цепной. В нетопленной конуре
 Живет, пьет воду, ест сухие корки. . .

Сребролюбец «поучений» тоже «утробу свою мучит голодом. . . зимою жметя»; душа его «тлеет, зрящи блистания златного». Скупой рыцарь при виде открытых сундуков восклицает: «Я царствую!. . . Какой волшебный блеск!. . .» и т. д. Свое сопоставление облика сребролюбца «учительной» литературы с шедевром А. С. Пушкина Варвара Павловна заключает словами: «. . . поставив их рядом. . . мы можем справедливо оценить, как глубоко умели проникать в „помыслы“ и побуждения человека авторы дидактических произведений».³²

В заключение обращаюсь к уважаемым участникам конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Варвары Павловны Адриановой-Перетц, с предложением поддержать издание однотомника ее основных работ о поэтическом стиле древнерусской литературы. Проспект такого однотомника подготовлен. По существу это монография, в содержание которой входят: книга «Очерки поэтического стиля Древней Руси» (1947 г.), ставшая раритетом, но остающаяся настольной книгой филологов-медиевистов, и статьи «Сюжетное повествование в житийных памятниках» (1970 г.), «Человек в учительной литературе Древней Руси» (1972 г.), «К вопросу о круге чтения древнерусского писателя» (1974 г.).

Однотомник работ В. П. Адриановой-Перетц предполагается назвать «Очерки поэтического стиля Древней Руси»; он будет предварен вступительной статьей академика Д. С. Лихачева; объем книги — 25 а. л.

³² Там же. С. 67.

Р. П. ДМИТРИЕВА

Значение исследований В. П. Адриановой-Перетц, посвященных «Задонщине»

Одним из последних научных трудов В. П. Адриановой-Перетц, опубликованных при жизни автора, явилась книга «„Слово о полку Игореве“ и памятники русской литературы XI—XIII веков» (Л., 1968). Проблему подлинности «Слова о полку Игореве» она считала одной из важнейших и к полемике на эту тему относилась со всей серьезностью, вниманием и даже, можно сказать, с душевным трепетом. Последняя книга В. П. Адриановой-Перетц должна восприниматься как одно из проявлений ее постоянной заботы о дальнейшей судьбе и успешном развитии науки о древнерусской литературе, которой она посвятила всю свою творческую и организаторскую деятельность. Филологическая образованность, обширные знания в области древнерусской литературы и фольклора, постоянный интерес к вопросам стилистики древнерусских памятников позволили Варваре Павловне всесторонне раскрыть связь «Слова о полку Игореве» с литературными явлениями своей эпохи.

Начало пути к осуществлению названного исследования следует отнести еще к 40-м г. XX в., когда В. П. Адрианова-Перетц обратилась к изучению «Задонщины» — произведению XIV в., — главным образом к истории его текста. 30—40-е г. явились одним из таких периодов, когда в научной литературе с новой остротой встал вопрос о подлинности «Слова о полку Игореве». Дискуссия этого периода велась в основном вокруг вопроса о соотношении «Слова о полку Игореве» и «Задонщины». Внимание исследователей было сосредоточено на решении текстологической проблемы взаимоотношения списков «Задонщины». Дело в том, что к этому времени были открыты еще два списка «Задонщины», хранившихся в Рукописном отделе ГИМ.¹ Высказываемая неоднократно (с 1929 г.) А. Мазоном идея о заимствованиях в «Слове о полку Игореве» стилистических оборотов и фраз из «Задонщины» нашла, по его мнению, подтверждение в проведенном Я. Фрчком текстологическом анализе всех списков «Задонщины», включая списки И—1 и И—2. Я. Фрчек пришел к выводу, что списки «Задонщины» делятся на две редакции: первоначальную краткую, представленную списком К—Б, и пространную, к которой относятся все остальные списки.² А. Мазон воспользовался выводами Я. Фрчека как одним из основных аргументов для подтверждения своей концепции о заимствованиях из пространной редакции «Задонщины», сделанных в XVIII в.

¹ Это списки: Музейное собрание, № 2060 (условное обозначение — И-1) и № 3045 (условное обозначение — И-2). Остальные списки получили в научной литературе условные обозначения: У, С, К—Б, Ж. Впервые о списках И—1 и И—2 сообщил А. Д. Седелников в статье «Где была написана Задонщина?» (Slavia. Praha, 1930, Roč. 9, seš. 3. S. 524—536).

² Frček J. Zádonsťina. Staroruský žalozpěv o boji rusu s tatary r. 1380. Rozprava literárne dejepisná. Kritické vydání textu. Praha, 1948 (Práce Slovanského ústavu v Praze, sv. XVIII).

создателем «Слова о полку Игореве».³ С критикой концепции А. Мазона в 1945 г. выступил Н. К. Гудзий.⁴ В 1947 г. вышли в свет исследования В. П. Адриановой-Перетц,⁵ В. Ф. Ржиги⁶ и С. К. Шамбинаго,⁷ посвященные истории текста «Задонщины».

В. П. Адрианова-Перетц провела сложную, трудоемкую работу по изучению и сопоставлению всех дошедших текстов «Задонщины». По ее собственным словам, основная работа над списками «Задонщины» была закончена еще в 1943 г. Текстологические наблюдения позволили ей сделать заключение, что сохранившиеся списки «Задонщины» относятся к одной редакции, хотя и имеют расхождения между собой; наиболее значительно в ряду прочих выделяется список К—Б. Подтверждая наблюдение Я. Фрчека об отличии этого списка от остальных, В. П. Адрианова-Перетц принципиально расходится с ним в трактовке местоположения списка в истории текста: список К—Б отличается главным образом неполнотой текста, но в нем содержатся как некоторые первичные чтения, в том числе отсутствующие в остальных, так и вторичные. Из этого следует, что и данный список наряду с остальными восходит к общему оригиналу. По существу выводы В. П. Адриановой-Перетц совпали с мнением В. Ф. Ржиги, который, правда, считает, что список К—Б является самостоятельной «краткой» редакцией, а все остальные списки относятся к пространный редакции. Близость выводов этих двух исследований отметила сама Варвара Павловна.⁸ Главное заключается в том, что В. Ф. Ржига и краткую и пространный редакции возводит к общему протографу. Основной текстологический вывод о происхождении всех списков, в том числе и К—Б, от общего оригинала подтвердился последующими исследователями, изучавшими историю текста «Задонщины».⁹ Результатом большой работы, проделанной В. П. Адриановой-Перетц, явились публикации текстов «Задонщины» в трех изданиях. Прежде всего была осуществлена реконструкция текста дошедшей до нас редакции, в основу которой был положен список У.¹⁰ Этот список более полно сохранил композицию и состав произведения. При реконструкции для исправлений и добавлений были использованы чтения по другим спискам и отрывки текстов из «Сказания

³ M a s o n A. 1) Les récits de guerre dans la littérature russe du XV-e siècle // The slavonic and east european review. London, 1946. Vol. 25, N 64. P. 93—108; 2) Le Slovo d'Igor // The slavonic and east european review. London, 1949. Vol. 27, N 69. P. 515—535.

⁴ Г у д з и й Н. К. Ревизия подлинности «Слова о полку Игореве» в исследовании проф. А. Мазона // Учен. зап. МГУ. Вып. 110: Труды кафедры русской литературы. 1946. Кн. 1. С. 153—187.

⁵ А д р и а н о в а - П е р е т ц В. П. 1) «Задонщина»: Текст и примечания // ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 194—224; 2) «Слово о полку Игоревім» і «Задонщина» // Радянське літературознавство. Київ, 1947. № 7—8. С. 135—186.

⁶ Р ж и г а В. Ф. Слово Софония-рязанца о Куликовской битве («Задонщина»). М., 1947 (Учен. зап. МГПИ. Т. XLIII. Кафедра русской литературы).

⁷ «Задонщина». Слово о великом князе Дмитрии Ивановиче и о брате его, князе Владимире Андреевиче, яко победили супостата своего царя Мамаю / Публ. текста, прим. и послесл. С. К. Шамбинаго. М., 1947.

⁸ ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 221.

⁹ Прежде всего необходимо упомянуть о работе Р. О. Якобсона, который внес существенное уточнение: все списки «Задонщины» восходят к одной и той же редакции, но через посредство двух ее изводов, условно названных им изводом Унд и изводом Син; текст последнего передается в списках К—Б и С (J a k o b s o n R. Sofonija's Tale of the Russian-Tatar battle on the Kulikovo field / ed. by R. Jakobson and D. S. Worth. The Hague, 1963 P. 1—54).

¹⁰ ТОДРЛ. Т. 5. С. 198—205. В связи с публикацией В. П. Адриановой-Перетц этого реконструированного текста «Задонщины» А. Мазон в следующем году выступил в печати с рецензией, в которой коснулся наблюдений над «Задонщиной» Я. Фрчека (изд. 1948 г.) и концепции В. П. Адриановой-Перетц, обосновывавшей реконструкцию (M a z o n A. La campagne d'Outre—Don de 1380 // Journal des savants. Paris, 1948. Janvier—Juin. P. 15—25). Эта рецензия свидетельствует о тенденциозности ее автора: он признает только то, что в какой-то мере позволяет говорить о зависимости «Слова о полку Игореве» от «Задонщины»; текстологическая аргументация противной стороны его не интересует.

о Мамаевом побоище», близкие «Задонщине»; для контроля были привлечены соответствующие фрагменты из «Слова о полку Игореве». Восстановленный текст безусловно передает черты извода Унд, наличие которого, как уже упоминалось, в системе взаимоотношения списков дошедшей до нас редакции «Задонщины» было установлено Р. О. Якобсоном. Целью автора реконструкции было восстановление (насколько возможно) всех первоначальных чтений сохранившегося текста «Задонщины». Используемые для контроля соответствующие отрывки и фразы из «Слова о полку Игореве» позволили внести поправки в текст извода Унд. При осуществлении этого контроля в некоторых случаях правильные чтения заимствовались по спискам К—Б и С, т. е. из извода Син (заметим, что в период создания реконструкции существование двух изводов еще не было установлено). Учитывая, что сам текст извода Син при наличии двух его списков, которые содержат большое число последующих поправок и искажений, восстановить невозможно, мы должны констатировать, что, используя в полной мере сохранившийся текстовый материал, В. П. Адрианова-Перетц восстановила текст «Задонщины» наиболее близко к оригиналу данной редакции.

Исследовательница также сделала попытку восстановить гипотетический авторский текст «Задонщины» («Слово» Софония), выразив свою научную интерпретацию изучаемого памятника как литературного произведения. Исходя из представления об использовании в дошедшем до нас тексте «Задонщины» разных источников, она попыталась решить вопрос об особенностях первоначального вида произведения, написанного в единой поэтической манере. Варвара Павловна пишет: «В итоге в настоящее время несомненно принадлежащей Софоний Рязанцу мы можем считать лишь ту центральную часть „Задонщины“, которая опирается на поэтический план и стилистику „Слова о полку Игореве“». ¹¹ Если считать, что при создании своего произведения Софоний пользовался «Словом о полку Игореве» как образцом, определяющим критерием для восстановления авторского текста, нужно признать наличие или отсутствие в разных частях «Задонщины» поэтических образов и оборотов, восходящих к «Слову о полку Игореве». В этой связи при реконструкции были исключены предисловие, в котором говорится о происхождении русских от рода Афета, и заключительная часть, начинающаяся описанием бегства Мамая. ¹² В основу реконструкции был положен список И—1.

В том же году В. Ф. Ржига выступил с критическими замечаниями в адрес восстановленного В. П. Адриановой-Перетц первоначального вида «Слова» Софония. ¹³ Осознавая гипотетичность всякой реконструкции, исследовательница попыталась еще раз пересмотреть восстановленный ею текст и при публикации «Слова» Софония в следующем году внесла некоторые исправления. ¹⁴ Она уточнила отдельные чтения на основании соответствующих отрывков текста из «Сказания о Мамаевом побоище»; кроме того, включила рассказ о бегстве Мамая, начало которого стилистически близко «Слову о полку Игореве». Однако эпизод «Стояние на костях» был ею категорически отвергнут как восходящий к летописной повести о Куликовской битве.

Устойчивое возражение специалистов вызывало исключение из предполагаемого авторского варианта «Задонщины» предисловия, восходящего, как полагала В. П. Адрианова-Перетц, к летописным припоминаниям. ¹⁵

¹¹ Адрианова-Перетц В. П. «Задонщина» (к вопросу о реконструкции авторского текста) // ИОЛЯ. М., 1947. Т. 6. № 2. С. 97.

¹² Там же. С. 178—186.

¹³ Ржига В. Ф. Слово Софония-рязанца о Куликовской битве («Задонщина»). С. 36—37.

¹⁴ Адрианова-Перетц В. П. «Задонщина» (Опыт реконструкции авторского текста) // ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т. 6. С. 201—255.

¹⁵ С мнением В. П. Адриановой-Перетц был не согласен В. Ф. Ржига (в упомянутом ранее исследовании); А. А. Назаровский в обзоре публикаций, посвященных «Задонщине», при общей высокой оценке в целом работ В. П. Адриановой-Перетц на эту тему

Она твердо держалась мнения, что «Слово» Софония открывалось текстом, свойственным обычно былинным зачинам, — беседой на пиру. В связи с этим уместно напомнить, что в начале списков У и Ж «Задонщины» есть упоминание о пире у Микулы Васильевича.¹⁶ В. П. Адрианова-Перетц ясно понимала гипотетичность реконструированного ею текста первоначальной (не дошедшей до нас) редакции «Задонщины» и в кратком обосновании к своей реконструкции она отметила: «Таким образом, изучение только немногих сохранившихся рукописных списков „Задонщины“ не позволяет еще окончательно решить вопрос о первоначальном ее объеме».¹⁷ Одновременно с несколько измененным вариантом реконструкции «Слова» Софония в 6-м томе ТОДРЛ был опубликован текст «Задонщины» по всем сохранившимся спискам. Публикация всех списков «Задонщины» наряду с реконструированным текстом давала возможность последующим исследователям увидеть творческую лабораторию по воссозданию реконструкции, а также предоставляла материал для дальнейших наблюдений.

В книге «Воинские повести Древней Руси», опубликованной в 1949 г., была помещена реконструкция «Слова» Софония Рязанца.¹⁸ В сопровождающей публикацию статье «Слово о Куликовской битве Софония Рязанца («Задонщина»)» В. П. Адрианова-Перетц, определяя идейное содержание произведения, обратила внимание на отражение в «Задонщине» рязанской литературной традиции, а также на знакомство ее автора с устными рассказами.

Как показывают перечисленные публикации В. П. Адриановой-Перетц на тему «Задонщины», на протяжении десятилетия она упорно работала над решением проблемы истории создания этого произведения и отражения в нем явлений своей эпохи. Все ее наблюдения и выводы оказались плодотворными для последующих исследований, посвященных как «Задонщине», так и «Слову о полку Игореве».

В 1962 г. В. П. Адрианова-Перетц вновь обратилась к этой теме в своей статье «„Слово о полку Игореве“ и „Задонщина“».¹⁹ Еще в предисловии к реконструкции авторского текста «Задонщины», критикуя концепцию А. Мазона о зависимости «Слова о полку Игореве» от «Задонщины», она отметила различия в использовании стилистических оборотов и метафорических образов при сопоставлении совпадающих чтений этих двух произведений.²⁰ Мысль о своеобразном изменении функций художественно-стилистических оборотов в передаче автора «Задонщины» исследовательница снова повторила в статье «Слово о Куликовской битве Софония Рязанца»: «Софоний развил устнопоэтические элементы художественного стиля своего основного литературного образца — „Слова о полку Игореве“, но развил по-своему, приблизив рассказ о Куликовской битве к народным песням о богатырях, а может быть, и к песням о героях этой битвы, не сохранившимся в позднейшей передаче».²¹

и в том числе воссозданной ею реконструкции текста критически относился к исключению предисловия (Н а з а р е в с к и й А. А. «Задонщина» в исследованиях последнего десятилетия // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 549—559). Реконструкция, осуществленная В. П. Адриановой-Перетц, действительно, весьма гипотетична. Дело в том, что речь идет о восстановлении первоначального вида произведения Софония на основании текста последующей сохранившейся редакции, которая дошла в небольшом числе списков, имеющих значительные расхождения между собой. Реконструированный В. П. Адриановой-Перетц текст отражает по сути дела научную интерпретацию произведения, появившуюся у исследователя в результате работы над текстом.

¹⁶ Д. С. Лихачев в книге «Национальное самосознание Древней Руси» (М.; Л., 1945. С. 74) отметил, что предисловие «Задонщины» составлено в эпических былинных тонах.

¹⁷ Адрианова-Перетц В. П. 1) «Задонщина» (К вопросу о реконструкции авторского текста). // ИОЛЯ. Т. 6, № 2. С. 97.

¹⁸ Воинские повести Древней Руси. М.; Л., 1949. С. 33—41, 143—165.

¹⁹ Статья издана в кн.: «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. М.; Л., 1962. С. 131—168.

²⁰ ТОДРЛ. Т. 6. С. 210—217.

²¹ Воинские повести Древней Руси. С. 165.

Главной задачей, поставленной в новом исследовании (1962 г.), было решение вопроса о подлинности «Слова о полку Игореве». Проведенное с этой целью сопоставление параллелей «Слова о полку Игореве» и «Задонщины» со всей очевидностью показало зависимость произведения о победе на Куликовском поле от «Слова о полку Игореве» — основного источника, отразившегося в виде заимствований художественных образов и стилистических оборотов. В. П. Адрианова-Перетц пишет: «Все эти наблюдения показывают, что попытка „перевернуть гипотезу“ и задать вопрос, „не вдохновлялся ли певец Игоря „Задонщиной““, — не дает положительных результатов. Все то, что этот „певец“ мог извлечь из „Задонщины“, никак не помогло бы ему превратить летописный рассказ о походе Игоря в гениальное и по глубокому идейному замыслу, и по его художественному воплощению произведение, сохраненное мусин-пушкинской рукописью. Но крепко спаянное со всей высокой культурой Киевской Руси, отвечавшее эстетическим понятиям XII в. „Слово о полку Игореве“ естественно могло вдохновить писателя конца XIV в.»²²

Анализ, сделанный в исследовании В. П. Адриановой-Перетц на сопоставлении главным образом стилистических оборотов и фразеологизмов, имеет принципиально важное значение не только для определения первичности «Слова о полку Игореве», но и для характеристики своеобразия «Задонщины» как художественного произведения. Основная задача исследования и главные выводы в известной степени заслоняют от читателей имеющие не менее важное научное значение наблюдения В. П. Адриановой-Перетц над «Задонщиной» как литературным произведением. Выработанная ею в результате тщательного изучения текстов «Задонщины» концепция о значении этого произведения как литературного памятника все время присутствует в статье 1962 г. Именно это позволило ее автору выявить художественные средства, которые были привлечены для создания «Задонщины», произведения XIV в.

Вслед за работой В. П. Адриановой-Перетц появилась статья Д. С. Лихачева «Черты подражательности „Задонщины“ (К вопросу об отношении «Задонщины» к «Слову о полку Игореве»)».²³ Д. С. Лихачев рассмотрел взаимозависимость «Слова» и «Задонщины» с точки зрения поэтики подражания. Определяя разные виды подражательности в «Задонщине», он коснулся и вопроса стилистики этого произведения, отметив как характерную черту подражательности стилистическую неоднородность его. Рассмотренное Д. С. Лихачевым стилистическое своеобразие «Задонщины» подтвердило наблюдения В. П. Адриановой-Перетц. Варвара Павловна на многих примерах показала, как заимствованные из «Слова о полку Игореве» стилистические обороты и образы приобрели в «Задонщине» новое значение; так метафоричность превращается в реальный образ, символ — в реальную деталь, нераскрытые метафоры обретают конкретность изложения; при этом поэтические обороты, восходящие к «Слову», все время перемежаются выражениями, свойственными деловой лексике. Подмеченная В. П. Адриановой-Перетц тенденция автора «Задонщины» к конкретности изложения выражается в том, что он, заимствуя лаконичные поэтические образы «Слова», стремится раскрыть их и уточнить, чтобы содержание произведения стало более доступно читателю. Наиболее характерной чертой «Задонщины» Варвара Павловна считала деловой стиль повествования, который автор украсил художественными деталями «Слова о полку Игореве». «„Задонщина“ не плагиат, это самостоятельная повесть, попытавшаяся воспользоваться по-своему литературным наследием».²⁴ Этот вывод В. П. Адриановой-Перетц важен для дальнейшего изучения «Задонщины» как самостоятельного литературного произведения.

²² «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. С. 167.

²³ РЛ. Л., 1964. № 3. С. 84—107.

²⁴ «Слово о полку Игореве» — памятник XII в. С. 168.

Новые списки Повести о М. В. Скопине-Шуйском

Одной из важнейших тем, к которым на пути научной деятельности обращалась В. П. Адрианова-Перетц, являлось изучение взаимодействия древнерусской литературы и фольклора. В рамках исследования данной проблемы ею рассматривались и исторические повести XVII в., в частности так называемое «Писание о преставлении и о погребении князя Михаила Васильевича Шуйского, рекомого Скопина».¹

До нынешнего времени были известны два списка данного памятника; недавно нами найдены еще два, введение которых в научный оборот и представляет собой цель данной публикации.

«Писание о преставлении» встречается в рукописях лишь в комплексе с текстом «О рождении» М. В. Скопина; будем называть данный комплекс Повестью о Скопине, не пытаясь ответить на вопрос, является ли он единым произведением,² и далее вести речь уже не о списках «Писания», а о списках Повести, в которых «Писание» — одна из составных частей.

Два списка, которые до сих пор были известны, представляют собой соответственно две редакции Повести. Первая читается в составе Степенной книги с дополнениями второй половины XVII в. (ГПБ, собр. ОЛДП, № 76); вторая — в составе Хронографа особого состава того же времени (ГПБ, собр. Погодина, № 1451); вторая редакция является сокращением первой.³

¹ Адрианова - Перетц В. П. Исторические повести XVII века и устное народное творчество // ТОДРЛ. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 67—96. Статья перепечатана в сб.: Адрианова - Перетц В. П. Древнерусская литература и фольклор. Л., 1974. С. 63—99.

² Вопрос о том, являются ли части «Писание о преставлении» и «О рождении» частями единого произведения или самостоятельными произведениями, объединенными на основе тематики, представляется очень важным. Большинство исследователей склоняются к мнению о неединовременности и самостоятельности возникновения частей Повести, однако, на наш взгляд, эта точка зрения (как и противоположная ей) недостаточно аргументирована.

³ В первой редакции вслед за заглавием «О рождении князя Михаила Васильевича Шуйского» следует рассказ о детстве, юности, женитьбе князя, начале его воинской деятельности; подробно описано Калязинское сражение (данный фрагмент текста заимствован из «Сказаний Авраамия Палицына»); заключением части «О рождении» является рассказ о Клушанской битве, произошедшей уже после смерти Скопина. Далее в тексте Повести новый подзаголовок — «Писание о преставлении и о погребении князя Михаила Васильевича Шуйского, рекомого Скопина», за которым следует текст, являющийся предисловием к рассказу о кончине Скопина. Начинается оно кратким экскурсом в историю сотворения мира, далее идут сообщение о смерти Скопина, племянника царя Василия Шуйского, и генеалогическая выкладка, возводящая князей Шуйских через Александра Невского и Владимира Киевского к Августу-кесарю. Предисловие отделено от рассказа о смерти подзаголовком «О преставлении князя Михаила Скопина», непосредственно за которым повествуется об отравлении князя на крестном пиру у князя Воротынского, смерти и погребении. Оканчивается Повесть описанием знаменания, виденного живописцем Дворцового приказа незадолго до смерти Скопина. Во второй редакции в тексте Повести отсутствуют подзаголовки «Писание о преставлении» и «О преставлении»; в части, соответствующей части первой редакции Повести, следующей за заголовком «Писание о преставлении», отсутствует предисловие; рассказ

Один из найденных нами списков является списком второй редакции Повести. Читается он в составе Хронографа из коллекции Румянцевского музея (ГБЛ, Музейное собр., № 462, л. 117—122 об.). Список поздний, начала XIX в. Основная часть Румянцевского хронографа идентична по составу соответствующей части Погодинского хронографа; текст Повести о Скопине совпадает в двух хронографах дословно. Любопытно отметить, что Румянцевский хронограф является копией с копии Хронографа, принадлежавшего А. И. Мусину-Пушкину и пропавшего в 1812 г.: на последнем (139 об.) листе Хронографа имеется запись, что данный список сделан со списка, принадлежавшего Ярославской семинарии, списанного в свою очередь с мусин-пушкинского.

Второй найденный нами список находится в составе исторического сборника 60-х гг. XVII в. (ГБЛ, собр. Овчинникова, № 473, л. 229—273)⁴ и отражает текст первой редакции Повести, имеющий, однако, особенность, заставляющую выделять его в ряду других списков Повести. Напомним, что традиционный порядок следования частей Повести таков: сначала часть, рассказывающая о рождении князя, затем — о гибели и погребении. П. Г. Васенко, нашедший и опубликовавший текст первой редакции Повести, указывал на ряд его несообразностей при таком (традиционном) расположении частей: во-первых, исследователь отмечал, что в первой части Повести («О рождении») княгиня Александра Васильевна, жена князя, названа «предреченной», хотя речи о ней до сих пор не шло; во-вторых, в первой же части имеется описание сражения, произошедшего после смерти Скопина, хотя в этой части описывается не смерть князя, а жизнь (смерть — в следующем за ней «Писании о преставлении»⁵). В Овчинниковском списке порядок следования частей Повести отличен от традиционного: сначала в нем идет «Писание о преставлении», затем часть «О рождении». Причем если в первой редакции «Писание» кончается словами: «Прочее же о сем умолчим, да не постигнет нас, по апостолу, закоснение, но мало побеседуем о мимошедшем», то в Овчинниковском списке данная фраза имеет продолжение: «. . . но мало побеседуем от мимошедшего князя Михаила Васильевича летех» (л. 256 об.), и вслед за ней идет заголовок «О рождении его рещ» и описание «мимошедших лет» Скопина. Полагаем, что в Овчинниковском списке чтение первоначально: фраза, обещающая рассказать о прошлом князя, является связкой, мостиком к следующему далее рассказу о юности князя; в традиционном же варианте после призыва «побеседовать о мимошедшем» не следует ничего; слова, предполагающие переход к рассказу о каких-то прошлых событиях, оказываются неожиданно заключительными словами произведения. При порядке следования частей Повести, как в Овчинниковском списке, снимаются и указанные Васенко противоречия ее текста: названная в части «О рождении» «предреченной» княгиня Александра Васильевна действительно была «прежде речена» — в предшествовавшем тексту «О рождении» тексте «Писания»; заключающее текст части «О рождении» описание Клушинской битвы появляется уже после рассказа «Писания» о преставлении Скопина.⁶

о Клушинской битве перенесен в конец Повести, в то время как рассказ о знамени перед смертью Скопина изъят из ее текста.

⁴ Перечислим другие статьи, входящие в состав сборника: Хождение Трифона Коробейникова (л. 1—131), О Казанском взятии (л. 132—189), О победе над мамаевыми татарами на реке Воже (л. 190—212), О пасхальном яйце (л. 212 об.—213), О белом клобуке (л. 214—223), Иоанн, большой колпак (л. 223 об.—227), Михаил Федорович Романов и турецкий султан (л. 273 об.—275), Возвращение Филарета из польского плена (л. 275), От Жития Иосифа Волоцкого (л. 286—291), Сказание о грамоте Киприана Киевского (л. 291 об.—297), О ризе господней (л. 298—302), Послание некоему горду и величаву (л. 303—309), Азовское осадное сидение (л. 310—317).

⁵ Васенко П. Г. Повести о князе Михаиле Васильевиче Скопине-Шуйском // ПДПИ. СПб., 1904. Ч. CLVI. С. 7.

⁶ Отметим также, что предисловие части «Писание о преставлении», содержащее экскурс в библейскую историю и генеалогию князей Шуйских, уместнее выгладит в на-

Порядок следования частей, подобный представленному в Овчинниковском списке, при котором текст Повести уже не содержит противоречий, по-видимому, является первоначальным; указанные П. Г. Васенко противоречия объясняются просто — перестановкой частей. Вероятно, первоначально текст Повести выглядел так: общее заглавие «Писание о преставлении»; предисловие; часть, озаглавленная «О преставлении князя Михаила Васильевича Шуйского»; часть «О рождении». Видимо, перестановка частей Повести была продиктована желанием редактора приблизить ее текст к требованиям агнографического канона (в житийных памятниках всегда сначала рассказывается о рождении и жизни, затем о смерти героя, а не наоборот). Таким образом, наличие Овчинниковского списка Повести позволяет внести корректировку в представления об истории ее текста. Очевидно, схематически ее можно представить так:⁷

чале Повести (как в Овчинниковском списке), а не в ее середине (как в первой редакции).

⁷ Не обсуждая вопроса о том, является ли Повесть единым изначально произведением или составленным из двух произведений самостоятельных, позволим себе высказать мысли о времени ее возникновения. Очевидно, что она была создана после 1620 г. (мы уже упоминали о заимствовании в ее части «О рождении» из «Сказания» Авраамия Палицына). На наш взгляд, датирующим признаком может служить оценка, данная в Повести Василию Шуйскому. Практически все памятники, написанные после свержения царя Василия, дают ему негативную характеристику. Личность его, однако, реабилитируется в ряде произведений конца 20-х—начала 30-х гг. XVII в.: явно позитивное отношение к царю демонстрируют написанные в это время «Рукопись Филарета», «Повесть о победах Московского государства». Интересно, что оба этих произведения излагают ту же версию смерти Скопина, что и Повесть: версию отравления на крестном пиру («Рукопись Филарета») и просто отравления боярами-завистниками («Повесть о победах»). Таким образом, положительное отношение к Василию Шуйскому, интерес к фигуре Скопина и интерпретация обстоятельств его смерти сближают Повесть с историческими произведениями конца 20-х—начала 30-х гг. XVII в.; возможно, что и Повесть о Скопине была создана в то же время.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ «СЛОВАРЯ КНИЖНИКОВ И КНИЖНОСТИ ДРЕВНЕЙ РУСИ»

Писатели и поэты XVII в.*

Лаврецкий Семен Федорович (по данным К. В. Харламповича — Иванович) (вторая половина XVII в.) — переводчик Посольского приказа. По сообщениям дипломата И. Г. Корба и иезуита Франциска Эмилиане (1699 г.), Л. — поляк и до перехода на русскую службу был доминиканским монахом (см.: Письма и донесения иезуитов о России. СПб., 1904. С. 32, 237). С 13 ноября 1660 г. до начала XVIII в. Л. служил в Посольском приказе переводчиком с польского и латинского языков. Неоднократно принимал участие в переговорах, ездил в составе посольств за границу, бывал в Варшаве, Вене, участвовал в заключении Константинопольского мирного договора 1700 г. С 1676 г. — дворянин московский. В 1680 г. занимает прочное положение среди переводчиков Посольского приказа (по величине жалованья стоит на третьем, а в 1690 г. — на втором месте). Сын Л. Афанасий также служил переводчиком в Посольском приказе.

Вскоре после поездки в Польшу в 1662 г. Л., по собственному признанию, «з Газким митрополитом писал и переводил три года книги ответные на богохульные статьи раскольника бывшего попа Никитки Пустосвята» (Белокуров. О Посольском приказе. С. 143). В 1675—1677 гг. Л. был одним из пяти переводчиков, переведивших с польского языка сборник нравоучительных рассказов «*Великое Зерцало*». Перевод осуществлялся по желанию царя *Алексея Михайловича* и под наблюдением царского духовника, протоиерея *Андрея Саввича Постникова*. Л. была поручена для перевода первая «доля» польского оригинала (им было, очевидно, издание 1633 г.). По аргументированной гипотезе Б. Вальчак-Срочиньской, ему был поручен перевод «прилогов» с 1 по 692 (по счету польского оригинала); Л. довел работу до 591 и всего перевел 384 «прилога», т. е. почти половину всех переведенных рассказов. Этот первый по счету перевод «Великого Зерцала» на русский язык распространения не получил и сохранился в нескольких списках.

В 1689 г. Л. перевел на русский язык «Новый и старый календарь течений небесных... на лето господне 1689» краковского математика С. Словаковича. Единственный известный список перевода (в сборнике БАН, Арханг. собр., С 228) принадлежал *Афанасию Холмогорскому* и был сделан со списка, принадлежавшего известному дипломату петровского времени А. А. Матвееву. В 1685—1690-х гг. принимал участие в переводе трудов по математике, навигации и истории (ЦГАДА, ф. 181, № 259).

Соч.: А. П. «Новый и старый календарь течений небесных на лето господне 1689» // Архангельские губернские ведомости. 1877. № 66. С. 2—4; <С перанский М. Н.> Высшие женские курсы: Семинарий по древней русской литературе. Вып. 9. «Великое Зерцало». Сергиев Посад, <1916>.

Лит.: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1858. Т. 5; 1862. Т. 6; Владимирова П. В. «Великое Зерцало».

* Начало см. в предыдущем томе.

© С. И. Николаев, А. М. Панченко, Н. С. Демцова, Н. В. Поньрно, О. А. Белоброва, Н. Ф. Дробленкова, М. Д. Каган, Д. М. Булакин, М. А. Салмина, Н. Ю. Бубнов, В. К. Зиборов, Т. В. Булагина, А. Н. Гусева, Л. И. Сазонова, Я. Г. Солодкин, Л. А. Дмитриев, А. П. Богданов, Г. П. Енин, М. А. Федотова, Н. П. Парфентьев, А. Т. Шаликов, Е. И. Семенова, А. С. Лавров, 1991

М., 1884; Викторов А. Е. Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России. СПб., 1890. С. 45—46; Соболевский. Переводная литература. С. 135; Белокуров С. О Посольском приказе. М., 1906. С. 131, 143—145; Покровский А. А. Календарь Словаковича и его русский перевод // Древности. Труды Славянской комиссии Московского археологического общества. М., 1911. Т. 5. Протоколы. С. 28—29; Харламович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1. С. 430—431; Walczak-Sroczuńska В. «Wielkie Zwierciadło przykłądów» — dzieje tekstologiczne // Slavia Orientalis. 1976. N 4. S. 493—508.

С. И. Николаев

Лазарь (ум. 14 IV 1682) — священник из Романова-Борисоглебска, активный деятель раннего старообрядчества, автор полемических сочинений и челобитных. Из слов Л. («имею на себе благословение святейшего патриарха Филарета Никитича, а рукоположение Варлама, митрополита Ростовского, и держу их благословением чин священства»). — Материалы. . . Т. 4. С. 265; ср. с. 281) ясно, что он стал священником в промежутке между 1619 и 1633 гг.: в 1619 г. был хиротонисан на ростовскую митрополию *Варлаам* (ум. в 1652 г.; см.: Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 333), а патриарх *Филарет* скончался 1 октября 1633 г. Л. родился 17 июля: «Июля в 17-й день был в печали велице, яко и в день рождения моего ослабы не имею, и от печали и хлеба не ядох» (Материалы. . . Т. 4. С. 264 — из челобитной царю от февраля 1668 г.). В этот день празднуется перенесение мощей преподобного Лазаря, «иже в Галасийстей горе постившагося». В последующие дни месяцеслова ни одного Лазаря нет. Следовательно, Л. был окрещен в самый день рождения (это, в частности, делалось в том случае, если ребенок появлялся на свет слабым). По возрасту Л. был по крайней мере на 10 лет старше *Аввакума*.

До 1653 г. сведений о Л. не сохранилось. Известно лишь, что он активно подвизался в движении «боголюбцев», в последние годы патриаршества *Иосифа* оказался в Москве и принимал участие в деятельности Печатного двора, был отстранен от «книжной sprawy» новым патриархом *Никоном* и вступил с ним в открытую распрю. Когда Никон начал аресты «боголюбцев», Л. скрылся у игумена Никанора в монастыре Саввы Сторожевского, но был схвачен и вслед за Аввакумом сослан в Тобольск. В ссылку Л. сопровождала его жена Домна (по-видимому, эта чета была бездетной) и подьяк *Феодор Трофимов*, верный его сподвижник.

В Сибири Л. пробыл больше десяти лет. Из свидетельств жившего в Тобольске *Юрия Крижанича* очевидно, что он снискал большую популярность проповедью старой веры (Крижанич, впрочем, постарался бросить тень на Л., утверждая, что он бражничал). «Неистовое прекословие» Л. привело к тому, что из Сибири в Москву он вернулся как арестант (в ноябре 1665 г.). Здесь у него были взяты «росписи», содержавшие критику церковных нововведений (эти «росписи» рассматривались на соборах 1666—1667 гг.; опровержению «росписей» посвящена вторая статья «Жезла правления», написанного *Симеоном Полоцким* и изданного в 1667 г.). Л. тотчас отправили на Север (его делом ведала Новгородская четь). Пунктом назначения был Пустозерск, но Л. на несколько месяцев задержали на Мезени, в Кладниковой слободке. Потом его морем на ладье доставили в Пустозерск, а оттуда 31 августа 1666 г. в оковах — обратно в Москву, где поместный собор заочно уже осудил Л.

Новое разбирательство дела происходило в присутствии «вселенских» патриархов. Л., представший перед ними в декабре 1666 г., предложил решать спор защитников старины и апологетов новизны «божьем судом». Он готов был взойти на костер, утверждая, что если стогит, значит, правы «новые учителя», если уцелеет — «ревнители древлего благочестия» (эта мысль не оставляла Л. и позднее; в феврале 1668 г., призывая царя дать ему «очную ставку со властными и с новолюбными книжники», он приба-

вил: «А сверх, государь, очныя ставки, да повелит твоя божественная царская власть итти нам на общую правду, на божию судьбу, предо всем царством самовластно взыти на огонь во извещение истинны». — Материалы. . . Т. 4. С. 235—236). В апреле 1667 г. начались уговоры «церковных мятежников», в том числе и Л. Они происходили и на заседаниях собора, и в различных местах заключения (на Андреевском подворье, в Никольском-на-Угреше монастыре и др.). Уговоры ни к чему не привели. Л. вместе с другими был лишен сана и предан анафеме (17 июля 1667 г.). 26 августа был подписан указ о ссылке в Пустозерск Л., Аввакума, *Епифания* и симбирского священника Никифора. На следующий день на Болоте (в Замоскворечье) Епифанию и Л. «урезали» языки. Сосланные прибыли в Пустозерск 12 декабря.

Там в феврале 1668 г. «юзник поп Лазарь сказал за собою великое церковное слово и цареву тайное, и духовное дело патриаршее особь, и бил челом, писано к царю, и государь велел у него. . . о том великом церковном слове и о всем царском тайном и патриаршем духовном деле сказку взять» (Б а р с к о в Я. Л. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912. С. 318). «Слово и дело» реальных следствий не имело, но имело следствия литературные — челобитную царю и «сказку» патриарху *Иоасафу II*.

14 апреля 1670 г. Л. вместе с Епифанием и дьяконом *Федором* был подвергнут второй «казни»: «Таже священника Лазаря взяли и вырезали язык из горла, кровь попошла, да и перестала; он в то время без языка и паки говорит стал. Таже положи правую руку на плаху, по запыстье отсекли, и рука отсеченная, лежа на земли, сложила сама по преданию перьсты и долго лежала пред народы. . . Я на третьей день у Лазаря во рте рукою моею гладил, ино гладко, языка нет, а не болит, дал Бог, и говорит, яко и прежде. Играет надо мною: „Щупай, протопоп, забей руку в горло-то, небось, не отгъшу!“ И смех с ним, и горе! Я говорю: „Чево щупать, на улице язык бросили“. Он же сопротив: „Собаки оне, вражьи дети! Пускай мои едят языки“. Первой у него лехче и у старца на Москве резаны были, а ныне жестоко гораздо. А по дву годах и опять иной язык вырос, чюдно, с первой же величиною, лишю маленько тупенек» (Пустозерский сборник: Автографы сочинений Аввакума и Епифания. Л., 1975. С. 57—58).

Как писатель Л. не был в Пустозерске особенно активен (хотя он был одаренным стилистом; ср. челобитную царю от февраля 1668 г.: «Римския и лятцкия власти с колоколцы ходят и побрякивают, а собачки за ними и перед ними ходят и потявкивают: по сему и у наших властей также быти собачкам». — Материалы. . . Т. 4. С. 234). Но Л. не остался в стороне от богословских споров Аввакума и дьякона Федора. Поддерживая в основном первого (когда по Аввакумову доносу дьякона «зниюли на снегу» стрельцы, Аввакум и Л. смотрели и потешались), Л. иногда признавал правоту второго (например, по вопросу о сошествии Христа в ад). Как мыслитель Л. разделял апокалипсическое настроение «ревнителей древлего благочестия» и внес свой вклад в разработку старообрядческого учения об антихристе (согласно Л., антихрист еще только «хочет быть»).

14 апреля 1682 г. Л. вместе с тремя «союзниками» был сожжен в срубе. Его вдова Домна, также сосланная в Пустозерск, надолго пережила мужа: с ней разговаривал, расспрашивая о пустозерских страдальцах, автор «Отразительного писания» *Евфросин*.

Соч.: Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. <М., 1878>. Т. 4. С. 179—284 («Роспись вкратце нововводным церковным раздором»; «Роспись вкратце, в чем новыя книги со старыми несогласны и не сходятся»; «О несогласии самих с собою книг. . .»; записка для царя Алексея Михайловича о бесчинном употреблении креста Христова; челобитная царю из Пустозерска; челобитная («сказка») патриарху Иоасафу II из Пустозерска); Б а р с к о в Я. Л. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912. С. 53—67 («сказка» патриарху Иоасафу II из Пустозерска).

Лит.: Материалы для истории раскола за первое время его существования, изд. . . . под ред. Н. Субботина. <М., 1874>. Т. 4. С. 432—440 (документы о присылке Л. в Пустозерск в 1666 г.); <1876>. Т. 2 (соборное деяние о Л.); Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. СПб., 1898. С. VII, XIV, 11, 15, 32 и след.; Дружинин. Писания старообрядцев. С. 186—188; Веселовский С. Б. Памятники первых лет русского старообрядчества. II, III // ЛЗАК. СПб., 1914. Вып. XXVI; Кудрявцев И. М. Сборник XVII в. с подписями протопопа Аввакума и других пустозерских узников // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1972. Вып. 33. С. 148—212; Малышев В. И. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960. С. 58—59 (о сборнике ИРЛИ, Усть-Цилем. собр., № 10, возможно, автограф Л.).

А. М. Панченко

Леонтьева Евдокия Ивановна (вторая половина XVII в.) — дочь думного дворянина Ивана Замятни Федоровича Леонтьева, бывшего олонецким воеводой в 1667—1669 гг. (ум. до декабря 1670), автор писем и челобитных. Л. была одной из московских корреспонденток инока *Авраамия*, известного деятеля раннего старообрядчества (Л. присылала ему милостыню на Мстиславов двор, где Авраамий находился в заточении с 6 февраля 1670 г. до казни весной 1672 г., и стремилась, по-видимому, стать его духовной дочерью). По предположению Я. Л. Барскова, Л. могла быть адресатом послания Авраамия «к некоей дочери Христове». Сохранились два письма Л. Авраамию (автографы), датируемые 1671 г., и две ее покаянные челобитные (подлинники) царю и патриарху с просьбой о прощении, написанные после доноса о ее недозволенных прavitельством связях с иноком Авраамием. Кроме того, в автографах дошли два письма к ней и ее матери (Марии Владимировне Леонтьевой) братьев Л. Андрея Ивановича Леонтьева (от 16 декабря 1670 г.), служившего в полку князя Ю. А. Долгорукого и участвовавшего в разгроме движения С. Т. Разина, и Федора Ивановича Леонтьева (дата отсутствует), а также письмо к Л. от «старницы Афанасии» с просьбой о милостыни.

Письма из семейного архива Леонтьевых (хранятся в ЦГАДА, ф. XXVII, Б. 14, № 29—35) представляют собой интересный материал для изучения стиля частной переписки XVII в. Письма Л. Авраамию — образец сочетания книжных канонов эпистолярного и риторического стиля с живой московской речью XVII в. Искушенность Л. в книжной риторике привела к возникновению четкого ритма и морфологических созвучий в тексте ее похвалы иноку Авраамию. Покаянные челобитные Л., напротив, написаны живым разговорным языком и напоминают о стиле «распространенных речей». Литературная образованность Л. опиралась, по-видимому, на семейные традиции: в собрании рукописей ГИМ хранится рукописная «Логика» Моисея Маймонида (Синод. собр., № 943, в 8^о, 134 л., южнорусский полуустав, первая половина XVII в.), принадлежавшая в конце XVII в. стольнику Федору Ивановичу Леонтьеву (брату). См.: Описание рукописей Синодального собрания / Сост. Т. Н. Протасьева. М., 1970. Ч. I, № 775 (Син 943). С. 162—163.

Соч.: Барсков Я. Л. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912. С. 71—78; коммент. — с. 326—328, 369.

Н. С. Демкова

Лихачев Алексей Тимофеевич (ум. 1729) — учитель царевичей Алексея Алексеевича и Федора Алексеевича (будущего царя), книголюб; по свидетельству В. Н. Татищева, написал житие царя Федора Алексеевича, которое до нас не дошло («Лихачев, бывший учитель царя Федора II, жизнь онаго государя обстоятельно описал, которую я у него сам видел и читал, но после нигде достать ее и о ней навестать не могу». — Татищев В. Н. История Российская. М., 1768. Кн. 1. С. XIII). Л. был членом кружка Ф. М. Ртищева и имел целое книжное собрание. В 1724 г. он пожертвовал в Успенский женский монастырь в Александровской слободе часть своих

книг; в этот же монастырь после смерти Л., дожившего до глубокой старости, наследники передали принадлежавшие ему рукописи. Всего в Успенском монастыре находилось 12 следующих книг с владельческими и вкладными записями Л.: Стоглав и номоканон XVI в., Церковносоставник XVI в., Книга Григория Омиритского XVII в., Венец веры *Симеона Полоцкого* XVII в., Диоптра XVII в., Церковная летопись Барония XVII в., *Хроника Мацея Стрыйковского* XVII в., Лимонарь XVI в., Вопросы Григория, папы римского XVII в., *Житие Андрея Юродивого* XVII в., Хождение в святую землю Николая Радзивилла, воеводы виленского (перевод с польского XVII в.), Лечебник (перевод с польского XVII в.). Если принять во внимание, что в монастырь была передана, вероятно, лишь часть книг (здесь нет ни одной печатной книги), то Л. следует признать настоящим библиофилом.

В ГИБ (F.IV.159) хранится Степенная книга, принадлежавшая Л., о чем свидетельствует владельческая запись: «Сия книга окольникового Алексея Тимофеевича Лихачева». Эта рукопись имеет предисловие, восхваляющее науку историю и говорящее о царе Федоре Алексеевиче как об инициаторе создания книги.

Лит.: Замысловский Е. Царствование Федора Алексеевича. СПб., 1871. Ч. 1. С. XXXV—XLII; <Архимандрит> Л<еонид>. Историческое и археологическое описание первоклассного Успенского женского монастыря в городе Александрове (Владимирской губ.) // Вестник археологии и истории, издаваемый Археологическим институтом. СПб., 1885. Вып. 1. С. 66; Вып. 2. С. 26—49; К а с а т к и н В. В. Монастыри, соборы и приходские церкви Владимирской епархии, построенные до начала XIX столетия. Владимир, 1906. Ч. 1. С. 325—334; Л и х а ч е в Н. П. Генеалогическая история одной помещичьей библиотеки // Русский библиофил. 1913. № 5, сентябрь. С. 21—25; РБС. «Латзика-Ляшенко». СПб., 1914. С. 482—483 (ст. В. Корсакова).

Н. В. Понырко

Лихачев Василий Богданович (вторая половина XVII в.) — стольник, наместник боровский, автор статейного списка. В 1659 г. был послан с дипломатической миссией из Москвы во Флоренцию к тосканскому герцогу («дуку») Фердинанду II. В посольстве было более 20 человек, в их числе дьяк *Иван Фомин*, вместе с которым посол составил статейный список о посылке в Италию. Путь дипломата начался из Архангельска на английском корабле; по прибытии в Ливорно московское посольство было принято герцогом в Пизе и перевезено во Флоренцию, где москвичи пробыли около месяца. Они видели карнавальное празднество с поразившими их масками («в личинах всяких цветов»), строительство храма из камня аспида (мрамора), собрание раритетов, в том числе глобусы, заводные шкатулки и т. п. Подробное описание получил в статейном списке церемониальный прием послов Фердинандом II. Во Флоренции Л. и его спутники посетили три театральные постановки, сильно их поразившие сменой сцен и эпизодов, декорациями, бутафорией и театральной механикой. Эти чисто внешние впечатления, по-видимому, заслонили от московских зрителей содержание театральных постановок, возможно, оставшееся даже непонятным за отсутствием переводчика (скончавшегося еще на корабле при отплытии из Архангельска). В статейном списке отражен интерес «флорентинского князя» к сибирскому пушному промыслу. Примечателен диалог о значении фигуры всадника в гербе Московского государства: посланники пояснили герцогу, что это не св. Георгий, а «сам царь с копьём». Посланники отметили роскошь загородных дворцов с их садами, фонтанами, играми, музыкой. Необычен для них показался прием в их честь, устроенный герцогиней («кнеиной Анной»). Посол и дьяк получили от герцога по золотой цепи и по штуке дорогих тканей; более мелкие дары были вручены и остальным членам посольства. Из Флоренции путники выехали обратно на родину сухим путем — через Болонью, Модену, Веджио, Парму, Пьяченцу, Лоди, Милан, Лугано, Белинзону до Сен-Готарда. При переходе

через альпийский горный перевал подъячим было велено нести на руках «флорентийского князя лист» и статейный список. Часть пути послы плыли по Женевскому озеру — до Люцерна и далее в Базель; дальнейший путь по Рейну привел послов в Амстердам, откуда они семь недель плыли на трех кораблях к Архангельску. Сопоставление статейного списка послов с текстом наказа показывает, что последний послужил источником для титулатуры и других устойчивых формул. В языке статейного списка встречаются иностранные термины: бурмистр, генерал, граф, доктур, комидия, комиссия, куранты, курфирст, маркиз, резидент, рейтары, салдаты, секретарь, сенатор и др. В научной литературе и в хрестоматиях часто цитируются театральные впечатления Л.; в то же время цели посольства не уяснены. В ряду других статейных списков посольство Л. — Фомина отличается свободным, близким к разговорному языком.

Соч.: Статьиный список посольства дворянина и Боровского наместника Василья Лихачева во Флоренцию в 7167 (1659) году // ДРВ. 2-е изд. М., 1788. Ч. 4. С. 339—359; Чертков А. Описание посольства, отправленного в 1659 году от царя Алексея Михайловича к Фердинанду II-му, великому герцогу Тосканскому // Русский исторический сборник. М., 1840. Т. III, Кн. 4. С. 309—369; Статьиный список. . . // Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1871. Т. 10. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Папским двором и итальянскими государствами (1580 по 1699 г.). Стб. 509—670.

Лит.: Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI в. Опыт исторического исследования. СПб., 1888. С. 145—148; Ильинский Л. К. Русский с на Западе в 1659 году // Сборник статей в честь Д. А. Корсакова. Казань, 1913. С. 211—228; История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 421—422.

О. А. Белоброва

Лысенин Тимофей Матвеев (конец XVII—начало XVIII в.) — старообрядческий писатель, автор полемических сочинений. Первоначально жил в Москве, затем около 1708 г. переселился в Нижегородские пределы — в Городец и сделался вскоре одним из предводителей керженских старообрядцев-поповцев. По прибытии на Керженец Л. принимал участие в полемике с известным старцем Онуфрием из-за «писем» протопопа Аввакума, обличая в них «неправое мудрование». Под влиянием Л. многие из керженцев отвернулись от Онуфрия, как, например, старец Никодим, написавший об этом письмо к Л. В ответном послании от 18 октября 1708 г. Л. одобрял поступок Никодима и призывал его отказаться от общения с Онуфрием.

Известно письмо Л. к старцу Онуфрию от 22 июня 1708 г., в котором он убеждал «отложить спорныя и нецерковныя» письма Аввакума, «понеже они несогласны с божественным писанием» как в учении о св. Троице, так и в учении о кресте Христовом.

Около 1709 г. была написана так называемая «Книга» Л., состоящая из 51 главы и включающая главы, посвященные единосущной, нераздельной Троице, воплощению Сына Божия, единому престолу Троицы, поклонению честным иконам, «нововерцам», под которыми автор подразумевал почитателей спорных «писем» Аввакума, выпискам из «еретических писем» протопопа Аввакума.

Духовный отец многих керженских старообрядцев (в том числе и дьякона Александра), ветковский старец из Покровского монастыря Феодосий вызвал Л. с учениками на собор с целью «досмотрить и с божественным писанием сличить» «Книгу» Л. Но Л. «Книгу» на собор не принес, он стязался со старцем о формах креста Христова («Описание прения старца Феодосия с неким Тимофеем Матвеевым Лысениным и с их единовольники о честном и животворящем кресте Христове» издано: Лилеев М. И. Материалы для истории раскола на Ветке и в Стародубье. Киев, 1893. С. 3—9) и остался при своем «мудровании», вследствие чего собор постановил не иметь с ним общения.

Вскоре, в 1710 г., на Ветке состоялся новый собор (по жалобе кержачков на дьякона Александра, попа Димитрия и Л. за то, что они «начаша новое кадити двукратно и трекратное каждение оставиша». На этот раз на собор явились дьякон Адександр и поп Димитрий. В результате работы собора Александр и Димитрий дали клятву своему духовному отцу Феодосию от своего «мудрования» отстать «и написанную книгу о том мудровании советника их Тимофея Лысенина сыскати, и тою книгу принести пред нижегородских отец на собор, и в той книге несогласное и противное мудрование, чтоб до конца истребити». Но, вернувшись на Керженец, дьяконовцы продолжали свою прежнюю практику, а книгу Л. на собор не явили.

В 1720 г. после казни дьякона Александра на соборной нижегородской площади Л. вместе с большим числом единоверцев переселился на Ветку. Здесь пришлецы очень скоро заявили о своих несогласиях с ветковцами, и начался раздор. Главного виновника обострившихся отношений видели в Л. «А ныне оный Тимофей прииде с поборники своими и прельстиша обители нашей старца Сергия, и той чернец Сергей присовокупи поборников к себе», — писали ветковцы. На ветковских диспутах 20-х гг. XVIII в. обрываются наши сведения о Л.

П. С. Смирнов обнаружил рукопись ГПБ, собр. Погодина, № 1256 с «Книгой» Л. Сборник Погодинского собрания, № 1256 состоит из 4 частей. Первую из них составляет «Книга» Л., а третью — Сказание о распрях из-за спорных «писем» протопопа Аввакума, составленное в 1710 г. П. С. Смирнов доказал, что автором и этого Сказания является Л. Сказание содержит подробный рассказ о догматических спорах в старообрядчестве, о начале их в Пустозерске между протопопом Аввакумом и дьяконом *Феодором* и о продолжении на Керженце; рассказ заканчивается описанием собрания 6 октября 1708 г. Затем идет «Обличение от святого писания на несогласные письма протопопа Аввакума и на заступников тех писем: старца Онуфрия и Иерофея бельца и единомышленников их». В этом обличении есть «Сказание вкратце» сначала о спорах Аввакума с диаконом *Феодором*, затем — о собраниях на Керженце (начиная с собора 1693 г.) и более подробный рассказ о последних сходах на Онуфрия (начиная со сходки в кельях матери Голиндухи).

И «Книга» и Сказание Л. известны по одному списку. «Книга» не опубликована.

Соч.: Е с п и о в Г. Раскольничьи дела XVIII столетия. СПб., 1863. Т. 2. С. 244—248 (письмо Онуфрию); Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. «М., 1887». Т. 8. С. 204—353 (Сказание о распрях из-за спорных «писем» Аввакума).

Лит.: Обличение на раскольников, сочиненное Василием Флоровым // Братское слово. 1894. Т. 1. С. 476; С м и р н о в П. С. 1) Новый труд по истории раскола // Христ. чт. 1895. Ч. 2. С. 542—544; 2) Внутренние вопросы в расколе в XIII веке. СПб., 1898. С. 192; 3) Из истории раскола первой половины XVIII века. СПб., 1908. С. 99—196; 4) Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII века. СПб., 1909. С. 33—40, 111—119, 262—280, 311—329; Л и л е в М. И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII—XVIII вв. Киев, 1895. Вып. 1, С. 169, 192—198, 208, 405—428.

Н. В. Поньрько

Ляпунов Прокопий Петрович (ум. 22 VII 1611) — политический деятель, организатор и руководитель Первого народного ополчения, автор посланий и грамот. Происходил из старинного дворянского рода, в событиях первого десятилетия XVII в. стал политическим лидером рязанского дворянства. После смерти *Бориса Годунова* целовал крест Лжедмитрию I; когда воцарился Василий Шуйский, присоединился к восстанию *И. И. Болотникова*. Однако 15 ноября 1606 г. во время подготовки восставших к блокаде Москвы отряды во главе с Л. и Г. Ф. Сумбуловым перешли на сторону Шуйского. Щедро вознагражденный царем, возве-

денный в чин думного дворянина и назначенный воеводой Рязани, Л. стал фактически неограниченным властителем Рязанского края. К началу 1610 г., как свидетельствуют некоторые летописные источники, Л. вновь изменяет свое отношение к правительству Василия Шуйского; он активно способствовал его свержению.

В конце 1610 г. с началом открытой польско-шведской интервенции Л. начинает подготовку и с января 1611 г. возглавляет организацию Первого народного ополчения. Формируя ополчение, Л. добивается союза с оставшимися после разгрома «Тушинского вора» отрядами (так называемыми казацкими «таборами») во главе с Д. Т. Трубецким и И. М. Заруцким. С конца января 1611 г. Л. начинает рассылку по городам агитационных грамот, обращенных ко всем слоям населения, где, не скупясь на посулы, обещает «боярским людям, крепостным и старинным. . . воли и жалованья. . . как и иным казаком». На призывы рязанского воеводы откликнулись жители Костромы, Нижнего Новгорода, Суздаля, Галича, Владимира, Ярославля, Казани, Муром, Вологды, Перми и многих иных городов. В феврале 1611 г. началось продвижение отрядов к Коломне и Серпухову, а 3 марта Л. с «нарядом» и «гуляй-городом» двинулся из Коломны к Москве. Однако к моменту вспыхнувшего в Москве 19 марта 1611 г. восстания против оккупантов его отряды не успели, и восстание было подавлено.

1 апреля 1611 г., когда формирование Первого ополчения, происшедшее в течение января—марта 1611 г., было завершено, объединенные отряды под предводительством Д. Т. Трубецкого и И. М. Заруцкого осадили Московский Кремль и Китай-город. Однако успешным действиям ополчения препятствовали социальные противоречия между сословными группировками внутри ополчения и установившаяся между воеводами, по словам *Летописца Нового*, «рознь великая». Имевшие боярский чин, Д. Т. Трубецкой и И. М. Заруцкий не считали для себя обязательным признавать авторитет Л., который первоначально занимал главенствующее место в «законодательном органе» Первого ополчения «Совете всей земли». Для прекращения розни было создано правительство триумvirата, в котором по чину первые места заняли князь Д. Т. Трубецкой и боярин И. М. Заруцкий, а третье — думный дворянин Л., продолжавший, однако, сохранять первенство в руководстве ополчением. Но руководство Первого ополчения не смогло достичь ни внутреннего согласия, ни установить прочный порядок на территории Московского государства, признавшей его власть.

30 июня 1611 г. Л. было осуществлено создание «Приговора», раскрывшего крепостническую суть социальной программы землевладельческих верхов ополчения — не только боярства, но и дворянства, а также зажиточной верхушки казачества («старых казаков»). Взрыв протеста в социальных низах ополчения был вызван обнародованным указом возвращать «боярских крестьян и людей» в прежнюю «крепость», их «старым помещикам» («надлежит по сыску крестьян и людей отдавать назад старым помещикам»), т. е. полным нарушением данных ранее Л. агитационных обещаний. Это послужило одной из основных причин его гибели и распада ополчения.

Первое покушение на Л. было спровоцировано самовольной (вопреки предписанию «Приговора») расправой Матвея Плещеева над 28 нарушившими дисциплину казаками. Вспыхнувшее в связи с этим в отрядах волнение побудило Л. сделать попытку к побегу из подмосковного лагеря в Рязань, от которого, впрочем, его удалось отговорить. Однако вскоре после этих событий, по рассказу Нового летописца (достоверность которого не имеет фактического подтверждения и ставится историками под сомнение), И. М. Заруцкий в стоворе с паном Гонсевским подделали руку Л. и создали от его имени «изменную» грамотку, из которой следовало, что тот якобы сносился с поляками. Для разбора этого дела Л. был вызван

на казацкий «круг» (на котором отсутствовали и Д. Т. Трубецкой, и И. М. Заруцкий) и зарублен атаманом Сергеем Карамышевым. Смерть Л. послужила началом открытой междоусобицы в подмосковном лагере и распада Первого ополчения.

Эпистолярное наследие Л. сохранилось далеко не полностью. В городских грамотах 1608—1612 гг., деловых актах того времени, Новом летописце и других источниках имеются свидетельства о посылке им личных грамот и посланий царю Василию Шуйскому (в ноябре 1606 г. — по поводу перехода в царские войска из отрядов И. И. Болотникова), а затем — против Шуйского, когда, по словам Нового летописца, Л. «нача на царя Василья умышляти всякими умыслами и по городом нача писати от себя в Колугу к Вору посылаше» (Лжедмитрию II), а также посланий М. В. Скопину-Шуйскому и Д. М. Пожарскому (ПСРЛ. Т. 14, ч. 1, С. 92). Согласно рассказу Нового летописца свое послание М. В. Скопину-Шуйскому Л. направил как поздравление по случаю одержанной полководцем победы над интервентами под Александровской слободой. Не ограничиваясь поздравлением, он, однако, выражал в нем пожелание видеть на царском престоле вместо Василия Шуйского его племянника («здороваша на царство, а царя ж Василья укорными словесы писаша»). М. В. Скопин-Шуйский, прочтя грамотку, разорвал ее, а привезших ее посланцев сначала приказал арестовать и отправить в Москву к царю, но затем, учтя их непричастность к делу и «не хотя их крови», отпустил в Рязань. Послание Л. Д. М. Пожарскому в Зарайск было вызвано известием о смерти 23 апреля 1610 г. М. В. Скопина-Шуйского и волной народного возмущения против Шуйских, особенно против брата царя Дмитрия Шуйского. Л. призывал в послании «мстити смерть царю Василью князь Михайла Васильевича». Однако Д. М. Пожарский остался верен присяге Шуйскому и отослал грамоту царю. После свержения Василия Шуйского и договора боярского правительства об избрании на царство королевича Владислава Л., по словам Жолкевского, посылал к гетману своего сына Владимира с приветствием по этому случаю (Платонов. Очерки. . . С. 371). Все эти личные послания Л. не сохранились; не дошла до нас и тайная его переписка с братом Захарием, находившимся под Смоленском, и с московским стольником В. И. Бутурлиным, разведывавшими замыслы интервентов.

Из нескольких посланий Л. правительству «семибоярщины» известно только содержание его грамоты в защиту патриарха *Гермогена*. В составе февральской грамоты 1611 г. во Владимир сохранилось авторское переложение содержания грамоты Л. к Я. П. Сапеге от 11 февраля 1611 г. Грамота Л. во Владимир написана по типу городских агитационных грамот 1608—1610 гг. В ней, следуя стилю деловой и городской переписки, он извещает о планах объединения отрядов Первого ополчения, о предложении Я. Сапегой союза Ю. Н. Трубецкому «с товарищи» (отряды которого располагались в Кауге) и объясняет владимирцам причину своего встречного предложения о заключении союза с Я. Сапегой, перелагая при этом содержание своего послания гетману, которое он отправил с племянником Федором Ляпуновым. Однако о стиле личной переписки Л. на основании этого переложения судить нельзя, так как пересказ уже предназначался для агитации среди широких кругов населения и, по-видимому, именно этим обусловлена его близость формам и языковым особенностям агитационной патриотической письменности той поры, вкрапление в текст просторечных оборотов (типа «у нас за хребтом не были»).

В том же стиле городской агитационной письменности в основном выдержаны и первоначальные агитационные грамоты, рассылаемые Л. в период формирования Первого народного ополчения в январе—марте 1611 г., в которых, однако, уже встречаются вставки литературно обработанного текста, по-видимому, принадлежавшие перу профессионального книжника. Агитационная направленность грамот Л., призывающих к во-

оруженному восстанию против интервентов («дерзость на кровь»), против присяги Сигизмунду III и против признания Владислава, близка агитационным призывам московской патриотической литературы рубежа 1610—1611 гг.: *Новой повести о преславном Российском царстве* и двум грамотам-воззваниям, написанным от имени осажденных смольнян (см. *Грамота смольнян*) и москвичей (см. *Грамота москвичей*). В тексте грамоты от 31 января 1611 г. в Нижний Новгород прослеживается даже стилистическое влияние московской патриотической литературы — те же метафоры и приемы ритмизации прозаической речи («и мы боярам московским давно отказали и к ним о том писали, что они, прельстися на славу века сего, Бога отступили и приложилися к западным и к жестосердным, на своя овца обратились»). Чтобы можно было, «не задержав. . . отписать» ответ, Л. обычно рассылал свои грамоты с гонцами в сопровождении стряпчих или дьяков (часто посыльным оказывался его племянник Федор).

Начавшееся после 1 апреля 1611 г. формирование аппарата для управления всеми объединенными силами (отрядами Л., Д. Т. Трубецкого и И. М. Заруцкого) и возникшая при этом необходимость упорядочения ведения дел в Разряде и Приказах привлекли к делопроизводству Первого ополчения целую группу профессиональных писцов, дьяков и стряпчих, среди которых кроме лиц, руководствовавшихся традиционными приказными приемами, оказались также и книжники, искушенные в литературе, такие как Марк Поздеев. Агитационные грамоты за апрель—июль 1611 г. (включая окружную грамоту триумvirата от 23 июня), шедшие сначала за подписью одного Л., а затем всех членов триумvirата, особенно отличаются литературной обработанностью текста и обильным употреблением в них традиционных литературных формул воинских повестей и агитации. Типичны в этом отношении апрельские грамоты в Казань (СГГ Д. Ч. 2, № 251) и в Соль Вычегодскую (ААЭ. Т. 2. № 185), а также грамота от 12 июля 1611 г. (ААЭ. Т. 2. № 188). При описании польско-литовской интервенции в апрельской грамоте в Казань использована, например, такая общая литературная формула, как: «. . . города взяли взятъем и православных крестьян, мужеского полу и женского и до сущих младенцев, различными смертми скончаша». Картина разгрома Московского восстания 19 марта 1611 г. в той же казанской грамоте (а также в грамоте от 11 апреля 1611 г. в Соль Вычегодскую) заменена традиционным для воинских повестей описанием, лишенным всякой исторической конкретности (столь характерной для агитационной патриотической городской письменности 1608—1610 гг. и первых грамот Л.): «Московское государство выжгли и высекли и многие Божии церкви и монастыри осквернили и разорили, и раки чудотворных мощей разсекли, и чудотворные мощи поругали, и во многих Божиих церквах лошади поставили. . . и многое убийство, и поругание, и осквернение иноческому чину учинили. . . и. . . матерей, и жон, и детей, и до сущих младенцев, безлюбивыя души, лютой и горкой смерти предаша. . . И сия вся, нашедшая на ны злая, грех ради наших». Сохранились черновые заготовки грамот, составленных еще при жизни Л., но отправленных уже после его смерти Д. Т. Трубецким и И. М. Заруцким (например, грамота 24 июля—26 августа 1611 г. — Б о г о я в л е н с к и й, Р я б и н и н. Акты. . . С. 37—38 и др.), в которых слова с именем «думного дворянина и воеводы Прокофья Петровича Ляпунова» последовательно вычеркнуты. Всеми членами триумvirата был подписан «Приговор» 30 июня 1611 г., в котором наиболее отчетливо отразилась социальная программа Л. со всеми ее противоречиями.

Агитационная патриотическая городская письменность откликнулась на смерть Л. высокой оценкой исторического значения его деятельности как организатора и руководителя национально-освободительного движения. В казанской грамоте, распространявшей известие о гибели Л., он назван «промышленником и поборателем по Христове вере», «который

стоял. . . за Московское государство против польских и литовских людей и русских воров» (СГГ Д. Т. 2, № 269. С. 568—569).

Соч.: СГГ Д. М., 1819. Т. 2, № 228. С. 497—498; № 238. С. 509—510; № 251. С. 535—537; № 252. С. 537—538; № 262. С. 547—549; ААЭ. СПб., 1836. Т. 2, № 176. С. 301—302; № 182. С. 311—312; № 185. С. 315—316; № 188. С. 325—327; № 191. С. 330—331; АИ. СПб., 1841. Т. 2, № 319. С. 375—376; № 328. С. 394—395; Юшков в А. Акты XIII—XVIII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Ч. 1. 1257—1613 гг. М., 1898. С. 286, 291—301, 305. 319—321; Забелин И. Е. Минин и Пожарский: Прямые и кривые в Смутное время. 4-е изд., доп. М., 1901. С. 57—65, 226—231, 260—268 (1-е изд.: Русский архив. 1872, № 2—6, 12; 2-е изд. М., 1883; 3-е изд. М., 1896); Весселовский С. Б. Акты Подмосковных ополчений и Земского собора 1611—1613 гг. М., 1911. С. 1—4, 7—9, 16—19, 56—57, 163 (Отд. отт. из ЧОИДР. 1911. Кн. 4); Памятники истории Нижегородского движения в эпоху Смуты и Земского ополчения 1611—1612 гг. // Сборник Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. СПб., 1912. Т. 11. С. 48—50, 52—56, 58—80, 82—124, 181—182; Богоявленский С. К., Рябинин И. С. Акты времени междоусарствия (1610 г. 17 июля—1613 г.) // ЧОИДР. М., 1915. Кн. 4. С. 19, 37—41, 44—46.

Лит.: Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). СПб., 1899; переизд. М., 1937. С. 211—213, 247—248, 252—257, 274—280, 334—339, 369—392; Корсаков В. Ляпунов Прокопий Петрович // РБС. СПб., 1914. Т. 10. Стб. 834—842; Лубимиров П. Г. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611—1613 гг. М., 1939. С. 41—42; Шепелев И. С. 1) Вопросы государственного устройства и классовые противоречия в Первом земском ополчении // Сб. науч. тр. Пятигорского пед. ин-та. Вып. 2. Сер. ист.-филол. Пятигорск, 1948. С. 101—137; 2) Организация земского ополчения в 1611 году // Учен. зап. Пятигорского пед. ин-та. Каф. обществ. наук. Ставрополь, 1949. Т. 5. С. 171—189; 1951. Т. 6. С. 207—254; 3) Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608—1610 гг. Пятигорск, 1957. С. 79, 129—131, 150—151, 183—184, 208—210, 427, 490—491; 4) К вопросу о внутрифеодальной борьбе в Русском государстве в годы польско-литовской интервенции в начале XVII в. // Изв. Воронежского пед. ин-та. Т. 31. Из истории Воронежского края. Воронеж, 1960. С. 132, 136—138, 143, 150—154; 5) Ляпунов Прокопий Петрович // Сов. ист. энциклопедия. М., 1965. Т. 8. Стб. 870—871; Смирнов И. И. Восстание Болотникова. 1606—1607. Л., 1951. С. 164, 168, 171—172, 184, 192, 255—257, 260, 293—298, 302—303, 405—406, 439—440; Долинин Н. П. Подмосковные полки (казацкие «таборы») в национально-освободительном движении 1611—1612 гг. Харьков, 1958. С. 5—78, 125—131; Бурдовниц. Словарь. С. 161, 247; Прокофьев Н. И. Видение как жанр в древнерусской литературе // Учен. зап. Моск. пед. ин-та. 1964. Т. 231. Вопросы стиля художественной литературы. С. 45—46; Солодкин Я. Г. К датировке и атрибуции «Новой повести о преславном Российском царстве» // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 112—113.

Н. Ф. Дробленкова

Малевинский Арефа (Арефей, т. е. Ерофей) (вторая половина XVII в.) — подьячий тотемской приказной съезжей избы, автор любовных писем (сохранилось тринадцать) 1686 г. к девице Аннице, сестре тотемского дьякона церкви Воскресения Михаила Федоровича Федотова. Автографы писем сохранились в составе судебного дела (ГИБ, ф. 299, собр. Зинченко, № 981). О М., ответчике по этому делу, известно лишь, что он был коренным тотемцем (его брат Дмитрий был священником тотемской Петропавловской церкви) и вдовцом (в письмах упоминается сын М.).

Обстоятельства судебного дела в изложении М. выглядят следующим образом. 14 августа 1676 г. дьякон Михаил Федотов назвал М. в гости и в клети своего дома «для смертной устратки» вынудил его написать сговорную запись о женитьбе на дьяконовой сестре Аннице. Свадьбе надлежало быть в первое воскресенье после Крещения 1687 г., а за неисполнение обещания предусматривалась неустойка в пятьдесят рублей. В тот же день М. подал жалобу на дьякона и потребовал дезавуировать сговорную запись.

Михаил Федотов со своей стороны объяснил дело следующим образом. В гости он М. не звал, «пришел де он, Аревка, в ночи к сестре ево. . . в клеть, а она де. . . Анница в клете спала с сестрой своей с девкой Федоркой». Федорка выбежала из клети, заперла ее, разбудила в избе дьякона с дьяконицей: «Пришел де приказные избы подьячей Арефа Малевинский

в клить к сестре моей. . . и сестру мою в клите изнасиловал». Дьяконов брат Ивашка залез на крышу, чтобы перенять М., а дьяконица позвала соседей. Вместе с ними дьякон вошел в клеть. М. стал им кланяться и попросил чернил да бумаги «и стал писать на себя полюбовную запись». Соседи показали, что «устратки и побоев» не было.

Дьякон требовал очной ставки с М., но тот сбежал в Москву. В конце концов архиепископ Великоустюжский и Тотемский Александр приказал разобрать дело, когда М. вернулся домой. 13 декабря 1686 г. архимандрит Спасо-Суморина монастыря Игнатий «с товарищами» свел на тотемском архиепископском дворе истца и ответчика. Из судоговорения ясно, что встретились два плута. М. стоял на том, что «мучил де он, дьякон, ево, Аревку, в клите, хотел убить», причем ни Анницы, ни вообще посторонних людей при этом не было. Дьякон возражал; М. доказывал свою правоту тем, что стоворную запись не скрепили послухи, и тем также, что не было росписи о приданом. М. обвинял дьякона в клевете. Тот представил 13 «советных писем» (это русский синоним «billets doux»: ср. «совет да любовь»), «а сказал, те де письма ево Аревкина рука».

В судном деле (39 составов) много автографов М. Он писал четкой и красивой приказной скорописью. Что до вклеенных в дело писем, то они написаны примитивным поздним полууставом. Нельзя полагать, что этот почерк рассчитан на «полуграмотную» Анницу. Из опроса свидетелей выяснилось следующее: посредником между М. и Анницей Федотовой был «тотемець посадской дегина Лазарко Викторов» (а также Стенька Проккопьев сын Кузнецов). Лазарко показал: «В розных месяцах и числах носил он. . . от Арефы Малевинского многие грамотки в дом воскресенского диакона. . . к сестре его девке Аннице, а что де в тех грамотках было писано, того он. . . не ведает. А многие грамотки он, Арефа, к нему, Лазарку, на дом приносил и на площади ему. . . давал, и те де грамотки велел относить. . . Аннице. А она. . . к. . . Арефе от себя писала напротиво грамотки ж. И те де ее девкины грамотки к. . . Арефе относил он же, Лазарко».

М. запирался: «. . . те де писма рука не ево», чьи они и к кому писаны, он не знает, «потому что они писаны гладью и имян никаких в тех писмах не написано, и гладью писать он, Аревка, не умеет, а знатно де, что те писма воровские, потому что он де, дьякон, под многие писма рукою своею подписывался». Очевидно, что М. заранее старался избежать последствий своих домогательств. Действительно, в 13 письмах нет ни обращения, ни подписей.

М., искушенный в приказном крючкотворстве ярыжка, всячески пытался опорочить истца. Он обвинял дьякона в том, что и покойный отец его поп Федор, и сам он подделывали почерка тотемских подъячих ради выгоды. Дьякон отрицал это, и тогда М. обрушил на него множество «укоризн». У одного жителя Тотьмы Михаил Федотов якобы украл гуся; дьякон недостоин «у престола божия предстояти, потому что. . . у прежняго воеводы у Ивана Мичюрина украл борана, и того борана своими руками убил, а овчину с того борана сам ли снимал или нет, того он, Аревка, не ведает. И того же дни он, дьякон, литоргию божию служил». Истец опровергал обвинения, но их было слишком много: «и двух боранов у воеводы украл», и воеводские слуги взяли их из дьяконовой бани; «своровал, в хмельнике четырех боранов убил»; унес у кого-то «овин соломы овсяные из гумна»; «переносил воровски изо взорода рождественское сено» и т. д.

На оправдания дьякона у М. был заранее приготовлен список с челобитной некоего свидетеля-устюжанина. Там были эти и новые улики вплоть до того, что дьякон «ко Кручинихе ходит». М. в соответствии с приемом *argumentum ad personam* пытался так или иначе опорочить противника. Дьякон дрогнул, когда противник напомнил ему о распри с воскресенским причтом, с попом Иаковом и пономарем Ивашкой: они оби-

жают Михаила Федотова и в церковных доходах, и в сенных покосах; когда дьякон приходит кк поцу на благословение с стихарем и орарем, и он де поп Иаков на благословение к себе. . . не пускает, только де посылает с стихарем и орарем к нечистому духу». Наконец и дьякон ответил М. тем же, заявив, что брат ответчика «до поповства изнасиловал у тотемца у Федора Дюпина дочь ево девку Федосьицу», а у другой девки «добыл робенка».

Вся эта перебранка заняла целый день. Впрочем, М. не расположил судей в свою пользу. Хотя конец судного дела и не сохранился, ясно, что М. ожидало наказание.

Любовные («советные») письма М. — не исключение в эпистолярном наследии 80-х гг. XVII в. (ср. письма царевны *Софьи* князю *В. В. Голицыну*). Историко-литературная их ценность — вовсе не в «простонародности», потому что в то время в любовной переписке «социальные диалекты» еще не существовали. Тяжба тотемского подьячего и воскресенского дьякона — это тяжба двух плутов. М. наперед боялся осложнений (поэту он писал «глядью» и «без имяя»); Анница Федотова тоже действовала с задней мыслью, иначе она не сохранила бы записки своего соблазнителя и не передала бы их брату. Ничего романтического в отношениях М. и Анницы не было. «Советные письма» М. красноречиво характеризуют русский провинциальный быт конца XVII в.

Соч.: Гейман В. Г. «Billets doux» подьячего приказной избы гор. Тотьмы Арефы Малевинского к сестре тотемского дьякона девке Аннице, писанные в 1686 году // Начала: Журнал истории литературы и истории общественности. Пб., 1921. № 1. С. 204—207; Пянкратова Н. П. Любовные письма подьячего Арефы Малевинского // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 364—369.

А. М. Панченко

Марфа (в миру Ксения Ивановна Шестова) (ум. 27 I 1631) — инокиня, жена боярина Федора Никитича Романова из рода Захарьиных-Юрьевых, постриженного в монашество под именем *Филарета* по приказу *Бориса Годунова* и возведенного Лжедмитрием II в сан русского патриарха, мать царя *Михаила Федоровича*, автор писем. М. принадлежала к семье Шестовых, восходящей к Мише Прушенину, участнику Невской битвы, общему предку фамилий Салтыковых, Морозовых, Шеиных, Шестовых. Замужество приобщило ее к царствующему дому последних Рюриковичей. В первые годы царствования Бориса Годунова семья М. сохраняла свое высокое положение при дворе. Затем последовала опала Годунова на Романовых, опасных для него из-за их возможных притязаний на престол. В 1601 г. Федор Никитич был пострижен и сослан в Антониево-Сийский монастырь, жена его, — постриженная под именем М., — в Заонежье, в Егорьевский погост Толвуйской волости. Супруги были искренне привязаны друг к другу; судя по доносам пристава царю Борису, Филарет во время ссылки тревожился о жене и детях: «Милые мои детки! Маленьки бедные остались. Кому их кормить и поить? Мне же что надобно? Лихо на меня жена и дети, как их помянешь, ино што рогатиной в сердце толкнет»; «Где они, милые мои? Кому их кормить и поить? Жена моя бедная на удачу уже жива ли? Чаю, она где близко таково же замчена, где и слух не зайдет». В 1605 г. М. смогла переехать в Клин, где жили ее дети Михаил и Татьяна (двое, оставшиеся в живых, из шести ею рожденных).

После воцарения Лжедмитрия семья Романовых вернулась в Москву, где была встречена с почетом. Филарет получил сан Ростовского митрополита, 12-летний Михаил — чин стольника. М. была свидетельницей московских событий — встречи Марфы Нагой с Лжедмитрием и признания в нем своего сына, венчания на царство Марины Мнишек, гибели Лжедмитрия, воцарения Шуйского, к семье которого была близка. После занятия войсками Лжедмитрия II Ростова Филарет в 1608 г. переехал

в Тушино, где был объявлен патриархом, а в 1610 г. отправлен в Польшу с посольством для приглашения на русский престол королевича Владислава. Там он, задержанный Сигизмундом III в качестве пленника, оставался до 1619 г. М. с сыном до 1612 г. находились в Москве, в Кремле, где пережили схватки москвичей с поляками, осаду Москвы. После освобождения столицы она уехала в Кострому в Ипатьевский монастырь. Роль М. в государственных делах до возвращения из Польши Филарета довольно значительна. К ней обращается московское великое посольство в феврале 1613 г., «чтобы государыня пожаловала, благословила сына на царство». Дав согласие на венчание Михаила, она становится «государыней великой старицей инокой Марфой Ивановной». Поселившись в Кремле, в Вознесенском монастыре, в бывших хоромах Марфы Нагой, она держит в руках дворцовое хозяйство, ее имя ставится в государственных грамотах, от ее имени идут пожалования монастырям и приближенным лицам. У нее свой двор с целым штатом светских прислужниц и стариц-инокинь. М. окружена царской роскошью, в ее хоромах отпусаются из царской казны деньги, драгоценности, ткани, церковная утварь, книги.

После возвращения Филарета влияние М. ограничивается семейным кругом. Она сопровождает сына в его поездках на богомолье, в пеших хождениях к Троице. М. не потеряла своего авторитета и после женитьбы Михаила на *Евдокии Лукьяновне Стрешневой*. Умерла М., возможно, скоропостижно, погребена в Новоспасском монастыре в усыпальнице рода Романовых.

В 1619—1628 гг. во время поездок по монастырям М. писала Филарету письма. Опубликовано 47 писем: от 1619 г. — 14, 1620 г. — 11, 1621 г. — 2, 1622 г. — 4, 1623 г. — 3, 1624 г. — 1, 1627 г. — 5, 1628 г. — 7. Первые 14 писем были написаны в августе—октябре 1619 г. во время путешествия М. с сыном под Кострому на поклонение Макарию Желтоводскому в основанный им Унженский монастырь, где незадолго до того были открыты его мощи. Поездка совершалась по обету в благодарность за возвращение в июле 1619 г. из польского плена Филарета. Путешествие было тяжелым, в дороге М. болела. Обратный путь пришелся на глубокую осень, непогоду, о чем Михаил сообщил отцу в письме 24 октября 1619 г.: «. . . для великого непогодья и грязей произволили в Ростове дневати». «А из Ростова. . . пошли есмя октября в 24 день, в неделю, а идем, государь, мешкотно для того, что дожди и снеги идут беспрестанно и грязи немерные, поспешить никоими мерами нелзе». Одно из писем, написанное М. 8 мая 1620 г., сообщает о прибытии ее и Михаила в Угрешский Николаевский монастырь, находящийся в 15 верстах от Москвы. Все остальные письма связаны с посещением дважды в год, весной и осенью, Троице-Сергиевского монастыря; в 1627 г. М. путешествует с сыном, невесткой Евдокией и внучкой Ириной; в 1628 г. еще и с внучкой Пелагеей. В 1629 г. М. идет в монастырь с сыном, невесткой, внуком *Алексеем Михайловичем* и внучкою Ириной; хотя она упоминается в письмах Евдокии и Михаила Филарету от 17 июня, но сама письма не посылает, что специально отмечено в приписке, сопровождавшей письмо Евдокии: «137 июня в 17 день ис походу идучи к Троице ис села Тонинского послана з жилцом с Сергеем Хоненевым. А от великие государыни иноки Марфы Ивановны грамоты не было». В последующих письмах царя и царицы, прибывших в Троицу 28 июня, М. не упоминается.

Письма М. невелики по объему и лаконичны. Первые письма отличаются эмоциональным, варьирующимся от письма к письму обращением к Филарету. Например: «Всесвятейшему и великому во архиереях, богодуховному в человецах, крайнему святителю, неблазнену во Христе страдальцу»; звучала в них и личная нота: «. . . преж убо по сочетанию законного брака свету очию моею государю и супругу, ныне же по призыванию ни от человек, ни человеки, но богом и отцем и господом Исус Христом государю и отцу Филарету Никитичю божиею милостию патри-

арху Московскому и всеа Русии. . .» (23 августа 1619 г.); «. . . по сочетанию хрестьянского закона прежебывшая супруга, ныне же духовная ваша дщерь. . .» (26 августа 1619 г.). В других письмах М. называет Филарета «кормчим Христова корабля», «столпом терпения», обращается к нему, «человеку естеством и в подвизех ангелу произволением», «вышестественному в подвизех», «учителю православных». По мере продолжения переписки выработывался стереотип как в обращении, так и в форме сообщений о здоровье, прибытии, отъезде, надежде на благополучное возвращение. Последующие письма обычно начинались: «Вышестественному в подвизех и равноангелному изволением, изрядному во архиереях, богодохновенну в человецех, великому государю и владыце моему, святейшему Филарету Никитичу, божиею милостию патриарху Московскому и всеа Русии старица Марфа вашему святительству челом бьет» — и кончались: «Молимся человеколюбию божиему, яко да сподобит нас всеильный Бог царствующаго града Москвы достигнути здраво, и равноангелное ваше лице видети и стопам вашим поклонитися и челом ударити».

Очень редко этот стереотип нарушался чисто житейскими событиями, вроде послышки Филарету калачей: «Да челом бьем тебе, государю, пятнацать калачиков, и тебе б, государю, милость показати, велети приняти и кушать на здравие. . .» (23 августа 1619 г.), или сообщением о болезни самой М. или царя Михаила: «. . . и по греху государь, моему, припомянулася мне прежняя болезнь портежная (от порчи, — М. К.) и для того в Великом селе позамешкали. . .» (22 октября 1619 г.); «Государь и свет очию моею пресветлый царь и великий князь Михайло Федорович. . . понемог. . . и тое, государь, ночи не опочивал, маленько к свету поутишился и почало обলেখчевать; а помянулся прежней конской убой. . .» (2 июня 1620 г.). Но при известии о болезни Филарета в письмах М. появляется пафос «плача»: «. . . и сын наш и мы, слыша о твоей государеве болезни, плачевне скорбим и сердечною жалостию объята есмь. . .»; «. . . сугубо скорбию уязвляюся и в плачь низвожуся и свою скорбь (свою болезнь, — М. К.) забыв, и яко не имев, о тебе, свете и государе нашем, конечно скорбию сокрушаюся. . .» (29 октября 1619 г.).

Письма инокини М. опубликованы вместе с письмами Михаила и Филарета, написанными в то же время. Вся эта переписка относится к жанру деловой письменности. Но в отличие от писем царя и патриарха в посланиях М. не находят себе места вопросы государственного значения — дипломатия, строительство в Коломне после большого пожара, устройство в Москве; они ограничены выражением почтения и пожеланием здоровья. Написанные в правилах придворного этикета, они не лишены эмоционально-экспрессивного тона и представляют собой документы человеческого общения; иногда они отступают от произведений делового жанра и подчиняются больше эпистолярно-литературным канонам.

Соч.: Письма русских государей и других особ царского семейства / Изд. Археографической комиссии. М., 1848. Т. 1, № 8, 10, 12, 16, 20, 24, 28, 31, 37, 43, 46, 51, 56, 60, 63, 71, 74, 76, 79, 82, 88, 91, 96, 99, 103, 124, 127, 134, 137, 140, 143, 146, 150, 163, 175, 187, 191, 196, 202, 208, 215, 221, 229, 236, 242, 248, 254. Примеч. на с. 309, 311.

Лит.: Хрущов И. Ксения Ивановна Романова // Древняя и Новая Россия. 1876. Т. 3, № 12. С. 317—343; Михаил Федорович // Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. СПб., 1896. Т. 38. С. 482; Назаревский А. А. О литературной стороне грамот и других документов Московской Руси начала XVII века. Киев, 1961. С. 44—46; Вейлер М. Zur Geschichte des russischen Privatbriefes in der ersten Hälfte des 17. Jahrhunderts. Bonn, 1964. S. 8—9, 18—20, 37—39, 50. Anm. 4, 61—67.

М. Д. Каган

Матвеев Артемон Сергеевич (1625—1682) — государственный деятель, дипломат, меценат и библиофил, один из организаторов первой аптеки и придворного театра в Москве, заказчик ряда официозных литературных произведений. В справочной литературе М. ошибочно приписывается

авторство двух, а то и трех книг, на самом деле лишь составлявшихся по его указанию в Посольском приказе, в частности «Титулярник» (см. *Николай Спафарий*), «Избрание на царство Михаила Федоровича» и др. Взгляд на М. как на писателя высказан А. Ф. Малиновским (в 1837 г.), митрополитом Евгением Болховитиновым (Словарь. Т. 2. С. 49—52), П. М. Строевым (Словарь. С. 209) и был так распространен, что И. С. Тургенев в 1878 г. противопоставлял живой язык Аввакума «книжному языку» М. (Луканина А. Мое знакомство с И. С. Тургеневым // И. С. Тургенев в воспоминаниях современников. М., 1983. Т. 2. С. 200). Признание М. автором литературных произведений проникло и в советские справочные издания (Энциклопедический словарь русского bibliографического института Гранат. М., 1933. Т. 128. С. 314—315; Б уд о в н и ц. Словарь. С. 165). В некоторых списках «Титулярника» и «Книги избрания и венчания на царство Михаила Федоровича» (XVIII в.) имеются приписки: «Сочинение А. С. Матвеева».

Современники отмечали ум и деловитость М.: «...бе человек остр в разуме и гражданским делом искусен зело» (Сильвестра Медведева Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве / С предисл. и примеч. А. А. Прозоровского // ЧОИДР. М., 1894. Кн. 4, отдел 2. С. 54).

М. был сыном дьяка, участника нескольких посольств в иностранные государства (В е с е л о в с к и й С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 324). Начало службы М. проходило в стрелецких полках на Украине; он участвовал в войнах с Польшей. М. входил в состав русской делегации на Переяславской раде (1654 г.), а в 1656—1657 гг. — в состав посольства московского правительства в Польшу. Сохранились статейные списки, составленные с участием М. (1653 г. июня 5—июля 6. Из статейного списка А. Матвеева и И. Фомина к гетману Богдану Хмельницкому. . . // Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы. М., 1953. Т. 3, № 166. С. 287—317; 1657 г. Статейный список полковника и стрелецкого головы Артемона Матвеева и дьяка Перфилья Оловянного, посланных к писарю Ивану Выговскому и к войску запорожскому. . . // АЮЗР. СПб., 1863. Т. 4; 1657—1659, № 15. С. 20—26).

М. участвовал в подавлении Московского восстания 1662 г. С 1669 г. он возглавлял Малороссийский приказ, а с 1671 г. руководил также и Посольским приказом. Выдвижению М. способствовал брак царя *Алексея Михайловича* с воспитанницей М. Натальей Кирилловной Нарышкиной, а также его незаурядные организаторские способности и европейская образованность. Сохранившиеся описи имущества и библиотеки М. обнаруживают в нем «западника», собиравшего редкие издания и украшавшего свои покои светской живописью («персоны», «12 сивилл. . . письма старого»), чертежами, невиданными оптическими приборами («труба зрительная большая»), моделями кораблей, клетками с попугаями — наряду с обычными на Руси сундучками, ларцами, шкатулками, поставками и шкафами, содержавшими рукописи и книги. Из дворянских людей М. была создана театральная труппа, которая играла при царском дворе, причем первая пьеса «*Артаксерксово действие*» была наделена аллюзиями, прозрачно намекавшими на особую роль М. при царе. И. М. Кудрявцеву удалось установить и раскрыть инициативную роль М. в так называемой «книгоиздательской» деятельности Посольского приказа (1671—1676 гг.). В те же годы М. сблизился с Николаем Спафарием, которому он поручал выполнять переводы и компиляции, а также вести обучение своего малолетнего сына Андрея («по-гречески и по-латыни литерам малой части»). О своем воспитаннике — будущем дипломате — Спафарий вспоминал в письме к М., написанном из Енисейска, по пути в Китай, в июле 1675 г. (Письмо Николая Спафария к боярину А. С. Матвееву // Русский архив. 1881. № 1. С. 52—57). После смерти царя в 1676 г. М. с семьей был выслан

из Москвы на Север (его обвиняли, в частности, в «чернокнижии»); он провел 7 лет в Пустозерске, куда привез часть книг и рукописей из своего собрания (некоторые вошли в современное Вологодское собрание ГБЛ). В этот период М. обращался с челобитными и письмами к царю *Феодору Алексеевичу* и др. лицам; тексты их включены в «Историю о невинном заточении. . . А. С. Матвеева». После избрания на царство Петра I М. был возвращен в Москву, но через несколько дней он стал одной из первых жертв восстания стрельцов 1682 г. — был убит в Кремле. Сохранился портрет М. XVII в. (Очерки по истории СССР: Период феодализма. XVII век. М., 1955. С. 379).

Лит.: Объявление о возвращении из заточения ближнего боярина Артемона Сергеевича Матвеева и о кончине его // История о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергеевича Матвеева / Изд. Н. Новиковым. 2-е изд. М., 1785. С. 367—427; М а л и н о в с к и й А. Ф. Боярин, дворецкий и наместник Серпуховский Артемон Сергеевич Матвеев // Труды и летописи ОИДР. М., 1837. Ч. 7. С. 57—67; Боярин Матвеев // Сахаров И. П. Записки русских людей. СПб., 1841; Б е л о к у р о в С. А. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898. С. 69—74; Опись имущества боярина Артемона Сергеевича Матвеева / Сообщ. Г. Писаревский // ЧОИДР. 1900. Кн. 2. отд. V: Смесь. С. 7—21; Щ е п о т ь е в Л. Ближний боярин А. С. Матвеев как культурный политический деятель XVII в. СПб., 1906; С т а р о с т и н а Т. В. Об опале А. С. Матвеева в связи с сыскным делом 1676—1677 гг. о хранении заговорных писем // Учен. зап. Карело-Финского ун-та. Петрозаводск, 1948. Т. 2, вып. 1. С. 44—89; К у д р я в ц е в И. М. 1) Артаксерсово действо: Первая пьеса русского театра XVII в. М.; Л., 1957. С. 6—17; 2) «Издательская» деятельность Посольского приказа: (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII века) // Книга: Исследования и материалы. М., 1963. Сб. 8. С. 179—244; Л у п о в С. П. Книга в России в XVII веке. Л., 1970. С. 102—107; Д е м и н А. С. Русская литература второй половины XVII—начала XVIII века. М., 1977. С. 52, 102.

О. А. Белоброва

Матвей Андреев (конец XVII—первая половина XVIII в.) — старообрядец-попoveц, автор полемических «бесед» и посланий против федосеевцев. Сын священника Андрея, он был крещен попом дониконовского поставления. 21 ноября 1703 г. *Дмитрий Ростовский* рукоположил М. А. в священники церкви Николая Чудотворца в селе Рамены Пошехонского уезда Ярославской губернии (ставленная грамота полностью приведена во 2-й «беседе»). Пробыв три года при церкви, М. А., «ревнуя по благочестию и по вере истинней», оставил дом и ушел в старообрядческие скиты на Керженце. Здесь поповский наставник инок-схимник Онуфрий, священник Досифей и схимник Арсений приняли его в 1708 г. в старообрядчество. В 1715 г. эти же старцы уже посылали М. А. на проповедь против беспоповцев-федосеевцев. В 10-е гг. XVIII в. старообрядцы-поповцы, жившие в новгородских и псковских пределах, были сильно обеспокоены успехом распространения недавно возникшего учения федосеевцев, отвергавших священство в скором ожидании второго пришествия. Не имея собственных сил для борьбы с федосеевскими проповедниками, они обратились за помощью на Керженец, в верховный центр поповщинского старообрядчества. В 1710 г. с Керженца было отправлено соборное послание «во Псков, и в уезды, и на Дерев, и за границу» в поддержку поповщинского старообрядчества. Но этого оказалось недостаточно, и в 1715 г. керженские старцы полемизировали с федосеевцами уже с помощью собственного миссионера — М. А.

Полемическая деятельность М. А. началась с того, что он послал 4 марта 1715 г. вопросы о вере федосеевцу *Игнатию Трофимову* в деревню Лыбовку, федосеевский центр в Псковском уезде, а 11 марта того же года были посланы вопросы к федосеевцам, проживавшим за границей. Не получив ответов на свои вопросы, М. А. сам отправился в Лыбовку и повел там спор лично. Первая «беседа» состоялась 17 января 1722 г., от федосеевцев на ней выступал Игнатий Трофимов. Вторая «беседа» происходила

13 марта 1722 г., ее вел *Евстрат Федосеев*. Третья «беседа» состоялась спустя 14 лет, 19 августа 1736 г. В первой «беседе» М. А. учил «о богоустановленном иерейском чине, яко есть вечен и непрелагаем». Вторая была главным образом посвящена обличению «обительных большаков и наставников самочинных». Запись третьей начинается с обращения к федосеевцам в 10 «главах», затем идут исповедание веры М. А. и копия с семи вопросов, поданных М. А. в 1726 г. Игнатию Трофимову, и, наконец, сто двадцать новых вопросов о вере. Кроме этих «бесед», написанных М. А., сохранились два его антифедосеевских сочинения: послание от 17 февраля 1733 г. Игнатию Трофимову и «Обличение о лжеучителях и прелестниках». Последнее ценно тем, что в нем обильно цитируются с конкретными ссылками сочинения протопопа *Аввакума* и дьякона *Феодора*. В первой четверти XVIII в. на Керженце особенно хорошо знали сочинения Аввакума и Феодора, это известно из истории старообрядческих споров по поводу догматических писем Аввакума. Сочинения М. А. дошли в рукописи XVIII в., хранящейся в БАН, собр. Дружинина, № 75 (стар. 100).

Соч.: Дружинин В. Г. «Священноиерей» Матвей Андреев, его беседы с беспоповцами и послания к ним. СПб., 1908 (извлечение из журнала «Христианское Чтение»: 1908. Май. С. 730—762; Июнь—июль. С. 969—1043; Август—сентябрь. С. 1195—1237; Октябрь. С. 1342—1364; Ноябрь. С. 1542—1557).

Лит.: Смирнов П. С. Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII века. СПб., 1909. С. 131—132; Дружинин. Писания старообрядцев. С. 49—50.

Н. В. Понырко

Матюшкин Афанасий Иванович (середина XVII в.) — думный дворянин, стольник при дворе царя *Алексея Михайловича*, автор писем. В течение всей своей жизни М., ровесник и сверстник царя в юные годы, пользовался его доверием и выполнял его поручения — например, ездил с уговорами и с «милостынею» к патриарху *Никону*, удалившемуся из Москвы в Воскресенский монастырь. Уличенный в 1660-х гг. во взяточничестве, М. только на время был отстранен от службы. Сохранились письма царя Алексея Михайловича к М., написанные достаточно доверительно; так, одно письмо-акrostих (переиздано в кн.: Пanchenko А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 68—69) показывает, как скучал молодой царь без своего любимца; другое (датировано в кн.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1961. Кн. VI (т. 11—12). С. 615) описывает царскую забаву на Крещение, когда опоздавшие на смотр стольники подвергались купанию «ежеутрь в пруде»; наиболее известны однотипные письма царя, адресованные в 1650 г. М. и *В. Я. Голохвастову* (Сборник Муханова. М., 1836. № 149. С. 215; ААЭ. Т. 4. С. 140), когда М. вместе с *В. Я. Голохвастовым* участвовал в царской соколиной охоте в качестве ловчего. В ответ на это последовали пять писем М. и четыре *В. Я. Голохвастова*. Целью этих писем было подробное описание состояния здоровья и поведения охотничьих птиц — кречетов, соколов, кобчиков, которых царь знал поименно и о которых строго спрашивал, предупреждая (в случае, если его любимцы умрут): «. . и вы меня не встречайте; а сокольников всех велю кнутом перепороть. . .». Письма М. написаны в форме челобитных со ссылкой на царскую «грамоту» о «государевых пьтицах». В одном из писем сообщается, что «на Москве. . . был дождь. . .», что у кречета по кличке Малец Сибирской болезнь была вызвана ушибом неплотно закрытой «окончины» и что за это пострадал сокольник («я ево бил батогамы, чтоб вставляли окончину крепко»). В другом описывается, как иные «пътицы занемогли»; в третьем говорится о смерти пострадавшего соколов, и об их обучении. Представляют интерес клички птиц: Боярин, Белый, Булат, Ойдар, Мурат, Стреляй, Алай да Нечай, Нагай, Колмагор, Ковач, Сальян, Друг, Юдрун и др. Письма М.

важны в историко-культурном отношении; они передают черты придворной забавы, сохраняют специфическую терминологию, сходную с близким по времени литературным произведением — *Урядником сокольничьего пути*.

Соч.: Пять писем стольника Аф. Ив. Матюшкина к царю Алексею Михайловичу // Сообщ. И. Я. Забелин // ЧОИДР. М., 1848, год третий. № 5, отд. IV: Смесь. С. 141—143.

Лит.: Г. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб, 1840. С. 79 и след.; Салмина М. А. Голохвастов В. Я.: Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси» // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 64—65.

О. А. Белоброва

Микулин Григорий Иванович (ум. ок. 1608) — посланник Московского правительства в Англии в 1600—1601 гг., дворянин, составитель (совместно с подьячим Иваном Зиновьевым) статейного списка; после смерти *Бориса Годунова* стрелецкий голова, активный приверженец Лжедмитрия I (упоминается в *Летописце Новом*). В статейном списке наряду с записями о деловых переговорах и встречах имеется ряд сведений о Лондоне и его достопримечательностях: упоминается мост через Темзу с каменными домами и лавками, каменная стена, Вышгород; описывается рыцарский турнир («королевина потеха») и другие приметы «обрядовой» стороны жизни иноземцев с их выездами и выходами, приемами, титулами, приглашениями на королевскую охоту, органичной музыкой и т. п. М. отметил происшедшее при нем восстание графа Эссекса (13 февраля 1601 г.) и сообщил о казни графа (24 февраля). Позднее, в 1604 г., английский посол Томас Смит, по известиям современников, останавливался на пути из Архангельска в Москву в доме М. в Ярославле, поблизости от которого жили английские эмигранты. Сохранился живописный портрет М. работы неизвестного западноевропейского (английского?) художника (хранится в ГИМ), 1601 г.

Соч.: Чарыков Н. В. Посольство в Англии дворянина Григория Микулина // Древняя и Новая Россия. 1876. № 8. С. 361—375; Отправление в Англию послом Григория Ивановича Микулина в мае 1600 г. // Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1883. С. 278—363 (Сборник РИО; Т. 38); Путешествия русских послов XVI—XVII вв.: Статейные списки. М.; Л., 1954. С. 156—205, 330—331, 352—355, 402—417.

Лит.: Гамель И. Х. Англичане в России в XVI—XVII вв. СПб., 1865—1869; Дракоhurst E. И. Иконографические источники, освещающие польскую интервенцию XVII века // Сборник по истории СССР XVI—XVIII вв. М., 1941. С. 66—71 (Труды ГИМ; Вып. 14); Алексеев М. П. 1) Англия и англичане в памятниках московской письменности XVI—XVII вв. // Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. Сер. ист. наук. Л., 1947. Вып. 15. С. 44—49; 2) Россия и русские в творчестве Шекспира // ВИ. 1965. № 7. С. 83—86.

О. А. Белоброва

Милютин Иоанн Иванов (середина XVII в.) — переписчик и составитель Четых Миней. Родом из г. Балахны. В 1631 г. поступил в Троице-Сергиев монастырь, дав вкладом за себя соляную варницу. (К 1642 г. М. вышел из монастыря, как предполагает иеромонах Арсений, на основании того, что в 1642 г. эта варница за монастырем уже не числилась). В 1646 г. М., как следует из его послесловия к Четым Минеям, был священником Христорождественской церкви в Служней слободе посада Троице-Сергиевой лавры.

Работу над Четыми Минеями он начал в 1646 г., а закончил в 1654 г. Вместе с ним трудились над перепиской трое его сыновей «отроческого возраста», одного из которых звали Дмитрием (декабрьская книга, л. 1107; «многогрешный и непотребный Митка, Иванов сын, попов»). В 1627—1633 гг., как раз в годы пребывания М. в монастыре, в Троице-Сергиевой

лавре работал над составлением своих Четых Миней и Прологов иеромонах *Герман Тулупов*. Книгохранителем в это время в монастыре был земляк М., бывший протопоп из г. Балахны, иеромонах *Иоасаф Кирьяков*. Статьи Милютинских Четых Миней переписаны с рукописей Троице-Сергиева монастыря. Их источниками были Макарьевские *Великие Минеи Четии*, Четьи Минеи Германа Тулупова, печатный Пролог 1643 г., Степенная книга и другие памятники. Сопоставление Милютинских Четых Миней с ВМЧ проделано А. В. Горским и К. И. Невоструевым (ГБЛ, ф. 193, ед. хр. 8. л. 3). Д. Красин, сравнив ноябрьскую—январскую часть Милютинских и Макарьевских Миней, дал перечень статей, не вошедших в Макарьевские Минеи.

М. был не только переписчиком, но составителем и редактором. Одной из особенностей его редакторской манеры было то, что при работе с житиями во многих из них он выпускал вступления и предисловия, сокращал похвальные слова. Как редактора и источниковеда характеризуют М. приписки, сделанные им к отдельным статьям. Так, переписывая статью с печатного Пролога 1643 г., он на полях пометил: «с печати». К двум разным редакциям Мучения Власия, епископа Севастийского, приписал: 1) «Сие мучение списано из старья Миней Четьи»; 2) «Сие мучение списано из Миней же Четых» (февральская книга, л. 250, 262—273). О мучении Климента Анкирского заметил: «Сие мучение списано с Минеи же Четьи, только в ней было смешано. На полях были пометы и в строках кресты. И по тем пометам разбирал. Ино не верно, так ли или нет. Ино надобе спустить, с иные книги исправить» (январская книга, л. 1155). Относительно *Жития Василия Нового* М. написал следующее: «Ведомо же буди и о сем, яко во многих слышится распря о преподобном Василии Новом и о ученику его Григорию и Феодору: овии глаголют сице, овии же инако. У о сем да престанет распря и ведомо будет истина. Истина же сице; сия повесть о Василии Новом и ученику его Григории и Феодоре обретох книгу в дому живоначальной Троицы Сергиева монастыря в книгохранилне. А та книга именуется Серапионовская, в десть, писана полууоставьем. А назади той книги подписано сице: «В лето 6939 индикта 9, месяца июля во 2-й день конца достиже книга св. Исака Сирина в обители пречистыя Богоматере честнаго ея Рождества, на Лисичьей горке, в пределах великаго Нова Града, иеромонах Серапион Моза». В той же книге Авва Дороеф да сия книга Василия Новый, полное житие и с чудеса, да слово о 6-м псалме, да слово Максима Исповедника, да слово Иоанна Дамаскина, да мучение св. великомученика Артемия, да слово Илариона Великаго. Того же Василия и в Прологе печатном писано вкратце декабря 30 день. И се от многих слышится о Василии Новом: иные глаголют честь, а иные — не честь. И ныне аз поп Иванище обретох в сих книгах истинну». И далее: «. . . а те Прологи (в которых помещено краткое Житие Василия Нового, — *Н. П.*) писаны по повелению того же монастыря архимандрита Дионисия, мужа праведна и рачителя божественных писаний. . . а те Прологи писал по его повелению инок Герман Тулупов, такожде муж добродетелен. А те Прологи писаны со многих Прологов, выбираны повести и в те едины совокуплены» (мартовская книга, л. 733, 1481). А. П. Голубцов предполагал в М. автора Повести о Феодоровской иконе Божьей матери, помещенной в Четых Минеях. В обоснование своего мнения он приводил следующий пассаж из предисловия Повести, находя в нем сходство с припиской М. к Житию Василия Нового: «. . . и овии глаголаху тако, инии инако, но мною, яко сему быти истинне, о еже хощу повести сея коснутися и написати».

В конце каждой месячной книги (кроме ноября — № 799 и февраля — № 802, где оно утеряно) помещено послесловие М.: «Божиею благодатию и пречистыя Богородица помощию написах жития святых преподобных отец. Писах же с разумных списков, тцсяя обрести правая и обретох в списках оных много неправлена и неисправлена и елико возможна моему

худому разуму, сия исправлях, а яже невозможна, сия оставлях, да имущим разум болше нас, тии исправят неиспаравленая и недостаточная наполнят. Аз же что написах и аще кая обрящется в тех несогласна разуму истинны, и аз о сих прощения прошу. И хто имать сия преписовати или прочитати, да не преписуют тако, но прочитает, аще где неисправлено, но истинное да напишет и глаголет, еже есть угодно Богу и полезно души, понеже и аз грешный тако хошу. И не токмо еже zde написах, но и инде что писах и глаголях и аще что обрящется в тех негодно Богу и неполезно души, ради моего неразумия и невежества, и о сих молю, да не творит кто тако, но лучшее да творит, еже есть благоугодно Богу и полезно душе, и аз о сем радуюся. И тако, благодатью Божиею прилагаю сия, отъемля вину ищущим на вред души: читающих же сия и слышащих чтомых молю, да Господа ради помолются о мне, да и аз помилован буду от Бога, понеже не мало потрудихся в сих, якоже мню, заповеди ради любви Божия и ближнего, да сих дивных отец житьем внимающе, ревнители будем деланию их, да с ними и живот вечный наследим. Яз бо аще и грешен и нерадив есмь и ничтоже благо отворих, но желаю много искренним спасения. Се же есть истинная любовь к ближним, еже воздвигнути им совесть к любви Божии и творити заповеди его по истинных Божественных писаний и по житию святых отец и тако спастися.

Приими книгу и прочитай часто знаемое, а неведомого иди к мудрейшим себе вопрошати. Солнечную светлость мрачный облак закрывает книжные бо премудрости множество разума. Подобаает тебе, книгохранителю, почасту книг дозировать и в них разумеваемая чести и досматривати. Да аще коего не ведаешь, а ты вопросы у вышшего себе разумом и учением. Та бо мудрость не по старости дается, аще бо ты возрастом стар, но разумом неисполнен. Аще бо иной человек и млад, но учения наполнен. Да аще коему человеку есть вера велия чесо искати от кого, той убо желание свое исполнит и искомое обрящет, писано бо есть во святом евангелие — просящему дается, а толкущему отверзается, а сотворшему милость — и суд ему милостив.

Горе тому человеку, иже от Бога данный ему талант хочет скрыти зависти ради, то убо не Божие, но диаволе наречется, аще бо последи и даст, но первая чести не улучит. Аще хочещи обрести от Бога милость, а от людей честь и похвалу, то не для поминков богатого и приносков поучай, но без приносков убогого изучи и свой разум к его разуму приложи. Во святом евангелии речено есть: «Туне приясте, туне же и дадите». А Бог тебе противу того невидимо отмерит мерою небесною. А всякий человек не с мудростью, ни с богатством родится, а наг от матери изшед, наг бо и смерть примет. Тогда убо мудрость плотская вся погибнет, но мудрость духовная в нем почивает, да аще что в животе сотворил добро и человеколюбно, то имети сподоблен быти благим небесным. А скупый и завистливый и немилосердый человек спокоется во аде, но тамо никто не поможет, якоже оному богатому. И глаголют тому человеку: о злой человек, не могл еси себе при животе своем пособити, а ныне кого помощника себе имаша. Кто ли тя избавит от толикыя беды, не чаял еси себе, беззакониче, и смерти. Соломон царь не мудр ли был, да и того смерть восхитила. Или Александр Македонский такоже не мудр ли и не храбр ли был? И Самсон сильный и иные прочии? А от начала миру много и богатых и славных было и сильных и храбрых, да и тех смерть приняла. А всякому делу благу начало любовь нелицемерная и союз, а Господь наш Иисус Христос человека с любовью приемлет и небесному царствию наследника сотворяет. Ему же слава во веки, аминь.

Хотяй кто уведети суцая в книзе сей, и той да не прежде начала и главы книги в середине ея поищет чесого превраща листы и числа, но прим книгу и разгнув, первее да зрит в главах ея и в числах и узрит ту тако на дщице добросветле потонку вся конца объявлена, яве обретаемо яже имать и содержит в себе книга сия. Подобаает убо всякому человеку,

его же не весть, о том вопрошати, а еже что весть, тем не искушати и учити беззавистно и не хранити, но проповедати истинна. Книжная бо премудрость подобна солнечной светлости. Но солнечную светлость мрачный блак закрывает, а книжные премудростини вся тварь скрыти не может. Писано бо есть: «не уведяша, ниже разумеша, во тме ходят». Того ради учися, учение свет, а неучение тма.

Небеси убо высота неиспытаема, земли же широта и долгота неосяжаема, морю же глубина неизмерима, святых же чудеса неисчетна и недоумеваема. Аз же грешный и недостойный священнического чина Иоанн, пореклом Милютин, егда новобывшу ми в дому живоначальныя Троица и великих чудотворцев Сергия и Никона, изволившу Богу и служащу ми в церкви рожества Господа Бога и спаса нашего Исуса Христа Служни слободы, Богом начинающу, а человеком совершающу, повелевшу ми писати двенадесять книг миней-четьих тремя чадом моим отроческого возраста. С ними же иногда и самому моему худолубству, Богом помогающу, отчасти потружатися поспешения ради скорым писанием и первоучным их. Писах же с монастырских миней-четьих. Почах же писати в лета 7154 года генваря в 18 день и кончах 162».

Милютинские Миней Четы хранятся: ГИМ, Синодальное собр., № 797—808. Краткие их описания даны: С а в в а, архимандрит. Указатель для обозрения Московской Патриаршей (ныне Синодальной) ризницы и библиотеки. М., 1858. С. 211; П о к р о в с к и й А. А. Древнее псковско-новгородское письменное наследие. М., 1916. С. 245; П р о т а с ь е в а Т. Н. Описание рукописей Синодального собрания. М., 1970. Ч. 1. С. 208—211.

Соч.: К л ю ч е в с к и й В. О. Сказание о чудесах Владимирской иконы Божией матери. СПб., 1878 (изд. ОЛДП; Т. 30) (по списку милютинских Четых Миней).

Лит.: И о с и ф, архимандрит. Оглавление Четых Миней священника Иоанна Милютина // ЧОЛДП. М., 1867; К р а с и н Д. Четии Миней священника Иоанна Милютина // Изв. Моск. ун-та. 1870. № 8. С. 762—777; 1871. № 1. С. 1—23; К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития. С. 297—298; А р с е н и й, иеромонах. Христо-рождественская церковь в Сергиевском посаде // ЧОИДР. 1891. Кн. 3, отд. IV. С. 30—32; С е р г и й. Полный месяцеслов Востока. Владимир, 1901. Т. 1. С. 265—266; А б р а м о в и ч Д. И. Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике. СПб., 1902. С. 86 (указание на список из милютинских Четых Миней, относящийся к Кассиановской 1-й редакции); С е р б р я н с к и й Н. Житие преподобного Евфросина Псковского. СПб., 1909. С. III—IV (о житии в составе милютинских Четых Миней) (ПДПИ; Т. 173); Г о л у б ц о в А. П. Автор древней повести о Федоровской иконе Божией матери // БВ 1911, октябрь. С. 364—371; Щ е г л о в а С. Житие царевича Дмитрия в обработке св. Дмитрия Ростовского // Учен. зап. Самарского ун-та. 1919. Вып. 2, № 1. С. 85—97 (о заимствованиях из милютинских Четых Миней); К у ч к и н В. А. Первые издания русских Прологов // Рукописная и печатная книга. М., 1975. С. 144; Ш у л ь г и н а Э. В. Скоростное письмо XVII в. по Милютинским Миней Четьим // Вопросы славяно-русской палеографии, кодикологии, эпиграфики. М., 1987. С. 10—32.

Н. В. Поньрко

Митрофан (первая половина—середина XVII в.) — поэт приказной школы. Никакими биографическими сведениями о М. мы не располагаем. Самое имя этого стихотворца известно из акростиха — единственного его разысканного произведения. Это сохранившаяся в одном списке эпистолия, состоящая из восьми «относительно силлабических» стихов с парной рифмой, сплошь грамматической. Первые буквы стихов и образуют имя автора (МИТРОФАН).

Причислить М. к приказной школе позволяет не только метрика и рифмовая техника, характерная как для него, так и для продукции этой школы вообще, но и поэтическая фразеология эпистолии М. Он, по всей видимости, знал «Алфавит краестрочный» и пользовался этим пособием при сочинении эпистолии, подбирая на отдельные буквы «образцовые» фразы и затем связывая эти фразы концевыми созвучиями. К приказной школе отсылают и такие использованные М. стереотипы, как «Море мыс-

ленное всегда волнуется» или «Огнены столп пути к себе не являет, | Фараону подобно яко в мори потопляет». Следует также учесть, что жанр коротких посланий, в которых число стихов равно числу букв в имени автора, а имя сообщается в акrostихе, был в большом ходу среди приказных поэтов (см., например: *Мардарий, Мартирий, Нафанаил*).

Однако в ряду произведений этого жанра текст М. стоит особняком. Если другие приказные авторы сочиняли послания к друзьям, ученикам, покровителям, недругам, то М. написал любовную эпистолию. Это самое старшее из известных до сей поры любовных стихотворений, и поэтому короткий текст М. может считаться вехой в истории русской поэзии. Эмоции эпистолии М. типичны для всякого влюбленного: это скорбь в разлуке и просьба о свидании. Но М. пришлось выразить эти эмоции в рифмованных строках, к тому же акrostишных. Он не мог опереться на традицию, не мог подражать какому-либо из русских поэтов, своих предшественников или современников. На долю поэта М. выпала нелегкая роль первооткрывателя любовной темы, основателя новой традиции. Это отразилось в том, что стиль эпистолии, в особенности библейские реминисценции, находится в известном противоречии с ее эмоциями. Но два последних стиха уже свободны от этого «противоречия»:

Аще не приидеши ко мне в приятности,
не могу стерпети великия печалности.

Здесь М. как бы прокладывает путь той любовной лирике, которая расцвела в Петровскую эпоху.

Соч.: Лихачев Д. С. Любовное письмо XVII века // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Каф. рус. лит. Л., 1948. Т. 67. С. 38 (по ркп. ГПБ, собр. Титова, № 1121, л. 303).

Лит.: Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 195.

А. М. Панченко

Митрофан (середина XVII в.) — архимандрит Кирилло-Белозерского монастыря, автор Жития Иродиона Илозерского. Скучные биографические сведения о М. сохранились главным образом в его Предисловии к Житию. М. был архимандритом Кирилло-Белозерского монастыря с 1652 по 1660 г. 10 мая 1653 г. он был направлен патриархом Никоном для проведения церковного следствия (как он пишет, «большаго свидетельства статным свидетельством») о жизни и посмертных чудесах от мощей местночтимого вологодского святого Иродиона Илозерского. «Свидетельствован» он вместе со священником церкви Рождества пресвятой Богородицы, некогда созданной самим Иродионом, Василием Герасимовым, но о результатах писал один. Краткая запись по материалам обследования, по существу представляющая краткий текст Жития Иродиона Илозерского, была составлена М., очевидно, в том же 1653 г. Характеризуя содержание и значение своего труда в Предисловии, М. пишет, что он работал, «. . . испытуя о пришествии, и о житии, и о пощении» Иродиона, «и по преставлении его о чудесах от гроба святого его, и в кои времена, кто такую скорбию одержим бываху, поче же свидетельствах со священником Василием Герасимовым. . . о чудесах и исцелениях, бываемых от святого гроба его», и все это «. . . им, архимандритом Митрофаном, zde вкратце изобразися».

Иродион Илозерский — ученик Корнилия Комельского, был основателем Илозерской-Иродионовой-Озадской-Родионовской мужской пустыни (впоследствии известной как Родионовский погост, Родионовское), располагавшейся в Междуозерье Новгородской губернии Белозерского уезда, в 42 верстах к югу от Белозерска, на острове Илозера, в 2 верстах южнее Озадского озера. Иродион, скончавшийся 28 сентября 1541 г., был похоронен в основанном им монастыре. К середине XVII в. почитание

мощей местного вологодского святого стало настолько популярным, что привлекло внимание официальных церковных кругов и завершилось созданием краткого текста Жития Иродиона Илоезерского и службы ему. Память его, ежегодно отмечавшаяся в течение более двухсот лет в день его смерти, была упразднена в 1764 г., по-видимому, после рассмотрения краткого Жития Иродиона Илоезерского, составленного М. на Святейшем Правительственном Синоде, куда, судя по приписке XVIII в., копия рукописи была отправлена 23 марта 1745 г. священником Михаилом Косминым.

События Жития Иродиона Илоезерского охватывают промежуток времени, начиная с 1537 г. (года смерти Корнилия Комельского) и кончая чудесами, датируемыми первой половиной XVII в. (до 1653 г.). Рассказ о жизни подвижника начинается с ухода Иродиона после смерти Корнилия из Комельского монастыря сначала на Белоозеро, «в весь, нарицаемую Илоские, на Уго озеро», а затем «на остров, иже есть на Иле озере», который он купил «у некоего боголюбивого мужа Анисима». Там он поставил церковь Рождества Богородицы, вокруг которой вскоре возник погост (Рождественский) и возле которой Иродион был похоронен.

Житие Иродиона Илоезерского содержит 21 посмертное чудо об исцелениях от разных болезней и от «хмельного питья», о спасении утопающих, заблудившихся в лесу, о каре, постигшей иноземных захватчиков («иновернии языцы») за ограбление храмов. Действующими лицами в чудесах являются главным образом местные вологодские жители, в числе которых воевода Белозерска Иоанн Артемьев, игумен Новоезерского монастыря Филарет, инок Вассиан, ехавший в лодке по Озацкому озеру, иерей Евфимий, провалившийся под лед на Иле-озере, некий заблудившийся в лесу Антоний, «рабыня. . . царедворца» Матрона, а также Григорий Золотилов с сестрой родом из детей боярских, приехавшие, по-видимому, издалека.

Текст Жития Иродиона Илоезерского изучению не подвергался и научной публикации не имеет. В конце XIX в. при разборке библиотеки и архива Междоозерской церкви Рождества Богородицы священник этой церкви Павел Смирнов обнаружил список Жития Иродиона, составленный М. (оригинал или копию?) и опубликовал его под заглавием «Сказание и повесть. . .». Однако сам текст Жития (после Предисловия М.) имеет другое название: «Житие, и жизнь, и подвизи преподобного о. н. Иродиона, новаго Илоезерскаго чудотворца, еже есть в Междозерье. Благослови, отче, прочести» и начинается словами: «Не во многа времена и в наша лета содеяся, божием изволением, преподобному и богоносному отцу нашему Корнилию игумену к Господу отшедшу».

В. О. Ключевскому и Н. П. Барсукову Житие было известно в трех списках: это список Археографической комиссии (XVIII в.), список, содержащийся в Поморском сборнике из собрания В. О. Ключевского, и список 1746 г. (ГПБ, собр. Погодина, № 726). В списке Археографической комиссии текст Жития завершается службой Иродиону Илоезерскому (Тропарем и Кондаком), которая отсутствует в списке, опубликованном П. Смирновым.

Соч.: Смирнов П. Сказание и повесть о чудесах преподобнаго и богоноснаго о. н. Иродиона чудотворца Божиею благодатию просиявшаго в Белозерских пределах, в веси Междозерье, иже на Иле озере // Новгородские епархиальные ведомости. 1899. № 14—15 (август). С. 882—893.

Лит.: Ключевский И. Древнерусские жития. С. 337; Барсуков В. 1) Источники агиографии. Стб. 225—226; 2) Рукописи Археографической комиссии. СПб., 1882. № 6. С. 2; Б уд о в н и ц. Словарь. С. 100, 168.

Н. Ф. Дроблежкова

Михаил Вышати́н (ум. 1732) — старообрядец, бывший вязниковский подьячий, автор догматического трактата «Бисер драгоценный» (1729 г.), толкующего со старообрядческих позиций о кресте, сугубой аллилуйи,

перстосложении для крестного знамения и т. д. Долгое время жил в одном из скитов Выговского общежительства. В самом начале 30-х гг. в разгар старообрядческих поисков священства по инициативе *Андрея Денисова* предпринял путешествие в Палестину в поисках старообрядческого епископа. Жил некоторое время в Польше и Молдавии, умер в Палестине.

Сочинение М. носит следы зависимости от «Книги о вере» (М., 1648). Как и «Книга о вере», оно посвящено обрядово-догматическим вопросам веры и борьбы с еретиками. М. ориентировался в целом на позицию «Книги о вере», а также на ее структуру и тексты. «Бисер драгоценный» содержит обширное стихотворное (неравносложные силлабические вирши) обращение к читателю, имеющее отдельные заимствования из стихотворного предисловия «Книги о вере». Кроме того, в «Бисере драгоценном» имеется еще одно стихотворное предисловие и одно стихотворное послесловие.

Соч.: Поньрко Н. В. Выговское силлабическое стихотворство // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 273—280, 287—290.

Лит.: Смирнов П. С. 1) Из истории раскола первой половины XVIII в. СПб., 1908. С. 13; 2) Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII века. СПб., 1909. С. 106; Дружинин. Писания старообрядцев. С. 79.

Н. В. Поньрко

Михаил Феодорович (1596—1645) — первый царь из рода Романовых, автор писем. Избран на царство в 1613 г. В 1619 г. из польского плена в Москву возвратился отец М. Ф. митрополит *Филарет* (в миру Федор Никитич Романов, бывший в немилости и постриженный при царе *Борисе Годунове*) и был посвящен здесь во всероссийские патриархи. С этого времени до смерти патриарха Филарета в 1633 г. М. Ф. правил государством совместно с отцом, подчиняясь во всех вопросах влиянию патриарха («опытный и твердый Филарет имел очень большую долю в правлении при малоопытном, молодом и мягком Михаиле»). — С л о в ь е в. История России. . . Кн. 5. С. 214).

До нас дошла довольно обширная переписка М. Ф. с патриархом Филаретом и несколько писем царя к его матери инокине *Марфе*. Это письма, которыми М. Ф. обменивался со своими родителями во время путешествий на богомолье в монастыри (в Макариевский на Унжу — в 1619 г., в Николо-Угрешский — в 1620 г., в Троице-Сергиеву лавру — в 1620—1624 и 1627—1629 гг., а также во время путешествий патриарха в Саввино-Сторожевский и Пафнутьево-Боровский монастыри и во Владимир в 1630 г.). Стиль писем М. Ф. подчинен торжественному чину, информативность их очень мала: большая часть писем не содержит в себе ничего, кроме приветственных выражений и извещений о здоровье и приезде в различные «станы» на пути к месту богомолья. Очевидно, такого сорта переписка подготавливалась дьяками по официальной форме. Но примечательна ее частота: буквально с каждого «стана» на недолгом пути к Троице-Сергиевой лавре и обратно царь слал письма патриарху с уведомлением о здоровье и благополучии (и получал ответные). На этот факт следует обратить внимание. Здесь мы имеем дело с перепиской как элементом придворного этикета, это начало того пышного «урядства» и церемониальности, которые особенно разовьются при дворе сына М. Ф. *Алексея Михайловича* (см.: Робинсон А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974. С. 94—194). Наряду с церемониальными посланиями есть в переписке М. Ф. сугубо деловые письма. Они касаются политических сношений с Крымом и Польшей, некоторых внутренних дел и т. п. Стиль этих посланий (отписок) позволяет отнести их к памятникам деловой письменности.

Соч.: Письма русских государей и других особ царского семейства, изданные Археологической комиссиею. М., 1848. Т. 1, № 7, 9, 11, 15, 17, 19, 23, 26, 27, 30,

36, 39, 40, 42, 45, 47, 50, 53, 54, 58, 59 (1619 г.); № 62, 64, 68, 70, 73, 75, 78, 81, 86, 87, 90, 94, 95, 98, 102 (1620 г.); № 104, 105, 107, 108, 110, 111, 115, 116—118, 119, 123—126, 129 (1621 г.); № 133, 135, 136, 139, 142 (1622 г.); № 145, 149, 151, 155, 156, 159, 160, 165, 167, 168, 170, 172, 173 (1623 г.); № 174, 177, 178, 180 (1624 г.); № 182, 185, 189, 194, 199, 200, 205, 206, 210 (1627 г.); № 213, 219, 226, 227, 234, 240, 246, 252 (1628 г.); № 255, 261, 265, 267, 271, 276, 279, 283, 285, 287 (1629 г.); № 292, 296, 302, 310, 312, 314, 317, 319, 324, 330, 332, 349, 350, 351 (1651 г.).

Лит.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1961. Кн. 5 (т. 9—10). С. 1—370; Ключевский В. О. Курс русской истории. М., 1908. Ч. 3. С. 74—139; Васенко П. Г. Бояре Романовы и воцарение Михаила Феодоровича. СПб., 1913; Платонов С. Ф. Вопрос об избрании М. Ф. Романова в русской исторической литературе. СПб., 1913; Забелин И. Домашний быт русских царей. СПб., 1862. Ч. 1.

Н. В. Понярко

Михаил Юрьев (нач. XVII в.) — один из двух переводчиков (вторым был *Иван Фомин Алманзофов*) «Воинской немецкой книги», или устава (F r o n s p r e g e r L. Kriegsbuch. Frankfurt., 1596), подготовивших ее перевод по указанию царя Василия Шуйского. Перевод сохранился в двух частях (ч. I — ркп. Казанской науч. б-ки им. Н. И. Лобачевского, Отдел рукописной и редкой книги, № 4550; ч. II — ркп. ГПБ, Ф. IX. 19); он не опубликован и в целом не исследован. А. И. Соболевский сопоставлял текст II части с «Уставом ратных, пушечных и др. дел. . .» в близком по времени переводе *Онисима Михайлова Радищевского*. Список перевода «Воинской книги» в числе 5 рукописных книг был поднесен в дар царю *Феодору Алексеевичу* в 1681 г. князем *Н. И. Одоевским*. Список I части перевода принадлежал ок. 1665 г. *Симону Азарьину*.

Лит.: Соболевский. Переводная литература. С. 42, 103—104; Луппов С. П. Книга в России в XVII веке. Л., 1970. С. 112; Клитина Е. Н. Симон Азарьин: (Новые данные по малоизученным источникам) // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 305, 310.

О. А. Белоброва

Морозов Борис (Илья) Иванович (1590—1662) — боярин, стольник, с 1633 г. воспитатель, а затем и друг царя *Алексея Михайловича*, автор писем, владелец книг. Свою карьеру он начал в 1620-е гг.; к 1660-м гг. он сумел значительно расширить свои земельные владения и наладить промышленное производство и торговлю хлебом к большой личной выгоде. В вотчинном хозяйстве М. применялось немало жестоких мер по отношению к крестьянам. Рачительный хозяин, владелец заводов и вотчинных земель, М. утвердил свое положение при царском дворе, женившись на сестре царицы А. И. Милославской. Дядька молодого царя, не имевший порядочного образования, но обладавший организаторскими способностями, к 1645 г. М. фактически управлял Большой казной, Стрелецким и Иноземным приказами и оказывал сильное влияние на Алексея Михайловича. Введенный в стране по инициативе М. режим экономии, в том числе в содержании стрельцов, повышение налога на соль, денежная реформа и др. подобные меры имели целью пополнить царскую казну. Во время Московского восстания 1648 г. дом М. в Московском Кремле был разорен, а его ставленники Л. Плещеев и Траханиотов убиты. Благодаря личному покровительству царя М. был под охраной отослан в Кирилло-Белозерский монастырь, где он пробыл все лето 1648 г. Здесь вскоре было составлено «Слово на обретение мощей Кирилла Белозерского» (ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 13, л. 120—135, не издано) в память о спасении М. во время бури на Белом озере. Вернувшись в Москву в октябре 1648 г., М. больше не занимал прежние официальные посты, но остался достаточно влиятельным лицом. К нему, например, обращался с просьбой ходатайствовать перед царем гетман Богдан Хмельницкий в 1651 и в 1653 гг. Сохранилось письмо М. Богдану Хмельницкому от 25 марта 1654 г. о приеме в Москве его послов С. Богдановича и П. Тетери.

К концу жизни (1660 г.), когда М. много болел, относится его ценный вклад в Успенский собор Московского Кремля — богато украшенное серебряное шестиярусное паникадило работы иностранных мастеров весом в 66 пудов и 16 фунтов, т. е. более 1 т (вывезено из Москвы в 1812 г. французами). Известие об этом грандиозном вкладе читается в летописных текстах XVII—XVIII вв. (ср.: Н а с о н о в А. Н. История русского летописания XI—начала XVIII вв. М., 1969. С. 422—423). Из числа принадлежавших М. книг известен список *Жития Зосимы и Савватия соловецких*, XVII в. (Выголексинское собр., № 46). О причастности М. к кружку «западников» Ф. М. Ртищева в 1640-х гг. позволяют судить два литературных памятника: 1) Послание архимандрита *Венедикта Царегородского* к некоему Борису Ивановичу (толкование Апокалипсиса), известное в двух списках XVII в. (ГИМ, Синодальное собр., № 484, л. 271—275 и ГПБ, Q.I.1010, л. 207—210); 2) Предисловие неизвестного переводчика, обращенное к Илье Ивановичу Морозову, перед текстом книги Трота Помпея «*Рассказы по всемирной истории*», озаглавленной в переводе «*Краткое пяти монархий древних описание*» (БАН, 16.17.30, л. 3—116). У М. были также контакты с Винусом-старшим по поводу горнорудного дела и производства поташа. Наличие у М. двух имен — Борис и Илья — привело к некоторой путанице в литературе (например: Л е в и н с о н Н. Р. Подвесные осветительные приборы XVI—XVII вв. // Труды ГИМ. М., 1941. Вып. 13. С. 88 (автор сообщает о двух разных паникадилах, вкладах Б. И. и И. И. Морозовых); П у ш к а р е в Л. Н. Общественно-политическая мысль России. Вторая половина XVII века: Очерки истории. М., 1982. С. 220 (Борис и Илья здесь считаются братьями). Автограф М. опубликован в кн.: *Русский исторический альбом*, изданный М. Погодиным. М., 1853, лист 17, № 112. Отзывы о М. находим у Мейерберга и других иностранных путешественников в России. Книги на латинском и немецком языках XV—XVII вв. с владельческими надписями М. хранятся в БАН СССР и в Иркутске (Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Л., 1956. Вып. 1: XVIII век. С. 429—431; Б о н н е р А. Г. Бесценные сокровища. Иркутск, 1979. С. 75—76).

Соч.: АЮЗР. Т. 10, № 8/XXIV. С. 513—514 (Письмо Богдану Хмельницкому; перепечатано в кн.: *Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы* в трех томах. М., 1953. Т. 3, № 246. С. 565—566).

Лит.: З а б е л и н И. Е. Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве // *Вестник Европы*. 1871. Т. 1; С м и р н о в П. Правительство Б. И. Морозова и восстание в Москве 1648 г. Ташкент, 1929; Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в. Л., 1933. Ч. 1, 2; П е т р и к е е в Д. И. Земельные владения боярина Б. И. Морозова // *ИЗ. М.*, 1947. № 21. С. 51—104; Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова. М., 1940. Т. 1; 1945. Т. 2.

О. А. Белоброва

Моховиков Симеон Федорович (первая четверть XVIII в.) — автор рассказа о чуде, совершенном иконой с изображением *Максима Грека*, возможный автор наиболее пространного из *Сказаний о Максиме Греке* и собрания чудес преподобного, возможный автор *Сказания о чудесах от икон Божьей матери*. Скучные биографические сведения о М. содержатся в его «Чуде новейшем преподобного отца нашего Максима Грека», в котором повествуется о событиях 1720 г. Старообрядец М., уже молодой человек, служил сторожем Благовещенского собора Московского Кремля и имел свою торговлю — лавку в Седельном ряду. Между тем выяснилось, что ревностный исполнитель петровского указа некий подьячий Михаил Морсочников похвалялся обрить героя или даже вырвать «щипками» его бороду. Надеясь на заступничество Максима Грека, М. заказал его икону изографу Евстафию. Но Евстафий изобразил Максима с благословляющей рукой, сложенной тремя перстами, за что был немедленно наказан преподобным: его рука покрылась нарывами и вы-

сохла. Слухи о чуде дошли до царя, который повелел схватить изографа и самого М.; оба спаслись бегством. О дальнейшей судьбе М. сведений нет.

«Чудо новейшее» сохранилось в единственном списке первой трети XVIII в. (ГБЛ, ф. 310, собр. Ундольского, № 338), где оно завершает целую серию чудес Максима Грека (первые шесть чудес заимствованы тут из Жития Дионисия Зобниновского). Чудеса в свою очередь примыкают к Сказанию о Максиме Греке («Сказание о житии и страдании преподобнаго отца нашего Максима Грека философа. . .») — наиболее обширному из жизнеописаний святогорского старца, составленному на основании более ранних сказаний, собственных сочинений Грека, наконец, *Повести о втором браке Василия III*. Это Сказание, в котором рассказ о жизненном пути Максима приспособлен к агиографическому канону и украшен некоторыми легендарными подробностями (например, афонский старец называется архимандритом Ватопедского монастыря), также неизвестно в других списках. Кроме Сказания и собрания чудес в рукописи В. М. Ундольского помещено особое собрание сочинений Максима Грека — Архивное 2 (его описание см. в работах Д. М. Буланина). Поскольку сборник переписан рукой М. (запись на л. 244 об.), С. А. Белокуров высказал резонное предположение, что герой «Чуда новейшего» является автором и Сказания о Максиме, и всего собрания чудес.

В 1971 г. археографическая экспедиция МГУ привезла сборник с владельческой записью М., содержащий рассказы о чудотворных иконах и чудесах святых (Науч. б-ка МГУ, № 10535-22-71). Исследовавшая сборник И. В. Поздеева полагает, что состав его был установлен до начала переписки (на это указывает внутреннее единство книги), и считает М. его составителем. Датируется сборник 1714—1716 гг. — первая дата определяется собором, предавшим проклятию последователей ереси Димитрия Тверитинова («пяточисленные еретици» сборника М.), вторая названа на л. 538 об. рукописи. И. В. Поздеева атрибутирует М. читающееся в рукописи «Сказание известно вкратце» о богородичных иконах, которое украшено гравюрами, по большей части резанными Г. П. Тетчегорским. Авторство сторожа Благовещенского собора обличает свойственный Сказанию интерес к Максиму Греку, причем, как и в Сказании о Максиме Греке, он называется архимандритом.

Книга в целом и входящее в нее составной частью Сказание составлены для борьбы с «иконоборческой ересью» Тверитинова. Автор Сказания проявил исключительную начитанность, использовав материал почти пятидесяти произведений, оригинальных и переводных.

Соч.: Белокуров С. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898. Приложения. С. XLIII—CXXV; Russische Heiligenlegenden / Hrsrg. von E. Benz. Zürich, 1953. S. 366—412 (перевод на нем. яз.).

Лит.: Klostermann R. A. Maxim Grek in der Legende // Zeitschrift für Kirchengeschichte. 1934. Bd 53, 3. Folge 4. S. 206—227; Denissoff E. Maxime le Grec et ses vicissitudes au sein de l'église russe // Revue des études slaves. 1954. T. 31. P. 16—17; Поздеева И. В. 1) Археографические работы Московского университета в районе древней Ветки и Стародуба (1970—1972 гг.) // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1975. М., 1976. С. 57—58; 2) Вновь найденный сборник Симеона Моховикова с гравюрами Г. П. Тетчегорского // Народная гравюра и фольклор в России XVII—XIX вв. М., 1976. С. 175—198; Буланин Д. М. 1) Лексикон Свиды в творчестве Максима Грека // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 275—279; 2) Переводы и послания Максима Грека: Незданные тексты. Л., 1984. С. 236—238.

Д. М. Буланин

Найденов Иван Сидоров (вторая половина XVII в.) — толмач Посольского приказа, автор «Сказки». Биография его известна из «Сказки», записанной 20 августа 1682 г. в Архангельске, в съезжей избе при воеводе князе Никите Семеновиче Урусове и дьяке Федоре Микулине. В 1670 г. казачий сын Н. был взят в плен азовскими татарами под городом Ва-

луйки (на Белгородчине) «на пашне». Через месяц из Азова он был продан в Царьград турецкому паше, у которого прожил «во дворе» десять лет. Бежав ночью, он доплыл в лодке до французского «опасного» корабля, на котором через четыре недели дошел до Марселя, а затем с письмом капитана пешком добирался год до Парижа. Если верить словам Н., то он получил аудиенцию у французского короля Людовика XIV, который, «досмотря того письма, отпустил его, Ивашка, до Английской земли с тем же письмом». Из Парижа до Лондона Н. доехал за четыре дня. Но была зима, и торговые корабли в Архангельск не ходили. Так как жить Н. было не на что, то он нанялся на английский военный корабль «в работу из хлеба и платья» и в составе эскадры из ста кораблей участвовал в экспедиции в Арапскую землю «для войны с арапы о. . . королевском городе Азере». Экспедиция заняла полтора года. После успешного завершения похода, прожив в Лондоне еще два месяца, Н. нанялся на торговый корабль, на котором и пришел к Архангельску. Переводчики Посольского приказа «свидетельствовали и сказали, что он, Иван, по-французски и по-турски говорить умеет», после чего Н. был назначен толмачом.

«Сказка» Н. — деловая записка, свидетельствующая о способах, коими пополнялись кадры служащих Посольского приказа. За границами этого лаконичного документа остались впечатления Н. о Франции Людовика XIV, незадолго до путешествия бывшего пленника пережившей грандиозные крестьянские восстания. Равно не найдем в нем и подробностей о Царьграде, и об Англии времени реставрации Стюартов, правительство которых в лице Карла II получало от Людовика XIV финансовую помощь. Трудно сказать, в какой колониальной кампании участвовал Н. Можно только высказать догадку, не кроется ли за упомянутым им городом Азером Танжер в Африке, находившийся под властью Англии с 1661 по 1684 г. Последние годы английского правления были отмечены рядом восстаний местного населения. Возможно, масштабы и сроки этой военной экспедиции несколько преувеличены. Вообще по расчетам Н., зафиксированным в «Сказке», получается, что после побега его из Царьграда до прибытия в Архангельск прошло два года одиннадцать месяцев, что не совпадает с датами документа.

Соч.: «1682 г. 20 августа Сказка казачьего сына Ивана Сидорова Найденова о побеге из турецкого плена чрез Францию и Англию» / Сообщ. С. К. Богоявленский // ЧОИДР. 1917. Кн. 2 (251), отд. II: Смесь. С. 30—31.

М. Д. Каган

Неронов Иван (Гавриил) (в иночестве Григорий) (1591—2 I 1670) — писатель-старообрядец, зачинатель «боголюбческого» движения. Родился в скиту Спаса на Лому, на реке Саре (в 60 «поприщах» от Вологды). Крещен был Гавриилом (отсюда монашеское имя на «глаголь»), прозвание получил по имени отца Мирона (в просторечии Нерона). «По святом же крещении изволися отцу и матери преименовати младенца Иоанном» (ср. его подписи в зрелые годы: «К сему прошению и молению Казанской протопоп Гавриил, рекомый Иоанн Неронов руку приложил»).

В Смуту отчий дом Н. был разграблен и сожжен. Н. в сопровождении некоего «отрока Евфимия» ушел в Вологду, где начал проповедническую деятельность. Н. исповедовал идею «оцерковления» человека, поэтому в Вологде на святках (это было в 1610-х гг.) он дерзнул обличать архиерея, в доме которого «славили» ряженые и скomorохи. «И начаша Иоанна бити немилостиво», потому что скоморошество в ту пору еще было естественным элементом культуры и пользовалось покровительством светских и духовных властей.

Отсюда он перебрался в Устюг, принадлежавший к Вологодской епархии, и здесь приобщился книжной науке. Она давалась ему нелегко:

«. . .учаешься зело медленно, яко един букварь учаше лето и месяцев шесть». Потом Н. жил в Никольском, пригородном селе Юрьевца Повольского, в доме местного священника, на дочери которого Евдокии он женился. Здесь, по-видимому, он был возведен в низшую церковную степень чтеца. В Никольском Н. обнаружил себя поборником ригористического «боголюбчества». Обличаемые им в «развращенном житии» местные попы подали патриарху *Филарету* жалобу, под которой подписался и тесть Н. Ему пришлось тайно ночью бежать из Никольского в Троице-Сергиев монастырь, где Н. нашел покровителя в *Дионисии Зобнинском*, став его келейником. По просьбе Дионисия патриарх рукоположил Н. в дьяконы, а через год — в иереи.

Новопоставленный священник продолжал свою борьбу за благочестие клира и мирян. Возвращение в Никольское и новые распри с местным духовенством; учеба у популярного тогда священника Анании в нижегородской деревне Лысково; переселение в Нижний Новгород, где Н. облюбывал ветхую, много лет пустовавшую церковь Воскресения Христова, — таковы странствия молодого «боголюбца». Н. возродил личную проповедь, которой уже несколько столетий не знало русское православие, «на стогнах града и на торжищах. . . возвещающая всем путь спасения» по «*Маргариту*» Иоанна Златоуста — книге, всегда находившейся при нем.

Его проповедническая деятельность была одушевлена идеей «социального христианства». Он заводил школы, богадельни, вмешивался в дела светских властей — не только в провинции, но и в столице. За неодобрение похода 1632 г. Н. попал на два года в ссылку в Никольский Корельский монастырь. Когда Н. освободили, он вернулся в Нижний Новгород, а после смерти царя *Михаила Феодоровича* (1645 г.) поселился в Москве. Здесь Н. снискал славу виднейшего из «ревнителей благочестия» и попал в ближайшее окружение юного государя. По ходатайству царского духовника *Стефана Вонифатьева* и Ф. М. Ртищева он стал протопопом Казанского собора.

1645—1652 гг. — время самых больших успехов Н. Казанский собор не вмещал желающих послушать его проповеди. Он «написа же и окрест стены. . . поучительная словеса». Это был новый принцип общения с аудиторией: если в средние века учили каждого конкретного человека («духовный отец» и «духовное чадо»), то Н. адресовался сразу ко многим.

Когда «боголюбец» *Никон* был избран патриархом, он порвал со своими прежними сподвижниками. Конфликт приобрел особенную остроту, когда началась реформа обряда. Н. резко протестовал и 4 августа 1653 г. был выслан из Москвы в Спасо-Каменный монастырь. Там и началась его писательская деятельность. Оттуда Н. направлял послания царю, царице, Стефану Вонифатьеву (их под диктовку автора писали его сын Феофилакт и игумен *Феоктист*). Основная их тема — антиниконовская. В «росписи царю государю» спор с патриархом Н. привел дерзкие его отзывы об *Алексее Михайловиче* («мне де и царская помощь негодна и ненадобна, да таки де на нее плюю и сморкаю»). Другая тема (не считая просьб о защите преследуемых Никоном «боголюбцев») — тема упадка церкви («всяко благочестие преста и чадом церковным везде плачь»), а также эсхатологические предсказания.

На Кубенском озере в Спасо-Каменном монастыре опального протопопа приняли с почетом. Архимандрит Александр «выше келаря поставлял его в церкви», «слугу ему дал для чести, и ис поварни прибавочныя ествы приносить к нему повелевая в келью первому слуге. . . а прочим слугам квасу добра. . . носить повелевая в оловяниках, — братины медные с покрывками». Однако Н. не ужился с братьей, то и дело вмешивался в монастырский обиход и в конце концов донельзя разозлил настоятеля: «. . .архимарит же, ем его за власы, по трапезе влачаше и рукама по щекам бияше время довольно». Из-за этих распрей Н. было решено от-

править в далекий Кандалакшский монастырь (1 июля 1653 г.). Путь туда лежал через Вологду; здесь 13 июля Н. сочинил «общую отписку всем христолюбцам», московским своим друзьям и ученикам, в которой шла речь о наступлении «последнего времени».

Литературная работа продолжалась и в Кандалакшской обители (в Переславль-Залесский Н. послал «за своею рукою тетрати», которые до нас не дошли). Н. очень скоро бежал из Кандалакши вместе с тремя спутниками: «В 4-м часу нощи в маленьком карбасе поехали морем; а все неискусны морскому плаванью. Из монастыря были за ними две погони: одна за 70 верст от монастыря, а другая за сто верст; ближнюю погону видели, — стояли в то время на острове, часы пели и хлеба ели; а другие погони не видели. Августа в 10 день, Богу изволившу, воста ветр от запада; так подняли парус, сшиты были две рогожи новые, и ехали парусом версты з две. И внезапно бысть буря велия, волнам убо восходящим на высоту. . . и карбас в мале не опровержеса, зане от страха содержащего не можаху паруса спустити». Удалось все же доплыть до Кемского устья. Отсюда беглецы на промысловой ладье отправились на Соловки, и тогда, и потом бывшие оплотом староверия.

До Москвы Н. добирался сначала морем, а потом посуху, минуя речной путь по Северной Двине, так как Никон повсюду разослал приказы задержатъ беглого протопопа: «И много молва бысть в Русии Иоанна ради». В столице Н. жил в келье у Стефана Вонифатьева. Царю это было известно, но от Никона все скрывали (вообще царь мирволил Н.). 25 декабря 1666 г. Н. стал иноком: «. . . пострижен же бысть старец Григорий в Данилове монастыре в соборной церкви, по отписке протопопа Стефана, за ево рукою» (в Переславле-Залесском). Через год старец Григорий рискнул явиться к патриарху.

Зная, конечно, о расположении царя к Н., Никон отнесся к нему весьма снисходительно, позволил жить на Троицком подворье, часто принимал Н. в крестовой палате. Изложение их бесед («Записка о жизни Ивана Неронова с 1653 по 1659 г.», написанная либо игуменом Феоктистом, либо кем-то другим из близких Н. людей) скорее всего недостоверно, ибо Н. все время нападает, а Никон защищается, и весьма неуверенно. Однако самый факт «прений» с глазу на глаз отрицать нельзя. Патриарх пошел на компромисс, чтобы угодить царю, «разрешил» Н. от «клятвы» и благословил его.

По натуре Н. был вечным странником (об этом хорошо сказал Никон: «И бегает и является»). Два места особенно привлекали его — Москва и родная Спасская обитель на Лому. Последнюю он обустроивает (на деньги московских доброхотов), начинает там каменное строительство и т. д.

После того как в 1658 г. Никон оставил патриарший престол, у Н. появились надежды на отмену церковной реформы. Он подает царю челобитные о скорейшем избрании нового главы церкви (в 1660 и 1664—1665 гг.), в челобитной от 6 декабря 1664 г. заступает за протопопа *Аввакума*: «Милости у тебя. . . прошу со слезами о изгнаннем ссыльном протопопе Аввакуме Петрове». Н. просил царя отпустить Аввакума на покой в Спасский на Лому монастырь, «чтоб маленьким ево сироткам в зимное время на нужном пути до Пуста-озера от студени безгодного смертию не помереть, яко же и прежде в Даурех двое детей ево от глада помроша». Хотя все эти просьбы успеха не имели, но и на положение Н. никак не повлияли. Только в 1665 г. постигли его новые беды.

Причиной были распри с архиепископом Вологодским *Симоном*, который в соответствии с каноническим правом требовал, чтобы Спасский на Лому монастырь ему подчинялся. Н. запальчиво отстаивал самостоятельность обители — и проиграл дело. 21 августа 1665 г. сыну боярскому Михаилу Онучину было указано везти из Москвы в Вологду в распоряжение Симона колодника (!) Н. и в дороге его «беречь накрепко с ве-

ликим бережением, чтоб он з дороги не ушел и дурна над собою какова не учинил» (это стереотипная формула, применявшаяся в XVII в. к преступникам). Но и тут царь заколебался и задержал Н. в Переславль-Залесском Горлицком монастыре. Хотя колодник все же попал «под начал» к Симону Вологодскому (тот поместил его в Прилуках), однако ненадолго. Уже 14 марта 1666 г. Н. — в Иосифове Волоколамском монастыре; он отправляет здесь священнические обязанности, произносит проповеди (опять по «Маргариту») — и ссорится с местным начальством.

В 1666—1667 гг. имел место пресловутый собор (сначала на нем присутствовали только русские иерархи, а потом и «всееленские патриархи»), который наложил «клятвы» на приверженцев старой веры. Н., надеясь поначалу на благоприятный для «ревнителей древлего благочестия» исход собора, подал челобитную, которая кончалась такими словами: «А за имя великаго Бога и за государское величество аще и смерть приму, но не буду молчать». 1 июля 1666 г. Н. был осужден собором, а 20 сентября возвращен в Волоколамский монастырь, но теперь уже «под начал» — «за церковный мятеж и к освященному собору за непокорение».

Это сломило его, в 1667 г. он представил покаянное послание и в нем отрекся от того дела, за которое боролся и страдал всю жизнь. Последние годы он был архимандритом Данилова Переславского монастыря. 26 декабря 1669 г. Н. «начат зельне изнемогати, огницею бо содержимый бяше... И пребыть в болезни той 7 дней, нимало могий от одра востати... Во утрие же, ианнуария в 2 день, в последний час ноци, предаде... душу с миром богу». В Даниловском монастыре он был и похоронен.

До нас дошло не все написанное Н. Когда в начале 1666 г. конфисковывалась библиотека жившего в Вятке игумена Феокиста, была составлена опись отобранных у него старообрядческих рукописей. Среди них — немало сочинений Н., в частности «Девят тетраток в четверть связаны, а в них писано моление Григория Неронова к великому государю, каково подано великому государю у праздника пресвятыя Богородицы Казанские в 22 день». Эти «девять тетраток» ныне неизвестны.

Как писатель Н. не возвышается над средним уровнем многочисленных старообрядческих авторов. Его популярность (и громадная) — это популярность «первого боголюбца».

Соч.: Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. М., 1875. Т. 1, разд. 1, 2.

Лит.: Знаменский П. Григорий Неронов // ПС. 1969. Ч. 1. С. 236—282, 325—366.

А. М. Панченко

Никанор (вторая половина XVII в.) — архимандрит Воскресенского Новоиерусалимского монастыря (в 1686—1698 гг.), автор монастырского летописца, написанного досиллабическим стихом. Текст летописца вырезан на каменных плитах при южных дверях Воскресенской церкви. Н. сообщает, как, когда и кем была основана Воскресенская обитель, воздаст должное патриарху *Никону* — ее основателю. В летописце нашли отражение сведения, связанные с судьбой патриарха Никона: его вынужденный отъезд из Воскресенского монастыря, а впоследствии его погребение здесь. Заканчивается летописец сообщением об освящении в 1685 г. Воскресенского каменного храма. Н. принадлежит также стихотворная надпись на каменной плите в церкви Всех Святых Воскресенского монастыря над могилой архимандрита *Германа*.

Соч.: Леонид, архимандрит. Историческое описание ставропигиального Воскресенского Новый Иерусалим именуемого монастыря // ЧОИДР. 1874. Кн. 3. С. 92—98, 101, 9; Кн. 4. С. 128—129.

Лит.: Филарет. Обзор. С. 256 (№ 239); Позднеев А. В. 1) Рукописные песенники XVII—XVIII веков: (Из истории песенной досиллабической поэзии) // Учен. зап. Моск. гос. заоч. пед. ин-та. М., 1958. Т. 1. С. 18; 2) Песни-акrostихи Гер-

мана // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 364; 3) Никоновская школа песенной поэзии // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 421—422; Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 113—114.

М. А. Салмина

Никифор Евдокимов (вторая половина XVII в.) — мастер книгопечатного дела, работавший в типографии Валдайского Иверского Богородицкого монастыря. Типография была вывезена на Валдай из Кутеин по распоряжению патриарха *Никона*, переведшего в основанную им в Новгородских пределах обитель и всю братию Кутеинского Богоявленского монастыря. Прибывшая на место назначения к лету 1656 г. типография начала функционировать при участии белорусских мастеров, к числу которых, надо полагать, относился и Н. Е. Современным библиографам известны три книги, напечатанные в Иверском монастыре: Часослов 1658 г. с анонимным предисловием, «Рай мысленный» 1658—1659 гг. и «Брашно духовное» 1661 г., предисловия к которым подписаны архимандритом *Филофеем* «з братиею». Однако этими изданиями продукция монастырской типографии не исчерпывалась — известно, что в 1665 г. Иверский монастырь по указу *Никона* напечатал царскую жалованную грамоту (текст издания воспроизведен в кн.: Амфилохий, архимандрит. История российской иерархии. М., 1812. Ч. 4. С. 222—239) и «Круг часам дневным и noctным» (Акты Иверского Святоозерского монастыря (1582—1706), собранные о. архимандритом Леонидом. Пб., 1878. Стб. 533—535, № 198 (РИБ; Т. 5)); высказывались предположения, что из-под монастырского стана вышли в свет и другие книги: Сахаров И. Иверская типография // Северная пчела. 1842, 17 июля. № 157. С. 627—628 (признается неосновательность предположений об издании каких-либо книг сверх «Рая мысленного», «Брашна духовного» и царской грамоты); Леонид, архимандрит. Материалы для истории книгопечатания в России: Типография Оршинского Кутеинского и Иверского Валдайского монастырей (С 1630 по 1665 год) // Вестник Общества древнерусского искусства при Московском публичном музее. 1876. № 11—12. С. 92—95. Мы не располагаем сведениями, все ли эти издания, продолжавшие традиции белорусского книгопечатания, готовил Н. Е., были ли у него помощники, принимал ли он участие в редактировании текста. Известно только, что «друкарь» Н. Е. с соборным иеромонахом *Феодосием* сопровождали обоз с типографским оборудованием в Воскресенский Новоерусалимский монастырь, куда патриарх приказал доставить стан и другие материалы в 1665 г. Известно также, что Н. Е. не остался на Истре, но выехал назад, причем в Москве *Феодосий* купил своему спутнику очки «хрустальные».

Лит.: Сидоров А. А. Древнерусская книжная гравюра. М.; Л., 1951. С. 203—206; Зернова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII вв.: Сводный каталог. М., 1958. С. 138—139. Приложение IВ, № 1—3; Голенченко Г. Я. Белорусы в русском книгопечатании // Книга: Исследования и материалы. М., 1966. Сб. 13. С. 99—106; Белоненко В. С. 1) Из истории книгопечатания Иверского Валдайского монастыря // Исследования памятников письменной культуры в собраниях и архивах Отдела рукописей и редких книг ГПБ. Л., 1988. С. 67—76; 2) Из истории книжности Иверского Успенского монастыря на Валдайском озере в XVII в. // Литература Древней Руси: Источниковедение. Л., 1988. С. 197—206.

Д. М. Буланин

Никодим (вторая половина XVII—первая четверть XVIII в.) — архимандрит *Антониево-Сийского* монастыря (1692—1721 гг.), составитель *Жития* игумена *Феодосия* и *Сийского* иконописного толкового подлинника (см. *Подлинник иконописный*), заказчик, вкладчик и писец рукописей, владелец келейной библиотеки, иконописец. Н. был уроженцем Русского Севера, в детстве обучен грамоте, постригся в монахи в *Антониево-Сийском* монастыре, был на Москве «в строителях», затем назначен (против

воли *Афанасия Холмогорского*) казначеем *Антониево-Сийского* монастыря и, наконец, его архимандритом.

Житие *Феодосия* известно в одном списке (БАН, *Архангельское собр.*, д. 408, л. 235—269); оно не опубликовано. Здесь раскрыта интеллектуальная жизнь монастырских властей (*Антониево-Сийского* и *Кожеозерского* монастырей), сочетавших хозяйственные заботы с чтением, перепиской и украшением рукописных книг. В Житии фигурируют ученики *Феодосия* — реальные исторические лица, известные вкладыми книг (старец *Паисий*, казначей московского патриарха, и др.), имеются видения и чудеса, в том числе о счастливом улове и т. п.

Толковый иконописный подлинник (БАН, *Архангельское собр.*, с. 205) и сопровождавший его альбом прорисей икон и западноевропейских гравюр (ГПБ, собр. ОЛДП, F.88) позволяют представить высокий эстетический уровень интересов Н. Перед нами образец целенаправленного собирательства, в чем-то подобного коллекций гравюр и рисунков *А. Виниуса* («*Книга Виниуса*»). Среди персонажей *Сийского* иконописного подлинника выделяются *Дионисий Ареопagit*, *Максим Грек*; многие прорисы имеют подписи, указывающие на авторство иконописцев-знаменщиков — *Симона Ушакова*, *Василия Кондакова* и др. Этот памятник определенно имеет общерусское значение.

По мнению *М. В. Кукушкиной*, Н. принадлежит авторство «*Алфавита духовного слагательного*» (БАН, *Архангельское собр.*, Д. 527, л. 182—194; не опубликован). *М. В. Кукушкина* исследовала состав келейной библиотеки Н., выделила рукописи, переписанные им самим, и отметила его вклады.

Лит.: Строев. Словарь. С. 216; Верюжский В. Афанасий архиеп. Холмогорский, его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования. . . СПб., 1908. С. 309 и след.; Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера. Л., 1977.

О. А. Белоброва

Никон (в миру *Никита Минов*) (V 1605—17 VIII 1681) — патриарх Московский, автор Слова о создании *Валдайского Иверского* монастыря, «*Ответа*» на вопросы-ответы *Стрешнева—Лигарида*, грамот, составитель сборника «*Скрижалъ*», книголюб. Родился в с. *Вельдеманово* Нижегородского уезда в крестьянской семье. Учился грамоте у местного грамотея, юношей ушел на учебу в *Макарьев Желтоводский* монастырь. Вернувшись домой, женился и в 1625 г. был рукоположен попом в церкви одного из соседних сел, однако вскоре по просьбе московских купцов был переведен в Москву. В 1630 г. *Никита*, уговорив жену принять пострижение в *Алексеевском женском монастыре*, ушел на Север, где принял монашеский обет с именем Н. в *Анзерском скиту*, руководимом суровым отшельником *Елеазаром Анзерским*. Вместе с анзерским игуменом, который согласно преданию предсказал царской семье рождение первенца — будущего царя *Алексея Михайловича*, Н. ездил в столицу за «*милостыней*», предназначавшейся на постройку каменного храма в *Анзерах*. Однако аскетические подвиги в скиту не смогли укротить деятельную и властолюбивую натуру молодого отшельника. Между ним и *Елеазаром* возникли трения, и Н. в 1634 г. вынужден был покинуть скит и перейти на жительство в *Кожеозерский монастырь*, где он в 1643 г. был избран игуменом.

В 1646 г. во время поездки в Москву по делам монастыря Н. был представлен молодому царю *Алексею Михайловичу*. Еще не старый сорокалетний монах могучего телосложения, речистый, богомольный, обладавший редким по красоте голосом и пользующийся славой сурового аскета — ученика *Елеазара Андерского*, Н. произвел сильное впечатление на молодого царя. Отличаясь практическим умом и волевым характером, Н. сумел войти в доверие к царю, став его «*собинным другом*», и со временем подчинил его своему влиянию. По желанию царя Н. был оставлен

в Москве, получив место архимандрита Новоспасского монастыря, где находилась родовая усыпальница рода Романовых. Именно в этот период Н. сблизился с членами просветительского кружка «ревнителей древле-церковного благочестия», в состав которого входили царский духовник *Стефан Воицфатьев*, протопоп Казанского собора *Иоанн Неронов* и другие представители столичного и провинциального духовенства, искавшие пути духовного обновления русской общественной и церковной жизни на путях церковных реформ.

В 1648 г. Н. был назначен на освободившуюся Новгородскую митрополичью кафедру. На этом посту он проявил незаурядные организаторские способности, проявил твердый и решительный характер. В 1650 г. он сумел без кровопролития усмирить восстание новгородцев, вызванное голодом, за что получил благодарность от царя. В Новгороде Н. впервые осуществил некоторые из задуманных им нововведений в церковную богослужебную практику: единогласное чтение в церкви и пение греческим и киевским распевами. Введение единогласия во всей стране было санкционировано церковным собором, состоявшимся в феврале 1651 г. На следующий год Н. по своей инициативе и с санкции правительства отправился в Соловецкий монастырь за мощами митрополита *Филиппа* (убитого по приказанию *Ивана Грозного*), которые было решено перевезти в Москву. Это был политический акт, символизирующий «покаяние» царской власти перед церковной, а также их примирение для будущего тесного сотрудничества. В связи со смертью патриарха *Иосифа* Н. по возвращении с Соловков был соборно избран на патриарший престол (23 июля 1652 г.).

С весны 1653 г. Н. при поддержке царя начал проведение в жизнь задуманных им церковных реформ, которые по своей внешней форме состояли в унификации русских церковных обрядов с греческими (замена двухперстного крестного знамения триперстным, перемена некоторых других обрядов, новая редакция текста «символа веры» и текстов ряда богослужебных книг). По своему внутреннему смыслу эти реформы преследовали цель регламентации идеологической жизни общества, придания ей определенного единства. Их организаторы стремились закрепить феодально-иерархическое положение князей церкви и повысить ее роль в целом как государственного учреждения. Во внешнеполитической области реформы Н. проходили под знаком откровенного «грекофильства», которым увлечены были в то время царь и патриарх. Исправление книг и обрядов по новогреческим образцам, принятым также в южнославянских странах, служило укреплению церковно-политических связей России с этими странами и соответствовало честолюбивым планам Н. стать фактическим главой вселенской православной церкви. Однако эти реформы были враждебно встречены значительной частью русского духовенства, выступившего против нововведений, насаждавшихся на местах крутыми волевыми методами. Они были восприняты как серьезное покушение на основы национальной самобытности и духовной жизни народа, как навязывание правящей верхушкой чуждых элементов идеологии и культуры, заимствованных с Запада. По словам А. М. Панченко, церковная реформа 1653—1658 гг. «перевела с обиходного на событийный уровень культуры весь реформированный церковный обряд, церковные и монашеские одежды, музыку, живопись, закрепленные авторитетом церкви обычаи и традиции, богослужебные книги. В силу этого спор об исторической правоте традиционалистов и реформаторов-никонов был неожиданно перенесен на самую болезненную для средневекового сознания идеологическую почву церковной догматики и принял четкие формы борьбы никонов-реформаторов с защитниками старой веры». Так в русской церкви возник раскол, после чего Н. и светская власть начали жестоко преследовать старообрядцев-традиционалистов, среди которых было много бывших друзей и единомышленников патриарха по кружку «ревнителей благочестия».

Н. активно участвовал в решении политических вопросов государственной жизни, вмешивался в дела гражданского управления. Рост недовольства в придворных кругах произволом и властью Н. способствовал охлаждению к нему царя. Разрыв был вызван и разным подходом царя и патриарха к оценке роли церкви и государства. Н., обновив старую католическую теорию о том, что «священство выше царства», пытался использовать реформу для укрепления церковной организации и усиления личной власти патриарха с тем, чтобы освободить церковь от всякой опеки царской власти. В 1658 г. Н. демонстративно покинул патриарший престол и уехал в построенный им Воскресенский Новоиерусалимский монастырь. Опальный патриарх надеялся, что царь одумается и вернет его в Москву; однако этого не произошло. Когда Н. в 1664 г. самовольно приехал в столицу и попытался вновь занять патриаршее место, его выслали обратно. Церковный собор 1666—1667 гг., проходивший при участии греческих патриархов, снял с него сан патриарха, подтвердив при этом правильность церковной реформы, проведенной Н. Бывший патриарх был послан как простой чернец в Ферапонтов, а затем переведен в Кирилло-Белозерский монастырь. В 1681 г. царь *Феодор Алексеевич* разрешил Н. вернуться из ссылки и поселиться вновь в Новоиерусалимском монастыре. По дороге из ссылки Н. умер и был похоронен в вышеназванном монастыре по патриаршему чину.

Образованный для своего времени человек, Н. понимал значение просвещения и книгопечатания в России. Есть сведения о попытке Н. организовать типографию при Хутыньском монастыре еще в бытность его на новгородской митрополии (Н. А. Гиббенет). Позднее, уже в период патриаршества, Н. перевел типографию из упраздненного Кутейнского монастыря в один из основанных им — Иверский Валдайский монастырь. Здесь были напечатаны три книги: Часослов (1658 г.), «Рай мысленный» (1659 г.) и «Брашно духовное» (1661 г.). В сборнике «Рай мысленный» помещено собственное сочинение Н.: «Слово благополезное о создании монастыря пресвятыя Богородицы Иверския». Еще два сочинения Н. вышли ранее в Москве особыми изданиями. Это Грамота об основании Крестного монастыря на Белом море (1656 г.) и Поучение о моровой язве (1656 г.). Несомненно участие Н. в составлении и редактировании обширного полемического антистарообрядческого сборника «Скрижаль» (М., 1655—1656), составленного из большого количества оригинальных и переводных сочинений и материалов.

Кроме названных сочинений Н. принадлежит значительное число писем, посланий, грамот, челобитных, написанных им с 1652 по 1681 г. и адресованных разным лицам. Часть этого эпистолярного наследия издана в приложениях к книгам Аполлоса, Н. А. Гиббенета, С. М. Соловьева и в «Деле о патриархе Никоне», изданном Археографической комиссией. Ряд этих писем и посланий имеет публицистический характер. Таковы письма Н. к царю Алексею Михайловичу, Паисию Лигариду, к восточным патриархам Нектарии и Дионисию, «Возражение», или «Ответ» на вопросы боярина Радиона Стрешнева к Паисию Лигариду и ответы на них последнего (Г и б б е н е т Н. А. Исторические исследования. . . Т. 2. С. 176—249, пересказ).

Особенно велика роль Н., бывшего большим книголюбом, в организации библиотечного дела и сосредоточении в Москве и в Воскресенском Новоиерусалимском монастыре старинных рукописей, что было связано в первую очередь с нуждами проводимой им церковной реформы. Для этой цели им были затребованы старинные книги из 39 русских монастырей. В Москве поступившим книгам была сделана опись (см.: С а в в а, архимандрит (Тихомиров). Указатель. . . С. 100—102). В 1653 г. по инициативе Н. была организована поездка на православный Восток ученого монаха *Арсения Суханова* за греческими и древними славянскими рукописями. Собранные книги легли в основу двух крупнейших русских на-

циональных библиотек — Патриаршей и Типографской. Имел Н. и личную библиотеку. По подсчетам С. П. Лупова, в нее входило 156 книг на русском и иностранных языках. Сведения об этой библиотеке можно почерпнуть из «Переписной книги» домового казны патриарха, составленной в 1658 г. Много книг Н. пожертвовал в основанные им монастыри: Воскресенский Новоиерусалимский, Богородицкий Иверский и Крестный Онежский. Большая часть книг из библиотек Н. хранится ныне в Синодальном собрании ГИМ и в других книгохранилищах Москвы и Ленинграда. Выявление и описание книг этой библиотеки — задача будущего.

Почерк патриарха Н. воспроизведен в книгах Аполлоса и А. Чирецкого. В книге Аполлоса воспроизведен также герб Н., взятый из книги «Рай мысленный», и патриаршая печать. Митрополит Платон (Левшин) писал, что «патриарх Никон был просвещением выше своего века, что он, как пастырь, был ревностный и попечительный, и как человек — доброй и верной души, но своенравен и горяч даже до излишества, неуступчив даже до упрямства, пышен по внешности, даже до возбуждения зависти других» (Цит. по: Г и б б е н е т Н. А. Историческое исследование. . . Т. 2. С. 464).

Соч.: А п о л л о с. Начертание жития и деяний Никона, патриарха Московского и всея России. 4-е изд. М., 1845; С о л о в ь е в С. М. История России с древнейших времен. М., 1964. Т. 11: Примечания; P a l m e r W. The Patriarch and the Tsar. London, 1871—1876. Т. 1—6; Г и б б е н е т Н. А. Историческое исследование дела патриарха Никона. СПб., 1882—1884. Ч. 1—2; Дело о патриархе Никоне / Изд. Археологической комиссии. СПб., 1897.

Лит.: Ш у ш е р и н И. Житие святейшего патриарха Никона, писанное некоторым бывшим при нем клириком / Изд. О. П. Козодоева. СПб., 1784; 2-е изд. СПб., 1817; П л а т о н, митрополит (Левшин). Краткая российская церковная история. 2-е изд. СПб., 1822. Т. 2; Переписная книга домового казны патриарха Никона: (О составе библиотеки патриарха Никона по описи 1658 г.) // ВОИДР. М., 1852. Кн. 15. С. 8—15; С а в в а, архимандрит (Тихомиров). Указатель для обозрения Московской Патриаршей (ныне Синодальной) ризницы и библиотеки. М., 1855; Арсений Грек при патриархе Никоне // ПС. 1858. Ч. 3. С. 328—353; С у б о т и н Н. И. 1) Дело патриарха Никона: (Историческое исследование по поводу 11 тома «Истории России» проф. Соловьева). М., 1862; 2) Рассказ Петра Великого о Никоне патриархе // Русский вестник, 1864. Т. 49; 3) Московский собор 1654 г. М., 1873; М и х а й л о в с к и й С. 1) Жизнь св. Никона, патриарха Всероссийского. С 9 рис. М., 1873; 2) Святейший Никон, патриарх Всероссийский. Б. м., б. г. (с портретом Никона и факсимиле его почерка); К-в В. Взгляд Никона на значение патриаршей власти. СПб., 1880; М а к а р и й, митрополит. 1) Патриарх Никон в деле исправления церковных книг и обрядов. М., 1881; 2) История русской церкви. СПб., 1883. Т. 12; К о л о с о в В. Старец Арсений Грек // ЖМНП. 1881, сентябрь. С. 77—93; К а п т е р е в Н. Ф. 1) Следственное дело об Арсении Греке // ЧОЛДП. 1881, июль. С. 70—96; 2) Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. М., 1885; 2 изд. Сергиев Посад, 1914; 3) Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. М., 1887; 4) Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1909—1912. Т. 1—2; Н и к о л а е в с к и й П. Ф. 1) Обстоятельства и причины удаления патриарха Никона. СПб., 1882; 2) Жизнь патриарха Никона в ссылке. СПб., 1886; 3) Патриаршая область и русские епархии в XVII в. СПб., 1888; Ж и з н е в с к и й А. К. Поход великого государя святейшего Никона. . . в 1656 г. в Тверь, Вязьму и Иверский монастырь. Тверь, 1889; Б ы к о в А. А. Патриарх Никон: Библиографический очерк. СПб., 1894; Ч е т ы р к и н Ф. В. Жизнеописание святейших патриархов Московских и всея России (1589—1700 г.) с изображениями их. СПб., 1893. С. 57—77; Б р и л л и а н о в Н. И. Патриарх Никон в заточении на Белоозере: Исторический очерк. СПб., 1899; В е н г е р о в С. А. Источники словаря русских писателей. СПб., 1900. Т. 1; Г е й д е н. Из истории возникновения раскола при патриархе Никоне: Жизнь патриарха Никона / Изд. Воскресенского монастыря. Б. г.; М а т в е е в с к и й П. Святейший Никон, патриарх Всероссийский. Б. м., б. г.; Ч и р е ц к и й А. Патриарх Никон, его жизнь и деятельность: Биографический очерк. СПб., 1908; Б а р с к о в. Памятники; Н и к о л ь с к и й Н. М. История русской церкви. 2-е изд. М.; Л., 1931; З ы з ы к и н М. В. Патриарх Никон: Его государственные и канонические идеи. Варшава, 1931—1939. Ч. 1—3; У с т ь о в Н. В., Ч а е в Н. С. Русская церковь в XVII в. // Русское государство в XVII в. М., 1961; Л у п о в С. П. Книга в России в XVII веке. Л., 1970; П а н ч е н к о А. М. Русская культура в канун Петровских реформ. Л., 1984; Г у н г Г. П. Патриарх Никон и Елеазар Анзерский // Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1985. С. 230—242.

Образцов Дементий (первая половина XVII в.) — дьяк, составитель совместно с Павлом Ивановичем Вольтинским (о последнем известия скудны) «Росписи книгам святейшаго патриарха Филарета Никитича. . .» 1631 г. Дьяк О. известен по службе в Твери, Новгороде, Нижнем Новгороде, Владимире, Москве (1613—1638 гг.), где он совместно с каким-либо высшим должностным лицом составлял описи, писцовые книги и другие документы. В 1630-х гг. О. имел в Москве двор, где жил с семьей. Роспись книг «на патриарше дворе в книгохранительной палатке» 1631 г. насчитывает 154 книги — из них 148 рукописных и 6 печатных; 5 на греческом языке; по составу книги преимущественно богослужебные; отмечены два летописца, сборник с Хождением Пимена в Царьград. В росписи книг приведены сведения об их переписке («писано в Старице», «письмо патриархова подьячево Еуфима Максимова») или об их покупке («дана три рубли двадцать алтын», «купил ее Юрьевской архимарит Герасим в торгу», «сию книгу продал яз Федор Федоров сын Ивану Данилову Княжину», «куплена в торгу»). Охарактеризованы содержание, формат, переплет, оформление («евангелие писменное, в полдесть, заставицы писаны красками, обочено было камкою, застежки медные, а ныне ободрались», «заставица и строка писано золотом»). Роспись книг показывает, что О. имел не только опыт делопроизводства, но и был начитанным человеком. Роспись книг публиковалась дважды.

Соч.: Беляев И. Д. Роспись книгам святейшаго патриарха Филарета Никитича, учинена по патриаршему приказу Павлом Ивановичем Вольтинским и дьяком Дементьем Образцовым 20 октября 7140 года // В ОИДР. 1852. Кн. 12, отд. III: Смесь. С. 1—9 (3-я пагинация); В и к т о р о в А. Е. Опись патриаршей ризницы 1631 г. М., 1875. С. 97—117.

Лит.: В и к т о р о в А. Е. Обзорение старинных описей патриаршей ризницы. М., 1875; Л у п о в С. П. Книга в России в XVII веке. М., 1970. С. 170—173; В е с е л о в с к и й С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 379.

О. А. Белоброва

Онуфриев Алексей Захарьевич (середина XVII в.) — стихотворец. Из семьи служилых людей, очевидно, москвич. Отец О. в 1647 г. был пожалован из торговых людей в дьяки и назначен в Казенный приказ, где служил до 1654 г. Сам О. был подьячим в приказе Большого дворца (сведения о нем извлечены из акростиха).

Перу О. принадлежат три стихотворения (всего 123 стиха), которые сохранились в единственном списке (ГПБ, Q.XVII.227, л. 23—27). В них идет речь о «животворящем кресте Господне», что видно из заглавий «Стихи кресту Господню похвални двоестрочни» и «Ини стихи всечестному и животворящему кресту Господню». Анализ стихотворений, сопоставление их с «Грамотой о Крестном монастыре» (М., ок. 1656) патриарха *Никона* и «Сказанием о святем и животворящем кресте в Крестном монастыре на острове Кие» (ГПБ, собр. Погодина, № 1583, л. 4—31 об.) позволяют предположить, что небольшой стихотворный цикл О. был написан после основания Крестного монастыря в 1656 г. Эта датировка подтверждается идейной и иногда текстуальной зависимостью стихотворений от «Сказания» и «Грамоты». Отразившийся в стихотворениях панправославный экспансионизм патриарха *Никона* позволяет думать, что они были написаны до 1658 г., когда *Никон* оставил патриарший престол.

Первое стихотворение называется «Стихи двоестрочни о кнize сей, образу Спасову благодарни и Богородице молебни». Судя по всему цикл предназначался в качестве предисловия для какого-то неосуществленного издания, посвященного Крестному монастырю. Участие О. в таком издании вполне возможно, так как Печатный двор был тесно связан с приказом Большого дворца, где служил О.

Техника стихосложения (неравносложные вирши) и жанр (стихотворное предисловие с акростихом) свидетельствуют о том, что О. был знаком

с поэтической деятельностью поэтов приказной школы, которая к середине XVII в. уже прекратила свое существование.

Соч.: Отчет имп. Публичной библиотеки за 1897 год. СПб., 1900. С. 151—153 (отрывки); Н и к о л а е в С. И. Два стихотворца XVII века // ТОДРЛ. Л., 1935. Т. 39. С. 371—376.

С. И. Николаев

Ордин-Нащокин Афанасий Лаврентьевич (во иночестве Антоний) (1605/1606—1680) — государственный деятель, дипломат, составитель «записок», «наказов» внешнеполитического и экономического характера, автор писем. О.-Н. происходил из семьи неродовитых псковских дворян; он был образованным человеком, знакомым с правилами риторики; с юности владел латинским и польским языками, позднее выучил немецкий и молдавский языки. В 1630-х гг. О.-Н. служил в псковской администрации; с 1642 г. вступил на дипломатическое поприще, приняв участие в пограничных переговорах со шведами (продолжены в 1652 г.) и посетив Молдавскую, а затем и Польскую земли с целью выяснения обстановки (1644 и 1645 гг.). О.-Н. был последовательным сторонником выхода России к Балтийскому морю и возвращения ей земель, захваченных Швецией. В 1658 г. О.-Н. добился Валиесарского перемирия со Швецией, а в 1667 г. участвовал в выработке и подписании условий Андрусовского перемирия с Польшей. С 1667 по 1671 г. он возглавлял Посольский приказ. Наряду с дипломатической деятельностью О.-Н. привлекался и к административной службе: он назначался воеводой пограничных городов, а в 1664—1665 гг. воеводой Пскова, где попытался провести реформы в области городского самоуправления с ограничением торговых привилегий иноземных купцов и др. К 1667 г. О.-Н. подготовил Новоторговый устав в 94 статьи, покровительствующий отечественной торговле, заключил договор с армянской компанией о торговле шелком-сырцом. В это же время по инициативе О.-Н. была создана корабельная верфь на Оке в селе Дединове — прообраз будущего петровского флота (сожжена во время крестьянской войны Степана Разина). В целях обеспечения регулярного обмена корреспонденцией О.-Н. наладил почтовую связь между Москвой, Ригой и Вильно, а в Посольском приказе установил регулярный перевод иностранных газет — выпуск «Курантов». Активная, энергичная натура О.-Н. сказала на деятельности всего Посольского приказа, расширившего при нем связи с Востоком и Западом. Независимость и категоричность в суждениях, ряд тактических просчетов, связанных с руководством Малороссийским приказом, привели к опале О.-Н. и его отставке в 1671 г.

В 1672 г. О.-Н. постригся в монахи в Крыпецком монастыре под Псковом. Сюда он перевез обширный архив, включавший списки грамот, копии писем и др. Эти документы послужили владельцу при составлении челобитной, адресованной царю *Феодору Алексеевичу* в 1676 г., автобиографической записки «Ведомство желательным людям» (1678—1679 гг.) и еще одного сочинения под названием «Извещение истинное о начале войны о Киеве с Украиной и царства Московского с королевством Польским миру совершение быти крепко» (известно в нескольких редакциях). В 1679 г. О.-Н. был вызван в Москву для участия в русско-польских переговорах (для чего он даже снял монашескую одежду), но его предложения не были приняты; О.-Н. был возвращен в Крыпецкий монастырь, где вскоре и скончался. Темперамент полемиста проявился в письмах, челобитных, заметках и докладах О.-Н. По царскому распоряжению бумаги из архива О.-Н. после его смерти были привезены в Москву в Посольский приказ. Среди современников О.-Н. его характеристику оставил в своих записках придворный врач царя *Алексея Михайловича* англичанин С. Коллинс (ум. до 1671 г.).

Соч.: Торговый устав. . . 1667 г. // СГГД. М., 1828. Т. 4. № 55. С. 189—204; ДАИ. СПб., 1853. Т. 5: Акты о Псковских земских и торговых делах. 1665—1666 гг. С. 1—37 (челобитные к царю 1665—1666 гг.); К о п р е е в а Т. Н. 1) Неизвестная записка А. Л. Ордина-Нащокина о русско-польских отношениях второй половины XVII в. // Проблемы источниковедения. М., 1961. Т. 9. С. 195—220; 2) «Ведомство желательным людям» (из автобиографических материалов А. Л. Ордина-Нащокина) // АЕ за 1964 г. М., 1965. С. 333—349.

Лит.: С о л о в ь е в С. М. А. Л. Ордин-Нащокин // СПб. ведомости. 1870. № 70; И к о н н и к о в В. С. Ближний боярин А. Л. Ордин-Нащокин // Русская старина. 1883, октябрь. Т. 40. С. 18—66; Ноябрь. С. 273—308; Э й н г о р н В. О. Отставка А. Л. Ордина-Нащокина и его отношение к малороссийскому вопросу // ЖМНП. 1897, ноябрь. Ч. 314. С. 92—176; К л ю ч е в с к и й В. О. А. Л. Ордин-Нащокин — московский государственный человек XVII в. // Научное слово. 1904. Вып. 3; Л и х а ч Е. Ордин-Нащокин // РБС: «Обезьянинов—Очкин». СПб., 1905. С. 282—303; Ф е й г и н а С. А. Первый русский канцлер А. Л. Ордин-Нащокин // Исторический журнал. 1941. № 5. С. 35—46; Ч и с т я к о в а Е. В. Социально-экономические взгляды А. Л. Ордина-Нащокина // Труды Воронеж. гос. ун-та. Воронеж, 1950. Т. 20. С. 3—57; Г а л а к т и о н о в И., Ч и с т я к о в а Е. А. Л. Ордин-Нащокин, русский дипломат XVII в. (Выдающиеся дипломаты нашей родины). М., 1961.

О. А. Белоброва

Павел (в миру Моравский) (ум. 5 IX 1686) — митрополит Рязанский и Муромский, автор грамоты. В 1672 г. П. был поставлен архимандритом Макарьева Желтоводского монастыря, в 1676 г. — архиепископом Коломенским и Каширским, а в сентябре 1681 г. — Суздальским и Юрьевским. С ноября 1681 г. и до конца жизни был митрополитом Рязанским. При участии П. в Рязани были построены Симеоновский монастырь и Успенский собор — одно из замечательнейших зданий города. Его наставительная грамота 1683 г. обращена к архимандриту Богословского монастыря Иосифу и к келарю Солотченского монастыря Пахомию; в ней говорится о многочисленных нарушениях церковных правил и обрядов в Рязанской епархии. Коснулся П. и знаменитого спора о времени существования, причем придерживался иной точки зрения по этому вопросу, чем патриарх *Иоаким*: «В божественной литургии ума намерение твердо имети. Ума же намерение сие есть, егда глаголет словеса сия: приимите, ядите и пейте от нея, да имать ум свой весь собран в оны словеса. . . Блюди, о иерее! аще во время оно ум твой будет неподвижим. . . ; аще ж в то время уста твоя глаголют оне словеса, ум же твой иная мыслит, веждь, яко смертью, сиречь непрощенно согрешаеши». В своей грамоте П. показывает глубокое знание текста Библии.

Соч.: Т и х о н В о з д в и ж е н с к и й. Историческое обозрение Рязанской епархии. М., 1820. С. 171—181; П и с к а р е в А. И. Древние грамоты и акты Рязанского края. СПб., 1854. № 51. С. 130—131.

Лит.: С о л о в ь е в С. М. История России с древнейших времен. М., 1962. Кн. 7. С. 432—434; РБС: «Павел преподобный—Петр». СПб., 1902. С. 69—70.

В. К. Зиборов

Павел (ум. 4 II 1692) — митрополит Сибирский и Тобольский, автор наставления и грамот. Долгие годы был архимандритом известных русских монастырей: Суздальского Спасо-Евфимиевского (1663—1671 гг.), Московского Симонова (1671—1674 гг.), Московского Чудова (1674—1678 гг.). 21 июля 1678 г. поставлен в митрополиты Сибирские и Тобольские. Приехав в Тобольск 25 марта 1679 г., произвел не слишком хорошее впечатление на местных жителей (по словам С. У. Ремезова, «всяким образом бе гонитель и сребролюбец»). За полгода до смерти его разбил паралич, о чем С. У. Ремезов сообщает следующее: «. . . в 199-м внезапно июня в 26 день в 9 часу дни отъялся язык и все тело расслабло, накое руки и ноги, и мало приоздравят, и снова в грамоте учился» («Служебная чертежная книга»). Похоронен в Суздальском Спасо-Евфимиевском монастыре.

Наиболее известно его «превосходное» (Филарет) наставление об обращении сибирских народов-язычников в христианство: «Лета 7189 мая в 15 день. . . указ игумену Феодосию да черному попу Макарию с братьею. Ехати им из Тобольска в Сибирские понизовские города. . . приехав в Дауры, в Селинчинском и в иных Даурских городех и острожках, иноверцев всяких вер от неверствия к истенней православной христианстей вере призывати. . . без тчеславия и гордости со благоучительным намерением, без всякого озлобления. . .». Сохранились 32 его грамоты с различного рода распоряжениями по делам епархии (1680—1691 гг.), в которых много места уделено борьбе с раскольниками. Язык грамот местами образен и выразителен. Предполагается, что при П. в Тобольске была создана Головинская редакция Сибирского летописного свода (Н. А. Дворецкая).

Соч.: АИ. СПб., 1842. Т. 5. С. 101—102; Древние церковные грамоты Восточного Сибирского края (1653—1726) и сведения о Даурской миссии, собранные миссионером архимандритом Мелетием. Казань, 1875. С. 8—42.

Лит.: Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 317; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1962. Кн. 7. С. 318, 319, 321, 326, 329; РБС: «Павел пресодобный—Петр». СПб., 1902. С. 75—77; Андреев А. И. Очерки по истории источниковедения Сибири. М.; Л., 1960. Вып. 1: XVII век. С. 143; История Сибири, Л., 1968. Т. 2. С. 121; Дворецкая Н. А. Сибирский летописный свод (вторая половина XVII века). Новосибирск, 1984. С. 43—45, 59.

В. К. Зиборова

Пазухин Марк Иоанн (вторая половина XVII в.) — переводчик. В 1676 г. перевел с польского и латинского книгу, получившую в переводе наименование «Инфирмария (Анфирмария) христианская» (M o s c i e. Infirmaria chreścianańska. . . Krakow, 1626). Известны два списка перевода (ЦГИА и ГБЛ). Сведения о переводчике по другим источникам неизвестны. Имя переводчика установлено А. И. Соболевским по тайнописи — «простой литорее». Перевод не опубликован.

Лит.: Строев П. Библиотека имп. ОИДР. М., 1845. С. 4, № 4; Соболевский И. Переводная литература. С. 209—210; Никольский А. И. Описание рукописей, хранящихся в архиве святейшего правительствующего Синода. СПб., 1910. Т. 2, вып. 2. С. 131, № 2239.

О. А. Белоброва

Петлин Иван (первая половина XVII в.) — сибирский казак, участник посольства в Монголию (к алтын-ханам) и в Китай в 1618—1619 гг., автор «Росписи Китайскому государству и Лобинскому, и иным государствам, жилым и кочевым, и улусам, и великой Оби, и рекам и дорогам». Роспись дошла в двух авторских редакциях (вариантах); одна была создана еще в Сибири по возвращении П. в Томск между серединой мая—началом июля 1619 г., другая, записанная с его слов в Москве, — осенью того же 1619 г. Путь П. лежал по маршруту: Томск — кочевые земли алтын-хана — Абакан — Саяны у верховьев Енисея — Монголия — Пекин. П. с товарищами (ими были в числе других казаки Андрей Мундов и Петр Кизылов) удалось пересечь всю Монголию («Калканское царство») на пути к Северному Китаю.

В «Росписи» описаны разнообразные природные условия — от пастбищ и рощ до склонов гор и горных перевалов («итти щелью промежь камени страсти изымут»), степи, долины, пески. Внимание П. привлекли буддийские монастыри (которые он называет городами) с каменной и кирпичной кладкой храмов и палат, скульптурой («болваны», «звири»), с монахами-ламаистами в характерных желтых одеждах. В Китае П. отметил невоинственность народа («к воинскому делу робливы, а воюют с муганами»), обширные торговые связи с различными странами, многообразие товаров на внутреннем и внешнем рынке. Упоминает П. и великую китайскую стену («китайский крым»), где участники посольства «. . . сочили. . .»

башен со сто». Значение отчетов о путешествии П. в том, что это первые дошедшие до нас описания Китайской земли, сделанные русским очевидцем и наделенные им чертами живой разговорной речи XVII в.

Соч.: Сибирский вестник. 1818. Кн. 8, отд. III. С. 211—236; Сахаров И. П. Сказания русского народа. СПб., 1849. Т. 2. Кн. 8. С. 183—186 (приписано Ивану Петрову и Бурнашу Ялычеву); Попов А. Н. Изборник славянских и русских сочинений, вошедших в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 430—437 (с тем же псевдонимом); Бычков А. Ф. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки. СПб., 1882. Т. 1. С. 43—45 и 525 (отрывки; ошибочно приписано Василию Тюменцу и Ивану Петрову); Покровский Ф. И. Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 году // ИОРЯС. 1913. Т. 18, кн. 4. С. 257—304; V a d d l l e y J. F. Russia, Mongolia, China. London, 1919. Vol. 2. P. 81—86; Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1607—1636. М., 1959. № 34. С. 81—86; Демидова Н. Ф., Мясников В. С. Новые русские дипломаты в Китае: («Роспись» И. Петлина и статейный список Ф. И. Байкова). М., 1966. С. 41—55.

Лит.: Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли Российским оружием, сочиненная на немецком языке. . . И. Е. Фишером. СПб., 1774. Кн. 1. С. 267—268; Евгений. Словарь. Т. 2. С. 117; Строев. Словарь. С. 235; Фларет. Обзор. С. 223; В. С - и й. Петлин Иван // РБС: «Павел—Петр». СПб., 1902. С. 631; История русской литературы М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 119—121; Баянов А. Г. Первые русские путешествия в Монголию и Китай. М., 1954; Русско-китайские отношения в XVII веке: Материалы и документы. М., 1969. Т. 1. С. 79—95, 534.

О. А. Белоброва

Патрикий Патрикеевич (ум. 1757) — старообрядец-попoveц, глава дьяконовского согласия в Стародубье и на Ветке, автор посланий и полемических сочинений. Появился на Ветке в начале 3-го десятилетия XVIII в. В одном из следственных дел полковой стародубской канцелярии он называется «вдовым попом Патракеем Патракеевичем». Старообрядец Федор Семенов Чопов, попав в руки никонианских духовных властей в 1757 г., рассказывал следующее: тому будет 23 года, как «явился ему во сне некийсь человек старый. . . и приказал ему, Федору, дабы он от того времени крестился двоперстным сложением. . . Потом, как бы года с два, когда был он. . . в городе Орле, случилось ему увидеться в том городе с попом раскольниковым Патракеем Патрикеевичем вдовым (кой де ныне живет в слободе Зыбкой. . . с сыном своим Михаилом женатым, на едином дворе живет). . . И он де, Федор, от него, Патрикея, так от книг наставлен в расколе. . . что уже онаго оставить никогда не желает».

Первоначально П. П. поселился в заграничной старообрядческой слободе Вылевой. Из ветковских свидетельств известно, что в 1725 г. в бытность свою на Ветке П. П. вручил «через Еремея Семенова некоторому человеку тетради и тогда и ныне на тетради требует свидетельства», а потом, еще до 1727 г., подал в Ветковский Покровский монастырь «книжку за руками», в которой доказывал, что дьяконовцы кадят правильно (разногласия между дьяконовцами и ветковцами касались способа каждения во время службы). В этой поданной ветковскими отцами «книжке» он сравнивал церковный обычай ветковцев с «эллинским обычаем».

Книжка и тетради П. П. известны нам только по цитатам из ветковских сочинений. Если противники П. П. хулили его сочинения, то последователи и приверженцы, напротив, высоко ценили их. В дьяконовской «Книжице о каждении» литературная борьба П. П. с ветковскими учителями приравнивалась к деятельности дьякона *Александра*, защищавшего старообрядчество от обличений епископа Нижегородского Питирима: «О крестообразии, еже творят священный крест кадиллом. . . тридесять свидетельств, а вовторых вкратце 12 свидетельств подаде священный отец Патрикий на увещание ветковским учителем» (ГИБ, О. I. 489, л. 27—27 об.).

По мнению ветковцев, именно П. П. с другим дьяконовским учителем *Тимофеем Лысениным* добивались от панов Халецкого и Красинского,

на землях которых селились старообрядцы, устройства диспута между ветковцами и дьяконовцами. Диспут-собор состоялся в 1727 г. и, как писали ветковцы, окончился победой ветковцев; обличения ветковцев против дьяконовцев были настолько сильны, что «вельможные паны ему, попу Патрикию, отказаша, чтоб он на Ветку и в прочая слободы ни в какие дома, ни с какою потребою не входил, и чтоб: аще дети ево духовные восхотят, и они бы ходили к нему на Вылево». Ветковцы от имени собора послали во все слободы письма о том, чтобы П. в дома не пускать.

В момент первой «выгонки» Ветки в 1735 г. П. П. уцелел. Некоторое время он оставался чуть не единственным попом среди оставшихся в окрестностях Ветки старообрядцев, не тронутых русскими войсками. Он приобрел в этих условиях такую известность, что его даже называли «патриархом». Приблизительно около 1739 г. П. П. переселился в главную в то время стародубскую старообрядческую слободу Зыбку (нынешний г. Новозыбков). Благодаря П. П. слобода Зыбкая сделалась центром дьяконовского толка. В своих посланиях этого времени, изданных Андреем Иоанновым (Журавлевым), П. П. называл себя «благодатию Бога Спаса нашего Иисус Христа иерей, обретающийся в Стародубских слободах и по бласти Польского королевства церкви».

В первой половине 1753 г. полковая стародубская канцелярия командировала «для сыску и взятия раскольникчьего попа Петракея» атамана Лемешевича. Но зыбковские старообрядцы не допустили взятия своего наставника и побили явившихся атаманов с казаками. В 1758 г. консистория Черниговской епископии требовала сыску и поимки П. П. Но поиски не увенчались успехом, так как к тому времени П. П. уже не было в живых. О времени смерти П. П. сообщается в особой приписке одного из списков «Книжицы о каждении»: «1757 году преставился отец Патрикий месяца февраля в Великий пост, во вторую неделю, на память священномученика Поликарпа, епископа Змирнскаго».

Сохранились два послания П. П.: одно из них — это рекомендательное письмо священнику Афиногену, направляемому к заграничным дьяконовцам, другое — послание в слободу Борскую о том же Афиногене.

Соч.: Андрей Иванов (Журавлев). Полное историческое известие о древних строгониках и новых раскольниках. . . СПб., 1799. С. 287—290.

Лит.: Лилеев М. И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII—XVIII вв. Киев, 1895. Вып. 1. С. 363, 406—436, 438—457, 518, 519; Смирнов П. С. Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII в. СПб., 1909. С. 279—280.

Н. В. Поньрко

Пафнутий (ум. между 1732 и 1739) — старообрядец, автор посланий. Выходец из Соловецкого монастыря, где был священноиноком. При создании Выговского старообрядческого общежительства пришел к братьям *Андрею и Семену Денисовым* и остался на Выгу. В Выговском монастыре на П. лежала обязанность исполнять духовные требы. Он способствовал перенесению в церковный обиход поморцев традиций Соловецкого монастыря. Историк Выговской пустыни *Иван Филиппов* писал о П. так: «Муж велми духовен, много лет живый в Соловецкой обители и весь чин церковный и монастырский добре ведый»; по словам Филиппова, он «все-радостно благословляше устав общежительства и церковныя службы, возвещая вся благочестивыя уставы и обычаи Соловецкого монастыря и сладостно прилагашеся сего (т. е. Выговского, — *Н. П.*) общежительства уставу».

От П. дошло послание в Лексинскую обитель (женскую половину Выговского монастыря) «к дочерем . . . духовным» о необходимости соблюдать правила благочинного поведения («чтоб щапств в платье, и в походках, и убеленей, и власов учрежденей, от чего гордость бывает, соблюда-тися»). Так как в послании Андрей Денисов назван настоятелем, то позво-

лительно датировать сочинение временем после 17 сентября 1702 г., когда Андрей Денисов был избран главным наставником и управителем Выговского общежительства. Послание сохранилось в двух списках: БАН, собр. Дружинина, № 8 (20), л. 22 об. и ИРЛИ, кол. Заволоко, № 3 (Выговский чиновник), л. 25; оно не опубликовано.

П. С. Смирнов опубликовал еще одно послание от имени П. с «братством» ко всем старообрядческим общинам с просьбой поделиться своим опытом. С этим посланием к ним специально был отправлен выговский представитель Андрей Денисов. Послание датируется временем раньше 17 октября 1702 г., так как Андрей Денисов упоминается в нем только как «от причта единый сын и брат», а не как настоятель. В строгом смысле это послание следует считать коллективным, так как под ним кроме П. подписались («приложили руку») еще 19 человек.

Сохранились автографы П. в виде подписей под двумя соборными постановлениями и двумя уставными статьями в Выговском чиновнике (ИРЛИ, кол. Заволоко, № 3, л. 18 об., 116 об., 126 об., 133). Все эти документы относятся соответственно к 1719, 1726, 1732, 1734 гг.

В 1739 г., во время работы на Выгу следственной комиссии Квашнина-Самарина, старца П. называли уже умершим. Следовательно, он умер между 1732 и 1739 гг.

Соч.: Смирнов П. С. Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII века. СПб., 1909. С. 0104—0106.

Лит.: Иван Филиппов. История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1862. С. 86, 107; Дружинин. Писания старообрядцев. С. 225, 380.

{Н. В. Понырко

Петр Прокопьев (1665—25 IV (7 V) 1719) — первый уставщик Выговского старообрядческого общежительства, двоюродный племянник настоятелей *Андрея* и *Семена Денисовых*, автор посланий и др. сочинений. Как и братья Денисовы, П. П. был родом из села Повенец на Онежском озере. Отец его Прокопий умер в миру, о матери же Ефросинии, во иночестве Екатерине, известно, что она обратилась к пустынножительству (неясно только, вслед за П. П. или прежде него). Будучи 19 лет отроду, П. П. ушел из мира и «поживе в пустыни 35 лет» до конца своих дней. Это значит, что странническую жизнь в лесах он начал около 1684 г., т. е. за 10 лет до основания Выговского монастыря. В монастыре П. П. жил с момента его создания (вывез туда своих сестер Февронию и Татьяну), был одним из его организаторов и главным уставщиком («екклезиархом»). Он владел пением по знамени и обучал этому искусству других, учил также и грамоте. Как блюститель устава богослужения П. П. заботился об учреждении часовен в скитах монастыря. В первые годы по созданию Выговского общежительства П. П. участвовал в организованной Андреем Денисовым деятельности по сбору книг и икон. С этой целью он ездил во Псков и Новгород. Андрей Денисов говорил о П. П., что он «чтению священных писаний, яко райския сладости по дни и по нощи выну наслаждаться не преста, читая, преписуя, каталоги устраоя» (Слово надгробное блаженных памяти боголюбивому Выгопустынного общежительства екклезиарху Петру Прокопиевичу: Сочинено того же общежительства господином киновиархом Андреем Дионисиевичем / Сообщ. И. Д. Беляев // Русская старина. 1879. Т. 26. С. 523—537). Как сообщает выговский историк *Иван Филиппов*, П. П. собрал корпус Четьих Миней из 12 книг (сам переписывая и разыскивая тексты, а также побуждая к этому Андрея и Семена Денисовых), которые служили выговцам все последующие годы существования монастыря (История Выговской старообрядческой пустыни: Издана по рукописи Ивана Филиппова / Изд. Д. Е. Кожанчикова. СПб., 1862. С. 107, 136, 141, 156—165. Выговцами создана служба в честь П. П. и написаны «Рифмы воспоминательные о екклезиархе Вы-

горького общежителства Петре Прокопьевиче» (см.: П о н ы р к о Н. В. Выговское силлабическое стихотворство // ТОДРЛ. М.; Л., 1977. Т. 29. С. 290).

Из сочинений П. П. известны следующие. 1) Послание к *Даниле Викулину* о самоубийственных смертях (о том, что «предающие себя во время гонения ради благочестия и за правоверие самовольной смерти во огонь и в воду или инако како, удаставаются венцов и похвал от господ»). Как предполагает П. С. Смирнов, это сочинение, созданное в ответ на вопрошение Данилы Викулина, оправдывавшего в 90-х гг. XVII в. сторонников «самоубийственных смертей», написано также в 90-х гг. 2) Послание к некоему Михаилу Степановичу о «суете и прелести» жизни и о необходимости более заботиться о спасении душевном, нежели о внешнем украшении, ризах и проч. 3) Обращение перед смертью к Семену Денисову. 4) Духовная («Отца Петра Прокопьевича писание прощательное и умиленное о себе со извещением»). 5) Наставление перед смертью сестрам Февронии и Татьяне («Написание блаженных памяти отца Петра Прокопьевича»). 6) Завещание (перечислены келейные книги и иконы П. П.).

По мнению П. С. Смирнова, П. П. принадлежат также два послания к новгородцу Никифору Семенову по нескольким обрядово-догматическим вопросам, подписанных в рукописях именем Поликарпа Яковлевича. В. Г. Дружинин не разделял этого мнения и поместил оба послания в своем справочнике под именем Поликарпа Яковлева (см.: Д р у ж и н и н. Писания старообрядцев. С. 270).

Соч.: С м и р н о в П. С. Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII в. СПб., 1909. С. 95—101, 307—310, 081—0100 (послания к Даниле Викулину, Михаилу Степановичу, Никифору Семенову).

Лит.: П ы т и н А. Н. Сводный старообрядческий Синодик: Второе издание Синодика по четырем рукописям XVIII—XIX в. СПб., 1883. С. 30 (ПДП И); С р е з н е в с к и й В. И. Из истории поморского согласия. 1. Лексинский летописец // Материалы к истории и изучению русского сектанства и раскола / Под ред. В. Бонч-Бруевича. СПб., 1908. Вып. 1. С. 277; С м и р н о в П. С. Лексинская беспоповщинская пустынь в первое время ее существования // Христ. чт. 1910, март. С. 326—331; Д р у ж и н и н. Писания старообрядцев. С. 327—240 (дан перечень списков сочинений П. П. и посвященных ему произведений).

(Н. В. Понырко)

Питирим (ум. 19 IV 1673) — патриарх Московский, автор духовного завещания, документов собора 1666—1667 гг., уроженец Суздаля, постриженник Спасо-Ефимиева монастыря. В этом монастыре П. сделался архимандритом. В сан митрополита Сарского и Подонского, или Крутицкого (по Крутицкому монастырю в Москве, где жили владыки Сарской епархии), П. был возведен в 1656 г. уже из архимандритов Московского Спасского, что на Новом, монастыря. На Крутицах П. оставался митрополитом девять лет, до августа 1664 г., когда был поставлен в митрополит Новгородские. По обычаю как митрополит Крутицкий он в течение шести лет до этого ведал в качестве местоблестителя патриаршим престолом после самовольного оставления его *Никоном*. 7 июля 1672 г. уже в преклонных летах П. был избран на патриарший престол Московского государства, через десять месяцев после этого он скончался (см.: Роспись, или Краткий летописец новгородских владык // ПСРЛ. СПб., 1841. Т. 3. С. 192—193).

Когда в 1656 г. по случаю объявления войны шведам царь *Алексей Михайлович* выезжал из Москвы к своему войску, готовившемуся к военным действиям на западных границах, в его свите находился новопоставленный митрополит Крутицкий П. В Полоцке произошла его встреча с начинавшим тогда свою карьеру *Симеоном Полоцким*, который выступил перед царем и его свитой с торжественным стихотворным приветствием. В этом сочинении к П. были обращены следующие строки:

И твое святительство хвалим буди, Питириме,
 Освященный митрополите всегда и ныне,
 Яже на сей войне всячески потрудился еси,
 Всегда утверждая воинство сладкими словесы,
 Дабы несумненно шли воевати за веру,
 Ты же о сем приносил всегда святую оферу.

Можно ли из этих строк делать вывод о том, что деятельность П. как духовной особы при русском войске заключалась в устной проповеди («Всегда утверждая воинство сладкими словесы»), или их следует расценивать всего лишь как этикетные слова? Для однозначного ответа на этот вопрос нет достаточных данных.

Знакомство патриарха П. с придворным дидаскалом Симеоном Полоцким было, как видим, давним. В московских бумагах Симеона сохранились речи П. и даже его духовное завещание (см.: ГИМ, Синодальное собр., № 229, л. 277 об.). Писал ли их Симеон для П. или только редактировал? Или тексты П. понадобились Симеону для каких-то особых литературных целей? На примере литературной обработки деяний собора 1666 г. видно, что подлинные речи, говоренные разными лицами, Симеон Полоцкий заменял писаниями своего собственного сочинения. Именно на месте торжественной речи П., обращенной к царю (царь открыл собор своим Словом, а П. в ответ на него произнес речь), в «Деяниях» Симеона Полоцкого значит: «Здесь речь преосвященного митрополита написать или вместо ея сей Ответ»; вслед за этими словами помещена речь, сочиненная Симеоном.

Кроме короткой грамоты 1644 г. о том, можно ли священносымоноха поставить архиереем (в связи с делом патриарха Никона), писанной в ответ на запрос царя, и уведомительной грамоты о собственном возведении на патриарший престол в 1672 г. к цареградскому патриарху Дионисию от П. дошло два документа, связанных с собором 1666—1667 гг., низложившим патриарха Никона и осудившим старообрядчество, — собором, в котором П. принимал деятельное участие. Это лаконичное «Исповедание» православности восточных патриархов, греческих богослужебных книг и московского церковного собора 1654 г. — документ, открывающий собой соборный акт 1666 г., подписанный вслед за П. прочими архиереями и другими духовными лицами, и Ответ царю на первом заседании собора (как уже было сказано, он сохранился в изложении Симеона Полоцкого). Собору 1666 г. предшествовала торжественная встреча в Москве восточных патриархов Макария Антиохийского и Паисия Александрийского, прибывших на собор.

Будучи митрополитом Новгородским, П. написал духовное завещание (дата написания неизвестна); оно составлено в привычных традициях этого жанра. Став патриархом, П. написал новое духовное завещание (17 апреля 1673 г., за два дня до смерти), представляющее собой небольшую переделку первого.

Соч.: ПСРЛ. СПб., 1841. Т. 3. С. 193—197 (духовное завещание митрополита П.); Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. <М., 1876>. Т. 2. С. 34, 64—65, 74—77 («Исповедание» и Ответ царю на соборе 1666 г.); П о п о в М. Г. Материалы для истории патриарха Московского Питирима // Христ. чт. 1890, сентябрь—октябрь. С. 489—523 (грамота к патриарху Цареградскому Дионисию и духовное завещание патриарха П.); Дело о патриархе Никоне / Изд. Археологической комиссии. СПб., 1897. С. 120 (грамота о том, можно ли священносымоноха поставить архиереем).

Лит.: М а к а р и й. История русской церкви. СПб., 1883. Т. 12. С. 332—378; Т а т а р с к и й И. Симеон Полоцкий. М., 1886. С. 49—50, 100—101; К а п т е р е в Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1912. С. 29—32, 150; П о н ы р к о Н. В. Житие протопопа Аввакума как духовное завещание // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 379—387.

Пожарский Дмитрий Михайлович (1578—20 IV 1642) — князь, воевода, один из ведущих организаторов и руководителей Первого и Второго народных ополчений против польско-шведской интервенции, автор агитационно-патриотических грамот и посланий. Сын Михаила Федоровича Пожарского и Марии Федоровны Беклемишевой, П. принадлежал к западному роду князей Стародубских, которых постигла опала *Ивана IV*. Род Пожарских начал вновь подниматься при *Борисе Годунове*: в 1598 г. П. — стряпчий, а с 1602 г. — стольник. При Лжедмитрии I, весной 1606 г., П. исполнял обязанности дворецкого.

С приходом к правлению Василия Шуйского и началом открытой польско-шведской интервенции П. неоднократно участвовал в военных действиях и с февраля 1610 г., став воеводой Зарайска, фактически возглавлял национально-освободительную борьбу. За воинскую доблесть в период «московского осадного сидения» и верное служение П. получил от Шуйского вотчину из своих старых родовых поместий в Суздальском уезде — с. Нижний Ландех и посад Холуй с прилежащими деревнями, починками и пустошами. П. стал одним из организаторов Первого народного ополчения, предводительствуемого *П. П. Ляпуновым*. Прибыв со своими ратниками в Москву к началу вспыхнувшего там 19 марта 1611 г. восстания против оккупантов, П. сыграл активную роль в уличных боях на Лубянке, в которых получил тяжелое ранение, и был вывезен сначала в Троице-Сергиеву лавру, а затем лечился от ран в своем родовом поместье Суздальского уезда, в Мугреевской вотчине на р. Лухе. Приглашенный в качестве военачальника Второго народного ополчения в конце октября 1611 г., П. прибыл в Нижний Новгород.

В Ярославле Нижегородское народное ополчение задержалось на четыре месяца, пробыв там с первых чисел апреля до конца июля 1612 г. Это «промедление» было вызвано необходимостью организационного упорядочения общественной жизни ополчения, формированием временного земского правительства (собранного по два человека «изо всяких чинов»), в котором П. как военачальник земского ополчения временно становился представителем закона и верховной государственной власти. (Законную силу приобретали только те документы, те грамоты и распоряжения, которые были составлены от его имени и от имени членов «совета всей земли», учитывая, «как будет прибыльнее земскому делу»). В Ярославле был создан ряд Приказов, ведавших составлением и рассылкой деловых грамот. Кроме того, был необходим нейтралитет со Швецией, и с этой целью в конце июня 1612 г. П. успешно проводит дипломатический прием новгородских послов, фактически означавший заключение перемирия со шведами. Два послания П. отправил германскому императору Матфею с просьбой помочь «казной» и дипломатически воздействовать на короля Сигизмунда III — «отписати» ему, чтобы прекратил «кровопролитие» и вывел войска из Москвы.

14 августа 1612 г. войска прибыли в Троице-Сергиев монастырь, где П. предполагал выработать общие договорные условия для совместных военных действий с подмосковными отрядами, предводительствуемыми князем Д. Т. Трубецким. Однако характер совместных действий Нижегородского и Подмосковного ополчений пришлось формировать уже в ходе боев с войсками Ходкевича. После совместного победоносного сражения между военачальниками П. и Трубецким было утверждено полное согласие: на Неглинной были поставлены общие Разряды и Приказы, а из грамот ополчения действительными признавались только те, на которых имелись подписи обоих предводителей. На следующий же день после сдачи оккупантов состоялось торжественное вступление в Кремль победоносных ополченческих войск. На этом официально заканчивалась деятельность П. как военачальника Второго народного ополчения. Одной из последних составленных совместно с Трубецким была «челобитная» П. от имени всех участников освобождения столицы и царских «холопов» «Митьки Трубец-

кого да Митьки Пожарского» перед прибытием нового самодержца из Костромы в Москву.

За взятие Москвы согласно «Докладной выписке 1613 г. о вотчинах и поместьях» П. получил, по распоряжению Земского собора, новой земельной «дачи 2500 чети» и был возведен в сан боярина. (Подпись «боярина» П. стоит на десятом месте под грамотой 1613 г. об избрании на царство *Михаила Федоровича*. Награды П. вотчинами были подтверждены царем жалованными грамотами 1619 и 1621 гг.) Однако избрание на царство Романова сильно изменило прежнюю местническую лестницу, выдвинув в первые ряды родственников царя, благодаря чему П. оказался далеко не первым среди бояр, а это в свою очередь повлияло на его положение при дворе и вызвало его многочисленные местнические счеты (в 1613 г. с Г. Г. Пушкиным и Б. М. Салтыковым, в 1617 г. с И. А. Колтовским, в 1619 г. с Ф. Л. Бутурлиным и Г. Г. Пушкиным, в 1624 г. с Д. И. Долгоруким, в 1627 г. с князем Волконским, в 1631 г. с В. В. Волинским, в 1634 г. с Г. Г. и Б. Г. Пушкиными; в основном это были случаи отказа быть в «подручных» у П., и во всех случаях, кроме одного — с В. М. Салтыковым, — П. был оправдан).

П. принимал участие во всех торжественных церемониях, имевших важное государственное значение, начиная с венчания на царство Михаила Романова, продолжал участвовать в дипломатических переговорах и приемах иностранных послов. Однако основной его деятельностью, несмотря на мешавший тому недуг, оставалась воинская служба. В июне 1615 г. П. вместе с воеводой С. И. Исленьвым и дьяком Заборовским был направлен царем против войск Лисовского. В течение 1617—1618 гг., во время вторжения в русские пределы войск королевича Владислава, царь направлял его на самые трудные участки сражений. С 21 августа 1628 г. по 1629 г. П. был воеводой Новгорода вместо умершего Г. П. Ромодановского. В конце апреля 1631 г. П. вместе с М. Б. Шейным был назначен воеводой в Смоленск, но сослался на болезнь («сказал на себя черный недуг»), и 4 июня 1632 г. был назначен воеводой по крымским вестям на Коломенскую дорогу. В 1637 г. в связи с угрозой нападения на столицу крымского хана Нураддина П. был назначен смотрителем за оборонными работами по обнесению Москвы земляным валом, а в 1639 г. он был поставлен воеводой в Переславле-Рязанском.

В промежутках между исполнением обязанностей П. неоднократно назначался начальником разного рода Приказов: в 1619 г. ведал только что учрежденным Ямским приказом; с 19 июля 1621 г. по декабрь 1628 г. состоял начальником Разбойного приказа и внес дополнения и изменения в его прежний устав; а с 1634 г. по 1638 г. и в 1639 г. был начальником Московского Судного приказа.

П. был дважды женат и имел троих сыновей. Фамилия его первой жены Прасковии Варфоломеевны неизвестна; вскоре после ее кончины в августе 1635 г. он женился на княжне Феодоре Андреевне Голицыной. Согласно легенде перед смертью П. принял монашество с именем Козьмы — в память своего бывшего соратника Минина. Погребен в родовой усыпальнице Спасо-Евфимиевского Суздальского монастыря (что подтверждено раскопками С. А. Уварова 1852 г.).

Кроме агитационных грамот и посланий периода Второго ополчения письменное наследие П. представлено подписанными им деловыми документами (известны его автографы, скрепленные его печатью) и Разрядной книгой за 1577—1605 гг.

Из окружных агитационных грамот от имени П. (по их стилистическим особенностям) могут быть выделены памятки раннего, нижегородского, периода (рубежа 1611—1612 гг.) и ярославские агитационные грамоты (начиная с грамоты 7 апреля 1612 г. и включая окружную июньскую грамоту в Путивль, а также послания германскому императору 1612 г.).

Нижегородские агитационные грамоты еще сохраняют некоторые черты, свойственные агитационной патриотической письменности (отпискам, грамотам, воззваниям), которыми широко обменивались между собой в 1608—1610 гг. северные и поволжские города: им еще присуща деловитая лаконичность и некоторая простота изложения. Однако наличие в них торжественной украшенности изложения, риторических оборотов речи, элементов литературной обработки стиля в отличие от живой разговорной и деловой речи агитационной письменности, а также содержание призывов больше сближают грамоты с агитационными воззваниями *Гермогена*. В ярославских же окружных грамотах 1612 г. от приемов агитационной патриотической городской письменности осталось лишь традиционное оформление адресата и призывов. Центральная часть этих грамот, так же как и посланий германскому императору от 20 июня 1612 г., содержит историко-литературное повествование о Смуте со времени прекращения династии Калиты до распада ополчения П. П. Ляпунова. По сути это историко-публицистические повести о событиях начала XVII в., оформленные в виде грамот и посланий. С. Ф. Платонов отмечает влияние воззваний, рассылаемых от имени П. «со товарищи», на содержание и стиль литературных памятников той поры, в частности на *Плач о пленении и конечном разорении Московского государства*, автор которого повествует о Смуте преимущественно по тексту грамот П., усвоив из них трактовку исторических событий одновременно с их фактическими ошибками, заимствуя из них отдельные фразы и выражения и «даже последовательность изложения» (П л а т о н о в. Древнерусские сказания. . . С. 112—113).

Степень участия самого П. в составлении патриотических воззваний не установлена. Деловые грамоты с распоряжениями П. составляли дьяки Сыдавней Васильев, Иван Софонов, Афанасий Евдокимов, Михайло Данилов, Семен Головин, Андрей Иванов, а «справляли» грамоты подьячие Юшка Горяинов, Семейка Матюшин. (В случае, когда документ направлялся повторно, его скрепляла личная подпись и печать П.) Эти же приказные дьяки, среди которых были опытные и литературно образованные, очевидно, принимали участие и в написании агитационных грамот, рассылаемых от имени П.: в Ярославле это были дьяки Василий Юдин (состоявший в Приказе Второго ополчения еще в Нижнем Новгороде) и Андрей Иванов, а грамоты соединенного ополчения, предводительствуемого П. и Трубецким, вероятно, составлял думный дьяк Сыдавней Зиновьев Васильев.

Разрядная книга П. за 1577—1605 гг. (ГБЛ, ф. 79, собр. Горского, № 16), обследованная В. И. Бугановым, составлялась после 1612 г., очевидно, домашним писцом под наблюдением владельца.

Размашистый почерк автографов Пожарского известен, в частности, по «данной» и дарственной его приписке на Евангелии, вложенном в Суздальский Спасо-Евфимиевский монастырь (ГБЛ, ф. 256, собр. Румянцева, № 316, л. 4 об. и 5) и др. (Кроме того, дарственная запись была оставлена П. на Церковном уставе, который он вложил в Зарайский Никольский собор в ознаменование победы над Исаией Сумбуловым.)

Соч.: ДРВ. 2-е изд. М., 1790. Ч. 15. С. 177—191; СГГД. М., 1819. Ч. 2, № 281—283. С. 593—600; № 285. С. 604—607; № 287. С. 609; М., 1822. Ч. 3, № 29. С. 136—137; ААЭ. СПб., 1837. Т. 2, № 201—206. С. 338—351; № 216—II. С. 366—367; Т. 3, № 179—185. С. 261—267; № 239—240. С. 354—359; № 243—245. С. 370—374; № 379; A d e l u n g F. Schreiben des Fürsten Dmitri Michailowitsch Posharsky an den römischen Kaiser Mathias d. d. Jaroslawl d. 20. Juni 1612. St.-Petersburg, 1840. XII. 23; АИ. СПб., 1841. Т. 2, № 336—339, № 341—343. С. 407—408; Г а л а х о в А. Историческая хрестоматия церковно-славянского и русского языка. Т. 1 (IX—XVIII ст.). М., 1848. С. 393—395, 403—404; F i d l e r J. Zur russischen Geschichte // Slavische Bibliothek oder Beiträge zur Slavischen Philologie und Geschichte / Hrsg. von F. Miklosich. Wien, 1851. Bd 1. S. 19—42; Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 2 (XI. Сношения Михаила Федоровича с императором Матфеем. 1613). СПб., 1852. Стб. 984—986, 1004—1008, 1404—1432; С а в в а и т о в П. Современное известие о делах под Москвою в сентябре 1611 года // Учен.

зап. АН по 1 и 3 отд. СПб., 1855. Т. 3, вып. 1. С. 94—96; Буслеев. Историческая хрестоматия. Стб. 995—999; Грамоты и отписки 1611—1612 г. курмышскому воеводе Елагину // ЛЗАК за 1861 г. СПб., 1862. Вып. 1, отд. II. С. 8—27, № 1—3, 6—7, 9—11, 18; Акты, относящиеся до исторического быта. СПб., 1864. Т. 2, № 191. Стб. 601—603; Памятники истории нижегородского движения в эпоху «Смуты» и земского ополчения 1611—1612 гг. // Сборник, изд. Нижегородской губернской ученой архивной комиссией. Т. 11. В память 300-летия Нижегородского подвига. СПб., 1912. С. XX—XXXIII (Тураева-Церетели Е. Ф. «Отражение Нижегородского движения 1612 г. в литературных памятниках XVII в.»). С. 123—124 (№ LXXI), 131—137, 149—150 (№ LXXVI—LXXXVI), 158—274 (№ CII—CLXIV), 324—329 (№ CLXXVIII—CLXXIX), 528—538: Приложения (Тодорский П. П. «Сведения о кн. Д. М. Пожарском и его вотчинах и материалы к его биографии»); Любомиров П. Г. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611—1613 гг. Пгр., 1917. Приложения. С. 237—245 (переизд. с доп. М., 1939. С. 233—241).

Лит.: Малиновский А. Ф. Биографические сведения о князе Дмитрие Михайловиче Пожарском. М., 1817; Бекетов П. П. Собрание портретов россиян. . . с приложением их кратких жизнеописаний. М., 1821. Ч. 1. С. 66—70; Бантыш-Каменский Д. Н. Словарь достопамятных людей Русской земли. М., 1836. Ч. 4. С. 154—164; Иванов П. И. Местничество. Дела // Русский исторический сборник, издаваемый ОИДР. М., 1838. Т. 2. С. 294—295; 1842. Т. 5. С. 328—329, 334—336; Мельников П. 1) Нижний Новгород и нижегородцы в «Смутное» время // Отечественные записки. СПб., 1843. Т. 29, отд. II. С. 24—32; 2) Несколько новых сведений о «Смутном» времени, о Козьме Минине, князе Пожарском и патриархе Ермогене // Москвитянин. 1850. № 21, отд. III. С. 1—12; Голохвастов Д. П. Замечательные случаи по местничеству в царствование Михаила Федоровича, извлеченные из рукописной Разрядной книги // ЧОИДР. 1848. Кн. 9, отд. IV: Смесь. С. 227—230, 252—253, 260—265; Чичагов Н. П. Жизнь князя Пожарского, келара Палицна и гражданина Минина. СПб., 1848; Смирнов С. 1) Боярин и воевода князь Дмитрий Михайлович Пожарский // Отечественные записки. СПб., 1849. Т. 67, отд. II. С. 41—114; 2) Биография князя Дмитрия Михайловича Пожарского. М., 1852 (с родосл. табл.); Серебренников С. Князь Дмитрий Михайлович Пожарский и нижегородский гражданин Кузьма Минич Сухорукий в Ярославле в 1612 г. (Эпизод из неизданной истории г. Ярославля) // Ярославский литературный сборник. Ярославль, 1851. С. 39—71; Коркунов М. А. О грамоте Земской думы 1612 года // ИпоОРЯС. СПб., 1852. Т. 1. С. 189—192; Погоди Н. М. П. Исследование о месте погребения князя Дмитрия Михайловича Пожарского // Москвитянин. М., 1852. Т. 5 (№ 19, кн. 1, № 10, октябрь), отд. III. С. 38—80; Арсеньев К. И. Высшие правительственные лица времен царя Михаила Федоровича. СПб., 1857. С. 20—22; Новиков Н. Н. О доме князя Д. М. Пожарского в Москве на Лубянке // ЧОИДР. 1870. Кн. 2, отд. V: «Смесь». С. 169—172; Костомаров Н. И. 1) Личности «Смутного» времени: Михаил Скопин-Шуйский—Пожарский—Минин—Сусанин // Вестник Европы. СПб., 1871. Т. 3. Июнь. С. 502—516; 2) Кто виноват в «Смутном» времени? // Там же. 1872. Т. 5 (37). Сентябрь. С. 26—34; Забелин И. Е. Минин и Пожарский. Прямые и кривые в «Смутное» время // Русский архив. М., 1872. № 2—6, 12. Стб. 353—424, 581—621, 881—926, 2436—2499 (отд. изд.: М., 1883; 3-е изд., доп. М., 1896); Буторин М. Д. О месте погребения князя Дмитрия Михайловича Пожарского и о том, где он лечился от ран осенью 1611 г. // ЧОИДР. 1875. Кн. 4. С. 1—47; Платонов С. Ф. 1) Древнерусские сказания и повести о «Смутном» времени XVII века как исторический источник. СПб., 1888. С. 109—116; 2) Очерки по истории «Смуты» в Московском государстве XVI—XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в «Смутное» время). СПб., 1899. С. 365, 527, 533—565, 569, 638—647 (переизд. М., 1937); 3) Московское правительство при первых Романовых // Статьи по русской истории (1883—1912). 2-е изд. СПб., 1912. Т. 1. С. 339—406; 4) К истории московских земских соборов // Там же. С. 310—319 (см. также: Заметки по истории московских земских соборов // Платонов С. Ф. Статьи по русской истории (1883—1902). СПб., 1903. С. 5—16); 5) «Смутное» время. Пб., 1923. С. 139—149; Барсуков А. П. Докладная выписка 121 (1613) г. о вотчинах и поместьях // ЧОИДР. 1895. Кн. 1, отд. 1. С. 5; Корсакова В. Пожарский, кн. Дмитрий Михайлович // РБС. СПб., 1905. Т. 15. С. 221—247; Савелов Л. М. Князья Пожарские. Родословие: Приложение // Летопись историко-родословного общества в Москве. М., 1906. Вып. 2 и 3.; Веселовский С. Б. Акты подмосковных ополчений и земского собора 1611—1613 гг. М., 1911; Сухотин Л. М. К истории Нижегородского ополчения 1611—1613 гг. // ЧОИДР. 1915. Кн. 3 (254): Смесь. С. 40—53 (реп. на кн. П. Г. Любомирова); Любомиров П. Г. 1) Одна из грамот кн. Пожарского: (Этюд из начальной истории Нижегородского ополчения) // ЖМНП. 1912. № 12, отд. IV. С. 225—256; 2) Очерк истории Нижегородского ополчения 1611—1613 гг. // ЖМНП. 1913. № 2. С. 301—340; № 3. С. 137—160; № 10. С. 274—322; 1914. № 3. С. 1—62; № 9. С. 1—94 (отд. изд.: Пгр., 1917; М., 1939); Замятин Г. А. К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол (1611—1616 гг.). Юрьев, 1913. С. 34—94; Лихачев Н. П. Земская печать Московского государства в «Смутное» время // Нумизматический сборник Московского нумизматического общества. М., 1915. Т. 3. С. 263—283; Садиков П. А. «Земская» печать и Нижегородское ополчение 1611—1612 гг. // ЛЗАК. Л., 1929. Вып. 35. С. 1—

10; Генкин Л. Б. Ярославский край и разгром польской интервенции в Московском государстве в начале XVII века. Ярославль, 1939. С. 155—166; Козаченко А. И. Разгром польской интервенции в начале XVII в. М., 1939. С. 129—164; Дайри Н. Минин и Пожарский // Ист. журнал. М., 1940. № 8. С. 44—58; Парусов А. И. Нижегородское ополчение 1611—1613 гг. // Горьковская область. 1941. № 1. С. 40—43; Бахрушин С. В. Минин и Пожарский. Ташкент, 1942 («Великие русские полководцы»); Бибиков Г. Н. 1) Минин и Пожарский. М., 1942; 2) Бой русского народного ополчения с польскими интервентами 22—24 августа 1612 г. под Москвой // ИЗ. М., 1950. Т. 32. С. 173—197; Чебаевский Ф. Путь Нижегородского ополчения // Ист. журнал. М., 1942. № 12. С. 42—47; Великое дело Минина и Пожарского: Сб. под ред. Н. М. Добротвора. Горький, 1943 (1944) (Труды Горьковского пед. ин-та; Т. 11); Данилевский В. В. Дмитрий Пожарский. М., 1944 (см. также изд. 1942, 1943 гг.); Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII века. М.; Л., 1946. С. 285 и др.; Бахрушин С. В., Савич А. А. Борьба за освобождение Москвы от интервентов в 1612 году // Вестник АН СССР. 1947. № 7. С. 62—72 (перезд.: История Москвы. М., 1952. Т. 1, гл. 4); Шепелев И. С. Организация Первого земского ополчения в 1611 году // Учен. зап. Казанского гос. пед. ин-та. Т. 5. Каф. обществ. наук. Ставрополь, 1949. С. 179—183; Т. 6. 1951. С. 207—254; Оськин Г. И., Карасев А. В. Кузьма Минин и Дмитрий Пожарский. М., 1951. С. 37—92; История СССР: Указатель советской литературы за 1917—1952 гг. М., 1956. Т. 1. С. 388—390; Андрианова-Перетц В. П. Литература 1580-х—1610-х годов: Возникновение и расцвет историко-публицистической повести // История русской литературы. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 263—264; Буганов В. И. Разрядная книга Д. М. Пожарского // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1958. Вып. 20. С. 90—104; Голубев И. Ф. Два неизвестных стихотворных послания первой половины XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л. 1961. Т. 17. С. 396—443 (послание С. И. Шаховского к П.); Сергеев В. И. Д. М. Пожарский // Сов. ист. энциклопедия. М., 1968. Т. 11. С. 246—247.

Н. Ф. Дробленкова

Поликарпов-Орлов Федор Поликарпович (ок. 1670—12 I 1731) — писатель и поэт, лексикограф, переводчик, книгоиздатель, учитель академии. Московский житель, П.-О., имея от роду 10 лет, поступил в школу «греческого чтения, языка и письма» при Печатном дворе, а после открытия Славяно-греко-латинской академии стал ее учеником, где на протяжении 9 лет усваивал греческий и латинский языки, риторику, диалектику, логику, философию, физику, учился вести диспуты, писать стихи. С 1690 г. П.-О., оставаясь учеником академии, работал писцом на Печатном дворе. В 1694 г. после отстранения *Иоанникия* и *Софрония Лихудов* П.-О. назначен учителем академии, где преподавал грамматику, поэтику и риторику. В марте 1698 г. П.-О. был назначен справщиком Печатного двора, где сначала работал под начальством *Кариона Истомина*, а в 1701 г. поставлен во главе типографии. С небольшим перерывом (1722—1726 гг.) П.-О. руководил деятельностью Московской типографии до конца своей жизни. Занимая видное положение в государстве, П. был ярким представителем русских интеллектуалов нового времени, активным участником петровских преобразований в области культуры; неоднократно выполнял личные поручения Петра Великого.

В 1698 г. П.-О. составил *Службу иконе Грузинской Божьей матери* («сочинися трудом царственныя Московской типографии смотрителя и еллиногреческия школы учителя Феодора Поликарпова» — БАН, Архангельское собр. С. 117, л. 2 об.—3), причем в предисловии особо отмечен характерный для него прием работы: «в речениях и в прописании орфографии, яже имаше неслично и погрешительно, исправися лучшим грамматическим исправлением, елико возможно». Повышенное внимание к слову определило основное направление почти всех его последующих работ. В начале XVIII в. П.-О. издает два своих лексикографических труда. В 1701 г. был напечатан «Букварь славенскими, греческими, римскими писмены учиться хотящим, и любомудрие в ползу душеспасительную обрести тщащимся. . .». Акrostих, находящийся на обороте заглавного листа, сообщает имя автора: «Богодара (т. е. Федора, — В. З.) труд». Букварь состоит из двух частей — учебная книга для чтения и письма на трех языках и славяно-греко-латинский словарь. В первой части П.

как литературные образцы предлагает тексты из Библии и различных житий, стихи Григория Богослова, проповеди патриарха Константинопольского Геннадия. Вторая часть, имея особое заглавие («Краткое собрание имен, по главизнам расположенное тремя диалектами, в ползу хотящим ведети свойство еллиногреческого и латинского диалекта»), содержит около 2 тысяч слов, объединенных в 34 тематические группы. В «Букваре» впервые в русском книгопечатании были использованы латинские и греческие литеры. Книга имеет оглавление и список опечаток («Типографская погрешения исправлена»). «Букварь» П.-О. богато иллюстрирован (18 гравюр, 10 заставок и столько же концовок).

В 1704 г. П.-О. издал словарь, содержащий 27 тысяч слов: «Лексикон треязычный, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище, из различных древних и новых книг собранное и по славенскому алфавиту в чин расположенное». Источниками П.-О. в его работе над «Лексиконом» служили рукописные словари, в том числе белорусско-латинско-польский словарь *Епифания Славинецкого* (см. работы М. Н. Сперанского и Т. Д. Якубовича). В предисловии, высоко оценивая значение славянских языков и обыгрывая при этом слово «слава», П.-О. характеризует церковнославянский язык, «яко поистине отец многих языков, благоплоднейша, понеже от него аки от источника неисчерпаема, прочим многим произыти языком, сиречь польскому, чешскому, сербскому, болгарскому, литовскому, малороссийскому, и иным множайшим, всем есть явно. Немалую же и отсюда наш язык славенский имеет почеть». При организации словарного материала П.-О. тщательно прорабатывал гвезда (группы однородных слов и словосочетаний), широко пользовался комментарием, продолжил традицию калькирования сложных слов. Замечательно, что в предисловии к «Лексикону» латинский язык оценивается как общенациональный язык науки, а не как язык католических схизматиков: «Сей диалект ныне паче иных по кругу земному во гражданских и школьных делех относится; такожде и о всяких науках и художествах ко человеческому жительству нужных, книги премноги с иных языков преведены и вновь сочинены на сем языке обретаются. Вкратце рещи: несть кому лишитися обрести, его же бы пожелал имети по своей потребе тако художник, яко и военных дел искусный ратоборец». Все исследователи очень высоко оценивают значение «Букваря» и «Лексикона» П.-О., отмечая при этом, что эти книги способствовали осознанию мирового значения русского языка (см. работу А. С. Курилова). В 1721 г. П.-О. издал «Грамматику», положив в основу своей книги «Грамматику *Мелетия Смотрицкого* в издании 1619 г. и дополнив ее «Чинном технологией» и «Заключительным увещанием». В «Чине технологии» П.-О. впервые попытался применить катехизический метод при обучении грамоте.

В 1708 г. П.-О. получил через начальника монастырского приказа И. А. Мусина-Пушкина распоряжение Петра I о написании русской истории («Историю указал государь писать, почав от царства великого князя Василья Ивановича, даже и до днесь российских дел»). Выполняя заказ царя, П.-О. завершил свою работу в 1715 г. («Сие краткое собрание истории Российской совершися. . . в лето 1715 г. марта в 16 день»). Петр I остался недоволен работой П.-О., хотя и наградил автора 200 рублями. «История» П.-О. не была опубликована, известны три ее списка (ЦГАДА, ф. 181, № 849; БАН, 32.6.30; ГБЛ, Музейное собр., № 4698), отражающие различные этапы работы над ней. В окончательном виде работа озаглавлена: «История о владении российских великих князей вкратце, о царствовании же десяти российских царей, а наипаче всероссийского монарха Петра Алексеевича (тем именем) Первого и его войне против швейского короля Карола второго на десять пространнее описующая». «История» делится на три части: 1) краткий рассказ о русской истории до середины XVI в., основанный на «Синописисе» *Иннокентия Гизеля* и занимающий всего лишь 30 листов; 2) описание событий до воцарения Романо-

вых (280 листов); источниками для нее послужили *Казанская история*, «Степенная книга», «История» А. Курбского, «Сказание» Авраамия Палицына, «Новая повесть о преславном российском царстве», русские летописи и грамоты; 3) описание событий начиная с правления царя Михаила Федоровича и до 1710 г. (200 листов, из них пятая часть отведена описанию Северной войны); источниками для нее были летописи, грамоты, статейные списки, печатные реляции, манифесты, реестры, журнал военных действий Б. П. Шереметева. Особенностью последней части является то, что П.-О. очень высоко оценивает деятельность Петра и его сподвижников, что видно, например, из следующей характеристики: «Зде не Македонского Александра дела, о них же дивляшесь древле страна Македонская и Афинская, но славныя провинции Финская, Ижерская, Лифляндская, Естляндская, Ингерманландская, Ливонская, Корелская, Полская, Литовская, Саксонская, Померанская, Олсатская и прочее и прочее. Вкратце вся Европа и Азия каковых и коль преславных по храбрости и мудрости видели и уведали Александров сами. . .». «История» написана высоким книжным стилем с многочисленными кальками иностранных слов; последнее, как предполагает Г. Н. Моисеева, потребовало приложить к «Истории» «Лексикон вокабулам новым по алфавиту» (существует отдельная рукопись «Лексикона» с многочисленными поправками Петра I — БАН, 32.6.14).

В 1726 г. П.-О. составил историческую справку о деятельности Московской славяно-греко-латинской академии на основе своих личных воспоминаний. Много занимался П.-О. и переводами с латинского и греческого, в том числе он перевел: патриарха Нектария «О власти папской» (1693 г.); сочинение против католиков Нила Фессалоникийского «О святом Дусе» (после 1693 г.); «Книга хитрости руководства воинам в ратоборстве» Льва Премудрого (1698 г.); несколько поучений Ефрема Сирина, напечатанных в дополнение к Паренесису (1701 г.); *Юрия Крижанича* «Обличение на соловецкую челобитную» (1704 г.); учебник риторики Стефана Яворского «Рука риторическая, пятию частями или пятию персты оукрепленная, в шуйце ея богатство и слава» (1705 г.); «Изъявление армянской литургии» (1708 г.). Одним из наиболее значительных оказался его перевод написанного по-латински географического сочинения Бернарда Варения: «География генеральная небесный и земноводный круги купно с их свойства и действо в трех книгах описующая. Преведена с латинска языка на российский и напечатана в Москве повелением царского пресветлого величества лета господня 1718 в июне». В основу перевода П. положил амстердамское эльзевировское издание 1664 г. (см. работы Э. В. Лукичевой). Над «Географией генеральной» переводчик работал около трех лет: в апреле 1715 г. он приступил к работе («. . . листов в ней больше 700. И такую надобно преводить многим и тех наук искусным. Однако ж я не отрицаюсь», — писал П.-О. Мусину-Пушкину); к сентябрю 1716 г. перевод был готов (сохранилась рукопись, где указано, что работа выполнена «трудом Федора Поликарпова, справщика типографии»). Первоначальный вариант перевода не понравился Петру, о чем П.-О. сообщил Мусин-Пушкин: «. . . исправь хорошенько не высокими словами славенскими, но простым русским языком. . . высоких слов славенских класть не надобят, но Посольского приказу употреби слова». П.-О. исправил работу. Перевод «Географии генеральной» насыщен специальными терминами, кальками латинских терминов (например, «околоостровие» вместо «полуостров»), и все же его значение велико, так как благодаря ему русские читатели познакомились с лучшим географическим сочинением XVII—XVIII вв.

Литературное наследие П.-О. не исчерпывается перечисленными трудами. Он вел обширную переписку с известными деятелями своего времени, — например, с И. А. Мусиным-Пушкиным, *Димитрием Ростовским*, митрополитом Новгородским *Иовом*, архиепископом Холмогорским *Афанасием*. Он стоял у истоков русской периодической печати, редактируя и

подготавливая тексты для «Ведомостей» на протяжении первых лет их издания. Участвовал П.-О. и в создании первого русского гражданского шрифта (1708 г.) У него была довольно большая библиотека, опись которой сохранилась и включает 581 книгу в основном на русском и славянских языках; почти половину библиотеки составляла религиозная литература, были в ней рукописи и иностранные издания.

Соч.: Букварь. . . М., 1701; Лексикон трехязычный. . . М., 1704; География генеральная. . . М., 1718; Грамматика. . . М., 1721; Историческое известие о Московской Академии, сочиненное в 1726 году от справщика Федора Поликарпова и дополненное пресвященным епископом Смоленским Гedeоном Вишневым // ДРВ. 2-е изд. М., 1791. Ч. 16. С. 295—306; Черты из истории книжного просвещения при Петре Великом: Переписка директора Московской Синодальной типографии Федора Поликарпова с графом Мусиным-Пушкиным, начальником Монастырского приказа. 1715—1717 // Русский архив. 1868, № 7—8. Стб. 1041—1057.

Лит.: Евгений (Болховитинов). Словарь исторический. СПб., 1827. Т. 2. С. 191—193; Браиловский С. Н. Федор Поликарпович Поликарпов-Орлов, директор Московской типографии // ЖМНП. 1894. № 9. С. 1—37; № 10. С. 242—286; № 11. С. 50—94; Тихонравов Н. С. Соч. М., 1898. Т. 2. С. 192—196; РБС: «Плавильщиков—Примо». СПб., 1905. С. 346—351 (фотия В. В. Фурсенко); Якубович Т. Д. 1) «Лексикон трехязычный» 1704 г. (Ф. П. Поликарпова — важное пособие для изучения классических языков в XVIII веке. Л., 1958; 2) Об источниках «Лексикона трехязычного» 1704 г. Ф. П. Поликарпова. Л., 1958; 3) «Лексикон трехязычный» 1704 г. Ф. П. Поликарпова. (Источники и состав словаря): Автореф. дис. . . канд. филол. наук. Л., 1959; Сперанский М. Н. Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960. С. 210; Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Л., 1961. Ч. 1. С. 109—112; Луппов С. П. 1) Книга в России в XVII веке. М., 1970. С. 32, 142; 2) Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973. С. 25, 75, 101, 131, 232—236; Лукичева Э. В. 1) Сравнительный анализ лексики двух русских переводов XVIII века «Географии генеральной» Бернарда Варения: Автореф. дис. . . канд. филол. наук. Л., 1974; 2) Федор Поликарпов — переводчик «Географии генеральной» Бернарда Варения // Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века. Л., 1974. С. 289—296; Моисеева Г. Н. 1) «История России» Федора Поликарпова как памятник литературы // Там же. С. 81—92; 2) Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. Л. 1980. С. 20—30; Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа. XVII—первая четверть XVIII века. М., 1976. С. 239, 270, 420; Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера: Очерки по истории книжной культуры XVI—XVII веков. Л., 1977. С. 167, 187—189; Курлов А. С. Восточнославянские старопечатные предисловия и послесловия конца XVI—начала XVIII в. (Становление национальной филологической мысли). // Тематика и стилистика предисловий и послесловий. М., 1981. С. 219—220; Ботвинник М. «Откуда есть пошел букварь». Минск, 1983. С. 161—194; Якимович Ю. К. Деятели русской культуры и словарное дело. М., 1985. С. 23—38; Описание рукописей собрания Черткова / Сост. М. М. Черниловская, Э. В. Шульгина. Новосибирск, 1986. С. 92—93.

В. К. Зиборова

Половецкий Николай Алексеевич (середина XVII в.) — автор послания, написанного 10 сентября 1654 г. в осажденном Смоленске и отправленного в ставку царя *Алексея Михайловича*. В послании отразились как военные, так и политические проблемы Белоруссии середины XVII в. Автор послания прямо не говорит о своем социальном положении, но по некоторым намекам можно считать его мещанином, а возможно, даже и купцом. Ему приходилось переезжать с места на место, подвергаясь военным опасностям («близу града Львова во всех бедах брани ради и бедне скитахся»), попадать в плен, кажется, к туркам или крымским татарам («три крaты в неволи варвар бедствах сам»), разлучаться с семьей («а жена в Полше с княгинею Вишневецкою»), терпеть наступление польского короля Казимира, моровое поветрие, голод. Семья соединилась в Смоленске, переехав к дяде жены Андрею Ивановичу Борецкому. П. объясняет свое передвижение на восток желанием быть ближе к Руси, однако он не решился, будучи уроженцем юго-западных земель, переселиться к Москве, — «ниже глаголаня и обычая не знающе», — и ожидал прихода русских в Смоленск. Большое место в послании П. занимают конфессиональные вопросы. Он недоволен службой смоленских попов:

«А zde в Смоленску попы церковные, ниже поп, ниже ксендз. . . литоргии же святой треть едва изотче, такожде и утреню, ниже псалтыри, ниже канонов не слышах аз никогда. Всенощного на праздники и не знаша, устав церковный ни во что обратиша, пречистыми тайнами аки ксендз не в ризах, но в кожии до больных людей». Трудно сказать, имеется ли в виду униатская служба или П. описывает краткую и упрощенную службу православной церкви, совершавшуюся в условиях осажденного города. П. — человек начитанный, знающий Священное писание, в своем послании то и дело приводит изречения, скорее не цитируя, а пересказывая их по памяти (например: «Либо писано, ищите прежде царствия Божиего и правды его, а сия вся приложится вам; но неимущему повелено: просите, даст вам, и ищите — обрячете»).

Находясь в гуще военных событий, в осажденном городе, он пересказывает ходящие там слухи: одни ждут прихода польского короля, поэтому боятся сдать город; другие слышали, что царь намерен вырезать горожан. Сам П. готов служить царю, выйти из города и сдать его, но считает более полезным остаться в осаде и увещевать народ покориться. Кончается послание челобитием: «Молю же и аз, умилосердися над не имеющим где главы подклонити с женою и детми. . . на мене, грешном, удиви милость твою, о сем яви человеколюбие твое, повели твое величество ущедрити малым чим по воли своей, да имам пищу и одеяние, где ли волиши, толко умилосердися. . . И аз с женою и с сыном припадающе молимся, ущедри нас не по достоинству, яко, но распятого ради Христа просим, имеюще надежду на благодать величества твоего, той же ся и вручаем».

С некоторыми оговорками все послание можно отнести к жанру челобитных, цель его — извлечь выгоду из взятия русскими города. Деловые формулы челобития применяются автором в сочетании с оборотами книжного красноречия. Послание дошло до нас в списке, копии с подлинника белорусского письма, среди прочих челобитных, которые подавали жители белорусских городов — Могилева, Орши, Витебска, Смоленска и др., — излагая условия добровольного их подданства московскому государю. Документы эти попадали в дела походной канцелярии (Походного приказа) царя Алексея Михайловича, которой ведал думный дьяк Посольского приказа Ларион Дмитриевич Лопухин. Затем эти дела передавались в Посольский приказ. В настоящее время послание П. хранится: ЦГАДА, ф. 79: «Сношения России с Польшей», оп. 1, 1654 г., № 6, л. 343—348.

Соч.: АЮЗР. СПб., 1889. Т. 14, № 9/XXVI. С. I—V, 325—330.

Лит.: Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век. М., 1955. С. 480—484, 706—708, 710—711.

М. Д. Каган

Посников (Постников) Василий Тимофеевич (ум. ок. 1710) — дьяк Посольского приказа, дипломат конца XVII в., автор статейного списка. Служил подьячим в Судном приказе в 1660-х гг.; затем дьяком (с 1676 г.) в приказах Казанского дворца, в Малороссийском, Новгородском, Устюжском; в Посольском приказе с 1681 г. П. поручались ответственные дипломатические миссии: в 1670-х гг. он участвовал в посольствах в Польшу, в 1676 г. послан в Вену с сообщением о смерти царя *Алексея Михайловича*, в 1682—1683 гг. направлен в Турцию. П. принимал участие в мирных переговорах с польскими послами в Андрусове в 1684 г. и позднее, в 1686 г., при подписании так называемого «вечного мира». В 1687 г. П. возглавил посольство в Бранденбург, Голландию, Англию и Флоренцию (сохранился статейный список, не опубликован), целью которого было извещение о «вечном мире» Москвы и Польши и получение материальных средств, мотивированных общей защитой против турок и крымских татар (на это откликнулся только курфюрст бранденбургский). В 1688 г. П. с Ф. А. Головиным в Нерчинске участвует в торговых соглашениях с Китаем. В 1699 г. он присутствует в «ответной палате» при приеме в Москве ав-

стрийского посла И. Гвариенте. П. был энергичным, деятельным человеком; нередко он вступал в конфликтные отношения с людьми, но неизменно держался солидного покровителя — сначала М. Ю. Долгорукого, затем В. В. Голицына и Ф. А. Головина. П. отдал своего сына Петра (см. *Постников П. В.*) на обучение в Славяно-греко-латинскую академию, по окончании которой он был направлен в Италию, в Падуанский университет.

Неизданный статейный список П. отличается пространностью и носит преимущественно деловой документальный характер. Из его текста видно, как непреклонно добивался московский посланник соблюдения церемониальных знаков уважения к Русскому государству. Именно в этих целях П. требует торжественности обстановки при вручении государевых грамот и не соглашается на их пересылку; он настаивает, чтобы князья («курфистры»), короли или «господа статьи» приветствовали московского посланника стоя и чтобы при упоминании царствующих особ — Ивана и Петра Алексеевичей и *Софии Алексеевны* — они снимали или хотя бы приподнимали шляпы. Среди условий («статей») посланника постоянно фигурируют ссылки на прием его предшественников, с тем чтобы нельзя было «превысокодостойную честь умалати». Очевидно, посольство имело с собой упоминаемые неоднократно отписки своих предшественников — дипломатов Семена Алмазова, *Петра Потемкина* и др. — для сверки. В статейном списке П. подчеркнута, что посланник и все участники посольства являлись на официальные приемы с саблями; тщательно записано количество солдат или «протазанщиков» в карауле, количество выстрелов из пушек в честь посла и т. п. («били в барабаны, играли на фиолях»). Отмечена сухость приема в Англии, где посланников хотя и принимал король, но не пригласили к столу. Наиболее интересны краткие описания оружейной палаты английского короля, золотой цепи «с запанною» церемониймейстера «Серчалуса», убранства «ответной палаты» с зажженным камином, коврами и завесами, бури на море при переходе из Англии в Ливорно, кораблей («Помогай» и «Иоанн Богослов»). В статейном списке П. видна осведомленность автора в процедуре дипломатических переговоров и в деятельности московского Посольского приказа (при проезде у берегов Испании записано, что «там царского величества послы стоят князь Яков Федорович Долгоруков с товарищи»). При описании пути употребляются разные меры длины: мили, версты и сажени. Представляют интерес топонимические обозначения европейских городов, рек, стран, а также наименования профессий — «шиперы» (шкиперы), «стурмань» (штурманы) и «морские вожи» (лодмейстеры). В XVIII в. статейный список П. вместе с царскими грамотами, отписками посла и расходной книгой был переписан; позднее он вошел в состав Эрмитажной библиотеки (ГПБ, Эрмитажное собр., № 537).

Лит.: Шмурло Е. Ф. П. В. Посников. Несколько данных для его биографии // Учен. зап. имп. Юрьевского ун-та. 1894. № 1. С. 73—238; <Н. В.> Посников В. Т. // РБС. СПб., 1905. Т. 12. С. 630—633; Белов М. И. К истории дипломатических отношений России во время Крымских походов (1686—1689 гг.) // Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. Сер. ист. наук. 1949. Вып. 14. С. 149; Историческая коллекция Эрмитажного собрания рукописей. Памятники XI—XVII вв. Описание / Сост. Д. Н. Альшиц. М., 1968. С. 80, № 218; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 426.

О. А. Белоброва

Постников (Посников) Петр Васильевич (ум. после 1716) — дипломат, переводчик, автор Слова на Рождество Христово и писем. Сын В. Т. *Посникова*, дьяка Посольского приказа и внук Т. *Посникова*, подьячего Аптекарского приказа. П. получил образование в Москве, в Славяно-греко-латинской академии, где учился, видимо, не менее 5 лет, судя по его сочинению «Слово на Рождество. . . Иисуса Христа», поднесенному им около 1689 г. патриарху Московскому *Иоакиму* (текст не опублико-

вался, известен в списке — ГПБ, собр. Погодина, № 1963, л. 159—163 об.; не его ли видел П. М. Строев в Синодальном собрании ?); это подносной экземпляр с подписью-автографом в конце: «Блаженства твоего последний раб, но верный и усердный Петр Посников, рече». Это краткое Слово (за которое П. был пожалован высшей наградой — в 3 золотых) показывает знакомство ученика с правилами риторики; оно содержит упоминание Пифагора и ссылку на «Метафизику» Аристотеля (кн. 4, гл. 8). Наряду с обычным восхвалением патриарха автор уподобляет «пространнейшее и благочестивейшее Московское царство» кораблю, а до этого упоминает «корабль нашего разума ко божию познанию». Примечательно, что явление Вифлеемской звезды волхвам П. отделяет от астрологической науки, а идею троичности Высшего Божества иллюстрирует следующим образом: «. . в гуслех три присутствовати видятся: художество, десница, струна, обаче же един слышится звук. Художество поведует, десница прикасается, струна звенит и со струною подобне соделоваются. . .». Все это свидетельствует о приобщении П. к «свободным художествам или наукам» еще в стенах Московской академии. По окончании ее П. в чине стряпчего был послан для продолжения образования в Италию. Здесь в Падуанском университете, где учились когда-то братья *Иоанникий* и *Софроний Лихуды*, П. учился с 1692 г. и в августе 1694 г. был признан доктором медицины и философии. 2 мая 1695 г. П. получил докторский диплом с текстом на латинском языке (перед этим ему пришлось перейти из «юридической» корпорации в «художественную»). П. сделал при этом обязательный дар в корпорацию — передал 9 латинских и греческих книг с латинскими автографами. Он получил в Италии специальные знания и совершенствовался в итальянском, французском, латинском и греческом языках. Дальнейшая судьба П. сложилась таким образом, что он с ведома Петра I широко применял знание языков то при закупке лекарств и книг, то при попытках нанять медиков, то при выполнении дипломатических, главным образом переводческих, поручений Московского двора начиная с участия в «великом посольстве». Все эти закупки, переговоры и переводы П. осуществлял в Европе — в Голландии, Англии, Франции, — изредка попадая в Москву. А. А. Матвеев отзывался о П. с уважением («муж умный и дела европского и пользы государевой сведомый и в языках ученый»). Однако П. не удалось ни заняться интересовавшей его экспериментальной медициной, ни получить пост резидента в Италии или Англии. В Москве (с 1712 г.) П., именовавшийся «доктор или врачефилософ Петр Постников перворожденный» (или его младший брат, также Петр, прозванный «Петр меньшей, дяк»), выполнил переводы сочинений французских авторов, например, Викфора «Посланник и его функции», Дю-Рие «Алькоран Магомета» и др. Привезенный из Италии диплом П. был переведен в 1701 г. с латыни на русский язык *Николаем Спафарием*; перевод сохранился в ЦГАДА, в архиве МГАМИД; латинский оригинал, находившийся первоначально в Аптекарском приказе, в XIX в. затерялся (перевод Спафария издан дважды: Р и х т е р В. История медицины в России. М., 1815. Т. 2. С. 321—323 (прибавления) 143—152; Ц в е т а е в. Медики. . . Приложение IV. С. 54—60). Сохранились письма П. к царю Петру I. Начало одного из писем совпадает с началом «Слова на рождество. . . Иисуса Христа».

Соч.: Б ы ч к о в И. А. Новые материалы для биографии первого русского доктор П. В. Постникова: (Письма его к Петру Великому за 1695 и 1696 гг.) // ЧОИДР. 1911 Кн. 4: Смесь. С. 41—51.

Лит.: Ст р о е в. Словарь. С. 238; Б ы ч к о в А. Ф. Описание церковнославянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки. СПб., 1882. Ч. 1. С. 354; Ш м у р л о Е. Ф. 1) П. В. Постников. Несколько данных для его биографии. Юрьев, 1894; 2) П о с т н и к о в П. В. // РБС: «Плавильщиков—Примо». СПб., 1905. С. 634—635; Ц в е т а е в Д. В. Медики в Московской России и первый русский доктор. Варшава, 1896; Р а д о в с к и й М. И. Из истории англо-русских научных свя-

зей. М.; Л., 1961. С. 46—47; Лупцов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973. С. 128—129.

О. А. Белоброва

Потап Прокофьев Игольнишников (вторая половина XVII в.) — предполагаемый автор сборника проповедей под названием «Статир». Сборник сохранился в единственном списке (ГБЛ, ф. 256, собр. Румянцева, № 411), очевидно в автографе, и состоит из следующих частей: «Предсказание о наименовании книги сея»; «Предисловие к читателю»; «Оглавление словес в кнize сей. . .»; первый раздел, включающий 111 поучений, начиная с Пасхи до страстной субботы; «Молитва по совершении первых части»; второй раздел, включающий 44 слова на годовые праздники и разные случаи жизни; «Молитва господа Иисусу Христу по совершении книги сея»; «Оглавление книги сея вторые части. . .»; «Стихи — в них Богу благодарение и на завистников дерзновение»; «Сия стихи к доброму читателю да и к завистливому хулителю»; поучение без номера «на день неделный». Смысл заглавия сборника раскрывается в предисловии, где автор говорит, что статир «есть камень честен, иже в Сирии родится, или четвертая часть златицы, духовне же разумеется статир исповедание слова Божия»; намекая на известный евангельский эпизод (Матф. 17, 27), проповедник сравнивает свои творения, рожденные мятежным разумом, со статиром, извлеченным из уст рыбы.

Хотя сочинитель укрыл свое имя, он точно обозначил время, когда трудился над сборником (8 апреля 1683 г.—20 августа 1684 г.), и сообщил некоторые факты своей биографии: в сане диакона он прожил пять лет в Пыскорском Преображенском монастыре, затем служил священником при церкви Рождества Христова в Соликамске, наконец, обосновался в расположенном в устье Яйвы городке Орле, бывшем в то время административным и культурным центром вотчин Григория Дмитриевича Строганова. Будучи священником в местной церкви Похвалы Богородицы и пользуясь покровительством и поддержкой знаменитого уральского промышленника, он и составил сборник своих проповедей. Указанные события имели место после 1674 г., когда занял кафедру архиепископ Вятский и Великопермский Иона (Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 799), согласно предисловию поставивший автора «Статира» в диаконы и священники и благословивший его на переезд в Орел.

В предисловии к «Статиру» едва ли не впервые в русской ораторской прозе возникает образ слушателей, к восприятию которых должен примериваться проповедник, которых он должен убедить своей речью (убеждение — *persuasio* — издревле считалось главной задачей риторического искусства). Когда автор, рассказывается в предисловии, стал читать прихожанам Евангелие учительное Кирилла Транквиллиона, его не слушали, так как книга была многим знакома, а «человецы обычай имуть всегда новья слышати»; проповеди же *Симеона Полоцкого* были слишком мудреными для его аудитории, не говоря уже о беседах Иоанна Златоуста: «. . .иностранным языком тая Златоустаго писания нарицаху». В сложившейся ситуации писателю не оставалось ничего делать, кроме как испытать свои собственные ораторские способности.

Впрочем, не все в предисловии к «Статиру» можно принимать за чистую монету: по-видимому, к экзордиальной топике нужно отнести жалобы на гонения и насмешки, которым подвергался со стороны жителей Орла новоявленный проповедник. Что автор предисловия не чужд был литературной стилизации, показывают во всяком случае его заявления о своем убожестве и невежестве, соответствующие и даже превосходящие требования писательского этикета: «Поселянин сый и навозгреб, сущий невежа, аще и от правоверных родителей, но от простейших, не от священного корене, ни от славна рода, ибо отца имам усмаря, деда портнягу,

прадеда скотопаса, а больше сих не свем»; «. . .окроме Буквы, Часаслова и Псалтыри, ничто же учих, и то не совершено; грамматикии же ниже слышах, како ея навывают, а зря ее — ано иноязычными зрится; риторика же ни мало покусихся; а философию ниж очима видах; мудрых же мужей ниже где на пути в лице усретох».

Составитель «Статира» вовсе не так прост, как он хочет представить себя, и это очевидно, если познакомиться ближе с содержанием его книги. Все, кто обращался к проповедям орловского священника, единодушно отмечали замечательную начитанность автора, прекрасно ориентирующегося и в христианской классике (щедрой рукой черпает он в особенности из слов Златоуста), и в современной ему проповеднической литературе (Евангелие учительное Кирилла Транквиллиона, «Обед душевный» и «Вечера душевная» Симеона Полоцкого); в числе других его источников — слова *Кирилла Туровского*. Автор «Статира» несомненно испытал влияние западнорусских проповедников — не случайно такое восхищение вызывает у него книга Транквиллиона, так что «редкое слово его речей минуло». Чтобы привлечь внимание слушателей, оратор часто вставляет в проповеди занимательные рассказы, обращается к разнообразным историческим, географическим, естественнонаучным материалам. Заслуживает внимания, что он обыкновенно указывает источник того или иного заимствования. Выявленные недавно книги, вложенные Г. Д. Строгановым в церковь Похвалы Богородицы и Воздвижения креста, позволяют восстановить в общих чертах круг чтения подвизавшегося здесь писателя (Н. А. Мудрова).

Атрибуция сборника «Статир» П. П. принадлежит А. А. Введенскому, в изложении которого начальный период жизни орловского проповедника представляется так: П. П. происходил из строгановских дворовых деловых людей Игольнишниковых, в конце 1660-х гг. он бежал из пермских вотчин Строгановых, возглавил в Нижегородском крае восставших крестьян и шел на соединение с отрядами Степана Разина. После разгрома восстания неугомонный П. П. вернулся в пермские вотчины, надеясь поднять людей Строгановых; лишь потерпев неудачу в этой затее, он стал послушником Пыскорского монастыря. По данным А. А. Введенского, П. П. скрывался от преследований под разными кличками и именами — Илько-атаман, Попов, Долгополов и др. Служа священником в Соликамске, П. П. будто бы привлек внимание Строгановых тем, что разоблачал «гнусные методы жестокой эксплуатации бедноты соликамскими конкурентами Строгановых». Тогда-то он получил приглашение в Орел, где и дожил до конца XVII в. Трудно сказать, сколько правды в этой романтической биографии, которую историк дома Строгановых основывает на неопубликованных материалах П. Т. Алексеева и не подкрепляет ссылками на источники.

Посвященная П. П. статья А. А. Введенского «Атаман повстанческого отряда Ст. Разина и поп-еретик на службе у Строгановых в их пермских вотчинах» в свое время не была напечатана и затерялась в архивах. Документально подтверждается следующее: в 1678 г., т. е. за пять лет до работы над «Статиром», при церкви Похвалы Богородицы действительно состоял «поп Потап Прокопиев, у него дети Ивашко да Павлик» (М у д р о в а. Книжное собрание. . . С. 36, примеч. 51), причем происходил П. П. из семьи священника Прокопия Сергеева Игольнишникова (см. М у д р о в а. Библиотека. . . С. 18).

«Статир», замечательный памятник ораторского искусства XVII в., как и биография его автора, нуждается в обстоятельном исследовании и издании. На сегодняшний день из всей рукописи опубликованы только предисловие и отдельные проповеди — в переводе на русский язык и с купюрами, — а также два стихотворения, написанные одиннадцатисложным размером со смежными рифмами.

Соч.: Поучение в неделю шестнадцатую по пятидесятнице // Духовная беседа. 1858. № 35. С. 195—206; Поучение в неделю 23-ю по пятидесятнице // Там же. № 42. С. 65—76; Поучение на преславный день Воскресения Христова // Там же. № 44. С. 150—153; Поучение в день Вознесения Господня // Там же. С. 153—157; Поучение в неделю 26-ю по пятидесятнице // Там же. № 45. С. 161—173; Я х о н т о в И. Русский проповедник семнадцатого века и несколько статей из его сочинения «Статир». СПб., 1883; Е л е о н с к а я А. С. Русская ораторская проза в литературном процессе XVII века. М., 1990. С. 195—197.

Лит.: В о с т о к о в. Описание. С. 629—633; С у х о м л и н о в М. И. О языкознании в древней России // Учен. зап. Второго отделения имп. Академии наук. СПб., 1854. Кн. 1. С. 255—258 (перепечатано в кн.: С у х о м л и н о в М. И. Исследования по древней русской литературе. СПб., 1908. С. 434—438 (СОРЯС; Т. 85); Я х о н т о в И. Русский проповедник XVII столетия // Духовная беседа. 1858. № 40. С. 26—38; № 44. С. 141—149; М а л ы ш е в с к и й И. Русский приходской священник-проповедник XVII века // Труды КДА. 1861. № 4. С. 385—466; Е р е м и н И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 349; В е д е н с к и й А. А. Дом Строгановых в XVI—XVII веках. М., 1962. С. 240—241; А л е к с е е в П. Т. «Статир»: (Описание анонимной рукописи XVII века) // АЕ за 1964 год. М., 1965. С. 92—101; Р о б и н с о н А. Н. 1) Зарождение концепции авторского стиля в украинской и русской литературах конца XVI—XVII века (Иван Вишенский, Авакум, Симеон Полоцкий) // Русская литература на рубеже двух эпох (XVII—начало XVIII в.). М., 1974. С. 66—67; 2) Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974. С. 346; История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. М., 1976. Т. 1: XV—XVIII века. С. 79, № 170; Б у л а н и н Д. М. Некоторые трудности изучения биографии древнерусских писателей // РЛ. 1980. № 3. С. 139—140; Д е м и н А. С. Русские старопечатные предисловия и послесловия 1660—1670-х годов: (Формирование литературы массового предназначения) // Русская старопечатная литература (XVI—первая четверть XVIII в.): Тематика и стилистика предисловий и послесловий. М., 1981. С. 225, 241 (то же в кн.: Д е м и н А. С. Писатель и общество в России XVI—XVII веков: (Общественные настроения). М., 1985. С. 161, 178—179); М а с л о в С. И. Кирилл Транквилион-Ставровецкий и его литературная деятельность. Киев, 1984. С. 38, 185—186; М у д р о в Н. А. 1) Книжное собрание Г. Д. Строганова на рубеже XVII—XVIII вв. (К постановке проблемы) // Источники по истории русского общественного сознания периода феодализма. Новосибирск, 1986. С. 28—40; 2) Изучение библиотеки Строгановых второй половины XVI—начала XVIII в. в дореволюционной и советской историографии // Историография общественной мысли дореволюционного Урала. Свердловск, 1988. С. 12; 3) Библиотека Строгановых в Сольвычегодске и на Урале во второй половине XVI—начале XVIII в.: Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. Свердловск, 1990. С. 17—18; Книги старого Урала. Свердловск, 1989. С. 66; Е л е о н с к а я А. С. Новые тенденции в развитии ораторской прозы // Развитие барокко и зарождение классицизма в России XVII—начала XVIII в. М., 1989. С. 107, 113.

Т. В. Буланина

Потемкин Петр Иванович (1617—ок. 1700) — стольник, составитель статейного списка (совместно с дьяком Семеном Румянцевым) о посольстве в Испанию и во Францию в 1667—1668 гг. Принимал непосредственное участие в русско-польской войне 1654—1655 гг., в том числе в осаде и захвате крепости Люблин; в 1656 г. командовал отрядом, взявшим в том же году шведскую крепость Канцы (Шанцы) в устье Невы, а затем и крепость Орешек. В статейном списке П. о посольстве в Испанию и во Францию помимо официальных сведений о приемах, церемониях, речах содержится лаконичное описание дворцов и садов Севильи, Мадрида, Эскуриала; приводятся титулы испанской знати; дается описание одежды испанцев, их торговли, земледелия и т. п. Путешествие по Франции описано в статейном списке более скупо, хотя посланникам были показаны Париж и его пригороды, Лувр, Версаль, Сен-Клу, театр и гобеленовая мастерская, а также пышный двор Людовика XIV в Сен-Жермене.

Статьейный список дважды переводился на французский язык в XIX в., а на русском языке издавался в отрывках (раздел об Испании) еще в XVIII в., затем в XIX в. и в 1954 г. (раздел о Франции). П. выполнял и другие дипломатические миссии московского правительства: в 1674 г. участвовал в посольстве в Вену, в 1680—1682 гг. был в Париже и Мадриде, затем в Лондоне, где Г. Неллер написал его парадный портрет (копия хранится в Эрмитаже). Последняя его должность перед смертью —

воевода Новобогородицкий (Поволжье). Сохранился портрет Потемкина, хранящийся в ГИМ.

Соч.: ДРВ. 2-е изд. М., 1790. Ч. 4. С. 457—564; М а с а л ь с к и й К. Тайный наказ, данный при царе Алексее Михайловиче первому русскому посольству в Испанию // Сын Отечества. 1850. Кн. 5. С. 1—8; Кн. 9. С. 1—9; Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки. М.; Л., 1954. С. 227—315, 356, 426—441.

Лит.: А л е к с е е в М. П. 1) Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI—XIX вв. Л., 1964. С. 18—23; 2) Русская культура и романский мир. Л., 1985. С. 19—24.

О. А. Белоброва.

Радищевский Анисим Михайлов (1550-е—конец 1620—нач. 1630-х) — мастер книгопечатного дела в Москве в первое десятилетие XVII в., автор-составитель руководства по военному делу. Основные сведения о его жизни и деятельности изложены в статье М. А. Петрушенко. Р. (в послесловии к Уставу 1610 г. Радошевский) был родом с Украины: в послесловии к Евангелию 1606 г. он называет себя «волынцем». О своем образовании писал: «. . училища мало видех» (см. послесловие к Уставу). Известные о Р. отрывочные биографические данные относятся к периоду его жизни в Москве, куда он приехал в 1586 г. из Литвы. По приезде поселился на Печатном дворе и начал там службу в качестве переплетчика. В челобитной царю Федору Иоанновичу рекомендуется «печатных книг переплетным мастером» и просит выделить дом («пожаловать дворишком»), «чтоб меж двory не волочился». В 1588 г. указом царя «нововыезжий литвин печатных дел переплетный мастер Онисим Михайлов» получил дом в Ругодивской слободе (челобитная и указ хранятся в ЦГАДА, ф. 141: Приказные дела старых лет, 1588 г., ед. хр. № 1, л. 1—2; оубл. А. Гераклитовым). На основании названных документов С. А. Клепиков сделал предположение, что Р. принял участие в организации переплетной мастерской при Московском Печатном дворе (К л е п и к о в С. А. Из истории русского художественного переплета // Книга. М., 1959. Сб. 1. С. 126). Деятельность Р. как самостоятельного печатного мастера проходит в годы правления царя Василия Ивановича Шуйского (1606—1610 гг.). За издание книг он взялся, как сам пишет в послесловии к Уставу, «не своєю бо волею дерзнух на сие и отрещися отнюд не возмогах и делах, елико могох. . .». Наряду с Р. в Москве в эти же годы работали известные издатели-печатники *Иван Невежин* (1603—1611 гг.) и *Никита Фофанов* (1609—1618 гг.). Остается не вполне ясно, являлись ли «штанбы» их раздельными типографиями, или же это были три стана в одной книгопечатне. В связи с этим обращает на себя внимание то, что в изданиях Р., так же как и в двух книгах, выпущенных Иваном Невежиным (Апостол. М., 1606; Триодь постная. М., 1607), выходные даты «от рождества Христова» при переводе на европейское летосчисление вычислены с ошибкой в 8 лет (вместо 5508—5500). Указанные случаи — первая попытка в московских изданиях ввести новое летосчисление. По наблюдениям А. С. Зерновой, в Минее общей 1609 г. Никиты Фофанова 4 из 9 заставок повторяют заставки из Евангелия Р. «Штанба» Р., содержавшаяся, как и станы Ивана Невежина и Никиты Фофанова, за счет государственной казны, была наиболее состоятельной; ее издания отличались самым высоким качеством полиграфической техники.

С 1607 г. Р. начал также — по заказу Шуйского — работу над составлением «воинской книги». По-видимому, с выполнением этого задания связано появление мастера среди служащих Пушкарского приказа. Он стал здесь одним из ведущих технических руководителей, получил звание «пушкарских дел мастера», был сослуживцем знаменитого мастера-литейщика Андрея Чохова, отлившего «царь-пушку». По переписи 1620 г. Р. — житель Пушкарской слободы (см.: Переписи Московских дворов XVII столетия. М., 1896. Перепись 1620 г. С. 7). Р. был одаренным чело-

веком. Архивные документы представляют его как разностороннего специалиста: он принимал участие в отливке колоколов (см.: Там же), строил колодцы, тайники, делал пруды (см.: Забелин И. Е. Дополнения к Дворцовым Разрядам // ЧОИДР. 1882. Кн. 3. Стб. 322—323, 340). Р. проявил себя как способный военный инженер: под его руководством проводились фортификационные работы в Путывле и в Калуге (см.: Теплов Л. П. Мастер Анисим Михайлов // Техника молодежи. 1955. № 2. С. 14—16). Последнее упоминание о Р. находится в списке служащих Пушкарского приказа, составленном по документам 1629 г. для включения в «Сметный список» на 1631 г. (см.: ВОИДР. 1849. Кн. 4: «Смесь». С. 26). Без указания фамилии здесь назван «пушкарских дел мастер». М. А. Петрушенко утверждает, что речь идет именно о Р., так как он один только на протяжении всего XVII в. имел это официальное наименование (Друкар. . . С. 248—249).

В книгоиздательской практике Р. был последователем *Ивана Федорова* и *Петра Мстиславца*. В каталоге А. С. Зерновой зарегистрированы два его издания с вариантами типографского набора: Евангелие (М., 1606) и Устав (М., 1610) (см.: Зернова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII веках. М., 1958. С. 24—25, № 27, 28; описание Устава см. также: Строев П. 1) Описание старопечатных книг славянских. . . Ивана Никитича Царского. М., 1836. С. 48—54 — здесь же публикация предисловия; 2) Обстоятельное описание старопечатных книг славянских и российских. . . Федора Андреевича Толстова. М., 1829. С. 124—128 — здесь же опубликовано послесловие; Родосский А. Описание старопечатных и церковнославянских книг, хранящихся в библиотеке С.-Петербургской Духовной академии. СПб., 1891. С. 66—68). В ГИМ имеется особый экземпляр Устава: в нем вместо послесловия на л. 233—238 (пятого счета) находится «Предисловие надписанию пасхалии».

Остается неизвестным, какую именно работу выполнял мастер при печатании своих изданий. По мнению А. С. Зерновой, «принимая во внимание разнообразие познаний Радишевского в разных видах мастерства, можно допустить, что. . . он был и словолитцем, и гравером, и печатником, или по крайней мере был превосходным руководителем всех работ» (Зернова. Орнаментика. . . С. 17).

В обоих изданиях Р. был автором послесловий, написанных от первого лица. На фоне господствовавшей в XVII в. в русском книгопечатном деле традиции анонимности их отличает ярко выраженное личностное начало. Содержащееся в послесловиях указание на имя издателя («мастерством многогрешнаго Анисима Михайлова сына Радишевского волынца и прочих любезно трудившихся», «книжного печатного дела мастера Анисима Михайлова сына Радошевского») сближает издания Р. с продукцией первых русских печатников (Иван Федоров, Петр Мстиславец, *Андроник Невежа*). Послесловия называют также имена инициаторов изданий (Шуйский, патриархи *Иов* и *Гермоген*), содержат сведения об обстоятельствах и времени печатания книг, традиционную просьбу к читателям о снисходительном отношении к недостаткам труда. Представляет интерес и предисловие к Уставу; в нем примечательны строки о том, что книга печаталась в «граде Новом Роме — Москве». Здесь же толкуется название книги: «Око умное, сиречь добрый разум просвещающе его всем добрым делом»; определяется место Устава среди других книг: в церковном обиходе он — «вождь»; сообщается история происхождения, бытования, состав книги, мотивировка настоящего издания: «От многих бо лет сия книга, егда от греческаго языка на словенский преведена и мнози преводницы или преписующей или изронища, или в чем погрешипша», поэтому книга для настоящего издания была исправлена «с прилежным усердием» и напечатана «во общую духовную пользу». В Устав вошли слова и поучения апостолов, а также византийских и славянских писателей: Евфимия

Великого, Иоанна Дамаскина, Саввы Освященного и др. Из предисловия Герасима Смотрицкого к Острожской библии 1581 г. здесь заимствовано рассуждение о функции и форме книжных предисловий, а также некоторые формулы в послесловии Устава.

Издания Р. большого формата, роскошно оформлены, их крупный шрифт, напминающий по рисунку уставное письмо, очень сходен с тем, каким набраны виленские издания Мстиславца (Евангелие 1575 г., Псалтирь 1576 г.). В подражание шрифту Р. мастер Кондрат Иванов отлил впоследствии шрифт, который получил название «большого евангельского» (см.: Покровский А. А. Печатный Московский двор в первой половине XVII в. М., 1913. С. 41). Издания Р. свидетельствуют о качественно новом уровне полиграфического мастерства в русском книжном деле. Он достигнут применением искусной техники гравирования и печатания. Вырезанные с большой тщательностью доски заставок, гравюр и инициалов давали ясные и четкие отпечатки благодаря использованию высококачественной бумаги (филиграни: в Евангелии — виноград, лилия, литеры «RG», царский венец; в Уставе — виноград и лилия; см.: Герасимов. № 1, 2, 35—38, 957, 958, 1007, 1474, 1477, 1483—1484). Бумага с филигранью «царев венец», употребленная для Евангелия, была самой дорогой: по данным А. А. Покровского, в 1638 г. за стопу такой бумаги заплатили 1 рубль 3 алтына 2 деньги, в то время как средняя цена за бумагу была 20—23 алтына за стопу (см.: Там же. С. 44). Печать в книгах Р. — с применением киновари.

Художественное оформление изданий Р. изучено А. С. Зерновой и А. А. Сидоровым. В великолепных заставках и инициалах проявились и типично московские приемы, и глубоко оригинальные, своеобразные черты: обилие цветочного орнамента, заполненность им всего пространства гравюры, сердцевидная фигура, расположенная заострением вверх, включение маргиналий в так называемые «цветки». Особой нарядностью и пышностью оформления отличается Евангелие. Включение в него четырех фронтисписных гравюр с изображением евангелистов с их символами (по типу рукописных евангелий) явилось новшеством в московском книжном деле. Предшествовавшие настоящему изданию три анонимных евангелия (ок. 1555, ок. 1560, ок. 1564) не имели фронтисписных изображений. В гравюрах Евангелия господствует декоративный принцип. Отдельные экземпляры его расцвечивались художниками для поднесения сановным лицам. Лучший из них и по качеству раскраски, и по сохранности находится в Отделе редких книг ГБЛ (инв. № 2242): в нем гравюры, заставки, вяз, инициалы покрыты красками и золотом. Разрисовка сближает гравюры с миниатюрной живописью рукописей. Элементом художественного убранства раскрашенного экземпляра являются так называемые «предохранители» — бумажные рамки, украшенные орнаментом, с помещенными в них шелковыми прокладками. Парадный экземпляр предназначался, по мнению А. А. Сидорова, для поднесения царю В. И. Шуйскому (Древнерусская книжная гравюра. . . С. 154—159). В одном из экземпляров Евангелия, хранящемся в ГБЛ и происходящем из библиотеки Соловецкого монастыря, имеется интересная вкладная запись, сделанная вскоре после издания — в 1607 г. В ней говорится о продаже книги в Соловецкий монастырь, описан ее внешний вид, сорт бумаги, указана цена: «Евангелие печать московская, бумага браная царев венец, обочлен бархатом, кармазин по атласу черчатому грады черных и на нем евангелисты серебряны. Москвитин торговый человек Гаврило Елеуферьев сын Москатиннин по своей душе вкладом за пять рублей с четвертью».

Напечатан в 1610 г. Устав, Р. впервые осуществил издание свода церковных законов. Объем книги — 1266 листов. Это было самое монументальное издание в русском книжном деле, начиная от его истоков и включая весь XVII в. Печатание его заняло длительный период — 3 года

и 3 месяца. Устав, как и Евангелие, напечатан тщательно и красиво, но оформление его более строгое. В правление первого царя из династии Романовых *Михаила Федоровича* Устав подвергся цензурным гонениям со стороны церковных властей: в нем были замечены неточности и нововведения, допущенные «самовольством» редактора, уставщика Троице-Сергиевой лавры, «вора» и «бразжника» *Логгина Коровы*. По указу патриарха *Филарета* экземпляры Устава были повсюду изъяты и сожжены (см.: М а к а р и й, митрополит. История русской церкви СПб., 1882. Т. 11: Патриаршество в России. Кн. 2. С. 47). К настоящему времени от всего тиража Устава (при обычном тираже в XVII в. 1200 экз.) сохранилось более 30 экз., в то время как Евангелия — около 60 (см.: В помощь составителям сводного каталога старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов: Методические рекомендации. М., 1982. С. 26, 29). Издания Р. принадлежат к лучшим образцам отечественного книжного искусства.

Р. составил также руководство по артиллерийскому делу «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки». Начав работу над ним при Шуйском, повелевшем «сию книгу с немецкого и латинского языков на русский перевести», он закончил ее уже «при державе» царя *Михаила Федоровича* в 1621 г. Опубликован же «Устав» был лишь в XVIII в. по приказу Г. А. Потемкина известным издателем В. Г. Рубаном (СПб., 1777—1781). На титульном листе указано: «. . .выбран из иностранных военных книг». Одним из источников явилась книга немецкого военного писателя и инженера Л. Фронспергера (*F r o n s p e r g e r L. Kriegsbuch. Franckfurt am Mayn, 1571—1573*). В рукописи, по которой сделана публикация Рубана, составитель назван «Онисимом Михайловым». Вопрос об авторстве Р. был окончательно решен благодаря найденной М. А. Петрушенко рукописной копии «Устава» (середина XVII в.), в которой полностью названо имя автора: «Анисим Михайлов, сын Родопевский» (Друкар. . . С. 217). Современные военные историки оценивают «воинскую книгу» Р. как труд, положивший начало военно-технической литературе в России (см. об этом у М. А. Петрушенко).

Соч. (типографские работы): Евангелие. М., 1606; Устав. М., 1610; Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки. . . СПб., 1777—1781. Ч. 1—2. *Лит.*: С о б о л е в с к и й. Переводная литература. С. 104—106; Г е р а к л и т о в О. До біографіі Онисима Михайловича Радішевського // Бібліологічні вісті. Київ, 1926. Ч. 1 (10). С. 63—64; Р а й н о в Т. Наука в России XI—XVII веков. М.; Л., 1940. С. 288—371; С и д о р о в А. А. Древнерусская книжная гравюра. М., 1951. С. 145—159; З е р н о в а А. С. Орнаментика книг московской печати XVI—XVII веков. М., 1952. С. 16—17; П е т р у ш е н к о М. А. Друкар XVII сторіччя Онисим Радішевський // Українська книга. 400 років: 36. ст. / Відповід. ред. І. М. Педанюк. Київ; Харків, 1965. С. 209—219; К а м е н е в а Т. Замечательный мастер // Культура и жизнь. 1970. № 10. С. 47—48; В е с е л о в с к и й С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 341; Е п и ф а н о в П. П. Оружие // Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. 1. С. 275—276; Н е м и р о в с к и й Е. Л. 1) Онисим Михайлов Радішевський // Русская речь. 1984. № 1. С. 79—87; 2) «Четвероевангелие» Анисима Радішевського // Полиграфія. 1990. № 1. С. 51—52; И в а н о в а Ж. Н. Издания Анисима Радішевського в собраниях ГИМ // Русская книжность XV—XIX вв. М., 1989. С. 119—138.

Л. И. Сазонова, А. Н. Гусева

Ржевская Соломонида (конец XVI—нач. XVII в.) — служительница царевны *Ксении Борисовны Годуновой*, автор письма из осажденного польскими интервентами Троице-Сергиева монастыря. Р. принадлежала к знатному роду дворян-царедворцев Ржевских, бывших при царе *Борисе Годунове* окольными и думными, но в правление Василия Шуйского и «семибоярщины» (1610—1611 гг.) перешедших на сторону польского короля Сигизмунда III и королевича Владислава (см.: АИ. СПб., 1841. Т. 2. № 311—VI). Служительницей Ксении Борисовны Годуновой Р., очевидно, стала после того, как в конце 1605 г. дочь царя Бориса Году-

нова была пострижена в монахини (под именем Ольги; в письме она именуется Ольгой Борисовной) и выслана Самозванцем из Москвы. Феофана Савиновна Ржевская, «матушка» Р., к которой адресовано письмо, так же как и дочь (очевидно, после дворцовых перемен), проживала в монастыре («на Новоманастырском дворе»), как рядовая монашка, в стесненных условиях, не имея прислужницы («жоночки или девьки»).

Письмо Р. датируется 6 июля 1609 г. («после Петрова дни») и отправлено из осажденной войсками Сяпеги и Лисовского Троице-Сергиевой лавры, т. е. относится ко времени героической 16-месячной обороны крепости и представляет ценность как исторический документ, как свидетельство очевидца событий о состоянии защитников крепости на одиннадцатом месяце осады. Письмо написано в середине лета после перенесенной защитниками тяжелой, голодной зимы и мора, гибели многих осажденных от цинги. Р. утешает мать («. . . а нету мне, государыня-матушка, здесья никоторыя нужи, Ольги Борисовны милостью»), описывает «крепкой. . . приступ», бывший «в канун Петрова дни» 1609 г. с «огневым боем», пушечным обстрелом крепости «огнянками» и уничтожением «многих воров». В письме Ксении Годуновой к ее тетушке о тяготах осады говорится гораздо откровеннее, но и письмо Р. свидетельствует о высоком патриотическом настрое и героической стойкости защитников, предпочитавших умереть, но не сдаваться: несмотря на то что летом мор среди осажденных и «унелся», людей в крепости осталось меньше трети («а не осталось людей ни трети»). Через мать Р. пытается передать писавшему ей Макарию Карякину, что «Федор Карьцов жив, а Кашпиров, сын Дмитрий, умер», и «схоронить» его было не на что, если бы не «пожаловала» им на похороны рубль царевна Ольга Борисовна. К моменту написания этого письма почтовая связь Троице-Сергиева монастыря с внешним миром уже была нарушена, и письма перехватывались поляками. Р. жалуется: «. . . а мне, государыня-матушка, от тебя грамотка не бывала от Великаго мясоеду до Петровых заговень». Письмо Р. (так же как и письмо Ксении Годуновой) не дошло до адресата.

Подлинник письма, писанный столбцом и сложенный пакетом, на котором написан адрес, имеет помету на польском языке, свидетельствующую, что письмо было задержано и прочитано врагами, а затем (очевидно, при освобождении Троице-Сергиева монастыря войсками М. И. Скопина-Шуйского в союзе со шведами) попало в архивы Швеции. Письмо Р. соблюдает все основные трафаретные формулы эпистолярного стиля XVII в. и в то же время сохраняет оригинальные черты русской речи.

Соч.: АИ. Т. 2. № 182—II. С. 213.

Н. Ф. Дробленкова

Романчуков Алексей Саввич (Савинович) (первая половина XVII в.) — поэт «приказной школы». Он был сыном известного московского администратора Саввы Юрьевича Романчукова, служившего дьяком (по-видимому, Денежного двора) уже в 1610—1611 г., затем, в 1614 г., получившего за «Московское осадное сиденье» вотчину в 80 четвертей в Ярославском уезде. Потом Савва Романчуков был дьяком в Новгородской чети и одновременно в Посольском приказе (упоминается еще 21 октября 1625 г.; вскоре, очевидно, умер). Его сыновья Р. и Василий были в 1627 г. «стряпчими с платьем», а Иван и Юрий — патриаршими стольниками. Среди них самой яркой фигурой был Р.

Быстро поднимаясь по служебной лестнице, Р. в 1636 г. был назначен посланником в Персию. Русская миссия съехалась с миссией голштинской 3 сентября под Самарой; далее русские и голштинцы путешествовали вместе. Адам Олеарий оставил подробную характеристику Р.: «Этот русский, посланный великим князем московским к персидскому шаху в качестве малого посла, более для того, чтобы блюсти за нашим делом

и нашими отношениями, был человек лет 30, с здравым умом и весьма ловкий, знал несколько латинских изречений, против обыкновения русских имел большую охоту к свободным искусствам, особенно же к некоторым математическим наукам и к латинскому языку; он просил, чтобы мы помогли ему в изучении этих предметов, и в Персии, где мы были вместе, а особенно на обратном пути он прилежными занятиями, постоянными разговорами и упражнением в продолжение 5-ти месяцев сделал такие успехи в латинском языке, что мог передавать на нем, хотя не совсем удовлетворительно, свои душевные мысли. Он также быстро и с охотою уразумел употребление астрологии и все то, что относится до высоты солнца, часов и геометрии. Нашему часовщику он заказал сделать астрологию, и когда, бывало, мы останавливались на ночлег в каком-нибудь городе или селении, особенно же в Астрахани, он выходил с этой астрологией для упражнений на улицу и рассказывал людям высоту домов и других зданий, что чрезвычайно удивляло русских» (ЧОИДР. 1869. Кн. 1, отд. IV. С. 464—465).

Р. сошелся с голштинцами на почве не только наук, но также искусств. В альбоме записей и рисунков, который принадлежал участнику миссии доктору медицины Гартману Грамману (он перешел впоследствии на русскую службу и был при кончине царя *Михаила Федоровича*), есть карандашный, прекрасно сохранившийся портрет человека лет тридцати в русском платье и с русскими чертами лица (ГБЛ, собр. Норова, № 40, л. 46 об.). Это, несомненно, Р. (рисовальщиком, видимо, был посольский художник Дитрих Ниман, умерший на пути из Персии). Непосредственно за портретом (на л. 47—47 об.) помещен автограф Р., сделанный 15 января в Касвине «для памяти дружелюбныя Голштенския земли дохтура Артьмана Грамба». Автограф начинается «относительно-силлабическими» виршами с акrostихом — типичным альбомным стихотворением с добрыми пожеланиями. Поэтические упражнения были естественными для обеих миссий: среди голштинцев находился Пауль Флеминг, крупнейший поэт немецкого барокко, посвятивший несколько сонетов Москве (потом их переводил А. П. Сумароков). Русскую миссию возглавлял Р., тоже поэт.

Он известен скорее как любитель книжного стихотворства: дружеские послания адресовали ему справщик *Савватий* и *Михаил Злобин*. Но и сам Р. кроме альбомных вирш оставил еще одно стихотворение. Оно по акrostиху («Алешка Раманчуков») легко извлекается из сохранившейся во многих списках компиляции «Послания многоразлична, а в них описует имена отлична». Принадлежащие Р. строки отмечены глубоким пессимизмом:

Аз же отгоним бываю сего света,
лишаются дни мои и кончаются лета,
Ерихона животного стены разрушаются,
шумения гласящих труб на торжищи приближаются. . .

Это, быть может, предсмертные стихи. Существует [предположение, что вскоре по возвращении из Персии в 1638 г. Р. отравился (ему грозила опала, ибо царь был разгневан результатами переговоров). Но достоверных сведений о самоубийстве Р. нет. Возможно, он умер от «студеной дорогуши», болезни почек, которой страдал во время путешествия в Персию и от которой его лечил Гартман Грамман.

Соч.: Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 35—42, 46—48, 242—243.

Лит.: РБС: «Романова—Рясовский». Пгр., 1918. С. 53—54 (ст. о Савве и Алексее Р. написаны А. Виноградовым); Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII века. М.: Л., 1946. С. 93—94, 128, 292; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XVI—XVII вв. М., 1975. С. 451.

Савва Долгий (в иночестве Симеон) (вторая половина XVII в.) — священник, возможно, автор Покаянного исповедания. С. Д. был сподвижником, а возможно, и учеником *Сильвестра Медведева*, разделявшим его взгляды на богословско-литургический вопрос о времени пресуществления святых даров (таинстве евхаристии). Однако за этим вопросом стояла более широкая проблема о характере организации на Руси школьного дела, разделившая русское образованное общество на две партии — старомосковскую во главе с патриархом *Иоакимом* и приехавшими в 1685 г. в Москву из Венеции братьями *Иоанникием* и *Софронием Лихудами*, сторонницу греческого образования, и западную, ратовавшую за обучение москвичей по латинскому образцу; к последней относился Сильвестр Медведев и его единомышленники.

О С. Д. известно только из розыскного дела Сильвестра Медведева и из подписанного им Покаянного исповедания, автором которого, он, возможно, и не был («К сему моему истинному исповеданию аз недостойный и многогрешный Симеон во извещение правды руку приложил»: — Прозоровский). Сильвестр Медведев. С. 359, примеч. 182). Из этих документов видно, что С. Д. тогда уже, в 1688—1689 г., монах Симеон, часто посещал Сильвестра Медведева, читал его сочинения и учил других. Он же распространял среди «священников и простецов» вышедшие из круга Сильвестра полемические сочинения, направленные против братьев Лихудов. А. Прозоровский считает, что в их число прежде всего входит произведение, известное под названием «Обличение на новопотаенных волков», названное *Евфимием Чудовским* «Неистовобреханием». Как показал при розыске старец Арсений, оно было переписано в трапезной келье Сильвестра в 40 тетрадей, а затем распространялось С. Д.

Нет никаких данных о том, что С. Д. был арестован вместе с Сильвестром Медведевым и что ему были предъявлены политические обвинения. Его имя фигурирует в розыскном деле только в показаниях старца Арсения. Но он был подвергнут вместе с Сильвестром церковному суду. Его Покаянное исповедание написано в декабре 1689 г., как считает Прозоровский, тем же лицом, которым написано Покаянное исповедание Сильвестра Медведева, на что указывают текстуальные совпадения ряда мест. Покаянное исповедание С. Д. целиком ориентировано на Покаянное исповедание Сильвестра. Так, в нем осуждается сочинение Сильвестра «Манна»: «...наполнена всякия прелести душегубительния... обманна, отрава, чаровница, губительница, яд скоршиев» (у Сильвестра — «не есть Манна, но православных обманна и прелесть, не хлеба животного манна, но яда душегубительнаго исполнена отрава»). Несмотря на сходство, Исповедание С. Д. меньше по объему и примитивнее стилистически по сравнению с Исповеданием Сильвестра Медведева. Возможно, в Исповедании С. Д. как-то отразились истинные черты его биографии: он, по-видимому, еще будучи попом, «в мятежное время страдал от раскольников церковных». Оба Покаяния были написаны в Троице-Сергиевой лавре, из чего следует, что С. Д. находился там вместе с Сильвестром Медведевым, однако дальнейшая его судьба неизвестна.

Покаянное исповедание С. Д. распространялось в конце XVII в. в списках сборника, составленного Евфимием Чудовским из материалов, посвященных вопросу о времени пресуществления святых даров и связанной с ним полемике. Сборник этот известен под названием «Остен» — от слова «остны»: «Словеса святых и мудрых, яко остны, к ним же прати кому жестоко есть» (см., например: Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки. М., 1862. Отд. 2, ч. 3. С. 424, 429).

Соч.: Остен. Казань, 1865. С. 104—111.

Лит.: Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. СПб., 1884. Т. 1. Стб. 554—555, 705—706; Прозоровский А. Сильвестр Медведев: (Его жизнь и деятельность). М., 1896. С. 296, 353, 354, примеч. 154, 359—362, 577—584.

М. Д. Казан

Савватий (первая половина XVII в.) — справщик Печатного двора, монах, поэт «приказной школы». Его имя известно из акростихов, которыми начинались некоторые из его посланий («чернец Саватище», «чернец Саватий»). Из стихотворных посланий обнаруживается причастность С. к Печатному двору. По приходно-расходным книгам Книжной справы чернец С. служил справщиком с сентября 1634 г. по сентябрь 1652 г. с окладом в 35 рублей. Возможно, до этого он состоял в причте одной из дворцовых церквей, как он сам пишет в послании к царю *Михаилу Федоровичу* («. . богомолец твой государев царев, прежебывшей у тебя, государя, служитель олтарев»), но, по-видимому, овдовев, постригся в монахи.

Справщики Печатного двора обычно избирались из монастырской братии и служителей московских храмов, получали специальную подготовку и составляли затем особую корпорацию, интеллектуальную элиту черного и белого духовенства. Социальное положение их было двойственным: с одной стороны, они являлись приказными чиновниками, находящимися в ведении Большого дворца, с другой — церковными деятелями, занимавшимися выпуском церковных книг и подлежащими патриаршему контролю. Работа на Печатном дворе при патриархе *Иосифе* (1642—1652 гг.) становится особенно интенсивной, богослужебные книги подвергаются значительным исправлениям грамматического и фактического характера, вносятся новые статьи, предпринимаются сокращения, справщики сверяют тексты изданий с переводными рукописными книгами, ставится вопрос о необходимости обращения к греческим оригиналам. Иосифовские справщики были образованными книжниками.

Как видно из стихотворных посланий С., он подвизался также и на педагогическом поприще домашнего учителя. Его ученик князь Михаил Никитич Одоевский — сын боярина *Никиты Ивановича Одоевского*, посла в Польшу, главы Казанского и Сибирского приказов, а впоследствии и Комиссии по составлению Уложения, — умер молодым в 1653 г.

Причина отстранения С. от печатной справы в 1652 г. с приходом к власти патриарха *Никона* неизвестны. Делались попытки объяснить его увольнение вместе со справщиком *Иоанном Наседкой* их недоброжелательным отношением к реформе Никона и связями с одним из главных деятелей раскола *Иваном Нероном*. В *Житии Ивана Неронова* упоминается его друг отец Савватий, умерший между 1652 и 1655 гг., могилу которого в Покровском монастыре в Москве посетили Иван Неронов, будучи уже иноком Григорием, а затем и Никон (Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина, М., 1875. Т. 1. С. 145, 158—159). Однако достаточных доказательств для отождествления справщика С. с отцом Савватием, упоминаемом в *Житии*, не приведено.

Справщик С. — представитель «приказной школы» поэтов, сложившейся в 30-х гг. XVII в. и просуществовавшей два десятилетия. Книжная справа была литературным центром, вокруг которого эта школа объединялась. В нее входили прежде всего приказные служащие — монахи-справщики, связанные друг с другом служебными и личными дружескими отношениями. К ней принадлежали и аристократы, и представители знатных приказных родов, но большинство из поэтов — *Петр Самсонов*, *Стефан Горчак*, *Михаил Злобин*, *Ермолай Азанчеев*, Иван Наседка, — как и С., люди незнатные. Их поэтическая деятельность носила в основном неофициальный характер и состояла в регулярном обмене обширными посланиями.

С. обращался со стихотворными посланиями к разным лицам. Кроме собратьев по перу среди его адресатов встречаются представители придворных кругов (Иван Никитич Романов, дядя царя; Никита, царский духовник; Василий Сергеевич Прокофьев, учитель царевича *Алексея Михайловича*; князь *Семен Иванович Шаховской*, сам царь Михаил),

а также верхи приказной аристократии (дьяк Василий Львович Волков, к которому С. обращался за посредничеством, ища службы; Алексей Михайлович Львов, стольник, кравчий, а затем начальник Приказа Большого двorca и Печатного двора, благодаря которому С. стал справщиком). Их имена читаются в акrostихах, но часто раскрываются из анаграммы, например: «Прикладом же дукс именуется, пред царем же государем говорит, не обинуется. Рождьшего же имеет тезоименита лицу Божию, и всегда покланяется царскому подножию. По реклу же именит твоему отцу. . .» — в послании Василию Львовичу Волкову речь идет об Алексее Михайловиче Львове.

Часть стихотворных посланий С. написана по чисто житейским поводам — это ходатайство о должности, рассуждения о дружеских отношениях между поэтами и о разногласиях между ними, два наставления учителя ученику под названием «Прещение вкратце о лености и нерадении всякому бываемому во учении» и «Азбука отпуская тебе, моему ученику». Послания могли и вовсе не иметь определенного содержания, ограничиваясь триадой: приветствие, прошение, подпись. В стихах С. отразились современные ему события, собственные его взгляды и литературные интересы. В них можно найти суждения об отношении к иноверцам как отголоски идеологической полемики, связанной с приездом в Москву датского королевича Вольдемара и состоявшимися диспутами о лютеранстве. Одно из стихотворений С. посвящено работе справщика. Обвиненный в ошибках, он оправдывается, ссылаясь на трудности своей работы. Перу С. принадлежит «Предисловие к Царственной книге, сиречь к Гранографу», в котором неравносложными стихами изложена вкратце история византийских императоров в строгом соответствии с *Хроникой Георгия Амартола*. За «Предисловием» должен был следовать прозаический текст Хронографа, к которому стихи должны были служить не только предисловием, но и подробным оглавлением. Другое произведение С. «Слово о прелестнем сем и видимом нами свете и о живущих всех нас человек в новом сем завете» и связанные с ним нравоучительные стихотворения «О свете», «О плоти», «О утробе» развивали традиционную для христианской культуры тему суетности и бренности человеческой жизни. «Предисловие» и «Слово» С. хотел видеть напечатанными и просил об этом царя. Однако стихи С. напечатаны не были и известны только в рукописях.

Стихотворения С. — неравносложные вирши с парной грамматической рифмой, чаще всего глагольной. Рассуждения об «остроумии», «остром разуме», занимающие в них большое место, означали умение пользоваться «витийным», поэтическим языком, противопоставленным простому, «грамматическому» языку. Пристрастие к акrostиху («краегранесию», «начало-строчию») также было признаком изысканной манеры. Излюбленным приемом С. становится принятое в приказной школе стихотворцев уподобление, традиционное для византийско-славянской книжности. Так, в послании к *Алексею Романчукову* темы мудрости и философии вызвали ряд ветхозаветных ассоциаций: олень «течет» на водные источники — разумный муж на благое словеса, солнечный свет разгоняет тучи — мудрый человек разрешает недоумения и пр. Литературные источники С. обычные для православного книжника — Псалтирь, Притчи Соломона, Новый завет, писания отцов церкви, *Физиолог*, *Азбуковник*, *Пчела*, откуда черпались скрытые и прямые цитаты. Из отечественных писателей авторитетом являлся *Максим Грек*.

Литературное наследие справщика С. дошло до нас в рукописных сборниках, как правило в сборниках виршевых посланий первой и второй половины XVII в.: ГБЛ, собр. Тихонравова, № 380; ГИМ, собр. Барсова, № 470; Чудовское собр., № 359/57; ЦГАДА, ф. 181, собр. Оболенского, № 250/455; БАН, Архангельское собр., № 527.

Соч.: Лопарев Хр. Описание рукописи Московского Чудова монастыря, № 57—359, л. 11—15 // ЧОИДР. 1886. Кн. 3, отд. V. С. 6—9; Шептаев Л. С. Стихи

справщика Савватия // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 5—28; Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. 2-е изд. Л., 1970. С. 73—84. Б-ка поэта. Б. сер.; П а н ч е н к о А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 39—75, 248—259.

Лит.: М а н с в е т о в И. Как у нас правилась церковные книги. М., 1883. С. 13; Н и к о л а е в с к и й П. Ф. Московский Печатный двор при патриархе Никоне // Христ. чт. 1890. № 9—10. С. 457; 1891. № 1—2. С. 149—152; Д е м и н А. С. Демократическая поэзия XVII в. в письмовниках и сборниках виршевых посланий // ТОДРЛ. Т. 21. С. 74; П а н ч е н к о А. М. Книжное стихотворство // История русской литературы X—XVII веков / Под ред. Д. С. Лихачева. М., 1980. С. 360—361.

М. Д. Казан

Самсонов Петр (первая половина XVII в.) — поэт «приказной школы». Источники упоминают его с 1615 г., когда С. был дозорщиком в Вологодском уезде. В 1625 г. С. подъячий, с 28 сентября 1638 г. дьяк Патриаршего дворцового приказа. Принадлежал к семье, занимавшей видное место в среде московской администрации XVII в. (до десятка Самсоновых служили дьяками и подъячими в столице и в провинции).

По рукописям выявлены 10 стихотворных эпистолий С., из которых 6 опубликованы. Из этих текстов явствует, что С. какое-то время был в ссылке в глухой провинции — «в концах вселенных», как он выражается. Некоторые авторские намеки позволяют предположить, что причиной опалы С. было его поведение в Смутное время. В некоторых эпистолиях С. просит своих московских доброхотов «печаловаться» о нем перед царем *Михаилом Федоровичем* и позаботиться о «преселении» ссыльного поэта в Москву. В конце концов С. добился своего. Занятия стихотворством он продолжал и в столице: некоторые послания, безусловно, написаны здесь.

В акростихах, в частности, названы имена и отчества адресатов. Из них пока удалось более или менее уверенно отождествить только одного: два послания С. направил некоему Михаилу Стефановичу, — по-видимому, протопопу собора Черниговских чудотворцев и справщику Печатного двора *Михаилу Стефановичу Рогову*, также стихотворцу. Как поэт С. вполне вписывается в рамки тех эстетических законов, которые исповедовала «приказная школа». С. заботится прежде всего о стихотворной технике, которой владеет довольно хорошо. Эпистолии С. читаются в рукописях: ГИМ, собр. Барсова, № 470, л. 19—21; Чудовское собр., № 359/57, л. 11—13; ЦГАДА, ф. 181, № 250/455, л. 249 (330)—260 об. (340 об.). В Музее истории религии и атеизма хранится экземпляр Острожской библии, проданной С. в 1619 г. (Б у л а н и н Д. М. Каталог книг кирилловской печати XVI—XVII веков Музея истории религии и атеизма в Ленинграде // Научно-атеистические исследования в Музеях (Л., 1986. С. 31).

Соч.: П а н ч е н к о А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 263—269.

Лит.: П а н ч е н к о А. М. Несколько замечаний о генеологии книжной поэзии XVII века // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 241—243; В е с е л о в с к и й С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVIII вв., М., 1975. С. 462.

А. М. Панченко

Серапион (ум. 1653) — архиепископ Суздальский и Торусский, автор грамот и «сказки». В 1618 г. был поставлен игуменом Ярославского Толгского монастыря, которым руководил до своего поставления в 1634 г. архиепископом Суздальским, занимал эту кафедру до смерти (память его чтится 25 февраля). О жизни С. сообщается в посвященной истории Суздаля работе Анания Федорова, ключаря Суздальской соборной церкви. Там же узнаем об участии С. в росписи соборной церкви «стенным письмом» и строительстве храмов во имя святых чудотворцев епископов Суздальских Иоанна и Феодора; после смерти он «положен бысть в соборной церкви

у первого левого столба». С. поучал христиан своей епархии, рассылал грамоты разнообразного содержания: о выборах игуменья в Покровском монастыре с увещеванием не ссориться (1636 г.), о соблюдении церковного благочестия (1642 г.). Среди небогатого письменного наследия С. выделяется «Сказка Суздальского архиепископа Серапиона и допросные речи Спаса-Ефимиева монастыря архимандрита Иосифа с братъею о земляном вале в Суздале» (9 и 10 апреля 1643 г.), где находятся ценные сведения по истории Суздаля: «Строение тот вал изстари Суздальских Великих князей, в старину де по нем был другой город. . . А в прошлом во 149 году, как был в Суздале у селестренного дела князь Иван Шахматов, и городу и тому валу чертеж к Москве в Пушкарский приказ послал. . .». С. проявлял интерес к церковно-литургическим вопросам: ему направлено Послание о единогласии священника *Агафоника*.

Соч.: АИ. СПб., 1841. Т. 3. С. 345—346, 382—385.

Лит.: Историческое собрание о богоспасаемом граде Суждале / Ключаря тамошнего собора Анагия Федорова // ВОИДР. 1855. Кн. 22. С. 5—6, 34—35, 116—117; Ф и л а р е т. Обзор. С. 2²⁰; Р у м я н ц е в а В. С. Народное антицерковное движение в России в XVII веке. М., 1986. С. 37, 60.

В. К. Зиборов

Сергий (XVI—нач. XVII в.) — инок Троицкого Данилова монастыря в Переславле-Залесском, один из авторов службы Даниилу Александровичу, *Жития Романа Владимировича* и службы ему. Точные биографические данные о С. отсутствуют. В. О. Ключевский предположительно отождествлял его с архимандритом Переяславского Данилова монастыря Сергием, настоятельство которого относится к 1579—1586 гг. (см.: Ст р о е в П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 667; Д о б р о н р а в о в В. Г. История Троицкого Данилова монастыря в г. Переяславле-Залесском. Сергиев Посад, 1908. С. 32; Прилож. С. 33—40).

В соавторстве с С. Р. Алферьевым-Бездниным С. по благословению патриарха *Иова* написал службу Даниилу Александровичу. Позднее, вероятно, после открытия и перенесения мощей этого святого в 1652 г. (согласно Амфилохию, в 1682—1690 гг.), она была переработана и в таком виде дошла до нас. В службе Даниилу Александровичу, составленной по традиционной схеме, есть примеры рифмованной прозы; встречающиеся здесь метафоры и сравнения довольно однообразны (так, святой называется светлым либо пресветлым светильником, светильником света; сравнивается со светом, с «незаходным», светлущим солнцем). Но трудно решить, принадлежат ли эти выражения С. Р. Алферьеву-Безднину и С. или же редактору конца XVII в.

Из описания чудес Романа Владимировича (начиная со свершившегося 2 марта 1605 г.) известно, что вместе с С. Р. Алферьевым-Бездниным С. «сотворил» стихиры и каноны этому святому; в результате их «тишания и трудов» возникли его житие, а также повествование о первых «преславных чудесах» («проявления» их начались 3 февраля 1605 г.); однако названные сочинения погибли во время «литовского» разорения Углича в 1609 г. (см.: Повесть о чудесах св. благоверного князя Романа, Угличского чудотворца. Ярославль, 1874. С. 21). Судя по тому, что церковные иерархи во главе с митрополитом Казанским *Гермогеном* про освидетельствование чудес и мощей князя Романа в Угличе сообщали Лжедмитрию I (Опись архива Посольского приказа 1626 года. М., 1977. Ч. 1. С. 318—319), работа над этими богослужебными произведениями завершилась не ранее июня 1605 г.

Соч.: А м ф и л о х и й. Летописные и другие древние сказания о св. благоверном вел. князе Данииле Александровиче. М., 1875. С. 20—38.

Лит.: К л о ч е в с к и й. Древнерусские жития. С. 316—317; М а к а р и й. История русской церкви. СПб., 1881. Т. 10, кн. 1. С. 226, 227; Ст р о е в. Словарь.

С. 242—243; Барсуков. Источники агрографии. Стб. 146, 466—467; Филарет. Обаор. № 202; Васильев В. История канонизации русских святых. М., 1893. С. 210—211, 216.

Я. Г. Солодкин

Сергий (XVII в.) — инок Елецкого Черниговского Богородского монастыря, сын донского казачьего атамана (XVI в.) Михаила Черкашенина; от его лица ведется рассказ в «Слове о некоем старце», известном в единственном списке 1640 г. из собр. Х. М. Лопарева (ГПБ, собр. ОЛДП, Q.234). В Слове сообщается, что С. был взят в плен крымскими татарами и продан в Кафу. Отсюда он совершил путешествие по странам Востока — посетил Константинополь, Аравию, Иерусалим, Египет. Х. М. Лопарев проследил судьбу вернувшегося на родину пленника-путника (его брат, как сообщается С. М. Соловьевым, был в Крыму казнен; см.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. 3, т. 5—6. С. 696). Исследователь «Слова о некоем старце» отметил неоднородность литературного памятника: достоверность начала и легендарность хождения, лишённого исторических реалий («повесть... не знает ни сарацин, ни турок в Иерусалиме») и восходящего к древним преданиям о святых христианского Востока. Х. М. Лопарев обращает внимание на произвольность приведенных в Слове расстояний между географическими пунктами и на другие топографические несообразности. Исследователь называет источники легендарных сказаний, отразившихся в тексте Слова: о птице негуде (грифе), о горном золоте, о песчаном море, о камне, зеркале. Он приводит приметы зависимости текста Слова от паломнической древнерусской традиции (Хождения игумена *Даниила*, иеродиакона *Зосимы*, Арсения Солунского и др.).

Соч.: Лопарев Х. М. Слово о некоем старце: Вновь найденный памятник русской паломнической литературы XVII века // СОРЯС. 1890. Т. 51, № 2. С. 1—55.

Лит.: Лопарев Х. М. Описание рукописей имп. ОЛДП. СПб., 1893. Ч. 2. С. 342; Семанн К. D. Die altrussische Wallfahrtsliteratur. München, 1976. S. 334—336.

О. А. Белоброва

Сергий Шелонин (в миру Семен Михайлов) (ум. 1667) — монах Соловецкого монастыря, автор новых редакций Жития Иоанна и Логгина Яренгских и *Жития Филиппа митрополита*. Принял пострижение в 1619 г., до этого, как установила М. В. Кукушкина, был подьячим в Москве. Прозвище Шелонин происходит либо от названия реки Шелона (в Новгородчине), либо от местного поморского диалектного слова «шелоник» — юго-западный ветер (Москва, откуда пришел С. Ш., по отношению к Соловкам на юго-западе). В 1647—1648 гг. С. Ш. был архимандритом Ипатьевского монастыря, затем вернулся на Соловки, где и оставался в иноческом звании вплоть до своей смерти. Об архимандритстве С. Ш. в Ипатьевском монастыре никаких сведений не сохранилось, на Соловках он занимался активной книгописческой деятельностью.

С. Ш. переписывал книги сам, а также руководил перепиской книг. За время пребывания на Соловках (с 1619 по 1667 г.) «он передал в Соловецкую библиотеку партиями 31 рукопись и шесть печатных книг, остальные 16 книг поступили после его смерти. В настоящее время выявлено 24 рукописи, которые непосредственно по припискам или косвенно по почерку атрибутируются Сергию Шелонину» (Кукушкина. Монастырские библиотеки... С. 99). В основном репертуар переписываемых С. Ш. книг — церковно-служебные, религиозно-дидактические и церковно-полемические тексты. Но он проявлял большой интерес и к сюжетным произведениям церковного жанра. Им переписаны *жития Василия Нового*, Иоанна Дамаскина, Григория Синаита, Паисия Великого, Павла Фивейского и др., *патерики Египетский*, *Азбучно-Иерусалимский*, *Синайский*, *Скитский*, *Киево-Печерский*, *Пролог*, *Космография*, *Стоглав*.

С. Ш. не был только копиистом рукописей. Он часто заменяет устаревшие слова, вносит стилистические изменения в тексты. Но особенно ярко сознательное, творческое отношение С. Ш. к переписческой деятельности проявляется в том, что на полях своих рукописей он делает многочисленные заметки, приводит параллели, отмечает источники цитат. В переписанных патериках С. Ш. часто по-своему распределяет и группирует патеричные рассказы.

Оригинальными сочинениями С. Ш. являются два житийных произведения, в основе которых лежат более ранние, созданные на Соловках жития. В 1638 г. С. Ш. участвовал в перенесении мощей святых Иоанна и Логгина Яренгских. Он подробно описал эту церемонию (ркп. ГПБ, Соловецкое собр., № 182) как участник и очевидец ее. Позже, уже после возвращения на Соловки из Ипатьевского монастыря, Сергей включил это описание в свою редакцию Жития Иоанна и Логгина Яренгских: «Сергия, смиренного инока и презвитера обители Пантократоровы суцаго Понта окиана на полунощной стране, иже на Соловецком отоце, сказание о чудесех святых праведных Иоанна и Логгина, новоявленных Яренгских чудотворцев». Первоначальные рассказы об Иоанне и Логгине Яренгских (см. *Сказание о Иоанне и Логгине Яренгских*) под пером С. Ш. приобретают вид, более соответствующий канонам житийного жанра. У С. Ш. есть и риторическое предисловие, и риторическое заключение; более обобщенно и риторично передает он и содержание первоначальных записей об этих святых. Вместе с тем сочинение С. отличается несвойственными агиографическому жанру своеобразными «просветительскими» тенденциями и сильно выраженным субъективизмом. С. Ш. сообщает ряд сведений о Поморье, о жизни и обычаях поморов. В ряде мест он выражает свое отношение к описываемым событиям, говорит об охвативших его чувствах, что придает определенную лиричность его произведению. Особенно ярко это проявилось хотя и в очень риторичном, но весьма прочувствованном и не лишенном поэтичности описании Белого моря. Здесь перед нами первое в русской литературе описание морской стихии.

Второе оригинальное сочинение С. Ш. — Житие митрополита Филиппа, написанное им в 1651 г.: «Сергия смиренного инока и презвитера обители Пантократоровы, суцем понта окиана, иже на полунощной стране, на отоце Соловецком, слово на пренесение мощей иже во святых отца нашего Филиппа митрополита Московского и всея России чудотворца. Евлогисон патера». В основе сочинения С. Ш. лежит первоначальное Житие митрополита Филиппа, написанное в Соловецком монастыре в конце XVI в. И хотя С. Ш. никаких новых фактических сведений о Филиппе не сообщает по сравнению со своим источником, его сочинение совершенно новое, оригинальное произведение. С. Ш. следует лишь фактической канве своего источника, риторические же отступления и пассажи, общие житийные места, дидактические рассуждения на религиозные темы и по вопросам государственной жизни, даже эпизоды описательного характера полностью принадлежат С. Ш. Это сочинение С. Ш. известно в единственном экземпляре — автографе (ГПБ, Соловецкое собр., № 607/939), с которого списки в Соловецком монастыре не делались, хотя сам С. Ш. предназначал свою рукопись как оригинал для переписывания: «Рукопись эта скорописного мелкого письма на 128 лл. в 4 долю, вся написана рукою самого Сергия и во многих местах испещрена его же поправками, которые то дополняют текст новыми выражениями и мыслями, то заменяют какие-нибудь не поправившиеся автору выражения другими и т. п. На полях по местам написаны пометы автора для переписчика о том, что после чего писать, о вставке в текст пропущенного заглавия одной части сочинения (л. 118 обор.), об употреблении киновари в заглавиях» (З н а м е н с к и й. Сергей Шелонин. . . С. 667).

С. Ш. может быть поставлен в один ряд с самыми известными книгописцами Древней Руси. Судя по его глоссам в переписанных им рукопи-

сях и по его собственным сочинениям это был человек высокой книжной культуры, беспредельно преданный книжному делу. Интересен он и как древнерусский писатель, так как его оригинальные сочинения наглядно иллюстрируют, что в XVII в. новые веяния в литературе дают себя знать даже в произведениях автора, стремящегося создать текст, отвечающий требованиям старых литературных канонов. Сочинения С. Ш. не издавались.

Лит.: Ключевский. Древнерусские жития. С. 326; Хонто в Ив. Жития св. севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань, 1881. С. 162—182; Заменский П. Сергей Шелонин, один из малоизвестных писателей XVII века // ПО. М., 1882. Т. 1. Февраль. С. 282—344; Апрель. С. 666—686; Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л., 1973. С. 225—230; Кушнина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера: Очерки по истории книжной культуры XVI—XVII веков. Л., 1977.

Л. А. Дмитриев

Симон (ум. 1685) — игумен Александро-Свирского монастыря (1660—1664 гг.), затем архиепископ Вологодский (1664—1684 гг.), автор духовного завещания с описью имущества, в том числе книг (1681 г.), переписчик богослужебных книг, владелец обширной келейной библиотеки (около 80 томов рукописей и печатных изданий). Принимал участие в церковных соборах 1666, 1675 и 1678 гг., в частности, в розыске по делу патриарха *Никона*, который адресовал С. гневное письмо. В 1676 г. оказал материальную помощь *Юрию Крижаничу*, сосланному в то время в Сибирь (сохранилась расписка в архиве Вологодского архиерейского дома). Известны письма и грамоты С., адресованные духовным лицам, — епископу Вятскому *Александру* (1671 г.), митрополиту Крутицкому (1676 г.) и др.

Лит.: Роспись келейной рухляди Вологодского архиепископа Симона // ЛЗАК за 1664 г. СПб., 1865. Вып. 3: II. Материалы. С. 12—16; Строев. Словарь. С. 61; Фларет. Обзор. С. 248; Коновалова Ж. Ф. О библиотеке архиепископа Вологодского и Белозерского Симона // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1978. Л., 1979. С. 113—118.

О. А. Белоброва

Сназин Исидор (конец XVII в.) — автор Мазуринского летописца. Указание на его авторство и на написание С. еще одного крупного летописного произведения имеется в тексте Мазуринского летописца: «... а подробнее обо всем ево походе и о войне писано в другом летописце, — замечает автор в тексте о нашествии Батыя, — моем же, Сидора Сназина» (ПСРЛ. Т. 31. С. 68). Наиболее вероятно предположение, что речь идет о пространной редакции Мазуринского летописца, неизвестной исследователям. Летописные компиляции в конце XVII в. как правило создавались в несколько этапов — от наиболее пространного свода выписок из источников до тщательно отредактированного и унифицированного в литературном отношении текста, каким является текст единственного имеющегося в нашем распоряжении списка Мазуринского летописца. Почерк этого белого списка (ЦГАДА, собр. Мазурина, № 522) соответствует почерку приписок в важном памятнике русской историографии конца XVII в. — чудовском церковно-историческом справочнике, составлявшемся со второй половины 1670-х гг. до 1696 г. (ГИМ, Музейское собр., № 1499, л. 39 и др.). В свою очередь основной полууставной почерк справочника соответствует почерку чудовского синодика, написанного во второй половине 1670-х гг. и дополнявшегося до конца XVII в. (ГИМ, Синодальное собр., № 576/290), который по палеографическим признакам бесспорно принадлежит патриаршему летописному скрипторию, где создавались и переписывались крупнейшие русские летописные памят-

ники конца XVII в. Следовательно, автор Мазуринского летописца был членом скриптории, как это предполагал В. И. Корецкий, исходя из содержания памятника. По-видимому, С. занимал в скриптории довольно видное место. Достаточно сказать, что в синодике, включавшем кратчайшие поминовения представителям наиболее видных боярских и княжеских родов, были записаны сразу три представителя рода Сназиных — мелких новгородских детей боярских, служивших в XVII в. в рейтарах и в приказных Новгородского Софийского дома.

Долю и форму участия С. в работе патриаршего скриптория над летописными сводами и компиляциями определить трудно. Для изучения его творчества наибольшую ценность представляет авторское произведение — Мазуринский летописец. Беловой список памятника, сделанный в первой половине 1680-х гг. с черновика, имевшего в тексте лакуны, оставленные для записи уточненных дат, имен, а иногда и целых летописных статей, имеет заглавие: «Книга, глаголемая летописец великия земли Росискія, великаго языка словенскаго, отколе и в кои лета начаша княжити» (л. 1). Повествование начинается от Потопа и сыновей Ноя, содержит легендарный рассказ о начале Русской земли и продолжается многочисленными статьями, содержащими в основном сведения о жизни и подвигах христианских святых мучеников. Далее автор сообщает немало любопытных сведений о происхождении славян и Древней Руси и переходит к изложению отечественной политической и церковной истории, завершая текст подробными повременными записями за начало 1680-х гг. Список механически обрывается на записи за 27 декабря 1682 г. Поскольку повременные записи (настолько частые и подробные, что М. Н. Тихомиров и В. И. Буганов рассматривали их как повесть или сказание о Московском восстании 1682 г.) начинались примерно со дня кончины *Феодора Алексеевича* (27 апреля 1682 г.), можно предположить, что основной текст датируется этим временем, и к концу 1682 г. произведение было близко к завершению.

Мазуринский летописец выделяется в ряду современных летописных памятников богатством и неординарностью содержания. Он стоит наиболее близко к авторским произведениям, в которых уже отразились многочисленные элементы историографии нового времени, таким как «Созерцание краткое» *Сильвестра Медведева*, «Скифская история» *А. И. Лызлова*, «Синописис» *Иннокентия Гизеля*, «Хроника» *Феодосия Сафоновича*, «Летописец» Леонтия Боболинского и др. Вместе с тем форма Мазуринского летописца подчеркнуто традиционна: это хронологически последовательно расположенные и чаще всего не связанные между собой небольшие летописные статьи, начинающиеся с указания «лета» и представляющие собой внутренне законченное повествование об отдельном событии. Отбор статей, по-видимому, не был обусловлен определенной политической концепцией. Вместе с тем круг источников С. был весьма разнообразен. Автор использовал *Пролог*, Четьи-Минеи, святцы, «Откровение» *Мефодия Патарского*, *Патерик Киево-Печерский*, различные редакции *Хронографа Русского*, *Лаврентьевскую летопись* или близкие к ней *Никоновскую*, *Софийскую 1-ю*, *Новгородскую 3-ю*, *Летописец Новый*, Летопись о многих мятежах и др. С. привлек также сведения из *Хроники Мацея Стрыйковского* (вероятно, по одному из русских переводов), *Житие Филиппа митрополита*, Соборную грамоту 1570 г., разрядные записи и многие другие не установленные пока источники. Не исключено, что ряд источников использовался автором не непосредственно, а через неизвестные нам летописные памятники второй половины XVII в., однако не менее вероятно и то, что таким промежуточным этапом была первая, пространная, редакция самого Мазуринского летописца.

Специфическим и поистине замечательным явлением в летописании конца XVII в. является подчеркнутый объективизм изложения в летописи С. Автор точно, местами со скрупулезной точностью описывает

происходившее, почти ничем не проявляя своего отношения к событиям. Сообщая непроверенные сведения, он предпочитает сослаться на источник, даже если речь идет об официальном сообщении (доверие к которым среди летописцев второй половины XVII в. было весьма велико). Эта особенность Мазуринского летописца увеличивает ценность его сообщений (в том числе, как отметил М. Н. Тихомиров, о событиях XIII в.), но поистине незаменимой она делает последнюю его часть, посвященную событиям, непосредственно находившимся в поле зрения автора.

Соч.: ПСРЛ. М., 1968. Т. 31. С. 3, 11—179.

Лит.: Тихомиров М. Н. 1) Записки приказных людей конца XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 443—444, 448—450; 2) Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. С. 51—52; Буганов В. И. 1) Летописные известия о Московском восстании 1682 г. // Новое о прошлом нашей страны: Сб. ст. памяти академика М. Н. Тихомирова. М., 1967. С. 315; 2) Московские восстания конца XVII в. М., 1969. С. 28—29; Корецкий В. И. Мазуринский летописец конца XVII в. и летописание «Смутного времени» // Славяне и Русь: Сб. ст. М., 1968. С. 282—290; Богданов А. П. «Без гнева и пристрастия» (Исидор Сиазин и патриаршие летописи) // Чистякова Е. В., Богданов А. П. «Да будет потомкам явлено...» Очерки о русских историках второй половины XVII века и их трудах. М., 1988. С. 60—75.

А. П. Богданов

Спарвенфельд Иоганн Габриэль (Sparwenfeld Johan Gabriel, Иоанн Гавриил Иванович Спарвенфельд) (1655—1727) — шведский филолог, автор стихотворений на русском языке. В 1684 г. в составе шведского посольства прибыл в Москву, где пробыл до конца 1687 г. За это время он с помощью переводчика Посольского приказа С. И. Гадзаловского основательно выучил русский язык и собрал интересную коллекцию русских рукописей литературного и исторического характера. С. принадлежат три стихотворения на русском языке (1684, 1697 и 1704 гг.), которые считаются одними из первых тонических стихотворений в русской поэзии. С. написал также на русском языке «Плачевную речь» (1697 г.) — надгробное слово Карлу XI и составил славяно-латинский словарь в 4 т. (ок. 25000 слов). Стихотворения С. были известны В. К. Тредиаковскому.

Соч.: Петровский Н. М. *Analecta metrica* // РФВ. 1914. Т. 21. С. 534—538; Берков П. Н. Из истории русской поэзии первой трети XVIII в. // XVIII век. М.; Л., 1935. С. 67—70; Быкова Т. А. К истории русского тонического стихосложения: (Неизвестное стихотворение И. Г. Спарвенфельда) // XVIII век. М.; Л., 1958. Сб. 3. С. 449—453.

Лит.: Пекарский П. Переписка Лейбница с разными лицами о славянских наречиях и древностях // Зап. имп. Академии наук. СПб., 1864. Т. 4. С. 4—7; Черепнин Л. В. Материалы по истории русской культуры и русско-шведских культурных связей XVII в. в архивах Швеции // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 454—481; Бергорд У. 1) Славянский словарь Спарвенфельда // Русская речь. 1979. № 4. С. 112—117; 2) Большой славяно-латинский словарь конца XVII в. // АЕ за 1981 г. М., 1982. С. 152—157.

С. И. Николаев

Спиридон Иванов (первая четверть XVIII в.) — старообрядец поморского согласия, автор посланий. В 1712 г. был послан *Андреем Денисовым* в стародубскую слободу Ардонь Чернецкую наставником. В эти же годы в Ардони появились старообрядцы — выходцы с Керженца, которые несогласно с поморцами учили о перекрещивании. Против этого учения и было написано в 1715 г. послание С. И., направленное представителям беспоповского старообрядчества на Керженце («Послание Спиридона Иванова от Малороссии до Нижних пределов для подлинного совета об исковых»). Второе дошедшее до нас послание С. И. написано в 1724 г. и касается вопроса об Антихристе и Втором пришествии. В нем автор свидетельствами от авторитетов доказывал неким Петру Ларионовичу, Михайле Ивановичу, Василию Кузьмичу и Гавриле Ивановичу, что о времени Второго пришествия не дано никому знать, и просил их утвердиться «в том же разумении», отложив распри. Стиль посланий С. И. носит

на себе черты влияния выговской литературной школы, выражающиеся в склонности к риторичности и «ращению слов».

В 1722—1724-х гг. С. И. покинул Ардонь, укрывшись от «миссионерской» деятельности никонианского иеромонаха Иосифа Решилова, развернувшейся здесь в эти годы: «...от лет Грешилова гонения со многими в Волохи отлучишася» (см. анонимное «Сказание о раздоре в крещении», написанное в 1751 г. по поводу послания С. И. о перекрещивании). Перечень списков посланий С. И. см. в книге В. Г. Дружинина.

Соч.: Смирнов П. С. Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII века. СПб., 1909. С. 0106—0116 (первое послание).

Лит.: Лилеев М. И. 1) Новые материалы для истории раскола на Ветке и в Стародубье. Киев, 1893. С. 14—18; 2) Из истории раскола на Ветке и в Стародубье. Киев, 1895. С. 339—341; Смирнов П. С. 1) Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. СПб., 1898. С. С—С1; 2) Из истории раскола первой половины XVIII века. СПб., 1908. С. 202—210; Дружинин В. Г. Писания старообрядцев. С. 174—175.

Н. В. Поньрко

Станкевич (первая половина XVII в.) — ротмистр, автор Истории Сибири, до нас не дошедшей. О сочинении С. известно из трудов В. Н. Татищева, называвшего его то «История Сибири», то «Летописец Тобольский». В 1749 г. в Отзыве на первый том Истории Сибири Ф. И. Миллера Татищев писал: «Летописец Тобольской я имею, сочиненный ротмистром Станкевичем, которой я древней у архимандрита Далматского монастыря Исаакиа списал и к тому продолжение о воеводах дополнил. Он был во времена Годунова, Шуйского и царя Михаила, в нем нечто полное нахожу» (Татищев В. Н. История Российская. Л., 1968. Т. 7. С. 438). Еще раньше, в 1735 г., в письме в Академию наук от 30 декабря Татищев сообщал: «Историю Сибири, которую 110 лет тому назад написал некто Станкевич и продолжение которой находим в разных местах, я распространил, собрав несколько списков (А. И. Андреев считал, что под продолжением следует понимать широко распространенное в рукописях «Описание о поставлении городов и острогов в Сибири по взятии ее», — М. К.), и кое-что в соответствующих местах добавил на основании архивных данных... однако в ней очень многого недостает» (Татищев В. Н. История Российская Т. 1. С. 20).

В трудах Татищева сохранилось несколько ссылок на Историю Сибири С. Среди источников Истории Российской, отмеченных в «Предъизвещении», Татищев называет «топографию», т. е. местную летопись — Историю Сибири С. (Татищев В. Н. История Российская. Т. 1. С. 84). В первоначальной редакции 22-й главы Истории Российской по Академическому и Уваровскому спискам, исследуя вопрос о расселении монголов, татар и русских в Сибири, Татищев обращается к Истории Сибири С.: «Что до древних обитателей сей страны принадлежит, то я по многим обстоятельствам, мною, быть мугалом. Обаче оное разумю о южной стране Сибири, а северная может издревле была без жителей. Но во время Чингизово, как они чрез нападение их в Азию отделились, а татары в Европу отделясь, сарматов утеснили, то оные во множестве для спасения своего чрез те великие горы ушед, на запад поворотясь, по вершине Яика и реке Белой оставленные от могол места населили. Но и тут им в исходе 15 ста татара, а потом русские в покое владения не оставили, о чем в Истории Сибирской Станкевич показал» («История Российская. Т. 1. С. 427).

В «Общем географическом описании вся Сибири», написанном в 1736 г., в главе 1 «О именах Сибири» Татищев, опираясь на татарские летописи и Историю С., производит имя страны от названия татарского города Сенбиль на реке Иртыше, что значит «первый», или «главный». «Онный город стоял ниже Тобольска 30 верст на той же правой стороне. О причине имени его история татарская и сочиненная Станкевичем русская ска-

зует тако: когда Магомет сын Оберов хисчника прародительского своего престола Онака хана победил и град его Чингидин разорил, тогда построил себе новый город ниже на Иртыше и назвал Сенбиль, но в которое время он построил, того точно в истории не написано» (Т а т и щ е в. Избранные труды. . . С. 46).

В «Лексиконе Российском, гисторическом, географическом, политическом и гражданском», над которым Татищев работал в 1741—1745 гг., он использует сведения С. об «идоле сарматов» у некоторых сибирских народов («кондинских» и «бдоров»), живущих «против самого устья Иртыша» (Т а т и щ е в В. Н. Избранные произведения. Л., 1978. С. 290).

Наконец, в «Введении к гисторическому и географическому описанию Великороссийской империи», законченному после 15 марта 1744 г., в главе 8 «О животных и рыбах и птицах и насекомых» Татищев отмечает, что до прихода русских в Сибири не было воробьев, «о чем Станкевич в гистории упоминает, что воробьи уже при нем в Енисейске показались» (Т а т и щ е в. Избранные труды. . . С. 170).

Эти упоминания Татищева позволили исследователю источников по истории Сибири А. И. Андрееву сделать ряд заключений относительно утраченного Летописца С. В. Н. Татищев видел этот памятник и сделал с него список в Далматском Успенском монастыре в первый свой приезд в Сибирь в 1720—1723 гг. В 1702—1724 гг. игуменом этого монастыря был *Исаакий* (С т р о е в П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. Спб., 1877. Стб. 947). Однако ни список, сделанный Татищевым, ни оригинал из библиотеки Далматского монастыря не сохранились. Список, как и написанный на его основе труд самого Татищева, по-видимому, сгорели в его имении селе Грибанове уже после смерти Татищева. Известно, что Татищев сравнивал Летописец С. с летописями Сибири, использованными Миллером. Это были Ремезовская летопись и краткая и распространенная редакции Есиповской летописи. На этом основании А. И. Андреев сделал вывод, что Летописец С. представлял собой повесть о первоначальном завоевании Сибири в XVI—начале XVII в. того же типа, что и другие сибирские летописи, — Есиповская, Строгановская, Ремезовская и проч.

Исследовательница сибирских летописей Н. А. Дворецкая сделала попытку уточнить тип Летописца С., предположив, что Абрамовский список Есиповской летописи, также названный Летописцем Тобольским (Сибирские летописи / Изд. Археографической комиссии. СПб., 1907. С. 241—261), мог быть сводом, близким к Летописцу Тобольскому С. Однако само название еще не говорит о близости текстов; так, Летописцем Тобольским Миллер называл Ремезовскую летопись; в других сибирских летописях присутствует большой пласт известий, связанных с Тобольском и его историей.

Татищев датировал Летописец С. 1626 г.: в 1736 г. он писал о том, что сочинение С. написано 110 лет назад. Ученый обратил внимание и на то, что С. жил в Енисейске, т. е. появился в Сибири после 1618—1619 гг. (годы основания Енисейска).

Сообщение В. Н. Татищева о том, что в Летописце С. описаны времена *Бориса Годунова*, Шуйского и царя *Михаила Федоровича*, позволяет думать, что в сочинении С., кроме истории и этнографии Сибири, а также весьма вероятно, истории ее завоевания Ермаком отразились и события Смутного времени. Не дают ли основание польская фамилия автора и его чин ротмистра видеть в нем участника польской интервенции, попавшего в плен, высланного в один из городов России, а затем оказавшегося в Сибири, в Енисейске? Среди источников по истории Смутного времени известны дневники пленных поляков: В. Диаментовского, жившего в Ярославле, С. Немоевского — на Белоозере, а также записки К. Савицкого, Жолкевского (см.: С м и р н о в И. И. Восстание Болотникова. Л., 1949. С. 450—451, 472—473). Ответить на эти вопросы можно будет только

в случае обнаружения списка Летописи С., представляющей несомненный интерес не только как ранний источник по истории Сибири, но, возможно, и как свидетельство очевидца событий Смутного времени.

Лит.: Новиков Н. Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772. С. 201; Евгений И. Словарь. Т. 2. С. 176; Материалы для истории русской литературы / Изд. Ефремов. СПб., 1857. С. 99; РБС: «Смеловский—Суворин». СПб., 1909. С. 319; Андреев А. И. 1) Труды В. Н. Татищева по географии России // Татищев В. Н. Избранные труды по географии России. М., 1950. С. 8, 34. Примеч. С. 74, 75, 196; 2) Очерки по источниковедению Сибири. 2-е изд., испр. и доп. М.; Л., 1960. Вып. 1: XVII век. С. 152, 154, 195, 230—231, 232, 283; 3) Труды В. Н. Татищева по истории России // Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 20; Тихомиров М. Н. О русских источниках «Истории Российской» // Татищев В. Н. История Российская. Т. 1. С. 42; Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1962. Т. 1. Примеч. С. 445; Ромодановская Е. К. Русская литература в Сибири первой половины XVII в. (Истоки русской сибирской литературы). Новосибирск, 1973. С. 8; Клосс Б. М., Корецкий В. И. В. Н. Татищев и начало изучения русских летописей // Летописи и хроники. 1980. (В. Н. Татищев и изучение русского летописания). М., 1981. С. 9; Дворецкая Н. А. Сибирский летописный свод (вторая половина XVII в.) Новосибирск, 1984. С. 6—7.

[М. Д. Каган

Станкевич Аркадий (первая половина XVII в.) — смоленский шляхтич, перевел сочинение рижанина «стольника Крестьяна Алгердовича сына фон Лессина» (фон-Лесси) «Книгу охотничьей регул, или Порядок о содержании псовой охоты», посвященную царю *Алексею Михайловичу* и составленную в августе 1635 г. «?». В посвящении указан возраст фон-Лесси — 63 года. Книга о псовой охоте в четырех частях была переведена с немецкого оригинала по рукописи (местонахождение неизвестно). Перевод известен в единственном списке (ГПБ, Q. X. 3, середина XVII в.), не издан и целиком не исследован, хотя его текст приведен для Словаря русского языка XI—XVII вв. (см.: Указатель источников. М., 1975. С. 48). Появление книги связывается с требованиями придворной эстетики XVII в. (ср. *Урядник сокольниковьего пути*).

Лит.: Соболевский. Переводная литература. С. 111—112; Робинсон А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974. С. 99.

О. А. Белоброва

Суков Василий Нелюбов Семенов сын (ок. 1540—1610) — дьяк, один из составителей описи имущества Кирилло-Белозерского монастыря, возможный автор «Сказания и повести еже содеяся в царствующем граде Москве и о разстриге Гришке Отрепьеве и о походе и о походе его», краткой редакции. Вероятно, начал службу в 60-х гг. XVI в. Упоминание о том, что в 1550—1551 гг. он ведал поместными делами (Шумаков С. А. Экскурсы по истории Поместного приказа. М., 1910. С. 48), следует считать ошибочным; в Поместном приказе С. служил позднее, до 1595 г. (Шумаков С. А. Обзор «грамот Коллегии экономии». М., 1917. Вып. 4. С. 136). В качестве подьячего скрепил выпись из писцовой книги 1552—1553 гг. на вотчины Рязанского Богословского монастыря (Шлякин И. А. Книги описныя Рязанского И. Богословского монастыря (1673—1687 гг. // Труды Рязанской ученой архивной комиссии. Рязань, 1904. Т. 18, вып. 3. С. 259). В 1572 г. С. стал опричным дьяком в Новгороде, занимался испомещением опричников в Новгородской земле; в январе 1573 г. участвовал во взятии Пайды и Ливонии, в сентябре 1581 г. сопровождал в походе *Ивана IV*. В начале царствования Федора Ивановича служил в Разбойной избе. В 1586—1587 гг. был писцом в Вяземском уезде, затем — дьяком в Казани. В 1592—1598 гг. служил в Разрядном приказе, в 1598—1606 гг. — в Приказе Большого прихода, а с 1599 г. — и в Приказе Большого дворца. В 1598 г. С. посылался в Смоленск и Псков для раздачи милостыни и приведения населения к присяге *Борису Го-*

дунову, во время серпуховского похода был оставлен в Кремле ведать «осадное дело» (Разрядная книга 1550—1636 гг. М., 1976. Т. 2, вып. 1. С. 138, 150). Подписал *Грамоту Утвержденную* 1598 г., в которой значится среди участников избирательного земского собора (ААЭ. СПб., 1836. Т. 2. С. 45. 52). В боярском списке этого времени, где перечислено тридцать дьяков «по приказом», С. назван на пятнадцатом месте (Боярские списки последней четверти XVI—начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Ч. 1. С. 182). В 1599—1600 гг. С. вместе с боярином Ф. Н. Романовым (см. *Филарет*) составлял десяти по Арзамасу, Мещере и Нижнему Новгороду; 21 июля 1601 г. вместе с Михаилом Васильевичем Молчановым составил опись имущества Кирилло-Белозерского монастыря (ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 71/1310; см.: Вотчинные хозяйственные книги XVI в. М.; Л., 1983. Вып. 3. С. 358, 359). На л. 1—1 об. сделана запись, из которой известно, что опись была произведена по приказу царя Бориса Годунова и что в числе прочего монастырского имущества были переписаны книги: «Лета 6109 июля в 21 д(ень) по государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича всея Руси наказу Михайло Василевич Молчанов да дьяк Василей Нелюбов в Кирилове монастыре переписали церкви, и в церквах образы окладные, и не окладные, и у образов кузны золотые, и венцы, и цаты, и пелены, и в венцах и в цатах и на пеленах камень, жемчуг, и книги, и ризы, и сосуды церковные, и свечи медные, и поставные, и паникадила, и тябла, и на паникадилах и на тяблах наклеи, и на колоколнице колокола, и всякое монастырское строение, и государевы жалованные и монастырские грамоты, и кабалы денежные и хлебные, и всякие монастырские крепости, и в монастырской казне налицо денги, и суды серебряные, и камни, и бархаты, и отласы, и платье, и на погребях и в сушилах запасы всякие годовые, и в житницах хлеб, а что в церквах образов, и книг, и всяково церковно строенья, и сколько в казне денег, и в сушилах каких запасов, и сколько в житницах хлеба, и что на конюшне всяких лошадей, и сколько в селех животных всякие, — и то все писано в сех книгах». Что писал опись один дьяк С., известно из его постскриптума на л. 504: «А Михайлове руки в сех книге, Молчанова, нет: сказал, что он писать не умеет». Опись книг, находящихся в книгохранилище, помещается на л. 207—244, за ней (л. 245—248) следует опись «Да по церквам книг». Всего в книгохранилище исчислено более тысячи книг, а по церквам — 46. В конце 1604 г. С. раздавал денежное жалованье епифанским служилым людям. Пик карьеры С. как дворцового дьяка приходится на первые месяцы царствования Василия Шуйского. Его скрепы имеются на десятках иммунитетных грамот этого времени; позднее он упоминается в них эпизодически, последний раз — в октябре 1609 г. (Т е б е к и н Д. А. Перечень иммунитетных грамот 1584—1610 гг. // АЕ за 1978 г. М., 1979. С. 200, 201, 208, 212, 216, 221, 226; АЕ за 1979 г. М., 1981. С. 215, 216, 234—238, 240, 243 и др.). Лишенный затем должности в Приказе Большого дворца, С. получил ее вновь по указу Сигизмунда III (1610 г.). Умер он, по-видимому, до 2 декабря 1610 г., когда поместье С. было решено передать его сыну Ивану Маньшому (АЗР. СПб., 1851. Т. 4, С. 390).

Допустимо предполагать, что С. создана краткая редакция Сказания о Гришке Отрепьеве. После текста произведения в одном из его списков читаем: «...у подлинного подписано тако: дьяк Василий Нелюбов» (ГПБ, собр. Погодина, № 1616, л. 105 об.). Е. Н. Кушева считала, что это указание является дьячьей скрепой на перечне поляков и «литвы», убитых и арестованных в Москве 17 мая 1606 г. (данный перечень завершает Сказание). Но поскольку С. служил тогда в приказах Большого прихода и Большого дворца, составление такого документа вряд ли входило в его обязанности. В рукописи, сохранившей упоминание о «подписи» С., Сказание включено в обширную компиляцию, создатель которой, возможно, располагал списком памятника с приведенным замечанием. Ска-

зание содержит реалии, соотносимые с фактами биографии С. В нем подробно говорится о борьбе между отрядами Лжедмитрия I и войсками царя Бориса на юге России. Известно, что в конце 1604 г. С. с «разрядом» был отправлен против Самозванца в Северскую землю, в частности под Брянск. Публицист обстоятельно рассказывает о походе «расстриги» из Тулы к Москве. С. принимал участие в этом походе в составе «дворца» «царевича Дмитрия». Согласно Сказанию с невестой Самозванца Мариной Мнишек и ее отцом в Россию прибыли «многие воеводы литовские, и гетманы, и войты, и старосты, и рохмистеры с ротами, и многое множество яхлов и з женами и з детьми, а собранными для них «кормами великими» Лжедмитрий «запустоши» «дорогу Смоленскую». С. посылался в Смоленск с целью заготовки «дорожного корму» для Мнишковых и их встречи (Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113—7121 гг.). М., 1907. С. 41, 75; Опись архива Посольского приказа 1626 г. М., 1977. Ч. 1. С. 317—318). По свидетельству публициста, Сигизмунд III — «Свицкие земли родом, Яганов сын». Об этом вполне мог знать С., выполняя некоторые дипломатические поручения. Так, он посылался на переговоры с датчанами в Колу, участвовал в размежевании русских и шведских земель в Карелии (1595 г.), во встречах в Москве шведского королевича Густава (1599 г.) и польско-литовских послов (1600 г.), подписавших мирное соглашение с царем Борисом (о нарушении этого договора Речью Посполитой говорится в Сказании). Таким образом, есть основания атрибутировать Сказание С.

По предположению В. И. Буганова, С. был одним из составителей Разрядной книги редакции 1598 г. (Буганов В. И. Разрядные книги последней четверти XV—начала XVII в. М., 1962. С. 208).

Соч. РИБ. СПб., 1891. Т. 13. Стб. 713—754; 2-е изд. СПб., 1909. Т. 13. Стб. 713—754; 3-е изд. Л., 1925. Т. 13, вып. 1. Стб. 713—754.

Лит.: Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888. С. 473, 474, 511—513, 556—557; Кушева Е. Н. Из истории публицистики Смутного времени XVII века // Учен. зап. Саратовского ун-та. Саратов, 1926. Т. 5, вып. 2. С. 92—93; Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII века. М.; Л., 1946. С. 17, 30, 278; Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. М., 1960. С. 296—297, 299; Кобрин В. Б. Состав опричного двора Ивана Грозного // АЕ за 1959 год. М., 1960. С. 52; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 500—501.

Я. Г. Солодкин

Терентий (нач. XVII в.) — благовещенский протопоп, автор писем Лжедмитрию I и «Повести о видении некоему мужу духовну». Биографических сведений о Т. сохранилось очень немного. Почти все они содержатся в написанных им произведениях. Именно из них мы узнаем, что он был видным представителем русского духовенства, занимая при Лжедмитрии I и Василии Шуйском пост протоиерея Кремлевского Благовещенского собора в Москве. После 1606 г. (точная дата не установлена) Т. был устранен от этой должности, но в 1610 г. указом Сигизмунда III вновь поставлен во главе той же церкви.

Первое из известных произведений протопопа Т. написано в самом конце 1605 г. или в начале 1606. Оно дошло до нас в единственном, не совсем исправном списке (перепутаны листы, нет конца) XVII в. (ГПБ, собр. Погодина, № 1622): «Лета 7114 году послание благовернейшему и вышнему царю и богохранимому государю великому князю Дмитрию Ивановичю всея России иже во священницех наименший грубый Терентие метание еще о господе смирение творю». В этом послании за пышными и многочисленными славословиями в адрес Лжедмитрия I и поставленного им патриарха Игнатия отчетливо проглядывает недовольство предосудительным, с позиции морали строгого русского православия, поведением царя. Цель послания протопоп Т. видел в том, чтобы «изъявлением иносказательным и нравоучительным» воздействовать на Лжедмитрия.

Для этого он широко использует послание старца Псковского Елеазарова монастыря *Филофея* великому князю *Василию III Ивановичу* (М а л и н и н В. Н. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901. Приложение. С. 49—51). Он напоминает царю, что Россия есть «третий Рим», наследие и вершина всего православного христианства, и наставляет его словами: «И сия вся церковная предания, писанная и неписанная. . . непреложно подобает соблюдать не токмо святителем, но и царем». Он позволяет себе даже предостерегающий намек на несчастливую судьбу царственных гонителей православия. Все это дало С. Ф. Платонову основания отнести протопопа Т. к числу таких сторонников Лжедмитрия, «которые мягко и дружески подавали самозванцу совет держаться старых правил московской жизни строже, чем он это делал».

Однако несмотря на старание протопопа смягчить поучительно-требовательный тон послания лестными характеристиками самозванца («Един ты во всей поднебесной христианом крепки хранитель и поборник», «светлый царь», «благородный государь», «премудрый царь» и т. д.), его общий обличающий смысл не мог не вызвать гневной реакции Лжедмитрия. Подтверждением этому служит второе послание протопопа Т. Лжедмитрию I, содержание и общий тон которого полностью противоположны первому. Т. слезно молит в нем царя сменить гнев на милость, призывая его последовать Богу, который «прощает кающихся и обращающихся с мольбой». Уже не уверенный в своей правоте ментор, а перепуганный подданный обращается к царю с униженными заверениями в своей преданности. «Пощади нас. . . отврати от нас праведный гнев свой», — умоляет «недостойне нарицатися смиренный Терентие» Лжедмитрия, называя его «светилом русским», и клянется: «. . . никогда бо твоей царстей власти зла сотворихом, не сотворим». Просительный характер послания заставляет протопопа еще больше, чем в первом послании, возвеличивать царя.

По справедливому мнению С. Ф. Платонова, второе послание «есть не что иное, как литературно написанная челобитная». Этот вывод вытекает как из содержания послания и заглавия, помещенного в оглавлении сборника ГПБ, О.IV.17, по которому список послания опубликован в ААЭ («Список с челобитные и похвала Терентия, благовещенского протопопа, к тому же ложному царю Дмитрию»), так и из формы, ибо заканчивается оно обычной для челобитных формулой: «Государь, умили-сердися! Царь, смилуйся!. . . самодержче, пожалуй».

Самым значительным произведением протопопа Т. является «Повесть о видении некоему мужу духовну». Жанр «видений» в древнерусской литературе известен был давно, но наибольшее распространение он получил в Смутное время. «Видения» не только отражали общественно-политическую ситуацию, но всегда выражали в форме призыва ко всеобщему покаянию определенную политическую и классовую тенденцию.

Повесть протопопа Т. появилась первой в ряду подобных «видений» начала XVII в. и оказала сильное воздействие на их возникновение, идейное содержание и литературный характер. Согласно Повести «некто свят муж», якобы запретивший Т. называть его имя, поведал, а протопоп записал рассказ о случившемся тому во сне видении Богородицы, трижды просившей Бога о прощении грехов русских людей. Только после третьего обращения Бог обещает смирить свой гнев, но ставит условие: «Тебе ради, мати моя, пощажу их, аще покаются; аще ли же не покаются, то не имам милости сотворити над ними». Мысль о всеобщем покаянии составляет главную идею Повести и возникла не случайно. «Повесть о видении некоему мужу духовну» была написана в сентябре 1606 г., т. е. в тот самый момент, когда крестьянская армия *И. И. Болотникова* подошла к Москве. В этих условиях призыв к всенародному покаянию приобретал агитацион-

ный характер и был направлен против посланных Богом в наказание «кровоядцев и немилостивых разбойников», т. е. восставших.

В наиболее полном и лучше всего сохранившем первоначальный текст Повести списке (ГПБ, О.IV.17) упоминание о нравственности светских и духовных владык, исполненных греховности, написано иначе, чем во всех других списках. Вместо «несть истины во царех же и патриарсех» здесь сказано «несть истины во царе же и патриарсе». Это отличие привело сначала П. Г. Васенко, а затем Е. Н. Кушеву к выводу о том, что Повесть протопопа Т. была направлена против Василия Шуйского, который использовал ее в своих интересах, изменив первоначальный текст. Эта точка зрения не выдерживает критики. Трудно допустить, что достаточно было столь незначительных исправлений, чтобы изменить идейный замысел Повести на противоположный. Она была прямо адресована царю и патриарху. «Муж свят» говорит Т.: «И тебе сия поведаю ползы ради, да проповеси царю же и патриарху. . . яже слышал. . .». Повесть была представлена царю, чего не могло быть, если бы она была направлена против Шуйского. Именно по приказу царя «Повесть о видении» зачитывалась в соборе перед народом, в связи с этим «видением» был установлен недельный пост и служились молебны, т. е. она повлекла за собой ряд санкционированных правительством мероприятий идеологического характера. Все это свидетельствует о том, что Повесть имела большое значение в литературно-идеологической кампании Василия Шуйского и была написана, вероятнее всего, по заданию правительства.

Протопоп Т. вполне оправдал доверие царя. По словам А. А. Назаревского, «он показал себя не только как искусный книжник-писатель, но и как знаток психологии народных масс», что выразилось в выборе наиболее удачной литературной формы «видения», которое лучше всяких убеждений воздействовало на обостренные чувства растерянных и испуганных современников. Т. не внес ничего нового в литературную схему жанра «видений». В основе сюжета лежит заступничество Богородицы перед Богом, традиционный мотив «видений», ведущий свое начало от *Хождения Богородицы по мукам*, которое и послужило источником Повести Т. Композиция Повести также обычна для «видений», как и ее церковно-книжный язык. Но протопоп Т. весьма искусно использовал традиционные литературные средства, построив Повесть на диалогах, снабдив ее для большей достоверности небольшими бытовыми и пейзажными описаниями, которые уточняют место и время «видения». Главное же, что оживило старую литературную форму, — умелое наполнение ее злободневным содержанием, выраженным в привычных символических образах.

«Повесть о видении некоему мужу духовну» произвела сильное впечатление на современников благодаря ее высоким художественным достоинствам и большому социально-политическому значению. Уже вскоре после подавления восстания Болотникова она вошла в состав *«Иного сказания»*. В новой политической ситуации она приобрела иную агитационную направленность при неизменности идейного содержания. В *«Ином сказании»* Повесть протопопа Т. служит доказательством действительности всенародного покаяния и поддержки, оказанной царю. Победа над войсками Болотникова представлена здесь как результат покаяния, поста и молитв, как дарованное свыше заслуженное избавление от восставших.

В 1611—1612 гг. Повесть протопопа Т. вошла полностью в состав компилятивного *«Казанского сказания»*, написанного в другой общественно-политической обстановке, уже после свержения Василия Шуйского. В этом памятнике Повесть выражает совсем иные политические настроения. Здесь нет сообщения об одобрении Повести царем и патриархом, покаянии и посте, потому что они не поверили «видению», за что и были наказаны: «Царь же и патриарх и весь царьский сигклит не вниша сему ни мало. . . и по сих не по мнозех летех и збытсья видение сие лад Московским государством. . .». Нарушая причинно-следственную

связь событий, отраженную в Повести и в «Ином сказании», составитель «Казанского сказания», явный противник царя Шуйского, считал, что восстание Болотникова и явилось тем наказанием, которое последовало за невыполнение поставленного в «видении» условия о всеобщем покаянии.

«Повесть о видении некоему мужу духовну» является литературным источником целого ряда других «видений». Наиболее отчетливо следы влияния Повести Т. видны в *Повести о видении мнишу Варлааму*, отразившей захват Новгорода шведами 16 июля 1611 г. Она была написана вскоре после занятия города интервентами, но рассказывает о «видении» накануне этого события. Самым наглядным примером влияния Повести протопопа Т. является противоречие, допущенное автором новгородского «видения» из-за чрезмерной увлеченности источником. Он неоднократно подчеркивает, что действие происходит перед приходом шведов в Новгород, т. е. до 16 июля, но следуя повести Т. допускает просчет, удивляясь, «что ныне путь гладок есть, а осень нестройна и дождевна» (РИБ. Т. 13. Стб. 245).

Влияние Повести протопопа Т. сказалось и на Повести о «видении» в Нижнем Новгороде (см. *Григорий*) и *Повести о «видении» во Владимире*, хотя и в меньшей степени, чем на Повести о новгородском «видении». Начало Повести о «видении» в Нижнем Новгороде есть не что иное, как незначительно измененное начало Повести Т. (РИБ. Т. 13. Стб. 235). Сходство заметно также в сохраненной авторами поздних «видений» композиционной схеме московского «видения», в некоторых элементах сюжета, но главное, в сохранении его идейной основы. При этом новая историческая обстановка (повести о «видениях» в Нижнем Новгороде и во Владимире появились в 1611—1612 гг.), конкретный характер их назначения («видения» использовались в переписке русских городов) обусловили появление новых моментов в их идейном содержании. Требование покаяния и поста выдвигается в этих «видениях» как необходимое условие освобождения страны и всенародного избрания русского царя. «Видения» должны были эмоциональным воздействием на патриотические и религиозные чувства людей усилить содержащийся в грамотах призыв к совместным действиям против интервентов. Таким образом, поздние «видения» полностью сохранили агитационный характер Повести протопопа Т., хотя новые исторические условия изменили ее направленность.

Перечень списков «Повести о видении некоему мужу духовну» содержится в книгах С. Ф. Платонова, А. А. Назаревского и в статье А. И. Копанева.

Соч.: ААЭ. Т. 2. № 224 (второе послание Лжедмитрию I); РИБ. СПб., 1891. Т. 13. Стб. 177—184 (Повесть).

Лит.: Бычков А. Ф. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки. СПб., 1882. Ч. 1. С. 41, 402—403; Отзыв профессора В. О. Ключевского об исследовании С. Ф. Платонова «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века, как исторический источник» // Отчет о тридцать первом присуждении награды графа Уварова. СПб., 1890. С. 3—4; Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. СПб., 1913. С. 70—80; Васенко П. Г. Заметки к статьям о Смуте, включенным в хронограф редакции 1617 года // Сб. ст. по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пгр., 1922. С. 248—269; Кушева Е. Н. Из истории публицистики Смутного времени XVII в. Саратов, 1926; Смирнов И. И. Восстание Болотникова. 2-е изд. М., 1951. С. 280—283; Тихомиров М. Н. Новый источник по истории восстания Болотникова // ИА. М.; Л., 1951. Т. 6. С. 81—130; Назаревский А. А. Очерки из области русской исторической повести начала XVII века. Киев, 1958. С. 104—142; Копанев А. И. Новые списки «Повести о видении некоему мужу духовну» // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 477—480; Корецкий В. И. Формирование крепостного права и Первая крестьянская война в России. М., 1975. С. 284.

Г. П. Енин

Тихон (XVII в.) — архимандрит Троицкого Данилова монастыря в Переславле-Залесском, предполагаемый автор Повести о обретении

мощей Даниила Переяславского и описания чудес его, составитель грамот. Переведенный из Вознесенского Печерского монастыря, который он возглавлял в 1649—1651 гг. (Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 610), Т. управлял Даниловым монастырем, по П. М. Строеву, с 18 ноября 1651 г. и по крайней мере до октября 1658 г. (Списки. . . Стб. 668; ср.: Азбучный указатель имен русских деятелей для Русского биографического словаря. СПб., 1888. Ч. 2. С. 341 (Сб. РИО; Т. 62)), по А. И. Свирелину — с 1652 по 1660 г. (Свирелин. Историко-статистическое описание. . . С. 86); иных биографических сведений о нем не сохранилось. Надо думать, Т. пользовался духовным авторитетом: ему в 1655 г. отправил «за своею рукою тетради» из Кандалакшского монастыря *Иоанн Геронов*, принявший в том же году постриг у Даниловского архимандрита (Материалы для истории раскола за первое время его существования/ Под ред. Н. Субботина. М., <1874>. Т. 1. С. 137, 285). При Т. в 1652 г. состоялось открытие мощей основателя монастыря, причем рассказ об этом событии, носящий явные следы местного происхождения, написан, как предполагает В. О. Ключевский, самим архимандритом. Издавший Повесть С. И. Смирнов низко оценивает литературные способности ее автора, но именно безыскусность произведения делает его ценным историческим источником. Поводом для открытия мощей, согласно Повести, послужило видение, бывшее во сне монастырскому служебнику сыну боярскому Ивану Андрееву Доурову. Даниил, явившийся спящему, возвестил свою волю: «Да прославит имя мое, яко же и блаженнаго Филиппа» (мощи *Филиппа II* только что были доставлены в Москву из Соловецкого монастыря). Повесть подробно, называя точные даты, рассказывает о всех этапах сложной процедуры обретения мощей, главным действующим лицом которой был монастырский эконо́м Никита, — о раскопках захоронения преподобного, о переговорах в Москве, наконец, об освидетельствовании мощей Ростовским митрополитом *Ионой Сысоевичем*.

Первоначальная полная редакция Повести была известна С. И. Смирнову в единственном неисправном списке XVII в. (ГБЛ, ф. 299, собр. Тихонравова, № 255). В остальных рукописях находятся сокращенные редакции — первая и вторая; последнюю издатель приписывает *Александру*, строителю Киржачского Благовещенского монастыря. По мнению С. И. Смирнова, автору Повести следует атрибутировать и компилятивное Похвальное слово Даниилу Переяславскому, выполняющее функцию предисловия к рассказу об обретении мощей. В. О. Ключевский считал Т. автором рассказа о чудесах Даниила Переяславского в первоначальной их редакции, которая читается в рукописи ГБЛ, ф. 310, собр. Ундольского, № 301; Повесть о обретении мощей во второй сокращенной редакции сообщает, что Т. с братией подал какую-то черновую редакцию описания чудес митрополиту Ионе, приехавшему свидетельствовать мощи Даниила.

В архиве монастыря хранились две грамоты, обращенные к патриарху *Никону* от имени Т. и строителя Никиты; в первой говорится об открытии мощей 18 ноября 1652 г., во второй, написанной в 1653 г., монастырские власти просят патриарха поскорее назначить празднование преподобному и дать указ о переложении его мощей в новый гроб. Грамоты издавали А. И. Свирелин и В. Г. Добронравов.

Соч.: Свирелин А. 1) Историко-статистическое описание Переславского Троицкого Данилова монастыря. М., 1860. С. 15—17, 18—20; 2) Жития святых Переславских чудотворцев: Никиты Столпника, Даниила игумена, благоверного князя Андрея и Корнилия Молчальника / Изд. Православного братства святого благоверного великого князя Александра Невского во Владимире. <1889>. С. 30—31; 3) Житие преподобного отца нашего Даниила, Переславского чудотворца. 2-е изд. Переславль-Залесский, 1894. С. 44—45, 46—47; Добронравов В. Г. История Троицкого Данилова монастыря в г. Переяславле-Залесском. Сергиев Посад, 1908. Приложения.

С. 7—9; Смирнов С. И. Житие преподобного Даниила, Переяславского чудотворца, Повесть о обретении мощей и Чудеса его. М., 1908. С. 82—96, 104—132.

Лит.: Ключевский И. Древнерусские жития. С. 336; Барсуков. Источники агиографии. Стб. 147—148.

Д. М. Булаши

Толочанов Никифор Матвеевич (середина XVII в.) — стольник, автор статейного списка. В 1650—1652 гг. возглавлял посольство царя *Алексея Михайловича* в Имеретию и совместно с дьяком *Алексеем Иевлевым* участвовал в составлении отчета. В 1659—1663 г. Т. был воеводой в Дорогобуже и Смоленске. *Статейный список посольства Т. и А. И. Иевлева* в Имеретию дошел в трех редакциях (А, В и С, по определению М. А. Полиевктова). Редакции А и В — это официальные отчеты, представленные в Посольский приказ: А — о переговорах с кахетинским царем Теймуразом I, В — о переговорах с имеретинским царем Александром III. Они сохранились всего в двух списках — в черновом (ЦГАДА, Грузинские дела, оп. 1, 1650 г., № 2) и в копии XVIII в. (ИРЛИ, собр. П. Я. Дашкова, оп. 7, № 3). Более распространена редакция С (известно 7 списков), представляющая собой литературную обработку отчета, выполненную А. И. Иевлевым. Редакция В составлена Т. В этой редакции последовательно описывается путешествие от Москвы до Кутаиси (через Астрахань, Каспийское море, Северный Кавказ, по рекам Черку и Карасу, через горный перевал Гезевецк), прием московских послов, их переговоры с царем Александром, посещение монастырей, в частности Гелатского. В *статейный список* включены тексты грамот, фигурировавших на переговорах.

В историко-археологических трудах встречаются отрывки из описаний грузинских памятников по *статейному списку С*, например, о Хатхульской иконе (см.: Конадаков Н., Бакрадзе Д. Опись памятников древности в некоторых храмах и монастырях Грузии. СПб., 1890. С. 4—5, 7; Конадаков Н. И. Иконография Богоматери. Пг., 1915. Т. 2. С. 305). Редакции А и В по списку ЦГАДА опубликованы в 1926 г.; редакция С публиковалась трижды — в 1788 г., в 1926 г. и в 1969 г. (перепечатка с предыдущего издания) по списку ГИМ, Синодальное собр., № 541.

Соч.: ДРВ. 2-е изд. М., 1788. Ч. 5. С. 135—252; Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию 1650—1652 / Изд., введ. М. Полиевктова. Тифлис, 1926; *Статейный список посольства в Имеретию 1650—1652 г., составленный Алексеем Иевлевым / Рус. текст с груз. пер., обзорением рукописей подгот. к изд. И. З. Цинцадзе. Тбилиси, 1969.*

Лит.: Полиевктон М. А. К вопросу об авторе «Статейного списка С» посольства Толочанова и Иевлева // Сообщения Груз. филиала АН СССР. 1940. Т. 1, № 1. С. 91—95; Белоброва О. А. О ленинградских списках древнерусских хождений в Грузию // Русская и грузинская средневековые литературы. Л., 1979. С. 171—173.

О. А. Белоброва

Торокан Василий Ильин (нач. XVII в.) — подъячий смоленского Большого денежного стола, автор письма от 8 октября 1609 г. к дьяку Земского приказа в Москве Василию Миронову из осажденного поляками Смоленска (осада продолжалась в течение 20 месяцев с 1609 по 3 июня 1611 г.). В небольшом письме, написанном языком, близким к разговорному, Т. пишет своему покровителю и его жене Пелагее Васильевне о всех мытарствах, которые ему приходится переносить вместе «з женишкам и з детишками». Несмотря на частный характер письма и его небольшие размеры в описании автором осады города наряду с живыми бытовыми деталями нашла отражение и стилистика воинских повестей: «А с Семеня дни сидим в осаде. А король с радными паны и со многими людьми стоит под Смоленском и часта к городу приступает и по городу, и в город по хоромам ис пушек верхевых огненными ядрами бьют».

безпрестани вселды. . .». Письмо Т., таким образом, представляет интерес и как документ эпохи, и как источник по истории языка, и как литературное явление.

Соч.: Ге й м а н В. Г. Письмо подьячего В. И. Торокана из осажденного Смоленска в Москву в 1609 г. // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 275—277.

Л. А. Дмитриев

Туптало Димитрий (в миру Даниил Саввич) (XII 1651—28 X 1709) — митрополит Ростовский и Ярославский, писатель и проповедник. Сведения о его жизни и деятельности находятся в автобиографическом сочинении «Диариуш», в письмах и посланиях святителя, наконец, в его Житии, составленном митрополитом Ростовским Арсением Мацеевичем в 1757 г. и получившем одобрение Синода. Туптало родился в селе Макарове на реке Ловиче. Родителями его были: Савва Григорьевич (ум. в 1703 г.), казак, дослужившийся до звания сотника, затем постригшийся в монахи (был ктиторм Киевского Кириллового монастыря) и проживший, как указывает «Диариуш», 103 года (портрет его в кн.: Т р о м о н и н К. Я. Достопамятности Москвы. М., 1845. С. 32), и Марья Михайловна (ум. в 1689 г.). В 1660 г. сотник Савва с семьей переселился в Киев, купив дом на Подоле.

В 1662 г. Т. отдался учиться в Киево-Могилянскую академию, где ректором в то время был Иоанникий Галятковский, известный на Украине и в Великороссии писатель и проповедник. Остается открытым вопрос, как долго проучился Т. в Киево-Могилянской академии. И. А. Шляпкин, ссылаясь на исследование Макария Булгакова (История Киевской академии. Киев, 1848), пишет, что «в 1665 г. коллегия во время нашествия Дорошенко была совершенно разрушена и возобновлена лишь в 1669 г., и так Даниилу пришлось проучиться только три года (1662—65)» (Ш л я п к и н. Святой Димитрий. . . С. 6). В. Эйнгорн считает, что «мнение это ошибочное и заимствовано оно из сочинений, которые, будучи написаны тогда, когда еще не были напечатаны Акты Южной и Западной России, заключают немало фактических ошибок». Исследователь доказывает, что нашествия на Киев в 1665 г. Дорошенко не предпринял, коллегия не пострадала, так что Т. «мог пройти полный курс обучения, завершив классы риторики и философии» (Э й н г о р н В. Очерки по истории Малороссии XVII в. М., 1899. С. 323). С. И. Котович отмечает, что Т. «мог достичь только класса риторики и поэтики, а высших классов тогда вообще в Киевской духовной семинарии не было» (Дмитрий Ростовский . . . С. 851).

9 июля 1668 г. в восемнадцатилетнем возрасте Т. принял монашество в Киевском Кирилловском монастыре от игумена Мелетия Дзика, 25 марта 1669 г. был посвящен Иосифом Тукальским в иеродиаконы, 23 мая 1675 г. — Лазарем Барановичем в иеромонахи. С 1675 по 1677 гг. Т. — иеромонах Густынского монастыря, кафедральный проповедник при Лазаре Барановиче в Чернигове. По повелению архиепископа Черниговского Т. в 1677 г. написал «Руно орошенное» — первое из дошедших до нас его сочинений, представляющее собой сборник сказаний о чудесах чудотворного образа Богоматери в Черниговском Троицко-Ильинском монастыре. Впервые «Руно» издано в 1680 г., на существование этого несохранившегося издания указывают последующие переиздания (всею книга выдержала в Чернигове семь переизданий). Во втором издании «Руно орошенное» начинается посвящением Лазарю Барановичу и двумя предисловиями: одно из них — «к читателю», другое — «на книжку». В предисловии «к читателю» сказано, что «книжка» вышла с исправлением (против первого издания) правоучений и приложением «кратких бесед духовных». В книге собраны, таким образом, сказания о чудесах с прибавлением к каждому бесед, правоучений и прикладов (т. е. при-

меров). Беседы и нравоучения составлены самим автором, а приклады собраны из разных источников («и то не от себя, но что инде читал и аки пчела от различных зел мед в един сот собра»). Имя автора выясняется из стихов, помещенных в книге после предисловий:

Иже в Руне ииОгда преобразованна,
Мати сОтворшаго Нас всеХ zde написанна.
Душевно И МыслЮю Ту книжку пРИмете
САМИ с Внимающе И другим проЧтете» (т. е. «Иеромонах Димитри Савич»).

С июля 1677 по январь 1679 г. Т. находился за пределами Украины: сначала проповедовал в Вильне, в монастыре Святого Духа, затем поселился в Слуцке, где являлся проповедником Преображенского братского монастыря. С 1677 г. по 1679 г. Т. побывал во многих местах Минской губернии (см.: Котвич С. И. Дмитрий Ростовский. . . С. 852). С 1679 по 1700 гг. Т. служил игуменом и проповедником самых различных монастырей на территории Украины. С 1679 по 1683 г. (с небольшим перерывом в пять месяцев, когда он был игуменом Макасовской обители) Т. — игумен Батуринского Николаевского монастыря. В апреле 1684 г. Т. приезжает в Киев по приглашению Варлаама Ясинского, архимандрита Киево-Печерской лавры, и становится ее проповедником (см. ркп. ГИМ, Синодальное собр., № 146 с собственноручной подписью под проповедью 1685 г.: «. . . на он час казнодея Печерского»). В Киево-Печерской лавре проповедник принял на себя послушание — составление Четий-Миней, которые прославили его имя. В Киеве же он познакомился со Стефаном Яворским, впоследствии своим ближайшим другом. В 1686 г. Т. вторично принял игуменство в Батуринском монастыре, в 1689 г. впервые побывал в Москве в составе украинской делегации во главе с гетманом Мазепой, чествовал царей Иоанна Алексеевича и Петра, царевну *Софью Алексеевну*, патриарха *Иоакима*. С 1694 г. он — игумен Глуховского монастыря апостолов Петра и Павла, с 1697 г. — Киевского Кирилловского монастыря, затем архимандрит Черниговского Елецко-Успенского монастыря, а через два года переведен в Спасский Новгород-Северский монастырь.

Основная деятельность Т. на Украине — проповедничество и составление Четий-Миней, над которыми он трудился около двадцати лет и закончил лишь в 1705 г. в Ростове. И. А. Шляпкин отмечал, что составление Четий-Миней было необходимо «ввиду уничтожения списков русских житий во времена татарщины и позднее унии, и любителям душеспасительного чтения, и монахам для чтения за трапезой приходилось обращаться к польским и латинским книгам житий св. отцов, часто несогласным с духом православия» (Шляпкин. Святой Димитрий. . . С. 38). Составление Четий-Миней начал еще Петр Могила, продолжили работу Иннокентий Гизель, Лазарь Баранович, Варлаам Ясинский, но довел работу до конца — и это было делом всей его жизни — лишь Т. Разногласия в списках «Диариуша», дающих две даты начала работы над сводом (6 мая или июнь 1684 г.), по мнению исследователей, объясняются тем, что святителю пришлось проделывать большую подготовительную работу, включавшую подготовку месяцеслова, выбор житий, поиск необходимых источников (см.: Державин. Четий-Миней. . . // Богословские труды. № 15. С. 96). Используя в своей работе как русские источники (в том числе *Великие Миней Четии*), так и латинские, греческие, польские, автор не просто собирал их воедино и занимался отбором: многие из его житий могут считаться оригинальными агиографическими произведениями. Из переписки Т. известны его помощники-писцы и сотрудники-переводчики: инок Чудовского монастыря Феолог, *Федор Полкарпов-Орлов*, *Карин Истомин*, Филофей Лещинский, Стефан Любинский, Иосиф Конесский. «Поступившие к нему рукописи, — пишет А. Державин, — с житиями святых, он сначала критически изучал, а затем принимался за стилистическую обработку. . . Собранные мате-

риалы служили уже только канвой, по которой вышивалась совершенно самостоятельная, далеко превосходящая изложение сотрудииков работа» (Богословские труды. № 15. С. 122). Издание Минеи растянулось на много лет: в 1689 г. в Киево-Печерской лавре была напечатана первая часть (сентябрь—ноябрь), а работа над четвертой — последней — частью продолжалась до 9 февраля 1705 г. (см.: Летопись об архиереях ростовских // Собр. соч. . . . Киев, 1824. Т. 1. С. 15). В связи с переездом в Россию изменяется взгляд Т. на задачи и цели его труда; по наблюдениям исследователей, он уже в Москве, а затем и в Ростове уделяет все больше внимания памятникам русской агиографии; помимо великорусских житий Т. включает в Минею повести и рассказы, некоторые — местного, ростовского происхождения (например, он включил в свод Житие Димитрия царевича). Работу над Четиями-Минееми Т. вел до конца своей жизни, об этом свидетельствуют два оставшихся после его смерти сборника с черновыми записями и поправками, описанные А. Державиным (Богословские труды. № 15. С. 122—123): ГИМ, Синодальное собр., № 811 («Неисправленные вещи различные, собранные в лето 1704-е в Ростове») и ЦГАДА, ф. 381, № 420; не весь обработанный автором материал из этих сборников вошел в печатный текст. В последние годы своей жизни Т. хотел напечатать второе исправленное и дополненное издание первых частей Минеи, но смерть помешала ему осуществить свой замысел. Второе издание вышло в 1711—1716 гг. (были напечатаны три части, четвертая сгорела при пожаре), исправления вносили киевские справщики архидиакон Манассий и иеромонах Фома. Синод не был удовлетворен этой работой и поручил исправление Минеи ректору Новгородской семинарии Иоасафу Маткевичу и ректору Петербургской семинарии Никодиму. Вторично исправленные Минеи вышли третьим изданием в Киеве в 1757 г. и в Москве в 1756—1759 гг.

Уже на Украине Т. стал известным проповедником. Варлаам Ясинский в 1693 г. называл его «искусным и благоразумным проповедником слова Божия» (Архив Юго-Западной Руси. Киев, 1873. Т. 1, ч. 5. С. 278). Не все проповеди украинского периода жизни Т. сохранились: в списках и печатных изданиях известны девять проповедей на украинском языке, произнесенных с 1677 по 1698 г. Нерешенным остается вопрос, кто переводил слова Т. с украинского языка на русский. И. А. Шляпкин считал самой ранней из дошедших до нас проповедь «Пирамис албо столп», произнесенную 24 февраля 1685 г. в Киево-Печерской лавре «в год погребения» архимандрита Иннокентия Гизеля (ГИМ, Синодальное собр., № 146; ГПБ, собр. Титова, № 100, 2555; пер. на рус. яз.: ГПБ, собр. Титова, № 1153 и Собр. соч.). На самом деле существует более раннее слово, известное в единственном списке (ЦНБ АН УССР, ДА/П—292, сборник второй половины XVIII в., л. 106—111 об., 141—160 об.), — «Казание на страсти Господа и Спаса нашего Иисуса Христа», которое Т. произнес в Чернигове в 1677 г. (пер. на рус. яз. в Собр. соч.). К проповедям украинского периода относятся также «Слово на Успение Богородицы», оглашенное 15 августа 1693 г. в Киево-Печерской лавре (ГПБ, собр. Титова, № 3557; Софийское собр., № 1282, 1283; ЦНБ АН УССР, ДА/П—296 — перечень рукописных списков ранних слов приводится не полностью); «Слово 1 на шестствие св. Духа», или «Слово на св. Троицу», оглашенное в 1693 г. в Кирилловском монастыре (ГПБ, собр. Титова, № 100, 270; ЦНБ АН УССР, ДА/П—292, ДА/П—296; ГБЛ, ф. 310, собр. Ундольского, № 417; Ростовский музей-заповедник (далее — РМЗ), Р—819; напечатано в ЧОИДР за 1884 г. в изд. «Кафедральные Черниговские монастыри»; пер. на рус. яз. в Собр. соч.); «Брань архистратига Михаила со седмоглавым змием», произнесенное 8 ноября 1697 г. в Киевском Михайловском монастыре (ГПБ, собр. Титова, № 100, 2555, 2981; РМЗ, Р—819; пер. на рус. яз.: ГПБ, собр. Титова, № 1156; Ярославский музей-заповедник (далее — ЯМЗ), № 9131 и Собр. соч.);

«Слово на Рождество Христово», произнесенное 25 декабря 1698 г. в Чернигове (ГПБ, собр. Титова, № 100, 2555, 3557; Софийское собр., № 1283; ЦНБ АН УССР, ДА/П—292; ГБЛ, ф. 310, собр. Ундольского, № 467; РМЗ, Р—819; пер. на рус. яз.: ГПБ, собр. Титова, № 1153 и Собр. соч.); «Слово на Троицу», произнесенное в 1689 г. в Батуриномском Никольском монастыре (ГПБ, собр. Титова, № 100, 2555; ЦНБ АН УССР, ДА/П—292; ГБЛ, ф. 310, собр. Ундольского, № 467; РМЗ, Р—819; пер. на рус. яз.: ГПБ, собр. Титова, № 1153 и Собр. соч.); «Слово в неделю 27, о жене сляченной» — время и место произнесения неизвестны (ГПБ, собр. Титова, № 608, не издано); «Слово в неделю 7 по Пасце» — время и место произнесения неизвестны (ГПБ, собр. Титова, № 100, 2555, 270; ГБЛ, собр. Ундольского, № 658; РМЗ, Р—819; пер. на рус. яз.: ГПБ, собр. Титова, № 1156 и Собр. соч.). Все перечисленные проповеди, кроме «Казаня на страсти Иисуса Христа», изданы А. А. Титовым (Проповеди святителя. . .). К украинским проповедям Т. примыкает «Послание на память св. мучеников кизических» 1694 г. (см., например: ГИМ, Синодальное собр., № 146). Проповеди Т. украинского периода, написанные в стиле барокко, стоят в одном ряду с произведениями известнейших в XVII в. украинских проповедников Иоанникия Галятковского, Антония Радивиловского, Варлаама Ясинского и др. Для них характерно обилие риторических вопросов, восклицаний, аллегорий и т. д. См., например, в Слове на Троицу употребление «словесных эмблем» — «мистичных» златников с изображениями Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святого; в слове «Брань архистратига Михаила. . .» замечательны словесные портреты семи архангелов, как бы описывающие изображения на иконе. Особого внимания заслуживает проповедь «Пирамис albo столп». Образ «столпа» в ней отличается не только богатством художественного декора, но и своей многозначностью (сравнение архитектурного памятника — «столпа» или пирамиды — с литературным произведением — словом, проповедью). Слова этого периода строго следуют правилам «сложения казаней», изложенным в книге Иоанникия Галятковского «Наука albo способ сложения казаней».

В феврале 1701 г. Т. приезжает в Москву, а 8 марта произносит приветственное слово Петру I (напечатано в Собр. соч.). 23 марта вышел указ о назначении его на Сибирскую митрополию в Тобольске, но из-за весеннего половодья и болезни в 1701 г. Т. из Москвы так и не выехал. Как сообщает Житие (см.: Житие св. Димитрия. М., 1863. С. 32), во время болезни писателя посетил Петр I, причем, учитывая слабое здоровье Т. и необходимость закончить работу по составлению Миней, царь отменил свой указ о назначении в Тобольск (на место Т. был поставлен Филофей Лещинский). И. А. Шляпкин указывает 15 проповедей, произнесенных Т. в период пребывания в Москве с февраля 1701 по февраль 1702 г. (все они напечатаны в Собр. соч.): Слово в субботу 5 похвальную Великого поста — 5 апреля; В неделю о расслабленном — 11 мая; В неделю по св. Духе — 15 июня в Донском монастыре; В «начатии Шведской войны» в четверг первой недели по св. Духе — 19 июня; Во 2 неделю по св. Духе — 22 июня в Преображенском монастыре; В неделю 9 по св. Духе — 10 августа в Донском монастыре; В неделю 10 по св. Духе — 17 августа; Празднование Донской Божьей Матери — 19 августа; В неделю 13 по св. Духе — 7 сентября; Слово о умерших — 12 сентября; В неделю 18 по св. Духе — 12 октября; В неделю 19 по св. Духе — 19 октября в Успенском соборе; В неделю 20 по св. Духе — 16 ноября; В неделю 23 по св. Духе — 16 ноября 1701 г.; В неделю 1 Великого поста — 23 февраля 1702 г. в Преображенском монастыре в присутствии Петра I. Построение этих слов, по мнению исследователей, остается прежним, но они в большей степени, чем раньше, отражают современные автору события. В Слове «о начатии Шведской войны» говорится о тяжелой жизни, «полной горя и безденежья», после поражения русских войск под Нарвой

(подробнее см.: Ш л я п к и н. Святой Димитрий. . . С. 285—288); проповеди московского и ростовского периодов выборочно издавались в периодических изданиях: Ярославских епархиальных ведомостях, Вестнике Европы и др.).

В конце 1701 г. скончался митрополит Ростовский Иоасаф Лазаревич, и в январе 1702 г. Т. назначается митрополитом Ростовским и Ярославским; начинается последний, но, пожалуй, самый замечательный период его жизнедеятельности. 1 марта 1702 г. Т. прибыл в Ростов и произнес в Успенском соборе приветственное слово (напечатано в Собр. соч.), отличающееся простотой стиля. Положение в ростовской епархии было сложное, Т. сам указывал на недостатки тамошнего духовенства — невежество, пьянство, невыполнение своих обязанностей. Все труды святителя были направлены на поправление этого положения: он развил широкую административную деятельность в Ростове, не щадя ни средств, ни собственных сил. Известно его послание монаху Варлааму о внешнем благоустройстве церквей и монастырей (см.: Ш л я п к и н. Святой Димитрий. . . Приложение IV. С. 15—42), распоряжение о хранении «святых таин» (напечатано в Собр. соч.), которые «должны находиться не на дому у священника между клопами, тараканами и сверчками, а в церкви или, в крайнем случае, в особой клети и на месте честном, в сосуде чистом и чтимы поклонами», и некоторые другие документы.

Просвещая духовенство и паству, Т. произносил проповеди, составлял послания, но самое главное — открыл школу для священнослужителей. Занятия в Ростовской школе начались 1 сентября 1702 г. (см.: Н и к о л ь с к и й. Ростовское училище. . . // Ярославские епархиальные ведомости. 1863. № 24. С. 281—284). Ростовская школа была первым на территории России после Славяно-греко-латинской академии учебным заведением «повышенного» типа (ср.: Л у п ц о в. Книга в России. . . С. 30); сам Т. называл ее грамматической. Она располагалась в Архирейском доме Ростовского Кремля. Туда принимались не только дети священников, но и лица других сословий; всего за время существования школы в ней обучалось около 200 человек. В. В. Калугин пишет, что школа Т. «была общеобразовательной, а не специальной, и в этом ее основное отличие от всех школ петровского времени»; «школа Дмитрия Ростовского являлась своеобразным связующим звеном между древнерусскими училищами и народными школами XVIII века». Она делилась на три класса: низший (грамматический), средний (латинский), высший (философский). Полный курс грамматики, начинавшийся с азбуки, проходили за три года. Кроме того, в школе изучали латинский, древнегреческий языки, нотное пение, стихосложение, риторику (митрополит хотел, чтобы ученики его сами сочиняли проповеди); есть предположение, что преподавались польский язык, арифметика и философия (см.: Н и к о л ь с к и й. Ростовское училище. . . с. 239). Ученики писали домашние и классные (или школьные) сочинения, которые могли быть обыкновенными (безотносительными) или спорными (сочинения о местах, за звание лучшего ученика). Лучших учеников называли аудиторами, первого из них сеньором — в его обязанности входило наблюдение за порядком и тишиной в классе в отсутствие учителя, объяснение и повторение уроков. В школе было три учителя, имена двух из них известны — это выходцы с Украины Евфимий Морозин, предполагаемый автор драмы «Венец Димитрию» 1704 г. (см.: Б е р к о в П. Н. Школьная драма «Венец Димитрию» // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 323—357), и Иван Мальцевич. Т. сам проводил занятия в училище, часто посещал его, экзаменовал учеников; воспитанники во время «вакансий» приезжали к нему на архирейскую дачу в село Демьяны близ Ростова. Ростовская школа просуществовала до 1705 г., ее закрыли стараниями И. А. Мусина-Пушкина, главы Монастырского приказа, и стольника В. Р. Воейкова, которые ссылались на то, что на ее содержание идут большие средства. В письме

Иову, митрополиту Новгородскому, от 10 декабря 1705 г. Т. писал: «И аз, грешный. . . начал был прилагати тщание о учениях, и завел был училище греческое и латинское, и поучилися были ученики лета два. . . но сотворшаяся скудость, сотвори приятие и оставиша учение» (см. ркп. ГПБ, собр. Титова, № 1301, с собственноручной подписью Т.).

По праздникам и в дни именин учителей ученики произносили речи в стихах и прозе, разыгрывали театральные пьесы или диалоги. Для ростовской школы Т. в первый же год пребывания в Ростове написал пьесу «Рождественская драма» (или «Перемена непостоянного мира сего гордости, сетью в маловременной жизни человека уловляющая, в вечную муку посылающая на трюкоянном Ироде за гордость, ищущем рожденного всех царя Христа убити»), поставленную 24 декабря 1702 г. Пьеса дошла до нас в трех списках XVIII в.: ГПБ, О. XIV. 28; ГИМ, Музейское собр., № 1199; ГЦТМ, № 162040 (см.: Русская драматургия. . . Комментарий. С. 333). Другая пьеса Т. — к празднику Успения Богородицы — «Успенская драма» была написана, по мнению исследователей, на Украине в конце XVII в. Н. И. Петров считает, что она была создана не для школы (пьеса представлялась 15 августа, это время школами «вакансий»), а возможно, «для постановки в монастыре Елецком монахами и бельцам» (Петров. Очерки из истории. . . С. 169). Текст пьесы «Кающийся грешник» также, как считают исследователи, созданной Т. на Украине, не сохранился. «Одним из последних, кто читал полный текст „Кающегося грешника“, — пишет О. А. Державина, — был знаменитый русский актер И. А. Дмитриевский. Он принимал участие не только в переписке драм Дмитрия Ростовского, но и сам играл в „Кающемся грешнике“, вновь поставленном в 1750-х годах при дворе Елизаветы Петровны» (Русская драматургия. . . Комментарий. С. 335). И. А. Дмитриевский записал содержание пьесы и передал запись драматургу А. А. Шаховскому, который и опубликовал ее (см.: Шаховской А. А. Летопись русского театра // Репертуар русского театра, издаваемый И. Песочким, на 1840 год. СПб., 1840. Т. 1, кн. VI. С. 169). Некоторые исследователи приписывают Т. пьесы «Есфирь и Агасфер», «Воскресение Христово» и «Ростовское действо», но подтверждений этих атрибуций нет (ср.: Успенская драма. . . // ЧОИДР. Предисловие. С. I; Нечаев В. Святой Дмитрий. . .). Драммы Т. написаны по канонам школьных пьес, распространенных в Киево-Могилянской академии; они отражают эстетику барокко. Как отмечает Л. А. Софронова, «Дмитрий Ростовский создает сложные многоступенчатые образы, делая излюбленный барокко переход от конкретного к абстрактному, стягивая воедино далеко отстоящие друг от друга явления. . . Он отдает дань театру как синтезу различных видов искусств и вводит в свою пьесу музыкальные номера. Он создавал особый тип сюжета, приводил к варьированию одной и той же темы, обыгрыванию ее с различных сторон, к проведению ее в разных тональностях. В наибольшей степени в соответствии с барочной техникой он строил сюжет драмы. В нем главенствовал принцип отражения, ведущий в барочной поэтике» (Софронова. «Рождественская драма». . . С. 107—108). Интерес Т. к театру, по мнению исследователей, был вызван чисто практическими целями: прививая вкус и интерес к спектаклям, митрополит осуществлял нравственно-воспитательную программу.

Живя в Ростове, Т. часто бывал в Москве, там он провел весь 1706 г. 20 сентября 1705 г. он произнес в столице в присутствии Петра I одно из лучших своих слов — «Терпением стяжите души ваши» (напечатано в Собр. соч.). Главным орудием воздействия Т. на умы в ростовский период оставались проповеди. Основная часть сохранившихся проповедей произнесена с 1701 по 1709 г.; ростовские проповеди становятся логичнее, короче, живее, общедоступнее. Ярок и выразителен язык его торжественных слов; митрополит Макарий пишет, что «между современни-

ками своими он отличался чистотой языка» и что «язык славянский довел до такого совершенства, что дальше он не может усовершенствоваться» (Макарий (Булгаков). История Киевской академии. СПб. 1843. С. 77, 94). Трудно определить общее количество произнесенных Т. проповедей; в Собр. соч. помещено 96 слов, но в списках есть и слова неопубликованные.

Наиболее важное место в литературном наследии Т. ростовского периода занимает «Келейный летописец». Мысль о создании Летописца возникла у него еще на Украине, но непосредственно к созданию произведения святитель приступил лишь в Ростове (ср. автограф Т. «Черновые материалы к летописи» 1693 г., хранящийся в ЦНБ АН УССР, № 346/162—Л). «Келейный летописец», по мнению В. В. Калугина, «представляет собой первую замену русского Хронографа, это был труд, основанный на обстоятельном изучении и самой Библии, и „отцов церкви“, и сочинений европейских хронистов, и новейших церковных писателей» («Келейный летописец. . .» С. 172). Поначалу Т. располагал только списком Хроники Псевдо-Дорофея Монеувасийского и Летописцем Еллинским и Римским; материала, содержащегося в этих источниках, было ему недостаточно, поэтому митрополит с помощью купца Исаакия Вандербурга через Архангельск выписывал иностранные книги, обращался за помощью к Феологу, солепромышленнику Г. Д. Строганову. Летописец открывается «Извещением о несогласном числении лет» и продолжающей его «Хронологией». Несогласие основных источников Т. между собой и со славянским переводом Библии — вот причина, побудившая автора приняться за отдельное исследование по хронологии. В. В. Калугин пишет: «Для того, чтобы избежать хронологических неточностей, Дмитрий решил расположить содержание „Келейного летописца“ по столетиям, поместив в „Хронологии“ таблицы, в которых сравнивал противоречивые показания многочисленных источников своего произведения с приложением на каждый век пасхального круга, этим была устранена необходимость проводить точную датировку событий ветхозаветной истории» («Келейный летописец». . . С. 166). После завершения «Хронология» была послана Стефану Яворскому, Феодору Поликарпову, Рафаилу Краснопольскому. Не все сразу одобрили и приняли ее; предвидя это, Т. писал Яворскому: «. . . мало кому понравится мой труд, понеже в нем, как в збитню русском, мешанина: и история, и будто толкование. . .» (письмо от 14 декабря 1707 г.). «События ветхозаветной истории, — пишет В. В. Калугин, — использовались для назидательного нравоучения. . . каждый факт — это аналог иного события, дающий образец морального поведения, и в то же время он заключает в себе скрытую сакральную истину. . . отсюда и лироэпические и философские размышления Дмитрия о зависти после рассказа о жертвоприношении Каина и Авеля, о вечности и кратковременности человеческой жизни, о покаянии. . . Возмущает Дмитрия Ростовского возникшее в обществе равнодушие к Священному писанию и церковной службе» («Келейный летописец». . . С. 166—168). Отдельные места Летописца почти дословно совпадают с проповедями митрополита. Как отмечают исследователи, Т. осторожно намекает и на деятельность Петра I, подвергая критике «сущих на владетельствах», которые «вельми согрешают. . . и безгрешных осуждают вместо грешных», в то время как царю должны быть присущи «милость, кротость и незлобие». Отдельные главы автор посылал Яворскому, Поликарпову, Феологу с просьбой исправить ошибки, оказать содействие. Т. всегда учитывал замечания Яворского, чем объясняется наличие нескольких редакций «Келейного летописца», отличающихся стилистическими поправками и цензурными сокращениями. «„Келейный летописец“ быстро разошелся в многочисленных списках; первое его издание осуществил в 1784 г. Н. И. Новиков, который один из первых осознал то большое значение, которое сыграли в деле просвещения России труды Дмитрия Ростовского»

(К а л у г и н. «Келейный летописец». . . С. 170). Как считает В. В. Калугин, следует обратить особое внимание на список «Келейного летописца» ГБЛ, собр. Отдела рукописей, № 1171 (третья четверть XVIII в.) — единственный сохранивший предисловие к тексту. Из этого предисловия видно, что Летописец предназначался для ростовской школы: это был своеобразный учебник по ветхозаветной истории для учеников младшего класса, которые не могли продолжать свое образование после закрытия школы (см.: К а л у г и н. «Келейный летописец». . . С. 171). Свяtitель не закончил свою работу над «Келейным летописцем» — повествование кончается 3600 годом от сотворения мира. Работа была прервана из-за необходимости писать новый труд — знаменитое сочинение о расколе «Розыск о брынской вере» («Розыск о раскольничей брынской вере, об учении их, о делах их и изъявление, яко вера их неправа, учение их душевредно и дела их небогоугодны»). Создавая «Розыск», Т. полагал, что «надлежит простыми словесы увещание простерти ко уклоняющимся в раскольние заблуждения». Произведение было закончено в марте 1709 г. (первое издание вышло в 1745 г.). Источники «Розыска» многочисленны, в том числе русская полемическая литература XVII в., переводные тексты, сочинения иностранных писателей (см.: Ш л я к и н. Святой Димитрий. . . С. 448). Трактат начинается с поучения Т. «о четвероконечном кресте», произнесенного 23 ноября 1708 г. (напечатано в Собр. соч.), и состоит из 3 частей, в которых автор пытается объяснить происхождение раскола и резко выступает против его адептов. Раскол он рассматривает, главным образом, как плод невежества: «Человеку бо неучену сущу и светом разума непросвещену, неудобно есть постизати глубину Писания святого и толковати неведомыя того тайны, на то токмо уповающему, яко черное по белом знает и по книгам блудит» («Розыск о раскольничей брынской вере. М., 1745. С. 5). Предмет обличения — не только раскольники, но и их пособники: «. . . аще и при церквах своих живут и правоверными лицемерно сказуются: обаче с раскольниками мудрствуют и соглашаются оным, и прихожан своих, кии от раскольников прельщены, укрывают и потакают им». Трактат Т. нашел сочувственный отклик у современников. По приказу Петра I один из разделов книги — «Рассуждение об образе Божии и человеце» — после смерти свяtitеля был издан дважды: в 1714 и 1717 гг. «Розыск» — последнее крупное сочинение Т. — мало привлекал внимание исследователей; остается также неизученным «Диариуш», или поденные записи свяtitеля, которые он вел с 1681 по 1703 г. Помимо рассмотренных сочинений перу Т. принадлежат «Вопросы и ответы краткие о вере и прочих ко знанию христианина нужнейших»; «Зерцало православного исповедания»; «Двенадцать статей, иже сомнящихся, или неверство имущих человек, о пресуществлении хлеба в тело и вина в кровь Господа нашего Иисуса Христа»; «Врачество духовное»; «Апология в утолении печали человека, сущаго в беде, гонении и озлоблении»; «Каталог киевских митрополитов с кратким летоисчислением»; «Летописание краткое константинопольских царей и патриархов». Писал митрополит и стихи, о чем содержатся сведения в некоторых из дошедших до нас источниках.

Ростовский митрополит был погребен в присутствии Стефана Яворского, который по этому случаю написал надгробные «Стихи памяти смертной, всякому потребной» (см.: Собр. соч. Т. 1). Вскрытие гробницы, состоявшееся в 1752 г., показало, что мощи свяtitеля остались нетленными (сейчас рака с мощами находится в Успенском соборе Ростовского Кремля). 22 апреля 1757 г. Т. был канонизирован. Амвросий Каменский, епископ Переяславский, составил ему службу (см.: Акты, относящиеся до составления службы свяtitелю Ростовскому Димитрию // Ярославские епархиальные ведомости. 1872. № 1. С. 3—7). В Ростовском Кремле находится портрет Т. кисти В. Л. Боровиковского, написанный в 1790-х гг. для Ростовского Спасо-Яковлевского монастыря; он списан, видимо,

с одного из несохранившихся прижизненных изображений митрополита. Во второй половине XIX в. в Ярославле было создано общество Дмитрия Ростовского, занимавшееся изучением его жизни и наследия (см. публ. в Ярославских епархиальных ведомостях).

По завещанию митрополита, оставшиеся после него черновики были положены в гроб при погребении, а при вскрытии мощей они оказались истлевшими, поэтому, как писал И. А. Шляпкин, «подлинных рукописей Дмитрия Ростовского осталось немного», до нашего времени дошло еще меньше. К тому же, как всякий иерей, Т. имел при себе штат писцов, которые изготовляли беловые списки его крупных произведений. Так, в Ростове у него были два постоянных переписчика — Андрей Баюковский и Савва Яковлев (последний, между прочим, выполнил масляными красками большой портрет Т.). Дошедшие до нас автографы — это личные письма, подписи к официальным документам, черновые материалы, правки тех или иных рукописных и печатных сочинений (см. работу М. А. Федотовой).

Рукописи и книги Т. после его смерти по распоряжению Стефана Яворского были переданы в Патриаршую библиотеку. «Книги Дмитрия Ростовского. . . перед поступлением их в библиотеку Патриаршую, — пишет А. С. Орлов, — оставались на Печатном дворе с целью их разбора и описи. В это время, вероятно, печатные книги были отделены от славянских рукописей и оставлены при типографии. . . а рукописи тогда же были переданы в библиотеку Патриаршую» (Библиотека Московской Синодальной типографии. М., 1890. Ч. 1, вып. 1: Сборники. С. IX). По данным С. П. Луппова, библиотека Т. насчитывала 288 книг, из них 173 — на латинском и греческом языках, 96 — на церковнославянском, 12 — на польском языке, 7 — многоязычные. С. П. Луппов также отмечает, что в «библиотеке Дмитрия Ростовского преобладала литература религиозного содержания, светских книг около 20 %, причем явно преобладала историческая тематика. . . в целом библиотека Дмитрия Ростовского была довольно типичной, хотя и крупной библиотекой церковного писателя, тяготевшего к исторической тематике» (Луппов. Книги в России. . . С. 248—249). Первое собрание сочинений Т. вышло в Москве в 1786 г. в шести томах, но выполнено оно было крайне небрежно (об издании сочинений Т. см.: Акты. . .).

Рукописи Т. получили широкое распространение не только в России, но также в Болгарии, Сербии, отчасти в Румынии. Он, по словам Д. С. Лихачева, «последний писатель, который имел огромное значение для всей православной Восточной и Южной Европы» Лихачев Д. С. В чем суть различий между древней и новой русской литературой // Вопросы литературы. 1965. № 5. С. 174).

Соч.: Руно орошенное. Чернигов, <1680> (переизд.: Чернигов, 1683; 1689; 1691; 1966; 1697; 1702; 1827); Книга житий святых (Миней Четий). Киев, 1689—1705 (переизд.: М., 1711—1716; 1756—1759; 1762; 1764; 1789; 1805; 1837; 1888; Киев, 1757; 1764; Ростов, 1824; 1849); Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четий-Миней св. Дмитрия Ростовского с дополнениями из Пролога. М., 1902—1911. Т. 1—12; Апология во утолении печали человека, сущаго в бедах и озлоблении. Чернигов, 1700 (переизд.: Чернигов, 1716); Рассуждения о образе Божии и подобии в человеце. М., 1707 (переизд.: М., 1714; 1717); Розыск о раскольниковой брянской вере, о учении их, о делах их, и изъявление, яко вера их неправа, учение их душевредно и дела их небогоугодн. М., 1745 (переизд.: М., 1755; 1762; 1783; 1803; 1824; 1847; Киев, 1748; 1776; 1859; 1866; 1877; 1903); Дневные записи святого чудотворца Дмитрия, митрополита Ростовского, изданные с собственноручно писанной им книги, находящейся в Киево-Печерской библиотеке // ДРВ. М., 1774. Ч. 6. (переизд.: М., 1781); Роспись митрополитов киевских с кратким летописанием // Рубан В. Г. Московский любопытный месецеслов. М., 1776. С. 54—109; Летопись иже во святых отца нашего Дмитрия, митрополита Ростовского, новоявленного чудотворца, сказующая вкратце деяния от начала миробытия до рождения Христова. . . с присовокуплением Келейной летописи сего же святого чудотворца. М., 1784; Собрание разных поучительных слов и других сочинений святителя Дмитрия, митрополита Ростовского. М., 1786. Т. 1—6; Молитва исповедания к Богу от человека, полагающая спасения начало. М.,

1795 (перезид.: М., 1809; 1823; 1843; Киев, 1823; 1839; 1879; 1894; 1898; 1906; СПб., 1849; 1853; 1858; 1861; 1868; 1896); Летопись иже во святых. . . с присовокуплением богоугодного жития сего святителя, Духовной грамоты, Келейных записок и гравированного его портрета. СПб., 1796. Ч. 1—2 (перезид.: СПб., 1799—1800); Краткий катехизис, или Вопросы и ответы о вере, и о прочих ко знанию христианину нужнейших, сочинения святого Димитрия, митрополита Ростовского, чудотворца // Житие иже во святых отца нашего Димитрия, митрополита Ростовского, чудотворца. СПб., 1796. С. 57—121; Зерцало православного исповедания. . . СПб., 1805 (перезид.: СПб., 1807); Сочинения святителя Димитрия, митрополита Ростовского. М., 1805—1807. Ч. 1—4. Сочинения святителя Димитрия, митрополита Ростовского. М., 1817—1818. Ч. 1—4; Сочинения святителя Димитрия, митрополита Ростовского. М., 1824. Ч. 1—4; Богомысленное размышление о пресвятых страстях Господа нашего Иисуса Христа. Киев, 1826 (перезид.: Киев, 1846; 1860; 1886; 1905; СПб., 1888); Врачество духовное на смущение помыслов. Киев, 1826 (перезид.: Киев, 1835; 1838; 1847; 1868; 1872; 1882; 1887; 1903; 1911; СПб., 1850; 1853; 1880; 1890; 1905); Письма Феолугу и Г. Д. Строганову святителя Димитрия Ростовского // Вестник Европы. 1826, январь—февраль. С. 272—275; Плачь на погребение Христова с прибавлением поклонения св. Троице и поклонения Пресвятой Богородице. Киев, 1826 (перезид.: Киев, 1830; 1842; 1851; 1858; 1875; 1892; 1893; 1905); Краткое богомысленное размышление. Киев, 1829 (перезид.: Киев, 1838; 1850; 1854; 1860; 1873); Внутренний человек в келли сердца своего уединен поущающа и моляща в тайне. Киев, 1830 (перезид.: СПб., 1849; 1853; 1862; Киев, 1857; 1878; 1890; 1893); Сочинения святого Димитрия, митрополита Ростовского. М., 1833—1840. Ч. 1—4; Апология во утолении печали человека, суаго в бедах и озлоблениях: (Печатается из сочинений святителя Димитрия Ростовского). Киев, 1833 (перезид.: Киев, 1848; 1864; 1886; 1916; СПб., 1850; 1853; 1862); Письма Стефану Яворскому // Маяк. 1842. Т. 2, кн. 4. С. 114—132; Святого отца нашего Димитрия, Ростовского святителя и чудотворца, догматическое учение, выбранное из его сочинений // Христ. чт. 1842. Ч. 4, кн. 12. С. 311—521; Размышление о смерти. Киев, 1846 (перезид.: Почаев, 1853; Киев, 1879; 1893); Благодарственное страстей Христовых воспоминание и молитвенное размышление, паче иных молитв зело полезное. Киев, 1847 (перезид.: Киев, 1857; 1871; 1883; 1908; 1913); Богодуховное наставление христианское. СПб., 1850 (перезид.: СПб., 1853; 1890); Дела богоугодные. СПб., 1850 (перезид.: СПб., 1853; 1890); Исповедание грехов генеральное, глаголемое перед иереем от лица кающагося. Киев, 1850 (перезид.: Киев, 1877; 1888; 1890; 1901; 1913); Пять стихословий. СПб., 1850 (перезид.: СПб., 1853; 1890); Размышления с самим собою. СПб., 1850 (перезид.: СПб., 1853; 1890); Целование ран Господа нашего Иисуса Христа на всяк день. СПб., 1850 (перезид.: СПб., 1853; 1890); Сочинения святителя Димитрия, митрополита Ростовского. М., 1857. Т. 1—5; О исповедании грехов и святом причащении. СПб., 1858 (перезид.: СПб., 1863; 1866); Слово на сошествие св. Духа // Кафедральные черниговские монастыри: Ильинский, Елецкий и Борисоглебский. Киев, 1860. С. 127—142; Поклонение Пресвятой Богородице. СПб., 1864; Письма к отцу Феолугу // Ярославские епархиальные ведомости. 1860. Ч. 2. С. 65—66, 73; Сочинения святителя Димитрия, митрополита Ростовского. Киев, 1869—1872. Ч. 1—5; Указ св. Димитрия Ростовского и письмо Феолугу (ноябрь 1702) // Ярославские епархиальные ведомости. 1871. Часть неофиц. № 12. С. 93; № 46. С. 371—372; «Рождественская драма» Димитрия Ростовского // Тихонов Н. С. Русские драматические произведения 1672—1725 годов. СПб., 1874. Т. 1. С. 339—399; Письма святителя Димитрия, митрополита Ростовского, Феолугу // Ярославские епархиальные ведомости. 1874. Часть неофиц. № 31—38. С. 246—303; Т и т о в А. А. 1) Краткое учение о седми таинствах церковных святителя Димитрия, митрополита Ростовского, исправленное его рукою: Фототипическое воспроизведение оригинала рукописи. М., 1880; 2) Новые данные о святителе Димитрии Ростовском. М., 1881; 3) Проповеди святителя Димитрия, митрополита Ростовского, на украинском наречии. М., 1909; Сочинения святого Димитрия, митрополита Ростовского. Киев, 1880—1881. Ч. 1—5; Педагогическая мера св. Димитрия Ростовского к обузданию своеволия школьников // ЧОИДР. 1883. Кн. 2, отд. V. С. 17—18; Молитвенная песнь. Киев, 1884 (перезид.: Одесса, 1892; Киев, 1893; 1895); Слово на сошествие св. Духа св. Димитрия Ростовского // ЧОИДР. 1884. Кн. 2, отд. II. С. 1—15; Како подобает всем христианом тело и кровь Господа нашего Иисуса Христа, во святых тайнах на святом престоле сущее, всеусердно почитати всяким благоуверством. М., 1886; А м ф и л о х и й (Угличский). Из неизданных сочинений Димитрия Ростовского. СПб., 1889; И в р а и л е в А. Псалмы, или духовные канти, святителя Димитрия, митрополита Ростовского. М., 1889; Святой Димитрий Ростовский. Стихи на страсти Господни, или стихи страстные. Ярославль, 1889; Ш л я п к и н И. А. 1) Святой Димитрий Ростовский и его время (1651—1709). СПб., 1891. Приложения. С. 1—72; 2) «Рождественская драма» Димитрия Ростовского // Старинные действия и комедии петровского времени, извлеченные из рукописей и пригласенные к печати. Пг., 1921. С. 151—159; Сочинения святого Димитрия, митрополита Ростовского. Киев, 1895—1905. Ч. I—V; Поклонение пречистым пяти язвам Христовым. М., 1906; «Успенская драма» св. Димитрия Ростовского // ЧОИДР. 1907. Кн. 3, отд. II. С. 1—43; Утешение человеку в скорби, беде и гонении: Из сочинений св. Димитрия, митрополита Ростовского / Переложена на чисто русский язык. СПб., 1916; Димитрий Ростовский. Успенская драма (Комедия на успение Богородицы) // Русская драматургия последней чет-

верти XVII в. и начала XVIII в. М., 1972. С. 172—220; Рождественская драма (Комедия на рождество Христово) // Там же. С. 220—274.

Лит.: Святой Димитрий, митрополит Ростовский. М., 1849; <Никольский Ф. Я.> Ростовское училище при св. Димитрие митрополите // Ярославские епархиальные ведомости. 1863. Часть неофиц. № 24—45. С. 231—438; Жизнь святого Димитрия, митрополита Ростовского. М., 1866; Котович С. И. Димитрий Ростовский в Западной Руси // Литовские епархиальные ведомости. 1871. Часть неофиц. № 19 С. 851—853; Акты, относящиеся до первого издания сочинений святителя Димитрия Ростовского // Ярославские епархиальные ведомости. 1872. Часть неофиц. № 2. С. 8—13; № 3. С. 22—23; Обретение и открытие мощей святителя Димитрия, митрополита Ростовского // Там же. 1879. Часть неофиц. № 50. С. 395—399; № 51. С. 401—406; № 52. С. 409—415; <Корсунский Н. Н.> Материалы для истории училища святителя Димитрия Ростовского // Там же. 1883. Часть неофиц. № 44—46. С. 347—365; Филарет. Обзор. С. 263—265; Буравцев Н. Святой Димитрий Ростовский как проповедник // Тверские епархиальные ведомости. 1909. Часть неофиц. № 45. С. 945—953; № 48. С. 1008—1014; Дмитриев Д. Российский Златоуст святитель Димитрий, митрополит Ростовский. Сергиев Посад, 1909; Никольский А. И. Несколько слов о житии и сочинениях святого Димитрия Ростовского // ИОРЯС. 1909. № 1. С. 160—171; Святой Димитрий, митрополит Ростовский. 1709. 28 октября 1909 (Очерк жизни и деятельности). Тула, 1909; Титов Ф. И. К истории Киевской духовной Академии в XVII—XVIII в. Св. Димитрий, митрополит Ростовский, бывший ученик Киевской Духовной академии (1651—1709) // Труды Киевской Духовной академии. 1909. Т. 3. кн. X. С. 173—240; Попов М. С. Святитель Димитрий и его труды. М., 1910; Драматические произведения с именем св. Димитрия Ростовского // Петров Н. И. Очерки из истории украинской литературы XVII—XVIII веков. Киев, 1914. С. 160—179; Васенко Н. В. Димитрий Ростовский и его литературная деятельность // ЧИОНЛ 1912. Кн. XXII, вып. 3, отд. III. С. 80—83; Абрамович Д. И. «Повесть о Варлааме и Иоасафе» в Четьих Минеех Дмитрия Ростовского // Ювілейний збірник на пошану М. С. Грушевського. Киев, 1938. С. 729—734; Дылевский Н. М. 1) Димитрий Ростовский (Даниил Туптало) и болгарское Возрождение: (Заметки к материалам) // Etudes balkaniques. Sofia, 1966. N 4. С. 133—139. 2) Димитрий Ростовский и болгарское Возрождение // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 85—90; Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII в. Л., 1973. С. 248—249; Державин А., протоиерей. Четии-Минее Димитрия, митрополита Ростовского как церковно-исторический и литературный памятник // Богословские труды. М., 1976. № 15. С. 61—145; № 16. С. 46—141; Калугин В. В. 1) «Келейный летописец» Дмитрия Ростовского // Альманах библиофила. М., 1983. Вып. 15. С. 160—174; 2) Педагогическая деятельность Дмитрия Ростовского // Просвещение и педагогическая мысль Древней Руси. М., 1983. С. 76—84; 3) Автограф «Успенской драмы» Дмитрия Ростовского // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1985. М., 1987. С. 99—101; Нічик В. М. Етичні погляди Д. С. Туптала // Філософська думка. Киев, 1983. № 2. С. 77—87; Софронова Л. А. «Рождественская драма» Дмитрия Ростовского // Духовная культура славянских народов: Литература: Фольклор; История. Л., 1983. С. 97—108; Янковская Л. А. К исследованию писательского мастерства Дмитрия Ростовского: (Литературная обработка Жития Авраамия Ростовского) // Slavia Orientalis. 1984. Рос. 33. № 3—4. С. 383—396; Белоненко В. С., Енин Г. П. «Диариус» Дмитрия Ростовского // Исследование памятников письменной культуры в собраниях и архивах Отдела рукописей и редких книг. Воспоминания и дневники: Сб. науч. трудов. Л., 1987. С. 7—21. Федотова М. А. Автографы Дмитрия Ростовского, хранящиеся в рукописных отделах Ленинграда и Киева // Проблемы развития русского фольклора и литературы XII—XX веков: Тез. науч. конф. молодых ученых и специалистов. Л., 1988. С. 28—29.

М. А. Федотова

Тяжкогорский (Тяшкогорский) Иван (вторая половина XVII в.) — переводчик Посольского приказа в Москве с 1671 г. Переводил с немецкого, латинского. Перевел текст Календаря на 1692 г. шведского математика Гендрика Фохта, в 1699—1700 гг., совместно с *Николаем Спафарием*, Матвеем Белецким и Моисеем Арсеньевым участвовал в переводе Дневника Иоганна Корба (ГПБ, Ф. IV. 321, л. 78—155). Во время пребывания Иоганна Корба в Москве (1698—1699 гг.) Т. был приставлен переводчиком при «цесарском посланнике» Христофоре Игнатии Гвариенте. Переводы Т. не изданы.

Лит.: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений с Римской империей. СПб., 1868. Т. 9 (с 1698 по 1699 г.); Соболевский А. И. 1) Переводная литература. С. 135—

136; 2) Из переводной литературы Петровской эпохи. СПб., 1908. С. 21; Белокоров С. А. О Посольском приказе. М., 1906. С. 131, 145—146.

О. А. Белоброва

Ушаков Симон (1626—1686) — художник, автор описания живописи Грановитой и Золотой палат. «Царский изограф» У. с 1667 г. официально ведал в Москве иконописанием. В 1672 г. совместно с дьяком Никифором Клементьевым он составил документальное описание стеной живописи XVI в. Грановитой и Золотой (разобранной в XVIII в.) палат Московского Кремля, сохранившееся в единственном списке ГПБ, Q.XIII.8. У. был адресован написанный около 1666 г. трактат об искусстве *Иосифа Владимирова*, его единомышленника в приверженности западноевропейской живописи.

Взгляды У. на русское иконописание во многом перекликались с эстетическими положениями *Симеона Полоцкого* и вызывали нападки, например, со стороны сербского архидьякона Ивана Плешковича. В 1667 г. было создано «Слово к люботщательному <любителю> иконного писания» (ГПБ, Q.XIII.4), приписываемое У., но, возможно, составленное им совместно с Симеоном Полоцким (В. М. Пузиков считает автором Слова едного Симеона Полоцкого) и подвергшееся переработке, — эта вторая редакция приписывается *Карionу Истомину* (ЦГИА, ф. 834 (Архив Синода), оп. 3, № 3764, л. 92 об.—102 об.). Авторы Слова пытаются сочетать традиционные требования к иконописцам, сформулированные еще в VII в. Иоанном Дамаскиным и основанные на толковании библейских текстов, с просветительским взглядом на обучение художников по новым гравированным образцам, передающим анатомическое строение человеческого тела («Алфавит художества»). В Слове затрагивается проблема правдоподобия изображения и др. Опубликовано дважды — Г. Филимоновым и А. Никольским.

У. известен как иллюстратор литературных произведений: по его рисункам Афанасием Трухменским выполнялись гравюры к печатным книгам, изданным в 1680-х гг. в Верхней типографии, в частности, к Повести о Варлааме и Иоасафе (1680 г.), «Псалтири рифмотворной» Симеона Полоцкого (1680 г. — царь Давид) и еще к двум сочинениям того же автора — «Обед душевный» (1681 г.) и «Вечеря душевная» (1683 г.). Наиболее известна листовая гравюра по рисунку У., восходящему к иллюстрациям из «Экзерциций» И. Лойолы «Семь смертных грехов». В своих иллюстрациях У. обращается к традиции западноевропейских гравированных книг эпохи Возрождения и барокко, имевших хождение в Московской Руси XVII в.

В художественном наследии У. среди канонических образов, наделенных необычным психологизмом, выделяется икона «Богоматерь Владимирская», или «Древо Московского государства» (1668 г.), композиция которой представляет собой разветвленное генеалогическое древо с медальонами. Это произведение создано с целью прославления московского царствующего дома в духе многоголовных барочных фигур; аллегорический смысл, литературные и иконографические источники этого памятника выявлены и оценены В. Г. Чубинской. В 1670-х гг. в Москве создаются с той же целью «Книга об избрании и венчании на царство Михаила Федоровича» и *Титулярник*, связанные с «издательской» деятельностью Посольского приказа; в украшении этих книг принимали участие близкие кругу У. мастера, например, Иван Максимов.

В качестве литературного персонажа У. фигурирует в Житии Иллариона Суздальского, герой которого навещает в столице в Китай-городе на Посольской улице своего родственника, ведущего московского иконописца.

Соч.: Филимонов Г. Слово к люботщательному иконного писания // Вестник общества древнерусского искусства при Московском Публичном музее.

1874—1876 г. М., 1876. С. 22—24; Забелин И. Е. 1) Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. М., 1884. Ч. 1. Стб. 1238—1255 и 1255—1271 («Описание, что значится на стенах в Золотой и Грановитой палате»); 2) Домашний быт русских царей. М., 1895. Т. 1. С. 149—178; Никольский А. Слово к люботщателем иконнаго писания // ВАИ. СПб., 1911. Вып. 20. С. 70—77; Бартеев С. П. Московский Кремль в старину и теперь. М., 1916. Кн. 2. С. 182—193 (описание только Золотой палаты).

Лит.: Сахаров И. П. Исследования о русском иконописании. СПб., 1849. Кн. 2. Приложения: Забелин И. Е. Материалы для истории русской иконописи // ВОИДР. М., 1850. Кн. 7. С. 28, 52, 53, 79, 80, 90; Ровинский Д. А. 1) История русских школ иконописания до конца XVII в. // Записки Русского археологического общества. СПб., 1856. Т. 8. С. 42—44, 186—189; 2) Подробный словарь русских граверов 16—19 вв. СПб., 1895. Т. 2. Стб. 1080—1083; 3) Обзор иконописания в России до конца XVII в. СПб., 1903. С. 52—53, 167—169; Буслев Ф. И. 1) Русская эстетика XVII века // Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 2. С. 397—408; 2) Для биографии царского иконописца Симона Федоровича Ушакова // Там же. С. 395—396; Филимонов Г. Д. Симон Ушаков и современная ему эпоха русской иконописи // Сб. на 1873 г., изданный Обществом древнерусского искусства при Московском Публичном музее. М., 1875. С. 3—104; Покровский Н. В. Очерки памятников христианской иконографии и искусства. 2-е изд. СПб., 1900. С. 390—397; Успенский А. И. 1) Царские иконописцы и живописцы XVII века. Словарь. М., 1910. С. 324—369; 2) Царские иконописцы и живописцы XVII века. М., 1913. Т. 1. С. 289—291; Харламович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. С. 392; Грабарь И. Э. Симон Ушаков и его школа // Грабарь Игорь. История русского искусства. М., б. г. Т. 6: Живопись. С. 425—454; Ковдаков Н. П. Русская икона. Прага, 1931. Ч. 4: Текст. С. 50; Леонов А. И. Симон Ушаков. М.: Л., 1945; Сидоров А. А. Древнерусская книжная гравюра. М., 1951. С. 250—276; Дмитриев Ю. Н. Теория искусства и взгляды на искусство в письменности Древней Руси // ТОДРЛ. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 97—99; Овчинникова Е. С. 1) Портрет в русском искусстве XVII века: Материалы и исследования. М., 1955. С. 14—22, 27—29 и след.; 2) Россия семнадцатого и восемнадцатого веков: Изобразительное искусство // История европейского искусствознания: От античности до конца XVIII века. М., 1963. С. 316—340; Пузик В. М. Новая матерьялы аб дзейнасці Сімеона Полацкага // Весті АН БССР. Серыя грамадскіх навук. Мінск, 1957. № 4. С. 71; Дмитриев Ю. Н., Данилова И. Е. Семнадцатый век и его культура // История русского искусства. М., 1959. Т. 4. С. 7—54; Данилова И. Е., Мнева Н. Е. Живопись XVII века // Там же. С. 345—466; Мнева Н. Е. Искусство Московской Руси. Вторая половина XV—XVII вв. М., 1965. С. 202—214; Голенченко Г. Я. Белорусы в русском книгопечатании // Книга: Исследования и материалы. М., 1966. Сб. 13. С. 106—119; Чубинская В. Г. Икона Симона Ушакова «Богоматерь Владимирская», «Древо Московского государства», «Похвала Богоматери Владимирской»: (Опыт историко-культурной интерпретации) // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 38. С. 290—308.

О. А. Белоброва

Фаддей Никитин Субботин (ум. около 1685) — выдающийся распевщик и музыкальный теоретик усольской (строгановской) школы, справщик певческих книг, один из соавторов трактата «Извещение в согласнейших пометах», книгописец. В научной литературе в соответствии с источниками упоминается как Ф. Н. (Д. В. Разумовский, В. В. Протопопов) и как Ф. С. (М. В. Бражников).

Родился в семье крестьянина-половника Никиты Иванова сына Субботина, который до 1639/1640 г. жил в деревне Милиной Пачеозерской волости Сольвычегодского уезда, а затем, продав свой двор усольскому посадскому человеку, приобрел половину двора на погосте у церкви архангела Михаила и проживал здесь как бобыль; умер в 1649/1650 г. (ЦГАДА, ф. 1209, оп. 1, № 451, л. 191 об., 178 об.; № 501, л. 436). Певческому искусству Ф. Н. первоначально обучался, вероятно, при церкви архангела Михаила (одно из его произведений создано в честь архистратига). Далее деятельность Ф. Н. была связана с Сольвычегодском, где при Благовещенском соборе, «домашней церкви» Строгановых, сложилось и развивалось знаменитое в XVII в. «усольское мастеропение». Во второй половине 60-х гг. Ф. Н. служил при соборе дьячком (ЦГАДА, ф. 1182, № 68, л. 99), занимаясь также обучением пению и письмом певческих книг. В 1668 г. прибыл в Москву для участия во Второй комиссии по проведению музы-

кальной реформы в России. В составе комиссии, куда кроме него вошли еще пять «дидаascalов» — Александр Мезенец, Александр Печерский, Федор Константинов, Кондрат Ларионов и Григорий Нос, — проработал 11 месяцев: с 1 января по 1 декабря 1669 г. (П а р ф е н т ь е в Н. П. О деятельности комиссий по исправлению древнерусских певческих книг в XVII в. // АЕ за 1984 г. М., 1986. С. 134—136). Наряду с редактированием раздельноречных текстов певческих рукописей Ф. Н. участвовал в разработке теоретических положений, вошедших в «Извещение о согласнейших пометах». Как представитель одной из ведущих школ в русской музыке XVII в. способствовал более четкому изложению описанных в этом трактате особенностей усольских вариантов отдельных попевок знаменного пения (Азбука знаменного пения (Извещение о согласнейших пометах) старца Александра Мезенца / Изд. С. В. Смоленский. Казань, 1888. С. 15 и др.). После комиссии Ф. Н., по-видимому, возвратился в Сольвычегодск. Однако в 1670-х гг. там осуществлялись реорганизация строгановского хора, освоение певцами пятилинейной нотации, переход к исполнению многоголосных партесных концертов. С середины 70-х гг. деятельность Ф. Н. связана с Москвой, с государственной службой.

В росписи придворных певчих дьяков, бывших «в чину» у царя *Алексея Михайловича* в 1675/76—1676/77 гг., Ф. Н. упоминается в самом конце списка вместе с Алексеем Никифоровым и Ефимом Богдановым, которые, как и сам Ф. Н., в дальнейшем именовались «наречного пения мастерами». Между именами дьяков и мастеров в документе оставлено место, очевидно, из-за пропуска приказным писцом подзаголовка «Наречного пения мастера» (ЦГАДА, ф. 396, оп. 1, № 17440, л. 16). В обязанности этих мастеров входило обучать молодых государевых певцов «наречному» пению. Видимо, Ф. Н. с самого начала службы при царском хоре исполнял те же функции и не был певчим дьяком, либо сочетал те и другие обязанности, как, например, Алексей Никифоров. В конце 70-х гг. Ф. Н. возглавил штат «писцов наречного пения» с установленными ему окладами: денежным 15 р., «за поденой корм» 11, 4 р., сукном в 5 р., «славленого» 2 р. Однако в 1681 г. из Приказа Большого Дворца последовало распоряжение, что жалованье «давать ему не велено», но 20 декабря 1682 г. это распоряжение было отменено на том основании, «что отставлен он был безвинно» (там же, № 18454, л. 10—11; оп. 2, № 122, л. 24; № 124, л. 32—32 об.). На службе Ф. Н. числился до октября 1685 г., затем, по всей вероятности, уже со смертью мастера его оклад был упразднен (Там же, оп. 2, № 128, л. 50).

Сохранилась написанная и подписанная Ф. Н. певческая книга Трезвоны. Писцовые записи в рукописи позволили установить его полное имя и место происхождения (ГБЛ, ф. 199, № 146, л. 35 и др.). В памятниках письменности встречаются его певческие произведения. Известны стихиры: в честь архистратига Михаила «Яко чиноначальник», а также на праздники: Рождества Богородицы «Иоаким и Анна» и «Яже прежде неплодная», Воздвижения «Светосиянен звездами» и «Восплещем днесь», Рождества Христова «Днесь рождает» и «Господу Иисусу рождшуся» (ГИМ, собр. Уварова, № 741, л. 218—220; Новые памятники знаменного распева / Сост. М. В. Бражников. Л., 1976. С. 28—31, 81).

Лит.: Разумовский Д. В. Богослужбное пение православной греко-российской церкви. М., 1886. С. 50; Протопопов В. В. Нотная библиотека царя Федора Алексеевича // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1976. М., 1977. С. 121; Парфентьев Н. П., Парфентьева Н. В. Русский распевщик и музыкальный теоретик XVII в. Фаддей Никитин Субботин и его новооткрытые произведения // Там же. Ежегодник 1987. М., 1988. С. 138—149.

Н. П. Парфентьев

Феодор Афанасьев (первая половина XVII в.) — предполагаемый автор двух предисловий к «Риторике», которая приписывается (безоснова-

тельно) митрополиту Новгородскому и Великолуцкому *Макарию*. Имя Ф. А. читается в одностипных записях, завершающих три списка памятника «Да аще стяжет и известит кто сие учение, много будет в разуме. Аз же ключимый Феодор Афонасьев, всем православным христианом любви вашей и временных, и вечных благ желатель, трудолюбне потщався написать сию книгу лета 7139-го году в славу святей и неразделной единосущной Троицы Отцу и Сыну и святому Духу. Ей, аминь». Такова запись в рукописи ГПБ (Q.XV.80, л. 68), а в двух других списках «Риторики» с именем Ф. А. (ГИМ, Синодальное собр., № 918, л. 139 об. и ГПБ, собр. Титова, № 3512, л. 66 об.—67), его отчество (фамилия?) заменено формулой «имя рек». Ни один из этих списков не может быть автографом Ф. А., так как все они сделаны позднее 1631 г., которым, следовательно, датируется появление их общего протографа. Д. С. Бабкин высказал предположение, что Ф. А. является автором двух предисловий, которые предпосланы «Риторике» в поименованных списках: 1) «Ознаменованіе, или Приказнь риторики»; 2) «Предисловіе» (нач.: «Аз есмь риторика доброглаголиваго и яснозрительнаго разумения. . .»). Как указал А. И. Соболевский (Переводная литература. С. 119), второе предисловие написано «стихами с рифмами, различной величины». Списки с именем Ф. А. содержат позднейшую пополненную редакцию «Риторики» (2-ю пространную редакцию, по терминологии В. И. Аннушкина). Наличие более ранних списков первого славянского учебника по теории красноречия, содержащих первоначальные редакции памятника, заставляет отвергнуть предложенную П. М. Строевым атрибуцию Ф. А. всего текста «Риторики».

Соч.: Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Казань, 1881. Ч. 1. С. 399—400; Б а б к и н Д. С. Русская риторика начала XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1951. Т. 8. С. 334—336.

Лит.: Ст р о е в . Словарь. С. 304; Отчет имп. Публичной библиотеки за 1885 год. СПб., 1888. С. 67; Н и к о л ь с к и й . Рукописная книжность. С. 102; Б у д о в н и ц . Словарь. С. 351, 352; А н н у ш к и н В. И. Редакции «Риторики» начала XVII в. // Древнерусская литература. Источниковедение. Л., 1984. С. 236; Б у л а н и н а Т. В. 1) Ранние списки «Риторики» псевдо-Макария и проблема ее датировки // Археография и изучение духовной культуры. III Уральские археографические чтения: Тез. докл. Свердловск, 1987. С. 9; 2) К вопросу о датировке первой русской «Риторики» // Публицистика и исторические сочинения периода феодализма. Новосибирск, 1989. С. 37.

Т. В. Буланина

Феодор Константинов (ок. 1608—III 1675) — патриарший певчий дьяк, автор «сказок» о событиях, связанных с отречением *Никона* от патриаршества, и Чиновника 1666—1674 гг., справщик-редактор певческих книг, один из соавторов музыкально-теоретического руководства «Извещение о согласнейших пометках», книгописец.

Сведений о времени и месте рождения не найдено. Наиболее ранее упоминание о нем как о патриаршем певчем обнаружено в приказных документах под 2 апреля 1620 г., когда Ф. К. в составе 2-й «средней» станицы подъяков был пожалован от имени царя сукном (ЦГАДА, ф. 396, оп. 2, № 205, л. 300 об.). В указанной станице с окладом 3 р. он прослужил до марта 1630 г., затем был переведен в 1-ю станицу с окладом 4 р. (ЦГАДА, ф. 235, оп. 2, № 3, л. 93 об., 270 об., 535 об.). В документах 20—30-х гг. сохранились многочисленные известия о его разносторонней служебной подъяческой деятельности. В 1622 и 1623 гг. он исполнял роль одного из отроков в «Пешном действе» (ЦГАДА, ф. 396, оп. 2, № 208, л. 129—129 об.; № 209, л. 176 об.—177). Эта литургическая драма разыгрывалась ежегодно в Успенском соборе накануне праздника Рождества Христова, а отроками были молодые певцы патриаршего хора как правило в возрасте не старше 15 лет (до их вступления в брак). Нередко Ф. К. в числе других подъяков сопровождал патриарха в поездках, доставлял предметы патриаршей Ризницы в московские церкви и монастыри, где по тому или иному поводу

службу отправлял сам патриарх (Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы / Под ред. И. Е. Забелина. М., 1884. Т. 1. Стб. 794, 361, 536, 553 и др.); вел «ставленические» дела дьяконов и попов, что давало возможность получения дополнительного заработка (ЦГАДА, ф. 235, оп. 2, № 1, л. 187, 280 об. и др.; № 3, л. 196, 204 и др.); участвовал в обрядах, например, в рождественском «славлении» у царя и патриарха в палатах и т. п. С сентября 1636 г. Ф. К. зачислили в певчие дьяки — высшую категорию русских профессиональных музыкантов того времени — во 2-ю станицу с окладом 10 р. (там же, № 9, л. 337 об.). В составе станицы он ежегодно пел в «Пещном действе», в различных, в том числе во внебогослужбных, обрядах, в действе поставления патриарха *Иосифа* в мае 1642 г. (ЦГАДА, ф. 396, оп. 1, № 3033, л. 8—9; ф. 235, оп. 2, № 9, л. 473; № 15, л. 150 об.). В сентябре 1643 г. с указанием «петь верхнюю строкою», т. е. исполнять партии «верхнего» голоса в многоголосных «строчных» произведениях, Ф. К. был переведен в «большую» 1-ю станицу дьяков с окладом 12,5 р., а с 1653 г. — 14,5 р. (ЦГАДА, ф. 235, оп. 2, № 18, л. 5; № 36, л. 9 об.). В штате этой станицы мастер оставался до последних дней своей жизни. Сообщение Д. В. Разумовского о переходе Ф. К. в 1652 г. в государев хор (Р а з у м о в с к и й. Патриаршие певчие дьяки. . . С. 48) не подтверждается источниками. Например, в мае 1652 г. как патриарший певчий дьяк Ф. К. был пожалован за то, что «учил грамоте патриарших татарченков» (Материалы для истории. . . Т. 1. Стб. 969), в том же году он получил в патриаршем Казанском приказе годовое денежное и «славленное» жалованье (ЦГАДА, ф. 235, оп. 2, № 34, л. 9, 174 об.). Возможно, он служил какое-то очень короткое время в государеве хоре в период после смерти патриарха *Иосифа* (15 апреля) до поставления патриарха *Никона* (25 июля). Его имя встречается в росписях конца 40—50-х гг. дьяков патриаршего хора, певших вместе с большими станицами государевых дьяков при крещении царевичей и царевен (ЦГАДА, ф. 396, оп. 1, № 4095, л. 3—4 об.); среди певцов, сопровождавших *Никона* в его многочисленных «походах» в дворцовые села, монастыри, города (ЦГАДА, ф. 235, оп. 2, № 34, л. 136; № 36, л. 343 об. и др.), причем «пение» Ф. К. иногда отмечалось специальными вознаграждениями (там же, № 38, л. 143).

В феврале 1660 г. в связи с отречением 10 июля 1658 г. *Никона* от патриаршества и в декабре 1664 г. в связи с неожиданным приездом 18 декабря того же года *Никона* в столицу Ф. К. в числе очевидцев событий подал «сказки», где подробно описал все происшедшее (Дело о патриархе *Никоне* / Изд. Археографической комиссией. СПб., 1897. С. 35, 43—44, 132—133, 156). Накануне прибытия в Москву «вселенских» патриархов, которые должны были принять участие в соборе по осуждению *Никона*, вероятно, «местоблюститель» патриаршего престола митрополит Сарский и Подонский *Павел* поручил Ф. К. вести записи в форме Чиновника (с октября 1666 г.). Оригинал рукописи сохранился, имеет название «Книга Чиновник письменной, писма певчаго Федора Константинова руки, мелким письмом, записки чину со 175-го ноября с 2 числа 183-го году <сентября> по 3 число» (ГИМ, Синодальное собр., № 423, л. 1). Издание памятника осуществлено по одному из списков и содержит множество разночтений, имя автора не указано, приведенные мастером нотированные строки песнопений не воспроизведены (ДАИ. Т. 5. № 26). Хронологически рукопись охватывает 1666—1669, 1671, 1672, 1674 гг. и продолжает никоновский Чиновник 1655—1658 гг.; составлялись такие книги и позже (см.: Д у б р о в с к и й Н. Патриаршие выходы // ЧОИДР. 1869. Кн. 2. С. 14—63; Чиновники Московского Успенского собора и выходы патриарха *Никона* / Публ. А. П. Голубцова. М., 1908. С. VI—XXXV и др.). Но записи «чину» Ф. К. — особенно 60-х гг. — отличаются своей обстоятельностью. Мастер описал не только соборные службы, но и столы в государевых Грановитой, Золотой, Столовой палатах, функции певчих

дьяков во время этих приемов и после них, выезды патриархов в город и монастыри и т. п. Особое внимание уделил деятельности певцов — государевых, патриарших, архиерейских, «гречан», — подробно указывая, что и как ими исполнялось. Во время написания Чиновника Ф. К. продолжал выполнять свои профессиональные обязанности, участвовал в рождественских «славлениях», в поставлении патриарха *Иоасафа* в феврале 1667 г., в погребении лиц царского дома, в обучении молодых певцов письму «переводов» (ЦГАДА, ф. 235, оп. 1, № 60, л. 89, 107 об., 165, 178 об.; № 64, л. 144, 212; ф. 236, оп. 1, № 43, л. 200). Наконец, в тот же период мастер был включен в состав Второй московской комиссии по исправлению певческих раздельноречных книг и проработал в ней с 1 января по 1 декабря 1669 г. Кроме редактирования песнопений Ф. К. и остальные «дидакалы» — справщики комиссии — *Александр Мезенец*, *Александр Печерский*, *Фаддей Никитин*, Кондрат Ларионов и Григорий Нос — подготовили обобщающий трактат по теории древнерусской музыки «Извещение о согласнейших пометах», написанный затем Александром Мезенцем (1670 г.) и содержащий помимо теоретических положений историю проведения музыкальной реформы в России XVII в. (Азбука знаменного пения (Извещение о согласнейших пометах) старца Александра Мезенца / Изд. С. В. Смоленский. Казань, 1888. С. 1—24 по пагинации памятника).

В последующие годы, оставаясь в штате патриаршего хора, Ф. К. занимался обучением молодых подьяков ведению ставленнического делопроизводства, благоустройством «Певчей слободки» в Китай-городе за Ветошным рядом и др. (ЦГАДА, ф. 235, оп. 2, № 73, л. 322; АИ. Т. 4. С. 563). Особое место в деятельности мастера занимала переписка певческих книг. Некоторые из его рукописей попали в царскую библиотеку и вошли в Опись «разным книгам» этой библиотеки от 1682 г.: «Канон Пасце греческой», «Две тетрати в полдесть, а в них Степенна на 8 гласов», «Стихеры хвалитные и стиховные», «Успению Богородицы празник да канон», «Кафизма „Блажени непорочни“ с припевы. . . греческого роспеву», «2 славника знаменных, да тропарь, да кондак греческой», «Канон Ивану Златоусту греческой» (Пр о т о п о в В. В. Нотная библиотека царя Федора Алексеевича // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1976. М., 1977. С. 129, 131). На погребении Ф. К., состоявшемся 12 марта 1675 г. «в Спасове монастыре, что за Иконным рядом», присутствовали патриарх, «белые и черные власти», московское духовенство, патриаршие певчие дьяки и подьяки (ЦГАДА, ф. 235, оп. 2, № 83, л. 178; Материалы для истории. . . Т. 1. Стб. 392).

Лит.: Разумовский Д. В. 1) Богослужбное пение православной греко-русской церкви. М., 1886. С. 50; 2) Патриаршие певчие, дьяки и подьяки и государевы певчие дьяки. СПб., 1895. С. 23, 44, 46, 48; Парфентьев Н. П. 1) О деятельности комиссий по исправлению древнерусских певческих книг в XVII в. // АЕ за 1984 г. М., 1986. С. 134—137; 2) Выдающийся деятель русской музыкальной культуры XVII в. Федор Константинов. (В печати).

Н. П. Парфентьев

Федор Трофимов (в иночестве Филипп) (ум. после 1676) — патриарший подьяк, старообрядческий писатель. До поступления в патриарший хор Ф. Т. проживал в Москве. Его двор находился на земле Благовещенского собора, что у государя «на Сенях», при котором он, по-видимому, нес какую-то службу. Вероятно, уже тогда Ф. Т. близко сошелся с одним из первых расколуучителей — дьяконом этого собора *Феодором Ивановым*. С 1 июля 1655 г. Ф. Т. зачислен во 2-ю станицу патриаршего хора с первоначальным окладом 5 р.; с сентября получал годовой оклад 6 р. 10 октября по указу патриарха *Никона* «на дворовую переноску» с храмовой земли «на князь юрьевской двор» Ф. Т. был пожалован 2 р.; 10 декабря для сопровождения патриарха в «походах» по монастырям, городам, дворцовым селам — снабжен деньгами на «проезжий теплый кафтан» (ЦГАДА,

ф. 235, № 88, л. 46, 335 об., 548, 552). С марта 1658 г. в прежней станице ему «учинен» оклад 4,5 р. и 1 р. «за корм» (ЦГАДА, № 43, л. 14 об.). В феврале 1660 г. Ф. Т. подал «сказку» о событиях в Успенском соборе 10 июля 1658 г., где изложил содержание речи бывшего патриарха (Дело о патриархе Никоне / Изд. Археографической комиссии. СПб., 1897. С. 47). В конце того же года он открыто выступил с осуждением никоновской церковной реформы — подал на имя царя *Алексея Михайловича* несохранившуюся «Роспись», в которой «писал на новопечатные справленные книги, и о Символе православныя веры, и о трегубой аллилуии, и о крестном воображении, и о чинех церковных многа злохуления, подобна Аввакумовым и Лазаревым злохулениям»; кроме того, в декабре вместе со своими сподвижниками — старцем Кожеозерского монастыря *Боголепом Львовым* и благовещенским дьяконом Федором — участвовал в споре со справщиками Печатного двора (АИ. СПб., 1842. Т. 5. С. 480; Материалы. . . М., 1876. Т. 2. С. 17). Все это имело для Ф. Т. печальные последствия: 20 января 1661 г. его с женой Анной и малолетними детьми — сыном Ильей и дочерью Анастасией — в сопровождении сибирских служилых людей отправили в ссылку в Тобольск. Вместе с ними туда же везли и другого ссыльного — «сербенина» *Юрия Крижанича*, с которым Ф. Т. в пути «умывашеся и пияше из единого ковша» (Белокуров С. А. Юрий Крижанич в России: (По новым документам). М., 1902. С. 103—104).

По прибытии 8 марта 1661 г. в столицу Сибири Ф. Т. на основании царской грамоты, предписывавшей использовать его «у какова дела пригоже», и по грамоте архиепископа Сибирского и Тобольского был определен в дьячки Богоявленской церкви с жалованьем «шоденным кормом» в 4 алтына. Однако в сентябре того же года он обратился с челобитной к царю о невыдаче тобольским воеводой жалованья, отчего, по словам бывшего подьяка, его семья умирала «голодную смертью со всякой нужды». Грамотой от 17 декабря 1661 г. велено было давать ему прежнее жалованье и пристроить к службе по усмотрению воеводы (Белокуров С. А. Юрий Крижанич в России. С. 117—119, 121). В период своего пребывания в Тобольске Ф. Т., по его собственному признанию, «к тем церквам не ходил, где по новоправленным книгам служат. . . и людям много весьма развращенно говорил о новоисправленных книгах, нарицая отступление и приводя о последних временах от писания». Юрий Крижанич, бывший свидетелем проповеднической деятельности Ф. Т., с иронией писал, что он, «не имея еще уса на устах, чиняшеся zde в церкви учителем и бяше досаден градским женам; но жены ему отвечааша: Поиде ты домой свою жену учить» (Обличение на Соловецкую челобитную. Казань, 1878. С. 67). Ближайшим другом и наставником Ф. Т. в Тобольске стал сосланный сюда же за раскол поп *Лазарь*. Общался он и с протопопом *Аввакумом*, возвращавшимся из даурской ссылки и зимовавшим здесь в 1663—1664 гг.

Вокруг Ф. Т. и Лазаря сложилась группа защитников «старой веры», в которую входили жители Тобольска (поп Успенского девичьего монастыря Федот Семенов, поп Абалацкого Знаменского монастыря Терентий Афанасьев, дьякон Богоявленской церкви Иван Семенов, дьякон Вознесенской церкви Федор Стрикаловский, дьякон Софийского собора Федот Трофимов, ссыльный поп Полиевкт Максимов, ямщик Петр Денисов сын Шадра) и Тюмени (игумен Спасо-Преображенского монастыря Андриан и поп Знаменской церкви Доментиан). Весной и летом 1665 г. ими были организованы какие-то антицерковные выступления, в результате чего всех их арестовали и отправили за «неистовое прекословие» в Москву, куда они прибыли в начале ноября того же года (ЦГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 1237, л. 191—192, 230, 232, 246, 248, 251).

В Москве Ф. Т. написал два сочинения. Первое — «Роспись, за что я, Фетка, Никона патриарха и учеников его еретиками и отступниками называл и называю» — перечисляет в основном «вины» морально-эти-

ческого плана самого Никона и его окружения (интриги, «содомска блудия» и др.). Второе произведение — «Роспись вкратце, чем Никон патриарх с товарищи на царскую державу возгордились и его царский чин, и власть, и обдержание себе похищают», — созданное главным образом на основе личных впечатлений Ф. Т., полученных за годы проживания в Тобольске и по пути в Москву, показывает на многочисленных примерах «роскошь непристойную», вошедшую в церковь со времени Никона (передвижение в городах местных архиереев, как царей, в золоченых каретах под колокольный звон; пение «арганным согласием», «теререк», «приплясных стихов»; заведение в монастырях вместо келий «светлиц» и т. п.). Ф. Т. в своих писаниях настойчиво пытался доказать, что наступают последние времена и что непосредственно Никон является самым антихристом. Присовокупив к «Росписям» обширное, состоящее из четырех частей сочинение Лазаря, которое Ф. Т. собственноручно переписал еще в Тобольске, он все это в виде шести склеенных свитков подал царю.

В декабре 1665 г. Ф. Т., попа Лазаря и тюменского попа Доментяна отправили в ссылку в Пустозерск с предписанием «беречь их накрепко, чтоб они никуда не ушли, а бумаги и чернил им не давать и никаких смутных речей у них не слушать». Туда же ссылались из Сибири и их семьи, которые прибыли к месту назначения раньше, чем их мужья и отцы, задержавшиеся на Мезени в Окладниковской слободке в ожидании водного пути (Материалы. . . Т. 4. С. 434—440).

В Пустозерске Ф. Т. пробыл менее года. В июле 1666 г. его доставили в Москву на церковный собор. Во время соборного заседания, разбиравшего его дело, он «святейших патриархов и весь освященный собор неправославными нарече и в своем злохулном и злонравном писании. . . писа, и ни в чем не повинился и прощения не просил, за что анафеме предадеса» и вновь «заточися во острог Пустозерский», куда были также в разное время отправлены Аввакум, Лазарь, *Епифаний* и Федор Иванов. В апреле 1670 г. в связи с приездом в острог стрелецкого полуголовы И. К. Елагина и «казнями» пустозерских узников Ф. Т. притворно отрекся от «старой веры» и написал Покаянный свиток.

После освобождения из пустозерского заключения Ф. Т. постригся в монахи. По всей видимости, к этому времени относится его несохранившаяся переписка с протопопом Аввакумом о сущности антихриста (С м и р н о в П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII в. СПб., 1898. С. LXVI, примеч. 97, 26). Во второй половине 1670-х гг. Ф. Т. появился в скиту Корнилия Выговского на Крюткозере. Прожил он здесь «года с полтора, а нача звати Корнилия, еже идти на муки». После отказа Корнилия Ф. Т. «пойде к Великому Новуграду. И тамо, у Чюднаго Креста» был схвачен и отправлен в Москву. «Он же дерзновенно царя обличив и по многих муках и томлениях огнем сожежен бысть, скончася» (Б р е щ и н с к и й Д. Н. Житие Корнилия Выговского пахомиевской редакции: (Тексты) // Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1985. С. 86—87; С м и р н о в П. С. Внутренние вопросы в расколе. . . С. XIV).

Соч.: Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. М., 1875. Т. 1. С. 440—444 (Покаянный свиток); 1878. Т. 4. С. 285—289, 289—298 (две «Росписи»).

Лит.: Б о д я н с к и й О. М. 1) Предисловие к изданию «Грамматично изказание об руском езику» Юрия Крижанича // ЧОИДР. М., 1848. Кн. 1., отд. III. С. XVI; 2) Объяснение. Смешал ли? // Там же. М., 1859. Кн. 1, отд. V. С. 103—104; С м и р н о в С. По поводу мнения о месте погребения расколоучителя диакона Федора // Московские ведомости. 1859. № 58. С. 434—435; Д р у ж и н и н. Писания старообрядцев. С. 257—258; Б у д о в н и ц. Словарь. С. 345, 352; П у ш к а р е в Л. Н. Юрий Крижанич: Очерк жизни и творчества. М., 1984. С. 109, 124, 147, 149; Ш а ш к о в А. Т. Антицерковные выступления тюменских старообрядцев во второй половине XVII века // 400 лет Тюмени. История и современность: Тез. докл. и сообщ. гор. науч. конф. Тюмень, 1986. С. 6.

Феодосий (ум. X. 1671) — архимандрит Иверского Валдайского монастыря, участник перевода «Ключа разумения» Иоанникия Галятковского. В 1650-х гг. был игуменом Буйницкого Могилевского монастыря; с июля 1669 г. до кончины — архимандрит Иверского Валдайского монастыря. Участвовал в переводе «Ключа разумения» Иоанникия Галятковского, спешно выполнявшегося в Иверском монастыре по приказанию митрополита Новгородского *Питирима*, будущего патриарха (за май—сентябрь 1669 г.). В процессе перевода часть текста отсылалась митрополиту Питириму в Новгород на сверку: «. . . прикажи те тетради. . . принять, и что будет в них неисправно переведено на русской язык, прикажи, государь, исправить. . .» (Леонид, архимандрит. Акты. . . Стб. 750 и 759). В октябре 1669 г. переписанный набело перевод «Ключа разумения» вместе с оригиналом (в двух книгах) был отослан (с ржаными сухарями, заказанными особо) в Новгородскую митрополию вместе с грамотой. Оригиналом для перевода послужило первое издание «Ключа разумения» 1659 г. с «Казанями придаными» 1660 г. Перевод иверских монахов сопровождался Посвящением митрополиту Питириму. Вместо авторского названия в переводе книга получила заглавие: «Поучения, или Проповеди слова Божия на праздники господския и пресвятыя Богородицы, также святых нарочитых. Переведены на словенороссийский диалект во святем монастыре опщежителном Иверском, иже на Свете езере, в лето от создания мира 7178-го, от Рождества же Христова 1669-го». Перевод не издан. Известны его списки из Новгородского Антониева монастыря (ЦГИА, Архив Синода, ф. 834, оп. 3, № 3817) и новгородской духовной семинарии (его цитировал П. М. Строев); другие списки указаны И. А. Шляпкиным, И. И. Огиенко.

Архимандрит Ф. отсылал в 1669 г. митрополиту Новгородскому Питириму старопечатные книги (аввы Дорочья киевской печати и «Зерцало, или Диоптру» кутеинской печати), а в 1670 г. по просьбе Питирима в Иверском монастыре была переплетена Псалтирь. Известна также грамота Ф. к новгородскому воеводе Михаилу Морозову об отсылке к нему в 1671 г. книги «Мессия праведный» Иоанникия Галятковского, а также хлебника старца Данилия, который «гарас хлебов и широгов печь».

Лит.: Леонид, архимандрит. Акты Иверского святоозерского монастыря. Пб.. 1878. № 278, 279, 283—285, 289, 290, 306, 308 и стб. 748—799 (РИБ; Т. 5); Строев. Словарь. С. 305—306; Шляпкин И. А. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651—1709 г.). СПб., 1891. С. 132; Огиенко Иван. Издания «Ключа разумения» Иоанникия Галятковского, южно-русского проповедника XVII в.: Отд. отт. из РФВ за 1910 г.

О. А. Белоброва

Феодосий (1614—1687) — игумен Антониево-Сийского монастыря, автор Повести о чудотворной иконе, книгописец и книголюб. Ф. был родом из Холмогор; его отец был ремесленником-серебряником. Юноша рано постригся в монахи — когда ему было всего 18 лет (1632 г.). В 1644—1652 и 1662—1687 гг. был игуменом Антониево-Сийского монастыря, а в промежутке находился «под началом» в Кожеозерском монастыре. Управляя хозяйством Антониево-Сийского монастыря, Ф. занимался перепиской книг. В настоящее время известны 7 рукописей, написанных целиком или частично Ф. Кроме того, он заботился о пополнении личной (келейной) и монастырской библиотеки. При Ф. в 1870-х гг. в Антониево-Сийском монастыре применялось орнаментальное украшение рукописей гравированными на дереве рамками-заставками и иногда двухцветными заставками — черными с красным. Особой известностью пользовались Святцы. В научной литературе долгое время держалось ошибочное мнение, будто эти Святцы и другие книги были отпечатаны типографски: на самом же деле в них гравированный орнамент и рукописный текст. Ф. приписывается искусство иконописца, так как в его Житии, составленном *Никодимом*, сообщалось, что он написал две иконы: Софии премудрости

Божией и Антония Сийского (не обнаружены). Многие рукописи при Ф. были украшены миниатюрами, например, списки *Жития Антония Сийского* (ГИМ, собр. Шукина, № 107/750; ЦГАДА, ф. 181, оп. 20, № 283 и др.). В 1658 г. Ф. составил Повесть о чудотворной иконе (чудо от иконы) и добавил ее к тексту *Жития Антония Сийского*. Среди книжных вкладов Ф. — Книга Алфавит, Книга Козмы Индикоплова, исторические сочинения, певческие и богослужебные рукописи. Житие Ф. и Чудо от иконы (ГБЛ, собр. Пискарева, 109, 1658 г., автограф Ф.) не опубликованы и недостаточно изучены.

Лит.: К л ю ч е в с к и й . Древнерусские жития. С. 337; К и р и л л о в А. Подвижники благочестия, почивающие в усыпальнице Антониево-Сийского монастыря // Архангельские епархиальные ведомости. 1898. № 15. С. 399—405; К у к у п к и н а М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера. Л., 1977. С. 102—109.

[О. А. Белоброва

Феодосий (ум. ок. 1711) — черный поп, глава ветковского поповского старообрядчества, автор посланий. Ф. был рукоположен еще патриархом *Иосифом* в священники Никольского монастыря под Рыльском. До времени появления Ф. на реке Донце о нем ничего неизвестно. Приход же Ф. на Донец В. Г. Дружинин относит к 1684 г. Из официальных документов следует, что пустынь Ф., где он имел свою часовню, находилась при впадении в Донец р. Айдара, поблизости от Айдарской станицы. Находясь в донецких краях, Ф., как доносили на него в Посольском приказе, «в службе своей на ектениях и в молитвах за великих государей и за св. патриарха Бога не молил. . . и многих старых казаков перекрещивал и учил своим ученьем противно соборной апостольской церкви». Известно, что Ф. поддерживал оживленные письменные и личные отношения с влиятельными казаками Черкаска, сторонниками противомосковской старообрядческой партии, приславшими ему «грамотки» и приказывавшими айдарцам, чтобы «казаки его, старца, слушали и вельми почитали. . . для того, что он старец добрый и учительный человек». У некоторых из этих влиятельных казаков Ф. был духовным отцом (ДАИ. Т. 12. С. 128, 165, 185—186, 205—209).

Деятельность Ф. на Донце продолжалась почти до первой половины 1686 г., когда московские власти принялись энергично искоренять «раскол» на Дону. Ф. был схвачен в июне 1686 г. и представлен в Посольский приказ. Из Посольского приказа он попал в руки патриарха *Иоакима* и после лишения священнического сана был заточен в Кирилло-Белозерский монастырь, где просидел «семь лет в темнице нужней и водней» и где «от уныния» переписывал книги. По свидетельству Ивана Алексеява, автора написанной в середине XVIII в. «Истории о бегствующем священстве», в Кирилло-Белозерском монастыре Ф. склонился «к новотворным догматам». Но вскоре после этого единомышленники по вере устроили ему побег из монастыря и он оказался у старообрядцев в Поморье (Ф и л и п о в И. История Выгдовской пустыни. СПб., 1862. С. 87). Из Поморья Ф. был переправлен в Керженские леса и сделался здесь преемником главы Керженского старообрядчества Дионисия Шуйского.

Вместе с бывшим пошехонским дворянином Федором Яковлевым Токмачевым он управлял всем Керженцем: созывал соборы, снабжал миром и запасными святыми дарами всех нуждавшихся, деятельно агитировал в пользу старой веры. Начавшийся правительственный розыск привел к тому, что Федор Токмачев был схвачен властями, осужден и сожжен, а Ф. пришлось бежать с Керженца в Калугу, где старообрядцев было тоже немало. В Калуге в одной запустевшей от ветхости церкви, где престол и алтари были освящены еще при патриархе Иосифе, ему удалось совершить в ночь на Великий четверг литургию и приготовить запасное причастие, нужду в котором испытывало все старообрядчество. С точки зрения

строгих требований старообрядцев, здесь все было соблюдено: в дониконовской церкви на дониконовском антиминос дониконовского поставления священник совершил литургию по дониконовскому Служебнику. Так у Ф. снова появились святые дары, и он мог снабжать ими старообрядцев из самых разных краев. В середине 90-х гг., когда влияние и авторитет Ф. среди старообрядцев стояли на очень высокой ступени, к нему явился посланцем с Ветки некий инок Нифонт с приглашением быть преемником скончавшегося священника Иоасафа, главы ветковских старообрядцев. За польским рубежом было безопаснее, и Ф. принял предложение. Прибыв на Ветку, Ф. расширил построенную еще Иоасафом церковь и в 1695 г. освятил ее во имя Покрова Богородицы. Это была первая старообрядческая церковь в стародубско-ветковских пределах. При ней устроились мужская и женская обители; так возник на Ветке Покровский старообрядческий монастырь. Но влияние Ф. не ограничивалось одной Веткой, оно по-прежнему распространялось и на Керженец. Он сам ходил мирить возникшие там споры и посылал туда с Ветки наставительные грамоты, разрешая на ветковских соборах жалобы, приносимые ему с Керженца и нижегородских пустынь. Благодаря его деятельности Ветка сделалась центром всего поповского старообрядчества.

На соборе 1710 г., когда Ф. судил дьяконовцев, на Ветку с Керженца были вызваны поп Димитрий и дьякон *Александр* (см. *Тимофей Лысенин*). Результатом этого собора было послание Ф. 1710 г. в нижегородские скиты, напечатанное в сокращенном виде Андреем Иоанновым (Журавлевым). Послание это есть подробный и обстоятельный ответ на все «писания» нижегородских скитников по поводу многих «раздоров, свар и разделений единоверно живущих». Здесь Ф. обращался ко всем начальствующим скитникам, инокам и инокиням и говорил с ними как имеющий власть духовный начальник. К посланию в нижегородские скиты были приложены следующие руки: священника Ф., священника Александра, старца Нифонта, чернеца Варфоломея, старца Гавриила, старца Иова (вместо старца Сергия), казначея Серапиона, старца Филарета, старца Зосимы, старца Павла Ветковского. Было еще одно послание Ф. на Керженец к священнику Лаврентию, но оно не сохранилось; мы знаем о нем из сохранившегося послания, где сказано: «А которые дети мои духовные ходят к попу Авраамию без моего благословения, и о том писано в первом послании, что к священнику Лаврентию».

Время смерти Ф. определяется следующими данными: в 1710 г. он писал послание в нижегородские скиты, а в 1711 г. «начальствующим учителем» на Ветке уже значился поп Александр, преемник Ф. Следовательно, Ф. умер около 1711 г. Во время первой ветковской «выгонки» в 1735 г., когда старообрядцы, защищая перед полковником Сытиным свою веру, указали ему на прежних своих отцов — Иоасафа, Ф. и Александра, — прославленных нетлением мощей, гробы ветковских наставников были немедленно запечатаны и отправлены в Россию. Там было приказано мощи сжечь, что и проделано было публично недалеко от Новгорода Северского на р. Колоске.

Соч.: Андрей Иоаннов (Журавлев). Полное историческое известие о древних строгольниках и новых раскольниках. . . СПб., 1799. С. 271—278.

Лит.: Е с и п о в Г. Раскольничьи дела XVII столетия. СПб., 1863. Т. 2. С. 185; Д р у ж и н и н В. Г. Раскол на Дону в конце XVIII века. СПб., 1889. С. 81; И в а н о в с к и й Н. И. Руководство по истории и обличению старообрядческого раскола. Казань, 1889. С. 89—90, 132—134; Ивана Алексеява сочинения против мнимого священства поповцев / Изд. Н. Субботиним. М., 1890. С. 20—23; Л и л е е в а М. И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье в XVII—XVIII. Киев, 1895. Вып. 1. С. 168—209 (реп.: С м и р н о в П. С. Новый труд по истории раскола // Христ. чт. 1895. Кн. 2. С. 540—541); С м и р н о в П. С. 1) Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. СПб., 1898. С. XXI, XXII, CXI, CXV, CXVI. 129—162, 048, 077—079; 2) Из истории раскола первой половины XVIII века. СПб., 1908. С. 152—162; 3) Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII века. СПб., 1909. С. 110.

Феоктист (ум. в конце 1666) — игумен Московского Златоустовского монастыря, старообрядческий писатель. О его игуменстве (пришедшемся, по-видимому, на 40-е гг. XVII в.) мы знаем из решения церковного поместного собора 1666 г. Уволенный «на обещание» в монастырь Николая на Болоте, что в Переславле-Залесском, Ф. прожил там недолго. Вернувшись в Москву, он с 1653 г. принял деятельное участие в борьбе партии традиционалистов-старообрядцев с церковной реформой патриарха *Никона*. Особенно близок был Ф. к вождю старообрядческой оппозиции протопопу Казанского собора *Иоанну Неронову*, при котором долгое время состоял фактически в роли секретаря. «Имеяше же сей иеромонах Григорий (Неронов) единомысленника си, паче же ученика, бывшего игумена монастыря Златоустовскаго Феоктиста, иже равна учителю своему мудрствование словом и писанием», — говорит о нем «Соборное деяние» 1667 г.

Живя в столице, Ф. сблизился с епископом Коломенским и Каширским *Александром*, переведенным в 1657 г. во вновь образованную Вятскую епархию. В 1653—1654 гг. Ф. жил у Ивана Неронова в Спасо-Ломовой Игнатьевой пустыни, затем в своем монастыре в Переславле, а в 1665—1666 гг. — у епископа Александра на Вятке. В январе 1666 г. по пути в Вологду он был схвачен по царскому указу и доставлен в Москву. При обыске у него были отобраны книги и бумаги (всего 87 номеров согласно составленному тогда же списку), представлявшие по существу архив протопопа Ивана Неронова и возглавлявшейся им московской старообрядческой оппозиции. Некоторые из этих бумаг были составлены самим Ф. Так, под № 60 «списка» значится «Выписка изо многих книг да отписка к Федору Михайловичу (Ртищеву), да челобитная Феоктистова»; под № 84 названа выписка из «Евфросина Псковского и иных многих об аллилуие». По поводу этих и других выписок Ф. на допросе (15 февраля) признал, что писал их «в пустыне у Неронова, от него совет приемля, собираючи от Божественного писания», или же списал их с оригиналов, полученных от разных лиц в Москве.

На допросе Ф. высказал сомнение в правильности новоисправленных книг, но вскоре подал Собору два «молебных послания», в которых выразил раскаяние в своем «еретическом мудровании». 16 июля того же года он был сослан «под крепкий начал» в Николаевский Песношский монастырь, а 5 ноября вновь привезен в Москву. После новой серии допросов у архиереев Ф. был отослан на жительство в Покровский монастырь, «что на убогих домах», где, «пожив нечто времени, с миром ко Господу отъиде». Здесь же он был и погребен.

Игумен Ф., принадлежавший к числу писателей ранней поры русского старообрядчества, известен прежде всего как биограф Ивана Неронова. Составленная им Записка о жизни Ивана Неронова с 1653 по 1659 г. рисует яркую картину борьбы старообрядческой оппозиции со всеильным и властным патриархом. Ф. приписывают (Н. И. Субботин) участие в составлении сборника посланий и писем Ивана Неронова, изданного по списку ГБЛ, собр. Уварова, № 494 (131). Нам известен еще один список этих посланий (в редакциях, приближенных к протографу) в ркп. ГБЛ, Рогожское собр., № 667 (60—70-е гг. XVII в.). Из других сочинений Ф. назовем: письмо к протопопу *Стефану Вонифатьеву* от 13 июля 1654 г. (Материалы . . . Т. 1. С. 109—119), два послания к боярыне *Феодосии Морозовой*, посланные с Вятки в 1665 г. (Материалы. . . Т. 1. С. 308—316 и 316—320), и тексты его «молебных писаний» к Собору 1666 г. Одно из них (первое) было включено иноком *Авраамием* в составленную им в 1669 г. книгу «Христианоопасный щит веры против еретического ополчения» (Материалы. . . Т. 7. С. 84—85). Большая часть сочинений Ф. издана Н. И. Субботиным по автографам, хранящимся в Синодальном собрании.

Соч.: Материалы для истории раскола за первое время его существования / Изд. Н. Субботина. М., 1874. Т. 1. С. 134—166 (Записка о жизни Ивана Неронова с 1653 по 1659 гг.), 308—320 (письма и послания).

Лит.: ДАИ. Т. 5. С. 458; Материалы. . . Т. 1. С. 306—308, 320—344, 352—356; 1885. Т. 7. С. 84—85; Б у б н о в Н. Ю. 1) Книга раннего старообрядчества // Книговедение и его задачи в свете актуальных проблем советского книжного дела: Тез. докл. на Второй Всесоюз. науч. конф. по пробл. книговедения. М., 1974. С. 35—36; 2) Источники по истории формирования идеологии раннего старообрядчества: Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. Л., 1975. С. 7.

Н. Ю. Бубнов

Феолаг (ум. 1734) — иеромонах чудовский, участник правки библейского перевода, автор писем. Ученик братьев *Иоанникия* и *Софрония Лихудов*. С 1697 г. книжный писец, а затем и справщик Московского Печатного двора; позднее справщик типографии Александро-Невской лавры. В 1712—1720 гг. занимался правкой славянского перевода Библии; ему принадлежит сводка ошибок в славянском Пятикнижии. Ф. переписывался с *Димитрием Ростовским* (письма не изданы). Письма Ф. и его библиотека поступили в Синодальное собрание.

Лит.: П е к а р с к и й П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 2. С. 549—550; М а н с в е т о в И. Как у нас правились церковные книги. М., 1883. С. 29; Ф и л а р е т. Обзор. С. 268; С о б о л е в с к и й . Переводная литература. С. 287; Л у п ц о в С. П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973. С. 83.

О. А. Белоброва

Филофей (ум. 18 IV 1669) — архимандрит Валдайского Иверского Богородицкого монастыря, автор предисловий к книгам «Рай мысленный» и «Брашно духовное». Как и его предшественник архимандрит Дионисий, Ф. принадлежал к братии Кутейнского Божоявленского монастыря, переведенной патриархом *Никоном* в только что учрежденную им Иверскую обитель; на Валдай первые переселенцы прибыли в марте 1656 г., правда, уже без своего игумена Иоиля Труцевича, умершего в пути. Сделавшись на новом месте монастырским наместником, Ф. принял бразды правления от Дионисия, оставившего свой пост «за старостью и болезнями» в 1658 г. и настоятельство воевал на Святом озере в течение десяти лет вплоть до своей смерти (С т р о е в П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 52; Акты. . . Стб. 35).

Из актов Иверского монастыря, изданных архимандритом Леонидом, можно узнать со всеми подробностями, иногда проследить по дням, какие заботы легли на плечи, как видно, немолодого уже архимандрита. Ф. довелось руководить обителью в нелегкое для нее время. В июле 1658 г., рассорившись с царем, патриарх Никон удалился из столицы в свое строение — Воскресенский Новоиерусалимский монастырь, ставший его постоянной резиденцией до ссылки. С этой поры Иверский монастырь оказался на положении пасынка, так как всю любовь и внимание своенравный патриарх обратил на свое последнее детище на реке Истре. Непродолжительный период бурного строительства сменяется в истории Валдайского монастыря годами постепенного захирения; по переписке Никона с Ф. можно проследить, как патриарх отзывал в свою подмосковную резиденцию новых и новых мастеровых из Иверских вотчин (см.: Акты. . . № 149, 151, 152 (1—2), 154, 158 (1—2), 159 (1—2), 163, 171 (1—2), 174 (13, 18, 21, 26, 27), 176 (1, 4, 7), 177, 194, 195, 205 (2, 3), 209 (1—2), 212 (2), 224 (6), 228 (1—2), 232, 233 (1—2), 234 (1—2), 235 (1, 3, 4), 236 (4), 238 (3), 239 (4), 241 (1—3, 6), 244 (4, 11), 246 (1)); в 1665 г. патриарх затребовал с Валдая и типографию, привезенную из Кутейна и продолжавшую функционировать (Акты. . . № 208, 211, 215 (2)). Впрочем, многочисленные указы по хозяйственным делам свидетельствуют, что глава русской церкви не отказался вполне от попечений о своем монастыре. Хотя и находившийся в положении полудобровольного изгнанника, Никон продолжал внушать своим бывшим ставленникам трепет и благоговение: в 1664 г. Ф. отправляет к нему «нарочного» гонца, чтобы патриарх дал согласие на прием в Ивер-

ском монастыре митрополита Новгородского и архиепископа Псковского, объясняя, что «без твоего святительского указу стретить и принять их в монастырь не смеем» (Акты. . . № 181); Иверский архимандрит вынужден приискивать оправдания, почему он послал патриарху сивов, которые «за смрадостью не годны» (Акты. . . № 185 (1)); гнев Никона за то, что в его обители не так «содержится» «монастырской чин и устав церковный», вызвал у иверских властей настоящую панику: «Прости нас, — слезно молит архимандрит, — недостойных своих рабов, в невежестве нашем, еже тебе, милостиваго своего отца, невежеством своим и простотою прогневили» (Акты. . . № 210).

Настоящая лихая година настала для Ф. и возглавляемой им киновии, когда решением собора 1666 г. опальный патриарх был лишен святительского сана и отправлен в ссылку; самое существование монастыря оказалось под угрозой. Лишившись своего высокого покровителя, Ф. пытался найти других заступников, в частности, он обращался к царскому тестю Илье Даниловичу Милославскому («Ей, государь, — признается архимандрит, — посягание терпим многое, что видят нас беззаступных по бывшем патриархе Никоне; а мы, государь, люди были у него невольные») и его жене Ксении Ивановне (Акты. . . № 252 (1—2)). В последние годы жизни Ф., видимо, нездоровилось (сугубо деловой характер переписки архимандрита не оставляет сомнений, что немощь его — факт биографии, а не этикетный эпистолярный мотив). «В скорби своей и к церкви Божии насилие волочюся», — пишет он Никону (Акты. . . № 210) и — незадолго до кончины — чудовскому архимандриту *Иоакиму*, будущему патриарху (между прочим, бывшему когда-то старцем Иверского монастыря): «А я, многогрешный, за грехи свои скорбен велми» (Акты. . . № 276).

Некоторые грамоты Ф. написаны от его собственного имени (Акты. . . № 132, 137, 142, 172, 248, 251, 252 (1—2), 258 (2), 259), в некоторых — называются рядом имена других монастырских властей (Акты. . . № 144, 152 (1—2), 154, 155, 159 (1—3), 165, 171 (1—2), 177, 181 (1—2), 185, 191, 193, 195, 198, 202, 207, 210, 211, 212 (1—2), 214 (1—4), 216 (1—3), 217, 220, 223, 225 (1—3), 227 (1—2), 232, 234 (1—2), 236 (1—4), 239 (1—5), 243 (1—2), 249, 258 (1), 266, 267, 271, 274, 276, 430 (1—2), 432). В числе адресатов архимандрита кроме создателя монастыря (Акты. . . № 152, 154, 155, 159, 165, 171, 177, 181, 185, 191, 193, 198, 210, 211, 212, 214, 216, 220, 223, 225, 227, 232, 234, 236, 239, 243) царь *Алексей Михайлович* (Акты. . . № 137, 248), новгородские воеводы князь Иван Репнин (Акты. . . № 144) и князь Василий Ромодановский (Акты. . . № 430), митрополит Новгородский *Питирим* — будущий патриарх (Акты. . . № 258, 267, 274), архиепископ Тверской *Иоасаф* (Акты. . . № 271), архимандрит Чудова монастыря *Иоаким* (Акты. . . № 251, 276), архимандрит Борисоглебского Новоторжского монастыря *Кирилл* (Акты. . . № 259). Эта обширная переписка, характеризующая административные способности архимандрита, не содержит вместе с тем поползновений на литературную стилизацию.

Из всего корпуса грамот с именем Ф. стоит, пожалуй, выделить его письмо Никону о соловье, влетевшем в церковь; в этом письме также отсутствует литературное начало, однако рассказ архимандрита замечателен как редкая для той эпохи жанровая сценка. Дело обстояло так: до патриарха дошли слухи, будто в соборную церковь Иверского монастыря залетел соловей, сел на патриаршем месте «и пел дивно»; «и того де соловья взяв с нашего места понамарь, и отдал тебе архимандриту, и тот де соловей у тебя архимандрита умер в руках». Ясно, что в этом происшествии Никон усмотрел какой-то символический смысл, почему и велел Ф. «отписать, не замотчав ни часу, обо всем подробну». Архимандрит, перепугавшись, стал оправдываться («прощения просим, что о том соловье простотою своею к тебе, милостивому отцу, не писали»), подтекст патриаршего письма он то ли не понял, то ли не захотел понять. В его подробном изложении случившегося инцидент лишился чудесного элемента: оказывается, соловей

сел не на патриаршее место, а на алтарное окно, издох же он, видимо, из-за неловкости поймавшего птичку «малого» (Акты. . . № 238 (2), 239 (1); перепечатано в кн.: С и л и н П. М. Историческое описание Валдайского Иверского Святоозерского Богородицкого первоклассного монастыря. 2-е изд. Новгород, 1889. С. 75—78).

О литературных способностях Ф. позволяют составить некоторое представление два предисловия к изданным в Иверском монастыре книгам, подписанные: «Филофей архимандрит з братиею монастыря Иверского Святоозерского». В предисловиях весьма витиеватым слогом сообщается о содержании и о душевной пользе книг, напечатанных на вывезенном из Кутейна типографском оборудовании: первая из них — вышедший в 1658 г. «Рай мысленный», где проводится мысль о преемственности новоучрежденного монастыря по отношению к Афонскому Иверскому (вторая часть книги, рассказывающая «о явлении честных и многоцелебных мощей святаго и праведнаго Иакова Боровицкаго», издана в 1659 г., тогда же написано рекламирующее ту и другую части книги предисловие Ф.); вторая — вышедшее в 1661 г., по-видимому, в двух вариантах «Брашно духовное», или следованная Псалтирь (но не сборник слов, как ошибочно определяет ее содержание И. У. Будовниц: Словарь. С. 31). В предисловии к «Брашну духовному» Ф. рассказывает о переселении богоявленской братии и о предистории издания. Он отмечает, что книгу начали «тиснением печатным издавати» еще в Кутейне; скорее всего именно эту незаконченную работу имел в виду Никон в послании 1658 г., когда запретил ее продолжение, ибо «те псалтыри неисправны» (Акты. . . № 123). Ф., надо думать, принадлежали и предисловия к изданной монастырем в 1665 г. царской жалованной грамоте (см.: Акты. . . № 198); текст этого издания, неизвестного современным библиографам, воспроизведен в кн.: А м ф и л о х и й, архимандрит. История российской иерархии. М., 1812. Ч. 4. С. 222—239. Не исключено, что перу Ф. можно приписать и другие разделы в изданиях Иверского монастыря, например, стихи на обороте титульного листа «Рая мысленного».

Преемственность напечатанных Ф. книг по отношению к кутейнским изданиям обнаруживается не только в использованных иверскими мастерами типографских материалах. Сама манера сопровождать книги предисловиями и послесловиями издателей, иногда с автобиографическими деталями, характерна для белорусских и украинских книгопечатников; подобной практики на Московском Печатном дворе не существовало. Предисловия, сходные с написанными Ф., читаются в кутейнских работах Иоиля Труцевича — см., например, Трефологион 1647 г., «Диоптру» 1651 г., «Лексион» Памвы Берынды 1653 г. (между прочим, часть тиража белорусских изданий монахи-переселенцы вывезли в Иверский монастырь; см.: Акты. . . № 204; Г о л е н ч е н к о. Белорусы. . . С. 100). Более того, состав иверского «Брашна духовного» с небольшими заменами воспроизводит содержание книги, вышедшей под тем же заглавием в Кутейне в 1639 г. (Книга Белоруссии. 1517—1917: Сводный каталог. Минск, 1986. С. 109, № 135). Указывались, наконец, следы влияния белорусского языка на текст иверских изданий: «Переименование некоторых слогов на белорусское наречие во всех печатных иверских книгах удостоверяет, что здешними типографами были иноки кутейнские» (Петр, архимандрит с братиею. Описание первоклассного Иверского Богородицкого монастыря, Новгородской епархии. 2-е изд. СПб., 1850. С. 17). Познания переселенцев в польском языке использовал сам патриарх, заказавший Ф. с братией перевести «речи на русский язык» из какой-то книги «полской печати» (Акты. . . № 205).

Соч.: Рай мысленный. Иверский мон., 1658—1659. Л. 1—2 нн. (1-го сч.); Брашно духовное. Иверский мон., 1661. Л. 1 об.—3 (1-го сч.).

Лит.: Акты Иверского Святоозерского монастыря (1582—1706), собранные о. архимандритом Леонидом. Пб., 1878 (РИБ; Т. 5); Строев. Словарь. С. 277;

Родосский А. Описание старопечатных и церковнославянских книг, хранящихся в библиотеке С.-Петербургской Духовной академии. СПб., 1891. Вып. 1: 1491—1700 г. включ. С. 278—279, № 260; С. 283—285, № 268; Зернова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII вв.: Сводный каталог. М., 1958. С. 138—139. Приложение IIВ, № 2, 3; Будовниц, Словарь. С. 356; Голещенко Г. Я. Белорусы в русском книгопечатании // Книга: Исследования и материалы. М., 1966. Сб. 13. С. 99—106; Белоненко В. С. 1) Из истории книгопечатания Иверского Валдайского монастыря // Исследования памятников письменной культуры в собраниях и архивах Отдела рукописей и редких книг ГПБ. Л., 1988. С. 67—76; 2) Из истории книжности Иверского Успенского монастыря на Валдайском озере в XVII в. // Литература Древней Руси: Источниковедение. Л., 1988. С. 197—206.

Д. М. Булагин

Фомиин Иван (XVII в.) — дьяк, составитель статейных списков. Служил в московских приказах: подьячим в Пушкарском (1646 г. — РИБ. Т. 10. Стб. 391) и Поместном (1652 г. — ААЭ. Т. 4. № 61. С. 94), дьяком в Поместном (1655—1659 гг. — Федотов-Чеховский А. А. Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. Киев, 1863. Т. 2. Стб. 367) и Посольском. В 1640-х гг. Ф. был переписчиком в Рязанском уезде и в Зарайске. В 1652—1653 гг. и в 1656—1657 гг. Ф. трижды направлялся к Богдану Хмельницкому (сохранились статейные списки), в том числе дважды совместно с А. С. Матвеевым (РИБ. Т. 21. Стб. 648); в 1653—1654 гг. Ф. был послан в Крым с Т. Хотунским. Он сопровождал также В. Б. Лихачева в посольстве во Флоренцию в 1658—1659 гг. Известна челобитная Ф. от 9 сентября 1660 г. (Акты Московского государства. СПб., 1901. Т. 3, № 167. С. 150), в которой указывается, что за время службы он обеднел и надеется на вознаграждение (с пометой об удовлетворении просьбы челобитчика). Сведения о дальнейшей службе Ф. дьяком в Галицкой чети, Астрахани и Свияжске имеются вплоть до 1667 г.

Статьный список посольства во Флоренцию В. Б. Лихачева и Ф. издавался неоднократно (перечень изданий 1788, 1840 и 1871 гг. см. при ст. В. Б. Лихачев); статейные списки посольств с участием Ив. Фомина к гетману Богдану Хмельницкому в 1653 г. опубликованы в 1861 и 1953 гг. Мера участия Ф. в составлении статейных списков никем не определена. В текстах статейных списков Ф. упоминается в третьем лице.

Соч.: АЮЗР. СПб., 1861. Т. 3. С. 496—507; Воссоединение Украины с Россией, М., 1953. Т. 3, № 166. С. 287—317; № 181. С. 350—363.

Лит.: Веселовский С. Г. Дьяки и подьячие XV—XVII в. М., 1975. С. 549.

О. А. Белоброви

Фофанов Никита Федоров (вторая половина XVII в. — до 1620) — мастер книгопечатного дела в 1606—1618 гг. Отрывочные сведения о Ф. содержатся в послесловиях изданных им книг, памятнике нижегородской печати и в сочинении XVII в. «Сказание известно о воображении книг печатнаго дела», которое дает мастеру характеристику как «мужу убо смышленну и разумну бывшу к таковому хитрому делу» (ГИМ, Синодальное собр., № 850, л. 79—79 об.). Ф. родился во Пскове: в послесловии он называет себя «псковолитинем». Переселившись в Москву, начал службу на Печатном дворе словолитцем. Ему трижды в жизни пришлось основывать книгопечатни. Первый раз — в Москве в 1606 г., когда царь В. И. Шуйский распорядился «зделати новую сию штанбу» и «дом новый устроити превеликий повеле». Это была третья правительственная «друкарня» в Москве, действовавшая наряду со станами *Ивана Невежина* (1603—1611 гг.) и *Анисима Радишевского* (1605—1610 гг.). Не вполне ясно, являлись ли «штанбы» трех мастеров отдельными типографиями или же это были отдельные станы в одной книгопечатне.

В украшениях изданий Ф. есть зависимость от орнаментики книг *Андроника Невежи* и *Ивана Невежина*, *Анисима Радишевского* (см.: *Зернова*. Орнаментика. . . С. 16). В Минее общей 1609 г. — единственной книге, выпущенной штанбой Ф., — 4 из 9 заставок повторяют заставки из Евангелия 1606 г. печати Радишевского (см.: Там же. С. 16). Для издания Минеи Ф., вероятно, сам отлил новый шрифт, близкий по рисунку к шрифту *Ивана Федорова*, но отличавшийся от первоначального более крупным размером. Кроме Минеи этот шрифт более нигде не встречается. Минея общая снабжена двумя предисловиями и послесловием. В первом предисловии излагается история создания «штанбы», во втором содержатся сведения историко-литературного характера о происхождении, составе и назначении книги. Автором ее назван «муж мудр», «учитель словяном и болгаром» Кирилл — Философ: «. . . той сию Минею сотвори, не причетную десяти и двою минеям месячным, но особо суцу». Источником для нее послужили Октоих, Триоди «и от многа малейшую часть имеет совокупление». Книга стала известна «новопросвещенным людем руския земли» при Владимире Святом. Послесловие заключает традиционную просьбу печатников к читателям простить возможные ошибки («будте нам милостиви и неназориви»), причины которых объясняются недостатком необходимой подготовки: «. . . мы же трудихомся елико могох умалением ума нашего и смысла, а училища сему преславному делу никогда же видех». Этикетность выражений этого автобиографического признания восходит к предисловию Герасима Смотрицкого в Острожской библии. Заключительная фраза послесловия называет имя издателя: «. . . напечатана снисканием многогрешного раба Аникиты Федорова сына Фофанова псковитина и прочих сработников трудившихся любезными труды» (книговедческое описание см.: *Строев П.* Обязательное описание старопечатных книг славянских и российских. . . графа Федора Андреевича Толстова. М., 1829. С. 121—124 — здесь же публикация предисловий; *Родосский А.* Описание старопечатных и церковнославянских книг, хранящихся в библиотеке С.-Петербургской Духовной академии. СПб., 1891. С. 66; *Зернова*. Книги кирилловской печати. . . С. 25).

Печатный двор (в том числе и «штанба» Ф.) со всем типографским оборудованием и шрифтами сгорел в пожаре 1611 г. во время польско-литовской интервенции. «Сказание известно о воображении книг печатнаго дела» сообщает: «Печатный дом и вся штанба того печатнаго дела от тех врагов и супостат разорися и огнем пожженна бысть и погыбе до конца и не остана ничто же таковаго орудия, хитрии же на то людие мали останася» (л. 76 об.—77). Ф. спасся в лагере Кузьмы Минина в Нижнем Новгороде, где с 5 января по 17 декабря 1613 г. заложил новую типографию и отлил шрифт, который почти точно копировал шрифт, применявшийся в типографии *Андроника Невежи* и *Ивана Невежина*. Сказание свидетельствует: «. . . тамо бо ему (Ф., — Л. С.) в Нижний Новгород от насилия и страха тех сопостат отбегшу и тамо же вново печатное дело то заведшу». По словам «Сказания», мастер начал печатать в новой «штанбе» «псалтыри, и часовники, и прочая» (л. 79). Однако из нижегородской печатной продукции известен только так называемый нижегородский памятник, открытый, всесторонне исследованный и опубликованный *А. С. Зерновой* (фототипическое воспроизведение памятника см. в работе *А. С. Зерновой*; новейшее переиздание см.: Тематика и стилистика предисловий и послесловий. М., 1981. Между с. 128—129 (Русская старопечатная литература. XVI—первая четверть XVIII в.)). Других нижегородских изданий, по-видимому, не было ввиду кратковременного существования типографии. Нижегородский памятник, напечатанный вскоре после устройства «штанбы», представляет собой шесть листов большого формата, на которых под пышной заставкой помещен рассказ Ф. о событиях Смутного времени, об избрании на царство *Михаила Федо-*

ровича — первого царя из дома Романовых и о закладке в Нижнем «новой штабш». Уникальный экземпляр нижегородского памятника находится в Отделе редких книг ГБЛ, инв. № 6467, приплетен к Евангелию учительному (Вильно, тип. В. Гарабурды, ок. 1580), происходящему из библиотеки московского старообрядца-книжника Е. Е. Егорова.

Нижегородские листки имеют историко-литературное значение как первое светское произведение, увидевшее свет в печати. В нем, как отметила А. С. Зернова, «всего больше и проявилось самостоятельное творчество Фофанова» (Памятник. . . С. 83), благодаря чему имеется возможность оценить Ф. и как писателя. Рассказ о нашествии польско-литовских интервентов, о разорении русской земли и освобождении ее от врагов, осмысленный в теологических понятиях, содержит философско-исторические обобщения, картинные изображения бедствий. Взволнованный тон придает повествованию обилие эпитетов, сравнений, синонимических определений. Стремясь насытить ими рассказ, автор не всегда справлялся с грамматическим построением фраз, в самых патетических пассажах отсутствуют главные члены предложения. Сочинение Ф. вписывается в контекст повестей и сказаний начала XVII в. о Смуте. Образность и словесное оформление темы о противоборстве православия и «латинства» были подсказаны автору стихами и прозаическими предисловиями украинского писателя Герасима Смотрицкого к Острожской библии. По тематике и стилистике нижегородские листки напоминают предисловия и послесловия московских изданий Ф. По-видимому, они предназначались как прибавление к какому-то предполагавшемуся изданию, которое, однако, не последовало, так как уже вскоре после устройства нижегородской типографии мастер был вызван в Москву для возобновления здесь книгопечатания.

По сообщению Сказания известно, что после окончания Смуты царь Михаил Федорович «повеле собрати тех хитрых людей, иже, разбегошася от тех сопостат, искусни быша к тому печатному делу, Никиту Федорова сына пореклому Фофанова с товарищци и того убо повеле взяти из Нижняго Новаграда вспять в царствующий град Москву» (л. 79). Вероятно, Ф. привез с собой и наиболее ценные части своей типографии — шрифты или матрицы, клише заставки, — так как все эти материалы нашли применение в его московских работах 1615—1618 гг. Согласно документам 17 мая 1614 г. Ф. вместе с другими мастерами получил награду за восстановление типографии (см.: Забелин И. Е. Дополнения к Дворцовым Разрядам // ЧОИДР. 1882. Кн. 1. Стб. 22). 5 июня того же года он приступил к печатанию Псалтири, которая вышла в январе 1615 г. (книговедческое описание см.: Строев. Описание. . . С. 56—63 — здесь же публикация послесловия; Зернова. Книги кирилловской печати. . . С. 26). Это было первое издание Московского Печатного двора после пятилетнего перерыва в его деятельности. Послесловие Псалтири и по содержанию, и по языку сходно с нижегородским памятником. В нем Ф. продолжает разрабатывать политическую тему о польско-литовском нашествии на русскую землю, еще свободнее и обильнее черпая из писаний Герасима Смотрицкого. Послесловие содержит также рассказ о работах по восстановлению типографского дела в Москве. Почти полностью послесловие Псалтири было повторно в следующем издании — Октоихе (I и II части) 1618 г. (книговедческое описание см.: Строев. Описание. . . С. 65—72 — здесь же публикация послесловия; Зернова. Книги кирилловской печати. . . С. 26). Печатание его, начатое «снисканием и начальством преславнаго сего мастера Ианикиты Федорова сына Фофанова», было закончено, по-видимому, уже без мастера его помощниками и преемниками; в послесловии сказано: книга «совершена бысть. . . труды и тцанием прочих сработников мастера Ианикиты и в работе повинующихся ему, еже с ним и по нем трудившихся, Петруши Васильева сына Федыгина с товарищци». Псалтирь и Октоих напечатаны нижего-

родским шрифтом Ф., который получил на Печатном дворе название «никитинского» и долго употреблялся здесь в XVII в. Вплоть до 50—60 гг. XVII в. в изданиях Печатного двора постоянно использовались изготовленные мастером инициалы и некоторые заставки (см.: З е р н о в а. Орнаментика. . . С. 16—18). Нововведением в книгах печати Ф. явилось выделение абзаца висячей строкой с красной прописной буквой. К настоящему времени от всего тиража изданий Ф. сохранилось: Минея общей — 35 экз. Октоиха — 40 экз. первой части и около 50 экз. второй; Псалтирь имеется только в ГБЛ, ГИМ, ГПБ (см.: В помощь составителям сводного каталога старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов: Методические рекомендации. М., 1982).

Соч.: Минея общая. М., 1609; <Нижегородский памятник>. Нижний Новгород, после 17 декабря 1613 г.; Псалтирь. М., 1615; Октоих. М., 1618.

Лит.: Строев П. Описание старопечатных книг славянских. . . Ивана Никитича Царского. М., 1836. С. 446; Румянцов В. Е. Сборник памятников, относящихся до книгопечатания в России. М., 1876. С. 53, 56; Зернова А. С. 1) Памятник нижегородской печати 1613 года // Сборник. 1. Публичная б-ка СССР им. В. И. Ленина. М., 1928. С. 57—98; 2) Орнаментика книг московской печати XVI—XVII веков / Под общей ред. А. А. Сидорова. М., 1952. С. 16—17; 3) Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII веках: Сводный каталог. М., 1958. С. 25—26.

Л. И. Сазонова

Хворостинин Иван Андреевич (ум. 28 II 1625) — князь, автор повести о Смуте и других сочинений. Происходил из рода ярославских князей, представители которого, выслужившись во время опричнины, стали обладателями больших земельных богатств. В 1604 г. юный Х. стал стольником у царевича Федора Годунова. При дворе Лжедмитрия I Х. был кравчим. В это время он сблизился с поляками, научился читать по-латыни и заинтересовался католичеством. При Шуйском был сослан в Иосифо-Волоколамский монастырь за близость к Лжедмитрию и «еретичество». В 1611 г. Х. вернулся в Москву и присутствовал при столкновении патриарха *Гермогена* с боярским правительством, о чем сам вспоминает в своей повести. С 1613 г. Х. — воевода во Мценске, Переяславле-Рязанском, Новосили, Рязани. 13 марта 1619 г. за успешную службу был награжден серебряным кубком и шубой. Однако в конце 1622 г. Х. вторично ссылают, на этот раз в Кирилло-Белозерский монастырь. Причины ссылки подробно изложены в царском указе 1623 г.: это недовольство Х. московскими порядками, интерес к чужеземному, хранение польских книг и католических икон. Обвинили Х. и в стремлении бежать в Литву. В письмах *Семена Шаховского*, дальнего родственника Х., можно найти яркую характеристику последнего как человека «тщеславнем побежденна» и «фарисейской гордостью надменна». В монастыре Х. быстро раскаялся в своих заблуждениях и торжественно от них отрекся. Ему позволили вернуться в Москву, где он вскоре и умер. Погребен в Троице-Сергиевом монастыре.

Все сочинения Х., кроме «Словес дней и царей», были изданы В. И. Саввой. Три части стихотворного трактата Х. «Изложение на еретики злохульники» — «Молитва Христу Богу», «О гонении на святую церковь» и «Двострочное согласие, вместо предисловия, к читателю» — были переизданы А. М. Панченко. Стихотворный трактат направлен против «западной церкви и римской прелести», но автор пишет также: «Ариево и Савелиево учение проклинаю. . . и Аппелинария и всех еретик отреваю. . .». Трактат состоит из 1300 стихотворных строк. В ряде его глав присутствует акростих князя Ивана Хворостинина. Другое произведение Х. — «Повесть слезная о листриском, сиречь Феларском и Флорентиском разбойническом кровопролитном осмом соборе, от истории православных вкратце многогрешным и последним во христианех недостойным Иоанном дуксом писано бе» — известно нам, так же как и стихотворный трактат, по един-

ственному списку (ГПБ, собр. Михайловского, Ф. 100). «Повесть слезная» своим источником имеет «Историю о листрикийском, то есть о разбойническом, Ферарском або Флоренском синоде. . .», изданную клириком Острожским в 1598 г. В. И. Савва предполагает, что эти сочинения были написаны Х. в 1624 г.

В сборнике Михайловского имеются и два других сочинения Х.: «Предисловие и слововещание ко читателем имуща нечто к родителем о воспитании чад» и «К читателю». Эти два сочинения были найдены Е. В. Петуховым в рукописном синодике (ГПБ, Ф. 1.324). В последнее время было установлено, что сочинение «К читателю» имеет ряд общих мест с первым посланием *Андрея Курбского Ивану Грозному* и писалось, очевидно, под его влиянием.

Х. известен также как автор повести о событиях Смутного времени, озаглавленной «Словеса дней и царей и святителей московских, еже есть в России. Списано вкратце, предложение историческо, написано бе ко исправлению и ко прочтанию благочестие любящих, составлено Иваном Дуксом. Сие князь Иванова слогу Андреевича Хворостинина». Сочинение это дошло до нас в четырех списках: ГПБ, Q.IV.172; ГИМ, собр. Забелина, № 474 (857); ГБЛ, ф. 556, собр. Вифанской дух. семинарии, № 34; Королевская библиотека в Копенгагене, № 4, KbL SAMLi I, № 6 1552, 4° (Новое королевское собр.); все четыре списка повести — второй половины XVII в. С. Ф. Платонов напечатал ее в РИБ по списку ГПБ. Текст произведения не дает возможности точно его датировать. С. Ф. Платонов считает, что «Словеса. . .» могли быть написаны в 1619 г.

Повесть Х. и по отбору материала, и по изложению отличается от других повестей о событиях первой четверти XVII в. Стиль повести как бы нарочно противопоставлен автором летописному стилю. В «Словесах. . .» нет ни одной даты. Х. избегает называть имена, стараясь не упоминать никого, кроме самых высокопоставленных особ. Так, например, говоря о Самозванце, он только один раз в самом начале повести называет его по имени — инок Григорий; далее же предпочитает говорить «царь» или «законоотступник». Это имеет свое объяснение: Х. просто не может писать иначе — слишком памятна современникам его роль фаворита Лжедмитрия, все себе позволяющего и всех презирающего.

Стремление к абстрагированию — это не только желание показать свою «книжность» и говорить высоким стилем, но и единственная для Х. возможность писать о Смуте, избегая «скользких» поворотов темы. Однако авторское «я» Х. присутствует в повести достаточно зримо. Он обращается с обвинительной речью к Самозванцу, его хвалит патриарх Гермоген, наконец, он, Х., обращается за разрешением своих сомнений к архиерею Рязанскому Феодориту. Стремление к самоутверждению и самовыражению ярко проявляется в повести Х. Стиль повести вполне соответствует тому представлению о ее авторе, которое складывается при изучении его биографии: это человек образованный, книжный и весьма гордящийся своей ученостью, высоко ценящий свои дарования, напыщенный и самодовольный, презирающий окружающих. В то же время сочинения Х. написаны им явно не из любви к литературному или историческому труду. Цель их одна — оправдать свои действия во время Смуты, оправдаться перед царем и патриархом от тяготевших над Х. обвинений в еретичестве.

Соч.: Савва В. И. Сочинения князя Ивана Андреевича Хворостинина // Вновь открытые полемические сочинения XVII века против еретиков. СПб., 1907. С. 33—106; РИБ. СПб., 1909. Т. 13. С. 525—558; *Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв.* Л., 1970. С. 60—70; ИЛДР. Конец XVI—начало XVII ввек. М., 1987. С. 428—463, 599—604.

Лит.: Платонов С. Ф. 1) К вопросу о сочинениях кн. И. А. Хворостинина // Платонов С. Ф. Статьи по русской истории. СПб., 1903. С. 186—192; 2) Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в. как исторический источник. 2-е изд. СПб., 1913. С. 229—257; 3) Москва и Запад в XVI—XVII вв. Л., 1925. С. 68—78; Плеханов Г. В. История русской общественной мысли. М.;

Л., 1925. Кн. 1. С. 264—276; Комарович В. Л. Смутное время в памятниках 1612—1630 гг. // История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 1—60; Семенова Е. П. И. А. Хворостинин и его «Словеса дней» // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 286—297; Панченко А. М. Исторические произведения о Смуте // История русской литературы X—XVII вв. М., 1980. С. 345—346.

Е. И. Семенова

Хованский Иван Андреевич (ум. 17 IX 1682) — князь, автор писем. Отец Х. Андрей Андреевич, известный своей деятельностью в Сибири, умер в 1639 г. Х. начал службу при царе *Михаиле Федоровиче*. В 1637 г. он значится стольником. В 1659 г. получает сан боярина, минуя окольного. В 50—70-х гг. назначается воеводой в разные города — Тулу (1650 г.), Вязьму (1651—1654 гг.), Могилев (1656 г.), Псков (1657, 1664—1666 г.), Новгород (1663, 1666, 1672 гг.), Смоленск (1670 г.), Архангельск (до 1678 г.). В 1663 и 1667—1668 гг. Х. управляет Ямским приказом; в 1668 г. занят на строительстве корабля «Орел». Во время войны с турками в 1678 г. с Новгородским полком Х. послан оберегать южную границу в Рыльск и Карпов. Основная деятельность Х. развертывалась на военном поприще. В 50-х и 60-х гг. он руководит русскими войсками в войне со Швецией и Польшей. Неудачи в Польской войне создали ему славу бездарного полководца и трусливого человека (Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга // ЧОИДР. 1873. Кн. 3, отд. 4. С. 43—44; Матвеев А. А. Записки русских людей. СПб., 1841. С. 37). Однако помимо поражений на счету Х. были и победы: в 1657 г. он разбил под Гдовом шведского полководца Магнуса Делагарди; в феврале 1659 г. под Друей поляков; в январе 1660 г. взял Брест; в 1661 г. разбил под Друей Лисовского. Современник Х. Патрик Гордон в своем дневнике отзывался о Х. как о человеке чрезвычайно смелом. Х., по свидетельству современников, был человеком горячего и необузданного нрава, что заставляло его браться в бой, не рассчитав своих сил. Потомок королевского рода Гедиминовичей, он с презрением относился к представителям незнатных фамилий, выдвинувшимся при царях *Алексее Михайловиче* и *Феодоре Алексеевиче*, в частности к *А. Л. Ордину-Нащокину*.

Личные качества Х., его деятельность в русско-польской войне привлекали к нему симпатии стрельцов и части городского посада. Его прозвище Тараруй (болтун, шутник, балясник), возможно, не столько свидетельствовало о вздорном характере, сколько об ораторских способностях, умении привлечь внимание толпы. В июле 1662 г. в разгар «медного бунта», когда именно Х. был послан из Коломенского в Москву уговаривать восставших, ему кричали из толпы: «Что де ты, Хованский, человек доброй, и службы его к царю против польского короля есть много, и им до него дела нет, но чтоб им царь выдал головою изменников бояр, которых они просят» (Котшихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1806. С. 102). Аналогичное положение занимал он и двадцать лет спустя в начале восстания стрельцов в мае 1682 г., чему способствовала его репутация и то обстоятельство, что, находясь не в почете у царя Федора, он не имел касательства к притеснениям стрельцов и грабежу их жалования. Х., чье служебное и материальное положение в 70-х гг. было незавидным, стремился использовать стрелецкое восстание как для личного обогащения, так и для удовлетворения своих властолюбивых притязаний. После стрелецкой расправы 15—17 мая с *А. С. Матвеевым*, Языковыми, Лихачевыми, Долгоруковыми, Нарышкиными и др. Х. становится во главе Стрелецкого приказа. Так как среди погибших были и его личные враги, то, возможно, Х. принимал участие в составлении проскрипционного списка. Он же вскоре женился на вдове убитого стрельцами думного дьяка Лариона Иванова и получил его вотчины и поместья. В ходе восстания он участвует в установлении двоецарствия и утверждении регентства царевны *Софьи Алексеевны*, ведет переговоры со стрельцами, а впоследствии является посредником между ними

и правительством Софьи—Голицына. Во время отъезда Софьи и царей из охваченной бунтом Москвы он возглавляет боярскую комиссию, решающую государственные дела. Ему представляется, что на нем в это время держится все управление государством, что только он может удержать стрельцов от нового выступления, что «все государство стоит до его смерти», а когда его не станет, то в Москве будут ходить по колену в крови. Х. действительно пользовался авторитетом у стрельцов, называвших его «батей» и «большим», он же звал их «детками». В остальном его представление о своей роли в событиях было во многом преувеличенным.

Семейство Х. придерживалось старообрядчества. Об одном из них, Иване Ивановиче, сыне Ивана Никитича Х., писал *Аввакум* в своем Житии (Робинсон А. Н. Жизнеописание Аввакума и Епифания: Исследование и тексты. М., 1963. С. 165, примеч. на с. 272; С. М. Соловьев полагал, что у Аввакума речь идет о Х.). По-видимому, Х. до поры не подчеркивал своей приверженности к старине, но, возглавив Стрелецкий приказ, счел выгодным объявить о своем старообрядчестве, так как примерно половина стрелецкого войска состояла из раскольников. Так, Х. принял активное участие в организации «прений» *Никиты Пустосвята* и других идеологов раскола с патриархом *Иоакимом*, состоявшегося 5 июля в Грановитой палате в присутствии царевны Софьи, царицы Натальи Кирилловны и царевен. По словам одного из участников «прений», старообрядца *Саввы Романова*, Х. говорил: «Аз и сам, грешный, вельми желаю, чтобы по старому было в святых церквах единогласно и не мятежно. Аще, рече, и грешен, но неизменно держу старое благочестие и чту по старым святым книгам и воображаю на лице своем крестное знамение двема персты. . . и молю в Троице славимаго Бога о сем, дабы умилосердился о народе христианском и не дал бы в конец погибнути душам христианским от нынешния новья никоновья веры». Здесь Х. также пытался играть роль посредника между старообрядцами и правительством и, как и в других случаях, переоценивал свои силы (так, он обещал Никите Пустосвяту и его соратникам, что патриарх будет венчать на царство Ивана и Петра по старому обряду, хотя от него это нисколько не зависело). При всем том Х. не был опытным политиком и искусным интриганом. Его власть в Москве, фактически находившейся с мая по сентябрь 1682 г. в руках стрельцов, Софья считала опасной для себя. Поэтому, постепенно стянув дворянское ополчение и подкупленную подачками стрелецкую верхушку, она умело подготовила расправу над Х. В начале сентября появились подметные письма, обвинявшие Х. и его старшего сына Андрея, ведавшего Судным приказом, в намерении убить царей и захватить престол. 14 сентября их вызвали в село Воздвиженское якобы для организации встречи гетманских послов, но по дороге арестовали. В Воздвиженском на площади в присутствии двора им объявили их вину, и в тот же день оба они были казнены. Ролью Х. в стрелецком восстании объясняется тот факт, что все движение нередко называют «Хованщиной». Яркая фигура и трагическая судьба Х. стали предметом изображения в литературе и искусстве XIX и XX вв.; наиболее известные произведения — опера М. П. Мусоргского «Хованщина» и роман А. Н. Толстого «Петр I».

Х. — автор почти трех десятков писем-отписок, адресованных царю Алексею Михайловичу в 1660—1664 гг. с польского театра военных действий. Относящиеся к жанру деловой переписки, эти письма охватывают довольно большой круг вопросов: в них идет речь о военных действиях, о снабжении армии, осаде и укреплении городов, дается оценка международного положения. В письмах проявилось умение Х. четко излагать ход событий, свои соображения по вопросам военной тактики (например: «В Полоцке сечь в осаде — неприятелю дать простор. . . да и сидеть незачем: в 3 дня все будут без лошадей, кормить нечим и ныне сена нет. . . то его неприятельская и мысль, чтобы нас учинить без лошадей»), пересказывать сведения, полученные из вторых рук. Владение деловым сти-

лем дополнялось индивидуальной манерой письма самого Х. Для него характерно сочетание в одном письме, в соседних его строках, вполне делового изложения с неумеренными, но этикетными панегириками, обращениями к монарху, олицетворяющему Бога на земле (например: «И мы, и твои ратные люди, видя к себе твою пресветлую неизреченную милость, радостию великою возвеселимся: осияла твоя пресветлая и неизреченная милость нас и ратных людей, как Божия святая благодать. . .»); «. . .опроче Бога и тебя помощи себе не имеем. Не нашей службишкой, твоею праведною молитвою и счастьем неприятель побежден, от твоего храброго духовнаго меча трепетен и Богом гоним неприятель»). Эмоционально-экспрессивный стиль применялся Х. и в личном обращении к царю (например: «Чего у меня беднаго и беззаступнаго и на уме не было, такого свою милостию взыскал холопа своего. Чем такую пресветлую милость заплатить? Ни головой своей не заплатить! Рад служить и умереть за тебя и с детишками своими»). Обширные письма-донесения тем не менее не содержали ничего лишнего, не были неопределенно многословными. Когда же обстановка требовала краткости, послания Х. отличались особым лаконизмом и экспрессией. Вот как выглядит его записка, посланная князю *Н. И. Одоевскому* 16 июля 1660 г. перед самым боем: «Князь Никита Иванович! Бога ради берегись. Идут на вас люди из Жмуди, а на нас уже пришли Чернецкий с товарищи. Посольству у вас никак не стать, обманывают. Не покручинься, что коротко написал. И много было писать, да некогда — пошел против неприятеля. Ивашка Хованский челом бьет. Бога ради берегись!».

В семье сына Х. — *Петра Ивановича Хованского* — хранилась большая переписка с членами семьи. После казни отца и старшего брата она была конфискована. Среди конфискованных писем два собственноручно написаны Х. Оба они относятся к 70-м гг. Первое написано тогда, когда Х. ожидал назначения к Белгородскому и Севскому полку на место Г. Ромодановского, а его сын Петр — назначения воеводой в Архангельск. Положение семьи в это время было затруднительным. Х. пишет сыну: «А ты живи поопаснее и не сорь напрасна денег. Хорошо б у тебя и служба была наготове: не узнать какво времени посадят тебя на Двине, взнаешь свою часть». Второе письмо написано позже, скорее всего в 1678 г. Х. живет в подмосковной деревне в Никольском, где только что закончено строительство церкви Николая Чудотворца, о чем Х. сообщает сыну: «И сие превеликое дело по моему грешному обещанию в совершенство достигло. Зело есмь веселья и радости наполнился!» Князь Петр, по-видимому, в это время — воевода в Архангельске (в 1678 г. он сменил на этом посту своего отца), так как Х. просит его выписать из-за границы для новой церкви паникадило — «та там у вас подешевле московскава».

Небольшие частные письма приоткрывают черты быта и эмоциональный мир этого человека, олицетворявшего старую Русь и оказавшегося втянутым в одно из крупнейших социальных движений накануне исторического перелома. Вероятно, частная переписка Х. была столь же обширной, как и его переписка деловая. Не исключено, что многие его письма успели уничтожить накануне конфискации. Несомненно также, что некоторые письма Х. уничтожались сразу; так, первое письмо сохранилось случайно: оно кончается словами «А се письмо издери». Среди автографов Х. известна еще только небольшая записочка-черновик его письма к начальнику Разрядного приказа думному дьяку Василию Семенову, писанная, видимо, в сильном волнении и вся перечеркнутая.

Соч.: Акты Московского государства, изданные имп. Академией наук под ред. Д. Я. Самоквасова. СПб., 1901. Т. 3: Разрядный приказ. Московский стол 1660—1664. С. 56—57, 63—65, 80—85, 95, 117—119, 219, 220, 248, 264—267, 287, 337, 340, 347, 350, 352, 355, 362, 367, 375, 381, 385, 391, 409, 423, 465, 475; Частная переписка кн. П. И. Хованского, его семьи и родственников / Изд. Г. Г. Лукьянов // Старина и новизна. 1905. Т. 10. С. 283—295 (с приложением фотокопий писем).

Лит.: Савва Романов. История о вере и челобитная о стрельбах // Летописи Тихомирова. М., 1863. Т. 5, отд. 2. С. 111—148; Соловьев С. История России с древнейших времен. Т. 13. История России в эпоху преобразования. М., 1863. Т. 1. С. 336—337, 344—347, 350, 358—359; Список великих государей з грамот слово в слово о смерти князей Хованских // Родосский А. Описание 432-х рукописей, принадлежащих С.-Петербургской Духовной академии. СПб., 1894. С. 421—422; Чулков Н. Хованский Иван Андреевич // РБС. СПб., 1901. Т. 22. С. 376—379; Шереметев П. О князьях Хованских. М., 1908. С. 11—45, 55, 73—91; Богоявленский С. К. Хованщина // ИЗ. 1941 Т. 10. С. 180—221; Буганов В. И. Московские восстания конца XVII века. М., 1969.

М. Д. Каган

Хованский Петр Иванович (Большой) (ум. после 1713) — князь, автор писем Гедиминович (родоначальником считается Федор Хованский, старший сын Патрикия Наримонтовича, выехавшего на службу в Москву в 1408 г.), сын *Ивана Андреевича Хованского* (Тараруя) и Арины Федоровны, урожденной Пушкиной. Начал службу при государевом дворе, в стольниках. Участвовал в русско-польской войне 1654—1667 гг. под началом своего отца. В сражении под Волонами (18 VII 1660) был ранен, осенью 1661 г., после поражения под Кушликами, попал в плен; на следующий год был обменян и вернулся на родину. Впоследствии в письме к сыну вспомнит о том, как был «в неволе и кайдалы <кандалы> на себе видел». 23 V 1664 г. ему указано быть «в товарищах» у отца, тогда псковского воеводы. Около 1667—1668 гг. Х. женился на Прасковье Андреевне Кафтыревой, благодаря этому браку породнился с Чаадаевыми и Матюшкиными, выдвинувшимися во второй половине XVII в. В 1674—1675 гг. служил на Дону. Как представитель княжеского рода был сразу пожалован в бояре (18 VI 1677; см.: ЦГАДА, ф. 210 (Разрядный приказ), Боярские книги, № 7, л. 28; Боярские списки, № 14, л. 223 об.). Послан на воеводство на Двину (15 I 1678—22 III 1680), затем в Курск (26 I 1680—19 IV 1682). После казни его отца и брата за участие в Стрелецком восстании 1682 г. («хованщина») смещен с воеводства и арестован (см.: Запись в Разрядном приказе царского указа о назначении окольного Ф. И. Шаховского в Курск в товарищи воеводе Б. П. Шереметеву и задержании кн. П. И. Хованского // Восстание в Москве 1682 года: Сб. документов. М., 1976. С. 136—137). В правление царевны *Софьи Алексеевны* был «в опале и написан во дворяне и послан в сылку», ему было велено жить в своей деревне «за приставом» (ЦГАДА, ф. 210, оп. 18 (Родословные росписи), № 163 (Родословная Хованских), л. 3). Только переворот 1689 г. и приход к власти Нарышкиных позволил Хованским вернуться в Думу (ЦГАДА, ф. 210, Боярские списки, № 31, л. 1 об., 417). Позднее Х. служил при дворе, был назначен на воеводство в Киев (8 XII 1696—1700). Упомянут в последнем боярском списке, составленном в 1713 г. (ЦГАДА, ф. 210, Боярские списки, № 60, л. 4). Не следует путать его с Петром Ивановичем Меньшим Хованским (Змеем), ведавшим в 1682 г. Разбойным приказом и находившимся в 1693 г. на воеводстве в Киеве, как это сделано в именном указателе к сборнику документов «Восстание в Москве 1682 года» (М., 1976. С. 341) и в предисловии Т. Лукьянова к публикации «Частной переписки. . .». П. И. Меньшой Хованский принадлежал к другой ветви рода («Никитичам») и приходился Х. (Большому, из «Андреевичей») троюродным братом (см.: Хованский С. А. Родословная рода князей Хованских (Никитичей) // Летописи Историко-родословного общества в Москве. Вып. 1—2 (33—34). С. 55).

Переписка Х. и его родственников сохранилась в архиве Разрядного приказа, куда она попала после конфискации бумаг Хованских в 1682 г. В составе одного столбца (ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, № 519) оказались объединены 175 грамоток (частных писем). При публикации они были разделены на четыре группы: 1) переписка Х. (104 письма к нему от 63 корреспондентов, из которых двое неизвестны, а также

12 его собственных писем отцу, жене и сыну, написанных во время пребывания на воеводствах); 2) переписка его жены, княгини П. А. Хованской (34 письма от 12 корреспондентов, в том числе от 2 неизвестных); 3) переписка его сына князя Андрея Петровича Хованского (3 письма: 2 к нему и одно его собственное); 4) переписка родственников Х. (22 письма). Большинство писем относится к 1677—1682 гг., исключение составляет последняя группа писем, относящаяся к более раннему времени. Все письма (за исключением двух списков) подлинные.

В переписке затрагиваются различные стороны жизни боярской семьи: здесь и неизменные с огромным вотчинным хозяйством, служебные новости. Круг корреспондентов Х. достаточно широк: от титулованных аристократов, входивших в Думу или служивших при дворе (князя И. А. Воротынский, М. А. Голицын, И. Кольцов-Мосальский, П. Прозоровский, М. Черкасский, И. Бутурлин), стрелецких и солдатских полковников (Г. И. Косагов, М. О. Кровков) и даже иностранного дипломата (А. Бутенант фон Розенбуш) до дьячка Макара Девятого, старосты Федора Яковлева, конюха Назара и крестьян деревни Красниково Макара Андреева и Богдана Патрикеева.

Для писем Х. характерен переход от традиций частной переписки XVII в. к эпистолярному жанру петровского времени. Автора уже не удовлетворяет традиционный образец «граммотки» — лаконичной, ограниченной обычно вопросами о здоровье адресата и одним-двумя деловыми поручениями. В переписке находят отражение и представления автора о чести служилого человека, и его этические ценности. Язык писем прост, ясен и практически свободен от приказных штампов, его образность связана с разговорной речью. При этом Х. не был чужд латинской образованности, во всяком случае умел подписаться по-латински (ГБЛ, ф. 213, собр. Отдела рукописей, № 1357/9, запись на внутренней крышке переплета), а своих детей отдал в Славяно-греко-латинскую академию.

Из писем корреспондентов Х. литературный интерес представляют письма стрелецкого полковника М. О. Кровкова. Одно из них, содержащее описание осады Чигирина «июля с 10 числа» 1678 г., можно назвать небольшой воинской повестью (№ 49). Другое его письмо (№ 55), в котором разжалованный по требованию восставших стрельцов Кровков просит у Х. «споможения», близко по пафосу повестям о московском восстании 1682 г. (переиздано в кн.: Восстание в Москве 1682 года. С. 47—48).

Соч.: Частная переписка князя Петра Ивановича Хованского, его семьи и родственников / Сообщ. Т. Лукьянов // Старина и новизна. М., 1905. Кн. 10. С. 283—462 (Отд. отт.: М., 1905).

Лит.: Иванов П. И. Алфавитные указатели фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах. М., 1855. С. 440; Барсуков А. П. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902. С. 588; Шереметев П. О князьях Хованских // Летопись Историко-родословного общества в Москве. 1908. Вып. 1—2 (13—14). С. 3—168; Князья Хованские // Сообщ. В. А. Капустин // ЧОИДР. 1909. Кн. 4 (321): Смесь. С. 15—17; Голицын Н. Н. Указатель имен личных, упоминаемых в дворцовых разрядах. СПб., 1912. С. 274 (в этом справочнике и указателях П. И. Иванов данные о Х. и П. И. Меньшом Хованском объединены); Из собрания актов князей Хованских // ЧОИДР. 1913. Кн. 4 (247). С. 20—39; Буганов В. И. Московские восстания конца XVII века. М., 1969; Грумев Р. Aristocrats and Servitors: The Boyar Elite in Russia 1613—1689. Princeton, 1983. P. 104, 106, 151—152, 201.

А. С. Лавров

Шатуровы Иван (14 IV 1656—16 XII 1687) и Михаил (род. 1667) Григорьевичи — авторы семейных хронологических записей конца XVII в. Происходят из московских стрельцов, традиционно занимавших место подьячих («стряпчих») на Ивановской площади. Отец авторов, как рас-

сказывается в их сочинении, служил в 1646—1647 гг. в Белгороде, где строил новые укрепления, затем, в 1648 г., во Пскове. Он участвовал почти во всех крупных военных действиях против Польши, Швеции, Крымского ханства и Турции с 1654 по 1658 г., в том числе в сражениях под Конотопом, с Сапегой и под Чигирином, а в перерывах между боями нес гарнизонную службу в Белоруссии, на Украине и в городах Белгородской засечной черты. Сыновья его оставались в Москве, как это нередко случалось в семьях московских стрельцов, и смогли получить образование, необходимое для занятия доходного места подьячего. И. Ш. получил должность на Ивановской площади 21 ноября 1680 г., 5 января 1682 г. потерял свое место, а 2 апреля сумел занять его вновь. М. Ш. был принят в стрельцы 18 июня 1685 г., 29 числа уже занял место в корпорации подьячих на Троицкой площади. В 1680-х гг., когда правительство *Софьи Алексеевны* проводило кардинальную «чистку» стрелецких полков и массами высылала стрельцов из столицы, оба они оставались в Москве. По-видимому, братья не были активными участниками Московского восстания 1682 г., и, возможно, М. Ш., делавший записи еще в 1696 г. (л. 38, 74), сумел избежать общей участи стрелецкого воинства при Петре I.

Хронологические записи Ш. — уникальный памятник посадского летописания конца XVII в. — сохранились в автографе ГБЛ, ф. 28, № 57/1567, л. 1—2 об., 3 об., 38, 74. В конце 1684 г. И. Ш. записал основные события в жизни своей семьи, начиная с 1646 г.: и многочисленные военные походы отца, и перипетии своей более мирной служебной биографии, в которой, однако, имелись уже и пожалования, и увольнения от дел из-за «льсти» неких злопыхателей (л. 1—2). Доведя это повествование до 1682 г., И. Ш. записал даты рождения членов семьи (до ноября 1684 г.), упомянул знаменательные столичные события за два последних года (пожары, освящение церкви и т. п.) и напоследок вспомнил некоторые подробности своей службы летом 1684 г. (л. 2 об., 3 об.). Перечитывая текст позже, он на свободном листке описал встречу в Москве царя Арчила в декабре 1685 г. После кончины И. Ш. к рукописи не менее трех раз обращался его брат М. Ш., продолживший семейную хронику по тем же разделам, дополняя и исправляя предшествующие записи. Судя по вставкам на л. 1 об. и 2 об. записи М. Ш. должны были доходить по крайней мере до 1691 г. Однако они механически обрываются на описании московского пожара 1789 г. Наряду с семейными и городскими происшествиями произведение отразило и наиболее важные политические события 1680-х гг. Литературное и социально-политическое значение лапидарных записей «памятного» характера, подразумевающих наличие устной традиции, определяется наличием нового для русского летописания героя. Посадская семья Ш. организует литературное пространство и время, определяет выбор описываемых событий и их интерпретацию.

Соч.: Тихомиров М. Н. Записки приказных людей конца XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 444, 456—457.

Лит.: Богданов А. П. Летописные известия о смерти Федора и воцарении Петра Алексеевича // Летописи и хроники: Сб. статей за 1980 г. М., 1981. С. 199—200.

А. П. Богданов

Шаховской Михаил Семенович (XVII в.) — воевода, автор вестовых отписок. Патриарший, затем царский стольник (1627—1633 гг.), ратный воевода в военных походах Московского государства; в 1658 г. — осадный воевода в Вильне и в 1659—1660 гг. — воевода Тарский; в 1660-х гг. служил в Москве. Ш. принадлежат вестовые отписки о положении в Польше и Литве в 1658 г. (о польском сейме, об отношениях Польши, Швеции, Венгрии, Турции, крымского хана и др.). Сохранились отписки Ш. (главным образом 1658 г.) царю *Алексею Михайловичу* из Вильны о численном

составе полков и об их пополнении (казацким отрядом, вятчанами и др.), о жалованье «начальным людям и салдатом», о хлебных запасах, о мерах против мародерства, об обращении униатов в православие, о раздаче сел и деревень Виленского и Опшмянского уездов московским военачальникам, о починке оружия, о закупке в Королевце колокольчиков для царских соколов и кречетов, о розысках похищенной униатами Богородичной чудотворной иконы и др.

Соч.: АИ. СПб., 1842. Т. 4: 1645—1676. № 110—112, 114—117, 119—121, 124, 125, 127—130, 134, 135; ДАИ. СПб., 1851. Т. 4. № 50, 72, 131.

Лит.: Л и х а ч Е. Шаховской Михаил Семенович // РБС: «Чаадаев—Швитков». СПб., 1905. С. 583—584.

О. А. Белоброва

Шаховской Семен Иванович (ум. 1654) — князь, автор исторических повестей и других сочинений. Принадлежал к обедневшей ветви ярославских князей, давно потерявших свои княжеские вотчины и перешедших в разряд провинциальных помещиков, имевших владения в Зубове. Иван Петрович Шаховской, отец писателя, был в 1594—1603 гг. головой в г. Торопце. Со слов самого Ш. известно, что отец его был убит «на рати». Ш. в это время уже начал свою службу, о чем и пишет в автобиографии под 1606 г.: «. . . послали нас, стольников и стряпчих. . .» (Домашние записки. . .). В 1606 г. во время восстания Северских городов (Путивль, Чернигов, Елец, Кромы) против Василия Шуйского Ш. был послан на службу под Елец. Но здесь его настигла царская опала, и он был сослан в Новгород, однако, не успев доехать до Новгорода, был отправлен в деревню. Ш., рассказывая о своей опале, замечает, что Шуйский не объяснил ему причины ссылки. По мнению С. Ф. Платонова, Ш. сослали потому, что он был родным племянником Г. П. Шаховского, восставшего в 1606 г. против Шуйского. Через два года, в 1608 г., осадив Тулу, царь Василий Шуйский пожаловал Ш., «велел взять к Москве». В 1608—1609 гг. Ш. находился на службе у Шуйского. Безвинно, по его мнению, пострадав от царя, Ш. при первом удобном случае изменил ему и в начале 1610 г. отъехал в Тушино с несколькими товарищами, о чем и пишет в автобиографии. В феврале 1610 г. Ш., как и многие другие дворяне, отправился на службу к Сигизмунду, получил поместье, но затем «отходит» от него. В 1611 г., как видно из «Домашних записок. . .» Ш., он уже был в Новгороде и находился там в то время, когда Новгород взяли шведы. Затем он явился под Москву в русское ополчение, и его отправили походным воеводой в Торопец. В 1613—1615 гг. Ш. участвовал в военных действиях против поляков и два раза был ранен. Он пожаловался правительству, что «заволочен со службы да на службу», это повлекло за собой его кратковременную ссылку на Унжу. В 1616 г. Ш. послан воеводой в Ядрин. Осенью 1618 г. он участвовал в обороне Москвы от войск Владислава, затем был отправлен в Пронск полковым воеводой против татар. Во второй половине 1620 г. Ш. был назначен вторым воеводой в Вязьму, но пробыл там очень недолго. Его вновь постигла царская опала. В 1620 г. в Москве возникло дело против родственников Ш. Несколько из них даже приговорили к смертной казни, но затем ограничились ссылкой. Хотя самого Ш. и не было в это время в Москве, но его все равно привлекли к делу, обвинив в укрывательстве родственников. «Великие вины» Шаховских заключались в следующем: однажды вечером 1620 г. князя Афанасий, Андрей, Иван и Матвей Шаховские были в гостях у Илейки Бочкина. Собравшиеся величали Матвея Шаховского царем, а он всех прочих называл боярами. Сам Ш. в послании к митрополиту *Киприану* оправдывался так: «. . . моя худости и на Москве не было в те дни, в них же случися братьям нашим в таковое беззаконие впасти, и не разумех о том». В своих же записках Ш. отметил только, что в 1622 г. он был сослан в Тобольск «в опалу в чужом деле и того же году пожалован, взят к Москве».

Одновременно возникает и дело о четвертом браке Ш. В самом конце 1619 г., после смерти третьей жены, Ш. женился в четвертый раз, и это дало повод для преследования его патриархом. В своих посланиях Ш. отмечает, что благополучно жил с четвертой женой два года, прежде чем его с ней разлучили. Это произошло, вероятно, одновременно с его ссылкой в 1622 г., и дело о четвертом браке Ш. было лишним предлогом для опалы. Тянулось дело не один год, пока не закончилось в пользу Ш., о чем говорит его автобиография («. . . как женился я на нынешней своей княгине», — пишет он в 1649 г.), а также молитва его сочинения, в которой Ш. молится за упокой трех своих жен — Матрены, Настасьи и Татьяны — и просит долгоденствия и здравия для четвертой жены и детей. Поскольку молитва эта расположена в сборнике, составленном самим Ш., сразу же после молитвы за царя *Алексея Михайловича* и патриарха, то можно предположить, что написана она после 1645 г. В 1625 г. положение Ш. улучшилось: он состоит на службе во дворце, в мае 1625 г. по поручению патриарха пишет официальное послание персидскому шаху, убеждая того принять православие. Очевидно, в этот относительно спокойный период жизни Ш. и был создан целый ряд произведений и посланий, таких как Повесть о пожаре московском 1626 г., две повести о царевиче Димитрии (опубликованы в РИБ), «Повесть преславна сказуема о пренесении многочюдесныя ризы Спаса Христа от персид в царствующий град Москву». В 1628 г. Ш. отправили воеводой в Енисейск, где он находился до начала 1631 г. Затем он опять жил в Тобольске и вернулся в Москву в августе 1632 г. В 1633 г. после смерти патриарха *Филарета* Шаховские, замешанные в деле 1620 г., были помилованы и возвращены в Москву. Меняется отношение правительства и к Ш. В 1633—1637 гг. он ходил в походы против поляков и участвовал в дипломатических сношениях с Польшей. 20 февраля 1637 г. он даже был отправлен посланником в Польшу. В 1638 г. Ш. служил воеводой на Крапивне и местничался с князем С. Гагиным, из-за чего снова попал в тюрьму. Затем с 1639 по 1642 г. Ш. был воеводой на Тереке. А в конце 1643 г. его послали в Тверь встречать королевича Вольдемара, но вскоре Ш. постигает новая опала: в 1644 г. его посылают на воеводство в Усть-Колу (до 1646 г.), затем переводят в Устюг, а оттуда — в Сольвычегодск. Только в конце 1648 г. он был отпущен в свою вотчину в Галич, затем в Москву, но «того же году на мясопустной неделе послали в Сибирь в опалу в Томской город, а в Томской приехал в 158 году <1649> сентября в 10-й день» (Домашние записки. . .). Причины этой опалы заключались в следующем: в 1644 г. в Москву приехал датский королевич Вольдемар, чтобы вступить в брак с царевной Ириной Михайловной. Московские дипломаты настаивали, чтобы королевич принял православие, однако тот не хотел. Начались прения о вере, в которых принимал участие и Ш. В беседе с благовещенским протопопом Никитой Ш. высказал смелую мысль: ввести королевича некрещенным в церковь. Об этом же он написал и в письме царю *Михаилу Федоровичу*. Протопоп Никита донес на Ш., и того в наказание послали на воеводство в Усть-Колу. Через два года после ссылки, уже в Москве, Ш. вспомнил про это письмо. Дело возобновили, Ш. обвинили в еретичестве и приговорили к сожжению, но помиловали. Ш. возвратился в Москву только в конце жизни.

На всем протяжении своей жизни Ш. занимался литературным трудом. Это один из наиболее плодовитых авторов того времени. Из произведений Ш., бесспорно принадлежащих его перу, можно назвать следующие. Прежде всего это его краткая автобиография (ркп. ГБЛ, ф. 205, № 227, л. 41—42 об.), напечатанная в «Московском вестнике» за 1830 г., и его сочинения, включенные в составленный им самим сборник, где содержатся повести, послания к частным лицам, послания к патриарху *Филарету*, митрополиту *Киприану*, персидскому шаху, молитвы собственного сочинения Ш. Составлен сборник был в первой половине 1652 г.

(ркн. ГБЛ, ф. 173, № 213 и 214). Кроме того, Ш. принадлежат икосы, кондаки, каноны. Один из таких канонов, составленный Ш., помещен троицким келарем *Симоном Азарьиным* в его книге новоявленных чудес Сергия Радонежского (ГБЛ, ф. 173, № 203, л. 93—95, 223—242 об.). В ркн. ГБЛ, ф. 354, № 73 и ГБЛ, собр. Ундольского, № 362, л. 197 сохранилось еще одно произведение Ш. — «Слово похвальное Прокопию и Иоанну Устюжским». И, наконец, следует упомянуть стихотворное послание Ш. князю *Д. М. Пожарскому*, найденное и опубликованное И. Ф. Голубевым по рукописи Калининского педагогического института, № 29. Сохранилась также переписка Ш. с дьяком Третьяком Васильевым, опубликованная А. Н. Поповым. Вообще список адресатов Ш. весьма обширен. Это и дворянин московский Семен Гаврилович Коробьин, и князь *И. А. Хворостинин*, и инок Варлаам, бывший архимандрит Боговльенского Суздальского монастыря, и князь Иван Борисович Черкасский. Ш. пишет послания архиепископу Тобольскому Кириану и патриарху Филарету. Несколько особняком стоит послание к персидскому шаху Аббасу, написанное Ш. от имени патриарха Филарета. Тематически с этим посланием связана «Повесть преславна сказуема о пренесении многочюдесныя ризы Спаса Христа. . .».

Темы, занимавшие Ш., преимущественно богословские. Так, например, очень много места в сборнике, им составленном, уделено теме «книжного исправления», причем Ш. рассматривает ее не односторонне, а в виде «дискуссии», включая для этой цели в свой сборник и чужое письмо — письмо Варлаама. Все повести, помещенные в сборник, развивают именно богословские темы, хотя за основу обязательно берется современный Ш. конкретный исторический факт. Именно с этой точки зрения его интересуют и события Смутного времени (см. повести о царевиче Димитрии). Исторические факты буквально тонут в обилии цитат, нагромождении богословской риторики и рассуждений на душеспасительные темы. Это характерно для всех произведений Ш. При всем том следует отметить удивительную практичность Ш. Все написанное им имеет конкретную житейскую цель. В посланиях он или просит денег и милостей, или благодарит за них. Даже в повестях о царевиче Димитрии имеется обширная вставка, доказывающая законность шестого брака *Ивана Грозного* (тема, непосредственно затрагивающая Ш. в связи с его четвертым браком). А похвальные слова святым Ш. сочиняет после того, как чудесным образом спасся от смерти на Белом море.

Историки России XIX в. (С. М. Соловьев, С. Ф. Платонов) были невысокого мнения о литературной и исторической ценности произведений Ш. И в дальнейшем, в ходе всей первой половины XX в., творчество Ш. не привлекало особого внимания ни историков, ни литературоведов, которые ограничивались лишь самыми общими оценками его сочинений. Интерес к Ш. оживился лишь в 1970-х гг. В современной специальной литературе Ш. приписывается целый ряд очень разнородных и в литературном, и в историческом отношении памятников, начиная от переписки Ивана Грозного с *Андреем Курбским* и кончая так называемой Повестью Катыврева-Ростовского и *Летописью Строгановской*. Попытка американского ученого Э. Кинана приписать Ш. переписку Грозного с Курбским была убедительно опровергнута советскими историками. Вопрос же об авторе так называемой Повести Катыврева-Ростовского и Строгановской летописи гораздо более сложен, до сих пор он не получил однозначного решения.

Соч.: Домашние записки князя С. Шаховского // Московский вестник. 1830. Ч. 5. № 17—20. Наука. С. 61—70; Переписка дьяка Третьяка Васильева // ВОИДР. М., 1851. Кн. 9. С. 5—8; Памятники прений о вере. . . / Собр. А. Голубцовым // ЧОИДР. 1892. Кн. 2. С. 158—165 (послание Ш. царю Михаилу Феодоровичу); Повести о царевиче Димитрии // РИБ. 2-е изд. СПб., 1909. Т. 13. Стб. 837—876; Голубев И. Ф. Два неизвестных стихотворных послания первой половины XVII в. // ТОДРЛ. М.;

Л., 1961. Т. 17. С. 399—413 (перепечатано в кн.: Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. Л., 1970. С. 43—55).

Лит.: Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. 2-е изд. СПб., 1913; Кеелан Е. I. The Kurbskii—Groznyi Aposcyrpha. Cambridge (Mass.), 1971; Лихачев Д. С. Курбский и Грозный — были ли они писателями? // РЛ. 1972. № 4. С. 202—209; Скрябиников Р. Г. Переписка Грозного и Курбского. Парадоксы Эдварда Кинана. Л., 1973; Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973. С. 43, 67; Кукушкина М. В. Семен Шаховской — автор повести о Смуте // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1974. М., 1975. С. 75—78; Зборов В. К. Об авторе так называемой Повести Катырева-Ростовского // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 244—250.

Е. И. Семенова

Шестак (Шестой) Мартемьянов (по данным А. П. Голубцова — Верещагин) (ум. 1652) — справщик Московского Печатного двора, один из составителей полемических сборников против иноверцев и ответов на послания о вере датского придворного пастора Матфея Фельгабера, автор «Слова о единогласном пении». Родился, вероятно, в начале XVII в. и судя по его имени-прозвищу являлся в семье шестым ребенком. О раннем периоде жизни Ш. М. сведений не обнаружено. С марта 1640 г. он был зачислен на Московский Печатный двор справщиком с окладом 30 р. В 40-х гг. в качестве «государева жалованья» получал также по выходе из печати по экземпляру книги в тетрадах «безденежно»: Евангелие на-престольное, Часовник, Устав, Житие Николы, Пролог, Маргарит, Псалтирь учебную и т. д. В декабре 1641 г. указано было его оклад увеличить на 5 р.; в апреле 1643 г. — «учинить» хлебного жалованья по 12 четей ржи и 12 четей овса в год, но выдавать деньгами по 5,4 р. В последующее время имел общий денежный оклад 40,4 р. (ЦГАДА, ф. 1182, оп. 1, № 33, л. 5, 134, 247; № 34, л. VIII, XXV, 9 об., 14 об., 20, 26, 31 об., и др.; № 37, л. 2 об., 90 об., 363—364; № 40, л. 2 об., 240; № 42, л. 1 об., 245, 483; и др.).

Вместе с другими справщиками — *Михаилом Роговым*, *Иоанном Наседкой*, старцем *Савватием*, *Захарием Афанасьевым* — участвовал в составлении антииноверческих книг. Первая из них «Сборник, слова избранныя о чести святых икон и поклонении», напечатанная в апреле—августе 1642 г., включает произведения Константина Порфиrogenита, Григория Двоеслова, Иоанна Дамаскина и др. в защиту иконопочитания и направлена против «новых развратников православной христианской веры Лютера, Кальвина и Феодосия Косого». Второй сборник — «Кириллова книга» — отпечатан в августе 1643—апреле 1644 г.; он содержит тексты Кирилла Иерусалимского, 13 глав «Изложения на лютеры» с незначительными изменениями, другие сочинения и представляет собой руководство «для хотящих о вере претися с латинами, лютеранами и кальвинистами». По мнению А. П. Голубцова, появлению указанных книг способствовали события в царском доме, связанные с желанием царя *Михаила Федоровича* выдать свою дочь, царевну Ирину, замуж за датского королевича, для чего последний должен был креститься и принять православную веру. Царь готовился доказать превосходство православия перед лютеранством (Голубцов А. П. Прения о вере, вызванные делом королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны. М., 1891. С. 118—120, 122—125).

Отказ прибывшего в Россию датского принца принять новое крещение послужил причиной обращения к нему с посланием патриарха Российского *Иосифа*. В апреле 1644 г. пастор королевича Матфей Фельгабер прислал на это увещание свою «отповедь». С мая того же года по решению царя и патриарха была учреждена «Ответная палата», в которой «сидели для ответа противу королевичева попа» Ш. М. и другие справщики; им назначался оклад «поденного корму по гривне на день». Второе послание готовилось на основе Соборного постановления 1620 г. о креще-

нии латинян, Кирилловой книги, творений Дионисия Ареопагита, иных сочинений. Затем последовали прения о вере. 4 июля 1645 г. был получен трактат пастора «О действительности и неповторяемости обливательного крещения». Между 6 и 20 июля Ш. М. с товарищами «сидели в Посольском приказе за ответным письмом против письма дацкого королевича Волдемара Христьянусовича поца Матвея» (Г о л у б ц о в А. П. Памятники прений о вере, возникшие по делу королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны // ЧОИДР. 1892. Кн. 2, отд. 2. С. V—XXII).

Участвуя в подготовке сборников против иноверцев и ответов на послания датского пастора, Ш. М. получил определенные навыки составления писаний на заданную тему с опорой на патристику, решения церковных соборов и т. п. Когда к середине XVII в. особенно остро встал вопрос о реформе в области церковного пения и преодоления в службах такого уродливого явления, как многогласие, Ш. М. создал собственное сочинение, вошедшее в исследовательскую литературу под названием «Слово о единогласном пении». Автограф предваряется записью почерком самого автора: «Писано в лето 7160-го <1651—1652> году, писал справщик Печатного двора Шестак Мартемьянов». Начало трактата: «К божественныя и блаженныя и святыя ревности тщателем боголюбезных народов православных слово избрано от божественных писании извещателю в купе и обличительно на иже церковь Божию неправе хранящих и не по преданию святых апостол и богоносных отец пение совершающих» (ГБЛ, ф. 178, № 1407, л. 1). «Слово» Ш. М. защищает «мир и тишину единогласнаго пения» и резко осуждает многогласие: «. . . везде брани, кличи, шумы, бесчиние, скорость в пении и во чтении», всюду говорится «. . . заднее напред, а преднее опосле; како таковое Богу будет пение приятно, еже диаволу годно». Автор вопрошает церковнослужителей: «Мню убо яко ни в бани, ниже на торжищи сидевое бесчиние есть видети, якоже в вас < . . . > Что слушати предстоящим народом < . . . > у кого внимати < . . . > где слезы и умиление приобрести от слышания псалмопений?» (Там же, л. 2, 9—9 об., 44). Далее идет обоснование мысли о греховности многогласия и изложение эстетических взглядов Ш. М. со ссылками на авторитет книг «божественного писания», деяния Стоглава (включая речь царя *Ивана IV Васильевича* к собору) и др.

Хорошего знания книги требовала профессия Ш. М. Но, скорее всего, и сам он был большим любителем книжной премудрости. Служба при Печатном дворе, получение бесплатных экземпляров выходявших книг давали возможность составить собственную обширную библиотеку. Сохранившиеся документы свидетельствуют, что справщик постоянно пополнял свое собрание. Иногда он покупал по несколько экземпляров одной книги, вероятно, для вкладов в монастыри и церкви. Так, в разные месяцы 1650—1651 гг. в типографской книжной лавке им были приобретены: три «Соборных Уложения судных дел» по 1 р. за книгу, три «Книги о вере» по 0,8 р., «Сборник» и «Маргарит» по 2,5 р. каждый (Читатели изданий Московской типографии в середине XVII в. / Публ. С. П. Луппова. Л., 1983. С. 78, 84, 90, 97, 107).

К сентябрю 1652 г. Ш. М. не стало. В расходной окладной книге Печатного двора записано: «Шестой умер, а на его место по памяти из Приказа Большого Дворца < . . . > велено быть в справщиках Чюдова монастыря старцу Евфимию»; с сентября *Евфимий* получал жалованье, выдававшееся ранее Ш. М. (ЦГАДА, ф. 1182, оп. 1, № 51, л. 3 об.). В этой связи едва ли верно предположение И. П. Сахарова, что Ш. М. являлся членом Первой комиссии по исправлению певческих книг, начавшей работу в Москве летом 1652 г. (см.: П а р ф е н т ь е в Н. П. О деятельности комиссий по исправлению древнерусских певческих книг в XVII в. // АЕ за 1984 г. М., 1986. С. 129—131).

Лит.: Сахаров И. П. Исследования о русском церковном песнопении. СПб., 1849. С. 13; Мансветов И. Как у нас правилась церковные книги. М., 1883. С. 13, 25—26; Белокуров С. А. Из духовной жизни московского общества XVII в. М., 1902. Разд. 2. С. 39—40; Преображенский А. В. Вопрос о единоголосном пении в русской церкви XVII в. // ПДПИ. 1904. Вып. 155. С. 35; Музейное собрание Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина / Под ред. И. М. Рудрявцева. М., 1961. Т. 1. № 1407.

Н. П. Парфентьев

Шушерин Иван Корнильевич (ум. ок. 1693) — иподьякон, автор жизнеописания патриарха *Никона*. Был взят на воспитание будущим патриархом Никоном в бытность последнего митрополитом Новгородским. Сделавшись доверенным лицом Никона, Ш. в 1652 г. переезжает вместе с ним в Москву, где играет видную роль при дворе патриарха. Вместе с опальным патриархом он живет в ссылке в Воскресенском Новоиерусалимском монастыре. Во время «прихода» Никона в 1666 г. в Москву, Ш. нес перед патриархом крест. В ходе следствия и суда над Никоном Ш. был привлечен к дознанию «за то, что он в девятилетнее время (1657—1666 гг., — Н. Б.) к Никоно носил всякие вести и чинил многую ссору», а после суда отправлен в ссылку в Новгород, где и находился около десяти лет. С воцарением в 1676 г. *Феодора Алексеевича* и благодаря ходатайству царевны Натальи Федоровны был из ссылки возвращен.

Главным и единственным литературным трудом Ш. является «Известие о рождении и воспитании и о житии святейшаго Никона патриарха». Это сочинение, написанное в 1687 г. (судя по последнему имеющемуся в нем известию, относящемуся к 18 января этого года), выставляет патриарха Никона «провозвестником истины веры, неумолимым борцом за правду и мучеником», замалчивая в то же время факты, могущие бросить тень на патриарха. Сочинение Ш., распространившееся в большом количестве списков, имеет важное значение для историографии XVII в.

Соч.: Шушерин И. Житие святейшаго патриарха Никона, писанное некоторым бывшем при нем клириком / Изд. О. П. Козодоева. СПб., 1784; 2-е изд. СПб., 1817; Palmer W. The Patriarch and the Tsar. London, 1871—1876. Т. 1—6.

Лит.: Соловьев С. М. История России. М., 1961. Т. 11. С. 264, 340; Суботин Н. И. Дело патриарха Никона: (Историческое исследование по поводу 11 тома «Истории России» проф. Соловьева). М., 1862; Козминский М. Разбор сочинения Шушерина о жизни и деятельности патриарха Никона // Изв. ист.-филол. ин-та кн. Безбородко. 1882. Т. 7. С. 1—34; Иконников. Опыт по историографии; РБС: «Шебанов—Шютц. СПб., 1911 (ст. А. Шилова).

Н. Ю. Бубнов

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Адрианова-Перетц	— Адрианова-Перетц В. П. и Покровская В. Ф. Древнерусская повесть. М.; Л., 1940.
Древнерусская повесть	— Вып. 1.
АЕ	— Археографический ежегодник.
АЗР	— Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1846—1853. Т. 1—5.
АИ	— Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841—1842. Т. 1—5.
БАН	— Библиотека Академии наук СССР (Ленинград).
Барсков. Памятники	— Барсков Я. Л. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912.
Барсуков.	— Барсуков Н. П. Источники русской агиографии. СПб., 1882.
Источники агиографии	— Богословский вестник, издаваемый Московской духовной академией.
БВ	— Богословский вестник, издаваемый Московской духовной академией.
Будовниц.	— Будовниц И. У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI веках (по житиям святых). М., 1966.
Монастыри на Руси	— Будовниц И. У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI веках (по житиям святых). М., 1966.
Будовниц. Словарь	— Будовниц И. У. Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы до XVIII века. М., 1962.

Лит.: Сахаров И. П. Исследования о русском церковном песнопении. СПб., 1849. С. 13; Мансветов И. Как у нас правилась церковные книги. М., 1883. С. 13, 25—26; Белокуров С. А. Из духовной жизни московского общества XVII в. М., 1902. Разд. 2. С. 39—40; Преображенский А. В. Вопрос о единопластном пении в русской церкви XVII в. // ПДПИ. 1904. Вып. 155. С. 35; Музейное собрание Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина / Под ред. И. М. Кудрявцева. М., 1961. Т. 1. № 1407.

Н. П. Парфентьев

Шушерин Иван Корнильевич (ум. ок. 1693) — иподьякон, автор жизнеописания патриарха *Никона*. Был взят на воспитание будущим патриархом Никоном в бытность последнего митрополитом Новгородским. Сделавшись доверенным лицом Никона, Ш. в 1652 г. переезжает вместе с ним в Москву, где играет видную роль при дворе патриарха. Вместе с опальным патриархом он живет в ссылке в Воскресенском Новоиерусалимском монастыре. Во время «прихода» Никона в 1666 г. в Москву, Ш. нес перед патриархом крест. В ходе следствия и суда над Никоном Ш. был привлечен к дознанию «за то, что он в девятилетнее время (1657—1666 гг., — *Н. Б.*) к Никону носил всякие вести и чинил многую ссору», а после суда отправлен в ссылку в Новгород, где и находился около десяти лет. С воцарением в 1676 г. *Феодора Алексеевича* и благодаря ходатайству царевны Натальи Федоровны был из ссылки возвращен.

Главным и единственным литературным трудом Ш. является «Известие о рождении и воспитании и о житии святейшего Никона патриарха». Это сочинение, написанное в 1687 г. (судя по последнему имеющемуся в нем известию, относящемуся к 18 января этого года), выставляет патриарха Никона «провозвестником истины веры, неумолимым борцом за правду и мучеником», замалчивая в то же время факты, могущие бросить тень на патриарха. Сочинение Ш., распространившееся в большом количестве списков, имеет важное значение для историографии XVII в.

Соч.: Шушерин И. Житие святейшего патриарха Никона, писанное некоторым бывшем при нем клириком / Изд. О. П. Козодоева. СПб., 1784; 2-е изд. СПб., 1817; Palmer W. The Patriarch and the Tsar. London, 1871—1876. Т. 1—6.

Лит.: Соловьев С. М. История России. М., 1961. Т. 11. С. 264, 340; Суботин Н. И. Дело патриарха Никона: (Историческое исследование по поводу 11 тома «Истории России» проф. Соловьева). М., 1862; Козминский М. Разбор сочинения Шушерина о жизни и деятельности патриарха Никона // Изв. ист.-филол. ин-та кн. Безбородко. 1882. Т. 7. С. 1—34; Иконников. Опыт по историографии; РБС: «Шебанов—Шютц. СПб., 1911 (ст. А. Шилова).

Н. Ю. Бубнов

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Адрианова-Перетц — Адрианова-Перетц В. П. и Покровская В. Ф. Древнерусская повесть. М.; Л., 1940.
 Древнерусская повесть — Вып. 1.
 АЕ — Археографический ежегодник.
 АЗР — Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1846—1853. Т. 1—5.
 АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841—1842. Т. 1—5.
 БАН — Библиотека Академии наук СССР (Ленинград).
 Барсков. Памятники — Барсков Я. Л. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912.
 Барсуков. — Барсуков Н. П. Источники русской агиографии. Источники агиографии — СПб., 1882.
 БВ — Богословский вестник, издаваемый Московской духовной академией.
 Будовниц. — Будовниц И. У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI веках (по житиям святых). М., 1966.
 Монастыри на Руси — Будовниц И. У. Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы до XVIII века. М., 1962.
 Будовниц. Словарь — Будовниц И. У. Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы до XVIII века. М., 1962.

- Буслаев.** — Буслаев Ф. И. Историческая хрестоматия церковно-славянского и русского языков. М., 1861.
- Историческая хрестоматия ВАИ** — Вестник археологии и истории, издаваемый Археологическим институтом.
- ВВ** — Византийский временник.
- ВИД** — Вспомогательные исторические дисциплины.
- ВИРА** — Вопросы истории религии и атеизма.
- Владимиров.** — Владимирова П. В. Обзор южнорусских и западнорусских памятников письменности от XI до XVII столетия. Киев, 1890.
- Обзор памятников**
- Востоков.** Описание — Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея, составленное Александром Востоковым. СПб., 1842.
- Голубинский.** — Голубинский Е. История русской церкви. М., 1900—1917. Т. 1—2.
- История церкви**
- Голубинский.** — Голубинский Е. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903.
- История канонизации ДРВ** — Древняя российская виблиофика. 2-е изд. Н. Н. Новикова. М., 1788—1791. Ч. 1—20.
- Древности** — Древности. Труды Московского Археологического общества. М., 1865—1904. Т. 1—20.
- Дружинин.** Писания — Дружинин В. Г. Писания русских старообрядцев. СПб., 1912.
- старообрядцев**
- Евгений** Словарь — Евгений (Болховитинов). Словарь русских светских писателей, соотечественников и иностранцев, писавших в России. М., 1845. Т. 1—2.
- ЖМНП** — Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1834—1917.
- ЗООИД** — Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1884—1919. Т. 1—33.
- ИВ** — Исторический вестник.
- ИИФиФ** — Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР.
- Иконников.** — Иконников В. С. Опыт русской историографии. Киев, 1892—1908. Т. 1—2.
- Опыт по историографии ИпоРЯС** — Известия по русскому языку и словесности имп. Академии наук.
- КДА** — Киевская духовная академия.
- Ключевский.** — Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.
- Древнерусские жития ЛГПИ** — Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена.
- ЛГУ** — Ленинградский государственный университет.
- Летописи Тихонравова** — Летописи русской литературы и древностей, издаваемые Николаем Тихонравовым. М., 1859—1863. Т. 1—5.
- МГПИ им. В. И. Ленина** — Московский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина.
- МГПИ** — Московский городской педагогический институт им. В. П. Потемкина.
- им. В. П. Потемкина**
- МГУ** — Московский государственный университет.
- Назаревский.** — Назаревский А. А. Библиография древнерусской повести. М.; Л., 1955.
- Библиография**
- Никольский.** — Никольский Н. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.). СПб., 1906.
- Повременной список**
- Никольский.** — Никольский Н. К. Рукописная книжность древнерусских библиотек (VI—XVII вв.): Материалы для словаря владельцев рукописей, писцов, переводчиков, справщиков и книгохранителей. Вып. 1. А—Б. (Изд. ОЛДП, № 132).
- Рукописная книжность**
- ПБЭ** — Православная богословская энциклопедия. СПб., 1900—1911. Т. 1—12.
- ПДА** — Петербургская духовная академия.
- ПДЛ, ППЛ, ППЛ** — Псковские первая, вторая и третья летописи.
- ПИ** — Проблемы источниковедения.
- ПЛ** — Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Куселевым-Безбородко. СПб., 1860—1862. Вып. 1—4.
- ПЛДР** — Памятники литературы Древней Руси.
- ПО** — Православное обозрение.
- Порфирьев.** — Порфирьев И. Апокрифические сказания о вет-

- Апокрифы ветхозаветные
Порфирьев. — хозаветных лицах и событиях. СПб., 1877.
Апокрифы новозаветные — Порфирьев И. Апокрифические сказания о ново-
ПС — Православный собеседник, издаваемый при Казанской заетных лицах и событиях. СПб., 1890.
РБС — Православный собеседник, издаваемый при Казанской духовной академии.
РЛ — Русский биографический словарь. СПб., 1896—1913.
РО — Русская литература. Т. 1—25.
РС — Рукописный отдел.
РФВ — Русская старина.
СГГД — Русский филологический вестник (Варшава).
Серебрянский. — Собрание государственных грамот и договоров. М., 1813—1894. Ч. 1—5.
Княжеские жития — Серебрянский Н. Древнерусские княжеские жития. М., 1915.
Соболевский. — Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903.
Переводная литература — Срезневский И. И. Древние памятники русского письма и языка (X—XIV веков): Общее повременное обозрение. СПб., 1863.
Срезневский. — Срезневский И. И. Древние памятники русского письма и языка. 2-е изд. СПб., 1882.
Памятники (1882) — Строев П. М. Библиологический словарь и черновые к нему материалы / Приведен в порядок и издан под ред. Бычкова А. Ф. СПб., 1882.
Строев. Словарь — Памятники отреченной русской литературы / Собр. и изд. Н. Тихонравовым. М., 1863. т. 1—2; Т. 3 — СОРЯС. СПб., 1894. Т. 58. № 4.
Тихонравов. — Украинські письменники. Біо-бібліографічний словник. Т. 1. Давня українська література (XI—XVIII ст.) / Уклад Л. Е. Махновець. Київ, 1960.
Памятники — Филарет (Гумилевский). Обзор русской духовной литературы. 3-е изд. СПб., 1884.
Українські письменники — Апокрифи і легенди з українських рукописів, збирав, упорядкував и пояснив Ів. Фравко. Львів, 1896—1910. Т. 1—5.
Филарет. Обзор — Христианское чтение.
Фравко. Апокрифы — Чтения в историческом обществе Нестора летописца.
Христ. чт. — Чтения в Обществе любителей духовного просвещения.
ЧИОНЛ — Шахматов А. А. Обозрение летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938.
ЧОЛДП — Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.
Шахматов. — Яцимирский А. И. Библиографический обзор апокрифов в южнославянской и русской письменности: (Списки памятников). Пг., 1921. Вып. 1: Апокрифы ветхозаветные.Обозрение — Яцимирский А. И. Библиографический обзор апокрифов в южнославянской и русской письменности: (Списки памятников). Пг., 1921. Вып. 1: Апокрифы ветхозаветные.
Шахматов. — Яцимирский А. И. Библиографический обзор апокрифов в южнославянской и русской письменности: (Списки памятников). Пг., 1921. Вып. 1: Апокрифы ветхозаветные.
Разыскания — Яцимирский А. И. Библиографический обзор апокрифов в южнославянской и русской письменности: (Списки памятников). Пг., 1921. Вып. 1: Апокрифы ветхозаветные.
Яцимирский. — Яцимирский А. И. Библиографический обзор апокрифов в южнославянской и русской письменности: (Списки памятников). Пг., 1921. Вып. 1: Апокрифы ветхозаветные.
Библиографический обзор — Яцимирский А. И. Библиографический обзор апокрифов в южнославянской и русской письменности: (Списки памятников). Пг., 1921. Вып. 1: Апокрифы ветхозаветные.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Г. М. ПРОХОРОВ

Глаголица среди миссионерских азбук

Обе славянские азбуки миссионерские. Это значит, что они не представляют собой остатки языческой древности, но придуманы специально, чтобы создать богослужение на родном для славян языке и таким образом распространять среди них осмысленную христианскую веру. Существует целый ряд миссионерских азбук. Какое же положение занимают среди них глаголица и кириллица?

Миссионерское графическое творчество имеет свою историю. Первые миссионеры, апостолы, согласно Новому завету «начали говорить на иных языках» в Пятидесятницу, когда на них сошел Святой Дух, так что каждый «из всякого народа под небесами» «слышал их, говорящих его наречием» (Деяния апостолов, 2, 4—6); но они ли первыми, проповедуя, стали создавать новые виды письма, или же этим занялись только их преемники, неизвестно. Во всяком случае на протяжении всей поздней античности христианские проповедники таким изобретательством занимались и за время со второго по седьмой век создали и распространили с собственными переводами много новых видов письменности: сирийскую «эстрангело» (которая дала затем несколько производных: яковитскую, несторианскую, мандейскую, уйгурскую и др.), коптскую, эфиопскую, готскую, армянскую, грузинскую, кавказско-албанскую, нубийскую. В западной части христианского мира тем временем распространялась, как известно, латиница.

Появление новых видов письма, как и сама христианская проповедь среди язычников и иноверцев, приостановилось на время иконоборчества в Византии (VIII—первая половина IX в.), но вскоре же после победы иконопочитателей (843 г.) была создана славянская письменность. И на этом эпоха алфавитотворчества закончилась: последовал тысячелетний перерыв, если не считать или считать исключением из правила попытку, предпринятую в XIV в. Стефаном Пермским. Она заключалась в распространении далеко на севере от прежних районов миссионерской работы придуманного им коми-зырянского письма. Создание миссионерами новых знаков для письма (бесписьменных народов океанских островов и Американского континента) вновь стало нередким делом только в XIX—XX вв.¹ Этих новейших изобретений мы касаться не будем.

Миссионерские азбуки по-разному относятся к первоначальному письму книг Нового завета — греческому. Знаки сирийского письма «эстрангело» независимы от греческих, поскольку опираются на традиции семитической письменности. В коптском же письме использован греческий алфавит, но пополнен в конце — для обозначения звуков, не существовавших в греческом языке, — несколькими знаками, заимствованными из древнеегипетского письма. Подобным же образом создано нубийское письмо. Из сочетания греческих и рунических знаков составлена готская

¹ См.: Фридрих И. История письма. М., 1979. С. 195—199, 206.

азбука. Графика эфиопского, армянского, грузинского и кавказско-албанского письма независима от греческой. Из славянских алфавитов один — глаголический — тоже, можно сказать, независим от греческого, а второй — кириллический — представляет собой греческий, пополненный для обозначения звуков, не существующих в греческом языке, несколькими дополнительными буквами, как то сделано в коптском алфавите.

Общей чертой миссионерских алфавитов — независимо от того, пользуются ли они греческие буквы или нет, — является отражение ими действительного произношения соответствующих «наречий». Это относится и к коптскому, и к готскому, и к армянскому, и к грузинскому, и к нубийскому, и к славянскому письму (в обоих его видах). Название «глаголица» происходит, очевидно, от слова «глагол», означающего «речь», «слово».² И, значит, «глаголица» это просто азбука, *соответствующая речи*; дающая возможность адекватно записывать *слова своего языка* в отличие от какой-то другой азбуки, такой возможности не дающей (вероятно, греческой, латинской).

Странно то, что все источники наших знаний о создателе и распространителе славянской письменности — Кирилле-Константине, его брате Мефодии и их учениках — говорят лишь об *одной* новоизобретенной в IX в. славянской азбуке, хотя на деле, как мы знаем, их существовало и существует две, из которых одна — глаголица — анонимна, а вторая носит имя изобретателя — Кирилла. Хотя у глаголицы и кириллицы лишь одна общая буква — Ш, они, несомненно, близкородственны друг другу, строение их совпадает. Резко различаются же они — и это, вероятно, связано с разным их отношением к греческой основе — своим стилем: в максимально использующей греческие буквы кириллице и специфически славянские знаки стилистически приближены к греческим; гораздо же более сложная графически глаголица как будто сознательно от греческого письма по облику удалена.

Соотношение двух славянских видов письма более двухсот лет занимает ученых, но до сих пор это вопрос, не имеющий одного исчерпывающего ответа. Глаголицей до самого недавнего времени пользовались славяне-католики, хорваты северодалматинского побережья и прилегающих к нему областей;³ и еще в начале XX в. представлялось, что глаголица — это «славянская письменность, выработанная (не ранее X в.) латинскими миссионерами для совращенных в латинство или унию славян, в отличие от кириллицы как первоначальной славянской азбуки».⁴ А. И. Соболевский видел в глаголице стилистическое усложнение кириллицы, сделанное одним из учеников Кирилла и Мефодия во время гонений на славянское богослужение.⁵ Однако же установлено, что исторически глаголица предшествует кириллице: она отражает более архаическое, чем та, состояние славянского языка; так что скорее кириллица своей избыточной по сравнению с греческим алфавитом частью представляет собой стилистическое упрощение глаголицы.

Глаголицей, несомненно, пользовались создатели славянской письменной литературы; похоже, что из Моравии—Паннонии глаголица распространилась к хорватам в одну сторону, к болгарам — в другую; в X в. она была известна и в восточной, и в западной Болгарии (от этого века

² Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. М., 1910—1914. Т. 1. С. 124; Словарь русского языка XI—XVIII вв. М., 1977. Вып. 4 (Г—Д). С. 25.

³ См.: В. В. О глаголитах, или славянах, имеющих богослужение на славянском языке, но по римскому обряду // Духовная беседа. 1859. Т. 7. № 38. С. 391—406; № 39. С. 430—441; Толстой Н. И. Древняя славянская письменность и становление этнического самосознания у славян // Развитие этнического самосознания у славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 241.

⁴ Православная богословская энциклопедия. Пгр., 1903. Т. 4. Стб. 402.

⁵ Богословская энциклопедия. СПб., 1909. Т. 10. Стб. 222—226.

сохранились древнейшие ее памятники, как и древнейшие памятники кириллицы, но глаголические признаются несколько более старшими), однако же сначала в одной, а потом и в другой части страны она была заменена или вытеснена кириллицей.⁶ На Руси сколь-нибудь заметного распространения глаголица не получила, хотя в XI—XVI вв. отдельные люди ее здесь знали; сохранились глаголические граффити XI в. в соборах Святой Софии в Киеве и в Новгороде.⁷ Сравнительно недавно была предпринята получившая широкий резонанс попытка наглядно представить путь создания кириллицы как постепенный процесс пополнения греческой азбуки четырнадцатью глаголическими буквами с последующим их графическим упрощением;⁸ однако позднейшими исследователями того же материала (граффити Круглой церкви в Преславе) она была оценена «не более как очередное теоретическое предположение, не подкрепленное

Глаголица Кириллица Глаголица Кириллица

никакими фактическими материалами».⁹ Большая по сравнению с кириллицей древность использования глаголицы сомнению не подвергается; потому наиболее вероятным ее создателем признается Кирилл-Константин: «В настоящее время гипотеза об изобретении Кириллом (Константином) глаголицы является наиболее аргументированной и широко распространенной», — пишут специалисты, отмечая при этом, что «и признание Кирилла-Константина автором глаголицы не избавляет современную славистику от решения тех же вопросов, которые стояли перед учеными XIX в.», в том числе даже таких, как «Что послужило источником для кириллицы и глаголицы» и «Предшествовало ли создание глаголицы кириллице, или наоборот», поскольку прямые документальные данные, относящиеся к эпохе изобретения славянского письма, отсутствуют.¹⁰

Вопрос о графических источниках глаголицы породил множество гипотез. Глаголицу выводили из кириллицы, из рунического, финикий-

⁶ См.: Георгиев Е. Славянская письменность до Кирилла и Мефодия. София, 1952. С. 8—9; Толстой Н. И. Древняя славянская письменность... С. 239.

⁷ См.: Мединцева А. А. 1) Глаголические надписи из Софии Новгородской // Советская археология. М., 1969. № 1. С. 199—210; 2) Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора. М., 1978; Носов Е. Н., Рождественская Т. В. Буквенные знаки на пряслице середины X века с «Рюрикова» Городища: (Вопросы интерпретации) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1987. Т. 18. с. 45—55.

⁸ См.: Гошев И. Старобългарски глаголически и кирилски надписи. София, 1961.

⁹ Мединцева А., Попконстантинов К. Надписи из Круглой церкви в Преславе. София, 1985. С. 84.

¹⁰ Там же. С. 78.

ского, еврейского, самаритянского, пальмирского, эфиопского, хазарского, арабского, греческого минускульного, албанского, древнеперсидского, авестского, грузинского, коптского, латинского, готского, клинописного и кипрского слогового письма, а также из магических, астрономических, медицинских и прочих существовавших в средние века знаков.¹¹ Но все эти попытки не достигли своей цели. Итог их решительно подвел Э. Георгиев: «Глаголица... не азбука, буквы которой переделывались из букв какой-нибудь восточной или европейской азбуки. Как заметил еще Миклошич, трудно поверить, чтобы создатель глаголицы подбирал для своей азбуки отдельные знаки из пальмирской, самаританской, еврейской, куфической, эфиопской, армянской, греческой, латинской и др. азбук. Но буквы глаголицы не произошли и от букв одной азбуки, греческой, путем стилизации или путем комбинации букв».¹²

В настоящее время попытки отыскать источник глаголицы сделались, кажется, реже¹³ — может быть, оттого, что двумя людьми независимо друг от друга со всей очевидностью было показано, что глаголица — не продукт какой-либо эволюции, а плод единоличного вдохновенного творчества верующего христианина;¹⁴ в основу подавляющего большинства ее букв положены «три основных символа христианской религии: крест (символ Христа), треугольник (символ Троицы) и круг (символ бесконечности и всемогущества Бога Отца)». Глаголические буквы И и С, составленные обе из треугольника и круга (с тем отличием, что в одном случае сверху треугольник, а во втором круг), соседствуя в самом начале Евангелия от Иоанна («Искони (или Исперва) бѣ Слово»), а также при сокращенном написании под титулом имени Иисус, образуя уравнивающий и богословски значимый графический ансамбль; начинающая же всю азбуку буква А есть просто крест — и символ Христа, и знак молитвы, ставившийся при начале письма.¹⁵ Заметим, что в другой миссионерской же, очевидно, азбуке, вопрос о времени происхождения которой тоже вызывает дискуссии, — грузинской асомтаврули (и в ее варианте нухури),¹⁶ — этот же символ Христа, крест, использован в качестве буквы «кан», начинающей по-грузински слово Христос — «Кристе». Это никак не может быть случайностью. Только загнутым, как у «р», верхом отличается от грузинской буквы соответствующая армянская «к'э». В кириллице же никаких признаков вероисповедания автора нет.

Максимально использующая свою греческую основу кириллица использует и греческий способ обозначения буквами цифр, «рабски подражает греческому оригиналу», как заметил Э. Георгиев;¹⁷ отчего специфически славянские буквы цифрового значения в ней не имеют за исключением двух случаев, когда они заменяют мертвые греческие буквы кошту

¹¹ См.: Кипарский В. О происхождении глаголицы // Климент Охридский. Материалы за неговото чествуване по случай 1050 години от смъртта му. София, 1968. С. 91—92; см. также статью «Глаголица» в кн.: Кирило-Методиевска енциклопедия. Т. 1. А—З. София, 1985. С. 502—509.

¹² Георгиев Э. Славянская письменность... С. 74.

¹³ Из последних попыток такого рода см.: Каждая Л. О происхождении глаголицы // Маце. Известия АН ГССР. Сер. яз. и лиг. 1971. № 2. Subberger P. V. Glagolitic's armenian connection // Wiener slawistischer Almanach, 1982. Bd 9. S. 291—304; Peri V. Note preliminari e profane sull'origine paleografica degli alfabeti slavi // Scrittura e civiltà. N 8. Torino, 1984. P. 31—67.

¹⁴ Этот вывод был сделан независимо друг от друга в 1949 г. Г. Чернохвостовым в Финляндии (см.: Кипарский В. О происхождении глаголицы. С. 93) и в 1952 г. Э. Георгиевым в Болгарии (Славянская письменность... С. 77—78).

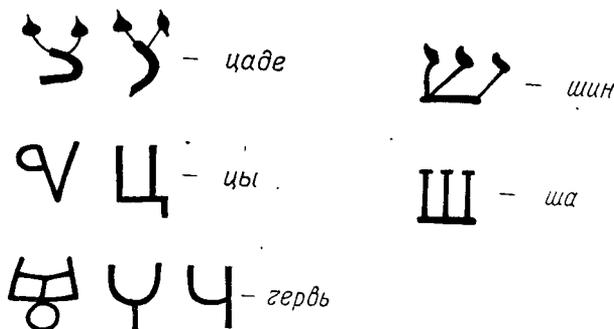
¹⁵ См.: Кипарский В. О происхождении глаголицы. С. 93—94.

¹⁶ Обзоры существующих на этот счет точек зрения см.: Шинидзе М. А. О грузинской письменности // Русский язык в грузинской школе. 1979. № 1 (52). С. 62—72; Chintibidse E. Das Problem der georgischen Schrift- und Schrifttumsentstehung // Georgica. Jena—Tbilisi. N. 8. S. 34—40.

¹⁷ Георгиев Э. Славянская письменность... С. 22.

и сампи (90 и 900). Глаголица же круто отстывает от греческой письменности и в этом: цифровое значение в ней буквы имеют независимо от того, совпадают ли они по звуковому значению с греческими или нет (так, буква Б в кириллице не имеет цифрового значения, а в глаголице имеет). «... Только отдельное лицо было бы в состоянии установить численную стоимость букв по тому способу, как они установлены в глаголице...», — уверен Э. Георгиев.¹⁸ Мне тоже так кажется. Для характеристики же кругозора этого лица очень важно то, что в отличие от греческого письма и от кириллицы в глаголице существует особая буква для обозначения тысячи («червь»): особые знаки для обозначения тысяч есть в армянском и грузинском алфавитах.

Но несмотря на все эти резкие различия двух славянских алфавитов, а главное из них, подчеркиваю, — в отношении к их греческой основе, некоторые ученые считают, что они созданы одним человеком. Сторонник

такой точки зрения Э. Миннз писал, что буквы Ц, Ч и Ш и там, и там восходят скорее всего к еврейским «цаде» и «шин», причем соответствующие глаголические буквы не ближе к еврейским, чем кириллические.¹⁹ Мне же представляется, что только создатель кириллицы, несомненно, знавший еврейский язык, возможно, ориентировался на его буквы при создании славянских Ц и Ч. Что же касается Ц и Ч в глаголице, то там они не восходят к еврейским буквам. И хотя в кириллице они написаны, похоже, с оглядкой на них, однако по стилю иначе, чем те и чем глаголические буквы.

Ведь именно стилем, как произведения графического искусства, различаются две славянские азбуки столь же резко, как и своим отношением к греческой основе. Их создатель, если это один человек, должен был иметь две по-разному ориентированные души, два ума, два стиля. «Если бы Кирилл создал обе старославянские азбуки, нужно было бы ожидать большего сходства как в дукте этих двух азбук, так и в их системе, и в начертании отдельных букв, особенно тех, которые в кириллице дополняют греческую азбуку», — пишет Э. Георгиев.²⁰ Ранние кириллические рукописи настолько близки стилистически к современным им и более ранним греческим, что могут быть с ними спутаны по внешнему виду. Не думая возвращаться к бесплодным поискам прототипов глаголических букв, я считаю серьезным вопросом, чему родственна глаголица стилистически. Конечно, датировки и атрибуции чего бы то ни было по стилю силой доказательства не обладают. Но ведь даже творящий в порыве умственного вдохновения миссионер творит не в стилистическом вакууме. Создатель глаголицы, как и создатель армянской письменности Мероп Маштоц, несомненно, был свободен в своем творческом процессе от прямого диктата какого-либо образца и изобретателен, поэтому найти источники, откуда

¹⁸ Там же. С. 23.

¹⁹ Minns E. H. Saint Cyril really knew Hebrew // Mélanges publiés en l'honneur de M. Paul Boyer. Paris, 1925. P. 94—97.

²⁰ Георгиев Е. Славянская письменность... С. 68.

тот и другой «черпали» формы для своих букв, или разгадать «системы», которыми они руководствовались в их построении, наверное, едва ли возможно.²¹ Но найти, собрать и указать стилистические параллели к результатам их творчества, я думаю, полезно и важно.

Сразу можно заметить, что в число стилистических параллелей глаголицы не попадает еврейское письмо с упомянутыми буквами «цаде» и «шин». Чему же родственна глаголица стилистически?

Она настолько близка по стилю к миссионерским азбукам первых шести веков нашей эры, что было бы удивительно, если бы ее не пытались вывести из этих алфавитов. Я постарался привести стилистические параллели к буквам глаголицы.

Символический смысл формы буквы А, о котором речь уже шла, насколько не отменяет важности полного совпадения этой формы с формой грузинской «кан», коптской «ти» (или «тэй»), эфиопской «та». Полностью же совпадает глаголическая «твердо» с эфиопским знаком «ма». В остальных 38 случаях столь полного тождества нет, всегда для совпадения надо как-то «доделать» знак: либо повернуть его, либо отразить в зеркале, либо что-то к нему добавить и т. п. Однако же стилистическое сходство глаголических знаков со знаками эфиопского, армянского, коптского, грузинского, в некоторых случаях кавказско-албанского, сирийского «эстрангело» и мандейского (гностицистический вариант арамейского)²² алфавитов, на мой взгляд, совершенно очевидно. Надо сказать, между знаками самих этих языков много сходства и есть случаи полных совпадений. На поразительную близость ряда армянских и эфиопских знаков письма указал Д. А. Ольдерогге и объяснил ее знакомством Месропа Маштоца с эфиопской литературой, легко возможным в IV—V вв. и за пределами африканского континента благодаря распространению власти Аксума, а с ним и влияния эфиопской христианской культуры на Аравийский полуостров, и развитию эфиопско-армянских церковных связей.²³ О вероятном знакомстве Месропа Маштоца с эфиопским письмом писал — еще до Д. А. Ольдерогге — Г. Севак, считавший, что Месроп имел возможность познакомиться с эфиопскими книгами даже в библиотеках Амира и Эдессы.²⁴ Мысль Г. Севака и Д. А. Ольдерогге о связи эфиопской и армянской письменностей кажется справедливой Ю. М. Кобищанову: «Культурные связи армян с Аксумом, — пишет он, — возможно, уже в конце IV—начале V в. имели большое значение для создания армянского письма. V—VIII века были периодом расцвета армянской культуры, причем победа в Армении монофиситской доктрины идейно объединила армян с коптами, аксумитами и частью сирийцев и нубийцев. Существовали и места, где уже в V—VI вв. образованные и любознательные армяне, а также грузины могли встречаться с аксумитами и нубийцами и беседовать с ними как по вопросам веры, так и об их странах. Главными из этих мест были Александрия и Иерусалим».²⁵ Вероятно даже, что в самой Армении незадолго до создания армянского письма Месропом Маштоцем, в конце V в., сириец

²¹ Ср.: Периханян А. К вопросу о происхождении армянской письменности // Переднеазиатский сборник. 1966. 2. С. 106—110; Муравьев С. Н. О прогосистеме армянского алфавита // Историко-филологический журнал. Ереван, 1980. № 2; кригику гипотезы С. Н. Муравьева см.: Юзбашян К. Н. Новая попытка истолковать происхождение армянского алфавита: открытие или заблуждение? // Историко-филологический журнал. Ереван, 1982. № 1. С. 177—184.

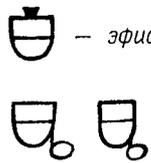
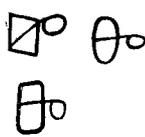
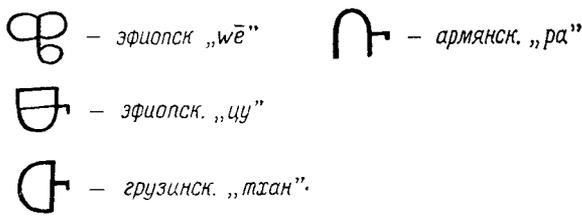
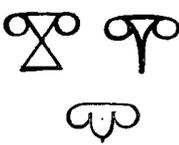
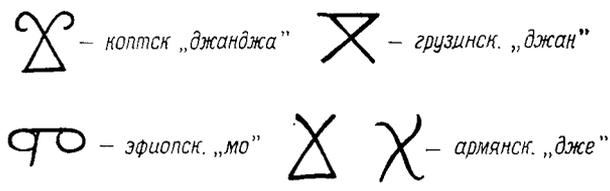
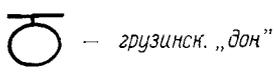
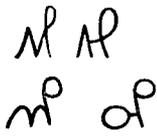
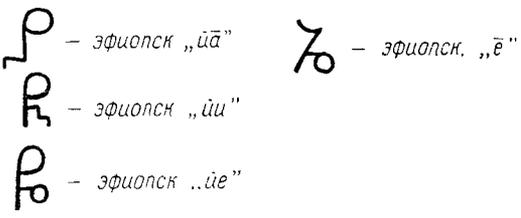
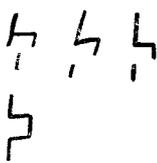
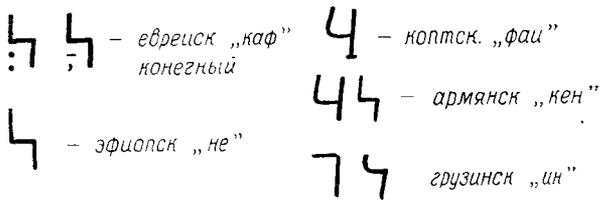
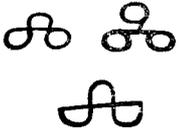
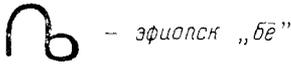
²² См.: Церетели К. Арамейский язык. Тбилиси, 1982. Приложение: Таблица «Основные виды арамейского письма».

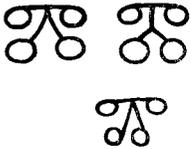
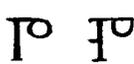
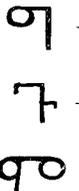
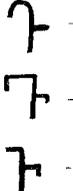
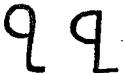
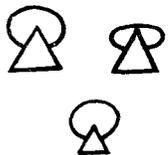
²³ Olderogge D. A. 1) Les anciennes relations entre l'Arménie et l'Éthiopie (Histoire d'une écriture). Moscou, 1969 (IV Conférence internationale des études éthiopiennes); 2) L'Arménie et l'Éthiopie au IV siècle (à propos des sources de l'alphabet arménien) // IV Convegno Internazionale di studi etiopici. Roma, 1974. T. 1. P. 195—203.

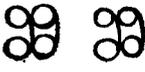
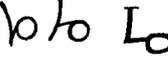
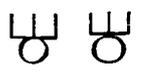
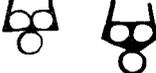
²⁴ Севак Г. Месроп Маштоц. Ереван, 1962. С. 46.

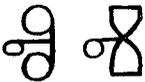
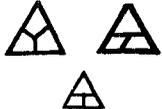
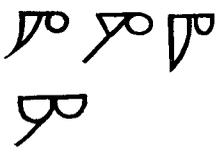
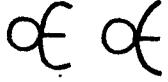
²⁵ Кобищанов Ю. М. Северо-Восточная Африка в раннесредневековом мире. М., 1980. С. 182.

<p>† +</p> <p>аз 1</p>	<p>† коптск. „ти“, „тэи“ † – армян „кэ“</p> <p>† эфиопск „та“</p> <p>† † † грузинская „кан“</p>
<p>Ⲟ ⲟ</p> <p>Ⲡ ⲡ</p> <p>буки 2</p>	<p>Ⲟ самаритянск „мем“</p> <p>Ⲡ коптская „шай“</p> <p>ⲡ грузинск. „шин“</p> <p>Ⲣ грузинск „хан“</p>
<p>Ⲥ ⲥ</p> <p>веди 3</p>	<p>Ⲥ эфиопск „хо“</p> <p>ⲥ мандейск „ша“</p>
<p>Ⲧ ⲧ</p> <p>Ⲩ ⲩ</p> <p>глаголь 4</p>	<p>Ⲧ армянск „гим“</p> <p>ⲧ армянск „гат“</p> <p>Ⲩ эфиопск „ё“</p>
<p>Ⲫ ⲫ</p> <p>Ⲭ ⲭ</p> <p>добро 5</p>	<p>Ⲫ эфиопск „бё“</p> <p>ⲫ грегеск „дельта“</p>
<p>Ⲯ ⲯ</p> <p>Ⲱ ⲱ</p> <p>есть 6</p>	<p>ⲱ – самаритянск. „хе“</p>
<p>Ⲳ ⲳ</p> <p>Ⲵ ⲵ</p> <p>живете 7</p>	<p>Ⲳ – эстрангело „ша“ ⲳ Ⲵ – армянск. „дже“</p> <p>ⲵ – албанск „кам“</p> <p>Ⲷ – коптск. „джанджа“</p>

 <p>ველო 8</p>	 <p>– эфиопск. „цѳ“ – эфиопск. „цѳѳ“</p>
 <p>ვერცხვა 9</p>	 <p>– эфиопск „wѳ“ Ⴆ – армянск. „ра“ – эфиопск. „цу“ – грузинск. „тхан“.</p>
 <p>ვერცხვა 10</p>	 <p>– коптск „джанджа“ Ⴆ – грузинск. „джан“ – эфиопск. „мо“ Ⴆ Ⴇ – армянск. „дже“</p>
 <p>ვერცხვა 20</p>	 <p>– грузинск. „дон“</p>
 <p>ვერცხვა (გერვა) 30</p>	 <p>– эфиопск „йѳ“ Ⴆ – эфиопск. „ѳѳ“ – эфиопск „йѳѳ“ – эфиопск „йѳѳѳ“</p>
 <p>ვერცხვა 40</p>	 <p>– еврейск „каф“ Ⴆ – коптск. „фаи“ конезный ႦႦ – армянск „кен“ – эфиопск „не“ ႦႧ – грузинск „ин“</p>
 <p>ვერცხვა 50</p>	 <p>– эфиопск „бѳ“</p>

 мыслете 60	 - эстрангело „ѝ” - албанск „кам”
 наш 70	 - армянск „џим” - грузинск „тар” - грузинск „тшил” - грузинск „џз.џ”
 он 80	 - эфиопск „ма” - грузинск „ман”
 пной 90	 - эфиопск „гы” - эфиопск „гу” - эфиопск „мо” - армянск „да” - грузинск „џн” - албанск (?) (из надписи на -арнизе)
 ри 100	 - эфиопск „ри” „ра” - грузинск „бан” - армянск „ер”
 слово 200	 - коптская „джанджа” - армянск „дже”
 тврдо 300	 эфиопск „ма” эстрангело „с”

 <p>უკ 400</p>	
 <p>ფერთ 500</p>	<p>ⴁ — <i>грегеск. „фита”</i></p> <p>ⴂ ⴃ — <i>эфиопск. „цу”</i></p>
 <p>ხერ 600</p>	<p>ⴄ — <i>эфиопск. „ē”</i></p> <p>ⴅ — <i>эстрангело „f, th”</i> ⴆ ⴇ — <i>самаритянск. „зайн”</i></p>
 <p>омега 700</p>	<p>ⴈ ⴉ — <i>грузинск. „тиан”</i></p> <p>ⴊ ⴋ — <i>грузинск. „ун”</i></p> <p>ⴌ — <i>эфиопск. „wi”</i></p>
 <p>ща 800</p>	<p>ⴍ ⴎ — <i>армянск. „за”, эфиопск. „да”</i></p> <p>ⴏ ⴐ — <i>грузинск. „дон”</i></p> <p>ⴑ — <i>эфиопск. „сē”</i></p>
 <p>шы 900</p>	<p>ⴒ — <i>эстрангело „f, th”</i></p> <p>ⴓ ⴔ — <i>эфиопск. „rē”</i></p> <p>ⴕ — <i>еврейск. „цаде”</i></p>
 <p>зervь 1000</p>	<p>ⴖ ⴗ — <i>грузинск. „ктар”</i></p> <p>ⴘ ⴙ — <i>эфиопск. „цē”</i></p>

<p style="text-align: center;">Ш</p> <p>ша</p>	<p>Ш — армянск „ашб” — еврейск „шин”</p> <p>Ш — самаритск „шин”</p> <p>Ш — коптск „шаи”</p>
<p></p> <p>ер</p>	<p> — эфиопск „се” — грузинск „шви”</p> <p> — эфиопск „се” — армянск „шек”</p>
<p></p> <p>еры</p>	
<p></p> <p>ерь</p>	<p> — эфиопск „се” — грузинск „шви”, эфиопск „шу”</p> <p> — эфиопск „се” — грузинск „ше”</p> <p> — армянск „шек” — эфиопск „се”</p>
<p></p> <p>ять</p>	
<p></p> <p>ю</p>	<p> — эфиопск „я” — еврейск „йод”</p> <p> — эфиопск „я” — еврейск „йод”</p>
<p></p> <p>юс малый</p>	<p> — эфиопск „я” — эфиопск „я”</p> <p> — эфиопск „я” — эфиопск „я”</p> <p> — эфиопск „я” — эфиопск „я”</p>

епископ Даниил вводил в употребление именно эфиопское письмо. И, таким образом, возможно, что «сирийцы играли роль посредников в культурном обмене аксумитов с армянами. . .»²⁶

Помимо близости начертаний отдельных букв и общего облика знаков армянское письмо сходствует с эфиопским принципиально: «Достаточно

 <i>юс большой</i>	
 <i>юс малый йотированный</i>	
  <i>юс большой йотированный</i>	 } эфиопск „йе“
 <i>фита</i>	 — грэгеская „фита“
 <i>ипсилон, ижица</i>	 — эфиопск. „ny“ — эфиопск. „yu“

расположить однотипные буквы Месропа по группам», чтобы стало «видно, что в пределах каждой группы одну букву отличает от другой лишь перемещение какой-нибудь черточка или изменение позиции».²⁷ Но тот же самый принцип изменения значения (прибавления к согласной той или иной гласной по индийскому образцу) имеет и эфиопское письмо.²⁸

²⁶ Там же. С. 184.

²⁷ Севак Г. Месроп Маштоц. С. 39.

²⁸ «Характерно, что реформа эфиопского письма в IV в. при царе Эзане не приблизила его к греческому письму и в то же время не отделила его от консонантно-

При всех столь же очевидных случаях стилистической близости глаголических букв к армянским²⁹ с эфиопскими у тех и у других общего больше, чем между собою. Близость глаголицы к эфиопскому письму отмечает Д. Диррингер: «...общий ее облик, — пишет он, — вызывает ассоциации с эфиопским письмом».³⁰ В 1929 г. при национализации коллекций академика Н. П. Лихачева это сходство ввело в заблуждение проф. А. С. Орлова: пергаменную эфиопскую Псалтырь XIX в., обнаруженную им в столе хозяина, он принял за глаголическую рукопись X в.³¹

Общность между глаголицей и эфиопским письмом выходит за пределы сходства отдельных графических фигур. Будучи совершенно различны по своему строю и по значениям знаков, они сходятся, однако же, элементами, из которых строятся и которые придают им столь своеобразный стилистический облик, — кружочками и горизонтальными палочками в среднем уровне знака, иногда с загибом вниз.

Стилистическая близость глаголицы преимущественно к эфиопскому письму не исключает знакомства ее создателя со знаками других христианских письменностей Африки и Ближнего Востока. От их алфавитов создатель глаголицы не старался отойти так далеко, как он старался отойти в облике букв, в их цифровом значении и во всей цифровой системе от греческого письма.

Совмещая такой культурно-психологический «портрет-робот» создателя глаголицы с Константином-Кириллом, жившим в IX в., мы встречаемся с большими затруднениями. С армянской и грузинской письменностями Константин-Кирилл, конечно, мог познакомиться, если не в Солуни и Константинополе, что, заметим, вполне вероятно, то уж во всяком случае в Крыму или на Кавказе во время своей хазарской миссии. Допустим, в Крыму же он мог познакомиться с сирийским письмом,³² а у Каспийского моря с умиравшим албанским.³³ Но с коптским и, главное, эфиопским? Коптская письменность, возникнув во II—III вв. усилиями переводчиков с греческого языка книг Ветхого и Нового заветов, пережив расцвет в V—VII вв. в период «коптского возрождения», пробыв затем 63 года после арабского завоевания официальной в государственной канцелярии Египта (коптский язык был заменен в этом качестве арабским лишь в 705 г.), начала под арабами постепенно сдавать свои позиции и в конце концов сохранилась лишь там, где и возникла, — в коптской церкви. Созданная не позже IV в. подобным же образом (путем перевода с сирийского церковных книг) эфиопская письменная литература после появления в VII в. арабской империи и цивилизации тоже оказалась в состоянии глухой изоляции. К IX в. Аксум с его ослабевшей культурой давно уже был закрыт от Средиземноморья стеной враждебного и полного сил мусульманского мира.³⁴

Но и «международное положение», и состояние молодых тогда сирийской, албанской, коптской и эфиопской христианских культур были со-

звучковых алфавитов Ближнего Востока (<...>), вводя индийский принцип передачи гласных звуков. Несомненно, это явилось следствием многовековых индийско-аксумских связей, сохранивших свое значение и в V—VII вв. В то же время кажется правдоподобным предположение, что если не изобретение, то распространение реформированного алфавита стимулировалось появлением христианской переводной литературы на языке геэз» (К о б и щ а н о в Ю. М. Северо-Восточная Африка в раннесредневековом мире. С. 192).

²⁹ Однако я не могу согласиться с прямым выведением П. В. Кабберли (см. примеч. 12) некоторых знаков глаголицы из армянского алфавита.

³⁰ Д и р и н г е р Д. Алфавит. М., 1963. С. 558.

³¹ Об этом рассказывал очевидец, проф. Н. А. Менцерский.

³² См.: И в а н о в а Т. А. Еще раз о русских письменах // Советское славяноведение. 1969. Т. 4. С. 72—75.

³³ См.: Ш а н и д з е А. Язык и письмо кавказских албанцев / Вестник Отделения общественных наук АН ГССР. 1960. Т. 1. С. 163—170.

³⁴ См.: Е л а н с к а я А. И. Коптский язык. М., 1964. С. 7—11; С т а р и н и н В. П. Эфиопский язык. М., 1967. С. 11—12; К о б и щ а н о в Ю. М. Северо-Восточная Африка в раннесредневековом мире. С. 191, 197.

вершено иными до мусульманских завоеваний и даже некоторое время после или в течение их, во второй половине VII—начале VIII в. Века с V по VIII были периодом высшего расцвета и плодотворных взаимосвязей сирийской, армянской, коптской, эфиопской и нубийской монофизитских христианских культур. О связях армян с Аксумом и о возможном посредничестве в этих связях сирийцев мы уже говорили. «Сирийское культурное влияние заметно в литургии, религиозной терминологии и архитектуре» Аксума VI—VII вв.; <...> архитектура христианской Нубии и Аксумского царства VI—VII вв. обнаруживает несомненное сходство с архитектурой Северной Сирии, заставляющее предполагать прямое сирийское влияние на аксумских зодчих и косвенное на нубийских <...> церкви аксумской Эфиопии копируют северосирийские образцы. <...> Главным образом через посредство сирийцев и коптов развивались культурные связи народов Закавказья и Северо-Восточной Африки. <...> Борясь за свою этническую целостность и независимость от феодальных империй, сирийцы, армяне и другие народы Передней Азии искали союзников и единомышленников, каковыми могли быть в те времена только единоверцы-монофиситы, даже если они обитали далеко на юге, в Эфиопии. В VI в. монофиситское христианство становилось региональной религией Ближнего Востока».³⁵ Вплоть до середины V в., когда Халкидонский собор (451 г.) разделил православных и монофизитов, влияние африканской и сирийской церквей было главенствующим на Балканах, где, заметим, как раз в это время начали приходить в соприкосновение с греками славяне. Об установлении в ту эпоху торговых связей коптов со славянами может свидетельствовать изделие коптского прикладного искусства этого времени (V—VII вв.) — пластинка из оленьего рога с рельефными изображениями, найденная в детской могиле 850—950 гг. на территории Великой Моравии.³⁶

В Житии Иоанна Златоуста говорится, что он посылал «мужь добрых, иже апостолы подражают при житии», к появившимся на Дунае «скифам», «да е научеть Закону».³⁷ Это, вероятно, были гунны (готы уже находились на территории Византии и более полувека имели свою письменность), а с гуннами во множестве шли славяне: с падением гуннской власти они оказались насельниками недавно подвластных тем земель. Достоин внимания факт, что на исходе IV в., как раз в то время, когда патриархом в Константинополе был Иоанн Златоуст (398—404 г.), в течение трех лет там жил епископ египетский Птолемаиды (район Асуана) Синезий,³⁸ знаток африканских христианских систем письма. И надо сказать, греческое письмо тогда должно было ассоциироваться как с непобежденным еще язычеством, так и с широко распространенным арианством, с которым Иоанн Златоуст вел борьбу; отталкивание от греческой графики и ориентация на молодые письменности африканских и сирийских христиан было бы применительно к тому времени понятно.

По мнению И. И. Срезневского, «вероятно, не слишком долго спустя после готов и славяне стали пытаться передавать на своем языке места из книг Св. Писания и молитвы. Славяне юго-западные могли начать эти попытки в VI—VII веках. . .».³⁹ Действительно, второе возможное для этого время — эпоха Юстиниана (середина VI в.), когда, с одной стороны, активизируется византийская политика на путях в Индию в обход Персии — на Аравийском полуострове и в Африке (в Эфиопии, Нубии) и когда

³⁵ Там же. С. 184—188.

³⁶ См.: Chrávat P. Velká Morava a koptsky Egypt // Panátky archeologické. Roč. 77 Č. 1. P. 5—17.

³⁷ См.: H a n s a c k E. Die Vita des Johannes Chrysostomos des Georgios von Alexandrien in Kirchenslavischer Übersetzung. Freiburg, 1980. Bd 2. S. 258—260.

³⁸ См.: Успенский Ф. И. История Византии. СПб., (6. г.). Т. 1. С. 164.

³⁹ Срезневский И. И. Мысли об истории русского языка. СПб., 1850. С. 37.

(в 540 г.) монофизитский проповедник Юлиан при поддержке императрицы Феодоры распространяет в Верхнем Египте созданную им на основе коптской нубийскую письменность, а с другой стороны, очевидно стремление византийцев дипломатическими средствами ослабить угрозу славянского нашествия из-за Дуная, делавшуюся все более реальной и страшной. В 545 г. император Юстиниан отправил послов на нижний Дунай к славянам-антам; посольство было успешным, Юстиниан стал именоваться императором антов. Однако в 602 г. анты были уничтожены аvaraми; если и имела место попытка проповедать у них христианство, как у нубийцев, на их собственном языке, то в 602 г. тамошняя миссионерская церковь прекратила бы свое существование, а ее книги были бы уничтожены и разнесены в разные стороны света. Люди же, умевшие их читать, тоже должны были быть уничтожены или рассеяны по свету и представляли бы собой отныне большую редкость. Эти фантазии вызывают в памяти знаменитое известие пространного Жития Кирилла о том, что Константин-Кирилл во время своей хазарской миссии (863 г.) видел в Крыму книги Евангелие и Псалтырь, написанные «русьскими письмены», и нашел человека, умевшего говорить тою «беседою»: ⁴⁰ из сообщения, однако, не следует, что этот человек умел те книги читать; читать их научился Константин-Кирилл. Будь книги не «русьскими», а «сурьскими», сирийскими, как сейчас считают (что вполне вероятно, с филологической точки зрения), Константину-Кириллу не имело бы смысла обращать на них внимание, как и на говорящего на их языке человека, потому что сирийцев с их книгами он легко мог найти и в самой Византии.

Но еще более вероятно появление глаголицы в районе Солуни в семидесятих годах VII в. Об обретении славянами алфавита в это время мы имеем уже прямое историческое свидетельство — «Слово Кирила Философа, како увьри Булгаре», или «Солунскую легенду». Это автобиографическое произведение опубликовано по пяти спискам XIV—XVI вв.: впервые — И. Х. Константиновым (Хаджиконстантинов-Джинот) в середине прошлого века по неизвестной рукописи,⁴¹ затем — Д. Ангеловым по сделанному в 1861 г. в с. Тырново списку с другой неизвестной теперь пергаменной рукописи (вероятно, XIV в.)⁴² и, кроме того, по трем известным сейчас южнославянским рукописям XV—XVI вв.⁴³ Повествование ведется от лица некоего Кирилла, который не имеет ничего общего с Константином-Кириллом, братом Мефодия. Просто тезка. Он родился или жил (по одним спискам — «рождение мое», по другим — «житие мое») в Каппа-

⁴⁰ См.: Никольский Н. К. К вопросу о русских письменах, упоминаемых в Житии Константина Философа // ИОРЯС. 1928. Т. 1, кн. 1. С. 1—37; Георгиев Е. Славянская письменность. . . С. 49—52.

⁴¹ Константинов И. Х. Слово Кирила Философа Българскаго // Гласник дружества српске словесности. 1856. Кн. VIII. С. 146—147; см. также: Български книжници. Цариград. 1859. II, 1. С. 15—16; Бильбазов В. Кирилл и Мефодий по документальным источникам. СПб., 1874. Ч. II. С. 217—219; Успенский П. История Афона. Киев, 1877. Т. II, ч. 1. С. 103—104.

⁴² Ангелов Г. Кюстендил. Кюстендил, 1900. С. 5—7; Иванов И. 1) Северна Македония. София, 1906. С. 62—63, 2) Български старини из Македония. София, 1931. С. 281—283 (фототип. воспр. София, 1970); Ангелов Б. Ст. За два преписа на Солунската легенда // Кирило-Методиевски студии. 1984. Т. 1. С. 13—18.

⁴³ 1) «Тивешский» список 80-х гг. XV в. — Народная библиотека «Кирилл и Мефодий» в Софии, № 677 (см.: Начов Н. Една нашненска ръкопис // Книжници за прочет с белетристическо, техничко, научно и забавително съдържание. Солун, 1889, Кн. 1. С. 42—47; см. также: Лавров П. А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930. С. 158—159); 2) «Наколашкин» список последней четверти XV в. — Монастырь Николец в Югославии, № 52 (см.: Ангелов Б. Ст. За два преписа на Солунската легенда. С. 9—13); 3) «Софийский» список конца XVI в. — Церковный музей в Софии, № 1161 (см.: Рожухаров Ст. Неизвестен препис на Солунската легенда // Български евик. 1966. Т. XVI, кн. 5. С. 491—494; Ангелов Б. Ст. Солунската легенда // Из старата българска, руска и сръбска литература. София, 1967. Т. II. С. 63—66).

докии, стране между Малой Арменией, Фригией, Пафлагонией и Черным морем; образование получил в сирийском Дамаске («и учение мое въ Дамасцѣ»); оказался затем в египетской Александрии. Отнеся «Слово» к Константину-Кириллу, его сочли сначала речью, произнесенной тем в Риме,⁴⁴ а теперь считают легендарно-апокрифическим сочинением в фольклорном духе какого-то ревнителя славы болгар как богоизбранного народа,⁴⁵ жившего в XI—XII, XII—XIII или в XIV в. в Македонии и питавшего неприязнь к грекам.

Однажды в церкви александрийского патриарха («въ церкви великой патриархии Александрьской»), повествует автор Слова, он услышал из алтаря голос, назвавший его по имени («Кириле») и повелевший ему идти «въ землю (пространную) и въ языкъ словенскы (*вар.*: езикы словинские), (се) рекше Българе», чтобы «увѣрити их и законъ дати имъ». Он очень огорчился, оттого что не знал, где находится земля народа славянского, так называемых болгар. Но отправился в путь, прибыл на Кипр, однако и там ничего не разузнал о месте жительства славян; хотел было возвратиться, но побоялся («да не буду яко пророкъ Иона», уклонявшийся от порученного ему Богом), поплыл дальше, на Крит, и там получил совет идти «въ Солун град». В Солуни Кирилл явился к митрополиту Иоанну. Как мы увидим, это лицо исторически известно: солунский митрополит Иоанн II, участник VI Вселенского собора (680—681 гг.), автор части «Чудес св. Димитрия», умер в 695 г. Кирилл поведал ему о своей задаче, а тот назвал его безумным старцем и сказал, что болгары — людоеды («человѣкоядьцы») и его самого могут съесть. На торге Кирилл услышал славянскую речь и испугался («и устрапился сердце мое въ мнѣ, и бих яко въ адѣ и тмѣ»). Помогло ему чудо. Выйдя как-то из церкви после воскресной службы («въ един день въ святую неделю»), он сел «на мрамори, мыслещи и скръбещи», и тут увидел птицу: по одним спискам — голубя («голуба глаголющи»), по другим — «врана грачеща»; птица нечто держала в клюве. То, что птица держала в клюве, названо довольно странно: «зборькъ съчици скокине соупоуль свезану» (*вар.*: «зборькъ съчици скокине с оугуоуль свезану», «сборокъ с'чице со куки и уголѣ свр'зана», «свытъкъ съчици скокине съ гуле свезане»); нет уверенности в правильном разделении знаков на слова. Попытки разъяснения смысла этих слов в большей или меньшей мере неубедительны.⁴⁶ Птица бросила свою ношу Кириллу «на крило» (на полу одежды или на плечо?), тот пересчитал упавшее (стало быть, это было нечто поддающееся счету и потому, значит, действительно связанное) и насчитал согласно одному списку 35, а согласно остальным — 32. Затем Кирилл вложил упавшее и пересчитанное «въ пазуху» (судя по дальнейшему именно за пазуху) и понес показать митрополиту. И тут случилось настоящее чудо: положенные за пазуху предметы скрылись в его теле («въ тело мое съкришесе»), а он сам потерял способность понимать по-гречески, забыл греческий язык: «. . . азъ истребихъ (*вар.*: изгубихъ) грѣцкы языкъ». (Забыл ли он при этом сирийский, которым пользовался, обучаясь в Дамаске, или коптский, который он мог освоить в Александрии, к сожалению, не сообщается). Митрополит прислал Кириллу приглашение на трапезу, а он не понимал посланника: «. . . азъ же не разумѣхъ, что къ мнѣ грѣцкы говори»; и все солуняне, собравшиеся

⁴⁴ См.: Бильбасов В. А. Кирилл и Мефодий. С. 1—6.

⁴⁵ См.: Воронов А. Главнейшие источники для истории Кирилла и Мефодия. Киев, 1877. С. 223—236; Георгиев Е. Литература на изострени борби в средновековна България. София, 1966. С. 313—316; Ангелов Б. Ст. Из старата българска, руска и сръбска литература. София, 1967. Кн. II. С. 44—66; Митенова А. Солунската легенда и нейните типологични паралели // Годишник на Софийския университет «Климент Охридски». Център за славяно-византийски проучвания «Акад. Иван Дуйчев». София, 1987. Т. I.

⁴⁶ См., например: Воронов А. Кирилл и Мефодий. С. 224, примеч. 2; Брац Г. Кирилло-Мефодиевские вопросы // Труды Киевской Духовной академии. 1891. № 6. С. 298—325.

к митрополиту, этому удивлялись. А дальше случилось не менее странное — Кирилла заточили: «Тако и съкриху (*по одному стику*: искаху) мене». Из дальнейших событий ясно, что его не искали, а именно посадили.

Рассказ Кирилла можно понять так, что вместе с утратой знания греческого языка, последовавшей за исчезновением в его теле загадочных предметов, он обрел знание славянского языка и главное, как увидим, письма, за что тут же оказался в заточении. Получается, митрополит Иоанн почему-то не хотел допустить проповеди Кириллом христианства среди славяно-болгар на их языке. Как мы помним, он с самого начала, мягко говоря, не ободрял Кирилла в этом его намерении.

Болгары же во главе с великим князем Десимиром Моравским, Радивоем Преславским и другими князьями, узнав о случившемся с Кириллом, собрались у Солуни, осадили город и осаждали его «за 3 лѣтъ. кровь около проливающе», требуя: «Дай намъ челоувѣка, егоже послалъ Богъ к нам!». Удивительно! Язычники славяне и болгары, в то время резко настроенные против греческого христианства, требуют выдачи им задерживаемого греческим митрополитом христианского миссионера.

Действительно, при солунском митрополите Иоанне II языческие славянские племена ринхитов, стримонитов, дрогубитов и сагудатов, оккупировавшие земли вблизи Солуни, осаждали этот город в течение трех лет (675—678 гг.), о чем известно из упомянутой уже греческой книги «Чудеса св. Димитрия». ⁴⁷ Эти «Чудеса» представляют собой сборник по большей части гомилий, проповедей, сказанных разными епископами Фессалоник, главной целью которых было прославить святого Димитрия и его чудесное вмешательство в дело обороны их города, а не дать хронологически точный и последовательный рассказ о событиях. Речь об осаде славянами Солуни в 675—678 гг. идет во второй главе второй книги «Чудеса», написанной солунским митрополитом Иоанном II до 688 г., ⁴⁸ т. е. по свежим следам событий. Причины осады и ее снятия, согласно этому рассказу, были, конечно, иными, нежели в «Слове Кирилла Философа» (о Кирилло-проповеднике митрополит не упоминает вообще): славян возмутили арест и убийство византийцами их племенного вождя Пербундуса, проживавшего в Солуни; освобождение же городу от осады пришло с войском вернувшегося после войны с арабами императора Константина IV. ⁴⁹

Что касается выражения «языки словинские, рекше Българе», т. е. «народы славянские, называемые болгарами», употребленного в самом начале «Слова», то оно не противоречит исторической ситуации, о которой идет речь. Тюркский народ «булгары» впервые появляется на сцене византийской истории примерно в одно время со славянами. Около 481 г. император Зинон использовал их против остроготов; в правление Анастасия I (491—518) они — подданные авар, союзники гуннов; в 626 г. принимали участие в осаде аварами Константинополя. В занимающее нас время, отступая от хазар, болгары двигались по Балканам в разных направлениях, подчиняясь аварам, подчиняя славян, заставляя отступать и платить дань византийцев (в 70-х или начале 80-х гг. VII в. хан Аспарух форсировал Дунай, и примерно тогда же один из его братьев, Кувер <?>, ушел в Паннонию к аварам).

Итак, князья болгарские (очевидно, подвластные болгарам славянские) Десимир Моравский и Радивой Преславский (ниоткуда больше эти имена не известны) начали, согласно «Слову», осаду Солуни и сняли ее лишь после того, как митрополит Иоанн выпустил удерживаемого им Кирилла Философа. Взяв его «съ радостию великою», болгары привели

⁴⁷ См.: Lemerle P. Les plus anciens recueils des miracles de saint Démétrius. Paris, 1979. Т. 1: Le Texte. P. 208—221.

⁴⁸ Stratos A. N. Byzantium in the Seventh Century. Amsterdam, 1978. IV. 668—685. P. 65—66, 84.

⁴⁹ Lemerle P. Les plus anciens recueils. . . Paris, 1981. Т. II: Commentaire. P. 111—136; Stratos A. N. Byzantium in the Seventh Century. P. 86—90.

его в город Равен на р. Брегалнице (левый приток Вардара в 150 км к северо-северо-западу от Солуни), и там он «написал» для них «словеса», буквы в количестве 32 (по одному из списков 35, а в другом вместо цифры — «о вѣмь»). «Азь тѣхъ (вар.: ихъ) мало учах, а они сами много приобрѣтааху», — оценивает свое учительство и своих учеников Кирилл философ. Завершает он свое «Слово» выражением уверенности, что его ученики православную веру и христианство Богу предадут, употребляя при этом слова «рече Господь», как будто что-то цитируя: «Тѣмъ бо, рече Господь, права вѣра (вар.: прьво вѣру), и христианство Богу предадять», т. е. тем *свойственна*, или *принадлежит* (разница, кажется, несущественная) правая вера, и они христианство Богу предадут.

Было замечено, что эти последние слова схожи с выражениями ряда произведений, где речь идет о последних временах. 1) Сказание о Сивилле: «Гръци царство Господу прѣдадутъ», а «словѣне, рекше бльгаре, — добри, гостелюбивы и смѣрени, истинни, безлобиви, любящи чюждина и крестиянство, — си вѣру правую Богу прѣдадутъ»; 2) «Разумник»: «Гръци царство Богу прѣдадут, а Бльгаре веру и христианство прѣдадут (по другой редакции: «а Бльгаре веру и крестияне»);⁵⁰ 3) «Откровение Мефодия Патарского»: «. . . царь гръцьскы < . . . > прѣдасть царство крестиянско Богу и Отцю»; 4) «Написание о правой вере», приписываемое Константину-Кириллу, брату Мефодия, в основе своей переводное: «И сию <веру> прѣдаевѣ своимъ учеником, да сие вѣрующе спасутся и въ страшный день судный пакы прѣдадутъ ю нама истинну, неизмѣнну, съврѣшену».⁵¹ Указывая на эти параллели, считают, что они, как и чудеса, о которых идет речь в «Слове» (проникновение букв в тело, забвение одного языка, освоение при этом другого), свидетельствуют о легендарно-апокрифическом характере произведения, лишаящем его всякой исторической ценности. На мой же взгляд, параллели эти показывают лишь, что соответствующее выражение «Слова» было широкоупотребительным и выражает не столько болгарский национализм или гордость болгар своим учителем и своей христианской верой, сколько гордость учителя, от имени которого ведется речь, результатами своего труда. Такого рода параллели, как и изучение пестрого состава сборников, содержащих «Слово», никак не должны, на мой взгляд, отвлекать внимание от самого составляющего «Слово» рассказа, который нельзя считать сплошной «низовой» фантазией. Памятник заслуживает, конечно, большего уважения и внимания как история получения околосолунскими славянами алфавита.

Всерьез, т. е. не считая Кирилла Кападоко-Дамасского «народной версией» Константина-Кирилла, брата Мефодия, относились к «Слову» Порфирий Успенский и Йордан Иванов. Порфирий Успенский полагал, что «это слово о просветителе славян в Болгарии Кирилле достойно внимания ученых мужей < . . . > Оба же эти упоминания, об Иоанне Солунском архiereе и о военных приступах славян к Солуню около 680 года, так неустранимы и так вески, что мы решительно должны признать в вышеизложенном слове основу историческую и считать первым нововводителем у славян так называемой Кириллицы, или церковно-славянской азбуки, Кирилла Кападоко-Солунского, жившего во второй половине седьмого века, а не того Кирилла, который учил славян Мораво-Паннонских в де-

⁵⁰ См.: Ангелов Б. Ст. Из старата бльгарска, руска и сръбска литература. С. 56, 57; Милтенова А. 1) «Сказание за Сивила»: (Археографски бележки, текстологическо изследоване, издание на текста) // Старобългаристика. 1984. VIII. 4. С. 53—54; 2) «Разумник-Указ»: (Текстологическо проучване. Издание на старобългарския текст) // Там же. 1986. X. 4. С. 25.

⁵¹ См.: Истрин В. М. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила. М., 1897. С. 45—46, 99, 212; Воровов А. Кирилл и Мефодий. С. 224; Юрченко А. И. К проблеме идентификации «Написания о правой вере» // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 43. С. 262; Милтенова А. Солунската легенда и нейните типологични параллели.

вятом столетии». ⁵² Глаголица к тому времени, полагает Порфирий Успенский, уже существовала, и из нее автор «Слова», творец нового славянского алфавита, взял буквы «зело», ц, ч, ш, щ, ъ, ы, ъ, «юс». Иордан же Иванов считал, что Кирилл Каппадокийский изобрел в VII в. глаголицу. ⁵³

Но обратим внимание, в «Слове Кирилла Философа» речь не идет об изобретении, создании нового алфавита: там говорится только о необыкновенном его получении Кириллом — от птицы, которая уронила готовые буквы ему «на крыло». Да и необыкновенным только потому, что случившемся очень кстати: если бы Кирилл не думал о необходимости письменности для славян как условия научения их христианской вере, он бы на эти знаки просто внимания не обратил, сбросил их, не задумываясь, со своего «крыла». Так что похоже, буквы, которым он стал учить славян в Равене на р. Брегалнице, не были им изобретены, а являлись более древними, Кириллом только использованными.

Вернемся теперь к вопросу, почему солунский митрополит VII в. мог препятствовать проповеди христианства среди так сильно угрожавших городу язычников. Щадя проповедника? Маловероятно. Представляясь, тому могли быть две причины. Прежде всего византийцы не поощряли развитие письма на языках варварских народов в пределах империи: когда те селились в ее границах, их старались обучить греческому языку и с помощью греческого языка христианизировать и эллинизировать. Вторая причина, не исключаяющая первую, могла состоять в том, что родившийся в Каппадокии, воспитанный в Западной Сирии пришелец из коптского Египта, вероятнее всего, был монофизитом, для греков — еретиком. В таком случае православный грек-митрополит пытался воспрепятствовать монофизитской проповеди среди язычников в своей епархии, но не смог. Если Кирилл из Александрии был монофизитом (вероятнее всего, армянином или сирийцем), то ничего удивительного нет и в том, что он «истребил», «изгубил», позабыл греческий язык, обретя знаки для письма по-славянски: достаточно вспомнить, какая неприязнь к «вычурному, шепелявому, изломанному» греческому языку была свойственна армянину, автору Жития Саака и Маштоца. ⁵⁴ Вот откуда, а не только от национальных чувств ущемляемых византийцами болгар может происходить некоторая отмеченная учеными антигреческая направленность «Слова». Прозвание «Философ» показывает, что в упомянутом им как место его учения Дамаске Кирилл Каппадокийский окончил университет. Ученый монофизит-проповедник, если он изобретал в VII в. письменность для славянского языка, естественным образом вольно или невольно должен был ориентироваться прежде всего на знаки письменности тесно тогда связанных друг с другом монофизитских церквей — армянской, сирийской, коптской, нубийской, эфиопской. От родного для него своеобразного их стиля освободиться вряд ли было возможно. Под пером Кирилла Каппадокийца Философа по стилю и по отношению к греческому письму как раз должно было получиться что-то вроде глаголицы. Да если и обрел он вдруг забытый алфавит, созданный для славян в V в. (хорваты ведь верят, что глаголица — изобретение блаженного Иеронима Стридонского), то стилистически — по своей «антигреческой» и «просевероафриканской и промалоазиатской» направленности — он должен был его полностью устроить. Заметим кстати, что если не считать букв, составленных из двух знаков (у, ы, «юс» большой и два йотированных «юса»), в глаголице насчитывается 35 знаков; а если не считать и трех букв, служащих для передачи греческих «омеги», «фиты» и «ипсилона», не выражающих особых звуков славянской речи и в глаголице не обязательных, получится 32 знака. В сохра-

⁵² <Порфирий Успенский>! Первое путешествие в афонские скиты и монастыри архимандрита, ныне епископа Порфирия Успенского в 1846 году. Киев, 1877. Ч. II, отд. первое. С. 102—106.

⁵³ См.: Северна Македония. София, 1906. С. 66—72.

⁵⁴ См.: Памятники армянской агиографии. Ереван, 1973. Вып. 1. С. 42, 43.

нившихся глаголических азбуках XI—XIII вв. насчитывается и 31 буква (в Парижском абецедарии XI—XII вв.), и 35 (в Бандуричевом XIII в.), и 38 (в Мюнхенском XII в.).⁵⁵ В древнейших же глаголических памятниках — все варианты числа букв от 32 до 38.⁵⁶

Если глаголица была придумана или только распространена среди славян проповедником-монофизитом, то и созданная его проповедью в их среде христианская община должна была быть монофизитской. О существовании именно такой общины в среде бесписьменных язычников-славян на Балканах сообщает нам арабский географ Масуди: «Обиталища их <славян> на севере, откуда простираются на запад. Они составляют различные племена, между коими бывают войны, и они имеют царей. Некоторые из них исповедуют христианскую веру по якобитскому толку, некоторые же не имеют писания, не повинуются законам; они язычники и ничего не знают о законах».⁵⁷ Яковитами называли и называют монофизитов Сирии и Северо-Восточной Африки. Масуди писал в 40-х гг. X в., когда основная масса балканских славян исповедовала уже православие; сам он на Балканах не бывал. Отставание его от жизни объясняется тем, что в данном случае он пользовался не своими наблюдениями, а трудами предшественников — вероятнее всего, не дошедшим до нас сочинением Хоррами, писавшего на сто лет ранее, в 40-х гг. IX в.⁵⁸ Совсем незадолго до моравской миссии Константина-Кирилла и Мефодия тот побывал в плену у византийцев и имел возможность видеть славян лично.

Монофизитская христианская община среди соседствовавших с Солунью славян не могла быть поддержана греками; для тех естественней было бы постараться ее уничтожить, обратив в православие. Но не удивительно и то, что она существовала еще в IX в.: в конце VII—начале VIII в. сделать что-либо с ней византийским светским и духовным правителям было не по силам, а с 726 г. это стало несущественным из-за начавшегося иконоборчества и сопряженной с ним внутренней борьбы с православными иконопочитателями. Зато после окончания иконоборчества, с торжеством православия (843 г.) и возрождением византийской культуры и государственности, империя вновь обратилась со своим словом к окружающему миру, что хорошо видно по миссиям Константина-Кирилла и его брата Мефодия к арабам, к хазарам и к славянам, а тем самым и к Риму.

Согласно Краткому житию Кирилла, называемому также «Успение Кириллово», еще до Моравской миссии он обнаружил как раз на р. Брегалница среди славян христиан: «. . . щьдъ въ Бръгалницу и обрѣтъ от словѣнскаго языка нѣколико крѣщенѣхъ. И елицѣхъ же не обрѣтъ крѣщенѣхъ онъ жъ крѣстивъ ихъ, и приведе на православную вѣру. И написавъ имъ книги словѣнскимъ языкомъ».⁵⁹ Мы знаем, что Константин-Кирилл пользовался глаголицей. Обретенные им на Брегалнице славяне-христиане должны были быть потомками тех, кого просветил в VII в. Кирилл Каппадокийский, т. е. монофизитами или наследниками монофизитов, и должны были иметь свою письменность. Возможно поэтому «привести на православную веру» Константину-Кириллу надо было не только просвещенных им язычников, но и членов этой славяно-христианской общины. «Написав им книги словенским языком», Константин-Кирилл продолжил то, что делал там же лет на сто тридцать раньше Каппадокиец. Написание

⁵⁵ См.: Велчева Б. Абецедар // Кирило-Методиевска енциклопедия. София, 1985. Т. 1: А—З. С. 20—26.

⁵⁶ Илчев П. Глаголица // Там же. С. 492—493.

⁵⁷ Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X века по Р. Х.) / Собр., пер. и объясн. А. И. Гаркави. СПб., 1870. С. 135.

⁵⁸ Там же. С. 119, 161.

⁵⁹ Лавров П. А. Материалы. С. 155; см. также: Грашова Л. Брегалнишка мисия // Кирило-Методиевска енциклопедия. Т. 1. С. 237—243.

книг «словенским письмом» не потребовало от него в данном случае — в середине IX в. — изобретения славянской письменности.

Во второй половине 80—начале 90-х гг. IX в. в Болгарии Черноризец Храбр в апологии «О письменах» — славянских буквах, созданных Константином-Кириллом, — написал, что одни буквы тот создал «по образцу греческих письмен, другие же в соответствии со славянской речью», так что 24 из них «подобны греческим письменам». ⁶⁰ Сочинение это известно в 78 списках XIV—XVII вв., и некоторые из них, как удается установить, сопоставляя их данные со славянскими азбучными акростихами, восходят к глаголическому протографу, так что полагают, существовали две его редакции — кириллическая и глаголическая. ⁶¹ О первенстве глаголицы по сравнению с кириллицей спорить не приходится, как и о том, что существовала глаголическая версия сочинения Черноризца Храбра. Но то, что он писал не о глаголице, а о кириллице, вне сомнений. Ведь он говорил о 24 славянских буквах — письменах, подобных греческим, что невозможно сказать о буквах глаголицы, но что совершенно уместно в применении к кириллице.

Создать новое славянское письмо могло побудить Константина-Кирилла, знавшего и использовавшего глаголицу, стремление приблизить облик славянских букв и книг к греческим, грецизировать славянскую письменность. Даже если это стремление диктовалось желанием сделать славян православными, кириллицу с гораздо меньшим основанием, нежели глаголицу, можно назвать миссионерской азбукой. Это — грецизирующая азбука, дающая славянской письменности новую культурную ориентацию.

Кстати, назвать изобретенное Константином-Кириллом письмо по его имени можно было только для того, чтобы отличить его от уже существующего славянского. Нет ведь примеров, чтобы народ, впервые получая письменность, назвал ее именем создателя: армянское письмо не называют «месропицей», а коми — «стефаницей»; но есть пример того, что реформированный алфавит называют именем реформатора: так, переделанный Вуком Караджичем сербский алфавит называют «вучицей».

Подтверждение тому, что Константин-Кирилл изобрел глаголицу, а на кириллицу перешли его и Мефодия ученики после изгнания их из Моравии, уже в Болгарии, ученые видели в записи, «ис кирилоцѣ», или «ис кириловицѣ», сделанной в Новгороде в 1047 г. Упирем Лихым в «Книге пророчеств» (сохранившейся в списках XV—XVI вв.): «Так как в списках Книг пророческих с толкованиями, повторяющих запись Упия Лихого, находятся выражения и буквы писанные глаголицей, сам по себе напрашивается вывод, что Упирь Лихый писал с глаголического оригинала, и, следовательно, глаголицу звали первоначально кириллицей, и она-то и есть та древнейшая азбука, которую изобрел Кирилл-Константин Философ». ⁶² Но Анджей Поппэ (следом за архимандритом Леонидом, ⁶³ однако же независимо от него) блестяще доказал: Упирь Лихый своей записью хотел сказать, что он делал список с образца (курѣлькъ — образец). ⁶⁴

⁶⁰ См.: Куев К. М. Черноризец Храбр. София, 1967: Сказания о начале славянской письменности. М., 1981. С. 102—103.

⁶¹ См.: Mošić V. I. Još o Hrabru, slavenskim azbukama i azbučnim molitvama // Slovo. Zagreb, 1973. Т. 23. Р. 5—71.

⁶² Поппэ А. «Ис кирилоцѣ» и «ис кириловицѣ» // Slavic Linguistics. Poetics, Cultural History: In Honor of Henric Birnbaum on his Sixtieth Birthday 13 December 1985. Slavia Publishers. Inc. P. 322.

⁶³ Леонид (архимандрит): 1) По поводу одного спорного выражения в надписи на списке «Книг пророческих с толкованиями», писанном в Новгороде Упирем Лихым в 1047 г. // Записки имп. АН. СПб., 1883. Т. 47, кн. 1. С. 61—63; 2) Заметка о слове «ис кириловицѣ» // Русский филологический вестник. 1891. Т. 25. С. 135—137.

⁶⁴ Поппэ А. «Ис кирилоцѣ» и «ис кириловицѣ». С. 319—350.

Глаголица называлась также «буквицей» — по первой особенной букве славянского алфавита, отличающей его от греческого; возникло это название, по-видимому, как сокращение слова «азбуквица», но и оно подобно названию «глаголица» не свидетельствует о вторичности этого алфавита в отличие от названия «кириллица». Названия «кириллица» и «глаголица» естественным образом сохранились и использовались в первую очередь там, где эти азбуки длительное время сосуществовали, — на Адриатическом побережье, в Дубровнике, Иллирии, приморской Хорватии. Древнейшее упоминание кириллицы содержится в дубровницком документе от 15 апреля 1407 г.⁶⁵ К XV же веку относится название «глаголийский». «Иеронимовыми» глаголические буквы называют, мы знаем, по крайней мере с XIII столетия по настоящее время.⁶⁶

Надобности в специальных наименованиях алфавитов нет там, где пользуются только одним. Первые усилия заместить глаголицу, которой он пользовался, кириллицей, которую он создал, должен был предпринять сам Константин-Кирилл, а следом за ним — Мефодий и их ученики. Двойственность с постоянно нарастающим перевесом кириллицы, неуклонно ведущим к полной ее победе, замечается в областях, где действовали ученики Кирилла и Мефодия (Болгария). А где такого рода последовательные и продолжительные усилия не были приложены, там восторжествовала глаголица (Хорватия). Не потому ли и молчат эти ученики в своих сочинениях о хорошо им известной иной, нежели изобретенная Кириллом, и исторически предшествующей ей славянской азбуке, что они знают о ее прошлом?

Свидетельствуют же о нем не только сами глаголические буквы, о чем шла речь, но и древнейшие сохранившиеся их книги. Если ранние кириллические рукописи (X—XII вв.) вызывают в памяти современные им греческие, то ранние (примерно так же датируемые) глаголические — значительно более ранние восточные: глаголические тексты позволяют увидеть в своем содержании «про-сирийские» элементы, а геометрические формы их инициалов, глядящие сквозь окружности лики, набор красок, присутствие древних зооморфных мотивов при отсутствии золота, растительных элементов и других стилистических признаков византийского послеиконоборческого возрождения — все это указывает на искусство Малой Азии и Египта как на источник влияния, — на те самые сирийские и коптские манускрипты VI—VII вв.,⁶⁷ которыми и должен был пользоваться каппадокийец Кирилл и в Малой Азии, учась, и в Египте, где он услышал повеление научить закону Богию «язык славянский», и на Балканах, в Солуни, и на р. Брегальнице, где он старался выполнить это повеление, одним из первых, если не впервые в истории, обучая славян искусству письма на их родном языке.

⁶⁵ Там же. С. 345 со ссылкой на: Schutz J. Das handschriftliche Missale Illicum Cyrillicum Lipsiense. B. I. Wiesbaden, 1963. S. 307.

⁶⁶ См.: Stefanić V. Nazivi glagoljskog pisma // Slovo. Zagreb, 1976. T. 25—26. S. 17—76.

⁶⁷ См.: Djourova A. L'ornement des manuscrits vieux-bulgares glagolitiques et leurs rapports avec l'art de Byzance, des provinces grecques d'Orient et d'Italie du Sud (Sur l'ornement de l'Evangeliaire d'Assemani) // Byzantiaka. Θεσσαλονίκη, 1988. T. Σ. С. 24—25, 33, 37—39.

М. А. МОМИНА

Проблема правки славянских богослужебных гимнографических книг на Руси в XI в.

В «Повести временных лет» под 1037 г. есть свидетельство о развитии книжности при Ярославе: «И бѣ Ярославъ любя церковныя уставы, попы любяще по велику, излиха же черноризыцѣ, и книгамъ прилежа, и почитая е часто в нощи и въ дне. И собра писцѣ многи и прекладаше отъ грекъ на словѣнское писмо. И списаша книги многи, ими же поучащеса вѣрнии людье наслажаются ученья божественаго».¹

Н. А. Мещерский по поводу этого сообщения пишет: «Без сомнения, известное сообщение „Повести временных лет“ следует понимать обобщенно и в более широком смысле, чем указание только на один данный год. Это, очевидно, прямое свидетельство о наличии в Киевской Руси своих переводов, не зависящих от славянского юга. Расширительно истолковывая указанное сообщение, мы распространяем его на весь период существования Киевского государства с возможным предположением, что такие переводы могли производиться не только в столице, но и в других культурных центрах тогдашней Руси, например, в Галиче или во Владимире в эпоху их расцвета до татаро-монгольского завоевания».²

Существуют переводные памятники, о которых известно, что они переведены на Руси в древнейшую эпоху. Об этом писал еще академик А. И. Соболевский.³ Сейчас ни у кого не вызывает сомнения, что к таким памятникам относится, например, «История иудейской войны» Иосифа Флавия.

Но славяне придавали большое значение не только переводу с греческого произведений исторического, гомилетического, житийного содержания, но и правке уже существующего, ранее сделанного, в частности перевода гимнографических богослужебных книг. После смерти первоучителей славяне вновь и вновь сравнивали с греческими оригиналами, очень отличавшимися между собой, уже переведенные литургические книги, внося в них изменения в соответствии с подлинником, правя, стараясь как можно точнее передать смысл достаточно трудного греческого текста. Только этим можно объяснить разнообразие триодей, миней, октоихов, часословов до XIV в. по составу, расположению песнопений разного рода и, наконец, по отдельным чтениям. Поэтому мы и имеем 9, а возможно, и 11 типов славянской Триоди,⁴ причем каждый тип еще делится на редакции. Тщательность работы славян над гимнографическими богослужебными текстами можно показать и на примере одного песнопения, взятого

¹ Повесть временных лет / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц // М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 102.

² Мещерский Н. А. Искусство перевода Киевской Руси // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 55.

³ Соболевский А. И. Особенности русских переводов домонгольского периода // СОРЯС. СПб., 1910. Т. 88. С. 162—177.

⁴ См.: Момина М. А. 1) Типы славянской Триоди // Язык и письменность среднеболгарского периода. М., 1982. С. 102—122; 2) Вопросы классификации славянской Триоди // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. 37. С. 25—38.

из Триоди. Так, до XIV в. существовало 6 редакций акафиста Богородице, однако в дальнейшем правка продолжалась, и с XIV по XVII в. мы находим еще 25 редакций.

Проводилась ли правка гимнографических богослужебных книг непосредственно на Руси?

И. В. Ягич, издавая минеи по русским спискам конца XI в. из Типографского собрания (ЦГАДА, ф. 381, № 84, 89, 91), в обширном предисловии сравнивает русские и болгарские списки минеи и отмечает некоторые разночтения: «Я вижу, что иногда в очень древних русских и в очень древних болгарских списках нет того единства в переводе, к которому мы привыкли в прочих случаях по многочисленным другим примерам, но нет также столь большого различия, которое давало бы право говорить о самостоятельном новом переводе. Стало быть, надо допустить, что в иных случаях делались в старом переводе кое-какие поправки и замены одних слов другими».⁵

Гораздо позднее, в 50-х гг. XX в. Э. Кошмидер утверждал, что крюковая нотация была известна восточным славянам раньше, чем южным. Он считал, что отсутствие южнославянских рукописей с крюковой нотацией едва ли может быть объяснено гибелью рукописей во время османского нашествия и что есть основания сомневаться, существовали ли они вообще.⁶ О том же он пишет в исследовании славянского Ирмология по двум новгородским спискам.⁷ В работе о Киевских листках Кошмидер приходит к выводу, что знаки этой рукописи — невмы латинского *lectio solemnis*.⁸ Свое окончательное мнение он излагает на съезде в Братиславе: Кириллу и Мефодию были известны только невмы *lectio solemnis*, а знаменная нотация пришла на Русь прямо из Византии в связи с распространением христианства в XI—XII вв.⁹ Следовательно, и текст нотного Ирмология отличается от текста ненотного Ирмология, сохранившегося в южнославянских списках.

Ф. Келлер, исследуя кондакари, приходит к таким же выводам. Он считает, что эта литургическая книга, в которой текст кондаков имеет особую кондакарную нотацию, была заимствована непосредственно из Византии без участия Болгарии.¹⁰

И наконец, доктор Ханник, исследуя разночтения в ирмосах по русским и южнославянским спискам, прямо пишет о русской редакции XII в.¹¹

Утверждения этих ученых о существовании древней русской редакции гимнографических богослужебных книг основываются только на одном факте: кондакари с кондакарной нотацией, ирмологии, а также стихирари со знаменной нотацией сохранились лишь в русских списках. А это, с нашей точки зрения, не может служить достаточным доказательством, потому что болгарский перевод или болгарская редакция тоже может

⁵ Ягич И. В. Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковнославянском переводе по русским рукописям 1095—1097 гг. СПб., 1886. С. СХVI—СХVII. — Далее: Мн. Я.

⁶ См.: K o s c h m i e d e r E. Zur Herkunft der slavischen Krjuki-Notation // Festschrift für Dmytro Čiževskij zu 60 Geburtstag (Veröffentlichungen der Abteilung für slavische Sprachen und Literaturen des Osteuropa — Instituts (Slavischen Seminar) an der F U Berlin V). Berlin, 1954. S. 146—147.

⁷ K o s c h m i e d e r E. Die ältesten Novgoroder Hirmologien-Fragmente II/ Abh. d. Bayer. Akad. d. Wiss., Phil.-hist. Kl. N. F. 37. München, 1955. S. 11.

⁸ K o s c h m i e d e r E. Die vermeintlichen Akzentzeichen der Kiever Blätter // Slovo. 1955. N IV. S. 16.

⁹ K o s c h m i e d e r E. Wie haben Kyrill und Method zelebriert // Anfänge der Slavischen Musik. Bratislava, 1966. S. 7—22.

¹⁰ K e l l e r F. Die russich — kirchenslavische Fassung des Weihnachtkontakion und seiner Prosomoia // Slavica Helvetica. 1977. N 9. S. 203—204.

¹¹ Х а н н и к X. Текстолюшки развитак ирмоса у старословенским литургијским рукописима // Научни састанак слависта у вукове дане. Београд, 1984. № 14. С. 40.

сохраниться только в русских списках, чему имеется много примеров. Мы хотим доказать существование древней восточнославянской редакции богослужебных гимнографических книг, используя два текстологических метода.

Первый метод — метод повторяющихся текстов, т. е. одни и те же песнопения в разных богослужебных книгах. Например, кондаки с икосами или без икосов встречаются в кондакарях, триодях, минеях, октоихах, часословах. Отпустительные тропари есть в уставах, триодях, минеях, часословах. Самогласные стихиры записываются в стихирях, триодях, минеях. Ирмосы содержатся в ирмологиях, триодях, минеях, часословах. Если те же песнопения встречаются в одной и той же редакции в разных богослужебных книгах, то из этого следует, что это богослужебные книги одной редакции.

Второй метод — метод определения редакции по греческим разночтениям, отразившимся в славянских списках. Под редакцией мы понимаем систематическую сознательную правку текста и сверку с греческим оригиналом. Разночтения могут появиться под рукой переписчика из-за его небрежности, неправильно понятого им слова или грамматической формы. Если списков много, то повторяющиеся чтения и будут относиться к редакции, а чтения, встречающиеся только в одном списке, можно приписать переписчику. Но как отделить разночтения, появившиеся в результате переписки, от разночтений, появившихся в результате сознательной правки, если перед нами только два списка с отличающимися чтениями? Например, II и IV типы триодей, названные нами Битольским и Загребским, а также III тип (Триодь Моисея Киянина) представлены лишь одним списком. Это обстоятельство типично для старших памятников, поэтому мы считаем, что разницу редакций гимнографических текстов лучше всего проследивать по тем славянским разночтениям, в которых отражаются разночтения греческих списков, тем более что гимнография дает нам особые возможности это сделать, поскольку песнопение имеет метрический характер.¹² Замены в греческом тексте возможны лишь тогда, когда прежние и заменяющие их формы имеют одинаковое количество слогов и ударение на том же по счету слоге. Итак, если перевести оба сравниваемых варианта на греческий (а это сделать нетрудно, потому что была создана устойчивая традиция перевода), и оба греческих соответствия будут иметь одинаковое количество слогов и ударение на том же по счету слоге, то в этом случае эти славянские разночтения действительно отражают греческие. Такое разночтение может быть всего одно в тексте, но этого достаточно, чтобы понять: правка была сознательной, если для нее привлекался оригинал.

Например, в русском списке Минеи в кондаке Иоанну Богослову на 26 сентября (XI в.) читаем: «точииши бо чюдеса» (Мн. Я.), а в болгарском списке Минеи XIV в.: «дееши бо чюдеса» (72, 22).¹³ В греческой печатной Минеи¹⁴ это соответствует $\beta\rho\upsilon\epsilon\iota\varsigma \gamma\acute{\alpha}\rho \delta\alpha\upsilon\mu\alpha\tau\alpha$. Глагол «десяти» употреблялся для перевода с греческого $\pi\rho\acute{\alpha}\tau\tau\omega$, поэтому, очевидно, в тексте, послужившем оригиналом для болгарской минеи, было $\pi\rho\acute{\alpha}\tau\tau\epsilon\iota\varsigma \gamma\acute{\alpha}\rho \delta\alpha\upsilon\mu\alpha\tau\alpha$, что наверняка можно обнаружить, просмотрев определенное количество греческих списков. Но предлагаемый метод не требует этого. Приведенное разночтение оказывается единственным. Однако этого достаточно, чтобы говорить о разных редакциях одного кондака. Сказанное может подтвердить и следующий факт: икосы к этому кондаку оказываются разными в болгарской Минеи, с одной стороны, и в русской Минеи, с другой, что показывает работу справщиков с греческим оригиналом.

¹² См.: Момина М. А. Греческие разночтения в славянских гимнографических текстах // ВВ. 1983. Т. 44. С. 126—134.

¹³ Сокращение шифров рукописей в конце статьи.

¹⁴ $\text{Μηναίον τῶν Σεπτεμβρίου}$. Venetia, 1890. S. 152. — Далее: MV.

Иногда в греческом тексте нет разночтений, а в славянском разночтения появляются. Это происходит потому, что справщик по-разному переводил одно и то же греческое слово. Например, в ирмосе 6-го гласа 7-й песни встречается замена: «росодатель»—«хладодавица» (см. табл. 13). Едва ли такие варианты могли появиться на славянской почве. Очевидно, здесь по-разному переведено греческое *δρσοβόλος*. *Δρσος* имеет два значения: 'свежесть' и 'роса'. Справщик должен был заглянуть в греческий текст, прежде чем сделать такую замену.

Даже разный порядок слов может быть отражением греческого разночтения. Так, в кондаке на 1 ноября Козме и Дамиану находим: «Благодеть приимша» (Мн. Я., 268) и «Приемша благодеть» (72, 46). Это отражение разночтений *οί τήν χάριν λαβόντες*¹⁵ и *οί λαβόντες τήν χάριν*. Перестановка слов стала возможной потому, что не нарушаются ни количество слогов, ни место ударения.

Конечно, разночтения такого рода всегда сопровождаются разночтениями, появившимися на славянской основе. Так, в кондаке на Воздвижение вследствие особых и очень важных для нас причин, о которых речь пойдет далее, слово «царь» исправлено на «князь». Справщик посчитал нужным заменить одно слово другим (или одну словоформу другой), которое по тем или иным причинам показалось ему более подходящим: например, вместо слова «вои» употребить «воинство», или наоборот. Но если при сравнении всего двух списков мы не будем опираться на греческие разночтения, то вряд ли сможем понять, возникла ли эта вариантность за счет переписки или в результате редактирования.

Следует сказать еще об одном важном методологическом положении. При сравнении песнопений в русских и болгарских списках богослужебных книг следует брать не одно или два, а все песнопения этой группы, потому что при сверке с оригиналом разночтений в греческом списке могло и не быть, или справщик не счел нужным изменить перевод какого-нибудь слова, и это песнопение вносилось в новый список без изменения. Только при проверке всех песнопений этой группы (например, всех ирмосов, всех отпустительных тропарей) можно найти правку по греческому оригиналу. Так, некоторые ирмосы из русских ирмологиев полностью совпадают с ирмосами старших болгарских списков, но зато в некоторых из них видна правка (см. в табл. 13 пример ирмоса 6-го гласа 7-й песни). Другой пример. Тропарь «Знаменану гробу» 7-го гласа не имеет разночтений в Алексеевском уставе (ГИМ, Синодальное собр., № 330, л. 44—44 об.) и сербском Часослове XIII в. (БАН, 4.5.25, л. 3 об.). Но из этого не следует, что не было правки в данной группе тропарей, поскольку в других тропарях правка видна и потому есть разница в редакции (см. табл. 6, 7, 8).

После этих предварительных замечаний перейдем к рассмотрению материала.

Начнем с кондаков, которые записывались в кондакари, триоди, минеи и другие богослужебные книги.

Кондакарь — это одна из древнейших богослужебных книг, содержащая жанр песнопений, называемых кондаками и икосами. В кондакарях сохранилась до сих пор не расшифрованная особая музыкальная нотация.

Шесть славянских кондакарей дошли до нас только в русских списках.¹⁶

¹⁵ Μτῦαῖα. Т. В. 'Εν Ρώμῃ, 1889. S. 10. — Далее: MR.

¹⁶ 1) Кондакарь типографский — ГТГ, К-5349 (конец XI—начало XII в.). СК, № 50; 2) Кондакарь ОИДР — ГБЛ, ОИДР, 107 и ГПБ, Погодинское собр. (далее: Пог.), № 43 (конец XII в.). СК, № 124—125; 3) Кондакарь благовещенский — ГПБ, Q. п. 1.32 и ОГНБ. 1/93 (конец XII—начало XIII в.). СК, № 153—154; 4) Кондакарь успенский — ГИМ, Успенское собр. (далее: Усп.), № 9 (1207 г.). СК, № 173; 5) Кондакарь синодальный — ГИМ, Синодальное собр. (далее: Син.), № 777 (1-я половина XIII в.). СК. № 205. 6) Кондакарь троцкий, или лаврский — ГБЛ,

У греков Кондакарь как богослужебная книга рано вышел из употребления. Расцвет этого жанра-проповеди в стихах,¹⁷ называемого Романом Сладкопевцем ὕμνος, ποιήματα, ἔπος, αἶνος, относится к V—VII вв. Начиная с VIII в. ему на смену приходит новый жанр-канон, и, очевидно, именно в это время ὕμνος начинает употребляться в сокращенном виде: от многих строф остаются только две — кондак и икос: в таком виде песнопение и входит в литургические книги — минеи, триоди, октоихи. Греческих кондакарей сохранилось тоже немного — всего 12. В некоторых из них ὕμνος содержится в полном виде, а в некоторых в сокращенном.

Шесть славянских кондакарей имеют ὕμνος в кратком виде. Они содержат минейные, триодные кондаки, кондаки на 8 гласов из Октоиха. Все шесть кондакарей несколько отличаются между собой по составу. Кроме того, например, Благовещенский кондакарь имеет кондаки без икосов, а Кондакарь ОИДР имеет кондаки с одним икосом, как и Типографский кондакарь. Однако важно то, что, несмотря на разницу в составе, все кондакари имеют тексты одной редакции. Если и есть какие-либо разночтения, то они незначительны и возникли во время переписки.¹⁸

Сравнивая тексты триодных кондаков из кондакарей с их текстами в триодах, мы находим полное совпадение редакций, но не во всех, а только в Триоди так называемого Гимовского типа.¹⁹

Изучение этой сложной по составу литургической книги показало, что ее списки нельзя разделить на редакции, минуя стадию выделения типов. Нами рассмотрено 9 типов славянской Триоди с XI по XVII в. Триоди отличаются между собой составом песнопений, их расположением и чтениями. Сейчас мы предполагаем, что можно насчитать по крайней мере 11 типов славянской Триоди; 9 из них относятся к периоду до XIV в., а 2 к периоду после XIV в. И уже каждый тип можно разделить на редакции, под которыми мы понимаем систематическую правку славянского текста по греческому оригиналу. Выделение редакций — это дело будущего, но сейчас уже можно сказать, что I тип — Шафариковский — делится на две редакции, V — Гимовский — тоже на две редакции, VII — Орбельский — по крайней мере на три редакции, и т. д.

Среди этих 9 типов четко выделяется V — Гимовский. Он назван так потому, что старший список, принадлежащий к этому типу, находится в ГИМЕ (ГИМ, Син. 319, XII в.).²⁰ Все списки русские. Триодь такого типа цитировал в своем «Поучении» Владимир Мономах. Это видно, например, при сравнении кондака 6-го гласа на Сырное воскресение «Премудрости

Троицкое собр. (далее: Тр.), № 23 (конец XII—начало XIII в.). СК, № 204. Существуют следующие издания славянских кондакарей: А м ф и л о х и й. Кондакарий в греческом подлиннике XII—XIII вв. по рукописи Московской Синодальной б-ки № 437 с древнейшим славянским переводом кондаков и икосов, какие есть в переводе. М., 1879; Contacarium palaeoslavicum Mosquense. Codex qui olim in ecclesia cathedrali Cremlensi memoriae dormitionis deiparae dedicata 9 inscriptus nunc in Musaeo Historico Mosquensi asservatur phototypice depictus/ Edendum curavit A. Bugge. Copenhagen, 1960 (Monumenta Musicae byzantinae; Vol. VI); Der altrussische Kondakar'. Auf der Grundlage des Blagověščžnskij Nižegorodskij Kondakar'/ Hrsg. von A. Dostal und H. Rothe unter Mitarbeit von E. Trapp // Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slaven. Edit. 3. Giessen, Bd 8. 1976. Т. 2; 1977. Т. 3; 1979. Т. 4; 1980. Т. 5 (издание продолжается). Далее: Конд. Р.

¹⁷ Grosdidier de Matons. Romanos le Mélode. Paris, 1977. P. 38.

¹⁸ Эти разночтения см.: Конд. Р.

¹⁹ См.: Момина М. А. Вопросы... С. 31.

²⁰ Сюда же относятся следующие списки постных триодей: ГПБ, Пор. 41 (XIV в.); ГПБ, Софийское собр. (далее: Соф.), № 84 (XIV в.); ГПБ, Ф. 1.680 (XIV в.); ИРЛИ, Северодвинское собр., № 232 (XV в.); ГБЛ, Вол. 241 (XIV в.) и списки цветных триодей: ГИМ, Воскресенское собр. (далее: Воскр.), № 27 (XII в.); ГПБ, Соф. 110 (XIV в.); ЦГАДА, ф. 381, № 138 (XI в.). К тому же типу триодей принадлежит фрагменты XIV в., находящиеся в Швеции и опубликованные Элизабет Лёфstrand (Slavonic parchment fragments in Sweden. A text edition by Elisabeth Löfstrand // Acta universitatis Stockholmiensis. Stockholm slavica Studies, Nr. 16. Stockholm, 1984, P. 94—126). Эти фрагменты сходны с фрагментом Триоди БАН, 4.9.17.

Таблица 1

Чтения	Тр.					Конд.		Тр.				
	V					Тип.	ОИДР	I	III	IV	VII	VIII
	Мон.	680	Вол.	84	319			74	137	107	102	472
Утверди в разумѣ στήριξον ἐν σύνεσει	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-
Утверди (и) вразуми στήριξον συνέτισσον	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+
Не възбрани(ю) μὴ κωλύσω(εις)	+	+	+	+	+	+	+	-	+	+	-	+
Невозбранно ἀκωλύτως	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	+	-
Падшаго περιπεσόντα	+	+	+	+	+	+	+	-	-	+	-	+
Отпаднаго περιπεσόντα	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	+	-

наставниче» (Τῆς σοφίας ὁδηγέ), цитируемого Владимиром Мономахом,²¹ с текстом того же песнопения в Триоди V типа и в кондакарях. В остальных типах триодей находим другую редакцию этого кондака (см. табл. 1).²²

Гимовский тип Триоди имеет следующие особенности, которые отличают его от других типов славянской Триоди до XIV в., сохранившихся только в южнославянских списках.²³

1) Он делится на две части — постную и цветную, в то время как остальные славянские триоди до XIV в. не имеют такого деления и содержат постную и цветную часть вместе.

2) В нем нет дополнений к Триоди, сделанных болгарями: а) трипеснецов Константина Преславского, содержащихся в той или иной мере во всех южнославянских триодах до XIV в.;²⁴ б) тропаря в 6-й песне канона Сырной субботы, в котором упоминаются Кирилл и Мефодий, а иногда и другие болгарские святые; в) стихиры в четверг 5-й седмицы «Страсти спасныя прием», в которой говорится о триязычниках; г) тропаря на эту тему во втором трипеснце на тот же день.²⁵

Гимовский тип Триоди был создан на основе правки уже существовавшего славянского текста по греческому оригиналу, потому что содержит разночтения, отражающие разночтения греческих списков, и, таким образом, имеет свой набор славяно-греческих разночтений, отличающих его от другого типа, что легко может быть показано на многих примерах.²⁶

Если сравнить кондаки из кондакарей с кондаками из триодей, то окажется, что текст кондакарной редакции полностью совпадает с текстом

²¹ Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Т. 1. С. 166.

²² Знаком + обозначается наличие данного чтения, знаком — обозначается отсутствие. В этой и последующих таблицах приняты следующие сокращения названий богослужебных книг: Кондакарь — Конд., Триодь — Тр., Минея — Мн., Октоих — Окт., Часослов — Час., Стихирарь — Стих., Ирмологий — Ирм. Римские цифры обозначают тип триоди. Сокращение пифров рукописей находится в конце статьи. Орфография рукописей упрощена: џ, ѡ заменяются я; ѡ — е; ж — у; ѡ — о. Так, в таблице 1 сохраняется орфография отрывка, цитируемого из «Шоучения» Владимира Мономаха (по изданию «Повести временных лет»). В таблице 3 орфография начал кондаков дается по списку устава ГИМ, Син. 330 (XII в.), по спискам южнославянских триодей ГПБ, Ф. п. 1.74 и ГПБ, Ф. п. 1.68.

²³ Исключение составляет Триодь Моисея Киянина (III тип), которая сохранилась в русском списке XI в. (ЦГАДА, ф. 381, № 137).

²⁴ См.: Попов Г. Триодни произведение на Константин Преславски. София, 1985 (Кирило-Методиевски студии; Кн. 2).

²⁵ См.: Попов Г. За едно споменаване на триезичници в Битолски Триод // Старобългарска литература. 1978. № 3. С. 86—90.

²⁶ Так, Гимовский тип отличают от других типов чтения в кондаке на Пасху (см. таблицу 9).

Рус. списки			Болг. списки			Греч. чтения	
Код.	Тр. V	Окт.	Тр. III	Тр. I	Тр. IV	Тр. VII	Реконструированные разночтения
	Гимовский		Моисей Киянина	Шафариковский	Загребский	Орбельский	
6 списков	5 списков	2 списка	1 список	1 список	1 список	16 списков	
Бл., 57	41, 58 об.	122, 105	137, 93 об.	74, 45	107, 67 об.	102, 81 об.—82	Maas, 164
Оуже	+	+	Иже	К тому	К тому	—	'Ουκέτι φλογίνη ρόμφαία
пламенное	+	+	+	+	+	Оружие	
оружие	+	+	+	+	+	пламенно	
не	+	+	—	не может	не может	юже не	—
хранить	+	+	+	хранити	трьпѣти	+	φυλάττει
врать	+	+	двьри	+	+	едемьскихъ	δπάχει
едемьскихъ	+	+	едема	адовныхъ	едомьскихъ	врать	τὴν πόλιν τῆς 'Εδέμ αὐτῆ γάρ ἐπῆλθε/ἐπέσθη
приде бо	+	+	семоу бо	сего бо явися	се бо явися	+	παράδοξος
емоу	+	+	приде	—	—	+	δέσεις/σβέσεις
прѣславнь	+	+	прѣславно	+	+	+	τὸ ξύλον
гласъ	+	+	възбранение	свѣтъ	законъ	+	τοῦ σταυροῦ
древо	+	+	+	законъ	свет	законъ	θανάτου
кръстное	+	+	+	х(ристо)ву	х(ристо)въ	х(ристо)въ	καὶ 'Αιδου
сѣмьртное	+	+	сѣмьрти	сѣмьртну	сѣмьртнуу	и сѣмьртнуа	τὸ νείκος
жало	+	+	+	дръжаву	дръжаву	дръжаву	ἐν ἡλωτο ²⁸
и адова	+	+	и адово	и адову	и адову	и адову	ἐπήλθε/δέ
побѣда	+	+	побѣжение	крѣпость	крѣпость	крѣпость	σωτήρ μου
погыбе	+	+	оупразнися	разори	разори	разори	βοῶν
приде бо	+	+	приступи бо	и яви бо ся	явися	и явися	τοῖς ἐν 'Αιδῆ
спасе мои	+	+	+	сп(а)сь мои	сп(ас)ение намъ	сп(а)сь мои	εἰσάγεσθε
въпия	+	+	+	+	+	въпиящамъ	παλιν εἰς τὸν παράδεισον
върнъмъ	+	+	соущим во адѣ	в адѣ сущимъ	сущимъ въ тмѣ	изыдѣте	(τοῖς) εὐσεβῆσιν ²⁹
вънидѣте	+	+	въходите	изыдѣте	изыдѣте	иже въ адѣ	
пагы в рай	+	+	+	на покой	на покой	+	

²⁸ Еще 3 варианта указаны в изд.: Maas, 164: ἐνήλωτο, ἐλήλωτο, ἐλήλαται.

²⁹ 3-й вариант: τοῖς ἐν σκότει.

кондаков из триодей Гимовского типа, но отличается от текста в южнославянских триодах.

Для примера сравним кондак Романа Сладкопевца 7-го гласа на 3-е воскресенье поста (среда 4-й седмицы) в кондакарях, в триодах Гимовского типа (V), Шафариковского (I), Загребского (IV), Орбельского (VII) типов, в Триоди III типа, представленного одним русским списком — Триодью Моисея Киянина, и в двух октоихах, о которых речь пойдет дальше (см. табл. 2).²⁷

Есть еще 6 редакций этого кондака в славянских триодах, но они отличаются от кондакарно-гимовской редакции.

То же самое можно показать на примерах остальных триодных кондаков.

Из этого сопоставления можно сделать вывод, что триоди Гимовского типа составлялись, переводились, исправлялись там же, где были созданы кондакари, которые хотя и различаются по составу, но имеют одинаковую редакцию текстов.

М. Лисицын справедливо пишет: «Эти кондакари самим своим существованием говорят нам за то, что они могли иметь место в богослужебной практике только при господстве в нашем богослужении Устава великой церкви. Песнопения, изложенные в них, а особенно способ использования их, очень сходны с тем чином, который указан у Симеона Солунского в его изложении *ἀρματικῆς ἀκολουθίας*».³⁰ На это, например, указывает, по мнению М. Лисицына, исполнение полиелей, описанное в Благовещенском кондакаре на л. 107—114.³¹

Устав великой церкви был распространен на Руси до Алексеевского устава, но и в самом Алексеевском уставе есть установления, взятые из Устава великой церкви. М. Лисицын сравнивает чин последования страстей и чин 12 тропарей по списку Устава великой церкви (ГПБ, Пог. 48), по спискам Алексеевского устава (ГПБ, Соф. 1136; ГИМ, Син. 330), а также по русским и болгарским спискам триодей и приходит к выводу: «... влияние Устава великой церкви у нас было сильнее, чем святогробского. В славянских же землях, наоборот, сильнее сказывалось влияние святогробского устава».³²

Появление ктиторского Алексеевского устава на Руси связывается с именем Феодосия Печерского, который «нача искати правила чернечского», как говорится в «Повести временных лет».³³ Об этом же есть рассказ и в Житии Феодосия Печерского.³⁴ На первый взгляд один рассказ отличается от другого. Как сообщается в летописи под 1051 г., Феодосий получает готовую запись устава от инока Студийского Монастыря Михаила, пришедшего из Константинополя с митрополитом Георгием, а по Житию, в 1062 г. Феодосий посылает за этим уставом к Ефрему-скопцу в Константинополь. В Печерском Патерике правдоподобно согласованы оба рассказа: сначала Феодосий познакомился с уставом благодаря иноку Михаилу, потом послал в Константинополь за подробным списком устава, а затем уже ввел этот устав в Печерском монастыре, откуда он распространился на Руси.

Для нас важно то, что появление Алексеевского ктиторского типикона никак не связано с Болгарией: русские получили его непосредственно

²⁷ Мы указываем листы рукописей, каждая из которых является представителем той или иной группы, имеющей одинаковый текст. Греческий текст цит. по: *Sancti Romani Melodi cantica (Cantica genuina) / Paul Maas and C. A. Trypanis. Oxford, 1963.* — Далее: Маас.

³⁰ Л и с и ц ы н М. Первоначальный славяно-русский типикон. СПб, 1911. С. 77—78.

³¹ Там же. С. 78.

³² Там же. С. 137.

³³ Повесть временных лет. С. 107.

³⁴ Успенский сборник XII—XIII вв. / Под ред. С. И. Коткова. М., 1971. С. 89, л. 37615—37в9.

ставится кондак 7-го гласа Романа Сладкопевца «Уже пламенное оружие», а в южнославянских триодях на 4-ю среду ставится кондак 8-го гласа «Древо райское». На Лазареву субботу в кондакарях, триодях V типа и в уставе ставится кондак 2-го гласа «Всех радость», а в южнославянских триодях — кондак 2-го гласа «На гроб приде».

В таблице 3 показано совпадение редакций кондаков в уставе, кондакарях и триодях Гимовского типа, а также отличие этих редакций от редакций в южнославянских триодях.

Таким образом, мы видим, что кондакари и триоди V типа тесно связаны с Алексеевским уставом, попавшим на Русь прямо из Константинополя и введенном в Киево-Печерском монастыре.

Большую часть кондаков в кондакаре составляют минейные кондаки. При сравнении их с кондаками древнейших служебных миней можно выделить такую группу списков этой богослужебной книги, в которых будет полное совпадение редакций кондаков и икосов, к ним примыкающих, с их редакциями в кондакарях. К таким спискам, например, относятся списки миней XI в. из собрания Типографской библиотеки, изданные И. В. Ягичем. С ними обнаруживает полное сходство русский список миней XII в. за сентябрь—октябрь из Софийского собрания (ГПБ, Соф. 188), привлеченный Ягичем для сравнения.

Т а б л и ц а 4

Дата	Начала кондаков и икосов ³⁹		Список Болг.	Рус. списки		
			Мн. 72	Конд. ЧР	Мн. Я.	Мн. 188
1.09	к	Вышнихъ ипца	+	+	+	+
	и	Сумеоне непорочное	+	др. ред.	-конд. ⁴⁰	-конд.
6.09	к	Архистратиге Божии	+	+	+	+
	и	Рече чл(овъ)колюбче	+	+	—	+
14.09	к	Възнесия на крестъ	+	др. ред.	-конд.	-конд.
	и	Иже до третимъ	+	+	+	+
23.09	к	Радуется свѣтло	+	др. ред.	—	—
	и	С(вя)тое еу(ан)гелие	+	др. ред.	—	—
	к	Друже жениховъ	—	+	+	+
	и	Ангель с н(е)бесе	—	+	+	+
26.09	к	Вѣличия твоя	+	др. ред.	—	-конд.
	и	Въистиня сывъ	+	+	—	+
	и	Высоты небесныя	—	+	—	+
6.10	к	Прѣмьдрости благ(о)д(а)ти	+	др. ред.	-конд.	-конд.
	и	Нынѣ оученикъ	+	др. ред.	-конд.	-конд.
14.10	к	Параскевове (Петке)	+	—	—	—
	и	»	+	—	—	—
18.10	к	Оученикъ бывъ	+	—	—	—
	и	Яко врачъ и оученикъ	+	+	+	—
	к	Истиньнаго благочестья	—	+	+	+
	и	Разоумъ обогати	—	+	+	+
19.10	к	Иоанну Рьльскому	+	—	—	—
	и	»	+	—	—	—
26.10	к	Крвьии твоихъ	+	др. ред.	-конд.	-конд.
	и	Того великаго	+	др. ред.	-конд.	-конд.

³⁹ Далее приняты сокращения: кондак — к, икос — и.

⁴⁰ Сокращение -конд. означает, что редакция кондака в русском списке тождественна редакции Кондакаря.

В таблице 4 показано сопоставление состава и редакций кондаков и икосов по болгарской Минее XIV в. (ГПБ, Ф. п.1.72), кондакарям, типографским минеям, софийской Минее за 10 дней двух месяцев.

Из таблицы видно, что во всех случаях, когда есть несовпадение между болгарской Минеей XIV в. и Кондакарем, типографские минеи, как и софийская, всегда совпадают с последним (есть только одно исключение:

в типографской Минее на 23 сентября нет кондака и икоса, которые имеются в Кондакаре и болгарской Минее, но и в этом случае редакции текстов не совпадают). Кроме того, отметим, что ни в Кондакаре, ни в русских списках миней нет болгарских служб Параскеве Пятнице на 14 октября и Иоанну Рыльскому на 19 октября, которые содержатся в болгарской Минее. Вспомним, что в триодях V (Гимовского) типа также нет болгарского материала.

Нами выделены и другие русские списки миней, в которых редакции кондаков и икосов полностью совпадают с редакциями тех же песнопений в Кондакаре и отличаются от редакции в болгарских списках миней. К таким русским спискам относится Миней Дубровского XI в. на июнь месяц (ГПБ, Ф. п. 1. 36). Кондак и икос 2-го гласа Федору Стратилату на 10 июня «Мужеством душа» и «Уясни ми» (л. 3 об.) имеют кондакарную редакцию (Конд. Р. Bd 8, 5, 56—58).

К этой же группе русских миней относится майская Миней XII в. (ГПБ, Соф. 203). Сравним, например, икос на 21 мая (Память Константина и Елены) из этой миней с тем же икосом из Кондакаря и из болгарской миней XIV в. (ГПБ, Ф.п.1.72) (см. табл. 5).

Таблица 5

Рус. списки		Болг. списки	Греч. чтения
Мн. 203, 99	Конд. Р Bd, 8, 5.48	Мн. 72, 194	Конд. Р Bd 8, 5.49
Похвалимъ нынѣ ц(ѣ)с(а)р(и)цо вси пр(о)р(о)чское слово проповѣдающе на кедрѣ и на пегги. и на купарисѣ любовию того вслѣдовала есть вся отгнала есть к оудѣи оустрающе показати людьмъ	+ + + + + + + + + + + + + + + + + + + +	Въспоемъ + + яже пр(о)рочьски гласи възъискающе на купарисѣ и на пегги кедрѣ хотѣниемъ сего възъискавши всѣмъ являещи — явити хотящимъ +	Ἄνομνήσωμεν νῦν τὴν βασιλίδα ἅπαντες τοῦ προφήτου αὐτῆ λόγους ἀναζητήσασα ⁴¹ ἐν πεύκῃ καὶ κέδρῳ καὶ τῇ κυπαρίσσῳ ⁴² τῷ πόθῳ τοῦτου ἐξηκολούθησε καὶ πάντες ἀπέδειξε ⁴³ τοὺς Ἰουδαίους παρὰκευάσασα ⁴⁴ θεῖξαι τοῖς λαοῖς

⁴¹ Восстановленный вариант: *προκηρύσσασι.*

⁴² Восстановленный вариант: *ἐν κέδρῳ καὶ πεύκῃ καὶ ἐὶ κυπαρίσσῳ.*

⁴³ Восстановленный вариант: *ἀπεδίφξας.*

⁴⁴ Восстановленный вариант: *ἀποδεικνύειν τοῖς παροῦσιν λαοῖς.*

Очень важно и то, что русские миней этого круга по составу и расположению различного рода песнопений (седальнов, стихир, канонов) обнаруживают бóльшую близость к Алексеевскому уставу, чем болгарские миней.

Для того чтобы в этом убедиться, достаточно сравнить службу на Воздвижение (14 сентября) по Алексеевскому уставу (ГИМ, Син. 330, л. 75 об.—77), типографской Минее (Мн. Я. 118—126) и болгарской Минее (ГПБ, Ф.п.1.72, л. 12 об.—15).

Близость миней в русских списках к Алексеевскому уставу показывает и полное совпадение отпустительных тропарей, которые, однако, имеют разночтения с этими же тропарями в болгарских списках Миней. Приведем, например, разночтения в тропаре архистратигу Михаилу по Алексеевскому уставу, Минее Ягича, русскому Часослову XIII в. (ГПБ, Q.п.1.57), с одной стороны, и болгарской Минее — с другой (см. табл. 6).

Т а б л и ц а 6

Рус. списки			Болг. список	Греч. чтения
Уст. 330, 69 об.—70	Мн. Я. 048	Час. 57 184 об.	Мн. 72, 4	МV, 1.38
Небесныхъ	+	+	Неб(е)снымъ	Τῶν οὐρανίων
вои	силь	+	воинствомъ	στρατιῶν
воеводо	+	+	архистратиге	Ἀρχιστράτηγε
молимъ ти ся	+	+	м(о)лимъ тебѣ	δουσωποῦμεν σε
и нынѣ	+	+	—	ἡμεῖς ⁴⁵
недостойнии	+	+	+	οἱ ἀνάξιοι
да твоими	+	+	+	ἵνα ταῖς σαῖς
м(о)л(и)твами	+	+	+	δεήσεσι
покрыеши ны	+	+	улочимъ	τειχίσσης ἡμᾶς ⁴⁶
кровьмъ	+	+	въ кровь	σκέπη
крилоу твоею	+	+	+	τῶν πτερόγων
бесплътныя	+	+	+	τῆς ἀύλου
ти славы	+	+	ти славою	σὲ δόξης
съхраняеми	+	+	съхранѣя насъ	φρουρῶν ἡμᾶς
припадающе	+	+	припа(да)юще	προσπίπτοντας
притѣжно	+	+	ти выня	ἐκτενώς ⁴⁷
въпиемъ	+	+	+	καὶ βοῶντας
отъ бедъ	+	+	+	ἐκ τῶν κινδύνων
избави насъ	+	+	+	λύτρωσαι ἡμᾶς
яко	+	+	яко сый	ὡς
чиноначальникъ	+	+	воевода	ταξιάρχης
вышнимъ силамъ	+	+	+	τῶν ἄνω Δυνάμεων

⁴⁵ Восстановленный вариант: καὶ νόν.⁴⁶ Восстановленный вариант: τευχίσθη.⁴⁷ Восстановленный вариант: συνεχώς.

Из приведенного примера видно, что отпустительные тропари в той редакции, которую они имеют в Алексеевском уставе, встречаются и в некоторых часословах. Приведем еще пример (см. табл. 7) тропаря 2-го гласа на Воздвижение и тропаря 4-го гласа на Вербное воскресенье (см. табл. 8).

Т а б л и ц а 7

Рус. списки		Болг. списки	
Уст. 330, 75 об.—76	Час. 10, 140 об.	Мн. 72, 10	Мн. 522, 1 об.
Живящий	+	Животворящы	Животворящий
кр(ес)тъ	+	+	+
твоя	+	+	+
бл(а)гости	бл(а)г(о)д(а)ти	+	+
его же	+	+	+
дарова	+	+	дасть
намъ	+	+	+
недостойнымъ	+	+	+
г(оспод)и	+	+	—
тебе	+	—	+
приносимъ	+	—	+
в м(о)л(и)тву	+	—	+
сп(а)си	+	сп(а)си	сп(ас)и г(оспод)и
князя	+	—	ц(а)ре
и люди	+	люди и градъ	градъ твой и люди
молящая тя	+	—	припадающую ти
б(огороди)ця	+	б(огороди)цея	+
ради	+	+	+
едине	+	+	+
чл(о)в(е)колюбче	+	м(и)л(ос)тиве	м(и)л(ос)тиве ⁴⁸

⁴⁸ Греческое φιλάνθρωπος могло переводиться как 'человеколюбец' и как 'милостивый' (С р е з н е в с к и й. Материалы. III, 135).

Т а б л и ц а 8

Рус. списки		Болг. список
Уст. 330, 20 об.	Час 1052, 194	Тр. IV, 107, 133
Съпогребшо ти ся Съподобихомъся	+ +	С тобою погребени бивше ⁴⁹ Достоиници бихом ⁵⁰

⁴⁹ Разный перевод греческого συνταφέντες σοί.⁵⁰ В рукописи описка (?): доиници вместо достоиници. Разный перевод греческого ἡξιώθημεν.

Таким образом, этот род песнопений позволяет выделить и группу часословов, которые принадлежат к тому же кругу богослужебных книг, что и кондакари, триоди, минеи. Эти часословы имеют и другие виды песнопений на дни триоди в кондакарно-гимовской редакции — например, кондак на Пасху (см. табл. 9). Но часослов ГПБ, Q.п.1.10 принадлежит

Т а б л и ц а 9

Рус. списки				
Час. 1052, 199 об.—200	Конд.		Тр. V	
	Тип, 147	ОИДР, 5 об.	110, 45 об.	27, 61
Провѣща Подая	+ +	+ +	+ +	+ +

Т а б л и ц а 9 (продолжение)

Болг. списки				Греч. чтения
Час. 1052, 199 об.—200	Тр. I	Тр. IV	Тр. VI	Maas, 223
	74, 133 об.	107, 169 об.	53, 3 об.	
Провѣща Подая	Проповѣда Животъ и	Проповѣда Животъ и	Проповѣда Животъ и	εθευξάμενος ⁵¹ παρέχων ⁵²

⁵¹ Восстановленный вариант: ἐκήρυξας.⁵² Восстановленный вариант: Ζωήν καί.

уже к смешанной редакции, потому что содержит часть песнопений в афонской редакции (болгарская правка XIV в. на Афоне). Например, кондак 1-го гласа на 1 сентября Симеону Столпнику дан в новой редакции, что видно из сопоставления разночтений, представленных в табл. 10.

Такой род песнопений, как самогласные стихирьы, позволяет нам объединить с триодами Гимовского типа и минеями типа типографских миней конца XI в., опубликованных Ягичем, еще один род богослужебных книг, называемых стихирарями, которые сохранились только в русских списках и имеют знаменную нотацию. По сводному каталогу насчитывается 24 стихираря, из них 17 минейных и 7 триодных. Древнейший относится к концу XI или началу XII в. (БАН, 4.9.13), остальные датируются XII и XIII вв. Эти сборники содержат в основном самогласные стихирьы, редакции которых полностью совпадают с их редакцией в триодах Гимовского типа, разобранных выше. Сравним, например, утреннюю самоглас-

Т а б л и ц а 10

Конд. Р. Вд. 8, 3.2	Мн. Я. 04	Час. 10, 138	Конд. Р. Вд. 8, 3.3
Съ выпшними	+	Выпшихъ	Τοῖς ἄνω
Свьькоушляся	+	Касаяся	Συναπτόμενος ⁵³
Сътворивъ	+	Створилъ еси	Ἐργασάμενος
Тѣмь	+	Тѣм же	Δι' αὐτοῦ
Анг(е)ломъ	+	Съ анг(е)лы	Τῶν ἀγγέλων
Бысть	+	Еси	Γέγονας
С ними же	+	С ними	Σὺν αὐτοῖς
Не прѣстани	+	Непрестано	Ἀπαύστως ⁵⁴

⁵³ И. В. Ягич приводит разночтения с Минеей XI в. по Минее XIV в., уже прошедшей правку на Афоне, из чего можно заключить, что разночтения кондака в Часослове ГПБ, Q. п. 1.10 сравнительно с кондакарной редакцией отражают афонскую редакцию.

⁵⁴ Восстановленный вариант: *συνερχόμενος*. В издании Кондакаря Ротэ приводится разночтение: *ἀπαύστως* — *μη παύση* (Вд. 8, 3.3).

ную стихирю 3-го гласа на понедельник 1-й седмицы поста по триодному Стихирарю XIII в. (ГПБ, Соф. 85), Триоди V типа и по болгарским триодам I (Шафариковского) и III (Загребского) типов (см. табл. 11).

Т а б л и ц а 11

Рус. списки		Болг. списки	
Тр. V 680, 38	стих. 85, 10 об.	Тр. I 74, 6 об.	Тр. IV 107, 29 об.
Постимся	+	+	+
постомъ	+	+	+
приятнымъ	+	+	+
благоугоднымъ	благоугоднаго	оугодно	оугодно
г(о)с(поде)ви	+	+	+
истинный	+	истинное	истинно
пость	+	злымъ	злимъ
измѣнение	+	прогнание	прогонение
оудержание	въздржаніе	оставимъ	оставивъ
языка	+	злорѣчье	злорѣчье
ярости отложение	+	—	—
похотемъ	+	хотѣние	и хотѣние
отлучение	+	различное	различно
оклеветание	оклеветанія	свады	свади и
лжа	+	и лъжу	клевети
и клятвы	+	клеветы	и лъжя
сихъ	+	и симъ	симъ
потрѣба	+	подобнаа	по(до)бецье
пость	+	бо есть	+
есть	+	бо есть	—
истинный	+	истиненъ	истиненъ
бл(а)гоприятенъ	+	приятенъ	и приятенъ

То же самое мы видим при сравнении остальных стихир в Триоди Гимновского типа со стихирами из постных стихирарей XIII в. (ГПБ, Соф. 85 и ГПБ, Соф. 96).

Аналогично этому совпадают редакции самогласных стихир в минеях Ягича и минейных стихирарях. Те же стихирь в болгарской Минее имеют другие редакции.

Болгарские списки стихирарей со знаменной нотацией не сохранились. Рукопись, названная Ст. Кожухаровым Енинским стихирарем, является

не Стихирарем, а Минеей⁵⁵ И. И. Срезневский опубликовал отрывки из двух болгарских стихирарей XII—XIII вв. Один из них был вывезен с Синая А. С. Норовым. Другой написан на полях 10 листов (начиная с 25-го) греческой рукописи, хранящейся в Парижской национальной библиотеке под № 1808. И. И. Срезневский датирует его XII в.⁵⁶ Но в этих болгарских стихирарях нет знаменной нотации, которая имеется в вышеупомянутых русских.

Сравним разночтения стихирь 1-го гласа на новолетие (1.09) «Христе боже наш» по русским спискам миней нотированного Стихираря (БАН, 34.7.6), по болгарской Минее и по болгарскому Парижскому стихирарю (см. табл. 12).

Т а б л и ц а 12

Рус. списки	Болг. списки		Греч. чтения
	Мн. 72, 2	Пар. 216	
Стих. 34.7.6, 1 об.; Мн. Я. 05—06			ΜΥ, 1, 4
Оукраcивый	Сѣдѣлавый	Сѣврѣшая	Δημιουργήσας ⁵⁷
От небытия	От несущихъ	+	Ἐκ μὴ ὄντων
Въ бытие	+	Въ быти	Εἰς τὸ εἶναι
Приведеъ	Приведе	Пр(иводо)и	Παραγαγὼν
Градъ	+	Мѣсто	τὴν πόλιν ⁵⁸
Необоримъ	+	От многыя клятвы	Ἀπολιόρκητον ⁵⁹
Вѣрныя	Вѣрнаго	+	τοὺς δὲ πιστοὺς ⁶⁰
Князя наша	Ц(а)рѣ нашего	Ц(а)ря нашу	Βασιλεῖς ἡμῶν
Си	Твоеу	Своея	Σοῦ
Подая	Дая	Дароуи	Χορηγῶν ⁶¹
Соупостаты	+	Побѣждающихся	τῶν πολεμίων ⁶²

⁵⁷ Восстановленные варианты: διακοσμήσας, ἐπι(ἀπο)τελήσας.

⁵⁸ Восстановленный вариант: τὴν χώραν.

⁵⁹ Переводчик по-другому понял это слово. Он связал ἀπολιόρκητον со словами πολὺς и ὄρκιος.

⁶⁰ Восстановленный вариант: τὸν δὲ πιστόν.

⁶¹ Разный перевод греческого χορηγῶν.

⁶² Восстановленный вариант: τῶν νικηθέντων.

Это сравнение показывает полное совпадение редакций русских миней нотированного Стихираря, в то время как Парижский стихирарь и болгарская Миней имеют две разные редакции, каждая из которых не совпадает с редакцией русских списков.

И, наконец, последний род песнопений, встречающийся в богослужебных книгах, который позволяет выделить богослужебные книги разного рода, относящиеся к одному кругу, — ирмосы.

Пример, приведенный во 2-й таблице, показывает, что есть два списка Октоиха (ГПБ, Соф. 122 и ГПБ, Соф. 123), которые содержат кондаки, названные здесь седальнами, в кондакарно-гимовской редакции. Например, кондак Романа Сладкопевца «Уже пламенное оружие» (Соф. 122, л. 105; Соф. 123, л. 64) или кондак на Воздвижение «Вознесыйся на крест» (Соф. 122, л. 90; Соф. 123, л. 49 об.—50) не имеют ни одного разночтения в триодях Гимовского типа и в минеях Ягича.

Изучение ирмосов, написанных полностью в этих октоихах, позволило сделать вывод о тождестве их редакции с редакцией ирмосов из Ирмология, опубликованного Э. Кошмидером по двум русским спискам конца XII—начала XIII в. (ЦГАДА, ф. 381, 149 и ЦГАДА, ф. 381, 150).⁶³ Как упоми-

⁵⁵ См.: Кожухаров Ст. Поглед към проблематиката на Ениевския стихирар // Български език. 1972. Кн. 6. С. 549—554.

⁵⁶ Срезневский И. И. Древние славянские памятники юсового письма. СПб., 1868. С. 66, 67, 214—216. — Далее: Ср. Пам.

⁶³ Koschieder E. Die ältesten Novgoroder Hirmologien — Fragmente. München, 1952; 1955; 1958; Lfgn. 1—3. (Abh. der Bayer. Akad. der Wissenschaften-Phil.-Hist. Klasse. N. 35, 37, 45). Далее — Ирм. Кошм.

налось выше, Э. Кошмидер и Х. Ханник предполагали, что эта редакция может быть русской. Наши наблюдения подтвердили эту гипотезу. Сравним редакцию ирмоса 7-й песни 6-го гласа по Октоиху ГПБ, Соф. 122, по Ирмологию, опубликованному Э. Кошмидером и по болгарской Минее (см. табл. 13). Как видно из таблицы, та же редакция ирмосов имеется и в триодях Гимовского типа.⁶⁴

Таблица 13

Рус. списки			Болг. список
Окт. 122, 37 об.	Ирм. Кошм. 190	Гр. V 680, 33 об.	Мн. 72, 18 об.
Хладавицю	+	+	Росодавица ⁶⁵
оубо печь	+	+	+
створи	+	+	+
анг(е)ль	+	+	+
пр(ъ)п(о)д(о)бнымъ	+	+	с(вя)тимъ ⁶⁶
дѣтемъ	+	+	+
халдѣя же опали	+	+	+
велѣние б(ож)ие	+	+	+
м(у)ч(и)т(е)ля	+	+	+
оувѣща въ пяти	+	+	+
бл(а)г(о)с(лавле)нъ	+	+	+
б(ог)ъ от(е)ць	+	+	+
нашихъ	+	+	+

⁶⁵ Другой перевод греческого *ῥοσοδαβιου* (об этом см. выше).

⁶⁶ Отражение разночтений между греческими списками Ирмология: *τοῖς ἁγίοις* — *τοῖς ἁγίοις*.

Таким образом, сопоставляя редакции отдельных песнопений, мы выделили обширный круг богослужебных книг особого типа, составленных в каком-то одном центре. Сохранившиеся только в русских списках эти книги связаны с богослужебным уставом, введенным на Руси Феодосием Печерским. К ним относятся кондакари, триоди, минеи, стихирари, часословы, октоихи, ирмологии.

Мы предполагаем, что такие богослужебные книги были созданы во второй половине XI в., потому что их старшие списки относятся именно к этому времени (Типографский кондакаръ, минея 1096—1098 гг. из Типографского собрания, Минея Дубровского, Лазарева триодь).

Можем ли мы считать, что это был новый перевод богослужебных книг? Очевидно, нет. Каждая богослужебная книга — это совокупность многих песнопений различных жанров. Если брался греческий оригинал, который отличался от оригиналов, служивших для перевода ранее созданных богослужебных книг, то песнопения, уже присутствовавшие в предыдущей книге, переносились во вновь создаваемую иногда с правкой, а иногда без правки. Правка в основном касалась перевода новых вариантов чтений, которые содержались во вновь привлекаемом греческом тексте. Если в оригинале имелись песнопения, которых не было в старой славянской богослужебной книге, лежавшей перед справщиком, то они переводились. Причем порядок песнопений в греческих списках отличался разнообразием, и славянский справщик располагал все песнопения в том порядке, который был в новом греческом списке, взятом для сверки. В результате создавался не новый перевод, а новый тип книги, в которой существовали песнопения в старой и новой редакциях, а также песнопения, заново переведенные, потому что они отсутствовали в том славянском списке, которым пользовался справщик, сверяя его с греческим.

⁶⁴ Эта же редакция ирмосов имеется еще в трех ирмологиях, сохранившихся в русских списках: ГПБ, Qп. 1.75 (начало XIII в.); ГПБ, Пог. 55 (XIII в.); ГИМ, Воскр. 28 (конец XII в.).

Такую практику показывает текстологический и сравнительный анализ богослужебных книг.

Возьмем, например, триоди. В Гимовском типе есть песнопения, которые совсем не отличаются от соответствующих песнопений в южнославянских триодях. К таковым относятся три кондака: на мясопустное воскресенье, Фомино воскресенье и Троицу. Эти кондаки сохраняют единообразие вплоть до никоновского типа триодей. Подобным примером в минеях может служить кондак Георгию на 23 апреля, который по русскому Кондакарю (Конд. Р. Во 8.5, 6) не имеет ни одного различия с текстом болгарского списка Минеи XIII в. (БАН, 24.4.12 л. 12).

Но были и песнопения, имевшие некоторые различия. Например, стихира 6-го гласа на сырную неделю «Солнце луча скры» в русской редакции не имеет различий с текстом в IV типе триодей и насчитывает всего три различия с I типом, что составляет 12 % (см. табл. 14).

Т а б л и ц а 14

Рус. списки		Болг. списки		Греч. чтения
Тр. V 680, 1 об.	Стих. 85, 5	Тр. IV 107, 24	Тр. I 74, 2	МР. 100
Предождися	+	+	Прѣмѣнися	Μετατρέπη
Оужасошася	+	+	Устрашися	'Εφριξάν
Отпадшаго	+	+	Падъшагося	Παραπέσοντα

Наиболее сильно отличаются самогласные стихиры в Гимовском типе триодей от их южнославянских редакций. Они подверглись большой правке, а в ряде случаев возможно говорить даже не о правке, а о новом переводе. Приведем пример вечерней самогласной стихиры 3-го гласа в первый понедельник поста «Постимся постом», Гимовская редакция которой отличается 13 словами, что составляет 52 % лексических различий и только 48 % сходства (см. табл. 14).

Ни в одном из старших типов триодей, кроме Гимовского, нам не встретился канон 6-го гласа на пятое воскресенье поста. Поэтому можно предположить, что его перевели в то время, когда создавался V тип, если, конечно, он не был переведен ранее.

Сказанное касается создания сложных гимнографических книг — Триодей, Минеи, Октоихов. Очевидно, тот же процесс происходил и с такими книгами, как Кондакарь и Стихирарь, гораздо более простыми по составу. Кондаки и стихиры переводились не заново, а использовались уже существующие переводы из болгарских триодей, миней, октоихов, которые правились по греческому тексту в кондакарях и стихирарях и располагались в том порядке, какой был в этих книгах.⁶⁷ Таким образом, можно представить процесс создания кондакарей и стихирарей на русской почве. Допустимо предположение, что первоначально были созданы Триодь, Минея и Октоих, а потом уже исправленными из них брались песнопения для кондакарей и стихирарей.

Говоря о редактировании, которое, как показывает приведенный материал, происходило на Руси в XI в., следует остановиться на одной особенности перевода. Там, где слово βασιλέυς обозначает земного владыку, русский справщик переводит «князь», в то время как в болгарских списках греческому βασιλέυς соответствует «царь» (на это обратил внимание еще И. В. Ягич).⁶⁸

⁶⁷ Мы присоединяемся к выводу Э. Кошмидера и Ф. Келлера о том, что у южных славян не было нотированных кондакарей и стихирарей (об этом см. выше).

⁶⁸ Ягич И. В. Служебные минеи. . . С. ХСV.

Так, в кондаке на Воздвижение в Кондакаре и минеях, изданных И. В. Ягичем, читаем: «Возвесели силою твоею вѣрнаго князя нашего» (Конд. R. Bd 8.3, 52; Мн. Я. 0118). В болгарской Минее XIV в. есть только одно разночтение в этом предложении: вместо «князь» — «царь» (ГПБ, Ф.п.1.72, л. 7 об.), в греческом тексте — βασιλεύς (Конд. R. Bd 8.3, 53). Такая же вариантность отмечена и в следующих случаях. В самогласной стихире 1-го гласа на стиховне в службе 1-го сентября: «Градь нашъ сохрани необоримъ и вѣрныя князя нашего силою си възвесели» (Мн. Я. 0506), в болгарской Минее: «. . вѣрнаго царе нашего» (ГПБ, Ф.п.1.72, л. 21). В стихире 6-го гласа на Воздвижение: «И рогъ вышняго съвъзвышается кнѣзя нашего. . .» (Мн. Я. 0121), в болгарской Минее: «И рогъ вѣрнаго совозвышается царе нашего. . .» (ГПБ, Ф. п.1.72, л. 10). В тропаре на 6 сентября, приведенном выше (см. таблицу 7) видим ту же самую вариантность.

Такой необычный перевод может объясняться тем, что в XI в. главой русского государства был князь, а не царь, как у болгар. Поэтому, редактируя перевод песнопения, в котором содержится пожелание главе государства, русский справщик исправляет «царь» на «князь».

Для характеристики богослужебной книги очень важен порядок расположения песнопений. Поэтому следует особо остановиться на этом моменте. Выделенный нами круг богослужебных книг имеет особый порядок следования песнопений, отличный от того порядка, который имеется в болгарских богослужебных книгах. Например, в Гимовском типе триодей и минеях, выделенных нами, порядок песнопений достаточно архаичен: тропарь, седальны, кондак с икосом, подобные стихиры, канон, самогласные стихиры. В болгарских триодях и минеях порядок следования песнопений более соответствует порядку их следования в службе, и кондак с икосом ставятся после 6-й песни канона. Это, например, можно встретить в болгарских минеях XIII—XIV вв. (ГПБ, Ф. п.1 72; БАН, 24.4.12) и др. Так, в службе Иоанну Предтече на 24 февраля песнопения расположены в следующем порядке: 3 стихиры на «Господи воззвах»; самогласная стихира; тропарь; канон, после 6-й песни которого расположены кондак с икосом; самогласная стихира (БАН, 24.4.12, л. 5).

Оба октоиха (ГПБ, Соф. 122 и ГПБ, Соф. 123) имеют архаическую структуру (особенно первый), что сближает их с упомянутыми выше триодями и минеями. Порядок расположения песнопений не соответствует их употреблению в службе. Так, в Октоихе ГПБ, Соф. 122 находим следующий порядок: каноны воскресные на 8 гласов, каноны на все дни седмицы на 8 гласов, седальны на 8 гласов, блаженны на 8 гласов, подобные стихиры на 8 гласов.

Такое расположение песнопений показывает, что греческие оригиналы, которые привлекались для сверки и правки перевода, были достаточно архаичны. Так, греческие триоди, имеющие такой же порядок следования песнопений, как в триодях Гимовского типа, относятся к X—XI вв. (Sin. 734—735, ГПБ, греч. 712). Архаичен и тот греческий Октоих, который послужил оригиналом для октоихов ГПБ, Соф. 122 и Соф. 123. Такую структуру можно видеть во фрагментах греческого Октоиха X в., составляющего нижний текст палимпсеста, хранящегося под шифром ГПБ, греч. 70.

Кондакари и стихирари, особенно первые, тоже рано вышли из употребления в Византии. В XII—XIII вв. греки предпочитали употреблять вместо нотированных стихирарей триоди, в которых самогласные стихиры были бы нотированы. Архаичен также греческий Октоих, который послужил оригиналом для славянского Октоиха (ГПБ, Соф. 122 и Соф. 123). Заманчиво думать, что такие архаичные книги были привезены Феодосию Печерскому из Константинополя вместе с Алексеевским уставом.

Таким образом, сравнивая редакции одних и тех же песнопений в старших русских и болгарских списках богослужебных книг с их греческими оригиналами, приходим к следующим выводам.

Во второй половине XI в. на Руси была проведена правка обширного круга богослужебных книг (триодей, миней, октоихов), а также, возможно, были созданы новые богослужебные книги со знаменной и кондакарной нотацией (кондакари, стихирари, ирмологии). Что касается часословов, появившихся, вероятно, позднее, то они были тесно связаны с Алексеевским уставом, введенным Феодосием Печерским, и их можно отнести к русскому типу богослужебных книг.

СПИСОК ПРОСМОТРЕННЫХ РУКОПИСНЫХ КНИГ ОТНОСЯЩИХСЯ К РУССКОЙ РЕДАКЦИИ *

* Мы не сомневаемся, что при дальнейших исследованиях будут обнаружены рукописи этой редакции. Попутно отметим, что не все богослужебные книги в русских списках XI—XIII вв. относятся к обнаруженной нами редакции. Например, Триодь Моисея Киянина, архаичная по составу и по языку перевода, существенно отличается от триодей Гимовского типа, хотя болгарский исследователь Г. Попов причисляет ее к этому типу из-за отсутствия трипеспцев Константина Преславского (см.: Попов Г. Триодни произведения. . . С. 73). Эта Триодь содержит постную и цветную части вместе, что роднит ее со старшими болгарскими триодами. В орфографии списка, особенно в первой его части, по употреблению редуцированных и плавных с редуцированными чувствуется болгарский оригинал. Хэлиаконы на полях рукописи также показывают влияние на ее оформление болгарских рукописей, поскольку эти знаки в старших русских триодах не встречаются. К типу выделенных нами миней не относится и так называемая Путятина минея в русском списке XI в. (ГПБ, Соф. 202.). Она архаична и по расположению песнопений, и по составу. Возможно, что Путятина минея, как и Триодь Моисея Киянина, являются первыми богослужебными книгами, которые появились на Руси, будучи привезенными из Болгарии. Имеют другую редакцию и песнопения из богослужебного сборника в русском списке XIII в. (ГПБ, Соф. 385).

Ирмологии: 1) ЦГАДА, ф. 381, № 149 (конец XII в.). СК, № 121; 2) ЦГАДА, ф. 381, № 150 (конец XII в.). СК, № 122; 3) ГПБ, Q. п. 1.75 (начало XIII в.). СК, № 203 и Афон, Хиландарский монастырь, № 308; 4) ГПБ, Пог. 55 (XIII в.). СК, № 267; 5) ГИМ, Воскр. 28 (конец XII в.). СК, № 120.

Кондакари: 1) ГТГ, К—5349 (конец XI—начало XII в.). СК, № 55; 2) ГБЛ, ОИДР, 107 и ГПБ, Пог. 43 (конец XII в.). СК, № 124—125; 3) ГПБ, Q.п.1.32 и ОГНБ, 1/93 (конец XII—начало XIII в.). СК, № 153—154; 4) ГИМ, Усп. 9 (1207 г.). СК, № 173; 5) ГИМ, Син. 777 (1-я пол. XIII в.). СК, № 205; 6) ГБЛ, Тр. 23 (конец XII—начало XIII в.). СК, № 204.

Минеи: 1) ЦГАДА, ф. 381, № 84 (1095—1096 гг.). СК, № 7; 2) ЦГАДА, ф. 381, № 89 (1096 г.). СК, № 8; 3) ЦГАДА, ф. 381, № 91 (1097 г.). СК, № 9; 4) ГПБ, Ф. п. 1.36 (XI в.). СК, № 22; 5) ГПБ, Соф. 188 (начало XII в.). СК, № 63; 6) ГИМ, Син. 159 (XII в.). СК, № 78; 7) ГИМ, Син. 160 (XII в.). СК, № 80; 8) ГИМ, Син. 161 (XII в.). СК, № 84; 9) ГИМ, Син. 162 (XII в.). СК, № 83; 10) ГИМ, Син. 163 (XII в.). СК, № 84; 11) ГИМ, Син. 164 (XII в.). СК, № 85; 12) ГИМ, Син. 165 (XII в.). СК, № 87; 13) ГИМ, Син. 166 (XII в.). СК, № 89; 14) ГИМ, Син. 167 (XII в.). СК, № 91; 15) ГИМ, Син. 168 (XII в.). СК, № 94; 16) ГПБ, Соф. 203 (XII в.). СК, № 90; 17) ГПБ, Соф. 206 (XII в.). СК, № 92; 18) ГПБ, Соф. 204 (XIII в.). СК, № 282; 19) ГПБ, ОСРК, Q.п.1.12 (XIII в.). СК, № 126; 20) ГПБ, Соф. 382 (конец XIII—начало XIV в.). СК, № 454.

Октоихи: 1) ГПБ, Соф. 122 (XIII в.). СК, № 284; 2) ГПБ, Соф. 123 (XIV в.).

Стихирари: 1) БАН, 34.7.6 (XII в.). СК, № 98; 2) ГИМ, Син. 572 (XII и XIV вв.). СК, № 99; 3) ГИМ, Син. 589 (XII в.). СК, № 100; 4) ГИМ, Син. 279 (конец XII в.). СК, № 131; 5) БАН, Дмитр. 44; ГПБ, Q.п.1. 39; Афон, Хиландарский монастырь, № 307; Прага, Народный музей, № 207 (конец XII в.). СК, № 133—134; 6) ГПБ, Соф. 96 (XIII в.). СК, № 220; 7) ГПБ, Соф. 85 (XIII в.). СК, № 316; 8) ГПБ, Соф. 384 (1456—1463 гг.). СК, № 54; 9) ГПБ, Пог. 45 (XV в.).

Триоды: 1) ЦГАДА, ф. 381, № 138 (XI в.). СК, № 49; 2) ГИМ, Син. 319 (XII в.). СК, № 106; 3) ГИМ, Воскр. 27 (XII в.). СК, 136; 4) ГПБ, Пог. 41 (XIV в.). СК, № 488; 5) ГПБ, Соф. 84 (XIV в.); 6) ГПБ, F.1.680 (XIV в.); 7) ГБЛ, Вол. 241 (XIV в.); 8) ГПБ, Соф. 110 (XIV в.); 9) БАН, 4.9.17 и Call Sign KB A 787a13 and Staf-sund 13 (XIV в.). (Slavonic parchment fragments in Sweden / E. Löstrand // Acta universitatis Stockholmiensis. Stockholm, 1984. P. 94—126 (Stockholm slavic Studies. №. 16.); 10) ИРЛИ, Северодвин. 232 (XV в.).

Часословы: 1) ГПБ, Q.п.1.38 и Q.п.1.57 (XIII в.). СК, № 321—322; 2) ГПБ, Q.п.1.10 (XIV в.); 3) ГПБ, Соф. 1052 (XIV в.).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ШИФРОВ РУКОПИСЕЙ
И ПЕЧАТНЫХ ИСТОЧНИКОВ

- Бл. — Благовещенский кондакарь. ГПБ, Q. п. 1.32 и ОГНБ, 1/93 (XII—XIII вв.).
- Вол. Триодь. ГБЛ, Вол. 241 (XIV в.).
- ОИДР — Кондакарь. ГБЛ, ОИДР 107 и ГПБ, Пог. 43 (XIII в.).
- Мон. — Поучение Владимира Мономаха // Повесть временных лет. М; Л., 1950. Т. 1. С. 153—167.
- Пар. — Парижский стихирарь (Срезневский И. И. Древние славянские памятники юсowego письма. СПб., 1868. С. 66—67).
- Тип. — Типографский кондакарь. ГТГ, К—5349 (XI—XII вв.).
- ЮАЗУ — Archiv Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti. (Югославия, Загреб).
- Sin. — Библиотека монастыря Святой Екатерины на Синае. Оттуда триодь № 734—735 (X в.).
- 10 — Часослов, ГПБ, F. п. 1. 10 (XIV в.).
- 27 — Триодь цветная. ГИМ, Воскр. 27 (XII в.).
- 40 — Триодь постная и цветная. ГПБ, Пог. 40 (XIV в.).
- 41 — Триодь постная. ГПБ, Пог. 41 (XIV в.).
- 53 — Триодь цветная. ГПБ, Пог. 53 (XIII в.).
- 57 — Часослов, ГПБ, Q. п. 1.57 (XIV в.).
- 72 — Минея праздничная, служебная. ГПБ, F. п. 1. 72 (XIV в.).
- 74 — Триодь постная и цветная. ГПБ, F. п. 1. 74 (XIII в.).
- 84 — Триодь постная. ГПБ, Соф. 84 (XIV в.).
- 85 — Стихирарь постный. ГПБ, Соф. 85 (XIII в.).
- 102 — Триодь постная и цветная. ГПБ, F. п. 1. 102 (XIII в.).
- 107 — Триодь постная и цветная. Загреб. ЮАЗУ, IVd. 107 (XIII в.).
- 110 — Триодь цветная. ГПБ, Соф. 110 (XIV в.).
- 122 — Октоих. ГПБ, Соф. 122 (XIII в.).
- 137 — Триодь постная и цветная. ЦГАДА, ф. 381, 137 (XII—XIII в.).
- 188 — Минея за сентябрь—октябрь, служебная, ГПБ, Соф. 188 (XII в.).
- 203 — Минея за май, служебная, ГПБ, Соф. 203 (XII в.).
- 319 — Триодь постная. ГИМ, Син. 319 (XII в.).
- 330 — Устав. ГИМ. Син 330 (XII в.).
- 472 — Триодь постная. ГПБ, Пог. 472 (XV в.).
- 522 — Минея праздничная, служебная. София, НБКМ № 522 (XIII в.).
- 680 — Триодь постная. ГПБ, F. 1.680 (XIV в.).
- 1136 — Устав. ГПБ, Соф. 1136 (XII в.).
- 1052 — Часослов. ГПБ, Соф. 1052 (XIV в.).
- 34.7.6 — Стихирарь. БАН, 34.7.6 (XII в.)

Г. Н. МОИСЕЕВА

Об участии И. Н. Болтина в работе над рукописью «Слова о полку Игореве»

Об участии И. Н. Болтина в работе над рукописью «Слова о полку Игореве» известно из сообщения А. С. Шишкова. В рецензии на перевод «Слова» Яковом Пожарским, изданный в 1819 г., А. С. Шишков писал: «Над переложением оной («Песни о полку Игореве», — Г. М.) трудились многие, и между прочим, известный своими в языке и словесности знаниями г. Болтин».¹

А. С. Шишков был знаком с людьми, близко знавшими И. Н. Болтина по деятельности в Российской Академии, основанной в Петербурге в 1783 г. И. Н. Болтин в числе первых был принят в члены Российской Академии одновременно с переводчиком и историком И. П. Елагиним, другом владельца крупнейшего хранилища древних рукописей — «Собрания российских древностей» — А. И. Мусиным-Пушкиным, избранным в члены Российской Академии в 1789 г.

Адмирал А. С. Шишков вошел в состав членов Российской Академии в 1796 г. В 1803 г. он опубликовал «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка», где уделял большое внимание древнерусским литературным памятникам. В первые же годы после выхода из печати издания «Слова о полку Игореве» 1800 г. А. С. Шишков начал готовить к нему свой перевод и комментарий, который был закончен в 1804 г.; в том же году он был награжден за этот труд «Большой золотой медалью» Российской Академии.² Перевод и комментарий А. С. Шишкова были опубликованы (одновременно с факсимильным переизданием «Слова» 1800 г.) в 1-й части «Сочинений и переводов, издаваемых Российскою Академиею» в Петербурге в 1805 г.

Можно думать, что в процессе работы над переводом и комментированием «Слова о полку Игореве» А. С. Шишков обращался с вопросами к участникам первого издания этого древнерусского памятника. И. Н. Болтин умер в Петербурге 6 октября 1792 г., И. П. Елагин в — 1794 г. А. И. Мусин-Пушкин, владелец и издатель рукописи «Слова», переехавший в 1798 г. из Петербурга в Москву, где и погребено в пожаре 1812 г. его замечательное «Собрание российских древностей», умер в 1817 г. Московские участники первого издания «Слова о полку Игореве» Н. Н. Бантыш-Каменский (умер в 1814 г.) и А. Ф. Малиновский (умер в 1840 г.) также могли сообщить А. С. Шишкову об участии И. Н. Болтина в работе над рукописью «Слова о полку Игореве».

¹ Некоторые примечания на книгу, вновь изданную под названием «Слово о полку Игоря Святославича, вновь переложенное Яковом Пожарским» с присовокуплением примечаний // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1827. Ч. 11. С. 384.

² См.: Коломинов В. В., Файнштейн М. Ш. Храм муз словесных: (Из истории Российской Академии). Л., 1986. С. 140.

В настоящее время можно уточнить, когда рукопись «Слова о полку Игореве» оказалась в Петербурге в «Собрании российских древностей» А. И. Мусина-Пушкина. В 1788 г. она уже не хранилась в ризнице Спасо-Преображенского собора Ярославского архиерейского дома,³ а в 1790 г. И. П. Елагин в рукописи своего сочинения «Опыт повествования о России» на боковом поле сделал вставку из начальных строк «Слова о полку Игореве».⁴ Таким образом, можно полагать, что с 1789—1790 гг. «любители российских древностей» (как называли себя А. И. Мусин-Пушкин, И. Н. Болтин и И. П. Елагин в предисловии к изданной ими в 1792 г. «Правде Русской») смогли начать работу над рукописью «Слова».

По удивительному стечению обстоятельств не сохранились архивы ни одного из «любителей российских древностей». Все рукописи И. Н. Болтина после его смерти в 1792 г. купила Екатерина II и подарила их А. И. Мусину-Пушкину.⁵ И. П. Елагин завещал все свое рукописное собрание, состоявшее из древних памятников и его собственных сочинений по истории России, также Мусину-Пушкину, который в 1803 г. издал одну часть из его многотомного «Опыта повествования о России». Всем известна трагическая участь хранившегося в Москве «Собрания российских древностей» Мусина-Пушкина. По-видимому там же погибла в 1812 г. и большая часть архивных материалов И. Н. Болтина и И. П. Елагина.⁶

Вопрос о роли И. Н. Болтина в подготовке первого издания «Слова о полку Игореве» впервые был поставлен Л. А. Дмитриевым.⁷ Исследователь убедительно показал, что Болтин принимал активное участие в составлении комментария к Екатерининскому переводу «Слова» и что для него было характерным ссылаться на «Историю российскую» В. Н. Татищева. Справедливость этих выводов полностью подтверждается анализом примечаний и к рукописному переводу «Слова», сохранившемуся в бумагах Екатерины II, и к первому изданию 1800 г. В полемике с А. В. Соловьевым, который полагал, что уже в раннем переводе «Слова о полку Игореве» видна роль Н. Н. Бантыша-Каменского,⁸ основательность доводов осталась за Л. А. Дмитриевым. Это подтверждается и тем, что в первом печатном издании «Слова» 1800 г. в отличие от Екатерининского перевода появилась ссылка на «Критические примечания генерал-майора Болтина на второй том Истории князя Щербатова». Комментарий относился к следующему отрывку из «Слова о полку Игореве».

«Слово о полку Игореве» н изд. 1800 г.

Всю ночь съ вечера босуи врани
взграяху, у Плънсьска(я) на болони (Ѡ)
бѣша дѣбрь Кисаню, и не сошлю къ
синуму морю.

Перевод

...во всю ночь съ вечера до свѣта
вороны каркали, усѣвши у Плънска
на выгонѣ въ дебри Кисановой, и не
полетѣли къ морю синуму.

³ См.: Моисеева Г. Н. Спасо-Ярославский хронограф и «Слово о полку Игореве». Л., 1984. С. 67—98.

⁴ См.: Козлов В. П. Доказательство «Словом» И. П. Елагина // Альманах библиофила. М., 1986. Вып. 21. С. 85—97.

⁵ Записки для биографии е. с. графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина // Вестник Европы. М., 1813. Ч. 72. С. 84.

⁶ Рукопись И. П. Елагина, состоящая из одиннадцати томов «Опыта повествования о России», в которой охвачена история от библейских времен до 1564 г. — времени правления Ивана Грозного, — в настоящее время хранится в ГПБ (F. IV. 651₁₋₆; F. IV. 34₁₋₅). В 1819 г. эта рукопись была передана в Публичную библиотеку по распоряжению Александра I, которому А. В. Казадаев предложил ее для издания (см.: Моисеева Г. Н. «Опыт повествования о России» И. П. Елагина в оценке Н. М. Карамзина // XVIII век. Л., 1986. Вып. 19. Пока недостаточно ясно, как попала к А. В. Казадаеву многотомная рукопись И. П. Елагина с личной дарственной надписью последнего: «Список сей, хотя несовершен, но мною несколько поправленный, предаю я другу моему Алексею Ивановичу Пушкину» (ГПБ, F. IV. 651₁, 1₃).

⁷ Дмитриев Л. А. История первого издания «Слова о полку Игореве». М.; Л., 1960. С. 309—310.

⁸ Соловьев А. В. Екатерининский список и первое издание «Слова» // «Слово о полку Игореве» в переводах конца восемнадцатого века. Zeiden, 1954. С. 5—7.

«(Я)» — это ссылка на т. III «Истории российской» В. Н. Татищева. Комментарий к ссылке «(Θ)» читается так: «Болтинъ въ Критич. примѣч. на 2 Томъ Истории кн. Щербатова на стр. 194 и 195 извѣщаетъ: „Болонье значить порожнее пространство между валовъ, окрестность города составляющихъ, которое служило для выгону скота, для огородов, а иногда и некоторые строения были там деланы“. — Въ Киевѣ, въ Нижнемъ городѣ выгонная за воломъ земля, по дорогѣ къ бывшему Межигорскому монастырю, и понынѣ называется Оболонье».⁹

Из сравнения комментария со ссылкой на «Критические примечания» И. Н. Болтина с переводом приведенного отрывка текста «Слова о полку Игореве» видно, что при переводе учтено понимание И. Н. Болтиным слов «на болоне» («на выгоне»).

«Критические примечания генерал-майора Болтина на первый (второй) том Истории князя Щербатова» в двух томах вышли из печати в 1793—1794 гг., уже после смерти автора. Но написан этот труд был еще в начале 80-х гг. XVIII в., когда началась печатная полемика И. Н. Болтина с М. М. Щербатовым, автором первых томов «Истории российской от древнейших времен», изданных Петербургской Академией наук в 1770—1771 гг.

В кругу «любителей российских древностей» И. Н. Болтин был общепризнанным и авторитетным знатоком истории России и древнерусского языка. По словам И. П. Елагина, Болтину принадлежала большая роль в подготовке издания «Правды Русской» 1792 г., так как он производил «сношения летописцев и слов объяснения» и в среде «любителей» «един по отменному знанию русской истории к изданию упрощен был и един трудился», и «естъ ли бы кто хотел из нас в чести сей ему поспорить, погрешил бы противу истинны».¹⁰

Благодаря дружеским связям с А. И. Мусиным-Пушкиным И. Н. Болтин широко пользовался «Собранием российских древностей», о чем упоминал в своих «Критических примечаниях»: «Летопись сию, как и многие древние рукописи, имею я от приятеля моего г. церемониймейстера Алексея Ивановича Мусина-Пушкина, который . . . собрал много книг весьма редких . . . невозбранно я, по дружбе его ко мне, оными пользуюсь».¹¹

В автобиографической статье А. И. Мусин-Пушкин также писал о том, что Болтин, «пользуясь его Собранием, написал критические примечания на Историю Леклерка и князя Щербатова».¹²

Первый том сочинений Леклерка «*Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie ancienne*» был издан в Париже в 1783 г. А в 1788 г. в Петербурге вышел из печати первый том «Примечаний на Историю древняя и нынешняя России г. Леклерка, сочиненных генерал-майором Иваном Болтиным».

В «Уведомлении читателю» И. Н. Болтин сообщает: «. . . безчисленные и грубые во всех родах ошибки . . . заставили меня возить мнение противное преждему и о сочинении и о сочинителе. Подвигнут усердием к Истине и к моему Отечеству, предпринял я сделать примечания на сию книгу».¹³

Остановимся на § XXXII «Примечаний» Болтина, в котором он, рассматривая главу «*Mythologies des Slaves*», пишет: «По окончании княжения Владимира 1-го, за благо рассудил Автор, оставя последование повести деяний, описать древнее богослужение Славян, почерпнутое им, как сам он признается, из сочинений г. Попова, изданных под именем „Досуги“. Г. Попов, будучи в древностях Славянских мало сведущ, внес в свою бас-

⁹ Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 23—24. (Лит. памятники).

¹⁰ Елагин И. П. Опыт повествования о России. М., 1803. Т. 1. С. 446—447.

¹¹ Критические примечания. . . СПб., 1793. С. 251—252.

¹² Записки для биографии. . . С. 80—81.

¹³ Примечания на Историю древняя и нынешняя России г. Леклерка, сочиненные генерал-майором Иваном Болтиным. СПб., 1788. Т. 1. С. II.

нословию все, что ему ни попалося без разбору, и многие такие вещи под статью богов поместил, кои никогда славянами боготворимы не были. . . Г. Леклерк к его догадкам и толкованиям прибавил свои, а к богам Славянским, Варяжским, Чудским, приложил Калмыцкие, Китайские и проч. Бога Хорса производят они от глагола корчить, не доказав подлинно ли слово сие есть Славянское или Руское». ¹⁴

И. Н. Болтин был прав, когда писал о том, что Леклерк «древнее богослужение славян» целиком почерпнул из сочинения М. В. Попова «Краткое описание славенского баснословия», в котором дана характеристика всем древним славянским богам и богиням. Леклерк ничего не добавил к известиям М. В. Попова о Корше, или Хорсе, о котором сообщалось, что «по имени его можно, кажется, признать оного Ескулапием, или богом болезней в том или другом смысле, ежели производить его название от глагола корчить». ¹⁵ Ср.: «. . . ils établirent encore un Esculape, sous le nom de Khors ou Korcha». В примечании к слову «Korcha» сказано: «Le nom de cet Esculape dérive du mot korchit, qui signifioit restreindre, recourir . . . les mous sans doute». ¹⁶

Сведения о богине Ладе также полностью перенесены Леклерком из книги М. В. Попова: «Ладо или Лада, богиня киевская, подобящаяся во всем Венере. Славяне признавали ее богинею браков и веселия любовного. Каждый сочетающиеся браком приносили ей жертву, надеясь снискать от нее счастливое себе супружество. Имя ее происходит от глагола „ладить“ и припевается поныне во многих любовных песнях.

Леля или Лелю, сын Ладин, нежный божок воспаления любовного». ¹⁷ Ср.: «Les Slaves y avoient pourvu, lorsqu'ils établirent parmi eux le culte d'une Déesse qui présidoit aux plaisirs de l'amour; ils la nommèrent Lada ou Lado.

Cette Vénis avoit plusieurs fils. Lélia ou Léliu, étoit un dieu enfant, qui faisoit naître l'amour dans les cœurs». ¹⁸

Представляет несомненный интерес выявить источник сведений М. В. Попова о «славенских кумирах». В древнейших русских летописях — Лаврентьевской (XIV в.) и Радзивиловской (XV в.) — содержится краткое известие об установлении языческих идолов: «И нача княжити Володимир в Киеве един, и постави кумир на холме вне двора теремного, Перуна древяна, а глава ему серебряна, а ус золот, и Хорса, и Дажбу бога и Стрибу бога, и Семарыгла, и Мокошь, и жряху им наричюще я боги». ¹⁹ Это летописное известие точно передал в «Истории российской» В. Н. Татищев: «Владимир, государствуя в Киеве, поставил на холме вне двора теремного кумир Перуна деревянный, глава ему серебряна, ус златый, да и других богов Хорса, Дажбу, Стриба, Семаргла и Моком, которым люди жертвы приносили и богами их именовали». ²⁰

Но в «Древней российской истории» М. В. Ломоносова помимо названных выше богов упоминаются и другие: «По Перуне, — пишет Ломоносов, — имел Волос первое место, коему покровительство скота приписывалось. . . Погвизд, Похвист или Вихрь — бог ветра, дождя и ведра, Еол российский; Лада (Венера), Дид и Лель (купидоны), любви и браков

¹⁴ Там же. С. 97—98.

¹⁵ Краткое описание славенского баснословия // Досуги, или Собрание сочинений и переводов Михайла Попова. СПб., 1772. Ч. 1. С. 194.

¹⁶ Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie ancienne par M. Le Clerc. Paris, 1783. Tom premier. P. 187.

¹⁷ Краткое описание славенского баснословия. С. 195.

¹⁸ Histoire . . . par M. Le Clerc.

¹⁹ Летопись Несторова с продолжателями по Кенигсбергскому списку до 1206 года // Библиотека российская историческая, содержащая древния летописи и всякие записки, способствующие к объяснению истории и географии российской древних и средних времен. СПб., 1767. Ч. 1. С. 70.

²⁰ Т а т и щ е в В. Н. История российская с самых древнейших времен. М., 1773. Кн. 2. С. 61.

покровители. . . Купалу, богу плодов земных, соответствующему Цересе и Помоне, праздновали перед началом сенокоса и жатвы в двадцать четвертый день июня. . . Отстоянием полугодового времени почитался Коляда, праздничный бог, декабря в 24 число. . . Всеми сами идолами наполнены были улицы и поля около Киева и по всей России распространялись Владимиром суеверным повелением прежде просвещения».²¹

П. Н. Берков уже писал о том, что «Древняя российская история» Ломоносова оказала огромное влияние на формирование славянской мифологии конца XVIII в., в частности на сочинения М. Д. Чулкова «Краткой мифологический лексикон» и М. В. Попова «Краткое описание славянского баснословия».²² Но необходимо обратить внимание и на источник сведений Ломоносова. Это «Синописис, или Краткое собрание от различных летописцев о начале славянского народа» — труд профессора Киево-Могилянской Академии Иннокентия Гизеля, опубликованный впервые в Киеве в 1674 г. и выдержавший в период с конца XVII по XVIII в. одиннадцать изданий.

Это первое печатное сочинение по русской истории, оказавшее большое воздействие на развитие исторических знаний в России XVIII в.²³ «Синописис» повлиял на труды Феофана Прокоповича и Ломоносова. Иннокентий Гизель, один из выдающихся украинских просветителей второй половины XVII в.,²⁴ сделал попытку написать свое сочинение с учетом традиций античной исторической науки. «Синописис» откликнулся на общественно-политические вопросы, волновавшие русское и украинское общество второй половины XVII в.²⁵ Его составитель рассматривал русскую историю в контексте мировой истории и поэтому пантеон древнеславянских богов и богинь был приведен в известное соответствие с античной мифологией. Начало этому отождествлению античных богов с древнерусскими было положено М. Стрыйковским, который писал в «Хронике литовской, польской и жмудской и всей Руси» о том, что «болван Волос уже почитаем бе за скотия и леснаго бога (якоже бе у Аркадов господин Фаунус и протчая)».²⁶ Сочинение Стрыйковского, как показано А. И. Роговым, оказало огромное влияние на «Синописис» Иннокентия Гизеля.²⁷ Почти через сто лет, в 1767 г., М. Д. Чулков включил всех этих славянских богов и богинь наряду с героями античной литературы и истории в «Краткой мифологический лексикон».

В «Синописисе» сказано, что Владимир Святославич, «помяная. . . братию убиенную, нача ставити богомерзкие идолы в Киеве и по окрестных горах и полях киевских, творя им честь и поклонение божественное сам и всем людям повелевание творити». В отдельной главе «О идолах» Иннокентий Гизель впервые сообщил о «должностных обязанностях» древнерусских богов: Владимир Святославич «постави начальнейшаго кумира, именем Перуна, бога грома, молния и облаков дождевых. . . Второй идол бысть Волос, бог скотов. Третий, Позвизд, иннии же прозваша его Похвист, неции нарицаху Вѣхром, исповедующе бога быти Воздуха, ведра

²¹ Ломоносов М. В. Древняя российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года. СПб., 1766. С. 98—100.

²² Берков П. Н. Славяноведческие интересы Ломоносова // Науч. бюл. Ленингр. ун-та. Л., 1946. № 11—12. С. 40—44.

²³ См.: Ремин И. П. К истории общественной мысли на Украине второй половины XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1954. Т. 10. С. 212—222.

²⁴ См.: Ничик В. М. Из истории отечественной философии конца XVII—начала XVIII в. Киев, 1978. С. 27—44, 244—267.

²⁵ См.: Пештич С. А. «Синописис» как историческое произведение // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 284—298.

²⁶ Летописание Матвея Стриковского от начала мира трудолюбием отцев и многих летописателей написана и во свет дана на польском языке таже написана на славянский лета от сотворения мира 7196, от Рождества бога слова 1688. Списана при Академии наук 1758 году — БАН, 32.11.4, т. 1, л. 176 об.

²⁷ См.: Рогов А. И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его хроника). М., 1966. С. 300—303.

и безгодия. Четвертый идол Ладо: сего имеяху бога Веселия и всякаго благополучия. Жертвы ему приношаху, готовящихся к браку, помощью Лада мяще себе добро веселие и любезно житие стяжати. Сия же мерзость от древнейших идолослужителей пройдыде, уже неких богов Леля и Полеля почитаху, их же богомерзкое имя и до ныне по неким странам на сонмищах игралищных пением Лёлум, Полелум возглашают. Такожде и мать Лёлеву и Полелеву Ляду поуще Ладо, Ладо, и того идола ветхую прелесть диавольскую на брачных веселиях рукама плещуще и о стол биюще воспевают».²⁸

Иннокентий Гизель, бывший в годы составления «Синописа» архимандритом Киево-Печерского монастыря, сообщив о языческих празднествах, благочестиво добавляет: «. . .от сего православному христианину всячески блюстися подобает». Но это не помешало ему продолжить далее рассказ «об идолах»: «Пятый идол Купало, его же бога плодов земных быти мяху. Шестый идол Коляда, бог праздничный, ему же праздник велий месяца декабря 24 день . . . а прочие богопротивныя мерзости измышляемы бывають, их же и писанию предати не подобает. Разве тех бесовских кумир, еще и иные идолы мнози бяху по имени: Усляд или Осляд, Кёрша или Хорс, Симаергля или Семаргля, и Макош или Мокош. Им же бесом помераченные людие, аки богу, жертвы и хваления воздаваху».²⁹

Выше уже приходилось говорить о том, что весь этот древнеславянский пантеон вошел в «Древний российский летописец» Ломоносова (1766), в «Краткой мифологический лексикон» М. Д. Чулкова (закончен в 1767 г., но вышел из печати позднее «Краткого описания славянского баснословия» М. В. Попова).

Во второй половине XVIII в. существовала сложившаяся традиция в интерпретации древнерусских языческих «идолов». Она вошла в «Историю российскую от древнейших времен» М. М. Щербатова, автор которой соединил летописные известия об установлении Владимиром Святославичем в Киеве в 980 г. изобразений Перуна, Хорса, Дажбога, Стрибога, Семаргла и Мокоша со сведениями «Синописа»: «. . .поставлены были. . . и еще другие: Волос, бог скотов; Подвиз или Похвист, бог непогод и вихрей; Ладо, богиня веселия, Леля и Полеля и Купила, бог плодов земных и множество других, которым поклонялись».³⁰

Лада как богиня любви упомянута А. Н. Радищевым в «Путешествии из Петербурга в Москву». В главе «Валдай» он пишет: «Сей городок достопамятен в рассуждении любовного расположения его жителей, а особливо женщин незамужних. . . Бани бывали и ныне бывают местом любовных торжествований. Путешественник, условясь о пребывании своем с услужливою старушкою или парнем, становится на двор, где намерен принести жертву воображаемой Ладе».³¹

И. Н. Болтин, как мы помним, резко отрицательно отозвался в «Примечаниях на Историю древняя и нынешняя России г. Леклерка» об описании «Древнего богослужения славян», почерпнутого автором «из сочинений г. Попова».

Как мы увидим ниже, понимание Болтина нашло отражение в интерпретации и, следовательно, в переводе текста «Слова о полку Игореве», в котором достаточно широко представлен пантеон древнеславянских языческих богов начиная с Велеса, Дажбога, Стрибога и Хорса.

Следует отметить, что в Екатерининской копии «Слова о полку Игореве» и в переводе с комментарием слово «велесовъ» в словосочетании

²⁸ Синопис, или Краткое собрание от различных летописцев о начале славяно-русского народа. . . Киев, 1680. С. 45—46.

²⁹ Там же. С. 49.

³⁰ Щ е р б а т о в М. М. История российская от древнейших времен. СПб., 1770. Т. 1. С. 245—246.

³¹ Р а д и щ е в А. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 300.

«велесовъ внуче»³² не выделено прописной буквой. Следовательно, первоначально это слово не было понято как собственное имя древнерусского языческого бога. В первом издании 1800 г. слово «Велесовъ» написано с прописной буквы и к нему дан комментарий: «Велесъ, славянский въ язычествѣ Богъ, покровитель стадъ. Его считали вторымъ после Перуна. По названію Бояна внукомъ Велесовымъ, кажется, что онъ жил до принятія въ Россіи христіанской вѣры».³³

Фразы «Се вѣтри, Стрибожи внуци» и «Погиболисть жизнь Дажь-Божа внука» и в Екатерининской копии, и в издании 1800 г. получили комментарий.

Примечания в бумагах Екатерины II

Стрибогъ былъ кумирь, въ Кіевѣ поставленный Владиміромъ со многими другими идолами. Ему приписывали власть надъ вѣтрами.³⁴

Дажбогъ былъ кумирь княземъ Владиміромъ, въ Кіевѣ съ прочими идолами поставленный. Но почему сочинитель Половцовъ именуеътъ внуками Дажбожевыми, точно сказать сего не можно.³⁵

Примечания в издании 1800 г.

Стрибогъ (Славенскій Эоль) кумирь во время язычества въ Кіевѣ боготворимый; ему приписывали власть надъ вѣтрами.³⁶

Кумирь, в Кіевѣ боготворимый, — податель всякихъ благъ. Пользующіеся благоденствіемъ, какъ даромъ Дажь-Божевымъ, названы его внуками.³⁷

Менее всех «кумиров» повезло Хорсу, названному в летописях вторым после Перуна. В Екатерининской копии «Слова о полку Игореве» это имя написано с прописной буквы: Всеслав Полоцкий «великому Хрѣсови волкомъ путь прерыскаше»,³⁸ а смысл отрывка передан так: «. . . къ великому Херсоню путь по волчью пересѣкалъ».³⁹ Очевидно, что слово «Хрѣсови» было понято как название города, равно как «до Куръ Тмутороканя» — «до Курска и Тмутороканя». В первом издании «Слова о полку Игореве» слово «хрѣсови» начинается со строчной буквы, а в переводе оно вообще отсутствует («князь Всеславъ. . . сам ночью какъ волкъ рыскалъ»); в комментарии же к этому фрагменту текста сказано: «не вразумительно».⁴⁰

Выше нам приходилось говорить об отрицательном отношении И. Н. Болтина к интерпретации древнерусской языческой мифологии, заимствованной Леклерком из сочинения М. В. Попова. Несколько иначе Болтин воспринимал «Краткой мифологический лексикон» М. Д. Чулкова, откуда заимствовал при составлении комментария к языческим «кумирам», упоминаемым в «Слове о полку Игореве», сведения о Велесе⁴¹ и о Дажбоге, которого «почитали подателем благ».⁴² Обратим внимание на то, что в «Кратком мифологическом лексиконе», расположенном по алфавиту, нет упоминания о Хорсе. Таким образом, можно высказать предположение, что Болтин, решительно не приняв толкования М. В. Попова («по имени его можно. . . признать. . . Ескулапом, или богом болезней»), не мог составить своего собственного представления о значении слова «Хрѣсови», поэтому в комментарии к «Слову о полку Игореве» и появилось честное признание в непонимании: «не вразумительно».

Совсем по-иному отнесся Болтин к интерпретации имени Лада. Остановившись на характеристике Леклерка, он пишет: «Богиня, председательствующая при удовольствиях любовных, названа Ладо или Лада».

³² ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 366, т. 7, л. 27 об., 37 об.

³³ Слово о полку Игореве. С. 7.

³⁴ ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 366, т. 7, л. 40.

³⁵ Слово о полку Игореве. С. 12.

³⁶ ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 366, т. 7, л. 43 об.

³⁷ Слово о полку Игореве. С. 17.

³⁸ ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 366, т. 7, л. 33 об.

³⁹ Там же, л. 49 об.

⁴⁰ Слово о полку Игореве. С. 36.

⁴¹ Ч у л к о в М. Д. Краткой мифологический лексикон. СПб., 1767. С. 21.

⁴² Там же. С. 29.

«Сын у нее был Леля или Лелю . . . Название Ладо происходит от глагола „ладить“, то есть „соглащать“. . . Что же принадлежит до производства имени Ладо от глагола „ладить“, сие одинаково есть рода с производством имени Хорса от глагола „корчить“». ⁴³

Как же понимает Болтин слово «ладо»? Ссылаясь на бытование этого слова в народном творчестве, он предлагает совершенно иное его толкование: «Во многих старинных песнях, каковы в деревнях женским полом поются, слово „ладо“ употребляется в переносном смысле вместо „муж“. В одной из таковых, которую я мог привести себе на память, содержание состоит в том: в некоторый летний красный день, на лужайке при дуброве, собралися молодые женщины в хоровод, где под тению дерев и при легком прохладительном ветерке, пели и плясали. Между тем приметили, что одна из них была задумчива и невесела, спрашивают ее о причине того; конечно, говорят ей, свекор твой угрюм, или свекровь брюзглива? Нет, отвечает она им, свекор и свекровь до меня ласковы, но Ладо мой нраву угрюмого и сердитого: „У меня Ладо змея скорпея, шипит не укусит, к себе не припустит“, и проч». ⁴⁴

В «Слове о полку Игореве» четыре раза, как известно, встречается слово «лада»: три раза в плаче Ярославны и один — в плаче русских жен. Обратимся к рассмотрению отрывков текста «Слова» в переводе, сохранившемся в бумагах Екатерины II, и в печатном издании 1800 г.

Текст «Слова о полку Игореве» в изд. 1800 г.

Ярославна рано плачеть въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: О вѣтрѣ вѣтрило! Чему Господине насильно вѣнешь? Чему мычещи Хиновскыя стрѣлки на своєю не трудною крылицю на моея лады вои?

О Днепре Слоутуцию! Ты лелѣяль еси на себѣ Святослави насады до вльку Кобякова: възле-лѣи господине мою ладу къ мнѣ, а быхъ не слала къ нему слезъ на море рано.

Свѣтлое и тресвѣт-ное слънце! всѣмъ тепло и красно еси: чему господине простре горячюю свою лучю на ладѣ вои? въ поле безводнѣя жаждею имъ лучи съпря-же туюю имъ тули затче. ⁴⁵

Перевод «Слова» в Екатерининской копии

Ярославна рано плачеть въ Путивлѣ на забралѣ гор-вора: О вѣтре, вѣтре! Къ чему господине насильно вѣнешь? Къ чему мычещь на легкихъ своихъ крыльяхъ стрелков Хиновскихъ на мои хъ любезныхъ воевъ?

О Днѣпре славный! . . . Ты носилъ на себѣ Свято-слави насады до полку Кобякова; принеси господине моего любезного ко мнѣ, чтобъ не слала я къ нему слез на море рано. . .

Свѣтлое и пресвѣтлое Солнце! всѣмъ тепло и красно еси: к чему господине простерло еси горячие свои лучи на милые вои? Къ чему в поле безводномъ при жаждѣ ихъ устремляешъ на нихъ свои лучи и творишь при горести неспособными тули их? ⁴⁶

Перевод «Слова» в изд. 1800 г.

Ярославна поутру плачеть въ Путивлѣ на городской стѣнѣ приговаривая: О вѣтеръ, вѣтрило! Къ чему ты такъ сильно вѣнешь? Къ чему ты такъ сильно вѣнешь? Къ чему навѣваешъ легкими своими крылами Хиновскія стрѣлы на мильныхъ мне воиновъ. . .

О славный Днѣпръ! . . . Ты носилъ на себѣ Святославовы военныя суда до стану Кобякова; принеси же и ко мнѣ моего милого, чтобъ не посылатъ мнѣ къ нему слезъ своихъ по утрамъ на море. . .

О свѣтлое и пресвѣтлое солнце! для всѣхъ ты тепло и красно: но къ чему ты так уперло знойные лучи свои на милыхъ мнѣ воиновъ? Къ чему въ полѣ безводномъ, муча ихъ жаждою, засушило ихъ луки, и къ горести колчаны ихъ закрѣпило? ⁴⁷

Совершенно очевидно, что слово «лада» в плаче Ярославны в обоих переводах «Слова о полку Игореве» понято именно так, как толковал его

⁴³ Примечания на Историю древния и нынешняя России г. Леклерка. С. 110.

⁴⁴ Там же. С. 111.

⁴⁵ Слово о полку Игореве. С. 38—39. (Здесь и далее разрядка автора статьи).

⁴⁶ ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 366, т. 7, л. 50—50 об.

⁴⁷ Слово о полку Игореве. С. 38—39.

И. Н. Болтин в своих «Примечаниях на Историю древняя и нынешняя России г. Леклерка», т. е. 'муж', 'милый'. Так же передано это слово в плаче русских жен, узнавших о трагическом исходе похода Игоря на половцев.

Текст «Слова о Полку
Игореве»
в изд. 1800 г.

Перевод «Слова»
в Екатерининской копии

Перевод «Слова»
в изд. 1800 г.

Жены Рускія въспла-
кашась аркучи: уже намъ
своихъ милыхъ
ладъ ни мыслію смыс-
лити, ни думою сдумати,
ни очима съглядати. . .⁴⁸

Жены Рускія възрыдали
глаголюще: уже намъ
своихъ милыхъ
ладъ ни мыслію взмыс-
лити, ни думою вздумати,
ни очима узрѣти. . .⁴⁹

Зарыдали тутъ жены Рус-
скія, приговаривая: «Уже
намъ объ милыхъ сво-
ихъ ни мыслію взмыслити,
ни глазами ихъ уви-
дѣть. . .⁵⁰

Таким образом, в переводе «Слова о полку Игореве» нашли отражение взгляды И. Н. Болтина на древнеславянскую языческую мифологию. Особенно ясно это сказалось на понимании тех отрывков текста «Слова», где упоминалась Лада. На это обратил внимание С. Глинка. В своей статье «Баснословие славян, сравненное с заблуждением древних народов» он писал: «. . . г. Болтин в примечаниях своих на Леклеркову историю говорит, что Ладо значило муж, и что признание Ляды богинею любви и утех несправедливо».⁵¹

Пытаясь определить степень участия И. Н. Болтина в работе над рукописью «Слова о полку Игореве», мы сталкиваемся с необходимостью буквально по крупицам собрать наблюдения из его печатных трудов и обратить внимание на его участие как члена Российской Академии в подготовке «Словаря Академии Российской».

В протоколах заседаний Российской Академии многократно говорится о большой работе, проведенной Болтиным. Он давал ценные советы о внесении в «Словарь» «имен государств, столиц, главнейших морей, величайших островов с кратким описанием пределов, климата, местности, народов, населяющих оную, и прочее».⁵² С его мнением особенно считались, когда речь шла о древнерусском языке. Так, указывалось, что в споре о написании глаголов «определено последовать мнению Ивана Никитича Болтина и писать глаголы в настоящем времени, прибавляя второе лицо для различия в спряжениях».⁵³

В 13-м пункте протокола заседания от 25 ноября 1786 г. записано: «Его превосходительство Иван Никитич Болтин подавал примечаниями своими многие полезные советы, к совершенству словаря служащие, соучаствовал в Комитете, разсматривающем труды сочинителей, и сообщал Академии выписанные слова из многих книг церковных, яко плод долговременных трудов своих; вспомоществовал и вспомооществует в исправлении Словаря».⁵⁴

На заседании 27 декабря 1791 г. возник спор о словах «воскресаю» и «воскрешаю». В протоколе записано: «. . . члены Академии его превосходительство Иван Никитич Болтин принял на себя труд сделать краткое объяснение корня слов *воскресение, воскресаю* и пр.».⁵⁵

В протоколе заседания Российской Академии от 10 января 1792 г. читаем: «Секретарь (И. И. Лепехин, — Г. М.) читал определения на слово *крес*, сделанные и сообщенные членом Академии, его превосходительством Иваном Никитичем Болтиным, которое должно служить корням словам:

⁴⁸ Там же. С. 20.

⁴⁹ ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 366, т. 7, л. 44.

⁵⁰ Слово о полку Игореве. С. 20.

⁵¹ Друг просвещения: Журнал литературы, наук и художеств. М., 1804. С. 36.

⁵² ААН, ф. 8, оп. 1, № 1, л. 42.

⁵³ Там же. л. 43.

⁵⁴ Там же, л. 109.

⁵⁵ Там же, л. 244 об.

воскресение, воскресая и проч. Разные сему слову определения были следующие: *крес*. Слово сие в отдаленной древности означало по славянски *жизнь, бытие*, но в последующие века из употребления вышло, и токмо слабые следы его остались в простонародной поговорке, которая в некоторых областях употребляется, говоря о человеке, вдавшемся безрассудно в предприятие, весьма трудное и опасное, или в отношении к имеющему поведению дерзкое, запрямечливое: *ему на кресу не бывать*, сиречь не быть ему живому, не сносить ему своей головы». ⁵⁶

Членами Российской Академии объяснение И. Н. Болтина было принято, но в то же время «собрание заблагорассудило, не входя ни в какие древние объяснения и выводы, поставить его просто так: *кресь, са*. См. сл. обветшалое, вышедшее из употребления, означавшее в глубокой древности *жизнь, явь, явленность; то, что явлено, открыто, зримо*: Ему на кресу не бывать, т. е. ему не спасти жизнь, ему на яву не бывать». ⁵⁷

При комментировании «Слова о полку Игореве» было использовано несколько слов в интерпретации Словаря Академии Российской (забрало, тур, буй, гоголь), но в печатном тексте, естественно, мы не можем уловить связь объяснения слова с составителем данного толкования. Однако в некоторых случаях определить авторов-составителей позволяют нам протоколы заседаний.

Так, истолкование И. Н. Болтиным слова «кресь» вошло в перевод и в комментарий «Слова о полку Игореве».

Екатерининская
копия

Перевод
«Слова»
в бумагах
Екатерины II

Текст «Слова»
в изд. 1800 г.

Перевод
«Слова»
в изд. 1800 г.

О! далече зайде соколь, птиць бя къ морю: а Игорева храбраго полку не кресити. ⁵⁸

О! далеко залетелъ соколь къ морю птиць бѣя: а Игорева храбраго воинства уже не воскресить. ⁵⁹

О! далече зайде соколь, птиць бя къ морю: а Игорева храбраго полку не кресити (щ)

О! далеко залетѣлъ ты соколь, побывая птиць у моря: а Игорева храбраго войска уже не воскресити. ⁶¹

(щ). Ясное здѣсь знаменованіе глагола *крешу* доказываетъ, что слово *воскресене* точно от того происходитъ. ⁶⁰

С июня 1792 г. И. Н. Болтин перестал из-за болезни посещать заседания Российской Академии, а в протоколе заседания от 9 октября 1792 г. записано: «Председатель Академии ея сиятельство княгиня Екатерина Романовна Дашкова объявила собранию о кончине достойнейшего Академии члена Ивана Никитича Болтина, генерал-майора и члена Государственной военной коллегии, коего обширные познания в российском слове великим и отличным было пособием в общем Академии труде. Сведения же его в отечественном нашем бытописании, снисканные многолетним, непрерывным трудом, и созданные им о сем предмете сочинения, соделают память его незабвенного даже и у поздних потомков». ⁶²

Эти заслуги И. Н. Болтина были отмечены и в печатном издании «Словаря Академии Российской», изданном в шести томах в 1789—1794 гг.

В автобиографической статье А. И. Мусина-Пушкина сообщается о судьбе архива И. Н. Болтина: «. . . по кончине г. Болтина все трудов его

⁵⁶ Там же, № 2, л. 1.

⁵⁷ Там же, л. 1 об.—2.

⁵⁸ ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 366, т. 7, л. 30 об.

⁵⁹ Там же, л. 43 об.

⁶⁰ Слово о полку Игореве. С. 19—20.

⁶¹ Там же.

⁶² ААН, ф. 8, оп. 1, № 2, л. 32.

бумаги и книги по высочайшему повелению куплены и ему (А. И. Мусину-Пушкину, — Г. М.) пожалованы». ⁶³ Далее перечислены основные рукописные сочинения Болтина, перешедшие во владение Мусина-Пушкина: «В числе бумаг сих, простиравшихся до ста связок, найдены: 1) Перевод Энциклопедии, до буквы К, набело переписанный его собственной рукою; 2) Историческое и географическое описание наместничеств, в коем обстоятельно показано древнее и нынешнее состояние народов и городов, местоположение, границы, нравы, обычаи и суеверия, число жителей, их промыслы, почва земли, реки, озера, произрастания, государственные доходы, выгоды и недостатки; 3) Толкового российского словаря буква А; да и для продолжения сего великого и трудного сочинения тут же найдены материалы; и 4) Выписки уразумления древних летописей с изъяснением древних слов, из употребления вышедших, и географических мест, упоминаемых в летописях наших. Из сих выписок графом Пушкиным выбрано описание народов, приложенное к исследованию его о местоположении Тмутараканского княжения». ⁶⁴

Еще М. И. Сухомлинов отмечал: «Трудами Болтина несомненно воспользовался Мусин-Пушкин в описании городов и урочищ, изданном в виде приложения к исследованию о тмутараканском княжестве. Сам издатель указывает, какие именно статьи заимствованы им у Болтина. В числе источников названы Мусиным-Пушкиным рукописный географический словарь Болтина и рукописные географические описания наместничеств: Владимирского, Киевского и Черниговского. . . Исключительно из рукописей Болтина заимствованы статьи: Чернигов, Изяславль, Кабаново, Несвиж, Пинск». ⁶⁵ Можно думать поэтому, что и при комментировании географических понятий «Слова о полку Игореве» были широко использованы труды Болтина.

Участие И. Н. Болтина в работе над рукописью «Слова о полку Игореве» стало важной ступенью в изучении этого великого памятника Древней Руси.

⁶³ Вестник Европы. М., 1813. Ч. 21. С. 84.

⁶⁴ Там же. С. 84—85.

⁶⁵ С у х о м л и н о в М. И. История Российской Академии. СПб., 1880. Т. 5. С. 99.

Р. А. СЕДОВА

Служба митрополиту Петру

Среди жанров средневековой литературы Служба — один из наиболее сложных и наименее изученных видов гимнографического творчества. Служба включает в себя ряд малых жанровых форм: тропари, стихиры, каноны, икос и кондак и др. Это целая система песнопений и чтений, посвященных прославляемому святому или празднику. В Службу могли входить Житие и Похвальное слово.

Автором Службы митрополиту Петру считается митрополит Киприан. Время ее создания — 1380—1381 гг., как убедительно доказал Г. М. Прохоров, датируя Минею, куда вошел и ранний список Службы,¹ 80-ми гг. XIV в. Эту же дату называет Н. Дончева-Панайотова исходя из содержания Службы.² В. Сл. Киселков считает, что Служба Петру написана вскоре после Жития. Он указывает и известные ему списки Службы XV—XVI вв.³

Список Службы в составе Служебной Минеи конца XIV в. (ХГНБ им. Короленко, № 816281) самый ранний. В заголовке этого списка названо имя Киприана: «Месяца того ж, 21. Предпразднество и святых мученици Оульянии. И преставление иже въ святых отца нашего Петра новаго чудотворца митрополита святейшия митрополи роускоя. Съписа же се смиренный митрополит тоя же митрополи Киприан». Остальные, более поздние списки Службы, представляют, как правило, ее сокращенный вариант и часто имя Киприана в заголовке не называют.

Однако несомненно, что полный вариант первоначален. Дело в том, что в конце XIV в., когда создавалась Служба, на Руси проходил ряд реформ, касающихся богослужения. Участником этих реформ был и Киприан. Он способствовал смене Студийского устава (нач. IX в.), по которому составлялись ранние древнеславянские службы, на Иерусалимский. При Киприане в 1397 г. сделаны переводы Устава для Новгородского Рождественского монастыря монахами Яковом и Пименом, а в 1401 г. еще один перевод Устава выполнен Афанасием Высоцким.⁴ Возможно, что обращение Афанасия к Иерусалимскому уставу осуществлялось под влиянием митрополита Киприана, если учесть то, что в 1381—1382 гг. ему, тогда игумену Серпуховского монастыря, были адресованы ответы Киприана относительно порядков монастырской жизни и что в 1382 г. Афанасий вместе с Киприаном последовал в Киев во время второго изгнания митрополита из Москвы князем Дмитрием Донским.⁵ Сам Киприан при-

¹ Прохоров Г. М. Древнейшая рукопись с произведениями митрополита Киприана // Памятники культуры. Новые открытия. Л., 1978. С. 26.

² Дончева-Панайотова Н. Киприан — старобългарски и староруски книжовник. София, 1981. С. 203.

³ Киселков В. Сл. Проуки и очерти по старобългарска литература. София, 1956. С. 224—225.

⁴ См.: Сергий, архимандрит. Полный месяцеслов Востока. М., 1875. Т. 1. С. 18; Голубинский Е. Е. История русской церкви. М., 1901. 1-я пол. тома. С. 187—188, 330; Мясцев И. Церковный устав (Типик). М., 1885. С. 271—272.

⁵ Прохоров Г. М. Киприан // ТОДРЛ. М., 1985. Т. 39. С. 56—57.

водил в соответствие с Иерусалимским уставом Псалтырь следованную, которой затем и пользовался.

И Службу митрополиту Петру, первому московскому, а затем и общерусскому святому, он также составил по Иерусалимскому уставу.⁶

Для понимания композиции Службы важно учитывать, что по времени Память Петра, 21 декабря, совпала с предпраздником Рождеству Христову. Согласно Иерусалимскому уставу предпраздничные службы и службы святым совершались одновременно таким образом, что рождественские стихиры, каноны и богородичны чередовались со стихирами и канонами святому. Служба Петру содержит три канона — один рождественский и два Петру, которые объединены попесенно так, что сначала идут первые песни каждого из трех канонов, затем третьи,⁷ далее три четвертые вплоть до последней, девятой, песни. Таким образом, первые тропари каждой песни принадлежат рождественскому канону, вторые — первому канону Петру, третьи — второму канону. По греческой традиции между шестой и седьмой песнями канонов читается Житие Петра.

Составленная митрополитом Киприаном Служба Петру состоит из двух частей: вечерней и утренней, как следовало по Иерусалимскому уставу. Она начинается стихами «Блажен муж» и «На Господи възвах», после которых следуют три предпраздничные стихиры и три стихиры Петру, затем тропарь-слава ему же и предпраздничный тропарь. За прокимном — чтение «От Премудростей» и «От Притчей Соломона», после чего — три стиховные стихиры Петру. Затем чередуются три тропаря Петру и два тропаря предпраздничных, которыми заканчивается вечерняя часть. На утренней службе до чтения «непорочных» исполняются четыре тропаря — два предпраздничных и между ними два Петру, первый из которых тропарь-слава. После непорочных следуют седалны: предпраздничный и Петру, затем полиелей, потом предпраздничный тропарь и еще один седален Петру. Следующие за ними степенны, прокимен, отрывки из Евангелия от Иоанна, 50-й псалом (покаянный) и стихира Петру предшествуют канонам.

Каноны — один предпраздничный и два Петру, — как уже говорилось, состоят из восьми песен. После третьей песни канона следует предпраздничный кондак и икос, затем — седален Петру и предпраздничный тропарь. После шестой песни канона, перед чтением Жития — кондак и икос Петру. После канонов звучат шесть хвалитных стихир, три предпраздничные и три Петру, тропарь-слава Петру, великое славословие и ектеня с последующим отпустительным тропарем.

Говоря о творчестве средневекового автора, следующего данной композиционной модели, С. Э. Кожухаров отмечал: «Гимнограф средних веков вполне зависел от строго установленных правил моделирования гимнографической композиции. Территория его творческой свободы ограничена рамками господствующего конструктивного регламента. В своем произведении он не вписал бы шесть стиховных стихир для великой вечерни, так как половина из них была бы лишней, или, положим, две „славы“ после стихир к стиху „Господи възвахъ“, потому что одна из них была бы ненужной, или же два кондака, два отпустительных тропаря — по тем же причинам; в канонах счет песен всегда будет вестись от первой до девятой, но нет древнеболгарского канона, в котором мы нашли бы вторую песню,

⁶ Может быть, поэтому митрополит Киприан дополнил Псалтырь именем митрополита Петра наряду с именами других славянских святых, служба которым уже свершалась по Иерусалимскому уставу: Параскеве Пятнице, Иоанну Рыльскому, Илариону Мегленскому, Арсению и Саве Сербским. Имя митрополита Петра в этой Псалтыри — единственное из имен русских святых, нет даже имен Бориса и Глеба. См.: М а в с е т о в И. Митрополит Киприан в его литургической деятельности. М., 1882. С. 68—70.

⁷ Вторая песнь опускалась во всех канонах, кроме великопостных.

после первой всегда следует третья, так как вторую песню могут содержать одни лишь великопостные каноны».⁸

Каждый из этих жанров выполняет свою роль именно в заранее заданном композиционной моделью контексте. Так, например, место стихир в Службе — после псалмов: стихира — тропарь, вторящий стиху псалма; ее содержание показывает связь воспеваемых событий с ветхозаветными. Обращение к событиям священной истории при оценке современных — явление, распространенное в Древней Руси, что уже и отмечалось на примерах летописей, княжеских житий, житий святых, поучений и других жанров.⁹ То же самое можно проследить и исследуя жанр Службы.

Уже первый псалом в самом начале Службы — «Блажен муж» — напоминает о ветхозаветных праведниках, которые, живя среди бесчестия и неверия, не встали на путь грешных. В стихах «На Господи возвах» — молитва, чтобы Господь оказал милость и прощение согрешившим, а также выражение надежды на искупителя-Мессию, надежды на вечное спасение. Содержание этих псалмов как бы предопределяет содержание рождественских стихир: они прославляют появление Христа как спасителя всех, кто ожидал его пришествия. В трех стихирах далее восхваляется Петр:

«Кыми похвальными венци увяземъ святителя: священничеству венца, благочестия управление, светло церкви украшение, источника божественных исцелений неисчерпаемого, пролитие дарований духовных, реку многих чудесъ; земля Руская веселяща теченьми, Петра, теплаго представителя нашего и хранителя! (Дваци).

Кыми смиренныи устнами въспоимъ святителя, дивнаго въ чудесехъ и бесплотнымъ съжителя, освященного от пелець, столпа церкви неподвижима, веселие земли нашей, правде правило, сиротамъ питателя, обидимымъ заступника и больнымъ врача безмездна!

Придете верныхъ сбори, псаломски въсплещемъ руками, печальнымъ утеху и отчаанымъ заступника, божественаго Петра въспевающе, похвалу земли Русстей и всего священства украшение, реку милости, въистину божественаго Христова смирения ревнителя, поющаго мирови велию милость!»

Далее следует тропарь:

«Святому. Глас 1. Самогласен. Божественаго свыше явления светло-стию умомъ просветився. Петре, твердыи умомъ, закон избеже естественнай, яко же сень. Благодети истинною всемудре окропленъ, отнюду же приятелище Пресвятаго Духа бывъ, чудесемъ даръ въсприять, обогащая сими чаяда своя. И ныне, съ пръвосвятитель предстоя, Христови молися о душахъ нашихъ».

Место стихир на стиховне — за выборочными цитатами из ветхозаветных текстов «Премудростей» и «Притчей Соломона», на основе которых составлялся новый текст, соответствующий прославляемому событию. Обобщенный смысл их обретал конкретность в коротких стихирах на стиховне, т. е. стихирах, которые присоединяются к особым стихам, приспособленным к празднику.¹⁰

«На стиховне стихиры. Глас В. Подобен „Доме Евфрафов“. *Доме Евфрафов и граде святой, пророком слава. Украси дом, в нем же божественный раждается.* Дом духовный, поспешение благодати. Петръ явися, имъ же ныне съшедшеся того въспоимъ.

Стих: „Священници твои“. *Священници твои облекутся в правду и преподобнии твои возрадуются.* Радуйся, святителемъ Петре — похвала, священникомъ слава, правило инокомъ, церкви утвержение.

⁸ К о ж у х а р о в С. Э. Типологические параллели между византийской и славянской гимнографиями // Славянские культуры и балканы. София, 1978. С. 258.

⁹ Л и х а ч е в Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967. С. 280—286.

¹⁰ Самих стихов в харьковском списке Службы нет, по принятому Уставом обычаю указано лишь их начало. Текст их приведен по списку Службы Петру из Минеи Германа Тулузова (ГБЛ, ф. 304, № 514, 1628 г.). Здесь они выделены курсивом.

Стих: „Въсхваляются преподобнии“. *Въсхваляются преподобнии во славе и возрадуются на ложах своих.* Приими ныне пение чадъ твоих, отче, и любуимъ ты подавай обычна прощения».

Седальны исполняются вслед за чтением псалмов, содержанием которых определяется их смысл. В данном случае первый седален исполняется после чтения 118 псалма «О непорочных», второй — после полиелея, т. е. 134—135 псалмов. Во втором случае наблюдается связь седальна с псалмом не только по содержанию, но и по форме. Припев «Яко во век милость его», который поется после каждого стиха, используется в первых строках седальна:

«Седален святому. Глас Г. Подобен „Красоте девства“.

Милостивому бо угоднику, незлобивому и кроткому, вси тебе прилежно молися и любовию зовем: разреши межособную страстей наших брань, раздруши бесовскаа мечтания, присноблажене, всяческих избави искушений любовию воспевающих тя».

Даже определение жанра здесь зависело от местоположения данного текста в композиционном ряду, на что уже обратил внимание Д. С. Лихачев: «Многие виды церковных песнопений различались не по форме и содержанию, а по тому, в какой церковной службе и в какой части этой службы они исполнялись».¹¹ Например, после стихир на стиховне следует тропарь-слава Петру. Именно он снова читается перед каноном, но в качестве стихир, потому что перед ним читался 50-й «покаянный» псалом. Жизни грешников противопоставляется праведная жизнь Петра: «Придете вси вернии согласно въспомоимъ Петра всеоблаженнаго: благочестия светило, въздержания правило, терпению столпа, простоте сокровище, смирения реку независтную, нищим утеху, страннымъ странноприемника и истинна любве Христовы делателя во истинну ближняго. И съй убо, и живъ прешед, человекомъ заступникъ и святитель показася, болезнемъ и страстемъ неисцелным, всяческимъ напастемъ исцелитель, Христа молитъ спастися душамъ нашимъ. Та же спаси, Боже, люди своя».

Из приведенных выше примеров видно, какую роль играл контекст. Предусмотренный композиционной моделью, он предопределял содержание, смысл и значение последующих гимнов. То же самое можно сказать и о восприятии Жития Петра в контексте всей Службы. Согласно греческой традиции Житие святого, как уже говорилось, помещалось между шестой и седьмой песнями канона. В контексте, после знакомства с предшествующей частью Службы, Житие находило другую оценку слушателя, так же как и последующие произведения, находящиеся в составе Службы, воспринимались затем через факты Жития. О различных уровнях восприятия культовых текстов писал Ю. М. Лотман: «Церковно-культовый текст очень часто строится по принципу многоярусной семантики. В этом случае одни и те же знаки служат на разных структурно-смысловых уровнях выражению различного содержания».¹²

Предопределенная содержанием псалмических текстов, стихир, тропарей, шестью песнями канона, биография святого обретает особый сакральный смысл. Причем содержание некоторых гимнов как бы заранее ориентировано на отдельные эпизоды Жития. Приведу несколько примеров.

Сон-видение матери еще до рождения Петра.

1. Житие: «Еще бо ему сущу в утробе матерни, в едину от ноций, свитаючи днени недели виде видение таково мати его. Мнеше бо ся ей агньца на руку дръжати своею, посреде же рогу его древо благолиственно израстъше и многими цветы же и плоды обложено, и посреде ветвей его многы свеще светящих и благоухания исходяща. И възбудившися, недоу-

¹¹ Лихачев Д. С. Поэтика. . . С. 49.

¹² Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М., 1970. С. 87.

меаше, что се или что конецъ таковому видению. Обаче аще и она недомышляшеся, но конецъ последе с удивлениемъ яви, еликими дарами угодника своего Бог обогати».

Третья песнь второго канона Петру: «Инь ирмос: Первовечному. Позна тебе отъ чрева, богоносе, всеведый Богъ: прежде создатися въ утробе, освящаетъ тебе зиждителя душамъ и пастыря велика».

2. Житие: «Единою же, яко во сне, виде отрок некоего мужа въ святительскихъ одеждахъ пришедша и ставша над нимъ и рекша ему: „Отверзи, чадо мое, уста своя“. Оному же отверзшу, святитель десною рукою прикоснулся языку его, и благословивъшу его, и яко же некоею сладостию гортань его наливашу. И абие възбудися отроця и никого же виде. И от того часа вся, елика написоваша ему учитель его, малымъ проучениемъ изучааше, яко и в мале времени всехъ сверьстникъ своихъ превъзыде и предвари».

Служба: «Слава святому. Божественаго свыше явления светлостию умомъ просветився Петре, твёрдый умомъ, законъ избеже естественный, яко же сень. Благодети истинною всемудре окропленъ, отнюду же приятлище Пресвятаго Духа бывъ, чудесемъ даръ възсприять, обогащая сими чада своя».

3. Житие: «И оттоле убо святейший патриархъ Афанасий на всякъ день беседы душеполезныя простирааше, святителю Петру глаголя сице: „Блюди убо, чадо и брате о Христе възлюбленный, в каковыи и колики подвигъ вышелъ еси. Се тебе великийъ корабль Христосъ Богъ поручилъ есть наставляти и правити и къ пристанищемъ спасения привести. Да не обленяшася никогда же, да не уныеши, да не отяготишася великимъ попечениемъ величества и множества земля Руская. Се преемникъ быти апостольскаго служения, делателя тебе Христосъ винограда своего постави. Буди подражатель апостоломъ, буди ученикъ истинный Спасовъ“».

Служба: «Слава святому. Благопоживъ в мире житие чисто, просветивъ учениемъ вселенную, святительства примъ паству, темъ примъ даръ чудесъ от Бога, отче Петре. Апостоломъ наследниче, Христа-Бога моли да спасеть душа наша».

4. Житие: «Тогда посланный патриархомъ клирикъ писания и словеса преподобному святителю Петру предъ всеми являет. И велику мятежу бывшу о лъживомъ и льстивомъ оклеветании свяятаго. . . Кротка убо учителя кроткий ученикъ, во всемъ ему последуя, глаголаше бо къ всемъ: „Брате и чадо о Христе възлюбленна! Не унши есмъ азъ Ионы пророка. Аще убо мене ради есть волнение се великое, иждените мене, и уляжетъ молва отъ васъ. Почто убо ради мене подвижетесь толико?“ Обаче онемъ учителя ради и пастуха добраго всемъ спирающимъ, изыскати хотящимъ, кто и откуда есть, иже таковаа словеса лъживая на отца нашего и святителя възведый, обаче злому делатель не утаится, но всемъ в явление прииде неправедное еже на святаго Андреево облъгание, и предъ всеми посрамлен и уничиженъ бысть. Святыи же Петръ ничто же не сотвори ему зла, но предъ всеми словесы утешительными поучивъ его».

Третья песнь второго канона: «Незломъ въздержания страстей море разделилъ еси, блажене, яко же Моусей. И на бестрастна гору възыде, приемъ разумныя скрижали, перковь научи Христову закону духовному».

5. Житие: «И яко убо прохожаше места и грады Божий человекъ Петръ, прииде в славный градъ, зовомый Москва, еще тогда мало сушу ему и не многонародну, яко же ныне видимъ есть нами. В томъ убо граде быше обладау благочестивый великий князь Иоанъ сынъ Даниловъ . . . и зело възлюби его Божий святитель. И начатъ болшее инехъ местъ жити в томъ граде».

Същещеваетъ же съветъ благ князю, съветуя ему, яко да сътворить перковь каменемъ съставлену, во имя пречистыя владычица наша Богородица и приснодевица Мариа, пророчествовавъ сице: „Аще мене, сыну, послушаеши и храмъ пресвятой Богородици въздвигнеши въ своемъ граде, и самъ прославишися паче инехъ князий. и сынове и внуци твои в роды, и градъ

сый славен будет в всех градах Русских, и святители поживуть в нем, и възьдут «руки его на плеща враг его», и прославиться Бог в нем. Еще же и мои кости в нем положени будут»».

Постройка Успенского собора и погребение в нем тела митрополита Петра — именно эти события послужили поводом для создания первого канона, 3, 6, 7, 8 и 9-я песни которого содержат обращения к Петру как покровителю и защитнику города Москвы. Не только в Древней Руси, но и повсеместно святой, погребенный в главном храме того или иного города, считался его хранителем, защитником от врагов. Предшествующие Житию обращения к Петру в третьей и шестой песнях канона краткие, сравнительно спокойные: «Сокруши супостаты безбожныа, преподобне Петре, моление си к Творцу и Богу нашему и силу их вооруженую на ны поганьскаго нашествия покори верному князю нашему»; «Храни град свой, святителю Петре преблажене, от безбожных и чужеверных нахождениа». Следующие за Житием обращения к Петру в восьмой песне более трагичны и протяженны: «Вооружаются на люди твоя смиренна, святителю пречестныи Петре, сынове агаряни. Но съкруши их невидимо силою молением си, отче Петре, ко Владыце за присныа рабы своя».

В последних стихирах гимнограф вновь обращается к событиям, уже воспетым. А после них читается заключительный, наиболее торжественный из всех тропарь-слава:

«Ины стихиры святому. Глас 8. Преподобне отче Петръ, ты ещё во утробе матерне святительства прозвание приимь, нареченое от Бога. Ты изъмлада Христа възлюбилъ еси, приимь от Бога паству словесных овецъ, добре пасяше церковь Божию — темъ твое празднуемъ усмение, радуясь, Христа величаем. Преподобне святителю Петре, испроси яже къ Богу молитвами си церкви утверждение, святителя, покрыи молитвою своею и христоролибивоу князю победы дая на врагы и удоление, неподвижиму и необориму граду твоему, и вернымъ людемъ греховъ оставление, всемъ притекающимъ к раце мощи твоих, за ны, святителю, помолися.

Преподобне отче, богомудре Петре, ты воистину явися, омраченаа сердца наставляя на пут истиньныи. Ты бысть убогимъ и вдовицамъ заступник, вельможамъ твердое наказание и всемъ вернымъ, притекающимъ къ пречистей Божии матери, испроси, святей, греховъ оставление.

Слава святому. Глас 3. Всякъ град и страна славьному граду нашему срадуется празднующе днесъ, ибо дивный врачъ и спаситель нашъ, великий Петръ, и богоноснаго врачества лечебы предлагает, к непрестаннымъ лечебамъ всех тихо созва не хитростьми челоувечьскими, ни обяганиемъ, но действомъ Духа Святаго, душевное и телесное исцеление паче естъства подавая, его же и приемлюще доволне родъ всех и възрасть всех, славим Христа-Бога подавающаго его, ради того възпевающи велию милость».

Как было показано выше, содержание одного текста дополнялось содержанием другого и служило основой для третьего, было содержательной параллелью четвертому и т. д. Смысловая связь всех составляющих коротких «витиеватых и пышных похвал» выливается в своего рода повествование, торжественность и эмоциональность которого к концу Службы нарастает. «Это были литературные принципы, способные передать пышность, торжественность тем и подъем чувств своего времени».¹³ Это была особая форма стиля «плетение словес», о котором С. Э. Кожухаров применительно к жанру Службы писал: «С введением Иерусалимского устава наступает существенный момент в развитии жанра Службы, происходит увеличение объема литературной формы, повышение ее экспрессивных потенций. Развитие богослужения является предпосылкой, порождающей новые явления в стиле гимнографического жанра — в гимногра-

¹³ Л и х а ч е в Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков. Л., 1973. С. 84.

фию вторгается стиль „плетение словес“.¹⁴ Еще раньше, на IV Международном съезде славистов, говоря о задачах второго югославянского влияния, Д. С. Лихачев обратил внимание на то, что «стиль „плетение словес“, стиль второго югославянского влияния, отразился только в „высокой“ литературе средневековья, в литературе церковной по преимуществу. Следует обратить внимание на одну чрезвычайно важную особенность, пронизывающую все формы церковного стиля средневековья, которую своеобразно развивал новый стиль: основное, к чему стремятся авторы высокого стиля, — это найти общее, абсолютное и вечное в частном, конкретном и временном; „нечестивое“ в вещественном, христианские истины во всех явлениях жизни».¹⁵

Исследование Службы митрополиту Петру позволяет нам видеть, как стиль «плетение словес» отразился в гимнографическом творчестве Киприана.

При этом нужно отметить, что мы имеем возможность говорить о творчестве Киприана как гимнографа лишь благодаря тому, что существует такой список Службы Петру, который появился при самом авторе и, вероятно, при его участии. На примере других списков, в заголовках которых упоминалось имя Киприана, этого сделать было бы невозможно, так как почти все списки Службы механически сокращались, отчего первоначально заданная модель нарушалась, т. е. нарушалась и смысловая связь составляющих Службу жанров. В том случае, когда этот список дополнялся новыми произведениями, возникала новая смысловая связь. Но это уже был труд другого гимнографа (примером может быть Служба митрополиту Петру, которая вошла в Минеи Германа Тулупова, — ГБЛ, Троицкое собр., № 514, 1628 г., л. 226 об.—259 об.).

При изучении художественных особенностей Службы митрополиту Петру необходимо выделить группу стихир «Кими похвальными венцы». Это святительские стихиры. Форма их традиционна. Но при всей традиционности формы они давали возможность творческого подхода, своеобразной поэтической импровизации на одну и ту же тему.

В древнерусской письменности эти стихиры восходят к самой ранней из служб русским святым — Борису и Глебу. «Церковная Служба Борису и Глебу составлена в первой половине XI века Иоанном I, митрополитом Киевским, принимавшим участие в установлении празднования памяти святых мучеников».¹⁶

Стихиры Борису и Глебу: «Стихиры на стиховне. Глас 2: Кыми и (схвальными). Кыми похвальными венцы венчаимъ певаемая, разделеная телесема и свъзкушленая душею, вернымимъ людемъ теплая заступника, земля русьскыя удобрение и всея вселенныя наслаждение, мужеумнамъ смысломъ бесовскую деръжаву раздрушивъше, Христовомъ подобиемъ подающаго миру велико милость?»

Кыми песеньными добротами украсимъ певаемая Романа, силу имущаго на страсти доблестями, и Давида? Купно оба рвьнителя, светиле, присно сияющи и озаряющи светомъ добродетели благочестивыя вься: Христовы бо уведавъша заповеди божественныя, преставистася славно, всемъ подающа миръ и велию милость».¹⁷

Стихиры Борису и Глебу обнаруживают сходство и частичное совпадение с теми же стихирами в Службе Стефану Сурожскому, которая была

¹⁴ Кожухаров С. Э. Типологические параллели. . . С. 258.

¹⁵ Лихачев Д. С. Некоторые задачи изучения второго югославянского влияния в России // Исследования по славянскому литературоведению и фольклористике: Докл. сов. ученых на IV Междунар. съезде славистов. М., 1960. С. 117.

¹⁶ Абрамович Д. И. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пгр., 1916. С. XX.

¹⁷ Там же. С. 137—138.

написана в первой половине XIII в.¹⁸ Стихиры Стефану «Кыми похвальными венци» помещены перед канонами этому святому.¹⁹

«Ины стихиры. Глас 2, подобен „Кыми похвальными венци“.

Кыми похвальными венци увяземъ святителя — священиеству венца, благочестью управление, церкви светлое украшение, источника божественных исцеления неисчерпаемого, пролития дарования духовных, реку многих чудес? Отрасли Сурожский веселяща течения Стефана, теплаго предстателя нашего и хранителя.

Кыми смиренными устнами въспоймъ святителя, дивнаго в чудесех и бесплотным служителя, освященнаго от пелень, столпа церкви неподвижия! Веселие земли Сурожской, царю нечестивому обличителя и православию исповедника и Христа ради от незаконных заушаема.

Придете сурожстий собори, псаломьский восплетем руками, печальным утеху и отчаянным заступника блаженнаго Стефана воспевающе божественнаго Христова смирения ревнителя. Похвала земли Сурожской всей той стране украшение, народу нашему везде промысленика, подающаго мирови велию милость».

Этот же тип стихир был использован митрополитом Киприаном при составлении Службы митрополиту Петру. Текст их повторяет стихиры Стефану Сурожскому, лишь заменены имена собственные и географические названия.

Свои стихиры с тем же началом «Кыми похвальными венци» посвятил митрополиту Петру Иван Грозный. Они вошли в стихирарь крюковой (ГБЛ, Троицкое собр., № 428. Стихиры Петру, XVI—XVII вв., л. 96 об.—104 об.), где помещены сразу же после стихир митрополита Киприана. Начало их перекликается со стихирами митрополита Иоанна I, где говорится о воспеваемом святителе, «разделеная телесема и совокупленая душею». Во второй стихире автор упоминает фактический эпизод из Жития Петра — посрамление еретика Сеита. Каждый из стихов он заканчивает повторениями: «землю Русскую веселящи течения, Петра, теплаго предстателя нашего и хранителя».

«Ины стихиры, глас той ж. Творение царя Иоанна, деспота Российскаго. Кыми похваленными венцы увяземо святителя, иже плотью в Руси суца и духовно всемъ достигающа чисте того любяще вернымъ предстателя и заступника, иже всемо скорбнымъ утешителя, благочестия реку, землю Рускую веселящу течения, Петра, теплаго предстателя нашего и хранителя.

Кыми пророческими пении венчаемо святителя, нечестию спротивобоеца и благочестию правителя, освященнаго ото пелено, столпа церкви неподвижнаго, иже всея злобения посрамляюща, потребителя Сеитова, реку многих чудесо, землю Рускую веселящу течения, Петра, теплаго предстателя нашего и хранителя.

Кыми духовными пении воспоимо святителя, иже далная суца провидящая и отстоящая, яко близко суца пророчествующа неложено, иже явлением Пречистыя первосвятителю являющуюся, дивнаго в чудесех исцеления всемо подавающа, землю Рускую веселящу течения, Петра, теплаго предстателя нашего и хранителя».

В свою очередь по типу стихир «Кыми похвальными венци» были составлены стихиры, входящие в Службу Арсению Тверскому. Арсений был поставлен Тверским епископом в 1390 г. митрополитом Киприаном. Каноны и стихиры Арсению были написаны в XV в. иноком Успенского Желтикова монастыря Феодосием.²⁰ Они входят в состав Службы уже по самому раннему из известных списку в сборнике служб русским святым

¹⁸ См.: Васильевский В. Русско-византийские исследования: Жития св. Георгия Амастридскаго и Стефана Сурожского. СПб., 1893. С. CLXXIX.

¹⁹ Цит. по: ГБЛ, Троицкое собр., № 617. Трефолог русским святым, XV—XVI вв., л. 68 об.

²⁰ Дмитриева Р. П. Феодосий // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 171—172.

второй половины XV в. (ГПБ, Софийское собр., № 410, л. 56—72). Стихиры эти помещены после канона в качестве «хвалитных стихир».

«Киими похвальными венцы увязем святителя. Благодестия управлениа, целомудриа рачителя, светлое церкви украшение, источника божественных исцелений, пролитие даровании духовных, реку многихъ чудесь, землю нашу веселяща, новаго чудотворца Арсения, предстателя нашего и хранителя.

Киими духовными песньми похвалимъ Арсения священнаго дивнаго в чудесех и бесплотныхъ съжителя, освященнаго от пелень, столпа церкви неподвижима, веселие земли нашеи, инокомъ врача безмездна.

Киими песенными добротами ублажимъ Арсения досточюднаго, печальнымъ утешение, похвалу земли нашеи, святителемъ украшение, реку милости вьистинну. Божественнаго Христова смирения ревнителя, подающаго мирови велию милость».

Стихиры «Кыми похвальными венцы» были не только святительские, но и княжеские. Может быть, эта традиция также идет от первоначального их посвящения князьям Борису и Глебу. В качестве примера можно привести стихиры Александру Невскому. Общецерковное прославление Александра Невского впервые состоялось только при митрополите Макарии на Московском соборе 1547 г. Тогда же ему был составлен канон владимирским иноком Владимиром. Составление Службы Александру Невскому также, видимо, должно относиться к этому времени.

«Кыми похвальными венцы венчаемъ блаженнаго; царемъ благодестивымъ скипетръ, княземъ православнымъ похвала, дивнаго в чудесех бесплотныхъ съжителя, источника божественныхъ исцелений неисчерпаемаго, реку чудесь многих, пролитиа даровании духовных, земля Руския веселяще чудесь течении, Александра Премудраго восхвалим.

Кыми похвалными венцы увяземъ блаженнаго, святителемъ — похвала, священству венца и священникомъ слава, благодестия управление, церкви светлое украшение, врача премудраго и богоприятна, исцелевающа недуги и болезни наша, Александра воспоим, веселящися.

Кыми смиренными устнами воспоимъ блаженнаго, солнце превелие, звезду рускую пресветлую, всечестныя Троица молитвеник, печальнымъ великую утеху и отчаяннымъ заступника, Александра божественнаго воспевающе, похвалу земли Русстей, княземъ православнымъ держава и всего священства украшение, реку милости воистинну, смирения Христова божественна и болнымъ врача безмездна.

Кыми духовными песньми воспоимъ преславнаго светила незаходимаго, солнца мысленаго, правде правило, веселие земли Рустии и крепость граду нашему и забрало, сиротамъ питателя, обидимымъ заступника, столпа светлаго, просвещаго чудесь светлостыми и подающаго мирови велию милость».²¹

В Службе Петру и Февронии Муромским, появившейся в XV в., эти же стихиры составлены, видимо, на основе устно-поэтических преданий, которые легли и в основу житийной повести XVI в.²² Содержание стихир выходит за рамки традиционного. Оно насыщено фольклорными мотивами.

«Киимы похвальными венцы веньчаемъ блаженнаго Петра вкупе с премудрою Феврониею, разделенныхъ теломъ, совькупленныхъ благодатию, ового яко премудра зима победившаго, ову же яко целомудрию схранюци и сего ради сошедшися. Воспоемъ песньми радостными, сице глаголюще: радуйтесе прехвалнии царемъ благодестивымъ скипетре и княземъ православнымъ похваление, земли Рустеи заступление, отечеству своему хранителя. Вас бо бессмертия славы венцы венчаетъ Христос Бог, имея велию милость».

²¹ ГПБ, Софийское собр., № 421. Миняя вт. пол. XVI в., л. 206 об.—207.

²² См.: История русской литературы. Л., 1980. Т. 1. С. 211.

Киими песнными добротами въсхвалимъ Петра блаженнаго съ премудрою Феврониею, яко богоразумнии криле прелетевшия от земли на небо, и приближивъшаяся престолу святыя Троица, и со ангелы весело ликоствующыя, и Христови молящася о устроении мира, и о сохранении земля Рускиа, и от нашествия съпротивных, и междуусобныа брани, о иже любовию въсхваляющихъ и непрестанно чтущих муромскихъ чудотворцевъ.

Киими песнями духовными блаженныхъ, сплетшихся любовию вкупе, обою песнями радостными воспоемъ сице глаголяще: радуйтесь блаженни и треблаженни въ благои любви поживши, смирение и пощение хранящи и милостыню дарующи. О ней же рече сам Господь: „Блажени милостиви, яко ти помиловани будутъ“. И сего ради вопиемъ к вамъ сице: „Преславный Петре вкупе с премудрою Феврониею, молити Христа о граде сродъствия вашего и намъ ниспослати и даровати миръ и велию милость“.

Киими смиренными устнами воспоемъ Петра блаженнаго съ пречестною Феврониею, явившихся въ Русей земли новыхъ чудотворцевъ и светиль незаходимыхъ, солнца мысленнаго звезды пресветлыя, просвещающая весь миръ чудесъ светлостию, печальнымъ утешение, пленнымъ избавление горкия работы, крепость и забрало граду нашему. Темъ же приидите вси вернии, праздникъ блаженныхъ псаломски торжествуемъ, да молитвами ихъ вражия шатания вся Христосъ низложитъ, имея велию милость“.²³

На вопрос, какие ко времени создания Службы митрополиту Петру, т. е. к концу XIV в., существовали посвященные ему литургические произведения, пока нет возможности дать определенный ответ. Но уже обзор списков Службы позволяет сделать некоторые предварительные выводы.

Все списки Службы митрополиту Петру представляют сокращенные варианты самого раннего, принадлежащего Киприану. Один из самых ранних списков вошел в Псалтырь следованную (ГБЛ, Троицкое собр., № 849). На четвертом листе датирующая надпись: «Псалтырь со воследованием по описи 1464 года. . .». Заголовок киноварью: «Стихиры новому чудотворцу Петру митрополиту. Глас 2, подобен».

Список Службы включает стихиры «Кыи похвальными венци», первый тропарь-славу «Божественнаго свыше явления», затем второй «Придете вси вернии». Далее заголовок: «И ныне, Бог. Гласу тропари оба писаны декабря 21 на утрени. Седален святому, глас 1». Следует седален, который в списке Киприана помещен после полиелея «Великий Христов святитель», затем опять седален «Милостивому бо угоднику», исполняемый по харьковскому списку перед степенной и прокимном. После седальна следует отрывок из Евангелия от Иоанна, снова повторяется тропарь-слава «Божественнаго свыше явления». Затем следуют два канона Петру, причем кондак и икос рождеству Христову после 3-й песни опущены.

После шестой песни канона заголовок: «Кондак „Възбранному и дивному“. Писано декабря 21». Следует текст икоса, соответствующий харьковскому списку («Новый чудотворецъ явися, исцеление подавая всем»). Перед канонам — светилен, и вся Служба заканчивается стихирами на стиховне «Домъ духовный, поспешение благодати» и заключительным тропарем-славой «Всяк град и страна».

Следует обратить внимание на то, что никаких новых текстов этот список Службы не содержит; стихиры, тропари, кондак выделены специальными заголовками и датированы 21 декабря. Но имя Киприана как автора не названо, хотя в этом же сборнике перед Службой Петру (л. 334—347) помещены «Канонъ Христу и Богоматери на поганья молебен» и «Канонъ молебенъ к Господу нашему Иисусу Христу в усобныхъ бранехъ и иноплемныхъ» как творения святейшего патриарха Филофея (киноварью) и

²³ ГПБ, ОЛДП, Q 688. Сборникъ службъ и житийъ святыхъ. XVIII в., л. 89 об.—90.

«Потружение (т. е. перевод, — Р. С.) же Киприана, митрополита Киевского и всея Руси» (черными чернилами).

В декабрьской минее XV в. (ГПБ, Ф.1. 152) автором Службы Петру (л. 221 об.—231 об.) назван Киприан: «Месяца декабря в 21. Преставление иже во святых отца нашего Петра новаго чудотворца, митрополита святейшия митрополии русския. Списа же смиренны митрополит тоя же митрополии Киприан». Это тоже сокращенный список, но от двух предыдущих он отличается тем, что сохраняет такую последовательность текстов, какая свойственна раннему, харьковскому, списку.

Но после седальна в Службе по этому списку помещен новый кондак, которого нет в харьковском списке: «Явися днесь пресветлая память твоя, святителю Петре блаженный, в мире светло сияючи и всем божественное сияние».

Новым в Службе по списку ГБЛ (Троицкое собр., № 640) является седален Петру после полиелея (здесь он определен как «икос»): «Премудрости украшашеся премудростию и разумом гордыню низложил еси и плотския тягости, и бысть обитель Духу Пресвятому. Непременным сияюще разумом ко любящему тя, — тем ревностию разгарася божиею славне, сирым убо и вдвоящам бысть заступник явися, ангелом — сужитник, святителю Петре, моли Христа-Бога грехом оставление даровати, любовию чтущим святую память твою». После третьей песни канона за икосом «Явися днесь пресветлая память твоя» следует еще один новый кондак: «Ис чрева материя прежде освященнаго Петра святителя ныне похвалим, земли Русей утвържение, благодатны дары приимъше, божественныя славы в чудесех славнаго, вси вернии притекаючи к раце мощем твоим. Темъ азъ убоги, недостойны и грешны милости прияти надеюся въ день судныи сдеяны ми золь. Моляся к владыце и пречистей матери его, молитвами твоими, святые, всем подаеши божественное сияние».

В тrefолое русским святым XV—XVI вв. (ГБЛ, Троицкое собр., № 617) сокращенный список Службы тоже дополнен большим количеством новых посвященных Петру произведений. Новые стихиры помещены сразу же за чтением первого псалма «Блажен муж». Только после них следуют стихиры «Кыми похвальными венци» — первые в Службе, составленной Киприаном.

«Преподобное отче Петре, ты еще в утробе матерни святительства прозвание, имя приемъ наречение, ты измлада Христа възлюбил еси, приемъ от Бога паству словесных овецъ, добре упаслъ еси церковь божую. Темъ твое празднуемъ успение. Радостию сердечною Христа величающе възвеличившаго своего угодника. (Дважды).

Преподобне святителю Петре, испроси яже к Богу молитвами ти церкви утверждение, святителя, покрый молитвою своею, и христоробивому князю победы на врагы даруй, и удоление неподвижому и необориму граду твоему, и верным людем грехов оставление — всем, притекающим к раце мощей твоих, за ны, святителю, помолимся.

Преподобне отче Петре, богомудре святителю, ты явися въ истину омраченая сердца наставляя на путь истинны, ты бысть убогимъ и вдвоящамъ заступникъ и вельможам твердо наказание и всемъ верным, притекающим къ пречистей божии матери, испроси грехов оставление».

Чтения «От премудростей Соломона» здесь другие, чем по харьковскому списку. Их выбор определен, кажется, предварительным знанием Жития Петра, а именно, сюжета оболгания Петра тверским епископом Андреем и посрамления его на переяславском соборе. Приведу фрагмент из этого текста: «Правда же избавляет от смерти: умеръ праведны — оставит пркущагося. Напрасна же бывает нечестивым погыбель. Правда же непорочнаго право наставляя, в нечести же впадаете безаконныи. Правда ж мужа права и избавить я, нечестиемъ ж своимъ погыбае законпреступникъ. Умершу же мужу праведну не погыбае упование, похвала нечестивых погыбае. Праведник же от сети избавится за иже предаеся нечестивым

въ усте законопреступникъ сеть гражаном, чювьствие ж праведным спешно благыми. Правыми исправится град в погыбели нечестивым. Радости благословением праведных възвысится град. Устны же нечестивых раскопаются. Подражаютъ граждане скудны умомъ, мужь мудр безмолвие вводить».

Заканчивается вечерняя часть Службы тремя новыми стихирами и тропарем-славой: «Стихиры. Глас 2, самогласен. Христово стадо словесных овец на злаце благочестья добре упасль еси, святителю, тем же и по преставлении церковная чада не остави, посещая, и яко святей Троице предстоя, и молися спасти всех, иже твое честное усупение любовию почитающих.

Петре прехвальне, тезоименитаго твоего ради жития и сладости языка и рассужения доброрассуднаго пастыря людем Христос вручаетъ, его же моли спасти и ущедрити всех, иже светлую память твою празднующих и честное усупение твое любовию почитающих.

Петре преславне и молитвениче о душах наших, днесь преславно, святителю, от своих къ своимъ честно преходиши да своим шествиемъ всех освятиши и радости наполниша, иже память твою любовию празднующих и честное преставление твое верою славящих, и прилежно воиющих: „Моли, молимся, спаситися душамъ нашимъ“.

Слава. Глас 8. Град освятися и народи благословишася, и церковь первоородных духомъ ликоствуетъ въ честное преставление твое, святителю Петре, с людьми, зовуще: „Ты моя крепость и утверждение, ты моя доброта, и тобою хвалюся. Моли спаситися всем, иже любовию всемирное твое усупение присно славящих“.

Утренняя часть этой Службы начинается тропарем-славой «Благоверно пожив в мире», которым заканчивается вечерняя часть Службы по харьковскому списку. Затем новый седален: «Глас 3, подобен „Божии вере“. Град и люди, иже честное твое усупение празднующих, невечерним светом просвети свыше, тем просвети божественую благодать ниизпросли, да вси ты присно ублажаем и любовию воиим: „Петре прехвальне, моли Христа-Бога спаситися душамъ нашим“.

Эта часть Службы была написана на отдельной тетради, вшитой затем в рукопись, другим почерком, небрежно, крупными утолщенными буквами. Продолжение — опять другим почерком, но мелким, ровным, аккуратным. Может быть, поэтому вслед за седалем и предпраздничной стихирой снова следуют чтение из Псалтыри и седален Петру «Великий Христов святитель», как и по харьковскому списку — первый седален утренней части Службы, исполняемый перед полиелеем. Затем следуют послеполиелейный седален «Милостивому бо угоднику», прокимен и отрывки из Евангелия и первый канон Петру. После канона — светилен и новые хвалитные стихиры: «На хвалитех стихиры. Глас 8. О преславное. Преподобное отче Петре, ты вшед на лествицю божественаго разума, к Богу приближаяся насынения от него даръ приемъ, исцеляя недуги неисцельны и отгоняя духы омрачныя. Тем твое усупение празднуем, радости сердца Христа величающе, возвеличившаго своего угодника.

Преподобне отче богомудре Петре, ты воистину явися други Моисеи, свобожая и наставляя новаго Израиля от прельсти лютаго фараона и приводя на землю обещания, в небесныя ограды, идеже ныне ликует у престола всех царя. За ны непрестанно к нему, отче, помолися.

Радуйся, всекрасне Петре, ты измлада Христа възлюбиль еси, кумирь гнушася и мерьских идолеслужени, церковь себе освятиль еси, обителище быт пресвятому Духу, его ж исполнися, троичнаго божества, его ж проведаль еси за своя чада, к нему, отче, помолися».

Завершается эта Служба Петру тропарем-славой «Всяк град и страна», великим славословием и отпустом.

Все то новое, что не обнаруживается в Службе Киприана и что содержит список ГБЛ, Троицкое собр., № 617 (первые стихиры, которые не-

традиционно помещены перед святительскими «Кými похвальными венци»; чтения «От премудростей Соломона», связанные по смыслу с эпизодом, известным еще по Первоначальной редакции Жития Петра, — оболганием его епископом Андреем; наличие новых седальных, стихир, которыми заканчивается вечерняя часть Службы, и, наконец, хвалитные стихиры, завершающие Службу) — все это позволяет поставить вопрос: не существовал ли более ранний вариант Службы митрополиту Петру подобно тому, как существовала до Киприана Первоначальная редакция Жития митрополита Петра? Ведь литургические произведения, посвященные Петру, должны были появиться вскоре после его смерти. В грамоте патриарха Константинопольского Иоанна IV Калекки к митрополиту Киевскому Феогносту о причтении митрополита Петра к лику святых в 1339 г., когда эта грамота была написана, говорится: «Получили мы писание твоего священства с извещением и вместе с удостоверением о бывшем пред тобою архиерее той же святейшей церкви, как он после смерти от Бога и явлен истинным его учеником, так что и великие чудеса свершаются им и исцеляются всяческие болезни. . . А поелику твое священство и от нас искало наставления, как поступить с таковыми святыми мощами, <то отвечаем>: . . . почти и ублажи угодника Божия песнопениями и священными славословиями и предай сие на будущие времена.²⁴

В этом же году, т. е. через тринадцать лет после смерти митрополита Петра, митрополит Феогност установил ему общецерковное празднование, в связи с чем и должны были появиться первые гимнографические сочинения в честь Петра.

Вероятно, при составлении Службы Киприан пользовался уже имеющимися к тому времени гимнографическими произведениями, посвященными митрополиту Петру, так же как он использовал и Первоначальную редакцию Жития Петра при написании своей.

Два канона Петру, вошедшие в состав Службы, атрибутируются обычно митрополиту Киприану. Автор монографии о Киприане Н. Дончева-Панайотова отнесла создание Службы к началу 80-х гг. XIV в., а одного из канонов — к 1395 г., когда митрополит Киприан молился о спасении Москвы от Темир-Аксака.²⁵ Однако изучение содержания и рукописной традиции произведений позволяет назвать более раннюю дату появления канонов, ибо оба канона, равно как и Житие, входят в состав Службы в списке декабрьской Минеи, созданном, вероятнее всего, в начале 80-х гг. XIV в. (ХГНБ им. Короленко, № 816281).

По содержанию первый канон Петру представляет собой моление о помощи против агарян.

Песнь 1. Ирмос «Воду прошед. . .»: «Отче богомудре святителю, отверзи ми недостойные устне въспевати тя и приими, яко и кадило, от убожства моего, иже ти принесох недостойныи. Вспомнимъ вси великаго святителя Петра, почтимъ заступника и утверждение земли Русей, граду Москве хранителя неборима даровал еси, Господи, спасенныхъ Христовыхъ заповедии въследоваль еси, премудре святителю Петре. Вдовицамъ сирымъ бысть заступникъ, земли Русей — велико защищение».

Песнь 3. Ирмос «Небесному кругу»: «Съкруши супостаты безбожныя, преподобне Петре, молениемъ си къ Творьцу и Богу нашему и силу ихъ вооруженую на ны поганьская нашествиа покори верному князю нашему. Ты проявилъ еси, владыко, последнему роду нашему чудотворца святителя Петра — земли Русей утверждение, церкви твоеи — святое правило, иерейскому чину — наставника. Тобѣ прикоснувшеся, святитель, пре святемъ гробѣ твоему, исцеление получи сподобимся: руце къ персемъ прикорчившимся божиею благодатию даеши простиратися».

²⁴ Г о л у б и н с к и й Е. Е. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903. С. 382—383.

²⁵ Д о н ч е в а - П а н а й о т о в а Н. Киприан — старобългарски и староруски книжовник. С. 204.

Песнь 4. Ирмос «Услышах господи»: «Благодатию божиею наречеса воистинну Петре, в Христа облечеса житиа ради чистоты и научилъ еси славити въ Троици единого Бога. Избави свое стадо от греховныя буря, преподобне святителю Петре, беды же и скорби, приводя ны въ пристанища тиха. Божественныя воля Христови явися угодникъ. Отче пресвященный Петре, моляся непрестаи къ Господу от напасти и бед, и скорби, избавити стадо свое от нужныхъ напасти».

Песнь 5. Ирмос «Въскую мя»: «Окрестъ стоаще раки твоя, святителю преподобне Петре, тебе имеемъ ходатаа къ Богу и заступление, земли Русей — утверждение неоторимо. Милостив быв убогимъ, милость душевную испроверши, прехвалную милостыню стяжав, отче святыи Петре, свещу светло устроил еси. Жилище бысть Святаго Духа, во истину блаженные Петре. Того явленныхъ божественныхъ даровъ добре разбогатилъ еси».

Песнь 6. Ирмос «Оцести мя, Спасе»: «Житие еси целомудрьно священно-явлено свершивъ, правдою украсився и мужествомъ смысла добродетели сочта въ себе, пресвятителю Петре. Храни град свои, святителю Петре преблажене, от безбожныхъ и чужевѣрныхъ находения и усобныя рати, моляся непрестаи, владыце, Христу о стаде своем. Ты убо по смерти, яко живеси, чудодееши, немощнымъ и слукнымъ даеши исцеление. „Божественною благодатию, — рече бо Господь, — прославляющаго мя прославлю“».

Песнь 7. Ирмос «Иж от Иудея»: «Отверзи ми двери покаяния, преблаженный святителю, да омью скверну от окайныя ми душа и тела моего. Вся чювьствия приношу ти, совесть зовя отецъ наших. Имамы тя заступника тепла твои раби и стену неоториму граду твоему Москве и утверждение. И не убоимся супостатныхъ врагъ, но побеждаемъ силою Христовою отецъ наших. Уставы отеческыя утвердил еси мудре, церкви пресвятыя Божия матере, священства лепотами преукрашено съхранил еси, учении своими наказалъ еси отецъ наших».

Песнь 8. Ирмос «Про явленаго»: «Побеждени быхом врагомъ прегрешении многихъ молвъ житийскихъ, верою прихожу, яко Манасия, воию ти, святителя, молениемъ Господа поить и превозносить, молитвы, преблажене, и моление творя, ты прилежно къ Богу присно за рабы своя въ печали заступника и поборника къ Богу, от бед спасаемся. Въоружаются на люди твоя смиренны, святителю пречистый Петре, сынове агаряни. Но съкруши ихъ невидимую силою, молениемъ си, отче Петре, ко владыце за присныя рабы своя».

Песнь 9. Ирмос «Удивися убо»: «Велми радуется о тебе, пречистый отче святителю Петре, присныи градъ твой Москва, помощника и заступника имущь. И ныне, владыко, не отходи от нас, молитву твори за ны къ Богу, яко да избавитъ нас от безбожныхъ врагъ, тебе бо величаемъ. Яко блудница и разбойникъ и мытарь, воию ти от сердца, съгреших, и прости мя, владыко, многихъ ми прегрешении избавитися от всякого гнева Господня святителя Петра молениемъ, яко да непрестанно тя величаемъ. Предете и обретися вси московстии народи къ блаженному гробу приснаго святителя Петра съ слезами вопиите къ Богу: Избави, Господи, люди своя и князя нашего сдрава сътвори и весела. Не даи же достоаניה своего роду изъмалтъскому, яко да величаемъ милость свою въ веки».

Второй канон Петру — благодарение за победу над агарянами. То, что о победе говорится в восьмой песне, по всей вероятности, не случайно — в восьмой песне первого канона сообщается о наступившей опасности: «Въоружаются на люди твоя смиренны, святителю пречестный Петре, сынове агаряни. Но съкруши ихъ навидимую силою, молениемъ си, отче Петре, ко владыце за присныя рабы своя».

Обратимся к восьмой песне второго канона. Ирмос «Чудо превелие росо»: «Окорми молитвою твоею церковь сию многочисловечью твою и буря ветръ съпротивныхъ, чювственныхъ и мыслныхъ, остави твоими

молитвами и запрети, и избави всяких искушени и смущени и даже до конца неврежену съблюди. Падоща въстающии на ны, отче, твоими молитвами побежаеми агарини внуци, хотящеи достояние твое озлобити. И подь смехъ убо быша, и поругание падения своего плачуще. Мы же воспеваемъ радостно твою священную память, неизреченное твое чадолюбие, отче, превъсходящее отечскую любовь. Всегда убо прилежиши невидимо нас посещая, бодрѣными своими молитвами спасение намъ всегда сдевая и подавая намъ с тихостию, Петре, радостнаа».

Оба канона митрополиту Петру обнаруживают сходство с канонами архиепископу Стефану Сурожскому, жившему в VIII в.

Большой переработке подвергся первый канон, второй же почти не изменен; заменены лишь собственные имена и географические названия. Приведу некоторые песни этих канонов.

Первый канон Стефану Сурожскому.²⁶

Песнь 1. Ирмос «Волною морскою скрывша»: «Придете спедшеся воспоим вси священнаго нашего Стефана, почтем Сурожу утверждение, заступника душам нашим и нашему граду хранителя неборима.

Приклонше сердца наша, богоносче, в спасенныя Христовы заповеди не помышляя житийских, но душевных постигшеся доброт да светло внидем в чертог Христов.

Стефане богомудре, преверховныи отче, ангелом равне, Сурожу утверждение, не отверзи, но песноприим, яко кадило от убожества моего, еж ти принесох недостойныи».

Песнь 3. Ирмос «Невесте святая»: «Кто тебе не блажит, преблажене Стефане богоносче, той мертв есть душею и телом преж смерти и преж суда во осуждение ниспаде.

Сокруши супостаты, преподобне, и силу их вооружену и покори ны под ногами вскоре. Видемую рать рабы твоя утверди и державу даруй твоеи паствине, блажене свячене. Покрыи град твой, отче наш Стефане богоносче, от сынов агарян: се бо скрегчуть зуобы своими на ны. Раже же Господь, яко зверии дивии, но сокруши зуобы их».

Песнь 8. Ирмос «По закони отчи»: «Отче отцем, святыи Стефане, правоверию столп, сын веры, рабы твоя спаси от всякой беды, возмущены от човекоубица дьявола, не призри молящих ти ся, истинным сердцем Господа и превозносите.

Сынове агаряне вооружаются на мирныя люди твоя, Стефане пречестне. Но сокруши их невидимо лук и стрел. Их меча вонзи сердце их. Да радостию воспоим песнь многогласную».

Второй канон Стефану Сурожскому.

Песнь 1. Ирмос «Христос ражается»: «Благодать всю духовную приими, отче, во своем сердце твоих певец, Христов святителю, очисти язык ж и сердце, яко да твою память воспоим, светло Стефане исповедниче.

Великий ныне Стефан — пастух церкви Сурожской весь Сурож светло призывает. Придете собравшеся ко общему отцю. Светло торжествуем, побеждают твоя исправления и словеса и вещи, Стефане, его же ради душевное предложение приеми с благоцветием. Достоинодивныи, еж бо по достоинству песнь тебе плести, всем невозможно».

Песнь 3. Ирмос «Первовечному»: «Позна тебе от чрева, богоносе, всеведый Бог: преж възвещаетъ тебе ангелом, освещаетъ тебе зижителя душам и пастыря великаго, яко ж Петрови, и тебе вверяетъ и свое стадо.

Жезлом воздержания страстыи море разделил еси, блажене, яко ж Моисей, и на бестрастия гору взиде приемъ разумныя скрижали, церковь научи Христову закону духовному.

Смирень явись, кроток ж и тихъ Стефане, отнуду ж духовная благодать доволне излиавшись в тебе, велика показа те чудесемъ лучами землю Сурожскую осеваючи».

²⁶ ГБЛ, Троицкое собр., № 617, XVII в., л. 71 об.—77 об.

Песнь 8. Ирмос «Чудо превели»: «Окроми молитвою твоею многочеловечною и буря вертъ сопротивных чюственныхных и мысленных устави твоими и молитвами запрети и избави всяких искушении и смущении и дажде до конца невреждену соблюди.

Падоша встаючи на ны, отче, твоими молитвами побеждаеми агаряни внуци, хотящеи достояние твое озлобити. И под смех убо быша и поругание падения своего плачуще. Мы ж въспеваемъ радостно твою священную память».

Рассмотрим более внимательно третьи песни из первого канона Стефану: «Сокруши супостаты, преподобне, и силу их вооружену и покори ны под ногами вскре» и первого канона Петру: «Съкруши супостаты безбожныя, преподобне Петре, молением си къ Творцу и Богу нашему и силу ихъ вооруженую на ны поганьскаа нашествиа покори верному князю нашему».

Затем следует просьба к Стефану: «Видемую рать рабы твоя утверди и державу даруй твоеи паствине, блажене свячене». В каноне митрополиту Петру этот святой представлен уже как покровитель: «Ты проявилъ еси, владыко, последнему роду нашему чудотворца святителя Петра — земли Русеи утверждение, церкви твоеи — святое правило, иереискому чину — наставника».

Заключительное в этой песне обращение к Стефану: «Покрыи град твой, отче наш Стефане Богоносче, от сынов агарян: се бо скрегчуть зуобы своими на ны. Раже же Господь, яко зверии дивии, но сокруши зубы их» — в каноне Петру заменено воспеванием одного из чудес у гроба Петра (описание этого чуда встречается в летописях под 1348 г.: «Дѣвица нѣкая прииде, имущи рудѣ свои скорченѣ, и исцѣление получи от гроба его, и бысть здрава»).²⁷

В третьей песне второго канона, который, как уже сказано, почти не был изменен, Стефан сравнивается с апостолом Петром и пророком Моисеем. Это сравнение оправдано эпизодом из Жития Стефана: после поставления патриархом в архиепископы Стефан обращается к сурожанам с признанием, что его страшит сан старейшины: «Петру бо и Павлу и Моисею — таковым есть пасти душа словесныя, аз же грешен есмь». Далее Стефан вспоминает папу Льва Римлянина, который сорок дней молился у гроба апостола о прощении грехов. После сорока дней апостол явился ему и возвестил, что все грехи прощены, кроме священства. Слушавшие Стефана сурожане отвечали: «Поистине, отче святые, несть приялъ градъ нашъ никогда же такова учителя, яко же естъ твое святительство. Да при том славим Бога милосердаго, иже прислал тя нама вожа на добро, апостоле новый». ²⁸ В каноне же московскому святому сравнение его с апостолом Петром и Моисеем воспринимается абстрагированной похвалой.

Влияние Жития Стефана на каноны ему оправдано и хронологически. «Подробное Житие Стефана Нового написано дьяком Великой Константинопольской церкви по имени тоже Стефаном около 808 года»,²⁹ т. е. значительно раньше канонов.

Теперь, когда установлена зависимость канонов митрополиту Петру от канонов Стефану Сурожскому, можно попытаться ответить на вопрос: кому, когда и при каких обстоятельствах принадлежала идея переработки этих произведений?

В. Васильевский считает, что каноны Стефану были написаны в первой половине XIII в., после первого нападения татар на Сурож, т. е. в 1223 г.,

²⁷ ПСРЛ. Пгр., 1922. Т. 15, вып. 1. Рогожский летописец (фототип. воспр.: М., 1965). Стб. 58.

²⁸ Васильевский В. Русско-византийские исследования . . . С. 89. (Текст Жития Стефана Сурожского).

²⁹ То же. С. 222.

причем нашествие было жителями города отражено. Тогда-то и появились два канона покровителю города Сурожа — ратный и хвалебный.³⁰

Наиболее раннее обращение к митрополиту Петру как хранителю Москвы засвидетельствовано в стихире, которой нет в Службе Киприана. Она помещена в Стихираре крюковым XVI—XVII вв. (Троицкое собр., № 428). Сюда же (как говорилось раньше, вошли стихиры, заимствованные из Службы Киприана, и другие, озаглавленные «Творение царя Иоанна, деспота Российского». После них следует заголовок: «Стихирах, глас 6». И далее: «Егда преставление честнаго тела, отче, бяше, тогда множество верныхо овстужишешо одро, с трепетом зряху тебе. Ови же зряще на тело, страхом одержими бяху. Княз же со слезами вопияше ти: „Владыко, что ти воздаю противу твоему благодарению, еже нам даровал еси. И удивляюся твоему благодарению, еже нам даровал еси. И удивляюся твоему человеколюбному милосердию. Но убо, пресвятый Петре, молися прилежно Христу и Богу нашему за яко спастися граду твоему невоеванному“».³¹

Та же тема, которая выражена в форме мольбы о защите от врагов при грозящей опасности, звучит и в первом каноне митрополиту Петру. Канон этот, вероятно, мог появиться вскоре после смерти Петра. Это предположение поддерживается также тем фактом, что по одному из списков канона конца первой четверти XVI в. в Сборнике Софийского собрания ГПБ (№ 438, л. 130—135 об.) он атрибутируется Прохору: «Канун, творенье Прохора, епископа Ростовского». Если канон принадлежит Прохору, то он может быть датирован началом 1327 г., т. е. временем, когда Прохор написал и Житие Петра, так как в этом же году он скончался.

Составитель первого канона Петру принял за образец, как говорилось, первый канон Стефану Сурожскому. Нельзя не обратить внимания на то, что обстоятельство появления канонов как византийскому святому, так и Петру были схожими. В «Задонщине» и «Сказании о Мамаевом побоище» вспоминается событие 1223 г. — битва русских (как и сурожан в этом же году) с татарами. После поражения на реке Калке Русь не могла противостоять врагу 160 лет, по свидетельству «Задонщины», 158 лет, по летописной редакции «Мамаева побоища».³² Составитель довольно ясно различал «реальных врагов и реальные опасности своего времени от неопределенных и общих напастей».³³

Второй канон митрополиту Петру, где ему выражена благодарность за победу над агарянами, также вошел в Сборник Софийского собрания ГПБ (№ 438), но в составе Службы Петру, в заголовке которой названо имя Киприана. Таким образом, в один и тот же сборник вошли оба канона Петру, но с именами разных авторов. Второй канон, атрибутируемый Киприану, мог появиться после битвы, принесшей победу московскому князю. Таким сражением была Куликовская битва. Следуя своему предшественнику — автору первого канона Петру, автор второго, видимо, также берет за основу канон Стефану Сурожскому, но теперь уже второй. Как уже говорилось, он почти не меняет его. На этот период творчества Киприана приходится и его переводы других канонов также «ратного» содержания. Это написанные константинопольским патриархом Филофеем Коккином каноны, обращенные к Христу и Богоматери и «За князя и за воя его в сретение ратных». Г. М. Прохоров, публикуя эти каноны, предположил, что канон «За князя и за воя его в сретение ратных» мог использоваться перед

³⁰ То же. С. 229.

³¹ Кроме вышеуказанного сборника эта стихира встречается в Минее Германа Тулузова в составе Службы митрополиту Петру.

³² Об этом см.: К у с о в В. В. Ретроспективная историческая аналогия в произведениях Куликовского цикла // Куликовская битва в литературе и искусстве. М., 1930. С. 44.

³³ В а с и л ь е в с к и й В. Русско-византийские исследования. . . С. ССХХХ.

Куликовской битвой накануне выступления войск из Москвы.³⁴ Первый канон митрополиту Петру, таким образом, мог исполняться перед Куликовской битвой, второй — после нее.

В сборниках канонов, известных с XVI в., куда вошли каноны Петру, чаще встречается первый из них, реже — второй, хвалебный канон (из 14 сборников в 9 — первый канон, в 4 — второй, в одном — оба). Это говорит, пожалуй, о более частом исполнении первого канона, что происходило, вероятно, при возникновении опасности со стороны внешних врагов.

³⁴ Прохоров Г. М. Гимны на ратные темы эпохи Куликовской битвы // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. 37. С. 287.

Т. Н. БЕЛОВОЛОВА (УКРАИНСКАЯ)

**Ранняя редакция Жития
преподобного Димитрия Прилуцкого,
вологодского чудотворца**

Житие Димитрия Прилуцкого, самый ранний памятник вологодской агиографии, известно в трех редакциях, представленных более чем 120 списками. Чаще всего в рукописях встречается так называемая Минейная редакция Жития. Ее автор — Макарий, пятый (судя по Синодику) игумен Спасо-Прилуцкого монастыря. В. О. Ключевский назвал эту редакцию «позднейшей, распространенной и дополненной».¹ Она сопровождается 14 посмертными чудесами, расположенными в следующем порядке:

- 1) Чудо о болезни корчете в Вологде;
- 2) О приходе вятчан на Вологду и разорении Спасо-Прилуцкого монастыря;
- 3) О исцелении беснующейся Софии;
- 4) О бесноватом Симеоне;
- 5) О исцелении отрока Харитона;
- 6) О слепой вдове Антониде;
- 7) О нападении на Вологду Димитрия Шемяки («Чудо о граде Вологде»);
- 8) О исцелении от пьянства князя Андрея Ржевского;
- 9) О бесноватом слуге Иоанне;
- 10) О слуге Кондрате, страдавшем бессонницей;
- 11) О построении третьей соборной церкви в монастыре;
- 12) О исцелении больного Поликарпа;
- 13) О исцелении от пьянства Иоанна;
- 14) О бесноватом Стефане из Лоскомжи.

Минейная редакция Жития имеет предисловие и Похвалу святому. Самый ранний из известных списков редакции написан в Новгороде и датируется 1494 г. (ГПБ, Соловецкое собр., № 518/537, л. 216 об.—243). В середине XVI в. эта редакция была включена в Великие Минеи Четьи митрополита Макария под 11 февраля, почему и получила название Минейной. Вопрос о времени ее создания пока остается открытым.

В четырех известных нам сборниках, происходящих из Вологды (ГИМ, собр. Уварова, № 232, XVII в.; Вологодский краевед. музей, № 2037, конец XVII в., из Спасо-Прилуцкого монастыря; Ярославский краевед. музей, № 15327, 1854 г.; ГБЛ, ф. 272 (Синод.), № 351, XVII в.), находится так называемый вологодский вариант Минейной редакции с 33 чудесами. В них много событий, имен и географических названий, относимых к XVII в.

Минейная редакция чаще встречается не с одной только Похвалой (нач.: «Но убо ныне прекратим слово писати чудеса святого, неисчетна бо суть. . .»), но и с Похвальным словом, созданным путем переработки и

¹ Ключевский В. О. Жития святых как исторический источник. . . М., 1871. С. 271.

украшения в стиле «плетения словес» Минейной редакции. Ключевский считал его третьей редакцией Жития, составленной в конце первой половины XVI в. (нач.: «Приидете, святое и честное постник сословие. . .»). В нем использованы предисловие к Житию Сергия Радонежского, биографические известия, 12 первых чудес и Похвала Минейной редакции.

В составе Пролога помещена не указанная Ключевским самая краткая, Проложная редакция Жития. Она представляет собой, судя по всему, извлечение из Минейной редакции и содержит сравнение с Иоанном Златоустом, сведения о пострижении Димитрия, об основании Никольского и Воскресенского монастырей, о встрече с Сергием и совместных беседах, «како бы общее житие управити», об основании Спасо-Прилуцкого монастыря и о преставлении преподобного (нач.: «Сей преподобный и богоносный отец наш Димитрий бысть родом Российскаго царства. . .»).

Из проложной и вологодского варианта Минейной редакции с 33 чудесами была составлена Сводная редакция Жития. Автор ее в заглавии не указан. Начинается Сводная редакция, как Проложная, и точно следует ей до эпизода о преставлении Димитрия. Текст расширен четырьмя вставками из Минейной редакции (о пострижении, об отношениях с родителями, о принятии священства, о беседах с Сергием). С эпизода, в котором Димитрий уподобляется Иосифу Прекрасному, следует переработанный вологодский вариант Минейной редакции. Составитель опускает все украшения и развернутые комментарии, меняет местами главки, что делает текст более сжатым и динамичным. «Сказанию о чудесах. . .» в Сводной редакции сопутствует «Сказание о сретении чудотворного образа преподобного и богоносного отца нашего Димитрия игумена, иже на Прилуде, вологодского чудотворца, и о новосозданной церкви во обители его».² Сводная редакция известна пока только в одном списке середины XIX в. (ГПБ, Ф.1.774, л. 1—35). Вероятно, возникновение ее нужно отнести к более раннему времени.

Среди редакций, описанных Ключевским, названа неизвестная нам краткая редакция Жития без предисловия и Похвалы святому, с семью чудесами, завершающимися «Чудом о граде Вологде». Историк датировал ее второй половиной XV в. Эта редакция была известна ему в двух списках, один из этих списков в рукописи XVI в. находился в его личной библиотеке). Оба списка нами пока не найдены. По мнению Ключевского, это первоначальный текст Жития, ибо пятое чудо (по его описанию) начинается замечанием, которого нет во всех остальных редакциях Жития: «По сих же летех и иная ненаписана чудеса, ему же и мы самовидцы бывше. . .».³

Недавно в ГПБ, в собрании Титова, № 844 (сер. XVIII в.) нам встретилась рукопись, содержащая текст, близкий к этому описанию. Пятое чудо, как и указывал Ключевский, начинается в нем словами: «По сих же временех отрок некий именем Харитон, ему же и мы самовидцы быхом, иже сия и вписахом, да и се незабвенно будет чудо. . .» (л. 43 об.). Правда, уже здесь обнаруживается несоответствие: описанная Ключевским редакция отличается от найденной нами двумя новыми чудесами (о вдове Антониде и о нападении на Вологду Димитрия Шемяки). Различия между двумя редакциями, насколько возможно судить об этом по краткому описанию, еще и в том, что Ключевский называет автором краткой редакции Макария.⁴ В списке из собрания Титова нет традиционного надписания: «Творение Макария, игумена тоя же обители», хотя в пользу этого сужде-

² Рассказ о сретении иконы встречается и вне Жития как народное предание.

³ К л ю ч е в с к и й В. О. Жития святых. . . С. 270.

⁴ «. . . в рукописях именем одного и того же автора обозначаются две разные редакции Жития, и трудно решить, которая из них первоначальная» (К л ю ч е в с к и й В. О. Жития святых. . . С. 189).

ния говорит большая текстологическая близость обеих редакций и указание в тексте на один и тот же источник сведений о святом — игумене Пахомии.

Собр. Титова, № 844

Соловецкое собр., № 518/537

Той же бо Пахомие многая нам свидетельствоваше о святом житии преподобнаго Димитрия, от него же мы слышавше, писанию та предложихом. . . (л. 39 об.).

. . . именем Пахомиа, иже той нам многа свидетельства о житии и о чудесах преподобнаго. . . (л. 157).

Та ли это первоначальная редакция Жития, которую имел в виду Ключевский, судить трудно. Но в том, что этот список представляет более раннюю (по сравнению с Минейной) редакцию Жития Димитрия Прилуцкого, нет сомнения.

Во-первых, в найденном списке Жития встречаем фрагменты, которых нет в других редакциях. Они поясняют степень личного участия автора Жития в происходящем или указывают на его неполную уверенность в сообщенном.

«От него же (Пахомия, — *Т. Б.*) мы слышавше, писанию та предложихом. . .» (л. 39 об.).

«Оных же чудесех мнозех от преподобнаго неисчетно бысть, яже видевших и слышавших свидетелей и послухов. И мы сами видевше их и слышаще от сих многая чудотворения, еже от преподобнаго в животе его, паче же и по смерти того, ими же чудесы Бог прослави его. И мало нечто от многа zde списана бысть. . .» (л. 42 об.).

«Но нечто от многа написана мало бысть, ныне еще скажем, иже в наша лета бывшая. . .» (л. 43).

«. . .ему же (Харитону, — *Т. Б.*) и мы самовидцы быхом, иже сия и вписахом, да и се незабвенно будет чюдо. . .» (л. 43 об.).

«Престави же ся сей блаженный и преподобный Димитрий в лето 6900. Аще ли будет малым чим лет сих больше или мале нечто, известно не вемы, по мнозех бо летех сия писанию-предана суть. . .» (л. 44).

Во-вторых, в найденном списке многие сюжеты Жития описаны более подробно, с привлечением фактов и подробностей, не упоминавшихся в других редакциях, или с иной мотивацией их. Особо примечательно в этом отношении «Чудо о жене расслабленной», сильно отличающееся стилистически и сюжетно от того же чуда Минейной редакции. Здесь подробнее говорится и о преставлении Димитрия Прилуцкого, названа дата его смерти, полностью приведено завещание братии (в Минейной редакции — лишь просьба вместо себя видеть игуменом Пахомия).

Собр. Титова, № 844

Соловецкое собр., № 518/537

Вам же, братие, в свое место благословляю игумену быти моего духовнаго сына и брата ми и ученика моего Пахомиа. Вы же, братие, яко же и ко мне, послушание имейте к нему во всех верных учения его и повинуйтеся ему по Бозе, яко отцу благопослушливая чада во всех добрых деланих. Имейте же любовь между собою нелицемерную о Христе, и чистоту телесную, и смиренномудрие, и терпение. И час смертный всегда имети во уме своем, и чающе от Бога прияти мзду против трудов своих во Царствии Его Небеснем. . . (л. 40 об.).

. . .И рече: «Вам, братие, благословляю в свое место игумену быти своему брату и сыну духовному Пахомию, тому повинуйтеся в добрых делех, якоже отцу своему. . .» (л. 169).

Преставление преподобного описано проще, без просьб святого бросить его тело в болото и «ногам в поспание сотворить», но зато с подробностями погребения: как несли тело, где именно его положили.

Собр. Титова, № 844

И честныя мощи его вземше на главах, и принесше, положиша во святей церкви со псалмы и песньми, погребше их честно в ней близ олтаря на десней стране, в монастыри, в нем же и подвижася. . . (л. 40 об.).

Соловецкое собр., № 518/537

. . . вземше честные мощи его и с псалмы и песньми погребоша того в церкви, юже сам созда в своей обители, в ней же постнически подвижася. . . (л. 170).

С бóльшим числом деталей и действующих лиц описано «Чудо о вятчанех»: приведены молитва ко Господу о восстановлении любви между людьми, прямая речь удивленных «страшным» чудом воинов, рассказано о воеводах, велевших вернуть монастырю и крестьянам награбленное. Следует обратить внимание на то, что по сравнению с Минейной редакцией в тексте нет фрагмента, описывающего подобное же чудо в Житии Стефана Сурожского, которое появилось на Руси в конце XV в. Некоторые живые подробности в Минейной редакции отсутствуют, чудеса в ней становятся менее конкретными, обобщенными.

Собр. Титова, № 844

Много ей тако трудившися в лютом том недуже, всячески бо недостойная и неленая глаголющи, ни срама, ни стыдения не ведущи пред людьми, иногда и в церкви порты с себе мечющи, не ведущи того ей от устрашающаго ю беса. И тако игумен с братнею молитвы творяще за ню к Богу по силе своей. . . (л. 43 об.).

Соловецкое собр., № 518/537

. . . некако от привидения диаволя умом смятеся, недостойная глаголющи. И положиша ю ко гробу чудотворца, и молитве о ней бывши в божественной церкви у гроба преподобнаго (л. 174).

С другой стороны, в найденном списке Жития нет привычных для Минейной редакции пророчеств святого о родном брате и Димитрии Донском; нет эпизода, где Димитрий отказывается принять милостыню в монастырь, пока жертвователю не напитает всех домашних и слуг. Не найдем мы фрагментов, в которых указан род занятий Димитрия до пострига и сообщается о разногласиях его с семейством относительно выбора жизненного пути; не упоминается о победе Димитрия Иоанновича Донского на Куликовом поле, о его помощи в благоустройении Спасо-Прилуцкого монастыря. Без подробного объяснения причин сообщено об уходе Димитрия с Авнеги. Отсутствует эпизод, в котором иноки просят увеличить количество книг в монастыре, не описан внешний вид Димитрия: что он ел, пил, во что был одет, где молился и т. д. Характер этих разночтений потребует подробного объяснения впоследствии.

Видимо, слова Ключевского о том, что автором обеих редакций был игумен Макарий, не лишены основания, если предположить, что редакция Жития Димитрия Прилуцкого, имеющаяся в списке из собрания Титова, была написана до 1450 г.,⁵ когда преподобный почитался еще как местночтимый святой, а в конце XV в.⁶ (или около того) к его общерусской канонизации тем же игуменом Макарием была переделана, украшена в стиле «плетения словес», дополнена предисловием, сведениями из монастырского предания и Похвалой святому. В еще более позднее время к ней присоединилось Похвальное слово Димитрию, написанное на основе Минейной редакции. Это предположение подтверждается еще и тем, что на материале именно Минейной редакции игуменом Макарием был составлен канон преподобному, необходимый как составная часть службы при канонизации святого.

⁵ «Чудо о граде Вологде, седьмое по порядку, в летописях датируется 1448 или 1450 г. Исходя из этого можно предположить, что имеющаяся у нас редакция с пятью чудесами написана до этого времени.

⁶ Ключевский датировал Минейную редакцию 1-й половиной XVI в. Эта датировка ошибочна, ибо древнейший список данной редакции датирован 1494 г. (ГПБ, Соловецкое собр., № 518/537).

Введение в научный оборот еще одной редакции Жития позволяет более полно представить его литературную историю, предположительно отнести время создания Жития не к концу XV в., как предполагалось до сих пор, а к более раннему времени, обнаружить новые источники написания Минейной редакции, вновь поставить вопрос об авторстве Жития и возможности написания его по устным рассказам Пахомия. У многих исследователей последний вопрос вызывал некоторое недоумение, ибо свидетельство о Макарии, писавшем со слов Пахомия — преемника Дмитрия по игуменству, при прежней датировке Жития значило, что Пахомию в то время было далеко за сто лет. Найденная редакция позволяет снять это противоречие и удостовериться в подлинности житийных слов: «. . . от него же мы слышавше, писанию та предложихом. . .».

Следует добавить, что в ходе подготовки статьи к публикации было найдено еще несколько списков Жития преподобного Дмитрия Прилуцкого (в рукописях его иногда называют Дмитрием Вологодским), близких к публикуемому здесь тексту ранней редакции (ГБЛ (Муз.), № 697, XVIII в.;⁷ ГБЛ, ф. 304 (ТСЛ), № 790, XVI в.;⁸ ГБЛ, собр. Румянцева, № 96, XVI в.). Списки содержат более полные варианты этой редакции с чудесами. Вопрос о том, какой из вариантов ранней редакции наиболее близок к авторскому, будет разрешен после текстологического изучения всех найденных списков.

Приведем краткое описание сборника, содержащего один из вариантов ранней редакции:

ГИБ, собр. Титова, № 844, в четверку, 47 л., сер. XVIII в., полуустав и скоропись. Филигрانی: Pro Patria — Ляуцявичюс, № 2872 (1741 г.), Клепиков, № 167 (1745 г.). Вкладных записей нет. Состав: Сказание об иконе Казанской Божией Матери, преставление и чудеса святителя Алексия митрополита, Жития Антония Римлянина и Геннадия Костромского. Рукопись куплена Титовым в Москве в 1880 году за 5 руб.

Текст публикуется в соответствии с правилами, принятыми в ТОДРЛ.

МЕСЯЦА ФЕВРАЛЯ В 11 ДЕНЬ

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО ОЦА НАШЕГО ДМИТРИЯ ВОЛОГОЦКАГО

Сей преподобный отец наш Дмитрий бысть родом Руския земли, страны а. 37 и царства Московскаго, от града же славнаго Переаславля, от благочестивых и благоверных родителей родися от славных того града. Измлада извыче божественным писанием, паче же духовным, превосходяи премудростию смирения многих своих сверстник; паче же разумом совершенным, душевным умом цветый доброту совершенну версту телеси, к детям играющим не прилепляяся, ни иных не внимая пустошных. Паче же смиренномудрием украшен, подобяся обычаю Иоанна Златоуста и поучаяся божественных книг вниманию, рассмотряя сего жития мирскаго суету и минующаго, аки речная быстрина или травных цвет, внимаю же паче о будущем веце и о суде воздаяния от Бога комуждо по делу его, и о царствии небеснем, праведных радости и веселия райския породы, хотя со ангелы водворитися в нем славити Христа.

И тако ему внимающе, жестоко житие начинает терпением крепким и пострижесе во иноческий образ в том же граде Переаславле, || в монастыри Пречистыя Богородицы на Горицах, тако бо и донныне нарицаемо. ..а 37 о б. И подвизаяся добродетели многи имея, любовь по Бозе ко всем нелицемерную и смирение, и пост, и молитву, и чистоту. И добрых ради трудолюбных

⁷ В составе сборника: Житие Александра Ошевенского, слова о Зосиме и Савватии Соловецких, Служба Собору Пресвятой Богородицы.

⁸ В составе сборника: Жития Козьмы и Дамиана; Григория Богослова; Дмитрия Прилуцкого (л. 102—122 об.); Феодора Смоленского; Петра, царевича Ордынского; словарь иностранных слов.

дел его сподобился священства дар прияти. И посем поставляет его Бог учителя и наставника людем Своим. И тако по воли Божии изобрете место у озера близ града Переаславля, и ту постави церковь и монастырь во имя святого Николы Чюдотворца, и бысть в том монастыри игуменом. И многия ради его любве и добродетелнаго жития его мнози прихождаху к нему ползы ради душевныя. Он же неленостно приимая их и с радостию поучая на путь спасения. Иноки же и белца и хотящих с ним житьельствовати и Богу угодити, в чернеческий образ облачая и страху Божию уча и всем добродетелем, собирая стадо духовных словесных овец, и тако и общее житие составляет. Братия же повинующеся ему во всем, яко аггелу Божию, — с любовию и честью, сам бо блаженный показая образ собою в добрых делех и в словесех, и в трудах, и молитвах, красотою же души и тела цветый добродетельми ко Господу.

4. 38 В та же времена, в том граде || некоего вельможи, мужа славна жена. Многожды ходящи ей к церкви во время пения в монастырь его, бе бо среди мира. Но оный блаженный стяжав себе пустыню в сердци своем, от мирских воздержася сластей всех. И некогда та жена понужашеся мыслию простоты, хотя видети святолепное преподобнаго лице, постом цветущее. Святому же обычай имущу смирения, ходяща мало поникшися. И не прилучися ей никогда же видети его.

Бяше же у блаженнаго Димитрия ученик, черноризец некий, живый с ним во единой келии, и рече некогда жена та старцу его: «Отче, понеже не можем мы увидети его, по обычаю бо приходящим к церкви людем: мужие, и жены, и дети их, — паче же всегда на праздники». Старец же той спроста рече ей: «Да увидиши его, противу стоя кельи его, егда он изыдет задними дверьми, до недели бо еще не изыдет ко церкви на литургию». Оной же тако ждущи увидети его и сама не ведущи почто, ни разумеючи на ся суда божественнаго быти.

4. 38 об. Преподобному же по обычаю изшедшу и спроста тогда увиде жену ту, без стыдения смотрящу на него. Он же мало нечто оскорбися на ню и непоставную, и нестыдливую нарек ю, беззловивый бо воистинну всегда пребывая, правдивый наставник || спасению. Жена та тогда, яко виде его, утаитися рекше хотя, и абие светлость трудолюбнаго и постническаго лица его осия ею, и внезапно нападе на ню боязнь некая и не ведущи ей, и бысть вся расслаблена, не могущи ничим же владети собою. И лежащи ей на земли, и кающися о невежествии своем, глаголя: «Почто аз искусих Духа Святаго, иже на святых Его почивающаго?». И много молящи его, посылаючи ко преподобному, прощения прося и исцеления от недуга своего. Он же убо смиряя себе и грешнейша всех человек нарицая, и не иде к ней. И вегда изыде преподобный во церковь, и повелеша братия сердобоям ея привезше ею пред дверми келия его. И прииде преподобный от церкви, и виде ю лежащу и болезнующу, просящу прощения грехов своих. И рече ей святыи: «О дщи безстудная и окаянная, зри на мя и насытися грешнаго моего телеси. Отрекше бо ся мы уже мирских, почто ты восхоте тако возноситися гордостию и безумием красящихся телом, а не душевною добротою, еже смирением и милостынею к нищим и молитвою всегда к Богу. И тако апостол учит нас всех: «Жены в церкви да молчат, гнусно бо есть в церкви беседы и говори праздная». И тако много поучив ю со смирением || и сотворив молитву преподобный во имя Отца и Сына и Святаго Духа, и знаменав ю крестным знамением, и ем за руку ея, и повеле ей востати, благословение и прощение подаст ей. И абие бысть здрава часа того и отиде в дом свой, радуяся, благодаря и славя Бога, и хвалу воздая, и честь преподобному Димитрию.

Бысть же сей преподобный Димитрий во дни благовернаго князя великаго Димитрия Ивановича всея Русии, и оттоле слава о нем велия прихождаше повсюду, добродетелнаго ради его к Богу жития. Бяше и преподобному Сергию святому собеседник о мнозем благочестии ко Господу и о пастве их, еже о Христе иноков под ними, и о Бозе любве межи има

всегда. Любаше же его и благочестивый князь великий Димитрие и умоли его, да дети его крестит у него, и бысть ему кум.

И виде блаженный тако находящую себе славу и честь мира сего и всяко не восхоте сего света чести, но желая оного будущаго века славы Царя Небеснаго Христа Бога всех. И тако преподобный Димитрий оставль то отечество свое и изыде из града Переаславля, и прииде к северным оттоле странам. И прихождаше многа места и пустыня около града Вологды и со учеником своим Пахомием, еже бысть по нем || настоятель обители его, иже на Прилуце. Поистинне бо и той Пахомие подражатель житию преподобнаго Димитриа бысть, свято и терпеливно житие сие проходя смирением и любовию. Той же бо Пахомие многая нам свидетельствоваше о святом житии преподобнаго Димитриа, от него же мы слышавше, писанию та предложихом. а. 39 об.

И обрете преподобный место при водах, на Леже реце, на устье Великия реки, тако зовомыя. Бяше же от того места недалече волость Авнега. И те людие начаша ненавидети его. Он же отиде оттуду и церковь было поставил ту во имя святаго Воскресения Христова.

И тако посем прииде на Вологду во град, ища места, идеже соберет стадо Божие людей. И Божиею силою и волею избрете место Богу угодно на Прилуце, на разпутных мнзех, недалече от града Вологды, разстоянием яко три версты. И упроси себе от ту живущих людей, богобоязливых и славных мужей, един именем Илья, а другой именем Исидор, нарицаемый Выпряг. И те людие его с радостию прияша, и тако благослови преподобный место то и крест постави, еже той крест и донныне в монастыри его. И вскоре Божиею помощию и церковь постави во имя Всемиловитваго Спаса Христа Бога и Пречистей Его Богоматери и честнаго креста Христова, еже вся земля празднуют месяца августа в 1 день на освящение водам, и монастырь пречестен согради, || и неотступно подвизаяся на добродетели и любя воздержание, и чистоту, пост, и молитву, и милостыню, бе бо странноприимец готовый всем, посреди мира вселися, но душею от мирских соблазн уединися. И собрав стадо богоименитно иноков и общее житие устроив, и мнози прихождаху к нему от градов и сел, желающе жития чернеческаго, и благословения ради духовнаго. И тако приемля их с любовию и наказуя о смирении и любви, паче же о страннолюбии и о трудах братии глаголя, яко да тамо обрящем в будущем веце покой от Христа себе, и веселие, и радость. И тако пожив доволны лета, в терпении и во трудах и во всяком благодарении и добродетелех Богу угодив. а. 40

И тако проявляя конец жития своего ко Господу отсюда, братии глаголя: «Аще аз отиду отсюда во он век, идеже ми Бог велит по моим худым делам (такое бо всегда блаженный смирение имея, и грешнейша всех человек сам себе называя). Вам же, братие, в свое место благословляю игумену быти моего духовнаго сына и брата ми и ученика моего Пахомиа. Вы же, братие, якоже и ко мне, послушание имейте к нему во всех верных учения его и повинуйтесь ему по Бозе, яко отцу благопослушная || чада во всех добрых делании. Имейте же любовь между собою нелицемерную о Христе и чистоту телесную, и смиренномудрие, и терпение. И час смертный всегда имети во уме своем, и чающе от Бога прияти мзду против трудов своих во царствии Его небесном». а. 40 об.

Посем же некогда бысть заутра рано, внезапно наполнися монастырь полн славы благоуханныя и неизреченныя. И се видеша братия, и притекоша некто к преподобному, хотяще ему поведати бывающее чюдо, и обретоша блаженнаго Димитриа самого уже преставльшася ко Господу тако же паче и келия его полна бяше благоухания божественнаго неботворнаго. Бяше же и лице его светло чистотою душевною, и от Господа ему воздаяния мзды трудов ради его. И честныя мощи его взявше на главах, и принесше, положиша во святей церкви со псалмы и песньми, погребше их честно в ней близ олтаря на десней стране, в монастыри, в нем же и подвизаяся. Многа же исцеления недужным дарует Бог молитвами его от

гроба его и до сего дне приходящим и молящимся с верою и память его честно празднующих: прокаженнии очищахуся, и болныя и глухия здрави бываху, и мучимыя от бесов прощение и избавление приемлюще всегда,

и бедным помощник || и заступник в нуждах.

Престави же ся сей блаженный Димитрий в лето 6900. Аще ли будет малым чим лет сих болше или малее нечто, известно не вемы, по мнзех бо летех сия писанию предана быша.

О оных же чудесах мнзех от преподобнаго неисчетно бысть, яже видевших и слышавших свидетелей и послухов. И мы сами видевше их и слышаще от них многая чудотворения от преподобнаго в животе его, паче же и по смерти его, ими же чудеса Бог прослави его. И мало нечто от многа зде списана быша, молитвами преподобнаго отца нашего Димитрия, во славу Богу Отцу и Сыну Святому Духу. Аминь.

О корчете пред мором великим. И бывшу иногда Божиим судом недугу лютому в людех, тяжкая болезнь корчота. И се мнзех тогда приводящих тех в монастырь ко гробу чудотворному преподобнаго Димитрия. От многия же туги и скорби тоя лютыя не могуще бо и зрети болных тех, мучимыя от недуга того. У гроба святаго в церкви их и оставляюще, в руках им вложены имуща паличия, да не пронизали бы ногти рук своих от лютаго скорчения им. И тако валяющесе тии у гроба того, просяще прощения грехов своих и избавления от болезни тоя, и вопиющим непрестанно.

Ох, и увы, о горе, братие, бывшия тогда болезни тоя. Увы тогда тяжкаго || недуга того грех ради наших. И тако Божиею благодатию и молитвами преподобнаго Димитрия мнози болнии вскоре исцеление приемше и палицы своя помечюще из рук в церкви от радости, текуще в дома своя, славяще Бога и блаженнаго Димитрия чудотворца. Братия же согребше палицы те, из рук их поверженныя, изметаша из церкви от гроба святаго множеством, яко бы на воз воскласти. И вси людие, слышаще и видяще чудеса бываемая молитвами преподобнаго, хвалу и славу воздаша Богу и Того угоднику Димитрию. Всегда бо чудеса бываху, ово от гроба его, ово от воды священныя на праздник Спаса Христа Бога исцеления бывають во славу Отца и Сына и Святаго Духа.

По мнзех же летех попустившу Богу ратных на град Вологду за умножение грехов наших, зане не сотворихом повеления Его, ни соблюдом заповедей Его, яко же заповеда нам. Молим ти ся: «Господи, не предаждь нас до конца имени Твоего ради, не имуще бо любви между собою от чиста сердца, ни страха Божия в себе не имеющие, того ради вся сия нам быша бесполезная». Рече бо Господь: «Всякое царство или дом, аще разделится межи собою, то не может крепко состояти». Тако и сии людие, вятчане, сами некогда отделишася от рускаго царства Московскаго, и се междуусобная рать прииде || на град Вологду. И тако повоевавше, сим же многу зла сотворше, а себе добра не обретше. Шедше бо тогда нестройными путями, и мало их в дома своя приидоша. Едина бо вера христианская и единого княжения великаго обои людие, но много бо горе в та лета бысть, и увы, тогда нестроения в Руской земле межи собою за грехи наша. Много бо зла сотвориша и сперва тогда и обители преподобнаго Димитрия, и окрест живущих людей монастыря того, и села их пограбаша.

Иныя ратники и в церковь лезше, идеже гроб блаженнаго Димитрия баше, да нечто бы им восхитити хотяху. И тако один от них, без страха, и святых икон прикасаяся пеленах, и с неверием прихватися ко гробу преподобнаго, и ко одеянию тому святому, еже им одеян гроб. О люте бысть тогда тому воину, дерзнувшаго приступити с безумием нечистым на святую Божию! И абие бысть внезапно тогда невидимую Божиею силою отриновен напрасно той ратник от чудотворнаго гроба, идеже лежит под ним честное тело блаженнаго Димитрия, и повержен бысть немилостивно среди церкви, злый он грабитель, весь явися недействен, и оцепенев, и просто рещи — всеми составы тела его разкривлен и расслабен лежаше.

И се же видевше тогда друзии воины, иже с ним внидоша в церковь, ужа-
сошася страхом || великим zelo и омертвеша глаголюще: «Горе нам, о люте л. 48 об.
бысть за наше неразумие и неверие!».

Слышавше же инья воины и притекоша, и со братиею сущими, живу-
щими в монастыри том, в церковь, чюдящася со ужасом zelo, яко же
бо быша чюдеси во Иеросалиме: от одра, на нем же тело бывшее на погре-
бении Богоматере Пречистыя Богородицы, и прикоснувшася одру Афо-
ния, абие аггел Божий тогда отсече ему обе руже, зане бо с неверием той
архиерей Афония прихватися за одр, и паки той верова и абие руки
его прильпоша.

Сему же ратнику пуще бысть иеросалимлянина: не токмо исцеления
не получи, но и живота отпаде. И тако начаша вси людие припадати
с воины ко гробу блаженнаго Димитрия с верою, просяще прощения со-
грешением своим, да не то же и оныя постражут, яко же он, удареный
и помост церковный невидимую Божию силою. И тако тогда возмогоша
его изнести ис церкви, мал живот имуща. И часа того конец живота своего
приим, и погребоша его ту, а инии вси ту здрави быша Божиим человеко-
любием и молитвами преподобнаго Димитрия.

И се чюдо слышавше благочестивыя их воеводы (а инии видеша) и за-
поведаша всем своим воем крепко, повелеша весь плен и грабленная мо-
настырская отдати им назад, такожде и всем их крестьяном, и прочь оти-
доша, уже не к тому зла творяще. Посем же времени и тии людие, вят-
чане, || велию веру стяжавше в монастырь ко Спасу и его угоднику л. 43
Димитрию преподобному чюдотворцу.

Многа же чюдеса и исцеления всегда Бог подаваше болным, здравие от
гроба чюдотворнаго блаженнаго Димитрия молитвами его, иже с верою
приходящим. Но нечто от многа написана мала бысть, ныне скажем, иже
в наша лета бывшая.

Человек некий именем Симеон, прилучися ему некогда изступившу
ему ума, и люте от беса мучиму, и неподобная ему глаголющу. Сердо-
боли же его вязаху его ужи и путы железными, он же неподобная глаго-
лаше. И приведоша его в монастырь ко гробу преподобнаго Димитрия.
Он же многае перваго неистовяшеся неволею, и едва с трудом возмогоша
его ввести в церковь, и тогда на всех людей злым видом изуверяющуся, и
словеса неподобная испущая, иже ему от беса принуженная, и яко скот
гласяща вельми, и язык свой доле пяди извешающа из гортани своего.
И с нужею едва приклоняху его ко гробу святаго Димитрия. Игумен же и
братия молитвовавше за нь по силе своей. И благодатию Божиею и пре-
подобнаго Димитрия молитвами отступи от него тяжкий той недут и бысть
здрав, и смыслен, и строен во всем во вся дни живота своего, цел ум имея,
отиде во свояси, славя Бога и святаго чюдотворца преподобнаго Ди-
митрия. ||

Бысть же во граде мужа славна жена, именем София. И некогда при- л. 43 об.
лучися ей ума своего изступити от приведения некако нечистаго диаволя.
И приведоша ту в монастырь и ко грабу блаженнаго Димитрия. Много ей
тако трудившися в лютом том недуже, всячески бо недостойная и нелепая
глаголющи, и несмысленная деющи, ни срама, ни стыдения не ведущи
пред людьми, иногда и в церкви порты с себе мечущи, не ведущи того ей
от устрашающаго ю беса. И тако игумен со братиею молитвы творяще за
ню к Богу по силе своей. И милостию Спаса Христа Бога нашего, молитв
ради преподобнаго Димитрия та жена во ум свой прииде помале, бысть
здрава и смысла, цел ум имея, и отиде в дом свой, радуясь. Вси же
людие видевше и слышавше, славу Богу воздающе и преподобному Ди-
митрию чюдотворцу.

По сих же временех отрок некий, именем Харитон, ему же и мы само-
видцы быхом, иже сия и вписахом, да и се незабвенно будет чюдо. Неда-
лече волостей окрестных от монастыря живушу сему отроку и идушу ему
некогда путем учитися книгам, и абие внезапно от приведения множества

бесовскаго и зависти их злыя падеся на пути том. И страшаша его злыми
4. 44 виды, и запрещаху || ему, дабы не молился Богу и святым Его. Отрок же
вся та поведавшу, иже его нашедшим людем на пути том лежаща, и без-
гласна бывша, и умом смущена. И приведен бысть той ко гробу чудотворца
Димитриа. Прилучи же ся быти празднику церкви тоя Спаса нашего Бога
и освящение воде, месяца августа в 1 день. В той бо праздник все множе-
ство людское стицахуся от града и от сел, далнии же и ближнии мужие,
и жены, и дети, и припадающе чудотворному гробу блаженнаго Димитриа,
и освященной воде прикасающеся, приемлюще здравие и освящение ду-
шам и телом своим. Введен же бысть и той предреченный отрок, умом сму-
щенный во освященную ту воду на рече и изыде от воды здрав весь и смыс-
лен, слава и благодаря Бога и преподобнаго Димитриа. И отиде в дом свой,
уже не бояся к тому пакости тоя бесовския, таже книгам извече, и це-
ломудр, во всем во вся дни живота своего. И тако всегда растущим чуде-
сем Божиим в монастыри преподобнаго Димитриа исцеления неизречен-
ная: ово от воды освященныя на праздник тоя божественныя церкви,
ово же и от гроба преподобнаго всегда с верою приходящим.

Н. В. САВЕЛЬЕВА

Сказание о чудесах иконы Спаса Нерукотворного в Кузнецовой слободе

В последнее время повысился интерес исследователей к изучению книжных и литературных традиций различных регионов нашей страны, в частности отдельных районов Русского Севера. Можно назвать работы, посвященные как памятникам местных литературных традиций,¹ так и методологические статьи по выявлению книжно-рукописных традиций.² Однако первым и до сих пор непревзойденным опытом полного исследования одной из местных традиций несомненно является книга В. И. Малышева «Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX веков».³

Основным источником для изучения книжных традиций районов Русского Севера с уверенностью можно считать материалы территориальных собраний Древлехранилища Пушкинского Дома, сложившихся в результате сплошного и многократного археографического обследования севернорусских городов и сел, начатого В. И. Малышевым и по сей день продолжающегося его учениками. Исследование рукописей отдельных территориальных собраний дало возможность говорить о печорской, причудской и северодвинской рукописных традициях,⁴ о книжной традиции Заонежья.⁵

В свое время В. П. Бударагиным и Г. В. Маркеловым были сформулированы основные признаки, характерные для местных книжных традиций. Это наличие общих палеографических и кодикологических характеристик рукописей, наличие памятников местного происхождения, основанных на событиях истории края, и существование местных редакций тех или иных памятников древнерусской литературы.⁶

Обращение к материалам Пинежского собрания Древлехранилища показало, что пинежские рукописи отвечают всем этим требованиям. Само число этих рукописей (а сейчас в собрании 771 единица хранения

¹ Из последних работ назовем статью А. Н. Власова: В л а с о в А. Н. Неизученные историко-литературные памятники Устюжского края XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1938. Т. 41. С. 400—404.

² См.: Б у д а р а г и н В. П., М а р к е л о в Г. В. Выявление местных рукописно-книжных традиций при описании территориальных собраний Древлехранилища Пушкинского Дома // Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности: Материалы Всесоюз. конф. Л., 1931. С. 186—188; А м о с о в А. А. Книжная культура Архангельского Севера: (Проблемы. Источники. Неотложные задачи) // Культура Русского Севера. Л., 1938. С. 108—113.

³ М а л ы ш е в В. И. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX веков. Сыктывкар, 1960.

⁴ См.: Б у д а р а г и н В. П., М а р к е л о в Г. В. Выявление местных рукописно-книжных традиций. . . С. 188.

⁵ См.: Д м и т р и е в Л. А. Состояние и перспективы изучения книжно-рукописных традиций Заонежья // Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972. С. 330—337.

⁶ Б у д а р а г и н В. П., М а р к е л о в Г. В. Выявление местных рукописно-книжных традиций. . . С. 137.

XIV—XX вв.) говорит за себя. Имена местных переписчиков рукописей и составителей сборников, зафиксированные с XVI в., наличие крестьянских библиотек, сложившихся уже в XVII в. (например, библиотека пинежских крестьян Поповых), произведения местных авторов (Пинежский летописец,⁷ Житие Артемия Веркольского⁸ и др.), местные редакции известных древнерусских произведений (например, особая, отмеченная только в пинежских рукописях редакция «Сказания о начале Москвы»⁹) — все это свидетельствует о существовании на Пинеге своеобразной книжно-рукописной и литературной традиции.¹⁰

Характеристика каждого из аспектов этой традиции — задача отдельных работ. В этой статье мы хотели бы остановиться на одном из памятников местного происхождения, не привлекавшем до сих пор внимания исследователей.¹¹

В Пинежском собрании Древлехранилища находится сборник (Пин. 499), в состав которого входит текст «Книги о чудесех Спасова Нерукотворенаго образа чудотворныя иконы». Сборник написан полууставом одной руки в 60-х гг. XVII в. Среди материалов Древлехранилища, привезенных с Пинеги, удалось выявить еще четыре рукописи, переписанные тем же книжником; в их числе сборник (Пин. 440) с текстом одного из наиболее известных сочинений пинежской литературной традиции — Пинежского летописца. По времени написания эти 5 рукописей можно расположить следующим образом: Пин. 619, Пин. 560, Пин. 440, Пин. 499 и Пин. 35.¹² Приведем их полное палеографическое описание.

Пин. 619. Служба и Житие Георгия великомученика, XVII в. (50-е гг.), в 8-ку, полуустав одной руки; переплет — доски с кожаным корешком.

Водяные знаки: Голова шута с 5 бубенцами (типа Дианова, Костюхина,¹³ № 335—1653 г.; Лауцявичус,¹⁴ № 2627 — 1653 г.); лилия на щите под короной (типа Heawood,¹⁵ № 1730 — 1646 г., но без литер; Гераклитов,¹⁶ № 198 — 1643 г.; Дианова, Костюхина, № 955—956 — 1655—1656 гг.).

На л. 1 запись скорописью XVII в.: «Марьегорско(й) волости десячко(й) и денежной». По низу л. 2—6 скрепа скорописью XVII в.: «Споу

⁷ Краткое исследование и публикацию текста памятника см.: К о п а н е в А. И. Пинежский летописец XVII в. // Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972. С. 57—91.

⁸ Как показало исследование Л. А. Дмитриева, первоначальная редакция Жития Артемия Веркольского была написана жителями деревни Веркола. См.: Д м и т р и е в Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв.: Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л., 1973. С. 249—251.

⁹ См.: С а л м и н а М. А. Повести о начале Москвы. М.; Л., 1964. С. 114.

¹⁰ Вопрос о существовании на Пинеге местной рукописно-книжной традиции поднимался в 1967 г. В. И. Апрыткиным, однако с тех пор никто из исследователей не обращался к изучению этой традиции (см.: А п р я т к и н В. И. Пинежское собрание рукописей ИРЛИ АН СССР: (К вопросу о местной рукописно-книжной традиции XIV—XIX вв.) // Тезисы докладов на совещании молодых специалистов «Вопросы изучения средневекового славянского и греческого наследия в советских собраниях». Л., 1967. С. 10—11).

¹¹ Искренне благодарю В. П. Бударagina и О. П. Лихачеву, оказавших мне большую помощь в работе над статьей.

¹² По всей видимости, количество переписанных пинежским книжником рукописей не ограничивается дошедшими до нас пятью сборниками. Укажем, что среди фрагментов рукописей XVII—XX вв., принадлежавших семье церкогорских крестьян Поповых, находится еще один лист (Пин. 491) руки этого же писца. Вероятно, это фрагмент Синодика какого-то монастыря (Веркольского <?>), переписанного в 50—60-х гг. XVII в.

¹³ Д и а н о в а Т. В., К о с т ю х и н а Л. М. Водяные знаки рукописей России XVII в.: По материалам Отдела рукописей ГИМ. М., 1980.

¹⁴ Л а у ц я в и ч у с Э. Бумага в Литве в XV—XVIII вв.: Атлас. Вильнюс, 1967.

¹⁵ H e a w o o d E. Watermarks mainly of the 17-th and 18-th centuries. Hilversum, 1950.

¹⁶ Г е р а к л и т о в А. А. Филиграния XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963.

книгу / купил на Николские день(ги) / Марьегорской Николской староста / Клементей Михайлов / а дал на книги 3 ал(тына) 2 де(ньги)». На л. 32 об. запись скорописью: «Се ныне что. . .». На л. 37 об. скорописные читательские пометы к тексту. В оформлении текста использована охра. Заглавие на л. 2 выписано вязью (выше повторено химическим карандашом современной скорописью). Отдельные буквы в рукописи орнаментированы. Л. 1—1 об., 32 об. без текста.

С о д е р ж а н и е.

Л. 2. 23 апреля. Служба великомученику Георгию.

Л. 33. 23 апреля. Житие великомученика Георгия (текст 3-й редакции по классификации А. И. Кирпичникова; см.: Т в о р о г о в О. В. Словарная статья о Житии Георгия Победоносца // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 193. Нач.: «Ненавидяй исперва человек злый. . .»; конец текста утрачен).

Рукопись принадлежала Анне Семеновне Порохиной, проживавшей в д. Ёркино,¹⁷ и была передана в дар Древлехранилицу ее сестрой Анастасией Семеновной Порохиной, жительницей Карпогор, участникам археографической экспедиции в июле 1986 г.¹⁸

Пин. 560. Сборник, XVII в. (50—60-е гг.), в 8-ку, 136 л., полуустав двух типов; переплет — доски, обтянутые кожей (сохранилась только нижняя крышка переплета). Л. 1—41 об. переписаны почерком писца Пин. 619, л. 44—135 об. — полууставом другой руки.

Водяные знаки: л. 2—41 — гербовый щит с перевязью и двумя львами <?> на нем (знак в альбомах филиграней не обнаружен); л. 43—136 — агнец пасхальный (типа: Лауцявичус, № 591 — 1660 г.).

На л. 42 об. запись скорописью нач. XVII в.: «Сия книга церкви святого великомученика Георгия и святыя великомученицы Парасковии, нареченная Пятницы. Она книга не продана, не заложена». На л. 89 подражанием печатному шрифту XIX в. написано обращение к неизвестному благодетелю. На нижнем форзаце (для него использован фрагмент документа XVII в.) почерком второго писца надпись: «Тимофея». Здесь же, а также на л. 66 об. пометы типа «проба пера». На л. 71 в текст внесено исправление рукой первого писца. В оформлении текста использована охра (л. 1—41) и киноварь (л. 44—135 об.). На л. 2 заглавие выписано вязью. На л. 67 вязью другого типа черными чернилами написано заглавие. Отдельные буквы в рукописи орнаментированы. На л. 67 и 90 примитивные заставки геометрического рисунка, выполненные пером черными чернилами. Во второй части рукописи имеется буквенное обозначение тетрадей. Л. 42-43 об., 66—66 об. без текста.

С о д е р ж а н и е.

Л. 1. Служба Параскеве Пятнице (только конец).

Л. 2. 23 апреля. Служба великомученику Георгию.

Л. 41. «Указ» о великомученике Георгии.

Л. 44. 3 ноября. Служба на освящение храма великомученика Георгия.

Л. 67. 28 октября. Житие святой Параскевы Пятницы (нач.: «Царствующи Диоклитияну нечестивому. . .»).

Л. 90 об. 23 апреля. Житие великомученика Георгия (текст 3-й редакции по классификации Кирпичникова; нач.: «Ненавидяй исперва человек злый. . .»).

Л. 114 об. Чудо святого Георгия о змее и о девице (нач.: «Тако изреку страшную сию преславную тайну. . .»).

¹⁷ Об Анне Семеновне Порохиной см.: Николаев Н. И. Пинежская экспедиция 1979 года // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 392.

¹⁸ Отчет об экспедиции и краткое описание рукописи см.: Рождественская М. В., Руди Т. Р., Шухтина Н. В. Экспедиция 1986 года на Пинегу // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 43. С. 394—400.

Л. 127. 26 ноября. Слово об освящении церкви святого Георгия в Киеве (нач.: «Блаженный и приснопамятный всея Руския земли князь Ярослав. . .»).

Л. 129. Чудо святого Георгия о срачине (нач.: «Поведаше Улас в Диосполе граде. . .»).

Л. 133 об. Чудо святого Георгия об иконе, «в ню же устрели срачинин» (нач.: «Во граде Лимене срачинстем. . .»; конец текста утрачен).

Рукопись передана Марией Тихоновной Стахеевой (д. Кушкопала) участникам экспедиции в июле 1981 г.¹⁹

Пин. 440.²⁰ Сборник, XVII в. (60-е гг.), в 8-ку, 172 л., полуустав двух типов; переплет утрачен, сохранился только фрагмент матерчатого корешка. Основная часть рукописи (л. 5—6 об., 40—172 об.) переписана писцом Пин. 619 и Пин. 560, в остальной части (л. 1—4 об., 7—39 об.) более поздний полуустав другой руки.

Водяные знаки: в основной части рукописи — голова шута с 5 бубенцами (знак в альбомах филиграней не обнаружен); л. 1—4, 7—39 — змея (типа: Гераклитов, № 344 — 1660 г.; круг под короной (типа: Лауцявичус, № 1218 — 1665 г.).

На л. 40—42 скрепа скорописью: «170 году марта в 20 день продал | Нехорошко сыну Федору | а взял восемь алтын (и деньгу)». На л. 29 об. скорописная запись: «Сия книга Стефана Федорова». На л. 36 запись: «Сея книга Антонка да Стенки Федоровых детей Поповых Кевролского стана»; ниже скорописью другой руки: «Сия книга московская». На л. 123 полууставом основной части рукописи сделана выписка о платежах, приходившихся по д. Марьяна Гора «. . на нынешной 169 год. . .». На л. 36 об. полууставом остальной части рукописи запись о грозе, случившейся 28 июля 7175 (1667) г. в д. Кушкопала.

Порядок листов в рукописи перепутан; их следование можно установить только для отдельных текстов, но затруднительно для сборника в целом. Л. 6—6 об.шит неверно, текст нужно читать в обратной последовательности: 6 об.—6. Имеется буквенное обозначение отдельных листов и тетрадей.

С о д е р ж а н и е.

Л. 1—4 об., 7—9 об., 30—34 об.²¹ Хождение игумена Даниила (нач.: «Путь же во Иерусалим от Царяграда. . .»).

Л. 5—5 об., 171—172 об., 6 об. Стихи покаянные («Сего ради нищ есмь. . .»), «Плакася Адам пред раем седя. . .», «Откуда начну плакать аз окаянный. . .», «Окаяние убогий человеце. . .», «Придете вси человецы. . .», «Душе моя, душе моя, почто в грехе пребываеши. . .»).

Л. 6 об.—6. Список избранных дат по истории Руси (восходит, вероятно, к протографу Пинежского летописца).

Л. 39—39 об., 37—38 об., 10—29 об., 40—122 об. Пинежский летописец (нач.: «Андрей по реце в Рим. . .»).

Л. 34 об.—35 об. Слово о немилостивых князех (нач.: «Слышите, князи, и разумеите. . .»).

Л. 35 об.—36. Слово о наказании чаду (нач.: «Сыне, не противляйся богатому. . .»).

¹⁹ Отчет об экспедиции и краткое описание рукописи см.: Николаев Н. И., Савельев А. А., Федоров С. В. Пинежская экспедиция 1981 г. // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 450—454.

²⁰ Частично сборник описан А. И. Копаневым (см.: Копанев А. И. Пинежский летописец. . . С. 57). Мы сочли необходимым дать полное его описание, внося некоторые исправления и уточнения. Краткое описание Пин. 440 см. также: Демкова Н. С., Сазонова Л. И. Отчет о Пинежской экспедиции 1969 г. // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 328.

²¹ Нумерация листов дается в той последовательности, в которой читается находящийся на них текст.

Л. 123 об.—170 об. Хождение Трифона Коробейникова (нач.: «Лета 7090 царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси послал с Москвы. . .»; конец текста утрачен).

Сборник был передан Михаилом Артемьевичем Куниковым (д. Засурье) участникам археографической экспедиции в июле 1969 г.

Пин. 499. Сборник, XVII в. (60-е гг.), в 8-ку, 84 л., полуустав писца Пин. 619, Пин. 560, Пин. 440; переплет картонный (сохранился только фрагмент верхней крышки переплета).

Водяные знаки: голова шута с 7 бубенцами искаженного рисунка; л. 28—32 — круглый герб без короны <?> (знаки в альбомах филиграней не обнаружены).

На л. 15 об. писцовая помета: «Написан канон во 172 году июля 18 день». На л. 17—24 скрепа скорописью: «184 году | мая 17 | продал сию | книгу Трифан | Иудин Прокоп(ь)ю | Нифант(ь)еву | пописал <так!> своею ру | кою». На л. 27 запись скорописью конца XVII—нач. XVIII в.: «Сия тетрадь Кевролскаго уезда Сурской волости Засурской деревни крестьянина (Черемного)». Та же владельческая запись повторена в сокращенном виде на л. 84 об.

В оформлении отдельных листов рукописи (л. 1—17, 44 об.) использована охра. На л. 26 заглавие выписано вязью, коричневыми чернилами. Имеется буквенная нумерация тетрадей. Рукопись реставрирована в конце XVIII в., текст на л. 45—49 об., 61—66 об. написан скорописью этого времени. Л. 16 об., 73, 82 об.—84 без текста.

С о д е р ж а н и е.

Л. 1. Прокимен мученикам.

Л. 1. Выписка из Евангелия (от Марка, V, 25).

Л. 2 об. Прокимен кресту.

Л. 4 об. Канон кресту.

Л. 17. Канон за творящих милостыню.

Л. 26. Покаянный канон Андрея Критского.

Л. 40. 23 июля. Служба Артемию Веркольскому.

Л. 67. Тропарь Успению Богородицы.

Л. 73 об. Сказание о чудесах иконы Спаса Нерукотворного в Кузнецовой слободке.

Рукопись найдена в д. Сура и передана в 1971 г. в дар Дрвлекранилицу Виктором Яковлевичем Дерягиным.

Пин. 35. Сборник (фрагмент), XVII в. (60-е гг.), в 8-ку, 16 л., полуустав писца Пин. 619, Пин. 560. Пин. 440 и Пин. 499; переплет не сохранился.

Водяные знаки: лилия (типа: Д и а н о в а, К о с т ю х и н а, № 955 — 1656 г.); л. 7—8 — голова шута с 7 бубенцами смазанного рисунка (знак в альбомах филиграней не обнаружен).

На л. 1 писцовая запись: «175 года июня в 20 день»; на л. 16 фрагмент записи писца: «. . . день писал». На л. 4 об. скорописная помета: «Попытаю пера». По верху листов написаны скорописью колонтителы, на л. 10, 11 об., 12 — киноварные.

С о д е р ж а н и е.

Л. 1. Слово о преподобном Моисее Угрине (фрагмент), (из Киево-Печерского патерика; нач.: «. . . поклонися Ирод жене ся поработив. . .», конец: «. . . и удари его в лоно и омертве. . .»).

Л. 9. Житие Алексея человека Божия (без начала, между л. 14 об. и 15 пропущена часть текста; редакция, близкая ВМЧ, по классификации В. П. Адриановой-Перетц; см.: А д р и а н о в а В. П. Житие Алексея человека Божия в древней русской литературе и народной словесности. Пг., 1917. С. 484.; нач.: «. . . милостыню посылаша глаголя. . .»).

Рукопись привезена археографической экспедицией 1962 г. из д. Явзора.²²

Писцовые и владельческие записи на листах этих рукописей не называют имени переписчика и его места жительства. Однако, судя по их содержанию и упомянутым в них населенным пунктам, можно предположить, что этот человек был близок церковным кругам, а его рукописания бывали во многих деревнях на Пинеге.

Две из дошедших до нас рукописей он переписал для церковных библиотек: Пин. 619 — для церкви святого Николая Чудотворца в д. Марьяна Гора (см. скрепу на л. 2—6); Пин. 560 (л. 1—41 об.) — для церкви святого Георгия и святой Параскевы Пятницы в д. Пиринемь.²³ Один и тот же текст Службы великомученику Георгию, помещенный в них, особая (в отличие от остальных) украшенность этих рукописей говорят о том, что они, очевидно, были сделаны на заказ. Причем, что касается Пин. 560, неизвестный книжник не только переписал первые 40 листов рукописи, но и участвовал в оформлении сборника в целом: в той части, где переписаны (по-видимому, при церкви в Пиринемь) Жития св. Георгия и св. Параскевы Пятницы, он правил текст (см. л. 71) и украшал рукопись кинovarью — орнамент буквиц в обеих частях сборника при разнице почерков одинаков.

Пинежский книжник не только переписывал рукописи на заказ для церквей, но и сам имел доступ к церковным библиотекам. Об этом свидетельствует выписка с выходных данных книги, сделанная им в церкви св. Николая Чудотворца на Покшеньге.²⁴ В Пин. 499 на л. 72 об. читаем: «Совершена бысть Псалтырь в лето 7158-е в пятое лето державы государя царя Алексея Михайловича, во 8-е лето патриарха Иосифа Московского.²⁵ На Покшеги <так!> у Николы».

Возможно также, что он имел отношение к приказной избе, переписывал документы или даже составлял их, на что указывает запись на л. 123 в Пин. 440: «Выписка с книг, что доведется с волости Марьиной Горы государевых данных и оброчных денег на нынешний 169 год и в прошлые годы. Данных и оброчных денег 32 рубли 28 алтын пол 4 ден(ги). За стрелецкие хлебные запасы 26 руб. 20 алтын пол. 6. На откуп полонником 7 алтын 2 деньги. За конскую пошлину 12 алтын. За Лавельскую пустоту рубль 5 алтын 4 деньги».²⁶

Таким образом, различные записи на листах сохранившихся рукописей неизвестного книжника представляют его образованным, имевшим, по-видимому, авторитет у пинежан человеком. Трудно с уверенностью сказать, служил ли он писцом приказной избы или относился к духовенству одной из местных церквей. Во всяком случае переписывание книг было для него, очевидно, делом профессиональным. В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что ни на одной из названных книг нет

²² Отчет об экспедиции и краткое описание рукописи см.: Демин А. С., Панченко А. М. Пинежская археографическая экспедиция 1962 г. // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 397—403.

²³ Во владельческой записи на л. 42 об. не названо место, где находится церковь. Однако ни в одном другом селении на Пинеге, кроме Пиринемь, церкви во имя этих двух святых не было. Деревянная же церковь во имя св. Георгия с приделом св. Параскевы Пятницы существовала в Пиринемь еще до образования там в 1672 г. самостоятельного прихода (см.: Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Архангельск, 1985. Вып. 2. С. 244—247).

²⁴ В одной из деревень Покшеньгского прихода в XVII в. была деревянная (холодная) церковь во имя св. Николая Чудотворца (см.: Краткое историческое описание. . . С. 250).

²⁵ В каталоге А. С. Зерновой названо издание Псалтыри с воследованием, выпущенное в 1650 г. (см.: Зернова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII веках: Сводный каталог. М., 1958. С. 70, № 220).

²⁶ Эта запись помещена в Пин. 440 сразу вслед за текстом Пинежского летописца. На основании ее А. И. Копанев предположил, что писцом рукописи был житель д. Марьяна Гора (см.: Копанев А. И. Пинежский летописец. . . С. 58).

владельческой записи самого писца; напротив, здесь содержатся записи о продаже рукописей разным лицам, по времени близкие годам написания каждой из них. Так, сборник Пин. 440, переписанный не ранее 1661 г. (см. запись на л. 123), уже в 1662 г. продал некий Нехорошко своим детям (см. скрепу на л. 40—42), а сборник Пин. 499 в 184 (1676) г. был продан Трифоном Июдиным, возможно, уже не первым владельцем рукописи, написанной не ранее 1664 г. (см. запись на л. 15 об.).²⁷

Даже те немногочисленные тексты литературного содержания, которые дошли до нас в составе названных рукописей, свидетельствуют о достаточно широком круге интересов книжника, его хорошем литературном вкусе и его особенном внимании к истории как России в целом, так и к истории родного края. И если такие древнерусские произведения как Хождение Трифона Коробейникова, Житие Алексея человека Божия или покаянные стихи довольно часто встречаются в рукописях, в том числе и пинежской традиции, то Пинежский летописец и Сказание о чудесах местной иконы Спаса Нерукотворного известны нам только по одному списку, сделанному пинежским книжником.

В свое время Д. Н. Альшиц, а вслед за ним А. И. Копанев указали еще два фрагмента летописца, аналогичных Пинежскому: ГПБ, КП. 1958. 217, конец XVII—нач. XVIII в. и ГПБ, Q. XVII. 252, нач. XVIII в.²⁸ Однако, на наш взгляд, нет достаточных оснований возводить эти фрагменты именно к Пинежскому летописцу. Тексты произведений, переписанные в них (Повесть о Харитоне Белоулине, Сказание о взятии Сибири, Сказание Авраамия Палицына об осаде Троицкого монастыря, Сказание о начале Москвы), встречаются в рукописях как в составе других летописцев, так и в отдельных списках. Эти два фрагмента не содержат известий, помещенных в Пинежском летописце между указанными сочинениями. В то же время в них есть сообщения о событиях, о которых не упоминает автор Пинежского летописца. Кроме того, тексты названных сочинений в этих двух фрагментах имеют разночтения как между собой, так и с их текстами в Пинежском летописце.

Список Пинежского летописца, находящийся в рукописи Пин. 440, не является, как нам кажется, авторским. Скорее это копия с произведения какого-то местного книжника. Об этом свидетельствует краткий перечень событий русской истории, помещенный в рукописи на л. 6 об.—6. То, что он составлен по протографу списка Пин. 440, а не по тексту другого летописного памятника, видно из соответствия дат названных в нем событий датам этих известий в Пинежском летописце, в том числе названы события местной истории. В то же время в кратком перечне есть одно несоответствие, указывающее, что он составлен не по списку летописца в Пин. 440: мор, случившийся на день памяти Афанасия и Кирилла Александрийских, датированный в Пин. 440 7091 (1583) г., в кратком перечне помещен под 7088 (1580) г. Под 1580 г. в дошедшем до нас списке Пинежского летописца никаких известий нет.

На то, что в Пинежских пределах бытовал, по-видимому, еще один список памятника, указывают значительные разночтения между текстом восстановленной другим писцом части летописца (в Пин. 440 это л. 39—39 об., 37—38 об., 10—29 об.) и основным источником произведения — летописным сочинением в сборнике ГИМ, Муз. 3996. По мнению А. И. Копанева, утраченные листы Пин. 440 восстанавливались непосредственно по рукописи Муз. 3996.²⁹ Мы не можем согласиться с этим мнением по сле-

²⁷ О профессионализме пинежского книжника свидетельствует и то, что им не только переписывались, но и реставрировались рукописи. Так, аккуратно сделанная им реставрация утраченного текста Псалтыри находится на л. 47—48 в рукописи Пин. 4 (сборник-конволют XVI—XX вв.).

²⁸ Альшиц Д. Н. Древнерусская повесть про царя Ивана Васильевича и купца Харитона Белоулина // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 255—271; Копанев А. И. Пинежский летописец. . . С. 61.

²⁹ Копанев А. И. Пинежский летописец. . . С. 60.

дующим причинам. Текстуального соответствия в этих двух списках нет: на дополнительных листах Пин. 440 названы известия, отсутствующие в Муз. 3996 (похвала апостолу Андрею; сообщение о епископе Леоне, взятом князем Владимиром из Корсуня; похвала князю Владимиру и Русской земле и др.). Неодинакова последовательность упоминаемых событий. И, наконец, разница в датировках: одни и те же известия имеют разные даты (например, преставление княгини Ольги); в то же время под одним годом названы совершенно разные события (например, под 6521 г. в Муз. 3996 — сообщение о завершении церкви Софии в Киеве, а в Пин. 440 — известие о том, что князь Владимир призвал к себе Бориса).³⁰ Характер переработки текста источника в основной части рукописи Пин. 440 и на восстановленных другим писцом листах одинаков, обе части памятника принадлежат, несомненно, одному автору. Все это, на наш взгляд, говорит о том, что утраченные листы Пинежского летописца в Пин. 440 восстанавливались по не дошедшему до нас списку памятника, возможно, по его автографу.

Другое сочинение, известное нам также в одном списке, находится в рукописи Пин. 499 на л. 73 об.—82. Ряд наблюдений дает возможность предположить, что в данном случае мы, напротив, имеем дело с автографом «Книги о чудесах Спасова Нерукотворенного образа чудотворных иконы».

Прежде всего, это близость времени действия в произведении годам написания рукописи. Речь в «Книге о чудесах. . .» идет о событиях, датированных 23 июля 171 (1663) г. Эта дата неслучайна и может быть признана изначальной в тексте, а не внесенной переписчиком. Произведение повествует о чудесах образа Спаса Нерукотворного в Кузнецовой слободе на Мезени. Именно в 1663 г. был образован Мезенский Кузнецко-слободский приход, имеющий двухпрестольную церковь в Кузнецовой слободе.³¹ Причем один престол церкви был в честь Нерукотворенного Образа Христа Спасителя, а второй — во имя святого праведника Артемия, Веркольского чудотворца, день памяти которого приходится на 23 июля.³²

Канон кресту, переписанный в Пин. 499 на л. 4 об.—16 об., датируется 18 июля 1664 г. (см. писцовую запись на л. 15 об.). Учитывая, что вся рукопись написана на бумаге с одним водяным знаком³³ и одними чернилами, можно полагать, что и другие тексты сборника переписаны в это же время, а не прилетены позже. Значит, между описываемыми в произведении событиями и их изложением в «Книге о чудесах. . .» прошло около двух лет.

В пользу авторства пинежского книжника говорит и переписанный им на л. 1—2 рукописи Пин. 499 фрагмент из Евангелия от Марка (V, 25). Текст этого фрагмента об исцелении Христом кровоточивой жены выписан, очевидно, не случайно: он дважды используется автором при описании чудес от иконы Спаса Нерукотворного.

Кроме того, по своему типу это произведение — не создание опытного писателя, а текст, очень близкий к легендарным преданиям о местности-

³⁰ Заметим, что А. И. Копанев отмечает отдельные несоответствия в текстах двух рукописей, но приходит к иному выводу.

³¹ См.: Краткое историческое описание. . . С. 296.

³² В Полном месяцеслове Востока архиепископа Сергия называются 3 даты дня памяти Артемия Веркольского — 23 июня, 23 июля, 20 июля. Автор сообщает, что как в печатных изданиях, так и в рукописях встречаются несоответствия не только при указании дня кончины, но и года рождения и преставления святого (см.: С е р г и й. Полный месяцеслов Востока. Владимир, 1901. Т. 2. С. 189, 231). Мы называем здесь дату 23 июля, так как во всех просмотренных нами рукописях пинежской традиции — списках Службы Артемию Веркольскому, святцах, Прологах — днем его памяти называется эта дата. Заметим, что в Пин. 499 текст Службы Артемию Веркольскому, переписанный на л. 40—60 об., также приходится на 23 июля.

³³ По-видимому, писец не имел больших запасов бумаги. Одни и те же филиграны встречаются как правило на бумаге только в пределах каждой из рукописей, хотя все они близки по времени написания.

мых святынях, живой рассказ современника или даже очевидца. В то же время его автор хорошо знаком с книжной традицией, и потому в произведении встречаются иногда не очень искусно использованные ситуации и формулы, традиционные для сказаний о явлениях и чудесах икон и для житийных памятников.

Добавим также, что в тексте «Книги о чудесех. . .» мы не встретили лакун и ошибок, которые могли возникнуть при переписке с оригинала.

Таким образом, учитывая все эти наблюдения и имея некоторое представление о личности писца и его литературном интересе, можно предположить, что он не только переписывал и реставрировал рукописи, но и написал произведение о местной иконе, автограф которого находится в рукописи Пин. 499.

«Книга о чудесех Спасова Нерукотворенаго образа чудотворныя иконы» повествует об исцелениях от иконы Спаса Нерукотворного в Кузнецовой слободе. Кузнецова слобода, так же как и многие другие населенные пункты, названные в произведении (Окладникова слобода, Долгая Щелья, Погорельцы, Юрома), расположены в месте впадения рек Кулоя и Мезени в Белое море и административно относятся к Мезенскому уезду. Надо, однако, заметить, что для XVII в. границы между Пинежским и Мезенским уездами были весьма условны. Всей хозяйственной жизнью управляла единая для мезенцев и пинежан воеводская изба, которая находилась в Кевроле.³⁴ Лишь в 1736 г. в Окладникову слободу была перевезена отдельная воеводская канцелярия. Свидетельство единства двух уездов находим и в сказании: «И взяша той образ и поидоша в пределы в край Студенаго моря Кевролскаго и Мезенскаго уезду усть Кулоя реки по речьки Хоруговки. . .».

Жизнь крестьян не подчинялась какому-либо административному делению, не так уж далеко было для них расстояние между соседними уездами. Торговые пути, которыми попадали на Пинегу привозные товары, проходили через Мезенский уезд — судоходная река Мезень имела свободный выход к Белому морю. В свою очередь мезенцы, как и жители других уездов Архангельской губернии, везли свои товары — прежде всего пушнину и рыбу — в Пинегу на знаменитую еще и в XIX в. зимнюю Никольскую ярмарку.³⁵ Через Малонемножский приход (на левом берегу реки Пинеги) в зимнее время проходил Мезенско-Пинежский почтовый тракт.³⁶ Условность административных границ наглядно отражена в повести о Мезенской иконе Троицы, опубликованной Т. Ф. Волковой по пинежской рукописи: крестьянин, возвращаясь домой в село Лампожня Мезенского уезда, находит на дороге близ села Шеймогоры на Пинеге медную икону святой Троицы, оказавшуюся чудотворной и ставшую впоследствии местной святыней Лампоженского прихода.³⁷

Все это еще раз убеждает в том, что при определении места создания произведения и отнесении памятников древнерусской литературы к той или иной местной традиции нельзя основываться только на географических данных текста. В каждом конкретном случае необходимо учитывать все особенности произведения, возможность соотнесения его с какой-либо местной книжно-рукописной традицией на основе прежде всего палеографических характеристик рукописей.

³⁴ См.: Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 30.

³⁵ См.: Краткое историческое описание. . . С. 204. О Пинежской Никольской ярмарке рассказывает в своих очерках С. В. Максимов: Максимов С. В. Год на Севере. Архангельск, 1984. С. 492—495.

³⁶ Краткое историческое описание. . . С. 213.

³⁷ См.: Волкова Т. Ф. Вновь найденная повесть XVII в. о Мезенской иконе Троицы // Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972. С. 136—143. Текст повести опубликован по рукописи Пинежского собрания Древлехранилища — Пин. 300.

Основной особенностью текста «Книги о чудесех. . .» является нетрадиционность его композиции и невозможность безоговорочного его отношения к обычному для подобных случаев жанру сказания о явлении и чудесах иконы. Здесь мы имеем дело с записью устного предания о местночтимой иконе, композиционно организованной так, как это предание, вероятно, бывало у местных жителей.³⁸ Прежде всего обращает на себя внимание отсутствие риторического вступления и заключения с похвалой чудотворной иконе. Перед нами живой рассказ с изображением реальных людей, их страданий и чаяний. Но этот рассказ записан человеком, хорошо знакомым с книжной традицией, — отсюда введение в повествование ситуаций и речевых оборотов, характерных для агиографии и сказаний о явлениях икон.

Сюжетно рассказ делится на две части, в центре каждой из которых — свой герой. Первая часть — это краткое житие некоего вологжанина Сергея Григорьева сына Герасимовых, заказчика и владельца иконы Спаса Нерукотворного. Описывая жизнь реального человека (это описание — перечисление фактов биографии героя; каждое его предположение начинается союзом «и», что создает равномерный, сказовый ритм повествования), автор вплетает в текст традиционные агиографические формулы: «Человек некий добра рода и богата суца. . . измлада Бога возлюби. . . И по вся дни молитву воздая. . . И потом возлюбиша Бога паче всего. . .». Однако эти отвлеченные формулы не закрывают образа живого человека с его размышлениями и жизненными потребностями. Вполне понятным для читателя становится желание старого человека, оставшегося в одиночестве, вдали от людей, перенести богатую икону в церковь: «. . . и дети отпусти и имения раздая, и жена его умроша. . . И старевся и нача размышляти о смерти своей, что пусто место. И восхотеша пренести Спасов образ к церкви Пресвятыя Богородицы Владимирской на Долгую Щелью. . .». С этого места центральным образом в повествовании становится икона Спаса Нерукотворного, которая впервые называется чудотворной: «И призва попов, и пеша молебны, и не возмогоша с места двигнути чудотворныя иконы. . .».

Вторая часть «Книги о чудесех. . .» — это краткие рассказы о чудесах иконы при ее перенесении в Кузнецову слободку (по указанию Спаса, явившегося владельцу иконы) и после перенесения. Набор чудес традиционен, но в этой традиционности нет нарочитости — икона спасает от бед, вполне реальных для крестьян: это исцеления от различных недугов (сердечной болезни, болезни глаз, щепотницы, грыжи и др.), а также избавление от пожара и от падежа скота. Люди, прибегнувшие к помощи иконы (называются их имена, иногда род занятий), — в основном жители близлежащих деревень.

Ряд чудес об исцелении недужных (см. чудеса 3, 4, 7, 11 и 12), а также 5-е чудо об избавлении жителей деревни Юрома от пожара — это краткие

³⁸ По-видимому, о местночтимой иконе было не одно устное предание. По записям С. В. Максимова, появление на Мезени иконы Спаса Нерукотворного связано с именем первого поселенца, купца Окладникова. Вот как он пишет об этом: «До сих пор еще свежо в народе историческое предание о первоначальном заселении места, занимаемого теперь городом (Мезенью, — Н. С.). Два новгородца — Окладняков и Филатов — явились первыми к устью реки Мезени и первые положили здесь начало заселению: один — там, где теперь город Мезень, другой выселился ближе к морю, туда, где теперь раскинулась деревушка Сёмжа. Оба новгородца явились с семьями и с добрую волюю противостоят негостеприимному климату и всевозможным лишениям и оба устояли. Тот и другой заручились грамотами Грозного царя и правами «копоти на великого государя слободы и с песков и рыбных ловищ и с сокольных и кречатъих садбищ давати с году на год великому князю оброки». Окладняков явился на новое место своего жительства с пятью сыновьями и с иконою Нерукотворного Спаса. Икона эта долгое время переходила от одного лица к другому, пока не сбереглась в руках какого-то безвестного отшельника, жившего в пустыньке на морском берегу при устье реки Хорговки, и пока не была перенесена отсюда (в 1663 г.) в Спасскую церковь Кузнецовой слободки. . .» (см.: Максимов С. В. Год на Севере. . . С. 21).

документальные, деловые записи о случившемся. Другие чудеса имеют свой развернутый сюжет, они полны действия, живы за счет прямой речи и диалогов, введенных в текст. Язык рассказчика яркий и образный, передается не только само действие, но мысли и психологическое состояние героев, их эмоции.

Иногда распространение сюжета происходит за счет включения в повествование рассказов о чуде видений. Например, в 6-м чуде, где икона избавляет жителей веси Погорельцы от падежа скота, видение было некому «мужу стару» Феодору Патрухину. Характерно, что явившаяся ему «жена в белых ризах» разговаривает с ним языком простой крестьянки, укоряя за неведение и неразумность: «Человече, не веси ли откуду помощи получить. Не тружайтесь без ума, помолитесь всемилостивому Спасу Нерукотворенному образу и обрячете помощь. . .».

Довольно традиционным для рассказов о чудесах святых или чудотворных икон является введение в них цитат и реминисценций из Писания. Чаще всего используются в таких случаях евангельские легенды об исцелении Иисусом Христом страдающих различными недугами. Обычно текст Евангелия вводится в виде прямой цитаты, словами которой говорится о страдании недужного. Есть такой случай и в тексте «Книги о чудесах. . .»: во 2-м чуде Тимофей Кочен, «раздая имение свое врачем и не обретоша помощи, но в горшая впадоша. . .» (ср. Евангелие от Марка, V, 26). Однако привлекает внимание другой характерный для произведения способ использования Писания. Обращение к Евангелию изображается как действие героя. Так, например, во 2-м чуде страдающий недугом человек в с п о м и н а е т о случае исцеления: «И плачася горко и вспоминаю, како Бог разслабленаго исцелил. . .» (Евангелие от Иоанна, V, 5), а в 10-м чуде некая Фекла даже н а п о м и н а е т Богу о прецеденте: «И приступи несумною верою: „Господи, ты исцелил еси кровоточивую жену, не презри, господи, и мене грешной, не имеюща не коея веры!..“» (Евангелие от Марка, V, 25). Интересно отметить, что обращение к Писанию и молитва после него становятся в чудесах непосредственным поводом к исцелению.

Элементы книжной традиции, введенные автором в повествование, не нарушают все же общего впечатления живого рассказа. Его основа — устное предание — сохраняется за счет реалистического изображения поведения героев, передачи их психологического состояния и эмоций. Приведем только один пример. В 10-м чуде говорится о некоей жене по имени Фекла, страдающей болезнью ног. Страдание женщины подчеркивается натуралистическим изображением недуга: «. . . и изгниша ноги ея, из костей гной и черви исходяще. . .» и изображением отношения к ней окружающих: «Людие же гнушахуся от смрада и от червей исходящих. . .». Реалистическое восприятие читателем недуга обостряется еще и за счет того, что параллельно внешнему состоянию автор показывает внутреннее страдание героини, в отчаянии взывающей к Богу: «И рече в себе: „Господи, господи, како терпиши смрадность мою!..“».

В исследовании о севернорусских житиях Л. А. Дмитриев пишет: «. . . жития подобного рода основаны на местных преданиях. . . Создание на этой основе житий — принципиально новое явление в житийном жанре: в риторический, морально-назидательный, церковно-служебный по своим задачам жанр проникают узко местные народные предания, не связанные в своей первооснове ни с монастырем, ни с церковью. . . интерес к окружающей человека реальности, выражение авторского отношения к изображаемому разрушали искусственные каноны агиографического жанра. . .».³⁹

³⁹ Д м и т р и е в Л. А. Жанр севернорусских житий // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 193—202.

По-видимому, такой же процесс разрушения жанра, близкого по функции агиографическому, мы можем наблюдать и на примере текста «Книги о чудесех. . .». Причем процесс этот двусторонний. С одной стороны, под влиянием устной стихии, фольклорной основы текста автором не выдерживается традиционный канон сказания о явлении и чудесах иконы, поэтому в произведении отсутствуют риторическое вступление и заключение с похвалой иконе, пышное описание чудотворной иконы. С другой стороны, по той же причине — устной основы текста — нарушаются, точнее, расширяются границы самого жанра. Народная легенда, записанная книжником из демократической среды, приобретает черты двух близких друг другу жанров — агиографического и жанра сказания о явлении и чудесах иконы.⁴⁰

В заключение несколько слов о цели создания памятника. Очевидно, прославление местночтимой святыни было необходимо для привлечения крестьян ко вновь образованному приходу, для придания ему значимости и авторитета. В этом случае становится понятным, почему в сказании чудотворная икона не пошла в церковь Богородицы Владимирской на Долгую Щелью. Соседний с Кузнецко-слободским Долгощельский приход, образованный в 1660 г.,⁴¹ имел среди своих прихожан и жителей деревень, находившихся недалеко от Кузнецовой слободы. Борьба за признание вновь образованного прихода, за повышение престижа церкви в Кузнецовой слободе стала, очевидно, основной причиной создания произведения о местночтимой иконе.

Мы не можем с уверенностью сказать, почему автором этого произведения стал, по-видимому, пинежский книжник. Связано это с его биографией (где он жил постоянно, и было ли у него такое постоянное место жительства — неизвестно), или же авторитет его был так высок, что к нему обращалось не только пинежское, но и мезенское духовенство? Почему литературные памятники о мезенских святынях бытовали на Пинеге, и вообще насколько тесной была связь между пинежской и мезенской книжной традициями — эти вопросы еще ждут своего разрешения, возможного только при подробном исследовании рукописно-книжных традиций Пинеги и Мезени с обязательным привлечением документальных источников и фольклорных записей.

Сейчас же нам остается только констатировать факт: произведение о Мезенской иконе Спаса Нерукотворного в Кузнецовой слободе нужно считать, по-видимому, памятником пинежской литературной традиции и вне всякого сомнения явлением пинежской книжно-рукописной традиции.

Текст «Книги о чудесех. . .» публикуется по правилам издания, принятым в ТОДРЛ.

КНИГА О ЧЮДЕСЕХ СПАСОВА НЕРУКОТВОРЕНАГО ОБРАЗА ЧЮДОТВОРНЫЯ ИКОНЫ

- л. 73 об. Человек некий добра рода и богата суца, рожение и воспитание на славном городе Вологды, именем Сергей Григорьев сын зовомый Герасимовых, измлада Бога возлюбил и повеле написать Спасов Нерукотвореный образ. И взяша той образ и поидоша в пределы в край Студенаго моря
- л. 74 Кевролскаго и Мезеньскаго уезду || усть Кулоя реки по речки Хоружовки.

⁴⁰ Отметим в этой связи, что сам автор не дает в заглавии жанрового определения своему произведению. Слово «книга» здесь не определение жанра, а скорее свидетельство письменной зафиксированности текста. Ср.: «Тетрадь о чудесех Болшей Пенеге в Кевролском уезде Пириемской деревне великомученицы Параскевы» (цит. по рукописи БАН, Арх. Д. 351, л. 304; 30-е гг. XVIII в.); ср. также показания жителей Яренги об Иоанне и Логгине в расспросных речах: «А о явлении и о чудесех писал дьяк наш, игумен Варлам, а о том пишет в тетратех, в первом зачале и во втором» (цит. по: Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера. . . С. 214).

⁴¹ См.: Краткое историческое описание. . . С. 298.

И ту себе построи дворец и постави часовну и внесоша Спасов образ. И по вся дни молитву воздая. И услыша Бог молитву его и умножи ему всякого изобилия и жителства, и породи чада ѿ добронравна.

И потом возлюбиа Бога паче всего и дети отпусти и имения раздая, и жена его умроша. И пребысть ту 35 лет, работая Богу. И состаревся и нача || размышляти о смерти своей, что пусто место. И восхотеша пренести Спасов образ к церкви Пресвятыя Богородицы Владимирской на Долгую Щелью. И призва попов, и пеша молебны, и не возмогаша с места двигнути чудотворныя иконы. И потом начаша вси размышляти. И явися ему в видении Спас и повелеша пренести усть Мезени реки нарицаемую Кузнецову слободку.

|| 171-го году июля 23 день и поидоша священноерей именем Борис зовомый Алашев и с ним клирицы и простыи, и приидоша на место к чудотворному Нерукотворенному образу господа Бога Спаса нашего Исуса Христа и сотвориша молебная пения. И взяша Спасов образ и понесоша. Не людие образ носяще, но образ людей. И вси осташа и вседоша в лодицу и направиша противу речныя быстрины. И поидоша лодица || противу быстрины аки по воздуху нарицаемую слободку. И ту стретоша многи священници и служители церковныя со кресты и со свечами и с кадила. И мног народ от великия радости испущаше слезы многи и умилно глаголюще «Господи, помилуй!» и певше молебная.

2. И бысть в веси той человек именем Тимофей зовомый Кочен. Лежа в великой скорби одержим сердечною болезнию 10 лет. И не возмог || ша со одра своего сходить. И раздая имение свое врачем и не обретоша помощи, но в горшая впадоша. И поидоша людие на сретение Спасова образа мимо болнаго двора. И услыша болной и возопи велиим гласом и рече: «Увы мне, како возмогу видети Спасов образ!». И плачаша горко и воспоминаю, како Бог разслабленаго исцелил, и обратися на другую сторону и помолися: «Господи, не забуди раба своего!». И в той час || укрепися и повеле родителем своим вести к Спасу чудотворному образу. И понесоша, и не возмогаша дойти от множества народа. И в той час бысть здрав, ста со одра своего. И отидоша народи. И иде своими ногами и пеша молебен. Иде в дом свой, радуясь, и яко не боле.

3. Человек некий именем Иван Трофимов имяше сребренное рукоделие, каргополец. Одержим бысть очною болезнию полугодичное || время людьями водим. И повеле себе вести к Спасу к чудотворному образу. И припаде со слезама и помолися, и сотвори молебное пение, и бысть здрав. И отиде, радуясь, и прослави Бога.

4. Человек именем Викул окуловы Юrome одержим бысть 11 недель щепотною болезнию. И к смерти приблизися. И поведаша ему о принесении и о чудесех Спасова образа. Человек же той помолився с верою и в том часе здрав бысть, и отиде в дом свой, радуясь.

5. || В той же Юромской веси бысть пожар, и погореша дворов и имения много. Посреди же двор у некого человека именем Терентия Иванова сын. И помолився Спасу Нерукотворенному образу и положи обет. И около дворы все погореша, а двор же его сохранен бысть. И прииде ко Спасову образу и соверши молебная пения, и прослави Бога, творящаго преславная чудеса.

6. В то же время поущением Божиим грех ради || многих веси Погорелпы и в ыных весех належащая беда нападе — изомроша множество скота. И искаша помощи и не обретоша. И муж некий стар именем Феодор зовомый Патрухин воздрема и видение виде — прииде к нему некая жена в белых ризах и рече ему: «Человече, не веси ли откуду помощи получитьи. Не тружайтесь без ума, помолитесь всемирлостивому Спасу Нерукотворенному образу и обряцете помощь». || Человек же той ста и поведаша соседом своим, и вси с радостью обещание положиша. И от того часа бысть здравие во скотех, и не мроша. Людие же прославиша Бога и приидоша ко Спаса и обеты исправиша.

7. Тоя же Погорельскыя веси человек именем Гаврило Страхов. Прилучися ему болезнь тяжка, 40 дней изнемогаша телом и умом оскудеша.
4. 79 И помолися чудотворному Спасову образу и положи обет молебная петь. И в том часе бысть здрав, яко николи же боле. И приидоша ко Спасу и певше молебная и прославиша Бога.
8. Ин человек именем Дмитрей Филипов Усть-Важской одержим бысть чревную грижею годичное время. И сказаша ему людие о принесении и о чудесех Спасова образа. И начаша молитися и плакати горко и призывая Бога на помощь. И вспомяну: «Призови мя в день печали моея, и избавлю тя». И той || бысть здрав и обеты своя исправи и прослави Бога.
4. 79 об. 9. В то же время человек именем Григорий Иванов Пустозерскаго острога велми изнеможе. И разум не бысть у него 40 дней. И друзи его не могли терпети таковыя беды и моляся Спасову Нерукотворенному образу. И оттоле болний нача во ум приходить. И сказаша ему вся по ряду. И прослезися болный и помолися Богу, и бысть здрав и прослави Бога.
4. 80 || 10. Жена некая честна в старости и житием добронравна, и бояся Бога и к церкви часто ходяше и милостыню нищим творяще, именем Фекла. Вдовство имуща, дом свой и чада добре строяше. Рождение же ея и воспитание в пресловущем царствующем граде Москве, а жителство ея в Окладниковы слоботки. И позавиде враг добронравию ея и попусти ту болезнь люту — изнемогаша ногами, и изгниша но||ги ея, из костей гной и черви исходяще. И вспомяну Иовле терпение и Давыдово слово: «Многи раны грешному, уповающему на господа». И повеле себе вести к чудотворному Спасову образу и припаде ко образу со слезами. 3 дни и 3 ноци не исходя из часовни и безпрестано моляся и молебная пения по вся дни певше. Людие же гнушахуся от смрада и от червей исходящих. И рече в себе:
4. 80 об. «Господи, господи, како || терпиши смрадность мою!». И приступи несумною верою: «Господи, ты исцелил еси кровоточивую жену, не презри, господи, и мене грешной, не имеюща не коея веры! Давыд бо рече: „Призови мя в день печали моея, и избавлю тя, и прославиши мя“». И в той час бысть здрава и прослави Бога. И иде в дом своими ногами, радуяся. Людие же удивившася о преславном чудеси.
4. 81 11. Ина повесть. Жена некая именем || Ирина с Келчемъ-горы, от ужасты прилучися великая болезнь. И помолися Спасову образу и певше молебен, и получиша милость, и прославиша Бога.
12. Жена некая именем Васса Коршакова с Жерди, прилучися болезнь очима и главою. И неначаша себе здравия получитьи. И помолися всемилостивому Спасу и чудотворному образу, и бысть здрава. И возрадовася и прослави Бога.
4. 82 13. Человек именем Иван Кол||. . .ец бысть в болезни 6 . . . , приближися к смерти. Домашний его вси начаша горко плакати и рекоша: «Господи. . . услыши нас грешных, молящихся тебе, и помилуй нас, подай болящему здравие!». И вспомянуша Спасов образ чудотворную икону и помыслиша ити ко Спасу. И болний рече: «Что плачете?». Они же сказаша ему. Болний же вздохнув: «О люте мне, не могу ити ко Спасову образу!». И в той час бысть здрав, и прославиша Бога и обет свой исправиша.

С. А. СЕМЯЧКО-ЯКУНИНА

«Повесть о Тверском Отроче монастыре» и древнерусский свадебный обряд

От традиционных повестей об основании монастырей «Повесть о Тверском Отроче монастыре» отличает рассказ о женитьбе князя Ярослава Ярославича, собственно, являющийся предысторией основания монастыря. В одной из первых и одной из главных работ, посвященных Повести, — статье В. Ф. Ржиги — этот рассказ был прочно связан с фольклорной традицией, а именно с традицией свадебных лирических песен. Исследователь отметил: «Этот эпизод с соколом, ведущим князя к браку и радующимся венчанию, вплетен в ткань мотива охоты несомненно под влиянием не книжного источника. Он явно навеян устнопоэтической свадебной символикой, в которой сокол является излюбленным символом жениха, невеста же мыслится в образе лебеди, а смысл свадебного обряда символизируется погоней сокола за лебедиными стадами и успешным преследованием одной лебедушки».¹ В подтверждение своей мысли исследователь привел пример такой свадебной песни.²

М. О. Скрипиль, комментируя «Повесть о Тверском Отроче монастыре» в издании 1954 г., указывал на связь ее не только со свадебной лирикой, но и с самим обрядом. Правда, он привел лишь один пример: «Когда Григорий приезжает в насаде по Волге к селу Единонову, он долгое время ожидает на берегу реки обещанных ему князем коней, чтобы свадебным поездом ехать к своей невесте, как и полагалось согласно обряду».³ Указание на связь Повести со свадебным обрядом есть и в комментарии Р. П. Дмитриевой к изданию 1969 г.⁴

Чрезвычайно интересное замечание принадлежит А. М. Панченко. Исследователь показывает, что повествование рассчитано на ошибку читателя (А. М. Панченко называет это «принципом сюжетной непредсказуемости»), и ошибка эта — в толковании свадебных символов. «Сокол — не жених, а сват (семейно-обрядовый фольклор допускает оба толкования). Истинный жених — это князь (в величаниях жениха называют князем, а невесту княгиней)».⁵

Обратимся еще раз к истории женитьбы Ярослава Ярославича и попытаемся более внимательно проследить ее соотношение со свадебным обрядом.

Отметим сразу, что развертывание свадебного обряда в тексте Повести происходит как бы в двух планах. Первый план совершенно очевиден, он должен прочитываться и восприниматься читателем — это сватовство

¹ Р ж и г а В. Ф. Из истории повести // Известия Тверского педагогического института. Тверь, 1928. Вып. 4. С. 105.

² Выводы В. Ф. Ржиги и его пример были воспроизведены В. П. Адриановой-Перетц в ее «Очерках поэтического стиля Древней Руси» (М.; Л., 1947. С. 80—82).

³ Русская повесть XVII века / Сост. М. О. Скрипиль. М., 1954. С. 420.

⁴ «Изборник»: (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969. С. 791.

⁵ История русской литературы: В 4 т. Л., 1980. Т. 1. С. 342.

и предполагаемая женитьба Григория. Когда же оказывается, что настоящий жених не отрок, а князь, становится возможным понять (а точнее, мысленно восстановить) и другой план (женитьба князя), в котором функции действующих лиц несколько иные. Двум планам изображения соответствуют и два уровня восприятия ситуации. Читатель и все герои Повести, за исключением Ксении, воспринимают лишь первый план; восприятие второго плана для читателя возможно лишь ретроспективно, после того как ситуация окончательно проясняется и Ксения выходит замуж за князя. Изначально восприятие второго плана возможно лишь для Ксении (и, естественно, для автора Повести, поскольку он выстраивает этот второй план).

Обратимся к тексту Повести.⁶

Отрок Григорий оказывается в Единонове, в доме церковного причетника, видит Ксению и решает на ней жениться. Началом свадебного обряда, довольно протяженного по времени, можно считать приезд сватов в дом невесты и разговор их с родителями девушки. В Краткой редакции Повести мы читаем об отроке: «Наутрие воставше и со отцем тоя девицы на слове положивше и по обычаю целовашеся, дело отложиша до времени». Если мы обратимся к различным сочинениям XVII в., описывающим свадебный обряд,⁷ то заметим некоторое несоответствие. Вот что говорит об этом Адам Олеарий (он побывал в России в 1634—1639 гг.): «Молодым людям и девицам не разрешается самостоятельно знакомиться, еще того менее говорить друг с другом о брачном деле или совершать помолвку. Напротив, родители, имеющие взрослых детей и желающие побракать их, — в большинстве случаев отцы девиц — идут к тем, кто, по их мнению, более всего подходит к их детям, говорят или с ними самими, или же с родителями и друзьями и выказывают свое расположение, пожелание и мнение по поводу брака их детей».⁸ Примерно о том же пишет и Григорий Котошихин (его сочинение относится к 1666 г.), но указывает, что сватовство исходит от родителей жениха и ведется через сватов.⁹ Итак, главное заключается в том, что жених не мог сам выбирать себе невесту и сам осуществлять сватовство. Это несоответствие в тексте Повести обнаруживается только в первом, наиболее очевидном плане, и оно вызвано отнюдь не тем, что для автора неважны требования обряда. Напротив, он то и дело ссылается на обряд, на традицию: «яко же есть обычай брачным», «яко же подбает». Дело в том, что одновременно совершаются два обряда: тот, где отрок выступает в качестве жениха, и тот, где жених — князь, а отрок — сват; второй обряд, до времени скрытый от читателя, ни в чем не нарушается.

Сцена сватовства отрока в Распространенной редакции изложена так: «Случися же наедине со отцем ея Афанасием, начат ему глаголати, да вдаст

⁶ Текст Повести дошел до нас в двух редакциях — Краткой, более близкой к первоначальному тексту, и Распространенной. Рассматриваемые в данной работе эпизоды присутствуют в обеих редакциях, и описание их практически совпадает. Значительное расхождение одно — в сцене сватовства отрока. Этот фрагмент будет рассмотрен в обеих редакциях, все остальные эпизоды цитируются по более совершенной в художественном отношении Распространенной редакции. Текст Краткой редакции Повести приводится по довольно позднему (40-е гг. XIX в.), но единственно полному списку: ГПБ, Q.1.637, текст Распространенной — по списку середины XVIII в. — БАН, собр. Лукьянова, № 12, — опубликованному нами в кн.: ПЛДР. XVII век. Кн. 1. М., 1988. С. 112—120.

⁷ По мере возможности мы привлекаем источники XVII в., но в силу того, что свадебный обряд довольно консервативен, в некоторых случаях мы используем материалы и другого времени (XVI—XX вв.), особенно, если они связаны с Тверской губернией.

⁸ О л е а р и й А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / Введ., пер., примеч. и указатель А. М. Ловягина. СПб., 1906. С. 211. Здесь и далее в цитатах из сочинений русских авторов и иностранцев «ъ» заменен на «е», конечный «ъ» опущен, добавлены некоторые необходимые знаки препинания.

⁹ С м.: К о т о ш и х и н Г. О России в царствование Алексея Михайловича. 4-е изд. СПб., 1906. С. 149.

за него дочь свою и обещается ему во всем помогати. Отец же ея велми удивися о сем: „Да како у такового великаго князя имать предстояти всегда пред лицом его, и тако ли вещает мне о сем?“ И не ведяше, что ему отвещати противу словес его. Шед убо Афанасий, вопросы о сем жены своея и дщери, сказа им подробну; дщерь же его, исполненна духа святаго, возглагола отцу своему сице: „Отче мой! Сотвори ему вся сия, елика он тебе обещася, положи на волю его, Богу бо тако изволившу, и сие да будет“.

< . . . > Отрок же наипаче того уязвися любовию и прилежно о сем вещает отцу ея, да не устрашается: „Аз бо ти во всем имаюся и князя умолю во всем, ты же не бойся“. И тако совещастанся во всем, и быти в том селе браку, и венчатися в церкви святаго великомученика Димитрия Селунскаго, и жити ту, даже великий князь повелит».

Эта сцена имеет некоторые соответствия с описанием сватовства у Г. Котошихина — так, мы находим у него указание на предварительный (перед тем, как дать ответ жениху) совет отца невесты с другими родственниками: «А лучитца которому боярину и ближнему человеку женити сына своего, или самому, или брата и племянника женити, или дочь, или сестру и племянницу выдать замуж: и они меж себя, кто сведав у кого невесту, посылают к отцу тое невесты, или к матери, или к брату, говорити друзей своих мужеск пол или женской. . . И тот человек, будет хочет дочь свою, или иного кого, выдать замуж, на те речи скажет ответ, что он девицу свою выдать замуж рад, толко подумает о том з женою своею и с сродичами, а подумав, учинит им отповедь, которого дни мочно. . .».¹⁰

Особенность Распространенной редакции Повести в том, что Афанасий советуется с дочерью, а это для древнерусского свадебного обряда нехарактерно (исследователи неоднократно отмечали пассивность и бесправие невесты¹¹). В данном случае этот совет с дочерью вызван не требованиями свадебного обряда, а трактовкой образа Ксении в этой редакции — ведь именно в ней появляется эпитет «богомудрая» и всевозможные обоснования мудрости героини.

Главная героиня Повести наделена даром предвидения, и в силу этого дара она знает, что выйдет замуж не за отрока: «Отроковица же после его рече отцу своему и матери: „Господие мои! Не дивитесь о сем, что вам обещахся сей отрок, он бо тако совеща, но Бог свое строит: не сей бо мне будет супруг, но той, его же Бог мне подаст“». Почему же Григорию не отказывают?

В данном случае интересно свидетельство священника А. Ушакова (г. Старица Тверской губ.), правда относящееся к более позднему времени: «После смотрин посылают в дом невесты спросить: желают ли принять сватов? Ответ получается обыкновенно утвердительный. Каков бы не был жених, хотя бы и из „низкого дому“, но его все-таки принимают: „худой жених хорошему дороге укажет“. Отказывают принять сватов только в том случае, когда девицу выдавать замуж в этот мясоед вовсе не рассчитывают».¹² Для Ксении Григорий и оказывается таким «худым женихом», который «указывает дорогу хорошему» — князю. Причем в Повести ситуация усложнена — принимаются не только сваты, но и само сватовство, что, как мы покажем далее, вызвано развертыванием свадебного обряда во втором плане

Вернемся к тому, что жених не участвует в сватовстве. Более того, он не должен видеть невесту до дня свадьбы. Это всегда удивляло иностранцев, и, описывая русский свадебный обряд, все они непременно останавливались на этом, странном для них требовании. Приведем примеры: «Же-

¹⁰ Там же. С. 149.

¹¹ См., например: Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов русского народа в XVI и XVII столетиях. СПб., 1860. С. 157.

¹² Ушаков А. Крестьянская свадьба конца XIX века в Старицком уезде Тверской губернии: (Свадебные обряды, гадания, приговоры, причитания и песни). Старица, 1903. С. 11—12.

ниму (хотя он никогда не видал прежде своей невесты) не позволяют видеть ее все время, пока продолжается сватовство, в котором действующим лицом не он сам, а мать его, или какая другая пожилая его родственница, или знакомая» (Д. Флетчер, побывавший в России в 1588—1589 гг.).¹³ О том же пишет и Сигизмунд Герберштейн, посетивший Россию дважды — в 1517 и 1526 гг.: «В этот промежуток времени жениха до такой степени отстраняют от дома невесты, что если он случайно попросит хоть увидеть ее, то родители обычно отвечают ему: „Узнай от других, кто ее знает, какова она“. Во всяком случае, доступ к невесте предоставляется ему не иначе, как если обручение не будет раньше подтверждено величайшими карами, так что жених, если бы даже он пожелал, не мог бы отказаться от нее под тяжким наказанием».¹⁴ В сочинениях XVII в. мы также постоянно встречаем указание на то, что жених невесты не видит, а осматривает ее специальная «смотрилщица»; чаще всего в этой роли выступает мать или другая близкая родственница жениха. А. Олеарий свидетельствует: «Если. . . пожелают увидеть дочь, то в этом не бывает отказа, особенно если девица красива; мать или приятельница жениха получает позволение посмотреть на нее. . . Обыкновенно все сколько-нибудь знатные люди воспитывают дочерей своих в закрытых покоях, скрывают их от людей, и жених видит невесту не раньше, как получив ее к себе в брачный покой. Поэтому много обманывают и вместо красивой невесты дают ему безобразную и большую, иногда же вместо дочери какую-либо подругу ее или даже служанку»¹⁵ (Олеарий, вероятно, хочет сказать, что смотрилщице показывают вместо безобразной невесты ее красивую подругу или служанку). Вторит иностранцу и русский автор: «Благодаразумный читателю! Не удивляйся сему: истинная есть тому правда, что во всем свете нигде такого на девки обманства нет, яко в Московском государстве. А такого у них обычая не повелось, как в иных государствах, смотрити и уговариватися временем с невестою самому».¹⁶ Тот же Котошихин подробно описывает осмотр невесты: «И сидячи за столом, за обедом, та смотрилщица с тою невестою переговаривает о всяких делах, изведываючи ее разуму и речи, и высматривает в лицо, и в очи, и в приметы, чтоб сказать, приехав к жениху, какова она есть. . .».¹⁷

Заметим, что в Повести настоящий жених также не видит невесты до свадьбы, а в роли «смотрилщицы» невольно оказывается сам отрок, который и рассказывает князю об избраннице, «красоту и возраст девицы оныя изъясляет» (в некоторых других списках: «красоту, и возраст, и разум»). Это важно отметить, потому что, как уже было указано, настоящий обряд происходит во втором, скрытом от читателя, плане и совершается он по всем правилам.

Вернемся к тексту Повести. Получив согласие отца Ксении, Григорий возвращается в Тверь и просит у князя позволения жениться. Заметим, что пока речь идет о ж е л а н и и отрока жениться, князь не соглашается и долго отговаривает его, но сразу же дает позволение после того, как Григорий «все исповеда великому князю, обещание свое, яко же тамо обещаеся». Выше уже приводилось высказывание С. Герберштейна о том, что

¹³ Ф л е т ч е р Д. О государстве Русском, или Образ правления русского царя (обыкновенно называемого царем московским), с описанием нравов и обычаев жителей этой страны. СПб., 1905. С. 112.

¹⁴ Г е р б е р ш т е й н С. Записки о Московитских делах / Введ., пер. и примеч. А. И. Малеина. СПб., 1908. С. 71.

¹⁵ О л е а р и й А. Описание путешествия в Московию. . . С. 211. Ср. с наблюдением Иоанна Георга Корба: «У них нет обыкновения, чтобы муштина, ищущий руки девицы, виделся или говорил с нею, а они сватаются при содействии матери или другой какой старухи» (К о р б И. Г. Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.) / Пер. и примеч. А. И. Малеина. СПб., 1906. С. 246).

¹⁶ К о т о ш и х и н Г. О России в царствование Алексея Михайловича. С. 157.

¹⁷ Там же. С. 150.

жениху практически невозможно было отказаться от невесты, после того как уже произошел сговор; это же отмечает и Г. Котошихин.¹⁸

Итак, отрок готовится ехать к невесте: «Князь же великий Ярослав Ярославич по прошению его повелевает всему быть, яко же ему годно и потребно, и насад изготовити, и вся воли его потребная, и люди ему тамо готовы быть имеют, елико годно будет на послужение отроку, когда приспееет время обручению и венчанию его, и отпускает его в насаде по Волге реке, бе бо то село близ Волги стояй, а кони ему обещаваает прислати за ним вскорости по берегу».

Отметим в этом фрагменте два положения. Во-первых, князь отпускает с отроком достаточное количество людей. Как известно, «свита» жениха должна включать множество «чинов», необходимых для участия в обряде.¹⁹ И, во-вторых, обещает прислать коней. Кони совершенно необходимы для этого обряда. Современный исследователь пишет: «Передвижение мужчин верхом, а женщин в санях (зимой и летом) совершается независимо от расстояний, даже если дома родителей жениха и невесты находятся по соседству и оба — близко от церкви. Флетчер с удивлением отмечал, что все не идут, а едут, „хотя бы церковь находилась подле самого дома и сами они были простого звания“».²⁰ Забегая вперед, заметим, что отрок нарушает это требование обряда: он отправляется к невесте, так и не дождавшись коней. Мы еще остановимся на этом чрезвычайно остром моменте повествования, когда отрок уже сознательно нарушает требования обряда, а автор как бы намекает читателю, что этот обряд несовершенен и потому он не будет исполнен. Отметим попутно, что настоящий жених, князь, явится к невесте, как того требует обряд, на конях. Автор мысленно как бы сопоставляет два плана изображения, и если отрок-жених уже не в первый раз нарушает правила обряда, то в скрытом до некоторого времени от читателя плане, где в качестве жениха выступает князь, требования обряда соблюдаются в точности.²¹

Рассказав об отъезде отрока, автор Повести обращается к эпизоду, который в первую очередь и привлекал внимание ученых, исследовавших проблему связи Повести с фольклором, — это сон князя.

«Наутрие же великий князь повеле готовить себе коня и всему своему сигклиту,²² яко же угодно великому князю, соколы и псы, да, едучи, ловы

¹⁸ Там же. С. 150—151. Чтобы наглядно продемонстрировать обязательство, которое брал на себя жених, приведем пример записи (Костромская губ., 1663 г.), даваемой при сговоре: «Се аз, Максим Романович Жабин, сговорился я жениться у Семена Ивановича Волкова на дочери, на девице Марье Семеновне. А жениться мне, Максиму, на срок нынешняго 171 года июля в 29 день против тридесятого числа. А буде я, Максим, у него, Семена Ивановича, на дочери ево, на девице на Марье, на тот срок не женюсь, и на мне, Максиме, ему, Семену Ивановичу Волкову, взять по сей записи пятьсот рублей серебряных денег. А у записи сидели посаду Нерехты соборныя церкви Бориса и Глеба священник, отец ево, Семена Ивановича Волкова, духовной, Василий Матфеев да Никольской дьякон Иаков Дементьянов, а запись писал Нерехотской съезжей избы подъячей Костька Бобров, лета 7171, июля в 22 день» (ГПБ, собр. Титова, № 4008, л. 181).

¹⁹ Подробно о составе «свиты» жениха и невесты см.: Богословский С. П. К номенклатуре и топографии свадебных чинов. Пермь, 1926.

²⁰ Рабинович М. Г. Свадьба в русском городе в XVI в. // Русский народный свадебный обряд: Исследования и материалы. Л., 1978. С. 18; см. также: Флетчер Д. О государстве Русском. . . С. 113. Об этом же пишет и И. Г. Корб: «Даже люди низкого звания едут, а не идут, хотя бы церковь и отстояла от них очень близко» (Корб И. Г. Дневник путешествия в Московию. . . С. 247).

²¹ Важность требований обряда в данном эпизоде автор Повести подчеркивает тем, что заставляет самого отрока заботиться о соблюдении свадебного обычая: «Той же отрок, егда приде в насаде по реке, и приста у берега, ожидающе коней от князя, и посла вестники своя к девице, да вся готова будут, яко же есть обычай брачныи». Драматизм ситуации и заключается в том, что отрок, стремящийся к соблюдению обряда, сам же его и нарушает.

²² Заметим, что, с одной стороны, кони и «сигклит» вызваны самой ситуацией (соколиная охота происходила на конях, и князя охотились не в одиночку), но, с другой стороны, впоследствии окажется, что это кони, требуемые свадебным обрядом, а «сигклит» станет свадебной «свитой» князя.

деет; в ту бо ночь великий князь сон видел, якобы быти в поле на ловех и пускати своя соколы на птицы; егда же пусти великий князь любимаго своего сокола на птичье стадо, той же сокол, все стадо птиц разогнав, поймал голубицу, красотою зело сияющую, паче злата, и принесе ему в недра; и возбнув князь от сна своего и много размышляше в себе, да что сие будет, и не поведасна того никому, токмо повеле с собою на лов вся птицы взяти; и тако великий князь поиде в ту же страну, иде же отрок, ловы деюще, тешася».

В. Ф. Ржига, комментируя сон князя, привел песню, которая, по его мнению, раскрывала символику Повести. Обратимся к песне, аналогичной приведенной В. Ф. Ржигой (но записанной в Тверской губ.), чтобы показать, что подобные тексты недостаточны для объяснения сна Ярослава.

Как летал, летал сокол, ладу, ладу,
Сокол ясный летал, ладу, ладу,
Искал стало лебедей, ладу, ладу,
Он нашел, нашел сокол, ладу, ладу,
Нашел стало лебедей, ладу, ладу.
Всех лебедок пропустил, ладу, ладу,
Однѣ остановил, ладу, ладу.
Как взмолилася лебедка, ладу, ладу:
— Ты пусти меня, сокол, ладу, ладу,
Сокол ясный,пусти! Ладу, ладу.
— Я тогда тебя пуцу, ладу, ладу,
Когда кровь твою пролью, ладу, ладу,
Крылья, перья ощилю, ладу, ладу,
Как ходил, гулял Иван, ладу, ладу,
Иванович разгуливал, ладу, ладу,

По нову городу, ладу, ладу,
Искал девушек толпу, ладу, ладу,
Он нашел, нашел толпу, ладу, ладу,
Всех девиц он пропустил, ладу, ладу,
Однѣ остановил, ладу, ладу.
Начала просить Анна, ладу, ладу,
Васильевна упрашивать: ладу, ладу.)
— Ты пусти меня, Иван, ладу, ладу,
Иванович,пусти! Ладу, ладу.
Я тогда тебя пуцу, ладу, ладу,
Когда в церковь тя сведу, ладу, ладу,
Вокруг наложю обведу, ладу, ладу,
Своей женой назову, ладу, ладу.
Тогда девушки не примут, ладу, ладу,
Скажут: «Прочь, отойди!». Ладу, ладу.²³

Эта песня дает параллель лишь к одному эпизоду сна Ярослава: сокол из стада птиц выбирает одну; но исход этой ситуации в Повести принципиально иной, нежели в песне. Сокол песни ловит лебедушку для себя, песня раскрывает символ однозначно: сокол — жених. В Повести все совершенно иначе: сокол приносит голубицу «в недра» князю, сокол ручной, т. е. сокол — сват или вообще тот, кто приводит жениха к невесте. Среди всех прочих значений образа сокола²⁴ русскому фольклору известно и это. Так, в роли сватов явно выступают соколы, летающие за утицей:

— Ах вы, соколы, соколы!
Вы далеко ли лѣтали?
— Уж мы лѣтали, лѣтали,
С моря на море лѣтали.
— Ах, и что же там видели?
— Уж мы видели, видели
Серую утицу на море.
— Ах, вы что же ее не взяли?
— Уж мы взять ее не взяли,
Крылья перья повышибли,
Горячую кровь пролили.

— Уж вы, соколы-молодцы,
Ах, и где же вы ездили?
— Уж мы ездили, ездили,
С города на город ездили.
— Ах, и что же там видели?
— Уж мы видели девицу.
— Ах, и что ж ее не взяли?
— Уж мы взять ее не взяли,
По рукам мы ударили,
Зелено вино рослили,
Горючи слезы пролили.²⁵

²³ Собрание народных песен П. В. Киреевского: Записи П. И. Якушкина. Л., 1986. Т. 2. С. 190—191.

²⁴ Соколом мог быть назван едва ли не любой участник свадьбы (гость или свадебный «чив») мужского пола и даже какое-то отсутствующее или вовсе несуществующее лицо, например:

Отчего ты, сватьяшка, бела-бела?
У ней братья соколы, соколы.
По синему морю леталл, летали,
Белил, румян кушили, купили,
Свою сестру белили, белили.

Ушаков А.
Крестьянская свадьба. . . С. 41.

См. также: Лирика русского свадебья / Изд. подгот. Н. П. Колпакова. Л., 1973. С. 188—189 (№ 387), 190—191 (№ 392) и др. О значении сокола в восточнославянском фольклоре см.: Бернштам Т. А. Ориентоморфная символика у восточных славян // Сов. этнография. 1982. № 1. С. 30—31.

²⁵ Собрание народных песен П. В. Киреевского. С. 190 (песня записана в Тверской губ.).

Встретился текст, где соколы — это дружка с подружием, едущие в дом невесты сообщить о приближении жениха (т. е. лица, предваряющие появление жениха). На вопрос «От кого вы приехали?» дружка жениха отвечает:

От вашего сватушки нареченного
 Присланы скорыми послами,
 Ясными соколами,
 Но мы не ясные соколы,
 А мы добрые молодцы.
 Крылья не имеем,
 Летать не умеем.
 Мы приехали на добром коне,
 На хозяйском животе.²⁶

Интересно, что в фольклорных текстах зафиксирован не только образ свата-сокола, но и образ жениха — князя, охотящегося с соколами:

Наш молодой князь
 Стоит в чистом поле,
 Под белым шатром,
 Спотешается ясным соколом.²⁷
 У нашего князя пять сот²⁸ пехоты:
 Князья, бояре, купцы, дворяне,
 Тысячные головы,
 Широкия бороды;
 Вы их почитайте,
 В почетныя места сажайте

За столы дубовы,
 За скатерти бранныя,
 За ества медвяныя!
 Еще, сватушко любезный,
 Сколько тебе ни воевать —
 Супротив нашего молодого князя
 не устоять!
 А лучше покоритесь:
 Авось наш молодой князь и помилует.²⁹

В следующем эпизоде Повести также находит отражение свадебный обряд.

«Той же отрок, егда прииде в насаде по реке, и приста у брега, ожидающе коней от князя, и посла вестники своя к девице, да вся готова будут, яко же есть обычай брачным.

Девица же присланным рече: „Возвестите отроку, даже помедлеет тамо, дондеже сама весть пришлю к нему, как вся изготована будут, понеже бо нам от него о приходе его вести не было“. Вестницы же его, пришедше, поведаша ему о всем, еже им повелено бысть от девицы возвестити. . .».

В «Чине свадебном» XVI в. читаем: «А как дружка женихов приедет. . . И говорит: „тысецкой имярек велел говорити: «Жених имярек готов ехать к месту““. И тесть говорит: „Как будет время, пришьлем друшку, и он поедет““.»³⁰ Дружка возвращается к жениху.

В данном случае следует обратить внимание не только на то, что появление жениха в доме невесты, по требованию обряда, должно пред-

²⁶ Ушаков А. Крестьянская свадьба. . . С. 57. Отрицание «мы не ясные соколы, а мы добрые молодцы» не отменяет сопоставления вестников приближения жениха с соколами. В данном случае отрицательный параллелизм только подчеркивает это сравнение.

²⁷ «Спотешается ясным соколом» означает «охотится с соколом» — традиционно наименование соколиной охоты «потехой»; ср. в Повести: «Яко уже сват мой приехал, а жених мой не бывал еще, но уже будет, яко в поле тешит ся и замедлил тамо. . .».

²⁸ В кн.: «пятьсот».

²⁹ Андронников В. А. Свадебные причитания Костромского края со стороны содержания и формы // Труды второго областного Тверского археологического съезда 1903 года 10—20 августа. Тверь, 1906. Отд. III и V. С. 63—64. Приведенный текст представляет собой приговор дружки родне невесты.

³⁰ ПЛДР: Середина XVI века. М., 1985. С. 180. Этот же момент обряда со ссылкой на тот же «Чин свадебный» рассматривает в своем исследовании М. Г. Рабинович (Свадьба в русском городе в XVI в. С. 17). М. Г. Рабинович называет источник «Домостроем», В. В. Колесов публикует «Чин свадебный» как самостоятельный текст, лишь сопровождающий обычно списки «Домостроя» (см. об этом: ПЛДР: Середина XVI века. С. 586).

варяться появлением вестников,³¹ но и на непонятность речи невесты. С самого начала Повести бросается в глаза то, что Ксения нигде не называет имени своего жениха, хотя сама его знает: «Не сей бо мне будет супруг, но той, его же Бог мне подаст»; «А имени его никому от сродников своих не поведа, но токмо готовяше ему честныя дары, яже сама строяше; сродницы же ея велми дивляхуся, а того жениха ея не ведаху, но токмо она едина» и т. д. Таинственность речи героини безусловно создает особую напряженность повествования и играет важную роль в организации сюжета,³² и тем более интересно, что это также находит свое отражение в древнем свадебном обряде. Е. Г. Кагаров выделяет внутри свадебного действия обряды, направленные на то, чтобы ввести в заблуждение злых духов. Среди этих обрядов — иносказания, околичности, неназывание по имени жениха и невесты.³³ Вполне возможно, что неясность речей героини, способствующая созданию наибольшей остроты в развитии сюжета Повести, имеет своим источником это свойство свадебного обряда.

Автор Повести стремится продемонстрировать одновременность действий своих героев, и поэтому он попеременно показывает то одного, то другого. Повествование складывается из отдельных картин. Так, сообщив о том, как приняли посланцев Григория в доме Ксении и что сказала Ксения своим родителям,³⁴ автор вновь обращается к Ярославу: «Князь же великий села того не знаяше, но восхоте тамо быти наутрие или на другой день и да видит своего отрока оженившагося. . .». Здесь, собственно, и раскрывается символическое значение сна Ярослава. Совершенно очевидно, что отрок — это и есть сокол, который добывает князю голубицу-невесту. Решение князя побывать в Едимонове не зависит от того, как сложится его охота. Но несмотря на это в Повести появляется дублет

³¹ Этот эпизод обряда зафиксирован и в Тверской губ. А. Ушаков сообщает: «Не досезая до деревни невесты, поезд жениха останавливается в поле. К дому невесты послами от жениха отправляются дружка с подружием». (Ушаков А. Крестьянская свадьба. . . С. 56).

³² Не только Ксения, но и Григорий некоторое время соблюдает тайну («. . . и не поведа мысли своея никому от друзей своих. . .»). «. . . и не поведа сего никому», но это тайна совсем другого рода, тайна «бытовая» (отрок ничего никому не сообщает до разговора с князем), и на развитие сюжета она практически никакого влияния не оказывает. Такое же объяснение можно дать и поведению князя, который долгое время никому не рассказывает о своем сне.

³³ Кагаров Е. Г. Состав и происхождение свадебной обрядности // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1929. Т. 8. С. 153—170.

³⁴ Отметим, что эти слова Ксении несколько различаются в обеих редакциях. И в данном случае сложно сказать, какое чтение первично.

К р а т к а я

Яко уже все мои приехали, а жених мой не бывал еще, но уже бо замедлил баше и в поле тешитя, и тако пождем его, дондеже приедет.

Р а с п р о с т р а н е н н а я

Яко уже сват мой приехал, а жених мой не бывал еще, но уже будет, яко в поле тешитя и замедлил тамо, но пождем его немного время, даже приедет к нам.

Эти слова Ксении в Распространенной редакции включаются в игру смыслов (сват-жених), которую мы наблюдаем в тексте Повести: вспомним, что несколько позже героиня скажет отроку: «Он (т. е. князь, — С. С.). . . жених мой, а ты был сват мой». Вполне возможно, что в Краткой редакции мы имеем дело с порчей текста, но не менее вероятно и то, что эта редакция передает первоначальное чтение, которое в свадебном обряде соотносится с моментом перед выбором «чинов» в доме невесты. «Отец невесты спрашивает:

— Все ли гости съехались,
Все ли гости собрались?

Ему отвечают:

— Все».

(происходит своеобразное усиление): наряду с соколом-Григорием, который должен привлечь князя в Едимоново, существует и реальный сокол, который улетел от Ярослава во время охоты, прилетел в Едимоново и сел на церковь; князь в погоне за своим любимым соколом также оказался в Едимонове. Мы сейчас не будем касаться того, как соединяются в Повести мотив свадебного и мотив строительного сокола (сокол, который потерялся во время охоты и в результате привел к постройке храма или монастыря), отметим только, что в Повести мы имеем дело преимущественно с мотивом свадебного сокола, хотя он и испытывает некоторое влияние со стороны мотива сокола строительного.³⁵

Прежде чем описать охоту Ярослава, автор обращается к действиям отрока и Ксении.

«Отрок же той, не дождавсь вести ни коней, помысли в себе: „Яко аще государь мой великий князь раздумает и пошлет по мене, и велит возвратитися вспать, аз же своего желаннаго не получил“. И тако вскоре поиде во двор той, иде же девица та, и по чину своему вся изготовавше. И тако седоста вкупе на место свое, яко же быти вскоре венчанию их, отрок же повелеваше по скору вся строити и дары разносити.³⁶

Девица же рече отроку: „Не вели спешити ничем, да еще у меня будет гость незванной, но лучше всех и званных гостей“».

В приведенном отрывке два плана развертывания свадебного обряда постепенно сближаются. Интересно, что герои существуют в разных планах, потому и темп их действий не совпадает: с точки зрения Ксении (и с точки зрения автора, хотя отношение автора к происходящему скрыто), отрок постоянно торопится. Фактически Григорий и Ксения участвуют в двух разных обрядах. Эти два плана совмещаются в кульминационной точке Повести — в сцене появления князя в доме Ксении.

«Людие же, видевше князя, не знаяху его, мняху бо его с конми и с потехами к жениху приехавша, и не встретиша его никто же.

Девица же рече всем ту сидящим: „Востаните вси и изыдите во стретение своего великаго князя, а моего жениха“, — они же дивляхуся.

Великий же князь вниде в хранину, иде же бяху отрок и девица сидяще, всем же воставшим и поклонившимся великому князю, им же не ведущим пришествия его и прощения просящим, князь же повеле им сести, да видит жениха и невесту.

Девица же в то время рече отроку: „Изыди ты от мене и даждь место князю своему, он бо тебе болши и жених мой, а ты был сват мой“.

Великий же князь узре ту девицу зело прекрасну, и аки был лучам от лица ея сияющим, и рече великий князь отроку своему Григорию: „Изыди ты отсюду и изыщи ты себе иную невесту, иде же хоцещи, а сия невеста бысть мне угодна, а не тебе“, — возгореся бо сердцем и смятеся мыслию.

Отрок же из места изыде повелением его».

Посмотрим, как соотносится этот фрагмент со свадебным обрядом.

«Встречает поезд жениха один только невестин дружка, а все остальные участники торжества сидят и в это время в „хоромах“. Эту встречу священник благословляет крестом.

³⁵ Оставаясь в рамках рассмотрения мотива свадебного сокола, отметим одно интересное совпадение. В повести Вашингтона Ирвинга «Роза Альгамбры» — произведении начала XIX в., основанном на какой-то испанской легенде, разворачивается такой сюжет: любимый паж королевы идет гулять с любимым кречетом королевы; во время прогулки кречет улетает и садится на башню; в башне живет юная красавица, на которой паж и женится, преодолев некоторые препятствия, вызванные неравным социальным и имущественным положением героев.

³⁶ Вероятно, имеется в виду «разнесение даров», которое происходит во время расчесывания, перед тем как отправиться в церковь. «В это время дружка режет большой каравай и сыры. . . Блюдо с „крайчиками“ и ширинками он подносит от имени невесты жениху, затем тысяцкому, теще и далее всем присутствующим. Каждый должен получить „укрух“ (кусок) каравая, „глыбку“ сыра и ширинку» (Р а б и н о в и ч М. Г. Свадьба в русском городе в XVI в. С. 20).

Войдя в хоромы, жених и тысяцкий кланяются на четыре стороны, а дружка жениха в это время „сымает“ с места сидящего рядом с невестой отрока, приговаривая: „Аргмак тебе в Орде, а золотые в Угре“.³⁷

Этот эпизод изложен М. Г. Рабиновичем по «Чину свадебному» XVI в.,³⁸ а вот как он выглядит в украинском обряде XVIII в.

«Жених стоял посреди горницы, пока его дружка вел переговоры со строптивым мальчиком:

— Зачем ты здесь сидишь?

— Я берегу сестру мой.

— Она не твоя, но наша (Выделено мной, — С. С.).

— А ежели она ваша, то заплатите мне за корм, что я на не употребил. . .».³⁹

В некоторых случаях у отрока выкупают место рядом с невестой, иногда его просто прогоняют.⁴⁰ Свидетельством того, что древний свадебный обряд Тверской губернии включал в себя сцену с «отроком», является наличие ее в обряде начала XX в.⁴¹

Отметим, что Григорий не уходит после слов Ксении; решающими для него стали слова князя.⁴² И это не случайно. Дело в том, что согласно требованиям обряда согнать «отрока», занявшего женихово место, может только сам жених или его дружка. Автор Повести заставляет отрока вести себя так, как требуется по обряду для свадебного «отрока». Ведь когда проясняется второй план Повести, Григорий и оказывается не более, чем свадебным «отроком». Теперь становится ясным, для чего автору было нужно, чтобы Ксения приняла сватовство Григория, зная, что не выйдет за него замуж: отрок должен был сыграть в свадебном обряде и соответственно в сюжете Повести роль ложного жениха.

Итак, отрок оказывается одним из свадебных «чинов». Кто же такие князь и княгиня.⁴³ Как уже отмечалось ранее, А. М. Панченко сопоставил князя и княгиню Повести с князем и княгиней свадебных величаний, но подобные наименования жениха и невесты фигурировали не только

³⁷ Там же. С. 18.

³⁸ См.: ПЛДР: Середина XVI в. С. 182—184.

³⁹ Рабинович М. Г. Свадьба в русском городе в XVI в. С. 19.

⁴⁰ Обряд «сымания отрока» имел место и во время царских свадеб XVII в. Так, в рукописи, описывающей женитьбу царя Михаила Федоровича на Евдокии Лукьяновне Стрешневой, говорится: «А пришед в Грановитую палату. . . царевну посадили на ее место на зголове. . . а на царя и великаго князя место посадили князя Якова Кудесковича Черкасского. . .» и далее: «И как царь впел в Грановитую палату, и протопоп говорил „Достоин есть“ и благословил государя крестом, и поклонився государь образам, шел ко своему месту, и государев дружка большой боярин князь Дмитрий Мамстрюкович Черкасский поднял с места князь Якова Черкасского» (Описание в лицах торжества, происходившего в 1626 году февраля 5, при бракосочетании государя царя и великого князя Михаила Федоровича с государынею царицею Евдокиею Лукьяновною из рода Стрешневых / Изд. П. Бекетов. М., 1810. С. 46 и 54). В росписи «чинов» на свадьбе царя Алексея Михайловича с Марьею Ильиничной Милославской есть указание, что «на месте государеве сидел князь Иван князь Алексеев сын Воротынской» (Описание первой свадьбы. . . царя. . . Алексея Михайловича. . . / Выписал из повсядневных Дворповых записок второй части. . . Иоанн Терново-Орловский. 2-е изд. М., 1797. С. 5), который, судя по всему, и был сыгняемым «отроком». О «сымании отрока» см. также: Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов русского народа. . . С. 164—166.

⁴¹ См.: Традиционные обряды и обрядовый фольклор русских Поволжья / Сост. Г. Г. Шаповалова и Л. С. Лаврентьева. Л., 1985. С. 209. (№ 967, 968).

⁴² Интересно, что в большинстве позднейших переработок Повести первым прогоняет отрока князь, отрок обращается к невесте и удаляется лишь после ее слов. Об этих переработках см: Якунина С. А. Переработки XVIII—XX вв. «Повести о Тверском Отроке монастыре» // Литература Древней Руси: Источниковедение (Сборник научных трудов). Л., 1988. С. 290—330. К названным в статье произведениям на сюжет Повести следует лишь добавить текст, указанный мне Ю. Д. Левиным: Третьяков Н. Отрочь монастырь: Тверское предание XIII столетия // Сын Отечества. 1842. № 5, отд. 3. С. 1—16.

⁴³ После венчания Ксения везде называется княгиней.

в величиях, но и на протяжении всего свадебного обряда.⁴⁴ «В день своей свадьбы любой простолюдин становился князем — и Домострой не именует его иначе, как „молодой князь“, а невесту — „молодая княгиня“. Этой княжеской чете полагался целый штат придворных, среди которых выделялись „чины“». ⁴⁵ Среди различных чинов выделялись «бояре» и «боярыни». ⁴⁶ Бояре и боярыни фигурируют и в Повести: «Наутрие же великий князь того отрока вспомянув, что его у себя не видит, и повеле своим боляром, да пришлют его к нему» («боляре» в данном случае — люди, которые были с князем в Единонове, т. е. участвовали в свадебном поезде); «И отпусти свою великую княгиню в насаде, и боляр своих, иже были со отроком, во град Тферь, и повеле великий князь боляром своим да берегут великую княгню его и покланяются ей и слушают во всем» (т. е. опять же это люди из «свиты» жениха, хотя в данном случае и ложного, которые потом образуют свиту «княгини»-невесты; отметим, что одна из функций свадебных «бояр» — оберегать жениха и невесту) ⁴⁷; «Егда же прииде и великая княгиня его Ксения ко граду Тфери, великий князь повеле боляром своим и з боярынями, и своим дворовым, и всему граду, да выдут на встречу великия княгини и з женами своими» (и в данном случае «боляре» и «боярыни» — это люди, участвующие в свадебном обряде, во встрече новобрачной в доме ее мужа). Заметим, что нигде в Повести Григорий не называется боярином (что сплошь и рядом встречается в позднейших переработках XIX—XX вв.), хотя по своему происхождению и социальному положению он скорее всего должен быть таковым. Совершенно очевидно, что роль героев в сюжете Повести тесно связана с ролью соответствующих персонажей свадебного обряда.

Повесть строится как развернутое этимологическое толкование, весь рассказ имеет своей целью объяснение названия монастыря. В понимании автора Повести «Отрочь» означает «основанный отроком». То, что притяжательное прилагательное «отрочь» основано от существительного «отрок», достаточно очевидно, но кто такой этот отрок? ⁴⁸ Думаю, что само слово

⁴⁴ Свод различных толкований наименования жениха князем, а невесты княгиней приводит Н. Ф. Сумцов (см.: Сумцов Н. Ф. О свадебных обрядах, преимущественно русских. Харьков, 1881. С. 205). Предлагаем одно такое толкование: «Свадебные обряды изображали вступление жениха в иную жизнь и представляли как бы торжественное возведение их в новое достоинство. Они имели подобие с возведением старинных князей в достоинство их власти, а потому-то жених носил название князя, а невеста княгини» (Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов русского народа . . . С. 161). А. Е. Г. Кагаров относил величание жениха и невесты князем и княгиней к числу обрядов, долженствующих защитить молодую пару от влияния злых сил, см.: Кагаров Е. Г. Состав и происхождение свадебной обрядности. С. 162.

⁴⁵ Рабинович М. Г. Свадьба в русском городе в XVI в. С. 14; см. также свидетельство Д. Флетчера: «В день свадьбы и во все время празднеств жениха величают молодым князем, а невесту молодою княгиною» (Флетчер Д. О государстве руском. . . С. 114).

⁴⁶ «Бояре (бояра) — свита, товарищи, спутники жениха. . .» (Богословский С. П. К номенклатуре и топографии свадебных чинов. С. 13; автор приводит ряд примеров использования этого термина в свадебных обрядах различных местностей Тверской губ.). Боярыни — см.: там же. С. 40.

⁴⁷ См.: Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов русского народа. С. 162; Богословский С. П. К номенклатуре и топографии свадебных чинов. С. 13—14.

⁴⁸ Существует несколько этимологий названия монастыря.

1) «Отрочь» — «основанный отроком» (см., например: Краткое описание состояния Тверской губернии, основанное на сравнении статистических данных 1783 и 1846 года. Тверь 1847. С. 49; Памятная книжка Тверской губернии за 1863 год. Тверь, 1863. С. 73; Матвеев В. Описание тверских древностей с очерком города Твери и Оршина монастыря. М., 1878. С. 5—6; Овсянников Н. Н. Тверь в XVII веке: Исторический и археологический путеводитель по г. Твери. Тверь, 1889. С. 80—81; Зверинский В. В. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1892. Т. 2. С. 257). Эта этимология имеет своим источником «Повесть о Тверском Отроче монастыре».

«отрок» навело автора Повести на мысль о свадебном «отроке». Сцена «сымания отрока» в свадебном обряде обладает большими возможностями для ее разработки, она заключает в себе две коллизии. Во-первых, это момент обмана — ведь «отрок» играет в свадебном обряде роль ложного жениха. Во-вторых, это момент социального неравенства двух женихов — ложного и настоящего. Ведь по свадебной терминологии настоящий жених — князь, т. е. самое главное лицо в иерархической системе свадебного обряда. Не мог автор Повести не знать и других значений слов «князь» (глава княжества) и «отрок» (член младшей княжеской дружины). Вкладывая в рассматриваемые слова эту семантику, мы также будем иметь дело с фактом социально иерархических отношений. Сцена «сымания отрока» в свадебном обряде довольно абстрактна, перед нами вообще князь и вообще отрок, т. е. просто молодой человек, юноша. Переводя сценический эпизод свадебного обряда в сферу повествовательной литературы, автор Повести придает этому эпизоду большую конкретность. В Повести действует не просто свадебный князь, а именно глава княжества; не просто свадебный отрок, а отрок — член княжеской дружины, служащий князю, находящийся у него в непосредственном подчинении. Цель Повести — не только толкование названия монастыря, но и его прославление, возвеличение. И потому автор делает следующий шаг: прикрепляет персонажей своей Повести, выведенных из персонажей свадебного обряда, к конкретным историческим фигурам.⁴⁹ Таким образом, история монастыря не только вводится в определенные хронологические рамки, но и связывается с историей княжества.

Важно подчеркнуть, что в данном случае взаимоотношения обряда и повествовательного текста не сводятся к изображению обряда в этом тексте. В качестве примера такого изображения обряда можно назвать найденную С. К. Росовецким «Повесть о женитьбе Ивана Грозного на

2) «Отрочъ» — от отроков, помещавшихся в детинце, находившемся ранее на месте монастыря (См.: С о к о л о в А. Святой благоверный великий князь Михаил Ярославич Тверской. Тверь, 1864. С. 26; Б о р з а к о в с к и й В. С. История Тверского княжества. СПб., 1876. С. 82; Отрочъ монастырь в г. Твери. Тверь, 1894. С. 86). Эта этимология скорее всего имеет своим источником какую-то местную легенду.

3) Монастырь назывался «Отрочъ», так как он был посвящен культу «трех отроков». Это посвящение могло забыться, а название осталось (см.: М а к а р о в а Т. И., Н и к о л а е в а Т. В. Из истории культуры Тверского Отроча монастыря // Сов. археология. 1976. № 4. С. 109—110). Думаю, что название Отроча монастыря монастырем Трех Отроков, сохранившееся на одном из планов Твери XVIII в. (см.: К о м а р о в Б. Чертеж города Твери до перепланировки XVIII века // Архитектурное наследство. 1956. № 6. С. 150—155), является поздней этимологией.

4) Наиболее вероятным кажется этимологическое толкование, предложенное В. Ф. Ржигой: «Отрочъ» — мужской в противоположность «девичью» — женскому (Р ж и г а В. Ф. Из истории повести. С. 98—99).

Интересно, что в 27 верстах от г. Твери, вниз по Волге, на ее правом берегу находилось село Отроковичи, название которого имеет также несколько толкований. Автор статьи об этом селе (Тверские епархиальные ведомости. 1884. № 10. Неоф. часть. С. 304—312), во-первых, отмечает, что «ходит предание, будто в Отроковичах был некогда монастырь во имя трех отроков» (с. 305; ср. с толкованием, предложенным Т. И. Макаровой и Т. В. Николаевой), а во-вторых, высказывает свое предположение: «Не жили ли здесь прежде отроки великокняжеские, особенно когда великие князья тверские отправлялись на птичью или звериную охоту? В письменных же документах есть же указание, что великий князь Ярослав охотился около села Единовова, которое в недалеком расстоянии от Отрокович, и отбил невесту у одного из отроков своих, построившего Отрочъ монастырь. Множество лесу на другой стороне Волги, почти против Отрокович начинающегося и идущего на дальнее расстояние не только в Тверской и Бежецкий уезды, но и в Новгородскую губернию, делает очень вероятным это предположение наше» (там же).

⁴⁹ Фигуры эти были взяты из Жития и Службы св. Михаила Ярославича Тверского и летописи. О возможном использовании летописи автором Повести писала еще Р. П. Дмитриева (см.: Повесть о Тверском Отроче монастыре и исторические реалии // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 211).

Марии Темрюковне».⁵⁰ В этом случае между обрядом и текстом можно условно поставить знак равенства. В тексте мы найдем почти все элементы обряда в их традиционном порядке. Особое внимание уделено внешней стороне обряда: подробно описаны наряды участников свадебного действия,⁵¹ дары невесты, ее свадебный поезд. Ничего этого в Повести о Тверском Отроче монастыре мы не найдем. Костюмы героев интересуют автора лишь в той мере, в какой они связаны с развитием интриги: так, упоминается «дорожное» платье князя, чтобы до времени скрыть роль этого героя во всем происходящем и подчеркнуть неожиданность его появления в качестве жениха; смена наряда отроком также имеет важное сюжетное значение как знак резкой перемены судьбы.

Сравнение двух этих повестей показывает, насколько своеобразна роль свадебного обряда в формировании сюжета «Повести о Тверском Отроче монастыре». Если в «Повести о женитьбе Ивана Грозного на Марии Темрюковне» взаимоотношение обряда и повествовательного текста однозначно (текст описывает обряд и не более того), то в «Повести о Тверском Отроче монастыре» все гораздо сложнее. С одной стороны, Повесть изображает отдельные моменты обряда, но автор ее не задерживается на описании деталей и подробностей, а в каждом описываемом моменте как бы сталкивает два плана изображения, сравнивая в каждом случае поведение двух женихов, истинного и мнимого, — т. е. обряд изображается постольку, поскольку это необходимо для развития сюжета. С другой стороны, один из эпизодов свадебного обряда, а именно «сымание отрока», дает сюжетную основу для повествования. Повесть не описывает сцену «сымания отрока» в том виде, в каком она существует в обряде, а на ее основе создает самостоятельное повествование, связь которого с этой сценой обнаруживается лишь в результате глубокого сравнительного анализа. Эта сюжетная схема, извлеченная из сцены «сымания отрока», определяет и характер поведения героев, и отбор тех элементов свадебного обряда, которые находят свое место в повествовании. По отношению к «Повести о Тверском Отроче монастыре» между обрядом и повествовательным текстом знака равенства поставить нельзя — повествовательный текст в данном случае значительно шире обряда.

Подводя итоги, можно сказать, что «Повесть о Тверском Отроче монастыре», созданная в традиции повестей об основании монастырей, в той своей части, которая выходит за рамки этой традиции (в рассказе о женитьбе князя Ярослава Ярославича), имеет своим источником свадебный обряд, а это в значительной мере опровергает мнение В. Ф. Ржиги, возводившего «почти все мотивы повести к агиографическим источникам».⁵²

Такое своеобразное использование автором Повести свадебного обряда, равно как и некоторые другие черты этого произведения, о которых речь пойдет в дальнейшем, позволяют охарактеризовать этот текст как результат индивидуального писательского творчества и усомниться в существовании до Повести какой-то местной легенды о женитьбе князя.⁵³

⁵⁰ Р о с о в е ц к и й С. К. Повесть о женитьбе Ивана Грозного на Марии Темрюковне // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность; Искусство; Археология. Ежегодник 1975. М., 1976. С. 27—37. По мнению публикатора, повесть была создана в последние десятилетия XVII в. предположительно в Поволжье.

⁵¹ Наряды участников свадебного обряда играют в нем далеко не последнюю роль. Это видно хотя бы по тому, как подробно описываются костюмы действующих лиц в «Чине свадебном» XVI в., см.: ПЛДР: Середина XVI в. С. 176, 178, 180 и др.

⁵² Р ж и г а В. Ф. Из истории повести. С. 109.

⁵³ Легенда, приведенная Н. Н. Овсянниковым (Тверь в XVII веке. С. 82—83), явно более позднего происхождения и вторична по отношению к Повести.

Т. Р. РУДИ

**Краткая редакция «Повести об Ульянии Осорьбиной»
и «Обретение мощей преподобной Ульянии»
(текстологический анализ)**

«Повесть об Ульянии Осорьбиной» («Житие Юлиании Лазаревской»), оригинальная житийно-биографическая повесть первой половины XVII в., известна в двух редакциях — Краткой (или Первой) и Пространной (Второй), которая представлена двумя вариантами. Самым существенным отличием Краткой редакции является наличие в ней рассказа об обретении мощей Ульянии и описания посмертных чудес и исцелений у ее гроба. Пространная редакция снабжена особым риторическим вступлением (во 2-м варианте — послесловием) и распространена в основном цитатами из Священного Писания и сочинений Отцов церкви.

Традиционно принятый в науке взгляд на взаимоотношение редакций «Повести об Ульянии Осорьбиной» принадлежит автору научно-критического издания памятника М. О. Скрипилю. Развив взгляды Н. П. Попова,¹ он определил Краткую редакцию Повести как первичную и назвал ее Первой, а Пространную соответственно Второй. Исследователем было разыскано 30 списков Повести, 27 из которых он привлек к текстологическому изучению, 22 издал с разночтениями.² Однако максимально сжатый текстологический комментарий и отсутствие стеммы взаимоотношения списков Повести привели к тому, что большая и очень важная работа, проделанная М. О. Скрипилем, осталась незавершенной и нуждается в продолжении.³

Так, исследователю остался неизвестен особый текст, представляющий собой заключительный фрагмент Краткой редакции памятника: он содержит повествование об обретении мощей Ульянии и четырех первых чудесах у ее гроба. Текст этот (далее — Ом) под особым заглавием («Месяца августа в 10 де(нь). Обретение мощей преподобныи Оульяньи, благослови тче») сохранился в сборнике-конволюте XVI—XVII вв.: ГПБ, собр. Т. Ф. Большакова (ф. 37), № 422, 4^о, 823 л., полуустав и скоропись разных почерков, переплет — доски в тисненой коже; л. 456—459 об. (далее — Бол. 422). Часть сборника, содержащая текст Ом, может быть датирована по бумаге приблизительно 40-ми гг. XVII в.⁴

¹ Попов Н. П. Рукописи Московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки. Вып. 2. Симоновское собрание. М., <1905—1910>. С. 173—174.

² Скрипиль М. О. Повесть об Ульянии Осорьбиной (Комментарии и тексты) // ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т. 6. С. 256—323.

³ Об этом см.: Демкова Н. С., Дмитриева Р. П., Салмина М. А. Основные проблемы в текстологическом изучении оригинальных древнерусских повестей // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 157—158 (раздел 3, посвященный повестям XVII в., написан Н. С. Демковой).

⁴ Филигрань бумаги, на которой переписан текст Ом, а также Службы преподобной Ульянии (л. 448—455), — Столбы; очень близка знаку из альбома Т. В. Диановой и Л. М. Костюхиной «Водяные знаки рукописей России XVII в.» (М., 1980. № 1207 (1638 г.)).

Бол. 422 в 1915 г. был описан Г. П. Георгиевским,⁵ однако остался неизвестен М. О. Скрипилю — в итоге текст «Обретения мощей преподобной Ульянии» оказался невведенным в научный оборот. Единственная работа, в которой Ом привлекается к анализу, — неопубликованное диссертационное исследование М. И. Мягковой «Дружина Осорьин — писатель XVII в.».⁶ Между тем текст Ом с учетом его конвоя в составе Бол. 422 представляет значительный интерес в изучении «Повести об Ульянии Осорьинной» как самое раннее из известных письменных свидетельств истории ее текста.

Предметом настоящей статьи является текстологический анализ известных списков Краткой редакции «Повести об Ульянии Осорьинной», на основе которого делается попытка установления взаимоотношения Краткой редакции памятника с текстом «Обретения мощей преподобной Ульянии».

Текст Краткой редакции «Повести об Ульянии Осорьинной» не имел широкого распространения в письменной традиции: известны 6 списков этого вида памятника в рукописных сборниках XVII—начала XVIII в.⁷

Дадим их краткое описание, расположив в хронологическом порядке.

1. ГПБ, Q.1. № 355 (старый шифр: собр. Ф. А. Толстого, II, № 303). Сборник XVII в. (50-е гг.), л. 59—75; 21 чудо. Далее — Q.1.355.
2. ГИМ, собр. И. Е. Забелина, № 434 (743). Сборник XVII в. (50—60-е гг.), л. 55—78 об. Конец рукописи утрачен, нет конца чудес: текст обрывается на 5-м чуде. Далее — Заб. 434.
3. ГПБ, O.1 № 25 (старый шифр: собр. Ф. А. Толстого, III, № 68). Отдельная рукопись из расшитого сборника XVII в. (60—70-е гг.); содержит только Житие (л. 1—31) и Службу (л. 31 об.—46) Ульянии Муромской (Лазаревской); 6 чудес. Далее — O.1.25.
4. БАН, II 1.А.28 (старый шифр: 17.12.13). Сборник XVII в. (80-е гг.), л. 62—78 об.; 6 чудес. Далее — II 1.
5. Псковский историко-художественный и архитектурный музей-заповедник, Древлехранилище, № 128/49. Сборник-конволют конца XVII в., л. 516—538 об.; 18 чудес.⁸ Далее — Пск. 128/49.⁹

⁵ Георгиевский Г. П. Рукописи Т. Ф. Большакова, хранящиеся в Императорском Московском и Румянцевском музее. Пг., 1915. С. 358—364.

⁶ Мягкова М. И. Дружина Осорьин — писатель XVII в. («Житие Юлиании Лазаревской» как звено в развитии реализма древнерусской литературы): Дис. . . канд. филол. наук. М., 1948. С. 39—40. Текст «Обретения мощей» воспроизведен в диссертации в Приложении № 3.

Отметим, что в работе М. И. Мягковой дана противоположная взгляду М. О. Скрипиля точка зрения на взаимоотношение редакций «Повести об Ульянии Осорьинной»: Пространная редакция считается первичной, Краткая — вторичной.

⁷ Существует еще один список «Повести об Ульянии Осорьинной», имеющий несомненную генеалогическую связь с Краткой редакцией: Государственный архив Тюменской области, Тобольский филиал, собрание рукописных книг, № 262. Сборник конца XVII в., л. 467—489; сборник описан: Дергачева-Скоп Е. И., Ромодановская Е. К. Собрание рукописных книг Государственного архива Тюменской области в Тобольске // Археография и источниковедение Сибири. Новосибирск, 1975. С. 136—137. Можно предположить, что эту рукопись имел в виду М. О. Скрипиль, когда среди не привлеченных к исследованию списков Повести назвал шифр: «Тобольский районный Архив, № 223 (по охранной описи В. И. Малышева)». См.: Скрипиль М. О. Повесть об Ульянии Осорьинной. . . С. 276. Текст Повести в этом списке близок Краткой редакции в целом, однако существенные отличия его в некоторых фрагментах, отражающие целенаправленную редакторскую работу, свидетельствуют о том, что Тобольский список «Повести об Ульянии Осорьинной» представляет собой особую редакцию памятника, и поэтому мы не привлекаем его к исследованию в рамках данной статьи.

⁸ По нумерации чудес в рукописи их обозначено 17, так как счет ведется начиная со 2-го чуда.

⁹ Сборник Пск. 128/49 не был известен М. О. Скрипилю. Впервые он был описан В. И. Малышевым: Малышев В. И. Собрание рукописей Псковского областного краеведческого музея // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 476. Затем на эту рукопись как содержащую «Повесть об Ульянии Осорьинной» еще раз указала Н. С. Демкова. См.: Демкова Н. С., Дмитриева Р. П., Салмина М. А. Основные

6. ГИМ, собр. А. С. Уварова, № 199 (2045). Сборник начала XVIII в., л. 105—127 об. Конец рукописи утрачен: текст обрывается на 3-м чуде. Далее — Ув. 199.

В целом текст Повести во всех 6 списках очень стабилен: отличия представляют собой чаще всего результат лексических, фразеологических, иногда — орфографических замен; реже — последствия писцовых ошибок или неверных прочтений, поэтому к каким-либо изменениям в содержании Повести или ее стилистики они не привели. Однако подведение различий в списках Краткой редакции Повести показывает, что они четко делятся на 3 группы.

1. Первую группу составляют два списка — 0.1.25 и П1. Обозначим их как группу А.
2. Во вторую группу — группу В — вошли 3 списка: Заб. 434, Пск. 128/49 и Ув. 199.
3. Третью группу составляет только один список — Q.1.355, поэтому для этой группы не будем давать специального обозначения.

Отметим, что списки внутри групп имеют также ряд отличий между собой, но мы приведем пока только основные различия, совпадающие во всех списках внутри групп и тем самым разделяющие группы А и В между собой.¹⁰ Для цитирования сопоставляемых чтений изберем внутри каждой группы основной список, чтения которого, как покажем далее, перешли позднее в другие списки группы. В группе А таким списком является 0.1.25, в группе В — Заб. 434 (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Группа А по списку 0.1.25	Группа В по списку Заб, 434
<ol style="list-style-type: none"> 1. . . святому Николе чудотворцу. . . (л. 7) 2. Свекровь же се слышав и посылаше ей пицу довольно. . . (л. 9). 3. А егда в селех погребаху мертвыя. . . (л. 9 об.). 4. . . он же не отпусти. . . (л. 12). 5. . . и ни единого от просящих не отпусти тщима рукама. . . (л. 19). 6. И бысть в лето зряг-го. . . (л. 24). 7. . . и абие ветр возвратися вспят(ь) и нача свитатися. . . (л. 30). 	<p>. . . святому Николе. . . (л. 61).</p> <p>Свекровь же се слышав, рада бысть и посылаше ей пицу довольно. . . (л. 63).</p> <p>А егда в селе их погребаху мертвыя. . . (л. 63 об.).</p> <p>. . . и не отпусти. . . (л. 65 об.).</p> <p>. . . и ни единого от просящих не отпусти тщима недрома. . . (л. 45 об.).¹¹</p> <p>И бысть в лето зряг-го. . . (л. 73).</p> <p>. . . и абие ветр возвратися въспят(ь) и нача свиватис(я). . . (л. 78).</p>

Проанализируем выявленные отличия групп А и В.

1 - е ч т е н и е. В данном случае невозможно отдать предпочтение тому или другому варианту, поскольку оба они в различных случаях встречаются в списках обеих групп.

2 - е ч т е н и е. Вероятно, более близким к авторскому является текст в списках группы В: в нем более четко и полно передана реакция свекрови на объяснения Ульянии о своем «частом ядении». В списках же группы А пропуск словосочетания «рада бысть» лишает эпизод его эмоциональной окраски. Отметим, что в Пространной редакции, как и в группе

проблемы в текстологическом изучении оригинальных древнерусских повестей // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 157, сноски 127.

¹⁰ Список Q.1.355, имеющий ряд индивидуальных чтений, отличающих его текст от текстов списков обеих групп, будет рассмотрен отдельно несколько позднее, так как занимает особое место в истории текста Повести. Отметим пока лишь, что в некоторых своих чтениях он обнаруживает родство с группой В.

¹¹ В списке ГИМ, собр. И. Е. Забелина, № 434 (743) неверно сшиты листы. Верный порядок должен быть следующим: л. 69, 46, 45, (один лист утрачен), 70 и т. д.

Б, также упоминается о радости свекрови, только в других выражениях: «возрадовася», «обрадовася о сем».

3 - е ч т е н и е. Выбрать верное чтение в этом примере, вероятно, невозможно: оба варианта грамматически верны и имеют право на существование. Однако исходя из общего контекста Повести более реальным было бы предположить, что речь идет все же об одном только селе — «селе их» (группа Б), т. е. о Лазареве, в котором жила Ульяния после замужества, — ведь она, как свидетельствует Повесть, очень редко куда-либо выезжала или покидала свое село: в девичестве ей даже не привелось бывать в церкви, из-за того что в их селе не было храма, а ближайший — за две версты.

4 - е ч т е н и е. Разночтение здесь столь невелико, что не имеет текстологического значения.

5 - е ч т е н и е. Любое из вариантных чтений — «тщима рукама» (группа А) или «тщима недрома» (группа Б) — в равной степени могло бы быть первичным или производным от третьего, авторского варианта. Последнее предположение кажется нам наиболее вероятным, так как список Q.1.355, выделенный нами в отдельную 3-ю группу, дает в этой фразе чтение «тща», которое встречается в Повести и в других случаях.

6 - е ч т е н и е. Это чтение, содержащее дату смерти сына Ульянии Георгия и обретения ее мощей, очень важно в текстологическом отношении. Случилось так, что 6 сохранившихся полных списков Краткой редакции Повести содержат 3 различных варианта датировки смерти Георгия: группа А — 1615 г. (ꙗꙗꙗꙗꙗ); группа Б — 1604 г. (ꙗꙗꙗꙗꙗ); Q.1.355 — 1614 г. (ꙗꙗꙗꙗꙗ).

Совершенно ясно, что вариант чтения списков группы Б ошибочен. Происхождение его легко объяснить: 1604 г. — год смерти Ульянии — упоминается в тексте всего несколькими фразами ранее, и переписчик Заб.434 (или, возможно, его ближайшего протографа) по ошибке повторил его и в предложении о смерти Георгия. Между тем 1604 г. никак не может быть годом смерти сына Ульянии: как следует из Повести, около ее могилы долго никогó не хоронили — и потому обретение там целого, ничем не поврежденного гроба при погребении Георгия вызвало у всех недоумение: «И обрете гроб ея наверху земли цел, неврежден ничим. И недоумеваху, чий есть, яко от мног(их) лет не бе ту погребаемого» (Заб. 434, л. 73—73 об.).

Не станем сейчас касаться вопроса о доле реально-психологического и условно-этикетного моментов в описании этой сцены,¹² в данном случае нам важно только, что от преставления Ульянии до смерти Георгия прошло много лет.

Ошибка писца Заб. 434 перешла и в два других списка группы Б — Пск. 128/49 и Ув. 199, которые, как покажем далее, через общий протограф восходят к Заб. 434. Причем переписчик этого протографа, а за ним и писцы обоих списков добавили перед неверно указанной датой местоимение с частицей — «того же ꙗꙗꙗꙗꙗ», — закрепив тем самым ошибочное чтение.

Вопрос о выборе первичного чтения между вариантами группы А (1615 г.) и списка Q. 1.355 (1614 г.) более сложен, но тоже разрешим. Во-первых, с палеографической точки зрения более реальной представляется замена даты «1614» на «1615» в цифровом обозначении: «ꙗꙗꙗꙗꙗ» на «ꙗꙗꙗꙗꙗ». Вероятно, в одном из протографов списков группы А писец

¹² Об этом см.: 1) История русской литературы XI—XVII веков. 2-е изд. М., 1985. С. 306 (гл. 7 «Литература первой половины XVII в.», содержащая анализ «Повести об Ульянии Осорьинной», написана А. М. Панченко); 2) Буланин Д. М. Из опыта работы над «Словарем книжников и книжности Древней Руси» // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 12.

по невнимательности вместо последней цифры \bar{v} (2) написал \bar{g} (3), приняв за цифру флексийное обозначение «г'» (т. е. «-го»). Таким образом, мог появиться 7123 г. вместо 7122. Обратная замена палеографически никак объяснена быть не может. Во-вторых, забегая вперед, отметим, что текст списка Q.1.355, содержащего чтение «зрѣк-го», вообще наиболее близок к авторскому и содержит еще несколько архетипных чтений, которые во всех других списках Краткой редакции оказались искажены. В-третьих, доказательством верности чтения в Q.1.355 служит, несомненно, и то, что зафиксированная в нем дата совпадает с датой смерти Георгия в тексте «Обретение мощей» (Бол. 422) — самом раннем списке и, как покажем далее, первоначальном тексте этого фрагмента Жития. И, наконец, существует еще одно — косвенное — свидетельство в пользу 1614 г. В Муромском филиале Владимиро-Суздальского музея-заповедника хранится вкладной серебряный напрестольный крест 1914 г.,¹³ поступивший в Музей из церкви села Лазарева после ее закрытия 14 февраля 1930 г. По бокам креста выгравирована надпись: «В память 300-летия прославления святой Юлиании Лазаревской от причта и прихожан. 1914 г., 18 августа». Таким образом, в самом селе Лазареве годом обретения мощей Ульянии, а соответственно и годом смерти Георгия считался традиционно 1614 г.

Итак, из 6 полных списков Краткой редакции верную дату обретения мощей Ульянии Лазаревской сохранил лишь один — Q.1.355. Списки же групп А и Б, имеющих различные протографы, унаследовали из них два разных искаженных чтения.

7 - е ч т е н и е. В этом примере, как и в чтениях 1, 3 и 4-м, верное написание встречаем в списках группы Б — «свиватися». Ошибочное же написание «свитатися» в списках группы А имеет характер обычной описки (вместо «в-в-т» — «в-т-т»), которая возникла, возможно, по невольной аналогии с оборотом «свитающу дню», который писец должен был переписать незадолго до этой фразы, во фрагменте о преставлении Ульянии.

Таким образом, проанализировав 7 основных чтений, дифференцирующих списки двух групп, можно сделать следующие предварительные наблюдения. Списки групп А и Б восходят к двум различным протографам, ни один из которых не сохранил текст оригинала. Списки группы Б содержат больше верных, первичных чтений, однако и в них наблюдаются отклонения и искажения текста архетипа, возникшие на раннем этапе рукописной традиции Краткой редакции Повести.

Рассмотрим теперь взаимоотношения списков внутри групп. Обратимся сначала для большей наглядности к группе Б.

3 списка группы Б, состоя в непосредственном родстве и имея общие чтения, отличающие их от группы А, разделяются в свою очередь на 2 подгруппы.

1. Список Заб. 434 — самый ранний и основной список группы.

2. Списки Пск. 128/49 и Ув.199, которые, находясь в очевидной зависимости от Заб. 434 (хронология списков подтверждает структуру их текстологического соотношения), имеют на протяжении всего текста Повести общие вторичные чтения. Обозначим эту подгруппу Б-2.

Приведем специфические чтения подгруппы Б-2, которые, объединяя эти 2 списка, отсутствуют во всех других списках Краткой редакции (табл. 2).

Все приведенные отличия подгруппы Б-2 незначительны и представляют собой либо вариантыные чтения (1, 3, 4, 5, 7, 8, 9), вставку (12) или

¹³ Муромский музей, М 5125/В 22305, 31,5×19 см, серебро, чеканка, скань, эмаль, вес 400 гр. Приношу искреннюю благодарность Е. И. Сазоновой, О. А. Суховой, а также Т. Б. Купряшиной и О. А. Лукиной, оказавшим мне существенную помощь в работе над материалами Муромского музея.

Т а б л и ц а 2

Подгруппа Б-2	Остальные списки Краткой редакции
<ol style="list-style-type: none"> 1. Бывши же ей шести лет, преставися мати ея. 2. Думенскаго. 3. . . же лет. По сих летех умре и баба ея. И по завещанию бабы ея поят ю тетка к себе. . . 4. . . в молитвах и в рукоделиих. . . 5. Полуимянем. 6. . . но все собою творяше. . . 7. . . к ней со оружием. . . 8. . . держа палицу и прогна бесовское множество от нея. 9. Ничесому. 10. Церковь. 11. . . лучися вещи быти. . . 12. . . и вси дивляхуся разуму ея и смыслу. . . 	<p>Бывши же ей шести лет и умре мати ея. Дубенскаго. . . . же лет. И умре баба ея. И по заповеди ея поят ю к себе тетка. . .</p> <p>. . . в молбах и в рукоделии. . . Простым именем. . . . но все сама собою творяше. на ню со оружием. имея палицу и прогна их от нея.</p> <p>Ничему. Церковь теплую. . . . лучися печи быти. и вси дивляхуся разуму ея. . .</p>

пропуск слова (6, 10), либо писцовые описки (2, 11).¹⁴ Многочисленность общих чтений в подгруппе Б-2 на протяжении всего текста свидетельствует о самом тесном родстве входящих в Б-2 списков. Такое родство может быть выражено в виде двух предположительных схем: либо один из списков переписан с другого, либо оба они восходят к общему протографу, который в свою очередь происходит от Заб. 434. Рассмотрим первый из возможных вариантов.

Хронологически более ранним в подгруппе Б-2 является список Пск.128/49 (конец XVII в.), следовательно, он мог быть протографом Ув. 199. И действительно, список Пск. 128/49 в целом более исправен, тогда как в Ув. 199 читается целый ряд ошибок и пропусков. Приведем некоторые из них (табл. 3а).

Т а б л и ц а 3а

Пск. 128/49 = Заб. 434 (верное чтение)	Ув. 199 (ошибочное чтение)
<ol style="list-style-type: none"> 1. . . яко всем дивитися разуму ея и благоверию (л. 517 об.). 2. . . точию нужныя потребы домовныя оставляше (л. 526 об.). 3. . . погребоша сына ея Георгия подле гроба ея и поидоша в дом (л. 531). 4. . . а преже того не можаху и ко оустом принести (л. 532 об.). 5. . . и глагола ему жена. . . (л. 533 об.). 	<p>. . . аз ко всем дивитися разуму ея и благоверию (л. 107 об.). . . . точию нужныя оставляше (л. 119).</p> <p>. . . погребоша сына ея и поидоша в дом (л. 124). . . . а преж(е) тог(о) не можаху и ко стом принести (л. 126). . . . и блгому жена. . . (л. 127).</p>

Однако при всей очевидности того, что текст Пск. 128/49 более исправен, в нем есть по меньшей мере 3 индивидуальных чтения, отличающих его от всех других списков, в то время как Ув. 199 дает в этих случаях чтения, тождественные Заб. 434 (табл. 3б).

¹⁴ Во 2-м чтении искажено имя Никифора Дубенского, прадеда Ульянии по материнской линии. Упоминания о роде Дубенских встречаются во многих актовых материалах XVI в. См.: 1) Л и х а ч е в Н. П. Грамоты рода Осоргиных // Изв. Рус. генеалог. о-ва. СПб., 1900. Вып. 1. С. 3; 2) С к р и п и л ь М. О. Повесть об Ульянии Осорьиной. . . С. 261—262.

Пск. 128/49	Ув. 198 = Заб. 434
1. . . .прилежание имяше. . . (л. 517 об.). 2. . . .всею добродетелию исполнену. . . (л. 518 об.). 3. . . .но моляшеся Богу в дому своем (л. 524 об.).	. . .прилежание велие имяше. . . (л. 107). . . .всею добротю исполнену. . . (л. 108 об.). . . .но в дому моляшеся Богу (л. 116).

Следовательно, список Ув. 199 не мог быть переписан с Пск. 128/49: в некоторых случаях он сохраняет первичные чтения из Заб. 434, тождественные соответствующим чтениям и других списков Краткой редакции, в то время как в Пск. 128/49 эти чтения претерпели изменения (пропуск слова в 1-м примере; вариативная замена во 2-м; изменение порядка слов с добавлением одного слова в 3-м). Иными словами, зависимость списков Заб. 434 → Пск. 128/49 → Ув. 199 невозможна. Показав не реальность нашего первого предположительного варианта взаимоотношения списков подгруппы Б-2, мы тем самым доказали истинность второй гипотезы: списки Пск. 128/49 и Ув. 199 имеют общий протограф, восходящий к Заб. 434.

Этот вывод позволяет высказать еще некоторые соображения по поводу списков группы Б, в частности о композиционно завершающем текст Краткой редакции фрагменте — чудесах у гроба праведной Юлиании. Как мы уже отмечали, только один список группы Б — Пск. 128/49 — дошел до нас целиком; он содержит 18 чудес. Два же других списка этой группы дефектны, в них утрачены последние листы: в Заб. 434 текст обрывается на 5-м чуде, в Ув. 199 — на 3-м. Однако их ближайшее текстовое родство с Пск. 128/49 позволяет реально поставить вопрос об исходном количестве чудес в каждом из них. И ответить на этот вопрос относительно просто. Список Q.1.355 — единственный, содержащий 21 чудо, — свидетельствует о том, что текст Жития с 18 чудесами — это определенный этап в истории Краткой редакции. Порядок и текст первых 18 чудес в нем за исключением незначительных разночтений совпадает с текстом чудес в Пск. 128/49. Последние же 3 чуда в отличие от всех остальных датированы: 19-е — 1645 г., 20-е — 1646, 21-е — 1649. Причем в тексте последнего чуда — об исцелении «Везниковьския области жены некой именем Елены прозвищем Васильевы» — сказано, что после исцеления жена та пребыла в Муроме еще 2 года: «И пребысть в Муроме два лета, приходя на память ея и погребение молебная исправляя» (л. 81). Таким образом, записано это чудо могло быть не ранее 1651 г. Возможно, составителем трех последних чудес и был писец этого сборника: бумага его датируется по филиграммам концом 40—началом 50-х гг. XVII в.¹⁵ Так или иначе, абсолютно не подлежит сомнению, что первые 18 чудес, читающихся в Q.1.355 и в Пск. 128/49, были записаны не позднее 1651, а возможно, и 1645 г. Следовательно, их автором не мог быть ни писец Пск. 128/49 (конец XVII в.), ни переписчик протографа подгруппы Б-2, ни писец Заб. 434 (50—60-е гг. XVII в.). А из того факта, что список группы Б Пск. 128/49, датирующийся концом XVII в., содержит текст 18 чудес, написанных до 1651 г., следует вывод: все 3 списка этой группы, датирующиеся 2-й половиной XVII в., восходят к общему протографу

¹⁵ Водяные знаки: 1. Герб Ярославской губернии 2-х видов — а) типа: Д и а н о в а , К о с т ю х и н а , № 971, 972 (1647, 1649 гг.); б) типа: Г е р а к л и т о в , № 326 (но без литер) (1648—1649 гг.). 2. Лилия с литерами «WR» — типа: Г е р а к л и т о в , № 194 (1649—1650 гг.). 3. Феникс — типа: Д и а н о в а , К о с т ю х и н а , № 1106 (1653—1654 гг.) и др.

1-й половины XVII в. (не позднее 1651 г.), содержащему 18 чудес. В этой связи можно с уверенностью сказать, что оба дефектных списка с утратой последних листов — Заб. 434 и Ув. 199 — включали по 18 чудес. Таким образом, выделенные нами 3 группы списков Краткой редакции помимо деления по общим чтениям дифференцируются и по количеству чудес: группа А — текст с 6 чудесами; группа Б — текст с 18 чудесами; Q.1.355 — текст с 21 чудом.

Возвратимся теперь к группе А. Подведение разночтений показало, что составляющие ее 2 списка — О.1.25 и П1 — находятся не в прямой линейной зависимости между собой и группой Б. Список П1, имеющий 7 общих чтений с О.1.25 (в том числе и ошибочные), которые выделяют их в отдельную группу (см. табл. 1), обнаруживает одновременно целый ряд чтений, в которых он совпадает с группой Б (всеми тремя ее списками или основным) и не совпадает с О.1.25 (табл. 4).

Т а б л и ц а 4

П1 = Заб. 434	О.1.25
1. . . в милостыню расточи. . . (л. 71). 2. . . велика скудость пици бысть и всех потребных (л. 71 об.). 3. Генваря (убо) ¹⁶ въ ꙗ де(нь) свитающу дню. . . (л. 73 об.). 4. . . учредити погребателей. . . (л. 75).	. . . в милостыню разда. . . (л. 17 об.). . . . велика скудость бысть и всех потребных (л. 18). . Генваря въ в день свитающу дню. . . (л. 22). . . . учредити погребательная. . . (л. 24 об.).

1 - е ч т е н и е. Глаголы-синонимы «расточи» и «разда» встречаются как варианты в обеих группах на протяжении всего текста Повести. Но в данном случае в тексте оригинала читался, вероятно, глагол «расточи», так как он присутствует в этой фразе во всех, кроме О.1.25, списках Краткой редакции.

2 - е ч т е н и е. В списке О.1.25 — явно пропуск слова, так как союз «и» в этой фразе должен соединять два зависимых слова в родительном падеже, относящихся к существительному «скудость»: «. . . велика скудость бысть <чего?» и всех потребных». Когда слово «пици» опущено, ломается синтаксическая структура фразы.

3 - е ч т е н и е. Как это ни удивительно, лишь в одном из 6 списков Краткой редакции — О.1.25 — во фрагменте, повествующем о преставлении Ульянии, верно указан день ее смерти — 2 января. В списках группы Б и П1 ошибочно указано 7 января («генваря въ ꙗ день»), а в Q.1.355 — 4 января («генваря въ д-й день»). Между тем сомневаться в верности даты смерти Ульянии нет никаких оснований: в заглавии всех списков читается 2 января («Месяца генваря въ в день усупение святыя праведныя Улияней Муромския чюдотворицы»), да и в самом тексте есть косвенное свидетельство в пользу такой датировки: «Егда же приближися честное ея преставление и разболеса декабря въ кс де(нь) и лежа с дней» (О.1.25, л. 21 об.). С 26 декабря до рассвета 2 января приходится даже 7 полных суток, а не 6, как сказано в Повести, но, возможно, первый день болезни как неполный не был учтен. Так или иначе и 4, и 7 января никак не соответствуют продолжительности болезни, указанной в тексте. Вероятно, ошибка возникла очень рано, еще в протографе списков группы Б (о списке П1 мы скажем отдельно); объяснить же появление в списке Q.1.355 чтения «въ д-й день» можно предположительно тем, что

¹⁶ «Убо» — индивидуальное чтение списка П1, не встречающееся больше ни в одном из списков Краткой редакции.

писец по невнимательности принял за дату выносное «д», которое часто пишется над числом вместо титла и обозначает краткое написание слова «день»: «въ в»^{де}.

4 - е ч т е н и е. По мнению Е. Мерцалова (еп. Муромского Евгения), более верным является вариант списка О.1.25 — «учредить погребателная».¹⁷ Однако это не исключает, по всей видимости, предположения, что более ранним из двух является вариант «учредить погребателей». Дело в том, что в тексте «Обретения мощей» (Бол. 422, 40-е гг. XVII в.) читается в соответствующей фразе еще один, не совпадающий с двумя приведенными вариант, который и был, вероятно, исходным: «Августа ж || в і день погребоша сына ея подле гроба ея и поидохомъ, еже покоити погребателей» (л. 456—456 об.). В авторском тексте в этом предложении, по-видимому, речь шла еще не о поминальном обеде («учредить погребателная»), а действительно лишь об отдыхе «погребателей», так как в следующей фразе говорится, что в это время женщины, бывшие на погребении, открыли гроб блаженной и увидели его наполненным миром благовонным; т. е. женщины вместе с другими не ушли в дом, и упоминание о поминальном столе в таком случае воспринимается как нелогичное. Нам представляется наиболее вероятной следующая последовательность трансформации рассматриваемого словосочетания: «покоити погребателей» → «учредить погребателей» → «учредить погребателная», т. е. чтение списка О.1.25 мы считаем самым поздним.

Есть и другие, более мелкие и менее значительные чтения (в основном на уровне грамматики и орфографии), в которых список П1 совпадает с группой Б и отличен от О.1.25. Объяснить такую общность наличием общего протографа, объединяющего П1 с группой Б, невозможно: как мы показали ранее, группы А и Б имеют разные протографы, от которых и пошли 2 группы списков. Следовательно, писец П1 имел в своем распоряжении не только один основной принадлежащий группе А список, но и другой, относящийся к группе Б, по которому он сверял и правил переписываемый текст. Им мог быть список, предшествовавший протографу группы Б, который содержал еще не 18, а только 6 чудес (иначе и П1 включал бы не 6, а 18 чудес), и следовательно, датировался периодом еще более ранним, чем 1645—1651 гг. Предположение, что переписчик П1 имел в своем распоряжении не один список Повести, вполне имеет право на существование. Рукописный сборник БАН, П1.А.28 представляет значительный интерес: он входит в состав библиотеки Петра I.¹⁸ Помимо Жития Ульянии сборник содержит Службу и Житие царевича Димитрия. Тексты переписаны красивым четким полууставом. Деревянный переплет обтянут темно-зеленой кожей с золотым тиснением. Рукопись украшена двумя тонкой работы миниатюрами в красках с изображением царевича Димитрия¹⁹ и тремя гравированными заставками-рамками. Бумага сборника по филиграммам датируется 70—80-ми гг. XVII в.,²⁰ а время создания рукописи можно, вероятно, определить более конкретно периодом совместного царствования Иоанна и Петра

¹⁷ См.: Евгений. О церковном прославлении и почитании св. праведной Иулинии Лазаревской. Муром, 1910. С. 5.

¹⁸ Рукопись кратко описана: Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. М.; Л., 1956. Вып. 1. С. 386. См. также: Библиотека Петра I: Указатель-справочник / Сост. Е. И. Боброва; Под ред. Д. С. Лихачева. Л., 1978. С. 43.

¹⁹ Миниатюр с изображением Ульянии в сборнике нет: л. 61, предшествующий Житию, оставлен чистым. Вероятно, вообще не существовало традиции изображения Юлинии Лазаревской в рукописных сборниках: нам не известно ни одного лицевого ее Жития.

²⁰ Филиграммы: 1. Герб Амстердама двух видов — а) типа: Дианова, Костюхина, № 152 (1668, 1672 гг.); б) типа: Дианова, Костюхина, № 157 (1678, 1682, 1683 гг.). 2. Герб семи провинций. Знак плохо различим: близок:

Алексеевичей (1682—1689 гг.): Служба царевичу Димитрию заканчивается молитвенным прошением к страстопосцу Христову «благовернымъ царемъ Иоанну и Петру здравие даровати» (л. 20 об.). Профессионализм и изящество оформления рукописи, происходящей из библиотеки Петра I, дают, на наш взгляд, возможность предположить, что она писалась на заказ в Москве; в этой связи наличие нескольких списков Жития Юлиании Лазаревской у писца было вполне возможно. С другой стороны, это предположение может объяснить и тот факт, что писец, не будучи жителем Мурома, мог не помнить твердо даты памяти Юлиании Лазаревской и повторил ошибочное чтение («генваря убо въ 3 де(нь)») того списка, по которому он сверял текст, — протографа группы Б с 6 чудесами.

Итак, список П1 соединяет в себе чтения двух протографов — основного списка, относящегося к группе А, и дополнительного, по которому делалась сверка, протографа группы Б. Основным источником для П1 мог быть непосредственно список О.1.25 — общие чтения и хронология списков допускают такое предположение. Но из-за невозможности твердо обосновать эту гипотезу (в связи со сверкой текста по двум спискам) мы должны остановиться на втором варианте: П1 и О.1.25 могли быть переписаны с общего недошедшего протографа.

Выяснив взаимоотношения списков внутри групп А и Б, а также отношение групп между собой, обратимся к последнему, 6-му полному списку Краткой редакции — Q.1.355, — который, как мы уже отмечали, имеет ряд индивидуальных чтений, выделяющих его в особую группу (табл. 5). Самое яркое внешнее отличие списка — наличие в нем, единственном, 21 чуда, из которых 3 последних датированы.

Т а б л и ц а 5

Группы А и Б по основным спискам	Q.1.355
1. . . .имея жену такову же боголюбиву и нищелюбиву именем Стефаниду Григорьеву дщерь Лукина.имея жену такову же боголюбиву и нищелюбиву именем Стефаниду Григорьеву дщерь Церлукина. . . (л. 59).
2. . . .во всем благоверии.во всяком благоверии. . . (л. 59).
3. . . .бабка, матери ея мати.баба ея, матери ея мать. . . (л. 59 об.)
4. . . .бе бо измлада крепка и молчалива.	. . .бе бо измлада кротка и молчалива (л. 60).
5. . . .но смыслом благим наставляема.но смыслом бо Господним наставляема. . . (л. 61).
6. . . .егда же достиже $\bar{s}i$ лет.егда же достиже \bar{s} -го на \bar{i} лета. . . (л. 61).
7. Егда же мужу ея на мирских службах бывающу. . .	Егда же мужу ея на царских службах бывающу. . . (л. 62).
8. . . .дело по силе налагаше.дело по силе полагаше (л. 62 об.).
9. Егда бе хлебу изобилие. . .	Егда бе Хр̄ста Б̄га изобилие. . . (л. 64).
10. Она же от свекрови пищу принимая сама днем и раздаяше. . .	Она же от свекрови пищу принимая сама, а не ядыше, глдным все раздаяше. . . (л. 64 об.).
11. . . .и ни единого от просящих не отпусти тщица рукама, дондеже в последнюю нищету, яко ни единому зерну остатися в дому ея.	. . .и ни единого от просящих не отпусти тща. Дойде же в последнюю нищету, яко ни единому зерну остатися в дому ея (л. 70—70 об.).
12. Потерпе же в той нищете два лета, не обиталася ничему тому, не попрошта. . .	Потерпе же в той нищете два лета, не опечалися, ни смутися, ни попрошта. . . (л. 71 об.—72).
13. Генваря въ в̄ ($\bar{3}$) день. . .	Генваря въ д̄-й день. . . (л. 72).
14. И бысть в лето з̄ркв(з̄рви)-го. . .	И бысть в лето з̄ркв-го. . . (л. 73 об.).

1 - е ч т е н и е. В Q.1.355 писцовая ошибка: «Церлукина» — явное искажение, возникшее, вероятно, из-за неверного прочтения и слияния в одно слово словосочетания «дщерь Лукина». Фамилия же матери и деда Ульянии — Лукины — встречается в актовых материалах и Писцовых книгах г. Мурома XVII в. Так, в Писцовой книге города Мурома 1625 г. писца Григория Федоровича Киреевского читаем: «Двор пусть ж(е) муромца Григорья Яковлева сына Лукина. В длину е сажен с четью. Поперегъ пол г̃ саж(е)ни».²¹

2 - е и 3 - е ч т е н и я. В обоих случаях различия в чтениях настолько невелики и незначительны, что трудно отдать предпочтение или выбрать первичный из двух вариантов.

4 - е ч т е н и е. По всей видимости, в данном случае можно говорить о том, что Q.1.355 сохранил архетипное чтение «кротка» (в этом фрагменте речь идет о смирении и послушании Ульянии), в то время как во все другие списки перешло ошибочное чтение «крепка», появившееся, вероятно, на раннем этапе рукописной традиции Краткой редакции до разделения списков на группы А и Б.

5 - е ч т е н и е. Варианты «благим» и «Господним» выступают в данном случае как синонимы, поэтому выбрать из них первичный вряд ли возможно.

6 - е ч т е н и е. Вариант списка Q.1.355 «5-го на 1̄ лета» как более древнюю форму, вероятно, следует признать изначальным. Иначе обратная замена (из «1̄ лет» — «5-го на 1̄ лета») означала бы сознательную архаизацию языка в Q.1.355, чего не отмечается на протяжении всего текста. Напротив, в Q.1.355 часто формам двойственного числа, зафиксированным в других списках, соответствует форма множественного числа (например: «своими руками» (л. 62) вместо «своима руками», как это читается в остальных 5 списках).

7 - е ч т е н и е. Здесь, как и в 4-м чтении, Q.1.355 сохранил верное чтение — «на царских службах», — которое, будучи искажено еще на раннем этапе рукописной традиции, перешло в списки обеих групп в ошибочном варианте — «на мирских службах», — утратив логику и смысл.

8 - е ч т е н и е. Данное разночтение, как и некоторые другие, очень незначительно. Однако в комплексе с подобными ему чтениями оно дополнительно свидетельствует об обособленности Q.1.355 в текстологической схеме взаимоотношения списков Краткой редакции.

9 - е ч т е н и е. Очевидна ошибка в Q.1.355: «Хр̄ѣа Б̄га» вместо «хлебу», однако происхождение ее неясно. Предположение, что писец Q.1.355 прочел форму «хлебу» (или «хлеба») как 2 слова под титлами — «Ха Ба», — маловероятно. Возможно, в авторском тексте слово «хлеб» вообще отсутствовало («обилие» в древнерусском языке могло обозначать «хлеб в зерне»²²), а появилось в результате попытки исправить испорченный ранее текст. Однако и эта гипотеза представляется малоубедительной. Прояснить положение могли бы только вновь найденные списки.

10 - е ч т е н и е. Текст Q.1.355, вероятно, близок к архетипу. В списках O.1.25, П1 и Заб. 434 произошла, видимо, механическая утрата

²¹ ГПБ, собр. А. А. Титова, № 3645, л. 25 об. В Писцовой книге г. Мурома 1636 г. писца Бориса Дмитриевича Бартенева (из-за неверно вычисленной даты от Рождества Христова эту Писцовую книгу обычно именуют Описью Бартенева 1637 г.) об этом дворе говорится: «Да в приправочных книгах написано: „Д(вор) муромца Григорья Яковлева сына Лукина < . . . >“. А ныне по новому писму этого двора не сыскано, а по скаске Григорьева сына Степана той двор пригородил в осадной двор Живоначальной Троицы Сергеева монастыря» (ГПБ. Q.IV.231, л. 32—32 об. библиотечной пагинации). О представителях рода Лукиных см. также: Л и х а ч е в Н. П. Грамоты рода Осоргиных. С. 3—4. Фамилия Лукины до сих пор имеет распространение в Муроме.

²² См.: Ф а с м е р М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. чл.-кор. АН СССР О. Н. Трубачева. 2-е изд. М., 1987. Т. 3. С. 100—101.

части фразы и порча текста: исчез фрагмент «а не ядыше, гла», — а «-дным» превратилось в «днем»). Слово «днем» в этой фразе неуместно, так как в предыдущем пассаже говорится о том, как Ульяния, пойдя на небольшую хитрость, испросила у свекрови себе пищу «не точию в день, но и в ночь», чтобы раздавать ее нищим. В списках подгруппы Б-2, восходящей к Заб. 434 через общий протограф, искаженный текст по возможности исправлен: «Она же от свекрови пищу приимаше, сама ж(е) днем нищим раздаваше».

11 - е ч т е н и е. Верное чтение вновь находим в Q.1.355: «. . .дойде же в последнюю нищету». В одном из не дошедших до нас ранних списков глагол с частицей «дойде же» из-за неверного прочтения был заменен близким по написанию подчинительным союзом «дондеже». Ошибка перекочевала в остальные 5 известных нам списков: нарушилась синтаксическая структура фразы, так как в ней исчез глагол.

12 - е ч т е н и е. Последовательность искажения и правки текста в этом примере повторяет тот же путь, который мы проследили в 10-м чтении. В общем протографе списков O.1.25, П1 и Заб.434 глагол «не опечалился» трансформировался в малопонятное слово «не обиталася» и перешел в такой форме в 3 списка, относящихся к 2 разным группам. А переписчик протографа подгруппы Б-2, пытаясь исправить неясное слово, заменил его глаголом «не обинулася» (что означает «не поколебалась», «не засомневалась»²³), который и перешел в оба списка подгруппы — Пск. 128/49 и Ув. 199.

13 - е ч т е н и е. Ошибка в дате преставления Ульянии объясняется, вероятно, случайной ошибкой писца списка Q.1.355, которая может иметь, впрочем, палеографическое объяснение (см. коммент. к 3-му чтению таблицы 4).

14 - е ч т е н и е. Список Q.1.355 единственный из 6 сохранил верную дату смерти Георгия и обретения мощей Ульянии — 1614 ($\frac{1}{2}$ ркв) г. В списках же групп А и Б закрепились два искаженных чтения (1615 и 1604 гг.), возникших еще в списках-протографах групп А и Б (см. коммент. к 6-му чтению таблицы 1).

Обобщим проанализированные разночтения. Варианты чтений списка Q.1.355, в которых он расходится со всеми остальными списками Краткой редакции Повести, довольно многочисленны (мы привели наиболее значительные из них) и могут быть разделены на 3 группы: 1) индивидуальные вариативные или синонимичные чтения (чтения 2, 3, 5, 6, 8); 2) ошибочные чтения (1, 9, 13); 3) верные чтения, не сохранившиеся в других списках (чтения 4, 7, 10, 11, 12, 14). Наличие в Q.1.355 индивидуальных и ошибочных чтений свидетельствует о том, что этот список, по-видимому, не дал последующей рукописной традиции (по меньшей мере, в рамках Краткой редакции) и замкнул собой особую ветвь в схеме списков Краткой редакции. С другой стороны, исключительную важность имеют индивидуальные верные чтения Q.1.355: наличие в нем 6 архетипных чтений, которые во все остальные списки вошли уже в искаженной форме, является показателем того, что источником для Q.1.355 послужил очень ранний список, в котором все 6 названных чтений были еще верны. За этим ранним списком-источником следовали один или несколько промежуточных списков, в которых 6 чтений получили искажения еще до разделения списков на две группы, так что в оба протографа списков групп А и Б вошли уже все 6 ошибочных чтений. Этот вывод обязывает нас сделать еще одно очень существенное дополнение к вопросу об источниках Q.1.355. Список, с которого переписывался Q.1.355, мог иметь в своем составе не более 6 чудес: он предшествует, как мы показали,

²³ См.: Там же. Т. 3. С. 101; Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. СПб., 1881. Т. 2. С. 584.

разделению на протографы групп А и Б, один из которых — протограф группы А — содержал 6 чудес. Список же Q.1.355 включает 21 чудо причем текст 18 из них за небольшими разночтениями совпадает с текстом чудес в Пск. 128/49. Следовательно, писец Q.1.355 имел в своем распоряжении помимо основного раннего списка-источника еще и список с 18 чудесами, датированный периодом до 50-х гг. XVII в. — времени написания Q.1.355. С последнего списка и были переписаны чудеса с 7-го по 18-е. Список этот (или ближайший промежуточный, если такой существовал) и мог послужить в дальнейшем протографом группы Б.

Приведем самые существенные отличия в тексте чудес с 7-го по 18-е в списках Пск. 128/49 и Q.1.355²⁴ (табл. 6).

Т а б л и ц а 6

Пск. 128/49	Q.1.355
1. Деревни Сороховы. . . (л. 535). 2. Села Карачева (л. 535 об.). 3. Града Мурома с посаду Матфея Черкасова жена именем Мария. . . (л. 536). 4. Града Мурома дворянин именем Иосиф Кропков разболелся великою болезнию. . . (л. 538).	Деревни Гороховы. . . (л. 77 об.). Села Корочарова. . . (л. 78). Града Мурома с посаду Матфея Черкасова раба именем Мария. . . (л. 78 об.). Московский дворянин Иосиф Ковков разболелся великою болезнию. . . (л. 80 об.).

В 1-м и 2-м чтениях Q.1.355 сохранил верные местные топонимы — наименования деревни Гороховы (Гороховой) и села Карачарова — родины легендарного Ильи Муромца, которые дошли до Пск. 128/49 уже искаженными. В 3-м чтении существительные «жена» и «раба» следует понимать, вероятно, как синонимы (ср.: «Села Лазарева некая жена именем Фекла. . .»; «Везниковьския области жена некая именем Елена. . .»).

Самым важным в текстологическом отношении является 4-е чтение. Отметим сразу, что в обоих списках искажено имя героя: речь в этом чуде, замыкающем список чудес в Пск. 128/49, идет, по-видимому, об Иосифе (или Осипе) Кровкове, который действительно жил в Муроме в первой половине XVII в. Имя его мы находим в двух писцовых книгах г. Мурома XVII в. Так, в писцовой книге 1625 г. читаем: «Двор пуст муромцов Осипа да Григорья Суминых детей Кровкова. В длину тово двора ді сажен, поперег $\bar{5}$ сажен».²⁵ В писцовой книге 1636 г. запись более обширная: «Д(вор) Осипа да Григорья Суминых детей Кровкова. В длину того двора тринадцать сажен с полусаженью, поперег шесть сажен. А в нем живут дворники Савка Макаров сын скорняк касимовец да зять ево Фомка Иванов, бродит по миру».²⁶ Следовательно, чтение Пск. 128/49 можно считать верным: Иосиф Кровков действительно был жителем Муромца. Но и чтение Q.1.355 нельзя, по всей видимости, считать ошибочным: напротив, оно имеет свой конкретно-исторический комментарий. Мы обратились к Росписному списку города Москвы 1638 г. и в тексте «Переписи А. И. Векова да подьячаго Богдана Козивонова на Кулижках от Преподотеченскаго монастыря до Яузских и до Варварских ворот» обнаружили

²⁴ В списке Пск. 128/49 в отличие от Q.1.355 чудеса имеют нумерацию, но начинается она со 2-го чуда, поэтому счет чудес в Пск. 128/49 сдвинут на единицу. Мы пользуемся общей для всех списков нумерацией. Текст последнего, 18-го, чуда в Пск. 128/49 имеет концовку, которой, естественно, нет в Q.1.355: «Ныне и присно и во веки веком. Аминь». (л. 538 об.).

²⁵ ГПБ, собр. А. А. Титова, № 3645, л. 24.

²⁶ ГПБ, Q.IV.231, л. 29 об. библиогр. паг.

следующую запись: «Д(вор) Осипа Савостьянова с(ына) Кровкова, сказал: быть ему на службе, а люди с ним же будут, а дворника не сказал». ²⁷ По-видимому, отец Иосифа (Осипа) Кровкова Савостьян имел кроме имени еще и прозвище — Сума. В том, что «Сума» — это прозвище, сомневаться не приходится: из Писцовых книг 1625 и 1636 гг. мы узнаем, что один из сыновей Сумы Кровкова, брат Осипа, прозывался «Мешком», а сын его в свою очередь — «Корманом». ²⁸ Следовательно, можно думать, что в муромских Писцовых книгах оказалось записано прозвище отца Осипа Кровкова — Сума, а в московском Росписном списке — его полное имя Севастьян («Савостьян»). Тогда объяснить разночтение в списках Пск.128/49 и Q.1.355 можно следующим образом. Когда создавался текст 18-го чуда, Иосиф Кровков был еще муромским жителем, поэтому был назван в нем «града Мурома дворянином». В таком варианте это первичное чтение через промежуточные списки дошло до Пск. 128/49. Из этого следует вывод, что текст первых 18 чудес был составлен до 1638 г. — времени, когда Иосиф Кровков уже жил на Москве (при этом двор его и брата Григория в Муроме мог оставаться за ними — «пустым» или с «дворниками», как это и записано в Писцовых книгах). Писец же списка Q.1.355, как можно предполагать, был муромчанином ²⁹ и знал о переезде Иосифа Кровкова в Москву, а потому в своем списке поименовал его уже «московским дворянином».

Итак, писец Q.1.355 имел в своем распоряжении 2 списка — в качестве основного источника ранний список с 6 архетипными чтениями, которые впоследствии оказались искаженными во всех остальных известных списках Краткой редакции Повести, и 6 чудесами; в качестве дополнительного источника — один из списков-протографов группы Б с 18 чудесами, записанными до 1638 г. Автором же последних 3 чудес, датированных 1645, 1646 и 1649 гг., явился, возможно, сам переписчик Q.1.355.

Проанализировав взаимоотношения списков Краткой редакции «Повести об Ульянии Осорьбиной», обратимся к известному в единственном списке тексту «Обретение мощей преподобной Ульянии».

Бол. 422, сборник-конволют XVI—XVII вв., содержит жития и службы святых, а также слова и поучения, расположенные в хронологическом

²⁷ Росписной список города Москвы 1638 года / Под ред. И. С. Беляева // Труды Московского отдела Императорского Русского Военно-Исторического общества. М., 1911. Т. 1. С. 144.

²⁸ ГПБ, собр. А. А. Титова, № 3645, л. 24; ГПБ, Q.IV.231, л. 29 об. библ. паг.

²⁹ В сборнике ГПБ Q.1.355 (собр. Ф. А. Толстого, П, № 303) на л. 1—25 имеется затертая скорописная запись, в которой сейчас читаются лишь начало и конец: «Сиа книга < . . . > лета 707а-го ноября въ а день». Но, судя по описанию К. Калайдовича и П. Строева, именно в этой записи содержались сведения о том, что в 1682 г. этот сборник принадлежал Архиепископу дому Рязанской Митрополии (см.: К а л а й д о в и ч К., С т р о е в П. Обстоятельное описание славяно-российских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке тайного советника, сенатора, двора его Императорского величества действительного камергера и кавалера графа Федора Андреевича Толстова. М., 1825. С. 459). В пользу муромского происхождения рукописи свидетельствует наличие 3 дополнительных чудес в Житии Юлиании Лазаревской, которые судя по их датировке и времени создания рукописи могли быть написаны самим переписчиком сборника, а также состав сборника. Кроме «Жития Юлиании Лазаревской» в него входят «Житие князя Константина Муромского и чад его Михаила и Федора» и «Повесть о явлении чудотворных иконы Пречистой Владычицы нашея Богородицы и Присно Девы Марии, иже в Казани», причём последняя, вероятно, сначала была переписана самостоятельно, так как имеет отдельную буквенную нумерацию листов. Житие князя Константина представлено в сборнике в очень редкой редакции — Похвальном слове (по классификации Н. И. Серебрянского). Похвальное слово было известно Н. И. Серебрянскому в единственном списке. Он считал эту редакцию Жития Константина памятником монастырской письменности и предположил, что местом ее создания называл Муромский Благовещенский монастырь. См.: С е р е б р я н с к и й Н. И. Древнерусские княжеские жития: Обзор редакций и тексты. М., 1915. С. 243—444.

порядке и пронумерованные по главам. Хронология, за двумя небольшими отклонениями, выдержана верно. Тем интереснее комплекс сочинений, помещенный под 2 января, — днем памяти Юлиании Лазаревской.³⁰ После «Слова святого Василия о евреине Авраме (Осифе), его же крести святой Василей», переписанного с подзаголовком «Месяца генваря в 1 день» (л. 429 об.), следует:

Житие св. Иулиании, мученицы никомидийской (память 21 декабря); без начала. Текст начинается со слов: «. . . дать царю тысящуу злата. Изверже царь епаршества его. . .» (л. 433).

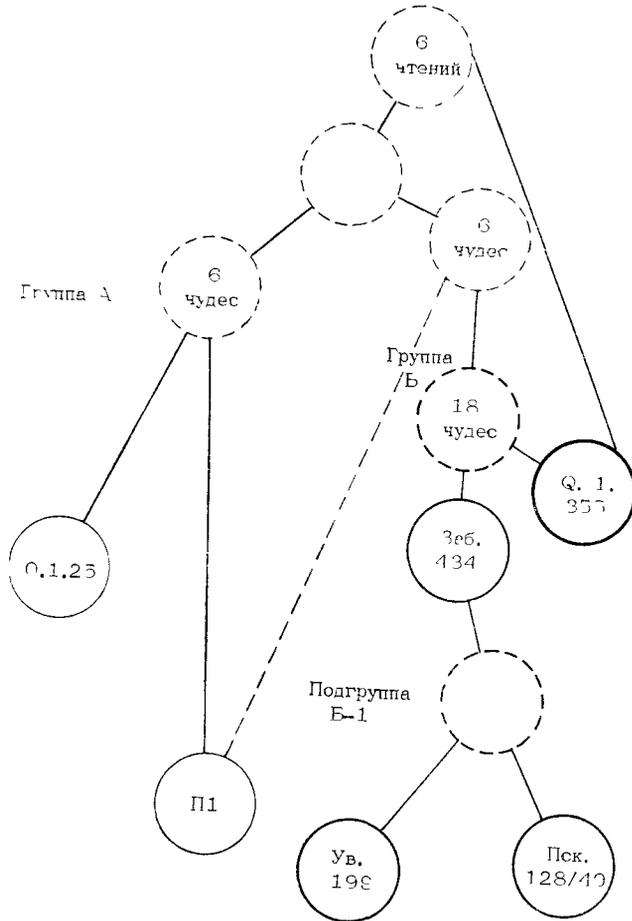

Схема взаимоотношения списков Краткой редакции «Повести об Ульянии Осорбиной».

«Глав(а) $\bar{k}\bar{d}$. Месяца генваря в \bar{v} де(нь). Преставление с(вя)тыя и преподобныя Оульении <так!>». Служба Юлиании Лазаревской (л. 448).

«Глав(а) $\bar{k}\bar{e}$. Месяца августа в \bar{i} де(нь). Обретение мощей преподобныя Оульянеи. Благослови, отче» (л. 456).

«Глав(а) $\bar{k}\bar{s}$. Месяца генваря в пятый день. Поучение о просвещении в той день святых Богоявления» (л. 460).

Таким образом, памятники выстроены в следующей последовательности их временных характеристик: 1 января — 21 декабря — 2 января — 10 августа — 5 января. Несомненно, что 3 средних, включая Житие

³⁰ См. краткое описание: Георгиевский Г. П. Рукописи Т. Ф. Большакова. . . С. 361.

Иулиании-мученицы, составляют единый комплекс, расположенный в сборнике под 2-м января и посвященный Юлиании Лазаревской. Этот факт требует объяснения. Обратимся к тексту «Обретение мощей» (далее — Ом) в сопоставлении его с текстом Краткой редакции Повести об Ульянии Осорьиной. Текст Ом, снабженный специальным заголовком, представляет собой заключительный фрагмент Краткой редакции Жития, сопровождаемый 4 чудесами. Текст Ом в целом идентичен соответствующему житийному фрагменту. Самое значительное расхождение обнаруживается в начальном абзаце Ом (табл. 7).

Т а б л и ц а 7

«Обретение мощей» по списку Бол. 422	Краткая редакция Жития по списку Q.1.355
<p>Месяца августа в $\bar{1}$ де(нь). Обретение мощей преподобныа Оульянеи. Благослови, отче.</p> <p>По преставлении ж(е) блаженныа Оульянеи на месте, идеже погребена, по вся лета земля возрасташе. И поставихом на том месте церковь малу во имя святаго Михаила Архаггела. Над гробом же святыа случися печь сотворити. И бысть в лето $\bar{3}$ркк- августа в $\bar{1}$ день преставися сын ея именем Георгий. И начаша копати в трапезе, между церкви и печи, обретоша гроб на верху земли, неврежден ничим же (л. 456).</p>	<p>Потом над нею поставиша церковь теплую во имя Архистратига Михаила. Над гробом ея лучися печи быти, // земля же возрасташе над нею по вся лета. И бысть в лето $\bar{3}$ркк-го августа в $\bar{1}$ день преставися сын ея Георгий. И начаша в церкви копати ему могилу в притворе, между церквиею и печию, бе бо притвор той без моста, и обретьше гроб ея, на верху земли, цел, неврежден ничим (л. 73—73 об.).</p>

Первая часть приведенного фрагмента — до сообщения о смерти Георгия — состоит из 3 фраз-компонентов, содержащих важную информацию: о «возрастании земли» на месте погребения Ульянии (1); о поставлении церкви во имя Архистратига Михаила над могилой святой (2); о строительстве печи («над гробом ея») (3). В тексте Ом эти три фразы выстроены в логической последовательности, причем упоминание о строительстве печи — важное обстоятельство в рассказе об обретении мощей Ульянии — непосредственно предшествует фразе о преставлении Георгия, которая и начинает собственно повествование об обретении гроба святой. В тексте же всех списков Краткой редакции порядок расположения трех первых фраз нарушен: предложение о «возрастании земли» переместилось с 1-го на 3-е место (2—3—1 вместо 1—2—3). В результате такой перестановки текст оказался неисправен и утратил смысл: «Над гробом ея личися печи быти. Земля же возрасташе над нею по вся лета», т. е. по тексту Жития получается, что земля возростала над печью, а не над могилой. Ошибка произошла, видимо, на раннем этапе рукописной истории Жития: писец одного из первых списков пропустил фразу о «возрастании земли», а затем, обнаружив свою ошибку, восстановил ее два предложения спустя, не откорректировав фрагмент в целом. Из двух вариантов — «церковь малу» (Ом) и «церковь теплую» (Житие) — первичным также, вероятно, является чтение из «Обретения мощей»: заменить определение «малу» на «теплую» вполне логично, чтобы подготовить сообщение о печи в следующей фразе. Обратная же замена («теплую» на «малу») не несла бы на себе никакой смысловой нагрузки, а потому маловероятна.

По-разному в двух текстах названо и место погребения Георгия: «трапеза» (Ом) и «притвор» (Житие). Однако чтение Ом не ошибочно. Слово «трапеза» помимо своего основного значения («стол, пища, престол в алтаре») имеет также дополнительное: «внутренний притвор, получивший такое название оттого, что в некоторых монастырях в этом притворе

(или около него в особой комнате) обедают монахи».³¹ Следовательно, «трапеза» и «притвор» в данном контексте — взаимозаменяемые, равноправные синонимы. Между тем в тексте Жития рассматриваемое предложение расширено придаточным причины — «бе бо той притвор безмоста», — которое представляет собой явную вставку и ломает структуру фразы. Из этого, вероятно, можно заключить, что весь этот пассаж в Житии представляет собой вторичное чтение.

Анализ приведенных разночтений дает, на наш взгляд, основания считать, что заключительный фрагмент «Повести об Ульянии Осорьиной» в тексте Ом сохранился в наиболее раннем варианте, тогда как в списке Краткой редакции он вошел уже со вторичными чтениями (результат редакторской правки) и некоторыми ошибками. Следовательно, истинной датой смерти Георгия (и соответственно обретения мощей Ульянии) нужно считать чтение Ом — « $\frac{7}{8}$ ркк», т. е. 1614 г. А то обстоятельство, что список Q.1.355 единственный из 6 совпадает в этом чтении с Ом, подтверждает еще раз наши наблюдения о его наибольшей близости к архетипу Краткой редакции. Вообще родство Ом и Q.1.355 прослеживается и в ряде других менее значительных общих чтений, отличающих два эти списка от остальных (табл. 8).

Т а б л и ц а 8

Ом (Бол. 422) = Q.1.355	5 списков Краткой редакции
1. И бе (бяше) в день (житко) ³² аки квас свеколной. . . 2. В ту ж(е) ноць мнози слышаху у церкви тоя звон. . . 3. . . и мнози слышавше. . . 4. . . съ женою. . . 5. Во едину ж(е) ноць загореся село то и объят д двора средние (-ния). . .	И бе в день видети миро аки квас свеколной. . . В ту же ноць мнози слышаху церкви тоя звон. и мнози слышаху. а женою. . . Во едину же ноць загореся село и объят огнь д двора средние. . . ³³

1 - е ч т е н и е. Словосочетание «видети миро» является, вероятно, вставным: без него фразы выглядит стройнее и проще.

2—4 - е ч т е н и я. В данных чтениях расхождения очень незначительны и интересны только как свидетельство большей, чем у других списков, близости Q.1.355 к Ом.

5 - е ч т е н и е. Отсутствие слова «огнь» в Ом и Q.1.355 является, видимо, следствием пропуска слова на самом раннем этапе рукописной традиции, возможно, даже в архетипном тексте. А различное местоположение этого слова в списках групп А и Б (см. сн. 33) свидетельствует о том, что правка была произведена по-разному в 2 списках — протографе группы А и протографе группы Б.

Итак, текст «Обретение мощей» в Бол. 422 первичен по отношению к соответствующему фрагменту Жития в 6 известных списках его Краткой редакции и наиболее близок к Q.1.355. Закономерен вопрос: в какой зависимости находятся Ом и Краткая редакция в целом? Создан ли текст Ом одновременно со всем Житием и переписан в Бол. 422 лишь как фрагмент с полного раннего списка или написан самостоятельно после или, как считает М. И. Мягкова, до всего текста Краткой редакции?³⁴

³¹ Полный православный богословский словарь. СПб., б. г. Т. 1, 2. Стб. 2172.

³² В списке Q.1.355 слово «житко» отсутствует.

³³ В списках группы Б во 2-й половине фразы изменен порядок слов: «. . . и объят д двора средние огнь. . .».

³⁴ Мягкова М. И. Дружина Осорьин — писатель XVII в. С. 108.

В пользу предположения М. И. Мягковой может свидетельствовать, с одной стороны, состав памятников, посвященных Ульянии, в Бол. 422. Действительно, трудно предположить, чтобы писец интересующей нас части сборника, имея текст Жития Юлиании Лазаревской, не стал переписывать его, ограничившись лишь текстом об обретении мощей подвижницы, Службы ей и Житием тезоименитой святой-мученицы, память которой (21 декабря) наиболее близка дню памяти Юлиании Лазаревской (2 января).³⁵ Такой подбор памятников свидетельствует о том, что писец Бол. 422 не располагал полным текстом Жития Юлиании Лазаревской. Однако это не означает еще, что ко времени переписывания 3 названных памятников в Бол. 422 текст Жития отсутствовал как таковой. Напротив, можно легко показать, что Житие к этому времени уже было создано и имело некоторую литературную историю. Интересующая нас часть сборника Бол. 422 имеет в своем составе бумагу с несколькими видами филиграней, одна из которых датируется 1638 г.³⁶ А как мы показали ранее, до 1638 г. уже существовал текст Жития с 18 чудесами. Видимо, писец Бол. 422 имел в качестве источника подобный рукописный комплекс, состоящий из 2 (Служба и Обретение мощей Юлиании Лазаревской) или 3 (с добавлением Жития Юлиании-мученицы) памятников. О том, что писец Бол. 422 не мог быть автором текста «Обретения мощей», свидетельствует и другой факт — в заглавии Ом Ульянии названа «преподобной»: «Месяца августа в 1 день. Обретение мощей преподобныя Оульяней. Благослови, отче». Между тем по типу святости Ульяния как мирянка является праведной: «Праведники — или праведные — название святых, пребывавших в мире не в отшельничестве или монашестве, а в обычных условиях семейной и общественной жизни».³⁷ Преподобным же мог именоваться только «святой из монашествующих, стяжавший высшее нравственное достоинство своими подвигами и святостью жизни».³⁸ Во всех списках Краткой редакции, кроме одного (Заб. 434), Ульяния верно именуется праведной: «Месяца генваря в в день усение святыя праведныя Уляяней, Муромския чудотворицы».³⁹ Ошибка носит, по всей видимости, палеографический характер: писец Бол. 422 (или переписчик еще более раннего списка Обретения мощей), не зная полного текста Жития, а следовательно, и характера подвига Ульянии, мог по невнимательности неверно раскрыть титул при переписывании заглавия: слова «праведная» и «преподобная» в написании под титулом очень близки («прдная» — «приная»).

Итак, писец Бол. 422 не был составителем текста «Обретение мощей», а следовательно, Ом имел некоторую самостоятельную рукописную традицию. Это наблюдение, однако, не дает ответа на вопрос о происхождении Ом и его отношении к Краткой редакции. С одной стороны, текст Ом в Бол. 422 оформлен как вполне самостоятельный памятник: он имеет специальное заглавие, а 4-е чудо в нем завершается особой концовкой, которая отсутствует в соответствующем месте списков Краткой редакции: «Многа же исцеление подает Бог приходящим с верою и до сего дни. Богу нашему слава ныне и присно и во веки веком. Аминь» (л. 459 об.). С другой стороны, внутри самого Ом имеется шов, свидетельствующий о том, что его текст создавался по меньшей мере в 2 приема: первая часть Ом — собственно повествование об обретении мощей праведной Юлиа-

³⁵ Вообще для сборника Бол. 422 характерно стремление к наиболее полному охвату памятников, связанных с тем или иным святым. Так, под 25 сентября в нем помещены 4 сочинения: Служба Евфросинии Суздальской (л. 174), 2 разновидности Жития Евфросинии Суздальской (л. 182; л. 189) и «Слово святаго отца Пафнотия и о дщери его Евфросинии» (л. 239).

³⁶ Филигрань «Столбы» (типа: Д и а н о в а, К о с т ю х и н а, № 1207 (1638 г.)).

³⁷ Полный православный богословский словарь. Стб. 1871.

³⁸ Там же. Стб. 1901.

³⁹ Отметим, что в списках Пространной редакции представлен и 3-й, более поздний, сводный вариант именованья Ульянии — «преподобная и праведная».

нии — завершается обобщенным рассказом об исцелениях у гроба святой, оканчивающимся фразой: «Мы ж(е) сего не смеехом писати, яко не бесвидательства». Таким образом, автор объяснил, что он не смог описать конкретные исцеления у гроба святой, пока не было проведено официальное церковное освидетельствование чудес от мощей. Вторая же часть Ом, начинающаяся с фразы «И прииде от града Муром человек, именем Еремей, прореклом Червев. . .», представляет собой именно запись 4 чудес у гроба Ульянии. Очевидно, что между созданием 1-й и 2-й частей Ом должно было пройти какое-то время. Трудно сказать, что послужило толчком для записи чудес: состоялось ли их освидетельствование⁴⁰ или народное почитание Ульянии опередило церковное. Так или иначе, но в первом же чуде, повествующем об исцелении детей муромского жителя Еремея Червева, сказано о том, что у гроба Ульянии был пропет молебен, а молебнами могли чествоваться не «ожидаемые», а только уже прославленные святые.⁴¹

Наличие 2 частей в тексте Ом делает менее вероятным предположение о самостоятельном его происхождении. Да и фраза, начинающая Ом, может являться только продолжением какого-то уже существующего текста, но не может быть первым предложением произведения: «По преставлении ж(е) блаженны Оульяней на месте, идеже погребена, по вся лета земля возрасташе» (л. 456). Думается, вывод М. И. Мягковой о том, что текст Ом был создан прежде всего Жития, не имеет достаточных оснований. При наличии единственного списка Ом, на наш взгляд, не представляется возможным судить о самостоятельности или зависимости Ом от Жития. Сопоставительный анализ текста Ом и соответствующего фрагмента в списках Краткой редакции Жития позволяет сделать лишь следующие объективные наблюдения.

1. Заключительный фрагмент Краткой редакции Жития Юлиании Лазаревской, повествующий об обретении ее мощей и первых чудесах у ее гроба, в наиболее раннем своем виде сохранился в тексте Ом, находящемся в сборнике Бол. 422. Из 6 известных списков Краткой редакции наибольшую близость к Ом обнаруживает список Q.1.355.

2. Писец Бол. 422 не был составителем текста «Обретения мощей предподобной Ульянии». Ом имел некоторую самостоятельную рукописную традицию.

⁴⁰ К сожалению, не сохранилось никаких документов о том, была ли проведена официальная канонизация Юлиании Лазаревской. Об этом см.: Е в г е н и й. О церковном прославлении и почитании св. праведной Иулиании Лазаревской. Муром, 1910.

⁴¹ См.: Там же. С. 9—10.

Из истории польской сатирической литературы в России (XVII—первая половина XVIII в.)

В потоке беллетристики XVII в., переведенной с польского языка,¹ сатирическая и просто шутливая проза занимает очень скромное место, во всяком случае по числу памятников. При этом из поразительно богатой и разнообразной польской народно-городской литературы² были переведены произведения («Фацеции», «Златое иго супружества», «Апофегмы» Б. Будного), построенные на интернациональных сюжетах и мотивах и лишь частично отмеченные польским колоритом. С другой стороны, в русских памятниках XVII в. обнаруживается ряд общих типологических черт с непережившейся тогда польской совизжальской литературой.³ Причины такого сходства могут быть разные. В частности, в результате тесного, а порой и запутанного для нас литературного общения русские книжники, сколько можно судить по описям библиотек и сохранившимся экземплярам,⁴ хорошо знали польскую юмористическую литературу.

Однако процесс общения был двусторонним, и любопытно, что устная молва задолго опередила сами тексты. В XVII в. в польских юмористических сборниках встречаются описания забавных происшествий с польско-русского порубежья или русских земель.⁵ Польский язык XVII в. обязан русским остроловам фразеологизмом «московский ответ» («moskiewska odpowiedź»),⁶ означавшим меткий, остроумный ответ. В сборнике «Со nowego або Dwór» (1650) один такой ответ просто транслитерирован латиницей. Будучи в Польше, некий «москвитин» на вопрос «Что гремит в небе?» ответил: «Я не ведаю, чего у мене у череве бурчит (урчит? — С. Н.), а ты захотел ведеть, что на небе бурчит».⁷ Для истории выражения «московский ответ» более показательно, что именно так озаглавил поэт В. Потоцкий свое стихотворное переложение известной фацеции о юноше, похожем на цезаря Августа.⁸

¹ См.: Ма́лек Е. Narracje staropolskie w Rosji XVII i XVIII w. Łódź, 1988.

² См.: Мочалова В. В. Мир наизнанку: Народно-городская литература Польши XVI—XVII вв. М., 1985.

³ См.: Мосцалова В. Miejsce anonimowej prozy plebejskiej w rosyjsko-polskich związkach literackich XVII w. («Сказание о роскошном житии и веселии» и «Nowy Świat») // Tradycja i współczesność: Powinowactwa literackie polsko-rosyjskie. Wrocław, 1978.

⁴ См.: Николаев С. И. 1) Польская поэзия в русских библиотеках XVII—первой трети XVIII в. и ее читатели // Русская литература XVIII—начала XIX в. в общественно-культурном контексте. Л., 1983. С. 173—179; 2) Старопольская проза в России в XVII—XVIII вв. // РЛ. 1984. № 3. С. 243—244.

⁵ См.: Antologia literatury sowiżrzalskiej XVI i XVII w. / Opr. S. Grzeszczuk. Wrocław, 1966. S. 493—494, 504—505, 513—514, 533.

⁶ См.: Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich. Warszawa, 1970. T. 2. S. 525.

⁷ Со nowego: Zbiór anekdot polskich z r. 1650 / Wyd. A. Brückner. Kraków, 1903. S. 44.

⁸ См.: Потocki W. Wiersze. Warszawa, 1966. S. 63; ср. S. 40.

Эти примеры позволяют считать, что в XVII в. в результате взаимоперекрещивания контактно-генетических связей и типологических сходств в литературных взаимосвязях появляются разные виды филиаций, в целом создающие сложную картину, — причем далеко не все вопросы поддаются однозначному решению.⁹ Нерешенные проблемы существуют даже в основном виде связей — в переводах. Так, «Фацеции» были переведены с польского языка с 1679 г.; между тем непосредственный источник перевода до сих пор не установлен, так как из 77 новелл русского перевода только 65 имеют соответствия в известном польском издании 1624 г.¹⁰ Для части остальных подыскиваются более или менее вероятные источники или аналогии в других польских сборниках, для некоторых же в польских источниках вообще нет аналогий.¹¹ Например, М. Чиккарини указывает отдаленную параллель к новелле «О молодой жене доброй и о старой злобней», хотя известно, что она заимствована из «Великого Зеркала»,¹² равно как и новелла «О крадущем репу у старца».¹³

О. А. Державина в издании фацеций 1962 г. отметила, что в польских фацециях нет рассказа «О пекшем яйцо на свещи».¹⁴ Вскоре она же в рецензии на сборник «Старинная польская фацеция» указала опубликованный там сходный сюжет из польской рукописи XVII в.¹⁵ «Один монах пек над свечой яйцо, и когда его застал настоятель, сказал: „Дьявол меня соблазнил и научил“. А черт ему: „Врешь! Мне такого не придумать“». Однако этот анекдот из двух фраз содержит только пуанту и вряд ли был источником хоть и небольшой, но все-таки развернутой фацеции. Кроме того, можно указать и более подходящий источник — «Смеющийся Демокрит» И.-Г. Ланге. Этот латинский сборник анекдотов был в XVII в. в царской библиотеке, а позднее встречался в библиотеках Стефана Яворского и А. А. Матвеева¹⁶ и вполне мог попасть в руки переводчика «Фацеций». Вот текст интересующей нас новеллы из «Смеющегося Демокрита» в более позднем переводе XVIII в.

«Андрей Лукард одному человеку, который ему предлагал, что он от него научился лицемерить, объявил следующую басню: был один монах, который, не терпя посту и видя, что нет ничего у него в келье, кроме яйца, взял оное, до тех пор жарил на свече, пока оно не спеклось. Что настоятель того монастыря увидел, смотря сквозь щель, и вошедши в келью того монаха, много его бранил за то, который, извиняясь пред ним, сказал: диавол меня своим наваждением довел до такого греха. Диавол же, который в келии того монаха скрытно сидел под столом, выскочив из под

⁹ См.: Дюришин Д. Теория сравнительного изучения литературы. М., 1979. С. 158.

¹⁰ См.: *Faceseje polskie z roku 1624* / Wyd. A. Brückner. Kraków, 1903.

¹¹ См.: Чиккарини М. Западные источники русско-польских фацеций XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 42. С. 178. См. также: Ciccarrini M. *Z zagadek edytorskich literatury staropolskiej — «Faceseje polskie» z XVII wieku* // *Przegląd Humanistyczny*. 1989. N 4. S. 147—173.

¹² См.: Державина О. А. 1) Фацеции: Переводная новелла в русской литературе XVII в. М., 1962. С. 161—165; 2) «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве. М., 1965. С. 291—292; *Wielkie Zwierciadło Przykładów*. Kraków, 1624. S. 283—284.

¹³ См.: Державина О. А. 1) Фацеции. С. 173; 2) «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве. С. 408. Правда, Б. Вальчак-Срочиньская пишет, что этой новеллы нет в изданиях «Великого Зеркала» 1621 и 1633 гг. См.: *Walczak-Sroczynska B. «Wielkie Zwierciadło Przykładów» — dzieje tekstologiczne* // *Slavia Orientalis*. 1976. N 4. S. 507.

¹⁴ См.: Державина О. А. Фацеции. С. 43. 172—173.

¹⁵ *Slavia Orientalis*. 1962. N 1. S. 126; ср.: *Dawna faceseja polska (XVI—XVIII w.)* / Опр. J. Krzyżanowski и K. Żukowska-Billip. Warszawa, 1960. S. 303.

¹⁶ См.: Пыпин А. Н. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857. С. 264; Маслов С. И. Библиотека Стефана Яворского. Киев, 1914. С. 39; Библиотека А. А. Матвеева (1666—1728): Каталог. М., 1985. С. 127. Ср.: Маслова О. М. Життя і літературна спадщина Лодовіка Гвіччярдіні. Київ, 1929. С. 95.

оного, лжешь, сказал, мерзкой, не ты от меня, но я от тебя научился такому непотребству».¹⁷

Вполне естественное при изучении новеллы обилие выявленных параллелей к русским фацециям (в том числе и приведенная нами) все же в малой степени, на наш взгляд, проясняет появление сборника. Обычно считается, что неизвестный переводчик часть новелл перевел по польскому печатному сборнику, а затем дополнил перевод новеллами из других сборников.¹⁸ Признаться, представляется маловероятным следующий процесс работы: перевод избранных новелл с польского, а затем выборка и перевод отдельных рассказов из латинских, итальянских, немецких и польских сборников. Разумеется, эта ситуация не исключена, но совершенно не типична. Правда, нам неизвестно польское издание «Фацеций», которым пользовался переводчик; сохранившиеся издания отличаются друг от друга, в том числе и по составу, но и эти различия все же не столь разительны, чтобы предполагать, что неизвестное издание объяснило бы все особенности русского сборника.

Но возможен и еще один вариант: русский переводчик пользовался не печатным изданием, а польским рукописным сборником, основу которого составили избранные фацеции, дополненные другими новеллами. Эта возможность никогда не рассматривалась, вероятно, по той причине, что в XVII в. переводы с польского делались прежде всего по печатным изданиям. Однако польские рукописи все же попадали в Россию, в том числе и с юмористическими произведениями. Об одном таком случае в начале века сообщил П. Зенбицкий.¹⁹

В столбцах Приказного стола сохранилось дело 1689 г. о поимке шляхтича Климки Доморацкого, посланного к гетману И. Мазепе с «прелестным письмом» львовским епископом Иосифом Шумлянским. Тогда же он был отпущен и вторично задержан в Межигорском монастыре близ Киева в апреле 1698 г., а затем опять выдворен за рубеж. Обо всем этом боярин П. И. Хованский сообщал из Киева. У Шумлянского, в частности, были отобраны «шесть писем да цыдулка», в которой были записаны «смехотворные басни». Уже в Москве документы были переведены на русский язык. П. Зенбицкий в свою очередь отчасти пересказал, отчасти перевел эти «басни» на современный русский язык. Его публикация почему-то выпала из научного оборота, поэтому приводим текст перевода, но уже по рукописи бывшего архива Министерства юстиции.

«ПЕРЕВОД С СПИСКА ЛИСТОВ ЧЮЖЕЗЕМНЫХ, ПЕРЕВЕДЕННЫХ НА ПОЛСКОЙ ЯЗЫК С РОЗНЫХ ЯЗЫКОВ»

«Алпские горы от великого жара растаяли и мы вкусили того из них соку, толко был зело кисел, паче укусу аннивалова. ||

Ходя ономьясь около Трои,^а видели есмы дым из некоей печи розваленной, х которой как пришли есмы, нашли три каплуна взоткнуты на рожон, уже и спекшиеся. Спрашивали есмы, какие то каплуны, и один нам сказал, что „нас еще до разорения сего города хотел испечь господин бурмистр троянской сыну своему на свадьбу“.

Гуляя около Афин,^б нашел есмь бумашку, на которой напечатаны были конклюдии, и спрашивал, какая то бумашка. И мне сказали, что те конклюдии написав, Зенон поднес господину Нерону.^в И как шли

^а В ркп. на поле город. ^б В ркп. на поле народ. ^в В ркп. на поле кесарь римской.

¹⁷ Смеющийся Демокрит, или Поле честных увеселений. М., 1769. С. 112—113.

¹⁸ См.: Магек Е. Narracje staropolskie w Rosji XVII i XVIII w. S. 166—167.

¹⁹ См.: Зенбицкий П. «Смехотворные басни» // Живая старина. 1910. Вып. 1—2. С. 49—53. Эту публикацию любезно указала мне Э. Малек.

далее, и так увидели шляпу господина Платона н. . осом,^Г и один некто от слепых, у[ви]дев^Д ее, прозрел.

Стали есмы в полдень на предьместии, и се хазяин дал капусты, которой вкусив, по-латине почал говорить. И спрашивал я: „Какая то капуста?“ Сказали мне, что^Е та капуста квашена в бочке диогенесевоу.^Ж ||

В Персиде уже ковров не делают, толко шерсть и шолк, коколю сеют, а они сами радятся, и так персидские килимы косят, а ковры жнут.

В Волохах столь великие роги выросли, что из них на корабли делают помочи. Ономяся как один бык оборотился к Царюграду одним рогом, задел за башню одну, а другим задел за башню краковскую.

Во Иеросалиме у жидов перец поплеснел, который как в Кедроне^З полоскали, вода огорчала.

Идучи Черным морем, спрашивали есмы: „Для чего то Черное море?“ Сказали нам: „Для того, что часто чрез него квасцы возят“. И у меня учал доброй человек просить: „Мой братец, пришли ко мне той воды три фляши в чернилницу“. ||

Также спрашивали мы: „Для чего слово море Мертвое?“ Сказали нам: „Кто в нем утонет, тот умрет“.

Добывая города Стригона, там великий и страшный вал и стену каменную копьем пробил, что копье посреде верхняго города оперлось.

Пало там со сто тысяч пехоты татарской, а двоекраты сто тысяч гусаров немецких, поймали есмы трех пашей живых без голов.

Я на поединок вызвал самого везира, на другой стороне Дуная стоящаго, и так смело в глаза ему трубкою смотрел.

После того побоища нашли есмы несколько рейтар, а иной без головы; а то ведаете, ваша милость, что и нога турков оттуду не ушла, потому что там не бывали.

Ономняшняго дни храбрые драгуны добыли одного замка у дверей, дивное дело что их за такую храбрость повесили. ||

СПИСОК 3 ДОМОВЫХ ЛИСТОВ

Под черским городом было трясение земли, а сказывали про то мужики пьяные, которые и то еще сказывают, что с ними и земля вкруг поворачивалась.

Под Гданском один рыболов трех китов уловил удою.

Недалече от Калиша^И толь велик лист на дереве родился, что из одного листа верхнее платье драгунское на целую роту поделали.

В Варшаве некакой пророк явился, а проповедает: кого на сей войне убьют, тот умрет, а три часа словечка не молвит.

Пишут оттуду: не ведают, правда ли, что там видели комету (се есть звезду) с хвостом березовую.

Под Ярославлем толь великие орехи лесовые родились, что в одной скорлупине ореховой всякой хлеб во Гданск сплавливают. ||

Под Лешною^К овцы с кормазиною шерстью явились. Уведав про то венцыяне, приехало их в подлешно сто кораблей, а под всяким кораблем сани о дву конь.

Сказал мне недавно один проходец доброго жития свое явление, что видел он одного мужика, который одною ногою на востоке, а другою на западе солнца став, перо из гуся великого, каков Познань^Л с посадками, омакивал в Черном море и писал на телячей коже, а букву от буквы став[ил]^М на полутретьи версты, а точки ставя будто лвовья гора подо Лвовом. А на шапку вышло ему сто половинок сукна французского и четьрекраты по сту тысяч соболей, на нашивку пятьсот конатов корабель-

^Г В ркп. слово частично залито чернилами. ^Д В ркп. слово частично залито чернилами. ^Е Испр., в ркп. что. ^Ж В ркп. на поле жил при Александре Македонском философ. ^З В ркп. на поле реке. ^И В ркп. на поле город. ^К В ркп. на поле предместье. ^Л В ркп. на поле город. ^М В ркп. обрыв.

ных, || на пугвицы все горы рудные. Один ус был да вавилонской, а другой до калишской^н башни присучен. Что плюнул — то новая река была, а что дохнул — то тысяча кораблей на мори^о оборачивались^п всех^р. А сабли его рукоять на конце за вселенною пятнатцать верст сто тысяч леших^с соснами и дреколями поднимали». ²⁰

Получила ли распространение эта пародийная газета, ²¹ сказать трудно, но русский аналог этому довольно популярному жанру польской юмористики ²² появился в 1730-х гг. Известен ряд списков юмористических «авизий», ²³ приуроченных к разным датам (1736, 1748, 1774 и др.), причем в одном неизданном списке новости датированы самыми фантастическими числами: 31 февраля, 54 листопад, 38 грудень и пр., в том числе и «номальная» дата 1 апреля. ²⁴ Происхождение русских «авизий» неизвестно, но характерно, что в 1770-х гг. они были включены в переведенные с польского «Похождения Соведрала». ²⁵

Кроме «смехотворных басен» 1698 г. несомненно по рукописи был сделан в начале 1710-х гг. перевод «Краткого описания, как ныне возмущены дела в Европе» — небольшого политического памфлета времен войны за испанское наследство. ²⁶ А в начале 1720-х гг. русский читатель познакомился еще с одним популярным жанром польской рукописной сатиры — памфлетом в виде реплик участников карточной игры. «Пикируюсь», партнеры дают свою оценку политической ситуации в Европе. Такие «игры» появлялись довольно часто во время Северной войны и сохранились в ряде рукописей. По счастью, оригинал публикуемого текста (в отличие от «смехотворных басен» и «Краткого описания») сохранился и отыскивается среди ряда произведений, проанализированных П. Бухвальд-Пельцовой. ²⁷ Начинается он так: «Kart granie safej Europy monarchów. Cesarz: Mój pan ojciec w dobrą grę mnie wprawił, będą grał dalej».

Обратимся к тексту русского перевода.

«ВСЕЙ ЕВРОПЫ МОНАРХОВ КАРТ ИГРАНИЕ»

1. Цесарь молвит: „Мой пан отец, что добрую о мне игру справил, буду более играти“.
2. Француз: „Я буду играти, как бы выиграти“.
3. Папа: „Пане Боже, помагай^а ис той игры, ибо моя коза меня обманула“.
4. Король гишпанской: „Имею добрые карты, буду играти, ибо мне не коштует, когда есть чюжой мешок“.
5. Гетман: „Я зело боюся, чтоб и остатка не проиграть“.

^н В ркп. на поле город Калиш. ^о Испр., в ркп. мари; далее обрыв. ^п Далее в ркп. обрыв. ^р Далее в ркп. обрыв. ^с В ркп. на поле диких людей.

^а Нет Б.

²⁰ ЦГАДА, ф. 210, стб. 2039, л. 199—200.

²¹ См.: Stanekiewicz L. Staropolskie parodie prasy // Prace Literackie. Wrocław, 1964. Т. 6. С. 123—140.

²² См.: Buchwald-Pelcowa P. Satyra czasów saskich. Wrocław, 1969. S. 211; Dawna facesja polska. S. 415—418.

²³ См.: Андрианова-Перетц В. П. Юмористические куранты // Уч. зап. Лен. пед. ин-та. 1948. Т. 67. С. 48—56; Розов Н. Н. «История о кушце», неизвестный памятник посадской сатирической литературы XVIII в. // XVIII век. М.; Л., 1958. Сб. 3. С. 444—448. Впервые неполный текст «авизий» был опубликован В. Г. Рубаном под заглавием «Балакиревы ведомости» (см.: Трудолюбивый муравей. 1771. № 12. С. 93—94).

²⁴ См.: ИРЛИ, ф. 265, оп. 3, № 9, с. 144—146.

²⁵ См.: Małek E. Narracje staropolskie w Rosji w XVII i XVIII w. S. 220, 261.

²⁶ См.: Соболевский А. И. Из переводной литературы Петровской эпохи: Библиографические материалы. СПб., 1908. С. 35. Текст издан в кн.: Николаев С. И. Польская поэзия в русских переводах. Вторая половина XVII—первая треть XVIII в. Л., 1989. С. 72—73.

²⁷ См.: Buchwald-Pelcowa P. Satyra czasów saskich. S. 244—246.

6. Аглинская королева: „Я буду играти, маю наилучшую карту ипамфиля“.^б
7. Галанцы: „Мы такожде имеем добрый козырь и помогаем“.
8. Дацкой король молвит: „Я пап“.
9. Швед: „Я играю и выгрываю,^в а не вем, где мои гроши деваются“.
10. Август: „Ежели короля убью, то выиграю,^г ибо туза маю“.
11. Прусской; „Я себе особливо буду играти“.
12. Князь келенской: „Я помагал, да не ведаю, как удастся“.
13. Боварский: „Я уже не хочу играть,^д все проиграл, болши не имею что ставити“.
14. Флоренский: „Потребно мне инако карты перетасовать, для того ничего не принял“.
15. Люнембургский:^е „Я всякой карте буду годовати“.
16. Савойский:^ж „Перестану я от моей игры, в дамы буду играти“.
17. Польша: „Чорт знает, что за карты? Не можем их в купу собрати“.
18. Швейцар: „Я играю за людей, а сам убытчусь“.
19. ^зВенецкой: „Я иному в той игре вспомо“.
20. Модена: „Не могу себя по той игре видети“.^и
21. Португалский: „Пускай иному хотя обратится игра, то моя выиграна будет, когда имею киналя“.^к
22. Бовария: „Хотя^л имела короля, однако ж все проиграла“.
23. Венеция: „Моя игра плюгавая и велми скаредная“.
24. Рагоцкий: „Зле моя игра идет“.
25. Лещинский: „Надеюся на короля, да туза боюсь“.
26. Москва: „Брате Августе, играй смело, и я за тебя, ибо имею панцероля“.^м
27. Турок: „Не буду я в ту игру мешатися, понеже мне исперва досталось“.
28. Плевосеятель: „Играйте, играйте, панове,^н ибо и я ис той игры имею себе добрую находку“.^{о, 28}

Названные памятники сохранились в единичных списках, что вполне понятно: до середины XVIII в. в русской сатире политический оттенок был «несравненно слабее, чем в европейской».²⁹ «Краткое описание...», «Всей Европы монархов карт играние» и другие сочинения, собственно, и знакомили с жанрами польской политической сатиры, переводы которой продолжались и во второй половине XVIII в.³⁰

Теперь есть все основания считать, что польская сатира и юмористика попадали в Россию не только в виде печатной, но и рукописной книги, при этом русские переводы могли сохранить неизвестные редакции или даже ранее неизвестные исследователям литературные произведения. Этим, однако, не исчерпываются все возможные пути литературных связей. Особые исторические условия, в которых протекали польско-русские литературные связи, позволяют поставить вопрос о роли устной традиции в литературных контактах. Конечно, выявить следы таких контактов и отделить их от письменных очень сложно, поскольку существует очень мало источников, где они могли бы быть зафиксированы.³¹ Но для начала XVIII в. один такой случай, кажется, можно указать.

^б ипамфиля Б. ^в выигрываю Б. ^г выиграю Б. ^д Доб. когда Б. ^е Люнебургский Б. ^ж Испр. по Б, в А Савонский. ^{з-и} В Б обе реплики переставлены местами. ^к Нет Б. ^л Испр. по Б, в А хотела тя. ^м панцероля Б. ^н Испр. по Б., в А пано. ^о карту Б.

²⁸ ГПБ, Q. XVII. 96, л. 32—33 об. (в разночтениях — А); БАН, Тек. пост., № 1341, л. 505—505 об. (в разночтениях — Б).

²⁹ Адрианова-Перетц В. П. Образцы общественно-политической пародии XVIII—нач. XIX в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1936. Т. 3. С. 335.

³⁰ См.: Там же. С. 347—356.

³¹ См.: Алексеев М. П. Сравнительное литературоведение. Л., 1983. С. 43—48, 58—63; Николаев С. И. Новелла в «Дневнике путешествия в Московию» И. Г. Корба // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 162—167.

В 1718 г. Феофан Прокопович произнес известное «Слово о власти и чести царской», в котором в качестве *exemplum* привел следующий анекдот: «Два человека вошли в церковь, не помолитися, но красти. Один был в честном платье, а другой в рубище и лаптях. А договор был у них не во общую корысть збирать, но кто что захватит, то его. Лапотник искуснейший был и тотчас в алтарь да на престол и, обираючи, заграбил что было там. Взяла зависть другаго. И аки бы с ревности: „Ни ли ты, — рече, — боишися бога, в лаптях на престол святыи дерзнул“. А он ему: „Не кричи, брат, бог не зрит на платье, на совесть зрит“». ³²

О. А. Державина справедливо считала это место в проповеди Феофана типичной фацией, но отметила, что «ни в русских, ни в польских фациях такого рассказа нет». ³³ Действительно, в польских печатных сборниках такой анекдот нам также не встретился, но он известен по рукописному сборнику анекдотов XVIII в. «Как-то осенью вор подговорил себе помощника и забрался они в костел; старший влез на алтарь в грязной обуви и стал сдирать с алтаря серебро. А только что принятый ученик его говорит: „Эх, перепачкал ты своими ногами такие чудные покрывала“. А старший на это отвечает: „Эх, дурень ты, дурень! Бог смотрит на чистое сердце, а не на грязные ноги“». ³⁴ Феофан Прокопович, знавший польскую устную языковую стихию вовсе не понаслышке, ³⁵ в данном случае пересказывает анекдот, вполне типичный для украинских проповедников. ³⁶

Переплетение типологических сходств и генетических связей, питавшихся печатными, рукописными и устными источниками, не только вносит разнообразие в картину литературных связей, но и значительно усложняет само исследование. Например, обнаруженное типологическое сходство между «Сказанием о роскошном житии и веселии» и памятниками польской совижальской литературы ³⁷ может иметь и более простое объяснение. Еще В. П. Адрианова-Перетц не отрицала возможности того, что «за этим „Сказанием“ стоял какой-то польский оригинал, до сих пор не установленный исследователями». ³⁸ Действительно, об этом свидетельствуют как полонизмы в тексте, так и польская часть пути «до тово веселья», который начинается в Кракове. Можно указать еще одно «родимое пятно» гипотетического польского оригинала. Путь в страну изобилия завершает фраза «А кого перевезут Дунай, тот домой не думай». ³⁹ По форме это пословичное выражение, правда, при «противусильной» рифмовке «Дунай — думай». Русские сборники пословиц такой пословицы не фиксируют. ⁴⁰ Вообще «Дунай» фигурирует только в трех русских пословицах, две из которых читаются в первом русском сборнике конца XVII в.: «Волга плыть долго, а Дунай широко»; «Дунай река велми широка»; ⁴¹

³² Феофан Прокопович. Сочинения. М.; Л., 1961. С. 91.

³³ Державина О. А. Фации. С. 85.

³⁴ *Dawna facja polska*. S. 495. Несколько отличный вариант см. в кн.: *Ze starych szpragałów śp. Karola Żery fraszki i opowiadania*. Warszawa, 1893. S. 39.

³⁵ В его проповедях встречаются и польские пословицы; характерно, что применительно к Петербургу он говорил в проповеди: «Испразднися оная древняя пословица сарматская: „не разом Краков будовано“» (Феофан Прокопович. Сочинения. С. 45).

³⁶ См.: Рекотень В. И. Оповідання Антонія Радивилівського: З історії української новелістики XVII ст. Київ, 1983.

³⁷ См.: Паченко А. М. Материалы по древнерусской поэзии. IV: (Стихотворная параллель к «Сказанию о роскошном житии и веселии») // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 318—323.

³⁸ Русская демократическая сатира XVII в. / Подгот. текстов, ст. и коммент. В. П. Адриановой-Перетц. М., 1977. С. 186.

³⁹ Там же. С. 33. Новое, более исправное издание текста см.: Памятники литературы Древней Руси: XVII век. М., 1989. Кн. 2. С. 189—192.

⁴⁰ По данным картотеки фразеологического семинара при межкафедральном словарном кабинете им. Б. А. Ларина (ЛГУ).

⁴¹ Симоны П. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий. СПб., 1899. С. 87, 96.

«Видно, уж Дунай с Волгой не сойдутся».⁴² А вот в польской паремииографии легко отыскивается аналог выражению из «Сказания», отмеченный в текстах XVI—XVII вв.: «Przebywszy Dunaj, do domu nie dumaj» (1582); «Zajechawszy za Dunaj, już do domu nie dumaj» (1618).⁴³

Польское происхождение заключительной фразы «маршрута» в «Сказании» достаточно очевидно, и это вполне понятно: в XVII в. пословицы и поговорки не заменялись в переводе их отечественными эквивалентами (чего требует современная теория перевода), а переводились пословно либо просто транслитерировались (см. ряд примеров в переводе «Фациций»).

В «Сказании» довольно много полонизмов; примечательно, что полонизм есть даже в заглавии. «Роскошный» в настоящее время не ощущается заимствованием, между тем «роскошь» в оригинальных русских памятниках появляется только в начале XVIII в.,⁴⁴ а в XVII в. слово помещалось в азбуковниках с пометой «полское».⁴⁵ В полной мере это относится и к прилагательному «роскошный». Например, в шести разных переводах XVII в. книги Ш. Старовольского «Двор турецкого султана» слово «gozkoszu» передано как «прохладный», «утешный», «изряднейший», «изобильный», «достаточный» и, наконец, «роскошный».⁴⁶

Наблюдения над языком «Сказания» никак не приближают нас к гипотетическому польскому оригиналу, но все же подтверждают возможность его существования. Сложнее обстоит дело с другим памятником, более часто привлекавшимся при изучении польско-русских литературных контактов. Имеем в виду «Повесть о Шемякином суде». Если в «Сказании о роскошном житии и веселии» польский оригинал, хотя и необнаруженный, все-таки угадывается, то в «Повести о Шемякином суде» его не видно; однако в нескольких списках повести указано: «выписано ис полских книг», «выписано ис книги з жарт полских», «выписано из книг жартов». Эти записи и являлись отправными при рассмотрении «Шемякина суда» с точки зрения сравнительного литературоведения.

Поиски польского оригинала были безуспешны: схожей новеллы в польских сборниках обнаружить не удалось. Только Н. С. Тихонравов нашел у польского поэта Миколая Рея стихотворную фацицию «О человеке, который показывал судье камень»,⁴⁷ которая, впрочем, является параллелью лишь к концовке «Шемякина суда». Это обстоятельство, а также насыщенность повести русскими реалиями дали основание значительной части исследователей, начиная с А. Н. Пыпина,⁴⁸ отрицать польское влияние и объяснять происхождение «Шемякина суда» русскими сказками.

И все-таки, как представляется, решительное исключение польского влияния поспешно и чересчур категорично. Близость «Шемякина суда»

⁴² Р а з у м о в А. А. Мудрое слово: Русские пословицы и поговорки. М., 1958. С. 128.

⁴³ См.: Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich. Warszawa, 1969. Т. 1. S. 503; ср.: A d a l b e r g S. Księga przysłów, przypowieści i wyrażeń przysłowiowych polskich. Warszawa, 1894. S. 111.

⁴⁴ См.: K o c h m a n S. Polsko-rosyjskie stosunki językowe od XVI do XVIII w.: Słownictwo. Opole, 1975. S. 116—125.

⁴⁵ См.: K o c h m a n S. Polonica w leksykografii rosyjskiej XVII w. Warszawa; Wrocław, 1975. S. 49.

⁴⁶ См.: K o c h m a n S. Polsko-rosyjskie stosunki językowe od XVI do XVIII w. S. 124.

⁴⁷ См.: Тихонравов Н. С. Шемякин суд // Сочинения. М., 1898. Т. 1. С. 312; R e j M. Wybór pism. Warszawa, 1979. S. 185.

⁴⁸ Пыпин А. Н. Шемякин суд // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России / Изд. Н. Калачевым. М., 1859. Кн. 4, отд. 5. С. 1—10; Л а п и ц к и й И. П. Повесть о суде Шемяки и судебная практика второй половины XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т. 6. С. 60—99; Г у д а й Н. К. История древней русской литературы. М., 1953. С. 398; Р о б и н с о н А. Н. Шемякин суд // Краткая литературная энциклопедия. М., 1975. Т. 8. Стб. 687—688.

к русской сказке существенна, но аналогичный сюжет разработан не только в русском,⁴⁹ но и в польском фольклоре.⁵⁰ Самостоятельному возникновению «Шемякина суда» противоречит не только известность этого сюжета в средневековых литературах Востока и Запада,⁵¹ но и его разработка в новеллистике европейских авторов. Назовем здесь новеллу Франко Саккетти «Мессер Рубиконте, подеста Флоренци, произносит три прекрасных и необычайных приговора в пользу Беньяи»;⁵² выявлен также ряд аналогичных сюжетов и в других новеллах.⁵³ А. М. Панченко как раз в связи с «Шемякиным судом» справедливо отмечал, что «разграничение оригинальных и заимствованных текстов порою затруднительно, порою бесполезно».⁵⁴ Но не менее прав был и М. П. Алексеев, когда писал, что «как ни трудно бывает порою установить причину сходства между отдельными литературными произведениями разноязычных литератур, следует в каждом случае в первую очередь предполагать прямое или опосредованное воздействие одного из этих произведений на другое: случайность самозарождения почти исключена, о какой бы эпохе литературной жизни ни шла речь».⁵⁵

В случае с «Шемякиным судом» для такого предположения основания есть, а именно запись «выписано ис полских книг». Сторонники самозарождения повести объясняют запись тем, что на каком-то этапе истории текста повесть бытовала в одном сборнике с переводными фацециями, а затем была «выписана» из этого сборника.⁵⁶ Объяснение несколько натянутое, равно как и попытка усмотреть в записи защитный характер цензурного типа.⁵⁷ Кроме того, польской литературе знаком этот сюжет.

В польском рукописном сборнике XVII в. записана история о пилигриме, который, подходя к городу, помог крестьянину вытянуть увязшую в грязи лошадь и, конечно, оторвал ей хвост. Крестьянин пожаловался бургомистру, и пилигрим, желая его задобрить, принес беременной жене бургомистра овощей. Она их съела, отравилась и выкинула. Бургомистр созвал совет, и пилигрим был приговорен к смертной казни. Когда его вели через мост к виселице, он увидел на реке монаха в лодке. Пилигрим решил прыгнуть в лодку к монаху, чтобы затем укрыться в монастыре, но прыжок был неудачен и пилигрим убил монаха. В суде пилигрим подробно объясняет свои поступки благими побуждениями, и судья выносит приговор: пилигриму ездить на лошади, пока у нее не отрастет новый хвост, жить с женой бургомистра, пока не родится ребенок, плавать под мостом на лодке, пока с моста не упадет монах и не убьет его.⁵⁸

В этой фацеции отсутствует, как видно, только концовка из стихотворной фацеции М. Рея, которая, кстати, известна в позднейшей прозаической

⁴⁹ Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка. Л., 1979. С. 313.

⁵⁰ Krzyżanowski J. Polska bajka ludowa w układzie systematycznym. Wrocław, 1963. Т. 2. S. 79—80.

⁵¹ См.: О л ь д е н б у р г С. Шемякин суд // Живая старина. 1891. № 3. С. 183—185.

⁵² См.: Франко Саккетти. Новеллы. М.; Л., 1962. С. 281—283.

⁵³ См.: Rotunda D. P. Motif Index of the Italian Novella in Prose. Bloomington, 1942. P. 42.

⁵⁴ Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 557.

⁵⁵ Алексеев М. П. Сравнительное литературоведение. С. 274.

⁵⁶ См.: Русская повесть XVII в. <Л.>, 1954. С. 448.

⁵⁷ См.: Лотман Ю., Успенский Б. Новые аспекты изучения культуры Древней Руси // Вопросы литературы. 1977. № 3. С. 157, примеч. 2. Аргументация авторов явно недостаточна, так как во втором приводимом ими примере — «ис кролевских книг» (приписка к стиху «О диаконове поминке и о кутии») — описка; должно быть — «из крыласких книг» (см.: Русская демократическая сатира XVII в. С. 232).

⁵⁸ Dawna fascęja polska. S. 242—243. Ю. Кшижановский писал, что в известном рукописном сборнике анекдотов и фацеций середины XVIII в. «Vorago rerum» К. Жерн есть развернутая новелла на этот сюжет (Słownik folkloru polskiego / Pod red. J. Krzyżanowskiego. Warszawa, 1965. S. 478). Однако обнаружить в рукописи эту новеллу мне не удалось; см.: ГПБ, Польск. Q.XV.29.

переработке.⁵⁹ Таким образом, теперь уже нельзя сказать, «что в польской литературе не найдены до сих пор произведения, вполне соответствующие нашей повести».⁶⁰ Надо полагать, что пометка «выписано из польских книг» все же в значительной степени верна. Каков был облик гипотетического оригинала, сказать трудно. Скорее всего это была рукописная новелла, близкая к приведенному рассказу о злоключениях пилигрима, но уже с добавленной концовкой в духе стихотворения Рея.

«Шемякин суд» относится к тем повествовательным памятникам, которые легко поддаются языковой адаптации и русификации. Здесь вполне уместна аналогия с *фацециями*, переводчик которых, как показала О. А. Державина, «в сущности не переводил, а излагал польский текст. Он заменял слова оригинала иными по смыслу словами, кое-что сокращал или добавлял».⁶¹ Динамичной была и история текста *фацеций*. О. А. Державина, анализируя расхождения текста в разных списках, пришла к выводу о существовании трех разных переводов, и только недавно выяснилось, что перевод был все-таки один.⁶² Добавим также, что для переводов XVII в. характерна и определенная русификация терминологической лексики, в том числе административной и юридической.⁶³

Разыскание в истории сюжета «Шемякина суда» в польской литературе позволяет, как представляется, считать, что из всех предшествующих суждений о происхождении повести ближе всего к истине был осторожный вывод Д. Ровинского: «За всем тем повесть эта не переведена с какого-нибудь языка дословно, но она только заимствована или переделана из польских или немецких сказаний с прибавлением чисто русских подробностей».⁶⁴

В истории польско-русских литературных связей XVII—XVIII вв. еще много непроясненных проблем, одна из них — роль польской рукописной и устной традиции. В данной статье роль этих традиций была частично освещена для русской сатирической и «смеховой» литературы, но ее полное выявление требует значительного расширения источниковедческой базы.

⁵⁹ Ibid. S. 394.

⁶⁰ Гудзий Н. К. История древней русской литературы. С. 398.

⁶¹ Державина О. А. *Фацеции*. С. 48.

⁶² См.: Walczak В. O przekładach *facecji* polskich na język rosyjski // *Slavia Orientalis*. 1972. N 1. S. 47—64.

⁶³ См.: Иссерлин Е. М. Лексика русского литературного языка XVII в. М., 1961. С. 42—52.

⁶⁴ Ровинский Д. Русские народные картинки. СПб., 1881. Т. 4. С. 175.

Я. С. ЛУРЬЕ

Иван Грозный и древнерусская литература в творчестве М. Булгакова

Царь Иван Васильевич Грозный появлялся в сочинениях Михаила Булгакова несколько раз. Он фигурировал уже в первой редакции «Мастера и Маргариты», написанной в 1928—1929 гг. и называвшейся «Копыто инженера» или «Консультант с копытом», затем в пьесе «Блаженство» 1934 г., где Иван IV, извлеченный из прошлого машиной времени, появляется в двух эпизодах, и, наконец, в созданной в 1935—1936 гг. в результате переработки «Блаженства» комедии, самое название которой связано с Грозным, — «Иван Васильевич». Упоминается Иван IV и в конспекте курса истории СССР, составленном Булгаковым в 1936 г.

Историографические труды, к которым обращался Булгаков при создании образа Грозного, нам точно неизвестны, но древние источники (использованные прямо или опосредованно) могут быть определены. Речь идет прежде всего о Послании Ивана Грозного в Кириллов Белозерский монастырь в 1573 г. В пьесе «Иван Васильевич» Булгаков цитировал и иные древнерусские памятники, но Послание в Кириллов монастырь он знал в оригинале и привлекал широко.

Послание Грозного в Кириллов монастырь было вполне доступно Булгакову — оно издавалось в «Актах исторических» (т. 1), в «Исторической хрестоматии церковно-славянского и древне-русского языков» Ф. Буслаева. Послание это Булгаков использовал уже в «Копыте инженера». После рассказа о встрече Берлиоза и Иванушки с Воляндом и гибели Берлиоза (сходного с аналогичной сценой в «Мастере и Маргарите») следует сцена, в которой Иван с баяном в руке оказывается на Бронной улице:

«Трамвай проехал по Бронной. На задней площадке стоял Пилат, в плаще и сандалиях, и держал в руках портфель.

„Симпатият этот Пилат“, — подумал Иванушка, — „псевдоним — Варлаам Собакин“. . .».

Далее Иванушка оказывается на паперти у Василия Блаженного: «И точно учинился Иванушка на паперти. И сидел Иванушка, погромыхивая веригами, а из храма выходил страшный грешный человек — исполу царь, исполу монах. В трясущейся руке держал посох, острым концом его раздирая плиты. Били колокола. Таяло.

— Скудные дела твои царь, — сурово сказал ему Иванушка, — лют и бесчеловечен, пьешь губительные обещанные дьяволом чаши, вседукавый монах. Ну, а дай мне денежку, царь Иванушка, помолюся ужо за тебя.

Отвечал ему царь, заплакавши:

— Почто пужаешь царя, Иванушка. На тебе денежку, Иванушка-верижник, божий человек, помолись за меня!».¹

¹ Булгаков М. Копыто инженера: Три отрывка из черновых редакций «Мастера и Маргариты» // Памир. 1984. № 7. С. 53.

Итак, здесь впервые у Булгакова появляется Иван Грозный, обличаемый, как в ряде рассказов XVI в.,² юродивым. Но уже характеристика царя как «исполу царя, исполу монаха» отсылает нас к Посланию в Кириллов Белозерский монастырь, где царь говорил: «И мне мнится, окаянному, яко исполу есмь чернец».³

Послание Грозного помогает понять и предшествующий, довольно загадочный, абзац рассказа, где фигурирует Пилат. В послании в монастырь царь упоминал ссору между постриженными в монахи боярами Шереметевым и Хабаровым и Варлаамом Собакиным, приехавшим в монастырь по царскому указу. С нечуждой ему иронией Грозный писал: «Есть бо в вас Анна и Кайяфа — Шереметев и Хабаров, и есть Пилат — Варлаам Собакин, понеже от царские власти послан. . .».⁴ В послании царя Варлаам Собакин, Шереметев и Хабаров — реальные лица, а Пилат, как Анна и Кайяфа (иудейские священники, упоминаемые в евангелиях), — их метафорическое уподобление. М. Булгаков использует ту же метафору, но весьма изящно оборачивает ее наизнанку. У него как раз Пилат в его историческом образе — «в плаще и сандалиях» — реальная фигура, а вторичным его наименованием, псевдонимом оказывается «Варлаам Собакин». Что это значит? Нам известен человек, писавший под псевдонимом «Собакин». Так подписывал свои фельетоны коллега Булгакова по «Гудку» Валентин Петрович Катаев. В годы совместной работы в газете они были в дружеских отношениях, и Булгаков даже читал по просьбе Катаева актерам МХАТа инсценировку катаевской повести «Растратчики». Но в эти же годы Катаев, связанный тогда с сестрой Булгакова Лелей кратковременной и в конечном счете несчастливой любовью, описал в рассказе «Зимой» («Медь, которая торжествовала») брата своей возлюбленной — синеглазого писателя, который «не любит революции, не любит потрясений, не любит нищеты и героизма», запрещает герою-бедняку жениться на своей сестре и воспекает доллар.⁵ Это был не такой злобный памфлет, который написал в те годы другой бывший друг Булгакова Ю. Слезкин, но Булгакова, очевидно, повесть Катаева задела: после 20-х годов и начавшихся в конце их злоклучений Булгакова дружеские отношения между ними прерываются; во всяком случае следов каких-либо связей между ними не обнаруживается. Есть поэтому все основания предполагать, что неожиданно появившийся в «Консультанте с копытом» Пилат, пишущий под псевдонимом «Собакин», — это Катаев.⁶

² См.: Путешествие в Московию Еремея Горсея. М., 1907. С. 6; Флетчер Д. О государстве русском. СПб., 1905. С. 102. Ср.: Будовниц И. У. Юродивые Древней Руси // Вопросы истории религии и атеизма. М., 1964. Т. 12. С. 174—177; Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понярко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 147—149.

³ АИ. СПб., 1841. Т. 1. С. 375. Ср.: Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XVI в. (далее — ПЛДР). М., 1986. Вып. 8. С. 146.

⁴ АИ. Т. 1. С. 376; ПЛДР. Вып. 8. С. 148—150.

⁵ Катаев В. Медь, которая торжествовала // Сэр Генри и черт. Берлин, 1923. С. 72—74. Ср.: Катаев В. Собр. соч.: В 10 т. М., 1983—1984. Т. 1. С. 259—262; Т. 7. С. 66—78.

⁶ Недоброжелательность изображения Булгакова в рассказе Катаева и отрицательное влияние рассказа на отношения между двумя писателями отметила Э. Проффер, полагающая, что под именем Ликоспастова в «Театральном романе», написавшем о герое пасквиль «Жилец по ордеру», отчасти был изображен Катаев (Poffe E. Bulgakov. Ann Arbor, 1984. P. 71—72, 471, 596, n. 34, 631, n. 1). Но только одна черта упомянутого в «Театральном романе» пасквиля в какой-то степени перекликается с рассказом «Зимой» — упоминание о бедности быта «синеглазого писателя»; остальные же черты («хитрый, лукавый, лживый») явно напоминают изображение Алексея Васильевича в повести Слезкина «Девушка с гор», так же как и прочие черты образа Ликоспастова (старший по возрасту писатель, фамильярно именуемый героя «старик»), несомненно, принадлежит Слезкину. О прекращении дружеских отношений Булгакова с Катаевым свидетельствует полное отсутствие сведений о каких-либо связях между ними с конца 20-х годов: в обширной корреспонденции Булгакова сохранилась только одна недатированная телеграмма В. Катаева, связанная с прочтением его пьесы Булгаковым в МХАТе (ОР ИРЛИ, ф. 369, ед. хр. 402).

В пьесе «Блаженство» в эпизодах, где появляется царь, он читает как раз послание в Кириллов монастырь. «И руководителю к пренебесному селению преподобному игумену Козме, иже о Христе с братиею царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси челом бьет», — диктует Грозный, перенесенный машиной изобретателя Рейна в наше время, и даже когда он видит, куда попал, в ужасе кричит слова из того же послания: «Увы мне, грешному! Горе мне, окаянному! Скверному душегубцу, ох! . . .». Слова из Послания в Кириллов монастырь вновь появляются на устах царя, когда его едва не забирает милиция: «Господие и отцы, молю вас, исполу есмь чернец. . .».⁷

Значительно шире использовано то же послание и ряд других древнерусских источников в пьесе «Иван Васильевич», где в отличие от «Блаженства» машина времени путешествует не в будущее, а исключительно в прошедшее — во времена Ивана Грозного: не только Иван Грозный попадает в XX век, но и люди нашего времени — управдом Бунша и жулик Жорж Милославский — в эпоху Грозного.

Пьеса «Иван Васильевич» дошла до нас в двух основных редакциях — первоначальной, сохранившейся в получерновом автографе и в двух машинописных текстах, и более поздней, по которой пьеса публиковалась до сих пор. Основное отличие между редакциями в том, что первоначально встреча героев разных эпох мотивировалась (как у Уэллса) действием машины времени, а затем по желанию руководителей Театра сатиры, ставившего пьесу, все происшествие было изображено как сон инженера Тимофеева, пытающегося создать такую машину. Но различие было не только в «приделанном сне», как назвал его сам Булгаков в записи на тексте второй редакции. Менялось и сюжетное обрамление пьесы. В обеих редакциях действие сопровождалось голосом из радиорепродуктора, насильственно установленного управдомом Буншей в квартире изобретателя. Однако во второй редакции по радио передавали оперу «Псковитянка», тогда как в первой, неопубликованной, редакции сна не было, и репродуктор передавал не оперу, а «утреннюю лекцию свиновода, которая заглушала даже телефонный звонок обокраденного жильца Шпака в милицию: «В плодовитости, дорогие товарищи, свинья уступает только кролику, да и то с трудом. . . Древние римляне прямо обожали свиней. . . Кстати, многие считают свинью грубой, глупой и неопрятной. Это несправедливо, товарищи. Не следует ли отрицательные свиньи стороны отнести за счет обращения с этим зверем. Ежели к нему хорошо относиться, то его можно даже дрессировать. . .».

О том, что данный мотив в первой редакции пьесы имел далеко не безобидный характер, свидетельствуют слова Тимофеева после гибели аппарата и прихода милиции: «Выслушайте меня. Да, я сделал опыт. Но разве можно с такими свиньями, чтобы вышло что-нибудь путное? . . .».⁸

Тема пьесы здесь заметно перекликалась с темой «Собачьего сердца», и неудивительно, что она была устранена в ходе переделки первой редакции, а лекция свиновода заменена «Псковитянкой», объяснявшей появление Ивана Грозного во сне Тимофеева.⁹

⁷ Булгаков М. Блаженство // Заря Востока. 1966. № 7. С. 80 и 107. Ср.: АИ. Т. 1. С. 372—373; ПЛДР. Вып. 8. С. 144—146.

⁸ ГБЛ, ф. 562, к. 13.7 (новый шифр: Ф $\frac{456-457}{456-457}$; далее — автограф), л. 6. По-

следняя реплика читается только в автографе первой редакции; в машинописных текстах она опущена. В настоящее время пьеса издается по тексту первой редакции в кн.: Булгаков М. Собр. соч.: В 5 т. М. 1990. Т. 3.

⁹ Булгаков М. Драммы и комедии. М., 1965. С. 417—418, 472 (далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страниц). Наброски ко второй редакции «Ивана Васильевича» случайно сохранились в папке с перепиской о постановке реверса мольеровского «Мещанина во дворянстве»: «1а) У меня нет времени. 1) Псковитянка радио. 2) Австралию видеть — будущую машину. 3) Ну ладно. Какой человек подозрительный. 4) Где же знал. На репетиции» (РО ИРЛИ, ф. 369, ед. хр. 214).

Если в «Блаженстве» общение людей XX в. с эпохой Грозного ограничивалось одним эпизодом, то в «Иване Васильевиче» оно заняло центральное место. Наряду с Посланием в Кириллов монастырь, дважды цитируемым в пьесе, мы обнаруживаем в ней реминисценции и из других древнерусских памятников. Из послания Стефану Баторию 1581 г. взяты слова Грозного: «. . . не человеческим хотением, но божим соизволением царь есмь» (435).¹⁰ В речах митрополита (во 2-й ред. — патриарха) и боярина (во 2-й ред. — дьяка) царю цитируется «Слово (Моление) Даниила Заточника»: «Вострубим, братие, в златокорванные трубы! . . . Не зри на меня, аки волк на ягненка (ягня). . . Яви нам зрак и образ красен! Яко дуб крепится множества корению, тако град наш твоею державою. . . Подай же тебе, Господи, Сампсонову силу, Александрову храбрость, Иосифов ум, Соломонову мудрость, кротость Давыдову. Умножи люди во веки на державе твоей. . .» (456, 463).¹¹ Жену изобретателя Тимофеева царь восхваляет словами из «Летописной книги» начала XVII в., написанной, по-видимому, С. И. Шаховским, но приписывавшейся в прежней историографии И. М. Катыреву-Ростовскому: «Боярыня красотю лепа, бела вельми, червлена губами, бровьми союза, телом изобильна. . .» (445—446).¹² На пиру, где управдом Бунша, попавший в XVI в., оказывается в роли Ивана Грозного, гуслиеры поют историческую песню о нападении крымского хана на Москву в 1572 г. (известную уже в записи начала XVII в.): «А не сильная туча затучилася. . . А не сильные громы грянули. . . Куда едет собака крымский царь. . .» (468).¹³

Могут быть отмечены и другие прямые и скрытые цитаты из древнерусских памятников. Слова Ивана Грозного о Борисе Годунове (в сцене с Зинаидой и Якиным): «Он, лукавый, презлым заплатил за предобрейшее» (441), — очевидно, восходят к «Истории о великом князе Московском» А. М. Курбского, где они характеризуют поведение самого царя по отношению к Сильвестру и Адашеву: «Тогда платит презлыми за предобрейшее. . . лукавствы и хитролествы за верные их службы». Оттуда же, видимо, взяты и дальнейшие слова Грозного: «Сам захотел царствовать и всем владети» (в «Истории» Курбского эти слова относятся к «шурьям» царя) и «повинен смерти» (в «Истории» эту кару выражают готовность понести Сильвестр и Адашев, если будет доказана их вина).¹⁴ Наконец, из этого же источника заимствовано и выражение «прыщ смертный», которое царь в пьесе обращает к режиссеру Якину. Другое обращение к тому же Якину — «хороняка» — восходит, очевидно, к третьему посланию Курбского к царю.¹⁵

Разумеется, не всегда исторические реалии в пьесе были точными. Так, М. А. Булгаков явно затруднялся, решая, какой именно город может потребовать шведский посол у Ивана Грозного (вернее, у оказавшегося на его месте Бунши) и оставил пробел в соответствующем месте автографа. Затем он решил сделать этим городом Кемь и «Кемскую волость»: именно

¹⁰ Ср.: ПЛДР. Вып. 8. С. 180. Эти слова из грамоты Ивана IV цитируются в статье Бестужева-Рюмина в Энциклопедическом словаре Брокгауза—Ефрона (т. XIIIа, с. 690).

¹¹ Слово Даниила Заточника с предисл. и примеч. И. А. Шляпкина // ПДП. СПб., 1889. Вып. 31. С. 2—3, 4—5, 10—11, 14—15, 30—31; ср.: ПЛДР. М., 1980. Вып. 2. С. 388, 392, 398. Одна из цитат Даниила Заточника, опущенная во второй редакции «Ивана Васильевича», сохранилась в автографе (л. 17) и в первой редакции.

¹² РИБ. Т. 13. Памятники древней письменности, относящиеся к Смутному времени. СПб., 1909. С. 621, 709; ср.: ПЛДР. М., 1987. Вып. 9. С. 424.

¹³ Русская устная словесность. Т. 2. Былины; Исторические песни / Под ред. М. Сперанского. М., 1919. С. 375; ср.: ПЛДР. Вып. 9. С. 539.

¹⁴ Курбский А. М. История о великом князе Московском. СПб., 1913. Стб. 99—100 (Оттиск из РИБ; Т. 31). Ср.: ПЛДР. Вып. 8. С. 137. На этот источник любезно обратил мое внимание Ю. Д. Рыков.

¹⁵ Переписка князя А. М. Курбского с царем Иоанном Грозным (оттиск из РИБ. Т. 31). СПб., 1914. Стб. 151; Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1981. С. 115; ПЛДР. Вып. 8. С. 98.

Кемь Жорж Милославский от имени царя великодушно уступил шведам. В действительности никаких переговоров о Кемь шведы и русские в конце XVI в. не вели, хотя военные действия в этих местах происходили.¹⁶ Непонятно, почему глава русской церкви, правильно названный в 1-й редакции митрополитом, был переименован во 2-й редакции в «патриарха»: в конспекте курса истории СССР, написанном Булгаковым, в разделе, посвященном XVI в., учреждение московской патриархии в соответствии с историей отнесено ко времени Федора Ивановича.¹⁷ Неточными были и представления Булгакова о монетном обращении XVI в. Монеты, которыми пользовались при Иване Грозном в быту, были не золотыми, как думал писатель, а серебряными, изображался на них всадник («ездец»); золотые монеты были величайшей редкостью и употреблялись лишь как наградные знаки. В одном из списков пьесы золотая монета, данная царем режиссеру Якину, очевидно, должна была воспроизводить (как монеты XVIII—XIX вв.) портрет царя: «Я к и н: Глазам не верю. . . Ведь это же ваше лицо?! И о а н н: Не с твоей же бородой монеты чеканить!».

Но, конечно, было бы смешным педантизмом требовать от эксцентрической комедии скрупулезной точности в передаче исторических фактов.

Это не означает, однако, что комедия «Иван Васильевич» была лишь «шуткой»,¹⁸ что в своей комедии Булгаков не предлагал читателю никакой исторической концепции. Для того чтобы понять его взгляд на историю вообще и отношение к личности Ивана Грозного в частности, следует сказать несколько слов об оценке Ивана IV в доступной Булгакову историографии. Неверно думать, что оценка эта была однозначной. Задолго до того, как по воле Сталина в 1940—1941 гг. историкам была предписана безусловная апология Ивана IV как единственно «правильное, объективное толкование» его образа,¹⁹ в русской науке высказывались самые различные взгляды на эту фигуру — от сугубо положительного (как, например, в официозном учебнике начала XX в. А. Нечволодова)²⁰ до резко отрицательного (Карамзин, Костомаров, Ключевский).²¹ Но уже К. Д. Кавелин и особенно С. М. Соловьев пытались не столько судить и оценивать Грозного, сколько понять историческое значение его политики. Согласно С. М. Соловьеву деятельность Ивана Грозного была отражением борьбы между новыми, «государственными», и древними, «родовыми», началами.²² Точка зрения Соловьева была принята с теми или иными уточнениями рядом историков. С известными оговорками принял эту точку зрения К. Н. Бестужев-Рюмин, чья статья об Иване IV в Энциклопедическом словаре Брокгауза—Ефрона была несомненно знакома Булгакову, постоянно пользовавшемуся этим словарем.²³ Такая точка зрения не имела характера прямой апологии Грозного, но несомненно, что дух гегелевского преклонения перед государственными деятелями заметно отразился на ней.

¹⁶ Автограф, л. 7 об. Ср.: Сб. РИО. СПб., 1910. Т. 129. О военных действиях в районе Кемь М. А. Булгаков мог знать из статьи «Кемь» в Энциклопедическом словаре Брокгауза—Ефрона (т. XVIa, с. 928).

¹⁷ Автограф, л. 17. Ср.: РО ИРЛИ, ф. 369, № 268, с. 93.

¹⁸ Так охарактеризовал «Ивана Васильевича» в отзыве, данном Главрепеткому в 1940 г., Ю. Юзовский, явно желая содействовать опубликованию пьесы Булгакова (Проблемы театрального наследия Булгакова. Л., 1987. С. 146).

¹⁹ Державин Н. Роман об Иване Грозном. Правда. 1944, 11 декабря.

²⁰ Нечволодов А. Сказания о русской земле. СПб., 1913. Ч. 4. С. 119—155.

²¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1892. С. 273—274; Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. СПб.; М., 1881; Ключевский В. О. Курс русской истории. М., 1906. Ч. 2. С. 224—233, 246—249.

²² Кавелин К. Д. Собр. соч. СПб., 1897. С. 47, 52—53, 400; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Изд. «Общественная польза». кн. II (т. VI). Стб. 324—334.

²³ Энциклопедический словарь / Брокгауз и Ефрон. Т. XIIIa. С. 681—692.

Совсем иной взгляд на историю был высказан писателем, оказавшим сильнейшее влияние на Булгакова, — Львом Толстым. Толстой подобно Гегелю и Соловьеву считал исторический процесс закономерным, но никакого преклонения перед этой закономерностью и ее выразителями, «историческими личностями», у него не было. Иван IV для Льва Толстого — пример властолюбия «злых» над «добрыми», воплощение «безумия и порока», «изверг». Однако уже в «Войне и мире» Толстой указывал, что суть истории XVI в. не в «большом характере Иоанна IV», а в массовых движениях, таких как «движение русского народа на восток, в Казань и Сибирь».²⁴

Этот взгляд в значительной степени воспринял и Булгаков. Уже в «Белой гвардии» явственно ощущается влияние исторической философии Толстого — его взгляд на «великих людей» как на «ярлыки», даваемые событиям, фантомы, «мифы».²⁵

Изображение эпохи Грозного в «Иване Васильевиче» было однозначным и весьма выразительным. Показанный в пьесе опричный террор, не только страшный, но и чудовищно абсурдный, мог вызвать весьма неприятные ассоциации. Стоило жулику Милославскому, попавшему в XVI век, назвать свое имя, как ему сразу же сообщили, что его повесили «на собственных воротах третьего дня перед спальней. . .». Сообразительный Милославский объяснил, что это был, очевидно, не он, а его двоюродный брат, от которого он «отмежевался» (457—458). Репрессии затрагивают и служащих дипломатического аппарата. «Был у нас толмач-немчин, да мы его анадьсь в кипятке сварили» (460), — сообщает Милославскому дьяк. «Забавный контраст между двумя эпохами < . . . », — заметил во вступительной статье к пьесам Булгакова В. А. Каверин, — начинает выглядеть не столь уж забавным» (14).

Но нарисовав столь выразительный образ эпохи, Булгаков вовсе не склонен был преувеличивать значение его центральной фигуры. Скорее наоборот. Царь — «вылитый управдом», управдом, имеющий то же имя и отчество и временно занимающий царский трон: эта тема «двойничества» напоминает «Принца и нищего» Марка Твена — писателя, которого Булгаков знал и любил. Но в «Принце и нищем» бедняк Том Кенти, ставший королем, — умный и одаренный мальчик, и это помогает ему справиться с королевскими обязанностями. Бунша отнюдь не обладает природными способностями Тома Кенти, но это не мешает ему с помощью Милославского исполнять роль царя. По справедливому замечанию Каверина, у управдома «все получается; несмотря на то что Бунша необычайно, поразительно глуп, он бы и без посторонней помощи управился бы с дьяками, которые поминутно кидаются в ноги, с опричниками, которым можно приказывать что угодно, с патриархом. . . Порядки таковы, что управиться, в общем и целом, не так уж трудно. . .» (14).

Как видим, роль личности в истории представлялась Булгакову в «Иване Васильевиче» не более значительной, чем в «Белой гвардии». В автографе «Ивана Васильевича» между вторым и третьим актами сохранился текст реплики неизвестного персонажа о царе: «Он нервозен, как всякий Иоани Грозный. . .».²⁶

Но проблема государственной власти интересовала писателя не только сама по себе. После «Белой гвардии» Булгаков обращался к теме власти главным образом в связи с проблемой взаимоотношений между ее носителями и рядовыми людьми, в частности художниками («Мольер», «Последние дни» и др.).

²⁴ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1923—1964. Т. 12. С. 312; Т. 28. С. 192; Т. 36. С. 319, 323.

²⁵ Ср.: Лурье Я. С. Историческая проблематика в произведениях М. Булгакова (Булгаков и «Война и мир» Толстого) // М. А. Булгаков-драматург и художественная культура его времени. М., 1988. С. 192—201.

²⁶ Автограф, л. 35.

Этот аспект темы присутствует и в «Иване Васильевиче». В соответствии с историческими песнями об Иване IV царь в пьесе Булгакова не только грозен, но по временам и милостив. Попав в комнату изобретателя Тимофеева, он прощает его жену, ушедшую от мужа к режиссеру Якину, и жалуется режиссеру «вотчину в Костроме», предлагает обворованному соседу изобретателя «гривну».

Повелители не творят историю, но могут быть страшны или, напротив, доброжелательны по отношению к отдельным людям. Возможно, что Булгакову был известен ответ, данный учеником Сократа и учителем Диогена философом Антисфеном на вопрос, как следует относиться к власти: «Как к огню: не подходить слишком близко, чтоб не обжечься; не уходить слишком далеко, чтобы не замерзнуть» (отражение этого афоризма есть и в «Слове Даниила Заточника», использованном Булгаковым в пьесе).²⁷

В справедливости этого афоризма Булгакову приходилось убеждаться не раз. Он хорошо помнил телефонный разговор 18 апреля 1930 г., спасший его от «нищеты, улицы и гибели», и данное в январе 1932 г. распоряжение возобновить запрещенные в 1929 г. «Дни Турбиных», вернувшее, по его словам, автору «часть жизни». В 1936 г. Булгаков мог еще надеяться, что выйдут на сцену «Мольер», «Иван Васильевич» и «Последние дни» и будут напечатаны другие его произведения. Надежда эта не покидала его, несмотря на неудачу с «Мольером» и «Иваном Васильевичем», и в последующие годы. Иллюзия, что власть может хоть немного согреть замерзающего человека, сохранялась у него по крайней мере до 1939 г.

Судьба пьесы «Иван Васильевич» (как и судьба следующей пьесы — «Батума») никак не подтверждала этой иллюзии. «Иван Васильевич» был снят со сцены в 1936 г. заодно с «Мольером» (сразу после генеральной репетиции) вероятнее всего потому, что под сомнение было поставлено все творчество автора. Но появившись эта пьеса с упоминанием «сваренного в кипятке» деятеля ведомства внешней политики и репрессированного Милославского, от которого его родственник спешит «отмежеваться», на сцене, она, вероятно, принесла бы автору не меньше неприятностей, чем «Дни Турбиных» и «Мольер».

В марте 1941 г. в «Известиях» появилась явно инспирированная Сталиным статья горьковского писателя В. Костылева, осуждавшая всех критиков Ивана Грозного от современников царя до историков, которые «не стеснялись „вешать собак“ на Ивана IV», хотя государство при нем «настолько окрепло, что ни „смута“, ни польская интервенция не могли поколебать и умалить его могущество».²⁸ К этому времени изображение Ивана IV в «Иване Васильевиче» стало бы просто крамольным. Но Булгаков до этого нового поворота в официальной исторической концепции не дождался — он умер за год до посмертной реабилитации Ивана Васильевича. ¶ |

²⁷ Слово Даниила Заточника. С. 16. Афоризм Антисфена см.: Л у р ь е С. Я. Предгечи анархизма в древнем мире. М., 1926. С. 157.

²⁸ Костылев В. Литературные заметки // Известия. 1941. 19 марта. О романе В. Костылева и его связи с высказываниями Сталина см.: Л у р ь е Я. С. Переписка Ивана Грозного с Курбским в общественной мысли Древней Руси // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1981. С. 216—218.

Е. Г. ВОДОЛАЗКИН

Хроника Амартола в новонайденных списках

Хроника Георгия Амартола, одна из самых популярных византийских хроник, включает сочинение самого монаха Георгия, завершенное им в 60-х гг. IX в., и продолжение, извлеченное из Хроники Симеона Логофета, повествующее о событиях вплоть до 948 г. Хроника является компиляцией различных — от историографии до патристики — источников.¹

По мнению В. М. Истрина, древнерусский перевод памятника был осуществлен в Киеве в середине XI в.² Бытовавшая как в отдельных списках, так и в составе летописных сводов Хроника Амартола способствовала становлению русского исторического повествования.

Исследователю и издателю переводной византийской хроники В. М. Истрину было известно 8 ее списков: 1) ГБЛ, собр. МДА, № 100 — так называемый Троицкий список (далее — Тр); 2) ГБЛ, собр. Ундольского, № 1289 (Ун); 3) ГИМ, собр. Уварова, № 1305 (Ув); 4) ГИМ, Чудовское собр., № 352 (Ч); 5) ГПБ, собр. Погодина, № 1432 (П); 6) ГПБ, Соловецкое собр., № 436/83 (Сл); 7) ГПБ, F.IV.136 (Пб); 8) ЛОИИ, Собр. рукописных книг, № 80 — так называемый Супрасльский список (Сп). По мнению ученого, имели место две последовательные правки первоначального текста, в результате которых возникли редакции — сначала Первая (дошедшая до нас в составе летописных сводов), а затем Вторая, которая в свою очередь существует в двух видах (группах): А (Ун, П, Пб, Сл) и Б (Сп, Ув, Ч). Троицкий список В. М. Истрин возводил к первооригиналу.³

Впоследствии О. В. Творогов показал, что от первооригинала перевода пошли две ветви списков, легших в основу соответственно Хронографической редакции (т. е. той, что существует в исторических компиляциях) и редакции Первой, представленной, в частности, Троицким списком. Эта Первая редакция и легла в основу Второй с двумя ее разновидностями.⁴

Со времени появления работы В. М. Истрина стали известны еще восемь списков.⁵ Обнаруженные списки пока не имеют ни достаточно полного паалеографического описания, ни текстологической характеристики. Их рассмотрение и посвящена наша статья.

В 1975 г. О. В. Творогов сообщил об обнаружении в Синодальном собрании ГИМ двух рукописей, содержащих текст Хроники Амартола. Это

¹ Об источниках Хроники см.: Шестаков С. 1) О происхождении и составе Хроники Георгия Мниха (Амартола). Казань, 1891; 2) По вопросу об источниках Хроники Георгия Монаха (Амартола). СПб., 1892.

² Истрин В. М. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Пг., 1922. Т. 2. С. 268—309.

³ Там же. С. 310—356.

⁴ Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975. С. 98—110.

⁵ См.: Творогов О. В. 1) Древнерусские хронографы. С. 12—13; 2) Находки в области древнерусской хронографии // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность; Искусство; Археология. М., 1975. С. 26.

рукописи № 1008 и 732 (далее соответственно — С-1 и С-2).⁶ Находка ценна тем, что до последнего времени мы располагали лишь одним списком Первой редакции — Троицким (Эрмитажный список, речь о котором пойдет ниже, был обнаружен позднее). С-1 содержит текст Хроники от начала до «Временника христианских царей». Остальной текст приходится на С-2.

Рукопись С-1 насчитывает 319 листов, в четверть, датируется 70—80-ми гг. XV в.⁷ Филигрانی: «голова быка» четырех видов (типа: Б р и к е, № 15158 — 1467 г.; там же, № 14802 — 1476 г.; там же, № 14729 — 1480 г.; там же, № 15156 — 1485 г. (обнаружена только на конечном листе рукописи)); буква «Р» трех видов (типа: Б р и к е, № 8533 — 1485 г.; там же, № 8669 — 1486 г.; там же, № 1491 — 1494 гг.).⁸ Список написан полууставом нескольких почерков. Заглавия и инициалы выполнены кинноварью. Переплет деревянный, в тисненой коже. На л. 1 запись: «Принадлежит Иосифову монастырю, 1854». Аналогичные записи на л. 10, 28. На л. 28 об. (конечном листе тетради) оставлено место, из чего можно предположить, что рукопись изготовлялась одновременно несколькими писцами. На последнем листе рукописи запись о разделении Хроники на два списка.

Рукопись содержит текст первых трех книг Хроники Амартола до «Временника христианских царей», причем предисловие помещено за оглавлением. Имеется ряд пропусков. Между л. 138 и 139 современной нумерации утрачены два листа с текстом от «тыщашеся, и одалаетъ Михаилъ» до «ни единъ свѣдаеть»;⁹ между л. 132—133 утрачены два листа с текстом от «и престолячимъ ему» по «учителя своего» (153, 7—155, 14). Далее следуют два пропуска по одному листу — между л. 193—194 от: «невиноватыи, невиноватого» до «въскресение 8^е» (218, 15—219, 11) и между л. 232 и 233 от «Разумѣста, яко нача» по «истолкуя неразумѣвающая» (255, 14—256, 14). Вероятно, был утрачен и последний лист рукописи, но впоследствии недостающий текст был восстановлен на иной бумаге и иным почерком. Перед реставрацией список обрывался на фразе: «Бога дѣлы во [спѣвъ]» (333, 9).

Рукопись С-2 насчитывает 439 листов (1+433+V), в четверть, датируется 20-ми гг. XVI в. Филигрانی: «рука» трех видов (типа: Б р и к е, № 11426 — 1514 г.; там же, № 11405 — 1520 г.; там же, № 11406 — 1528 г.); буква «Р» (типа: Б р и к е, № 6642 — 1523 г.); «голова быка» — не идентифицирована. Полуустав одного почерка. Переплет деревянный, в тисненой коже. На л. 1 искусно выполненное изображение креста. Заглавия и инициалы кинноварные. На л. 1—2 запись-скрепа: «Иосифо-Волоколамского монастыря». К переплету приклеена бумага с надписью: «Временникъ христианскихъ царей неполна из мас [. . .] полат».¹⁰ Рукопись содержит текст Хроники Амартола от «Временника христианских царей» до конца.

Обратимся к текстологическому анализу рассматриваемых рукописей. В С-1 представлена Первая редакция Хроники Амартола.

⁶ Творогов О. В. Находки в области древнерусской хронографии. С. 26.

⁷ Ср. датировку Т. Н. Протасевой: Протасьева Т. Н. Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невострюева). М., 1973. Ч. 2. С. 123.

⁸ За помощь в палеографическом анализе рукописей С-1 и С-2 благодарю Т. В. Дианову.

⁹ См.: Истрин В. М. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Пг., 1920. Т. 1. С. 162, строка 7—с. 164, строка 13. В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием соответственно страницы и строки. Орфография цитат и примеров несколько упрощена. Буквы ѡ, ѡ заменены на «я»; буквы ѣ, ꙗ на «е»; і на «и»; «оу» на «у»; ꙗ на «кс». Титла раскрываются, выносные буквы вводятся в строку. Приводя общие чтения новонайденных списков Хроники и списков опубликованных, пользуемся орфографией опубликованных.

¹⁰ Т. Н. Протасевой эта запись ошибочно прочтена как «Временник христианских царей неполный из Амартола». См.: Протасьева Т. Н. Описание рукописей Синодального собрания. С. 123.

Приведем несколько общих первичных чтений Тр. и С-1 в сопоставлении со вторичными чтениями Второй редакции (S).¹¹

	Тр, С-1	S
34,1	персяномъ	персомъ
55,9	котца	конецъ
121,21	сыну	дѣтицю

С другой стороны, С-1, совпадая с Тр., содержит и вторичные чтения, свойственные этой редакции Хроники:

S		Тр, С-1
85,13	татьбою	та бо
169,14	Амосъ	Амонъ
193,25	града	ради

Кроме того, к группе общих вторичных чтений Тр и С-1 можно отнести и многочисленные общие лакуны, содержащиеся в этих списках¹² (не считая тех фрагментов, которые вытерты в самом Тр). Нужно отметить, что большинство этих лакун в С-1 восполнены вставками на полях. Почерк данных вставок иной. Это заставляет думать, что они сделаны уже после изготовления рукописи. С-1 была сверена со списком Второй редакции; при этом не только восполнялись лакуны, но и многие разночтения приводились в соответствие со Второй редакцией, включая ее индивидуальные добавления, например: «по нем» (101, 23).

Список С-2 открывается «Временником христианских царей» и до сообщения о V соборе представляет собой продолжение текста С-1, т. е. принадлежит к Первой редакции как в первичных своих чтениях, так и во вторичных.

	Тр, С-2	S
358,24	ставися	поставитися
363,10	животъ	житие
369,21	творяще	творящимъ
387,17	есть	бысть
411,1	вниде	сниде

S		Тр, С-2
360,3	служители	служитель
372,19	рѣка	вода
383,3	обнажи	наведе
388,3	Артемидию	Отримидию
405,11	небесное	небеснымъ

В то же время в тексте С-2 находим множество чтений Второй редакции.

	S, С-2	Тр
340,1	блаженная	божественная
357,23	замыслиста	замысливъ
363,15	изверженъ	низверженъ

Это пример общих первичных чтений Второй редакции и списка С-2. Имеются и общие вторичные чтения.

	Тр	S, С-2
368,22	—	даже
377,15	удовою	девою
411,7	сыновъ	сынъ <так!>

¹¹ При сравнении текстов чтения, отражающие первооригинал, мы помещаем в левой колонке. Примеры предваряются указанием страницы и строки по изданию В. М. Истрина.

¹² Исключение составляет фрагмент о Каине от слов «противу Эдема» по «Василии въщавае» (31,11—32,21), читающийся в С-1, но отсутствующий в Тр (а также и в Эрмитажном списке).

Еще раз подчеркнем, что это характеристика текста С-2 до V собора. С рассказа о V соборе (412, 17) текст начинает соответствовать группе Б Второй редакции (т. е. спискам Сп, Ув, Ч).

Гр. Б, С-2		Гр. А	
412,20	—		патриархъ
413,11	мниси		мнози
523,27	сотвори		постави
Гр. А		Гр. Б, С-2	
431,10	нападоша		нападутъ
462,25	противившуся		противившеса
498,5	снѣ		сонъ

Текст С-2 не тождествен ни одной из разновидностей группы Б (Сп, с одной стороны, и Ув, Ч — с другой): он восходит к архетипу группы. Чтения С-2 как правило не совпадают с индивидуальными вторичными чтениями ни Сп, ни Ув или Ч:

Сп, С-2		Ув, Ч	
421,19	постившеса		постящеса
498,21	Греческы		вѣсточныя
524,27	скажетъ		сказа
Ув, Ч, С-2		Сп	
421,24	не малица		мала лица
426,30	умеддиль		умешкаль <так>
498,2	великою болѣзнию		великая болѣзнь

Любопытной особенностью С-2 является наличие киноварных заглавий, не содержащихся в тексте Хроники Амартала: «Царство 2 Костянтиево», «Царство 3 Иулиана преступника», «Царство 4 Авианово» и т. д. А также: «О павлеканстееи ереси», «Еретици», «О шестомъ съборѣ». Близкие по типу, но текстуально не совпадающие заглавия находим в Летописце Еллинском и Римском Второй редакции.

Текстологический и палеографический анализ рукописей С-1 и С-2 позволяет сделать следующие выводы. В определенном книжном центре (вероятно, в Иосифо-Волоколамском монастыре) находился список Первой редакции Хроники Амартала, разделенный на две рукописи. Первая — дошедшая до нас С-1, и вторая (предполагаемая) — содержавшая текст от «Временника христианскихъ царей» до V собора. Позднее оба списка были правлены по списку Второй редакции. В таком виде (т. е. со следами правки на полях) С-1 и была оставлена, а рукопись, содержавшая продолжение Хроники (и также правленная), переписана «набело», причем к ней прибавили и окончание Хроники (по группе Б Второй редакции). Этим объясняется наличие в первой части С-2 чтений и Первой, и Второй редакций.

В пользу данного построения говорит и датировка рукописей. Как уже отмечалось, по уточненным данным С-1 датируется 70—80-ми гг. XV в., а С-2 — 20-ми гг. XVI в., так что создавались они с разницей в несколько десятилетий.

Одинаковый размер рукописей — 4° (не такой уж частый для Хроники Амартала) — свидетельствует о том, что при изготовлении С-2 ориентировались на С-1. Однако в характере исполнения рукописи отличаются, их создатели придерживались разных стилей: С-2 содержит роскошную заставку и написана стройным, красивым полууставом. Изготавливалась она скорее всего на заказ. Стоит, наконец, отметить, что одна из вставок на полях С-1 содержит индивидуальное первичное чтение списков Ув и Ч (группа Б Второй редакции): «должину» (141.7), что соответствует греч.

τὸ μῆκος (Сп: «долѣ»), и восходит, очевидно, к архетипу группы. Совпадение разновидностей текста Хроники во вставке с его разновидностью в С-2 подтверждает нашу гипотезу.

Обращение С-2 к тексту Второй редакции начиная с V собора не кажется неожиданным, если учесть, что на этом же месте обрывается Тр, а также третий из известных нам списков Первой редакции — Эрмитажный, к рассмотрению которого мы переходим.

Своим вторым рождением Эрмитажный список Хроники обязан В. П. Бударагину, обнаружившему его в Отделе редкой книги Научной библиотеки Эрмитажа (№ 265577).¹³ Список пергаменный, форматом в лист. Полуустав. Переплет деревянный, в тисненой коже. По мнению О. А. Князевской, рукопись относится к XIV в., хотя из осторожности не исключается и начало XV в.¹⁴ Прежде список был ошибочно датирован 1674 г. (см. отметку почерком XIX в. на первом листе). Дело в том, что дата, принятая за год создания рукописи, и в самом деле читается на полях в позднейшей записи — скрепе (л. 2—15). Последние слова этой записи, определяющие ее характер (вкладная или владельческая), тщательно вытерты. Очень вероятно, что записи вкладная, но место вклада рукописи определить невозможно. Датирована записи январем 1674 г. В ней упомянуто имя Александра, епископа Вятского и Великопермского, оставившего епархию 8 января 1674 г. и ушедшего в Коряжемский монастырь. О месте пребывания рукописи до 1674 г. ничего определенного сказать нельзя: кроме Коряжемского монастыря и Вятки Александр подвизался в Спасо-Каменном монастыре под Вологдой и был епископом в Коломне.¹⁵

В Эрмитажном списке не хватает целого ряда листов. К перечню их, приведенному в описании О. А. Князевской, мы укажем соответствующие фрагменты в издании В. М. Истрина (справа; слева современные номера листов, между которыми находились листы утраченные):

32/33	49,5— 51,20	203/204	307,16—310,13
33/34	52,25— 55,14	223/224	336,11—348,8
34/35	56,19— 58,26	243/244	365,17—368,6
37/38	62,13— 64,28	247/248	373,7 —375,20
126/127	177,9—180,11	250/251	379,15—380,20
130/131	186,17—189,26	254/255	385,21—388,7
181/182	272,27—275,17	260/261	395,13—397,25

Текстологический анализ Эрмитажного списка указывает на его принадлежность к Первой редакции:

	Эрмитажный, Троицкий	S
38,3	грады	страны
111,15	провидителя	проповедателя
180,24	ячмыка	ячмени
231,1	пустыньных	постных
303,26	бѣги <так!>	бывает
398,3	преставлении	умертвии

Добавим, что Эрмитажный список содержит те же лакуны, что и Тр и С-1, и обрывается подобно этим спискам на V соборе.

Таким образом, текстологический анализ трех списков Первой редакции позволяет заключить, что редакция эта была ущербна и оканчивалась V собором. Это не позволяет выводить полную Вторую редакцию

¹³ Б у д а р а г и н В. П. Древнерусские рукописи Кабинета редкой книги Научной библиотеки Эрмитажа // ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41. С. 422.

¹⁴ См. описание О. А. Князевской, вложенное в рукопись № 265577.

¹⁵ С т р о е в П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. С. 742, 801, 1031.

из неполной Первой. Вторую редакцию правильнее связывать с редакцией Хронографической.

Хронографическая редакция памятника, встречавшаяся ранее только в составе хронографов, теперь известна в единственном отдельном (хотя и неполном) списке — в сборнике Кирилло-Белозерского собрания (РО ГПБ, № 7/1084, 507 л., в четверть). Список конца XV в. Филиграния: «голова мавра» (типа: Б р и к е, № 15634 — 1448 г.); «бычья голова» двух видов (типа: Л и х а ч е в. Вод. зн., № 1086 — 1465 г. и там же, № 1134 — 1470 г.); «виноградная лоза» (там же, № 1131 — 1470 г.); «предмет неопределенного значения» (там же, № 3390 — 1491 г.). Список выполнен полууставом нескольких почерков, но фрагменты различных произведений писаны одинаковыми почерками, что свидетельствует об одновременности создания сборника. Имеются владельческие записи. Переплет деревянный в тисненой коже.

Состав сборника таков. На л. 1—91 помещен текст Хроники Амартала от слов «Книги временныя» до «испытании и онехъ» (27, загл.—113, 8). Далее следует текст библейских книг: л. 92—127 об. — Книга Иисуса Навина; л. 128—166 об. — Книга Судей Израилевых; л. 167 об.—172 об. — Книга Руфь; л. 172 об.—383 об. — четыре Книги Царств. На л. 383 об.—390 следует фрагмент из Толковой Палеи «Благословение Иаковле» от слов «(П)о сем же убо рече Иаковъ» до «Понеже не достоить ти искусити» (ср.: Палея Толковая по списку, сделанному в г. Коломне в 1406 г. / Труд учеников Н. С. Тихонравова. М., 1892—1896. Вып. 1—2. Стб. 364—381. На л. 390—393 об. — продолжение фрагмента «Благословение Иаковле» от слов «(А) еже рече ты судити имаши» до «и положиша и въ гробе въ Египте» (ср.: Толковая Палея 1477 г.: Воспроизведение синодальной рукописи № 210. СПб., 1892. Л. 142в—146б, исключая л. 391 об.—392 об., где текст опять соответствует Палее 1406 г.). За указанным фрагментом на л. 393 об.—403 об. следуют тексты заветов Рувима, Симеона, Левгия (ср.: Толковая Палея 1477 г. л. 146б—153г). Завет Левгия обрывается на л. 403 на фразе: «и отверзе ми ангел двери небесныя и виде» (ср.: Толковая Палея 1477 г. л. 153г). На л. 403 об.—506 об. расположен фрагмент Хроники Амартала от слов «Начало царствию Навходоносорову» до «студенеишая искръ же огня» (185, 1—302, 16).

На л. 4—11 об. текст Хроники переписан в неправильной последовательности, так как, вероятно, в протографе были спутаны листы. Текст должен следовать в таком порядке: после слов «дати на бранех сказньнова» (л. 4 об. — И с т р и н, 31, 1) должен идти фрагмент от слов «Каинову роду» (л. 6 — И с т р и н, 32, 8) до «страну свою нарекоша» (л. 11 — И с т р и н, 37, 10); далее от слов «в временах же царствия» (л. 5 об. — И с т р и н, 37, 11) до «от таковыя одежа» (л. 6 — И с т р и н, 37, 23); затем от «древле бо не разумяху» (л. 4 об. — И с т р и н, 37, 23) до «силен делом и словом» (в Троицком — «словомъ и деломъ») (л. 5 об. — И с т р и н, 38, 11). Фрагмент от слов «потомъ же царствовавъ въ Персии Куръ» до «силен делом и словом» (И с т р и н, 38, 1—38, 11) переписан два раза: на л. 5—5 об. и 11—11 об.

Судьба сборника любопытна. В свое время он был описан А. Н. Поповым,¹⁶ но в силу какой-то случайности из поля зрения В. М. Истрина выпал. Вторично список был введен в научный оборот О. В. Твороговым, высказавшим предположение о принадлежности Хроники в этом сборнике к Хронографической редакции.¹⁷

Текст фрагментов из Хроники (далее — КБ) сопоставлялся нами с Троицким списком Хроники (Тр), со списками Второй редакции (при этом учитывались прежде всего общие чтения всех списков, ее представ-

¹⁶ Попов А. Обзор хронографов русской редакции. М., 1866. Вып. 1. С. 215—217.

¹⁷ Творогов О. В. Древнерусские хронографы. С. 12—13.

ляющих), а также с выдержками из Хроники Амартола, вошедшими в первую редакцию Летописца Еллинского и Римского (далее — ЕЛ). В результате сопоставления было найдено подтверждение указанной точке зрения и предложены некоторые уточнения.

В первую очередь следует показать, что список КБ никак не связан с текстами Второй редакции (S). В случаях, когда вторичным чтениям S противопоставлены общие первичные (подтвержденные греческим оригиналом) чтения ЕЛ и Тр, в КБ находим также первичные чтения.

	КБ, ЕЛ, Тр	S
201,13	добль	добре
203,5	въ утробе	в сердци его
203,8	плъти	плътию
203,20	ковъникъ	конь
257,23	видевъ	виде и
258,2	первую свою	первыи свои
260,5	расеяно	равно

Мы располагаем 24 такими примерами при двух противоположных, где КБ представляет чтение, общее с S. Такое соотношение показывает, что КБ и S не связаны между собой.

Обратимся к выяснению принадлежности списка КБ. Первичным чтениям Тр противостоят общие вторичные чтения КБ и ЕЛ, что говорит о близости КБ к Хронографической редакции, которую ЕЛ представляет (интересно, что такая картина наблюдается только до с. 263 по изданию Истрина; в дальнейшем, напротив, КБ наряду с Тр начинает отвечать первичным чтениям в противовес вторичным чтениям ЕЛ и S).

Ряд первичных чтений КБ, ЕЛ и S противостоит вторичным чтениям Тр. Таких случаев около 30. Десять же первичных чтений ЕЛ и S противопоставлены общим вторичным чтениям КБ и Тр. Эта статистика также свидетельствует о связи КБ с Хронографической редакцией и о том, что Тр не является непосредственным источником КБ.

В пользу близости КБ к Хронографической редакции говорит, наконец, то обстоятельство, что в КБ мы находим два (из трех!) индивидуальных первичных чтения ЕЛ.

	ЕЛ, КБ	Тр.
257,19	преображаше	преображашеся
258,7	възвышаема	взимаема

Тем не менее нельзя игнорировать того, что ЕЛ и S дают около десятка общих первичных чтений в противоположность общим вторичным чтениям КБ и Тр. Это заставляет предположить какую-то связь КБ с Первой редакцией, от которой пошел архетип Троицкого списка. Скорее всего КБ (или протограф) был правлен по одному из списков Первой редакции. Правка ощущается на протяжении всего текста КБ. На фоне такой повсеместной правки несколько загадочно выглядит совпадение именно в первичных чтениях КБ и Тр после с. 263 по изданию Истрина. Не исключено, что в этой части КБ к правке был подключен еще какой-то список, очень близкий к первооригиналу. Несмотря на некоторые «темные места» Кирилло-Белозерского списка принадлежность к Хронографической редакции отводит ему особую роль не только в исследованиях Хроники Амартола, но и русского летописания: иных списков этой редакции пока не найдено.

В пяти из новонайденных списков Хроника Амартола представлена Второй редакцией: три списка относятся к группе А, и два — к группе Б. Обратимся к группе А.

1) Древнейшей в группе, как и вообще во Второй редакции, является рукопись Д7 Архангельского собрания БАН (далее — Д7), 362 л., в лист, 1453 г.¹⁸

¹⁸ Творогов О. В. Находки... С. 26.

Филиграни: «рог изобилия» (типа: Л и х а ч е в. Вод. зн., № 4187 — 1579 г.); «щит под короной» (плохо различимый); «круг с вписанным в него гербовым щитом» (типа: Л и х а ч е в. Вод. зн., № 2612, 2619 — середина XV в.); «голова быка» трех видов (типа: а) Л и х а ч е в. Вод. зн., № 2375, 2376 — первая половина XV в.; там же, № 3910 — 1448 г.; там же, № 1106 — 1466 г.; б) там же, № 2661 (без даты), Т р о м о н и ц, № 283 — 1450 г.).¹⁹

Полуустав нескольких почерков. Заглавия и инициалы киноварные. Переплет деревянный, в тисненой коже. Л. 2 об., 99 об., 357 об. без текста. На л. 357 датирующая запись: «В лѣто 6961 индикта 1 да писалъ сею книгу Семионъ Стратила многогрѣшною рукою <так!>», а также владельческая запись: «Сия книга стремяннаго конюха Ивана Гаврилова сына Суворцова».

На л. 1а—5 об. помещены 4 стихотворных предисловия справщика Савватия к Хронике Амартола.²⁰ Л. 6—20 содержат оглавление Хроники Амартола от слов «при немже бысть велие гонение» (И с т р и н, с. 13) до «приплуша четвертаго на десяте индикта до тысячи лодии, многа» (И с т р и н, с. 26). Л. 21—357 — Хроника Амартола от заглавия «Временник о христианах царех и Костян-(тине) велицѣмъ цари» (333, 26—27) до конца.

Листы предисловия, написанного полууставом XVII в. подклеены к корешкам срезанных листов.

Несомненно, рукопись Д7 содержала полный текст Хроники, впоследствии же фрагмент от начала до «Временника христианских царей» был изъят. Изъят был также и соответствующий фрагмент оглавления. Оставшиеся листы оглавления были подклеены за предисловием непосредственно перед текстом Хроники.

Принадлежность Д7 к группе А Второй редакции доказывается наличием общих вторичных чтений группы А и данного списка.

	Тр (до 412,17), Гр. Б	Гр. А, Д7
333,28	—	в Римѣ
413,11	мниси	мнози
462,1	тако	яко

2) Рукопись ГПБ F.IV.150 (далее — Пб-1) насчитывает 604 л., в лист. По филиграммам («бычья голова» двух видов типа: Л и х а ч е в. Вод. зн., № 1346 — 1507 г.; там же, № 2675 — 1490—1510 гг.) она датируется первой четвертью XVI в. Полуустав. Переплет деревянный, в тисненой коже. Лист между л. 28 и 29 в современной нумерации без текста. На л. 302 в тексте Хроники пропущен фрагмент от слов «Богом нарекоша» до «жестоки быша» (293, 25—298, 11). Текст Хроники обрывается на фразе «никакоже отекивати дерзающим» (567, 26).

Это один из наиболее «последовательных» списков Хроники: на протяжении всего текста Пб-1 сходен с группой А. Проиллюстрируем это рядом примеров.

	Пб-1, Гр. А	Гр. Б
48,3	бреже	преже
375,13	лишися	слышися
551,13	по цари	пророки

Общие первичные чтения Пб-1 и группы А противопоставлены вторичным чтениям группы Б.

¹⁹ Филиграни перечислены в соответствии с описанием рукописи в кн.: Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Л., 1959. Т. 3, вып. 1. С. 12—13.

²⁰ См.: Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 59—62. Список предисловия в рукописи Д7 А. М. Панченко известен не был.

	Гр. Б	Пб-1, Гр. А
37.2	таврѣ	тавре
420.2	въ лица чюжа на улицах чужах	
547.4	Фракхискую	Афракхискую

Пб-1 совпадает с группой А во вторичных чтениях, в то время как группа Б показывает чтения первичные. В списке Пб-1 есть и индивидуальные чтения группы А: л. 580 об. — «есть» (546, 24); л. 581 — «вои» (547, 13); л. 585 — «убо» (551, 6).

3) Рукопись ГБЛ, собр. Егорова, № 908 (далее — Е-908), 617 л. (1+615+1), в лист, вторая четверть XVI в.²¹ Филиграни: «кувшин» двух видов (типа: Б р и к е, № 12663 — 1543 г.; там же, № 12634 — 1549 г.); на последнем, вклеенном, листе филигрань «двуглавый орел» (типа: Л и х а ч е в. Бумажные мельницы. № 445 — 1649 г.).

Полуустав нескольких почерков. Заставки и номера глав киноварные. Переплет деревянный, в тисненой коже. На л. 1 запись: «Сия книга нарицаемая креница Богоявленного монастыря, что в Костроме, казанная, 1744 году подписана. А подписал многогрешный иеромонахъ Аркадии Бредихинъ». На полях большое количество записей, отражающих содержание текста. Содержание рукописи: л. 1—496 об. — Хроника Амартола; л. 497—619 об. — Хроника Синкелла.

В Е-908 представлена группа А Второй редакции. Это удобнее показать, проиллюстрировав вначале принадлежность Е-908 ко Второй редакции в целом.

	Тр	Е-908
121,11	сия бо	сия же убо
205,2	ю	утробу ея
409,13	тайнъ	даровъ

Приведем общие первичные чтения группы А и Е-908.

	Гр. А, Е-908	Гр. Б
44,21	имяше	являше
441,11	сѣглашаетъ	се глашаетъ
553 3	—	же бысть царемъ

1) Рукопись ГПБ, Q.IV.35 (далее — Пб-2), 131 лист, без начала и конца, конволют, третья четверть XV в.²² Полуустав двух почерков. Филиграни: л. 1—122 — «бык» двух видов (типа: Б р и к е, № 2784 — 1453 г.; там же, № 2785 — 1460 г.); л. 123—129 — «якорь» (типа: У ч а с т к и н а, № 7 — 1723 г.),²³ на л. 130—131 филиграни не просматриваются. Переплет картонный, XIX в.

На л. 1—122 находится текст Хроники Амартола от слов «нань крамола» до «и мало его не» (349, 28—533, 26). Л. 123—129 без текста, причем за л. 128 следует л. 130. На л. 130 и 131 текст Кормчей. Утрачены примерно два листа между современными л. 29 и 30 с фрагментом текста Хроники от слов «по многымъ свобоженьемъ» до «проклятие собе изиска и зависть» (394, 1—397, 2).

Список Пб-2 принадлежит ко Второй редакции и содержит чтения, соответствующие чтениям группы Б. В тексте Пб-2 л. 55—60 (И с т р и н, с. 437—445) бросается в глаза внезапно проявившееся обилие первичных чтений, противостоящих вторичным чтениям Уваровского и Чудовского списков и совпадающих с первичными чтениями группы А и Супрасльского списка (напомним, что Супрасльский список, так же как Уваровский и Чудовский, принадлежит к группе Б).

²¹ См.: Творогов О. В. Находки... С. 26.

²² См.: Там же.

²³ Uchastkina Z. V. A History of Russian hand paper-mills and their watermarks. Hilversum. Holland, 1962.

	Пб-2, Сп, Гр. А	Ув, Ч
441,7	сѣгрешающему	разрешающему
441,20	оттрѣгшу	отвергшу
442,2	близь (Сп: близко)	блзнь
443,8	свещася	свещашася
444,13	исходить ис тела сего	—
445,25	скорби	скорбехъ

Списки Пб-2, Сп и группа А совпадают и в ряде вторичных чтений в противоположность первичным Ув и Ч.

	Ув, Ч	Пб-2, Сп, Гр. А
437,18	браце	мраце
441,22	намъ	вамъ
442,2	како	колико
444,22	да запретит ти	заклинается (в Сп и ряде списков Гр. А: заклинает тя)

Такая картина объясняется, с нашей точки зрения, тем, что в указанном фрагменте протограф Ув и Ч претерпел позднейшую, не отразившуюся в остальных списках группы Б, правку.

2) Список ЛОИИ, кол. 238, № 365, 862 л. (111+859), в четверку, последняя четверть XV в. Полуустав нескольких почерков. Филигрანი: «единорог» (типа: Б р и к е, № 10027 — 1478 г.); «звезда» (там же, № 6056 — 1481 г.); «агнец пасхальный» (типа: М о ш и н, № 39 — 1481 г.);²⁴ «бычья голова» (типа: Л и х а ч е в, Вод. зн., № 1178 — 1493 г.). Переплет деревянный, в тисненой коже, XIX в.²⁵

Между л. 548 и 549 современной нумерации утрачены один или более листов. На л. 70 об., 78 об., 86 об. и др. записи о неправильной последовательности фрагментов Хроники Амартола. На л. 860 об., 861 карандашные записи Н. П. Лихачева о количестве листов, пропусках, стоимости рукописи и т. д.

Содержание рукописи: л. 1—548 — текст Хроники Амартола; л. 549—856 — «Летописец от 72-х язык» так называемого Лихачевского вида.²⁶

В тексте Хроники спутаны листы. Правильный порядок таков: после л. 70 должны идти л. 87—94 от слов «мудрости же Аѳину» до «заповедь имут десятину» (77, 21—86, 12); далее л. 79—86 — от «имати на людех» до «примѣ Мойсеи кости» (86, 12—94, 16), затем л. 71—78 — от «Иисовы с собою» до «како лишеть» (94, 16—103, 13). Начиная с л. 95 листы следуют в правильной последовательности. После л. 294 должны идти л. 303—326 от слов «Временник о христиньских царехъ» до «сѣставъ спопо(лѣзнути)» (333, 26—355, 32); далее л. 295—302 от «(спопо)лѣзнути. Како не зарыдаются» до «де днешняго дне» (355, 32—363, 11). Начиная с л. 327 текст идет по порядку.

На л. 154 пропуск текста Хроники от «зане показа» до «сынъ Иезекиевъ» (165, 17—167, 19—20). Между л. 254 и 255 утрачена, видимо, тетрадь с фрагментом от «еже отинудь победу» до «пленения сбыхася» (281, 25—26—290, 14). После л. 548 от слов «съ къ самому» (572, 11) текст обрывается.

В начале «Летописца от 72-х язык» утрачены один или несколько листов. События открываются 898 г. и заканчиваются 1488.

²⁴ Albums des filigranes Agneau Paskal / Mošin V. et Grozdanovič-Pajič M. Belgrade, 1967.

²⁵ Об этой рукописи см.: Покровская В. Ф. Летописный свод 1488 года из собрания Н. П. Лихачева // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1974. М., 1975. С. 28—32.

²⁶ Подробнее о Летописце см.: Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 140.

Связь Хроники с сосуществующим в одной с ней рукописи произведением — следствие «разомкнутого» характера хроник вообще. Это свойство не только Хронографической редакции памятника, присутствующей в исторических компиляциях; отдельные списки Хроники порой тоже не безразличны к своему соседству.

Текстологический анализ списка ЛОИИ (Л) позволяет соотнести его со Второй редакцией, группой Б. Можно назвать ряд общих пропусков Л и группы Б в сравнении с группой А и Троицким списком: «днии», «земли, от неяже созданы бысть, погребстися и гробъ ему», «по вся дни» (соответственно: 34, 21; 53, 3—4; 159, 3; 328, 3). Приведем также ряд общих вторичных чтений Л и группы Б.

	Гр. А	Л, Гр. Б
81,10	имени	имети
330,18	Максимьяну	Максимьянь
485,5	сему	ему
529,10	Елада	Едада

Судьбу группы Б, таким образом, можно представить в следующем виде: от архетипа группы отделились протографы, с одной стороны, списка Супрасльского,²⁷ с другой — списков Уваровского, Чудовского, Пб-2 и Л. В дальнейшем протограф Уваровского и Чудовского списков еще раз подвергся правке. Нужно заметить, что следы правки ощутимы в текстах большинства известных ныне списков. Невразумительность перевода некоторых (как правило философских) фрагментов Хроники заставляла переписчиков иметь одновременно несколько рукописей. Остроумные, но зачастую неверные реконструкции распространялись при правках в списки других редакций, постепенно размывая первоначальный текст. Но такое обилие правленных текстов свидетельствует о множестве не дошедших до нас списков, подтверждая тем самым наши представления о широкой распространенности Хроники на Руси.

²⁷ Супрасльский список в группе Б стоит особняком. Еще В. М. Истрину он казался одним из наиболее загадочных. Отличаясь во множестве чтений от иных списков группы Б, текст Супрасльского списка имеет и большое количество пропусков.

В. Ф. ХРИПКОВ

«Хроника Иоанна Малалы» в составе Тихонравовского хронографа

Для истории русской хронографии важное значение имеет изучение славянского перевода «Хроники Иоанна Малалы», а также его использования при составлении русских хронографических сводов, для которых хроника стала основным источником сведений по «Еллинской» истории. Сам перевод не сохранился, однако отрывки из него содержатся в Еллинском летописце первой и второй редакций, в Полной и Краткой хронографических палаях, в «Прибавлении к палее», в Архивском, Виленском, Софийском и Тихонравовском хронографах. В. М. Истриным предпринята реконструкция состава славянского перевода хроники Малалы.¹

Славянские отрывки хроники Малалы по отношению к сохранившемуся греческому Оксфордскому списку, изданному в Боннской серии,² имеют пропуски, но есть и добавления. Софийский хронограф, содержащий фрагменты хроники Малалы, отсутствующие в Еллинском летописце, Архивском и сходном с ним Виленском хронографах, свидетельствует о существовании полного славянского перевода хроники. Несколько новых дополнений имеет Тихонравовский хронограф.³

Тихонравовский хронограф (ГБЛ, собр. Тихонравова, № 704) исследовал и кратко описал В. М. Истрин. Памятник представляет собой хронографическую компиляцию XVI в. (в большой лист, на 487 листах), по типу сходную с Еллинскими летописцами и хронографическими палеями. Начало хронографа не сохранилось. Начинается он выпиской из Толковой палеи по Коломенскому списку (14, 13), а заканчивается временем царствования Константина Великого. Конец хронографа тоже не сохранился, но, как предполагал В. М. Истрин, судя по последним листам повествование не шло дальше «Хроники Георгия Амартола» — одного из основных источников. По мнению В. М. Истрина, Тихонравовский хронограф создан в Северо-Восточной Руси в XIV—начале XV в.⁴

В. М. Истрин пришел к выводу о том, что в пределах хроники Малалы Тихонравовский хронограф независим от известных нам исторических компиляций. Если текст 2-й книги хроники оканчивается в Архивском хронографе соответственно Бонн, 53, 14, то в Тихонравовском следует продолжение по тому же изданию 53, 15—54, 2 и 55, 2—56, 4. Тогда как

¹ Истрин В. М. Хроника Иоанна Малалы. СПб., 1897. Кн. 1; Одесса, 1903. Кн. 2; Одесса, 1905. Кн. 4; Одесса, 1909. Кн. 5; СПб., 1911. Кн. 6 и 7; СПб., 1912. Кн. 8 и 9; Одесса, 1912. Кн. 10; СПб., 1913. Кн. 11—14; Пг., 1914. Кн. 15—18 и приложения. Далее ссылки на это издание приводятся в сокращенной форме: Истр, с указанием книги римской цифрой, страницы и строки издания — арабской.

² Ioannis Malalae Chronographia ex. rec. I. Dindorfii. Вонпае, 1831. Далее ссылки на это издание приводятся в сокращенной форме: Бонн, с указанием страницы и строки арабскими цифрами.

³ Истрин В. М. Особый вид Еллинского летописца из собрания Тихонравова // ИОРЯС. СПб., 1912. Т. 17, кн. 3. С. 7—8.

⁴ Там же. С. 9.

Еллинский летописец первой редакции сохранил лишь отрывки 3-й книги, соответствующие Бонн, 63, 4—6; 65, 13—67, 7, в Тихонравовском хронографе читается по Бонн, 57, 10—58, 18; 59, 5—21; 61, 3—14; 61, 19—62, 2 и 6; 62, 7—63, 3; 65, 15—66, 9. И 5-я книга, сохранившаяся в Архивском хронографе, в Тихонравовском хронографе имеет продолжение, соответствующее Бонн, 143, 4—15.⁵

На основе компиляций хроники Малалы Тихонравовского хронографа В. М. Истрин поставил вопрос об особой славянской редакции хроники и более того — о славянском переводе особой греческой редакции; однако исследователь признал, что текст Тихонравовского хронографа восходит к тому же славянскому оригиналу, к которому восходят Еллинские летописцы и Архивский хронограф, поскольку в обоих случаях отсутствуют отрывки одних и тех же глав 1-й книги.⁶

Текст хроники Малалы Тихонравовского хронографа В. М. Истрин охарактеризовал как переданный в сильном сокращении с часто встречающейся порчей текста, возникшей в результате того, что автор старался осмыслить непонятные ему места.⁷

С целью выяснения источника сведений хроники Малалы Тихонравовского хронографа и специфики проведенной в нем литературной работы сравним его текст с истриновской реконструкцией славянского перевода хроники по Еллинскому и Римскому летописцам (ГПБ, собр. Погодина, № 1437), Архивскому (ЦГАДА, собр. ГАМИД, № 279/625) и сходному с ним Виленскому (БАН Лит.ССР, № 109) хронографам.

В Оксфордском списке хроники Малалы недостает первой главы, поэтому греческие параллели проследим по списку рукописи Парижской Национальной библиотеки du. suppr. grec, № 682, изданному В. М. Истриным в первой книге хроники⁸ (при этом в сокращенном указании не отмечаем строку).

Рассмотрим наиболее показательные ошибки Тихонравовского хронографа, возникшие в результате порчи чтений источника, неправильного деления текста на слова и сокращения.

«. . . οὐτινα χαλοβσι 'Ορίωνα — «. . . его ж наричют кружилиа. Тот пръвее настави ловити звѣрь. . .» (Истр, I, 12) — «И ружилнят в ловы изъобрѣте. . .» (Тих, 63 об., 1); «. . . рече Омиръ творецъ о нѣмъ, аки Дажьбгъ, рече, обличи Афродиту блудящу съ Ариемъ. И Афродиту нарече похоть блудную. . . По умртвии ж Дажьбожи. . .» (Истр, II, 29, 15—18; 30, 1) — «. . . нача миръ реч, яко Дадождь обличи Афродиту, блудяю съ Арсием, сереч похоть блудную умртви. . .» (Тих, 64, об., 14—16); вероятно, под впечатлением истолкования символики образа Геракла: «. . . кошунѣ глють и палицею убившю змия, рекше одолѣвша частым злым похотѣм ума мдростию <. . .> палицею тръпеливои дщи язвномъ буюю мысль уму побѣдил земную скверную похот нудяся мдрѣствовати до смрти. . .» (Истр, I, 18); «. . . Фарао еже Нараз нарицаемъ <. . .> Въ преждереченных лѣтѣх Пика и Дыя на западных странах вѣста нѣкый мужь от колѣна Афетова въ земли Пресеченстѣи именовъ Инах. И тои пръвее прѣстова въ земли тои, и сътвори град ту въ имя лунное и нарече Иополь. Чтѣше бо ю» (Истр, II, 32, 12—17) — «. . . Фаравонъ, иже Нараз нариѣдается. Въ преж речных лѣтѣх вѣста и Нараз в земли Пресеченстѣи и прѣстова създа град и нареч въ имя Луну» (Тих, 67 об., 23—26); «Преждеречены же Пикось и Зеусъ въ писанных прежде лѣтѣхъ прижи по Еремѣ

⁵ Там же. С. 8. Текст Тихонравовского хронографа, соответствующий 3-й книге опубликован в приложении к книгам 15—18.

⁶ Там же. С. 9.

⁷ Там же.

⁸ Хроника Иоанна Малалы. Кн. 1.

и Ераклѣ сѣна Прѣсѣя < . . . > его же пишутъ крылата, занеже измлада бѣ отрочя быстро» (Истр, II, 38, 1—10) — «Преже речными Пикѣ пумрии Ираклий, Персѣй именем Пиктий крылатий, зане быстрѣ бѣ измлада. . .» (Тих, 65, 6—8); «Примучи же ины страны < . . . > Иде же на Асирию и Киликию и стергѣвѣше имъ противишася ему. . .» (Истр, II, 39, 17—23) — «Премучи же ны страны: и Асуряне, и Киликия не противишас» (Тих, 65, 21—22); «. . . μεγάλους ἔχουσα ὀφθαλμούς. . .» (Бонн, 91, 10) — «. . . чюден взор имущи. . .» (Истр, V, 1, 9—10) — «. . . чюден възвразт. . .» (Тих, 262, об., 24); «Сѣтвори же градѣ. . .» (Истр, V, 2, 6) — «И Северий град. . .» (Тих, 262 об., 30); «. . . τῶν Ἀτρεϊδῶν. . .» (Бонн, 97, 19) — «. . . сия Отреовища. . .» (Истр, V, 6, 8) — «. . . умолиста от требища царя» (Тих, 263, 25—26); «. . . на Понтейское море» (Истр, V, 17, 22—23) — «. . . на Утьское море. . .» (Тих, 265, 2); «. . . τὰς Αἰολίας. . .» (Бонн, 117, 17) — «. . . вѣ Еольскыя. . .» (Истр, V, 20, 7) — «. . . вѣ Елиньскыи. . .» (Тих, 265 об., 10).

Неправильные прочтения источника и ошибки внутреннего диктанта при его передаче есть и в отрывках хроники Малалы в составе Архивского и Виленского хронографов, при сохранении правильной передачи оригинала в Тихонравовском хронографе.

«. . . Зероастрѣ. . .» (Истр, I, 15) — «. . . Зороастрѣ. . .» (Тих, 63 об., 24); «. . . црствова въ Талиах. . .» (Истр, I, 16) — «. . . црствова въ Италиах. . .» (Тих, 64, 11).

«По умртвии ж Дажьбожи сѣна Сварагова црствова Егвптяном. И потом же црствова Сирѣ, и по Сирѣ црствова Орѣ, и по Орѣ црствова Фились, иже приа силою нѣкоею всю землю Окианю. И оттуде обратився, прииде на Африкиискую землю влѣхвоватъ вѣ славѣ и жртѣву сѣтворивѣ, питааше глѣ: „Повѣжъ ми, лживыи боже, Пирисфоне, рекше слнцѣ, иж по въздушному пути течеша снѣся, кто прѣд моимъ црствомъ възможе побѣдити вся страны, или кто по мнѣ?“ Оtvѣща ему сице: „Прѣвое бѣ гѣ, потом слово и дѣхъ с нимъ, оба вкупѣ единосущна, его же дрѣжава вѣчна. Скорыма ногама влециса, свѣне мртѣвече, не вѣси ся что прашаа“. И абие излѣзъ от влѣхвованія, приведе единого от своих и усѣкну и на Африкиистѣи земли. Си же прѣвое древняя царства Египетскаа Манфонъ списа. . .» (Истр, II, 30, 1—13); «. . . иже Дажьбѣжи сѣна Еварогова црствова Асурѣ. По Асурѣ Фулись, иже приа землю Окианѣ. И оттуду обратився прииде на Фрикийскую землю влѣхвовати вѣ славѣ. И жртѣву сѣтворивѣ, питааше глѣ: „Повѣжъ ми, нелживый бже Пурисвине, рекше слнцѣ, иж въздушному течетъ пути, снѣя, кто пред моимъ црствомъ възможе побѣдити вся страны, или кто по мнѣ?“ Оtvѣща ему: „Прѣвое бѣ гѣ, потом слово и дѣхъ с нимъ, вкупѣ же оба единосущна. Его же дрѣжава вечная. Скорыма ногама явлеиса свѣтъ немерѣвече, не весиса что въпрашаа“. И шед от влѣхвованія приведе единого от своих» (Тих, 64 об., 16—29).

В данном отрывке Тихонравовскому хронографу оказывается ближе Летописец Еллинский и Римский. Погодинское собр., № 1437: «По сихъ црствова Афулись вѣ Егвптѣ, иже приа всю землю Окианю силою некоею, и оттуду прииде вѣ Фрикийскую землю влѣхвовати вѣ слави. Жртѣву сѣтворивѣ питааше глѣ: „Повѣжъ ми, неложный бже Пересфене, рекше слнцѣ, иже по въздушному ти пути течеша снѣся, кто пред моимъ црствомъ възможе побѣдити вся страны, кто ли по мнѣ?“ Оtvѣща ему сице: „Прѣвое бѣ гѣ, потомъ слово и дѣхъ с нимъ, вкупе же оба единосуща, его же дрѣжа вѣчна скорыма ногама влечеса и влечиса прѣвее мртѣвца, не весиса, что въпрашаа“. Абие излѣзъ от влѣхвованія приведе единого от своих усѣкну и вѣ Африкии, си же прѣваа древняя црства Егвптаскаа Фаменофъ списа» (Истр, II, 30).

«...одръжаи» (Истр, II, 32, 1) — «обдръжа» (Тих, 67 об., 10); «Ὀρδίω» (Бонн, 47, 4) — «Удионъ» (Истр, II, 46, 9), хотя «Ордиона» (Истр, II, 47, 17) — «Ордион» (Тих, 66 об., 2—3); «...τὴν Φοινίκην ἑλθὼν ἡγάγετο τὴν Τυρῶ...» (Бонн, 30, 12) — «...въ Афиникую, поя жену Тиръ» (Истр, II, 34, 16—17) — «...въ Фуники поя Туру» (Тих, 67 об., 27); «τὸ Πάριον» (Бонн, 92, 11) — «Парнонъ» (Истр, V, 2, 7) — «Парионъ» (Тих, 263, 1); «Δαφναίω» (Бонн, 93, 13) — «Афинскому» (Истр, V, 3, 2—3) — «Дафиньскому» (Тих, 263, 8); «Аспардъ» (Истр, V, 3, 10) — «Спартъ» (Тих, 263, 10); «Καλυπῶ» (Истр, V, 20, 8) — «Калупсо» (Тих, 265, об., 11); «къ Димене» (Истр, V, 22, 25) — «къ Идумеу <...> Идуменей» (Тих, 266, 8—9); «Ἐυχλίαν» (Бонн, 49, 6) — «Ненельхелию» (Истр, II, 47, 19) — «Енхелиу» (Тих, 66 об., 17).

Любопытна параллель: «...яже бѣ навыкла слнчньѣи трѣбѣ, Дионискаго неистовства. И посемь нарицаху ю плусею» (Истр, II, 45, 10—11) — «...сей имѣ дочь жрицу град слнчня Антопий именовъ, иже навыкла Деонисова неистовства плясаниа...» (Тих, 66, 27—30) — «...ἠάχεϊθεν ἑλέετο βάχην» (Бонн, 45, 14—15).

При использовании славянского перевода хроники Малалы автором Архивского хронографа допущено несколько пропусков в тех случаях, когда в Тихонравовском хронографе несмотря на сильное сокращение источника текст ее передан полнее.⁹

«Како прѣд всеми поиде Агамемномъ, снѣ Агреевъ, Мукынескъ прѣ, съ стомъ корабль, и брашну воемъ корабль л̄, Минилеосъ и Еркиселеосъ и Профоиноръ и Клонисъ съ н̄ корабль (Ἐλεφήνωρ ἐξ Εὐβοίας σὺν νηυσὶν ἔ Μενελαος δὲ υἱὸς Πλεισθένοῦς. ὁ τῆς Σπάρτου βασιλεὺς, σὺν νηυσὶν ἔ', Διομήδης ἐξ Ἄργου νηυσὶν π̄, Ἀσάλαφος καὶ Ἰάλμενος σὺν νηυσὶν λ̄, — Бонн, 107, 15—17), Съхедиоси и Пиестрофосъ съ м̄ корабль, Ментисъ от Дикия Еладысъ в̄ кораблема, Антиноосъ и Фаапасъ съ s корабль, Фаосъ съ s корабль, Агиноръ и Тудисъ съ z̄ корабль, Профоиноръ и Магнитъръ съ м̄ корабль, Евмилосъ съ десятью корабль и Ниреусъ от Мукинъ съ к̄ю корабль, Калхасъ от Трикия съ л̄—ю корабль, Еуруполосъ от Астерия съ м̄ корабля, Леонтекъ и Полумутикъ съ м̄ю корабль, Амфигеникъ от Елия и Дориасъ съ м̄г—ю корабль, Менесоусъ от Афинъ съ н̄ корабль, Иломеусъ и Миимнионисъ от Крита съ п̄ корабль, Одусеусъ от Кефалия Ифакинския съ в̄ кораблема, Тлиполемосъ от Ливасъ съ о̄ корабль (Δίας ὁ Λοκρὸς σὺν νηυσὶν θ̄, Ἀχιλλεύς ἐκ τοῦ Ἄργου τῆς Ἑλλάδος σὺν Πατρόκλῳ σὺν νηυσὶ ν̄, — Бонн, 108, 5—6). Протесилаосъ и Подаркисъ съ м̄ корабль, ἸΠоламидъ съ sī корабль, Филоктитисъ от Мафоны съ z̄ корабль, Ниреусъ кв̄ корабля, Съефисъ, Филипосъ съ к̄ корабль, Ниреусъ кв̄ корабля, Съефисъ, Филипосъ съ к̄ корабль» (Истр, V, 13—28). — «...пойде преди Амемнонъ съ стомъ корабль вой̄ а л̄ корабль съ брашном, воем, Поилосъ и Литосъ, и Профониоръ, и Клонисъ съ пятьюдесять корабль, Диомидъ от Аргосъ съ осьмьюдесять корабль, Ехедиосъ и Епоструфосъ съ м̄—ю, Мантий Одикнен Еладысъ в̄и—ю, Литоносъ и Флапоносъ и Дорисъ съ м̄—ю, Несторосъ c̄—мъ, Аганоръ и Тудисъ съ z̄—ю, Профониоръ и Магниторосъ м̄—ю, Еуруполосъ от Астерия съ м̄—ю, Лентисъ и Подомитисъ съ м̄—ю, Амфигенис от Елия и Дориасъ съ м̄—ю и трети, Менесфеусъ от Афиносъ

⁹ Пропуски Архивского хронографа восстановлены в скобках по Боннскому изданию хроники; сведения источника, сохранившиеся в приводимом тексте и отсутствующие в сравнимом с ним отрывке, выделены курсивом.

н—ю, Иломенеменось и Мнонинись от Крита съ съ <так!> осмью, Одисей от Кефалиния Ифакнивеснась к—ю, Таилий и Поломокъ от Ливас о—ю, Ахинеус от Аргоса Еладьскаго и Патрокмосъ съ н—ю, Протисилаосъ съ н—ю, Подаркись съ м—ю, Паламидъ съ si—ю, Филиктитись Мофоны съ з—ю, Иреусъ от Переусъ съ кв, съ Фисъ, Филипосъ съ к—ю корабль» (Тих, 264,3—23).

«Островъ же бѣ великъ, иже бяху три брата силна раздели и пособье имуще по собѣ, рекше Кука Онтифатись, иже бѣяху сиве Сикона, прѣ того острова. . .» (Истр, V, 18, 4—6). — «И ту бяху брата три силна и раздели пособие имущи по собѣ Куклопъ и Антифатись и Полофимосъ сиве Сикима прѣ (Тих, 265, 7—10).

«Еже сказа премудры Фидалиосъ Корифиискыи исписа, рекыи, яко премудры Еуропидъ хитростию вся преложи, несъгласное все преложи премудрому съписавшю Одусеусово плавание» (Истр, V, 20, 2—5). — «(С)ице премудрый Фиталионъ списа Коренфийский, рекие, Уропид несъгласно все преложи Омиру, списавшю Едеусово плакание» (Тих, 265 об., 6—9).

«Егоже прѣя Калукъ, сестра Каркина, и много. . . бе езеро велико. . . нарицаемо Некуопомпосъ. . .» (Истр, V, 22, 13—15). — «И прѣя и Калипсо, сестра Дикрина. . . прѣиде на езеро великое близъ моря Некуопсъ. . .» (Тих, 265 об., 27—30).

«Послушавъ же Пръсѣусъ своего отца Пикаса и Диоса, по тѣхъ лѣтѣхъ по смрѣти отца своего въ мужеское тѣло пришедь, помысли на Асирииское црѣство, ревнуя сномъ Нина, строя своего, брата отца его. И присоньшус ему, иде въ страну Ливийску. И на пути срѣте и отроковица едина, двою, обуена въ страшны власы глядящи. И ставъ выпроси ея глѣ: „Како ти есть имя“. И она реч съ дрѣзновениемъ: „Мидуса“. Емъ ю за власы, иже ношаше отаи срѣпныи мечъ и усѣкну ей главу. И въземъ Пръсѣусъ требу сътвори главою мльча, якож научи и отецъ свои Пикосъ скверныи прельсти влѣшбы. Яж ношааше на помощь собѣ на вся врагы и супостаты. Оттудуже пришед, прѣиде въ Ефиопскыи страны, въ неиже црѣствоваше Кифеосъ, и обрѣте ту трѣбницу Посидонову. И въниде в ню и видѣ въ требници прѣбывающую отроковицу, въ службу въдану отцемъ своимъ Кифеомъ, нарицаемую Адромеду двци. Сию исторгъ ис требница и блудивъ с нею, бѣ бо красна, поя ю женѣ. И низъплувъ оттуда, отиде от страны тоя, грядыи въ Асирию. Прииде ж въ страну Лукаония. И увидѣвши Лукаони съпротивльшес и бишас с нимъ. Приммъ помощь от главы Горгонины, побѣди Ликаоны. И пришед въ весь нарицаемую Амандру, сътвори в неи градъ, и поставивъ своег тѣла пред враты дрѣжаща образъ Горгонинь. И жрѣтвъ сътворивъ, нарече яко града того имя Пръсида въ свое имя. Иже столпъ и доннѣ стоить ту. Градъ же нарече Иконинь, рекшю, прѣвую побѣду образъ Горгонинь ту прѣя. Примучи же ны страны, никому ж противляющю ему» (Истр, II, 38, 16—21; 39, 1—18). — «И възлегъ успѣ, и проснуся, и иде в Лувию. И на пути стрѣте его отроковица, двою, обуена въ страшны власы глядящи. И выпроси имени ея. Она ж съ дрѣзновениемъ реч: „Мидуса“. И имъ ю за власы отсекну главу ей. И требу сътвори главою мльча, яко ж научи его оцъ въ влѣшествовѣ. И наречъ главу Горко быстрыа ради помощи и съдеания на супостаты. Побѣди Лукианы пощию главы. И и въ веси сътвори тѣласи образъ Горконинь пред враты дрѣжащъ образ Горконинь. И наречъ и Коби Персида Иконий. Премучи же ны страны и Асурияне. . .» (Тих, 65, 10—21).

Дополнение Тихонравовского хронографа к повествованию Архивского хронографа находим в Еллинском и Римском летописце: «Пръсѣи же

по смрти оца своего помысли на Асуриское прство, ревнуа Пика стры своего. И приснися ему и иде на страну Ливьску. На пути срѣте и обуена въ страшны страсы глядящи. И ставъ въпроси, гля: „Како ти имя?“ Она же рече: „Мидуса“. И емь ю за власы и сершнымъ мечемъ отаи овсекнувъ, главу же нарече Горко, быстрая ради помощи и съдѣяния на супостаты, примучи же страны никому же противящуся» (Истр, II, 38, 39).

Автор Тихонравовского хронографа часто допускает синонимические замены слов, вызываемые, как можно предполагать, порокою чтений в источнике, непониманием редких, архаичных и иноязычных лексем, а также стилистическою задачей своеобразного улучшения информации, свободою изложения материала. Главная задача составителя Тихонравовского хронографа — кратко передать обширный материал. При этом в случаях испорченных или неправильно понятых чтений автор, как отметил В. М. Истрин, позволял себе домысливать. Иногда писатель вносит в эпизоды дополнительные штрихи, но они незначительны.

«πλιυθίνη», «плинтяный» (Истр, I, 10) — «глинян» (Тих, 59 об., 12); «. . . ливедши от тоя веси быкъ сверѣтъ. . .» (Истр, II, 46, 17) — «И шедши на село приведе быкъ неукъ» (Тих, 66 об., 6—7); «. . . отиде въ свои колимогъ. . .» (Истр, V, 17, 19—20) — «. . . и отиде в шатерь свои» (Тих, 264 об., 29—30); «И строину вътру повѣявшю. . .» (Истр, V, 19, 15) — «Вѣтру повѣявшю им погодну» (Тих, 265, 29—30); «. . . обрѣтъ Сифову сна Адамля и дѣтем его имена в доску камену вдѣлана. . .» (Истр, I, 10) — «. . . и дѣтемъ его имена извааннаа вс дьску камену волиана. . .» (Тих, 59 об., 6—7); «. . . погубить прства Фругийска» (Истр, V, 2, 2) — «. . . погубить и стреть прство Ругийско» (Тих, 262, об., 27—28).

«И обрѣтъ ю празду, егда не бѣяше у нея множества разбойникъ, копиемъ уби ю < . . . > И бывши усобици въ градѣ < . . . > и приведши Удипода, постави и прѣя, увѣдѣвши, якоже не имать жены. Поя и на увѣдѣние гражаномъ и бояромъ. И прствова Удипосъ въ Фивах лѣтъ вѣ. Не ведуци Екастии ни Удиподу, яко ж мти его бѣяше» (Истр, II, 49, 8—20). — «Сей ж Отыклоножець лестию уби ю < . . . > И быс голка и потора в людихъ < . . . > Црца же съ людьми постави Удопода прѣмъ в Миоса мѣсто оца, не видящи его, яко снъ его ес и си его мти, а Лаиосъ оцъ его бѣ. И прца сътвори его муж собѣ. И прствова Отыклоножець Удопод съ Аокастиею мтрериею своею лѣтъ вѣ» (Тих, 67, 3—11).

«По времени же въпроси Екастии Удипода, откуда есть и кто ему есть отцъ. Отвѣща же онъ: „Мелиуя, иже имѣвъ въскормивъ“. И приведши Мелиуя и увѣдѣвши, яко нѣсть ему снъ, но обрѣлъ и ес въ дермѣ. И въпросивши лѣтъ, и разумѣвши, яко снъ еи есть. И повѣда ему. И слышавъ Удипосъ, взя гвоздя и убивъ очи свои и умре. . .» (Истр, II, 49, 21—26). — «Въпрошен же быс прцею: „Кто ти ес оцъ“. Онъ же не вѣды и того нареч, иже бѣ въскрмилъ его Илувиосъ. Призван же быс къ прци, и повѣда ей в лѣси налѣзённый, и повѣда ему мти суши и прѣ убъённый оцъ ему бѣ, а се снъ има. Удопод же слышавъ и въбѣ събѣ гвоздь в чело и умре. . .» (Тих, 67, 13—19).

«Елень бо тѣломъ предобра и възрастомъ, добрососа, чиста акы снѣгъ. . .» (Истр, V, 1, 7—8). — «Елень бо тѣлом бѣ предобра и възрастом, добрососа, малосъса. . .» (Тих, 262 об., 16—17).

«Полудора же, сна Приамова, Данаио, || поставльше прѣд градомъ, възвѣстивше Приаму отпустивше Еллини и пояти Полудора, сна своего, и сътворити миръ. Аще ту убиемы и, и <Отсюда в Бонн. издании пропуск до II, 2> не въсхотѣша Приамовичи отпустити Еллини. Разгнѣвашеся Данаио абие отрокъ усѣкнуша, всѣмъ съ града зрящимъ» (Истр, V, 9, 25; 10, 1—4). — «И придоша къ Илию граду, иде же Приамъ съ снѣми и

Елень жена Менелаева, и поставльше сна Приамова пленнаго под градом. Рекоша же Приаум: „Отпусти Елень, а сна его <так!> поими у нас, и створи миръ с нами, или то тилобо, зрящим вам, а мы убиемъ сна твой“. И не велѣша Приамовичи оцю пустити Елень рекуще Дананоя усѣкнууть. И тако быс, всѣ съ град зрящимъ, усѣкнуша Дананоя» (Тих, 263 об., 6—15).

«. . . и спаде жребии Париду стрѣлити прежед. Стрѣлив же его, грѣши Парисъ. Укрѣплъжеся Филоктить и стрѣливъ, и прострѣли ему руку лѣвую. Паки же второе стрѣливъ, десное око ему ослѣпи. Възвипвию же ему и побѣгши, и еще паки стрѣливъ, оба глѣзны ему състрѣливъ, и паде Парисъ» (Истр, V, 15, 17—22). — «И Парид же преж погреша, а Филоктить прострели ему руцѣ и нозѣ» (Тих, 264 об., 12—14).

«Паки ж, егда хотяше, отпушаше ю всѣмъ, хотящимъ ей. Сеи же законъ от Антически страны прииде, еже не нудити ихъ у единого мужа быти, но к нему же, аще въсхотятъ, не оставляти ихъ. Никто ж убо вѣдѣше чии есть снѣ или дщи, но яко ж будяше мѣри годѣ, тако ж речаше: „Сего есть снѣ или дщи“, и дадыше роженое отрочя ему же хотяше мужу от бывшихъ с нею, или мужескъ полъ будяше родила или женескъ. И радовашеся приемля и отрочя» (Истр, IV, 3, 10—17). — «От Атикъ бяше пришло не нудити некоторы, иж ихъ у единого мужа быти, но к кому же хочеть на два, или на три, или д, или на едний. Аще будяше дѣтя, то, кого будяше годно нареци мѣри, по своему хотѣнию рещи, то ему оцъ, кто от нихъ с нею бяше пребывалъ, а что родяшело <так!> бо снѣ, любо дщи от тѣхъ любодѣй, и кого изводяци, того наречѣть ему оца» (Тих, 69 об., 3—11).

«Ему ж Арѣя поставиша кумиръ прѣвыи || Арурии и акы бу кланяхуся ему. Его ж и до ннѣ зовут прѣси Валъ бѣ, еж прѣтлѣкуется Арии храбрыи бѣ. О семъ бесѣдуютъ прѣрчскиа книги Даниилъ и три отрочи. И по умртвии Арѣвѣ прѣствова Ламисъ. По Ламисѣ прѣствова асурием Сарданаполъ великий, его ж уби Прѣсъ. И прѣствова имъ и прозва я прѣсы по своему имени» (Истр, I, 15—16). — «И тѣму первый кумиръ поставиша асуряне. И бга его нарицаеть персите Валъ бѣ, еж ес Ари храбрый бѣ, иж въ прѣрчествѣ Даниловѣ: „Въ иль послушай нас, о Вале“. И миръ стии члвцѣ поють ему хвалу».¹⁰ По Арѣи же Вале прѣствова Дамисъ лѣт к. По Дамѣси Садранапалъ, его ж Прѣси убивъ самъ, прѣствова лѣт нг, и призва по своему языку Прѣсна» (Тих, 64, 2—9).

Интересен пример дополнения, отмеченный еще В. М. Истриным: «И створиша ему храм снѣвѣ его и положиша и въ Критстѣм островѣ || въ гробѣ, его ж гробъ есть въ Критѣ и доселѣ, на немъ же пишеть. „Сде лежит умръ Зеусъ и Дидий. Е му ж миръ стии члвци поють хвалу: «Диди и Лелѣ»“. Его ж положиша въ Критѣ островѣ» (Тих, 64, 13—15). Согласно Стрыйковскому Дидис Ладо — славянское божество. Обращение к нему содержат припевы весенних малорусских и галицко-русских песен: «Ой Дид Ладо! — Ой Дид Ладо! Та владу Ладом! — Дид Диди Ладо! . . .».¹¹

Далее публикуем текст, извлеченный из Хроники Иоанна Малалы. Текст публикуется в той последовательности, в которой он читается в составе Тихонравовского хронографа, но для удобства разбит на фрагменты, соответствующие книгам и главам Хроники Малалы. Деление книг на нумерованные главы введено в издании В. М. Истрина (в греческом тексте

¹⁰ Слово «Виль» объяснению не поддается.

¹¹ Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост. В. Л. Виноградова. Л., 1969. Вып. 3. С. 48.

им соответствуют нумерованные абзацы), однако для удобства ориентации в тексте мы приводим номера глав по изданию В. М. Истрина.

Учитывая важность памятника, текст воспроизводится с максимальным приближением к оригиналу: с сохранением слов под титлами, указанием выносных букв, но с заменой е на «е», і — «и», ѿ — «о», ѳ — «оу», ж — «у», а, іа — «я»; написание v и ѣ сохраняется. Ошибочные чтения Тихонравовского хронографа не исправляются, но в тех случаях, когда такие описки затрудняют понимание текста, в подстрочных примечаниях приводятся параллельные чтения из Архивского и Виленского хронографов по изданию В. М. Истрина (далее — Арх. и Вил.).

Книга первая.

Гл. XII. «. . . и Арфаксад Каинана мужа мдра, иже по потошъ списа астрономию. Сий обрѣтъ Сифова сна Адамля и дѣтемъ его имена, извааннаа вс <так!> дѣску камену волиана. Тако ж Сифъ списавъ въ втором листѣ с начала книг своих. Сифови ж внуци, разумѣвше будущую пагубу, яж от дѣда их, вписаша въ два столпа: въ единъ камень, а въ другой глинян. Аще от огня пагуба будетъ, да глѣняны пребудеть, аще ли от воды, то камены останеть столпъ. В Сирѣстѣй горѣ камень си до селе ес, яко ж Сифъ сказаетъ» (59 об.).

Гл. XIII, XIV. «Раздѣлишас на три колена по земли, и быша странѣ ѿ и двѣ и языкъ ѿ и два. Тако Евсивѣи Памфиловъ хытры хонографъ списа. В та лѣта от племени Арфоскадова мдрый индиянинъ именовем Гандуварь. Тъ первое списа астрономию въ индѣхъ.

Мусъ^{1, а} муринъ роди Неврода гиганти, иж сѣтвори Вавилонъ, его ж прѣси бга творять въ звѣздахъ нбсныхъ суца. ||^бИружилнят в ловы изъ-обрѣте.^в

И родися от первого сна Ноева от Дамьяна наречинный Кронъ от ѿца си и въ имя переходныя звѣзды. Црствовать тѣ нача и повину всю землю Прѣсѣды от Асуриа наченъ» (63—63 об.).

Гл. XV. «Жена ж его роди Пика, иж ес и Зеусъ по имени звѣздному, а другой Нинъ роди же дщерь Иру, и поа ю братъ свой Пикъ жену. Кронъ же остави вся бывшаа и жену свою Арѣю, иж ес Семирама, и иде на запад и въцрися ту, не баше бо ту цря, поа Филуру и роди от нея Афрона и преда ему Лувъскую землю. И поа жену именовем Стра ном и роди от неа дщерь Афродиту, яже бѣ мдра, и посяже за мдраго Аданида» (63 об.).

Гл. XVII. «Имѣ ж Кронъ другий снѣ от Фулиры Хирона Философа. Црствова ж Пикъ въ Асурии лѣт ѿ и, оставивъ мтръ и сестру, и жену, и сна Велона въ Асурии, иде къ ѿцю Ас <так!> црствоваши <так!> къ западу инѣхъ лѣт ѿ и два. Велонъ же црствова Асурии два лѣта. И црствова по Велонѣ Кронов же снѣ Нинъ. Сей мтръ свою поимъ Семираму жену. Отгуду прѣси переаша мтръ и сестры поимати, Пикъ бо поа сестру Иру, а Нинъ мтръ» (63 об.).

Гл. XVIII. «И сѣтвори Нинъ град Гивгию, иже речтсѣ мти и жена. От того бо родися Зороастръ Астроном перьскы. Тѣ реч умирая прѣсом да хранять огонь, иже съжжетъ и, сшеды съ нбсѣ, и останокъ телеси его, и споливши, и не приметѣс от вас црствоваше, и хранити и доселѣ» (63 об.).

Гл. XIX. «До Нинѣ Асуром црѣ быс Фарсакъ лѣт ѿ и, иж Ариа наречнѣ быс ѿцемъ въ имя переходныя звѣзды. Пришед на полунощие и, убивъ Касина, приа землю его. И тѣму первый кумиръ поставиша асуряне. И бга его нарицаеть персите Валъ бгѣ, еж ес Ари храбрый бгѣ, иж въ прѣр-

^{1, а} Описка вместо Хусъ. ^{б-в} Вил. его ж наричют кружилиа. Тот прѣвее настави ловити звѣрь, даяше всемъ звѣрину ести.

чъствѣ Даниловѣ: „Въиль послушай нас, о Вале“. И мирьстии члѣвѣ поють ему хвалу. По Арѣи же Вале црствова Дамисъ лѣт к̄. По Дамѣси Садранапаль, его ж Прьси убивъ самъ црствова лѣт нг̄, и призва по своему языку Прьсиа. Сиа написа Мемброний Вавилонянинъ» (63 об., 64).

Гл. XX. «Братъ ж Ниновъ, еже ес Дидий, црствуа въ Италиях, и еще бо не бѣ ни града, ни двора. И сеи живе лѣт р̄ и к̄. И умре Пикъ, ему же рѣша Зеусъ и Дидий, ему же мирьстии члѣвци поют хвалу: „Диди и Лелѣ“ Его ж положиша въ Критѣ островѣ» (64).

Гл. XXI, XXII, XXIII. «Црствова Фаунъ въ Италиях, еж ес Ермисъ, лѣт л̄ и е̄. Сей бѣ мдръ велми и пръвѣе изьобрѣте руду златую кузнь,^Г и прозваша его бг̄ъ Ерминъи, яко златнаго бга имущей. Разумѣвъ ж, яко хлѣять еѣ убити братиа, бѣ бо их боле о̄, многы бо сны имѣ Зеусъ от умных^Д женъ, и взем злато много отиде въ Египетъ. Ти прозваша его бгомъ, зане повѣдаша им хотящая быти. И по умртвии и <так!> Местрема цря Егвпетскаѣ поставиша его цря, и црствова лѣт л̄ и ф̄.

Посем црствова Ифестъ дний њс̄ и х̄ и п̄. В тыи бо дни не умѣхуть счести лѣт ни мсць Егвптяне, яко в том пишеть лѣт д̄ и з̄ мсць и е̄ дний.

Сего же Ифеста бгомъ творять Егвптяни, бѣше бо влѣхвъ и храбръ, и млтву || творящу ему, клещи падоша съ нбси ковати желѣзом оружие, а преже того каменем, палицами бѣахуся. Сеи ж Ифестъ закон устави женамъ за единъ муж посягати и ходити говѣючи, а прелюбодѣюща казнити. И блѣаху его Егвптяне, яко ть пръвѣе законъ показавши» (64—64 об.).

Книга вторая.

Гл. I.

«По умртви иж Фистовѣ, его ж Евароста нарѣцають, црствова сн̄ его Слнце, еж ес Даждѣбг̄ъ, дни њз̄ и ӯ и о̄ и з̄ дни, еж есть лѣтъ к̄ и полъ лѣта. Сеи, иж слышавъ жену блудящу съ чюжим мужем, и поимъ с собою нѣколико муж и мучивъ повелѣ водѣти по всей земли. И того любодѣицю усекну, и быс чсто житие. И блжити его ънача миръ реч̄, ж яко Дадождь^З обличи Афродиту, блудяю съ Арсием,^И сеи реч̄ похоть блудную умртви» (64 об.).

Гл. II. Иже Даждѣбжии сн̄ Еварогова црствова Асуръ. По Асурѣ Фулисъ, иж приа землю Окианъ. И оттуду обратився, прииде на Фриккйскую^К землю влѣхвовати въ славѣ и жртьву сътворивъ, пытааше гл̄я: „Повѣжъ ми нелъживый бже, Пурисвине,^Л рекъше Слнце, иж въздушному течет пути сияя, кто пред моимъ црством възможеть побѣдити вся страны или кто по мнѣ?“. Отвѣща ему: „Пръвѣе бг̄ъ, потом слово и дх̄ с ним, вкушѣ же оба единосушна. Его ж дрѣжава вечная. Скорыма ногама явлеися свѣтъ немерьтвече. Весися, что въпрашая?“. И шед от вольхвованна приведе единого от своихъ» (64 об.).

Гл. VIII. «Неи ж сн̄ Ангипоровъ^М муж мдръ списа фенечейски численую || философию. Гл̄а же и бесплотная начала и в телеса прилагающися, но ину ж исписа, яко ж премдрый Миось^Н списа. В та ж лѣта бѣ Фалекъ сн̄ Еверов муж мдръ и блгочтивъ живъ лѣтъ лѣт <дважды>

^Г Вил. и изьобрѣтѣ пръвѣе руду златую ковати злато. ^Д Вил. Многах бо женах примѣсився, прижил ихъ Зеусъ. ^{Е-ж} Арх. яко ж рече Омиръ творецъ о нѣмъ. ^З Арх. Даждѣбг̄ъ. ^И Арх. Ариемъ. ^К Арх. Африкиискую. ^Л Арх. Пирифоне. ^М Арх. Ангеноровъ. ^Н Арх. Климиосъ.

т̄ и л̄ и ф̄. О немъ ж Мвисий списа, яко ж ес от Адама до Фалека лѣт̄ 7Г по прорчѣству» (65).

Гл. IX, X. «Преж рѣчный Пикъ п умри⁰ и Ираклий, Персѣй именемъ Пиктий крилатий,^Р зане быстръ бѣ изъмлада. Научи его оцѣ злуведе и прокуды Скуфосовы, научи и всѣмъ злымъ глас,^С яко не видяше злодѣйства таковаго. И възлегъ успѣ и проснуся и иде в Лувию, и на пути стрѣте его отроковица двою, обуена въ страшены власы глядящи. И възпроси имени ея, она ж съ дръзновениемъ реч̄: „Мидуса“. И имъ ю за власы отсекну главу ей и требу сътвори главою млѣча, яко ж научи его оцѣ въ вълѣшество. И нареч̄ главу Горко, быстрна ради помощи и съдеания на супостаты. Побѣди лукианы пощю <так!> главы. И и <так!> въ вси <так!> сътвори тѣлasi образъ Горконинь, пред враты дръжащъ образъ Горконинь, и нареч̄ Икоби Персида Иконий.^Т Премучи же ны <так!> страны и асурияне, и Киликия не противишасъ одолѣвъ. С коня ссѣдъ, Уплезнь ноги земли прикосъ.^Ф И градъ сътвори нареч̄ и Таурось именемъ Парфенопий. Асурияномъ одолѣвъ, а Сарданапала цр̄я ихъ убивъ и прствова самъ в нихъ лѣт̄ н и г̄, и прозва я перьсы. И оwoць прокви насадивъ и прозва я прьсика. И уставивъ слоту и воду. Огнь гругъ придетъ въ тресновений <так!>, и оттого огня вземъ нареч̄ и огня безсмртна. И требникъ устройвъ повелѣвъ служити говѣинымъ и рекомымъ маги» (65—65 об.).

Гл. XI. «Пришедше Кифесъ цр̄я Ефиопиа оцѣ Адромидинь, иж от старости невидяше и идяше на нь. Персену <так!> бо не вѣды его, яко не видить и мняшетъ, яко не имѣть уже главы и дѣйственной помощи, но изнеможе и к себѣ обративъ, хотяше позрити и ослѣпе и убиенъ быс. Цр̄ствова сн̄ его Мерровъ, иж и жедже^X полъглавы той. И пребыс потомъ племя Перьсеово цр̄ства и въ Вавилонѣ» (65 об.).

Гл. XII. «Въ преж рѣчныхъ лѣтѣхъ придетъ на Вьутьскую^Ц землю Кадмосъ и научи фуническимъ книгамъ. И сътвориша его цр̄я, и цр̄ствова лѣт̄ 3̄ и два. И създа градъ и нареч̄ и Кадмину. Сий Кадмосъ поя жену от Эксориа дщерь и Тересееву вѣантыйскаго философа бывшаго звѣробубѣицю. Сеи внесе учение въ елины самъ о себѣ все сътворивъшес и бес промысла весь миръ, и како ч̄вещь кровная делится в кости и жилы, еже от мужа к женамъ исходить, а в томъ плоть и то ес кродъ а рожицъ^Ш, и тако реч̄ родить, ^Щиж рци^Ъ отгнанъ быс от требникъ Аполоновъ Гафнеова^М рекше же женьскый имѣй смыслъ. Жену видѣвъ мыющюся жена бы, и премдрость бж̄ию хотя разумѣти и не може. Си же премдрый Кефалионъ списа, и премдрый Фоклиось^Б рѣчь сътвори хитростию реч̄, женьскый имѣя смыслъ, и Съклифлисть⁹ списа: „Единъ бг̄ъ, иж сътвори нбо и землю долгу и вѣтрены дх̄и. Чл̄ци же мнози лѣстящес утверди дх̄омъ принести рѣша брашна дшамъ бж̄ьскимъ кумиромъ каменомъ, древу позлащенну, слоновомъ образованномъ || Жр̄твы симъ и тца праздники творящимъ, бга чтущес мнимъ ся, единовластие славимъ“. Сий Съфоклисть» (65 об.—66).

Гл. XIII, XIV. «Радмосъ^Ю отда дщерь Агауну за Ехиона, и роди сна Пенфеуса мѣраго. А другаа Семле,^Я сию уснуви Полумидомъ от пле-

⁰ По умертвии. ^{П-Р} Арх. его ж пицуть крылата. ^С Ошибочно надписана выносная буква с. ^Т Арх. Иконийонъ. ^{У-Ф} Арх. свояя ноги глѣзномъ земли прикоснувъ. ^Х Арх. жегоша. ^Ц Арх. Укъсту, какъ определил В. М. Истрил, является порчею из греческаго Βολυτιαν (χώραν). ^{Ч-Ш} Арх. вещь кровная дѣлится на кости и плоти и жилы и сухыя жилы и кровь, и живороденъ будетъ младенецъ и родить. ^{Щ-Ъ} Арх. и жр̄ци. ^М Арх. Дафнеева. ^Б Арх. Софоклисъ. ⁹ Арх. Софоклисъ. ^Ю Арх. Кадмосъ. ^Я Арх. Семель.

мени Диогисова и прежи с нею. И еще въ чревѣ имѣущи ей, и быша молниа и громи, и ужасъшис седмь дщи Кадмосова, *роди* отроча седми мсѣи, аки чста, умре. Посла Кадмосъ отроча въ Мвйсию страну, и тамо въскоръмлено быс. Сего дѣля списа, яко Сеусъ прочий год мтерня утробы въ своем лонѣ съхрани, зане не бѣ ему живу быти. Сего ж дѣдъ Кадмосъ Дионисиа нареч, зане бѣ от племени Дионисова. Сий обрѣте от лозиа пищу члвком вино и быс на рати мдръ и мечты дѣаше воюя на персы и иде на ины страны. Кадмосъ ж състарився поручи црствиа Вуутска сну Ехониеву, внуку сий <так!> Пеньфеусу, и бѣ хвалим всѣми. Слышавъ ж Дионисийсь прииде в Кадмиусъ чстию съ оружиемъ, съ мечты и пианьствы. Деньфеусъ ж имъ его и связа, и паки умоленъ бывъ, и пусти его. Дионисъ ж гнѣвъ имяше — вязанъ бывъ и блудником зовом. От него уби Ненфеуса лестию. Людие же того дѣля не приаша Дионисья. И бѣжа и Курга и в Делфи^{II}, а и умре. Провъ^б ж Кадим Курга въприся самъ свѣтом всѣх людей.

По умртвии же Кадима цря быс Никтусъ.^в Сей имѣ дщеръ жрицу град слнчнн Антопий^г именовъ, иже навыкла Деонисова неистовства плясаниа.^д Съблюди с Софом^е о <так!> съ боярином и непра||здна бывши. Роди два близнятѣ въ Аргисьстѣй земли жвси Дересвиа.^з И взя и по рождении Ордион^и ратай и въскрми их. Увѣдавши жена стрья оя Луки Дирькиа, яко чада еста жрица, мняше, яко смешается с нею Лука добрѣ ей сущи, и шедши на село приведе быкъ неукъ и привязати повеле Антиопию. И услыша народ и кЗифось и Амфионъ сна ея и Нородиемъ въскормившиа молиша Диодрию,^л да пустить Антиопию. Не послуша Дирки. Или ж <так!> въстаз не вѣнии избиша, а Диркою привязавше къ быку, Антиопию отрѣшивше, пустиша. Зифось ж и Антионъ, поимъше мтръ, бѣжаше въ свою землю въ Вуоты, ^{ми} по смрти внуковѣ поставиша его цря.^н И быс та цря, имеяша ж гусленую хитрость ^оМемфионъ люрный хитрецъ създа град в веси Енхелиу^п и нарекоста и Фивъ именовъ оца своего и нарекоша страну ту Фивы. Мукось^р ж стрый има въ воихъ умре. Се списа Кефилионъ мдрый. Еурипид реч, яко ^сЗеусъ преобразився Аттуром бы съ Антиєю, еж ес вуотьском языком въ ино тѣло хуж^т (66—66 об.).

Гл. XV. «По црствии же Амфиони и Зифовѣ црствова племя в Фивал до црства Удопадова сна Иоакастина, его ж Ласгиосъ Фивский црь *роди* именов Иоакана, речннаго Удопада. Речно быс о немъ: „Сий оцъ смртъ исходаить, а мтръ поиметь женѣ. И послаша и в лѣсъ и Узабыша нозѣ его въ кладѣ.^ф И Лувиосъ^х обрѣты и высади, и бяста нозѣ его отекли. Бяше ж жена нѣкаа въ тверди разбои творящи, Свига именов, и не могоша ей преодолѣти ей <так!> многожды въеводы и црь оцъ его. Сей ж Отяклоножець лестию уби ю. Фиване ж рекоша: „Да будетъ нам црь“. И быс толка и потора^ц в людихъ, и убьенъ быс црь, от людий устрѣленъ. Црца

II, ^а Арх. се Дионисъ побѣже Курга (согласно В. М. Истрину — Ликурга) и Делфи пришедъ ту умре. ^б Слово Провъ объяснению не поддается. ^в Арх. Нуктисось. ^г Арх. Антонинопия. ^д Арх. яже бѣ навыкла слнчннѣи трѣбѣ, Дионисаго неистовства. И посемъ нарицаху ю плусею. ^е Арх. боярина именовъ Феуя. ^{ж-з} Арх. веси, нарицаемѣи Дересѣя. ^и Арх. Оудионъ. ^{к-л} Арх. Зифось и Антионъ, сна Антинопия, с ними и съ воск-ми (воскормившимъ) я Онородиемъ ратаемъ. И моляху Дръкию. ^{м-н} Арх. Иже по смрти Никтеовѣ вѣси вотѣне въскотѣша црствовати в них Амфиоса и Зиноса. ^{о-п} Арх. И абие Антионъ лунный хитрецъ създа град великъ зѣло. . . Ненельхелию. ^р Арх. Пикось (по В. М. Истрину — Ликосъ). ^{с-т} Арх. Зевсъ, прѣложися Стыуромъ, бысть со Антиопиею . . . еж естъ Устьскомъ языком въ ино тѣло прѣобразився хужше. ^{у-ф} Арх. вложити нозѣ его въ кладу. ^х Арх. Мелиусъ. ^ц В слове потора вместо «к» ошибочно написана буква «п», следует читать «котора».

же съ людьми постави Удопада прѣмь в Миоса^ч мѣсто оца, не видящи его, яко снъ его ес, и си его мти, а Лаиосъ оцъ его бѣ, и црца сътвори его муж собѣ. И црствова Отыклоножець Удопод съ Аокастиею мтрериею своею лѣтѣмъ. И роди два сна^ш Отекля и Полиивая и Полуника, дщери двѣ: Еспинию и Антигонию.^щ Въпрошен же быс црцею: „Кто ти ес оцъ?“. Онъ же не вѣды и того нареч, иже бѣ въскрѣмилъ его Илувиосъ.^б Призван же быс къ црци и повѣда ей в лѣси налѣзеныи и повѣда ему мти сущи и цръ убьеныи оцъ ему бѣ, а сеи снъ има. Удопод же слышавъ и въбѣ събѣ гвоздъ в чело и умре. И остави црство снѡма своима, и раското-равшеся о прствѣ и убистас, и разсыпавшес прство Фипско <так!> бывши лѣт р и з̄ и ф̄. Сие преж прмдрый Палефа^ш списа, и Уропид хитростию сложи рѣчь. Африкан мдрый списа (66 об.—67).

Гл. III. «По лѣтех же тѣхъ минувшимъ црствова пръвое от колѣна Хамова Състръ, ижъ въеавъ повину под ся Асурию, Халдѣа, пръсы и до Вавилона и Асию, и Еуропию, Скуфю, Мвйсию, ижъ избра ъе уношь от Скуфъ и посади ихъ в Персидѣ и нарекошас парфи пръский скуфи живутъ по своему закону и суть храбри» (67).

Гл. IV. «В лѣта ж селго ж Состра бѣ Ермин, ижъ тревеликы наречны от Евптян, сказавъ различныхъ своихъ словесѣхъ къ Асклипию о бжствѣ: „Аще не бы състроение было всѣхъ гса <так!>, яко мнѣ открыто слово се, ни вамъ бо тако любви была, да о немъ въпрошаете. Недостойно бо оскврненнымъ тайны повѣдати, но ушима слышати точию. Вѣ свѣт разумный преж свѣта разумнаго, и бѣ прсно умъ свѣтел, а иногѡ ничто же не бѣ. Сие единство прсно в себѣ сый все имы умъ и свѣтомъ вся обдрѣжа. Развѣе сего ни бгъ, ни аггль, ни бѣсъ, ни ина вещь нѣкаа. Всѣхъ бо оцъ и гсѣ <так!> и бгъ, и вся о немъ и от него суть. Слово бо его прошедъ всѣхъ свершителъ быс и родитель, и зиждителъ в роженнѣй вещи пад, на роженнѣй водѣ въброжу въду⁹ сътвори“. Сие рекъ помолися гля: „Заклинаю тя, нбо, бга великаго мдрое дѣло, млстивъ буди, заклинаю тя очѣскы глас, иже прогла пръвое, егда вес миръ утверди волею. Глссъ <так!> очъ, иже прогла единочадому своему“. Си на Упия^ю Кирилъ написа, яко Тревелики Ермень, не вѣды будущаго, трѡцу единосущну исповѣда. |С|ъстръ^я преи^ш,^а Егупеть умре, и црствова Фаравонъ, иже Нарахъ нарѣцается» (67 об.).

Гл. V. «Въ преж речныхъ лѣтехъ вѣста и Нарах^б в земли Пресеченьстѣй и црствуа създа градъ и наречъ въ имя Луну» (67 об.).

Гл. VI. «Аггеноръ въ Фуники поя Туру^г и сътвори градъ и наречъ Туръ. И роди от неа Каддама, Фуника, Сура, Киликиа, дщерь Еуропъ. И црствова странамъ лѣтъ з̄ и г̄. И пришедъ же на Туръ градъ Та||уръ Критъскый црсь и преа его и поя Еуропию жену себѣ и веде ю плѣнники въ свою землю, наречъ страны ты Еуропа. Умирая же Аггеноръ раздели всю землю, юже привоева на три сны. Друникови Турскую область^е и землю Фуничскую, Сурови же доставшую часть, наречънную Сурию, Квликъ свою часть наречъ Квликю» (67 об., 68).

Гл. VII. «|В|ѣ^ж тѣхъ лѣтехъ Фуковѣхъ³ Иракль Философъ налѣзе пса, ядша червлень, и отре руномъ, мняше кровь. И то руно принесе къ црви,

^ч Арх. умре Лаиосъ. ^{ш-щ} Арх. Отекля и Полуника. . . Измѣнию и Антигонию. ^б Арх. Мелиуа. ^ш Арх. Палефатосъ. ^{б-9} Арх. брѣжю воду. ^ю Арх. Улиана. ^я В рукописи в слове Състръ начальная «С» отсутствует. ^ш, ^а Арх. примъ. ^б Арх. Инах. ^{в-г} Арх. Ангеноръ, шедъ въ Афиникю, поя жену Тиръ. ^{д-е} Арх. И взя Финикъ Твра. ^ж В предлоге «въ» буква «в» не написана. ³ Арх. Финикова.

и повелѣ прѣ устроити токмо събѣ таку червлену перфиру от коихъ силно, сколки и, ходити в ней токмо прѣви и ж по нем, а иному никому же. О лѣтѣхъ же мнозѣхъ Румѣ примшю Фуническую страну тѣ образъ ношаху прѣви. Нумасъ ж и Пампийль възлюби носити прѣмъ хламиды багряны, имущи нашвы златы, бояром же — окроници съ знамением прѣским ризы нашвы богряны, ^ито сам,^к и не достояше въ ином внити к прѣви» (68).

Далее приводятся отрывки из второй книги славянского перевода Хроники Иоанна Малалы, вошедшие в Тихонравовский хронограф, но отсутствующие в Архивском хронографе и Еллинском летоисчислении. Данные отрывки находятся вне истриновской разбивки текста Хроники Малалы на главы.

Книга вторая.

«Выше въ преписанныхъ лѣтѣхъ от племени Афетова родися Серух, иже нача первое елиньскаго закона славу, рекше кумирслужение, яко ж Евсѣвий Панѣфиловъ списавшихъ преж храбрыхъ введов или иныхъ доблести сътворшеихъ мрдроссть^л <так!> и тѣхъ почтоша, аки быс нбсныя, члѣвом имъ бывшимъ, безсмртныи нарекоша. И егда хто их умрлѣ, во вся лѣта праздникъ жртву ихъ творяше въ блгыхъ островехъ дша ихъ суци. И пребыша до лѣто Фары || оца Аврамовы <так!>.

Фара бо творяше древомъ и камениемъ бгы и предаеть на прелестъ египтяном, вавлонианом, фригисям, елинесом, от нелѣже паче въ елины прииде си вѣра от нѣкоева именем елина ж, сна бывша Зеусьва, творяща никыя страны Иафетова сна Ноева третьяго. Понесъ^м ж от него быша, и ж суть Аргисъ. Научени быша от него Иомане гиганте, и бѣ създаль столпъ съ другими гиганты, ихъ же языци размѣшени быша, тѣми же и Меропесъ наречѣи быша члѣви раздѣление языкъ рѣчи, иже хуля Геронитскыи Плутархъ древнюю философию» (68, 68 об.).

Книга четвертая.

Гл. I. «Въ Аргии же по Инасѣ прѣствова Форонейсъ и иний мнози до прѣства Лугдеова, ^ии поа и поимъ сестру дщеръ Данову.^о Тѣ же Ле Лугдѣй уби Дааннаго и взя имѣние его и дщеръ его, яко ж Архилой списа. И по прѣствѣ Лугдѣовѣ прѣствова Триотиа, иже прѣствова Агрѣйстѣй странѣ лѣт е точию <так!>, въ пятое же его лѣто рассыпасъ <так!> прѣство Агрейско, и приаца я Енькиони, Илиодръ прмдрый списа. Въ Куонѣхъ же, яже ннѣ нарѣцають Еладики, прѣствова прѣвое Егилосъ лѣт ии два. И инѣхъ прѣвъ к и с до Зеуксика, и ж прѣствова лѣт л и и, потомъ ж при инѣхъ прѣвъ быс прѣствова лѣт и и п и едино, а Западу бѣ прѣ Пика и Геусъ» (69).

Гл. IV. «Быте Афинеиское скажем. Въ Афинѣхъ же прѣствова Кебро.^п Се баше родомъ Египта превеликъ, Ри тѣхъ суба^с и нарѣцаху си прѣвое быс прѣ Афинеискъ. И положи законъ женам, да дѣ||вѣцѣ за единъ мужъ посагають, яже и невѣсты наречѣ, а преж всѣ жены атичскыи и афинеиское. От Атикъ баше пришло, не нудити никотеры и ж ихъ у единого мужа быти, но к кому же хочеть на два, или на три, или на д, или на е дний. Аще будяше дѣтя, то кого будяше годно нарещи мтери по своему хотѣнию рещи, то ему оцѣ, кто от нихъ с нею баше пребываль.

^{и-к} Арх. являюща санъ. ^л следует читать мдрость. ^м Согласно В. М. Истрину «Ионесъ» — от Ио = ἐκ τῆς Ἰῶ (Бонн. 55, 17). См.: Истрин В. М. Хроника Иоанна Малалы. Кн. 15—18 и приложения. С. 49. ^{н-о} Арх. иже бѣ поять жевѣ Упомниестру дщеръ Данеову. ^п Арх. Кекросъ. ^{р-с} Арх. тѣм же и сугуба.

А что родяше: любо снѣ, любо дщи, от тѣх любодѣй, и кого изводящи, того наречѣть ему оца. Медрось^Т же речѣ: „Того ради Атичьскаа земля погибе“. И устави такъ законъ: Утече блудивши двѣца, и за неж хотяше, посягше яше за нь.^Ф ^{ХИ} почюдишас афиней дуфий, зане блгородна чад сътвори своим отцемъ.^Ч И потом прствава Крэкроксъ лѣт н, и по нем Краиниос лѣт ф. В та ж лѣта мусицькая хитрость ^ЧИафом бѣдма быс.^Ш И по по <так!> Кранай прствова Форонеус и Кедрона^Ш лѣт к и едино, дрѣжавъ бо прство Афенейско лѣт у и с и два. Потом дрѣжа княз етрѣ лѣт вѣ. В лѣтѣ ж княз тѣх прѣвое законъ положи в Афинѣх Дракой,^Б та ж Селонъ, и паки Фались Милисиикисы.^М Минувшим же лѣтом княз тѣх, и прствова первое Хулосъ^Б ж лѣт к и едино, и потом Якомеонъ лѣта два, и прствова в них црѣ иѣ до цря Сароксона, и ж прствова лѣт і, и оттолѣ расыпаса црѣство Афинѣско владѣвшим лѣт г и з лѣт. Афиканъ^А мдрдры <так!> тако списа» (69, 69 об.).

Далее следует текст отрывков третьей книги Хроники Малалы Тихо-нравовского хронографа, отсутствующие в Архивском хронографе и Еллинском летописце.

Книга третья.

«Яко в та лѣта Аарамова бѣ Мельхиседекъ, муж блгочтивъ иноплеменникъ, от племени Сидова, сна Егупетьскаго цря Лувиискя страны, от нея же Егуптяне нарицахуся. Иже приа Хананийску страну и Палестины и покори ихъ под себе и създа Сидона, а ннѣ под Фуническую страну. Сеи Мелхиседекъ снѣ Седековъ, а Седекъ снѣ Сидовъ Егупетскаго цря. Той же Сидъ испед изъ Египта и приа страну Хананѣйску нарицаемую Палестинъ, И црѣ хананеомъ. Създа град въ горѣ Сионъ и прозва и Салимъ, еже ес мирскъ град Иерслмъ, и црѣствова в немъ лѣт р и і и умре, праведныи и дѣвѣствуя, яко же Иосифъ въ предписании своих писа. Иоанъ же и Кирилъ прѣдбная о томъ списа епсѣпа. От потопа до Аврама лѣт двс и з, а от столпотворения же ф и к и г лѣт. И бѣ потом от Аврама и Исака, Иакова и племени их, от них сунт Еврей, от лѣта Аврамовъ образъ языки обрезание пришед. Ес убо от Аврама лѣт г и у и м и е.

От того языка быс Исидосъ от колѣна Ефетова, и ж изобрѣте Елинская писмяна, исписа Елиномъ. В та же лѣта Аврамова прствова Асуриемъ от племени Симова первое по избииении же рода Персеова, прииде паки црѣство въ Асурие. Въ Егуптѣ же бѣ црѣ от колѣна Хамова Фараонъ. Перваа убо црѣствия Егупетьскаа списа Манеонъ, от них же Феофилъ списа хронографа. В та ж лѣта прежреченнаго цря Фараона бѣ и Нараз, ему же купи Пентефрии от сорочинъ Иосифа, его же продаша братиа своя, архимагиръ цря того Фараона.

Въ времена Егупетскихъ црѣ тиганитьска рода от колѣна Афетова именемъ Индуминъ, иже втаинѣ молися лунѣ, хотя увѣдати бжїе имя въ снѣ от нея. И услыша бжїе имя въ снѣ и къ тому не вѣста, но и доннѣ открываемъ гробъ его в Лудии и тѣло его ес седа и яко мртво колеблющес,

^Т Арх. Кекроксъ. ^{У-Ф} Арх. въ разумъ испридоша жены ихъ за мужа посягати начаша непосягшаа двѣца, блудившаа двѣца посягнаше за него же хотя мужа. ^{Х-Ц} Арх. И почюдишася Афиней прву закону. Сего дѣля инии списаша, рекуще «того ради и нарекоша и Афиней дифуи, зане же блгородна сътвори чяда своимъ отцемъ». ^{Ч-Ш} Арх. Сапфо вѣдома бѣяше. ^Ш Арх. Кекрома. ^Б Арх. Краконъ. ^М Арх. Милисийскыи. ^Б Арх. Есхулосъ. ^А Арх. Африканъ.

яко же писа Лудиа прмдрый лунохотиние Индумино поведаетъ» (85—86).

«Тако писа в палеи Мѹисѣвъ книгъ. Си же пишеть паки Иоан Антиохийскы от Елиньского гронографа, яко въ дни исхода от Егѹпта хотяща быти Моисѣмъ црствова Молосеистей земли тоиземлець Аидусъ. Поя жену Мелииндию и прижи дщере и предобру и прозва ю Персефонъ. Молосѹи бо добрая жены красны наричють своимъ языкомъ. Сѹю хотѣ увести бояринь Пурифонъ. И бяше пьсь болии трии и пьсь главою и тѣломъ. И пришедшоу таи Пифону, уморена быста от пса того оба и Перефонъ и Пирафонъ. Палеоато списаль естъ тако».

«Лѣт Мѹисѣва црствова Ясуриих и реч Ирехфеусъ, въ Егѹптѣ црствоваше Петиносисъ, иже и Фараонъ. К нему Мѹисѣ и Аронъ внидоста и пред нимъ пререковаста Мѹисѣя и Аронъ Анни и Амврии влхвование Фараоне. Петисфони же Фараонъ, црѣ Егѹпетескъ, иде в Мемхи влхвовати <так!>. Жертву сътворивъ, въпрошаше Пуфия: „Повѣжь ми, ес ли старие вас и болии бгъ Излѣвъ?“. И дано ему быс проречение тако: „Ели с нѣси велика сходяи пламени велико паче бездѹшна беспрестани, а бесъмртнь огнь, его же трепещуть все, нѣо и землю, и море, и преисподнии бездны, бѣси счезають. Се бгъ самъ и оцъ сы силамъ треславенъ. Единъ мажа^ю часть от аггла мы есмы. Слышавъ и жды^я молъча“. Црѣ же Фараонъ, слышавъ от волъшествии си, повели камены досцѣ изваяти, яже суть и доннѣ горѣ в кумирници Мемфирове, гдѣ же Ниль рѣка исходитъ. Црѣ Фараонъ пришед отпусти Излѣтяны и изыдоша людие» (169).

«Иизлѣтески Иссъ Навгинъ и Финеосъ. От Адама убо до скончания Мѹисѣва лѣт ѣ и р и н и з. В та ж лѣта Исса, сна Наугиина, от племени Афетова Атичествѣ именовъ Гоигугисъ тоземлець лѣт с и з, яко же писано въ Афракана мдра книгахъ» (177, 178).

Книга пятая.

Гл. I. «В лѣт же Двѣдва црства въ Илии градѣ, сирѣч Фругѣйстѣй странѣ, Примъ снѣ Ламедѣитов. Илии а Дарданъ и въспѣтѣныи Труя и вся страна Фруиска племена^{IV}. а быс от Ахѣя. В них же повѣдають Агамемнона и Мелаясне,^б Опотолемонъ^в Пуром, и елико ж ихъ въева на Илий град Парида ради, прироком Александра, иже уведе Еленя уснубивъ ю. Елень бо тѣлом бѣ предобра и възрастомъ, добросиса, малосъса, чста аки снѣгъ, млада плотию, доброма бровма, доброноса, русовласа нажелтъ, великими очима, вѣлигъкими, радостива, доброгласана, чюдень възрастъ имущи в женах. Бѣ же лѣто кс. Начатокъ же погибели Фругийския страны» (262 об.).

Гл. II, III. «Труя Париса Алекѣсандра оцъ, егда же родися Парисъ, въпроша его о немъ оцъ его в кумирници Аполони. Данъ быс отвѣтъ сице: „Сий родивыйся бѣвъ лѣт л погубить и стреть црство Ругийско“. Г И си слышавъ Примъ оцъ его посла его <так!> дойти на село да же минеть л лѣт. И севрий^д град великъ и || ереч Парионъ^ж. Сеи Парид похвали Афридиту, яко помысли ес, и оттуду исходитъ и раждать прмдрсть и целомудрие, и хитрость, и болши естъ всѣх, и Афинъ. По тридесятих же лѣтех приведе Примъ Париса сна своего с села и видѣвъ его красна и смыслена. И посла его требу положити Дафинъскому Аполону и посла

^ю Согласно В. М. Истрину, следует читать «мала жѣ» μικρὸν δὲ (Бонн. 66, 1).

^я Согласно В. М. Истрину — «иди» = ἰδι (Бонн. 66, 2).

^{IV}, а Следует читать пленена, греч. πορνεῖται (Бонн. 91, 4). ^б Арх. Мелаясне. ^в Арх. Неоптолемомъ. ^г Арх. Фругийска. ^д Арх. Сътвори. ^{е-ж} нарече градъ Парнонь.

с нимъ дары прѣмъ. И прииде въ Спартѣ градъ Еладескъ црствуемъ Менелаемъ и ту въ чсти сыи быс у Менелая прѣя. И ключися отити Менелаеви. Онъ ж уснубивъ Елень Менелаеву жену и поим ю бѣжа в кораблиз и съ Фрою³ братучадою Менелаевою, иже бяху уснубила ему. И прииде къ Протею прю Егупетъску и обращаея въ требникъ Аполонь» (262 об., 263).

Гл. V, VI. «Увидѣвъше ж Агамемнонъ и Менелай приходъ Елини въ Труу <так!> с Паридом, рекомымъ Алеѣсандромъ, многожъ посласта молящася, дабы възратилъ опять къ своему мужю, и не да ея. Прииде самъ Менелай къ Приаму предъ ратию, прося жены своея, и не вдаша ему ея, и вѣста елина на Лий^И градъ. Игамемнонъ же и Менелай умолиста котъ требища прѣя,^Л рекше мѣстодръжителя, и вѣвѣды Еуропийския с вой и с корабли съвѣкупишас на Аулидѣ. Бури же вѣставши по морю. И поставленъ быс Агамемнонъ. И приидоша въ Трую елини и ины многы страны. || Аще ли кто не идяше, а на тѣхъ вѣйною хождяху. И приидоша в землю Приамову, идѣ же снѣ его сѣдяше Дааноной, и плениша прежъ Купра и Ликию, Исаврию туже плениша и Польфора^М снѣ [При]амова, рекомаго Дананоя. И приидоша [къ] Илию граду, иде же Приамъ съ снѣми и Елень жена Менелаева, и поставльше снѣ Приамова пленнаго подъ градомъ. Рекоша же Приаму: „Отпусти Елень, а снѣ его^И <так!> поими у насъ. И створи миръ с нами. Или то ти любо, зрящимъ вамъ, а мы убиемъ снѣ твой?“. И не велѣша Приамовичи оцю пустити Елень, рекуще Дананоя усѣкнуть. И тако быс. Всѣмъ съ градъ зрящимъ усѣкнуша Дананоя» (263, 263 об.).

Гл. VII. «Нарочити же въ елинихъ ту бяху по градомъ: а Агамемнонъ, в Менелай, г Ахилеусъ, д Патреклос, е Еасъ Толомоньскый, з Алепсиусъ^О, з Диомидъ, и Несторъ, ф Присилаосъ, г Паламидъ, псый замысли корийсы семи звезды часты въ члѣцѣхъ радости, печали,^Р книженъ бѣ велми, аи Мириниосъ, в Идомеосъ, г Еасъ, иже и Локросъ, д Нептемеусъ^С, еи Наахасъ. У Труе же рекомаго Приама нарочний^Т сей: а Приамосъ, в Екеторъ, г Днифовосъ^У, д Еленосъ, е Троилос, з Парисъ, иж Алекѣсандръ, з Енинасъ^Ф, и Антиръ. Яко ж премудрый Дикотусъ списа Критъскый съ Домениемъ бывъ тогда, съ Агамнономъ и Менелаомъ.

И пришедше в кораблехъ на Илий. Кождо с коликомъ корабль и коли <так!> корабль съ брашномъ вся по ряду числомъ повѣмы с колицемъ корабль. Пойде преди Агамемнонъ съ стомъ корабль вой, а л корабль съ брашномъ воемъ, х Поилос и Литосъ, ц и Профониоръ и Клониосъ съ пятьюдесять корабль, Диомидъ от Аргосъ съ осьмьюдесять корабль, ч Ехедиосъ и Епоструфосъ^Ш съ м-ю, ш Мантий Одикменъ Еладысъ^Ъ в-ю, ъ Литоносъ и Флапоносъ^В и Дорисъ съ м-ю, Несторосъ с-мъ, Аганоръ и Тудисъ з-ю, Профониоръ и Магниторосъ м-ю, Еуруполосъ от Астериа съ м-ю, з Лентиосъ и Поломитисъ^Ю съ м-ю, Амфигенис от Елиа и Дориасъ м-ю и трети <так!>, Менесфеусъ от Афиносъ н-ю, я Иломенемносъ и Мнионисъ^В. а от Критасъ съ осмью, б Одисей от Кефалиниа Ифакнивесна^В съ к-ю, Тайлий и Поломосъ^Г от Ливасъ о-ю, Ахинеус от Аргоса Елады-

³ Арх. Ефрю поя. ^И Арх. на Илии. ^{К-Л} Арх. Отреовича прѣя. ^М Арх. Полудора. ^Н Арх. своего. ^О Арх. Одусиосъ. ^{П-Р} Арх. седмъ преходныхъ звѣздъ по прилучаю части бывающихъ въ члѣцѣхъ радости и печали, наменивъ корысникъ земное устройство. ^С Арх. Неоптолемосъ. ^Т Арх. нарочити. ^У Арх. Дийфосъ. ^Ф Арх. Ининасъ. ^{Х-Ц} Арх. Минилеосъ и Еркиселеосъ. ^{Ч-Ш} Арх. Съхедиоси и Пиестрофосъ. ^{Ш-Ъ} Арх. Ментисъ от Дикия Еладысъ. ^{Ъ-Ъ} Арх. Антиносъ и Фапасъ. ^{а-ю} Арх. Леонтекъ и Полумутикъ. ^{я-в} а Иломеусъ и Мнионисъ. ^{б-в} Арх. Одусеусъ от Кефалиа Ифакниския. ^Г Арх. Тлиполемосъ.

скаго и Патрокмосъ съ н̄-ю, Протисилаосъ съ н̄-ю, Подаркисъ съ м̄-ю, Паламидъ съ с̄-ю, Филиктитисъ Мофоны съ з̄-ю, Иреусъ^д от Переусъ съ кв, ^еСъфисъ, Филопосъ^ж съ к̄-ю корабль. Елико ж число исповѣда всѣх корабль еленскъ тысяща и с̄ и н̄ съ своею хоруговью. Перъвое на мѣсто Алиуду и оттуду пришедше на страну Фругийску и повоеваше цр̄ствия их, пленивше Приама цря и убивше и Екавъ цр̄цю, Приамову жену, и дѣти иже ею пл̄бнившѣ и вся цр̄ствия ею повоевавше, възврати||вшеса въ своя мѣста. Держа убо цр̄ство Ефесъскаа сию всю и Трую Фругийскую всѣх лѣт от и ф̄и» (264, 264 об.).

Гл. VIII, IX, X, XI. «Поплени же Труя ахиои раздѣливше полонъ раскаторашеса от кумирь, иже бѣше образъ Афинѣ малъ дерева, ть, иже бѣше данъ Троу црю, коли начинааше град, и о том котергахуся,^з зане дано ему бѣше проречіе: „Не можете приати Труа, аще не възмете кумира“. И кождо хотяше и нести въ свой град, гл̄я: „Азъ болѣ трудился есмь“. Тако же и вси кождо ихъ и гл̄ше. И Филиктитъ бо възва Фарида^д стрелятися. И Парид же преж погреша, а Филоктитъ прострели ему руцѣ и нозѣ. И призва Парид Александра три сны свои, их же имѣ от Елени: «Вунимай, Курифела, Индѣя,^д умре пред ними. И поя събѣ женѣ Елень Дуофесъ,^м братъ Паридовъ, другий сн̄ъ Приамовъ, иже свержень бѣ съ стѣны от Менела цря. По сих же много прящес гл̄ше. Одисеусу много главшю и се рѣкшю: „Отнели же Менелая приобидѣ Олександръ, отмыстие приать Илие, Труосъ погибший на сѣчи. Оставшими избавы просим вам за многи очину вы мя посласте, Деомида къ Приаму и даяхом злата ^зв толко же и сребра“. Мнозѣ рѣчи пребывъши до вечера отложиша до утриа кому будетъ кумирь ть данъ. Аетъ ж гнѣваяся на Едеуса и на Агамнона и на Диомида и отиде в шатеръ свой, в той ноци желѣзом заколенъ || быс. Пур же хотѣ Едеуса убити, он же с вои бежа на Утьское море, хотя въ Фракий^н град очину свою. Ту маронидом одолѣвъ бг̄атество их взя и мнѣвся побѣжати и паки. Лотофа же не побѣдѣша. И прибѣже в Сикиликию свою и ту хотя зѣмовати въ велѣцѣмъ островѣ. И ту бяху братиа три силна. И раздели пособие имущи по собѣ Куклонсъ и Антифатисъ и Полофиносъ, сн̄ве Сикима цря. Странных же приимаху, но паче избивахуть. Агит^о <так!> убиша многих от вой Одеусовъ, и бежа на другую часть острова, юже дрѣжаше Уклопсъ и Антифатисъ, гдѣ же и ^пКуклоповы укорити,^р и се увидѣвъ Куклопсъ и Антифатисъ. Великъ бо сый тѣлом и зломъ образом. И пришед на Едеуса и изби многа, другая изима. И умзлекъ бѣвъ дары страшными <так!> и отпусти, и едва вечеръ, и съ оставшими въи, и паки хотѣвъ постигнѣнути и съ бг̄атеством и гнавъ и не обрѣте его въ тмѣ. Едеусъ же приста на друзѣи странѣ острова, и ту бѣше Полуфимъ, братъ Куклопсовъ и Антифатов, и бишас чрес всю ноць, и мнози падоша Едосови вой. И заутра Едесъ молися дары тройскими Полуфимови, рекущи тако: „Заблудил есмь от Труя“. И тако пусти и. Дци же Полуфимова Елпи иде съ Едеусомъ. Вѣтру повѣявшю им погодну. || Куклопѣ, реки, и три очеси имѣ, знаменуя брагю три, дрѣжашася себе, блюдуца мѣста острова. И яко, вином упоивы их, Одеусъ убежавъ их. Свѣщею огненою ослепи око, рекъ, яко огню подобну похоть имѣ, оже уведе братану Куклопову. [С]ице премудрый Фиталионъ списа Коренфійский, реки: „Еуропид не-

^д Арх. Ниреусъ. ^{е-ж} Арх. Съфисъ, Филипосъ. ^з Слово «котергахуся» объяснению не поддается; возможно, оно возникло в результате неправильного прочтения в Арх. «раскаторавшимся». ^п Арх. Парид. ^{к-л} Арх. Вьунима и Курефея и Идея. ^м Арх. Диофовосъ. ^н Арх. Ифракий. ^о Слово «Агит» не поддается объяснению. ^{п-р} Арх. Клоповы нарицаются горы.

съгласно все преложи Омиру, списавшу Едеусово плакание»^с (264 об.—265 об.).

Гл. XII—XVII. «Едеусъ же от Секелиа пришед въ Елиньский остров и оттуду къ Киркий и сестрѣ ея Калупсо, иже црствова отчинъ Атланта. Калупсо же много вой-муж, а Коркий кто нъ приидяше, того отравою удрѣжаше и пребываше с ними, и они забывааху очинъ своих. Едеусъ ж сий увидѣвъ воемъ своимъ ясти и гѣти от нея, самъ ж бывъ с нею въсхотивъши ей самой. О той Т Сисуфесъ Вѣский,^у Омиръ и Дуктусъ Критъский гла. Отравою приходящая творяше: овы лвовыя главы, овы ж песьи, другиа же свинныя имуща главы. И Фидали ж реч: „Не въ звѣринъ образъ члвы <так!> творяше, но нравъ похотный, яко ж звѣрь творяше рютѣ похотѣниемъ горячимъ на ню и умирати за ню ни разума имущимъ и тѣломъ яко звѣрие будут. О Крита ж приплы въ другой, и приа и Калупсо, сестра Дикрина, и почти и и <так!> смѣсися с ним. И оттуду прииде на езеро великое близъ моря Некуопсѣ,^ф и ту бяху влѣси. И все ему || исповѣдаша прилучившее и хотящее быти. И оттуду привержень быс к Сириньскимъ стѣнамъ от волнь, и гласяху сладцѣ. Паки прииде к Харувди на мѣста сверѣпая и дивья. Ту вся оставльшая корабли погуби, якъ же имѣ самогъ корабленика, на досцѣ плавающа въ вѣдах, [п]оёмше приведоша и въ Критъ нага къ Идумеу. И да ему дары Идуменей старѣйшина еленескъ и два корабля и повелѣ проводити его въ Фаинъ^х ж и Доктусъ. Тако ж и Деомидъ, възмы кумиръ, отплы от Труя въ своя очину. Агамемнонъ ж дрѣжа Касандру прииде в Родскую почи, хотя на Мусийскую^ч страну и паки сплы <так!>. Пуръ ж вся видѣвъ отплывъшая съжжеглѣ тѣло храбраго Еанта, в руже погребе. Теукросъ ж братъ Еантовъ от Салмины пришед слышавъ от Пура вся бывъшая и случивъшаяс. Сказа бо Пуръ по ряду и како съжже тѣло, и како Песфиласъ^щ амазанитяны би, и како побѣжденна быс и убьена от твоего оца Ахилеуса, и тако прииде и Тифо смуры и фуникий съ црми ихъ Полудомантомъ, индий, цре ихъ Емна^ш цря индийска и иний мнози избѣени быша, а друзий истопаше въ Скамандри. И како Полусиксентъ^щ преа Ахилеусъ, и убненъ быс от Париса, в дубровѣ прелщенъ. Сихъ Сисуфосъ списа. И Теукромъ, еж обрѣтъ, реч: „Омиръ Илиаду съписа, и Виргилиосъ|| и в раксодниихъ“.^ъ Сисуфа пишеть: „И при Неронъ ж быс обрѣтено“» (265 об.—266 об.).

Гл. XVIII. «Слышавши ж Агамемнова жена о мужи, яко Каандру възлюби, и сама спедшис съ Егисфомъ боляриномъ. Убѣ и лестию Орестъ ж н <так!> Егиспа, мтръ свою, въ неистовство прии мтрня дѣля убийства, обач <так!> отмести створи оцю своему, да не ины жены умыслятъ тако ж зло. И избывъ же в малой оной горѣ и съчтас с сестрою своею^ы Леукѣтру Пудадю^в дрѣжа Микинскую^з страну до своя смрти» (266 об.).

«В лѣт тож иленениа^ю Труа к сему црствова Двѣдъ Иизлѣ лѣт м̄ и з мѣсцъ. Иже понови преж нарицаемый град Салимъ по Евусѣ, нареч имя его Иерслмъ. Ес убо от Адама до Двѣда лѣт^д и съгъ и н̄ и е̄ и поль лѣта» (266 об.).

«По Двѣди же цри црствова Съломонъ въ Изли, снѣ Двѣдъ, м̄ лѣт, иже сътвори црквѣ въ Иерслмъ и пригвозди херувим и серафим. Създа же въ Мѣлѣти градѣ, пребывшю и нареч и Палморъ. Есть убо о Адама до Соломона лѣт и д̄ и з съгъ и с̄ и е̄ лѣт и поллѣта» (285).

^с Арх. плавание. ^{т-у} Арх. Сисуфосъ Койский. ^ф Арх. Некуопомпосъ. ^х Арх. Ифакы. ^ц Арх. Мукинскую. ^ч Арх. Пенфилию. ^ш Арх. Мемнона. ^щ Арх. Полуксиниа. ^ъ Арх. раксодниихъ. ^{ы-в} Арх. Илектру Пуладию. ^з Арх. Мукинску. ^ю Арх. пленения.

Б. И. ЯЦЕНКО

О некоторых особенностях рукописи «Слова о полку Игореве»

В 1985 г. Л. П. Жуковская, излагая кодикологические соображения к реконструированной Б. А. Рыбаковым композиции «Слова о полку Игореве», попыталась обосновать гипотезу о трехкратном перемещении листов в разновременных редакциях «Слова» до конца XV в. В связи с этим были высказаны также предположения относительно правописания и датировки Мусин-Пушкинского списка «Слова», предложен его севернорусский орфографический аналог XV в.¹ Мы уже писали о сделанных Б. А. Рыбаковым перестановках и вставке в древнерусском тексте «Слова».² В данной статье рассматриваются подходы Л. П. Жуковской к воссозданию основных характеристик списка, а также возможности иного опыта орфографического и палеографического анализа потерянной рукописи «Слова» по тем специфическим особенностям, которые отразились в Екатерининской копии, фрагментах поэмы (выписках Елагина, Малиновского, Карамзина), тексте первого издания и в переводах, сделанных в XVIII в.

Определение аналога Мусин-Пушкинской рукописи «Слова о полку Игореве» является одной из проблем, решение которой может стать важным этапом в исследовании памятника. Эта задача предусматривает тщательное изучение текстов «Слова» и его первых интерпретаций, в частности, сопоставление Екатерининской копии и первого издания, восстановление орфографических и палеографических черт Мусин-Пушкинской рукописи «Слова». Именно это поможет, как заметил в свое время И. И. Козловский, «определить и тот век, в котором она была написана», даст возможность в свою очередь «сравнивать ее с типом рукописей той же эпохи, разыскивать там и здесь аналогичные ошибки и описки и благодаря этому доискиваться подлинного чтения», так как «без критически обработанного текста невозможны и другие разыскания в области занимающего нас памятника».³

Многие вопросы научной критики текста поднимались и находили определенное решение в исследованиях Е. В. Барсова, В. Н. Перетца, М. В. М. В. Щепкиной, Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, О. В. Творогова, Л. В. Милова и других ученых, которые занимались археографией «Слова». В результате была разработана научная методика текстологического и

¹ Жуковская Л. П. О редакциях, издании 1800 г. и датировке списка «Слова о полку Игореве» // «Слова о полку Игореве» и его время. М., 1985. С. 68—125. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи.

² Яценко Б. И. К вопросу о перестановках в тексте «Слова о полку Игореве» // РЛ. 1987. № 3. С. 105—111.

³ Козловский И. И. Палеографические особенности погибшей рукописи «Слова о полку Игореве» // Древности: Труды Московского археологического общества. М., 1890. Т. 13, вып. 2, С. 6.

орфографического анализа Мусин-Пушкинской рукописи «Слова», определен круг источников для исследования, раскрыты некоторые приемы работы первых издателей «Слова» над текстом рукописи.

Что вносит в изучение проблемы Л. П. Жуковская? Схема ее научного исследования базируется на предположении о почти полной идентичности орфографии Мусин-Пушкинской рукописи и текста первого издания «Слова». Этим объясняется и намерение Л. П. Жуковской «исследовать нормы самого СМП» (т. е. Мусин-Пушкинского списка «Слова») «по данным первого печатного издания. . .» (с. 80), отказавшись от сопоставлений с Екатерининской копией. Л. П. Жуковская сближает орфографию текста первого издания «Слова» с орфографией Хутынского стихотворного пролога 1479 г., дает им обширную сравнительную характеристику. По ее мнению, «сгоревший список был скопирован с оригинала XIV в. в важный момент русской истории — перед так называемым „стоянием на Угре“ 1480 г.» (с. 122). Слова о «важном моменте» (об освобождении Московского княжества от татар) не имеют отношения к содержанию исследования и появились в результате той же ориентации на рукопись 1479 г.

В научной литературе по «Слову» тезис об идентичности орфографии текста первого издания и СМП не выдвигался, так как исследователи учитывали прежде всего связи сохранившихся текстов «Слова» — Екатерининской копии и текста первого издания — с погибшей рукописью и даже иногда отдавали предпочтение копии, считая ее ближе к рукописи СМП. В. Н. Перетц, например, отмечал, что «писец *K* внимательнее, чем *II*, передал употребление конечного *ъ*, а поэтому, реконструируя рукопись Мусина-Пушкина, на него можно больше положиться»; или: «в *K* есть ошибки, но нет умышленных исправлений; о *II* этого сказать нельзя». ⁴ Последующее изучение проблемы внесло определенные коррективы в первые впечатления ученых, однако не подорвало доверия к Екатерининской копии как к одному из важнейших источников в орфографическом и палеографическом исследовании Мусин-Пушкинской рукописи «Слова».

Главные аспекты взаимоотношений сохранившихся текстов «Слова» были впервые сформулированы Д. С. Лихачевым, ⁵ который, изучив приемы передачи текста в Екатерининской копии и первом издании, отношения этих текстов в рукописи и между ними, пришел к убеждению, что текст Екатерининской копии (далее — *E*) и текст первого издания (далее — *II*) восходят к общему протографу; причем хотя текст *II* был выверен по рукописи, его орфография подверглась определенной унификации в соответствии с правописанием XVIII в.

Л. А. Дмитриев в обстоятельном исследовании показал генетическую связь перевода, обнаруженного в бумагах Екатерины II в 1864 г. (далее — *перевод E*), со всеми другими переводами XVIII в., использовавшими *перевод E* как образец. Вместе с тем каждый из переводов сохранил определенные следы сверки с древнерусским текстом «Слова». ⁶ Выводы Д. С. Лихачева и Л. А. Дмитриева значительно расширили базу для текстологического, орфографического и особенно палеографического исследования Мусин-Пушкинской рукописи «Слова», включив в научный оборот кроме текстов и фрагментов памятника также и переводы XVIII в.

Таким образом, текст первого издания «Слова» не поддается однозначной оценке; в нем отразились разные этапы развития древнерусской письменности с конца XII в. вплоть до правописания XVIII в. В данном

⁴ Перетц В. Н. Слово о полку Игоревім. Пам'ятка феодальної України—Русі XII віку. У Києві, 1926. С. 31, 33.

⁵ Лихачев Д. С. История подготовки к печати текста «Слова о полку Игореве» в конце XVIII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 86—89.

⁶ Дмитриев Л. А. История первого издания «Слова о полку Игореве»: Материалы и исследования. М.; Л., 1960. С. 287—302.

тексте нетрудно найти орфографические приметы того или иного времени и сделать привязку к нему, подобрав аналог. Понятно, что какие-то общие черты будут зафиксированы; может даже возникнуть иллюзия идентичности. Но несвойственные предполагаемому периоду формы пришлось бы или «втискивать» в это время, или подчищать под избранный аналог, или в крайнем случае отнести к редакционной работе первых издателей.

Именно такой путь исследования избрала Л. П. Жуковская, отыскивая для текста первого издания «Слова» орфографический аналог XV в., т. е. того времени, к которому относили Мусин-Пушкинскую рукопись Н. М. Карамзин, А. И. Ермолаев и др. Отказавшись от тщательного сравнения текстов *Е* и *П*, Л. П. Жуковская сузила базу исследования до прямого сопоставления текста *П* (не идентичного *СМП*) с предполагаемым аналогом. Все другие наблюдения и выводы, которые не укладываются в рамки аналога, Л. П. Жуковская считает «немотивированными полемическими высказываниями» (с. 81). Однако и в той позиции, которую отстаивает Л. П. Жуковская, нет четкой последовательности.

Характерной в этом отношении является дискуссия о предлогах *СМП*. В свое время С. П. Обнорский высказал предположение, что именно писец *СМП* был склонен к устойчивому употреблению «ъ» в конце предлогов.⁷ Д. С. Лихачев, отстаивая ту мысль, что предлоги в *СМП* как правило пишутся слитно со словом, а конечный ъ в *Е* и *П* расставлен согласно правописанию XVIII в., назвал предположение С. П. Обнорского ошибочным.⁸ Неизвестно, чем руководствовалась Л. П. Жуковская, но «проверив» вывод С. П. Обнорского... по тексту первого издания «Слова», который и был объектом полемики, она решила, что ученый «прав в существе дела (по цифрам есть некоторые расхождения) и не прав его оппонент», т. е. исследовательница замыкает спор в тексте *П* на самом же тексте *П* (с. 81—85). Более того, на основе этих «наблюдений» она делает вывод об орфографических характеристиках Мусин-Пушкинской рукописи: «... писец *СМП* проводил в этом случае новейшую орфографию второй половины XV в. и XVI в.» (с. 85).

Но действительно ли писцы XV и XVI вв. устойчиво употребляли «ъ» в конце предлогов? Л. П. Жуковская могла убедиться, что это не так, даже на том материале, который представлен как аналог *СМП*, т. е. на материале Хутынского стихного пролога 1479 г. По нашим подсчетам, в том отрывке, который приводит Л. П. Жуковская (с. 98—100), употреблено 20 предлогов без «ъ» (с паерком 4), 10 предлогов и преффиксов *о* (*т*), преффиксы *вѣс-*, *в-*, *из-* тоже без конечного «ъ»: «въсхотѣ», «въз(д)вигнути», «втече(т)», «въставъ», «въстокъ», «вше(д)», «избудемъ», «вниде(т)», «вниде», «изыти», «въставъ». Буква «ъ» поставлена в 18 предлогах и дважды в слове «вънйти».

Слитное написание предлога со смысловым словом особенно часто встречается в полууставных XV—XVI вв. и скорописных XVI—XVII вв. памятниках севернорусского,⁹ южнорусского и западнорусского письма.¹⁰ Так, в «Кройнике Стрыйковского», западнорусской рукописи XVI в., находим: «споловцѣ», «здругой стороны» (л. 163 об.), «здѣди(ц)тва», «пре(з)послы», «внасмеви(с)ку», «скоторо(го)», «кутому» (т. е. «къ тому»), «авѣдрубичу»; с преффиксом *из-*: «избѣго(м)» (л. 200). Из акта Киевского маги-

⁷ Обнорский С. П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.; Л., 1946. С. 138.

⁸ Лихачев Д. С. История подготовки к печати текста «Слова о полку Игореве». С. 70—71.

⁹ См.: ЦНБ АН УССР, Отд. рук., Неж. 39, л. 215 об.; Попов А. Обзор хронографов русской редакции. М., 1866. Вып. 1. С. 33—34 и др.

¹⁰ Далее документы цитируются по источникам: ЦНБ АН УССР, Отд. рук., ф. VIII, 106 (лаз. 48), л. 168 об., 200; ДА/216, л. 99; ДА/Лоб. 309, л. 244. Тексты *Е* и *П* анализируются по источникам: 1) Ироическая пѣсь о походѣ на половцов... М., 1800; 2) Дмитриев Л. А. История первого издания «Слова о полку Игореве»... С. 140—151.

страта 1599 г.: «зыменя» (т. е. «съ имения»), «вда(л)ши(й) зятягъ», «о(т)-на(с) учиненое», «вдубе велико(м)». Из исторического сочинения Захарии Копыстенского «Палинодия» (нач. XVII в.): «втакомъ положеню», «о(т)творити», «в томѣТрете(м)», «и(ж)по свячены(м)о(т) ри(м)ского бы(л)». Обратим внимание на слово «отворити» (в II: «отворити», «оттвори»), а также на отсутствие четкого разделения слов.

В середине XVIII в. общая картина меняется. Так, в «Повести о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г.» из Киевской летописи XVIII века¹¹ нет ни одного случая написания предлога без «ъ»: «въ» встречается в 10 случаях; «во» — в 3; «съ» — в 5; «со» — в 3; «зъ» — в 3; «о(т)» — в 4; «къ(ко)» — в 2.

Таким образом, тот факт, что написание предлогов было в основном унифицировано уже в протографе *E* и *II*, сейчас не вызывает сомнений. Предположение Л. П. Жуковской об идентичности *II* и *СМП* неубедительно и не может привести в поисках аналога *СМП* к объективному научному результату. Поиск имеет свои аспекты и делится на несколько этапов.

Несомненно решающим является орфографический аспект исследования. Необходимо выделить из имеющихся текстов *E* и *II* орфографические особенности *СМП* и отнести их к определенной эпохе. Но это решение будет еще не окончательным, хотя и очень важным для ориентации на конкретный аналог. Определив орфографические черты *СМП* и приблизительно датировав их, нужно решить проблему и в палеографическом аспекте — сопоставить графические ошибки расшифровщиков и интерпретаторов с начертаниями реальных рукописей. Такой подход позволит не только более уверенно датировать, но и локализовать *СМП*, создаст определенные условия для его графической реконструкции и прочтения «темных мест» памятника.

Однако многие орфографические черты *СМП* скрыты в *E* и *II* за упорядоченным правописанием. Поэтому необходимо отсеять следы редакционного вмешательства издателей. При этом учитываем, что написания *E* восходят к протографу *E* и *II*, а написания *II* — к протографу, а также к рукописи (при повторном обращении к ней).

В *СМП*, как и обычно в рукописях XV—XVII вв., не было последовательного употребления правописных норм. Нередко встречались в разных рукописях глагольные окончания *-тъ* и *-тѣ*, буквосочетания *-ор-*, *-ол-*, и *-рѣ-*, *лѣ-* и др. Можно согласиться с Л. П. Жуковской, что в *СМП* в некоторых словах было сокращение под титлом, что в рукописи были восьмиричное «и» и десятиричное «І» (с. 108—109); что написания *я—а* после букв, обозначающих шипящие и «ц», сосуществовали (с. 110); что в *СМП* употреблялась «омега», а также йотированное «а» наряду с «юсом малым», и др. Эти догадки высказывались еще в XIX в. и позже и каких-либо возражений не вызывают.

Однако этой многовариантностью нельзя объяснить расхождения между *E* и *II* в написании нескольких групп слов. О. В. Творогов обнаружил в *E* и *II* около 300 основных расхождений, классифицировав их следующим образом: 1) различия в написании «ъ» и «ь» в конце и середине слов (121 случай); 2) различия в написании «ъ» и «ь» с плавными «р» и «л» (60); 3) различия в написании «ъ» и «е» (или «и») (49); 4) различия в написании «ы» и «и» (27); 5) различия в написании «а» и «я» после шипящих (15); 6) различия в окончаниях *-аго* и *-ого* (6); 7) различия в суффиксах *-е-* или *-я-* (6).¹²

Особое внимание исследователей привлекают расхождения в написании «ъ» или «ь». Сравнив разные случаи мены ъ—ь с издательской практи-

¹¹ ЦГИА СССР, ф. 834, оп. 4, ед. хр. 583, л. 143—143 об.

¹² Т в о р о г о в О. В. К вопросу о датировке Мусин-Пушкинского сборника со- «Словом о полку Игореве» // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31. С. 150.

кой конца XVIII в., О. В. Творогов пришел к убеждению, что «издатели не придавали орфографическим тонкостям особого значения, написания возникали в процессе переписок и исправлений текста до известной степени стихийно, чем и вызван тот удивительный разноречивый, с которым мы встречаемся в обеих версиях текста «Слова».¹³ Л. В. Милов, подвергнув сомнению этот вывод, напротив, предположил, что издатели сознательно меняли орфографию текста *II*, в котором проявился «принцип противопоставления чтения Екатерининской копии», «альтернативные раздумья» издателей.¹⁴

На первый взгляд гипотезы О. В. Творогова и Л. В. Милова взаимоисключают друг друга. И тем не менее обе они представляют собой попытку найти единственное объяснение для такого многопланового и многослойного явления, как мена *ъ—ь*. Расшифровка текста и составление протографа, переписка *E* и *II* с этого протографа, сверка текста первого издания с рукописью *СМП* — вот те уровни, на которых происходили напластования, накапливались расхождения. Вместе с тем разные формы *СМП* получали в процессе упорядочения орфографии одинаковое оформление в тексте первого издания. Таким образом, необходим анализ и по вертикали (по уровням), и по горизонтали (по разным позициям мены *ъ—ь*). При этом нужно учесть, что в *СМП* может оказаться одна из двух форм, представленных в *E* и *II*, или третья форма, которая получила в *E* и *II* различное орфографическое наполнение. Обратимся к текстам.

Давно замечено, что одни и те же 39 глаголов с окончанием *-ть* (*E*) или *-тъ* (*II*) могли писаться в *СМП* в сокращенной форме с надстрочной «т» и по-разному были расшифрованы в *E* и *II*.

В тексте *E* во многих словах передан суффикс *-ьск-*, а в *II* в этих словах буква «ь» пропущена (Киевский, Готский, Угорский и др.). Похоже, что суффикс *-ьск-* был нормой для рукописи (см. в *E* и *II*: «между Угорскими. . .»). В протографе (и тексте *E*) надстрочные буквы «в», «т», «р» и др. в этих словах были внесены в строку с сопровождающей буквой «ь» и правильно был передан суффикс *-ьск-* («Готьския»). Иначе решает проблему автор *II*, который в тех же позициях отказался от использования *ь* (или *ъ*) при внесении согласных в строку и проводил эту же линию и в других словах: «шестокрильци», «Святслав Святславлича» (дважды), «Салтанъ», «бес».

Иное отношение к паерку. О. В. Творогов заметил, что в издании Воскресенской летописи паерок как правило передан буквами «ъ» и «ь».¹⁵ По-видимому, то же наблюдается и в тексте *II*. В *E* целая группа слов пишется без «ъ» или «ь» в основе, но в *II* они проставлены: «изъостренъ», «тъмоу», «чръленья», «орьтъмами», «Иньгварь», «мъглами»; или «Ольгово», «Ольга», «Тьмутороканъ», «сильными», «Тьмутороканя», «крильца», «Васильковъ», «седьмомъ», «нельзя», «мъглами», «только». Мы считаем, что и в этом случае автор *II* был последователен, проставив вместо паерка необходимую по смыслу букву «ъ» или «ь» (в разночтении «мъглами» — «мъглами» проявилось смешение «ъ» и «ь»). В протографе (и в тексте *E*) паерок был оставлен без внимания.

Что касается расхождений *е—вл*, то в каждом отдельном случае здесь могла быть потеряна надстрочная «л». В *СМП* в прилагательных и местоимениях употреблялось выносное окончание «го», передаваемое обычно надстрочным знаком после «омеги». В тексте *E*, восходящем к протографу, это окончание было передано как *-ого*, а в *II* — как *-аго*. Не был понят этот знак и в слове «его» («е гоголемъ»).

¹³ Там же. С. 152.

¹⁴ Милов Л. В. О «Слове о полку Игореве» (Палеография и археография, чтение «русичи») // История СССР. 1983. № 5. С. 89—90.

¹⁵ Там же. С. 143.

Много споров вызывает и проблема болгаризованных написаний в текстах *Е* и *П*. Л. П. Жуковская отрицает «инославянское влияние на орфографию» *СМП* и подчеркивает стремление писца к архаизации (с. 103). Видимо, для писца Хутынского стихного пролога характерен именно такой подход (см.: «кръсоунъ», «влъга»), так как на северо-востоке Руси южнославянское влияние ослабло в XV в. и начался возврат к прежней манере письма. Но на юго-западе оно было заметным и в XVI, и даже в XVII вв. Вот наиболее характерные написания из учительных евангелий XVI в.: «всѣм срдцемъ чти внимая», «слово плъзы дховны исплънено», «жена зла до смрти сушить»; «ислъкованіе» и рядом: «ислъкованіе»; «предмлъва» и «предмолъва»; «стл^Ць съверше^Нны^Х» и дальше: «симеона стлшника». А вот из учительного евангелия 1645 г.: «(т) свѣта в' темны^Ѡ врьтепъ». ¹⁶

В этих выписках есть орфографические особенности, которые проявляются и в тексте «Слова», в частности, буквосочетания *-ръ-*, *-лъ-* и наличие слогаобразующих «р» и «л», глагольные окончания *-тъ* и *-тѣ*, выносные буквы в середине и в конце слов; писцы склонны к употреблению йотированных, появляются слова с «просветленными» *-ол-*, *-ер-*, сокращения конечного *-й* в прилагательных и др. Интересно также употребление паерка и кендемы в значении «й».

В текстах *Е* и *П* тоже встречаются слова со слогаобразующим «р»: «чрленя» (*Е*), «мркнетъ», «утрпѣ» (*П*). Л. П. Жуковская считает их «простыми описками писца *СМП*» (с. 107). Но однотипные слова находим и в выписках Н. М. Карамзина (со слогаобразующей «л»): из списка «Слова» — «Святъплкъ»; из «Синагриа» — «мужескъ плъ» (ниже: «мужескъ полъ»), «дѣвическъ плъ»; из «Деяния» — «плки поставити». ¹⁷ По-видимому, здесь нет единого решения. М. В. Щепкина, например, рассмотрев 45 слов, в которых происходит мена *-ор-*, *-ол-* (*Е*) на *-ръ-*, *-лъ-* (*П*), предположила здесь сокращения с надстроочными «р» и «л». ¹⁸ Не исключено также написание слов с сокращениями, но без выносных «р» и «л»: «стлпъ», «утрпѣ». Л. В. Милов предположил, что «в заголовке памятника и в ряде иных мест написание падежных форм слова полкъ (плкъ) могло быть с выносом *л* над глухим полного звучания (*пѣку*, где *л* — выносной над *ѣ*. . .)» могло быть и написание с паерком: «пл'ки». ¹⁹ Написание в *СМП* типа «плку» могло дать разные орфографические варианты, которые встречаются в текстах *Е* и *П*: «пѣку» — «шѣлку», а также «полку».

В «Слове» насчитывается 28 случаев употребления окончания *-ья* во множественном числе имен прилагательных («храбрыя», «Половецкыя» и др.), которым противостоят 16 прилагательных с окончанием *-ьи* или *-и*. Мы считаем, что некоторые окончания *-ья* (*-ія*) нужно отнести на счет первых издателей или даже первых расшифровщиков *СМП*. С 50-х г. XVIII в. существовало искусственное правило об употреблении окончаний *-ые*, *-ия* (м. р.), *-ья*, *-ия* (ж. и ср. р.), восходящее к практике Петербургской академической типографии. ²⁰ И тем не менее говорить о произвольном изменении окончаний *-ьи* на *-ья* мы не можем. Речь может идти только об орфографическом наполнении встреченной в рукописи формы типа «храбры», «Половецкы». Отдельные такие формы сохранились в тексте «Слова»: «То было въ *ты* рати и въ *ты* плѣкы» (с. 17), «красны дѣвице» (с. 44). Но: «подъ *тymi* мечи» (с. 32) и «*Tiu* бо бес щитовъ» (с. 27).

¹⁶ Опис рукописей народного дому з колекції Ант. Петрушевича / Зладив ц-р Іляріон Свенціцький. У Львові, 1906. Ч. 1. С. 2, 6; 1911. Ч. 2. С. 4; Ч. 3. С. 8, 16, 24, 28.

¹⁷ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1818. Т. 3. Примеч. 268, 272.

¹⁸ Щепкина М. В. К вопросу о правописании рукописи «Слова о полку Игореве». // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 100.

¹⁹ Милов Л. В. О «Слове о полку Игореве». . . С. 93.

²⁰ Черных П. Я. Историческая грамматика русского языка. М., 1962. С. 210.

Эти примеры свидетельствуют о том, что звуки [ы] и [и] в произношении сливаются, но буква «ы» писалась под влиянием орфографии кратких прилагательных. Возможен и другой вариант: после окончания -ы стоял паерок, и вместо него еще в протографе было поставлено окончание -я. В рукописной «Кройнике Стрыйковского» (XVI в.) находим: «...погани котры теж споловць едного народу были». ²¹ Б. А. Ларин относит форму «копья харалужныя» только на счет первых издателей. ²² Действительно, форма «харалужныя» вместо окончания ср. р. «харалужная» могла появиться еще в протографе в том случае, если в СМП была употреблена форма «харалужны». Невозможно также окончание ср. р. -ая (мн. ч.) для прилагательного ж. р. — «на живая струны» (вместо «живыи»).

Таким образом, при сравнении *Е* и *П* проступают как основные орфографические черты СМП, так и упорядочение правописания, предпринятое издателями: предлоги в большинстве случаев писались с последующим словом слитно и без буквы «ъ»; издатели унифицировали написание предлогов согласно правописанию XVIII в. — отдельно от слова и с буквой «ъ»;

окончания глаголов настоящего времени были в СМП в двух формах — -ть и -тъ; кроме того, были написания с надстрочной «т»; в протографе ²³ и *Е* они были упорядочены как -тъ, а в *П* при подготовке первого издания «Слова» были сверены с оригиналом СМП, и предпочтение было отдано окончанию -тъ;

многие слова писались с выносными в середине слов; в *Е* они внесены в строку с буквами «ъ» и «ь» (очевидно, так было и в протографе), а в *П* — без них;

употреблялся паерок в середине слов; в *П* он был просветлен с буквами «ъ» и «ь»; в тексте *П* и протографе — без них;

окончание прилагательных и местоимений -го передавалось в СМП надстрочным знаком, который был передан в протографе и *Е* как -ого, а в *П* — -аго;

в СМП были написания с -ор-, -ол-, -рѣ-, -лѣ-; кроме того, в отдельных случаях «р» и «л» были надстрочными или с паерком, или слогаобразующими; в результате упорядочения в этих словах в протографе и *Е* появились -ор- и -ол-, а в *П* — -рѣ-, -лѣ-;

в СМП отдельные прилагательные потеряли конечный «и» или паерок и писались по типу кратких прилагательных («храбры», «Половецкы», «ты»); уже в протографе, а позже в *Е* и *П* эти слова были одинаково дополнены по правилам XVIII в. окончанием -я.

Приведенные случаи деформации СМП и упорядочения правописания в *Е* и *П* охватывают тот слой орфографического материала, который относится непосредственно к рукописи. Другие расхождения в *Е* и *П*, в частности, противоположные написания ъ—ь в существительных («соколовъ»—«соколовь»), местоимениях («имь»—«имъ») и др., мена ча—чя, и—ы, требуют иного объяснения.

Если учесть все случаи, когда «ъ» и «ь» появились в *Е* и *П* в результате упорядочения орфографии, а в СМП их не было, то останется еще 54 слова, в которых наблюдается периодическая мена ъ (*Е*)—ь (*П*) и ь (*Е*)—ъ (*П*). Они распределяются следующим образом (первыми показаны листы текста *Е*, а в скобках соответствующие страницы первого издания).

Л. 1, 2 (с. 1—12): ъ (*Е*)—ь (*П*) — 17 слов, кроме: «имь», «яругамь», «мьгла» (*Е*); в *П* в этих словах окончание и в середине слова -ъ.

²¹ ЦНБ АН УССР, Отд. рук., ф. VIII, 106 (Лаз. 48), л. 168 об.

²² Л а р и н Б. А. Лекции по истории русского литературного языка (X—середины XVIII в.). М., 1975. С. 160.

²³ Не исключено, что в протографе могли быть еще некоторые сокращения СМП — написания под титлом, надстрочные в середине и в конце слов, отдельные слитные написания предлогов со словами. Все эти особенности нередки в скорописи XVIII в.

Л. 3, 4 (с. 12—22): ъ (*E*)—ъ (*II*) — 14 слов, кроме: «текуть», «Свято-полкъ», «человѣкомъ» (*E*); в *II* — окончание -ъ.

Л. 5 (с. 22—27): ъ (*E*)—ъ (*II*) — 10 слов.

Л. 6, 7, 8 (с. 27—46): ъ (*E*)—ъ (*II*) — 13 слов, кроме: «зоветь» (*E*); в *II* окончание ъ.

Л. В. Милов, говоря об «альтернативных раздумьях» издателей, невнимательно отнесся к обоснованному Д. С. Лихачевым научному факту, что тексты *E* и *II* восходят к одному протографу. Значит, разгадку различий нужно искать и в протографе, а не только в редакционной работе издателей. Кроме того, необходимо учесть, что во всех 54 словах, где произошла мена ъ—ъ и ъ—ъ (как и в 7 других словах), по смыслу требуется буква «ъ» («соколовъ», «имъ», «Святополкъ» и др.), т. е. писцы могли иметь дело с разными графемами одной и той же буквы «ъ» в протографе; что в XVIII в. было несколько начертаний буквы «ъ», причем отдельные начертания «ъ» в киевской скорописи обозначали «ъ» в московской скорописи, и наоборот. Сам текст *E* был переписан до 1796 г. киевской скорописью конца XVIII в.²⁴

Обратим внимание, что писец *E* правильно передал букву «ъ» на л. 1, 2, 5, а писец *II* в том тексте, который соответствует л. 3, 4, 6, 7, 8; на л. 9 (здесь текст занимает несколько строк) разнонаписаний нет. Каждый из писцов передал знакомые начертания так, как они были привычны для него в киевской или московской скорописи. Значит, протограф был написан киевской (л. 1, 2, 5) и московской (л. 3, 4, 6, 7, 8, 9) скорописями.

Этот вывод подтверждается и анализом мены *и*—*ы* и *ы*—*и* (27 слов). По-видимому, в *СМП* во всех случаях стояла буква «и», которая и в XVII, и в XVIII вв. имела в киевской и московской скорописях несколько начертаний. Писец *E* передал букву «и» в 5 словах на л. 1, 2, 5: «възлѣлѣяни», «полунощи», «полки» (дважды), «кровати».²⁵ Писец *II* употребил букву «и» в остальном тексте «Слова», который соответствует л. 3, 4, 6, 7, 8 Екатеринбургской копии, в 18 словах. В этой же части текста проявилась обратная мена *и*—*ы* в 4 словах: «крылы» (с. 19), «акы» (с. 29), «желѣзныи» (с. 32), «унылы» (с. 34).

В тексте первого издания «Слова» более 60 написаний «а» после шипящих, общих для *E* и *II*; есть слова с «я» после шипящих. В тех 15 случаях, в которых наблюдается мена *а*—*я*, по-видимому, правильный вариант сохранился в *II*, поскольку он был сверен с рукописью.

Как же возникло это разнописание? Обратим внимание, что в автографе А. Ф. Малиновского буква «я» похожа на «а»,²⁶ поэтому можно прочесть «Игора», «своа», «живаа» вместо «Игоря», «своя», «живая». К концу XVIII в. букву «я» писали одним круговым движением пера. При быстром письме углы исчезали, и буква «я» становилась похожа на «а». Писари выходили из положения, приставляя к «а» спереди своеобразный «язычок». Но иногда (как видно по автографу А. Ф. Малиновского) о нем забывали, и буква «я» читалась как «а». Так и прочел ее в протографе писец *E*. Ошибка вполне оправдана, так как в тексте были

²⁴ Ср. начертания букв текста *E* с киево-софийской копией Доношения синолу Арсения Ростовского (ЦНБ АН УССР, Отд. рук., II, 2577, л. 2—4, 1763 г. и почерком писца СМП (Там же, III, 9347, л. 1; 17 февраля 1798 г.). Об украинском происхождении копии Доношения свидетельствуют написания «и» вместо «ы» («вери», «доходи», «доми», «инихъ», «нужнихъ», «ответи», «каторихъ» и др.), «ы» вместо «и» («мыръ»), твердое «р» («монастыръ»), начертание буквы «й» (совр. укр. «і»): «божіимъ», «войнъ», «епископій» и др. В Доношении и тексте *E* близки начертания букв «б», «д», «и», «к», «л», «т», «ш», «ъ», «ь» и др.

²⁵ Листы текста *E* могли не совпадать с листами протографа, поэтому отдельные слова отнесены к л. 2 и 6 условно.

²⁶ См.: Дмитриев Л. А. История первого издания «Слова о полку Игореве». С. 193—195.

те же слова и с буквой «а». Но одно слово писец *Е*, видимо, не понял, написав «радяше» вместо «рядяше».

В отдельных случаях буква «ы» в XVIII в. тоже писалась одним росчерком пера и приближалась к начертанию, совпадающему с написанием «а». Отсюда, возможно, ошибочные прочтения («живая», «неготовами»), восходящие к протографу.

Таким образом, анализ расхождений позволил установить некоторые редакторские приемы, характер протографа и различия, возникшие при переписке с протографа, реставрировать орфографические черты *СМП*, которые характеризуют *СМП* как рукопись конца XVI в.²⁷

На этом материале можно объяснить и разнонаписание *e—ѣ*: писец *Е* почти везде пишет «стрелы», а в *II* — «стрѣлы». Е. В. Барсов обратил внимание на то, что в XVI в. часто употреблялась графема, похожая на «мягкий знак» с высокой мачтой для обозначения «ть».²⁸ И в *СМП* могло быть то же написание — «стрѣлы».²⁹ При расшифровке оно могло быть принято за древнейшую орфографическую особенность XII—XIII вв. и соответственно передано словом «стрелы»; так и перешло это написание в текст *Е*. При подготовке текста *II* ошибка была исправлена: составитель *II*, сверив текст с рукописью, понял, что это новейшая графическая особенность, и правильно передал написание — «стрѣлы». Особенностью киевского письма объясняются и разнонаписания в *II* «дивицею»—«дѣвицею», «славѣ»—«славы»: произношение «и», «ѣ», «ы» идентично.

Палеографические черты Мусин-Пушкинской рукописи «Слова» проявляются прежде всего в графических ошибках расшифровщиков и интерпретаторов, поэтому необходимо тщательно изучить следы использования рукописи. При этом нужно учесть, что тексты *Е* и *II*, как установил Д. С. Лихачев, имеют общий протограф (но *II* был сверен с оригиналом рукописи), поэтому все ошибки в *Е* и *II* восходят к *СМП* или через протограф (в *Е* и *II*), или непосредственно к *СМП* (в *II*). Их можно разделить на три группы.

1. Ошибки *СМП*, которые были в рукописи до начала работы первых издателей над ней. Они почти сливаются с ошибками второй группы.

2. Ошибки, которые объясняются способом написания слов; в частности, употреблением сокращений с выносными буквами в середине и в конце слов; паерков вместо «ъ», «ь», «и», «й»; кендем вместо «й», «и»; титлов и т. д.; сюда входят ошибки, общие для *Е* и *II* («тоже», «Ярославъ» «е гоголемъ»), и те, которые встречаются только в *Е* («Святъславича», «пякъ», «Плѣньска») и только в *II* («Ростиславя»).

3. Ошибки, которые объясняются неправильным восприятием графем *СМП*: «который», «подобію», «Всеволожь», «повелѣя», «вступилъ», «съ нимъ» «одевахъте», «времены», некоторые «темные места» (в *Е* и *II*); «Косожьскими», «опуташа», «Шоломянемъ», «Ярославнымъ», «на море», «поскачи», «ползаша», «Святъславличъ», «Всеволоде», «Игоревичъ» (*Е*); «Ярослову», «свиствъ звѣринъ въ ставби», «Руский», «горнастаемъ», «Святъславлича», «Всеволодѣ» (*II*).

К наиболее древним следует отнести те ошибки, которые возникли в результате неправильной вставки выносных в строку или неправильного деления на слова при переписке с устава или полуустава. Так, мы считаем, что во фразе «Нѣ нечестно одолѣсте, нечестно бо кровь поганую

²⁷ Такую датировку рукописи в 1866 г. предложил Н. С. Тихонравов и научно обосновал О. В. Творогов в статье «К вопросу о датировке Мусин-Пушкинского сборника со „Словом о полку Игореве“» (с. 163).

²⁸ Барсов Е. В. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси. М., 1885. Ч. 2. С. 125—126.

²⁹ Такое же начертание буквы «ѣ» встречается и в XVII в. в полтавских актовых книгах (см.: Панащенко В. В. Палеография українського скоропису другої половини XVII ст. Киев, 1974. С. 60, 63).

проліясте» (с. 26) неправильно внесена в строку выносная буква «с». Нужно: «несчетно». И тогда фраза приобретает смысл.

В разных комментариях фраза «ратаевѣ *кикахуть*» получает вроде бы удовлетворительное объяснение — «покрикивать». Но нельзя не учитывать, что в «Задонщине» этот эпизод передан иначе: «. . ни ратаи, ни пастуси в полѣ *не кличють*». ³⁰ Вполне возможно, что в слове «кикахуть» (с. 17), как и в слове «кычеть» (с. 37), была потеряна буква «л».

И еще один пример, из которого видно, как ошибочное прочтение повлекло за собой даже перестановку в древнерусском тексте «Слова». Речь идет о фразе «и въ морѣ погрузиста, и великое буйство подасть Хинови».

Рассмотрим весь эпизод так, как он подан в тексте первого издания.

«Темно бо бѣ въ г̃ день: два солнца помѣркаста, оба багряная стлѣпа погасоста, и съ нимъ молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ тьмою ся поволокоста.

На рѣдѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла: по Руской земли прострошася Половци, аки пардуже гнѣздо, и въ морѣ погрузиста, и великое буйство подасть Хинови» (с. 25).

Упомянутая выше фраза (сначала только первая ее часть) была присоединена к рассказу об Олеге и Святославе еще в начале XIX в., когда текстологическая и палеографическая критика оказалась бессильной объяснить фразу в том контексте, в котором она была в тексте первого издания. Так возник «исторический факт», что Игорев сын Олег и племянник Святослав тонули в каком-то озере-море, но остались живы. Так чему же радовалась Хинова?

Мы считаем, что перестановка ошибочна, извращает содержание памятника. В этой фразе все предельно ясно, но необходимо правильно прочесть ее: «. . по Руской земли прострошася Половци. . . и въ морѣ погрузиста, и великое буйство подасть Хинови». Не нужно никаких изменений, изъятий или перестановок в тексте! Здесь «Руская земля» выступает и как географическое название, и в значении собирательном, обозначающем людей; в последнем случае согласуется с другими словами во множественном числе: «и въ морѣ погрузиста», т. е. Кончак и Гзак погрузили их (русских людей) в мор (гибель, смерть). Предлагаемая конъектура (новое деление на слова в тексте первого издания) является оправданной со всех точек зрения — грамматической, текстологической, палеографической и эстетической.

Следует обратить внимание и на такую особенность текста. Автор «Слова», в нескольких эпизодах подчеркивает триединство действий:

- а) князья: «помѣркаста», «погасоста», «поволокоста»;
- б) половцы: «прострошася», «погрузиста», «подасть» (из этого контекста изымается упомянутая фраза);
- в) хула, нужда, див: «снесся», «тресну», «врѣжеса»;
- г) готские девы: «въспѣша», «поють», «делѣють».

Создана целостная картина состояния Руси после поражения Игоря, но, к сожалению, эта картина нарушается перестановкой. Только возвращение к тексту первого издания воссоздает художественное полотно древнего памятника.

Ошибки второй группы тоже возникли в результате пропуска выносных букв («Ярославъ», «Святъславича», «пякъ», «Плѣньска», «Ростиславя») и невнимания к строчным знакам («тоже», «е гоголемъ»).

Ошибки третьей группы являются важным палеографическим материалом, так как только они дают возможность воссоздать тип письма. Еще в конце XIX в. И. И. Козловский подметил, что ошибки в истолковании отдельных начертаний дают возможность и установить характер рукописи — время ее создания, — и предложить научно обоснованные конъек-

³⁰ См.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания «Слова». М.; Л., 1966. С. 538.

туры.³¹ Фактически И. И. Козловский изложил основы палеографической трассологии, которая по следам использования рукописей (т. е. по ошибкам переписчиков и интерпретаторов) восстанавливает их первоначальный вид. Такую же позицию заняла и М. В. Щепкина, которая писала, что раскрыть неясные места можно, только восстановив правописание рукописи и ее начертания; только так можно решить, «какие приемы исправления закономерны и допустимы в тексте «Слова»».³²

В XV—XVI вв. было три вида скорописи — севернорусская (московская), южнорусская (киевская), западнорусская (виленская), и различия между ними были значительными. В то же время появлялись памятники, написанные полууставом. Орфографические особенности рукописи *СМП* не дают представления о типе письма. Только палеографический анализ ошибок третьей группы может способствовать решению этой проблемы.

Л. П. Жуковская высказала предположение, что издатели имели в виду только звуки речи, когда говорили, что передавали текст П-1800 „буква в букву“ (с. 117). Но не звуки речи, а начертания графем пытались передать издатели; тех графем, которые, по их мнению, были в *СМП*. Так появились написания «времены» вместо «бремены», «одѣвахъте» вместо «одѣвахуть», «который» вместо «которы», «земли Руский», вместо «Руский», «Слава Игорю Святъславлича» вместо «Святъславличу» и др. Хотя издатели знали, что в этих словах нужны иные формы, буквы, окончания, они не стали исправлять их, увязывать эти слова с другими словами в предложении. Это и было издание «буква в букву». Таким образом, тот факт, что ученые пытались передать каждую графему независимо от того, как это повлияет на восприятие текста читателем (правильное толкование давалось в переводе), и открывает огромные возможности для палеографического исследования, воссоздания графем рукописи *СМП*.

Вопрос о начертаниях графем Мусин-Пушкинского списка «Слова» самый сложный. Возьмем, к примеру, провозглашение славы князьям: «Слава Игорю Святъславличь, буй туру Всеволоде, Владимиру Игоревичь» (*Е*); в *П*: «Слава Игорю Святъславлича, буй туру Всеволодѣ, Владимиру Игоревичу» (с. 46). Во всех именах — дательный падеж, т. е. необходимо окончание *-у*. Но в *Е*: «Святъславличь», «Всеволоде», «Игоревичь»; в *П*: «Святъславлича», «Всеволодѣ», «Игоревичу». Только последнее слово написано верно; в других словах текста *П* появились иные окончания. Без сомнения издатели видели здесь грамматические неправильности, но оставили те начертания, которые, как им казалось, были в тексте. Каков же характер этих ошибок?

Начнем с той ошибки, которая была исправлена: «Игоревичь» (*Е*) — «Игоревичу» (*П*). При расшифровке текста была написана буква «ь» вместо «у». Требуется найти, в какой графике написание буквы «у» напоминает или даже совпадает с написанием «ь». Тщательное палеографическое изучение разных полууставных и скорописных (московской, киевской, виленской скорописей) памятников убеждает в том, что такая графема наличествует в киевской и виленской скорописях XV—XVII вв. В. Н. Перетц в свое время отмечал эту особенность киевской скорописи: «...общий кудрявый вид письма, „ж“, „з“ с недописанной левой верхней частью, наконец, „б“ типично украинского рисунка, окончательно получающего свое завершение уже к половине XVII в.».³³

В этом же ключе получают объяснение и другие ошибки третьей группы. Отдельные начертания буквы «б» в киевской скорописи конца XVI — начала XVII в. полностью совпадали с современным начертанием буквы

³¹ Козловский И. И. Палеографические особенности. С. 6—7.

³² Щепкина М. В. Рукопись «Слово о полку Игореве» // Слово о полку Игореве. Л., 1952. С. 290 (Б-ка поэта. Б. сер.).

³³ Перетц В. Н. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVII веков. Л., 1928. С. 111 (разр. наша, — Б. Я.).

«в» («в» вместо «б» в слове «бремены»); графемы буквы «у» (мы нашли в рукописях XVI—XVII вв. восемь начертаний этой буквы) могли быть поняты в XVIII в. как «ь», «ъ», «е», «ъ», «а» и др. (см. «ъ» вместо «у» в слове «одѣвахуть»). Вот те графические расхождения, которые взяты из текстов *Е* и *П*, выписок А. Ф. Малиновского, Н. М. Карамзина, И. П. Елагина и имеют палеографическую ценность (первым дано прочтение текста издания 1800 г.): *у—ь, у—о, ь—ѣ, с—з, з—с, н—ѣ, ѣ—ь, ь—ѣ, о—ѣ, от—о, щ—ш, вл—л, л—вл, вл—в, а—о, ю—у, ж—д, и—е, е—с, п—б, а—и, е—ы, ь—ы, д—б, б—д, в—б, ѣ—и* и др. Эти разнонаписания существуют объективно и получают объяснение на материале киевской скорописи XVI—XVII вв.

Что касается переводов XVIII в., то они тоже содержат палеографическую информацию, в частности, в тех местах, которые были сверены с рукописью. Так, например, в *Е* предельно ясно сказано: «вѣстала обида», а А. И. Мусин-Пушкин переводит: «осталась победа». По всей видимости, этот перевод восходит к *СМП* или к очень неудачной расшифровке; но в любом случае прочтение ближе к оригиналу:

в слове «вѣстала» прочитана буква «о» вместо «в»; это возможно в том случае, если буква «в» была передана графемой «v»;

после префикса *в-* буквы «ъ» не было; значит, все слово было понято как «остала»; окончание *-сь* было приписано по смыслу;

в слове «обида» первая буква «о» передана «омегой» с опущенным началом (*w*) и прочитана как «по»; такие изображения «п» встречаются в рукописях XVI—XVII вв.;

буква «и» была прочитана как «е».

В этой фразе имеют палеографическое значение разнонаписания *в—о, о—по, и—е*.

В переводе *Е* находим выражение «воды купить» вместо «испить».³⁴ Как мог переводчик увидеть в слове «испить» слово «купить»? Замечаем, что разница между словами небольшая; неправильно понят только префикс *ис-*. Эта ошибка тоже объясняется палеографически:

буква «и» была прочитана как «к»; и такое начертание действительно есть в киевской скорописи XVI—XVII вв. (к);

буква «с», прочитанная как «у», была передана графемой, которая характерна для киевской скорописи конца XVI и самого начала XVII в. (б).³⁵

Так были воссозданы почти все графемы Мусин-Пушкинской рукописи «Слова», многие случайные лигатуры. Больше всего начертаний у букв «б», «в», «д», «е», «и», «у», «ы». На основе упорядоченного графического алфавита рукописи были расшифрованы некоторые «темные места» в тексте «Слова о полку Игореве». Остановимся на двух из них.

1. «Ночь стонуши ему грозою птичь убуди; свистъ звѣринъ въ стазби; дивъ кличетъ врѣху древа. . .» (с. 9).

Во фразе «свистъ звѣринъ въ стазби» испорченной частью казалось только «въ стазби». Но тщательный палеографический и текстологический анализ убеждает в том, что ключевым словом является «свистъ». В нем допущена та же, что и в слове «времены» (вместо «бремены»), единственная ошибка: «б» прочитана как «в» — в рукописи употреблен сигматический аорист «сбистъ». В следующем слове — «звѣрину» — буква «у» была прочитана как «ъ» (см. выше «одѣвахъте» вместо «одѣвахуть»). Конец фразы понятен: «въ стады». Здесь испорчен единственный слог *-ды*: начертания буквы «д», похожие на «з», сложные начертания буквы «ы» тоже характерны для киевской скорописи конца XVI—начала XVII в. Таким образом, смысл этого эпизода в том, что ночная гроза пробудила птиц и сбила зверей в стада.

³⁴ Переводы цитируются по книге Л. А. Дмитриева «История первого издания „Слова о полку Игореве“».

³⁵ ЦГИА УССР, Озд. рук., ф. 157, оп. 1, ед. хр. 2, л. 1.

Еще меньше исправлений во фразе о Святополке Изяславиче.

2. «Съ тояже Каялы Святоплтъкъ повелѣя отца своего. . .» (с. 16).

Здесь ошибка допущена только в одном месте — «повелѣя». Н. М. Карамзин считал, что нужно читать: «по сѣчѣ я», т. е. «после битвы забрал. . .».³⁶ Отдельные графемы буквы «в» могли быть прочитаны как «с». Но какой знак наминал и «л», и «ч»? Мы считаем, что это была лигатура «ст»; нужно читать: «по вѣстѣ я», т. е. «получив известие, забрал. . .».³⁷ Летописи сообщают, что Святополк Изяславич действительно похоронил своего отца, погибшего в битве на Нежатиной ниве, в храме святой Софии в Киеве.

Таким образом, воссоздание скорописных начерков *СМП* оказывается возможным только при сравнении ошибок расшифровщиков и интерпретаторов, которые невольно ориентировались на современные им скорописи XVIII в., с начертаниями реальных рукописей XVI—XVII вв. Реконструированные таким способом графемы датируют *СМП* не позже конца XVI—начала XVII в. Это был один цельный этап, который И. Каманин определяет как третий период в развитии киевской скорописи (вторая половина XVI—первая половина XVII в.).³⁸

Подведем итоги. Поиски аналога *СМП* — задача комплексная и усложняется тем, что в тексте первого издания «Слова» отразились как орфографические характеристики рукописи, так и следы редакционной работы издателей в конце XVIII в. Предпринятое ими упорядочение правописания изменило характер рукописи. Поэтому вполне очевидно, что предложенный Л. П. Жуковской метод прямого сопоставления текста первого издания «Слова» с произвольно подобранным списком XV в. не оправдывает себя. Как показал в своем исследовании Д. С. Лихачев, дошедшие до нас тексты «Слова о полку Игореве» содержат разные орфографические наслоения XVIII в. и могут быть только материалом для реконструкции рукописи.³⁹ Разработанная им схема взаимоотношений текстов *Е* и *П*, их протографа-расшифровки и рукописи, будучи положена в основу данного исследования, позволила размежевать редакционные наслоения и основные орфографические характеристики Мусин-Пушкинской рукописи «Слова».

Та же схема Д. С. Лихачева помогает классифицировать графические ошибки издателей, восходящие к неправильному прочтению отдельных графем рукописи и нашедшие отражение в сохранившихся текстах «Слова». Ценным источником для палеографического исследования являются и переводы XVIII в., которые, как установил Л. А. Дмитриев, были сверены с рукописью; они же содержат многие ошибочные прочтения *СМП*. Тщательное изучение графических ошибок издателей в текстах и переводах «Слова» в XVIII в., их сопоставление с начертаниями реальных рукописей XVI—XVII вв. позволили воссоздать графемы Мусин-Пушкинского списка, расшифровать некоторые «темные места» в древнерусском тексте «Слова о полку Игореве».

³⁶ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 3. Примеч. 268.

³⁷ Такое выражение встречается в рукописях XVII в. (см.: ЦНБ АН УССР, Отд. рук., ф. VIII, 107 м (57), л. 4.

³⁸ Каманин И. Главные моменты в истории развития южнорусского письма в XV—XVIII вв. // Палеографический сборник. Киев, 1889. Вып. 1. С. 7.

³⁹ Лихачев Д. С. История подготовки к печати текста «Слова о полку Игореве». С. 88.

О. В. ТВОРОГОВ

Принципы публикации текста «Слова о полку Игореве» в изданиях XIX в.

Перед любым издателем «Слова о полку Игореве» неизбежно встает вопрос о принципах передачи текста памятника. Сейчас уже никто не воспроизводит текст издания 1800 г. с буквальной точностью: пунктуация приводится в соответствие с современным прочтением и толкованием текста, по новым правилам расставляются прописные и строчные буквы, исправляются бесспорные опечатки, предлагаются конъектуры «темных мест» и т. д. Когда же решается вопрос о принципах воспроизведения орфографии, то приходится выбирать из трех возможностей: либо реконструировать орфографию, ориентируясь на традиционные или этимологически обоснованные написания древнерусских рукописей,¹ либо попытаться выявить и устранить те поновления, которые были внесены в орфографический облик Мусин-Пушкинского списка первыми издателями, либо ограничиться лишь устранением некоторых наиболее бесспорных ошибок прочтения и публикации издания 1800 г.² Приняв вторую из названных альтернатив, мы должны будем ответить на вопрос: как же понимали свои эдичионные задачи первые издатели? Стремились ли они к максимально точному воспроизведению текста (когда были способны его правильно прочесть) или же пытались унифицировать написания исходя из своих представлений о древнерусской орфографической норме, в соответствии с которой формулировка «буква в букву» (слова А. Ф. Малиновского³) — лишь точность воспроизведения слов, а не их написаний, и поэтому разница, допустим, между написаниями *начати* и *начяти*, *вълкъ* и *влкъ* и т. п. могла представляться не заслуживающей особого внимания. Исследователи по-разному отвечают на этот вопрос,⁴ и трудность его решения состоит в том, что мы не знаем подлинного текста Мусин-Пушкинского списка и, соответственно, не можем оценить изменений, внесенных в него издателями.

¹ Такую реконструкцию осуществил, например, Н. А. Мещерский в издании «Слово о полку Игореве». 3-е изд. Л., 1985. С. 22—35 (Б-ка поэта. Б. сер.). Реконструкция эта имеет, разумеется, исследовательский характер.

² Так поступают большинство современных издателей. Как одно из наиболее авторитетных укажем издание: «Слово о полку Игореве» / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 9—31 («Литературные памятники»). Текст подготовлен Д. С. Лихачевым.

³ См.: Слово о плъку Игореве. . . Объясненное по древним письменным памятникам магистром Дмитрием Дубенским. М., 1844. С. VIII.

⁴ Из последних работ на эту тему укажу следующие: Т в о р о г о в О. В. К вопросу о датировке Мусин-Пушкинского сборника со «Словом о полку Игореве» // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31. С. 147—157; М и л о в Л. В. О «Слове о полку Игореве»: (Палеография и археография рукописи, чтение «русичи») // История СССР. М., 1983. № 5. С. 82—106; Ж у к о в с к а я Л. П. О редакциях, издании 1800 г. и датировке списка «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и его время. М., 1985. С. 79 и след.

Иное дело, если мы обратимся к изданиям, для которых исходным был известный нам текст первого издания 1800 г. (далее — *П*). Интерес представляет, на наш взгляд, анализ наиболее авторитетных изданий XIX в., публикаторы которых неоднозначно решали рассматриваемую здесь эдиционную проблему, различно передавали, существенно трансформируя, текст *П*. С этой целью я обратился к изданиям Н. Ф. Грамматина, двум изданиям М. А. Максимовича и изданию Н. С. Тихонравова.

Н. Ф. Грамматин в издании 1823 г. специально останавливается на принципах издания. Он упрекает издателей, которые «с дипломатической точностью напечатали все ошибки (а их весьма довольно), и без всякого правописания. . . Не говоря о том, — продолжает он, — что сей способ избавляет издателей от малейшей думы и ставит их наряду с простыми переписчиками, я замечу только: годится ли такая книга, хотя бы самая верная копия, для общего употребления?».⁵ Свою задачу Грамматин формулирует так: «Итак, первый шаг к выраумлению Слова о полку Игоревом есть однообразное написание, разумеется не новое, а древнее, коего образцы находятся в разных произведениях XI и XII века, и отчасти в самом Слове о полку Игоревом».⁶

Принцип сформулирован четко: текст должен быть приведен в соответствие с нормами древнерусского правописания. Но Грамматин при этом исходит из представлений о существовании такой нормы, хотя практически в любой древнерусской рукописи мы встречаем тот или иной орфографический разнობой.

Четырнадцать лет спустя подобную же задачу ставит М. А. Максимович.⁷ В издании отсутствуют разъяснения принципов публикации, но мы знаем, что Максимович сочувственно отзывался об издании Грамматина (см. ниже). В подавляющем большинстве случаев написания у Грамматина и Максимовича совпадают. Значит ли это, что оба исследователя одинаково представляли себе норму древнерусского правописания, или же Максимович повторял поправки Грамматина в тех случаях, когда был согласен с ним, сказать трудно. В 1859 г. Максимович вновь издает текст «Слова», который во многих случаях отличается от текста в издании 1837 г.⁸

К анализу привлечено также издание Н. С. Тихонравова, традиционно считающееся одним из авторитетнейших среди изданий XIX в.⁹ В отличие от Грамматина и Максимовича Тихонравов мог уже опираться на текст незадолго перед этим открытой и опубликованной¹⁰ Екатерининской копии «Слова» (далее — *Е*).

Наглядное представление обо всех упомянутых изданиях «Слова» может дать специально подготовленный в данной статье текст памятника, в котором к *П* подведены различия по изданиям Н. Ф. Грамматина

⁵ Слово о полку Игореве, историческая поэма, писанная в начале XIII века на славянском языке прозой, и с оной предложенная стихами древнейшего русского размера, с присовокуплением другого буквального предложения: С историческими и критическими примечаниями, критическим же рассуждением и родословною. М., 1823. С. 4—5.

⁶ Там же. С. 6—7.

⁷ Песнь о полку Игореве, сложенная в конце XII века на древнем русском языке. Издана с переводом на нынешний русский язык проф. русской словесности Михаилом Максимовичем для своих слушателей. Киев, 1837.

⁸ Максимович М. А. Песнь о полку Игореве, переложенная на украинское наречие // Украинец. Кн. первая. М., 1859. Текст «Слова» опубликован на с. 87—102.

⁹ Слово о полку Игореве / Изд. для учащихся Н. Тихонравовым проф. Моск. ун-та. 2-е изд. М., 1868. От первого издания (1866 г.) рассматриваемое издание отличается лишь исправлением некоторых опечаток. Оценка издания Тихонравова см., например: Гудзй Н. К. Судьбы печатного текста «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1951. Т. 8. С. 38—39.

¹⁰ Пекарский П. Слово о полку Игореве по списку, найденному между бумагами императрицы Екатерины II. СПб., 1864 (Приложение к т. V «Записок Академии наук». № 2).

(Г), М. А. Максимовича 1837 г. (М) и его же изданию 1859 г. (Мж), а также по изданию Н. С. Тихонравова (Т). На разночтения этого текста я и ссылаюсь в дальнейшем изложении.

Обратимся к изданию Н. Ф. Грамматина. Общее число исправленных им чтений достигает пяти сотен.¹¹ Ориентируясь на традиционное, как он себе его представляет, древнерусское написание, издатель систематически вносит в текст следующие изменения.

1. Написания по южнославянскому образцу типа *влькъ*, *чръленый* систематически преобразуются в древнерусские *вълъкъ*, *чръленый* с заменой *ъ* на *ь*, когда это оправдано этимологией. См. разночтения I, 33, 38, 39, 44, 55, 85, 89 и др.

2. Глагольные окончания на *-тъ* систематически исправляются на *-ть*. См. разночтения I, 99; II, 1, 11, 15, 16, 20, 21, 22, 26, 47, 54 и др.

3. Унифицируется написание букв *ъ* и *ь* в соответствии с этимологией слов, поэтому *мъгла* исправляется на *мьгла* (II, 28), *Святъславличю* на *Святъславличю* (II, 46) и т. д. Столь же систематически проводятся исправления *ь* на *ъ* в окончаниях существительных и местоимений: *былинамъ* вместо *былинаь* (I, 10), *умъ* вместо *умь* (I, 36; IV, 68); ср. также: *человѣкомъ* (III, 38), *дивъ* (IV, 96), *имъ* (I, 86; VII, 44) и т. д.

4. Грамматин восполняет буквы *ъ* и *ь* в тех написаниях, где они, по его мнению, должны были присутствовать. Так, он вносит *ь* в написания *Мьстиславу* (I, 23), *мъркнетъ* (II, 26), *вельми* (II, 56), *Ольгови* (III, 9) и др. Восстанавливается редуцированный и в том случае, если в II читается гласный полного образования: вместо *Черниговѣ* Грамматин пишет *Чьрниговѣ* (III, 19), написание *солнце* во всех случаях заменяет на *сьлнце* (I, 42, 94; II, 63; IV, 77; V, 98 и др.),¹² написание *Волга* на *Въла* (V, 48).

Систематически восстанавливает Грамматин и написание *ъ* после приставок. Помимо допустимых случаев, оправдываемых, в частности, аналогиями в самом тексте «Слова», таких как написания *сѣвѣдоми* вместо *сѣѣдоми* (I, 82) или *въступила* вместо *вступила* (III, 78),¹³ он предлагает совершенно искусственные, этимологически не оправданные написания типа *въскладаше* (I, 33), *възълѣяни* (I, 84), *отътворени* (I, 87), *възбиваетъ* (V, 36), *расъсушяь* (II, 36) и т. д.

5. Грамматин вносит поправки в написание буквы *а* после *ч* и *ц*, но, впрочем, непоследовательно. Так, он исправляет *начяти*, *начяша*, *начясте* на *начати*, *начаша*, *начасте* (I, 7; III, 85; VI, 39), *потручяти* на *потручати* (II, 69), но, с другой стороны, исправляет *Святъславлича* на *Святъславличя* (I, 8; ср. также IV, 11; V, 62, 84; VI, 17), *скача*, *меча*, *соколича* на *скачя*, *мечя*, *соколичя* (I, 56; V, 70; VIII, 19). После *ц* Грамматин предпочитает исправлять *а* на *я*: *отця* (III, 27), *Донця* (VII, 56, 70).

6. Грамматин унифицирует написание сочетаний *-кы-* вместо *-ки-*: *Угорьскыми* (III, 28), *кыкаху* (III, 43), *пълкы* (V, 67), *Русьскыхъ* (VI, 37) и др.

7. Издатель унифицирует написания с *ѣ* и *е*: вместо *тѣлѣгы*, *рѣчь*, *уедіе* и т. д. мы встречаем у него *телегы* (II, 12), *речь* (III, 46), *уѣдіе* (III, 49). Исправляются и ошибочные написания через *ѣ* во флексиях: *лебедей* (I, 19, 28), *ратаеве* (III, 42), *Осмомысле* (V, 64).

Вносит Грамматин и множество буквенных исправлений, оправдываемых этимологией слов. Он исправляет *рѣтко* на *рѣдко* (III, 44), *жирня* на *жирна* (III, 83), *жемчюжну* на *женьчюжну* (VI, 30), *носады* на *насады* (VII, 26) и др., впрочем, безжалостно изгоняя написания, объяснимые орфоэпическими или иными тенденциями.

¹¹ В этом подсчете учитываются также смысловые конъектуры. Однако исходя из задач данной статьи они ни здесь, ни в дальнейшем не рассматриваются.

¹² Это слово писалось обычно под титулом — *сьлнце* (см.: Успенский сборник XII—XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Лянов. М., 1971. Указатель слов и форм. С. 705—706).

¹³ Ср. в «Слове»: *сгълядати*, *възбивати*, *въсржити*, *въскрмити*, *сѣстати*.

Ряд исправлений Грамматина обусловлен грамматической унификацией. Приведем некоторые из них.

II	Г р а м м а т и н
на живая струны	на живыя струны (I, 32)
до нынѣшняго Игоря	до нынѣшняго Игоря (I, 35)
вѣщѣй Бояне	вѣщѣй Бояне (I, 70)
на свои брѣзвы комоны	на свои брѣзвы комоны (I, 44)
а Князю славѣ	а князю славы (I, 92)
чръныя тучя	чръныя тучи (II, 59)
синія мълнїи	синїя мълнїи (II, 64)
рускыя пълкы	русьскыи пълкы (II, 82)
лѣта Ярославля и др.	лѣта Ярославля (III, 7)

Отметим, что не во всех случаях исправления были необходимы и оправданы. Так, в уже упоминавшемся современном «Слову» Успенском сборнике мы встретим написания «до нынѣшняго дъне» (л. 99г, 7—8), «мучи. . . божия люди» (л. 103б, 14—15), «добрыя бисъры. . . коуни» (л. 232в, 24—25) и т. д. В уже упоминавшейся реконструкции Н. А. Мецкерский счел возможным сохранить чтение II в шести из приведенных здесь примеров.

Еще на одном типе исправлений необходимо задержать внимание. Грамматин исправляет формы имперфекта на *-ть*: вместо *помняшетъ* он пишет *помняше* (I, 12), вместо *сбѣшется* — *сбѣшесе* (III, 33), вместо *кыхахуть* — *кыхаху* (III, 43) и т. д. Формы на *-ть* действительно вторичны, однако в рукописях XII—XIV вв. они становятся широко употребительными.¹⁴

Унифицирует Грамматин и написания прилагательных *половецкый* и *русьскый*, везде употребляя их только в приведенной здесь форме (см. разночтения I, 40, 41, 50; II, 24, 35, 38, 42 и др.).

Итак, перед нами четкая эдиционная позиция: игнорируя индивидуальность рукописи, возможные и распространенные явления смешения форм и написаний, представить текст очищенным от малейших нарушений «нормы». Впрочем, проделав трудоемкую работу по исправлению и унификации орфографии, Грамматин все же не избежал и разнобо. Уже упоминались колебания в написаниях сочетаний *-ча-* и *-чя-*; отмечу, что наряду с исправлением *копѣа* на *копѣя* (III, 59) или *веселѣа* на *веселѣя* (VII, 79) он исправляет *граяху* на *грааху* (III, 44) и т. д.

Обратимся к изданию М. А. Максимовича 1837 г. Это непритязательное с виду издание (текст не предварен каким-либо предисловием, обосновывающим принципы издания: исправления текста не оговорены; комментарии весьма кратки) тем не менее заслуживает внимания уже потому, что издатель — один из авторитетнейших филологов своего времени, а обилие внесенных в текст поправок (их около 450) говорит об исключительно ответственном подходе к изданию его составителя.

Как уже говорилось, М. А. Максимович одобрительно отозвался об издательских принципах Грамматина,¹⁵ и не удивительно, что более 200 его поправок совпадают с поправками последнего. Максимович так же унифицирует написания типа *вълкъ*, так же заменяет глагольное окончание *-тъ* на *-ть*, так же пишет *-кы-* вместо *-кы-*, унифицирует написания прилагательных *половецкый* и *русьскый*, правда в иной, чем Грамматин, форме: *половецкый* и *русьскый*. Однако, с другой стороны, Максимович не допускает постановки *ѣ* после приставок *воз-* и *вос-*, как это делал Грамматин,

¹⁴ См.: Историческая грамматика русского языка. Морфология: Глагол. М., 1982. С. 69 и 82.

¹⁵ Максимович писал: «Грамматин (1823 г.) поступил как филолог (курсив М. М., — О. Т.), предприняв привести текст Игоревой песни к однообразному написанию» (Максимович М. А. Филологические письма к М. П. Погодину // Русская беседа. 1856. Ч. 3. С. 112).

не уничтожает приращения *-ть* в имперфекте. Вносит Максимович и ряд своих орфографических поправок. Вопреки Грамматину он проводит написания *я* вместо *а* после букв *ж*, *ч* и *ц*: *начяти* (I, 9), *дотечяше* (I, 20), *бѣжати* (I, 67), *крячати* (II, 14), *помчяше* (II, 37), *усобицями* (III, 35) и др. Он меняет *и* на *ы* в корнях: *рыща* (I, 60), *крячати* (II, 14), *кыкалуть* (III, 43), *дорыскаше* (VI, 76) и т. п. Флексию *-овъ* Максимович постоянно исправляет на *-овь*: *соколовъ* (I, 18, 27), *Велесовъ* (I, 71), *щитовъ* (V, 23). Отметим также исправления *Чрънигова* и *Черниговѣ* на *Чьрнѣгова* и *Чьрнѣговѣ* (III, 1 и 19), *Шароканю* на *Шарокяню* (V, 2), *кощей* на *кощѣи* (V, 49, 82) и др.

В издании 1859 г. М. А. Максимович, сохранив большинство поправок, принятых в предшествующем издании, отказывается от исправлений *-ча-* на *-чя-*, *-ки-* на *-кы-*, возвращаясь к написаниям *И*. В то же время он вносит ряд новых поправок. Так, вместо *тѣлѣгы* читает *телѣгы* (I, 12), вместо *чти* — *чѣсти* (II, 31, 100), вместо *итти* — *ити* (II, 66), вместо *приламат* — *приломат* (II, 68), вместо *вихръ* — *вихѣръ* (IV, 36), вместо *хълми* — *хълмы* (IV, 24), вместо *ятвязи* — *ятвьязи* (V, 93) и др. Вносятся изменения и во флексии имен и причастий (см. I, 15, 19, 28, 84, 85; V, 89 и др.).

Издание Н. С. Тихонравова, как уже отмечалось, важно уже в том отношении, что исследователь опирался на Екатерининскую копию «Слова», незадолго перед тем опубликованную. В целом правильно оценив оба списка «Слова» и отметив, что древняя рукопись воспроизведена в них с ошибками, объясняемыми недостатком палеографических знаний и навыков у Мусина-Пушкина и его сотрудников, Тихонравов сообщает, что в своем издании он положил в основу «текст памятника по первому изданию» и «отступал от него лишь тогда, когда находил в списке Екатерининском более древнее или более верное чтение». «Предлагая свои догадки относительно исправления текста, — продолжает он далее, — я всегда указываю чтения обоих списков памятника».¹⁶

И действительно, Тихонравов отказывается от ряда поправок, принятых Грамматиным и Максимовичем (например, от написаний типа *вѣлкѣ*, возвращаясь к написаниям *И*), и большинство его поправок (более 140 из 250) основано на приемлемых чтениях Екатерининской копии. Но вопреки своему обещанию издатель сопровождает ссылками на *Е* далеко не все свои поправки, сделанные на ее основании. Так, не оговорены подобные поправки в разночтениях I, 8, 22, 46, 66, 71, 84, 93 и во многих подобных случаях, в то время как ссылки на *Е* есть, например, в разночтениях 2, 5, 7 и 8 на с. 1 его издания, в разночтениях 1 и 2 на с. 2 и т. д.

Но самое главное в другом: Н. С. Тихонравов, принимая чтения *Е*, совпадающие с его собственными представлениями о древнерусской орфографической норме, создает иллюзию того, что именно *Е* позволяет исправить ошибки *И* (хотя следовало бы ожидать, что этот текст, готовившийся коллективом издателей, более точен) и приблизить нас к написаниям подлинной рукописи. Но как ни парадоксально, быть может, эта мысль, я считаю, что откровенная унификация Грамматина и Максимовича или же научная реконструкция Н. А. Мещерского более последовательна, чем произвольный отбор «лучших чтений» из *И* и *Е*. Во-первых, неясно, что именно реконструируется. Список XVI в. с присущими ему чертами орфографической манеры этого времени или же текст, более приближенный к древнейшим спискам памятника? Во-вторых, унификация в любом случае уведет нас от подлинного облика рукописи, где, разумеется, орфографическое единство отсутствовало. В-третьих, и это самое главное: став на позиции Тихонравова, мы тем самым допускаем, что лица, готовившие и *Е* и *И*, в обоих случаях стремились к возможно точному воспроизведению оригинала, а отклонения от него — не более чем единичные, случайные

¹⁶ Слово о полку Игореве. С. VIII—IX.

просчеты. В то же время огромное число разночтений между *П* и *Е* привело меня к убеждению, что речь идет не столько о непоследовательных попытках унификации текста, сколько о полном равнодушии издателей к орфографической точности, в результате чего совпадения *П* или *Е* с оригиналом не более чем счастливая случайность.¹⁷

Вернемся к изданию Н. С. Тихонравова. Любопытным примером доверия к *Е* является воспроизведение всех встречающихся в ней написаний с выносными буквами (см. разночтения I, 76; II, 57, 92; IV, 32, 44, 51; V, 41; VI, 48; VII, 84; VIII, 18). Но характерно, что в *Е* все написания приходится на конец строки и, думается, принадлежат копиисту XVIII в., а не отражают написаний древнего подлинника.¹⁸ В противном случае мы оказались бы перед необходимостью объяснить странный факт: почему в *Е* не отразились написания с выносными буквами в середине строки, а также несомненно присутствовавшие в Мусин-Пушкинском списке написания слов под титлом?

Н. С. Тихонравов допускает и другие непоследовательности. Так, он сохраняет чтение *П* порой в тех случаях, когда в *Е* находится чтение, более соответствующее древнерусской орфографической традиции. В издании читается *тѣлѣгы* (II, 12) при чтении *телѣгы* в *Е*, *полунощы* (II, 13) при *полунощи* в *Е*, *слѣтѣста* (III, 69) при *слетѣста* в *Е* и т. д.

Есть примеры, когда Тихонравов предлагает свои чтения вопреки общим чтениям *П* и *Е*: *трещать* (III, 58) вместо *трещатъ*; *копѣя* (III, 59) вместо *копѣа*; ср. также: *мгла* (II, 28) при *мѣгла* (*П*) и *мѣгла* (*Е*); *Святъславичя* (III, 11) при *Святъславличя* (*П*) и *Святъславлича* (*Е*); *похытимъ* (V, 29) при *похитимъ* (*П*) и *похытимъ* (*Е*) и т. д. Тихонравов приводит три написания под титлом слова *господине* (V, 29; VII, 13 и 38), аналогично читающегося в *Е*. Но любопытно, что, во-первых, это единственное слово, приводимое им в сокращенном написании (в рукописи под титлом писались, несомненно, и другие слова), и, во-вторых, что слово *господине* пишется сокращенно лишь в трех из пяти употреблений его в «Слове», тем самым подтверждая, на наш взгляд, искусственность этих написаний в *Е*. Есть в издании Тихонравова опечатки и пропуски слов (см. III, 3; IV, 18; VI, 83—84).

Итак, путь реконструкции текста «Слова» путем отбора из *П* и *Е* лучших чтений, думается, себя не оправдывает и даже опасен, ибо создает иллюзию научно обоснованного восстановления орфографического облика Мусин-Пушкинского списка. Более верной представляется традиция современных изданий, где исправлению подвергаются лишь явные описки и «темные места», а орфография *П* сохраняется без изменений, хотя мы отдаем себе отчет в ее неадекватности оригиналу.

Текст «Слова» приводится далее по *П* с сохранением орфографии, расстановки знаков препинания, традицией употребления строчных и прописных букв. Явные опечатки исправлены, но все исправления оговариваются. Деление текста на абзацы осуществлено автором статьи. Разночтения, как сказано выше, приведены по изданиям Н. Ф. Грамматина (*Г*), М. А. Максимовича 1837 г. (*М*) и 1859 г. (*Мж*) и Н. С. Тихонравова (*Т*). Выносная буква в разночтениях из последнего издания обозначена курсивом.

В подготовке текста и подведении разночтений принимала участие И. И. Бревдэ.

¹⁷ Об этом см. подробнее в моей статье (XXXI ТОДРЛ).

¹⁸ Текст *Е* см.: Дмитриев Л. А. Исследование первого издания «Слова о полку Игореве». М., Л., 1960. С. 140—151.

СЛОВО ¹, ¹ О ПЪЛКУ ИГОРЕВЪ ИГОРЯ СЫНА ²
 СВЯТЪСЛАВЛЯ ³ ВНУКА ОЛЬГОВА ⁴

Не лѣполи⁵ ны бяшетъ,⁶ братіе, начати⁷ старыми словесы трудныхъ повѣстий о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича!⁸ начати⁹ же ся тѣмъ пѣсни по | былинамъ¹⁰ сего времени, а не по замышленію Бояню. Боянъ бо вѣщій, | аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашеться¹¹ мыслію по древу, сѣрмымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подь облакы. Помняшетъ¹² бо речъ¹³ първыхъ¹⁴ времяхъ усобицѣ;¹⁵ тогда пуцашеть¹⁶ і¹⁷ соколовъ¹⁸ на стадо лебедѣй,¹⁹ который дотечаше,²⁰ та преди пѣсѣ²¹ поаше, старому Ярославу,²² храброму Мстиславу,²³ иже зарѣза Редедю предъ | пълкы Касожьскими,²⁴ красному Романови Святъславличю.²⁵ Боянъ же, братіе, не і²⁶ соколовъ²⁷ на стадо лебедѣй²⁸ пуцаше,²⁹ нѣ своя вѣщія³⁰ прѣсты³¹ на живая³² струны вѣскладаше,³³ они же сами Княземъ славу рокотаху. |

Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ старога Владимирера³⁴ до нынѣшняго³⁵ Игоря; иже истягну умъ³⁶ крѣпостію своею, и поостри сердца³⁷ своего мужествомъ, наплънився³⁸ ратнаго духа, наведе своя храбрыя пълкы³⁹ на землю Половѣцкую⁴⁰ за землю Руськую.⁴¹

Тогда Игорьъ вѣзрѣ на свѣтлое солнце⁴² и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты, и рече Игорьъ къ дружинѣ своей: братіе и дружино! луцежъ⁴³ бы погяту быти, неже полонену быти: а всядемъ, братіе, на свои брѣзны⁴⁴ комони, да | позримъ синего Дону. Спала⁴⁵ Князю умъ⁴⁶ похоти,⁴⁷ и жалость ему знаменіе заступи,⁴⁸ искусити Дону великаго.⁴⁹ Хошу бо, рече, копіе приломити конецъ поля Половецкаго⁵⁰ съ вами Русичи,⁵¹ хошу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ⁵² Дону.

О Бояне, соловію старога⁵³ времени! абы ты сіа⁵⁴ пълкы⁵⁵ ущекоталъ, скача⁵⁶ славію по мыслену древу, летая умомъ⁵⁷ подь облакы, свивая славы⁵⁸ оба полы⁵⁹ сего времени, рища⁶⁰ въ тропу Трояню ⁶¹чресъ⁶² поля на горы.⁶³ Пѣти было пѣсѣ⁶⁴ Игореву, того (Олга)⁶⁵ внуку. Не буря | соколы занесе чресъ⁶⁶ поля широкая; галици стады бѣжаты⁶⁷ къ Дону великому,⁶⁸ чили⁶⁹ вѣспѣти⁷⁰ было вѣщій⁷⁰ Бояне, Велесовъ⁷¹ внуке: комони ржуть за Сулою; звенить слава въ Києвѣ; трубы трубятъ въ Новѣградѣ; стоятъ стязи въ Путивлѣ; Игорьъ ждетъ⁷² мила брата Всеволода. И рече⁷³ ему ⁷⁴Буй Туръ⁷⁵ Всеволодъ: одинъ братъ, одинъ⁷⁶ свѣтъ свѣтлый ты Игорю, оба есвѣ⁷⁷ Святъславлича;⁷⁸ сѣдлай, брате, свои брѣзны⁷⁹ комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска⁸⁰ на пере/ди,⁸¹ а мои ти Куряни

^a В издании ввликаго. ^б В издании ееликому.

¹, ¹ Пѣснь М. ² Нет М. ³ Святъславлича М; Святославля Т. ⁴ Олгова Т. ⁵ лѣпо ли ГММкТ. ⁶ бяше Г. ⁷ бяшетъ ММк; бяшет Т. ⁸ начати ГМк. ⁹ Святъславлича ГМ; Святъславлича Т. ¹⁰ начати М. ¹¹ былинамъ ГММкТ. ¹² растекашеться Г; растекашеться ММк. ¹³ помняше Г. ¹⁴ първыхъ ГММк. ¹⁵ усобицѣ ГМ; усобици Мк; усобицы Т. ¹⁶ пуцаше Г. ¹⁷ десяти ГММк. ¹⁸ соколовъ ММкТ. ¹⁹ лебедей Г; лебедий Мк. ²⁰ дотечаше М. ²¹ пѣснь ГМк; пѣс Т. ²² Ярославу ГММкТ. ²³ Мстиславу ГМк. ²⁴ Касожьскими Мк. ²⁵ Святъславличю Мк; Святославличю Т. ²⁶ десяти ММк. ²⁷ соколовъ ММкТ. ²⁸ лебедей Г; лебедий Мк. ²⁹ пуцаше Г. ³⁰ вѣщія ГММк. ³¹ прѣсты ГММк. ³² живыя Г. ³³ вѣскладаше Г. ³⁴ Владимира ГМ; Владимира Мк. ³⁵ нынѣшняго Г. ³⁶ умъ ГММкТ. ³⁷ сердца Мк. ³⁸ наплънився ГММк. ³⁹ пълкы ГММк. ⁴⁰ Половечьскую Г; Половецкую ММк. ⁴¹ Руськую Г. ⁴² сылице Г. ⁴³ луце жъ Г; луце жъ Мк. ⁴⁴ брѣзны ГММк. ⁴⁵ спали Г; спалъ Т. ⁴⁶ умъ ГММкТ. ⁴⁷ Далее искусити Дону великаго ГММк. ⁴⁸⁻⁴⁹ Читается после 47 ГММк. ⁵⁰ Половечьскаго Г; Половецкаго ММк; Половецкого Т. ⁵¹ Русичи ММк. ⁵² шеломомъ ГММк. ⁵³ старога Т. ⁵⁴ сіа ГММк. ⁵⁵ пълкы ГММк. ⁵⁶ скача Г. ⁵⁷ орломъ Мк; орлом Т. ⁵⁸⁻⁵⁹ оба-полы М; обаполы Мк. ⁶⁰ рища М. ⁶¹ Бояню Т. ⁶²⁻⁶³ Нет Мк. ⁶⁴ чрезъ ГММк. ⁶⁵ пѣснь ГМк; пѣс Т. ⁶⁶ Олга (без скобок) ГММк; нет Т. ⁶⁷ чрезъ ГММкТ. ⁶⁸ бѣжаты М. ⁶⁹ чи ли Г. ⁷⁰ вѣспѣти Г. ⁷¹ вѣщій ГММк. ⁷² Велесовъ ММкТ. ⁷³ ждетъ ГМ. ⁷⁴⁻⁷⁵ Буй-Туръ МкТ. ⁷⁶ одинъ Т. ⁷⁷ есма Г. ⁷⁸ Святъславлича Мк. ⁷⁹ брѣзны ММкТ. ⁸⁰⁻⁸¹ напереди ГММкТ.

свѣдоми⁸² къ мети,⁸³ подь трубами повити, подь шеломы възлелѣяны,⁸⁴ конець кошія въскрѣмлени,⁸⁵ пути имь⁸⁶ вѣдоми, яругы имь знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени,⁸⁷ сабли изьострени, сами скачють,⁸⁸ акы сѣрый вльци⁸⁹ въ полѣ, ищучи себе⁹⁰ чти,⁹¹ а Князю славѣ.⁹²

Тогда вступи⁹³ Игорь Князь въ златъ стремянь, и поѣха по чистому полю. Солнце⁹⁴ ему тьмою⁹⁵ путь заступаше; ношь стонуши ему грозою птичь⁹⁶ | убуди; свистъ звѣринь⁹⁷ въ стазби;⁹⁸ дивь кличеть⁹⁹ врѣху¹⁰⁰ 9
древа, велить II. ¹ послушати земли² незнаемѣ, вльзѣ,³ и ⁴по морію,⁵ и ⁶по Сулію,⁷ и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ Тьмутораканьскій⁸ блѣванъ.⁹ А Половци неготовами¹⁰ дорогами побѣгоша^B къ Дону Великому; крычатъ¹¹ глѣбгы¹² полунощи,¹³ рци лебеди роспушени.¹⁴ Игорь къ Дону вои ведеть;¹⁵ уже бо бѣды его пасеть¹⁶ птицъ,¹⁷ подобію¹⁸ вльци¹⁹ грозу въсрожать,²⁰ по яругамъ; орли клеткомъ на кости звѣри зовуть,²¹ лисици | брешуть²² на чрьлены²³ щиты. О руская²⁴ земле! уже за Шеломянемъ еси. 10

Длго.²⁵ Ночь мркнетъ,²⁶ заря свѣтъ²⁷ запала, мъгла²⁸ поля покрыла, щекотъ славій успе, говоръ галичь убуди. Русичи²⁹ великая поля чрьлеными³⁰ щиты прегородиша, ищучи себѣ чти,³¹ а Князю славы.

Съ³² заранія въ пяткъ³³ потопташа поганяя плѣкы³⁴ Половецкыя;³⁵ и рассушясь³⁶ стрѣлами по полю, помчаша³⁷ красныя дѣвки Половецкыя,³⁸ а съ ними злато, и паволокы, и дра/гья оксамиты; орьтмами³⁹ 11
и япончицами,⁴⁰ и кожухы начаша⁴¹ мосты мостити по болотомъ и грязи-вымъ мѣстомъ, и всякыми узорочыи Половѣцкыи.⁴² Чрьленъ⁴³ стягъ, бѣла хоруговь,⁴⁴ чрьлена⁴⁵ чолка, сребрено стружіе храброму Святъславличю.⁴⁶

Дремлетъ⁴⁷ въ полѣ Ольгово⁴⁸ хороброе гнѣздо далече залетѣло;⁴⁹ небылонь⁵⁰ обидѣ порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебѣ чрьный⁵¹ воронь, поганый Половчине.⁵² Гзакъ⁵³ бѣжитъ⁵⁴ сѣрымъ вълкомъ,⁵⁵ Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону великому. |

Другаго дни велми⁵⁶ рано кровавья зори свѣтъ повѣдають;⁵⁷ чрьныя⁵⁸ 12
туця⁵⁹ Дсь моря^e идутъ,⁶⁰ хотять⁶¹ прикрыти д̄⁶² солнца.⁶³ а въ нихъ трепещуть синіи⁶⁴ млъни,⁶⁵ быти грому великому, итти⁶⁶ дождю стрѣлами съ Дону великаго:⁶⁷ ту ся копіемъ приламатн,⁶⁸ ту ся саблямъ потручати⁶⁹ о шеломы Половецкыя,⁷⁰ на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону великаго.⁷¹ О Руская⁷² землѣ!⁷³ уже не⁷⁴ Шеломянемъ еси.

^B В издании побѣгоша. ^Г В издании въ срожать. ^{Д-е} В издании съморя.
⁸² свѣдоми Г. ⁸³ къмети ГММкТ. ⁸⁴ възлелѣяны Г; възлелѣяны ММк; възлѣлѣяны Т. ⁸⁵ въскрѣмлени Г; въскрѣмлени М. ⁸⁶ имь ГММкТ. ⁸⁷ отворени Г. ⁸⁸ скачуть Мк. ⁸⁹ вльци ГММк. ⁹⁰ себѣ ГМ. ⁹¹ чьсти Мк. ⁹² славы ГММкТ. ⁹³ вступи Т. ⁹⁴ сълнце Г. ⁹⁵ тьмою ГММк. ⁹⁶ птицъ ГММк. ⁹⁷⁻⁹⁸ вѣста зви Мк. ⁹⁹ кличетъ ГММкТ. ¹⁰⁰ врѣху ГММкТ.
II. ¹ велить ГМк. ² землѣ Мк. ³ Вльзѣ ГММк. ⁴⁻⁵ Поморію ГММкТ.
⁶⁻⁷ Посулію ГММкТ. ⁸ Тьмутораканьскій ГММк. ⁹ блѣванъ ГММк. ¹⁰ неготовы-ми Г. ¹¹ крычатъ ГМ; кричатъ Мк. ¹² телегы Г; телѣгы Мк. ¹³ полунощи ГММк. ¹⁴ распушени Г; роспушени Т. ¹⁵ ведеть ГММк. ¹⁶ пасеть ГМ; пасеть МкТ. ¹⁷ птица Мк. ¹⁸ по лозію Мк; по добію Т. ¹⁹ вльци ГММк. ²⁰ въсрожать Г; въсрожать ММкТ. ²¹ зовуть ГММк. ²² брешуть ГММк. ²³ чрьлены ГММк. ²⁴ Русская Г; Русская ММк. ²⁵ длго ГММк. ²⁶ мркнетъ ГММк. ²⁶⁻²⁷ заря-свѣтъ Мк. ²⁸ мъгла ГММк; мъгла Т. ²⁹ Русичи Г. ³⁰ чрьлеными ГММк. ³¹ чьсти Мк. ³² съ Т. ³³ пяткъ ММк; пяткъ Т. ³⁴ плѣкы ГММк. ³⁵ Поло-вецкыя Г; Половецкыя ММк. ³⁶ рассушясь Г; рассушасъ Мк; рассушасъ Т. ³⁷ помчаша М. ³⁸ Половецкыя Г; Половецкыя ММк. ³⁹ орьтмами Мк. ⁴⁰ япончицами ММк. ⁴¹ начаша ГМк; начаша М. ⁴² Половецкыи Г; Половецкыи ММк. ⁴³ чрьленъ ГММк. ⁴⁴ хоруговь Мк. ⁴⁵ чрьлена ГММк. ⁴⁶ Свя-тъславличю ГМТ; Святъславличю Мк. ⁴⁷ дремлетъ ГММк. ⁴⁸ Ольгово Т. ⁴⁹ залѣтѣло Т. ⁵⁰ не былонъ Мк; не было въ Т. ⁵¹ чрьный ГММк. ⁵² Пол-ловчинъ Мк. ⁵³ Гза Мк. ⁵⁴ бѣжитъ ГММкТ. ⁵⁵ вълкомъ ГММк. ⁵⁶ велми ГММк. ⁵⁷ повѣдають ГММк; повѣдають Т. ⁵⁸ чьрныя ГММк. ⁵⁹ туця Г. ⁶⁰ идутъ ГММкТ. ⁶¹ хотять ГММкТ. ⁶² чьтыри ММк. ⁶³ сълнца Г; солнца Мк. ⁶⁴ синіи Г. ⁶⁵ млъни ГММк. ⁶⁶ ити Мк. ⁶⁷ великого Т. ⁶⁸ при-ломати Мк. ⁶⁹ потручати ГМк. ⁷⁰ Половецкыя Г; Половецкыя ММк. ⁷¹ ве-ликаго ГТ. ⁷² Русская Г; Русская ММк. ⁷³ земле ГММк. ⁷⁴ за ГММкТ.

Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣютъ⁷⁵ жъсь моря³ стрѣлами⁷⁶ на храбрѣя плѣкы⁷⁷ Игоревы! земля тутнетъ,⁷⁸ рѣкы⁷⁹ мутно текуть; пороси поля¹³ прикрывають;⁸⁰ стязи глаголють,⁸¹ Половци идуть отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ. Рускыя⁸² плѣкы⁸³ отступиша.⁸⁴ Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, а храбрѣи Русичи⁸⁵ преградиша чрълеными⁸⁶ щиты.⁸⁷ Ярѣ туре⁸⁸ Всеволодѣ!⁸⁹ стоиши на борони, прыщещи на вои стрѣлами,⁹⁰ гремлещи о шеломы мечи харалужными. Камо Турѣ поскочяше,⁹¹ своимъ златымъ шеломомъ⁹² посвѣчивая, тамо лежать⁹³ поганья головы Половецкыя;⁹⁴ поскепаны саблями калеными шеломы Оварьскыя отъ тебе⁹⁵ Ярѣ Туре⁹⁶ Всеволоде. Кая⁹⁷ раны⁹⁸ дорога,⁹⁹ братіе, забывъ чти¹⁰⁰

¹⁴ и живота, и града Чрънигова, III. 1 | отня² злата стола, и³ свои милья хоти красныя Глѣбовны свычая и обычая?

¹⁵ Были вѣчи⁴ Трояни,⁵ минула⁶ лѣта Ярославля;⁷ были плѣци⁸ Ольговы,⁹ | Ольга¹⁰ Святъславлича.¹¹ Тѣй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше, и стрѣлы¹² по земли сѣяше. Ступаетъ¹³ въ златъ стремѣнь въ градѣ Тьмутороканѣ. Тоже¹⁴ звонъ слыша давный¹⁵ великий Ярославъ¹⁶ сынъ Всеволожь:¹⁷ а Владимиръ¹⁸ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ;¹⁹ Бориса же²⁰ Вячеславлича²¹ слава | на судъ приведе, и на канину²² зелену паполому пошла, за обиду Ольгову²³ храбра и млада Князя. Съ тояже²⁴ Каялы²⁵ Святоплѣкъ²⁶ повелѣя²⁷ отца²⁸ своего между Угорьскыми²⁹ иноходцы³⁰ ко Святѣй Софїи къ Киеву.³¹ Тогда при Ользѣ³² Гориславлича³³ сѣяшется³⁴ и растяшеть³⁵ усобицами;³⁶ погибашеть³⁷ жизнь | Даждь-Божа³⁸ внука, въ Княжихъ крамолахъ вѣци человекомъ³⁹ скратишась.⁴⁰ Тогда по Руской⁴¹ земли рѣтко⁴² ратаевѣ⁴³ кикахуть:⁴⁴ нѣ часто врани граяхуть,⁴⁵ трупиа⁴⁶ себѣ дѣляче; а галици свою рѣчь⁴⁷ говоряхуть,⁴⁸ хотяъ полетѣти⁴⁹ на уедіе.⁵⁰ То было въ ты рати и въ ты⁵¹ плѣкы;⁵² а⁵³ сице и⁵⁴ рати не слышано: съ зараніа⁵⁵ до вечера, съ вечера до свѣта летятъ⁵⁶ стрѣлы⁵⁷ каленыя; гримлютъ⁵⁸ сабли о шеломы; трещатъ⁵⁹ копія⁶⁰ харалужныя,⁶¹ въ полѣ незнаемѣ среди земли Половецкыи.⁶² Чръна⁶³ земля подъ копыты,⁶⁴ костьюми | была посѣяна, а кровію польяна; тугою въздоша по Руской⁶⁵ земли.

Что ми шумить, что ми звенить давечя⁶⁶ рано предъ зорями? Игорь плѣкы⁶⁷ заворочаетъ,⁶⁸ жалъ бо ему мила брата Всеволода. Бишася дѣнь, бишася⁶⁹ другыи: третьяго⁷⁰ дни къ полуднію падоша стязи Игоревы.

ж-з В издании съморя. II В издании Владимиръ.
⁷⁵ вѣютъ ГММк. ⁷⁶ стрелами Т. ⁷⁷ плѣкы ГММк. ⁷⁸ тутнетъ ГММк. ⁷⁹ рѣкы Мк. ⁸⁰ прикрывають ГММкТ. ⁸¹ глаголютъ ГММк. ⁸² Русьскыи Г; Русьскыя ММк. ⁸³ плѣкы ГММк. ⁸⁴ отступиша Г; оступиша МкТ. ⁸⁵ Русичи ММк. ⁸⁶ чрълеными ГММк. ⁸⁷⁻⁸⁸ Ярѣ-Туре МкТ. ⁸⁹ Всеволоде ГММк. ⁹⁰ стрелами Т. ⁹¹ поскочаше Мк. ⁹² шеломом Т. ⁹³ лежать ГМкТ; лежать М. ⁹⁴ Половецкыя Г; Половецкыи ММк. ⁹⁵⁻⁹⁶ Ярѣ-Турѣ Мк; Ярѣ-туре Т. ⁹⁷ кня Г. ⁹⁸ рана Мк. ⁹⁹ дороги Г. ¹⁰⁰ чести Мк.
 III. 1 Чрънигова ГМк; Чрънѣгова М. 2 отня Мк. 3 Нет Т. 4 сѣчи Г; вѣци ММк. 5 Бояни Т. 6 минули Г. 7 Ярославли Г. 8 плѣци ГММк. 9 Ольговы ГММк. 10 Ольга Т. 11 Святъславлича ГМТ; Святъславлича Мк. 12 стрелы Т. 13 ступаетъ ГМк. 14 Тѣй же Мк. 15 давній Мк. 16 Ярославъ ГМ. 17-18 а Владимиръ, сынъ Всеволожь ГМ. 19 Всеволодъ МкТ. 20 Владимиръ Т. 21 Чръниговѣ Г; Чрънѣговѣ М; Черниговѣ ММк. 22 Вячеславлича ГМ. 23 канину Г. 24 Ольгову ГММк. 25 тоя же ГММкТ. 26 канины Мк. 27 Святоплѣкъ ГМТ; Яроплѣкъ Мк. 28 по сѣчѣ я Г; по валѣ я М; повелѣ яти Мк. 29 отца ГММк. 30 Угорьскыми ГММк. 31 иноходцы ГМ; иноходци Мк. 32 Киеву ГММк. 33 Ользѣ ГММк. 34 Гориславлича Мк. 35 сѣяшется Г; сѣяшеться ММк. 36 растяше Г; растяшеть Мк. 37 усобицами ММк. 38 погибаше Г. 39 Даждьбожа ГТ; Даждьбожа Мк. 40 человекомъ ГММкТ. 41 скратишась ГМк; скратишась М; скратишася Т. 42 Русьской Г; Руськой ММк. 43 рѣдко ГММк. 44 ратаеве ГММк. 45 кикахуть Г; кикаху М. 46 грааху Г. 47 трупиа ГММкТ. 48 речъ Г. 49 говоряху Г. 48 полѣтѣти Т. 49 уедіе ГММк. 50 тыи Г. 51 плѣкы ГММк. 52-53 сицей МкТ. 54 зараніа ГММк. 55 летятъ ГММкТ. 56 стрелы Т. 57 гремлють Г; гримлютъ ММкТ. 58 трещатъ ГММкТ. 59 копія ГММкТ. 60 харалужная Г. 61 Половецкыя Г; Половецкыи ММк. 62 чръна ГММк. 63 Русьской Г; Руськой ММк. 64 давѣ Мк. 65 плѣкы ГММк. 66 заворочаетъ ГТ; заворочаетъ Мк. 67 бишася Т. 68 третьяго Г.

Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы. Ту кроваваго вина недоста;⁶⁹ ту пирь докончаша⁷⁰ храбрїи Русичи:⁷¹ сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую.⁷² Ничить трава жало|цами, а древо ꙗс⁷³ ту-
гою^к къ земли преклонилосъ. Уже бо, братіе, ⁷⁴не веселая⁷⁵ година вѣстала, уже пустыни силу прикрыла.⁷⁶ Вѣстала обида въ силахъ Дажь-Божа⁷⁷ внука. Вступилъ⁷⁸ дѣвою на землю Трояню, вѣсплескала⁷⁹ лебедиными крылы⁸⁰ на синѣмъ море⁸¹ у Дону плещучи,⁸² убуди жирня⁸³ времена. Усобица⁸⁴ Княземъ на поганя погыбе, рекоста бо братъ брату: се мое, а то мое же;^м и начяша⁸⁵ Князи про малое, се великое мльвити,⁸⁶ а сами на себѣ⁸⁷ крамолу ковати: а поганїи съ вѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Рускую.⁸⁸ О! да|лече зайде соколъ, птицъ бя къ ²⁰ морю: а Игорева храбраго⁸⁹ плѣку⁹⁰ не крѣсити.⁹¹ За нимъ кликну⁹² Карна⁹³ и Жля,⁹⁴ поскочи^н⁹⁵ по Руской⁹⁶ земли, смагу⁹⁷ мычючи⁹⁸ въ пламянѣ розѣ. Жены Рускія⁹⁹ вѣсплакашася¹⁰⁰ аркучи: уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити,^{iv, 1} ни думою сдумати,² ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати.

А вѣстона бо, братіе, Кїевъ³ тугою, а Черниговъ⁴ напастыми; тоска разляся по Руской⁵ земли; печаль жирна тече⁶ средь⁷ земли | Рускыи;^{8; 21} а Князи сами на себе крамолу коваху; а поганїи сами побѣдами нарищуше⁹ на Рускую¹⁰ землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора. Тїи бо два храбрая Святъславлича,¹¹ Игорь и Всеволодъ уже лжу¹² убуди,¹³ которую¹⁴ то¹⁵ бяше усилъ отецъ¹⁶ ихъ Святъславъ¹⁷ грозный¹⁸ Великий Кїевскый.¹⁹ Грозою бяшетъ;²⁰ притрепета²¹ своими сильными плѣкы²² и харалужными мечи; наступи на землю Половецкую;²³ притопта хлѣми²⁴ и яругы; взмути²⁵ рѣки²⁶ и озеры; иссуши²⁷ потоки²⁸ и болота, а поганого²⁹ Кобяка изъ | ³⁰луку моря³¹ отъ желѣзныхъ³² великихъ³³ плѣковъ³⁴ Половецкихъ,^{35 22} яко вихрь³⁶ выторже: и падеся Кобякъ въ градъ Кїевъ,³⁷ въ гридницѣ Святъславли. Ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поютъ³⁸ славу Святъславлю, каютъ Князя Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ Каялы рѣкы Половецкія,³⁹ Рускаго⁴⁰ злата насыпаша. Ту Игорь Князь высѣдѣ⁴¹ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло Кошчево;⁴² уныша бо градомъ забралы, а веселіе пониче.

А | Святъславъ⁴³ мутенъ сонъ⁴⁴ видѣ: въ Кїевѣ⁴⁵ на горахъ си ²³ночь съ вечера одѣвахте⁴⁶ мя, рече, чрною⁴⁷ паполомою, на кро-

й-к В издании стугою. л-м В издании моеже п В издании по скочи.
^o В издании Рускый.

⁶⁹ не доста ГМкТ. ⁷⁰ докончаша М. ⁷¹ Русичи Г. ⁷² Русскую Г; Русскую ММк. ⁷³ съ ГММк. ⁷⁴⁻⁷⁵ невеселая Т. ⁷⁶ прикрыли ГМ. ⁷⁷ Дажь-божа Г; Дажь-Божа М; Дажьбожа Мк; Дажьбожа Т. ⁷⁸ вступила ГММк; вступил Т. ⁷⁹ вѣсплескала Г. ⁸⁰ крылы ГММкТ. ⁸¹ морѣ ГММк. ⁸² плещучи Мк. ⁸³ жирна ГМк. ⁸⁴ усобица ММк. ⁸⁵ начаша ГМк. ⁸⁶ мльвити ГММк. ⁸⁷ себе ГММкТ. ⁸⁸ Русскую Г; Рускую ММк. ⁸⁹ храброго Т. ⁹⁰ плѣку ГММк. ⁹¹ кресити ГМк. ⁹² кликуста Г. ⁹³ Кончакъ Мк. ⁹⁴ Гза Мк. ⁹⁵ поскочиста Г. ⁹⁶ Русской Г; Руской ММк. ⁹⁷ Доб. людемъ Т. ⁹⁸ мычучи Мк. ⁹⁹ Русскыя Г; Рускыя ММк; Рускыя Т. ¹⁰⁰ вѣсплакашася Г; вѣсплакашас Т.

iv, 1 съмыслити Г. 2 сдумати Г. 3 Кїевъ ММк. 4 Чрниговъ Г; Чернѣговъ М. 5 Русской Г; Руской ММк. 6 утече Т. 7 средь Т. 8 Русскыя Г; Рускыя ММк. 9 нарищуше М. 10 Русскую Г; Рускую ММк. 11 Святъславлича ГМТ. 12 Жлу Т. 13 убудиста ГМк. убудил Т. 13-15 которую-то Мк. 14 котороу Т. 15 тог Т. 16 отецъ ГММкТ. 17 Святъславъ ГММк. 18 грозный Т. 19 Кїевскый Г; Кїевскый МТ; Кїевскый Мк. 20 бяше Г. 21 притрепалъ Т. 22 плѣкы ГММк. 23 Половецкую Г; Половецкую ММк. 24 хлѣми ГМ; хлѣмы Мк. 25 възмути Г; възмути ММк; възмути Т. 26 рѣкы ГММк. 27 иссуши Г. 28 потоки ГММкТ. 29 поганого Т. 30-31 Лукуморя Мк. 32 желѣзны Т. 33 великихъ ГММкТ. 34 плѣковъ ГММк. 35 Половецскыихъ Г; Половецкыихъ ММк; Половецкыихъ Т. 36 вихрь Г; вихрь Мк. 37 Кїевъ ГММк. 38 поютъ ГММк. 39 Половецскыя Г; Половецкыя ММк; Половецкыя Т. 40 Рускаго Г; Рускаго ММк. 41 высѣде Мк. 42 кошчево Г; кошчево ММк. 43 Святъславъ ГММкТ. 44 сон Т. 45 Кїевъ ГММк. 46 одѣваху Г; одѣвахутъ Мк. 47 чрною ГММк.

ваты⁴⁸ тисовѣ. Чръпахуть⁴⁹ ми синее⁵⁰ вино съ трудомъ⁵¹ смѣшено⁵² сыпахуть⁵³ ми^р тѣщими тулы поганыхъ тльковинъ⁵⁴ великий женьюгъ⁵⁵ на лоно, и нѣгують⁵⁶ мя; уже дьскы⁵⁷ безъ кнѣса⁵⁸ сь⁵⁹ моемъ^т теремѣ златовръсѣмъ.⁶⁰ Всю ночь⁶¹ съ вечера босуви⁶² врани възграяху,⁶³ у Шлѣс-
24 ньска на болони бѣша дебрь⁶⁴ Ки|саню, и⁶⁵ не сошло⁶⁶ къ синему морю.

И ркоша⁶⁷ бояре Князю: уже, Княже, туга умь⁶⁸ полонила; се бо два сокола слѣтѣста⁶⁹ съ отня⁷⁰ стола злата,⁷¹ поискати града Тьмутороканя, а любо испити шеломомъ⁷² Дону. Уже соколома крыльца⁷³ припѣшали поганыхъ саблями, а самаю⁷⁴ опустоша⁷⁵ въ путины желѣзны. | Темно бо
25 бѣ въ г⁷⁶ день: два солнца⁷⁷ помѣркоста, ⁷⁸ оба багряная стлѣпа⁷⁹ погасоста, и⁸⁰ съ нимъ⁸¹ молодая мѣсяца,⁸² Олегъ⁸³ и Святъславъ тьмою⁸⁴ ся поволокоста.⁸⁵ На рѣдѣ⁸⁶ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла: по Руской⁸⁷ земли прострошася Половци, аки⁸⁸ пардуже⁸⁹ гнѣздо, ⁹⁰ и⁹¹ въ морѣ по-
грузиста, ⁹² и великое буйство подасть⁹³ Хинови.⁹⁴ Уже снесеса хула на хвалу, уже тресну нужда на волю, уже врѣжеся⁹⁵ дивь⁹⁶ на землю. Се бо Готскія⁹⁷ красныя дѣвы въспѣша⁹⁸ на брезѣ синему морю. Звоня Рус-
26 кымъ⁹⁹ златомъ, поють¹⁰⁰ время Бу|сово, лелѣють^в, ¹ мечь Шароканю.² А мы уже дружина жадни веселія.³

Тогда Великий⁴ Святъславъ⁵ изрони злато слово⁶ слезами смѣшено,⁷ и рече: о моя сыновчя⁸ Игорю и Всеволоде! рано еста начала⁹ Половецкую¹⁰ землю мечи цѣлѣти, а себѣ славы искати. Нѣ нечестно одолѣсте:¹¹ нечестно¹² бо кровь поганую проліясте.¹³ Ваю храбрая сердца¹⁴ въ жесто-
цемъ¹⁵ харалузѣ скована¹⁶ а въ буести закалена. Се ли створисте¹⁷ моей сребреней¹⁸ сѣдинѣ! А уже не вижду власти сильнаго, и богатаго и много-
27 вой¹⁹ брата моего | Ярослава съ Черниговскими²⁰ бѣлями, съ Могуты и съ Татраны, и съ Шельбиры, и съ Топчаки, Фи съ^х Ревугы, и съ Ольберы.²¹ Ти бо без²² щитовъ²³ съ засапожники кликомъ плѣкы²⁴ побѣждають,²⁵ звонячи въ прадѣдную²⁶ славу. Нѣ рекосте²⁷ му жа имѣся²⁸ сами, преднюю славу сами похитимъ,²⁹ а заднюю³⁰ ся³¹ сами подѣлимъ.³² А чи диво ся братіе стару помолодити? Коли соколь въ мытѣхъ³³ бываетъ,³⁴ высоко птиць³⁵ възбиваетъ,³⁶ не дасть³⁷ гнѣзда своего въ обиду. Нѣ се зло Княже³⁸

п-р В издании сыпахутьми. с-т В издании вмоемъ. У В издании Святъслава. Ф-х В издании истъ.

⁴⁸ кровати ГММк; кроватѣ Т. ⁴⁹ чръпаху Г; чръпахуть ММк. ⁵⁰ синее Мк. ⁵¹ трудомъ ГММк; трудомъ Т. ⁵² смѣшено Мк. ⁵³ сыпаху Г. ⁵⁴ тльковинъ Мк; тльковинъ Т. ⁵⁵ женьюгъ Г; женьюгъ Мк. ⁵⁶ нѣгують ГММкТ. ⁵⁷ дьскы ГММкТ. ⁵⁸ кнѣса Г; кнѣса Мк. ⁵⁹ въ ГММк; в Т. ⁶⁰ златовръсѣмъ ГММк; златовръсѣмъ Т. ⁶¹ ночь Мк. ⁶² бусови Мк. ⁶³ възграяху Г. ⁶⁴ дебри Мк. ⁶⁴⁻⁶⁶ кыяне же сошли Мк. ⁶⁵⁻⁶⁶ не сошло Т. ⁶⁶ сошли ГМ. ⁶⁷ ркоша Мк. ⁶⁸ умь ГММк. ⁶⁹ слѣтѣста ГММк. ⁷⁰ отня ММк. ⁷⁰⁻⁷¹ злата стола Мк. ⁷² шеломомъ ГММк. ⁷³ крыльца ГММк; крильца Т. ⁷⁴ самою Мк. ⁷⁵ опустоша ГМ; опуташа МкТ. ⁷⁶ треть М; третій Мк. ⁷⁷ солнця Г; солнця ММк. ⁷⁸ помѣркоста ГММк. ⁷⁹ стлѣпа ГММк. ⁸⁰ а Мк. ⁸¹ нима ГММк. ⁸² мѣсяца ГММк. ⁸³ Владимир Г; Владимиръ Мк. ⁸⁴ тьмою ГММк. ⁸⁵ Далее: И въ море ся погрузиста и великое буйство подаста Хинови. Мк. ⁸⁶ цѣ (так!) М. ⁸⁷ Русьской Г; Руськой ММк. ⁸⁸ аки ГММкТ. ⁸⁹ пардусне Мк. ⁹⁰⁻⁹⁴ См. выше, разночтение 85. Мк. ⁹¹ ихъ Т. ⁹² погрузиста Г. ⁹³ подаста М; подаст Т. ⁹⁵ врѣжеся ГММк. ⁹⁶ дивь ГММкТ. ⁹⁷ Готскія ГММкТ. ⁹⁸ въспѣша Г. ⁹⁹ Русьскимъ Г; Русьскимъ ММк. ¹⁰⁰ поють ГММкТ. ¹ лелѣють ГМк. ² Шароканю М; Шаруканю Мк. ³ веселія Т. ⁴ великий ГММкТ. ⁵ Святъславъ ГММкТ. ⁶ Доб. съ МкТ. ⁷ смѣшено Мк. ⁸ сыновчя М; сыновца Мк. ⁹ начяла М. ¹⁰ Половецкую Г; Половецкую ММк. ¹¹ одолѣста ГМк. ¹² не честно Мк. ¹³ проліяста ГМк. ¹⁴ сердца ММк. ¹⁵ жестоцемъ ГММк. ¹⁶ скована Г. ¹⁷ створиста Г; створисте М; створиста Мк. ¹⁸ сребреней ГММк. ¹⁹ много вой ММк. ²⁰ Черниговскими Г; Черниговскими М; Черниговскими Мк. ²¹ Ольбры Т. ²² безъ ГММк. ²³ щитовъ ММкТ. ²⁴ плѣкы ГММк. ²⁵ побѣждають ГММкТ. ²⁶ прадѣдную Мк. ²⁷ рекоста Мк. ²⁷⁻²⁸ мужаися Г; мужаимѣся М; мужаимѣся МкТ. ²⁹ похитимъ М; похитимъ МкТ. ³⁰ заднею Мк. ³¹ си Т. ³² подѣлимъ М. ³³ мытѣхъ Мк. ³⁴ бываетъ ГММкТ. ³⁵ птиць ГММкТ. ³⁶ възбиваетъ Г; възбиваетъ ММкТ. ³⁷ дасть ГММкТ. ³⁸ Князи Г.

ми не пособіе, ³⁹на ниче⁴⁰ ся години обратіша. Се Уримъ⁴¹ кричать⁴² подь саблями Половецкыми,^{43а} | Володимиръ⁴⁴ подь ранами. Туга и тоска сыну ²⁸ Глѣбову.

Великій Княже Всеволоде! не мыслію ти прелетѣти⁴⁵ издалеча,⁴⁶ отня⁴⁷ злата стола поблюсти? Ты бо можеша Волгу⁴⁸ веслы раскропити, а Донъ шеломы выпляти. Аже бы ты былъ, то была бы Чага по ногатѣ, а Кошей⁴⁹ по резанѣ.⁵⁰ | Ты бо можеша посуху⁵¹ живыми шерешы стрѣ- ²⁹ ляти,⁵² удалыми сыны Глѣбовы. Ты буй Рюриче и Давыде,⁵³ не ваю ли злачеными⁵⁴ шеломы⁵⁵ по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкають⁵⁶ акы тури, ранены⁵⁷ саблями калеными, на полѣ незнаемъ? Вступита⁵⁸ Господина⁵⁹ въ злата стремя⁶⁰ за обиду сего | времени, за землю ³⁰ Русскую,⁶¹ за раны Игоревы, буюго Святславлича!⁶²

Галичкы⁶³ Осмомыслѣ⁶⁴ Ярославѣ высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ⁶⁵ столѣ. Подперъ горы Угорскыи⁶⁶ своими желѣзными плѣки,⁶⁷ заступивъ Королеви путь, ⁶⁸затвори въ⁶⁹ Дунаю ворота, мечъ⁷⁰ времени⁷¹ чрезъ облаки,⁷² суды ряда до Дуная. Грозы твоя⁷³ по землямъ текутъ;⁷⁴ отворяеша⁷⁵ Киеву⁷⁶ врата; стрѣляеша⁷⁷ съ отня⁷⁸ злата стола Салтаны⁷⁹ за землями. Стрѣляй⁸⁰ Господине Кончака, поганого⁸¹ Кошея⁸² за землю Рускую,⁸³ за раны Игоревы буюго Святславлича.⁸⁴ | А ты буй Романе и ³¹ Мстиславе!⁸⁵ храбрая мысль носить⁸⁶ вась⁸⁷ умъ на дѣло. Высоко плаваеша⁸⁸ на дѣло въ буести, яко соколь на вѣтрехъ⁸⁹ ширяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти. Суть бо у ваю | желѣзныи папорзи подь шеломы ³² латинскими.⁹⁰ Тѣми тресну земля, и многи⁹¹ страны Хинова.⁹² Литва, Ятвязи,⁹³ Деремела, и Половци сулицы своя⁹⁴ повръгоша,⁹⁵ а главы своя поклоніша⁹⁶ подь тьи мечи харалужныи. Нъ уже Княже Игорю, утрпѣ⁹⁷ солнцю⁹⁸ свѣтъ, а древо не бологомъ листвіе срони: по Рсиі⁹⁹ по Сули¹⁰⁰ гради¹⁰¹. ¹ подѣлша; а Игорева храбраго плѣку² не крѣсити.³ Донъ ти Княже кличетъ⁴ и зоветъ Князи на побѣду. Олговичи⁵ храбрыи⁶ Князи dospѣли на брань.

Инъгварь и Всеволодъ, и вси три Мстиславичи,⁷ не худа⁸ гнѣзда | ³³ шестокрильци, ⁹непобѣдными¹⁰ жребіи собѣ власти расхытисте?¹¹ Кое ваши златыи шеломы и сулицы¹² Ляцкіи¹³ и щиты! Загородите¹⁴ полю ворота своими острыми стрѣлами¹⁵ за землю Русскую,¹⁶ за раны Игоревы буюго Святславлича.¹⁷ Уже бо Сула не течетъ¹⁸ серебряными струями къ граду Переяславлію, и Двина болотомъ течетъ¹⁹ онымъ грознымъ Поло-

³⁹⁻⁴⁰ наниче Т. ⁴¹ у Римъ ГМк; у Римѣ М; Урим Т. ⁴² кричать ГМк; кричатъ М. ⁴³ Половечскими Г; Половецкыми ММк. ⁴⁴ Владиміръ Г; Володиміръ М. ⁴⁵ прилетѣли (такъ) М. ⁴⁶ издалеча М. ⁴⁷ отня ММк. ⁴⁸ Вьлгу Г. ⁴⁹ кощѣй М. ⁵⁰ рванѣ Г; рвзаны ММк. ⁵¹ по суху ММкТ. ⁵² стреляти Мк. ⁵³ Давиде ГМ. ⁵⁴ злаченая Г. ⁵⁵ шелома Г. ⁵⁶ рыкають ГММкТ. ⁵⁷ ранени ММк. ⁵⁸ ступита Мк. ⁵⁹ гна Т. ⁶⁰ стремя ГМк; стремеи Т. ⁶¹ Русскую Г; Рускую ММк; Рускую Т. ⁶² Святславлича ГМ; Святславлича МкТ. ⁶³ Галичскій Г; Галичскій М; Галичскій Мк; Галичкы Т. ⁶⁴ Осмомысле ГММк. ⁶⁵ златокованнѣмъ Мк. ⁶⁶ Угорскыи ГМ; Угорскыи МкТ. ⁶⁷ плѣки ГММк. ⁶⁸⁻⁶⁹ затворивъ ГММкТ. ⁷⁰ мечъ ГМ. ⁷¹ бремени ГММк. ⁷² облаки ГММкТ. ⁷³ твои Мк. ⁷⁴ текутъ ГММкТ. ⁷⁵ отворяеша Г; отворяеша ММк. ⁷⁶ Киеву ГММк. ⁷⁷ стреляеша МкТ. ⁷⁸ отня ММк. ⁷⁹ салтаны Мк; салтъаны Т. ⁸⁰ стреляй МкТ. ⁸¹ поганого ГММк. ⁸² Гзака Г; кощѣй ММк. ⁸³ Русскую Г; Рускую ММк. ⁸⁴ Святславлича ГМ; Святславлича МкТ. ⁸⁵ Мстиславе ГМк. ⁸⁶ носить ГММк. ⁸⁷ ваю Мк. ⁸⁸ плаваеша Мк. ⁸⁹ вѣтрѣхъ ММк. ⁹⁰ Латинскими Г; Латинскими ММкТ. ⁹¹ многи ММкТ. ⁹² хинови ГМ; хиновы Мк. ⁹³ Ятвязи Мк. ⁹⁴ свои Г. ⁹⁵ повръгоша ГММк; повръгоша Т. ⁹⁶ подклониша МТ. ⁹⁷ утрпѣ ГММк; утрпѣ Т. ⁹⁸ солнцю Г. ⁹⁹ Рси Г; Рси М; Рси и Мк; Рси и Т. ¹⁰⁰ Сулѣ ГММк.

¹⁰¹ градъ ГММк. ² плѣку ГММк. ³ кресити ГМк. ⁴ кличетъ ГМкТ. ⁵ Олговичи ГММк. ⁶ храбрій ГМ. ⁷ Мстиславичи ГМк; Мстиславичи Т. ⁷⁻⁸ нехуда ГММк. ⁹ шестокрильци ГММк. ¹⁰ не побѣдными ГММкТ; доб. ли Г. ¹¹ расхытисте Г. ¹² сулицы ГММк. ¹³ Ляцкыи Г; Ляцкыи М; Ляцкыи Мк; ляцкыи Т. ¹⁴ загородѣте ММк. ¹⁵ стрелами Т. ¹⁶ Русскую Г; Русскую ММк; Рускую Т. ¹⁷ Святславлича ГМ; Святславлича Мк. ¹⁸ течетъ ГММкТ. ¹⁹ течетъ ГМкТ.

чаномъ²⁰ подъ кликомъ поганыхъ. Единъ²¹ же Изяславъ сынъ Васильковъ позвони своими острыми мечи о шелома Литовскія;²² притрепа славу
 34 дѣду своему Всеславу, а самъ подъ чрълеными²³ щиты на кро|вавѣ травѣ притрепанъ Литовскими²⁴ мечи. И ²⁵схоти²⁶ ю²⁷ на кровать, и рекъ: дружину твою, Княже, птицъ крылы приодѣ,²⁸ а звѣри кровь полизаша. Не бьсь²⁹ ту брата Брячяслава,³⁰ ни другаго Всеволода; единъ же изрони жемчюжну³¹ душу изъ храбра тѣла чрезъ³² злато ожереліе. Унылы³³ голоса, пониче веселіе. Трубы трубятъ^{33а} Городеньскіи.³⁴

Ярославе, и вси внуцѣ³⁵ Всеслави уже понизить³⁶ стязи свои, вонзить³⁷ свои мечи верезени; уже бо выскочисте изъ дѣдней | славѣ.³⁸ Вы бо своими крамолами начясте³⁹ наводити поганья на землю Рускую,⁴⁰ на жизнь Всеславию. Которое⁴¹ бо бѣше⁴² насиліе отъ земли Половецкыи!⁴³

На седьмомъ вѣцѣ Трояни⁴⁴ врьже⁴⁵ Всеславъ жребій о дѣвицо себѣ любу. Тѣй клюками подпрѣся⁴⁶ о кони, и скочи къ граду Києву, и дотчеся стружіемъ злата стола Кіевского.⁴⁷ Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ⁴⁸ въ пльночи,⁴⁹ изъ Бѣла-града,⁵⁰ обѣсися синѣ мьглѣ. ⁵¹утрѣ⁵² же возни⁵³ стрикусы, отвори⁵⁴ врата Нову-граду,⁵⁵ разшибе⁵⁶ славу Ярославу,⁵⁷
 36 скочи вълкомъ⁵⁸ до Немиги⁵⁹ съ Дудутокъ. | На Немизѣ снопы стелють⁶⁰ головами, молотятъ⁶¹ чеци⁶² харалужными, на тоцѣ животь кладуть,⁶³ вѣють⁶⁴ душу отъ тѣла. Немизѣ кровави⁶⁵ брезѣ не бологомъ⁶⁶ бяхуть⁶⁷ посѣяни,⁶⁸ посѣяни⁶⁹ костями Рускихъ⁷⁰ сыновъ. Всеславъ Князь людемъ⁷¹ судяше, Княземъ^ц грады⁷² рядяше, а самъ въ ночь вълкомъ⁷³ рыскаше,⁷⁴ изъ⁷⁵ Києва дорискаше⁷⁶ до Куръ⁷⁷ Тмутороканя,⁷⁸ великому хрсови⁷⁹ вълкомъ⁸⁰ путь прерискаше.⁸¹ Тому въ Полотскѣ⁸² позвониша заутренюю рано у Святыя Софеи ⁸³въ колоколъ:⁸⁴ а онъ въ Києвѣ звонъ
 37 слыша. Аще и вѣща душа | въ⁸⁵ друзѣ тѣлѣ, нъ часто бѣды страдаше. Тому вѣщей⁸⁶ Боянъ и пръвое⁸⁷ припѣвку смысленый рече: ни хытру, ни горазду, ни птицю⁸⁸ горазду суда Божія⁸⁹ не минути.⁹⁰

О! стонати Руской⁹¹ земли, помянувшѣ пръвую⁹² годину и пръвыхъ⁹³ Князей. Того стараго Владиміра ⁹⁴не лъзѣ⁹⁵ бѣ пригвоздити къ горамъ Кіевскимъ:⁹⁶ сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзи Давидовы;⁹⁷ нъ ⁹⁸рози нося⁹⁹ имъ хоботы пашуть,¹⁰⁰ копія^{vii, 1} поють² на Дунаи.

Ярославнынъ³ гласъ слышитъ:⁴ зегзицею незнаемъ,⁵ рано кычеть:
 38 поле | чю,⁶ рече, зегзицею по Дунаеви;⁷ омочу⁸ бѣбрянъ рукавъ въ Ка-

ц В издании Князьмъ.

²⁰ Полочаномъ Т. ²¹ едннѣ (так!) М. ²² Литовскія ГММкТ. ²³ чрълеными ГММк. ²⁴ Литовскими ГММк. ²⁵⁻²⁷ схотію Т. ²⁸ съхити Г; схити М; схони Мк. ²⁹ приодѣша ГМк. ³⁰ бьсь ГМк; быс Т. ³¹ Брячяслава Мк. ³² женьчюжну Г; женчюжну Мк. ³³ чрезъ ГММк. ³⁴ уныли ГМк. ^{35а} трубятъ ГМкТ. ³⁶ понизити Г; понизити ММк; понизити Т. ³⁷ вонзѣтъ ММк; вонзите Т. ³⁸ славы ГММкТ. ³⁹ начасте ГМк. ⁴⁰ Рускую Г; Рускую ММк. ⁴¹ которою Т. ⁴² бѣше Г. ⁴³ Половецкыи Г; Половецкыи М; Половецкою Мк. ⁴⁴ Бояни Т. ⁴⁵ врьже ГММк. ⁴⁶ подпрѣся Г; подпрѣся ММк. ⁴⁷ Кіевского Г; Кіевскаго ММк; Кіевскаго Т. ⁴⁸ зверемъ Т. ⁴⁹ пльночи Г; пльночи М. ⁵⁰ Бѣлаграда ГММкТ. ⁵¹⁻⁵³ утрѣже возни Т. ⁵⁴ утрѣ Мк. ⁵⁵ возни Г. ⁵⁶ отътвори Г. ⁵⁷ Новуграду ГММкТ. ⁵⁸ разшибе Г. ⁵⁹ Изяславу Г. ⁶⁰ вълкомъ ГММк. ⁶¹ Немиги ММк. ⁶² стелють ГММкТ. ⁶³ молотятъ ГМ. ⁶⁴ чеци М; чеци Мк. ⁶⁵ кладуть ГММкТ. ⁶⁶ вѣють ГММк. ⁶⁷ кровава Г; кровави Мк. ⁶⁸ болохомъ Т. ⁶⁹ бѣста Г. ⁷⁰ посѣяна Г. ⁷¹ посѣяна Г. ⁷² Русскихъ Г; Русскихъ ММк. ⁷³ людемъ Г. ⁷⁴ ряды Мк. ⁷⁵ вълкомъ ГММк. ⁷⁶ рыскаше ГМк. ⁷⁷ ись Т. ⁷⁸ дорискаше М. ⁷⁹ куръ М. ⁸⁰ Тмутороканя ГММк. ⁸¹ Хрсови ММк. ⁸² вълкомъ ГММк; вълкомъ Т. ⁸³ прерискаше ГМк. ⁸⁴ Полотскѣ ММкТ. ⁸⁵⁻⁸⁴ Нет Т. ⁸⁵ в' Т. ⁸⁶ вѣщій ГММк. ⁸⁷ пръвое ГММк. ⁸⁸ птицею ГМ. ⁸⁹ божія ГММк. ⁹⁰ Далее: Рекъ Боянъ... безъ Игоря. М. ⁹¹ Русской Г; Руской ММк. ⁹² пръвую ГММк. ⁹³ пръвыхъ ГММк. ⁹⁴ Владиміра Мк. ⁹⁵⁻⁹⁶ нелъзѣ М; нелъзѣ МкТ. ⁹⁷ Кіевскимъ Г; Кіевскимъ ММк; Кіевскимъ Т. ⁹⁸ Давидовы Мк. ⁹⁹⁻⁹⁹ роз' но ся Т. ¹⁰⁰ пашуть ММкТ.

vii, 1 копія ГММк. ² поють ГММк. ³ Ярославнынъ ММк. ⁴ слышитъ ГММкТ. ⁵ незнаемъ Мк. ⁶ полечу Мк. ⁷ Довои Г. ⁸ омочу Мк.

ялѣ рѣцѣ, утру Князю кровавья его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ. Ярославна рано плачетъ⁹ въ Путивлѣ¹⁰ на забралѣ,¹¹ аркучи: О вѣтрѣ!¹² вѣтрило! чему Господине¹³ насильно вѣши? Чему мычещи Хиновскыя стрѣлки на своею¹⁴ не трудною¹⁵ крилицю¹⁶ на моя лады вои? Мало ли ти бяшетъ¹⁷ горь¹⁸ подь облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ? Чему Господине мое веселіе по ковылю развѣя? Ярославна рано плачетъ Путивлю¹⁹ городу²⁰ на заборолѣ, аркучи: о²¹ Днепре²² | словутицю!²³ ты³⁹ пробилъ еси каменные горы сквозѣ землю Половецкую.²⁴ Ты лелѣялъ еси на себѣ Святослави²⁵ носады²⁶ до плѣку²⁷ Кобякова: възлелѣй²⁸ Господине мою ладу къ мнѣ, ²⁹а быхъ³⁰ неслала ³¹къ нему слезъ на море ³²рано. Ярославна рано плачетъ³³ къ ³⁴Путивлѣ³⁵ на забралѣ,³⁶ аркучи: свѣтлое и тресвѣтлое слѣнце!³⁷ всѣмъ тепло и красно еси: чему Господине³⁸ простре горячую³⁹ свою лучю⁴⁰ на ладѣ⁴¹ вои? въ полѣ безводнѣ⁴² жаждею⁴³ имь ⁴⁴лучи⁴⁵ съпряже, тугою имь тули затче.

Присну море полуночи; идуть⁴⁶ сморци мѣглами; Игореву Князю Богъ путь кажетъ⁴⁷ изъ земли Половецкой⁴⁸ на землю Рускую,⁴⁹ | къ ⁵⁰огню⁵⁰ злату столу. Погасоша вечеру зари.⁵¹ Игорь спитъ,⁵² Игорь бдитъ,⁵³ Игорь мыслию поля мѣрить⁵⁴ отъ великаго⁵⁵ Дону до малаго Донца.⁵⁶ Комонь въ полуночи. Овлуръ свисну за рѣкою; велитъ Князю разумѣти. Князю Игорю ⁵⁷не быть:⁵⁸ кликну, стукну земля; въ шумѣ⁵⁹ трава. Вежи ся Половецкіи⁶⁰ подвизашася;⁶¹ а Игорь Князь поскочи⁶² горнастаемъ⁶³ къ тростію, и бѣлымъ | гоголемъ на воду; въврѣжеся⁶⁴ на брѣзъ⁶⁵ комонь, ⁴¹и скочи съ него⁶⁶ босымъ⁶⁷ вълкомъ,⁶⁸ и⁶⁹ потече къ лугу Донца,⁷⁰ и полетѣ соколомъ подь мѣглами избивая гуси и лебеди, завтраку, и обѣду, и ужинѣ.⁷¹ Коли Игорь соколомъ⁷² полетѣ, тогда Влуръ⁷³ вълкомъ⁷⁴ потече, труся собою студеную росу; претръгоста⁷⁵ бо своя брѣзая⁷⁶ комоня. Донецъ⁷⁷ рече: Княже Игорю! не мало ти величїа, а Кончаку нелюбіа, а Руской⁷⁸ земли веселїа.⁷⁹ Игорь рече, о Дончѣ!⁸⁰ не мало ти величїа, | ⁴²лелѣявшу Князя на вльнахъ,⁸¹ славшю⁸² ему зелѣну⁸³ траву на своихъ⁸⁴ серебряныхъ⁸⁵ брѣзѣхъ, одѣвавшу его теплыми мѣглами⁸⁶ подь сѣнію зелену древу, стрѣжаше е⁸⁷ гоголемъ на водѣ, чайцами⁸⁸ на струяхъ, Чрънядьми⁸⁹ на ветрѣхъ.⁹⁰

Не тако ли, рече, рѣка Стugna, худу струю имѣя, пожрѣши⁹¹ чужи⁹² ручьи, и стругы ⁹³ростре⁹⁴ на ⁹⁵кусту?⁹⁶ Уношу⁹⁷ Князю Ростиславу затвори Днѣпръ⁹⁸ темнѣ⁹⁹ березѣ. Плачется¹⁰⁰ мати Ростислава^{vIII}, ¹по уноши² Князи³ Ростиславѣ. Уныша | цвѣты жалобою, и древо ^{III}с⁴ тугою^{III} ⁴³

ш-ш В издании стугою.

⁹ плачетъ ГММк. ¹⁰ Доб. городѣ Мк. ¹¹ заборолѣ Мк. ¹² вѣтре ГММк. ¹³ Гнѣ Т. ¹⁴⁻¹⁵ не трудною ГММкТ. ¹⁶ крилицю ГММк. ¹⁷ бяше Г; бяшетъ ММкТ. ¹⁸ горѣ МкТ. ¹⁹ въ Путивлѣ Мк. ²⁰ городѣ Мк. ²¹⁻²³ Днѣпре-Словутицю Мк. ²² Днѣпре ГМ. ²⁴ Половецкую Г; Половецкую ММк. ²⁵ Святослави Г. ²⁶ насады ГМк. ²⁷ плѣку ГММк. ²⁸ възлелѣй Г. ²⁹⁻³⁰ а быхъ ММкТ. ³¹ не слала ГММк. ³² морѣ Т. ³³ плачетъ ГММкТ. ³⁴ въ ГММкТ. ³⁵ Доб. городѣ Мк. ³⁶ заборолѣ Мк. ³⁷ слѣнце ГММк. ³⁸ гнѣ Т. ³⁹ горячую Мк. ⁴⁰ лучу Мк. ⁴¹ лады МкТ. ⁴² безводнѣ Г. ⁴³ жаждею Мк. ⁴⁴ имь ГМк. ⁴⁵ лучи ГММк. ⁴⁶ идуть ГММкТ. ⁴⁷ кажетъ ГММк. ⁴⁸ Половецкой Г; Половецкой ММк. ⁴⁹ Русскую Г; Рускую ММк. ⁵⁰ огню ММк. ⁵¹ зори Мк. ⁵² не спитъ Г; спитъ МТ. ⁵³ бдитъ ГММкТ. ⁵⁴ мѣрить ГММкТ. ⁵⁵ великаго МкТ. ⁵⁶ Донца ГМ; Донца Мк. ⁵⁷⁻⁵⁸ небыть М. ⁵⁹ въ шумѣ Г; въ шумѣ Т. ⁶⁰ Половецкыя Г; Половецкіи М; Половецкыи Мк. ⁶¹ подвизаша Г; подвизаша Мк; подвизашася Т. ⁶² поскочи Т. ⁶³ горнастаемъ ГММк. ⁶⁴ въврѣжеся Г; въврѣжеся М; въврѣжеся Мк. ⁶⁵ брѣзъ ГММк. ⁶⁶ Доб. и ГМк. ⁶⁷ босымъ Т. ⁶⁸ вълкомъ ГММк. ⁶⁹ Нетъ ГМк. ⁷⁰ Донца ГМ; Донца Мк. ⁷¹ ужину Мк. ⁷² соколомъ Т. ⁷³ Овлуръ Мк. ⁷⁴ вълкомъ ГММк. ⁷⁵ претръгоста ГММк. ⁷⁶ брѣзая ГММк. ⁷⁷ Донецъ ГММкТ. ⁷⁸ Русской Г; Руской ММк. ⁷⁹ веселїа ГММк. ⁸⁰ Дончѣ Мк. ⁸¹ вльнахъ ГММк. ⁸² славшю (так!) Т. ⁸³ зелену ГММк. ⁸⁴ своихъ Т. ⁸⁵ серебряныхъ М; сребренѣхъ Мк. ⁸⁶ мѣглами ГММк. ⁸⁷ ег Т. ⁸⁸ чайцами ММк. ⁸⁹ чрънядьми ГММк. ⁹⁰ вѣтрѣхъ ГММк. ⁹¹ пожрѣши Г; пожрѣши ММк. ⁹² чужи Г. ⁹³⁻⁹⁵ простре по М. ⁹³⁻⁹⁶ ростре на усту Т. ⁹⁴ расъстре Г. ⁹⁷ Уношу Мк. ⁹⁸ Днѣпръ ММк. ⁹⁹ темна Г. ¹⁰⁰ плачется ММк.

vIII, 1 Ростислава ГММкТ. ² уношѣ М. ³ Князѣ М; князя Т. ⁴ съ ГММк.

къ земли прѣклонило,⁵ а не сороки втроскоташа.⁶ На слѣду Игоревѣ ѣздить⁷ Гзакъ⁸ съ Кончакомъ. Тогда врани не граахуть,⁹ галици помлъкоша,¹⁰ сороки не троскоташа, полозию¹¹ ползоша только,¹² дятлове путь къ рѣцѣ кажутъ,¹³ соловіи веселыми пѣсьми¹⁴ свѣтъ повѣдаютъ.¹⁵ Млъвить¹⁶ Гзакъ¹⁷ Кончакови: аже соколь къ гнѣзду летитъ,¹⁸ соколича¹⁹ рострѣляевѣ²⁰ своими 'злаченными стрѣлами.²¹ Рече²² Кончакъ ко²³ Гзѣ: аже соколь къ гнѣзду летитъ,²⁴ а вѣ²⁵ соколца²⁶ опутаевѣ²⁷ красною дѣвицею.²⁸ И рече | Гзакъ²⁹ къ Кончакови: аще³⁰ его опутаевѣ³¹ красною дѣвицею, ни нама будетъ³² соколца,³³ ни нама красны³⁴ дѣвице,³⁵ то почнутъ³⁶ наю птици³⁷ бити въ полѣ Половецкомъ.

³⁸Рекъ Боянъ и ходы на Святъславля³⁹ пѣстворца⁴⁰ стараго времени Ярославля⁴¹ Ольгова ⁴²Коганя хоти:⁴³ тяжко ти головы⁴⁴ кромѣ плечю; зло ти тѣлу кромѣ головы: Руской⁴⁵ земли безъ Игоря.⁴⁶

Солнце⁴⁷ свѣтитя⁴⁸ на небесѣ,⁴⁹ Игорьъ князь въ Руской⁵⁰ земли. ⁴⁵Дѣвици поютъ⁵¹ | на Дунаи. Вьютя⁵² голоса чрезъ⁵³ море до Кіева.⁵⁴ Игорьъ ѣдетъ⁵⁵ по Боричеву къ Святѣй Богородици⁵⁶ Пирогощѣй.⁵⁷ Страны | ради, гради весели, пѣвшѣ⁵⁸ пѣснь старымъ Княземъ, а ⁵⁹по томъ⁶⁰ молодымъ.⁶¹ Пѣти слава Игорю Святъславлича.⁶² Буй⁶³ Туру⁶⁴ Всеволодѣ,⁶⁵ Владимиру⁶⁶ Игоревичу.⁶⁷ Здрави Князи и дружина, побарая⁶⁸ за христьяны⁶⁹ на поганя пльки.⁷⁰ Княземъ слава а⁷¹ дружинѣ Аминь.

⁵ В издании так, но перевод по сучьям.

⁶ втроскоташа Г; втроскоташа ММк; вѣтроскоташа Т. ⁷ ѣздитъ ГММкТ. ⁸ Гза Мк. ⁹ грааху Г; граахуть ММк. ¹⁰ помлъкоша ГММк. ¹¹ по лозію ГММк. ¹² толко ГТ. ¹³ кажутъ ГМкТ. ¹⁴ пѣсьми ГМк; пѣснями Т. ¹⁵ повѣдаютъ ГММк. ¹⁶ мълвить ГММк; мълвить Т. ¹⁷ Гза къ Мк. ¹⁸ летитъ ГММк; лѣтит Т. ¹⁹ соколича ГМ. ²⁰ расъстрѣляема Г; рострѣляевѣ Мк. ²¹ стрѣлами Т. ²² Реч Т. ²³ къ Т. ²⁴ летитъ ГМкТ. ²⁵ вѣ Г. ²⁶ соколца ГМ. ²⁷ опутаема Г. ²⁸ дѣвицею ГММк. ²⁹ Гза Мк. ³⁰ аже Мк. ³¹ опутаема Г. ³² будетъ ММк. ³³ соколца ГММк. ³⁴ красныя Г. ³⁵ дѣвици ГММк. ³⁶ почнутъ ГММк. ³⁷ птици Т. ³⁸ Половецкомъ Г; Половецкомъ ММк. ³⁸⁻⁴⁶ Текст читается выше, см. VI, 90 М. ³⁹ Коганя Г. ⁴⁰ пѣсньтворца Г; пѣсньтворца М; пѣсньтворца Мк; пѣсньтворца Т. ⁴¹ Доб. Святъславля Г. ⁴²⁻⁴³ Нет Г. ⁴⁴ головѣ ГММкТ. ⁴⁵ Русьской Г; Руськой ММк. ⁴⁷ сълнце Г. ⁴⁸ свѣтитя ММк. ⁴⁹ небеси Мк. ⁵⁰ Русьской Г; Руськой ММк. ⁵¹ поютъ ГММк. ⁵² вьютя ММк. ⁵³ чрезъ Т. ⁵⁴ Кіева ГММк. ⁵⁵ ѣдетъ ГМк. ⁵⁶ Богородицѣ ММк. ⁵⁷ Пирогощѣй ГМ. ⁵⁸ пѣвши Т. ⁵⁹⁻⁶⁰ потомъ ГММкТ. ⁶¹ молодымъ Т. ⁶² Святъславличю ГМ; Святъславличу Мк; Святъславлич Т. ⁶³⁻⁶⁴ Буй-Туру Мк. ⁶⁵ Всеволоду ГММк. ⁶⁶ Владимиру Мк. ⁶⁷ Игоревичу ГМ; Игоревичу Мк; Игоревич Т. ⁶⁸ побарая МкТ. ⁶⁹ христьяны Т. ⁷⁰ плькы ГММк. ⁷¹ и Мк.

И. А. ЛОБАКОВА-ЕВСЕЕВА

«Повесть о разорении Рязани Батыем» в новых редакциях XVII в.

«Повесть о разорении Рязани Батыем» в XVII в. интересовала широкий круг книжников. В составе сборников воинской тематики переписывались основные редакции Повести,¹ а также создавались новые редакции памятника, нередко существующие в единственном списке. Д. С. Лихачев выделил 5 редакций Повести, созданных в XVII в.: редакцию «Сказания» (Пространный и Краткий виды), «Стрелецкую»,² Распространенную, Риторическую, а также два вида Воинской редакции и дал их краткую характеристику.³

Изучение списков Повести, выявленных нами в рукописных собраниях Ленинграда, Москвы и Калинина, позволило выделить еще две редакции памятника, условно названные Особой⁴ и Дополненной.⁵

¹ Редакции «Повести о разорении Рязани Батыем» были выявлены в специальном текстологическом исследовании Д. С. Лихачевым. См.: Лихачев Д. С. Повести о Николе Заразском // ТОДРЛ. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 257—406. Там же дана их классификация, которой придерживаемся и мы. Три редакции, являющиеся источником всех остальных, названы Д. С. Лихачевым основными — А, Б, и Б₂. Редакция А дошла до нашего времени в 8 списках XVII в. (к 6 спискам, указанным Д. С. Лихачевым, могут быть добавлены еще 2: ГИМ, собр. Барсова, № 1796; ГИМ, собр. Забелина, № 261); редакция Б, — в 7 списках (к 3, известным по исследованию Д. С. Лихачева, укажем еще 4: ГПБ, собр. Титова, № 3764; БАН, Архангельское собр., К. 51; БАН, 13.2.23; ГИМ, собр. Барсова, № 1521); редакция Б₂, — в 7 списках. Первая попытка текстологического изучения была предпринята В. Л. Комаровичем (см.: Комарович В. Л. К литературной истории Повести о Николе Зарайском // ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 57—72). О литературной судьбе Повести в XVII в. см.: Евсева И. А. «Повесть о разорении Рязани Батыем». Редакции XVI и XVII веков: Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. Л., 1985.

² Как нам удалось установить, «Стрелецкая» редакция была создана во Пскове в 1606—1608 гг. Более подробно см.: Евсева И. А. «Стрелецкая» (Псковская) редакция «Повести о разорении Рязани Батыем» (К вопросу о времени и принципах переработки текста источника) // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 44.

³ Лихачев Д. С. Повести. . . С. 273—277.

⁴ Сохранилась в единственном списке — ГПБ, Q.IV.216. Рукопись второй трети XVII в., 4°, 1+314 л., писанная четкой скорописью. Цифровые даты на полях, записи на л. 1 сделаны почерком первой половины XVIII в.: «Легописец Российской от сотвор. мира с 6360 г. по 7000, от рожд. Хр. с 852 по 1492. Итого летоисси 640 лет». Чуть ниже тем же, но более небрежным почерком: «сочиненный Василием Беловым». Летописец содержит предсказ и выписки из Хронографа 1512 г., Степенной книги; в него включены «Житие Александра Невского» (без первых трех строк), «Повесть об убиении Батя» (без конца), неизвестная редакция «Сказания о Мамаевом побоище», «Повесть о нашествии Тохтамыша», «Повесть о Темир-Аксаке». Рукопись является копией более древней рукописи, в которой были перепутаны листы: так, например, повествование о битве с Батыем Юрия Владимирского на р. Сити, гибели его и Васильяка Ростовского встал лено в изложение обстоятельств убийства Глебом Рязанским своих братьев; «Житие Александра Невского» прерывает описание взятия Батыем Владимира и т. п. Текст Особой редакции Повести находится на л. 84 об.—87.

⁵ Единственный список редакции находится в Государственном архиве Калининской области (ГАКО), № 916. Сборник описан И. Ф. Голубевым. См.: Голубев И. Ф. Собрание рукописных книг г. Калинина // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. 11.

Все редакции «Повести о разорении Рязани Батыем» XVII в. интересны, во-первых, тем, что, как и другие воинские повествования, созданные в XIII—XVI вв. и прошедшие в XVII в. обработку в среде как правило непрофессиональных книжников, они представляют образцы «массовой» литературы XVII в., образуя «литературный фон» эпохи. Во-вторых, редакции «Повести о разорении Рязани Батыем», созданные в XVII в., фиксируют произошедшую «ломку» жанровых принципов, вносят свое понимание событий, выявляют произошедшие сдвиги в системе художественных средств. Таким образом, редакции XVII в. произведений, созданных в XIII—XVI вв., проясняют направление движения в развитии литературы.

Редакции эти при всем разнообразии произведенных переделок обнаруживают две основные тенденции переработки, которые могут быть связаны с двумя центрами литературной деятельности в XVII в. — посадским и церковным.

В посадской среде события, изложенные в «Повести о разорении Рязани Батыем», становятся либо поводом для размышления о современной создателю новой редакции истории (Псковская редакция), либо осмысляются как занимательное повествование о прошлом, которому придаются близкие посадскому читателю формы (редакции «Сказания» обоих видов, два вида Воинской редакции). Именно к этой группе текстов относится Особая редакция.

В церковной среде главенствует ориентация на церковно-дидактический принцип изложения текста. Эту группу образуют Распространенная, Риторическая и обнаруженная нами Дополненная редакция Повести.

Таким образом, новые редакции «Повести о разорении Рязани Батыем» характеризуют два различных подхода к исходному материалу.

Рассмотрим их подробнее.

О с о б а я редакция «Повести о разорении Рязани Батыем» в качестве основы использует «Хронограф 1512 г.»,⁶ который дополнен кратким пересказом «Сказания о перенесении Николина образа» и «Повести о разорении Рязани Батыем». Принцип краткого пересказа источника с полной очевидностью выступает в Сказании о Николином образе: под 1225 г. Летописец содержит следующее сообщение: «Лета 6733 при великом князи Юрье Ингваровиче Резанском прииде на Резань хорсунянии поп Еустафей. А шел ис Хорсуна морем в Варяжское море, и в Нево-озеро, и в Великий Новгород. И принесе с собою образ чудотворца Николы Хорсунскаго. И уселися, и со образом, в резанских пределах на реке Осетре. Вхождение его тем путем в резанские пределы по велению святого Николы-чудотворца».

Этот же принцип краткого пересказа является определяющим и в повествовании о гибели Рязани. Причем, создателя Особой редакции привлекли лишь начальные эпизоды Повести, связанные с образами Федора и Евпраксии; он вставил их в чуть сокращенный им текст о взятии Рязани, взятый из «Хронографа 1512 г.». В силу краткости пересказа источника затруднительно установить, какая из начальных редакций послужила источником для Особой. Редактор создает «романическую» историю о любви («княгиня ж ему, родом греческого царского роду, красна же бевельми, и живуще им в велицей любви») и смерти. Слова Батыя, обращенные к князю, распространены («Княже, поведаи мне, яко имеешь жену

С. 442. Сборник третьей четверти XVII в., 4^о, на 419 л., писан скорописью. Он содержит слова отцов церкви, сказания об иконах, «Повесть о белом клубуке», «Повесть о Темир-Аксаке», «Повесть о Соломонии бесповатой», «Повесть об Акире Премудром», «Повесть о приходе Стефана Батория на Псков», «Повесть о Еруслане Лазаревиче» (без конца), выписки из Великого зеркала. Дополненная редакция находится на л. 40—54. Благодарю Н. С. Демкову, указавшую мне этот список.

⁶ По убедительной датировке Б. М. Клосса — 1516—1522 гг. См.: К л о с с Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980. С. 158—159.

красну. Даси мне ея волею на постелю мою. И аз твоей вотчины пленити не велю, но добре сохраняю»), а ответ Федора передан описательно («Князь же Федор укори царя и его злохитрство»). Приказ Батыя «поврещи» тело князя «зверем и птицам на разътерзание» и похороны Федора Апоницей составителем редакции опущены. Иначе описана и смерть Евпраксии: она одна (о сыне в Особой редакции не упоминается) «с крыла церковного заразилася на землю и паде мертва».

Таким образом, за основу была взята лишь часть «Повести о разорении Рязани Батыем», причем та, в которой очевиден элемент трагического любовного сюжета. Необходимо отметить также, что автор Особой редакции (в отличие от всех других редакторов) не использовал текст Повести в качестве исторического источника, а подошел к нему «критически»: рязанские князья гибнут в осаде; словно полемизируя с архетипным текстом, составитель Особой редакции замечает: «А князь Ольга жива яся, и в полон в Орду сведоша, и бысть в полону в Орде 14 лет» (сведение, которого в «Хронографе 1512 г.» нет, а в летописях оно идет в корпусе известий, относящихся к 1251 г.).

Итак, Особая редакция «Повести о разорении Рязани Батыем» представляет собой новый этап в осмыслении произведения — была предпринята попытка выявить в древнем тексте занимательный сюжет и ввести его в круг точных исторических сведений.

Текст *Д о п о л н е н н о й* редакции имеет общие чтения с Пространным и Кратким видами редакции «Сказания» — у этих редакций был общий протограф.

Самостоятельной редакцией ее делают дополнения сюжетного характера, по-новому завершившие повествование. Этих добавлений три: рассказ о том, как стал править «Ингорь Ингоревич» («И пожаловал их (людей, — *И. Л.-Е.*) довольно, и над гражданы почел бысть милостив, и даде всем лготы на многия лета. И наиде велие сокровище злата и серебра по божию устроению. . .»);⁷ благодарственная молитва князя («Слава тебе, царю. . .») и молитва народа («О великий царю небесный. . .»). Обе молитвы, и внешне оформленные как церковное молитвословие (завершаются славой Троице и словом «аминь»), объединены основными мотивами. Мотив славы («Слава тебе. . .», «Всякая слава подобает. . .», «. . . нача славити Бога. . .», «. . . славу возсылаем») дополнен мотивом милости как благодарность за уже совершенное («. . . прося милости. . .», «. . . на соблюдении. . . от безбожнаго царя Батыя», «И ныне милости просим. . .», «. . . призрел еси нас. . .», «. . . пода нам великую милость»), как противопоставленный теме греховности людей («. . . грешных раб своих. . .», «Я — раб. . .») и т. п.). Причем и первый эпизод — рассказ о нахождении клада — связан с тем же мотивом милости: милость князя к подданным оборачивается милостью Бога к нему самому.

Очевидно, что в Дополненной редакции дидактика подчинила себе сам сюжет «Повести о разорении Рязани Батыем»: текст Дополненной редакции представляет собой повествование о милосердии Бога, не допустившего окончательной гибели Рязанского княжества.

С этой же темой божественного милосердия связан ряд памятников, вошедших в сборник, содержащий Дополненную редакцию Повести: «Повесть о Темир-Аксаке» (чудо спасения Москвы), «Повесть о нашествии Стефана Батория на Псков» (стойкость «богоспасаемого» града Пскова), повествование о Смутном времени (избавление от гибели всего государства), «Повесть о Соломони бесноватой» (милость к человеку трагической судьбы).

⁷ Упоминание о кладе, возможно, отголосок реальных событий. Клады находили в окрестностях старой Рязани вплоть до XIX в.: как известно, знаменитые рязанские бармы были случайно обнаружены крестьянином при пахоте.

Таким образом, Дополненная редакция «Повести о разорении Рязани Батыем» оказывается по-новому осмысленным историческим материалом для рассуждений о милосердии Бога.

С этим связана существенная перестройка художественной структуры текста: предельно кратко пересказаны все воинские эпизоды. Даже рассказ о гибели Рязани — центральный в начальных редакциях Повести — трансформирован в краткую констатацию факта и стал рядовым эпизодом произведения.

Изменилось и лексическое оформление памятника. Дополненной редакцией зафиксировано активное появление разговорной лексики («кинуть на поле» вместо «повреци на поле», «раненых» вместо «изнемогающих от великих ран», «А князь Феодорова дядьку единого отпусти» вместо «Един же от пестун Феодора Юрьевича отпущен быть» и т. п.). Прозвище Евпатия «Коловрат» переделано в «Колевратов».

Ряд изменений связан с переосмыслением текста источника. Так, только в Дополненной редакции о погибших князьях сказано: «От зверей телеса их и от птиц не (выделено мною, — *И. Л.-Е.*) снедаемы» (во всех других редакциях Повести читается: «От зверей телеса их снедаемы и от множества птиц разътерзаемы»). Чтение, содержащееся в тексте Дополненной редакции, усиливает агиографическую линию в изображении рода рязанских князей (нетленность — устойчивый признак святости в произведениях агиографического жанра).

Прежняя формула описания неравного боя «Един бьяшеса с тысящею, а два — со тмою» в тексте Дополненной редакции исправлена с точки зрения «арифметической логики»: «Един бьетса с 5000, а два — со тмою» (в Пространном виде редакции «Сказания» формула один раз читается в переделанном виде, другой — по-старому).

Стремление к краткости выразилось в последовательной замене числительных цифровыми обозначениями, опущении глагольных связок, отказе от повторов.

Ниже публикуются тексты Особой и Дополненной редакций.⁸

ОСОБАЯ РЕДАКЦИЯ

4. 84 об. Лета 6733, при великом князи Юрье Ингваровиче Резанском прииде на Резань хорсунянин, поп Еустафей. А шел ис Хорсуна морем в Варяжское море, и в Нево-озеро, и в Великий Новгород. И принесе с собою образ чюдотворца Николы Хорсунскаго. И уселися, и со образом, || в рязанских пределах на реке Осетре.

Вхождение его тем путем в Резанские пределы по велению святого Николы-чюдотворца.

Хошу рещи, о друзе, повесть, иже и самех безсловесных может подвигнути на плачь и глаголати: «Горе, ох, и увь!». Иже тогда на сущих христианя излияся пельнь ^асуда Божия. Хто может словом^а сказати постигшаяся тогда злая христианский род за умножение грех наших?

4. 85 об. Лета 6745. Прииде со востока нечестивый царь Батый, верою идоложрец, з безчисленным воинством, со множеством агарян. Безвестно прииде лесом на резанские украины, и ста на Онозе, и вся ея пленом. И по-
слаша ко князем резанским, просяще у них десятое || в князех, и в людех, и всем скоте и имении. Тогда же на Резани князь Роман, да князь Юрье, да князь Ольг Ингваровича. Отвещаша же резанскии, и пронстии, и муромстии князи: «Коли нас не будет, а тебе бог выдаст — тогда ваше все будет!». Князю же Юрью сын именем князь Федор (живущу ему на

^а Вписано на полях.

⁸ Искренне благодарю С. А. Якунину, сделавшую окончательную сверку текста Дополненной редакции по рукописи, хранящейся в г. Калинин.

удоле в тех же резанских пределах у Николы Хорсунского чудотворца на реке Осетре). Княгиня же ему, родом греческого царского роду, красна же бе вельми. И живущим им в велицей любви.

Послаша ж князи резанстии сего князя Феодора ко царю Батыю з дары, да же не пленит христианского роду. Царь же, дары прият, сам же вознесся и возгордеся мыслию. И нача глаголати князю Феодору: || л. 86
«Княже, поведай мне, яко имеешь жену краску. Даси мне ея волею на постелю мою, и аз твоей отчины пленити не велю, но добре сохранию».

Князь же Феодор укори царя и его злохитрство. Царь же повеле его убити.

Прииде ж весть ко княгине его, яко убиен бысть князь Феодор от царя. Она ж тогда у чудотворца Николы у заутрени. Егда же княгиня услыша князя Феодора убиение, и абие в том часе с крыла церковнаго заразилася на землю, и паде мертва. И от того времени прозвася место то Николае Зараской.

Послаша ж князи резанстии к великому князю Юрье в Володимер, да поидет с ними противу безбожных агарян. Князь же великий и сам не поиде, и силы не посла: зане страх нападе || на всех, и трепет, являя бо- л. 86 об.
жий гнев. Сего ради поглощенна бысть мудрость могущих строити ратная дела, и крепких сердца в слабость женскую преложишася.

Того ж ради ни един от князей русских поиде друг ко другу на помощь, ни совокупишася вси, ни поидоша противу безбожных печенег. Безбожный ж, не имуще многие сопотивные себе, и поидоша по рязанстей земли, и на коегож отечество приходяще, грады приимаху, и люди вся мечю и огню предаваху.

Резанстии же князи ратовашеся со агаряны, и не возмогоша с ними битися, понеже ни откуду им помощи несть. Татарове же — безчисленно множество, || паче ж гнев божий за грехи наша. л. 87

И затворишася князи во граде, и начаша сидети в осаде, и битися со града. Погонии же град взяша 646 декабря в 22 день. И князь Юрья убиша, и вся люди изсекоша, жены ж и девицы, и инокиня оскверняху^б пред всем народом, церкви и монастыря огню предаша. И весь град огнем сожгоша.

Князь же Роман убеже в Володимер. Епископа же тогда не бысть на Рязани, но в Муроме. А князь Ольга жива яша, и в полон в Орду сведоша, и бысть в полону в Орде 14 лет.

ДОПОЛНЕННАЯ РЕДАКЦИЯ л. 40

СКАЗАНИЕ О ПРИШЕСТВИИ НА РУСКУЮ ЗЕМЛЮ БЕЗБОЖНОГО ЦАРЯ БОТЫЯ И КАКО ОН, ОКАЯННЫЙ, РАЗОРИЛ РЯЗАНСКОЕ ГОСУДАРСТВО

Лета 6745-го году по пришествии ис Корсуня чудотворного Николина образа во 12 лего, за наше согрешение попущающу богу овогда глад бысть великий, а иногда пожар, и нашествие поганых, и межуsobныя брани.

И абие прииде царь Батый на Рускую землю со множеством вой татарскими, а ста на реце на Воронеже близ Рязанские земли. И посла он послы к великому князю Юрью Ингоревичю Рязанскому, просяше десятины во всем княжении, и в людях, и в конях. И услыша князь Юрья Ингоревич приход безбожнаго царя Батыя и вскоре посла по братию свою: по князя Давида Ингоревича Муромского, || и по князя Всеволода Ингоревича л. 40 об.
Пронского, и по князя Олга Ингоревича Краснаго, и по прочая князи месныя, и боляры, и воеводы. И нача советовати, како нечестиваго царя подобает дарами утоляти. И посла сына своего князя Феодора Юрьевича

^б Испр.; в ркп. осеверняху.

и с ним иных князей многих к безбожному царю Батыю з дары и с великим молением, чтобы не воевал Рязанские земли.

И безбожный царь Батый, льстив есть а немилостив, принял дары и глаголя, что «Отнюдь не хочу воевати Рязанские земли», и яряся и хваляся воевати Рускую землю и иные грады. И нача князи рязанских потехами тешити.

И нача у них просити жон, и сестр, и дочерей на ложу. И некий от велмож рязанских, научен бысть бесом, сказа безбожному царю Батыю, яко благоверный князь Феодор Юрьевич имеет у себя княгиню царского .
41 роду — и лепую || телом и красну зело. Безбожный же царь Батый в неверии своем поревновав похоти своей и рече князю Феодору Юрьевичю: «Дай ми жены своей видети красоты!». Благоверный же князь Феодор Юрьевич посмеяся и рече: «Не подобает христианом нечестивому царю жены своя давати на блуд. Аще ли нами одолееши, то и женами нашими владеши начнеши». Безбожный же царь Батый, зверообразнством разьерися, вскоре повеле убити благовернаго князя Феодора Юрьевича Рязанского, а тело его повеле кинуть на поле зверем и птицам на разрушение. И иных князей повеле убити же всех.

А князь Феодорова дядьку единого отпусти, именем Апонице. Апоница же тайно прииде вскоре к телу блаженнаго князя Феодора Юрьевича, и зря на тело, плачу || щеса, виде его никим брегома. И сохрани тело в землю, и поиде вскоре к благоверной княгине Евпраксеи.
41 об.

И сказа ей, яко благоверный князь Феодор Юрьевич убиен бысть от безбожнаго царя Батыя. Благоверная же княгиня стоя в превысоком тереме, и держа любезное свое чадо князя Ивана Феодоровича. И услыша такая смертоносныя глаголы, и абие ринулась она ис превысокаго своего храма и с сыном своим со князем Иваном на землю, и разбися до смерти.

И принесоша тело благоверныя княгини Евпраксии и сына ея Ивана Феодоровича, и похорониша честно у великаго чудотворца Николы. И от сея вины до зовется великий Николае — Зарайский, яко благоверная княгиня Евпраксия с сыном своим со князем Иваном сама заразилася ис превысокаго своего терема: о сыру землю разбися. ||

И услыша благоверный князь Юрья Ингоревич Рязанского убиеия возлюбленнаго своего сына князя Феодора Юрьевича и иных князей и нарочетых^а людей от безможнаго царя Батыя, и начаша плакати с великою княгинею и з братьями. И плакашеса весь град на мног час. И едва умолкоша от великаго плача, и рыдания, и въздыхания.
42

И посла великий князь Юрья Ингоревич во град Владимир к великому князю Георгию Всеволодовичю Владимирскому, прося у него помощи на безбожнаго царя Батыя, или б сам пришел. И князь Георгий Всеволодович Владимирский сам не пошел, а помощи не дал, не послал, хотя от себя брань сотворити сам с царем Батыем.

И князь же Юрья Ингоревич Рязанский со братьями своими учредиа полки своя, и воздевше руке на небо со слезами и рече: «Изми нас, боже, от во || стающих на ны, и избави нас от творящих беззаконие. Буди путь их тма и ползок. Не попусти, господи, окаянным и неверным владеши Рускою землею!».
42 об.

И рече князь Юрья Ингоревич рязанским братьям своим, и ко всем сродником своим, и всему служивому войску: «Господа моя, братия! Аще от руки господни прияхом благая, а злых ли не стерпим? Лутчи нам смертию живота купити за святыя божия церкви, и за веру христианскую. нежели у окаяннаго и безбожнаго царя в неволи быти! Да умрем за веру свою и за вотчину отца нашего и великаго князя Ингоря Святославича!».^б

И поидоша в соборную церковь и плакашеса пред образом всемилостиваго Спаса и пречистыя Богородицы честнаго и славнаго ея Одигитриа,

^а Так в ркп.

^б В ркп. в отчестве Святославич везде нет знака титла.

тоже принесе епискуп Ефросин ис Святыя Горы. И моляся великому чудотворцу Николе || и сродником своим Борису и Глебу. Просяше прощение у гроба отца своего великого князя Ингоря Святославича. И дая прощение и последнее целование княгине своей и протчим княгиням и сродником своим. И прием благословение от епископа и прощение от всего народу.^в Тако ж и протчии князи, и боляры, и воеводы.

И поидоша против нечестиваго царя Батыя и сretoша его близ предел Рязанских. И начаша битися крепко и мужественно. И бысть сеча зла на мног час. И многия силныя полки татарские смятошася. Царь Батый и виде, что государство Рязанское крепко и мужественно бияшеся, и возбояшеся велми. Да противу гневу божию кто постоит? А тако бияшеся: рязанский боец биеся с 5000, а два — со тмою. И много от полков Батыевых падоша.

И князя Давида Ингоревича Муромского убили и иных || князей и благоверных князей. И благоверный князь Юрья Ингоревич, виде убиение брата своего и иных князей, и возопиша в горести души своея. И рече к братьям своим: «О братия моя возлюбленная и друзи ласкови, и все воинство рязанское! Мужайтеся и крепитеся! Брат наш, Давид, напредь нас чашу пил смертную за веру христианскую. И мы же такожде сотворим!». И нача битися прилежно, яко уже подивишася им все полки Батыевы.

А Батыева сила бес числа суть силные полки. И едва осилиша Батыево войско рязанских воинов. И тут убиен бысть благоверный князь Юрья Ингоревич Рязанский, и брат ево Глеб Ингоревич Коломенский, и князь Всеволод Пронский, и многия князи месныя и воеводы, и крепкие удалцы и резвцы, и все воинство рязанское.

Вси равно умроша, едину чашу || пиша смертную. Ни един от них возвратися всяты: вси вкупе мертвы лежаху. Сие убо наведе господь грех ради наших.

А князя Ольга Ингоревича взяша жива изранена. Царь же, виде князя Олга красна велми, и хотяше его изврачевати от великих ран и на свою прелесть возвратити. Князь Олг Ингоревич укори царя Батыя и нарече его: «От безбожных враг христианский!». Он же, окаянный царь Батый, дохнув от мерскаго своего сердца, и повеле князя Олга ножами на части раздробити. Сий убо мученик Христов, прия венец от своего владыки Христа и от своего исповедания и мучения.

Царь же Батый поиде ко граду Рязани и град осади. И нача битися неотступно. И бияшеся из града 5 дней. И Батыево войско пременяшеся, и многих граждан побиша, а иных ранами уязвиша. А в 6 день рано погонию ко граду приидоша, овии от ни || ских стран приидоша со тмочисленными лесницами. И подкопы подведшися, взяша град Рязань лета 6745-го году декабря в 21 день. И пожгоша весь град, и великую княгиню с протчими княгинями, и епископа в соборной церкви мечи ссекоша, иереов и чернцов до остатка иссекоша. И церкви божи да основания разориша, и во святых олтарех многу кровь пролияше. А иных людей в воде потопиша и в полон поймаше. И кровь христианская, яко река, течаше.

И не остася во граде ни един человек живых. Вси равно умроша, едину чашу смертную пиша. Несть бо тут ни станания, ни плача: ни отцы, ни матери о чадах, ни чада по отцех ни матерях своих, ни брат о брате и о сестрах. Вси равно умроша, вси вкупе мертвы лежаху. Сия вся наведе бог грех ради наших.

Безбожный же царь Батый, видя велие пролитие христианские крови, разярился, и опол || чися зело, и поиде на град Суздаль и на Владимир, и ярься и хвалясь Рускую землю пленити и до основания разорити.

Некий от велмож рязанских именем Еупатий Колевратов в то время был в Чернигове со князем Ингорем Ингоревичем у князя Михаила Всеволодовича Черниговского. И услыша, что царь Батый идет на Рускую

^в Испр.; в ркп. народ.

землю в Рязанское государство. И Еупатий поиде ис Чернигова с малыми дружинами на помощь к государю своему великому князю Юрью Ингоровичю Рязанскому, а не ведая, что они побиты, и град Рязань разорен.

И Еупатий же прииди ко граду Рязани, и виде град Рязань разорен, и церкви божии пожжены, и люди вси побиты, и государи благоверныя князи вси побиты лежаше, и вси людие мертвы лежаше на земли. И восплачеша он горко. И поиде от града и собрал людей — войско себе около
 а. 45 об. Рязани, которых бог соблюдал в селах || и в горах. И собрал 1800 человек, и в день неделный учредиша полки, и погнавше вслед за безбожным царем Батыем, и желаяй такову же чашу пити, како государи его.

И егда догнаша его и нападоша на полки Батыевы. Еупатий же с своим войском, помоляся богу, и нападоша на Батыевы полки, и нача битися крепко и мужественно. Еупатий же бе человек силен и храбр, и проезжая полки Батыевы, и бияшеша нещадно. И бысть сеча великая от его полку. Батыева ж сила смятошася, вси полки татарские, яко уже и самому царю Батыю возбоятися. И татарове же войско пьяни и неистовления. Еупатий иже толико сечаше их с вой, яко же и мечи притупишася. Они же отимали у поганых мечи, и сечаше их бесчадно. И много безчисленно Батыевой силы побил.

А от его Еупатиева полку взяша 5 человек раненых. И приведоша ||
 а. 46 их пред царя. И царь вопроси их: «Коя веры, и коя земли? Что мне много зла сотворили есте?». Они же рекоша к царю: «Веры мы христианские, раби великого князя Юрья Ингоровича Рязанского, а полку Еупатия Колевратова. Посланы еси тебя, силнаго царя, почтити, и честь тебе воздати, и честно проводитьи. Да не подиви, царю, что не успевал наливати чашу на твою великую рать татарскую». Царь же Батый подивися тому их мудрому ответу их.

Посла царь на Еупатия шурина своего Хостоврула-мурзу. И Хостоврул же пред царем похвалился, яко же хотя Еупатия жива взяти и привести пред царя. Царь же посла с ним силные богатыри и вой татарские. И нападе на Еупатиево войско, и хотя Еупатия жива взяти. Еупатий же помоляся богу и устремися ис полка^Г свою могучую силу, и выскокав Хостовру ||
 а. 46 об. ла и мечем разсече его до седла. И воинов его нача сеч же безмилости. Батыева сила применяетца, а Еупатиева же войско не применяетца. Еупатий же бияшеша нещадно. И Батыевых воинов наполю пересякоша, а иных до седла разсекоша, и краеше на двое. Татарово же возбояшеша, видя Еупатия крепка и силна, и наведоша на него пушки многия, наряды ружейныя,^Д и учили бити, и едва одолеша поганые Еупатиево войско. И в тот час убили Еупатия.

И принесоша тело пред царя Ботыя. Царь же посла по свои князи, и мурзы, и по санчаки, беи и паши^Е и нача с ними дивитися храбрости и мужеству рязанских бойцов — Еупатия с товарищи. Князи же и мурзы рекоша царю: «Мы на многих боях бывали, и на многих землях, а таких
 а. 47 удолцов, и бойцов, и резвцов не видовали. И у отцов своих не слы || хивали про резанских бойцов, яко и здеша люди красастыи и безсмертныи: един человек бияшеша съ 5000, а два — со тмою».

Царь Батый зря на тело Еупатиево и рече: «О Колеврате Еупатий! Гораздо мя еси уподчивал своею малою дружиною, да многих моих силных богатырей побил, и многия мои полки от тебя погибли. И яз еси многия Орды побивал, а никто против меня много не стоял. А ты столко мне зла учинил. Аще ли бы у меня, силнаго царя, таков человек был, и тако служил, и так бы стоял за меня, како ты за государей своих, и аз бы имел его, аки душу брата родного, и любил бы, аки душу свою, за такую предивную храбрость богатырскую».

^Г Испр.; в ркп. полкя (диал.).
 в ркп. поши.

^Д Испр.; в ркп. ружелныя.

^Е Испр.;

И повеле царь поставити пред собою полоненных людей — пяти человек Еупатиево полку: «Возмите сего своего храброго воина для его || храбрости. И вас я пощадих, и избавих от смерти, идите, куды хотите. И возмите тело его, идите от его величества не вреждени. И отдайте им серебро, и платье, и оружие, еже с ними взято на них». И отпусти их, ничем не вреди.

А князь Ингорь Ингоревичь, нареченный во святом крещении Козма, в то время был в Чернигове у брата своего, у князя Михаила Всеволодовича Черниговского богом соблюден от такова безбожнаго царя Батыя. И прииде князь Ингорь Ингоревичь ис Чернигова в землю Рязанскую, в свою вотчину, в княжение брата своего, блаженные памяти великого князя Юрья Ингоревича, а не ведая, что вси побиты от безбожнаго царя Батыя.

И приехав на Рязань, и виде, что град Рязань разорен, и церкви божию пожжены, и братия его побиты от царя Батыя. Благоверный князь Ингорь || Ингоревичь^ж Рязанский, и брат его князь Давид Ингоревичь Муромский, и брат его князь Глеб Ингоревичь Коломенский, и князь Всеволод Ингоревич Пронский, и князь Олг Ингоревич Красной, и мати их, и все месные князи и воеводы — все мечем побиты.

И вниде во град и виде матерь свою, и снохи своя, и сродники своя и протчия князи, и боляры, и множество мертвых лежаще, и все государство погибло, грех ради наших.

И нача он плакаться, и жалостно вскричаше, яко труба, рати глас поведаяюще. От великого кричания и вопля, яко мертв, лежаше на земли. И едва отдохнуша, и глаголя словеса сия: «О братия моя! От великой погибели кто не восплачется, или кто не возрыдается о велицем народе благочестивыя веры, или кто не постонет о том пленении великом!».

И благоверный же князь Ингорь Ингоревичь, разбирая трупы мертвых, и найде тело матери своея — великой княгини || Агрипены Ростиславныя,^з и позна снохи своя. И призва пошы, которых бог соблюл, и погребе матерь свою, и снохи своя и плачем велиим псалмов и пения место, кричания велми рыдаше. И прочия трупы мертвых похорониша честно, и плакашеся горко, глаголаше: «О, земля Рязанская! Изменися доброта твоя, и слава твоя вся минувшеся, токмо пепел един лежаще! И не един бо сий град пленен бысть, но инии мнози!».

И поиде благоверный князь Ингорь Ингоревичь, где побieni быша братия его от царя Батыя — великий князь Юрья Ингоревич Рязанский, и вси братия его, и многия князи месные и боляры, и воеводы, и все воинство — удолцы и резвцы. Все лежаше на земли пуге, на тровековыле, и снегом и ледом померзоша, никем брегома. От зверей телеса их и от птиц не снедаемы.

И виде князь Ингорь Ингоревичь велия трупы мер || твух лежат, и а. 49
воскрича горко велми гласом, яко труба располаяся, в перси^н своя руками биюще. И разбися о землю, и слезы от очию его, яко поток, течаше. И жалостно глаголаше: «О, о милая моя братия и господия! Вы мене единого остависта в таковой погибели! Почто аз прежде вас не умер? И камо заиде, свет, от очию моего? Где отошли есте? Вы были вся моя надежда! Почто мене пуга остависте на такове пуге земли? Почто не промолвите ко мне, брату нашему? Цвети мои красныя! Виноградныя^к мои несозрелыя! Уже не подадите сладости души моей! О чем, государи, не промолвите ко мне? Уже, светы мои, забыли есте мя, сираго брата своего! От единого отца рожденных, изъ единыя утробы честнаго плода матери — Агрипены Ростиславныя, от единого сердца воздаеных многоплоднаго винограда! Кому мя приказали есте, сираго брата своего? Солнцы мои красныя, || рано зашли есте! Звезды мои восточныя! Почто мя такова пуга покинула? Уже вы не

^ж Так в ркп. ^з Так в ркп. читается отчество великой княгини. ^н Испр.;
^к ркп. персии. ^к Так в ркп.

чести, ни славы ни от кого не приемлете! Изменися слава ваша! Где государство ваше? Многим землям государи были есте, а ныне лежите на земли пуге, зрак лица вашего изменися. О милая моя братия и друзи ласковии! Уже не веселюся с вами и з государынею матушкой! Все вы мене пуга покинуста! Цвети мои драгия, почему рано минушеса? Не много с вами радовахся! Аще бог услышит молитву, помолитеса о мене, брате вашем — да не бы умер с вами. Почто аз прежде вас не умер, дабы смерти вашей не видел, от^л своей погибели? Не имею роду, ни племени, но токмо един остахся!».

И жалостно вещающе: «О земля еси, земля! О дубровы-дубровы! Восплачитеса со мною! Увидите мою погибель! Каково было государство —
 4. 50 и то разрушися! || Каковы были государи — все лежат побииени, не от кого не брегоми! Душа моя погибает, и крепость моя изнемогает от всех злых, находящих на ны!».

А великий князь Ингорь Ингоревичь воздев руке на небо, моляшеса со слезами, глаголя: «Господи, боже мой! На тя уповах, спаси мя, грешнаго! Пресвятая госпоже владычица Богородице, мати Христа, Бога нашего! Не остави мене во время печали моя великия! И стратотерпцы Борис и Глеб! Будите мне, грешному, помощники во бранех. Помолитеса о мене господу богу».

И взя телеса братьей своих — благовернаго князя Юрья Ингоревича Рязанского, и князя Давида Ингоревича Муромского, и князя Глеба Ингоревича Коломенского, и иных князей месных, и сродников своих, боляр и воевод. И принесе телеса их во град Рязань, и похорониша честно со псалмы и песни, и устроиша церковь. А их воинских людей телеса
 4. 50 об. велел собрать || и похоронить там, на пуге месте, со священноиереи.

И един князь Ингорь Ингоревичь поиде ко граду Пронску, и собра раздробленые уды брата своего благовернаго князя Олга Ингоревича. И несоса его во град Рязань, а честную его главу сам великий князь Ингорь Ингоревичь до града понесе, и целовав я^м любезно. И положиша его со князем Юрьем Ингоревичем Рязанским во единой раце, и сотвориша по них память честну.

И поиде князь Ингорь Ингоревичь на реку Воронеж, где убиен бысть князь Феодор Юрьевич Рязанскова^н — племянник его. И взя честное тело его, и плакася над ним на мног нас, и принесе тело его к великому чудотворцу Николе Корсунскому, и похорониша тело его з благоверною
 4. 51 об. княгинею его Еупраксиею || близ сына его, князя Ивана Феодоровича, и положи их в месте едине, и поставиша над ними кресты каменные. От сея вины да зовется великий чудотворец Николае — Зарайский, яко благоверьяная княгиня Еупраксия заразилась с сыном своим со князем Иваном Феодоровичем ис превысокого своего терема о сыру землю.

Они были государи родом Владимира С(вя)тославича, сродники Борису и Глебу, внучета^о С(вя)тослава Ольговича Черниговского. Быша они родом христоклюбцы и братолюбивии. Очима светлы, лицом красны, взором грозны, паче меры храбры и мужественны, сердцем лехки, к бояром приезжим при-
 4. 51 ветливы, к церквам прилежны, на пировании || тщивы, да государьских потех тщивы и охочи, ратному делу велми искусны, на недруги велми храбры и мужественны, и полкам грозны, и ко братием своим пословны.^п Ум имеяше, в правде-истинне пребысте, честно у господа душевную ни телесную бес порока соблюдоуста. Святаго корене отрасли, бога насажденнаго сада цветы прекрасные, воспитании быша в благочестии, со всяцем наказании духовных, возлюбленных апостолских словес. А пустошных словес не любляше и злонравных человек отвращашеса, з добрыми всегда беседоваше, а божественнаго писания всегда послушашеса. Ко греческим царем велику любовь имеяше, дары у них не взимаше. А во браце цело-
 4. 52 мудренно живя||ше, смотряющее своего спасения. Чистой совести и кре-

пости разум предержаше господийский сан. Яко святую молитву предлежаще, кресты на раме своей носяще. Честь и славу от всех людей приимае и по вся посты причащающася святых и животворящих таин Христа Бога нашего. А с погаными полки часто бияшеса за святых божия церкви, и за веру христианскую, и за всю вотчину. А милостыню убогим неоскудно даваше, а братию к себе многих от неверных приимае царей и в веру христианскую обращающе.

И благоверный князь Ингорь Ингоровичь нача жити в вотчине своей, во граде Рязани. И нача собиратися люди в вотчину || его Рязань на житье. *л. 52 об.* Благоверный князь Ингорь Ингоровичь нача жити, и обнови землю Рязанскую и град устроил, и церкви божии поставил, и монастыри устроил, и пришедцов — людей — собрал, и пожаловал их довольно.

И над гражданы почел бысть милостив, и даде всем лготы на многия лета. И наиде велие сокровище злата и сребра по божию устроению, и нача тем сокровищем собирати служивых людей. И сяде на княжею^Р отца своего благоверного и великаго князя Ингоря Святославича и племя своего, княжения прямо. И собрал людей от всех стран множество.

И бысть в соборной церкви, и молися Спасу и пречистой Богородицы и великому чудотворцу || Николе, и сродником своим Борису и Глебу. *л. 53* И прося милости у Спаса и пречистые Богородицы, и у его угодников, чтоб его град был сохранен от всех враг его. И нача молитися, и рече: «Слава тебе, царю человеколюбче, яко сподобил мя еси быти на престоле отца моего, на соблюдение, господи, от безбожного царя Батыя. И ныне милости просим у тебе, господи боже мой, — избави нас от всех враг наших, видимых и невидимых вовеки. Аминь. Я, раб, твое создание, имею бо надежду на тя, яко ты еси царь царствующим и господь господствующим. Всякая слава подобает, и честь, и поклонение безнача||льному^С отцу со едиnorodным ти сыном, и всесвятым и благим и животворящим ти духом. Ныне, и присно, и вовеки веков. Аминь!». И выиде из церкви, и нача жити тихо и безмятежно. *л. 53 об.*

И бысть во граде Рязани радость велия, что им бог даровал еще жити в православней вере, что их бог соблюл от безбожного царя Батыя. И нача славити Бога: «О великий царю небесный! Творец небу и земли! Господи Боже, отец наших, призрел еси нас, грешных раб своих, и пода нам великую милость! Избави, || Господи, град наш, и страну нашу от всех враг *л. 54* наших, находящих на ны. Яко тебе славу возсылаем, отцу, и сыну, и святому духу, ныне, и присно, и вовеки веков! Аминь!».

^Р Так в ркп. ^С Испр.; в ркп. бенаначальному.

Г. М. ПРОХОРОВ

Иоанн Кантакузин. Диалог с Иудеем

Слово пятое*

(Славянский XIV в. и современный переводы)

л. 242

НА ИУДЕЕ СЛОВО ПЕТО

К с е н ь:

— Навыкнути убо имаши, о цару, аще и ина нѣкаа събырати и прилагати реченнымъ хотещу ти, глаголемых честости отставих посрѣдѣ словесъ, выпади и инако о тежести вещи выпрашати хотѣтел'нь. Нужда бо нѣкаа къ сему порѣвает' ме, понуждаючи.

Ц а р ь:

— Глаголеши убо несуменно еже и хоцещи: ибо не ниня прѣвѣ, нь вѣси нѣгде и въ начетцѣх словеса таковыя свободы причестивсе якоже в'се еже хоцещи о Христѣ глаголати, аще и зѣло неявлено будетъ. Ни бо и ог'нь аще тяжька нѣкто или студена или сѣкателна указовати начнет,

л. 242 об.

и таково абие будет от глаголющаго неразумия и || сует'ства.

К с е н ь:

— Вѣси нѣгде, цару, колико нѣкое прѣжде мала вьниде мнѣ желание иже о Троици слышати словеса, и како мнѣ сѣ усрѣдно обѣщасе сказати. Яже убо суть обѣщанія еще и ниня възложена ти суть, посрѣдѣ же словесъ, их'же повѣдалъ еси, Бога, имиже глаголеши юже, и Духъ велми прѣдставляше. Аще бо и не нагымъ именованъ сего Бога именованъ еси, нь имиже глаголеши се самое свѣршаеша. Или что тебѣ хоцетсе еже в'са данія, в'са Светаго Духа дарованія иединому глаголати чловѣчьскому естеству вмѣстити мощи, нь тѣчу иже от Дѣвы рождьшомусе Маріе странному же и паче естества чловѣку, ничесоже ино в'сако развѣ яко Богъ есть и Духъ, яко трие zde бози являтисе, и убо нагою Моусеовою главою вьпиущу: «Слыши, Израилю: Господь Богъ твой Господь единъ есть». Вѣ же вмѣсто единаго триемъ, якоже сам указуеши, юже поклоняетесе богомъ, и их'же не по вашему разуму имущих нечестивых и безбожных наричете.

Ц а р ь:

— Помню обѣщаемых еще, Ксеню, и не забываю. Скончати же ми прѣвѣ яже прѣдложенога намъ въ сьмотрение псалму добро непщевасе,

л. 243

и по сих словесем онѣмъ коснути. Е||да възвратимсе убо тамо. Что бо убо пророку разумѣвается «Боже, судъ твой цареви даждь», добрѣ намъ въ прѣждных, яко мню же, видѣно бысть. По сем' же наводит: «И правду твою сыну цареви». Еда убо о себѣ сѣ рече Давидъ или о своемъ сынѣ Соломонѣ? Ни убо: ни бо въ нь, ниже въ Соломонѣ мѣсто имут глаголемаа, нь въ Христа в'са явѣ зрет, тѣ бо есть истиннаго и сущаго Цара сынъ. Се же явѣ есть от них же рече тѣжде Давидъ въ второмъ псалмѣ,

* Предыдущие «слова» см. в т. 41—44 ТОДРЛ.

иже и от еврей есть неисповѣдимъ, за еже чистѣ на Христа простиратисе яко от лица чловѣча, егоже Божий единороднѣй Сынъ и Слово восприеть: «Азъ же поставленъ есмь царь от него», Бога явѣ яко, «над Сиономъ гору светую его», сирѣчь въ Иудею и въ церкви (Сионъ бо и сиа наричетесе), «възвѣщае», рекше проповѣдае, «повелѣнїе Господне», сирѣчь божеств'ное учение. Таже рече: «Господь рече къ мнѣ: сынъ мой еси ты, азъ днесь родихъ те. Проси от мене, и дамъ ти языки, достояние твое, и одръжание твое, конци земли». Како убо дѣломудрствуе кто прикладна сиа речет понѣ въ малѣ Соломону? Когда убо онъ вселенѣй начел'ствова и сее удръжа конце? В'саки вѣсть явѣ кто, яко языку единому и малѣ чести на ||чел'ствова вселенные. Христос же в'сой начел'ствова и начел'ствууетъ, и име его въ послѣднѣхъ земли, якоже есть всѣмъ явлено, прииде. л. 243 об.

Нъ на пръвѣй и паки псалмь да възведемъ, аще мнитесе, слово: «Судити людемъ твоимъ въ правду и нищимъ твоимъ въ суд», — сирѣчь судити посрѣдѣ иже в Тѣ вѣровав'шихъ и диаволу. Таже бывшую радость и веселие за всѣхъ спасение проявляе, пророкъ «Да восприимуть горы», — рече, — иже по добродѣтели высоци явѣ яко чловѣци, — «миръ людемъ и хльми правду». Почто? Яко «Судитъ нищѣмъ людскимъ», и спасетъ сыны убогихъ, и смѣритъ клеветника». Кто убо есть от диавола горшѣй клеветникъ и бестуднѣйши, иже прѣжде убо еже «Положу прѣстоль мой на облацѣхъ» къ себѣ рече, по семъ же и на Бога клеветати потрѣбова, рекъ Адаму, яко заеже не очима вашима отврзеномъ быти и вѣдѣти добро и зло заповѣда вамъ Богъ не сынѣсти от дрѣва, тѣжде послѣди и окаян'ному чловѣческому роду нашѣдъ, отступити убо от своего Съдѣтеля и Творца покори, идоломъ же глухымъ и без'душнымъ Божие служение въздати. || Таковому убо клеветнику посрѣдѣ и еже по вѣрѣ убогимъ чловѣкомъ Христос судивъ, сихъ убо оправди, богатыхъ показавъ по самому сему еже от истины Божие не погрѣшати разумъ, бесчловѣчнаго же и дивиаго и суроваго клеветника и мучителя диавола всма смѣри, в'са его хытрства низ'врьгъ и съкрушивъ. л. 244

«И прѣбудеть съ солнцемъ, и прѣжде луны рода родовъ». Сиа убо како не и зѣло неразумнаго покорет? Кто бо от в'сего вѣка прѣбыти можетъ съ солнцемъ? Выистину никтоже, нъ тѣчу безначел'ни Божий Сынъ и присносущны. Зрѣ же, како наводимымъ в'су объеть пророкъ злодѣйствовати хотещимъ вину, да не убо кто по васъ поврѣждати хоте истину глаголетъ, яко къ Соломону есть речено — аще бо и умрѣт, нъ душа его живет и прѣбываетъ съ солнцемъ, — приложи еже «прѣжде луны рода родовъ», — сихъ ради убо двѣю безначел'ное Сына Божия и бесконъчное показа, еже ни къ единому от чловѣкѣ вмѣстно есть рещи.

Таже «Съидеть, — рече, — яко дъждь на руно и яко капля, капющиа на земли». Се Сына Божия пръвое прѣдставляеть пришьствие, кроткое и смѣренное и шума в'сакого кромѣ. Будущее бо вто||рое небо, якоже рѣхом, и землю подвигнет, в'се явѣ яко аггеломъ украшение и родъ всакъ чловѣчскы. Якоже бо при Гедеонѣ, якоже в'си нѣгде речено, руно бесщука съниде дъждь и еже на гумнѣ капля, тѣмъже убо образомъ и Богочловѣкъ сниде Слово, в'сѣмъ силамъ и прѣмирнымъ утаив'се и яже на земли. л. 244 об.

«Въсиаетъ въ дни его правда и множество мира, дондеже отиметсе луна, и обладаеть от мора до мора и от рѣкы до коньць вселенные». Въ кые дни въсиати рече правдѣ же и гльбокому миру? Егда область приметъ крестъ, егда обратетсе языци в'си и от мрские идол'скыя службы и поклонения въ разумъ приидутъ живѣго Бога, еже убо и бысть. Да же и бесконъчное еже въ него вѣры и нераздрушимое покажет, «Дондеже, — рече, — отиметсе луна», — якоже бо она не отиметсе никогда, сице ни же яже в Христа истиннаа и непорочна не растлитсе вѣра.

«Прѣд нимъ припадутъ Ефиопляне, и врази его прѣсть полижутъ». Кые врагы пророкъ быти рече Христови? Выистину явѣ, яко ваше нравы на нѣ въ начелѣ въздвигшаго диавола и васъ самѣхъ, иже сего съмрѣтиу крестною вьнѣ || вины в'сакыя повинна сътвористе, имъ же и подпасти рече тому л. 245

и повинутисе, реку работати в'сегда в'ѣровавшимъ въ нь. Еда убо не се явѣ изиде, и дониня от оного прѣсть, юже Христови в'ѣровавшей наступаютъ, идеже аще суть вашего рода своими езыки лижутъ? Всѣмъ явлено. И убо ни же прѣстати когда иматъ таковаа вамъ работа, Данииль рече и Давидь.

К с е н ь:

— Аще врази убо, якоже глаголеши, нашего рода Исусови были быше, онъ же толику имѣваше силу, яко и поработати и раздрѣшати, якова рѣсте, и спасати готовѣ и погубляти, како, егда сего, свезавше, ведѣху яко умрѣша, не в'сегубител'ству сихъ подасть и коньчному тлѣнию, нь оставляше жити супротивникомъ нашимъ словесемъ бывшимъ и прѣдаваемъ?

Ц а р ь:

— И убо не мнѣ вещьше отъ всѣхъ изьобрѣсти губител'ство отъ одрѣжшаго васъ. Вѣистину бо азъ побѣдив'шаго кому врага своего и руками обьемшу и свезав'шу въ мраце затворити вещьше вѣмѣнью еже отъ жизни единою отвести. И убо и смѣшно будетъ иже сице злѣ прочее прѣбывающему свезавшему ругатисе и || глаголати, яко: «Аще свезавшему ме сему сила би была, отсѣкль би убо главу мою». Само бо сѣ рекль би супротивъ, еже не подобно. Оттуду бо ти назнаменати подобаетъ, еже в'са, елика убо рекль еси, мощна быти моему Исусу онѣмъ навести отъ еже градъ вашъ Иерусалимъ вѣсма купно съ прѣвизреднымъ онѣмъ храмомъ раскопаномъ быти, отъ тогожде иныя грады ваше разорени ниня зрѣтисе. Явѣ бо есть, яко иже сиа могы и она сътворити сил'нь бѣ, нь не вѣсхотѣ, еже къ нему ваше обращение и покаяние ожидае. Потомъ колицѣхъ отъ оного и дониня в'ѣровати нещущаши и приступити къ Христу по добродѣтели просиавшихъ. Аще убо, якоже самъ молиши, в'сегубител'ствомъ тогда в'си погублени би, помысли, колика нѣкаа убо тѣцета случиласе би. И убо самъ рече Христосъ единойъ святой души тѣчн' не быти вѣсь миръ, чловѣка¹ реку, и землю, и яже посрѣдѣ сихъ, и всѣхъ невѣровавшихъ тому, сиа бо зде миръ нарычетъ. Помысли же и оно, вѣистину како когда убо еже паче чловѣка великодушное и прѣз'естств'ное въ злодѣйствѣ и болѣзняхъ трѣпѣливѣго въ в'су землю

л. 245 об.

л. 246

сиче съ чюдесемъ словимъ бѣше нерушими и непоколѣби||ми стлѣзь Иовъ, аще оного прѣдѣдъ Исавъ, иже и прѣжде бытиа възненавидѣнь отъ Бога, якоже жити недостойнъ тлѣнию прѣданъ бываше? Како же убо и Исайиное конѣцъ иматъ, яко: «Аще будетъ число сыновъ Израилевъ якоже пѣськъ морскы, останкъ Израилевъ спасетсе»? Како бо убо можетъ спастисе светы останкъ Израилевъ, аще не нечѣстивъ и грѣшници сихъ прѣдѣди спасаеми были быше, да якоже отъ трѣниа шипци яветсе онѣхъ отроди?

Видиши ли, како въ иже отъ вашихъ отецъ ископанныхъ ровѣ отъ единого выпадаеши и въ другы? В'сакыя бо слѣпоти есть выш'ше и глухоти еже сьмотрение Божие и длѣготрѣпѣние неможение вѣмѣняти и ни же оно убо еже рече Давидь въ умѣ положити, яко: «Богъ судиа правед'нь и крѣпкъ и длѣготрѣпѣливъ, и не гнѣва наведе на в'сакъ день; аще не обратитисе, оружие свое оцѣститъ; лукъ свой напреже и уготова и, и въ немъ уготова сьсуди сьмъртные».

О ихъ же убо прочее неможение бесловеснѣ зазрѣль еси моему Христу и Богу доволна мнетъ ми се речен'наа. Да идемъ же и пакы на прѣдлежащаго псалма зрѣние.

«Царие Фарсийски и острови дары принесутъ, царие Арравийски и Савва да||ры приведутъ, и поклонетсе ему в'си царие земельски, в'си езыци поработаютъ ему». Прочее убо не еже ли рѣхъ и слѣпому явѣ есть, яко на Христа сиа в'са простираютсе, ему же в'си царие земельски поклонишесе, ему же в'си езыци поработаше и работаютъ? Аще ли же пакы Соломона и еше прилетати слову хошеши, — когда в'си езыци тому поработаше или царие земельски поклонишесе, нѣсть рещи. Явлена бо суть всѣмъ, яко единѣмъ дванадесетимъ колѣномъ тѣ начел'ствова.

л. 246 об.

¹ В оригинале здесь: *одрѣвѣ* — небо.

«Яко избавиль есть нища от силна и убога, емуже не бѣ помощника». — Адама явѣ яко от насилованиа диаволя съ в'сѣмь родом его, емуже толико страдание и убожество прибьсть, яко ни надѣятысе убо отпуцѣну быти от узъ ему отраду приети когда и от ужаснаго падениа встати. Елма убо овъ сице сьгрѣшивъ низврѣжень бысть, в'сак' же лежимъ въскрѣсив'шаго его трѣбуеть и въставляющаго, кого подобает вьмѣняти сего въскрѣсити могоуща, — еда Соломона? И кто сице несмыслень, якоже таковаа вьмѣняти! Помыслити же подобает и оно, яко Вѣтхое Писание падение убо Адамово показует, еда про||чее тожде где когда рече, яко и възванъ бысть? л. 247 Вьистину нигдеже. Нь от всѣх пророкъ хотеще быти Иисусово сьмотрение проповѣдаемо бѣ, и того ради в'си чловѣчьскому естеству, рекше Адамову и сущим от него, пророчествоваху освобождение. О нем'же и Давидъ рече пакы: «Яко избавиль есть нищаго от силна, и убога, емуже не бѣ помощника, пощедит нища и убога и душе убогих спасеть».

К с е н ь:

— Выпросити те хошу, цару, ино ли Иисус развѣ Адама, или тожде въсприетъ и естество себѣ и плоть?

Ц а р ь:

— Елма естество убо тожде есть всѣм, плоть же и тѣ убо тажде, якоже всѣмъ есть от земли прѣстѣна, по сьставѣх же не тажде, ина бо естество его сьстава плоть, и твоего отца пакы ина. Естество убо тожде Христосъ въсприет Адамово, яко обще быти равно всѣмъ, плоть же не сьстава его, нь сущую от земли Адаму и им'же от него и всѣмъ намъ сьздану. Вькратѣѣ же рещи, в'сего Христосъ въсприет Адама по естеству, по души и тѣлу.

К с е н ь:

— Пльть же естества Адамова не от Марие ли Иисус приетъ, еже и дьщери убо и Адаму по естеству, по ближнему же Иоакима и Анны?

Ц а р ь:

— От нее явѣ яко, а не от иные.

К с е н ь:

— Сьматрай убо сего рещи, аще не продръзателіе въ сих себѣ бываете. Аще бо овъ убо Иисус от Марие, якоже нѣгде || ниня исповѣдалъ еси, л. 247 об. приети плоть, сиа же лежешоу Адамову естеству и плоти причестисе яко дьщи по естеству ему, нужда и еже от Марие тужде приети плоть, матернюю же и сее прѣотца, лежешоу реку. Сих ради двѣю ино сьврѣшатисе сего ради нужда есть: или не лежешоу естеству Иисус причестисе Адамову, и в'се ваше ухыщрение от'его быти, еже лежеше глаголати обрѣсти Иисусу Адамово естество и въскрѣсити, или — аще не сѣ — лежешоу же причестисе естеству, лежати и тому нужда и иногo трѣбовати въскрѣсающаго.

Ц а р ь:

— В'са тебѣ азъ, Ксеню, явѣ прѣд очима покушусе положити, обаче нѣсть добро скудостна оставити и, якоже исполудѣлна прѣдложенаго псалма намъ въ сьвѣтъ оставльше, на ино прѣскакати слово. Нь, аще мнит' ти се, прѣждняго пути шествіа да имемсе. Проходящим' же намъ, и сѣ въ рукахъ приидет и не избѣгнет.

Сьмаграем' же убо: «И помолетсе о немъ вину, весь день благословеть и, будетъ утврѣждение на земли, на връху горѣ, прѣвъзнесетсе паче Ливана плодъ его, и процвѣтуть от града, яко трава земляна». Покажи ми убо, || л. 248 къ кому от всѣх чловѣци молетсе, развѣ къ единому Богу. Се бо и проходе рече, «весь, — глаголе, — день благословеть и»: явѣ яко — Бога. Тожде еще и въ тридесетитретиемъ псалмѣ: «Благословлю Господа на всако, — глаголе, — врѣме, вину хвала его въ устѣх моих».

«Будет утврѣждение на земли на връху горѣ», — сирѣчь тѣ будетъ обладае и сьдръже землю и их'же на ней, иже и сьтворивъ сию въ начелѣ. «Прѣвъзнесетсе паче Ливана плодъ его, и процвѣтуть от града, яко трава земляна», — сирѣчь плодоносие, еже принесе еже на земли пришествіе

Сына Царева Христа явѣ яко: вѣра реку иже в нь вѣровав'ших и множество высока будутъ и велика. Се бо хочет явити, заеже паче Ливана прѣвъзвестисе глаголати и яко трава земляна процвѣтѣти: Ливаномъ убо высокое, травомъ же множество назнаменуе вѣровав'шихъ.

Къ концу же бывъ псалма, «Будет, — рече, — име его благословено въ вѣки, прѣжде солнца прѣбывает име его, и възблагословетсе о немъ в'са колѣна земляна, в'си езыци ублажить его». Прочее убо есть ли на чловѣка въсма възнести еже «прѣжде солнца прѣбывает име его»? Никакоже, нь на Бога тъкмо. А еже «възблагословетсе о немъ в'са колѣна земляна» и еже «в'си езыци ублажить его» показа еже въ Христа вѣру в'сей земли. По сих же всѣхъ || якоже удивльсе, «Благословень, — възупи, — Господь Богъ Израилевъ, творей чюдеса единъ, и благословено име славы его въ вѣки и въ вѣки вѣка».

л. 248 об.

Не показа ли убо в'сѣмъ симъ явлено Христа пророкъ Бога тогожде и чловѣка? В'сакъ кто убо речеть, развѣ от иже хотещих безвѣрменнѣ ругатисе.

Тѣже, якоже молесе о прѣдреченыхъ, «Испльнитсе, — рече, — в'са земля славы его, будет, будет».

Коньц' еже на иудеих петому слову.

ПРОТИВ ИУДЕЕВ СЛОВО ПЯТОЕ

К с е н:

— Извини, царь, если тебе еще что-то хочется привлечь и добавить к уже сказанному: я вторгнусь в твою речь, вновь чувствуя желание спросить о том, что мне трудно постичь. Ибо некоторая необходимость настоятельно меня на это толкает.

И м п е р а т о р:

— Говори, не сомневаясь, что хочешь. Не в первый ведь раз, ты знаешь, я тебе это предлагаю: еще где-то в начале беседы тебе была дана полная свобода говорить о Христе все, что хочешь, даже самое непозволительное. Ведь об огне если кто-нибудь возьмется доказывать, что он тяжел, холоден и делим, то это будет свидетельствовать лишь о неразумии и несерьезности говорящего.

К с е н:

— Ты, царь, знаешь, что незадолго до этого у меня возникло сильное желание послушать разъяснения относительно Троицы, и ты охотно пообещал это мне разъяснить. Обещанное и ныне за тобой, однако же из того, что ты уже сказал и говоришь, ясно следует, что ты представляешь Дух Богом. Хотя ты и не назвал его прямо Богом, но из твоих слов вытекает именно это. Что же еще можно подумать, слыша, что никакая человеческая природа не может вместить всю благодать, все дары Святого Духа, но только родившийся от Девы Марии странный сверхъестественный человек, как не то, что и Дух является Богом; и получается, что речь идет о трех богах, а ведь Моисей с обнаженной головой взывал: «Слушай, Израиль: Господь Бог твой Господь един есть» (Второзаконие, 6, 4). Вместо того, чтобы поклоняться одному, вы, как ты сам показываешь, поклоняетесь уже трем богам, а тех, кто думает иначе, чем вы, вы называете нечестивцами и безбожниками.

И м п е р а т о р:

— Я еще помню, Ксен, что обещал, и не забываю. Но мне кажется, что лучше было бы сначала окончить рассмотрение занимающего нас псалма и лишь потом коснуться этой темы. Итак, вернемся туда.

Что пророк имел в виду, говоря «Боже, суд твой дай царю» (Пс. 71, 1), хорошо, мне кажется, рассмотрено нами в предыдущем слове. Следом пророк добавляет: «И правду твою сыну царя» (там же). Давид сказал это о себе или о своем сыне Соломоне? Нет, конечно: ни к нему, ни к Соломону

сказанное не подходит, но все ясно указывает на Христа, ибо он — сын истинного, настоящего Царя. Это же следует из слов того же Давида во втором псалме, который у евреев истолкован неправильно, потому что он явно обращен ко Христу как бы от лица человека, воспринятого единородным Сыном и Словом Божиим: «Я же поставлен царем от него», т. е. от Бога, «над Сионом, горою святою его», т. е. над Иудеей и церковью (ибо Сионом и она называется), «чтобы возвещать», т. е. проповедовать, «повеление Господне» (Пс. 2, 6—7), т. е. божественное учение. Далее пророк говорит: «Господь сказал мне: ты сын мой, я ныне родил тебя. Проси у меня, и я дам тебе народы, твое наследие, и владение твое, концы земли» (Пс. 2, 7—8). Кто, будучи в здравом уме, скажет, что хоть что-то из этого приложимо к Соломону? Когда он был господином вселенной и владел ее концами? Все хорошо знают, что он господствовал над одним народом и малой частью вселенной. Христос же был и есть начало всей ее, и имя его, как всем известно, дошло до концов земли.

Но вновь обратим речь, если ты не возражаешь, к прежнему псалму: «Судить народ Твой по справедливости и нищих твоих в суде» (Пс. 71, 2), т. е. рассудить между верующими в Тебя и дьяволом. Выражая затем радость и веселие по причине всеобщего спасения, пророк говорит: «Да воспримут горы», — имеются в виду, конечно, люди высокой добродетели, — «мир народу и холмы справедливость» (Пс. 71, 3). Почему? Потому что «Он будет судить нищих народа, и спасет сыновей людей убогих, и смирит клеветника» (Пс. 71, 4). А кто худший и бесстыднейший клеветник, чем дьявол, который сначала сказал самому себе: «Поставлю престол мой на облаках» (ср. Исайя, 14, 13—14), а затем и на Бога стал клеветать, сказав Адаму: «Это для того, чтобы ваши глаза не открылись и вы не узнали бы добро и зло, заповедал вам Бог не вкушать от древа» (ср. Бытие, 3, 5—6)? Он же позже, напав на несчастный человеческий род, заставил его отступить от своего Создателя и Творца, а глухим и бездушным идолам воздать подобающее Богу служение. Так вот, рассудив между таковым клеветником и нищими верой людьми, Христос оправдал их и сделал богатыми уже только за то, что они не повредили истинного знания о Боге, а бесчеловечного, дикого и беспощадного клеветника и мучителя, дьявола, он совершенно смирил, все ухищрения его сокрушив и уничтожив.

«И сопребывает с солнцем, и прежде рода родов луны» (Пс. 71, 5). Разве это не способно убедить и весьма неразумного человека? Ибо кто из людей всех веков способен сопребывать с солнцем? Воистину никто, за исключением безначального и вечносущего Сына Божия. Обрати внимание на то, что этими словами пророк лишил предлога тех, кто хотел бы злоречить и вопреки истине утверждать, что это сказано о Соломоне, — дескать, хотя он и умер, но душа его живет и сопребывает с солнцем, — пророк добавил: «прежде рода родов луны», — сочетанием этих двух выражений он показал безначальность и бесконечность Сына Божия, что не кажется подходящим ни к кому из людей.

Затем пророк говорит: «Сойдет, как дождь на руно и как капли, каплющие на землю» (Пс. 71, 6). Это предсказывает первое пришествие Сына Божия, кроткое, смиренное, чуждое всякого шума. Ведь будущее второе пришествие потрясет, как мы сказали, небо и землю, т. е. весь ангельский порядок и всякий род человеческий. Подобно тому как при Гедеоне, где-то говорится, ты знаешь, бесшумно сошел дождь на руно и упали на гумно капли (ср. Кн. Судей, 6, 37—40), таким же образом и Богочеловек-Слово сошел, утаившись от всех сил, небесных и земных.

«Воссияет в дни его справедливость и обилие мира до тех пор, пока не отнимется луна, и он будет обладать землей от моря и до моря и от рек до краев вселенной» (Пс. 71, 7—8). В какие дни, сказал он, воссияет справедливость и глубокий мир? Когда будет явлен крест, когда все народы обратятся и от мерзкого служения и поклонения идолам придут к познанию Бога живого, что и произошло. А чтобы показать бесконечность и не-

сокрушимость веры во Христа, пророк говорит: «пока не отнимется луна», — ибо как она никогда не отнимется, так никогда не раслится и истинная и непорочная вера в него.

«Перед ним припадут к земле эфиопы, и враги его будут лизать прах» (Пс. 71, 9). О каких врагах Христа сказал пророк? Не ясно ли, что о дьяволе, обратившем с самого начала ваши воззрения против него, и о вас самих, добившихся осуждения его, ни в чем не виновного, на крестную смерть, — каковые враги и подпадут, сказал он, его власти и окажутся у него в повиновении, т. е. вовеки будут рабствовать уверовавшим в него. Не это ли и произошло въяве, и не доныне ли с тех пор люди вашего рода прах, на который верующие во Христа наступают, языками лижут? Это всем известно. И никогда не прекратится это ваше рабство, сказали Даниил и Давид.

К с е н:

— Коль скоро люди нашего рода были, как ты говоришь, врагами Иисуса, а он обладал такой силой, что, по вашим словам, легко мог поработать и освободить, спасти и губить, почему же он тогда, когда его связанного вели обреченным на смерть, не предал их истреблению и полной гибели, но дал возможность жить тем, кто будет противиться вашим учениям и догматам?

И м п е р а т о р:

— Не могу вообразить себе большей гибели, нежели та, которой подвержены вы. Поистине я считаю, что, победив и схватив своего врага, связать и заключить его во мраке значит наказать его больше, чем сразу лишить жизни. И смешно было бы, если бы оказавшийся в столь бедственном положении человек стал бы бранить того, кто его связал, говоря: «Если бы у связавшего меня была сила, он отрубил бы мне голову». А ты возражаешь мне как раз таким нелепым образом. Ты мог бы понять, что все, что ты сказал, имел мой Иисус возможность на них навлечь, ибо знаешь, что Иерусалим, ваш город, вместе с тем знаменитым храмом был разрушен и что другие ваши города представляют собой ныне развалины. Ясно, что способный сделать это в силах был сделать и то, но не захотел, ожидая вашего обращения к нему и покаяния. Тебе известно, сколько с той поры доныне уверовало и приступило ко Христу людей, просиявших добродетелью. А если бы, как ты помыслил, все полностью были бы погублены, какая, подумай, напрасная кара произошла бы. А ведь сам Христос сказал, что одной святой души не достоин весь мир (ср. Матф. 16, 26), т. е. небо и земля, все, что между ними, и все неверующие в него, ибо он это называет здесь миром. И о том подумай, как были бы прославлены по всей земле наравне с чудесами сверхчеловеческая крепость души и сверхъестественное терпение в несчастях и в страданиях несокрушимого и непоколебимого столпа, Иова, если бы Исав, его предок, которого еще до рождения возненавидел Бог (ср. Исайя, 10, 22), был бы предан глению как недостойный жить? И Исайино пророчество о том, что «если будет число сынов Израиля, как песок морской, остаток Израиля спасется» (ср. Исайя, 10, 22), как могло бы исполниться? Да и каким образом спасся бы святой остаток Израиля, если бы нечестивые и грешные предки этих людей не были сохраняемы, — чтобы, как розы из шипов, явились их потомки?

Видишь, что ты впадаешь из одного выкопанного вашими отцами рва в другой? Ведь это превышает всякую слепоту и глухоту — считать промысел и долготерпение Божии его немощью, не беря в ум даже того, что сказал Давид: «Бог судия праведный, сильный и долготерпеливый, не дает волю гневу своему каждый день; если не обратитесь, он обнажит свое оружие; лук свой он натянул и приготовился стрелять, и в нем приготовил сосуды смерти» (Пс. 7, 12—13).

Ну, теперь о том, в чем ты безрассудно увидел немощь Христа моего и Бога, сказано, мне кажется, достаточно. Опять вернемся к рассмотрению занимающего нас псалма.

«Цари Фарса и острова дары принесут, цари арабов и Савва дары приведут, и поклонятся ему все цари земные, все народы будут рабствовать ему» (Пс. 71, 10—11). Разве и слепому не ясно, что все, им здесь сказанное, указывает на Христа, которому все цари земные поклонились, которому все народы рабствовали и будут рабствовать? О Соломоне же, которого тебе хотелось бы связать со словами Давида, невозможно сказать, когда все народы стали его рабами или цари земные ему поклонились. Всем ведь известно, что он имел власть только над двенадцатью коленами.

«Ибо избавил нищего от имеющего силу, убогого, у которого не было помощника» (Пс. 71, 12). Имеется в виду освобождение от дьявольской власти Адама со всем его родом, на долю которого пришлось столько страдания и убожества, что и надежды у него не осталось когда-либо освободиться от уз, вернуть свободу и восстать после ужасного падения. Так кого же нам следует считать способным поднять его, так согрешившего и низверженного, — а ведь павший нуждается в том, кто бы поднял его и поставил на ноги, — неужели же Соломона? Кто столь неразумен, чтобы такое помыслить! Стоит подумать и вот о чем: Ветхий Завет показывает падение Адама, но говорит ли он где-нибудь о его возвышении? Совершенно нигде. Однако все пророки предсказывали грядущий Христов промысел и проречествовали об освобождении всей человеческой природы, т. е. Адама и его потомков. Как раз об этом и говорит Давид словами: «Ибо избавил нищего от имеющего силу, убогого, у которого не было помощника; пощадит нищего и убогого и души убогих спасет» (Пс. 71, 12—13).

К с е н:

— Хочу спросить тебя, царь: природа и плоть, которые воспринял Иисус, те же ли были, что у Адама?

И м п е р а т о р:

— Природа у всех одна, да и плоть одна и та же, поскольку у всех она из земной материи, но по индивидуальным особенностям она неодинакова: ведь у тебя как индивидуума одна плоть, у твоего отца другая. Так что Христос воспринял ту же, что у Адама, в равной мере общую всем людям природу, плоть же не его индивидуальную, но созданную из земли для него и для его потомства, для всех нас. Коротко говоря, Христос воспринял Адама во всей его природе, по душе и по телу.

К с е н:

— Адамову по природе плоть Иисус воспринял не от Марии ли, тоже дочери Адама по природе, а по ближайшему родству — Иоакима и Анны?

И м п е р а т о р:

— Ясно, что от нее, а не от другой.

К с е н:

— Тогда подумай, не противоречите ли вы сами себе. Если, как ты сейчас признал, Иисус воспринял плоть от Марии, а она по природе дочь Адама — участница его падшей природы и плоти, то, стало быть, и рожденный Марией Иисус воспринял ту же самую плоть — плоть своей матери и ее праотца, значит, падшую. А из этого со всей необходимостью следует одно из двух: либо Иисус не стал участником падшей природы Адама, и все ваши ухищрения доказать, что он воспринял и восстановил его падшую природу, тщетны, либо — в противном случае — и он стал участником падшей природы, а значит, пал и он и стал нуждаться в другом, кто бы поставил его на ноги.

И м п е р а т о р:

— Я все тебе, Ксен, постараюсь ясно представить пред очи, однако же нехорошо было бы, не дойдя до конца, оставив рассматриваемый нами псалом примерно на середине, перескочить на другую тему. Если не возражаешь, давай вернемся на прежний путь. А по ходу дела это само к нам в руки придет, не избегнет.

Рассмотрим же: «И будут молиться о нем постоянно, весь день будут благословлять его, он будет твердыней на земле, на вершинах гор, пре-

вознесется выше Ливана плод его, и процветут жители города, как трава земная» (Пс. 71, 15—16). Укажи мне, какому из всех существ, кроме единого Бога, люди постоянно молятся. Именно об этом он походя и сказал словами «весь день будут благословлять его»: ясно, что — Бога. То же самое он говорит и в тридцать третьем псалме: «Благословлю Господа во всякое время, постоянно песнь его во устах моих» (Пс. 33, 1—2).

Слова «Он будет твердыней на земле, на вершинах гор» означают, что Бог, сотворивший землю в начале времен, будет обладать ею и содержать живущих на ней. А выражение «превознесется выше Ливана плод его, и процветут жители города, как трава земная» указывают на плодородность пришествия на землю Сына Царева, т. е. Христа, и означают, что вера и множество уверовавших будут высоки и велики. Это-то он и хотел показать, говоря, что выше Ливана вознесется и процветут, как трава земная: Ливан — это символ высоты, трава же — множество уверовавших.

Приближаясь к концу псалма, Давид говорит: «Будет имя его благословенно вовеки, прежде солнца пребывает имя его, и благословятся в нем все колена земные, все народы будут признавать его блаженным» (Пс. 71, 17). Разве возможно целиком возвести к человеку слова «прежде солнца пребывает имя его»? Никак нельзя, но только — к Богу. Слова же «благословятся в нем все колена земные» и «все народы будут признавать его блаженным» предсказывают веру во Христа всей земли. После всего этого, как бы удивленный, Давид возопил: «Благословен Господь Бог Израилев, единственный творящий чудеса, и благословенно славное имя его вовеки и во веки веков» (Пс. 71, 18—19).

Итак, всеми этими словами неужели же пророк не показал ясным образом Христа одновременно как Бога и как человека? Всякий это скажет, кроме разве имеющих желание придиричиво противоречить.

Затем, как бы молясь о сказанном выше, пророк говорит: «Исполнится вся земля славой его, да будет, да будет!».

Конец пятого слова против иудеев.²

² За проверку этого перевода по греческому оригиналу от души благодарю доцента кафедры классической филологии ЛГУ А. И. Зайцева.

Х. ОЛМСТЕД

Кодикологические заметки
о рукописных сборниках Максима Грека*

В недавно опубликованной статье «Сборники сочинений Максима Грека в составе библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря в XVI—XVIII вв.» А. Т. Шашкову удалось восстановить основные этапы истории одного из авторитетных рукописных сборников сочинений Максима Грека конца XVI в. — ГИМ, Синодальное собр., № 491/191.¹ Он связал эту рукопись с именем одного из старцев Кирилло-Белозерского монастыря — Иоанникия Осокина (ум. в 1608 г.). Вывод сделан на основании косвенных источников. Что касается вкладной записи, то А. Т. Шашков констатирует, что вкладной записи Осокина в этой рукописи нет — либо ее не было совсем, либо она была бесследно уничтожена по приказанию Никона.²

Выясняется, что вкладная запись все-таки есть. Она читается отдельными буквами, а в нескольких случаях — отдельными слогами, написанными в нижнем левом углу каждого седьмого листа (с несколькими мелкими отступлениями). Вот она:

С	Ї	А	—	Н	Ї	Г	А	К	И	Р	И	Л	О	В
1	8	15	21/22	28	35	42	49	56	63	70	77	84	91	98
А	М	А	Н	А	С	Т	Ы	Р	Ѧ	Д	Ѧ	ЕЕ	В'	К
105	112	119	126	133	140	147	154	161	168	175	182	189	196	203
Л	А	Д	Ѧ	С	Т	А	Р	Ѧ	І	Ѧ	А	Н	Ї	К
210	217	224	231	238	245	252	259	266	273	280	287	294	301	308
Ѧ	О	С	Ѧ	К	И	Н	Ъ	К'	С	Т	А	Р	О	М
315	322	329	336	343	350	357	364	371	378	385	392	399	406	413

* Автор хотел бы выразить свою признательность Д. М. Буланину за помощь в редактировании этих строк, а также Н. В. Синицыной за консультацию о рукописях ГИМ, собр. Уварова, № 309—310.

¹ См.: Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России. Новосибирск, 1987. С. 6—8. О связях этой рукописи с рукописью Парижской Национальной библиотеки, Slave, № 123, известной С. М. Белокурову, а затем исчезнувшей из поля зрения исследователей, см.: Бу л а н и н Д. М. Голландская диссертация о литературном наследии Максима Грека // РЛ. 1987. № 1. С. 227—228 (рец. на кн.: L a n g e l e r A. J. Maksim Grek, Byzantijn en Humanist in Rusland: Een onderzoek naar enkele van zijn bronnen en denkbeelden. Proefschrift ter verkrijging van de graad van doctor in de letteren aan de Katholieke Universiteit te Nijmegen. Amsterdam, 1986). На родство рукописей из Синодального собр. (№ 491/191) и вновь найденной в Парижской Национальной библиотеке я указывал еще в 1971 г.: О л м с т е д Н. А. I. Ivanov on Maksim Grek — Problems of Attribution and Manuscript Study // Kritika. A Review of Current Soviet Books on Russian History. 1971. Vol. 8, N 1. P. 21—22 (рец. на кн.: И в а н о в А. И. Литературное наследие Максима Грека: Характеристика, атрибуции, библиография. Л., 1969).

² Ш а ш к о в А. Т. Сборники... С. 8.

8	В'	К	Л	А	Д	У	С	В	О	Е	М	8	П	Ќ	
420	427	434	441	448	455	462	469	476	483	490	497	504	511	518	
ВО	ЕИ	Д	У	ШЇ	В'В'	Ѓ	Н	Ќ	П	О	М	Ї	Н	О	КЪ
525	532	539	546	553	560	567	574	581	588	595	602	609	617	618	619

То есть: «Сла.[к]нига.Кирилова. монастыр.далъ.ее.в'кладомъ. старецъ.Іванікеи.Осѡкнѣ.к' старомѡ.в'кладу.своемѡ.по.своеи души.в'вѣчнои. помінокъ».

В связи с этой записью следует сделать несколько замечаний. Во-первых, в ней недостает одной буквы — в слове «книга» не хватает «к». «К» должно было попасть на 22-й лист по существующей сейчас полистной нумерации. По-видимому недостающий лист должно считать утраченным: при осмотре физического состояния корешка выясняется, что после 21-го листа был еще один, сейчас отсутствующий. Очевидно, утрата эта произошла после того, как была сделана запись, но до того, как была проведена нумерация листов (иначе нумерация листов, содержащих следующие буквы записи, продолжалась бы не на л. 28, 35, 42 и т. д., а на л. 29, 36, 43 и т. д.).

Когда точно Осокин дал рукопись в монастырь — неизвестно (нижняя грань — дата его смерти в 1608 г.). Из записи явствует только, что рукопись была не первым его пожертвованием («дал ее. . . к старому вкладу своему»). Запись в рукописи Синодального собр., № 491/191 я прочел во время пребывания в Москве еще в 1978—1979 гг. Личность Осокина была мне неизвестна. Сначала я думал упомянуть о записи в печати, но, ознакомясь с предыдущей статьей А. Т. Шашкова, где впервые говорится об участии Иоанникия Осокина в судьбе рукописи,³ я решил, что запись ему уже известна. Сейчас выясняется, что все-таки стоит сделать это краткое сообщение. Таким образом, заключение А. Т. Шашкова о связи данной рукописи с Осокиным находит конкретное подтверждение.

Второе мое наблюдение касается архиепископа Вологодского Ионы Думина и особого типа собрания сочинений Максима Грека, составленного архиепископом на исходе XVI в. Собрание это давно известно исследователям. Особенно много внимания уделялось ему в последние десятилетия: много рукописей данного типа выявлено и систематизировано, причем более полно освещена деятельность самого Ионы Думина.⁴

Два самых известных представителя типа постатейно описаны П. М. Строевым и архимандритом Леонидом.⁵ Это ГИМ, собр. Уварова, № 309—310 (бывшее собр. Царского, № 241—242). Многими поколениями,

³ Ш а ш к о в А. Т. Тагильский сборник сочинений Максима Грека (Кодикологические заметки) // Рукописная традиция XVI—XIX вв. на востоке России. Новосибирск, 1983. С. 10, примеч. 32.

⁴ См.: С и н и ц ы н а Н. В. 1) Ранние рукописные сборники сочинений Максима Грека (Кодикологическое исследование) // Археографический ежегодник за 1971 г. М., 1972. С. 134, примеч. 18, 137; 2) Максим Грек в России. М., 1977. С. 48—49, 264—265; П о к р о в с к и й Н. Н. 1) Судные списки Максима Грека и Исаака Собака. М., 1971. С. 17—18; 2) Замечания о рукописи Судных списков Максима Грека // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 89; Б у л а н и н Д. М. 1) Вологодский архиепископ Иона Думин и рукописная традиция сочинений Максима Грека // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 174—180; 2) Владимирский Рождественский монастырь как культурный центр Древней Руси // ТОДРЛ. Т. 36. С. 73, 77, примеч. 4; 3) Переводы и послания Максима Грека: Неизданные тексты. Л., 1984. С. 232—233; 4) Иона Думин // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 1. А—К. Л., 1988. С. 430—432; O l m s t e d Н. Studies in the Early Manuscript Tradition of Maksim Grek's Collected Works. Cambridge (Mass.), 1977 (Manuscript). P. 286—308, 422—433.

⁵ С т р о е в П. Рукописи славянские и российские, принадлежаше И. Н. Царскому. М., 1848. С. 200—211 (перепечатано в кн.: Л е о н и д, архимандрит. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А. С. Уварова. М., 1893. Ч. 1. С. 212—221).

вероятно, в течение многих веков эти два кодекса считались одной рукописью, разделенной на два переплета. Это вполне естественно, но, как убедительно показала Н. В. Сеницына, неверно (см. ниже). Рукописи Увар. 309 и 310 действительно похожи по формату и почерку, а по содержанию они заманчиво сцепляются друг с другом.

Кроме того, в них существует еще одна общая черта, по-видимому, не замеченная исследователями. Конечный лист Увар. 309—л. 228 — не представляет собой исконный конечный лист рукописи. Лист тетрадки, бывший последним, срезан до узкой полоски бумаги в корешке, к которой приклеен новый конечный лист (228) другой бумаги, с другим водяным знаком. Водяной знак относится к общему типу, охарактеризованному Н. П. Лихачевым как «Гербовый щит, увенчанный короной с розеткою наверху, в щите большая буква «В», под щитом на длинной ленте имя фабриканта: Nicolas Lebé».⁶ Бумага отличается от предыдущих листов и глянцевиостью, и разливкой (24 строки на 175 см вместо 24 строк на 185 см). На этом добавленном листе текст продолжается без перерыва (но уже новой рукой) и доведен до конца 34-й главы, которая, таким образом, оказывается последней главой в рукописи. Была ли она последней первоначально — неизвестно, поскольку мог быть удален не только последний лист данной тетрадки, но еще и любое количество листов или тетрадок. Между тем сохранившееся в начале рукописи оглавление содержит не 34 главы и не 35, а 46 и соответствует так называемому «Иоасафовскому» собранию сочинений Максима Грека.⁷

Другая рукопись, о которой идет речь, — Увар. 310 — долго считалась отделенной от Увар. 309 второй ее частью, поскольку, как уже говорилось, помимо других внешних схожих черт по содержанию она сцепляется с Увар. 309. Однако, как показала Н. В. Сеницына, Увар. 310 отделена не от Увар. 309, а от совершенно другой рукописи — ГБЛ, собр. Егорова, № 869.⁸ Заголовок главы 35 разделен между рукописями: на последнем листе Егор. 869 читаются слова «Того же инока Ма||. . .», которые продолжают тем же почерком в Увар. 310: «. . .||ксима сказание. . .».⁹ Лист с продолжением заголовка 35-й главы был когда-то первым в отделенной рукописи. Однако теперь он не первый, а четвертый, поскольку к нему добавлены в начале еще три листа, которые указывают содержание новой рукописи с главы 35 по 82.¹⁰ Особенно примечательно, что три добавленных листа в начале Увар. 310 точно совпадают с листом, добавленным в конце Увар. 309. Н. В. Сеницына отметила, что на добавленных в Увар. 310 листах находится филигрань типа «Nicolas Lebé» (см. выше).¹¹ Как выяснилось, водяные знаки на добавленных в обе рукописи листах в точности совпадают друг с другом.

Филиграни этого общего типа встречаются на бумаге, произведенной представителем видной французской семьи Lebé из города Труа (Troyes) Nicolas Lebé (ок. 1540 — ок. 1605 гг.), который управлял семейной мельницей во второй половине XVI—нач. XVII в. Филиграни засвидетельствованы в письменных источниках, датированных в Западной Европе (Франция, Бельгия, Нидерланды, Германия) с 1560-х вплоть до

⁶ Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Т. 1. С. 184 (Изд. ОЛДП; Т. 116). К вопросу о водяном знаке в Увар. 309 мы еще вернемся.

⁷ Об этом собрании см.: Сеницына Н. В. Максим Грек. . . С. 161—175, 223—234; Olmsted H. Studies. . . P. 26—45, 321—328.

⁸ Сеницына Н. В. Ранние рукописные сборники. . . С. 134, примеч. 18.

⁹ См. там же другие подробности.

¹⁰ Сеницына Н. В. Максим Грек в России. С. 264.

¹¹ Там же. Правда, исследовательница отождествила знак не по альбому Н. П. Лихачева, а по справочнику Гераклитова, № 1477. Хотя варианты безусловно близки, полный учет опубликованных разновидностей позволяет обнаружить различия. Подробнее см. ниже.

1620-х гг.,¹² а в России — с 1590-х гг. до 1610 г.¹³ Наблюдается известная вариация внутри типа; подвид, точно соответствующий филиграни в Увар. 309, находится в довольно узком круге памятников. Из всех опубликованных разновидностей ей ближе всего соответствуют и по величине, и по начертанию знаки: Л и х а ч е в. Вод. зн., № 1957, 1958.¹⁴ Все другие известные варианты значительно отличаются от нее по тому или другому показателю, или по обоим. Обе филиграни, опубликованные Н. П. Лихачевым, сняты с двух лицевых «Годуновских псалтирей» (соответственно Кирилло-Белозерского монастыря, № 7/12 и Архангельского собора, № 14), датированных периодом 1594—1600 гг.¹⁵

Известно двенадцать книг «Годуновских псалтирей». Они изготовлялись по заказу боярина и конюшего Дмитрия Ивановича Годунова, дяди царя Бориса Федоровича, в основном в период 1594—1600 гг. и были даны вкладом в знаменитые монастыри и соборные церкви: в Костромской Ипатьевский (две книги, из которых одна, самая ранняя из известных, датируется 1591 г.¹⁶), Кирилло-Белозерский, Соловецкий, Колязинский (вкладная запись 1602 г. — самая поздняя), Чудов в Московском Кремле и Троице-Сергиев монастыри, в кремлевские Архангельский и Успенский соборы. Две рукописи, по-видимому, не были пожертвованы, так как место в «Предисловии» для конкретного адресата осталось незаполненным: МГАМИД, отд. V, рубр. 3, № 3 (ГБЛ, Музейное собр., № 178 по списку Н. Н. Розова) и ГИМ, собр. Уварова, № 15/564; наконец, еще одна хранилась в городе Чибисове.¹⁷ Филиграни годуновских рукописей исследо-

¹² См.: Черчилль, № 574 (1619 г.); Хивуд, № 2877, 2878 (1574 г.); Брике, № 8077—8081 (1566—1582 гг.); Лихачев. Вод. зн., № 3040, 3042, 3051, 3223, 3237 (1573—1602 гг.). См. также список (неиллюстрированный) еще нескольких десятков примеров с 1560-х по 1620-е гг. из западноевропейских источников: Брике. Т. 1. С. 433. История семьи Lebé и их производства приводится в кн.: Le Clerc L. Le papier: Recherches et notes pour servir à l'histoire du papier, principalement à Troyes et aux environs, depuis le XVIe siècle. Paris, 1926. Т. 2. P. 351—380. O Nicolas Lebé см., в частности, с. 364—366; см. там же репродукции филигрanei нашего типа: табл. XLV, № 187 и XLVI, № 189—190.

¹³ Лихачев. Вод. зн., № 1957, 1958 (1594—1600 гг.); Герасимов, № 1477 (1606 г.); Дянова Т. В. Водяные знаки бумаги изданий О. М. Радищевского начала XVII в. // Вопросы славяно-русской палеографии, кодикологии, эпиграфики. М., 1987. С. 33—34, 85, рис. III, № 47—49, 51 (1606—1610 гг.) (Труды Гос. ордена Ленина Исторического музея; вып. 63).

¹⁴ Ср. параметры в Увар. 309: 59 мм в высоту на 53 мм в ширину; в Увар. 310 — 60 мм × 53 мм. Лихачев. Вод. зн., № 1957: 59.5 × 53.5 мм; № 1958: 61.5 × 53.5 мм. Есть очень незначительные индивидуальные отступления в начертании строк, возможно, в результате деформации одной формы. Ближе примыкает к нашему знаку и филигрань Le Clerc L. Le papier. N 190 (Troyes, 1602 г.): 59 × 52 мм.

¹⁵ Лихачев Н. П. Палеографическое значение. . . Т. 1. С. 183—185. Здесь шифр Архангельского списка обозначен № 14; в новейшей литературе он известен как № 4/1022.

¹⁶ См.: Покровский Н. В. 1) Ипатьевская лицевая псалтырь 1591 г. // Христианское чтение. 1883. № 11—12. С. 594—628; 2) Памятники церковной старины в Костроме. СПб., 1909. С. 25—29, табл. XIII—XVI; 3) Древности Костромского Ипатьевского монастыря // Вестник археологии и истории. СПб., 1885. Вып. 4. С. 29—31, табл. VIII, рис. 1—2. С первым из трех названных исследований, самым обстоятельным, я не имел возможности ознакомиться. См. также исследование миниатюр этой Псалтири в сравнении с миниатюрами двух годуновских евангелий Костромского Ипатьевского монастыря: Кожина Ю. А. Одно из художественных течений в русской живописи XVI—XVII вв. // Русское искусство: Сб. статей по истории русского искусства до-петровского периода. Л., 1929. С. 63—84.

¹⁷ Самый полный перечень кодексов см.: Редина Е. К. Материалы к истории византийского и древнерусского искусства. I. Псалтири собрания гр. А. С. Уварова в с. Поречье (Московская губ.). I. Годуновская Псалтырь // Византийский временник. СПб., 1902. Т. 9. С. 104—105. В своей капитальной работе об иллюстрациях русских лицевых псалтирей, в том числе годуновских, Н. Н. Розов приводит современные сведения о них, которые не вполне сходятся с указаниями Е. К. Редина. Н. Н. Розов называет помимо Ипатьевского списка 1591 г. (ныне в Оружейной палате Московского Кремля) 10 списков, в том числе псалтири ГБЛ, Музейное собр., № 178 и Новодевичьего монастыря; по сравнению с перечнем Е. К. Редина у Розова отсутствуют псалтири МГАМИД, г. Чибисова и Колязинского монастыря; Уваровский список идет

ваны далеко не все. Известно, что филигранные варианты Л и х а ч е в. Вод. зн., № 1957, 1958 находятся в трех списках — ГПБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 7/12; бывший список МГАМИД, отд. V, рубр. 3, № 3 и ГИМ, собр. Арх. собора, № 4/1022.¹⁸ Филигранные этого общего типа встречаются и в Успенском списке (ГИМ, собр. Усп. собора, № 1071/19 бум.).¹⁹ В списке ГИМ, собр. Чудова монастыря, № 57/4, судя по описанию Т. Н. Протасьевой,²⁰ находятся филигранные других видов. Более или менее подробно описаны еще четыре списка: 1) ГПБ, собр. Соловецкого монастыря, № 15/748; 2) список Колязинского монастыря; 3) ГБЛ, собр. МДА, № 2/70; 4) ГИМ, собр. Уварова, № 15/564.²¹ Вообще «Годуновские псалтири» — это роскошно оформленные книги большого формата, с большим количеством раскрашенных иллюстраций; они неоднократно привлекали внимание исследователей искусства и иконографии.²² Эти книги являются частью вкладов грандиозного размаха, которые делал Годунов, в особенности Дмитрий Иванович, главным образом в 90-е гг. XVI в. Особенно много боярин пожертвовал Костромскому Ипатьевскому монастырю: это не только две псалтири (1591 и 1594—1600 гг.), но и напрестольное Евангелие, обложенное золотом и украшенное жемчугом и драгоценными камнями (1605 г.), многие роскошные предметы церковной утвари; на его средства сооружены каменная ограда, примыкавшая к монастырским зданиям на востоке и западе и окружавшая его северную и южную стороны (1586—1590 гг.), колокольня (1603 г.); ему же принадлежат украшения Троицкого собора (ок. 1595 г.), чеканный серебряный престол в соборе (1595 г.), икона Троицы с золотым окладом, венцами и цатами, осыпанными крупным жемчугом и драгоценными камнями (1593 г.), и много других икон, двери в собор, крытые золоченой латуной с чеканными изображениями; кроме того, он отдал монастырю несколько сел и деревень.²³

Приведенный перечень показывает богатство и роскошь даров Дмитрия Ивановича Годунова. Вложенные им псалтири не составляют исключения. Роскошна и бумага, на которой они написаны и которая скорее

под № 364. См.: Розов Н. Н. О генеалогии русских лицевых псалтырей XIV—XVI веков // Древнерусское искусство: Художественная культура Москвы и прилегающих к ней княжеств XIV—XVI вв. М., 1970. С. 226—257, особенно с. 237, примеч. 27.

¹⁸ См.: Л и х а ч е в. Вод. зн. С. 183—186, № 1957—1959. О Кирилло-Белозерском списке см. также: Ш е в ы р е в С. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь в 1847 г. М., 1850. Ч. 1. С. 48—49 и илл.; о списке МГАМИД см.: Р е д и н Е. К. Материалы к истории... С. 121; об Архангельском списке см.: Там же. С. 119.

¹⁹ Р е д и н Е. К. Материалы к истории... С. 117—118; какие именно варианты находятся здесь, неизвестно.

²⁰ Протасьева Т. Н. Описание рукописей Чудовского собрания. Новосибирск, 1980. С. 40.

²¹ См. соответственно: 1) Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящегося в библиотеке Казанской духовной академии. Казань, 1881. Т. 1. С. 22—25; 2) В и к т о р о в А. Е. Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России. СПб., 1890. С. 280—281; 3) Л е о н и д, архимандрит. Сведения о славянских пергаменных и бумажных рукописях, поступивших из книгохранилища Свято-Троицкой Сергиевой лавры в библиотеку Троицкой духовной семинарии в 1747 году (ныне находящейся в библиотеке Московской духовной академии). Ч. 2 // ЧОИДР. 1883. Кн. 4. С. 5—7 и Р е д и н Е. К. Материалы к истории... С. 120; 4) Л е о н и д, архимандрит. Систематическое описание славянорусских рукописей собрания графа А. С. Уварова. М., 1893. Ч. 1. С. 14—15 и Р е д и н Е. К. Материалы к истории... С. 104—116.

²² Кроме названных трудов Н. В. Покровского, Е. К. Редина, Ю. А. Кожинной и Н. Н. Розова см. еще: Б у с л а е в Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 2. С. 214—215, рис. 1—3; Т i k k a n e n J. J. Die Psalterillustration im Mittelalter. Helsingfors, 1895—1900. S. 14, 99—102 (репринт 1975 г., Soest, Netherlands); Д и а н о в а Т. В. Старопечатный орнамент // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1974. Сб. 2. С. 324—325.

²³ Д ш е в М. Историческое описание Костромского Ипатьевского монастыря. М., 1858. С. 8—10, 13—16, 23—24, 28; Б р ю с о в а В. Г. Ипатьевский монастырь. М., 1982. С. 22—35.

всего происходит с царского двора. В течение многих десятилетий XVI и до начала XVII в. бумага особенно высокого качества закупалась для нужд двора в довольно большом количестве во Франции (такая же бумага использовалась при дворах западноевропейских государей). Как было недавно показано московской исследовательницей Т. В. Диановой, бумага этого типа встречается еще в нескольких рукописных и печатных книгах конца XVI—начала XVII вв., причем во всех случаях может быть документирована связь с царским двором. Ею опубликован целый ряд филигранных этой бумаги, в том числе несколько вариантов общего типа «Nicolas Lebé».²⁴ Они сняты с двух книг, напечатанных О. М. Радишевским «в царском дому, иде же божественного писания печатных книг дело совершается», в начале XVII в., — Евангелия на престольного 1606 г. и церковного Устава в двух изданиях периода 1607—1610 гг.²⁵ Замечу, что знак из Евангелия 1606 г., воспроизведенный у Гераклитова под № 1477, очень близок к знаку Диановой, № 51; трудно сказать, следует его считать другим вариантом или это просто другое воспроизведение того же знака.²⁶

Все сказанное позволяет уверенно отождествить филигрань в сборниках Увар. 309 и 310 с филигранью «Годуновских псалтирей» и отличить ее от вариантов, встречающихся в изданиях начала XVII в. или в рукописях более раннего времени. На основе новых сведений, видимо, лучше датировать бумагу из сборников Максима Грека не 1606 г., как предлагала Н. В. Сеницына по общему сходству со знаком Г е р а к л и т о в, № 1477, а 90-ми гг. XVI в. Это хорошо увязывается с датой вкладной записи, читающейся в Увар. 309 (1600 г.).

Каким образом сделанные наблюдения изменяют нашу реконструкцию истории этих рукописей и вообще собрания Ионы Думина? Д. М. Буланин по относительной хронологии текстуральной правки установил, что протографом первоначально единой рукописи Егор. 869—Увар. 310 была рукопись ГБЛ, собр. Егорова, № 207.²⁷ Принимая состояние Увар. 309 с первыми 34 главами за первоначальное состояние этой рукописи, он полагал, что Увар. 309 была переписана непосредственно с Егор. 869 в то время, когда последняя уже была отделена от Увар. 310. Поскольку новые сведения подтверждают тщательную переделку Увар. 309 с целью подогнать ее к Увар. 310, нельзя утверждать, что она изначально содержала только 34 главы; необоснованно также заключение, что она восходит именно к Егор. 869. Вполне возможно, даже вероятно, что Увар. 309 сначала была точно того же типа, какому соответствует ее оглавление, — представителем чистого Иоасафовского собрания, состоящего из 46—47 глав, т. е. мы должны, по-видимому, вслед за Н. В. Сеницыной отнести

²⁴ См.: Дианова Т. В. Водяные знаки. . . С. 33—34, 83—87, рис. I—V. В названных Т. В. Диановой рукописях XVI в. наблюдается общее сходство и с филигранями Лицевого летописного свода. По-видимому, наш водяной знак присутствует в сборнике конца XVI в.: ГБЛ, собр. МДА, № 173/35, содержащем «Небеса» Иоанна Дамаскина и грамматические и лексикографические сочинения, в том числе первую редакцию «Толкования именов по алфавиту» Максима Грека. См.: К о в т у н Л. С. Лексикография в Московском Руси XVI—начала XVII в. Л., 1975. С. 118, 126—134, 268, 313—333; Л е о н и д, архимандрит. Сведения о славянских пергаменных и бумажных рукописях. . . Ч. 2. // ЧОИДР. 1883. Ч. 4. С. 111—112; 1884. Ч. 3. С. 113—117.

²⁵ См.: Дианова Т. В. Водяные знаки. . . Рис. III, № 47—49, 51 (из Евангелия 1606 г.; последняя филигрань встречается также в двух изданиях Устава). О кооперации государевой мастерской палаты (где производили рукописные книги) и Печатного двора в связи с изданиями Радишевского и «Годуновскими псалтирями» см.: Дианова Т. В. Старопечатный орнамент. С. 324—325.

²⁶ Иллюстрации представлены у А. А. Гераклитова в натуральном размере, у Т. В. Диановой в «4/5 от натуральной величины»; если все это точно, то знаки придется считать двумя слегка различающимися между собой вариантами; если пропорции нарушены (например, если у Гераклитова есть отклонения до 4 мм от натурального размера), то воспроизведения могут восходить к одному и тому же знаку.

²⁷ Буланин Д. М. Вологодский архиепископ. . . С. 178.

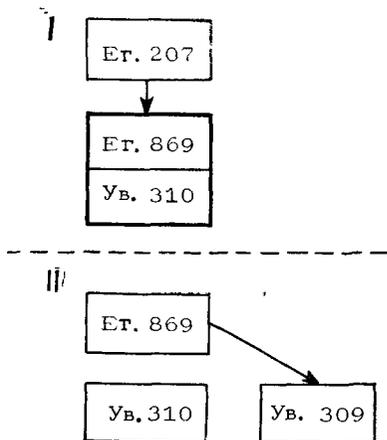

Схема развития по Булану.

I этап — единая рукопись Егор. 869/Увар. 310 списывается с Егор. 207.

II этап — Увар. 309 списывается с Егор. 869.

Увар. 309 непосредственно к Иоасафовскому типу (предварительно проверив текстуальные соотношения).²⁸ То, что эта рукопись вообще отражает работу Ионы Думина над собранием сочинений Максима Грека,

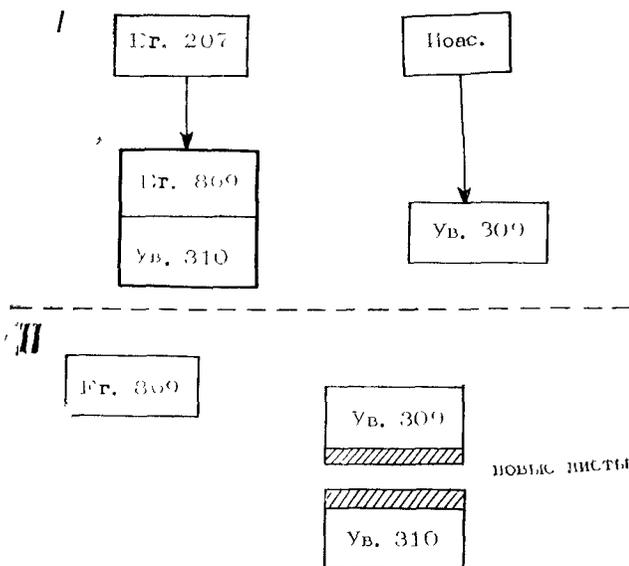

Схема развития по Олмстеду.

I этап — единая Егор. 869/Увар. 310 списывается с Егор. 207; Увар. 309 списывается с какой-то рукописи «Иоасафовского» типа.

II этап — Увар. 309 «сплавляется» с Увар. 310.

кажется вне сомнения: и датировка водяных знаков, и относительная хронология занятий Думина над собранием сочинений Максима Грека, и переделка двух рукописей, и связь вставленных листов с царским двором — все соответствует тому, что мы знаем об обстоятельствах жизни и

²⁸ См.: Синицына Н. В. Максим Грек в России. С. 227—228. Здесь Увар. 309 числится среди рукописей Иоасафовского типа.

деятельности Вологодского архиепископа.²⁹ По всей вероятности, Иона Думин сам заказал переделку двух рукописей. Но думать, что рукопись Увар. 309 восходит к Егор. 869 или что она была написана после разделения Егор. 869 и Увар. 310, нет оснований.

О том, почему Думин вообще счел нужным вернуться к Увар. 309 и 310, переделать и сблизить их, на основе имеющейся информации, можно только догадываться. Наверное, по той или иной причине Егор. 869 — первая часть собрания, впоследствии замененная на Увар. 309, — либо стала недоступной Думину, либо показалась ему неудовлетворительной. Если Увар. 309 на самом деле представляет собой чистый Иоасафовский тип, нельзя ли предположить, что первоначальный текст Иоасафовского собрания показался Думину все же предпочтительнее исправленного в рукописи Егор. 869?³⁰

Возникают и более общие проблемы. Каковы связи Думина с царским двором? Сколь актуально было официальное признание Максима Грека для отношений патриарха и царя с греческой церковью в период учреждения Московского патриаршества?³¹ Можно ожидать, что дальнейший анализ рукописей, связанных с именем Ионы Думина, и других памятников его времени, в том числе великоленных, но недостаточно изученных «Годуновских псалтирей», позволит полнее осветить активную культурную жизнь конца XVI в., одна из любопытных черт которой — заметный подъем интереса к Максиму Греку. Рукописи Ионы Думина и Иоанникия Осокина, в частности, отражают этот повышенный интерес, начало долгого пути к полному признанию.

²⁹ О тесной связи разных этапов работы свидетельствует и почерк вкладной записи Увар. 309, отождествленный Н. В. Синицыной с почерком рукописей Егор. 869 и Увар. 310. См.: С и н и ц ы н а Н. В. Максим Грек в России. С. 48, примеч. 48.

³⁰ О текстологической работе Ионы Думина над Егор. 207, Егор. 869 и Увар. 310 см.: Бу л а н и н Д. М. Вологодский архиепископ. . . С. 178. Против последнего предположения тот факт, что осталась незамененной рукопись Увар. 310, отражающая правку, аналогичную правке Егор. 869.

³¹ В литературе высказывались уже предположения о близости Ионы Думина к патриарху и царю. См.: Бу л а н и н Д. М. Иона Думин. С. 430; O l m s t e d H. Studies. . . P. 302—307, 430—433; С и н и ц ы н а Н. В. 1) Рукописная традиция XVI—XVIII вв. собраний сочинений Максима Грека (К постановке вопроса) // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 262; 2) Максим Грек в России. С. 48—49. Все это ничуть не противоречит несомненному интересу Ионы Думина к наследию Максима Грека и его судьбе. См.: П о к р о в с к и й Н. Н. Замечания о рукописи Судных списков Максима Грека.

Н. А. КАЗАКОВА

Рассказы освобожденных русских полоняников

Русское правительство, отправляя послов в страны Западной Европы, давало им наказ собирать информацию о международных отношениях, внутреннем состоянии государств и известия иного характера. Послам предписывалось: «проведывать себе тайно», какие государи и правители между собою «в миру» и какие «не в миру», «кто ныне в. . . войне силен. . . и про иные про всякие вести, которые великому государю его царскому величеству и всему Московскому государству надобны; а проведовав, записывать. . . в статейный список».¹ И послы добросовестно выполняли данные им поручения. Они внимательно прислушивались и приглядывались к тому, что видели и слышали, вносили в свои статейные списки сведения и о политической жизни Европы (в первую очередь), и о внешнем облике европейских городов, и о различного рода достопримечательностях. Основным источником информации являлись беседы с «приставами» (так русские послы называли курировавших их чиновников дипломатических ведомств) и официальными представителями правительств. Кроме того, послы черпали данные по интересующим их вопросам из бесед с поощающими их представителями знати, купцами, в приморских странах — капитанами судов и т. д.

Своеобразным источником информации для русских послов являлись рассказы освобожденных из плена русских полоняников. Удивительны были их судьбы. Обычно это были захваченные крымцами жители южной Руси, которые перепродавались затем в Турцию. Там их ждала однозначная участь — рабов, гребцов на турецких «катаргах» (галерах). Для многих эта участь была пожизненной. Но некоторым везло: в морских сражениях на Средиземном море «талиянцы» (итальянцы, в нашем источнике речь идет именно о них) разбивали и захватывали турецкие галеры, освобождали рабов-гребцов, а итальянские власти выдавали им «прохожие грамоты», являвшиеся пропусками для возвращения на родину. Большинство бывших русских полоняников возвращались на Русь через Литву и Польшу, а некоторые — через страны Западной Европы. Проходя через ряд стран, иногда подолгу задерживаясь в какой-нибудь из них, полоняники приобретали навыки разговорной речи на местных языках и узнавали, таким образом, о новостях тамошней жизни, в частности политической. Услышав, что в городе, куда они пришли, находится русское посольство, полоняники обязательно являлись к послам, ожидая помощи в возвращении на родину, а послы охотно встречались с бывшими полоняниками, надеясь узнать от них об интересующих русских дипломатов вещах.

Любопытные рассказы двух русских полоняников сохранились в статейном списке Лукьяна Мясного и подьячего Федора Постникова — пос-

¹ Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными (далее: ПДСДР). СПб., 1856. Т. 4. Стб. 827.

ланников Руси, направленных к императору Священной Римской империи Матвею в июле 1616 г.

Когда в октябре 1616 г. Лукьян Мясной и Федор Постников остановились в Любеке, то к ним во двор пришел русский человек, попросивший сообщить послам, что он «идет из Цесарева города из Праги, а был в Турецкой земли в полону шесть лет». Во время беседы с Лукьяном Мясным полоняник сказал, что «зовут его Гришка Харламов, а отец его был Рыльского города севрюк. И взяли его крымские люди в полон под Можайском и жил он, Гришка, в Крыму два года, и продали его турским людем на катаргу, и был он на катарге три года; и во 124-м году после Велика дня талиянские люди турскую катаргу побили. А были на той катарге русских и литовских и немецких² людей болши пятисот человек. И талиянские люди турских людей всех побили, а русских, и литовских, и немецких людей король велел распустить и тем всем полоненником велел талиянской король подавать прохожие грамоты за своими печатми. И русские полоненики многие люди пошли на Полскую землю, а иные остались у талиянского короля; а он, Гришка, шел из Талиянской земли на Папежскую и на Францовскую землю. И придя в Прагу, бил челом цесарю он, Гришка, чтоб его велел через свою землю пропустить, а иттить ему к государю в Москве. И цесаревы думные люди, досмотря у него прохожие грамоты за королевскою печатью, и велели его пропустить, а цесарь велел ему на дорогу дать золотой».³

19 февраля 1617 г. в Прагу к Лякьяну Мясному и Федору Постникову явился другой полоняник, который рассказал, что «зовут его Данилко Осипов сын Аминова, а отец его служил с Лук Великих; а взяли его в полон литовские люди, как Луки-Великие воевали, и тому лет с шесть. А у литовских людей в дороге отгромили его татары и продали турским людем, и был он у турских людей на катарге. И во 124-м году талиянские люди побили турских двенадцать кораблей да две катарги. А было на тех кораблях и на катаргах полских, и литовских, и русских полонеников с пятьсот человек, и тех всех полонеников талиянские люди отпустили, а турских людей всех побили. И руские полоненики пошли на Полскую землю. А он, Данилко, после того побыл в Талианской земле недель с тридцать. И проведая он в Талианской земле, что Московского государства послы и посланники приходят к цесарю римскому, и он, Данилка, для того из Талиянской земли пришел в город Прагу, кто б его вывез на Московское государство».⁴

Перед нами две автобиографии. Они сугубо фактографичны и лишены эмоциональной окраски, хотя, несомненно, она присутствовала в устных рассказах полоняников, когда они сообщали о пережитом. Фактографичность и суховатость записанных рассказов полоняников — это влияние документа, в состав которого они попали. Дьяка, ведшего статейный список и расспрашивавшего бывших полоняников, интересовали только факты. Но даже и в таком виде рассказы освобожденных полоняников интересны как памятники, повествующие о незаурядных судьбах двух простых русских людей начала XVII в.

Интересны они и как исторические источники. В них содержались сведения о политической жизни в Восточной Европе — русско-литовских войнах и набегах крымцев на южнорусские земли, сопровождавшихся уводом населения в плен; об обстановке на Средиземном море, где шла почти никогда не затухавшая борьба между турецкими военно-морскими силами, с одной стороны, и военными кораблями Венеции, Королевства Обеих Сицилий (или Неаполитанского), зависимого от Испании, и самой

² Немецкие люди — это, очевидно, сборный термин, обозначавший лиц, принадлежавших к различным западноевропейским национальностям.

³ ПДСДР. СПб., 1852. Т. 2. Стб. 1261—1262.

⁴ Там же. Стб. 1337—1338.

Испании. В рассказах обоих полоняников (а они были, по-видимому, рабами-гребцами на одной и той же галере) в качестве главной силы, борющейся с турками, выступают «талианские люди», подчиненные «талианскому королю». В данном случае речь идет, очевидно, о вице-короле Обеих Сицилий, осуществлявшем всю полноту власти от имени испанского короля.

Посланники Лукьян Мясной и Федор Постников задавали Харламову вопросы об интересовавшей их обстановке в южной Европе: «Как ныне францовской король с своими думными людьми, и с ишпанским королем, нет ли меж ими розни и буде есть и в чем и какая рознь?». Заметим, что вопросы посланников обнаруживают их осведомленность как о делах внутри Франции, так и о франко-испанских отношениях (во Франции в это время — во втором десятилетии XVII в. — происходила борьба между Людовиком XIII и феодальной знатью; испанский король вмешивался во французские дела, стремясь дестабилизировать положение в стране и усилить влияние там «испанской партии», к которой принадлежала часть знати). У второго освобожденного из турецкой неволи полоняника Данилки Осипова, с которым русские посланники встретились в Праге, они спрашивали, «с кем ныне талианские люди войну держат и кто им на кого помогает».⁵

Харламов на заданные ему вопросы ответил так: «Испанский де король завладел у францовского короля городом Миляною, и за тот город стоит францовский король, а помогает ишпанскому королю цесарь, италянский король, и стоят на францовского короля за один. А Виницейские люди держат войну с дукограцкими людьми, а помогают виницейном турские люди; а папа стоит за дукограцких людей и бьются с виницейны о вере». Ответ Данилки был еще короче: «Талианские люди войну держат с виницейны, а помогают талианским людям ишпанской король и дуко ференской; а виницейном кто помогает и что промеж ими война, то он не ведает».⁶

Как видим, вопрос о положении дел во Франции Г. Харламов обошел молчанием: очевидно, никаких сведений, касающихся сложившейся там ситуации, у него не было. Но зато он осветил положение в Северной Италии, через которую прошел, направляясь в Германию. В Северной Италии скрещивались в это время интересы Габсбургского блока, с одной стороны, и Франции, с другой. Милан, как отметил Харламов, находился под властью испанского короля (эта ситуация сложилась после окончания итальянских войн в середине XVI в.). Твердые позиции в Северной Италии были важны для Габсбургов, так как через нее осуществлялись связи между владениями испанских Габсбургов на юге Италии и владениями австрийских Габсбургов в Центральной Европе. Харламов правильно подметил, что испанскому королю помогали цесарь (император), «италианский король» (то есть вице-король Обеих Сицилий) и папа (римский папа всегда был на стороне Габсбургского католического блока). Все эти силы, по словам Харламова, противостояли французскому королю, стремившемуся к распространению влияния Франции на Северную Италию.

Другая часть информации, данной Харламовым, касалась взаимоотношений Венеции и «дукоградских людей», — как надо полагать, поданных великого герцога Тосканского.⁷ По словам Харламова, между венецианцами и «дукоградскими людьми» имели место военные действия, в которых папа был на стороне «дукоградских людей»; неясные в приведенном контексте слова Харламова «и бьются с виницейны о вере» следует

⁵ Там же. Стб. 1262.

⁶ Там же. Стб. 1338.

⁷ Полагать, что «дукоградские люди» — это подданные великого герцога Тосканского, дает основание упоминание «дуки ференского» (т. е. герцога Флорентийского, а точнее, великого герцога Тосканского) в рассказе Данилки Осипова.

понимать как указание на имевший в то время место конфликт между венецианским духовенством и римским престолом.⁸ Того же сюжета — военных действий между Венецией, с одной стороны, великим герцогом Тосканским («дуко ференской») и подданными королевства Обеих Сицилий, с другой, — касались и сведения, сообщенные Данилкой Осиповым.

Рассказы и ответы обоих освобожденных из турецкой неволи и возвратившихся на родину русских полоняников были внесены в статейный список посланников как материал, представлявший интерес для Посольского приказа. Для историков же литературы они любопытны как своеобразная разновидность автобиографий русских людей начала XVII в.

⁸ Из сообщения Харламова следует, что венецианцам помогали «турские люди»; очевидно, это был один из редких случаев, так как чаще Венеция и Турция находились в состоянии конфронтации.

А. С. ЛАВРОВ

«Летописец» Кариона Истомина

«Летописец» Кариона Истомина принадлежит к числу памятников, завершающих летописный период русской историографии. На длительное время «Летописец» исчезал из поля зрения исследователей. В «Исследовательских материалах для „Словаря книжников и книжности Древней Руси“» указано, что «в настоящее время неизвестно <...> местонахождение» единственного списка «Летописца великия земли Российския», приписываемого Кариону Истомину.¹ Не упомянут «Летописец» и в специальной статье, посвященной летописному своду 1652 г., продолжением которого он является.² Настало время вновь ввести «Летописец» в научный оборот с учетом проделанных в последние годы исследований русской литературы «переходного периода».

Рукопись «Летописца» была приобретена архимандритом Леонидом (Л. А. Кавелиным) в 70-х гг. XIX в. и передана им в 1890 г. в собрание ОИДР, где она была описана Е. И. Соколовым.³ Первоначально Леонид атрибутировал «Летописец» Сильвестру Медведеву, но после знакомства с биографическим очерком С. Н. Браиловского о Карионе Истомине склонился к авторству последнего.⁴ Аргументация архимандрита Леонида сводилась к следующему: 1) летопись написана духовным, а не светским лицом, так как событиям церковным отведено в нем первенствующее место; 2) при описании событий 1682 г. использовано не «Созерцание краткое...», за составление которого Карион привлекался к розыску по делу Ф. Шакловитого, а «официальный документ» — перевод донесения датского дипломата Розенбуша; 3) летописец был близок к «партии Милославских» (о чем свидетельствуют, в частности, внесенные в «Летописец»

¹ См.: Сазонова Л. И. Карион Истомин // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 51.

² Лаврентьев А. В. Летописный свод 1652 г. // Там же. С. 118—119.

³ Соколов Е. И. Библиотека имп. Общества истории и древностей Российских. М., 1905. Вып. 2. С. 221—224.

⁴ См. предисловие архимандрита Леонида к неосуществленной публикации «Летописца»: ГБЛ, ф. 219, оп. 2 (Архив ОИДР), № 686, л. 2—3 об. Историк опубликовал лишь несколько документов из «Летописца»: 1) Переписка царя Петра с патриархом Адрианом // ЧОИДР. 1876. Кн. 4, отд. V. С. 238—243; 2) Переписка Петра Первого с патриархом Адрианом. 1697 г. (Из рукописного летописца) // Русский архив. 1878. Кн. 1. С. 5—9; 3) Чин поставления на царство царя и великого князя Алексея Михайловича. СПб., 1881. 39 с. (ПДПИ. VII). См. подробнее: Священник Анатолий Провсирнин: Труды архимандрита Леонида (Кавелина) (1822—1891) // Богословские труды. М., 1972. Сб. 9. С. 226—240.

⁵ Вслед за С. Н. Браиловским Леонид приписывает «Созерцание краткое...» Кариону Истомину, а не Сильвестру Медведеву (ср.: Волков М. Я. «Созерцание краткое» как источник по истории общественно-политической мысли // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 198—208). Убедительные аргументы в пользу авторства Сильвестра Медведева приводит А. П. Богданов (Богданов А. П. К вопросу об авторстве «Созерцания краткого лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве» // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: Сб. ст. М., 1987. С. 114—146). А. П. Богданову остался неизвестен список «Созерцания краткого...» из Тихонравовского собр. (ГБЛ, ф. 299, № 52)

вирши на смерть царя Ивана Алексеевича); 4) автор «является особым почитателем известного деятеля этой эпохи иеромонаха Симеона Полоцкого», поэму которого «Плач на кончину царя Алексея Михайловича» он целиком перенес в свой «Летописец».⁶

В монографии С. Н. Браиловского, обобщившего дореволюционные исследования литературного наследия Кариона Истомина, был затронут и вопрос об авторстве «Летописца», С. Н. Браиловский выявил ссылку на «летопись монаха Истомина» у известного историка XVIII в. И. И. Голикова, сопоставил с сообщениями «Летописца» вирши на смерть Ивана Алексеевича и заметку о походе Петра к Архангельску из авторских сборников Кариона Истомина.⁷ Однако большинство аргументов Браиловского было отведено в рецензии С. Н. Долгова. С. Н. Долгов не нашел в «Летописце» сообщения, на которое ссылался Голиков, а виршей из «Летописца» — в бумагах Кариона Истомина. Заметки Кариона Истомина о поездке Петра в Архангельск и аналогичное сообщение «Летописца» оказались независимыми друг от друга.⁸

В дальнейшем изучение «Летописца» приостановилось, так как его единственная рукопись была утеряна. С. Н. Азбелев в 1955 г. обнаружил список «Летописца» в Музейном собр. (ГБЛ, ф. 178, № 10561) и отождествил его с рукописью из собрания ОИДР. По мнению Азбелева, «Летописец» является продолжением свода 1652 г., исследованного к тому времени А. Н. Насоновым.⁹ В 1970-х гг. рукопись «Летописца» была возвращена в собр. ОИДР, где и находится сейчас (современный шифр: ГБЛ, ф. 205, № 419; далее ссылки только на листы).¹⁰

Архимандрит Леонид отнес создание рукописи к [началу] XVIII века.¹¹ Эта датировка не была пересмотрена: очевидно, здесь сыграло свою роль и традиционное представление о том, что большинство «петровских» сводов представлено либо автографами самих летописцев, либо одним-двумя современными списками. Палеографическое исследование показало, что рукопись написана на бумаге с водяными знаками «РФ/ВЕ» («Русская фабрика Василия Евреинова»), относящейся к концу 40-х—50-м гг. XVIII в.¹²

Это значительно осложняет изучение «Летописца». Тем не менее представляется возможным реконструировать основные этапы авторской работы над текстом памятника. В основу «Летописца» был положен один из списков 1-й редакции свода 1652 г., созданного в 1652—1658 гг. (более поздняя датировка свода, предложенная Л. В. Черепнинным, отведена).¹³ Для датировки продолжения свода особенно важна погодная статья за 1682 г., в которой при сообщении о венчании на царство Петра и Ивана Алексеевичей отмечено: «. . . и ныне обоя братия великие государя против обыкlosti бывшей в греческом царстве управляют, дай Боже им

⁶ ГБЛ, ф. 219, оп. 2, № 686, л. 2—3 об.

⁷ Браиловский С. Н. Один из «пестрых» XVII столетия. СПб., 1902. С. 324—326.

⁸ Долгов С. О. Разбор сочинения под девизом «И дым отечества нам сладок и приятен» // Отчет о XXXVII присуждении наград гр. Уварова. СПб., 1897. С. 256—257.

⁹ Азбелев С. Н. Летопись петровского времени, содержащая поэму Симеона Полоцкого // От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона»: Сб. статей к 90-летию Н. К. Пиксанова. Л., 1969. С. 261—265.

¹⁰ Рукописные собрания ГБЛ: Указатель. М., 1986. Т. 1, вып. 2: (1917—1947). С. 316.

¹¹ ГБЛ, ф. 219, оп. 2, № 686, л. 2.

¹² Близок № 662 у С. А. Клепикова (К л е п и к о в С. А. Филигранные на бумаге русского производства XVIII—начала XX века. М., 1978. С. 43, 1750 г.), но прямоугольник в левой части знака зубчатый, а не волнистый (ср.: Там же, № 658, 1760 г.; № 660, 1752 г.).

¹³ См.: Лавров А. В. 1) Списки и редакции летописного свода 1652 г. // Источниковедческие исследования по истории феодальной России. М., 1981. С. 61—82; 2) Свод 1652 г. — памятник русского летописания XVII века: Дис. . . канд. ист. наук. М., 1984. Машинопись.

государствование мирное и всяких благ получитьи преизобилно» (л. 237). Эта запись могла появиться только до смерти Ивана в 1696 г. Но в той же погодной статье находится и рассказ о новом титуле В. В. Голицына, составленный уже после его опалы в 1689 г.: «. . . и писался титулом сим: Государственныя болшия печати и государственных великих и посольских дел оберегатель ближней боярин и дворовой воевода и наместник новгородской князь Василей Васильевич Голицын и писали так все со 191 году по 198 год» (л. 237). Таким образом, работа над частью «Летописца» (до рассказа о событиях 1682 г.) относится к 1689—1696 гг. Позже были внесены сообщения за 1680-е—1702 гг.; на последней дате «Летописец» обрывается. Это косвенно свидетельствует о связи автора с традицией патриаршего летописания. Так, А. П. Богданов пишет о том, «что негативное отношение высших иерархов к правительству Софьи—Голицына сказалось на своеобразном запрете на повествования о происшествииях 1682—1689 гг., действовавшем до кончины Иоакима в 1690 г.»¹⁴

На связь «Летописца» с патриаршей канцелярией указал еще С. Н. Браиловский: «В продолжении „Летописца“ (петровских времен) дано место письмам патриарха Адриана к молодому царю за границу, что мог сделать лишь Карион Истомина, как дьяк патриарха Адриана и правитель его домовою канцелярии».¹⁵ К тому же в принадлежащей перу Кариона Истомина «книжице» об Азовских походах находятся два послания Адриана, приведенные в «Летописце».¹⁶ Однако «книжица» не могла послужить единственным источником для «Летописца», к тому же в обоих произведениях приведены и другие письма патриарха. Очевидно одно: и Истомина, и летописец широко использовали материалы патриаршего архива (не случайно на письмах царя в «Летописце» указаны даты отправления и получения, а на письмах патриарха — только исходящие).

Связь автора «Летописца» с церковными верхами делает памятник ценным историческим источником. Достаточно указать на уникальное сообщение о составе боярской комиссии, расследовавшей в 1689 г. «дело Шакловитого»: «. . . а у розыску того были бояре князь Борис Алексеевич Голицын, князь Иван Борисович Троекуров, Тихон Никитич Стрешнев с товарищи» (л. 238 об.). Таким образом, Ф. Шакловитого судила не вся Боярская дума и даже не ее представительная часть, а лишь ближайшие сторонники Петра (из которых двое — Б. А. Голицын и Т. Н. Стрешнев — последовательно возглавляли Приказ розыскных дел).¹⁷ Это заставляет усомниться в традиционном противопоставлении Ф. Шакловитого — «выходца из разночинцев», дерзко третировавшего боярство как «зяблое древо», и «боярской аристократии», якобы выступившей союзницей Нарышкиных.¹⁸ Интересны также сообщения о создании потешных полков в 1687 г., о строительстве флота в Воронеже (л. 237 об., 248 об.—249).

«Летописец» нуждается в дальнейшем исследовании — и как исторический источник, и как литературное произведение. Основными направлениями этого исследования должны стать, с одной стороны, сопоставление «Летописца» со всем комплексом текстов, связанных с Карионом Истоминым, с другой — с летописной традицией конца XVII—XVIII вв.

¹⁴ Богданов А. П. Летописные и публицистические источники по политической истории России конца XVII века: Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. М., 1983. С. 14.

¹⁵ Браиловский С. Н. Один из «пестрых» XVII столетия. С. 325.

¹⁶ ГБЛ, ф. 299 (собр. Тихонравова), № 634, л. 203—204 об., 212 об.—213 об. Ср.: «Летописец», л. 243 об.—244 об., 251—252. О «книжице» см.: Чистякова Е. В., Богданов А. П. «Да будет потомкам явлено. . .»: Очерки о русских историках второй половины XVII века и их трудах. М., 1988. С. 100, 102.

¹⁷ См.: Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. СПб., 1884—1893. Т. 1—4.

¹⁸ Волков М. Я. О становлении абсолютизма в России // История СССР. 1970. № 1. С. 102.

Т. Н. БЕЛОВОЛОВА (УКРАИНСКАЯ)

**Ранняя редакция Жития
преподобного Димитрия Прилуцкого,
вологодского чудотворца**

Житие Димитрия Прилуцкого, самый ранний памятник вологодской агиографии, известно в трех редакциях, представленных более чем 120 списками. Чаще всего в рукописях встречается так называемая Минейная редакция Жития. Ее автор — Макарий, пятый (судя по Синодику) игумен Спасо-Прилуцкого монастыря. В. О. Ключевский назвал эту редакцию «позднейшей, распространенной и дополненной».¹ Она сопровождается 14 посмертными чудесами, расположенными в следующем порядке:

- 1) Чудо о болезни корчете в Вологде;
- 2) О приходе вятчан на Вологду и разорении Спасо-Прилуцкого монастыря;
- 3) О исцелении беснующейся Софии;
- 4) О бесноватом Симеоне;
- 5) О исцелении отрока Харитона;
- 6) О слепой вдовице Антониде;
- 7) О нападении на Вологду Димитрия Шемяки («Чудо о граде Вологде»);
- 8) О исцелении от пьянства князя Андрея Ржевского;
- 9) О бесноватом слуге Иоанне;
- 10) О слуге Кондрате, страдавшем бессонницей;
- 11) О построении третьей соборной церкви в монастыре;
- 12) О исцелении больного Поликарпа;
- 13) О исцелении от пьянства Иоанна;
- 14) О бесноватом Стефане из Лоскомжи.

Минейная редакция Жития имеет предисловие и Похвалу святому. Самый ранний из известных списков редакции написан в Новгороде и датируется 1494 г. (ГПБ, Соловецкое собр., № 518/537, л. 216 об.—243). В середине XVI в. эта редакция была включена в Великие Минеи Четьи митрополита Макария под 11 февраля, почему и получила название Минейной. Вопрос о времени ее создания пока остается открытым.

В четырех известных нам сборниках, происходящих из Вологды (ГИМ, собр. Уварова, № 232, XVII в.; Вологодский краевед. музей, № 2037, конец XVII в., из Спасо-Прилуцкого монастыря; Ярославский краевед. музей, № 15327, 1854 г.; ГБЛ, ф. 272 (Синод.), № 351, XVII в.), находится так называемый вологодский вариант Минейной редакции с 33 чудесами. В них много событий, имен и географических названий, относимых к XVII в.

Минейная редакция чаще встречается не с одной только Похвалой (нач.: «Но убо ныне прекратим слово писати чудеса святого, неисчетна бо суть. . .»), но и с Похвальным словом, созданным путем переработки и

¹ Ключевский В. О. Жития святых как исторический источник. . . М., 1871. С. 271.

украшения в стиле «плетения словес» Минейной редакции. Ключевский считал его третьей редакцией Жития, составленной в конце первой половины XVI в. (нач.: «Приидете, святое и честное постник сословие. . .»). В нем использованы предисловие к Житию Сергия Радонежского, биографические известия, 12 первых чудес и Похвала Минейной редакции.

В составе Пролога помещена не указанная Ключевским самая краткая, Проложная редакция Жития. Она представляет собой, судя по всему, извлечение из Минейной редакции и содержит сравнение с Иоанном Златоустом, сведения о пострижении Димитрия, об основании Никольского и Воскресенского монастырей, о встрече с Сергием и совместных беседах, «како бы общее житие управити», об основании Спасо-Прилуцкого монастыря и о преставлении преподобного (нач.: «Сей преподобный и богоносный отец наш Димитрий бысть родом Российскаго царства. . .»).

Из проложной и вологодского варианта Минейной редакции с 33 чудесами была составлена Сводная редакция Жития. Автор ее в заглавии не указан. Начинается Сводная редакция, как Проложная, и точно следует ей до эпизода о преставлении Димитрия. Текст расширен четырьмя вставками из Минейной редакции (о пострижении, об отношениях с родителями, о принятии священства, о беседах с Сергием). С эпизода, в котором Димитрий уподобляется Иосифу Прекрасному, следует переработанный вологодский вариант Минейной редакции. Составитель опускает все украшения и развернутые комментарии, меняет местами главки, что делает текст более сжатым и динамичным. «Сказанию о чудесах. . .» в Сводной редакции сопутствует «Сказание о сретении чудотворного образа преподобного и богоносного отца нашего Димитрия игумена, иже на Прилуде, вологодского чудотворца, и о новосозданной церкви во обители его».² Сводная редакция известна пока только в одном списке середины XIX в. (ГПБ, Ф.1.774, л. 1—35). Вероятно, возникновение ее нужно отнести к более раннему времени.

Среди редакций, описанных Ключевским, названа неизвестная нам краткая редакция Жития без предисловия и Похвалы святому, с семью чудесами, завершающимися «Чудом о граде Вологде». Историк датировал ее второй половиной XV в. Эта редакция была известна ему в двух списках, один из этих списков в рукописи XVI в. находился в его личной библиотеке). Оба списка нами пока не найдены. По мнению Ключевского, это первоначальный текст Жития, ибо пятое чудо (по его описанию) начинается замечанием, которого нет во всех остальных редакциях Жития: «По сих же летех и иная ненаписана чюдеса, ему же и мы самовидцы бывше. . .».³

Недавно в ГПБ, в собрании Титова, № 844 (сер. XVIII в.) нам встретилась рукопись, содержащая текст, близкий к этому описанию. Пятое чудо, как и указывал Ключевский, начинается в нем словами: «По сих же временех отрок некий именем Харитон, ему же и мы самовидцы быхом, иже сия и вписахом, да и се незабвенно будет чюдо. . .» (л. 43 об.). Правда, уже здесь обнаруживается несоответствие: описанная Ключевским редакция отличается от найденной нами двумя новыми чудесами (о вдове Антониде и о нападении на Вологду Димитрия Шемяки). Различия между двумя редакциями, насколько возможно судить об этом по краткому описанию, еще и в том, что Ключевский называет автором краткой редакции Макария.⁴ В списке из собрания Титова нет традиционного надписания: «Творение Макария, игумена тоя же обители», хотя в пользу этого сужде-

² Рассказ о сретении иконы встречается и вне Жития как народное предание.

³ К л ю ч е в с к и й В. О. Жития святых. . . С. 270.

⁴ «. . . в рукописях именем одного и того же автора обозначаются две разные редакции Жития, и трудно решить, которая из них первоначальная» (К л ю ч е в с к и й В. О. Жития святых. . . С. 189).

ния говорит большая текстологическая близость обеих редакций и указание в тексте на один и тот же источник сведений о святом — игумене Пахомии.

Собр. Титова, № 844

Соловецкое собр., № 518/537

Той же бо Пахомие многая нам свидетельствоваше о святом житии преподобнаго Димитрия, от него же мы слышавше, писанию та предложихом. . . (л. 39 об.).

. . . именем Пахомиа, иже той нам многа свидетельства о житии и о чудесах преподобнаго. . . (л. 157).

Та ли это первоначальная редакция Жития, которую имел в виду Ключевский, судить трудно. Но в том, что этот список представляет более раннюю (по сравнению с Минейной) редакцию Жития Димитрия Прилуцкого, нет сомнения.

Во-первых, в найденном списке Жития встречаем фрагменты, которых нет в других редакциях. Они поясняют степень личного участия автора Жития в происходящем или указывают на его неполную уверенность в сообщенном.

«От него же (Пахомия, — *Т. Б.*) мы слышавше, писанию та предложихом. . .» (л. 39 об.).

«Оных же чудесех мнозех от преподобнаго неисчетно бысть, яже видевших и слышавших свидетелей и послухов. И мы сами видевше их и слышаще от сих многая чудотворения, еже от преподобнаго в животе его, паче же и по смерти того, ими же чудесы Бог прослави его. И мало нечто от многа zde списана бысть. . .» (л. 42 об.).

«Но нечто от многа написана мало бысть, ныне еще скажем, иже в наша лета бывшая. . .» (л. 43).

«. . .ему же (Харитону, — *Т. Б.*) и мы самовидцы быхом, иже сия и вписахом, да и се незабвенно будет чюдо. . .» (л. 43 об.).

«Престави же ся сей блаженный и преподобный Димитрий в лето 6900. Аще ли будет малым чим лет сих больше или мале нечто, известно не вемы, по мнозех бо летех сия писанию-предана суть. . .» (л. 44).

Во-вторых, в найденном списке многие сюжеты Жития описаны более подробно, с привлечением фактов и подробностей, не упоминавшихся в других редакциях, или с иной мотивацией их. Особо примечательно в этом отношении «Чудо о жене расслабленной», сильно отличающееся стилистически и сюжетно от того же чуда Минейной редакции. Здесь подробнее говорится и о преставлении Димитрия Прилуцкого, названа дата его смерти, полностью приведено завещание братии (в Минейной редакции — лишь просьба вместо себя видеть игуменом Пахомия).

Собр. Титова, № 844

Соловецкое собр., № 518/537

Вам же, братие, в свое место благословляю игумену быти моего духовнаго сына и брата ми и ученика моего Пахомиа. Вы же, братие, яко же и ко мне, послушание имейте к нему во всех верных учения его и повинуйтеся ему по Бозе, яко отцу благопослушливая чада во всех добрых деланих. Имейте же любовь между собою нелицемерную о Христе, и чистоту телесную, и смиренномудрие, и терпение. И час смертный всегда имети во уме своем, и чающе от Бога прияти мзду против трудов своих во Царствии Его Небеснем. . . (л. 40 об.).

. . .И рече: «Вам, братие, благословляю в свое место игумену быти своему брату и сыну духовному Пахомию, тому повинуйтеся в добрых делех, якоже отцу своему. . .» (л. 169).

Преставление преподобного описано проще, без просьб святого бросить его тело в болото и «ногам в поспание сотворить», но зато с подробностями погребения: как несли тело, где именно его положили.

Собр. Титова, № 844

И честныя мощи его вземше на главах, и принесше, положиша во святей церкви со псалмы и песньми, погребше их честно в ней близ олтаря на десней стране, в монастыри, в нем же и подвижася. . . (л. 40 об.).

Соловецкое собр., № 518/537

. . . вземше честные мощи его и с псалмы и песньми погребоша того в церкви, юже сам созда в своей обители, в ней же постнически подвижася. . . (л. 170).

С бóльшим числом деталей и действующих лиц описано «Чудо о вятчанех»: приведены молитва ко Господу о восстановлении любви между людьми, прямая речь удивленных «страшным» чудом воинов, рассказано о воеводах, велевших вернуть монастырю и крестьянам награбленное. Следует обратить внимание на то, что по сравнению с Минейной редакцией в тексте нет фрагмента, описывающего подобное же чудо в Житии Стефана Сурожского, которое появилось на Руси в конце XV в. Некоторые живые подробности в Минейной редакции отсутствуют, чудеса в ней становятся менее конкретными, обобщенными.

Собр. Титова, № 844

Много ей тако трудившися в лютом том недуже, всячески бо недостойная и неленая глаголющи, ни срама, ни стыдения не ведущи пред людьми, иногда и в церкви порты с себе мечющи, не ведущи того ей от устрашающаго ю беса. И тако игумен с братиею молитвы творяще за ню к Богу по силе своей. . . (л. 43 об.).

Соловецкое собр., № 518/537

. . . некако от привидения диаволя умом смятеся, недостойная глаголющи. И положиша ю ко гробу чудотворца, и молитве о ней бывши в божественной церкви у гроба преподобнаго (л. 174).

С другой стороны, в найденном списке Жития нет привычных для Минейной редакции пророчеств святого о родном брате и Димитрии Донском; нет эпизода, где Димитрий отказывается принять милостыню в монастырь, пока жертвователю не напитает всех домашних и слуг. Не найдем мы фрагментов, в которых указан род занятий Димитрия до пострига и сообщается о разногласиях его с семейством относительно выбора жизненного пути; не упоминается о победе Димитрия Иоанновича Донского на Куликовом поле, о его помощи в благоустройении Спасо-Прилуцкого монастыря. Без подробного объяснения причин сообщено об уходе Димитрия с Авнеги. Отсутствует эпизод, в котором иноки просят увеличить количество книг в монастыре, не описан внешний вид Димитрия: что он ел, пил, во что был одет, где молился и т. д. Характер этих разночтений потребует подробного объяснения впоследствии.

Видимо, слова Ключевского о том, что автором обеих редакций был игумен Макарий, не лишены основания, если предположить, что редакция Жития Димитрия Прилуцкого, имеющаяся в списке из собрания Титова, была написана до 1450 г.,⁵ когда преподобный почитался еще как местночтимый святой, а в конце XV в.⁶ (или около того) к его общерусской канонизации тем же игуменом Макарием была переделана, украшена в стиле «плетения словес», дополнена предисловием, сведениями из монастырского предания и Похвалой святому. В еще более позднее время к ней присоединилось Похвальное слово Димитрию, написанное на основе Минейной редакции. Это предположение подтверждается еще и тем, что на материале именно Минейной редакции игуменом Макарием был составлен канон преподобному, необходимый как составная часть службы при канонизации святого.

⁵ «Чудо о граде Вологде, седьмое по порядку, в летописях датируется 1448 или 1450 г. Исходя из этого можно предположить, что имеющаяся у нас редакция с пятью чудесами написана до этого времени.

⁶ Ключевский датировал Минейную редакцию 1-й половиной XVI в. Эта датировка ошибочна, ибо древнейший список данной редакции датирован 1494 г. (ГПБ, Соловецкое собр., № 518/537).

Введение в научный оборот еще одной редакции Жития позволяет более полно представить его литературную историю, предположительно отнести время создания Жития не к концу XV в., как предполагалось до сих пор, а к более раннему времени, обнаружить новые источники написания Минейной редакции, вновь поставить вопрос об авторстве Жития и возможности написания его по устным рассказам Пахомия. У многих исследователей последний вопрос вызывал некоторое недоумение, ибо свидетельство о Макарии, писавшем со слов Пахомия — преемника Дмитрия по игуменству, при прежней датировке Жития значило, что Пахомию в то время было далеко за сто лет. Найденная редакция позволяет снять это противоречие и удостовериться в подлинности житийных слов: «. . . от него же мы слышавше, писанию та предложихом. . .».

Следует добавить, что в ходе подготовки статьи к публикации было найдено еще несколько списков Жития преподобного Дмитрия Прилуцкого (в рукописях его иногда называют Дмитрием Вологодским), близких к публикуемому здесь тексту ранней редакции (ГБЛ (Муз.), № 697, XVIII в.;⁷ ГБЛ, ф. 304 (ТСЛ), № 790, XVI в.;⁸ ГБЛ, собр. Румянцева, № 96, XVI в.). Списки содержат более полные варианты этой редакции с чудесами. Вопрос о том, какой из вариантов ранней редакции наиболее близок к авторскому, будет разрешен после текстологического изучения всех найденных списков.

Приведем краткое описание сборника, содержащего один из вариантов ранней редакции:

ГИБ, собр. Титова, № 844, в четверку, 47 л., сер. XVIII в., полуустав и скоропись. Филигрانی: Pro Patria — Ляуцявичюс, № 2872 (1741 г.), Клепиков, № 167 (1745 г.). Вкладных записей нет. Состав: Сказание об иконе Казанской Божией Матери, преставление и чудеса святителя Алексия митрополита, Жития Антония Римлянина и Геннадия Костромского. Рукопись куплена Титовым в Москве в 1880 году за 5 руб.

Текст публикуется в соответствии с правилами, принятыми в ТОДРЛ.

МЕСЯЦА ФЕВРАЛЯ В 11 ДЕНЬ

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО ОЦА НАШЕГО ДМИТРИЯ ВОЛОГОЦКАГО

Сей преподобный отец наш Дмитрий бысть родом Руския земли, страны а. 37 и царства Московскаго, от града же славнаго Переаславля, от благочестивых и благоверных родителей родися от славных того града. Измлада извыче божественным писанием, паче же духовным, превосходяи премудростию смирения многих своих сверстник; паче же разумом совершенным, душевным умом цветый доброту совершенну версту телеси, к детям играющим не прилепляяся, ни иных не внимаа пустошных. Паче же смиренномудрием украшен, подобяся обычаю Иоанна Златоуста и поучаяся божественных книг вниманию, рассмотряа сего жития мирскаго суету и минующаго, аки речная быстрина или травных цвет, внимаа же паче о будущем веце и о суде воздаяния от Бога комуждо по делу его, и о царствии небеснем, праведных радости и веселия райския породы, хотя со ангелы водворитися в нем славити Христа.

И тако ему внимающе, жестоко житие начинает терпением крепким и пострижеся во иноческий образ в том же граде Переаславле, || в монастыри Пречистыя Богородицы на Горицах, тако бо и донныне нарицаемо. ..а 37 о б. И подвизаяся добродетели многи имея, любовь по Бозе ко всем нелицемерную и смирение, и пост, и молитву, и чистоту. И добрых ради трудолюбных

⁷ В составе сборника: Житие Александра Ошевского, слова о Зосиме и Савватии Соловецких, Служба Собору Пресвятой Богородицы.

⁸ В составе сборника: Жития Козьмы и Дамиана; Григория Богослова; Дмитрия Прилуцкого (л. 102—122 об.); Феодора Смоленского; Петра, царевича Ордынского; словарь иностранных слов.

дел его сподобился священства дар прияти. И посем поставляет его Бог учителя и наставника людем Своим. И тако по воли Божии изобрете место у озера близ града Переаславля, и ту постави церковь и монастырь во имя святого Николы Чюдотворца, и бысть в том монастыри игуменом. И многия ради его любве и добродетелнаго жития его мнози прихождаху к нему ползы ради душевныя. Он же неленостно приимаа их и с радостию поучая на путь спасения. Иноки же и белца и хотящих с ним житьельствовати и Богу угодити, в чернеческий образ облачая и страху Божию уча и всем добродетелем, собирая стадо духовных словесных овец, и тако и общее житие составляет. Братия же повинующеся ему во всем, яко аггелу Божию, — с любовию и честью, сам бо блаженный показая образ собою в добрых делех и в словесех, и в трудах, и молитвах, красотою же души и тела цветый добродетельми ко Господу.

4. 38 В та же времена, в том граде || некоего вельможи, мужа славна жена. Многожды ходящи ей к церкви во время пения в монастырь его, бе бо среди мира. Но оный блаженный стяжав себе пустыню в сердци своем, от мирских воздержася сластей всех. И некогда та жена понужашеся мыслию простоты, хотя видети святолепное преподобнаго лице, постом цветущее. Святому же обычай имущу смирения, ходяща мало поникшися. И не прилучися ей никогда же видети его.

Бяше же у блаженнаго Димитрия ученик, черноризец некий, живый с ним во единой келии, и рече некогда жена та старцу его: «Отче, понеже не можем мы увидети его, по обычаю бо приходящим к церкви людем: мужие, и жены, и дети их, — паче же всегда на праздники». Старец же той спроста рече ей: «Да увидиши его, противу стоя кельи его, егда он изыдет задними дверьми, до недели бо еще не изыдет ко церкви на литургию». Оной же тако ждущи увидети его и сама не ведущи почто, ни разумеющи на ся суда божественнаго быти.

4. 38 об. Преподобному же по обычаю изшедшу и спроста тогда увиде жену ту, без стыдения смотрящу на него. Он же мало нечто оскорбися на ню и непоставную, и нестыдливую нарек ю, беззловивый бо воистинну всегда пребывая, правдивый наставник || спасению. Жена та тогда, яко виде его, утаитися рекше хотя, и абие светлость трудолюбнаго и постническаго лица его осия ею, и внезапно нападе на ню боязнь некая и не ведущи ей, и бысть вся расслаблена, не могущи ничим же владети собою. И лежащи ей на земли, и кающися о невежествии своем, глаголя: «Почто аз искусих Духа Святаго, иже на святых Его почивающаго?». И много молящи его, посылающи ко преподобному, прощения прося и исцеления от недуга своего. Он же убо смиряя себе и грешнейша всех человек нарицая, и не иде к ней. И вегда изыде преподобный во церковь, и повелеша братия сердобоям ея привезше ею пред дверми келия его. И прииде преподобный от церкви, и виде ю лежащу и болезнующу, просящу прощения грехов своих. И рече ей святыи: «О дщи безстудная и окаянная, зри на мя и насытися грешнаго моего телеси. Отрекше бо ся мы уже мирских, почто ты восхоте тако возноситися гордостию и безумием красящихся телом, а не душевною добротою, еже смирением и милостынею к нищим и молитвою всегда к Богу. И тако апостол учит нас всех: «Жены в церкви да молчат, гнусно бо есть в церкви беседы и говори праздная». И тако много поучив ю со смирением || и сотворив молитву преподобный во имя Отца и Сына и Святаго Духа, и знаменав ю крестным знамением, и ем за руку ея, и повеле ей востати, благословение и прощение подаст ей. И абие бысть здрава часа того и отиде в дом свой, радуяся, благодарая и славя Бога, и хвалу воздая, и честь преподобному Димитрию.

Бысть же сей преподобный Димитрий во дни благовернаго князя великаго Димитрия Ивановича всея Русии, и оттоле слава о нем велия прихождаше повсюду, добродетелнаго ради его к Богу жития. Бяше и преподобному Сергию святому собеседник о мнозем благочестии ко Господу и о пастве их, еже о Христе иноков под ними, и о Бозе любве межи има

всегда. Любаше же его и благочестивый князь великий Димитрие и умоли его, да дети его крестит у него, и бысть ему кум.

И виде блаженный тако находящую себе славу и честь мира сего и всяко не восхоте сего света чести, но желая оного будущаго века славы Царя Небеснаго Христа Бога всех. И тако преподобный Димитрий оставль то отечество свое и изыде из града Переаславля, и прииде к северным оттоле странам. И прихождаше многа места и пустыня около града Вологды и со учеником своим Пахомием, еже бысть по нем || настоятель обители его, иже на Прилуце. Поистинне бо и той Пахомие подражатель житию преподобнаго Димитриа бысть, свято и терпеливно житие сие проходя смирением и любовию. Той же бо Пахомие многая нам свидетельствоваше о святом житии преподобнаго Димитриа, от него же мы слышавше, писанию та предложихом. а. 39 об.

И обрете преподобный место при водах, на Леже реце, на устье Великия реки, тако зовомыя. Бяше же от того места недалече волость Авнега. И те людие начаша ненавидети его. Он же отиде оттуду и церковь было поставил ту во имя святаго Воскресения Христова.

И тако посем прииде на Вологду во град, ища места, идеже соберет стадо Божие людей. И Божиею силою и волею избрете место Богу угодно на Прилуце, на разпутных мнзех, недалече от града Вологды, разстоянием яко три версты. И упроси себе от ту живущих людей, богобоязливых и славных мужей, един именем Илья, а другой именем Исидор, нарицаемый Выпряг. И те людие его с радостию прияша, и тако благослови преподобный место то и крест постави, еже той крест и донныне в монастыри его. И вскоре Божиею помощию и церковь постави во имя Всемиловитваго Спаса Христа Бога и Пречистей Его Богоматери и честнаго креста Христова, еже вся земля празднуют месяца августа в 1 день на освящение водам, и монастырь пречестен согради, || и неотступно подвизаяся на добродетели и любя воздержание, и чистоту, пост, и молитву, и милостыню, бе бо странноприимец готовый всем, посреди мира вселися, но душею от мирских соблазн уединися. И собрав стадо богоименитно иноков и общее житие устроив, и мнози прихождаху к нему от градов и сел, желающе жития чернеческаго, и благословения ради духовнаго. И тако приемля их с любовию и наказуя о смирении и любви, паче же о страннолюбии и о трудах братии глаголя, яко да тамо обрящем в будущем веце покой от Христа себе, и веселие, и радость. И тако пожив доволны лета, в терпении и во трудах и во всяком благодарении и добродетелех Богу угодив. а. 40

И тако проявляя конец жития своего ко Господу отсюда, братии глаголя: «Аще аз отиду отсюда во он век, идеже ми Бог велит по моим худым делам (тако бо всегда блаженный смирение имея, и грешнейша всех человек сам себе называя). Вам же, братие, в свое место благословляю игумену быти моего духовнаго сына и брата ми и ученика моего Пахомиа. Вы же, братие, якоже и ко мне, послушание имейте к нему во всех верных учения его и повинуйтесь ему по Бозе, яко отцу благопослушная || чада во всех добрых делании. Имейте же любовь между собою нелицемерную о Христе и чистоту телесную, и смиренномудрие, и терпение. И час смертный всегда имети во уме своем, и чающе от Бога прияти мзду против трудов своих во царствии Его небесном». а. 40 об.

Посем же некогда бысть заутра рано, внезапно наполнися монастырь полн славы благоуханныя и неизреченныя. И се видеша братия, и притекоша некто к преподобному, хотяще ему поведати бывающее чюдо, и обретоша блаженнаго Димитриа самого уже преставльшася ко Господу тако же паче и келия его полна бяше благоухания божественнаго неботворнаго. Бяше же и лице его светло чистотою душевною, и от Господа ему воздаяния мзды трудов ради его. И честныя мощи его взявше на главах, и принесше, положиша во святей церкви со псалмы и песньми, погребше их честно в ней близ олтаря на десней стране, в монастыри, в нем же и подвизаяся. Многа же исцеления недужным дарует Бог молитвами его от

гроба его и до сего дне приходящим и молящимся с верою и память его честно празднующих: прокаженнии очищахуся, и болныя и глухия здрави бываху, и мучимыя от бесов прощение и избавление приемлюще всегда,

и бедным помощник || и заступник в нуждах.

Престави же ся сей блаженный Димитрий в лето 6900. Аще ли будет малым чим лет сих болше или малее нечто, известно не вемы, по мнзех бо летех сия писанию предана быша.

О оных же чудесах мнзех от преподобнаго неисчетно бысть, яже видевших и слышавших свидетелей и послухов. И мы сами видевше их и слышаще от них многая чудотворения от преподобнаго в животе его, паче же и по смерти его, ими же чудеса Бог прослави его. И мало нечто от многа зде списана быша, молитвами преподобнаго отца нашего Димитрия, во славу Богу Отцу и Сыну Святому Духу. Аминь.

О корчете пред мором великим. И бывшу иногда Божиим судом недугу лютому в людех, тяжкая болезнь корчота. И се мнзех тогда приводящих тех в монастырь ко гробу чудотворному преподобнаго Димитрия. От многия же туги и скорби тоя лютыя не могуще бо и зрети болных тех, мучимыя от недуга того. У гроба святаго в церкви их и оставляюще, в руках им вложены имуща паличия, да не пронизали бы ногти рук своих от лютаго скорчения им. И тако валяющесе тии у гроба того, просяще прощения грехов своих и избавления от болезни тоя, и вопиющим непрестанно.

Ох, и увы, о горе, братие, бывшия тогда болезни тоя. Увы тогда тяжкаго || недуга того грех ради наших. И тако Божиею благодатию и молитвами преподобнаго Димитрия мнози болнии вскоре исцеление приемше и палицы своя помечюще из рук в церкви от радости, текуще в дома своя, славяще Бога и блаженнаго Димитрия чудотворца. Братия же согребше палицы те, из рук их поверженныя, изметаша из церкви от гроба святаго множеством, яко бы на воз воскласти. И вси людие, слышаще и видяще чудеса бываемая молитвами преподобнаго, хвалу и славу воздаша Богу и Того угоднику Димитрию. Всегда бо чудеса бываху, ово от гроба его, ово от воды священныя на праздник Спаса Христа Бога исцеления бывають во славу Отца и Сына и Святаго Духа.

По мнзех же летех попустившу Богу ратных на град Вологду за умножение грехов наших, зане не сотворихом повеления Его, ни соблюдом заповедей Его, яко же заповеда нам. Молим ти ся: «Господи, не предаждь нас до конца имени Твоего ради, не имуще бо любви между собою от чиста сердца, ни страха Божия в себе не имеющие, того ради вся сия нам быша бесполезная». Рече бо Господь: «Всякое царство или дом, аще разделится межи собою, то не может крепко состояти». Тако и сии людие, вятчане, сами некогда отделишася от рускаго царства Московскаго, и се междуусобная рать прииде || на град Вологду. И тако повоевавше, сим же многу зла сотворше, а себе добра не обретше. Шедше бо тогда нестройными путями, и мало их в дома своя приидоша. Едина бо вера христианская и единого княжения великаго обое людие, но много бо горе в та лета бысть, и увы, тогда нестроения в Руской земле межи собою за грехи наша. Много бо зла сотвориша и сперва тогда и обители преподобнаго Димитрия, и окрест живущих людей монастыря того, и села их пограбаша.

Иныя ратники и в церковь лезше, идеже гроб блаженнаго Димитрия баше, да нечто бы им восхитити хотяху. И тако один от них, без страха, и святых икон прикасаяся пеленах, и с неверием прихватися ко гробу преподобнаго, и ко одеянию тому святому, еже им одеян гроб. О люте бысть тогда тому воину, дерзнувшаго приступити с безумием нечистым на святую Божию! И абие бысть внезапно тогда невидимую Божиею силою отриновен напрасно той ратник от чудотворнаго гроба, идеже лежит под ним честное тело блаженнаго Димитрия, и повержен бысть немилостивно среди церкви, злый он грабитель, весь явися недействен, и оцепенев, и просто рещи — всеми составы тела его разкривлен и расслабен лежаше.

И се же видевше тогда друзии воины, иже с ним внидоша в церковь, ужа-
сошася страхом || великим зело и омертвеша глаголюще: «Горе нам, о люте л. 48 об.
бысть за наше неразумие и неверие!».

Слышавше же инья воины и притекоша, и со братиею сущими, живу-
щими в монастыри том, в церковь, чюдящася со ужасом зело, яко же
бо быша чюдеси во Иеросалиме: от одра, на нем же тело бывшее на погре-
бении Богоматере Пречистыя Богородицы, и прикоснувшася одру Афо-
ния, абие аггел Божий тогда отсече ему обе руже, зане бо с неверием той
архиерей Афония прихватися за одр, и паки той верова и абие руки
его прильпоша.

Сему же ратнику пуще бысть иеросалимлянина: не токмо исцеления
не получи, но и живота отпаде. И тако начаша вси людие припадати
с воины ко гробу блаженнаго Димитрия с верою, просяще прощения со-
грешением своим, да не то же и онаи постражут, яко же он, удареный
и помост церковный невидимую Божию силою. И тако тогда возмогоша
его изнести ис церкви, мал живот имуща. И часа того конец живота своего
приим, и погребоша его ту, а инии вси ту здрави быша Божиим человеко-
любием и молитвами преподобнаго Димитрия.

И се чюдо слышавше благочестивыя их воеводы (а инии видеша) и за-
поведаша всем своим воем крепко, повелеша весь плен и грабленная мо-
настырская отдати им назад, такожде и всем их крестьяном, и прочь оти-
доша, уже не к тому зла творяще. Посем же времени и тии людие, вят-
чане, || велию веру стяжавше в монастырь ко Спасу и его угоднику л. 43
Димитрию преподобному чюдотворцу.

Многа же чюдеса и исцеления всегда Бог подаваше болным, здравие от
гроба чюдотворнаго блаженнаго Димитрия молитвами его, иже с верою
приходящим. Но нешто от многа написана мала бысть, ныне скажем, иже
в наша лета бывшая.

Человек некий именем Симеон, прилучися ему некогда изступившу
ему ума, и люте от беса мучиму, и неподобная ему глаголющу. Сердо-
боли же его вязаху его ужи и путы железными, он же неподобная глаго-
лаше. И приведоша его в монастырь ко гробу преподобнаго Димитрия.
Он же многае перваго неистовяшеся неволею, и едва с трудом возмогоша
его ввести в церковь, и тогда на всех людей злым видом изуверяющуся, и
словеса неподобная испущая, иже ему от беса принуженная, и яко скот
гласяща вельми, и язык свой доле пяди извешающа из гортани своего.
И с нужею едва приклоняху его ко гробу святаго Димитрия. Игумен же и
братия молитвовавше за нь по силе своей. И благодатию Божиею и пре-
подобнаго Димитрия молитвами отступи от него тяжкий той недут и бысть
здрав, и смыслен, и строен во всем во вся дни живота своего, цел ум имея,
отиде во свояси, славя Бога и святаго чюдотворца преподобнаго Ди-
митрия. ||

Бысть же во граде мужа славна жена, именем София. И некогда при- л. 43 об.
лучися ей ума своего изступити от приведения некако нечистаго диаволя.
И приведоша ту в монастырь и ко грабу блаженнаго Димитрия. Много ей
тако трудившися в лютом том недуже, всячески бо недостойная и нелепая
глаголющи, и несмысленная деющи, ни срама, ни стыдения не ведущи
пред людьми, иногда и в церкви порты с себе мечющи, не ведущи того ей
от устрашающаго ю беса. И тако игумен со братиею молитвы творяще за
ню к Богу по силе своей. И милостию Спаса Христа Бога нашего, молитв
ради преподобнаго Димитрия та жена во ум свой прииде помале, бысть
здрава и смысла, цел ум имея, и отиде в дом свой, радуясь. Вси же
людие видевше и слышавше, славу Богу воздающе и преподобному Ди-
митрию чюдотворцу.

По сих же временех отрок некий, именем Харитон, ему же и мы само-
видцы быхом, иже сия и вписахом, да и се незабвенно будет чюдо. Неда-
лече волостей окрестных от монастыря живушу сему отроку и идушу ему
некогда путем учитися книгам, и абие внезапно от приведения множества

бесовскаго и зависти их злыя падеся на пути том. И страшаша его злыми
4. 44 виды, и запрещаху || ему, дабы не молился Богу и святым Его. Отрок же
вся та поведашу, иже его нашедшим людем на пути том лежаща, и без-
гласна бывша, и умом смущена. И приведен бысть той ко гробу чудотворца
Димитриа. Прилучи же ся быти празднику церкви тоя Спаса нашего Бога
и освящение воде, месяца августа в 1 день. В той бо праздник все множе-
ство людское стицахуся от града и от сел, далнии же и ближнии мужие,
и жены, и дети, и припадающе чудотворному гробу блаженнаго Димитриа,
и освященной воде прикасающеся, приемлюще здравие и освящение ду-
шам и телом своим. Введен же бысть и той предреченный отрок, умом сму-
щенный во освященную ту воду на рече и изыде от воды здрав весь и смыс-
лен, слава и благодаря Бога и преподобнаго Димитриа. И отиде в дом свой,
уже не бояся к тому пакости тоя бесовския, таже книгам извече, и це-
ломудр, во всем во вся дни живота своего. И тако всегда растущим чуде-
сем Божиим в монастыри преподобнаго Димитриа исцеления неизречен-
ная: ово от воды освященныя на праздник тоя божественныя церкви,
ово же и от гроба преподобнаго всегда с верою приходящим.

Е. Б. СМИЛЯНСКАЯ

**К вопросу о народной смеховой культуре XVIII в.
(Следственное дело о «Службе кабаку»
в комплексе документов о богохульстве и кощунстве)**

Весьма плодотворным для изучения языка средневековой культуры может стать анализ восприятия современниками тех или иных культурных явлений на переломном этапе от средневековья к новому времени. Для России такими этапными стали конец XVII—первая половина XVIII столетия, время утверждения «мирского» знания, светской «новой культуры».¹ Не претендуя на охват широкой проблематики, позволим привести ряд наблюдений над характером восприятия в этот период фольклорных произведений и памятников «демократической сатиры», содержащих пародии на богослужебные, учительные, житийные тексты.

Как известно, у исследователей отсутствует единство мнений и оценок по этому вопросу. В ряде работ существует практически однозначная трактовка «Службы кабаку», «Калязинской челобитной», «Сказания о бражнике», а также группы пословиц как «антиклерикальных», «антицерковных» произведений, «в которых сознательно высмеиваются многие важные догматы христианской веры, святые и т. д.»²

В противовес подобному пониманию средневековой пародии авторы работ о «смеховом мире» Руси замечают, что в XVII в. пародии на молитвы и церковную службу были широко распространены и не казались богохульными, а «Служба кабаку» и «Калязинская челобитная» могли в XVII в. рекомендоваться благочестивому читателю и считались «полезными».³ Объяснение этому феномену Д. С. Лихачев видит в своеобразии средневекового подхода к пародии, полагая, что «смех в данном случае направлен не на другое произведение, как в пародиях нового времени, а на то самое, которое читает или слушает воспринимающий его. Это типичный для средневековья „смех над самим собой“».⁴ В XVIII в. средневековое понимание пародии нарушается,⁵ и в предисловии к «Службе кабаку» знаменатель-

¹ Краснобаев Б. И. 1) Русская культура второй половины XVII—начала XIX в. М., 1983; 2) О некоторых понятиях истории русской культуры второй половины XVII—первой половины XIX в. // История СССР. 1978. № 1. С. 56—73.

² Пушкарев Л. Н. Общественно-политическая мысль России. Вторая половина XVII века. М., 1982. С. 124 и др. Аналогичную точку зрения высказывают Л. Л. Короткая (На путях к атеизму: Антицерковная традиция в древнерусской литературе. Минск, 1971. С. 188—194) и М. М. Персиц (Из истории народного свободомыслия в России // Вопросы истории религии и атеизма. М., 1950. Вып. 1. С. 138—139).

³ Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 20.

⁴ Там же. С. 14.

⁵ Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский выделяют рубежом петровское время: Новые аспекты изучения культуры Древней Руси // Вопросы литературы. 1977. № 3. С. 158. См. также: Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984. С. 134.

ным становится предостережение читателю, который «увеселительное... возомнит... применить к кощунству».⁶

Сложность разрешения спора о характере восприятия смеховой литературы в эпоху ее создания и в период становления «новой культуры» заключается в крайней скудости данных о среде бытования памятников, о читательских оценках тех или иных произведений.

Редкую возможность восполнить эти пробелы дают судебно-следственные материалы, в частности, дела «о богохульстве и кощунстве», в значительном количестве сохранившиеся в составе архивных фондов Синода, Преображенского и Сыснского приказов, Тайной канцелярии и т. д.⁷ Так, в судебном делопроизводстве Синода имеются весьма примечательные источники первой трети XVIII в. о бытовании и восприятии современниками одного из самых известных памятников демократической сатиры второй половины XVII в. «Праздника кабацких ярыжек», или «Службы кабаку».⁸

Дело возникло в 1726 г., когда устюжский купец Михаил Новосельцев подал доношение в Преображенский приказ, обвиняя монаха, а в прошлом даже игумена одного из устюжских монастырей Иоасафа Кокорина в воровстве. В доношении Новосельцев указал также, что «присмотрел» у Иоасафа «книжицу, в которой написано празднество кабацкое с вечернею и с стихеры, у котораго приложены, якобы, и паремии, в которых писано отменного, мерскаго, сквернаго жития чтение и другое многое непотребство, из чего признаваецца в немалую противность закону христианскому» (л. 32).

При обыске указанная «книжица» в пожитках Иоасафа была обнаружена и вместе с делом в 1727 г. оказалась в Московской синодальной конторе. Вот что о ней в расспросе говорил сам Иоасаф Кокорин: «Десять тетраток скорописных в восьмуху шалберные, в которых написано празднество в неподобных местах на кабаках о пьяницах, дал ему, игумену, списать устюжанин Иван Игумнов, который стоит в Москве в Китае на Певческой улице, для посмеуху пьяницам, а сказал, такие де шалберные тетраты продают в Москве на Спасском мосту (а кто продает, того не сказал, а он не спросил), и с тех тетратей стал было он списывать для смеуху пьяницам, который список ево игуменской руки взят с теми ж тетрати, а держал их при себе спроста, а ничего по ней не действовал и подлинно их не читал». Чуть позже Иоасаф уточнит, что Игумнов купил те тетраты на Спасском мосту у старца Чудова монастыря Герасима Клосного (л. 30, об., 129).

«И того ж марта 10 дня <1727 г.> вышепоказанной старец Герасим Клосной сыскан и допрашиван, а в допросе сказал, вышепоказанную де о пьяных тетрату устюжанину Ивану Игумнову он продал, а взял на нее 12 алтын, и та тетрату писма руки ево, Герасимовой, а списывал де он ту тетрату с тетраток же у безместного попа Ивана Анкидинова, а кто де те тетратки сочинил, он, Герасим, не знает. К сему допросу больничные чудовские церкви конархист иеродьякон Герасим белоградец руку приложил» (л. 48 об., 129).

Поп Иван Анкидинов также был пойман, допрошен и сознался, что «тетратки» Герасиму давал, «а те де тетратки принес к нему, попу, в дом вотчинной конторы копейист Павел Телегин. И те тетратки вынял из кармана и показал ему, попу, и он де, поп, усмотря, что они шалберные, и просил де ево, чтоб дал ему, попу, прочесть». Но, взяв, Иван Анкидинов якобы не читал, а только дал списать старцу Герасиму Клосному. Сам он

⁶ Андрианова-Перегц В. П. Русская демократическая сатира XVII века. 2-е изд. М., 1977. С. 157.

⁷ Нами изучены материалы центральных архивов за первую половину XVIII в. и обнаружены свыше 100 «богохульных» дел; правда, лишь пять из них в той или иной мере можно связать с проблемой «смеховой культуры».

⁸ ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 10, д. 229. Ссылки на листы далее приводятся в тексте.

якобы не знал, что в тех «тетратках», и вернул их копеисту, который теперь уже умер (л. 129 об.).

По приговору Московской дикастерии от 8 марта 1727 г. за держание «тетрати шалберныя празднеству о пьяных, которая к народу непотребная, но к соблазну явилась» (разрядка моя, — Е. С.), Иоасаф Кокорин, Герасим Клосной и Иван Анкидинов были наказаны плетьюми (л. 50—51).

Инцидент, к сожалению, не был на этом исчерпан, так как «тетрати шалберные» (которые могли бы стать четвертым и вторым по древности списком «Службы кабаку» после изданных В. П. Адриановой-Перетц!) из дела странным образом вместе с рядом других компрометирующих Иоасафа Кокорина документов исчезли. Об этом-то и доносил в 1729 г. в Синод все тот же купец Михаил Новосельцев, снова акцентируя внимание синодальных членов на «противность закону христианскому», содержащуюся в «Службе кабаку», и на то, что переписывал ее Кокорин, очевидно, «для рассеяния в народ непотребства» (л. 139). Синод снова поднял дело, и только благодаря этому до нас дошли расспросные речи и несколько отрывков самого памятника (л. 46 дела) в списках периода следствия.

Итак, что нового дают приведенные материалы?

Прежде всего они уточняют предположение о популярности «Службы кабаку»: произведение не только быстро расходилось по друкам, но и продавалось в самом оживленном месте книжной торговли в Москве — на Спасском мосту.

По предположению В. П. Адриановой-Перетц, этот памятник скорее всего вышел из среды духовенства, «той плебейской части церковнослужителей, которые в антифеодалных движениях „молодых“ людей посада и крестьянства выступали на стороне последних против господствующего класса».⁹ Очевидно, что и в XVIII в. произведение находил читателей в этой среде: из пятерых названных в деле владельцев и переписчиков «пьяных тетрати» — трое представителей духовенства, включая иеродьякона Чудова «<» монастыря.¹⁰ Сомнительно, чтобы все они искали в «Службе кабаку» «противность закону христианскому». Может быть, более следует доверять свидетельствам Кокорина и Ивана Анкидинова, назвавших тетради со «Службой кабаку» «шалберными», читай «смеховыми».¹¹

Таким образом, в деле о «Службе кабаку» мы в реальности сталкиваемся с двойным отношением русского общества к «смеховой литературе». Одни (среди них оказываются купец Михаил Новосельцев и синодальные судьи) воспринимают смех в соответствии с культурной традицией нового времени как осмеяние какого-то объекта.¹² Другие же (понесшие наказание плетьюми), видимо, более разделяют представления средневековой «смеховой культуры». И при этом последние вовсе не одиноки.

Исследователь судебно-следственной документации конца XVII — первой половины XVIII в. не единожды столкнется с делами о «богохульствах и кощунствах», в которых богохульные поступки имеют также «смеховое» значение. Например, аналогичное только что описанному наказание («бить плетьюми нещадно», лишив иерейства), получил монах Ипатьевского монастыря Федор Чернышев за такое преступление: придя с крестом в дом к костромскому воеводе на Пасху, он вместо пения «Святися...» пропел: «Ты, воевода, в новой шубе обновися, половина ипацкая, а дру-

⁹ Адрианова-Перетц В. П. Русская демократическая сатира XVII века. С. 196.

¹⁰ Заметим, что, по мнению В. П. Адриановой-Перетц, «Служба кабаку» происходит скорее всего из Сольвычегодского края; в деле же три человека — М. Новосельцев, И. Кокорин, И. Игумнов — названы услужаками.

¹¹ Шалберный, т. е. шалобродный, происходит от слова «шаль» — дурь, дурачество, шалость, шутка, потеха, проказы. См.: Даль В. И. Толковый словарь. М., 1980. С. 619.

¹² Панченко А. М. Русская культура... С. 134.

гая посацкая». Рассерженный воевода не пожелал понять сей поступок как «шалберный», и на Чернышева донесли за «кощунство».¹³

Нередко в следственных делах можно встретить упоминания о поговорках, сказках, прибаутках, достаточно вольно, а порой и непристойно интерпретирующих жития святых, тексты молитв.

Так, у колодника Василия Маркелова вызвала смех оговорка заики колодника Саввы Кокорина (выговаривавшего вместо «Христа ради» непристойность). Василий Маркелов растрезвонил об этом повсюду и чуть было не поплатился жизнью, ибо Синод счел, что Василий Маркелов «такое богохульство вымыслил из особливо злого и безсовестного сердца своего».¹⁴

Крайнее смеховое «снижение» сакрального до низменного мы можем наблюдать и в деле о произнесении крестьянкой Анной Афанасьевой «богохульной» поговорки: «Грех такой стался, что и Бог у. . . ся». Анна Афанасьева, осужденная за «богохульство», была бита батогами — весьма мягкое по данной статье наказание.¹⁵

В 1750 г. проходило дело о «кощунственной» сказке, поведенной арестантом, бывшим драгуном Власом Козловым. Козлов рассказал ехавшим с ним колодникам о том, как Христос и Никола, встретив на пути крестьянина, трудившегося в поле, обратились к нему со словами: «Бог в помощь! Что ты сеешь?» — и получили непристойный ответ. Крестьянин был наказан за дерзость: «Если ты туры сеешь и мне (т. е. Христу, — Е. С.) сулишь, туры бы у тебя и родились». Рассказчика обвинили в богохульстве, ему выдрали ноздри, высекли и вернули на Нерчинские рудники.¹⁶

Вряд ли мы вправе относить все подобные «преступления» к антицерковной традиции. «Снижение» сакральных образов до грубо телесных, своеобразная система оценок и восприятия — как священного, так и кощунственного, смехового — это черты, характерные для народной религиозности средневековья. Вместе с тем с конца XVII столетия в России развивается новая культура с иной системой оценок, вкусов, взглядов. «Мир смеховой антикультуры» в XVIII в. не абстрактно, а уже вполне конкретно через суровые кары синодальных судей сталкивается с «миром церковной сверхкультуры»,¹⁷ и в случаях, когда, например, смеховое пародирование службы интерпретируется как кощунственное преступление, мы можем наблюдать столкновение двух систем восприятия, двух культурных традиций.

¹³ ЦГАДА, ф. 1183, оп. 1, д. 192 (1734 г.).

¹⁴ ЦГАДА, ф. 7, оп. 1, д. 980 и ЦГИА, ф. 796, оп. 25, д. 576.

¹⁵ ЦГАДА, ф. 7, оп. 1, д. 1931 (1760 г.).

¹⁶ ЦГАДА, ф. 7, оп. 1, д. 1376.

¹⁷ Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. С. 39.

С. Н. НОСОВ

Проблемы истории русской культуры в трудах Н. Е. Андреева

Николай Ефремович Андреев принадлежит к поколению русских ученых, судьбы которого складывались далеко не просто, во многом трагично. Родившийся в 1908 г. в Петербурге, Н. Е. Андреев уже в детские годы оказался за пределами России. Семья Андреевых, жившая в Таллинне (родители Н. Е. Андреева были преподавателями гимназии), разделила судьбу эмигрантов в результате появления в революционные годы не существовавшей ранее государственной границы (между буржуазной Эстонией и Советской Россией), хотя «русский Таллинн» продолжал существовать в 20—30-гг. точно так же, как существовал он в составе Российской империи.

В 1927 г. Н. Е. Андреев окончил таллиннскую русскую гимназию, а в 1933 г., получив в чешском Карловом университете степень доктора философии, был принят в Пражский археологический институт имени Н. П. Кондакова, где специализировался по исторической тематике. С 1948 г. Н. Е. Андреев работал в Великобритании, в Кембриджском университете. Уже в годы работы в Праге им был написан ряд крупных историко-культурных исследований, завоевана весомая известность в кругах зарубежных славистов. Но подлинное и широкое научное признание пришло в кембриджский период деятельности, когда были созданы наиболее значимые и масштабные культурологические и искусствоведческие труды, принесшие Н. Е. Андрееву не только уважение коллег-специалистов, но и устойчивую популярность всех интересующихся историей русской культуры на Западе. Скончался он 25 февраля 1982 г. в Кембридже.

Эмигрантская судьба Н. Е. Андреева означала незнание и непризнание его трудов в нашей стране как в сталинский, так и в постсталинский периоды. В 1960—1970-х г. это было незнание в соединении с полупризнанием — некоторые работы исследователя попадали в библиотеки, но большинство их оставались неизвестными. Упоминание его имени в печати не запрещалось, но и не поощрялось. И данный очерк творчества исследователя, конечно, не случайно опаздывает более чем на десятилетие, хотя за рубежом за годы, истекшие со времени кончины Н. Е. Андреева, о его жизни и творчестве написано уже немало. «Тень» эмигрантской отверженности не исчезает вокруг имени ученого, пожалуй, и по сей день, как не скрадывается и боль его эмигрантской судьбы.

Н. Е. Андреев был специалистом широкого профиля, писавшим и о Руси древней (Киевской и Московской), и о России новой (послепетровской); он активно участвовал в зарубежной русской журналистике и стал в известном смысле летописцем русской эмиграции, писавшим о «русском Таллинне» и «русской Праге», о путях и проблемах русской литературы за рубежом. Эмигрантская судьба, мироощущение, само эмигрантское бытие, конечно, оставили глубокий след в идейном облике трудов Н. Е. Андреева, научное творчество которого можно собирательно охарактеризовать

как романтическую культурологию, как попытку научной материализации мечты о России — утраченной родины, ставшей своего рода «исторической верой». Этот ностальгический, романтически-мечтательный психологический подтекст различим во всех, даже самых, казалось бы, специальных и «сухих» по внешности исследовательских изысканиях Н. Е. Андреева.

Творческое наследие ученого многообразно. Но при всей разнотемности его научных работ, при всей широте его научных интересов, а порой и известной пестроте тем и проблем, ставших предметом его исследовательского внимания, труды Н. Е. Андреева производят впечатление устойчивого идейного единства, согласованности, цельности. Единая общетеоретическая направленность прослеживается в его творческом наследии очень и очень отчетливо. Применительно к древнерусской культуре — это попытка выявить значение византийского наследия для России. В последующий исторический период — стремление определить роль христианско-византийских начал русской культуры в формировании духовного облика России нового времени. Россия как наследница византийского гуманизма, сохранившая в самих основах национального бытия глубинную связь с греко-византийской культурой, — такова в общих чертах концепция-мечта исследователя; это даже не идея, а вдохновлявшее его идейное веяние, по истокам своим далекое от бесстрастной объективности, но сопряченное подлинной научной интуиции, в сфере гуманитарных знаний необходимой и неуничтожимой.

Одним из основных предметов исследовательских изысканий Н. Е. Андреева было иконописное искусство Древней Руси. Русская иконопись рассматривалась ученым прежде всего как отражение общедуховного и даже идеологического «лика» древнерусского общества, а эволюция иконописного искусства — как выражение социально-культурного развития России.

Первым крупным исследованием Н. А. Андреева была написанная им по материалам докторской диссертации работа «О деле дьяка Висковатого» (*Seminarium Kondakovianum. Prague, 1932. V*). Дело дьяка Висковатого, рассматривавшееся в Московском синоде в 1553—1554 гг., интерпретировалось Н. Е. Андреевым как политический процесс, в ходе которого развернулась острейшая и принципиальная борьба идей, столкнулись две противоборствующие тенденции — московско-автократическая, отстаивавшаяся Висковатым, и либерально-реформаторская, «западническая», глашатаем которой стал священник Сильвестр. Столкновение Висковатого и Сильвестра трактовалось исследователем не как узкоцерковный спор о канонах иконописания, а как выражение борьбы общегосударственного значения. Речь не шла, конечно, как пишет Н. Е. Андреев, о прямом перенесении на московскую почву вслед за новгородскими иконографическими традициями новгородских «республиканских» политических институтов. Но оживление идейных веяний, чужеродных автократическим московским порядкам, было на процессе, по мнению исследователя, несомненно. Так, Н. Е. Андреев писал: «Мы не имеем данных утверждать, что Сильвестр стремился Москву превратить в Новгород; наше толкование поведения Сильвестра иное: с точки зрения Висковатого, представителя самодержавной тенденции в политике Москвы, можно было опасаться переноса некоторых специфических черт новгородских устроений в действия Московского правительства».¹ Вывод исследовательски взвешенный, не идущий много далее того, о чем говорят конкретные факты, но тем не менее достаточно значимый. Прочтение борьбы Висковатого и Сильвестра оказывается, так сказать, глобальным: в глазах Н. Е. Андреева в этой борьбе нашло выражение, из тайного стало явным соперничество тех

¹ A n d r e e v N. *Studies in Muscovy: Western Influence and Byzantine Inheritance*. London, 1970. P. 216.

сил и тенденций, которые составили исторический смысл эпохи. По мнению ученого, Висковатый действовал и как один из первых на русской почве сторонников критического пересмотра византийского художественного наследства,² неудобного и ненужного идеологически агрессивной московской автократии ввиду его «избыточной» духовности, которая не содействовала культу беспрекословного подчинения власти. Позиция Висковатого, таким образом, «охранительна» двояко — и по отношению к западным, «латинским» влияниям, и по отношению к традициям византийской культуры. Н. Е. Андреев показывает, что как раз «проигравшая» на процессе Висковатого сторона, представленная самим дьяком и его сторонниками, исторически оказалась победительницей — провозвестницей укрепления московской автократии.

XVI век — переломный в истории России, решающий для последующих судеб русской государственности, «предсказавший» во многом и события Смутного времени — приковывал исследовательское внимание Н. Е. Андреева на протяжении всей его жизни. И это не случайно: переломные, кризисные эпохи есть и эпохи решающие. В них влечет неоднозначность, обнажение противоречий, позволяющее наглядно наблюдать обычно скрытые, подспудные процессы истории. Многостороннее и, можно сказать, разноаспектное исследование социальных истоков и политических мотивов острой борьбы в русском иконописном искусстве XVI в. и в русской культуре этого периода в целом стало, пожалуй, стержневой темой большинства научных трудов Н. Е. Андреева.

Исследователем подробно прослежено становление и развитие реформистских, связанных и переплетающихся с западными влияниями тенденций в русской иконографии на всем протяжении царствования Ивана Грозного. Проблема традиции и реформаторства в иконописи XVI в. посвящена, в частности, работа Н. Е. Андреева «Иван Грозный и иконопись XVI века» (*Seminarium Kondakovianum. Prague, 1938. X*), в которой *доказывается историческая значимость не столько новгородских (явно ослабленных в XVI в.), сколько псковских иконописных традиций в Московской Руси этого времени. Подчиненный Москве, но не разгромленный, находившийся в непосредственной близости к Литве Псков, по мнению исследователя, оказался «передаточным звеном» западных влияний.*

Исторические и общекультурные аспекты иконографии рассмотрены и в ряде других исследований Н. Е. Андреева: «Митрополит Макарий как деятель религиозного искусства» (*Seminarium Kondakovianum. Prague, 1935. VII*), «Инок Зиновий Отенский об иконописании и иконопочитании» (*Seminarium Kondakovianum. Prague, 1936. VIII*). Немало занимался Н. Е. Андреев — прежде всего в культурологическом ключе — историей Псково-Печорского монастыря. Этой теме посвящены такие его работы, как «Псково-Печорский монастырь в шестнадцатом веке» (*Slavonic and East European Review. London, 1954, June. XXXII, 79*) и «Был ли Псково-Печорский монастырь цитаделью Нестяжателей?» (*Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Wiesbaden, 1969, 17,4*). Конкретные, основанные на погружении в «стихию факта» эти исследования также отражают общую направленность научных изысканий Н. Е. Андреева — поиск синтеза византийских и западноевропейских влияний на русской почве, того синтеза, который согласно заветной идее исследователя стал отличительной чертой России, стал основой ее культурной самостоятельности среди других европейских культур.

Н. Е. Андрееву принадлежит обстоятельнейшее исследование взаимоотношений князя Курбского и старца Вассиана Муромцева в работе «Письма Курбского Вассиану Муромцеву» (*Slavonic and East European Review. London, 1955, June. XXXIII, 81*). В этом труде Н. Е. Андреев доказывает, что письма Курбского Муромцеву были написаны задолго до

² Ibid. P. 240.

побега Курбского в Литву, между декабрем 1563 и апрелем 1564 г. Принципиально по выводам исследование Н. Е. Андреева «Филофей и его послание Ивану Васильевичу» (Slavonic and East European Review. London, 1959. XXXVIII, 90), в котором доказывается, что этот первостепенного исторического значения документ обращен не к Ивану IV, а к Ивану III и датируется примерно 1500 г. Н. Е. Андреев акцентирует внимание на псковском происхождении послания старца Филофея — по его мнению, именно в Пскове, подверженном западному влиянию, рождается идея общеисторического призвания московского государства как «Третьего Рима», идея, диктуемая, таким образом, не московским «изоляционизмом» и противопоставлением России и Запада, а общеевропейской ролью Московского государства. Так, Н. Е. Андреев пишет: «Принципиально важно иметь в виду, что Филофей был гражданином Пскова и был, следовательно, способен наблюдать за Москвой и великим князем с периферии событий. . . как житель западных пограничных регионов России, достаточно отдаленных от столицы, он был способен ясно различить, более ясно в действительности, чем сами москвичи, возвышение и рост Москвы при Иване III».³

Может быть, с наибольшей яркостью итоги изучения Н. Е. Андреевым древнерусского искусства поведены в его труде «Литература и иконопись: К истории идей в Московской Руси» / To Honor Roman Jakobson. The Hague; Paris, 1967). Исследователь всегда стремился выявить в первую очередь связующие элементы русской истории, те силы и начала, которые противостояли ее «дроблению» на взаимно враждебные эпохи и этапы. Основная идея создателей «государственной школы» в русской исторической науке — идея тождественности исторической закономерности и исторической необходимости и вытекающее из нее убеждение, что история «не отстает» и силы прогресса есть всегда те силы, которым суждено было победить в истории, — была воспринята Н. Е. Андреевым, пожалуй, в неизменном виде. С «государственной школы», гегельнской в своих истоках точкой зрения, что все так или иначе актуализировавшееся, «явленное» в истории есть вместе с тем и «разумное», вряд ли можно согласиться, в частности, если иметь в виду русскую историю XX в. Славянофильская историография, как известно, всегда «опротестовывала» идею тождественности исторической эволюции и исторического прогресса, настаивая на том, что не всякий исторический «покой» есть застой и не всякое историческое изменение есть изменение к лучшему. Но в истории вообще и в истории культуры в особенности нет идей абсолютно бесспорных, бесспорны только факты. Настаивая на значении преемственности в русской истории и, быть может, оставляя в неоправданной тени ее изломы и коллизии, Н. Е. Андреев акцентировал внимание на том позитивном и светлом — как в культуре, так и в социально-политической жизни России, — чему суждено было дать реальные и значимые плоды, что, так сказать, сумело прорасти из прошлого в будущее.

XVI столетие исследователь считал кульминацией процесса «самовозгорания» русской культуры и как бы зеркально отраженного в явлениях культуры поступательного общественного развития России. Так, в названной выше работе «Литература и иконопись: К истории идей в Московской Руси» он писал: «XVI век — для нашей темы — оказывается особенно выразительным. Ему, как и всей Московской Руси, долго отказывали в динамичности, в подъеме идейной жизни, в собственных чертах сознания. Нашумевшие определения Н. А. Бердяева как бы подводили итог целой эпохе отношения к возникновению «империи» Грозного, многонационального государства, централизованной державы: «Московский период был самым плохим периодом в русской истории, самым душным, наиболее азиатски-татарским по своему типу. . . Характерно исчезновение

³ Ibid. P. 13.

святых князей после перенесения греховной власти на великих князей московских. . . Иосиф Волоцкий — роковая фигура не только в истории православия, но и в истории русского царства. Вместе с Иоанном Грозным нужно считать его главным обоснователем русского самодержавия. . .» (цитата взята Н. Е. Андреевым из книги Н. А. Бердяева «Русская идея», — С. Н.). Бердяев, к сожалению, обладал малым чувством историчности. На самом деле Московская Русь полна идейного движения и — в частности, ее XVI век, чрезвычайно оживленный и полный важнейшего содержания этап в развитии русской мысли, этап идейной борьбы едва ли не во всех областях тогдашней культуры».⁴ Н. Е. Андреев рассматривает идейное брожение в России XVI в. не как «глухой» отголосок европейского Ренессанса, а как итог сформированного в значительной мере по византийскому образцу союза светской и духовной власти. С его точки зрения, общее идейное оживление в России «связано в первую очередь с победами того крыла церкви, которое называют „стяжателями“».⁵ Историческая роль иосифлян, или «стяжателей», как доказывает Н. Е. Андреев, безусловно позитивна, поскольку иосифлянское руководство церкви пошло на исторически плодотворный союз с самодержавной властью, обогородивший облик русского самодержавия, связавший российскую монархию с православно-христианским учением о прерогативах светской власти.

Культурологические идеи Н. Е. Андреева — романтические и в своем пафосе, и в своих истоках. Не стремление возвеличить саморазвитие государства, но вера в Россию как в национально-государственную общность, не «косметически» лишь усвоившую византийское наследие в культуре, но ставшую его хранительницей и продолжательницей в истории, стала вдохновляющим началом его изысканий. В этом смысле исторические труды Н. Е. Андреева по своим идейным ориентирам расположены как бы на «перекрестии» между западничеством и славянофильством: согласно логике взглядов исследователя европейская культура воспринята Россией издревле, от Византии, и далее развивалась уже отнюдь не самостоятельно. Представить русскую историю «заблудившейся», несмотря на глубоко неприязненное отношение, скажем, к сталинскому режиму, Н. Е. Андреев не хотел, не мог — не считал несвободу органически вытекающей из основных начал русской истории.

Андреев был тесно связан с блестящим поколением русских ученых, работавших в послереволюционное время в эмиграции; среди них достаточно привести имена Кизеветтера, Острогорского, Кондакова, Толля. Он был не только ярким исследователем, но и подлинным представителем русской интеллигенции в высоком, этическом значении этого понятия.

В кембриджский период своей научной деятельности Андреев выступал как пропагандист русской культуры на Западе. Блестящий лектор, он обычно читал лекционные курсы по русской истории на родном языке, стремился писать и публиковать свои научные труды на русском языке. Прекрасно владея художественным словом и обладая даром популяризатора, Н. Е. Андреев нередко сотрудничал с западными издательствами художественной литературы, готовя предисловия к изданиям русской классики. Ему принадлежат вступительные статьи к изданиям на английском языке избранных произведений Гоголя, Тургенева, Гончарова, Достоевского, Льва Толстого. Часто выступал Андреев и как критик в многочисленных и самых разнообразных эмигрантских издательствах, немало писал о Б. Зайцеве, Бунине, Набокове, Ремизове, Цветаевой. Не все, написанное им в этом жанре, равноценно, многое рассчитано на специфически эмигрантское бытие. Но в целом даже самые незначительные на вид заметки и статьи Н. Е. Андреева хранили следы той не стертой жизнью на Западе «русскости», которая в конечном счете была более всего

⁴ Ibid. P. 69—71.

⁵ Ibid. P. 70.

ценна и читателям, и самому автору, — эмигрантское бытие не превращалось в небытие.

Каждый эмигрант, не утеревший связи с национальными корнями, независимо от масштаба и типа своей личности творит в сознании — таков итог всякой ностальгии — свой, можно сказать, интимный образ родины. Был такой образ, образ «своей России», и у Н. Е. Андреева. И замечательно, что этот образ остался светлым, даже благостным. Боль об утрате родины зрима, а желчи, раздражения, злой горечи нет и следа.

Конечно, деятельность Н. Е. Андреева не только в зарубежной русской журналистике, но и в науке мало известна в нашей стране — те издания, в которых он сотрудничал, в основном просто отсутствуют в библиотеках. Недавно, однако, вдовой ученого Д. Андреевой любезно передано в библиотеку Пушкинского Дома фактически в полном объеме опубликованное творческое наследие Н. Е. Андреева — оттиски, ксерокопии статей и публикаций, целый ряд статей о его жизни и творчестве, появившихся на Западе.

Николай Ефремович Андреев был одним из тех ученых широкого профиля и широкой эрудиции, творчество которых имеет общекультурную значимость. Как яркого представителя русской культуры его ценили и ценят на Западе. Сам ученый не терял веры в признание и на родине. Ныне это признание — по крайней мере возможность.

ПО РУКОПИСНЫМ СОБРАНИЯМ

(Печатается под наблюдением В. П. Бударagina)

А. Г. БОБРОВ

Экспедиция на Северную Двину 1988 г.

В июле 1988 г. состоялась очередная совместная археографическая экспедиция ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР и ЛГУ на Северную Двину.¹ Эта экспедиция была уже 29-й по счету поездкой за рукописями на Двину начиная с 1960 г.² За эти годы было привезено в Древлехранилище Пушкинского Дома более тысячи рукописных книг, вошедших в Северодвинское (далее — Сдв.) и Красноборское собрания и в коллекцию В. М. Амосова—А. Ф. Богдановой.

На этот раз мы работали в Виноградовском районе Архангельской области — в его райцентре Двинском Березнике, а также в селах Борок и Топса, в прошлом крупных старообрядческих центрах, открытых для археографов Т. Ф. Волковой и Н. Н. Литвиновой в 1970 г.³ Несмотря на то что из Борка и Топсы было привезено в Древлехранилище уже более 500 рукописных книг, экспедиции под руководством В. П. Бударagina (1986 г.) и Н. В. Шухтиной (1987 г.) показали, что археографический потенциал района далеко не исчерпан.

Необходимость многократного обследования «книжных» районов нашла подтверждение уже в самом начале экспедиции. В Дв. Березнике мы встретились с В. В. Семаковым. Это имя уже около 15 лет известно археографам, с тех пор когда старушки в Топсе рассказывали о молодом человеке, несколько раз приезжавшем к ним и обменивавшимся или получавшем в дар от них рукописные и старопечатные книги. Тогда же к нему приехал В. П. Бударagina, но В. В. Семаков как раз служил в армии. В последующие годы Виктора Васильевича ни разу не удавалось застать дома. На этот раз, наконец, повезло, и владелец разрешил нам посмотреть его книги. Оказалось, что Виктор Васильевич сам интересуется историей, хорошо разбирается в содержании собранных им книг. Коллекция В. В. Семакова состояла из 8 рукописных и 31 старопечатной книги. Из старопечатных книг наибольший интерес представляет Апостол (М., Тип. Ивана Андроникова Невежина, 1606). Все старопечатные книги Виктор Васильевич решил пока оставить у себя, а все рукописные передал в дар Древлехранилищу. Среди них следует особо отметить Минею служебную (октябрь) начала XVII в. (на бумаге 1600 и 1601 гг.); «Просветитель» Иосифа Волоцкого в списке 30-х гг. XVII в. (Соловецкий извод первой редакции, по Я. С. Лурье); Хождение Трифона Коробейникова в списке 40-х гг. XVIII в.; Сборную рукопись XVII—XIX вв., содержащую Житие Алексея человека Божия, Видение игумена Козьмы, Повесть об Удоне, епи-

¹ В состав экспедиции кроме автора статьи входили аспирантка филологического факультета ЛГУ И. В. Сесейкина, выпускница того же факультета Л. А. Валькова и студентки Т. И. Афанасьева, О. С. Стафеева и Т. В. Философова.

² Отчеты о предыдущих экспедициях на Северную Двину см. в 18, 25—37, 39—41, 43, 44 гг. ТОДРЛ.

³ Волкова Т. Ф., Литвинова Н. Н., Рождественская М. В. Археографические разыскания на Ваге и Северной Двине // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 431—436.

скопе Магдебургском, Слово о сошествии Иоанна Предтечи в ад и другие сочинения; Канонник 2-й четверти XVIII в., включающий Службу Макарию Желтоводскому, а также обширное анонимное старообрядческое сочинение в списке 10-х гг. XIX в.

После столь удачного начала мы переехали в Борок, где и обосновались в интернате в д. Задориха на две с лишним недели. Одновременно с нами здесь работала экспедиция ЛО Института этнографии АН СССР (руководитель А. Е. Финченко).

Сотрудничество получилось на редкость удачным. Обследуя по роду своей работы чердаки и поветы, а также «выморочные» дома, этнографы обнаружили для нас несколько печатных изданий и рукописных книг, а также семейный архив Истоминых. Мы тоже по мере сил старались помочь нашим коллегам из Института этнографии.

До коллективизации в Борке, по словам старожилов, было 5 старообрядческих моленных, в 1970 г. — около 10 старообрядческих семей,⁴ а теперь остались только 3 старушки-старообрядки, последние носительницы живой старинной книжной культуры. У нас сложились хорошие отношения с Е. М. Колодкиной, Е. Ф. и А. И. Фалилевыми, и именно от них получена значительная часть борецких находок экспедиции. Среди этих рукописей следует упомянуть Житие Андрея Юродивого в списке 80-х гг. XVIII в., Синодик старообрядческий письма Палады Матвеевны Амосовой, прославившейся своими росписями прялок, а также две рукописи, переписанные, как определил по почерку В. П. Бударагин, Максимом Матвеевичем Останиным, известным борецким книжником конца XIX—начала XX в.⁵ Одна из его рукописей — Сборник старообрядческий 1910-х гг. — содержит сочинение Андрея Денисова «О винах свойственных», Послание 1801 г. инока Анбургской пустыни Иосифа Алексею Яковлевичу об уставных спорах, рассказ об измене старообрядчеству в 1855 г. Никиты Семенова и другие сочинения. Из других находок в Борке надо отметить Сборник служебный 80—90-х гг. XVII в., который подарила нам племянница известной старообрядки (ныне покойной) Т. Д. Тюлюбаевой. Несмотря на многолетнюю в этих местах работу с применением подомного обхода, некоторые адреса владельцев книг ранее все же были нам неизвестны. Так, Е. И. Пирогов передал нам помимо старопечатных книг толстую рукопись — старообрядческий полемический сборник начала XIX в. Всего в Борке было обнаружено 28 рукописных книг.

Особо следует сказать об архивных материалах, найденных в Борке. В первую очередь это крестьянские архивы Истоминых и Задоринных. Оба они обнаружены в «выморочных» домах, куда удалось попасть благодаря любезности и помощи председателя сельсовета.

Архив Истоминых из д. Скобели насчитывает более четырехсот писем за 1884—1970 гг. и около ста документов за 1860—1964 гг. Перед нами проходит вся история крестьянской семьи за целый век — от деда Макара Афанасьевича Истомина, его детей Андрея, Анны и Якова и до внуков — детей Якова — Александры и Николая. В письмах затрагивается самый разнообразный круг тем. В архиве есть письма о службе в царской армии, о пребывании на фронте во время первой мировой войны, повествующие о волнениях и беспорядках в столице в 1905—1906 гг., о февральской революции, письма с фронта Великой Отечественной войны и т. д. Интересные сведения содержатся в письмах мужа Анны Макаровны Павла Проккопьевича Истомина из Архангельска, где он жил на заработках, домой. Так, в письме от 7 июня 1906 г. описывается забастовка: «Здесь в Архангельске все рабочие бастовали всех сословий: лесопильных заводов, по-

⁴ Там же. С. 433.

⁵ Б у д а р а г и н В. П. Северодвинская рукописная традиция и ее представители: (По материалам Древлехранилища Пушкинского Дома) // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 403.

грузчики, плотники, извозчики, пекаря, сапожники, маляры и проч. и все получили улучшение своей жизни. Последняя забастовка была солоомбальских женщин, которые просили, чтобы казенные винные лавки, а также другие спиртные торговли были закрыты в воскресенье и праздничные дни, были закрыты весь день, в субботу чтобы закрывались в 12 часов дня и в понедельник открывались в 2 часа дня, чтобы ихним мужьям некогда было пропить денег, и те свое требование получили сполна. Теперь в праздники вся торговля закрыта, лабазы и все лавки» (Сдв., № 717, л. 56 об.—57).

В другом письме, от 17 марта 1918 г., он предупреждает жену о готовящейся продразверстке: «Еще пишу, что здесь ходят слухи, что у нас в деревне хотят реквизировать весь лишний хлеб, а также и все продукты: масло, картошку, лук, мясо, то есть лишнее все отобрать. Оставят только на семена и самую малую норму для прокормления. Но насколько это верно, сказать не могу. Но все же надо принять какие-нибудь меры, чтобы хотя часть хлеба сохранить. Но только если скрывать, то надо в разных местах. Также будут делать обыск и отбирать деньги в звонкой монете, то есть серебро и золото, а бумажных денег отбирать не будут» (Сдв., № 718, л. 122 об.—123).

Среди документов из архива Истоминых особо интересны бумаги архива верхнеборецких сельских старост за 1892—1910 гг. (старостой был Макар Афанасьевич), а также записная книжка Андрея Макаровича в бытность его на военной службе в начале XX в.

Истомины были «книжными» людьми. Среди их бумаг сохранились 6 рукописных книг, в том числе Святцы лицевые пучужского письма конца XIX в., 2 списка Азбуки, Сон Богородицы 1891 г., Отпусты и Служба пасхальная в списках 20-х гг. XIX в., Служба Николаю Чудотворцу в списке начала XX в.

Семейный архив Задориных из соседней д. Задориха также охватывает отрезок времени почти в целое столетие (с конца XIX в. по вторую половину нашего века) — от бабушки Ирины Емельяновны Задориной, едетей Анны, Степана и Ивана до вдовы Ивана Тимофеевича Александры Ивановны Задориной, которая уже старушкой заблудилась в лесу. Архив Задориных содержит около 100 писем и документов. Все эти рукописи были буквально открыты на чердаке дома Задориных (который использовался как интернат) во всяком сгнившем тряпье и мусоре. Закономерно, что в письмах архива Задориных есть упоминания об Истоминых, а в архиве Истоминых упоминаются Задорины.

По письмам и документам Задориных прослеживается вся история семьи. Так, например, один из братьев Задориных — Степан — плывал до революции на капитаном на речных судах по Двине, был членом акционерного общества «Вальдхоф», вел торговые дела. Он перестает упоминаться в переписке с середины 20-х гг. XX в. Его брат Иван Тимофеевич был красным партизаном в гражданскую войну, а в 1938 г. был репрессирован. Сохранилось его письмо жене из лагеря, где он, в частности, пишет: «Оля, мне приходится жить в лагерях незачто, меня в Березнике допрашивал наш милиционер Иван Михайлович и предъявил мне, что 1) я читал газету и осмеивал выборы в Верховный Совет, 2) изъявлял жалость к врагам народа, 3) пел песни и частушки против власти на твоих именинах, 4) говорил, что коммунисты дом отнимают, 5) не был на лесозаготовках, 6) сурьезно относился к членам сель. совета. Вот, Оля, что мне и предъявляют, вот что наплетено, за что мне приходится страдать, все это на меня наврали, нашлись злые люди и наврали на меня» (Сдв., № 745, л. 21).

Еще совсем маленький архив за 1923—1941 гг. был получен от М. Н. Шукшиной (6 документов, 1 ед. хр.). Он, в частности, включает «поселенный список» д. Островок в 1923 г., где жили тогда 24 хозяина и 126 едсков.

В отдельную единицу хранения при описании были выделены картографические материалы (2 плана на устройство деревень 1854 и 1855 гг. из архива Истоминых и 2 плана выкупленных из общины земельных участков 1882 и 1883 гг., подаренные почетным гражданином Виноградовского района, бывшим директором борецкой школы Н. И. Сечуковым). Эти документы показывают начало размывания крестьянской общины задолго до столыпинских реформ.

Последние дни работы экспедиции прошли в Топецком сельсовете. Здесь остались только 2 старообрядки, у одной из которых имеется несколько изданий конца XVIII—начала XX в. Всего в Топсе была обнаружена одна рукопись — Азбука последней четверти XIX в. — и несколько старопечатных изданий, в том числе самая древняя книга, найденная экспедицией этого года. Это Триодъ постная, издание Андроника Тимофеева Невежи (М., 1589). Впервые археографы узнали об этой книге и увидели ее в 1978 г.,⁶ и вот 10 лет спустя владельцы решились расстаться с ней.

Всего мы привезли 37 старопечатных книг, из которых одна датируется XVI в. и четыре — XVII в. (Октоих Никиты Фофанова 1618 г., Псалтырь 1625 г., Требник 1639 г.; еще один фрагмент — около 40 листов — оказался уникальным изданием Часовника, по характеру шрифта и по филиграммам, датируемым рубежом XVI и XVII вв., заставки не совпадают с известными по библиографии изданиями). Отсутствует в библиографии и упоминание Псалтыри 1766 г. синодальной печати, а Святцы (Клинцы, 1786 г.) были представлены в ленинградских хранилищах (ГПБ) только двумя последними листами, мы же привезли полный экземпляр этого издания (58 л.).

В результате экспедиции этого года Северодвинское собрание Древлехранилища пополнилось 81 единицей хранения (37 рукописных книг и 44 ед. хр. архивных материалов, включающих в себя более 600 писем и документов).

Итоги показывают, что археографическое изучение Северной Двины, несомненно, следует продолжить. Важным именно в этой экспедиции нам представляется то, что оказался удачным опыт совместной работы с этнографами; хорошие результаты принесла длительная (более 2 недель) работа и проживание в одном месте (в Борке). Следует также отметить, что целенаправленные поиски не только рукописных книг, но и материалов архивного характера могут привести к неожиданным находкам.

Описание архивных материалов (Сдв., № 708—751) выполнено Г. В. Маркеловым, рукописных книг — А. Г. Бобровым (Сдв., № 752—769, 771—786) и В. П. Бударагиным (Сдв., № 770, 787).

Архивные материалы

Семейный архив (переписка и деловые бумаги) крестьян Истоминых
(д. Скобели, с. Борок)

А. Переписка

1 (708).* Истомин Макар Афанасьевич. Письма к нему разных лиц. 1884—1928 гг. 20 л., 2 конверта.

2 (709). Истомин Макар Афанасьевич. Письма его к сыну Якову и Василию Егоровичу. 1903, 1917 гг., 4 л.

3 (710). Истомин Андрей Макарович. Письма к родителям Макару Афанасьевичу и Параскеве Васильевне. I. 1899—1907 гг. 134 л., 6 конвертов.

* Цифра в скобках означает шифр Северодвинского собрания.

⁶ В у д а р а г и н В. П. Северодвинская экспедиция 1978 г. // ТОДРЛ. Л., 1980. Т. 35. С. 395.

4 (711). Истомин Андрей Макарович. Письма к родителям. II. 1908—1917 гг. 97 л., 2 конверта.

5 (712). Истомин Андрей Макарович. Письма к разным лицам (сестре Анне, Истомину Павлу Прокопьевичу и др.). 1906—1916 гг. 5 л.

6 (713). Истомин Яков Макарович. Письма к родителям Макару Афанасьевичу и Параскеве Васильевне. 1916—1917 гг., 18 л., 1 конверт.

7 (714). Истомин Яков Макарович. Письма к сыну Николаю Яковлевичу. 1937—1938 гг. 25 л., 5 конвертов.

8 (715). Истомина Анна Макаровна. Письма к мужу Павлу Прокопьевичу Истомину. 1904 г. — (б/д). 4 л.

9 (716). Истомина Анна Макаровна. Письма к племяннику Истомину Николаю Яковлевичу и др. лицам. 1930—1942 гг. 6 л.

10 (717). Истомин Павел Прокопьевич. Письма к жене Истومیной Анне Макаровне. I. 1902—1912 гг. 173 л., 2 конверта.

11 (718). Истомин Павел Прокопьевич. Письма к жене. II. 1913—1921 гг. 157 л., 3 конверта.

12 (719). Истомин Павел Прокопьевич. Письма к разным лицам. 1902—1918 гг. (к тестю Макару Афанасьевичу, 1903—1918 гг.; Якову Макаровичу, 1916 г.; Андрею Макаровичу (б/д) и др.). 25 л., 1 конверт.

13 (720). Истомина Александра Яковлевна. Письма к родным. 1923—1940-е гг., (б/д). 27 л.

14 (721). Истомин Яков Макарович. Письма к нему разных лиц: Сенчукова П. А., Шукшина Р., Пестова Н., Щипунова Е. 1906—1917 гг. 12 л., 1 конверт.

15 (722). Пестов Михаил Андреевич. Письма к Истومیной Анне Макаровне. 1916—1917 гг. 5 л.

16 (723). Истомин Николай Яковлевич. Письма к нему разных лиц: Пестова Трофима Андреевича, 1928—1932 гг., 3 л.; Пестова Якова, 1937 г. 4 л., 1 конверт; Басманова Василия, 1938 г. 5 л., 2 конверта; Пластова Степана Васильевича, 1938 г. 2 л., 1 конверт; Дунаева Н. В., 1938 г. 1 л.; <...> Евгении, 1943 г. 4 л.; Байбороцкого Михаила Ивановича, 1943 г. 1 л.; <...> Александра, 1946 г. 1 л.; Парфентьева <?>, 1946 г. 1 л.

17 (724). Истомин Николай Яковлевич. Письма к отцу, сестре и тетке. I. 1937—1947 гг. 44 л., 9 конвертов.

18 (725). Истомин Николай Яковлевич. Письма к сестре и тетке. II. 1947—1956 гг. 43 л., 5 конвертов.

19 (726). Истомин Николай Яковлевич. Письма к сестре и тетке. III. 1957—1970 гг. 82 л., 1 конверт.

20 (727). Кисиль Александра Андреевна. Письма к Истомину Николаю Яковлевичу. I. 1942—1944 гг. 38 л., 6 конвертов.

21 (728). Кисиль Александра Андреевна. Письма к Истومیным Николаю Яковлевичу, Александре Яковлевне и Анне Макаровне. II. 1945—1964 гг. 56 л., 5 конвертов.

22 (729). Яснюк Наталья И<...>. Письма к Истомину Николаю Яковлевичу. 1942—1945 гг. 15 л.

23 (730). Письма разных лиц к разным адресатам. 1889—1904 гг. 21 л., 2 конверта.

Б. Деловые бумаги

24 (731). «Книжка для записи хлеба, выдаваемого в ссуду из общественных магазинов и уплаты онаго» крестьян Истومیных за 1860—1874 гг. 19 л.

25 (732). Бумаги архива верхнеборецких сельских старост за 1892—1910 гг. Содержат землеустроительные документы, долговые расписки, судебные прошения, «отводные» акты, повестки, обязательства по поставкам и др. 34 л.

26 (733). Истомин Макар Афанасьевич. Бумаги, связанные с его общественной деятельностью в должности верхнеборецкого сельского старосты. 1894—1902 <?> гг. 43 л.

27 (734). Деловые бумаги Истомина Макара Афанасьевича (расходные записи, списки крестьян, нарядные, долговые и т. п. записи). 1896—1918 гг. 154 л., 1 конверт.

28 (735). Истомин Андрей Макарович. Записная книжка в бытность его на военной службе. Ок. 1902 г. 51 л.

29 (736). Истомин Павел Прокопьевич. Личные его документы и деловые бумаги. 1905—1920 гг. 9 л.

30 (737). Истомин Яков Макарович. Личные его документы и деловые бумаги. 1917—1941 гг. 4 л.

31 (738). Истомина Александра Яковлевна. Личные ее документы и деловые бумаги. 1929—1964 гг. 8 л.

**Семейный архив (переписка и деловые бумаги)
крестьян Задоринных (д. Задориха, с. Борок)**

32 (739). Книга записей о сборе налогов и податей семьи Задоринных. 1890—1916 гг. 27 л.

33 (740). Деловые бумаги Задорина Степана Тимофеевича (документы, связанные с его деятельностью на водном транспорте и др.). XIX в. (копец)—1920-е гг. 49 л., 4 конверта.

34 (741). Задорин Степан Тимофеевич. Письма к матери Ирине Емельяновне, сестре Марфе Тимофеевне, брату Ивану Тимофеевичу и др. родным. 1901—1924 гг. 8 л.

35 (742). Задорин Степан Тимофеевич. Письма к нему разных лиц. 1912—1915 гг. 12 л.

36 (743). Вошикова (Задорина) Анна Тимофеевна. Письма к матери Ирине Емельяновне и невестке Александре Ивановне Задориной. 1906—1938 гг., 8 л., 1 конверт.

37 (744). Деловые бумаги, документы и записные книжки Задорина Ивана Тимофеевича. 1900-е—1932 гг. 157 л.

38 (745). Задорин Иван Тимофеевич. Письма к брату Степану Тимофеевичу, матери Ирине Емельяновне, жене Александре Ивановне и др. 1912—1938 гг. 26 л., 2 конверта.

39 (746). Задорина Александра Ивановна. Письмо к мужу Ивану Тимофеевичу. 1930-е гг. 1 л.

40 (747). Задорина Александра Ивановна. Письма к ней разных лиц. 1938—1946 гг. 13 л., 4 конверта.

41 (748). Письма разных лиц к разным адресатам, находившиеся в архиве Задоринных. 1911—1924 гг. 8 л.

42 (749). Документы, связанные с деятельностью колхоза с. Борок. 1931—1949 гг. 8 л.

43 (750). Деловые бумаги (списки крестьян, протоколы колхозных собраний, письмо с фронта и др.) из архива Шукшиной Марии Николаевны (д. Городок, с. Борок). 1923—1941 гг. 6 л.

44 (751). Картографические материалы.

1. План на устройство д. Большой Шипуновской Борецкой вол. 1854 г. 34×55,5 см, акварель.

2. План на устройство д. Хохловской Борецкой вол. 1855 г. 33,5×55,5 см, акварель. На плане нанесены усадьбы крестьян Г. и Д. Пестовых.

3. План выкупленных земельных участков в д. Островской Борецкой вол. крестьянок Д. Г. Шипуновой и М. С. Чуркиной. 1882 г. 55×68 см, акварель. К плану приложена печать борецкого сельского старосты.

4. План выкупленных земельных участков в д. Хохловской вдовы крестьянки Пестовой К. А. 1882 г. 55×67,5 см, акварель. Приложена печать борецкого сельского старосты.

Рукописные книги

45 (752). **Минья служебная** (октябрь), XVII в. (начало), в 4-ку, 387 л., полуустав, без переплета. Согласно старой карандашной пагинации недостает первых семи листов; согласно старой нумерации тетрадей недостает первой тетради (8 л.), последние листы утрачены (нет конца службы 31 октября). На л. 344 об. карандашная помета: «Титов. Вакорин». В оформлении рукописи использована киноварь. Л. 369—377 в блоке не закреплены.

46 (753). «**Просветитель**» **Иосифа Волоцкого**, XVII в. (20—30-е гг.), в 4-ку, 441 л. Полуустав (л. 1—345 об., 361—400 об.) и скоропись (л. 346—360 об., 401—441); переплет — доски, обтянутые тисненой кожей, с двумя медными застежками, корешок разбит. На л. 1 запись рукой писца: «А творца книги сея имени не написано в книге сей, а пишет о нем в царственной степенной книге, что творец ей был Иосиф игумен монастыря Волоколамского». На л. 5 запись полууставом первой половины XIX в.: «А Иосиф Волоколамский по летописным святцам преставился в 7024 (1515 г.) году сентября 9-го. До Никонова настатия скончался». На нижнем форзаце запись скорописью XIX в.: «Читал сию книгу». На полях многих листов и на л. 441 об. читательские примечания скорописью и полууставом XIX в. к тексту (на л. 286 об. с датой 1894 г.). Заглавия и буквицы киноварные; на л. 5, 109, 263 киноварные инициалы растительного орнамента. Л. 85—88 об. без текста.

С о д е р ж а н и е: Слово Козьмы Пресвитера на еретиков; «Просветитель» Иосифа Волоцкого (Соловецкий извод первой редакции по Я. С. Лурье).

47 (754). **Сборная рукопись**, XVII в. (60—70-е гг.)—XIX в. (40—50-е гг.), в 4-ку, 115 л., полуустав и скоропись нескольких почерков; переплет картонный с матерчатым корешком. Л. 1—12 переписаны полууставом 40—50-х гг. XIX в.; л. 13—115 — на бумаге 60—90-х гг. XVII в. В оформлении рукописи использована киноварь. На л. 81 об. пробы пера и плохоразличимые записи. На л. 115 об. пробы пера и записи: «Сия книга списана глаголемая Цъветник лета от [со]здания мира 7183 г., от рож[е]ства Христова 1674 г.»; «А переплетена 7342 г. от Адамова лета, а от рожества Христова 1834 года, месяца июля 2 числа». На л. 107—113 видны остатки скрепы, обрезанной при переплетении рукописи. Л. 105—106 в блоке не закреплены.

С о д е р ж а н и е: Житие Алексея человека Божия; Слово Афанасия Александрийского о святой Пасхе; Житие и Слово похвальное Козме и ДамIANу; «Поучение от отца духовнаго» о праведном житии; «Поучение духовнаго отца. . . о мятежи жития сего временнаго»; Молитва Исусу Христу; Слово Евсевия Самосадского о сошествии Иоанна Предтечи в ад; Повесть о видении Козьмы игумена; Повесть об Удоне, епископе Магдебургском.

48 (755). **Сборная рукопись**, XVII в. (50—80-е гг.), в 8-ку, 94 л., полуустав трех почерков; переплет XIX в. — доски в коже с тиснением, с двумя металлическими застежками. Первая часть — почерком середины XVII в. (л. 1—22, 66—90), вторая часть — двумя почерками 70—80-х гг.: XVII в. (л. 23—58 об. и 59—64 об.). Рукопись дважды реставрировалась в начале XVIII в. и в середине XIX в. Л. 91—94 написаны тем же почерком середины XIX в., что и на реставрированных листах. Л. 22 об., 90 об., 94 об. без текста. В оформлении текста использованы киноварь и охра.

С о д е р ж а н и е: Служба Ангелу хранителю; Служба Благовещению Богородицы; Служба Покрову Богородицы; Служба Рождеству Исуса Христа.

49 (756). **Сборник богослужебный**, XVIII в. (первая треть), в 16-ю долю листа, 225 л., полуустав нескольких почерков; переплет — доски

в коже с тиснением, застежки не сохранились. Л. 204—223 переписаны почерком третьей четверти XIX в. В оформлении текста использованы охра и киноварь; на л. 19, 37, 131, 185 заставки пером и красками. Л. 1—2, 36, 223—225 без текста. Л. 57 не закреплен в блоке.

С о д е р ж а н и е: Служба Всемилостивому Спасу; Служба Кресту; Служба Богородице Тихвинской; Служба Богородице Одигитрии; Служба Богородице Казанской; Служба Богородице Владимирской; Молитва Богородице; Служба Богородице Знамению; Служба Николаю Чудотворцу; Служба Макарию Желтоводскому; Евангельские чтения.

50 (757). **Житие Андрея Юродивого**, XVIII в. (конец), в 4-ку, 265 л., полуустав; сохранилась нижняя крышка переплета (доска в коже с застежкой). На л. 265 об. записи скорописью XIX в.: «Милостиву государю книга божественная урок Григорей Ноивы <?>» и скорописью нач. XX в.: «Сия книга Матвеева Федора Василь». На л. 78, 97, 151 карандашные пометы у заголовков: «оставить». Заголовки и буквы выполнены охрой.

51 (758). **Псалтырь с воследованием**, XVIII в. (конец), в 4-ку, 100 л., полуустав; переплет — доски в коже с тиснением (верхняя доска и застежки утрачены). Л. 96—99 вставлены в конце XIX в. На нижнем форзаце помета: «Пинеской». На л. 100 об. незавершенные изображения пером «Спаса на престоле» и двух святых. В оформлении рукописи использована киноварь; перед началом каждой кафизмы примитивная заставка пером. Начальные листы рукописи (до середины 2-й кафизмы) утрачены.

52 (759). **Сборник**, XVIII в. (конец)—XIX в. (начало), в 8-ку, скоропись, без переплета. На л. 1 помета почерком нач. XIX в.: «1812-го года»; запись: «Книга дана из Архангельской духов[ной] канцистории для записки под под<?> и въпротшем 1812-го года». На л. 1 об. запись: «Книга стоит 25 ко[п.], дана потина <так!>, невзначей дал парень, не знал тоог <так!>, не дал уму. Писана книга Василию Сокову 1818 года ноере <так!> 8 дине <так!> и работали ей во фыториник <так!>, нихто не знал, шитобы домашины ти не зали<?> так». На л. 2 запись карандашом: «Иван».

С о д е р ж а н и е: Слово «о лентящихся и нерадивых и о праведных трудах и о спасении своем»; Чин погребения; Молитва кресту.

53 (760). **Сочинение, направленное в защиту старообрядческих мнений против опровержения их в книгах «Обличение», «Жезл» и др.**, XIX в. (начало), в 4-ку, 223 л., полуустав; переплет — доски в коже с тиснением, застежки утрачены (верхняя доска от другой книги). На л. 1 об. запись скорописью XIX в.: «Книга о христианском звании и о прочих церковных преданиях». Заголовки и буквы киноварные. На л. 14а акварельное изображение креста. Сочинение написано не ранее 1806 г. (см.: Дружинин В. Г. Писания русских старообрядцев. СПб., 1912. С. 446, № 769). Л. 1 не закреплен в блоке.

54 (761). **Сборник полемический**, XIX в. (10—20-е гг.), в 4-ку, 250 л., скоропись; переплет — доски в коже с тиснением (застежки утрачены). На полях имеются многочисленные пометы карандашом и чернилами, относящиеся к текстам сборника. На л. 1 об. карандашом — календарные вычисления.

С о д е р ж а н и е: Иван Алексеев. «Титин»; Послание Мелетия, патриарха Александрийского князю Василию Острожскому, 1596 г.; Анонимное сочинение «О главных отступлениях церкви»; «Предызвещенные величества между древними и настоящими преданиями потребно»; «Задание от некоего, кратко собранное из словес прореченных, о вечности церкви и священства»; «Разговор от разума Спиридона Иванова с Федосеевым».

55 (762). **Псалтырь с воследованием**, XIX в. (10—20-е гг.), в 16-ю долю листа, 146 л., полуустав; переплет работы И. С. Точилова — доски в коже с тиснением (верхняя доска, застежка и часть корешка утрачены). На нижнем форзаце помета: «1888 года». Заставки, концовки и буквы

растительного орнамента, выполнены чернилами и охрой. Листы в начале рукописи и между л. 126 и 126а, 134 и 135 утрачены.

56 (763). **Отпусты**, XIX в. (20-е гг.). в 8-ку, 18 л., поморский полуустав, сохранился нижний лист бумажной обложки. В оформлении текста использована киноварь.

57 (764). **Служба пасхальная**, XIX в. (20—30-е гг.), в 8-ку, 21 л., без переплета. В оформлении текста использована охра. Часть л. 1 оборвана, часть текста на л. 1 и 2 смыта водой.

58 (765). **Чин погребения**, XIX в. (вторая четверть), в 8-ку, 6 л., полуустав; переплет картонный с матерчатым корешком. Заголовки и буквы выполнены охрой. Конец рукописи не сохранился.

59 (766). **Азбука**, XIX в. (вторая четверть), в 8-ку, 16 л., полуустав, в бумажной обложке. В оформлении рукописи использована киноварь. На л. 1, 1 об., 7 примитивные заставки пером.

60 (767). **Обиходник** (фрагмент) на крюках, XIX в. (30—40-е гг.) в 4-ку, 36 л., полуустав; переплет картонный, оклеенный зеленой бумагой, корешок матерчатый. На обложке запись шариковой ручкой: «Сия книга, Обряд. Обиход. Сия книга Обиход». На л. 36 об. чернилами — изображение певческой лестницы; здесь же проба пера и записи: «Конец. Помилуй Бог». Столовое знамя с киноварными пометами, раздельноречие.

61 (768). **Сборная рукопись**, XIX в. (30—90-е гг.), в 8-ку, 94 л., полуустав трех почерков; переплет — картон в коже (верхняя крышка утрачена). Первая часть рукописи (л. 1—22, 25—82) — 30-х гг. XIX в., вторая часть рукописи (л. 83—94) — 60-х гг. XIX в., третья часть (л. 23—24) — конца XIX в. В оформлении рукописи использована киноварь. На нижний форзац использован фрагмент документа начала XIX в., в котором упоминаются «Афанасьевской боярщины» сельской выборный «Доримендонт Рухлов, сотский Михаил Меньшиков, Петр Никулин, Петр Калинин, Осип Вежливцев, Герасим Чупров, Иван Шукшин, Осип и Никита Ермолины». На л. 1 выцветшие записи. На л. 12 об. записи начала XX в.: «Тата купил Ване часы и шарф»; «Тата мама есть захотели и залезл на мамашу»; на л. 23 об.: «Вася у Аннь»; на л. 62 об.: «1935 года куря яиць домой не носила, а в люди клала все лето».

С о д е р ж а н и е: Часовник; «Правила святых отец» (выписки из книги «Зонар»); Тропарь «за здраваго» человека; Слово инока Захария к ученику своему Евфимию об антихристе и о прелести его; Слово Ипполита папы римского о последних временах; Выписки из сочинений Никона Черногорца; Чин погребения.

62 (769). **Азбука**, XIX в. (60—90-е гг.), в 8-ку, 22 л., крупный полуустав; на обложку использован крестьянский документ XIX в. с перечнем подписавших его лиц (верхняя часть оборвана). В оформлении текста использована красная тушь. На л. 1, 2 об., 5 об., 8 об. примитивные заставки пером. Л. 1 об.—2 без текста.

63 (770). **Устав о христианском житии**, 1868 г. (по пасхалии), в 8-ку, 234 л., полуустав; переплет — доски в коже со следами одной застежки. На л. 234 запись: «Сей Устав Марфы Павловны Назары[ной] передан крестьян[ину] Афанасию Демидову Истомину 1874 года февраля 12 дня» (почти дословно запись повторена на л. 234 об.). Возможно, к прежней владелице рукописи относится и запись на л. 234: «Тетка Марфа умерла 1874 года февраля 11 дня». Владельческая запись нового обладателя Устава есть на л. 232 об.: «Афанасий Демидов Истомин руку приложил». На л. 233 карандашные записи его рукой дат рождения детей, на л. 233 об.—234 поминальные записи карандашом и чернилами. Заставки растительного орнамента на л. 32 и 140 и небольшие геометризованные заставки в начале месяцев выполнены чернилами. В оформлении текста использована киноварь. Есть своя полистная и тетрадная пагинация (л. 1, 4—6 по счету рукописи утрачены). Рукописи этого же почерка и оформления см.: Сдв., № 262, 305, 490—491 и др.

64 (771). **Сборник рецептов по домоводству**, XIX в. (последняя четверть), в 8-ку, 32 л., скоропись; обложка бумажная. На верхней обложке выцветшая запись.

С о д е р ж а н и е: Рецепты по изготовлению олифы, лака, сургуча, зеркал, киновари и чернил для письма, по чистке старых картин и т. д.

65 (772). **Чин исповедания**, XIX в. (последняя четверть), в 8-ку, 47 л., полуунав, переплет картонный. В оформлении текста использована киноварь. На л. 8 киноварный заголовок вязью. Имеются примечания и исправления к тексту карандашом и шариковой ручкой. Л. 4 об.—7 об. без текста.

66 (773). **Азбука**, XIX в. (последняя четверть), в 8-ку, 18 л., полуунав; переплет картонный с матерчатым корешком. На л. 1 карандашная помета: «1888». На л. 2 карандашная запись полуунавом: «Цена в листах 23 копейки серебром». Для верхнего и нижнего форзаца, л. 1 и 18 использованы листы из хозяйственной книги XVII в. В оформлении текста Азбуки использована охра. На л. 2, 2 об. заставки пером растительного орнамента.

67 (774). **Молитва кресту**, XIX в. (последняя четверть), в 4-ку, 1 л., полуунав. В начале текста киноварная букваца.

68 (775). **Сон Богородицы**, 1891 г., в 8-ку, 21 л., скоропись; обложка бумажная, отстает от корешка. На внутренней стороне нижнего листа обложки карандашная запись конца XIX—начала XX в. с перечислением святых-заступников. На л. 1 рукой писца: «1891 года 10 февраля». На л. 13 запись 1913 г. с описанием фенологических явлений и последовательности сельскохозяйственных работ с 6 апреля по 30 сентября. На л. 13 об. запись скорописью начала XX в.: «росходу 138 ру[б]. 19 ко[п]». На л. 8 школьные арифметические подсчеты и запись первой половины XX в.: «Истомин Коля Яковлевич, примеры Истомина Николая Яковлевича». Л. 7 об., 9—12 об., 15—21 об. без текста.

69 (776). **Азбука**, XIX в. (конец), в 8-ку, 16 л., полуунав, без обложки. На л. 1 и 16 об. текст выцвел. На л. 1 об. примитивная заставка пером. В оформлении текста использована охра.

70 (777). **Служба Николе Чудотворцу**, XIX в. (конец), в 8-ку, 4 л., полуунав, без обложки. На л. 1 примитивная заставка. В оформлении рукописи использована охра. Конец утрачен.

71 (778). **Сборник**, XIX в. (конец)—XX в. (начало), в 8-ку, 38 л., скоропись; переплет картонный, покрытый тканью. На внутренних сторонах переплета чернильные штемпели с изображением А. С. Пушкина.

С о д е р ж а н и е: Сон Богородицы; Хожание Богородицы по мукам; Сказание о двенадцати пятницах; Слово Димитрия Ростовского о памяти смертного часа.

72 (779). **Канон за умерших**, XIX в. (конец)—XX в. (начало), в 8-ку, 13 л., полуунав, обложка бумажная. На верхнем листе обложки запись: полуунавом: «Сия книга принадлежит Ивану Иоакимовицу Истомину» (повторена карандашом). В оформлении текста использована охра.

73 (780). **Синодик**, XX в. (начало), в 4-ку, 27 л., полуунав П. М. Амосовой <?>; переплет картонный, оклеенный серой бумагой, с матерчатым корешком; по словам П. М. Ермолиной (д. Фалюки, с. Борок), переплет работы Андрея Степановича Засухина. На л. 1 карандашная запись: «Сей Синодик Афанасия Деомидова Истомина получен 17 мая 1910 года от Пелагии Матфеевны Амосовой». В оформлении рукописи использована киноварь. Л. 27 не закреплен в блоке.

74 (781). **Святцы лицевые**, XX в. (начало), в 4-ку, 6 л., полуунав; переплет картонный, оклеенный серой бумагой, с матерчатым корешком; по словам П. М. Ермолиной (д. Фалюки, с. Борок), переплет работы А. С. Засухина. На верхнем форзаце карандашом пометы: «Истомин Николай Яковлев. Истомин. Пестов». Изображения в Святцах выполнены тремя красками.

75 (782). **Служба мученику Уару**, XX в. (начало), в 4-ку, 8 л., небрежный полуустав, обложка бумажная. В оформлении рукописи использованы красные чернила.

76 (783). **Богородичны**, XX в. (начало), в 4-ку, 8 л., полуустав двух почерков, без переплета. Почерк на л. 1 об.—8 об. Максима Останина (о нем см.: Б у д а р а г и н В. П. Северодвинская рукописная традиция и ее представители // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 403). В оформлении рукописи использованы киноварь и фиолетовые чернила.

77 (784). **Сборник старообрядческий**, XX в. (10-е гг.), в 4-ку, 11 л., полуустав, без обложки. Писец М. М. Останин. В оформлении текста использованы красные чернила. Л. 2 об., 8 об.—9 об. без текста.

С о д е р ж а н и е: Постановление Московского собора старообрядцев-беспоповцев 1908 г. по уставным вопросам; Послание Фотия, патриарха Константинопольского, «ко архиепископу Аквилевлю венецийскому о Святом Дусе»; Выписка из книги Павла Любопытного о сочинении Андрея Денисова «О винах свойственных»; Сочинение Андрея Денисова «О винах свойственных»; Рассказ (без начала) об обращении из старообрядчества бегуна Никиты Семенова (Меркурия Семеновича Киселева) в 1854—1855 гг.; Послание (без начала) инока Анбургской пустыни Иосяфа Алексию Яковлевичу об уставных спорах 1801 г.

78 (785). **Мартиново увещание**, XX в. (первая четверть), 19 л., в 8-ку, небрежный полуустав; переплет картонный, корешок и уголки кожаные. Текст «Увещания» без конца. На л. 1—1 об. переписано небольшое сочинение «Оптека духовная». В оформлении рукописи использованы красные чернила.

79 (786). **Сон Богородицы**, XX в. (50-е гг.), в 4-ку, 12 л., скоропись, в школьной тетради. На обложке владельческая запись: «Ануфревай <так!> Марей Ивановн <так!>». Л. 7 об.—12 без текста.

80 (787). **Хождение Трифона Коробейникова** (с добавлением), XVIII в. (40-е гг.), в 8-ку, 92 л., полуустав и скоропись (л. 87—90); переплет — доски (верхняя крышка наполовину сколота) со следами одной застежки. На л. 90 об.—92 об. многочисленные пометы типа «проба пера», принадлежащие, в роятно, Ивану Шукшину, имя которого есть на л. 91 об. («К сей записке свидель <так!> Иван Шукшин руку приложил») и л. 92. На л. 89 об. имеется дата: 1758 г.; на л. 92 запись: «Сея книга Топецкой волости Осерецкой боярщины крестьянина. . .»; ниже: «Коронование ея императорского величества императрице Елисаветы Петровны, самодержицы всероссийской». На л. 90 об. изображение тельца и двуперстия. Инициалы в тексте выполнены чернилами. Тексты на л. 87—90 переписаны Иваном Шукшиным. Почерк основной части рукописи см. также: Сдв., № 508.

Д о б а в л е н и е: Слово Иоанна Златоуста о играх и плясании (из Пролога, 24 марта); Послание первое апостола Павла к Тимофею (зач. 284).

81 (788). **Фрагменты рукописей**, XIX—XX вв.

А. А. САВЕЛЬЕВ, Н. В. САВЕЛЬЕВА

Пинежская экспедиция 1988 г.

В августе 1988 г. состоялась очередная совместная археографическая экспедиция Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР и Ленинградского государственного университета в Пинежский район Архангельской области. В работе экспедиции принимали участие: аспирантка Отдела древнерусской литературы ИРЛИ Н. В. Савельева (руководитель), сотрудник ОРК НБ ЛГУ А. А. Савельев, выпускник семинара по древнерусской литературе Н. С. Демковой, ныне преподаватель-словесник одной из ленинградских школ С. В. Федоров и студентка IV курса филологического факультета ЛГУ О. В. Бударagina.

Предыдущие пинежские экспедиции (с 1985 г. они проходили ежегодно) обследовали районы среднего течения реки Пинеги от Карпогор до Суры и приносили неплохие результаты.¹ Мы поставили перед собой несколько иную задачу: еще раз побывать в населенных пунктах, расположенных по берегам притока Пинеги — реки Покшеньги и нижнему течению Пинеги от Карпогор до Чаколы. Экспедиции, работавшие ранее в этих местах, не отличались большим количеством находок, но поскольку последняя из них состоялась 9 лет назад,² такое контрольное обследование было все же необходимым.

В результате поездки мы пришли к следующему выводу: наследие некогда богатой книжно-рукописной традиции Пинежья не распространилось равномерно по всей Пинеге. Очевидно, несмотря на миграцию владельцев по району, следует признавать факт закрепления рукописей и старопечатных книг за местами их первоначального бытования. Вполне закономерно, что большинство привезенных с Пинеги рукописей (а сейчас в Древлекохранилище им. В. И. Малышева их насчитывается 759 ед. хр.) найдены в населенных пунктах среднего течения реки: в Кевроле, где находился знаменитый Кеврольский стан — место первых поселений новгородцев, где была единая для пинежан и мезенцев приказная изба; в Верколе и Суре — в этих местах наряду с официальной церковной традицией, поддерживаемой Веркольским и Сурским монастырями, существовала также и старообрядческая традиция. В Суре, например, еще в 20-х гг. нашего столетия действовала старообрядческая молельня австрийского согласия.³ По-видимому, древняя богатая книжная традиция была и в других деревнях среднего течения Пинеги — в Церковой Горе, Айновой Горе, Еркино, Кушкопале. Рукописи XVI—XVII вв. из этих мест дошли до нашего времени в составе крестьянских библиотек (например, библиотека церковных крестьян Поповых), в том числе и библиотека старообрядческих наставников. Все это еще раз убеждает в том, что

¹ Отчеты о работе этих экспедиций см. в 42, 43 и 44 тт. ТОДРЛ.

² См.: Николаев Н. И. Пинежская экспедиция 1979 года // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 390—392.

³ См.: Николаев Н. И., Савельев А. А., Федоров С. В. Пинежская экспедиция 1981 г. // ТОДРЛ, Л., 1985. Т. 39. С. 453.

основным исходным пунктом при планировании археографических экспедиций в тот или иной район должно быть историческое обоснование возможности нахождения там материалов книжно-рукописной традиции.

Работа нашей экспедиции началась в деревнях Кобелевского сельсовета, расположенных по берегам реки Покшеньги. Однако здесь в большинстве случаев приходилось сталкиваться с явлением, точно определенным Н. И. Николаевым как «вторичное скопление синодальных изданий»: ⁴ те бабушки, которые умеют читать «по-славянски», бережно хранят у себя завязанные в платочек Псалтырь, Часовник и учебники, в основном оставшиеся у них со времен обучения в церковно-приходской школе или доставшиеся им от грамотных соседок, и в лучшем случае одно-два издания Преображенской типографии. Единственной рукописной находкой из этих мест стала Псалтырь с воследованием 3-й четверти XIX в. (№ 741), ⁵ переданная М. Г. Поповой, жительницей д. Красное.

Столь же малоутешительным осталось и обследование деревень нижнего течения Пинеги — Березник, Марьино Гора, Пиринемь, Шотогорка. Лишь в Березнике П. К. Манухина подарила нам благодарственное письмо иеромонаха Веркольского монастыря Евгения с братиею Артемию Петровичу Манухину, датированное августом 1917 г. (№ 755), и Канон за единоумершего, переписанный в 1922 г. ее отцом К. П. Манухиным (№ 757).

Несмотря на малочисленность находок в этих местах как нашей, так и прежних экспедиций нельзя все же утверждать, что книжной традиции здесь не существовало вообще. Скорее всего, она получила свое развитие позднее по сравнению с названными выше пинежскими деревнями. Конечно, в XVIII—XIX вв. сюда попадает все больше печатных изданий, но все же традиция переписывания книг, образцы которой мы имеем, существовала и здесь. Об этом свидетельствует и довольно редкая запись переплетчика, встреченная нами в одной из старопечатных книг. У Е. Ф. Манухиной (д. Березник) хранится Псалтырь с воследованием, изданная Московской Синодальной типографией в 1824 г., где среди различных хозяйственных помет на форзацах находится следующая запись: «Сию книгу переплетал Архангельской губернии Пинежского уезда Покшеньского прихода Георгиевской церкви исправляющий д(олжность) псаломщика Василий Матвеев Красильников 25 генваря 1878 году».

После работы в населенных пунктах нижнего течения Пинеги мы вернулись в районный центр — Карпогоры, и основные находки экспедиции были сделаны в последние дни в деревнях близ Карпогор. Н. П. Телицына из д. Ваймуша подарила рукописную Псалтырь конца XVIII в. (№ 732), а Анфиса Егоровна Нифантьева, уже не раз передававшая рукописи в Древлехранилище, — солдатскую записную книжку, где помимо отметок о прохождении воинской службы в 1910—1914 гг. содержатся записки Прокопия Николаевича Никифорова о первой мировой войне и его пребывании в германском плену. Две рукописи поступили из самих Карпогор — это переданные Р. Н. Патракеевой пастушеские заговоры (№ 743, 744). Они переписаны в конце XIX в. крылошанином карпогорской церкви Антоном Михайловичем Патракеевым, рукописание которого уже есть в Пинежском собрании Древлехранилища.

Большая часть находок сделана в д. Шотова Гора. Канон за единоумершего и Общий канон за умерших — рукописи XIX в. — передал М. Н. Москвин. С сожалением отметим, что хотя семья Москвиных имела довольно большую библиотеку старопечатных изданий и рукописных книг, две переданные нам рукописи — все, что осталось от этой библиотеки после обследования дома во время отсутствия хозяев «любителями старины» зимой 1987 г. От жителя той же деревни А. С. Кыркалова было

⁴ Николаев Н. И. Пинежская экспедиция 1979 года. С. 391.

⁵ Номер в скобках означает шифр рукописи Пинежского собрания Древлехранилища ИРЛИ.

получено пять рукописей конца XVIII—начала XIX в. (№ 733—737) и три старопечатные книги, в том числе и самая древняя находка экспедиции — Октоих, изданный в Москве в 1618 г. Все эти книги, так же как и два певческих сборника XVII в. (№ 559, 574), ранее подаренных А. С. Кыркаловым Древлехранилищу ИРЛИ, принадлежали библиотеке М. В. Тюлевой, начетчицы из Кевролы.

Почти все археографические экспедиции привозят различные по времени крестьянские документы. Не стала исключением и наша. Платежную книжку за 1875—1914 гг. передали М. Н. и Н. П. Богдановы из Немюги (№ 742), а жительница той же деревни А. Е. Першина — небольшой архив шотогорских крестьян Земцовских за 1854—1916 гг. Среди документов архива различные прошения крестьянских сходов, заемные письма, копии и подлинники приказов, а также любопытный текст охотничьего заговора от Ворона.

В результате Пинежской экспедиции 1987 г. Пинежское собрание пополнилось крестьянской библиотекой старообрядческого наставника из д. Айнова Гора Никиты Ивановича Мельникова. Н. И. Мельников не только собирал книги, отдавая предпочтение рукописным, но и сам переписывал древнерусские тексты. В этом году его дочь М. Н. Голенищева, живущая ныне близ Архангельска, передала еще один сборник его руки, в составе которого повести из Великого Зеркала, статьи из Пролога, патериков и других популярных в Древней Руси сборников.

Таким образом, наследие богатой рукописно-книжной Пинежской традиции до сих пор не иссякло. Даже наша не совсем удачная экспедиция пополнила Пинежское собрание Древлехранилища им. В. И. Малышева 28 рукописями XVIII—XX вв., а в ОРК НБ ЛГУ поступило 5 кириллических изданий XVII—XIX вв.

Ниже помещаем описание рукописных находок, составленное Н. В. Савельевой.

4 (732). **Псалтырь с воследованием**, XVIII в. (конец), в 4-ку, 188 л., полуустав одной руки; переплет — доски, обтянутые кожей с тиснением, корешок переплета реставрирован. На л. 188 записи скорописью: «Григорей Телицын помер 1888 года месяца июля 2-го дня», «Екатерина Телицына» померла 1893 года июля 4-го д(ня). На л. 188 об. запись карандашом: «Сия книга принадлежит граж. Ар. губ. Пинеж. уезда Никитинской волости Петру Михайловичу Телицыну». На нижнем форзаце скорописная запись: «Сия книга Псалтырь Федора Алек. Телицына». В оформлении текста использована киноварь.

2 (733). **Слово Иоанна Златоуста о познании христианина**, XVIII в. (конец), в лист, 2 л., полуустав.

3 (734). **Житие Кирилла Новозерского** (фрагмент), XVIII в. (конец), в лист, 1 л., полуустав.

4 (735). **Сборник**, XIX в. (начало), в 8-ку, 58 л., скоропись, без переплета. На л. 13 об. помета писца с датой 1805 г. На л. 25 зачеркнутая запись: «(Нрзб.) Прокопий Иванов сын руку при(ложил)». Содержит выписки из Краткой библейской истории, из Библии, Житие пророка Самуила.

5 (736). **Слово на Богоявление** (фрагмент), XIX в. (начало), в 8-ку, 6 л., скоропись.

6 (737). **Выписки из Библии**, XIX в. (начало), в 8-ку, 8 л., скоропись.

7 (738). **Сборник духовных стихов**, XIX в. (вторая четверть), в 8-ку, 9 л., скоропись. На л. 9 (он представляет собой фрагмент документа Петербургской портовой таможни 1834 г.) записи скорописью: «Крестьянин Петр Манухин руку приложил» (эта же запись повторена на л. 9 об.); «1852-го года генваря 15 Пинескаго уезда Михай(ловской) волости Шотогорскаго сельскаго общества дерев(ни) Сидоровской крестьянин». На л. 7 об. более поздней скорописью переписан отрывок текста об Иису-

совой молитве. Содержит духовный стих о Богородице, Плач Иосифа царевича, Стих о душе и др.

8 (739). **Деловые бумаги из архива Шотогорских крестьян Земцовских за 1854—1916 гг.** (18 ед. хр.). Содержит прошения крестьянских сходов, договорные росписи, хозяйственные расписки, заемные письма и другие хозяйственные документы.

9 (740). **Канон за единоумершего, XIX в.** (третья четверть), в 8-ку, 20 л., полуустав одной руки; переплет — доски, оклеенные бумагой. На л. 1 записи скорописью: «Книга сия. Книга Канун чия сия Марии Ивановой Москви(ной) 1881 год 21 ноября»; «Чия (так!) книга Николая»; «Сия книга крестьянина Николая Москвина 1882 году 21 декабря. Писал Анилофей Тимофеев Завернин». На л. 1 об. запись: «Канон за одного умершего 1882 года кре». На л. 20 об. и нижнем форзаце записи скорописью красными чернилами, в которых называются имена владельцев: Николай Константинов Москвин, Иван Константинов Москвин, Константин Васильев Москвин, Федот Родионов Чемакин. На л. 18 об.—20 чернилами и карандашом переписана молитва архангелу Михаилу. В оформлении текста использована охра.

10 (741). **Псалтырь с воследованием, XIX в.** (третья четверть), в 4-ку, 182 л., полуустав одной руки, без переплета. В оформлении текста использована охра. На отдельных листах встречаются орнаментированные буквицы и примитивные заставки геометрического рисунка, выполненные пером коричневыми чернилами. Текст Псалтыри дополнен Канонами за единоумершего и за умерших.

11 (742). **Платежная книжка за 1875—1914 гг.** крестьянина Кеврольского сельского общества, селения Немноужского Романа Егорова Богданова, в 4-ку, 28 л., подлинник, без переплета.

12 (743). **Пастушеский заговор.** 1880-е гг., в 8-ку, скоропись; писец — А. М. Патракеев.

13 (744). **Пастушеский заговор, 1889 г.,** в 8-ку, 10 л., скоропись; писец — А. М. Патракеев. На л. 8 об. запись: «Писал Антон М. Патракеев 5-го июня 1889 года».

14 (745). **Школьная тетрадь** ученика 2-го класса Ефима Суховерхова, 1889 г., в 8-ку, 8 л., скоропись.

15 (746). **Школьная тетрадь** ученика 2-го класса Григория Суховерхова, XIX в. (конец), в 8-ку, 20 л., скоропись.

16 (747) **«Счет израсходованных денег»** с 4 июня по сентябрь 1896 г., в 8-ку, 8 л., скоропись.

17 (748). **Письма (3)** Матвея Максимовича Земцовского с военной службы из с. Медведь Новгородской губернии родителям в д. Шотогорка Пинежского уезда (9 декабря 1899 г., 23 апреля 1900 г., 29 декабря 1901 г.), 6 л., скоропись.

18 (749). **Охотничий заговор от Ворона, XIX в.** (конец)—XX в. (начало), в 8-ку, скоропись, 2 л.

19 (750). **Канон за единоумершего и Общий канон за умерших, XX в.** (начало), в 8-ку, 43 л., подражание печатному шрифту одной руки; переплет картонный. В оформлении текста использованы красные чернила.

20 (751). **Сборник, XX в.** (начало), в 16-ю долю листа, 53 л., скоропись и подражание печатному шрифту одной руки; писец — Савва Кыркалов; переплет бумажный. На л. 1 примитивная заставка геометрического орнамента, выполненная чернилами. В текстах молитв, переписанных в сборнике, вместо «имярек» вставлено имя писца «Савва». Содержит молитвы Кресту, Богородице, архангелу Михаилу, Сон Богородицы, Святое письмо и др.

21 (752). **«Книжка для записи сборного леса»** братьев Кыркаловых, с 13 мая 1900 г., в 8-ку, скоропись руки служащего Л. Вехорева, записи сделаны карандашом.

22 (753). Письмо Григория Суховерхова матери из г. Яренска Вологодской губернии, 16 февраля 1909 г., 2 л., скоропись. Содержит просьбу о присылке годового паспорта.

23 (754). Солдатская записная книжка Прокопия Николаева Никифорова за 1910—1914 гг., в 8-ку, 16 л., скоропись; переплет бумажный (сохранилась только верхняя крышка переплета). Текст написан карандашом, в отдельных местах почти стерт. Помимо отметок о прохождении военной службы на л. 8 об.—14 об. находятся записки П. Н. Никифорова о первой мировой войне и его пребывании в германском плену.

24 (755). Письмо иеромонаха Веркольского монастыря Евгения с братией Артемию Петровичу Манухину, 8 августа 1917 г., 2 л., скоропись. В письме содержится благодарность адресату за вклад в монастырь 100 руб.

25 (756). Сборник, XX в. (20-е гг.), в 4-ку, 96 л., подражание печатному шрифту; писец — Никита Иванович Мельников; переплет бумажный, на верхней крышке надпись чернилами: «Книга для чтения». В оформлении текста использованы красные чернила. Содержит повести из Великого Зеркала, патериков, Пролога, главы из «Альфы и Омеги», слова Иоана Златоуста, аввы Дорофея и др.

26 (757). Канон за единоумершего, 1922 г., в 4-ку, 8 л., скоропись; писец — Козьма Петрович Манухин; переплет картонный с кожаным корешком. На верхней крышке переплета запись черными чернилами: «1922-го года. Сия книга название Канон принадлежит гр. дерев. Березника Козьмы Петровичу Манухину. Списывана с Канона 1922 года». На нижней крышке переплета запись скорописью коричневыми чернилами: «Писано переписано село Борисова барина толстого мужика просто.» Здесь же находятся различные хозяйственные пометы и дата: 30 марта 1917 г.

27 (758). Записная книжка, 1942 г., в 8-ку, 38 л., скоропись. Среди различных записей бытового содержания переписаны тексты Молитвы Кресту, Заговора на рыбную ловлю и др.

28 (759). Фрагменты пинежских рукописей (3), XVII—XX вв.

Г. В. МАРКЕЛОВ

Латгальская экспедиция 1988 г.

В июле 1988 г. в Древлехранилище Пушкинского Дома обратился кинорежиссер В. В. Дьяконов — автор известного документального фильма «Храм», посвященного русской православной церкви и с большим успехом прошедшего по экранам страны в год 1000-летия крещения Руси. В. В. Дьяконов приступил к собиранию материала для новой документальной ленты о современном русском старообрядчестве, поэтому фонды Пушкинского Дома, в которых собраны тысячи старообрядческих рукописей и книг, привлекли внимание кинорежиссера. Идея В. В. Дьяконова сделать фильм об этом сложном феномене русского быта и истории, живом явлении нашей действительности, о его драматической судьбе показалась нам заслуживающей всяческой поддержки. Надо ли говорить о том, что фильм о староверах, десятки поколений которых испытывали на себе всю мощь подавления и репрессий государственной машины, фильм о староверах как о хранителях национальных культурных традиций и духовного авторитета создавался впервые! Старообрядцы и их потомки доныне являются наиболее стойкими хранителями русской старины, а районы, заселенные старообрядцами, до сих пор представляются наиболее интересными и перспективными для археографических экспедиций. Было решено начать съемки в Прибалтике, где сохранилось много старообрядческих общин и интересных колоритных стариков-книжников.

Мне было предложено принять участие в киноэкспедиции в качестве консультанта, хорошо знакомого с людьми и со спецификой темы. Нам предстояла трудная, но увлекательная задача встретиться с удивительными людьми и постараться деликатно убедить их принять участие в киносъемках, расположить их к искреннему разговору. В глубине души я надеялся и на новые археографические находки.

В задачи данной статьи не входит описание всех перипетий и особенностей сложного и необычного быта киноэкспедиции. Во время трехнедельной поездки было немало трудностей и неожиданностей, но мне кажется, что поставленные задачи были нами выполнены, в чем будущие зрители фильма, я надеюсь, сумеют убедиться. Вкратце перечислю основные эпизоды съемок и назову людей, встречи с которыми не только составили материал для кинофильма, но и позволили совершить ряд ценных археографических находок.

12 июля мы начали свою работу в Вильнюсе, где была заснята беседа с И. И. Егоровым — председателем Высшего старообрядческого совета (ВСС) Литвы, нашим давним и хорошим знакомым. Затем киногруппа отправилась в Каунас, где с разрешения настоятеля местного старообрядческого храма И. И. Никитина были проведены киносъемки отдельных фрагментов праздничной службы на Преображение Господне, здесь же в храме были сняты обряд крещения младенцев, а также беседа с самим И. И. Никитиным — председателем Духовной комиссии ВСС. И. И. Никитин сделал подарок Древлехранилищу Пушкинского Дома — объеми-

стый рукописный Сборник XIX в., содержащий свыше 70 различных произведений (см. ниже № 455 описания).

Следующим объектом съемок стал храм 1-й старообрядческой общины на Новом строении г. Даугавпилса, где удалось снять исполнение местным хором духовных стихов и древних знаменных роспевов. Здесь же мы получили в дар рукописный Сборник XIX в. местного письма с владельческими и читательскими пометами латгальских крестьян-староверов (№ 453). В Даугавпилсе была отснята беседа с одним из старейших местных наставников, настоятелем Нидеркунской общины А. Г. Волковым.

Нельзя сказать, что наши киносъемки производились всегда легко и беспрепятственно. Наоборот, подчас людей приходилось долго убеждать в наших добрых намерениях, в нужности и полезности дела, преодолевать известный консерватизм и недоверчивость. А когда разворачивалась аппаратура, осветительные приборы, камеры, кабели, микрофоны и т. д., требовалось еще немало усилий, чтобы создать психологический комфорт и добиться спокойствия и искренности в беседах с людьми, столь далекими от кинематографа.

Из Даугавпилса киноэкспедиция отправилась в г. Резекне. В Резекненском районе находится одна из древнейших на территории Латгалии старообрядческих общин — Тискадская. Наставником в ней вот уже более 50 лет служит А. Т. Данилов. Беседа с ним стала едва ли не самым значительным эпизодом будущего фильма. Съемки проводились на уединенном хуторе, в яблоневом саду и во дворе у дома. А. Т. Данилов, известный книжник-начетчик, аскет, пользующийся исключительным духовным авторитетом у местных прихожан, буквально заворожил нас своей вдохновенной беседой-проповедью, которую удалось заснять на кинолентку. Среди прочего Анисим Тимофеевич показал нам и свое искусство книгописания: расположив рукопись на коленях (!), рядом перо и баночки с тушью, он написал несколько строк полууставом перед кинокамерой. Вся его полусогбенная фигура, завивающиеся кольцами седые волосы, долгополая одежда, книга на коленях казались сошедшими с древнерусских миниатюр. Книгописание — привычный труд сельского наставника, древняя непрерывная традиция духовного подвижничества.

Невдалеке от Тискад в д. Борисовка нам удалось заснять редчайший образец старинных русских звонов, в котором источником звука служит большая чугунная литая доска (по-местному «рейка»), подвешенная снаружи к башенке звонницы деревенского храма. По нашей просьбе два старика-звонаря с помощью специальных молотков воспроизвели обычные и праздничные звоны, отличающиеся особым мелодичным рисунком.

В Резекненском районе были приобретены несколько рукописей, пополнивших Латгальское собрание Древлехранилища. В д. Гурилишки от местного наставника А. Т. Квасова было получено в дар «Зерцало богословия» Кирилла Транквиллиона в списке XIX в. (№ 456). А. Т. Квасов также согласился сняться для нашего фильма.

Вдова известного книжника С. Т. Белова, наставника Обелишской общины, подарила нам несколько рукописей: Сборник поморского письма 1824 г. (№ 452), Октоих на крюках XIX в. (№ 457), Сборник местного письма начала XX в. (№ 458), полемическое сочинение «Законность и правильность бессвященнословно совершаемых браков» (№ 459), певческий Сборник на крюках (№ 461) и гектографическое издание сочинения Л. Ф. Пичугина об ожидающих чувственного антихриста (№ 460). В доме у К. В. Беловой хранится еще немало книг и рукописей из обширной библиотеки ее покойного мужа.

Дальнейшие съемки фильма проводились в Рижской Гребенщиковской общине. Здесь были отсняты крестный ход вокруг храма на праздник Успения Богородицы, богатый интерьер храма, библиотека («книжница») общины. Весьма содержательными были беседы с наставником общины И. И. Миролубовым и с молодым клирошанином Е. А. Григорьевым.

С любезного согласия последнего мы осмотрели переплетную мастерскую общины, где Григорьев занимается реставрацией пришедших в ветхость обцинных книг. Он же подарил Пушкинскому Дому интересный Сборник-конволют XVII в. (№ 451), содержащий сочинение русского автора Диомида Яковлева сына Серкова «Крипы селныя или цветы прекрасныя», русское сочинение против пьянства и «Руно орошенное» Димитрия Ростовского (Чернигов, 1691).

Всего за время этой необычной экспедиции мне удалось приобрести и доставить в Пушкинский Дом 11 рукописных книг XVII—XX вв., состав и содержание которых оказались весьма характерны для Латгальского собрания Дрeвлехранилища.

Съемки фильма в Прибалтике были завершены. Конечно, не все удалось снять, что хотелось; возможно, многое не войдет в фильм. В. В. Дьяконов продолжил съемки в Москве, Горьковской области, Белой Кринице, в Сибири и на Урале. А во время поездки по Прибалтике мне в который уже раз пришлось глубоко скорбеть о тех людях, которые несомненно украсили бы собой этот фильм, — о замечательных староверех-книжниках И. Н. Заволоко, Л. С. Михайлове, А. Л. Мурникове, А. Т. Бурове, П. Т. Стрелкове и многих других, которых уже нет в живых. Но как бы хотелось надеяться, что в целом русское старообрядчество никогда не станет «уходящим объектом» для документального кино.

Ниже публикуется описание находок 1988 г.

1 (451) * **Сборная рукопись-конволют**, XVII в. (последняя четверть), в 4-ку, 234 л., полуустав нескольких почерков; переплет не сохранился. На л. 234 приписка скорописью XVII в.: «Аще кто облечет на ся одяние выше своего сана, то таковий примет на себя от людей много срама».

Состоит из трех частей:

I. Л. 1—71. Печатный текст. Димитрий Ростовский, «Руно орошенное» (Чернигов, 1691). Здесь л. 5—8, 29—96 издания.

II. Л. 72—79. Поучение против пьянства (заглавие не вписано). Нач.: «Братия, не упивайтесь вином, в нем же есть блуд. . .» — русское сочинение. Полуустав. На л. 74, 77 плохо различимая филигрань — гербовый знак (XVII в., посл. четв.).

III. Л. 80—233. Серков Д. Я. «Крипы селныя или цветы прекрасныя». Сочинение в трех частях, последняя — в 44 главах. На л. 233 авторский акростих: «Диомид Я (ко) влев с(ын) Серков». Филиграни: герб Амстердама // «IWR» — типа: Д и а н о в а, № 191, знак 1685 г.; женщина в длинном платке — типа: Л а у ц а в и ч у с, № 71, знак 1693 г. Текст украшают 17 гравированных картинок XVII в., наклеенных на л. 86 об., 88 об., 91, 93 об., 95 об., 98—100, 103, 104, 107, 108, 109 об., 111, 112, 113 об.. Гравюры вырезаны из цельного листа,¹ изображают виды подвижничества («Лествица духовная»). Каждый сюжет сопровождается стихотворный текст (не Исаий ли Копинского?). На полях и между строк встречаются исправления и дополнения к тексту. Между л. 141 и 142 пропуск листов (по собственной пагинации, л. 234—243). С л. 134 первый полууставный почерк сменяется вторым. Имеются киноварные буквы. После «Предисловия к любезному читателю книги сей» следует оглавление трех частей (л. 83). Начало текста: «Различная великая учительства, яже во инех книгах сокровенна суть, zde же в книзе сей явленнейши. . .». Л. 264 без текста.

От Е. А. Григорьева (г. Рига).

2 (452). **Сборник**, 1824 г., в 4-ку, 221 л., поморский полуустав, заглавия киноварные, на л. 118 заставка в красках поморского орнамента;

* Цифра в скобках означает шифр рукописи Латгальского собрания.

¹ См.: Р о в и п с к и й Д. А. Русские народные картинки. Кн. 3. Притчи и листы духовные. СПб., 1881. С. 151—152, № 773.

переплет — доски в тисненой коже со следами двух застежек. На л. 1 помещен «№ 58». На л. 221 об. перечислены дни недели. Л. 1, 117, 221 без текста.

С о д е р ж а н и е: Месяцеслов (с пасхалией с 1824 г.), чины исповеди священникам, дьяконам, мирянам, вельможам, судьям, приказным, женам и детям, каноны по умершим, тропари, выписки об епитимиях из разных книг и др.

От К. В. Беловой (г. Виляны).

3 (453). **Сборная рукопись**, XIX в. (вторая четверть—середина), в 4-ку, 200 л., полуустав и скоропись нескольких почерков, часть заглавий киноварью; переплет картонный с матерчатым корешком.

Состоит из трех частей:

I. Л. 2—6. Полуустав, бумага без фабричных знаков, середины XIX в.

II. Л. 7—28, 100—198. Полуустав и скоропись в нескольких разновидностях одного почерка, бумага с фабричными датами «1828, «1836» и др. знаками.

III. Л. 30—98. Полуустав, бумага с едва видимыми штемпелями трех разновидностей (см. л. 57, 61, 69, 92), но с писцовой выходной пометой на л. 56 об.: «1853. С. К. З.». На л. 30, 41, 50, 57, 69, 75, 78 об., 81 об. 85 об., 89, 94, 105, 120 чернильные заставки грубого рисунка. Л. 87, 88, 99, 140, 141, 199, 200 без текста.

На многих листах рукописи имеются пробы пера и чернил, черновые начала писем и т. п. Пометы: «Писал крестьянин Варковской волости» (л. 1); «Сия стория кроме Варухи Обрамовой» (л. 6); «Аще кто хочет много знать, тому подобает мало спать, и по утру рано всгавать, и Бога на помощь призывать. Прилежностию и старанием преодолеваются все трудности. 1850 года марта 4 дня Антоний Иванов Михеев Ковнацкой» (л. 6 об.). Здесь же помета: «Крестьянин Филип Пещов». На многих листах пометы Антона Ивановича Краснечкова (Михеева?), крестьянина деревни Ковнацкой (Ковнацкой) мызы Прели помещика графа Борга (см. л. 21). На многих листах пометы крестьян Мины Ивановича и Артемия Миновича (л. 192 и др.). На л. 110 об.: «Тимофей Марков», на л. 128: «Швыхин», на л. 148: «Деревни Шамшурова Устин Кирилов, жена ево Авдотья Терентьевна». Кроме того, имеются пометы о смерти разных лиц и отдельные даты (1834—1890 гг.) и др.

С о д е р ж а н и е: Сказание о знамении Новгородской иконы Богородицы; Память Владимира Киевского; повести: о царице и львице; о Месите чародее; о милостивом человеке, продавшем себя в рабство ради Христа; о Григории папе римском; о бесе, оскверненном на блудном дворе; о славе небесной и о радости праведных вечной; мучения и памяти св. Варвары, Артемия Селевкийского, Федора Стратилата, Козьмы и Дамиана, Якова Презвитера, Георгия Великомученика и др.; слова: об обретении честного и животворящего креста; о некоей старице и постнице; о черноризе, давшем ризу нищему; о Созомоне Милостивом; о теле человечьи, о душе и о воскресении мертвых; толкование о страстях Христовых и кадиле; чтения из книги Иова и «от Исхода»; стихиры избранным святым и др.

4 (454). «Сказание о явлении ангела Господня в пустыне преподобному Макарию Египтянину», XIX в. (последняя треть), в лист, 3 л. полуустав, заголовок и буква красными чернилами, имеется орнаментальная заставка чернилами, без обложки, конец текста утрачен. Нач.: «Ходящу некогда преподобному отцу нашему Макарию по пустыни. . .».

№ 453—454, из библиотеки 1-й Даугавпилсской старообрядческой общины «На Новом строении».

5 (455). **Сборная рукопись**, XIX в. (последняя треть), в 4-ку, 633 л., полуустав и подражание печатному нескольких почерков: 1-й почерк — л. 1—2, 222 об.—223, 525—630; 2-й почерк — л. 3—44, 61—101, 113 об.—221; 3-й почерк — л. 45—60, 103—113, 224—488, 501—524; 4-й почерк —

л. 489—494; 5-й почерк — л. 495—500. На л. 3, 604 орнаментированные чернильные заставки, на л. 570 об. такая же концовка. Некоторые буквы орнаментированы. Л. 102, 631—633 без текста. Переплет — доски, покрытые тисненой кожей с двумя застежками. На л. 630 об. запись карандашом переплетчика (?) 1938 г. (?): «Сия работа Авима Николаевича Кудряшова». На верхнем форзаце дарственная Дрвелехранилищу Пушкинского Дома от наставника Каунасской общины, председателя духовной комиссии ВСС Литвы И. И. Никитина.

С о д е р ж а н и е: старообрядческие сочинения о Наполеоне-антихристе, о пятом апокалипсическом ангеле, об Иисусе Христе — основателе церкви, о признаках антихриста; послание некоего узника Ильи о Петре I — антихристе и др.; «Прение живота и смерти»; эсхатологические сочинения Ипполита папы римского, Исаяи сына Амосова, Иоанна Златоуста, Кирилла Александрийского, Палладия Мниха; сочинение «О разсечении человеческого естества» из Шестоднева; повести о царе Агее, о видении некоего мужа духовна в Москве в 1607 г.; жития Иоанна Куцника, Алексея человека Божия; повести из Великого Зеркала; Беседа трех святителей; видения Макария Египтянина; слова: о ризном украшении, о скуфье поповской, против языческих игрищ на Рождество, о почитании книжном, о почитании родителей, о взятии Царьграда; толкование неразумных словес псалтырных; главы из «Цветника» Дорофея Мниха; выписки из «Златоуста», «Измарагда», «Пролога» и др. книг.

От И. И. Никитина (г. Каунас).

6 (456). **Кирилл Транквилион. Зерцало богословия**, XIX в. (последняя треть), в 4-ку, 168 л., полуустав (письма Б. Голобова?), заголовки красными чернилами; переплет картонный с кожаным корешком. На верхнем форзаце запись: «Сия книга Зерцало богословия Якова Иванова Мочульскава, писано с переводу печатанной богословии от Адама лета 73. . .». Здесь же дарственная А. Т. Квасова 1988 г. На л. 133 читательские пометы на полях: «Зри, любезный читателю, что есть церковь Христова и каво родит. Церковь великороссийская в нынешняя времена бед и переследования от змия не имеют, а просто рещи процвела». На л. 168 по завершении текста приписано: «В. Golobow» (писцом рукописи?). На нижнем форзаце хозяйственные пометы.

От А. Т. Квасова (д. Гурилишки Резекненского района).

7 (457). **Октоих на крюках (с дополнениями)**, XIX в. (конец), в 4-ку, 152 л., полуустав, имеются киноарные заголовки и инициалы; переплет — доски, покрытые тисненой кожей с остатками двух застежек. Бумага без фабричных знаков. Л. 1 и 152 без текста. Столповое знамя с киноарными пометами, раздельноречие. На л. 89 варианты текстов с роспевами на полях карандашом. Развод фит в тексте.

С о д е р ж а н и е: Октоих со стихирами евангельскими, «достойно есть» на 8 гласов, стихиры на молебне «Святый боже» на греческом языке в славянской транслитерации.

От Беловой К. В. (г. Виляны).

8 (458). **Сборник**, XX в. (начало), в 4-ку, 38 л., гражданская скоропись, заголовки полууставом, красными чернилами; переплет картонный с дерматиновым корешком. К нижнему форзаду подклеен бланк расписания уроков на 190. . . г. Л. 38 без текста, на обороте его написан «церковный численник» и др. пометы. Бумага линованная с водяным знаком «Утвержденной правительством акционерной компании Рижской писчебумажной фабрики».

С о д е р ж а н и е: Челобитная Соловецкая пятая, выписки из «Поморские ответов», главы из жития Корнилия Выговского, повесть о патриархе Никоне, «Беседа увещательная к хранящим древлеотеческое православию», поучение «еже брад не брити», выписки об антихристе из разных книг, прошение из старообрядческого Успенского монастыря архиепископу

Астраханскому Никифору, выписки из романа Д. Я. Мордовцева «Великий раскол» и др.

От К. В. Беловой (г. Виляны).

9 (459). **«Законность и правильность безсвященнословно совершаемых браков»**. Старообрядческое полемическое сочинение в 14 главах против федосеевцев, XX в. (начало), в 4-ку, 174 л., полуустав, заглавия красными чернилами; переплет картонный с матерчатым корешком. Л. 1—6, 166—174 без текста.

От К. В. Беловой (г. Виляны).

10 (460). **Пичугин Лев Феокистович. «На ожидающих антихриста в самообразной одноличности с силою в буквальное время 42 месяца вселенского возобладания, воцарения и заклеяния 1500 миллионного народочисля»**, XX в. (начало), в 4-ку, 112 л., полуустав; переплет картонный. Бумага со штемпелем «Гончаров, № 6» в фигурной рамке (см.: К л е п и к о в. Штемпели. № 51, 1895—1906 гг.). Гектографическое издание. На л. 1 помета «I. Below, 1928 года 21 мая». Нач.: «Некто сызранский буквалист до безумия ревнует за будущий приход. . .».

От К. В. Беловой (г. Виляны).

11 (461). **Сборник певческий на крюках**, XX в. (начало), в лист, 130 л., полуустав, имеются киноварные заголовки; переплет — картон, покрытый крашеной тканью. Бумага без фабричных знаков. Л. 33 об.—34 без текста, многие листы утрачены, нет конца. Столповое знамя с киноварными пометами. Имеются указания на демество, большое демество, путь, «ин». Фиты разведены в тексте.

С о д е р ж а н и е: начало Обихода, Ирмологий, ирмосы на господские и богородичные праздники, богородичны догматики на 8 гласов, Триодъ постная и цветная.

От К. В. Беловой (г. Виляны).

**Библиографические дополнения к статьям в разделе:
Исследовательские материалы для «Словаря книжников
и книжности Древней Руси»**

Лаврецкий С. Ф.

Лит.: К о р б И. Г. Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.). СПб., 1906; М о р о з о в Б. Н. Из истории русской переводной научной и технической книги в последней четверти XVII—начале XVIII вв. (Архив переводчиков Посольского приказа) // Современные проблемы книговедения, книжной торговли и пропаганды книги. М., 1983. Вып. 2. С. 107—124.

Морозов Б. И.

Лит.: Л о б а н о в - Р о с т о в с к и й А., сост. Русская родословная книга. СПб., 1875. Т. 2. С. 128, № 104; Ц е х а н о в и ч А. А. «Всемирная хроника» Шеделя // Книжные сокровища. К 275-летию Библиотеки АН СССР. Л., 1990. С. 227—239.

Онуфриев А. З.

Соч.: Виршевая поэзия. (Первая половина XVII в.). М., 1989. С. 268—271, 448—449.

Спарвенфельд И. Г.

Соч.: S p a r w e n f e l d J. G. Lexicon slavonicum / Ed. by U. Birgegard. Uppsala, 1987. Vol. 1.

Лит.: B i r g e g a r d U. Johan Gabriel Sparwenfeld and the Lexicon slavonicum: His contribution to 17th century slavonic lexicography. Uppsala, 1985.

Терентий

Лит.: Е н и н Г. П. Писатель начала XVII в. протопоп Терентий и его сочинения о Смуте в рукописях Публичной библиотеки // Исследования памятников письменной культуры в собраниях и архивах Отдела рукописей и редких книг: Сб. науч. трудов. Л., 1988. С. 18—30.

Туптало Дмитрий

Изд.: За что бога благодарити. СПб., 1850 (перезд. СПб., 1853; 1890).

Лит.: В e r n d t M. Die Predigt Dimitrij Tuptalos. Studien zur ukrainischen und russischen Barockpredigt. Frankfurt; М., 1975; Ч и с л е н к о Н. Д. Сапфические ритмы в драмах Дмитрия Ростовского // Вестник Ленингр. гос. ун-та. Сер. истор. яз. и лит. 1976. № 29. С. 91—98; Д ы л е в с к и й Н. М. О гражданской позиции Дмитрия

Ростовского — проповедника и обличителя // *Paleobulgarica* (Старобългаристика). 1989. Год 13. Кн. 3. С. 99—109; Федотова М. А. 1) Образы предметного мира в прозе барокко (на материале ранних «слов» Дмитрия Ростовского) // Персонаж и предметный мир в художественном произведении: Межвуз. сб. науч. тр. Сыктывкар, 1988. С. 22—31; 2) К проблеме изучения проповедей Дмитрия Ростовского // Проблемы развития русской литературы XI—XX вв. Тез. науч. конф. молодых ученых и специалистов. Л., 1990. С. 11—12.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук. СПб., 1836. Т. 1—4.
- АИ — Акты исторические.
- АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в.
- БАН — Библиотека Академии наук СССР (С.-Петербург).
- Брикеев — С. М. Briquet. Les filigranes. Paris. 1907.
- ВИ — Вопросы истории.
- ВЛ — Вопросы литературы.
- ВМЧ — Великие Минеи Четьи (изд. Археографической комиссии).
- ВОИДР — Временник Общества истории и древностей российских. М., 1849—1857. Т. 1—25.
- ГАКО — Государственный архив Калининской области.
- ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).
- Герасимов — А. А. Герасимов. Филигрны XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963.
- ГИМ — Государственный Исторический музей (Москва).
- ГЛМ — Государственный Литературный музей (Москва).
- ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (С.-Петербург).
- ГНТБ СО — Государственная публичная научно-техническая библиотека
- АН СССР Сибирского отделения Академии наук СССР (Новосибирск).
- ГРМ — Государственный Русский музей (С.-Петербург).
- ГТГ — Государственная Третьяковская галерея (Москва).
- ДАИ — Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1846—1875. Т. 1—12.
- ЖМНО — Журнал Министерства народного образования.
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
- ЗІФВ — Записки Историко-филологического відділу Української Академії наук (Киев).
- ЗНТШ — Записки наукового товариства ім. Т. Г. Шевченка (Львов).
- ЗУНТ — Записки Українського наукового товариства в Києві (Киев).
- ИА — Исторический архив.
- ИЗ — Исторические записки.
- ИИФилФ — Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР (Новосибирск).
- ИМЛИ — Институт мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР (Москва).
- ИОЛЯ — Известия Отделения литературы и языка Академии наук СССР.
- ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук.
- ИпоРЯС — Известия по русскому языку и словесности Академии наук.

- ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР (С.-Петербург).
- КИХМ — Кирилловский историко-художественный музей-заповедник.
- Клепиков
Филигр. и штемп. — С. А. Клепиков. Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX веков. М., 1959.
- Клепиков
Шут — С. А. Клепиков. Бумага с филигранью «голова шута» (Foolscap) // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1963. Вып. 26.
- КЛЭ — Краткая литературная энциклопедия.
- КСИИМК — Краткие сообщения и доклады Института истории материальной культуры Академии наук СССР
- ЛЗАК — Летопись занятий Археографической комиссии. СПб.; Пгр.; Л., 1862—1929. Т. 1—35.
- Лихачев. Вод. зн. — Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899.
- ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР.
- МГАМИД — Московский главный архив Министерства иностранных дел СССР.
- МДА — Московская духовная академия.
- Мошин — V. A. Mošin i S. M. Traljič. Vodeni znakovi XIII i XIV. vijeka. I—II. Zagreb, 1957.
- НЛ, НЛЛ, НЛЛЛ, НЛЛЛЛ, НЛЛЛЛЛ, НЛЛЛЛЛЛ — Новгородские первая, вторая, третья, четвертая и пятая летописи.
- ОИДР — Общество истории и древностей российских при Московском университете.
- ОЛДП — Общество любителей древней письменности.
- ОЛЯ — Отделение литературы и языка Академии наук СССР.
- ПВЛ — Повесть временных лет.
- ПДП — Памятники древней письменности.
- ПДПИ — Памятники древней письменности и искусства.
- Пиккард — G. P i s s a r d. Die Ochsenkopf-Wasserzeichen. Findbuch II, 1, 2, 3 der Wasserzeichenkarteil Piccardim Hauptstaatsarchiv Stuttgart. Stuttgart, 1966.
- ППС — Палестинский православный сборник.
- ПЛ, ПЛЛ, ПЛЛЛ — Псковские первая, вторая и третья летописи.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
- РИБ — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией.
- СГГД — Собрание государственных грамот и договоров. М., 1813—1894. Ч. 1—5.
- СИЭ — Советская историческая энциклопедия.
- СОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук.
- СПб. ДА — Санкт-Петербургская духовная академия.
- СЛ, СЛЛ — Софийские первая и вторая летописи.
- Срезневский
Материалы — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893—1912.
- ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР.
- Тромонин — К. Тромонин. Изъяснение знаков, видимых на писчей бумаге . . . М., 1844.
- Хивуд — E. H e a w o o d. Water mainly of the 17th and 18th Centuries. Hilversum, the Pater Publications Society, 1950.
- ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов СССР (Москва).

- ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).
- ЦГИА — Центральный государственный исторический архив (С.-Петербург).
- ЦНБ АН УССР — Центральная научная библиотека Академии наук УССР.
- Черчилль — W. Churchill. Watermarks in Paper in Holland, England, France etc., in the XVII and XVIII Centuries and their interconnection. Amsterdam, 1935.
- ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.
- PG — J. P. Migne. Patrologiae Cursus Completus Graeca. Paris, 1858.

СОДЕРЖАНИЕ

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЧЛ.-КОР. АН СССР ВАРВАРЫ ПАВЛОВНЫ АДРИАНОВОЙ-ПЕРЕТЦ

<i>Лилачев Д. С.</i> (С.-Петербург). Вступительное слово	5
<i>Адрианова О. Н., Адрианова Л. Н.</i> (Москва). Воспоминания о Варваре Павловне Адриановой-Перетц	9
Покровская В. Ф. (С.-Петербург). К столетию В. П. Адриановой-Перетц	12
<i>Чистов К. В.</i> (С.-Петербург). Встречи и переписка с В. П. Адриановой-Перетц	15
<i>Гусев В. Е.</i> (С.-Петербург). О Варваре Павловне	19
<i>Рождественская М. В., Николаева Е. П.</i> (С.-Петербург). Об архивном наследии В. П. Адриановой-Перетц	21
<i>Соболев В. С.</i> (С.-Петербург). Отчет академика В. Н. Перетца о своей деятельности в первые годы революции (1918—1923)	30
<i>Дробленкова Н. Ф.</i> (С.-Петербург). В. П. Адрианова-Перетц о средневековых «энциклопедических» сборниках и поэтике	34
<i>Дмитриева Р. П.</i> (С.-Петербург). Значение исследований В. П. Адриановой-Перетц, посвященных «Задонщине»	39
<i>Серова И. Ю.</i> (С.-Петербург). Новые списки Повести о М. В. Скоинине-Шуйском	44

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ «СЛОВАРЯ КНИЖНИКОВ И КНИЖНОСТИ ДРЕВНЕЙ РУСИ»

Писатели и поэты XVII в.	47
Список сокращений	175

ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Прохоров Г. М.</i> (С.-Петербург). Глаголица среди миссионерских азбук	178
<i>Момина М. А.</i> (С.-Петербург). Проблема правки славянских богослужебных гимнографических книг на Руси в XI в.	200
<i>Моисеева Г. Н.</i> (С.-Петербург). Об участии И. Н. Болтина в работе над рукописью «Слова о полку Игореве»	220
<i>Седова Р. А.</i> (Москва). Служба митрополиту Петру	231
<i>Беловолова Т. Н.</i> (Украинская) (С.-Петербург). Ранняя редакция Жития преподобного Дмитрия Прилуцкого, вологодского чудотворца	249
<i>Савельева Н. В.</i> (С.-Петербург). Сказание о чудесах иконы Спаса Нерукотворного в Кузнецовской слободе	259
<i>Семьячко-Якунина С. А.</i> (С.-Петербург). «Повести о Тверском Отроче монастыре» и древнерусский свадебный обряд	273
<i>Руди Т. Р.</i> (С.-Петербург). Краткая редакция «Повесть об Ульянии Осорьиной» и «Обретение мощей преподобной Ульянии». (Текстологический анализ)	286
<i>Николаев С. И.</i> (С.-Петербург). Из истории польской сатирической литературы в России (XVII—первая половина XVIII в.)	305
<i>Лурье Я. С.</i> (С.-Петербург). Иван Грозный и древнерусская литература в творчестве С. Булгакова	315

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Водолазкин Е. Г.</i> (С.-Петербург). Хроника Амартола в вновь найденных списках	322
<i>Хрипков В. Ф.</i> (Талды-Курган Казахской ССР). «Хроника Иоанна Малалы» в составе Тихонравова его хрестоматии	333
<i>Яценко Б. И.</i> (Ужгород). О некоторых особенностях рукописи «Слова о полку Игореве»	351
<i>Творогов О. В.</i> (С.-Петербург). Принципы публикации текста «Слова о полку Игореве» в изданиях XIX в.	364

<i>Лобакова-Евсеева И. А.</i> (С.-Петербург). «Повесть о разорении Рязани Батыем» в новых редакциях XVII в.	379
<i>Проторов Г. М.</i> (С.-Петербург). Иоанн Кантакузин. Диалог с Иудеем. Слово пятое. (Славянский XIV в. и современные переводы)	390
<i>Олмстед Х.</i> (Бостон, Гарвардский университет). Кодикологические заметки о рукописных сборниках Максима Грека	399
<i>Казакова Н. А.</i> (С.-Петербург). Рассказы освобожденных русских полоняников	407
<i>Лавров А. С.</i> (С.-Петербург). «Летописец» Кариона Истомина	411
<i>Белоброва О. А.</i> (С.-Петербург). Об источниках миниатюр к сочинениям Николая Спафария 1670-х гг.	414
<i>Смилянская Е. Б.</i> (Москва). К вопросу о народной смеховой культуре XVIII в. (Следственное дело о «Службе кабаку» в комплексе документов о богохульстве и кощунстве)	435
<i>Носов С. Н.</i> (С.-Петербург). Проблемы истории русской культуры в трудах Н. Е. Андреева	439

ПО РУКОПИСНЫМ СОБРАНИЯМ

(Печатается под наблюдением В. П. Бударagina)

<i>Бобров А. Г.</i> (С.-Петербург). Экспедиция на Северную Двину 1988 г.	445
<i>Савельев А. А., Савельева Н. В.</i> (С.-Петербург). Пинежская экспедиция 1988 г.	456
<i>Маркелов Г. В.</i> (С.-Петербург). Латгальская экспедиция 1988 г.	461
Библиографические дополнения к статьям в разделе: Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси»	467
Список сокращений	469